Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ **Петербургѣ**, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—Фонтанка, 96 и
въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 14

28 Апрѣля 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. На заявкахъ. Отрывокъ. *Я. Я. Полферова.*
2. Горная полиція въ Олекминско-Витимской тайгѣ. *Я. С—а.*
3. Для будущаго. *—ова.*
4. Сибирскія письма: 1) Томскъ, 2) Канскъ, 3) Иркутскъ.
5. Очерки сибирской жизни.
6. Точки надъ і. *Бывшаго члена 2-й Думы.*
7. Обозрѣніе русской жизни.
8. Отрадныя мысли. *А. Алова.*
9. С.-Петербургское Сибирское собраніе.
10. Опроверженіе.

Ш—39

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

1943 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.
1912

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ

НА

„Сибирскіе Вопросы“

НА 1912 ГОДЪ

(Журналъ независимый, прогрессивный, посвященный защитѣ областныхъ интересовъ Сибири)

8-ой годъ изданія.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается
ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ СИБИРИ и РОССІИ
по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ**—Посохина и Макушина, въ **Иркутскѣ**—Макушина и Посохина, въ **Тюмени**—О. Ф. Невской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ**—М. П. Григоровской, въ **Читѣ** - гг. Цевелева и Борисова.

Адресъ редакціи и конторы журнала—С.-Петербургъ Сергіевская ул., 3.

Издатель **Вл. П. Сукачевъ**. Редакторъ **А. И. Иванчинъ-Писаревъ**.

050
С-34
12-14

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 14

28 апрѣля 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	На заявкахъ. Отрывокъ. *Я. Я. Полферова*	1— 5
2.	Горная полиція въ Олекминско-Витимской тайгѣ. *Я. С—а.*	6—42
3.	Для будущаго. *—ова.*	42—46
4.	Сибирскія письма: 1) Томскъ, 2) Канскъ, 3) Иркутскъ.	46—60
5.	Очерки сибирской жизни.	60—70
6.	Точки надъ і. *Бывшаго члена 2-й Думы*	70—76
7.	Обозрѣніе русской жизни.	76—83
8.	Отрадныя мысли. *А. Алова.*	83—86
9.	С.-Петербургское Сибирское собраніе	87—91
10.	Опроверженіе	91—92

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96
1912.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**

На заявкахъ.

(Отрывокъ).

Какой то весь короткій, съ бронзовымъ отъ загара лицомъ, подбородокъ котораго закрывался десяткомъ черныхъ, какъ смоль, и жесткихъ, какъ проволока, волосковъ, Муханъ суетливо хлопоталъ около закопченаго чайника, подвѣшеннаго на треножникѣ надъ пылавшимъ костромъ.

— Ой, бой-оппромой... Бульна сердитый!.. — громко произнесъ онъ, потирая ошпаренный палецъ.

— Что готово, Муханъ?—послышался отъ рѣки усталый голосъ.

— Хазаръ (сейчасъ) готопъ?—откликнулся Муханъ, гремя чайникомъ.

На пологомъ каменистомъ берегу небольшой горной рѣчки Кіяла-Бурта, на старомъ, грубомъ коврѣ, однимъ краемъ опустившимся къ самой водѣ, полулежалъ въ форменной тужуркѣ и высокихъ сапогахъ инженеръ Котловъ. Его усталые глаза все время были устремлены на рѣку, отсвѣчивавшую темными бликами на откосахъ, покрытыхъ рѣдкимъ камышемъ. Рядомъ, на большомъ камнѣ сидѣлъ, по наполеоновски скрестивъ руки, молодой представитель усть-каменогорскаго торговаго дома „Яшминъ и Сынъ".

Невдалекѣ возвышалась мѣловая гора Кіяла-Тюбе, поросшая мелкимъ кустарникомъ. Изъ-за вершины блестѣлъ полумѣсяцъ мечети-медрессе.

— Малъ-малъ готопъ... Чичасъ пасудамъ даемъ... Лепешкамъ, булкамъ даемъ... Аракъ-водкамъ... Все даемъ...— болталъ, коверкая русскую рѣчь, Муханъ, вынимая изъ погребца стаканы

и провизію. При этомъ онъ не преминулъ незамѣтно сунуть къ себѣ за пазуху нѣсколько кусковъ сахару и булку.

— Вѣдь, вотъ, все это чистая нефть... Видите, Парменъ Семенычъ?—произнесъ Котловъ, показывая рукой на большой темнобурый маслянистый кругъ, рѣзко выдѣлявшійся на бѣлѣсоватомъ фонѣ воды.

— Вижу, Павелъ Ивановичъ...Много ихъ тутъ плаваетъ...— равнодушно отозвался Яшминъ, не мѣняя позы.

— Плаваетъ... Да что плаваетъ то! Чистая вѣдь нефть... Кладъ, Парменъ Семенычъ... Милліоны скрыты въ этой то горѣ!..

Котловъ кивнулъ по направленію Кіяла-Тюбе.

— Кладъ... Это правильно вы сказали, Павелъ Ивановичъ. Да вотъ бѣда—не дается онъ намъ: заколдованный, знать... А пока что, на другой десятокъ тысченокъ перемахнули. Къ тому то кладу, что въ горѣ чудесной, свой кладъ закладываемъ...

Ироническая нотка звучала въ словахъ Яшмина. Больно она рѣзнула молодое самолюбіе инженера. Онъ быстро приподнялся и, глядя въ упоръ на собесѣдника, нервно проговорилъ:

— Купеческая жилка заговорила...

— Кулаческая, Павелъ Ивановичъ, кулаческая... Ничего не подѣлаешь: законъ наслѣдственности. Мой тятенька тутъ фальшивыми кредитками промышлялъ, а сынокъ, хоть и съ юридическимъ образованіемъ, а тоже за легкой наживой пустился...

Яшминъ бросилъ въ воду камень. Мелкая рябь разорванными кругами покрыла ровную гладь рѣки.

— Да поймите же вы, странный человѣкъ, Ѳома невѣрующій,—не ошибаюсь я... Не зря убиваю ваши тысячи, а свою энергію...

Страстныя нотки зазвучали въ голосѣ Котлова.

— Нефть, самая настоящая... Надо найти только главную жилу...

— Нефть нефти рознь: въ этой спичка тухнетъ...

— Тухнетъ, тухнетъ... Это, вонъ, Муханка такъ опредѣляетъ качество...

Киргизъ, разливавшій по стаканамъ буроватый чай, насторожился, услышавъ свое имя.

— Муханка самъ спичкамъ кидалъ... Зачимъ Муханка, самъ купца Назаръ спичкамъ кидалъ...

— Ну, пусть, я ошибаюсь,— продолжалъ Котловъ, принимая отъ Мухана стаканъ и осторожно ставя его передъ собой.—

А Нобель? Онъ тоже, снаряжая экспедиціи, тратя десятки тысячъ, ошибается въ здѣшней нефти?

— Эхъ, Павелъ Ивановичъ! Разсуждаете вы, аки дитю малое...

— Нельзя ли безъ этикетокъ...—морщась, перебилъ Котловъ.

— Виноватъ... Я этой этикеткой хотѣлъ подчеркнуть, что вы мало освѣдомлены въ области нашей коммерческой хитрости. Вѣрно-съ, не спорю: не мало столбовъ Нобель тутъ наставилъ, усердно нахваливаетъ здѣшнюю нефть. Ну, а дальше-то что? Что-жъ онъ ко всѣмъ этимъ богатѣйшимъ нефтеноснымъ залежамъ, какъ вы изволите выражаться, ни рукъ, ни капиталовъ не прикладаетъ? Что вы на это скажете, Павелъ Ивановичъ?

— А чортъ его знаетъ!.. Онъ одной бакинской захлебнулся...

— Вотъ я и правъ, называя васъ ребенкомъ... Ну, ну, не буду... Не то, господинъ инженеръ... Не одинъ чортъ знаетъ, а и мы кое-что смѣкаемъ: просто-напросто онъ желаетъ изъ распрекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ сдѣлать отвлекающій пластырь для расплодившихся въ послѣднее время нефтеманьяковъ.

— То-есть? Выражайтесь, Парменъ Семенычъ, точнѣе, а не шарадами и аллегоріями! — Котловъ нервно отодвинулъ выпитый стаканъ.

— Да тутъ и нѣтъ никакой аллегоріи. Нефтяной король, желая царствовать безраздѣльно на Кавказѣ, и придумалъ сей фортель: „на основаніи данныхъ экспедиціи, я, нефтяной король, объявляю отроги Алтая и Урала богатѣйшими нефтеносными районами“. Жадная до милліоновъ публика и кинулась сюда. А чтобы укрѣпить свой манифестъ, господинъ Нобель и бросилъ десятокъ-другой тысченокъ на заявки... Вотъ и разгадка вся!. Какъ видите, психологія очень простая...

— Ну, а вы-то вѣрите въ то, что тутъ дѣйствительно есть залежи нефти?—спросилъ Котловъ.

— Нисколько. То есть нефть-то она есть, да только въ ней, какъ Муханка говоритъ, „спичкамъ тухла“, иначе говоря, больше воды, чѣмъ нефти.

— Такъ, за какимъ же чортомъ вы поѣхали сюда!

— Не за чортомъ, а за вами, Павелъ Ивановичъ...—невозмутимо продолжалъ Яшминъ.—Видите ли: мой тятенька, какъ выражается моя маменька, „рехнувшись на нефти“, спитъ и видитъ, какъ сорокъ сороковъ „фонталовъ“ забьютъ на его заявкахъ. Ну‘

а потомъ, почему и не прогуляться съ интереснымъ спутникомъ по широкой, вольной степи... Не такъ ли, Маханъ Маханычъ?

— Солай, таксыръ...—закивалъ головой Муханъ, польщенный такимъ обращеніемъ.—Степь киргизская бульна хороша мѣста... Помирать не надо, кругомъ жаксы... Зима бѣда, ой! бѣда, а лѣто бекъ-джаксы... Кумысъ, маханъ...

Солнце стало заходить за Кіяла-Тюбе. Косые лучи позолотили плоскую вершину горы, отбросивъ длинную сплошную тѣнь на выбивавшуюся изъ-подъ скалы рѣчку, на пологую лощину. Полумѣсяцъ минарета ярко блестѣлъ своимъ серпомъ... Погасли въ рѣкѣ отраженія прибрежныхъ чахлыхъ ветелъ и рѣдкихъ камышевыхъ зарослей, потеряли перламутровый блескъ прибрежныя струйки, задорно пробѣгавшія по отмелямъ... Потянуло откуда-то прохладной волной...

Всѣ молчали. Кругомъ тишина. Только всплескъ рѣки, да звукъ убираемой въ погребецъ посуды нарушали безмолвье. Котловъ, забросивъ руки за голову, неподвижно лежалъ на коврѣ. Яшминъ, опершись локтями въ колѣни и подпирая ладонями свои пухлыя щеки, задумчиво смотрѣлъ на рѣку.

— Спать куда пойдешь?—спросилъ Муханъ, обращаясь къ Котлову.

— У Абдурахмана...—лѣниво отвѣтилъ Котловъ.

— Джаксы... Святой человѣкъ... Умный мулла, все знаетъ... Ой, оппро мой, умный мулла...

И, какъ бы желая еще болѣе оттѣнить умъ хазрета, Муханъ поднялъ вверхъ голову и закрылъ глаза.

— Умный, умный, а вотъ не знаетъ, что за штука нефть,— дразнящимъ тономъ сказалъ Яшминъ.

— Ни знаитъ, какъ ни знаитъ... Хазретъ Абдурахманъ все знаитъ... Онъ самъ Аллахъ каждый ночь говоритъ... Тепте знаитъ...

— Ну, а ты спрашивалъ его, откуда нефть берется и что это за штука?

— Спрашивалъ... Зачимъ ни спрашивалъ... Шайтанъ-масла...

— Ого, чортово масло!.. Знать, черти его съ кашей ѣдятъ,— смѣялся Яшминъ.

— Зачимъ съ кашей... Людямъ тавро кладетъ... Какой человѣкъ спорилъ Аллаху, тому тавро кладетъ. Хазретъ шайтанъ гонялъ, масла не давалъ дѣлать.

Муханъ сплюнулъ и заложилъ за щеку новую щепоть табаку.

— Хазретъ говоритъ: Абу-Нуранъ послалъ копъ (много) шайтанъ, вся степь тавро дѣлать, другой вѣра молиться... Гулялъ шайтанъ, тамаша всякій дѣлалъ, народъ бунтилъ, масла копалъ... Хазретъ долго молился на Мекка. Мухамеда на земля звалъ... Шайтанъ смѣялся, дыра копалъ, машина ставилъ... Хазретъ опять молитвамъ дѣлалъ, сильна кричалъ—въ Жаманъ-Кала слышна была... Поднялся буранъ, затопила Кіяла аулы и посыпались камня... Шайтанъ бѣжалъ...

— Эге, теперь я понимаю, почему это нефть не годится: шайтанъ не додѣлалъ... Такъ, Маханъ Маханычъ?—обратился Яшминъ къ киргизу.

— Солай... Такъ... Купца-Назаръ, Жаманъ-Кала живетъ, вертѣлъ дыра, столбамъ ставилъ, долго вертѣлъ, акша (деньги) копъ давалъ, джокъ (ничего)...

— Что-жъ, хазретъ отмаливалъ? Аллахъ не давалъ?—не унимался Яшминъ.

— Вертѣлъ, долго вертѣлъ купца Назаръ, серчалъ, порохъ клалъ, громъ дѣлалъ, а шайтанъ-масла джокъ... Потекло разъ, спичкамъ бросалъ—тухла... Серчалъ, ругался, плевалъ и домой гулялъ...

— А вотъ на Ура-Тюбе навертѣли такой нефти, что спичка не тухнетъ, а шайтанъ-масло столбомъ горитъ,—съ улыбкой проговорилъ Котловъ.

Муханъ замолчалъ.

— Салай таксыръ... слыхалъ... Хазретъ туда гулялъ...

— Молиться ѣздилъ, чтобы шайтанъ правовѣрнымъ тавро не клалъ? А?—спросилъ Яшминъ.

— Хазретъ святой человѣкъ, Аллахъ знаетъ его, Мухамедъ кунакомъ ходилъ кибитка Хазретъ... Хазретъ все знаетъ...

Крикливый голосъ азанчи прорѣзалъ лощину.

Муханъ, повернувшись лицомъ къ западу, присѣлъ на колѣни и молитвенно приложилъ растопыренные пальцы къ своимъ большимъ квадратнымъ ушамъ.

Вершина Кіялъ-Тюбе еще горѣла въ багрянцѣ лучей заходящаго солнца. Длинная, безформенная тѣнь отъ горы таяла въ быстро спускавшихся надъ лощиной сумеркахъ... Рѣка тихо журчала въ своемъ каменистомъ ложѣ.

Я. Я. Полферовъ.

Горная полиція въ Олекминско-Витимской тайгѣ.

На пріискахъ Олекминской и Витимской системы Ленскаго горнаго округа полицейскую службу до 1901 года несли казаки городовыхъ полковъ Восточной Сибири. Они подчинялись исправнику, замѣнившему съ 1844 года засѣдателя изъ членовъ земскаго суда. Наряд казаковъ на золотые промыслы производился въ размѣрѣ до 200 человѣкъ, изъ коихъ около $^1/_{10}$ составляли урядники. Съ 1898 г. по 1901 г. включительно въ обѣихъ системахъ отправлявшихъ полицейскую службу казаковъ (въ томъ числѣ и урядниковъ) числилось:

	Обоего пола:	Казаковъ:
1898 г. при населеніи	20.471 [1])	211
1899 „ „ „	19.641	183
1900 „ „ „	19.079	187
1901 „ „ „	16.278	205

Съ этого послѣдняго года постепенно вводится горно-полицейская стража.

Въ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятіяхъ полицейской частью завѣдывалъ одинъ старшій урядникъ и подъ его непосредственнымъ начальствомъ нѣсколько десятковъ младшихъ урядниковъ и казаковъ, проживавшихъ по отдѣльнымъ пріискамъ компаній. Число казаковъ зависѣло отъ количества рабочихъ въ данномъ дѣлѣ; иные пріиски имѣли всего по одному казаку, а были и такіе, которые совсѣмъ обходились безъ казака, причисляясь въ полицейскомъ отношеніи къ сосѣднему болѣе крупному пріиску. Кромѣ того, въ мѣстахъ резиденцій горныхъ исправниковъ Витимскаго на Бодайбо и Олекминскаго на Мачѣ, а потомъ на пріискѣ Вѣрномъ существовали особые отряды до 15 человѣкъ, называвшіеся кордонами; ихъ спеціальность заключалась въ преслѣдованіи спиртоносовъ, хищниковъ, разбойниковъ и поимкѣ бѣглыхъ рабочихъ. Пріисковые казаки вѣдали только районъ пріисковъ отдѣльныхъ предпринимателей, кордонные распространяли свою дѣятельность на весь округъ (систему). По

[1]) Эти официальныя цифры населенія крайне не точны, обыкновенно онѣ ниже дѣйствительныхъ.

инструкціи министерства внутреннихъ дѣлъ 1874 года горный исправникъ долженъ былъ надзирать за сохраненіемъ общественнаго порядка; наблюдать, чтобы рабочимъ отпускалась доброкачественная пища; чтобы жилища и больницы были устроены, какъ слѣдуетъ; чтобы работы на промыслахъ производились безъ вреда для здоровья и опасностей для жизни рабочихъ; чтобы контракты соблюдались обѣими сторонами. Горный исправникъ обязанъ былъ слѣдить, чтобы разсчетныя книги съ рабочими велись исправно, а разсчетные листы находились на рукахъ у послѣднихъ, и въ случаѣ справедливыхъ жалобъ рабочихъ на неправильный разсчетъ и дороговизну припасовъ и товаровъ сравнительно съ установленными таксами, оказывать рабочимъ законное удовлетвореніе, а также принимать мѣры къ тому, чтобы хозяева сполна разсчитывали рабочихъ. Онъ оказываетъ содѣйствіе въ вытребованіи нанявшихся, но не явившихся рабочихъ, въ поимкѣ и возвращеніи бѣжавшихъ, подвергая ихъ взысканію по закону, а за грубость, лѣнность, игру въ карты и кости и т. п. проступки, по рѣшенію партіонной расправы [1]), производитъ надлежащее наказаніе виновныхъ. Исправникъ содѣйствуетъ прекращенію похищенія золота, наблюдаетъ, чтобы не было на промыслахъ и поблизости ихъ продажи спиртныхъ напитковъ и чтобы золотопромышленники не давали рабочимъ вина въ счетъ платы и не дозволяли себѣ держать его безъ ограниченія, а сообразовались всегда съ самою необходимою ихъ потребностью [2]) по числу рабочихъ и служащихъ для раздачи его порціями съ тѣмъ, чтобы на провозъ вина на пріискъ въ опредѣленномъ количествѣ золотопромышленники получали каждый разъ свидѣтельство отъ губернатора [3]). Въ Витимско-Олекминской тайгѣ, за дальностью разстоянія до Якутска, по ходатайству золотопромышленниковъ, выдача пропускныхъ свидѣтельствъ на спиртъ была предоставлена, кажется, въ 90-хъ годахъ, исправникамъ. Въ случаѣ возникновенія между рабочими явнаго неповиновенія установленнымъ властямъ цѣлыми массами,

[1]) Ея никогда не существовало въ Витимско-Олекминской тайгѣ.

[2]) Опредѣленной въ $2^1/_2$ ведра въ 40°.

[3]) Семевскій. Раб. на сиб. зол. пр. т. II.

а равно въ случаѣ бунта или возмущенія, горный исправникъ можетъ призывать на помощь военныя команды... *Но при этомъ строго воспрещается употреблять въ отношеніи зачинщиковъ неповиновенія, если они не изъ поселенцевъ, тѣлесное наказаніе, а слѣдуетъ таковыхъ, по подробнымъ и возможно скоромъ изслѣдованіи дѣла, отправлять по принадлежности къ суду* [1]).

Весь штатъ полиціи, начиная отъ исправника и кончая послѣднимъ казакомъ, получалъ содержаніе отъ владѣльцевъ пріисковъ. Жалованье уряднику равнялось отъ 60 до 100 рублей [2]), казаку отъ 30 до 50 рублей въ мѣсяцъ, при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи, хозяйской лошади и фуражѣ. Выборъ казака для несенія полицейской службы на пріискѣ, увольненіе его и замѣна другимъ зависитъ всецѣло отъ управляющаго или владѣльца. Почти всегда казаки, которымъ при обычномъ теченіи жизни по своей спеціальности рѣшительно нечего было дѣлать, или исполняли разныя хозяйскія порученія, или состояли служащими, занимая мѣста матеріальныхъ, сидѣльцевъ въ магазинѣ, конторщиковъ, смотрителей бутаръ. Въ среднемъ одинъ казакъ приходился на 140 человѣкъ населенія въ тайгѣ. Содержаніе его обходилось въ 800 руб., а урядника въ 1.200 руб. Кордонная стража, охранявшая весь пріисковый районъ, содержалась на общій счетъ всѣхъ золотопромышленниковъ. Сюда же слѣдуетъ причислить казачьяго командира,— должность, на пріискахъ абсолютно ни для чего ненужная и дававшая себя знать лишь въ рѣдкихъ случаяхъ массовыхъ волненій, носившихъ характеръ бунта.

Содержаніе этой стражи въ 1899 году обходилось на Бодайбо:

Жалованье уряднику	900 руб.
„ 10 казакамъ	5040 „
Содержаніе лошадей.	3900 „
Помѣщенія съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и проч.	825 „
Содержаніе командира.	3000 „
Итого	13.666 руб.

[1]) Семевскій. Т. II стр. 33.

[2]) Кромѣ казеннаго жалованья въ 283 руб. въ годъ. Свѣдѣнія эти относятся къ 90-мъ годамъ минувшаго столѣтія.

Въ Олемкинской тайгѣ въ томъ же году кордонъ на Вѣрномъ пріискѣ стоилъ	5000 р.
Урядникъ на Мочѣ	1.200 „
Отрядный командиръ	1.200 „
Итого	7.400 р.

Эти же цифры съ незначительными варіаціями повторяются для предыдущихъ годовъ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, а также для 1900 и 1901 г.г. Такимъ образомъ, содержаніе кордонной и спеціально пріисковой полиціи обходилось золотопромышленникамъ около 150.000 р. безъ исправника и его канцеляріи [1]).

О безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ казачьей полиціи высшее начальство края хорошо было освѣдомлено, доказательствомъ чего являлись обличительные циркуляры генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири; многочисленные образцы ихъ (циркуляровъ) мы находимъ въ извѣстномъ трудѣ г. Семевскаго „Рабочіе на Сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. „Въ 1883 году генералъ-губернаторъ Анучинъ указывалъ на различныя нарушенія закона, допускаемыя пріисковою полиціей. Такъ, заведенный горнымъ исправникомъ особый штрафной журналъ и выданный завѣдующему полицейской частью на пріискѣ (т. е. уряднику или даже простому казаку). никогда и никѣмъ не ревизовался; записанныя въ этотъ журналъ наказанія за маловажные проступки налагались всегда на рабочихъ по личному усмотрѣнію пріисковой полиціи, а часто даже по заявленію служащихъ промысловаго управленія безъ всякаго участія кордонной расправы [2]), при назначеніи наказанія рабочимъ полиція не руководствовалась подлежащими законами и подвергали тѣлесному наказанію даже полноправныхъ рабочихъ; кромѣ того, практиковалось также заключеніе рабочихъ на хлѣбъ и на воду даже до 9 су-

[1]) Считая 170 казаковъ, сверхъ кордонныхъ, по 750 руб. въ годъ (minimum) на человѣка.

[2]) Такъ назывались судьи по маловажнымъ проступкамъ, выбранные рабочими изъ своей среды. Рѣшенія ихъ должны были утверждаться и примѣняться исправникомъ. Но никогда ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ въ Витимско-Олекманской тайгѣ не существовало.

токъ; оставлялись безъ разслѣдованія даже такія происшествія объ увѣчьяхъ, причиненныхъ рабочимъ при производствѣ работъ, отъ которыхъ черезъ нѣсколько дней слѣдовала смерть. Генералъ-губернаторъ напоминалъ объ инструкціи и требовалъ строгаго ея соблюденія. Но всѣ подобные циркуляры нисколько не измѣнили установившагося порядка вещей. Въ 1890 г. при посѣщеніи пріисковъ генералъ-губернаторомъ Горемыкинымъ обнаружены были тѣ же безпорядки въ дѣлопроизводствѣ и игнорированіе интересовъ рабочихъ со стороны полиціи. Въ записи чиновника Михайлова, составленной на основаніи этой ревизіи, говорится о превышеніи власти исправниками, оставленіи ими многихъ просьбъ безъ разбирательства и о потворствѣ ихъ различнымъ неправильнымъ поступкамъ пріисковыхъ дѣятелей. „Одинъ изъ горныхъ исправниковъ (знаменитый Траскинъ), совершенно не исполняя правилъ инструкціи министерства внутреннихъ дѣлъ 1871 г., во-первыхъ, допускаетъ тѣлесныя наказанія рабочихъ безъ разбирательства вины и безъ различія сословій; во-вторыхъ, разрѣшаетъ ввозъ на пріиски спирта безъ разрѣшенія на то губернатора и въ количествѣ, превышающемъ опредѣленную закономъ норму, и, въ третьихъ, индифферентно относится къ столь важному дѣлу, какъ утвержденіе такса на припасы и товары, выдаваемые рабочимъ вмѣсто платы, и вполнѣ безучастно къ случаямъ увѣчій рабочихъ„ [1]). Далѣе, Михайловъ указываетъ на вредное вліяніе экономической зависимости урядниковъ и казаковъ отъ промысловыхъ управленій, зависимости, нисколько не отличающейся отъ подчиненія обыкновенныхъ наемниковъ... Во всѣхъ случаяхъ столкновенія рабочихъ съ управленіями казаки невольно являются сторонниками послѣднихъ и ревностными исполнителями ихъ приказаній... Фактической полиціей на пріискахъ являются эти нижніе чины. Они часто допускаютъ весьма произвольныя дѣйствія по отношенію къ рабочимъ, въ особенности по лишенію ихъ свободы. Книги постановленій объ арестѣ нигдѣ не ведутся, а между тѣмъ арестовъ было много [2]).

[1]) Г. Семевскій. Т. II, стр. 462.
[2]) Семевскій. Т. II стр. 469.

Посмотримъ теперь, каковы на пріискахъ помѣщенія для арестованныхъ. Мѣстами заключенія служили и служатъ тюрьма на Бодайбо, арестантское помѣщеніе на Вѣрномъ пріискѣ при такъ называемомъ кордонѣ и карцеры, каталажки, холодныя, по мѣстному, просто *казачи*, имѣющіяся почти на каждомъ пріискѣ. Ни у г. Семеновскаго, ни у г. Коренева [1]) я не нахожу описанія бодайбинской тюрьмы. Мое намѣреніе осмотрѣть ее лѣтомъ 1903 г. было отклонено исправникомъ Янчисомъ на томъ основаніи, что старая тюрьма доживаетъ послѣдніе мѣсяцы въ виду строющейся и оканчивающейся новой. Но я знаю, что это было нѣчто невообразимое по своей тѣснотѣ, грязи и царившимъ здѣсь порядкамъ. Въ ней, въ этой тюрьмѣ, часто приходилось менѣе 0,15 куб. саж. воздуха на человѣка, а въ маленькомъ дворикѣ, обнесенномъ высокими палями, грязь отъ мочи и испражненій не высыхала даже въ жаркое лѣто. Новая тюрьма, напротивъ,— высокое, помѣстительное, свѣтлое и почти чистое зданіе съ обширными камерами для мужчинъ, женщинъ (съ отдѣльнымъ ходомъ), дѣтей и даже для привилегированныхъ. Имѣются два карцера и двѣ камеры для одиночнаго заключенія особенно важныхъ преступниковъ, достаточно просторныя и удобныя съ нетребовательной россійской (а тѣмъ болѣе сибирской) точки зрѣнія

Что касается каталажекъ (казачихъ), то онѣ везлѣ болѣе или менѣе одного типа: крохотное совсѣмъ темное или полутемное помѣщеніе съ маленькимъ окошечкомъ вверху и очти подъ потолкомъ, задѣланнымъ желѣзной рѣшеткой. Печей никогда нѣтъ, нары, занимающія почти всю каталажку, шириною въ 2 ар. и 2 — 3 вершка, такъ что ни ходить по камерѣ негдѣ, ни спать на нарахъ, выпрямивши ноги, нельзя. На Нижнемъ пріискѣ Ленскаго товарищества существуютъ двѣ каталажки сравнительно свѣтлыя и темный карцеръ. Одна объемомъ въ 1,12 куб. саж., при размѣрахъ окна въ 12 × 12 вершковъ; другая въ 1,11 куб. саж. съ окномъ 14 × 17 вершковъ. Объемъ темной 0,89 куб. саж. При моемъ

---

[1]) Очерки санитарно экономическаго положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Витимско-Олекминской системы. Диссертація на степень доктора Е. П. Коренева. Авторъ былъ на пріискахъ врачомъ, потомъ въ 1900 г. пріѣзжалъ для собиранія матеріала для своей диссертаціи.

посѣщеніи зимой 1903 г. здѣсь было: въ первой 5 человѣкъ, во второй—4 и въ карцерѣ 2. Слѣдовательно, на каждаго приходилось воздуха въ 1-й—0,22 куб. саж., во 2-й—0,28 и въ 3-й—0,44 куб. саж. на человѣка.

На Тихоно-Задонскомъ пріискѣ того же товарищества два карцера, оба темныхъ. Одинъ объемомъ въ 1,90 куб. саж., другой—1,07 куб. саж.; длина наръ 2 ар. и 2 вершка. При моемъ посѣщеніи (августъ 1903 г.) здѣсь содержались 2 и 4 человѣка, значитъ первые пользовались воздухомъ въ 0,95 куб. саж., а вторые въ 0,27 куб. саж.

При мнѣ арестное помѣщеніе на Вѣрномъ пріискѣ не функціонировало. Въ Компаніи промышленности, на Иннокентьевскомъ пріискѣ, по словамъ доктора Коренева, одинъ карцеръ при высотѣ 4 3/4 ар. имѣетъ въ квадратѣ 3 1/4 ар. Въ немъ сидѣло во время осмотра Кореневымъ 4 человѣка. Нары для спанья были длиной 2 ар. 5 вер. Другія осмотрѣнныя имъ каталажки давали на заключеннаго отъ 0,45—0,72 куб. саж. воздуха. Таковы мѣста заключенія на пріискахъ большихъ компаній.

Въ среднихъ по добычѣ золота пріискахъ мнѣ извѣстенъ карцеръ на Нижне-Михайловскомъ пріискѣ, принадлежавшемъ Плетюхину. Въ 1897 г. это была каморка около 2 куб. с. вмѣстимостью, безъ наръ, съ полусгнившимъ поломъ и съ окошкомъ съ желѣзной рѣшеткой безъ стекла, размѣра 8 × 6 вер. На Скалистомъ пріискѣ того же владѣльца роль каталажки исполняла бывшая темная кладовка, которая, впрочемъ, была разрушена однимъ заключеннымъ въ нее рабочимъ.

Вѣроятно, большинство изъ этихъ карцеровъ остались такими же, какими они были въ 1873 г., когда олекминскій исправникъ въ донесеніи генералъ-губернатору писалъ: „устройство одиночныхъ карцеровъ... принесло такую пользу, что провинившіеся согласны были лучше быть наказанными розгами, нежели подвергнуться заключенію въ нихъ“ [1]).

Горные исправники, получая отъ казны крайне недостаточное, при пріисковой дороговизнѣ жизни, казенное жалованье, всегда пользовались отъ золотопромышленниковъ дополнительнымъ содержаніемъ, которое, по выраженію г. Семев-

[1]) Семевскій Т. II. 446.

скаго, жалкое и затруднительное положеніе превращало въ блестящее и завидное.

„Субсидія“ отъ пріисковъ исправникамъ опредѣлялась отъ 18 до 25 тысячъ рублей въ годъ, кромѣ готоваго помѣщенія, меблировки, отопленія, лошадей, фуража, караульныхъ и пр. и пр. По свѣдѣніямъ, приводимымъ въ запискѣ Михайлова, этотъ расходъ одного Ленскаго товарищества показанъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ 1887 г.—8.202 р., въ 1888 г.—8.374 руб., въ 1889 г.—9.107 руб. Съ учрежденіемъ на пріискахъ (въ 1897 г.) двухъ камеръ мирового суда и умаленіемъ чрезъ это власти и значенія горныхъ исправниковъ субсидія послѣднимъ была уменьшена. Такъ, въ смѣтѣ расхода и прихода капиталовъ попечительства Витимской системы за 1899—1900 мы находимъ статью „на содержаніе канцеляріи горнаго исправника“, гдѣ расходъ показанъ въ 20.335 руб. Сюда входитъ:

Содержаніе канцеляріи и лошадей	18.000 р.
Отопленіе зданія	1.500 „
Жалованье сторожу	240 „
Снабженіе водой	300 „
Содержаніе чистоты	100 „
Страхованіе зданія	195 „

Собственно лично исправнику, какъ мнѣ извѣстно, приходилось 14.000 руб. Въ концѣ 90-хъ годовъ рѣшено было опредѣленную на съѣздѣ годовую субсидію вносить исправнику черезъ попечительство,—учрежденіе, завѣдывавшее общимъ пріисковымъ хозяйствомъ и соотвѣтствовавшее городской или земской управѣ. Это рѣшеніе придавало нѣсколько болѣе благообразный видъ „добавочному“ содержанію исправникамъ, но оно продержалось не долго. Въ 1900 г. знаменитый самодуръ Стрижевъ, главноуправляющій самого крупнаго тогда дѣла въ тайгѣ Компаніи промышленности, вздумалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ разсчитать 500 человѣкъ контрактныхъ рабочихъ. Рабочіе обратились къ заступничеству исправника Львова. Послѣдній, при дѣятельномъ вмѣшательствѣ мирового судьи Черноцкаго, рѣшительно воспротивился такой незаконной мѣрѣ Стрижова, обрекавшей полутысячную массу на голодъ и холодъ и угрожавшей общественной безопасности. Въ отвѣтъ на требованіе исправника, которому Стрижевъ долженъ былъ подчиниться, онъ прислалъ попечителю заявленіе съ отказомъ отъ участія въ расходахъ по-

печительства. Это значило, что Стрижевъ будетъ платить исправнику изъ собственныхъ рукъ по своему личному усмотрѣнію соразмѣрно его, исправника, полезности для дѣла Компаніи промышленности. По примѣру Стрижова и другіе вернулись къ старому способу оплаты услугъ исправниковъ, противъ чего послѣдніе не возражали, такъ какъ и для нихъ имѣть дѣло съ каждымъ золотопромышленникомъ въ отдѣльности представляло свои выгоды. Съ тѣхъ поръ въ смѣтахъ витимскаго попечительства мы находимъ въ статьѣ „расходы по содержанію канцеляріи горнаго исправника" такія цифры:

За операцію 1900—1901 г.	1.847 руб.
1901—1902 „	2.185 „
1902—1903 „	? „
1904 г. (на содержаніе квартиры горнаго исправника и письмоводителя) .	3.500 „

Соотвѣтствующія цифры для Олекминской тайги будутъ отъ 3.300 до 3.500 руб. Точную цифру суммы, получаемой лично исправникомъ, установить теперь не легко. Сами золотопромышленники считаютъ этотъ вопросъ щекотливымъ и не находятъ удобнымъ давать на него опредѣленный отвѣтъ. Въ одной изъ крупнѣйшихъ компаній этотъ расходъ обозначается въ отчетахъ такъ: расходы, извѣстный главноуправляющему подъ литерами Г. П. В. С.[1], т. е. горному исправнику Витимской системы. Изъ компетентнаго источника мнѣ извѣстно, что исправники обѣихъ системъ отъ одной этой компаніи получаютъ свыше 15.000 руб. въ годъ. Нѣкоторые средней руки золотопромышленники заявляли мнѣ, что на эту статью расходуется ими по 100 руб. съ пуда намытаго золота. Мелкія и средніе дѣла платятъ относительно больше чѣмъ крупныя. Въ общемъ же, по словамъ весьма свѣдующихъ людей, нормой обложенія приисковъ въ пользу исправника можно принять 100 руб. съ пуда[2]. Въ 90-хъ годахъ всего золота въ Олекминско-Витимской тайгѣ намывалось отъ 718 до 512 пуд. Въ 1902 г. всего 398 пуд., а въ 1903 г. намыто 402 пуда. Слѣдовательно, размѣры субсидіи исправникамъ за это время

[1] Литеры О. И. Л. Г. означаютъ: окружной инженеръ Ленскаго горнаго округа. Въ 1903 и 1904 г.г. на обѣ системы временно былъ одинъ исправникъ.

[2] Не считая, конечно, уряднивовъ, которымъ платятъ сверхъ обязательной трети жалованья до 50 руб. въ мѣсяцъ.

колебались отъ 70.000 руб. до 10.000 руб. Раньше эти суммы распредѣлялись между обѣими системами болѣе или менѣе равномѣрно, но съ объединеніемъ дальней тайги и перенесеніемъ (1907 г.) центра тяжести предпріятій Ленскаго товарищества въ Ближнюю тайгу, витимскій исправникъ получаетъ больше, чѣмъ олекминскій. Но этимъ не ограничивались ихъ доходы. Указанный въ запискѣ Михайлова „ввозъ на пріиски спирта, разрѣшаемый исправникомъ (Траскинымъ) въ количествѣ, превышающемъ опредѣленную закономъ норму, производился вплоть до введенія на пріискахъ казенной монополіи (1904 г. съ 1-го іюля), конечно, не даромъ и, какъ мнѣ достоподально извѣстно, давалъ одному исправнику *отъ одного только лица* 10.000 руб. въ годъ. Столь огромные доходы дѣлали мѣсто исправника на пріискахъ выгоднѣе генералъ-губернаторскаго [1]). Въ виду этого сюда назначались разныя gratae personae для поправленія своихъ разстроенныхъ финансовъ. Таковы были: разорившійся гвардеецъ Траскинъ; послѣ него бывшій иркутскій вице-губернаторъ Измайловъ, затѣмъ адъютантъ генералъ-губернатора Л—въ и т. п.

Несмотря на ревизію генералъ-губернатора, открывшую массу противозаконнаго въ дѣйствіяхъ Траскина, порядки при его замѣстителѣ Измайловѣ были немногимъ лучше. Примѣненіе тѣлеснаго наказанія къ лицамъ свободныхъ состояній продолжалось по прежнему. Однажды онъ велѣлъ выпороть одного мѣщанина; послѣдній напомнилъ ему о своей полноправности. На это Измайловъ возразилъ: „можешь потомъ подавать въ судъ, увидишь, какъ легко тягаться съ генераломъ“,—и злосчастный мѣщанинъ былъ высѣченъ. Или еще примѣръ: подрядчикъ Мироновъ изъ ссыльныхъ искалъ съ золотопромышленника Патушинскаго 2000 руб. по счетамъ. Измайловъ велѣлъ своимъ канцелярскимъ служакамъ провѣрить счета. Провѣрка оказалась не въ пользу истца. При мировомъ судѣ ему бы отказали въ искѣ и только. Но исправнику этого было мало: „за неправильное вчиненіе иска“ онъ велѣлъ подвергнуть Миронова 60-ти ударамъ розогъ [2]).

---

[1]) Иркутскій генералъ-губернаторъ получаетъ 18.000 руб.

[2]) Подрядчикъ возобновилъ искъ при мировомъ судѣ и въ своемъ прошеніи говоритъ о понесенномъ имъ по приговору исправника наказаніи.

Письмоводителемъ полицейскаго правленія оставался при Измайловѣ бывшій лакей Траскина, полуграмотный молодой парень, который органически не могъ смотрѣть на свое положеніе иначе, какъ на источникъ созданія себѣ матеріальнаго благополучія. Его поборы и разныя другія незаконныя дѣйствія стали, наконецъ, предметомъ содержанія корреспонденціи въ „Восточномъ Обозрѣніи", послѣ чего Якутскій губернаторъ, вмѣсто представленія этого господина, по ходатайству Измайлова, къ производству въ первый чинъ, уволилъ его по 3-му пункту.

Этотъ исправникъ не могъ помириться съ предстоявшимъ умаленіемъ его значенія на пріискахъ съ назначеніемъ мироваго судьи и поспѣшилъ до прибытія послѣдняго выѣхать съ пріисковъ, получивъ отъ золотопромышленниковъ прощальный подарокъ въ 10,000 руб. деньгами.

Замѣститель его, молодой свѣтскій офицеръ, обнаружилъ до того кровожадные инстинкты, что буквально не проходило дня, чтобы казачья на Бодайбо не оглашалась воплями истязуемыхъ поркой; при чемъ самъ исправникъ неизмѣнно присутствовалъ при этихъ операціяхъ, считая удары съ пропусками такъ, чтобы наказуемый получилъ не 25 ударовъ, какъ ограничиваетъ законъ для поселещевъ, а 100—излюбленную цифру исправника. Но это его не удовлетворяло, и онъ пускалъ въ ходъ сокрушительныя рукоприкладства, вырывая усы и бороды даже у казаковъ. Но и тутъ, къ счастью, помогла печать. Корреспонденція объ исправникѣ, получившемъ воспитаніе въ высшей школѣ кулаковѣдѣнія, была пропущена въ иркутской газетѣ цензоромъ, благодаря отсутствію въ это время генерала-губернатора.

По возвращеніи послѣдняго изъ Петербурга, цензоръ [1]) слетѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и исправникъ получилъ должное внушеніе, оказавшее на нѣкоторое время свое воздѣйствіе. Въ Иркутскѣ никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ галантный адъютантъ могъ оказаться такимъ вульгарно грубымъ держимордой. Ничего не зная по административной части и бумажному дѣлопроизводству, онъ все предоставилъ своей канцеляріи, которая по образцу начальника также распустила не въ мѣру свои руки. Только пріѣздъ перваго

[1]) 1904 г. май.

мирового судьи, начавшаго обузданіе пріисковыхъ нравовъ съ чиновниковъ полицейской канцеляріи, ввелъ ихъ въ нѣкоторыя границы. Съ этихъ поръ начинается не прекращающійся и понынѣ конфликтъ двухъ властей, знаменующій собою борьбу законности и произвола. Первый судья, намѣревавшійся отдать исправника подъ судъ, какъ и слѣдовало ожидать, потерпѣлъ пораженіе. Администрація восторжествовала надъ правосудіемъ, и судья долженъ былъ преждевременно покинуть пріиски [1]). При его преемникѣ, торжествующій исправникъ воспрянулъ духомъ и возобновилъ излюбленную расправу розгами въ прежней силѣ [2]). Съ его уходомъ, казачья полиція была замѣнена въ 1901 г. вольнонаемной стражей.

Въ отношеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ [3]) бывшій приамурскій генералъ-губернаторъ Духовской, указывая на настоятельную необходимость преобразованія низшаго полицейскаго надзора на золотыхъ промыслахъ, объясняетъ, между прочимъ, что положеніе на пріискахъ нижнихъ чиновъ горной полиціи, комплектующихся изъ первоочередныхъ казаковъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ вдвойнѣ растлѣвающее вліяніе: на казачье сословіе и на пріисковую жизнь. Съ одной стороны, перспектива легкой наживы и привольной жизни на золотыхъ пріискахъ порождаютъ среди казаковъ стремленіе, взамѣнъ отбыванія строевой службы, попасть въ составъ горно-полицейскихъ командъ; съ другой—

[1]) Уступивъ требованію его удаленія, палата въ видѣ компенсаціи назначила его членомъ окружного суда.

[2]) Справедливость требуетъ сказать, что у Л. были и свои достоинства, къ нимъ нельзя не причислить отсутствіе специфическихъ полицейскихъ повадокъ. Онъ предоставлялъ мѣстной жизни течь, какъ ей было угодно, не проявляя ни политическаго сыска, ни административной опеки. Эта его черта послужила на пользу нѣкоторымъ хорошимъ сторонамъ пріисковой общественности (общественныя собранія, народный театръ, народныя чтенія, рабочій клубъ). Онъ не былъ взяточникомъ и если давалъ пропуски на лишній спиртъ, то взималъ за это плату не въ свою пользу, а въ пользу попечительства. Жестокость, проявленная имъ къ „черни", была не столько системой управленія, сколько уродливой болѣзненной чертой, воспитанной барствомъ и военной профессіей.

[3]) Заимствовано изъ записки министерства земл. и госуд. им., излагающей подготовительный ходъ законопроекта о реформѣ горной полиціи 1898 г.

полученіе содержанія отъ золотопромышленниковъ дѣлаетъ казаковъ покорными слугами послѣднихъ, а такъ какъ на большинствѣ пріисковъ исправникъ только рѣдкій гость и фактически полицейскій надзоръ ввѣренъ казакамъ, то легко представить себѣ, какой произволъ и какая эксплуатація пріисковаго люда встрѣчаются на пріискахъ, заброшенныхъ въ отдаленную глухую тайгу... Пріисковые казаки не только покровительствуютъ продажѣ золота и укрываютъ спиртоносовъ, но даже неоднократно сами попадались въ хищничествѣ и продажѣ спирта.

Казачьи чины, посылаемые на золотые промысла для исполненія полицейскихъ обязанностей всего лишь на одинъ годъ, являются на пріиски съ затаенной мыслью, если не обогатиться, то погулять въ волю. Преслѣдованіе той или другой цѣли не рѣдко заводитъ ихъ на столько далеко, что они начинаютъ, не стѣсняясь, открыто отбирать у пріисковаго рабочаго все, что составляетъ какую либо цѣнность. Понятно, что такое поведеніе казаковъ порождаетъ глухую къ нимъ злобу и скрытую ненависть со стороны рабочихъ, кончающіяся мщеніемъ, какъ это было, напримѣръ, въ 1894 г. на пріискахъ Хинганской системы, гдѣ одного казака избили, а двухъ убили.

Съ своей стороны иркутскій военный генералъ-губернаторъ въ отношеніи къ министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ [1]) (1896 г.) заявляетъ, что „высокая оцѣнка золотопромышленниками труда казаковъ, прослужившихъ долгое время, дѣлаетъ полицейскую службу на пріискахъ на столько выгодной, что нѣкоторые казаки въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ выставляютъ за себя для отбыванія очередной военной службы наемниковъ, уплачивая имъ по нѣсколько сотъ рублей (иногда 500—600)"... „Не мало является на пріиски казаковъ, преслѣдующихъ единственную цѣль—наживу, для достиженія которой они не брезгаютъ никакими средствами, оказывая за взятки усердное содѣйствіе спиртоносамъ и скупщикамъ золота".

Изъ этихъ характеристикъ явствуетъ, что оба сибирскіе генералъ-губернатора прекрасно знали, что представляла

[1]) Тамъ-же.

собою пріисковая казачья полиція [1]). Странно только, что ихъ обличенія обрушиваются исключительно на низшихъ чиновъ; объ исправникахъ почему то или совсѣмъ умалчивается, или (у Духовского) проглядываетъ даже тенденція объяснять дефекты казачества рѣдкимъ посѣщеніемъ пріисковъ исправникомъ. Выходитъ такъ, какъ будто бы при болѣе тщательномъ надзорѣ исправниковъ за низшей полиціей дѣло обстояло бы гораздо лучше. Но исправники съ своей стороны требовали за собой надзора. Если казаки являлись на пріиски исключительно съ наживательскими вожделѣніями и не брезгали при этомъ никакими средствами, то безусловно тоже слѣдуетъ сказать и объ исправникахъ, съ тою лишь оговоркой, что послѣднимъ не представлялось необходимости прибѣгать къ грубымъ, разбойничьимъ пріемамъ, за то масштабъ ихъ аппетитовъ неизмѣримо шире, а удовлетвореніе таковыхъ обезпечивалось какъ обширной властью, такъ и той безотвѣтственностью, какой они фактически пользовались [2]).

Этимъ молчаливымъ выгораживаніемъ высшихъ чиновъ полиціи въ пріисковыхъ непорядкахъ, вѣроятно, и нужно объяснить тотъ фактъ, что реформа коснулась сперва низшаго полицейскаго контингента, оставивъ исправниковъ въ экономическомъ отношеніи на прежнихъ основаніяхъ до 1904 года. Казаки съ 1901 г., согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, высочайше утвержденному въ 1900 году, замѣнены вольнонаемной горнополицейской стражей. Состоитъ она изъ пѣшихъ и конныхъ стражниковъ и урядъ-

[1]) Подтвержденіе чего читатель можетъ найти какъ у Семевскаго, такъ и въ моей статьѣ: „Хищники и свободное обращеніе золота въ Олекминско-Витимской тайгѣ".

[2]) Мы видѣли, что генералъ-губернаторская ревизія обнаружила массу безпорядковъ горнаго исправника Троскина, но онъ не только не былъ отданъ подъ судъ, но и долго еще оставался на пріискахъ. Намѣренія мирового судьи обуздать другого исправника Л окончились удаленіемъ судьи. Исправникъ И. также преспокойно оставался на своемъ посту, несмотря на различныя правонарушенія съ его стороны, на которыя указывалъ другой мировой судья и податной инспекторъ. За все время существованія золотыхъ промысловъ было, кажется, лишь 2 случая отдачи подъ судъ горныхъ исправниковъ: Митрохина за растрату инородческихъ (тунгузскихъ) суммъ, и Янчиса за побои, нанесенные крестьянину Л.

никовъ, нанимаемыхъ по контракту горнымъ исправникомъ. Съ золотопромышленниковъ взыскивается особый сборъ на содержаніе стражи въ размѣрѣ 1/3 всей суммы, расходуемой правительствомъ на то количество стражниковъ, которое. по распоряженію административныхъ властей, содержится на золотыхъ промыслахъ. Сборъ этотъ вносится золотопромышленниками въ мѣстныя казначейства по раскладкамъ, производимымъ на ихъ ежегодныхъ съѣздахъ и утверждаемымъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ. Сверхъ того, золотопромышленники обязаны доставлять стражникамъ квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и перевозочныя средства, а также вооруженіе и пищевое довольствіе по таболямъ, утверждаемымъ генералъ-губернаторомъ. По распоряженію послѣдняго на каждый пріискъ Олекминско-Витимской системы, безразлично—работается онъ или нѣтъ, опредѣлено по одному стражнику и кромѣ того по одному же на каждые 50 человѣкъ рабочихъ. Стражники получаютъ жалованья по 420 р. въ годъ, а урядники, составляющіе около 1/10 части всего комплекта стражи, по 720 р.

По инструкціи горнополицейской стражѣ, утвержденной министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1902 г., урядники и стражники исполняютъ обязанности исключительно полицейскія и военнаго конвоя; имъ строго воспрещается наниматься у золотопромышленниковъ на поденную (?) работу или для исполненія какихъ-либо порученій по пріисковой службѣ (§ 7). Въ отсутствіе горнаго исправника, урядники и стражники производятъ дознанія и составляютъ протоколы, которые представляютъ исправнику (§ 8). Во ввѣренныхъ имъ участкахъ они обязаны охранять общественное спокойствіе и слѣдить за проявленіемъ какихъ-бы то ни было дѣйствій и толковъ, направленныхъ противъ правительства, законныхъ властей и общественнаго порядка и благочинія, равно къ подрыву въ обществѣ доброй нравственности и правъ собственности (§ 5). Урядники и стражники наблюдаютъ, чтобы провизія, выдаваемая рабочимъ, была свѣжая и хорошаго качества, чтобы вода для питья привозилась чистая... (§ 23). Они слѣдятъ, чтобы горныя работы не велись съ опасностью для жизни рабочихъ (§ 29). Урядникамъ и стражникамъ предоставляется право производить обыски въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются къ тому основательныя причины.

Независимо отъ обысковъ, урядники для предупрежденія и пресѣченія случаевъ тайнаго похищенія золота, могутъ, въ случаѣ надобности, производить осмотры у пріисковыхъ рабочихъ, но не въ подземныхъ выработкахъ, а на поверхности и въ казармахъ (§ 37). Въ случаѣ возникновенія серьезныхъ безпорядковъ между рабочими, неповиновенія законнымъ распоряженіямъ завѣдующаго пріискомъ или хозяевъ и полицейской командѣ, открытаго нападенія на имущество и лицъ промыслового управленія или пріисковой отрядъ, урядникъ или стражникъ принимаютъ всѣ мѣры къ водворенію порядка, избѣгая, однако, употребленія оружія до послѣдней возможности (§ 19). Пьяныхъ и буйныхъ рабочихъ, въ необходимыхъ случаяхъ, задерживаютъ до вытрезвленія въ каталажкахъ (§ 13). И т. д., и т. д.

Итакъ, пріисковая тайга имѣетъ, наконецъ, независимую [1]) отъ золотопромышленниковъ полицію; она функціонируетъ уже около 4 лѣтъ и, слѣдовательно, успѣла достаточно обнаружить свои „преимущества“ надъ прежними казачьими нарядами.

Прежде всего посмотримъ, сколько она стоитъ золотопромышленникамъ (конечно, независимо отъ нелегальныхъ поборовъ). Возьмемъ настоящій 1904 г. На обѣ тайги начальникомъ края опредѣлено 20 урядниковъ, 156 пѣшихъ стражниковъ и 42 конныхъ. $^1/_3$ часть жалованья урядника обязаны платить золотопромышленники, т. е. $20 \times 240 = 4800$ р.

Продовольствія по таксѣ выдается имъ на человѣка стоимостью въ 31 р. 33 к. въ мѣсяцъ: 31 р. 33 к. $\times 20 \times 12 = 7519$ р. 20 к., квартира, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ по 15 р.: $20 \times 15 = 300 \times 12 = 3600$ р. Итого урядники обходятся въ годъ 15.919 р. 20 к.

Пѣшіе стражники: продовольствіе—27 р. 13 к. $\times 156 \times$ $\times 12 = 50{,}795$ р. 76 к., жалованье 12 р. $\times 156 \times 12 = 22{,}764$ р., квартира, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ 15 р. $\times 156 \times 12 =$ $= 28{,}080$ р. Итакъ 156 пѣшихъ стражниковъ стоятъ 101,639 р. 76 к.

Конные: жалованье 12 р. $\times 42 \times 12 = 6018$ р. Продовольствіе по таксѣ 27 р. 13 к. $\times 42 \times 12 = 13{,}673$ р. 52 коп. Фу-

[1]) Исправникъ только съ 1-го января 1904 г. получаетъ субсидію, какъ и мировой судья, чрезъ казначейство Размѣръ его содержанія отнынѣ равняется 7800 р.

ражъ по таксѣ по 45 р. на лошадь въ мѣсяцъ: 45 × 42 × × 12 = 22,680 р. Конные стражники обходятся въ 42,401 р. 52 к. А вся стража—159,960 р. 48 к. по самому минимальному разсчету.

Казачья полиція, какъ выше показано, стоила около 150,000 р. Если имѣть въ виду, что казаки въ огромномъ большинствѣ случаевъ совмѣщали полицейскія обязанности съ разнаго рода другими занятіями и службами въ пріисковомъ дѣлѣ, то едва ли будетъ ошибкой сказать, что горно-полицейская стража обходится золотопромышленникамъ вдвое дороже. Но въ этомъ нѣтъ еще бѣды, разъ она по своимъ качествамъ стоитъ того. Посмотримъ же, каковы ея качества. Уже на съѣздѣ золотопромышленниковъ 1903 г. высказывались весьма нелестныя сужденія о горной полицейской стражѣ, которая, мало удовлетворяя своему назначенію, тѣмъ не менѣе съ каждымъ годомъ назначается все болѣе въ возростающемъ количествѣ, превосходя установленную норму: одинъ стражникъ на 50 рабочихъ. Такъ какъ стражникамъ на пріискѣ, за весьма рѣдкими случаями, рѣшительно нечего дѣлать, и такъ какъ никакихъ порученій, не относящихся къ полицейской службѣ, давать имъ инструкція не дозволяетъ, то всякое увеличеніе ихъ числа является лишь обремененіемъ предпріятій безполезными расходами по отводу квартиръ, выдачѣ содержанія и фуража натурою. Такъ, представитель Ленскаго товарищества П. Н. Бѣлозеровъ указалъ, что въ его дѣлѣ по Олекминской системѣ находится всего 400 рабочихъ, а стражниковъ при нихъ назначено 22, кромѣ 2 урядниковъ (т. е. по нормѣ на 1000 человѣкъ). „Убѣдившись, говоритъ отчетъ [1]) о засѣданіи 5-го съѣзда, что установленное распредѣленіе не можетъ подлежать отмѣнѣ, постановили произвести раскладку платежей на содержаніе горно-полицейской стражи по числу стражниковъ, назначенныхъ на пріиски отдѣльныхъ золотопромышленниковъ“...

---

[1]) Обыкновенно составляемый до послѣдней крайности сжато, чисто по-канцелярски: „присутствующіе по обмѣнѣ мнѣній постановили...“, а кѣмъ и какія высказывались мнѣнія, объ этомъ отчетъ или совсѣмъ умалчиваетъ, или формулируетъ въ 2—3 словахъ, если таковое высказано представителемъ крупнаго дѣла. По своей обстоятельности исключеніемъ является лишь отчетъ о съѣздѣ 1900 г.

„Не прерывая засѣданія, прибавляетъ отчетъ, присутствующіе продолжали высказывать протесты и неудовольствія по поводу увеличенія наряда стражниковъ... Послѣ очень оживленныхъ обсужденій всѣ присутствующіе рѣшили ходатайствовать о сокращеніи числа стражниковъ на золотыхъ пріискахъ Ленскаго горнаго округа на 1903 г., хотя бы до нормы прошлогодняго назначенія, и если ихъ просьба будетъ уважена, то ходатайствовать о возвратѣ излишне внесенныхъ по настоящей раскладкѣ денегъ". Обстоятельную мотивировку этого ходатайства представляетъ записка главноуправляющаго пріисками Ратькова-Рожнова. „Врядъ ли кто изъ золотопромышленниковъ, говорится въ ней, между прочимъ, будетъ отрицать, что и при такой численности (1 полицейскій чинъ на 140 рабочихъ) полицейскіе казаки на столько съ успѣхомъ справлялись со своими непосредственными обязанностями, преодолѣвая всѣ трудности этой службы, связанной и съ суровымъ климатомъ, и съ борьбой противъ спиртоносовъ, хищниковъ и съ особымъ характеромъ и качествами таежнаго населенія вообще (ссыльно-поселенцы?), что дѣло охраны порядка и безопасности на пріискахъ стояло далеко при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ настоящее время".

Несмотря на все мое несочувствіе (выражаясь мягко), автору записки, какъ пріисковому дѣятелю, я вынужденъ признать справедливость этого мнѣнія, какъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, такъ въ силу статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ мною изъ отчетовъ пріисковыхъ мировыхъ судей. На 1000 жителей [1]) обѣихъ системъ приходилось убійствъ:

въ 1897 г.	0,94
„ 1898 „	0,74
„ 1899 „	0,80
„ 1900 „	1,89
„ 1901 „	2,41
„ 1902 „	1,95
„ 1903 „	2,46

О числѣ кражъ со взломомъ и на сумму, превышающую компетенцію мирового суда, я извлекъ данныя за три года. На 1000 населенія приходилось кражъ:

[1]) Цифры населенія взяты изъ отчетовъ окружнаго инженера Ленскаго горнаго округа.

1900 г. 6,21
1901 „ 6,45
1902 „ . . . . . ?
1903 „ 8,73

Такимъ образомъ, имущественная безопасность при новой полиціи ослабѣваетъ съ каждымъ годомъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и по части производства дознаній и обвиненій лицъ въ преступленіяхъ, подвѣдомственныхъ мировому суду. Объ основательности и безпристрастіи новой полиціи въ этой области ея дѣйствій можно судить по слѣдующей таблицѣ, составленной мною по отчетамъ мирового судьи 1-го участка. Изъ всѣхъ привлеченныхъ къ отвѣтственности за разные проступки было совершенно освобождено отъ суда:

1897 г. 38%
1898 „ . . . . . ?
1899 „ 32%
1900 „ 22%
1901 „ 39%
1902 „ . . . . . ?
1903 „ 40%

Что касается моихъ личныхъ наблюденій, то изъ многочисленныхъ фактовъ приведу два-три наиболѣе крупныхъ. Въ августовскую ночь 1903 г. на Тихоно-Задонскомъ пріискѣ совершено убійство нѣкоей Козицкой и ея няньки дѣвушки. Козицкая занималась снабженіемъ служащихъ обѣдами и кромѣ того содержала притонъ для копачей и разныхъ темныхъ личностей; скупала золото и продавала спиртъ. Въ домѣ ея по вечерамъ была вѣчная толкотня съ попойкой и карточной игрой. Притонъ состоялъ подъ покровительствомъ полиціи, и урядникъ получалъ отъ Козицкой опредѣленное мѣсячное содержаніе. Стражники всегда могли здѣсь получить даровую выпивку и закуску и при случаѣ метнуть карту, чтобы взять выигрышъ и не заплатить проигрыша. Убійцы вынули окно, вошли въ домъ, приперли палкой двери сосѣдней комнаты, гдѣ спали поваръ и работникъ якутъ, и накинулись на спящихъ женщинъ. Вопли убиваемой хозяйки разбудили повара и якута, они высадили окно, выбѣжали на улицу и стали кричать и звать на помощь. Помѣщаясь недалеко въ „посѣтительской", слышалъ и я эти крики, но не придалъ имъ значенія, такъ какъ драки пьяныхъ въ этомъ притонѣ были не въ рѣдкость.

Такъ же отнесся къ крикамъ сначала и механикъ, жившій рядомъ съ „кухмистерской"; наконецъ, крики ему надоѣли и онъ по телефону просилъ урядника придти и узнать, въ чемъ дѣло. Пока урядникъ явился, убійцы успѣли вытащить тяжелый сундукъ, пронести его саженей 50 къ рѣкѣ и бросить въ воду [1]).

Была полная возможность догнать ихъ въ это время, но полиція вовсе не подумала пуститься немедленно въ погоню, а осмотрѣвъ кругомъ дома, принялась за составленіе протокола. При меньшемъ златолюбіи „независимой" отъ золотопромышленниковъ полиціи, не было бы и самаго убійства, а при большей ея храбрости, въ чемъ нельзя отказать казакамъ, были бы пойманы убійцы [1]).

Другой фактъ. Въ тайгѣ давно погуливалъ разбойникъ черкесъ по прозвищу Ушканчикъ. Онъ былъ пойманъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ сподвижниковъ на среднемъ Витимѣ. Оба разбойника, закованные въ кандалы, въ мартѣ 1904 года препровождались подъ конвоемъ трехъ конныхъ стражниковъ на Бодайбо. По дорогѣ они зашли въ зимовье попить чаю. Снявъ съ себя вооруженіе и оставивъ арестантовъ безъ надзора, они вышли въ другую половину зимовья, гдѣ помѣщалась хозяйка. Ушканчикъ съ товарищемъ немедленно овладѣли оружіемъ и стали съ револьверамя въ рукахъ въ угрожающую позицію. Замѣтивъ это, всѣ бывшіе въ зимовьѣ, въ томъ числѣ и стражники, выскочили черезъ другія двери на улицу и бросились бѣжать куда попало. Разбойники, оставшись одни, разбили свои кандалы, одѣлись въ полицейскія шинели и папахи, сѣли на лошадей бѣжавшихъ стражниковъ и уѣхали, захвативъ почту, которую, между прочимъ, везли ихъ конвоиры на Бодайбо. Скоро они нагнали стражниковъ, одного изъ нихъ застрѣлили, другого ранили, а третій, какимъ то чудомъ оставшійся живымъ, пришелъ въ городъ и разсказалъ о случившемся.

Поднялась тревога, поставили на ноги всю бодайбинскую и пріисковую полицію ловить разбойниковъ. Въ апрѣлѣ одинъ мой знакомый изъ пріисковыхъ низовъ говоритъ мнѣ, что Ушканчикъ тутъ недалеко на такомъ то ключѣ въ избушкѣ у такого то.—Почему же, спрашиваю, вы не сообщите

---

[1]) Мѣстный урядникъ былъ послѣ этого уволенъ исправникомъ.

уряднику?—Что вы! Мнѣ еще жизнь не надоѣла. Я почемъ знаю, что Ушкапчикъ не подмазалъ урядника и не живетъ въ ключѣ съ его вѣдома. Урядникъ деньгу обожаетъ, мы его хорошо знаемъ. Я пойду къ нему съ доносомъ, а онъ дастъ знать Ушканчику: ищи, молъ, паря, другого ключика, тутъ про тебя знаетъ такой то. Что же, вы думаете, Ушканчикъ меня помилуетъ?

По словамъ моего знакомаго, не одному ему извѣстно мѣстопребываніе разбойника, но всѣ разсуждаютъ такъ же, какъ онъ.

Я уѣхалъ съ пріисковъ 22 мая, а Ушкапчикъ все еще благополучно разгуливалъ на свободѣ.

Но возвратимся къ запискѣ г. Короткова... „Могутъ возразить, говоритъ авторъ, что, напротивъ, увеличеніе состава полицейской стражи необходимо здѣсь, несмотря на уменьшеніе количества пріискового населенія (1), какъ въ видахъ болѣе успѣшной борьбы со спиртоносами и проистекающимъ отсюда пьянствомъ рабочихъ, такъ въ особенности въ виду новаго условія промысловаго быта—введенія въ дѣйствіе закона о свободномъ обращеніи золота, требующаго болѣе энергическихъ мѣръ въ смыслѣ борьбы съ хищеніемъ и другими способами незаконнаго пріобрѣтенія золота. Однако, возраженія эти окажутся не имѣющими за собой никакого практическаго основанія, если имѣть въ виду: во 1) что за послѣднее время спиртоношество и пьянство среди рабочаго населенія значительно увеличилось сравнительно съ таковыми же прежде наблюдавшимися явленіями, а во 2) что, какъ покажутъ данныя уголовной статистики, число дѣлъ о хищеніи золота и о всякомъ незаконномъ пріобрѣтеніи его, возбуждавшихся въ прежнее время, далеко превышаетъ цифру таковыхъ же дѣлъ, возникающихъ нынѣ, чѣмъ и объясняется то внушительное количество сплавленнаго въ лабораторіяхъ золота, что получено тамъ помимо золотопромышленныхъ компаній“.

Я уже говорилъ въ статьѣ о „хищникахъ“, что „значительное количество сплавленнаго въ лабораторіяхъ золота (2), именуемаго „вольноприпосительскимъ“, объясняется кражей

(1) См. ранѣе стр.

(2) Очевидно, разумѣется Иркутска, такъ какъ бодайбинская открыта лишь въ сентябрѣ 1903 г.

такового золотопромышленниками у самихъ же себя съ цѣлью ускользнуть отъ платежа промысловаго налога. Относительно же уменьшенія дѣлъ, возбуждающихся по хищенію золота, ссылка на статистику остается голословной, такъ какъ инженеръ Коротковъ никакихъ цифръ не приводитъ. Но указаніе на усиленіе пьянства совершенно справедливо. Полиція взяла на себя право разрѣшать продажу вина въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, въ видахъ, какъ объяснилъ мнѣ исправникъ, удешевленія этого продукта и эмансипаціи населенія отъ спиртоносовъ. На каждомъ пріискѣ, не говоря уже о Бодайбо, открыто продается водка по 75 к. бутылка: у мелкихъ и среднихъ владѣльцевъ дрянная витимской или бодаибинской разливки, у крупныхъ сносная (заводовъ Бѣлозерова, Патушинскаго и др.)

Подъ флагомъ этой благонамѣренной цѣли, полиція, однако, по пословицѣ „ote toi dici je m'y mette"—сама взяла на себя роль этихъ послѣднихъ, являясь самымъ зловреднымъ, благодаря безотвѣтственности, спаивателемъ пріисковаго люда въ интересахъ личной наживы. Одинъ quasi золотопромышленникъ запился спиртомъ на 105 тысячъ руб. и, купивъ себѣ привилегію винной торговли въ извѣстномъ районѣ, считалъ привилегію на столько непререкаемой, что даже, предъявлялъ протесты на нарушеніе своего хорошо оплаченнаго права.

На этомъ напиткѣ, въ виду предстоявшей [1]) его монополизаціи казной, спѣшили нажиться всѣ чины отъ великаго до малого. Но разъ купленное разрѣшеніе на водочную торговлю не гарантировало, однако, отъ дальнѣйшихъ вымогательствъ. Къ тому же quasi золотопромышленнику обращается мѣстный урядникъ, требуя 50 р. въ мѣсяцъ. — За что? „Какъ за что? вы вѣдь спиртомъ торгуете?."—Торгую. „Такъ вотъ, за это самое." -Но я торгую съ вѣдома Икса Игрековича, вы это хорошо знаете.—„Конечно, знаю, но Иксъ Игрековичъ не давалъ мнѣ письменнаго предписанія *не* конфисковать вашего спирта..." И урядникъ получилъ требуемое, пользуясь отъ того же лица еще 50 рублями въ мѣсяцъ „за пріискъ".

[1]) Интересно, что подъ этотъ незаконный товаръ владѣлецъ получилъ ссуду отъ отдѣленія Государственнаго Банка.

Урядники обязаны наблюдать, чтобы всѣ рабочіе были съ надлежащими видами. Выправка новаго паспорта на пріискахъ дѣло крайне затяжное даже теперь, когда паспорты *должны* выдаваться волостными правленіями безплатно. Полученіе временной отсрочки также вещь не легкая, такъ какъ требовалось за много десятковъ верстъ, а то и сотню являться для этого въ канцелярію горнаго исправника и ждать здѣсь по нѣсколько дней. Въ устраненіе этихъ неудобствъ исправникъ Янчисъ снабжаетъ мѣстныхъ урядниковъ готовыми бланками за своей подписью для выдачи нуждающимся въ отсрочкахъ. Это очень хорошо, но было бы еще лучше, если бы это облегченіе для рабочихъ не превращалось въ статью дохода. Нѣкоторые урядники (а злые языки говорятъ, будто бы, всѣ) не выдаютъ, а продаютъ отсрочки всѣмъ желающимъ. Легкость, съ какою можно было добыть этотъ документъ, вызывала жалобы многихъ предпринимателей, у которыхъ напявшіеся рабочіе, взявъ задатокъ и отдавъ свои виды, или не являлись совсѣмъ, или тотчасъ же уходили, брали новыя отсрочки и продѣлывали ту же исторію съ другими напимателями. Отъ такого порядка страдали главнымъ образомъ мелкіе золотопромышленники, у которыхъ наемъ рабочихъ производится часто по словесному договору, безъ контракта. Положеніе рабочаго въ мелкихъ и среднихъ предпріятіяхъ обычно хуже, чѣмъ въ крупныхъ, и систему, избранную полиціей въ безпрепятственной выдачѣ видовъ, какъ облегчающую рабочему исканіе лучшаго, можно было бы только привѣтствовать, если бы, повторяю, это облегченіе оказывалось безкорыстнымъ. За отсрочку приходилось платить, положимъ, не много,—всего 1 р., но въ особыхъ случаяхъ, какъ сообщали мнѣ свѣдующіе люди, платилось и до 3 р. [1]).

Объектомъ не малыхъ поборовъ является также мелочная развозная торговля. Какъ извѣстно, на промыслахъ торговля была монополизирована золотопромышленниками. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія посредствомъ циркуляровъ изъ Иркутства было установлено право открытія торговыхъ магазиновъ за тѣми лишь золотопромышленниками, которые имѣютъ не менѣе 100 годовыхъ рабочихъ. Но

[1]) Урядникъ, взимавшій плату за отсрочку въ такомъ размѣрѣ, былъ уволенъ, хотя, впрочемъ, не за это.

вотъ въ 1898 году въ этой монополіи, освященной высшей мѣстной администраціей, была пробита брешь сенатомъ, который по жалобѣ купца Василія Горѣлова на иркутскаго генералъ-губернатора, разъяснилъ, что „ни въ Положеніи о сборѣ за право торговли и промысловъ, ни въ Уставѣ Горномъ, ни, наконецъ, въ Учрежденіи Сибирскомъ не содержится постановленій, которыя оправдывали бы распоряженія иркутскаго генералъ-губернатора о воспрещеніи Горѣлову торговли въ Бодайбинской резиденціи". Съ этихъ поръ частная торговля быстро отвоевываетъ у золотопромышленниковъ бодайбинскій рынокъ и черезъ какихъ-нибудь 5 лѣтъ превращаетъ жалкую „резиденцію" въ цѣлый городъ. Что касается свободной торговли въ предѣлахъ отдѣльныхъ пріисковъ, то здѣсь частная торговля, запретная и понынѣ, производилась лишь контрабанднымъ путемъ. Въ бытность мою на пріискѣ въ 1903 году я, однако, засталъ и въ этой области нѣкоторый прогрессъ. Вольный торговецъ можетъ привезти на пріискъ съ разрѣшенія управляющаго для продажи рабочимъ и служащимъ съѣстные припасы, „какихъ не имѣется въ амбарѣ управленія". Торговля должна производиться близъ казачьей подъ наблюденіемъ полиціи, которая осматриваетъ товаръ и провѣряетъ, нѣтъ ли въ немъ чего липшяго противъ перечисленнаго въ пропускѣ управляющаго. Если заплатить урядшику (5 р. съ воза), то никакого „обыска" не дѣлается, и торговля производится безпрепятственно. Одинъ знакомый мнѣ торговецъ, новичекъ въ этомъ дѣлѣ, явился впервые на пріискъ Ленскаго товарищества съ разрѣшенія управляющаго, считая его пропускъ вполнѣ достаточной гарантіей для свободной распродажи своего товара. Но онъ ошибся: урядникъ прогналъ его, потому что въ пропускѣ сказано было „фрукты", а у торговца кромѣ мороженыхъ яблокъ оказались и лимоны; сказано было еще „рыба", а при „обыскѣ" была найдена и икра. Эта неудача сразу же научила молодого торгаша, какъ поступать, и дѣла его пошли недурно, несмотря на значительные „накладные" расходы: 24 р. за свидѣтельство на право торговли (выданное податнымъ инспекторомъ), 2 проц. со стоимости товара въ пользу попечительства, мзда урядшику до 5 руб. (съ воза), натурой или деньгами, а также стражникамъ (товаромъ: орѣхи, конфекты, папиросы и т. д.).

Попечительскій налогъ взимается урядникомъ, при чемъ торговцу выдается квитанція. Предоставленіе оцѣнки товара уряднику служитъ также источникомъ его дохода. Всѣ эти поборы въ значительной степени парализуютъ благую цѣль допущенія развозной торговли: удешевить стоимость съѣстныхъ продуктовъ для рабочихъ.

Расплата крупныхъ компаній съ лѣсными подрядчиками на одну треть купонами (въ Ленскомъ товариществѣ), или разсчеты ордерами на срокъ до 8 мѣсяцевъ (Компанія Промышленности) создаютъ нужду въ учетныхъ операціяхъ, каковыми съ выгодой занимаются нѣкоторые урядники. Податной инспекторъ при ревизіи актовъ, подлежащихъ гербовому сбору, обнаружилъ въ Компаніи Промышленности учтенныхъ урядникомъ ея долговыхъ обязательствъ [1]) на сумму въ 11.000 р. Если подобные гешефты, дающіе отъ 20 до 25 проц. барыша, не совмѣстимы съ обязанностями полиціи, то слѣдуетъ также лишить ее права свидѣтельствовать контракты съ рабочими, облагаемые гербовымъ сборомъ, предоставивъ таковое исключительно мировому судьѣ, какъ власти, наименѣе склонной къ соглашеніямъ съ золотопромышленниками въ ущербъ казнѣ и городу Якутску [2]). Чтобы отнять у полиціи еще одинъ соблазнъ къ поборамъ, необходимо допустить евреямъ свободное пребываніе на пріискахъ наравнѣ съ другими національностями. О нелѣпости идеи, будто евреи являются болѣе грубыми эксплуататорами рабочей силы и болѣе беззастѣнчивыми и ловкими плутами въ дѣлѣ наживы, чѣмъ православные христіане, я буду говорить въ другой главѣ. Здѣсь же укажу только на то, что законъ, возбраняющій евреямъ пребываніе на пріискахъ, дѣлаетъ ихъ неисчерпаемой дойной коровой для полиціи. Это было всегда и осталось такъ и по нынѣ. Между тѣмъ, если кому пріисковое населеніе обязано удешевленіемъ жизни, то именно только евреямъ.

Выше я характеризовалъ послѣдующихъ горныхъ исправниковъ „зависимой“ казацкой полиціи. Послѣднее мое пребываніе на пріискахъ совпало съ дѣятельностью перваго исправника „независимой“ горно-полицейской стражи. На прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему при его отъѣздѣ съ пріи-

[1]) Главнымъ образомъ по поставкѣ лѣса якутамъ
[2]) Въ пользу его идетъ часть маклерскаго сбора.

исковъ, онъ заявилъ, что его девизомъ, какъ полицейскаго чиновника, всегда было не щедринское „тащить и не пущать", а заповѣдь Христа: люби ближняго своего, какъ самого себя. Если подъ ближнимъ исправникъ разумѣлъ господъ золотопромышленниковъ, отъ которыхъ одна только традиціонная субсидія давала ему въ годъ свыше 30.000 р. [1]), то это, пожалуй справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, ни при одномъ изъ его предшественниковъ система произвола по отношенію къ рабочему люду не практиковалась, въ угоду его „ближнимъ", въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ при немъ. Чувствуя за собой поддержку въ Иркутскѣ [2]), онъ, несмотря на вѣчные конфликты съ мировымъ судьей и податнымъ инспекторомъ, оставался неизмѣнно вѣренъ своей системѣ. Посмотримъ же, какъ воплощался въ дѣло кощунственно провозглашенный имъ девизъ.

§ 42 инструкціи запрещаетъ урядникамъ и стражникамъ личную расправу даже въ томъ случаѣ, когда имъ при исполненіи обязанностей службы было бы нанесено оскорбленіе. Однако, самъ исправникъ подалъ примѣръ пониманія инструкціи въ обратномъ смыслѣ, пустивъ въ ходъ палочную расправу съ крестьяниномъ Леоновымъ, за что, впрочемъ, по жалобѣ потерпѣвшаго былъ приговоренъ иркутскимъ окружнымъ судомъ къ аресту на три дня, съ замѣной его штрафомъ въ 25 руб. Легко представить даже не жившему на пріискахъ, на сколько воздержаны низшіе чины полиціи, если самъ начальникъ позволяетъ себѣ прибѣгать къ самоуправству. Къ счастью, боязнь рабочей массы, временами рѣшающейся и умѣющей постоять за себя, заставляетъ ихъ разнуздывать свои инстинкты главнымъ образомъ по отношенію къ тѣмъ, кто попадаетъ къ нимъ въ казачью, въ арестное помѣщеніе на Бодайбо или въ каталажку на пріискѣ. И нужно сказать, что резиденція исправника, гдѣ полиція состоитъ подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, даетъ тонъ поведенію стражи во всѣхъ ея филіальныхъ отдѣленіяхъ. Всякій разъ, когда я наѣзжалъ въ Бодайбо, я всегда наталкивался на какой нибудь случай изъ практики полицейской любви къ своему ближнему: то от-

[1]) За объ тайги, такъ какъ Янчисъ, будучи витимскимъ исправникомъ, исполнялъ обязанности и олекминскаго.

[2]) Гдѣ онъ много лѣтъ былъ полицеймейстеромъ.

рубятъ шашкой палецъ заключенному за то, что тотъ не хотѣлъ зайти въ камеру, потому что время прогулки еще не кончилось, то ударятъ взятаго въ казачью „для вытрезвленія“ связкой тюремныхъ ключей со всего размаха въ лицо, такъ что несчастный, обливаясь кровью, валится на полъ (Озеровъ); то изобьютъ беременную женщину (Рейтеръ), отнимая у нея уже оплаченную „полицейскимъ акцизомъ“ водку... [1]).

Подобные застѣночные и внѣстѣночные подвиги горнополицейской стражи за годовое мое пребываніе на пріискахъ неоднократно вызывали волненія рабочихъ: февральская (1904 года) стачка на Прокопіевскомъ пріискѣ Бодайбинской компаніи, гдѣ требовали удаленія нѣкоторыхъ стражниковъ за жестокое обращеніе съ арестованными; стачка на пріискахъ Спирина съ предъявленіемъ такого же требованія относительно урядника; избіеніе группой стачечниковъ на Ѳеодосьевскомъ пріискѣ Ленскаго товарищества (1904 г.) стражника Зуцова и насильственное освобожденіе арестованныхъ... Всѣ эти факты достаточно краснорѣчиво говорятъ о томъ озлобленіи, какое вызываетъ своимъ поведеніемъ горная полиція въ пріисковомъ рабочемъ населеніи.

Въ числѣ многообразныхъ проявленій усердія исправниковъ въ пользу господъ золотопромышленниковъ самыми вредными слѣдуетъ признать составленіе списковъ не подлежащихъ наемкѣ рабочихъ и высылку изъ предѣловъ тайги. Когда такими списками обмѣниваются между собою сами предприниматели, то это ихъ дѣло (хорошее или дурное—другой вопросъ); но угодливое вмѣшательство въ эту область отношеній полиціи едва ли можетъ быть терпимо даже съ точки зрѣнія нашихъ законовъ.

Вотъ форма, съ какой обыкновенно исправникъ обращается къ промысловымъ управленіямъ, предлагая не нанимать такихъ то рабочихъ:

Горный исправникъ частныхъ золотыхъ промысловъ Витимской системы, сентября 6 дня 1901 года № 2841.

Въ управленіе пріисковъ такой то компаніи.

Препровождая при семъ списокъ рабочихъ, бѣжавшихъ

[1]) Дѣла у мирового судьи II участка 1894 г.

и *разсчитанныхъ до окончанія срока найма* съ пріисковъ Витимской системы съ 1-го іюня сего года по настоящее время, сообщаю, что, по моему мнѣнію, этихъ рабочихъ не слѣдовало бы допускать къ новой наемкѣ, дабы ихъ прошлые разные неблаговидные поступки не оставить безпаказанными, при чемъ при отказѣ отъ наемки прошу *не объявлять причинъ отказа* (курсивъ исправника). Вмѣстѣ съ симъ, считаю нужнымъ присовокупить, что, на сколько представилась мнѣ возможность наблюденія за рабочими, самыми безпокойными и вообще всѣмъ недовольными оказались рабочіе крестьяне Забайкальской области, Верхнеудинскаго округа, Никольской волости.

Горный исправникъ Янчисъ".

На этомъ „отношеніи" главноуправляющій пріисками положилъ резолюцію:

„Сдѣлать распоряженіе по дистанціямъ: внести перечисленныхъ рабочихъ въ штрафной списокъ и ни въ коемъ случаѣ не нанимать". 9, IX, 1901 г. А. Кокшаровъ (инженеръ).

При этой бумагѣ приложенъ списокъ 361 рабочаго. Если присоединить сюда всю Никольскую волость, то исправникъ Янчисъ лишаетъ заработка нѣсколько тысячъ душъ... До такихъ геркулесовыхъ столбовъ самовластія не доходилъ ниодинъ исправникъ въ тайгѣ. Это не единственый списокъ за 1903 г. Есть списки и за 1904 г., но мнѣ не удалось ихъ добыть [1]).

А вотъ еще документъ:

„Горный исправникъ Витимской системы. 1903 г. октября 31 дня за № 4092.

Господину главноуправляющему пріисками такой-то Компаніи.

„.... Мною съ 1-го января с. г. были заведены особые списки лицъ, привлекаемыхъ за кражу и за покушеніе на кражу золота, при чемъ оказывается, что въ періодъ времени по 1-е ноября нынѣшняго года, т. е. въ теченіе только 10 мѣсяцевъ, полиціей было привлечено за хищеніе золота 195 человѣкъ. Списки *привлеченныхъ* лицъ имѣются въ кан-

[1]) Въ виду многочисленныхъ стачекъ за этотъ годъ, въ черные списки попала не одна сотня рабочихъ.

целяріи моей и могутъ быть сообщены вамъ, если пожелаете имѣть ихъ... Горный инженеръ Янчисъ".

Здѣсь говорится не о признанныхъ судомъ виновными въ кражѣ золота, а всѣхъ, привлекаемыхъ по обвиненію въ этомъ преступленіи полиціей. По отчетамъ обоихъ судей тайги за весь 1903 г. было осуждено не только за кражу золота, а вообще за всякую кражу 142 лица, оправдано 38 и освобождено отъ суда 92 человѣка. Итакъ, исправникъ подвергаетъ своею властью наказанію, по крайней мѣрѣ, 100 человѣкъ, оправданныхъ и освобожденныхъ отъ суда; подвергаетъ наказанію болѣе тяжкому, чѣмъ то сдѣлалъ судъ по отношенію къ обвиненнымъ, потому что въ тюрьмѣ даютъ кровъ, кормятъ и поятъ, а исправникъ обрекаетъ на голодовку ни въ чемъ неповинныхъ людей, толкая ихъ на путь преступности.

Въ своихъ обращеніяхъ къ главноуправляющимъ, исправникъ, какъ мы видимъ, необычайно почтителенъ, скроменъ и многословенъ, тогда какъ, обращаясь прямо въ конторы, онъ лакониченъ и повелителенъ.

„М. В. Д. Горный исправникъ частныхъ золотыхъ промысловъ Олекминской системы. Іюля 18 дня 1903 г. № 2150. Секретно.

Въ контору 1-й дистанціи такой то Компаніи.

Сообщаю конторѣ 1-й дистанціи:

Мѣщанина Иркутской губерніи Верхоленскаго уѣзда Егора Кузнецова и крестьянина Тобольской губерніи, Ялуторовскаго уѣзда, Красногорской волости Егора Токмепина въ горныя работы на пріиски не принимать, въ виду неблагонадежнаго ихъ поведенія.

Исполняющій должность исправника Олекминской системы Н. Янчисъ".

Это, такъ сказать, подпольная („конфиденціально, секретно") дѣятельность исправника во вредъ рабочимъ, но такая не стѣсняется въ иныхъ случаяхъ проявляться и въ открытыхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, къ каковымъ, между прочимъ, нужно отнести порчу паспортовъ надписями вродѣ слѣдующей: „наемка въ работы на пріискахъ воспрещается. Исправникъ Янчисъ". Эту надпись я видѣлъ на паспортѣ Александра Макарова Курникова, крест. Тобольской губерніи, Тарскаго уѣзда, Карташевской волости, деревни Камышенки-

Курской, выданномъ за № 482. 1903 года, марта 14-го. Я встрѣтилъ Курникова въ послѣднихъ числахъ сентября, когда и выѣхать то изъ тайги за прекращеніемъ навигаціи невозможно, такъ что ему ужъ рѣшительно ничего не оставалось, какъ идти въ копачи, тѣмъ болѣе что въ М—омъ, напримѣръ, притонѣ [1]) онъ найдетъ покровительство со стороны той же полиціи.

Правомъ высылки изъ тайги горные исправники пользовались всегда. На запросъ генералъ-губернатора въ 1883 г о количествѣ высланныхъ изъ пріискового района, витимскій исправникъ донесъ, что за три года (1881—1883) было имъ всего выслано 212 человѣкъ (въ томъ числѣ 64 ссыльно-каторжныхъ, а остальные—крестьяне, мѣщане, инородцы и поселенцы [2]). При Троскинѣ въ 1888 г., когда, благодаря волненіямъ рабочихъ, цифра высланныхъ была особенно высока, этой мѣрѣ подверглось 312 рабочихъ. В. И. Семевскій, приводя эти данныя, возмущается безправіемъ личности, царившемъ при Троскинѣ. Но тогда исправникъ являлся почти всемогущимъ на пріискахъ [3]). Съ тѣхъ поръ уже 7 лѣтъ, какъ существуетъ здѣсь мировой судъ, есть податной инспекторъ и не мало другихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ (отдѣленія государственнаго банка, почтово-телеграфной конторы, золотоплав. лабораторіи, акцизнаго вѣдомства), а правовое положеніе личности, не принадлежащей къ классу капиталистовъ, нисколько не улучшилось, если даже не ухудшилось. Нельзя назвать улучшеніемъ, если исправникъ можетъ выслать изъ тайги, кого ему вздумается, тогда какъ журналъ губернскаго правленія ограничиваетъ его въ этомъ только двумя причинами: безписьменностью и... не помню еще чѣмъ то. При бодайбинской тюрьмѣ есть книга, озаглавленная *„Пересыльные 1903 г.“*. Страницы ея заключаютъ пять графъ: 1) Имя, фамилія и сословіе, 2) когда арестованъ, 3) кѣмъ—урядникомъ, стражникомъ или по распоряженію горнаго исправника, 4) за что и 5) когда и кѣмъ освобожденъ (мировымъ судьей, горнымъ исправникомъ

[1]) Описанный мною въ статьѣ „Хищники и свободное обращеніе золота въ Витимско-Олекминской тайгѣ“.

[2]) Семевскій. Т. II. 451 стр.

[3]) Второму административному лицу ревизору (окружному инженеру) принадлежитъ техническій надзоръ.

или урядникомъ). Изъ этой книги видно, что изъ содержавшихся за 1903 г. въ тюрьмѣ 1205 человѣкъ выслано въ Витимскъ и Киренскъ 258, т. е. больше, чѣмъ за три вышеуказанныхъ года и немногимъ меньше, чѣмъ при Троскинѣ въ исключительный годъ „безпорядковъ“ среди рабочихъ, чего и признаковъ не было въ 1903 г.

Въ дѣйствительности число высланныхъ гораздо больше, такъ какъ въ книгу заносились только тѣ, которые содержались въ тюрьмѣ, какъ пересыльные.

Многіе выдворялись безъ предварительнаго заключенія: имъ приказывалось приготовляться къ отъѣзду, и въ назначенный срокъ являлись стражники и отводили приговоренныхъ къ высылкѣ на пароходъ. Невозможность для иныхъ въ 2—3 дня устроить свои семейныя, хозяйственныя или торговыя дѣла ставили подчасъ человѣка въ необходимость, во избѣжаніе полнаго раззоренія, покупать отсрочку высылки весьма высокой цѣной.

Обычныя причины высылокъ, отмѣченныя въ тюремной книгѣ, таковы: „за неодобрительное поведеніе“, „за неопредѣленныя занятія“ или же за проступки, подсудные мировому суду: „за побѣгъ съ работъ“, „за сопротивленіе полиціи“, „за копачество“, а то просто безъ объясненія причины. Всѣхъ такихъ лицъ, полноправныхъ, имѣющихъ законные виды на жительство и не іудейскаго вѣроисповѣданія изъ 258 выслано 73. О высланныхъ, но не прошедшихъ черезъ тюрьму, никакихъ официальныхъ свѣдѣній у меня не имѣется. Изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ приведу два, которые весьма краснорѣчиво говорятъ о широтѣ полицейскаго произвола. Служитель отдѣленія государственнаго банка въ нетрезвомъ видѣ отвѣчалъ на распеканіе директора какой то грубостью. Достаточно было директору попросить по телефону исправника расправиться съ непочтительнымъ служителемъ, чтобъ послѣдній былъ высланъ изъ Бодайбо.

Второй случай: исправникъ отбираетъ лошадь у одного еврея на томъ основаніи, что кто то другой считаетъ эту лошадь своей. Еврей идетъ съ жалобой къ мировому; послѣдній сообщаетъ исправнику, что въ силу такой то статьи, пока судъ не выяснилъ спора и не сдѣлалъ соотвѣтствующаго постановленія, лошадь отобрана быть не можетъ, ис-

правникъ возвращаетъ лошадь, но мститъ еврею, которому предоставлялъ до того свободно проживать на Бодайбо, высылкой изъ тайги.

Изъ той же интересной книги мы видимъ, что многіе арестованные: „за копачество", „за мелкія кражи", „за неодобрительное поведеніе", „за побѣгъ съ работъ" и даже „за нападеніе на проѣзжей дорогѣ" послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія освобождены. Почему же, спрашивается, одни выдворяются изъ тайги, а другіе, задержанные по той же причинѣ, оставляются на промыслахъ? Въ прежнее время—и нельзя сказать, чтобы ужъ очень давно—тюрьма служила для нѣкоторыхъ урядниковъ средствомъ вымогательства денегъ: отпускали на свободу за извѣстную мзду и даже арестовывали порою только за тѣмъ, чтобы получить выкупъ. У меня нѣтъ документальныхъ данныхъ утверждать, что таково же назначеніе и настоящей бодайбинской тюрьмы. Но во всякомъ случаѣ можно сказать, что это учрежденіе служитъ для упражненія полиціи далеко не въ законныхъ дѣяніяхъ. Обратимся опять къ той же тюремной книгѣ. Если распредѣлить всѣхъ содержавшихся за 1903 г. въ бодайбинской тюрьмѣ по родамъ „преступленій", то получимъ слѣдующую картину. (См. 38 стр.).

Если изъ числа 1225 исключить: 1) всѣхъ подсудимыхъ и отбывающихъ наказаніе по суду, 2) всѣхъ ссыльно-поселенцевъ, 3) всѣхъ полноправныхъ, арестованныхъ для высылки этапнымъ порядкомъ изъ пріисковаго района и, наконецъ, 4) всѣхъ тѣхъ, причины заключенія коихъ въ графѣ „за что" не показаны, то остается 176 полноправныхъ лицъ, которыхъ полиція держала въ заключеніи безъ вѣдома мирового судьи; были ли составляемы постановленія по поводу ихъ задержанія или нѣтъ—неизвѣстно, но никакихъ копій съ постановленій, вопреки требованію закона, мировому судьѣ доставлено не было. Полиціи законъ предоставляетъ право задерживать лицъ свободныхъ состояній безъ увѣдомленія о томъ прокурорской власти или судьи не болѣе сутокъ. Между тѣмъ изъ этихъ 176 человѣкъ провели въ тюрьмѣ [1]:

---

[1]) Въ моихъ запискахъ есть еще 8 чел. проведшихъ до 2 м. въ заключеніи. Но стоящая рядомъ нотабена, значеніе которой я теперь не могу объяснить, заставляетъ меня выключить эти 8 чел. изъ подсчета.

	Количество.
1. Заключенные подъ стражу по распоряженію мироваго судьи и отбывающіе наказаніе по приговору суда	110
2. Въ графѣ „*за что*“ значится: „*копачъ*“, „*шахтолазъ*“, „*хищникъ*“ и „*за золото*“	117
3. „*За безписьменность*“ (съ прибавленіемъ „*и праздношатательство*“ или („*за пьянство*“).	126
4. „*За пьянство*“ (только)	55
5. „*За праздношательство* (только), иногда вмѣстѣ съ тѣмъ: „*и за пьянство*“.	130
6. *За драку* (нерѣдко: „*и тяжкіе побои*“)	42
7. *До справокъ* или *до выясненія личности* (нерѣдко *и за пьянство*)	281
8. Или совсѣмъ не отмѣчено, за что, или *неизвѣстно*, или *по распоряженію горнаго исправника*, или слѣдуетъ выслать	161
9. *За кражу, по подозрѣнію въ кражѣ, по подозрѣнію въ укрывательствѣ краденнаго, по подозрѣнію въ укрывательствѣ подозрительныхъ лицъ*	34
10. *За неодобрительное поведеніе, за побѣгъ отъ мужа, за карточную игру, за оскорбленіе управляющаго* и т. д.	51
11. *За неопредѣленныя занятія*	37
12. *За оскорбленіе полиціи* и *сопротивленіе полиціи*	23
13. Въ графѣ *за что* написано: *пансіонеръ*, т. е. получаетъ пенсію изъ капитала имени Сибирякова	15
14. *За невыходъ на работу*	5
15. *За буйство, пьянство и побои женъ*	4
16. *За нападеніе на проѣзжей дорогѣ*	2
17. *По подозрѣнію въ убійствѣ и кражѣ золота*	2
18. *За подстрекательство къ бунту*	5
19. *За спиртоношество*	5
20. Арестованы для высылки къ отбыванію воинской повинности	5
21. Какъ неимѣющіе права жительства (евреи)	6
22. За побѣгъ изъ тюрьмы	1
Всего	1.225
Изъ нихъ выслано въ Витимскъ и Киренскъ	258

Отъ 2 дней до 7 . . . . . 104 чел.
» 7 дней до 2-хъ недѣль . . . . . 45 »
» 2 недѣль до 1 мѣс. . . . . 23 »
» 1 мѣсяца до 1½ мѣс. . . . . 4 »

Итакъ, пріисковая полиція присвоила себѣ карательную власть надъ полноправными людьми и лишаетъ ихъ свободы, томя въ заключеніи столько времени, сколько ей за-

благоразсудится. При этомъ она ввела въ кодексъ наказуемыхъ своею властью такія дѣянія, въ которыхъ самый суровый юристъ едва ли усмотритъ какіе-нибудь признаки преступности. Читатель можетъ это видѣть по квалификаціямъ проступковъ въ вышеприведенной таблицѣ; но для вящшей рельефности я предложу его вниманію часть имѣющагося у меня именного списка:

1. Яковлевъ Кондратъ, крестьянинъ Тобольской губ., Ялуторовскаго уѣзда, арестованъ урядникомъ Конопницкимъ 7-го сентября за неодобрительное поведеніе, освобожденъ 23 сентября по распоряженію горнаго исправника (провелъ въ заключеніи 6 дней).

2. Елисѣевъ Василій, крест. Иркут. г., Верхолен. у., арестованъ урядникомъ Конопницкимъ 29 августа, „изъ саду Торохова", освобожденъ 4-го сентября.

3. Смирнова Агафья, сс. поселенка, Верхнеуд. у., арестована горнымъ исправникомъ 5 января „за побѣгъ отъ мужа", освобождена 7-го января.

4. Кузнецова Домна, крестьянка Иркутской г., Верхолен. уѣзда., Тутур. волости арестована (время?) урядникомъ Ильницкимъ за побѣгъ отъ мужа, освобождена 16 февраля по распоряженію горнаго исправника.

5. Майборода Тимофей, крестьянинъ Томской губ. и у.. Семилужской волости, арестованъ урядникомъ Ильницкимъ 12-го сентября „пансіонеръ", освобожденъ 19-го сентября по распоряженію горнаго исправника.

6. Маресовъ Иванъ, кр. Барнаульскаго уѣзда, Ребрихин. волости, арестованъ 19 января „за разстройство семьи Смирнова", освобожденъ 23 января.

7. Шишкинъ Яковъ, крестьянинъ Кирен. уѣзда, Витим, волости, арестованъ 13 марта за неповиновеніе отцу, освобожденъ 15 марта и т. д.

А вотъ подвергнутые аресту самовольно полиціей за проступки, подвѣдомственные мировому суду:

1. Шаповаловъ Егоръ, крестьянинъ Каинскаго уѣзда, арестованъ 8-го сентября урядникомъ Елшинымъ „за хищничество", освобожденъ 19 сентября.

2. Охапкинъ Адріанъ, крестьянинъ Шадринскаго уѣзда, Крестов, волости, арестованъ 16-го іюля урядникомъ Чер-

неговымъ за оскорбленіе управляющаго Рябкина, освобожденъ 20 іюля.

3. Рѣшетниковъ Платонъ, крестьянинъ Ялуторов. уѣзда, арестованъ 26 іюля урядникомъ Черпеговымъ за оскорбленіе Рябкина, освобожденъ 5-го августа.

4. Дьячковъ Михаилъ, крестьянинъ Верхнеудскаго у., арестованъ 26 августа урядникомъ Черпеговымъ за побѣгъ съ работъ, высланъ 3-го сентября въ Киренскъ.

5. Оглоблинъ Михаилъ, казакъ, Киренск. уѣзда, Нижнеилим. волости, арестованъ 24 апрѣля горнымъ исправникомъ за нападеніе на проѣзжей дорогѣ, освобожденъ 29 апрѣля.

6. Тютрюмовъ Михаилъ, крестьянинъ Ялуторов. уѣзда, арестованъ 30 сентября урядникомъ Кононницкимъ, „копачъ", освобожденъ 23-го ноября.

Я выписалъ эти нѣсколько примѣровъ лишь для образца, останавливаясь исключительно на полноправныхъ. За что выдержаны подъ арестомъ 161 человѣкъ, какъ видно изъ 8-го пункта моей таблицы,—тюремная книга никакихъ указаній не даетъ. Относительно 15 „пансіоперовъ" (пунктъ 13) приходится лишь недоумѣвать: почему фактъ полученія пенсіи изъ капитала имени Сибирякова влечетъ рабочаго къ заключенію въ тюрьму, при чемъ одни высылаются, другіе оставляются на пріискахъ.

Такова реформированная пріисковая полиція, замѣнившая собою наряды казаковъ. На каждомъ съѣздѣ съ 1901 г постановляются ходатайства, если не объ уменьшеніи ея численности, то, по крайней мѣрѣ, о низведеніи до установленной нормы: 1 стражникъ на 50 рабочихъ, а также о назначеніи на обѣ системы одного исправника, а не двухъ [1],

[1]) Г. Колычевъ въ своей книжкѣ („Рабочіе на пріискахъ Сибири". Томская горная область. С.-Петерб. 1904 г.) рекомендуетъ (даже „настоятельно") увеличить число горныхъ исправниковъ, переименовавъ ихъ въ пріисковыхъ посредниковъ. Онъ полагаетъ, что въ такомъ случаѣ на эту должность пойдутъ люди интеллигентные съ юридическимъ образованіемъ. Могу увѣрить г. Колычева, что Троскинъ, Л-въ, Ячисъ люди достаточно интеллигентные и по части юридическихъ свѣдѣній (въ особенности послѣдній) не уступятъ нынѣ универсантамъ. Я, изъ своего четырехъ лѣтняго знакомства съ пріисковой жизнью пришелъ къ діаметрально противоположному заключенію, и именно: при данныхъ условіяхъ нашего режима, чѣмъ меньше исправниковъ, тѣмъ лучше; „урегулированіе" же положенія рабочихъ достижимо

содержаніе которыхъ такъ чувствительно бьетъ по карману золотопромышленниковъ, но ихъ голосу не внемлютъ. Напротивъ, съ каждымъ годомъ увеличиваютъ контингентъ горно-полицейской стражи, не смотря по сокращеніе производства и уменьшеніе числа рабочихъ. Эти ходатайства вызываются, правда, финансовыми побужденіями и неудовлетворительностью стражи съ точки зрѣнія чисто полицейскихъ требованій; но уменьшеніе ея штата было бы и въ интересахъ рабочей массы, такъ какъ положеніе ея, по сколько оно зависитъ отъ полиціи, и въ правовомъ, и въ матеріальномъ отношеніи можетъ только выиграть отъ этого.

На золотыхъ промыслахъ лихорадка наживательскихъ вожделѣній заражаетъ собою всѣхъ и вся, не исключая конечно, и полиціи, которой, какъ извѣстно, ничто человѣческое не чуждо. При такихъ условіяхъ, въ особенности, широкія полномочія, какими облечена горно-полицейская стража, ведутъ къ вящшей ея деморализаціи и къ возведенію денегъ въ единственный habeas corpus, т. е. къ безправію всѣхъ неимущихъ. Между тѣмъ нынѣшней горной полиціи представлено право вмѣшиваться рѣшительно во все [1]) и нѣтъ такой сферы пріисковой жизни, куда бы ей не приказано было совать носъ.

Такія же общія опредѣленія ограниченій, какъ „въ необходимыхъ случаяхъ“ (заключать пьяныхъ и буйныхъ въ каталажки), „до послѣдней возможности“ (избѣгать употребленія оружія); или такія полномочія, какъ „слѣдить за проявленіемъ дѣйствій и толковъ противъ правительства“, а также „направленныхъ противъ доброй нравственности“, допуская широкое и субъективное толкованіе, чреваты злоупотребленіями и [2]).

только однимъ путемъ: предоставленіемъ имъ законнаго права отстаивать самимъ свои интересы и, между прочимъ, посредствомъ участія рабочихъ въ съѣздахъ и въ бюро золотопромышленниковъ на равныхъ правахъ съ послѣдними.

[1]) См. инструкцію горно-полицейскимъ урядникамъ и стражникамъ на частныхъ золотыхъ пріискахъ Иркутской губерніи.

[2]) Г. Янчисъ явился первымъ исправникомъ на пріискахъ, внесшимъ въ свои обязанности элементъ политики. Онъ присвоилъ себѣ право не пропускать нѣкоторыя изъ сообщеній телеграфнаго агентства, пропущенныя уже петербургской цензурой, хотя это было совершенно

Все зло старой казачьей полиціи объясняли ея матеріальной зависимостью отъ золотопромышленниковъ. Стоитъ только, казалось, устранить эту причину—и полиція проникнется чувствомъ законности и безкорыстіемъ. Настоящій очеркъ, отразившій дѣйствительность, къ сожалѣнію, далеко не во всей ея полнотѣ, достаточно, кажется, ясно показалъ тщету подобныхъ ожиданій. Это, впрочемъ, понималъ генералъ-губернаторъ Горемыкинъ, написавшій на докладѣ чиновника особыхъ порученій Михайлова слѣдующія слова: „хотя бы исправники и были обезпечены отъ казны содержаніемъ хорошо, но золото заставитъ получать добавочныя". Это замѣчаніе имѣло въ виду, конечно, не однихъ исправниковъ, а всю „независимую" горно-полицейскую стражу. Если бы меня спросили, какими же мѣрами достижимо улучшеніе нравовъ пріисковой полиціи, я бы указалъ, во-первыхъ, на уменьшеніе ея правъ и увеличеніе права личности вообще и спеціально права личности рабочаго; во-вторыхъ, на уравненіе полицейскихъ чиновъ въ отвѣтственности передъ закономъ со всѣми, не облаченными въ мундиръ россійскими людьми. Только при такихъ условіяхъ полиція, матеріально независимая отъ золотопромышленниковъ, станетъ служить обществу, а не себѣ.

Я. С—ъ.

Для будущаго.

Будущее едва-ли сохранитъ имена тѣхъ, кто дѣлаетъ въ настоящее время національную политику на окраинахъ. Исчезнутъ безслѣдно имена дѣлателей, но долго будетъ жить память объ ихъ дѣяніяхъ, какъ безпримѣрно жестокихъ, а порой и прямо безчеловѣчныхъ.

Сейчасъ не всѣ знаютъ, а впослѣдствіи и вовсе забудутъ, что А. В. Кривошеинъ поспорилъ съ С. Е. Крыжановскимъ о томъ, какимъ путемъ осуществить ограниченіе правъ для выходцевъ желтой расы.

Этому событію предшествовало другое, имѣющее для нашей окраины немаловажное значеніе.

нелѣпо, такъ какъ задержанныя имъ телеграммы прочитывались нѣсколькими днями позже въ газетахъ. При этомъ исправникъ даже нѣкоторые чиновники не считали свою корреспонденцію гарантированной отъ неприкосновенности.

Главное управленіе земледѣлія и землеустройства выработало законопроектъ о привлеченіи частной предпріимчивости къ разработкѣ порожнихъ казенныхъ земель въ малонаселенномъ мѣстностяхъ. Совѣтъ министровъ одобрилъ проектъ въ общихъ чертахъ, а затѣмъ его разослали генералъ-губернаторамъ окраинъ для полученія отъ нихъ отзывовъ сообразно назрѣвшимъ нуждамъ ввѣренныхъ имъ мѣстностей.

Откликнулся и приамурскій генералъ-губернаторъ, указавшій въ своемъ заключеніи на нѣкоторую неполноту проекта. Имъ устанавливалось ограниченіе въ правѣ пріобрѣтенія указанныхъ земель для инородцевъ и иностранцевъ. Генералъ-губернаторъ нашелъ это недостаточнымъ. По его мнѣнію, необходимо распространить ограниченіе еще особо на лицъ желтой расы, принявшихъ русское подданство.

Мнѣніе это и послужило предметомъ спора Кривошеина и Крыжановскаго. Не потому, конечно, чтобы кто-либо изъ нихъ находилъ предложенное ограниченіе къ ограниченію излишнимъ. Въ этомъ они сходились. Если генералъ-губернаторъ дѣлалъ у себя національное дѣло, то самая идея исходила отъ нихъ.

Спорили о томъ, какъ лучше запечатлѣть законодательнымъ путемъ сей актъ политической мудрости и глубочайшаго пониманія положенія окраины -внести-ли добавленіе въ уже имѣющуюся статью дѣйствующаго закона, или расширить соотвѣтствующую статью разрабатываемаго законопроекта. За послѣднее стоялъ Крыжановскій, предлагавшій взять за ограничительныя скобки лицъ всѣхъ народностей, перешедшихъ въ русское подданство. Свое предложеніе онъ мотивировалъ тѣмъ, что „лица азіатскихъ народностей не могутъ относиться къ числу природныхъ обитателей Россійскаго государства“.

Въ этой мотивировкѣ—квинтъ-эссенція философіи господствующаго нынѣ зоологическаго націонализма. Реальная политика его сводится ко всяческимъ утѣсненіямъ инородцевъ, дабы они постоянно чувствовали свое инородчество и терзались въ предѣлахъ государства Россійскаго въ когтяхъ ограничительныхъ постановленій.

На нашей дальневосточной окраинѣ націонализмъ въ настоящее время рветъ инородцевъ съ насиженныхъ мѣстъ и

мечетъ ихъ за предѣлы, обращая административное вниманіе на всѣхъ желтолицахъ безъ изъятія. Было, однако, время, когда та или другая народность не только оставлялась въ покоѣ, но даже привлекалась въ видахъ колонизаціи. И вся исторія края—постоянная смѣна расовыхъ симпатій и антипатій со стороны властей предержащихъ.

Жили когда-то здѣсь въ изобиліи корейцы. „Ихъ ушли“ и приманили китайцевъ, оказавъ даже нѣкоторыя льготы. Теперь „уходятъ“ китайцевъ, притѣсняютъ корейцевъ, очищая мѣсто для русскихъ, которыхъ привозятъ весной и увозятъ обратно осенью. Если они къ тому времени не успѣваютъ сами убѣжать безъ оглядки.

Съ корейцами еще недавно заигрывали въ пику угнетательницѣ-Японіи. Для нихъ установили процентъ при пріемкѣ на работы по постройкѣ Амурской желѣзной дороги, при условіи принятія русскаго подданства. И корейцы повалили сперва десятками, потомъ сотнями. Доходило до тысячъ, такъ какъ всѣ хотѣли ѣсть...

Неожиданно симпатіямъ былъ данъ ходъ назадъ. Разъяснили, что для „русскаго“ мало одного подданства, а нужна еще природа. И не только прекратили отъ корейцевъ пріемъ прошеній о переходѣ подъ высокую руку Россіи, но пошли дальше—начали отбирать уже выданныя удостовѣренія, которыя служили вступающимъ въ русское подданство корейцамъ временнымъ документомъ на проживаніе въ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ открывали имъ доступъ на работы. Словомъ, корейцы оказались выброшенными за бортъ.

Между тѣмъ, ожидаемая колонизація русскими переселенцами подвигалась туго въ виду непривычныхъ условій. А тутъ еще и самое переселеніе упало, превезенные на Амурку рабочіе не осѣли. Чаянія о превращеніи края въ цвѣтущее состояніе посредствомъ русскаго труда оставались въ отдаленномъ будущемъ. Но въ него вѣрили и рѣшили уготовить почву корейцами.

Тогда о нихъ снова вспомнили. Завѣдывающему амурскимъ переселенческимъ райономъ были преподаны къ руководству указанія относительно поселенія корейцевъ—русскихъ подданныхъ.

Устраивать корейскія поселенія предлагалось тамъ, гдѣ суровыя климатическія условія не позволяютъ разсчитывать

на возникновеніе русскихъ поселковъ. Особенно подходящими признавались районы, прилегающіе къ золотымъ пріискамъ. Въ исключительныхъ случаяхъ дозволялось предоставлять корейцамъ уже образованные переселенческіе участки, но опять-таки не имѣющіе шансовъ на заселеніе русскими переселенцами.

Въ указаніяхъ нисколько не скрывалась цѣль этой колонизаціи безнадежныхъ для переселенія мѣстъ. Она необходима „для созданія наибольшаго числа опорныхъ пунктовъ къ дальнѣйшему доселенію русскихъ и для облегченія несенія разныхъ повинностей, особенно подводной".

Такъ изъ любви къ дальнему, къ русскому переселенцу, который все ѣдетъ, да осѣсть не хочетъ, корейцевъ обрекли на роль „желтаго удобренія", по опредѣленію „Амурскаго Листка".

„Проектъ не блещетъ ни новизной, ни оригинальностью,— писала эта газета.—Роль такого же „желтаго удобренія" въ свое время, и очень недавно даже, сыграли „зазейскіе манчжуры", положившіе начало земледѣлію въ зазейскомъ районѣ и такъ печально кончившіе въ возстаніе 1900 г.".

Едва-ли хорошо кончатъ и корейцы, начинающіе такъ безрадостно новую жизнь въ новомъ отечествѣ, гостепріимно предоставившаго имъ амплуа „удобренія".

Они должны оживить амурскую тайгу, представляющую, по словамъ „Новой Жизни", „изъ себя пустыню, въ которой вмѣсто песковъ и камней растетъ лѣсъ, да простираются безконечныя болота. Въ этой пустынѣ не было ни человѣческаго жилья, ни звѣрей, кромѣ медвѣдей, ни птицъ. Въ этомъ мертвомъ царствѣ, какъ выяснено, земледѣліе невозможно, но здѣсь должна пройти одна изъ величайшихъ желѣзно-дорожныхъ магистралей—Амурская ж. д. И тайгѣ необходимо придать культурный видъ, чтобы она начала служить дорогѣ". Рѣшить эту неразрѣшимую задачу начальство предоставило корейцамъ и... каторжанамъ.

Каторжане лѣтомъ работаютъ на постройкѣ желѣзной дороги, а зиму живутъ въ тайгѣ для приданія ей культурнаго вида. И о первыхъ признакахъ грядущей культуры „Русское Слово" разсказываетъ такъ:

„Близъ ст. Могочи, западнаго участка Амурской дороги, въ глухой тайгѣ возникла громадная новая каторжная

РАЙОННАЯ БИБЛИОТЕКА

тюрьма. Вѣрпѣе, цѣлый каторжный поселокъ съ многотысячнымъ населеніемъ.

Другой такой же зимній поселокъ устроенъ близь станціи Магдагачи, средняго участка дороги".

Объ условіяхъ жизни въ этихъ разсадникахъ будущаго говорятъ многочисленные побѣги, при чемъ каторжане бѣгутъ оттуда, несмотря на оставшійся короткій срокъ окончанія каторги, бѣгутъ прямо на смерть или на голодъ. Ужасы каторжной жизни вызвали самоубійство начальника Савицкаго. Послѣ этого положеніе каторжанъ было облегчено. И все же, утверждаетъ „Новая Жизнь", оно остается крайне тяжелымъ вслѣдствіе природныхъ условій, въ которыхъ приходится здѣсь жить, работать и... создавать будущее.

—*овъ*.

Сибирскія письма.

Томскъ (*Дикая расправа*). Въ № 85 „Сибирской Жизни" были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія двѣ перепечатки изъ провинціальныхъ газетъ:

„Вотъ прелестная картинка нравовъ юрьевскаго корпоративнаго студенчества:

„Въ кинематографѣ сидятъ студентъ и дама. Даютъ картину „Ужасы позора". На экранѣ озаглавлена слѣдующая картина—„Альма Матеръ".

Неопытная дама спрашиваетъ студента:

— Что это? Что значитъ „альма матеръ"?

Студентъ пожимаетъ плечами, задумывается и послѣ нѣкотораго промежутка времени замѣчаетъ совершенно серьезно, безъ малѣйшей тѣни иронiи:

— Вѣроятно, какая-нибудь гостиница.

Разсказывали про одного академиста, который на вопросъ экзаменатора: — Какая разница между пинцетомъ и зондомъ?—отвѣтилъ продуманно:—У зонда ручка костяная, а у пинцета—металлическая.

Въ Юрьевѣ—корпоранты, а у насъ—академисты.

„Заговоривъ объ юрьевскихъ корпорантахъ и нашихъ академистахъ, никакъ нельзя замолчать о воспитанницахъ донского института благородныхъ дѣвицъ.

Совсѣмъ благородныя...

Въ институтѣ учатся, стихи пишутъ, помадятъ голову, мечтаютъ о кавалерахъ.

Посмотрите, какіе стихи пишутъ:

Мостики побанила,
Хвотыльки заправила,
Сидю и голову помадю,—
Глянь, хвельшеръ кучерявый
По-надъ домомъ идетъ
Въ сѣромъ пальтѣ,
Да еще и съ папироской во ртѣ;
Сталъ и говоритъ мнѣ:
„Не угодно ли вамъ
Со мной пройтиться?“
А я и говорю:
„Съ ундовольствіемъ“...
А мамка подумала,
Что я съ нимъ крутю,
Да и говоритъ „тю!“
А я спужалась, да убѣгла,
Да такъ больше и не прибѣгла.

„Безъ „ундовольствія“, конечно, это стихотвореніе прочесть нельзя“.

Эти газетныя извѣстія объ академистахъ и благородныхъ дѣвицахъ, чрезвычайно характерныя для нашего времени, помѣщены были въ очень многихъ газетахъ, столичныхъ и провинціальныхъ. Вѣроятно, по поводу замѣтокъ одни смѣялись, другіе возмущались. А въ Томскѣ дѣло дошло до палочной расправы.

На другой день, послѣ того какъ напечатаны были приведенныя двѣ замѣтки, въ редакцію „Сибирской Жизни“ явилась группа студентовъ-технологовъ.

— Мы,—представители мѣстной организаціи студентовъ-академистовъ. Пришли поговорить по касающемуся нашей чести дѣлу. Кто у васъ офиціальный представитель редакціи?

— Я къ вашимъ услугамъ, — сказалъ секретарь редакціи.

— Въ „Сибирской Жизни“ помѣщена замѣтка о юрьевскихъ корпорантахъ. Намъ интересно знать, имѣетъ ли авторъ замѣтки въ виду насъ, томскихъ академистовъ?

— Конечно, нѣтъ. Вѣдь это перепечатка изъ провинціальныхъ газетъ.

— Но все-таки: вѣдь корпоранты и академисты—одно и то же; значитъ, то, что говорится о корпорантахъ, относится и къ томскимъ академистамъ?

— Да, поскольку, напримѣръ, все, что пишутъ объ интендантахъ, относится и къ томскимъ интендантамъ.

— Благодарю васъ, вы—очень любезны. Въ такомъ случаѣ прошу продолжить вашу любезность и напечатать, что замѣтка къ томскимъ академистамъ не относится, а также напечатать извиненіе по поводу замѣтки о благородныхъ дѣвицахъ донского института: тамъ воспитывается моя сестра, я не потерплю, чтобы оскорбляли ея честь.

Далѣе, секретарь редакціи старался убѣдить студента въ томъ, что его претензіи неосновательны, что опроверженія на перепечатки газета не обязана печатать. Въ разговоръ вмѣшался присутствовавшій тутъ же членъ редакціи, присяжный повѣренный М. Р. Бейлинъ. Онъ сказалъ:

—Мы не можемъ напечатать требуемое вами опроверженіе. Въ противномъ случаѣ завтра намъ пришлютъ такое же опроверженіе академисты омскіе или красноярскіе, послѣ завтра братья или другіе родственники благородныхъ дѣвицъ изъ Иркутска и другихъ городовъ, и мы все это будемъ печатать? Это невозможно. Повторяю: ваши притязанія неосновательны; опроверженіе напечатано не будетъ. Разговоръ оконченъ. Довольно.

Присяжный повѣренный М. Р. Бейлинъ повернулся и направился къ выходу изъ редакціонной комнаты. Къ нему подбѣжалъ одинъ изъ академистовъ. Схватилъ за рукавъ и сказалъ: „г. Бейлинъ, вы одинъ изъ вдохновителей газеты, съ вами разговоръ еще не оконченъ“. Съ этими словами академистъ толстой палкой ударилъ два раза по головѣ М. Р. Бейлина. Онъ былъ удержанъ своими товарищами и сотрудниками газеты.

Пострадавшаго уложили на диванъ, позвали врачей. Рана, къ счастью, оказалась неглубокой.

Потрясенные происшедшимъ, сотрудники „Сибирской Жизни“ обратились со словами упрека къ насильнику. Въ отвѣтъ на упреки послѣдній, оказавшійся извѣстнымъ скандалистомъ Голубовымъ, заявилъ:

— Честь академической организаціи и дворянскаго сословія защищается шпагой или дубиной!

Около двухъ часовъ присяжный повѣренный Бейлинъ пролежалъ въ помѣщеніи редакціи: затѣмъ былъ перевезенъ на квартиру. Вѣсть о происшедшемъ насиліи быстро облетѣла весь городъ. Въ тотъ же день помѣщеніе редакціи „Сибирской Жизни“ и квартиру М. Р. Бейлина посѣтили нѣкоторые профессора, адвокаты, общественные дѣятели. Въ слѣдующіе дни получено много выраженій сочувствія пострадавшему и негодованія по адресу насильника-академиста. Протестъ противъ насилія выразили: студенты, вольнослушательницы и вольнослушатели университета и технологическаго института, профессора и преподаватели технологическаго института, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ округа омской судебной палаты, предсѣдатель томскаго окружного суда, директоръ томскаго технологическаго института, желѣзнодорожные служащіе, сотрудники „Сибирской Жизни“, а также служащіе въ конторѣ и рабочіе типографіи „Сибирской Жизни“, представители издающихся въ Томскѣ газетъ „Утро Сибири“ и „Сибирія“ (на татарскомъ языкѣ) и многіе другіе.

Директоръ технологическаго института намѣренъ предать студента Голубова дисциплинарному суду. Какой приговоръ вынесетъ дисциплинарный судъ, еще неизвѣстно. А вотъ попечитель учебнаго округа г. Лаврентьевъ уже вынесъ обвинительный приговоръ, но не студенту Голубову, совершившему насиліе, а профессору Кижнеру, выразившему протестъ противъ насилія. Профессоръ прислалъ слѣдующее письмо въ редакцію „Сибирской Жизни“:

„Сейчасъ въ газетѣ „Утро Сибири“ прочиталъ о возмутительномъ и низкомъ насиліи, которому подвергся членъ редакціи „Сибирской Жизни“ М. Р. Бейлинъ со стороны студента Голубова, одного изъ членовъ „академической“ корпораціи при томскомъ технологическомъ институтѣ. Выражая свое сочувствіе М. Р. Бейлину по этому случаю, я въ то же самое время думаю, что оскорбленъ не столько М. Р. Бейлинъ (кто будетъ оскорбляться на бѣшеную собаку, если она причинитъ вамъ даже смертельныя поранения!), сколько высшая школа, въ которой появилась эта гнойная язва студенческой жизни, язва, которая имѣетъ дерзость называть себя академической корпорпорацией; то, что теперь называется академизмомъ, развѣ это академизмъ въ истинномъ

смыслѣ этого слова? Съ этимъ словомъ связывается не представленіе о студентѣ, преданномъ наукѣ, а о погромщикѣ съ резиной или дубиной въ рукѣ, а иногда и съ револьверомъ (убійство студента Иглицкаго въ Одессѣ).

„Но я вѣрю, что съ мракомъ нашей жизни исчезнетъ и псевдо-академизмъ изъ высшей школы со всѣми его печальными и въ то же время возмутительными проявленіями; вѣрю, что настанетъ же время, когда наша высшая школа превратится въ истинную мастерскую науки, а теперешніе „академисты“ съ краской стыда на лицѣ будутъ вспоминать объ этой страничкѣ своей жизни. Хочется вѣрить, но увидишь-ли?“

По поводу этого письма г. Лаврентьевъ постановилъ резолюцію: предложить профессору Кижнеру оставить томскій технологическій институтъ и перевестись въ другое высшее учебное заведеніе, гдѣ нѣтъ академистовъ.

— (*Медицинская безпомощность сельскаго населенія и врачебный инспекторъ Мессаротъ*). Вотъ уже нѣсколько лѣтъ газеты отмѣчаютъ печальныя картины медицинской безпомощности сельскаго населенія въ Томской губерніи. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ нѣсколько фактовъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ селѣ Алеуескомъ, находящемся въ семи верстахъ отъ сельскаго врачебнаго пункта, за отсутствіемъ повивальной бабки или акушерки, къ роженицѣ позвали сельскую повитуху; роды были трудныя; повитуха, чтобы облегчить ихъ, разрѣзала ножемъ ребенку головку, припявъ ее за пузырь. Сдѣлала она это потому, что „слышала отъ людей, что пузырь рвутъ“. Раненаго ребенка привезли въ больницу, гдѣ дали борной примочки, а случай этотъ нигдѣ не зарегистрировали.

Въ селѣ Черемповскомъ къ роженицѣ, женѣ священника В., была приглашена повивальная бабка, которая заразила роженицу родильной горячкой, отъ чего та и умерла.

Женщины въ селеніяхъ, за полнымъ отсутствіемъ всякихъ родовспомогательныхъ заведеній, при рѣдкихъ больницахъ, часто разрѣшаются въ баняхъ, на полѣ, а иногда и въ теплыхъ пригонахъ. Напримѣръ, недавно въ одномъ изъ селеній Ояшинской волости, за неимѣніемъ другого помѣщенія роженица разрѣшилась на навозѣ, въ томъ же дворѣ, гдѣ помѣщались коровы и овцы.

Часто бываютъ такіе случаи: съ цѣлью облегчить роды, роженицу ведутъ въ баню, парятъ ее въ сильномъ жару вѣникомъ, а затѣмъ „продѣваютъ“ сквозь поставленный на порогѣ бани хомутъ, и т. д., и т. д.

Сифилисъ разростается съ поразительной быстротой не только среди инородческаго населенія, совершенно лишеннаго какой-либо медицинской помощи, но и среди русскаго. Въ началѣ апрѣля мѣсяца сибирскія газеты оповѣстили о появленіи этой болѣзни въ Ояшинской волости, гдѣ въ одномъ изъ селеній оказались зараженными въ короткій срокъ десять семей. Лѣченіе „киноварью“, „звѣробоемъ“, „наговоромъ“ на столько прочно укоренилось, что населеніе предпочитаетъ обращаться къ знахарямъ и знахаркамъ, чѣмъ къ рѣдкимъ, заѣзжимъ врачамъ или случайно проѣзжающему фельдшеру. Указываютъ на массу селеній, гдѣ никогда, съ ихъ основанія, не заглядывалъ никакой медицинскій чинъ. Указываютъ на страшную дѣтскую смертность отъ оспы, кори, скарлатины, не говоря уже о дизентеріи, холеринѣ и даже, въ сравнительно благополучный прошлый годъ, въ селѣ Кампѣ и поселкѣ Барсучьемъ было, только по официальнымъ даннымъ, въ теченіе двухъ недѣль 45 случаевъ заболѣванія холерой съ 60% смертности.

По оффиціальнымъ даннымъ *) въ Томской губерніи насчитывается сельскаго населенія 3.589.654 души, и на это количество имѣется въ селеніяхъ сорокъ пять врачебныхъ участковъ, изъ коихъ, напримѣръ въ 1910 году въ теченіе, долгаго времени 7 участковъ оставались не замѣщенными, а нѣкоторые и до сихъ поръ не замѣщены. Почти 100.000 человѣкъ на одного врача! Въ Барнаульскомъ уѣздѣ на 1.480.625 человѣкъ 12 врачей, т. е. на одного врача 120.000 человѣкъ!

И это въ губерніи, гдѣ имѣется университетъ, технологическій институтъ и около двухъ сотъ пятидесяти различныхъ просвѣтительныхъ обществъ!

Въ лучшемъ положеніи представляется ветеринарная часть: въ губерніи 62 ветеринара и нѣтъ ни одной пустующей вакансіи.

Положеніе ежедневно уменьшающагося отъ безкормицы скота гораздо лучше положенія людей, ежегодный есте-

*) Справочная книжка на 1912 г. въ изданіи Томскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

ственный приростъ коихъ опредѣляется цифрою въ 110.010 душъ изъ полумилліона рождающихся въ годъ умираетъ четыреста тысячъ.

На сколько нужна медицинская помощь, показываютъ слѣдующія цифры. Въ одну изъ больницъ переселенческаго вѣдомства по отчету за 1910 годъ за помощью обращалось 20,5% переселенцевъ и 79,5% старожиловъ и новоселовъ, стаціонарною помощью пользовалось переселенцевъ 26% и 74% старожиловъ и новоселовъ. Помощь въ переселенческихъ больницахъ была оказана 136.391 лицу. А если принять окружающій районъ ихъ въ 600.000 только душъ, то окажется, что пятая часть населенія губерніи, т. е. 700.000 человѣкъ ежегодно и ежедневно нуждаются въ помощи врача. Могутъ ли удовлетворить 45 постоянныхъ врачей такое количество? Конечно, нѣтъ, и населеніе безпомощно въ полномъ смыслѣ этого слова.

Большинство сельскихъ больницъ, открытыхъ за послѣдніе годы помѣщается, въ наемныхъ квартирахъ. Видъ одной изъ нихъ описанъ въ газетахъ: снаружи покрашена, внутри прогнившіе полы, низкія комнаты, спертый воздухъ.

Отсутствіе медикаментовъ заставляетъ больныхъ покупать на свои средства спиртъ и вату. Въ одной изъ больницъ недолѣчившійся больной просится на выписку. „Почему?"—спрашиваютъ. „Не на что спирту купить, а то полежалъ бы еще",—отвѣтилъ больной. Это было въ Спиринѣ

Въ Берскѣ въ прошломъ году лѣтомъ была скарлатина,—помѣщенія больныхъ, за отсутствіемъ дезинфецирующихъ средствъ, не были обезаражены.

Въ селѣ Алтайскомъ въ больницѣ не оказалось дестиллированной воды для приготовленія лѣкарствъ, когда слѣдовало ожидать наплыва больныхъ. И т. д., и т. д.

Въ Берскѣ строится новая больница. Лѣсъ вырубается передъ ея постройкою, мѣсто оголяется и теперь собираются снова сажать деревья.

Въ Крутихѣ больница выстроена давно, но до сихъ поръ помѣщается въ наемномъ помѣщеніи, потому что въ больницѣ зимою холодно. Это какая то анекдотическая больница: въ то время, когда ее, только что построенную, собирались ремонтировать, успѣли сгнить нижнія бревна.

Конечно, будь земство въ Сибири, все было бы по иному

но... приходится дѣло вести врачебному отдѣленію губернскаго управленія во главѣ съ врачебнымъ инспекторомъ Мессарошемъ.

Г-нъ Мессорошъ въ 1905 году прославился тѣмъ, что противъ него ополчились всѣ коллеги въ обществѣ практическихъ врачей за выдачу свидѣтельства полицеймейстеру, усердно потрудившемуся надъ избіеніемъ учениковъ коммерческаго училища.

Г. Мессарошъ посѣщаетъ подвѣдомственныя ему сельскія больницы, приблизительно, не болѣе двухъ разъ въ годъ.

Объ этихъ его посѣщеніяхъ газета „Жизнь Алтая" сообщаетъ: „Про высшее начальство здѣсь сложились лишь одни анекдоты Низшее начальство должно высшее врачебное начальство накормить, напоить, сводить въ баню и купить билетъ на пароходѣ... Высшее начальство закрываетъ глаза на всякія безобразія". И вотъ всякая поѣздка г. Мессароша оканчивается по большей части не устраненіемъ „безобразій", а докладомъ о благополучіи и полномъ порядкѣ въ его вѣдомствѣ...

Г. Мессарошъ тонкій политикъ. Если случится, по его же собственному выраженію, кому-нибудь „соръ изъ избы вынести", то онъ спѣшитъ исправить зло, и прибѣгаетъ къ двоякаго рода пріемамъ: во 1-хъ, увольняетъ заподозрѣнное лицо и, во 2-хъ, объясняетъ разоблаченія личными счетами обличителя съ какимъ-нибудь врачомъ.

Въ „Сибирской Жизни" въ прошломъ году были напечатаны двѣ корреспонденціи о порядкахъ въ больницахъ Спирино и Берскаго, главнымъ образомъ — нераспорядительность г. Мессароша. Онъ началъ искать корреспондента и, принявъ за него собственную акушерку, уволилъ ее со службы... Еще въ 1910 году, при проѣздѣ чрезъ губернію, Столыпина поразила хаотичность въ сельской врачебной части, и онъ громко заявилъ о необходимости немедленныхъ реформахъ и улучшеній... Но будутъ ли онѣ при г. Мессарошѣ?..

Канскъ (*Борьба противъ училищной коммиссіи*). Въ городѣ три городскихъ приходскихъ училища: одно женское и два мужскихъ; городское 4-хъ классное училище; женская гимназія и реальное училище, открытое на городскія средства осенью прошлаго 1911 года. Всѣ эти учебныя заведенія,

кромѣ женской гимназіи, получающей только субсидію отъ города, содержатся исключительно на городскія средства. Расходъ на народное образованіе опредѣленъ по смѣтѣ на 1912 годъ въ 43.641 рубль, изъ которыхъ 8.500 руб. ассигнуется на постройку школъ и 35.141 руб. на содержаніе учебныхъ заведеній,—и составляетъ 31% общей суммы городскихъ расходовъ.

Но такимъ крупнымъ расходомъ не обезпечивается удовлетворительная постановка учебнаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ: обнаруживалась неоднократно и служила предметомъ обсужденія въ городской думѣ недостаточная грамотность оканчивающихъ городское училище; не менѣе „блестящіе" результаты давало прохожденіе курса женской гимназіи; методы преподаванія и воспитанія въ низшихъ школахъ находятся въ явной преемственной связи съ пріемами странствующихъ учителей изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ прошлаго столѣтія. Очевидно, городскія средства расходуются нерацiонально лицами, распоряжающимися суммами и руководствующими учебнымъ дѣломъ. Таковыми являются: директоръ реальнаго училища Е. М. Груздевъ, приглашенный на этотъ постъ только благодаря тому, что кандидаты, выставленные городомъ изъ среды мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, не получили утвержденія. Онъ старикъ 60 лѣтъ, получающій, кромѣ 2500 руб. жалованья, солидную пенсію за свою былую педагогическую дѣятельность. Но и теперь онъ не заглушилъ своей „страсти къ дѣлу", и взялъ 10 недѣльныхъ уроковъ русскаго языка, хотя до сихъ поръ былъ только латинистомъ, оставивъ на долю спеціально приглашенной изъ Россіи учительницы только 8 уроковъ на 600 руб. въ годъ. За г. Груздевымъ слѣдуетъ Ф. Н. Талызинъ, инспекторъ городского училища, предсѣдатель педагогическаго совѣта женской гимназіи, преподаватель реальнаго училища и гласный городской думы. Оба ревниво охраняютъ свою самостоятельность отъ посягательствъ гласныхъ городской думы и родителей учениковъ. До конца прошлаго года это имъ удавалось успѣшно.

Но въ ноябрѣ прошлаго года гласный А. А. Филимоновъ внесъ въ городскую думу проектъ учрежденія городской училищной коммиссіи, по типу коммиссій Иркутска, Краснoярска и др. городовъ Сибири и Россіи. Ей предоставляется

право распоряжаться суммами, ассигнуемыми городомъ на народное образованіе, и право входить въ оцѣнку дѣятельности преподавателей. Дума утвердила проектъ и выбрала членовъ коммиссіи изъ среды гласныхъ и городскихъ обывателей.

Учрежденіе коммиссіи пришлось не по сердцу охранителямъ status quo, и гласный, инспекторъ городскихъ училищъ Ф. Н. Талызинъ демонстративно удалился изъ засѣданія городской думы передъ докладомъ А. А. Филимонова. Началась упорная борьба противъ коммиссіи.

Сейчасъ же послѣ принятія думою проекта коммиссіи пущенъ былъ слухъ, что она незаконна и не можетъ быть утверждена губернаторомъ, а члены коммиссіи не могутъ быть утверждены въ виду ихъ политической неблагонадежности и т. п. Въ сибирскихъ газетахъ появились статьи, направленныя противъ членовъ коммиссіи. Въ Красноярской газетѣ „Сибирская Мысль“ былъ напечатанъ фельетонъ подъ заглавіемъ „Вѣщій сонъ Саши Плѣшиваго“ за подписью „Здѣшній“. Въ немъ былъ облитъ грязью предсѣдатель коммиссіи І. Т. Шахматовъ и главнымъ образомъ докладчикъ А. А. Филимоновъ, общественные дѣятели, пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ. Фельетонъ, написанный вульгарно-разухабистымъ топомъ, вызвалъ взрывъ негодованія и рядъ опроверженій, вскрывшихъ подоплеку разгорѣвшейся борьбы. Ф. Н. Талызинъ также возмущался, не щадя рѣзкихъ словъ по адресу г. „Здѣшняго“, пока „Сибирская Мысль“ не опубликовала фамиліи автора фельетона: это былъ самъ Ф. Н. Талызинъ.

Возмущеніе гласныхъ вылилось въ особое заявленіе, внесенное въ думу, о несовмѣстимости званія гласнаго съ дѣятельностью, проявленной Ф. Н. Талызинымъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ заявленіи, отказался отъ званія гласнаго.

Въ это время открыто выступилъ союзникомъ гг. Груздева и Талызина городской голова Г. П. Бобровъ, поддержанный на думскихъ засѣданіяхъ Е. Н. Дмитріевымъ и Я. П. Поляшовымъ. Онъ послалъ губернатору списокъ выбранныхъ думою членовъ училищной коммиссіи безъ соотвѣтствующего ходатайства объ ихъ утвержденіи; благодаря этому списокъ лежалъ безъ движенія около двухъ мѣсяцевъ, пока заинтересованныя лица не обратились частнымъ

образомъ въ канцелярію Енисейскаго губернатора за справками. Утвержденіе послѣдовало только 13 февраля. Заявленія гласныхъ о Ф. Н. Талызинѣ городской голова не внесъ въ очередное засѣданіе городской думы: „на основаніи, молъ, 59 ст. Город. Пол. оно не подлежитъ внесенію въ думу". На настойчивыя требованія гласныхъ доложить думѣ ихъ заявленіе голова отвѣчалъ очень характернымъ въ устахъ представителя самоуправленія указаніемъ на свою „освѣдомленность" о мнѣніи губернатора, который „навѣрное, не утвердитъ повѣстки съ этимъ вопросомъ". Но эта попытка напугать гласныхъ не имѣла успѣха. Они продолжали настаивать, и городской голова вынужденъ былъ уступить.

„Въ № 73 газеты „Сибирская Мысль",—говорится въ заявленіи,—былъ напечатанъ за анонимною подписью „Здѣшній" фельетонъ „Вѣщій сонъ Саши Плѣшиваго". Какъ по содержанію своему, такъ и по формѣ, это былъ грязный пасквиль не только противъ отдѣльныхъ лицъ, но, и мы это подчеркиваемъ, *противъ всѣхъ горожанъ вообще и въ частности нашей думы.* Хотя авторъ фельетона представляетъ дѣйствующихъ лицъ въ гор. Хамскѣ, но кому же не было видно, что это пасквиль на нашъ городъ, на нашихъ жителей, на нашихъ общественныхъ дѣятелей.

„Въ № 79 той же газеты редакція, по этическимъ соображеніямъ, опубликовала имя автора фельетона, это—инспекторъ гор. учил. Ф. Н. Талызинъ.

„Не говоря уже о томъ, что г. Талызинъ служитъ у города, состоитъ гласнымъ этого города, обучался на средства этого города, и самый постъ инспектора училища, воспитателя нашихъ дѣтей, обязывалъ его относиться съ уваженіемъ къ печатному слову, съ уваженіемъ къ тому святому дѣлу воспитанія дѣтей, осуществлять которое онъ призванъ. А отъ лица, призваннаго „сѣять разумное, доброе", требуется высокій нравственный уровень, ибо общеизвѣстно, что воспитывать, учить, это—по цѣмать до того нравственнаго уровня, на которомъ стоитъ самъ воспитатель, развивать въ дѣтяхъ стремленіе достичь большаго, совершенствоваться. Что же мы видимъ? Грязный, изъ-за угла вылитый, а потому и безнравственный пасквиль. И что особенно характерно для обрисовки нравственнаго уровня г. Талызина, такъ

это мужественное возмущеніе пасквилемъ самого автора до раскрытія его.

„Мы, нижеподписавшіеся гласные, просимъ васъ, м. г., внести на ближайшее засѣданіе думы на разсмотрѣніе поступокъ г. Талызина".

Внося это заявленіе противъ воли въ засѣданіе думы 21 февраля, городской голова не отказался отъ защиты Ф. Н. Талызина. Несмотря на неудачу первой попытки, онъ вновь выставилъ пугаломъ начальника губерніи, заявивъ, что губернаторъ выразилъ настойчивое желаніе, чтобы этотъ вопросъ прошелъ въ думѣ безъ преній. Заявленіе газеты вызвало горячіе протесты. Трехчасовые страстные дебаты и единогласное постановленіе думы опредѣленно показали, что громадное большинство думы считаетъ недопустимымъ дальнѣйшее пребываніе г. Талызина на отвѣтственномъ посту руководителя воспитаніемъ дѣтей гражданъ; незначительное меньшинство не рѣшилось даже воздержаніемъ отъ голосованія протестовать противъ этого постановленія.

Тѣмъ временемъ, гг. Груздевъ и Талызинъ искали способовъ какъ можно болѣе ослабить вліяніе училищной коммиссіи. Пригласивъ въ педагогическій совѣтъ реальнаго училища городского голову, они убѣдили совѣтъ возбудить черезъ думу ходатайство о ревизіи окружнымъ начальствомъ учебнаго дѣла въ училищѣ... Дума, въ засѣданіи 25 января, нашла ходатайство излишнимъ. Затѣмъ, подъ видомъ заботъ объ уменьшеніи городскихъ расходовъ, въ засѣданіи 21 февраля было предложено думѣ возбудить ходатайство о принятіи городского училища на средства казны. Этимъ имѣлось въ виду избавить городское училище, гдѣ хозяиномъ является г. Талызинъ, отъ контроля училищной коммиссіи. Дума и это предложеніе отклонила.

Какія найдутся еще средства борьбы противъ училищной коммиссіи, предугадать невозможно: изобрѣтательность охранителей тьмы велика. Но училищная коммиссія энергично взялась за дѣло, и, вѣроятно, преодолѣетъ препятствія, задерживающія проникновеніе луча свѣта въ темный уголокъ нашего учебнаго міра.

Иркутскъ (*Административныя „заботы" о ссыльныхъ*). Репрессіи сыплются на ссыльныхъ, какъ изъ рога изобилія. Не успѣешь, такъ сказать, сжиться съ однимъ видомъ

репрессій, какъ на сцену появляется и тормошитъ ссыльнаго другая.

Иногда администрація вводитъ въ жизнь какой нибудь „обычай“ и по простотѣ душевной совсѣмъ не замѣчаетъ его репрессивнаго значенія, но чаще положительно приходится подозрѣвать просто злой умыселъ съ ея стороны.

Такъ, недавно разосланъ всѣмъ волостнымъ правленіямъ и полицейскимъ властямъ Иркутской губерніи циркуляръ губернатора слѣдующаго содержанія:

„Въ цѣляхъ скорѣйшаго (?) разрѣшенія всякаго рода ходатайствъ, поступающихъ отъ водворенныхъ въ губерніи ссыльно-поселенцевъ и во избѣжаніе излишней и непроизводительной переписки по этимъ ходатайствамъ, поручаю чинамъ уѣздной полиціи объявить ссыльно-поселенцамъ, что всякія свои прошенія къ губернскому начальству они должны направлять черезъ то волостное правленіе, въ вѣдѣніи котораго состоятъ. Послѣднее обязано приложить къ прошенію копію статейнаго списка просителя и всѣ подробныя свѣдѣнія, которыми необходимо руководствоваться при разрѣшеніи этихъ ходатайствъ (о поведеніи просителя, занятіяхъ, семейномъ и имущественномъ положеніи), направить прошеніе къ становому приставу своего участка, который ,въ свою очередь, завѣривъ свѣдѣнія волостного правленія, отправляетъ это прошеніе уѣздному исправнику, а послѣдній съ своимъ заключеніемъ представляетъ губернскому тюремному инспектору, черезъ котораго и можетъ послѣдовать разрѣшеніе ходатайства.

„При этомъ поручаю уѣздной полиціи поставить всѣхъ ссыльно-поселенцевъ въ извѣстность о томъ, что тѣ изъ нихъ, которые прибудутъ въ городъ, не испросивъ предварительно въ указанномъ порядкѣ черезъ волостное правленіе разрѣшенія на это проживаніе отъ тюремнаго инспектора, будутъ немедленно выселяться къ мѣстамъ причисленія этапнымъ порядкомъ и привлекаться къ отвѣтственности на основаніи 236 и 237 ст. ст. уст. о ссыльныхъ, какъ за самовольную отлучку или какъ за побѣгъ съ мѣста ссылки.

„Разрѣшеніе ссыльно-поселенцамъ на проживаніе въ г. Иркутскѣ можетъ послѣдовать лишь въ случаяхъ крайней необходимости и при засвидѣтельствованномъ безусловно одобрительномъ поведеніи просителя въ мѣстѣ причисленія“.

По циркуляру выходитъ такъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ имъ преслѣдуются цѣли „скорѣйшаго разрѣшенія“ и „излишней переписки“, а въ дѣйствительности, пожалуй, и самый циркуляръ является „излишней перепиской“, такъ какъ онъ фактически не ускоряетъ движенія ходатайствъ ссыльныхъ и вообще не измѣняетъ по существу бывшихъ до сихъ поръ порядковъ, не отличающихся упрощенностью.

На сколько этотъ порядокъ сложенъ, можно видѣть изъ такого примѣра. Предположимъ, что какое нибудь ходатайство возбуждается ссыльнымъ Коченгской или Усть-Кутской волости Киренскаго уѣзда. Прошеніе идетъ дней 10 къ становому приставу, отсюда—въ теченіе 10-15 дней въ Киренскъ въ исправнику; пересылка изъ Киренска въ Иркутскъ къ тюремному инспектору займетъ не менѣе 20 сутокъ. Далѣе въ обратномъ порядкѣ происходитъ движеніе резолюціи... Такимъ образомъ одна лишь пересылка бумагъ займетъ около 3-хъ мѣсяцевъ; къ этому еще надо, конечно, прибавить минимумъ 2 мѣсяца, въ теченіе которыхъ переписка безусловно пролежитъ въ различныхъ канцеляріяхъ. Поэтому ссыльный узнаетъ о результатѣ своего ходатайства не ранѣе 5-ти мѣсяцевъ со дня подачи прошенія. Истинно-изумительная скорость, что и говорить!

Интересной чертой циркуляра является оговорка относительно „безусловно одобрительнаго поведенія просителя“. Изъ нея вытекаетъ, что если ходатайствующій — „паинька“, то ему и въ Иркутскѣ жить можно, но если онъ, Боже упаси, „буянъ“, то, повидимому, при самой острой необходимости ему нельзя никуда выбраться „изъ мѣста приписки“.

Кто подразумѣвается подъ „паиньками„—вѣроятно, всякій знаетъ, какъ знаетъ и то, что всѣ, кто не подходитъ подъ эту категорію, причисляются къ категоріи „неблагонадежныхъ“, заслуживающихъ лишь соотвѣтствующихъ скорпіоновъ.

Естественно поэтому, что ссыльные, сколько бы имъ ни дѣлалось строгихъ внушеній, практиковали и, конечно, будутъ практиковать самовольныя отлучки: на это ихъ толкаетъ острая необходимость.

Надо замѣтить, что такіе циркуляры, какъ приведенный, не новость: о томъ, что въ немъ имѣется, напоминалось уже не разъ, и въ послѣдній разъ, въ январѣ, напр., было

объявлено во многихъ мѣстахъ губерніи, что за отлучку на день-два и за несообщеніе о перемѣнѣ квартиры ссыльные будутъ подвергаться наказанію и переводиться въ другія болѣе отдаленныя мѣста.

Любопытно отмѣтить при этомъ характерную подробность, что, сколько ни получалось такого рода распоряженій, касающихся теоретически *всѣхъ* ссыльно-поселенцевъ, всегда какъ то такъ выходило, что въ дѣйствительности они объявлялись *исключительно политически* ссыльнымъ и примѣнялись фактически только къ нимъ.

Невольно приходишь къ выводу, не снабжаются ли всѣ эти распоряженія и циркуляры какими нибудь приложеніями, которыя не полагается объявлять ссыльнымъ?

М. Изюмскій.

Очерки сибирской жизни.

Отозвались на ленскія событія и сибирскія газеты.

Меньшинство изъ нихъ высказало свой взглядъ, большинство же ограничилось простой перепечаткой официальныхъ извѣщеній и сводкой всего, что объ этомъ появилось въ печати.

„Рабочіе отстаивали законнымъ путемъ свои интересы—и за это пострадали. Неужели это допустимо? спрашивало „Иркутское Слово". А его фельетонистъ написалъ „Вмѣсто маленькаго фельетона": „Писать о пустякахъ, когда и камни вопіютъ? Писать о кошмарахъ... не могу. Буду молчать. Такъ лучше".

Большинство сибирскихъ газетъ послѣдовали примѣру фельетониста, но причины, по которымъ онѣ *не могли* писать, были различны. И это молчаніе надо признать самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на вопросъ: что у насъ допустимо?

Какъ это далеко отъ Англіи, гдѣ „вся хозяйственная жизнь страны была потрясена до основанія, бастовали сотни тысячъ рабочихъ и ни одного выстрѣла, ни одной жертвы. У насъ—сотни убитыхъ и раненыхъ при забастовкѣ, имѣвшей чисто мѣстное значеніе" („Иркутское Слово").

„Думы Забайкалья" надѣются: „можетъ быть, ленская забастовка заставитъ пересмотрѣть и коренным образомъ

измѣнить правопорядокъ, существующій нынѣ въ районѣ золотопромышленности Якутскаго края".

Какъ бы то ни было, а „Забайкальской Нови" „хотѣлось бы надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ выяснится истинное положеніе дѣла", что „пріоткроется завѣса надъ тѣми кровавыми событіями, которыя нашли себѣ мѣсто на ленскихъ пріискахъ".

Тонъ ожиданія неувѣренный: вѣдь все можетъ быть. „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!"

Пока сибирскія газеты могутъ говорить хотя бы такъ, онѣ счастливѣе насъ, потому что передъ нами пріоткрылась достаточно завѣса: и мы знаемъ уже, что отвѣтилъ на думскій запросъ министръ внутреннихъ дѣлъ А. А. Макаровъ.

Намъ уже страшно, что пройдетъ длинный рядъ дней, заживутъ раны отъ недавнихъ выстрѣловъ, что сейчасъ еще болятъ и сочатся кровью, потускнѣетъ память о ленской драмѣ... Вѣдь такъ было, и не разъ.

Тѣнь, вызванная изъ того далекаго прошлаго, какъ разъ встаетъ теперь передъ нами. По сообщенію „Утра Сибири", 23 іюня текущаго года будетъ слушаться въ иркутскомъ окружномъ судѣ дѣло такъ называемыхъ „амурскихъ прогрессистовъ" отзвукъ „октябрьскихъ дней" 1905 года.

Сущность дѣла — общая всѣмъ дѣламъ той бурной эпохи. 17 октября былъ изданъ манифестъ. Послѣ его объявленія была выбрана группа лицъ, которой поручили охранять спокойствіе и интересы гражданъ Благовѣщенска (тогда еще были таковые) отъ возможныхъ правонарушеній со стороны противниковъ манифеста.

Въ группу вошли видные представители города, не имѣвшіе ничего общаго съ революціонными организаціями и названные общимъ именемъ „прогрессистовъ". Спокойствіе города они охранили: нормальная жизнь его не была нарушена. Имъ оказывалъ содѣйствіе тогдашній амурскій генералъ-губернаторъ Д. Н. Путята, имъ преподалъ свое архипастырское благословеніе благовѣщенскій епископъ Никонъ.

Но... „прогрессисты" допускали во ввѣренномъ ихъ попеченію городѣ митинги, на которыхъ населенію объяснялся манифестъ, и оно пріучалось, „въ предѣлахъ манифеста, пользоваться дарованными правами".

Преступленіе слишкомъ тяжкое, чтобы о немъ забыть. И

прогрессистовъ тащатъ въ окружный судъ послѣ того, какъ прошли семь долгихъ лѣтъ. Можетъ быть, потому и тащатъ, что прошли именно эти семь лѣтъ.

Мы помнимъ изъ нихъ не только митинги, но и Реннепкампфа, Меллеръ-Закомельскаго. Теперь это прошлое...

Настоящее... Нижній чинъ наружной воинской стражи, охраняющей томскую губернскую тюрьму, выстрѣлившій въ арестанта Фролова, не отошедшаго отъ окна послѣ предупрежденія. Дѣло происходило въ воскресенье, когда у воротъ тюрьмы было много народа. Фроловъ раненъ въ грудь, очень опасно, если не смертельно. Производится разслѣдованіе („Сибирская Жизнь").

Въ Красноярскѣ, въ дежурной жандармской комнатѣ на станціи, пьяный стражникъ Медвѣдевъ нанесъ безъ всякаго повода нѣсколько ударовъ шашкой сыну мѣстнаго домовладѣльца г. Ошарову.

Жандармскіе унтеръ-офицеры Туриченко и Адонкинъ бросились на озвѣрѣвшаго Медвѣдева и съ трудомъ отняли у него шашку. У Ошарова оказалась перерубленой рука, пораненной шея и проколотымъ предплечье; онъ подалъ жалобу на дѣйствіе Медвѣдева („Сибирская Жизнь").

Настоящее это постройка Амурской жел. дороги, на которой развертывается строительный сезонъ и начинаются волненія рабочихъ. Несомнѣнно ей суждено опять стать центромъ вниманія общества. Пока она привлекаетъ его къ себѣ необычайной медленностью работъ и громадной ихъ стоимостью. Хотя есть надежда, по словамъ газетъ, что дорога будетъ закончена къ осени 1914 г. Въ текущемъ году полагаютъ усилить темпъ работъ, для чего на льготныхъ условіяхъ привлекается дополнительно 100 тысячъ рабочихъ.

Хуже всего дѣло обстоитъ на восточной части дороги, привлекшей къ себѣ вниманіе проваливающимися мѣстами и негодными рельсами и вызвавшей назначеніе ревизіи.

Работы здѣсь въ зачаточномъ, хаотическомъ состояніи и придется ихъ вести хозяйственнымъ способомъ за отсутствіемъ подрядчиковъ.

Къ приамурскимъ властямъ уже поступила жалоба на инженера Борщинскаго со 2-й восточной части, на неисполненіе имъ договора съ рабочими и возчиками. Многіе рабочіе

и возчики,—по словамъ „Уссурійской Окраины",—оставили работы и ушли.

Были здѣсь и раньше неурядицы, но въ высшихъ сферахъ—между главнымъ начальствомъ края и завѣдывающимъ подготовительными работами инженеромъ Навроцкимъ. Доходило до того, что петербургскій корреспондентъ „Приморской Жизни" сообщалъ: „Вопросъ о назначеніи начальника работъ восточной части Амурской дороги до сихъ поръ остается открытымъ. Кандидатура инженера Навроцкаго считается министерствомъ непріемлемой".

Хотя и открытый, вопросъ осложнился,—по словамъ той же газеты,—тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одно изъ лицъ, которымъ предложено было занять постъ начальника работъ, не рѣшалось взять на себя отвѣтственность за исправленіе сдѣланныхъ Навроцкимъ ошибокъ. По мнѣнію большинства кандидатовъ, дѣло находится въ такомъ положеніи, что строительный сезонъ 1912 г. приходится считать почти потеряннымъ. Съ другой стороны, цѣлый рядъ недочетовъ въ значительной степени повышаетъ стоимость работъ противъ смѣтныхъ назначеній.

Затѣмъ пошли разговоры о внесеніи запроса въ Государственную Думу относительно положенія дѣлъ на постройкѣ и въ связи съ этимъ о неправильныхъ и несоотвѣтствующихъ дѣйствительности рапортахъ и донесеніяхъ инженера Навроцкаго. Дальше уже начались всяческіе слухи, какъ вдругъ, вопреки имъ, „Думы Забайкалья" получили свѣдѣнія о назначеніи все того же инженера Навроцкаго начальникомъ управленія по сооруженію восточной части.

Не замедлило и подтвержденіе, да еще съ такой деталью: инженеру Навроцкому министромъ путей сообщенія Рухловымъ преподаны инструкціи, „которыя рекомендуютъ ему дѣйствовать подъ руководствомъ главнаго начальника края, шталмейстера Н. Л. Гондатти, имѣющаго порученіе наблюдать за успѣшнымъ ходомъ построечныхъ работъ" („Думы Забайкалья").

На первый взглядъ, трудно совмѣстить столь, казалось бы, несовмѣстимое: Н. Л. Гондатти и руководство постройкой дороги, да еще въ „почти потерянный" сезонъ. Съ другой же стороны, и самъ министръ путей сообщенія имѣетъ почти такое же касательство къ своему вѣдомству: онъ юристъ по образованію, правовѣдъ.

Н. Л. Гондатти, какъ администратору, ни въ коемъ случаѣ нельзя отказать въ рѣшительности. Взять, напримѣръ, „профессорскій голодъ“ въ Россіи и тотъ же „голодъ“ во Владивостокѣ.

Министру Кассо пришлось, какъ нѣкогда Петру Великому (только по инымъ основаніямъ), отправить цѣлый транспортъ молодежи за-границу для подготовки. Г. Гондатти, не прибѣгая къ помощи чужеземцевъ, разрѣшилъ у себя этотъ вопросъ чрезвычайно легко и просто.

„Приамурье“ сообщило, что, „по предложенію главнаго начальника края, чтеніе лекцій по международному праву въ Восточномъ институтѣ поручено старшему нотаріусу г. Владивостока г. Лещинскому“.

„Приамурскій Край“ по этому случаю, для утѣшенія, прибѣгаетъ къ юмору внѣшльника. „На первый взглядъ,—говоритъ газета,—какъ будто и странно, но если вспомнить что въ 30-хъ годахъ въ харьковскомъ университетѣ философію права читалъ околодочный надзиратель, то „нельзя не признаться“, что мы все же далеко шагнули. Какъ хотите, а между околодочнымъ и нотаріусомъ разница есть, и, несомнѣнно, въ сторону прогресса“.

Не слишкомъ ли рано празднуетъ „Приамурскій Край“ торжество прогресса? Въ будущемъ нотаріусовъ можетъ и не хватить. Къ тому же напрасно считаютъ околодочнаго только и годнымъ, что по наружной или тайной полиціи.

„Утру Россіи“ писали изъ Харбина, что тамъ проѣхалъ вновь назначенный представителемъ петербургской экспортной палаты въ Тянь-Цзинѣ нѣкто Жебракъ. Онъ по профессіи—околодочный, занималъ эту должность во Владивостокѣ, а теперь завѣдуетъ полиціей на русской концессіи Тянь-Цзиня. И въ то же время представитель, да еще въ городѣ, который съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія для экспорта русскихъ товаровъ.

По отчетамъ китайской таможни, въ 1910 году ихъ поступило на сумму около милліона рублей. Кромѣ того, здѣсь имѣются отдѣленія харбинскихъ оптовыхъ складовъ Вик. Морозова и Цинделя, представительство русскаго экспортнаго товарищества и нѣсколько русскихъ магазиновъ. Въ составѣ русской колоніи есть крупные капиталисты, видные

коммерсанты, мѣстные старожилы, но имъ предпочли Жебрака.

„Утро Россіи“ отзывается о петербургской экспортной палатѣ, какъ „о порожденіи досужихъ чиновничьихъ умовъ и предпринимательской энергіи экспортныхъ шталмейстеровъ“, а въ назначеніи Жебрака видитъ рекордъ комизма въ ея дѣятельности.

Пусть такъ, не будемъ спорить. Но существуютъ учрежденія, занимающіяся не юмористикой, а дѣломъ, и дѣломъ общественнымъ, а работающіе въ нихъ—собратья Жебрака по оружію.

О своей городской управѣ читинцы говорятъ: „Это у насъ вторая полиція!“

Дѣйствительно, составъ служащихъ въ читинской городской управѣ подобрался въ букетъ съ сильнымъ запахомъ участка:

Читинскій городской голова—бывшій становой приставъ. Секретарь управы и его помощникъ—оба бывшіе становые пристава. Завѣдующій статистическимъ отдѣломъ — бывшій помощникъ полицейскаго надзирателя. Предсѣдатель сиротскаго суда—бывшій тюремный чиновникъ. Счетоводы: одинъ—бывшій становой приставъ, другой—бывшій помощникъ полицейскаго надзирателя. Секретарь сиротскаго суда—бывшій секретарь полиціи. Повѣренный города — бывшій уѣздный исправникъ. Смотритель больницы — бывшій полицейскій урядникъ („Сибирская Мысль“).

Недурное уѣздное полицейское управленіе вышло бы изъ этого городского самоуправленія!

Отъ прежнихъ замашекъ кое-что все-таки осталось. Не очень давно, напр., электрическая панама обнаружилась, и раньше грѣшки въ томъ же направленіи случались.

Красноярскую городскую думу подвели тоже „бывшіе“ люди, только изъ другой категоріи. Все больше лишенные правъ, или на пути къ этому. До панамы дѣло не дошло, но тринадцать гласныхъ изъ-за нихъ исключило общее присутствіе енисейскаго губернскаго правленія. Выяснилось, что при выборахъ этихъ гласныхъ на 1910—13 годы присутствовали 8 избирателей съ такимъ „прошлымъ“, а одинъ съ „настоящимъ“, какія лишаютъ ихъ возможности принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Одинъ—И. И. Чуев-

скій, предсѣдатель мѣстныхъ „союзниковъ“ и бывшій туруханскій приставъ, преданный суду за служебныя преступленія. Восемь—всѣ сосланные въ Сибирь за различныя преступленія уголовнаго характера; изъ нихъ „союзниковъ“ 6 человѣкъ („Сибирская Жизнь“).

Положительно во всѣхъ начинаніяхъ „истинно-русскихъ“ лежитъ что-то роковое.

Приложили свои руки „истинно-русскіе“ къ красноярскимъ городскимъ избирательнымъ урнамъ — скандалъ, да еще имъ же судомъ грозятъ. И въ самомъ „союзѣ“ наблюдается полный развалъ. Руководитель газетки „Сусанина“ Блитцъ оказался, къ сильному конфузу всѣхъ, „бывшимъ жидомъ“ и намѣченъ къ изгнанію отъ руководства „союзной“ печатью. Подкапываются и подъ предсѣдателя, но онъ—другъ Пуришкевича („Сибирская Жизнь“).

Открылся во Владивостокѣ „Первый дальне-восточный вольно-экономическій рабочій союзъ“. Влачилъ онъ жалкое существованіе и, подъ конецъ, обанкротился, оставивъ долговъ на 3.000 руб.

Вольная экономія привела союзъ къ банкротству, а тройная бухгалтерія священника с. Коробейникова, Бійскаго уѣзда, влетѣла въ весьма солидную копѣечку его прихожанамъ.

Отвело ему общество мѣсто подъ домъ, стоимостью въ 1.000 руб. Батюшка домъ выстроилъ и сталъ требовать съ общества 150 руб. за квартиру въ собственномъ домѣ. Когда ему въ этомъ отказали, онъ продалъ домъ, вмѣстѣ съ мѣстомъ, мѣстному богачу, и за квартиру сталъ требовать уже тотъ. Мужички заартачились было, но священникъ пригрозилъ закрыть приходъ: смирились.

Черезъ годъ пришло распоряженіе отъ консисторіи выстроить священнику домъ, но уже по плану. Выстроили, затративъ 5.600 руб. (часть денегъ подрядчикъ растратилъ). Батюшка потребовалъ домъ оштукатурить, перестроить ограды и проч. Подрядили мастера за 1826 руб. Затратили крестьяне около 8 тыс. руб., да мѣсто въ 1000 руб. пропало, и чешутъ теперь въ затылкѣ („Алтайская Жизнь“).

Священникъ села Осколковскаго, Барнаульскаго уѣзда, такъ донекъ,—по словамъ той же газеты, — свою паству,

что они прилагаютъ всѣ усилія отъ него избавиться. Все дѣлали, вплоть до постановленія приговора объ удаленіи его, но ничего не могли добиться.

Обострились отношенія изъ-за общественной земли, которую священникъ захватилъ у общества. Несмотря на заявленіе крестьянъ, землеустроительная коммиссія отвела эту землю причту, выдавъ рабочихъ изъ другого села. И теперь священникъ ведетъ себя, какъ собственникъ. Загоняетъ скотину и беретъ за нее выкупъ. Не пускаетъ крестьянъ въ имѣющійся на этомъ участкѣ лѣсъ. Для этой цѣли приставленъ особый стражъ, отецъ священника, охраняющій сыновній лѣсъ съ оружіемъ въ рукахъ. Нынѣшней зимой даже стрѣлялъ въ крестьянина, срубившаго нѣсколько прутьевъ. И все это остается безнаказаннымъ.

Отзывается на другомъ—на переходѣ въ сектантство, развивающемся среди сельскаго населенія Сибири. Представители православнаго духовенства борются съ этимъ путемъ обращенія къ полиціи, но успѣха не достигаютъ.

Въ селѣ Нечунаевскомъ, Змѣиногорскаго уѣзда,—какъ сообщаетъ „Сибирская Жизнь“,—въ 1911 году было двѣ семьи баптистовъ, выходцевъ изъ Таврической губ., а теперь уже 6 семействъ. 4 семейства перешли въ баптизмъ изъ мѣстныхъ жителей.

Въ мартѣ сюда пріѣзжалъ приставъ производить дознаніе о мѣстныхъ баптистахъ. Призывалъ ихъ къ себѣ то по одиночкѣ, то всѣхъ вмѣстѣ, послѣ чего ѣздилъ осматривать ихъ избы и спрашивалъ всѣхъ, въ какого Бога они вѣрятъ. Поводомъ къ опросу послужило донесеніе мѣстнаго священника, отца Пушкарева, что баптисты склоняютъ православныхъ въ сектантство. Допросъ баптистовъ производился въ присутствіи священника, при чемъ онъ, совмѣстно съ приставомъ, уговаривалъ бросить „ересь“. Но „ни убѣжденія, ни угрозы не подѣйствовали“.

„Приамурье“ сообщаетъ объ успѣшной пропагандѣ штундизма среди казаковъ станицы Донской. Вѣрными признаками отпавшаго считаются: „въ церковь не ходитъ, матерно не ругается, водки въ ротъ не беретъ“.

Такой новый человѣкъ въ деревнѣ, привыкшей видѣть совершенно противоположное даже среди своихъ пастырей,—

наглядная и живая пропаганда, сильно дѣйствующая на крестьянъ. И всѣ мѣры борьбы съ сектантствомъ не приведутъ ни къ чему, пока они будутъ изготовляться по образцу приказа военнаго губернатора Амурской области:

„Не выходя изъ дома, сегодня вступилъ въ управленіе областью. Вице-губернатора, камеръ-юнкера Чаплинскаго, освобождаю отъ подписыванія бумагъ за губернатора“ („Эхо“).

Разъ, не выходя изъ дому, можно управиться легко, а другой разъ и наскочишь.

Сообщили изъ Аяна, что въ округѣ появились какія-то подозрительныя заболѣванія, связанныя со рвотой, поносомъ, нерѣдко оканчивающіяся смертью. По распоряженію военнаго губернатора, уѣздному начальнику поручено было собрать болѣе подробныя свѣдѣнія и принять мѣры. Начальникъ донесъ, что зимою между Николаевскомъ и Аяномъ сообщенія нѣтъ и „принять какія-либо мѣры невозможно„ („Дальневосточная Окраина“).

Всякій молодецъ принимаетъ, въ концѣ концовъ, мѣры на свой образецъ.

Иркутская понедѣльничная газета „Сибирскіе Отклики“ никакъ не можетъ появиться на свѣтъ. Совсѣмъ готовы были къ выходу, но приняли „мѣры“: устроили у секретаря обыскъ и забрали часть матеріала.

Казачьи отдѣлы Забайкальской области разсылаютъ по поселкамъ пѣсенники, три экземпляра на поселокъ, по 1 р. 75 к. за экземпляръ. А нѣсколько лѣтъ тому назадъ по казачьимъ школамъ разсылалась патріотическая пѣсенка съ предписаніемъ ее разучить. При этомъ извѣщалось, что знаніе и пѣніе будутъ провѣряться начальствомъ („Забайкальская Новь“).

Инспекторъ народныхъ училищъ 6 района Томской губерніи (на основаніи распоряженія директора народныхъ училищъ той же губерніи) разсылаетъ учащимъ ввѣреннаго ему района циркулярное предписаніе о введеніи наклоннаго письма съ будущаго 1912—1913 учебнаго года. При этомъ предписывается, чтобы въ первомъ отдѣленіи учащіеся писали крупнымъ шрифтомъ между двумя линейками, во второмъ—мельче, въ третьемъ—еще мельче. „Соотвѣтственно этому должны быть замѣнены наглядныя пособія прямого

письма таковыми же, приспособленными для наклоннаго письма" („Омскій Вѣстникъ").

Самъ же директоръ народныхъ училищъ не могъ предпринять мѣръ для устройства лѣтнихъ учительскихъ курсовъ. О нихъ толковали на разные лады,—по словамъ „Алтайскаго Края",—учащіе Барнаула. Воспользовавшись пріѣздомъ директора, они возбудили этотъ вопросъ на учительскомъ собраніи подъ его предсѣдательствомъ. За необходимость устройства курсовъ высказано было много доводовъ, съ которыми вполнѣ согласился и предсѣдатель. Когда же зашла рѣчь о необходимыхъ средствахъ, директоръ заявилъ, что хотя на этотъ предметъ въ дирекціи имѣются средства въ количествѣ 400 рублей, но въ текущемъ году воспользоваться ими нельзя. Словомъ, разсчитывать на курсы пока не приходится...

Въ Читѣ же предстоящимъ лѣтомъ предполагается открыть курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ. Въ настоящее время учителя уже получили отъ епархіальнаго наблюдателя циркулярное распоряженіе о составленіи докладовъ для предполагаемыхъ курсовъ.

Согласно распоряженію, должны быть указаны всѣ методы и пріемы каждаго учителя при прохожденіи курса. Кромѣ того, предлагается учителямъ разобрать употребляемые учебники въ отношеніи ихъ пригодности и непригодности. Въ то же время въ распоряженіи совѣтуется учителямъ не относиться къ учебникамъ „съ точки зрѣнія критической" на томъ основаніи, что сами учителя—„плохіе критики" („Забайкальскія Новости").

Въ преслѣдованіи критики дальше всего пошелъ инспекторъ народныхъ училищъ Канскаго уѣзда И. И. Петровъ, проявившій, по словамъ „Сибирской Жизни", недюжинное административное творчество. Говорили, напримѣръ, что онъ дополнилъ школьныя дисциплинарныя правила такимъ параграфомъ: „Если ученикъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію своимъ школьнымъ начальствомъ и объ этомъ появится въ газетахъ, то оный ученикъ, послужившій предметомъ хроникерской замѣтки, подвергается немедленному увольненію изъ училища".

Казалось, что этотъ слухъ—фантазія, но справедливость его быстро подтвердилась.

Въ канскомъ городскомъ училищѣ учительница М. сама остригла ученика, не слушавшагося ея приказаній остричься. Объ этомъ появилась замѣтка въ одномъ изъ № „Сибирской Мысли“, и какъ только номеръ распространился въ Канскѣ, дисциплинарно остриженному ученику было сообщено, что, по распоряженію инспектора, онъ уволенъ.

Впрочемъ, инспекторъ явился самъ и сдѣлалъ „личное внушеніе“ мальчику. Тотъ рыдалъ, не понимая своей вины, а г. Петровъ допытывался, „кто у него изъ родителей—грамотные, отецъ или мать, что пишутъ въ газетахъ?“

Чтобы обезопасить себя совершенно, г. Петрову остается одно: внести еще параграфъ объ увольненіи учениковъ, имѣющихъ грамотныхъ родственниковъ и знакомыхъ.

Конечно, всѣ эти „мѣры“ въ большей степени грустны, нежели смѣшны. Когда онѣ все живое дѣло обученія дѣтей сводятъ къ наклонному письму, воспрещенію „критики“, то положеніе учащаго становится трагическимъ. Особенно, если онъ заброшенъ въ глухой уголъ, гдѣ нѣтъ ни людей, ни жизни. А школьное дѣло въ его теперешней постановкѣ быстро теряетъ свою былую привлекательность.

Одна изъ подобныхъ трагедій, по сообщенію „Забайкальской Нови“, разыгралась въ Тулутаѣ—здѣсь покончила самоубійствомъ мѣстная учительница. Было ей всего 21 годъ и учительствовала она здѣсь первый годъ.

Какъ тяжелы были условія жизни этой дѣвушки, если для разсчета съ жизнью она выбрала ужасный способъ—перерѣзала себѣ ножомъ горло. И еще ужаснѣе умирала: цѣлый день мучилась безъ медицинской помощи, истекала кровью и молила окружавшихъ:

— Добейте меня!

Точки надъ і.

Ихъ много. Жизнь неустанно ставитъ ихъ. Ихъ надо только отмѣчать.

„13 апрѣля коммиссія Государственнаго Совѣта отклонила подавляющимъ большинствомъ думскій законопроектъ о сибирскомъ земствѣ“... Въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго. Иначе быть не могло. Но въ подробностяхъ отклоненія есть нѣсколько интересныхъ деталей...

Оказывается, что на рѣшеніе коммиссіи Государственнаго Совѣта громадное вліяніе оказалъ начальникъ переселенческаго управленія, столь хорошо извѣстный Сибири В. Г. Глинка. И это является фактомъ громадной важности.

Возражали противъ земства еще бывшіе генералъ-губернаторы гг. Пантелѣевъ, Унтербергеръ и, особенно горячо, Селивановъ, возражалъ Спшинскій. Но что это за возраженія? Дальше пустынности и несвоевременности генералъ-губернаторы не пошли. И впечатлѣніе отъ ихъ рѣчей получилось блѣдное, какъ отъ доклада столоначальника. Другое дѣло Г. В. Глинка, г. министръ Восточной и Западной Сибири. У него факты и обильные матеріалы.

По его мнѣнію, въ вопросѣ о сибирскомъ земствѣ, центръ тяжести не въ томъ, чтобы рѣшать, нужно ли земство самой Сибири; оно ей, конечно, нужно,—и не онъ будетъ противъ этого спорить... Но важнѣе всего, важнѣе всѣхъ интересовъ Сибири, конечно, вопросы колонизаціи... Земство будетъ препятствовать распоряжаться земельнымъ фондомъ; земство можетъ возстать противъ способа изысканія „излишковъ"; земство будетъ, наконецъ, освѣщать со своей точки зрѣнія благополучіе переселенцевъ,—все это вмѣстѣ такъ неудобно, что нечего и говорить о введеніи земства въ Сибири. Конечно, называть предметы ихъ собственными именами не всегда удобно, и просто сказать, что земство помѣшаетъ Г. В. Глинкѣ, онъ не рѣшился, но это было ясно для всѣхъ чиновъ коммиссіи. Въ качествѣ же официальныхъ доводовъ противъ введенія земства выступили давно извѣстные: населеніе не кристаллизовалось, нѣтъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, нѣтъ частной собственности на землю,—однимъ словомъ, нѣтъ базы. „Записка" П. А. Столыпина была еще разъ снята съ полки, съ нея стряхнули пыль, и, какъ ultima ratio, она рѣшила судьбу вопроса.

Для Сибири теперь получается заколдованный кругъ. Ея населеніе распадается на переселенцевъ-новоселовъ и на старожиловъ. Первые или не кристаллизовались, или еще не на столько прониклись сознаніемъ „мѣстныхъ нуждъ и пользъ", чтобы быть годными элементами самоуправленія, а старожилы вовсе не годятся: все это—сепаратисты чистой воды, россійскаго ничего не терпятъ, и если говорятъ по

русски, то только для того, чтобы отомстить „россійскимъ“, испортивъ ихъ языкъ сибирскими выраженіями.

Мы не приводимъ точныхъ выраженій г. Глинки, но общій топъ его разсужденій переданъ вѣрно. И въ этомъ опять таки нѣтъ ничего удивительнаго. Такъ было, такъ будетъ. Поставлена только точка надъ і. Подчеркнуто, что своей собственной жизни Сибирь не имѣетъ. Ея роль служебная.

Сибирь нужна.—Для кого? Зачѣмъ?—Зависитъ отъ момента.

Сегодня она нужна для высылки туда штрафныхъ элементовъ метрополіи, завтра для разрѣшенія аграрныхъ затрудненій благородныхъ россійскихъ помѣщиковъ, а потомъ для экспериментовъ не менѣе благородныхъ чиновниковъ переселенческаго управленія. И какъ смѣшны съ этой точки зрѣнія всѣ разсужденія на тему о насущныхъ интересахъ Сибири! „Да они есть, они, несомнѣнно, существуютъ, эти интересы, но не о нихъ рѣчь! Сибирь еще нужна! Ею слѣдуетъ пользоваться. У насъ въ центрѣ что-то не клеится, а это великолѣпное мѣсто для свалки „соціальныхъ нечистотъ“ и для устройства экспериментовъ,—ваша Сибирь“.

Какъ же реагировала сама Сибирь на провалъ земства?

Здѣсь приходится говорить только о „реальныхъ политикахъ“. Правые вообще беззаботны по части самоуправленія; лѣвые, „не оппозиція его Величества“, а настоящіе лѣвые, тѣ—„сокрушительно принципіальны“ и, всячески болѣя душой о настоящемъ самоуправленіи, нѣсколько насмѣшливо поглядывали на то, какъ спѣшно штопали и подновляли ветхое рубище 90 года. Остаются одни „реальные политики“. Эти господа никогда не унываютъ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ зашелъ вопросъ: надъ проектомъ какого земства должна работать группа сибирскихъ депутатовъ Государственной Думы, реальные политики рѣшили „съ болью въ сердцѣ“ (это неизбѣжно!), что мечты объ идеальномъ земствѣ надо оставить: не по времени! „Займемся, говорили они, земскимъ положеніемъ девяностаго года. Оно немножечко, тае... по подкрасимъ, подправимъ, подновимъ... для Сибири и ладно... сойдетъ!“

Затѣмъ стали улавливать „вѣянія“ и взгляды „высокопоставленныхъ лицъ“. Изрѣдка ликовали: старшій курьеръ

министра говорилъ, что земство непремѣнно будетъ. Къ Рождеству, говоритъ, безпремѣнно будетъ. И очень сердились господа реальные политики, когда ихъ упрекали въ крохоборствѣ.

Они оправдывали все тѣмъ великимъ принципомъ, что съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ. Теперь и клокъ шерсти улыбнулся. Осталось одно разбитое корыто. Но господа реальные политики и тутъ не унываютъ. Ихъ оффиціозъ, „Сибирская Жизнь", нисколько не обезкураженъ и утѣшается. Правда, утѣшеніе нѣсколько своеобразное, но все-таки... „лицо соблюдено"!

„Сибирская Жизнь" разсуждаетъ просто: „Случилось то, что можно было ожидать... Законопроектъ отвергнутъ большинствомъ... Но для насъ, сибиряковъ, утѣшеніемъ можетъ служить то обстоятельство, что... въ составъ меньшинства, защищавшаго идею сибирскаго земства, входятъ такія лица, какъ М. М. Ковалевскій, Семеновъ-Тяньшанскій и Таганцевъ. Мнѣнія такихъ людей цѣнятся не только со стороны количественной, съ точки зрѣнія счета голосовъ, важнѣе внутренній авторитетъ, присущій голосамъ, имена которыхъ пользуются всемірной извѣстностью. И эти голоса поданы за сибирское земство. Давнишнія чаянія и ожиданія сибирскаго общества получили поддержку со стороны наиболѣе авторитетныхъ членовъ верхней палаты. Это—нравственная побѣда. Это залогъ того, что идея сибирскаго земства плодотворна, что раньше или позже она получитъ реальное осуществленіе" и т. д., и т. д.

Господа реальные политики! Вы слишкомъ торопитесь ставить точки надъ і! Никто никогда не сомнѣвался, что вашъ принципъ: съ паршивой овцы и т. д.—великій принципъ, но зачѣмъ же такъ неумѣло „утѣшаться". Ковалевскій голосовалъ за! Ура! Это залогъ того, что и т. д. Но вѣдь тогда можно по всякому поводу приходить въ восторгъ.

На Ленѣ разстрѣляли рабочихъ! Ура! Оказывается, многіе уцѣлѣли! Или: г. Голубовъ недостойно поступилъ по отношенію къ М. Р. Белину. Ура! Сотрудники „Сибирской Жизни", бывшіе при инцидентѣ, не только не присоединились къ г. Голубову, но открыто возмущались поступкомъ послѣдняго. Ихъ возмущеніе является залогомъ того, что и т. д., и т. д.

Господа реальные политики! Васъ никогда никто не обвинялъ, что вы плывете противъ теченія и что вы хоть сколько-нибудь принципіальны, не торопитесь же ставить точки надъ і, не забывайте, что вы все-таки оппозиція, хотя бы и Его Величества. Особенно не забывайте этого передъ выборами!

Событія послѣднихъ дней ярко подчеркнули еще одно обстоятельство, -то же не новое, но такое, про которое все-таки говорилось не особенно много. Мы имѣемъ въ виду ленскую трагедію и роль сибирской группы депутатовъ.

Насъ интересуетъ: сдѣлала-ли что-нибудь сибирская группа для того, чтобы предотвратить кровавую развязку? Когда по поводу совершеннаго уже преступленія, послѣ того, какъ горячей человѣческой кровью была полита земля,въ Думу были внесены запросы, мы всѣ съ біеніемъ сердца слушали... рѣчи народныхъ избранниковъ. И они декламировали горячо, красиво, можетъ быть искренне... о „пятнадцати залпахъ свинцоваго дождя". Но вѣдь передъ 4 апрѣля было 3-е, и 2-е, и 1-е. Передъ апрѣлемъ былъ мартъ, а передъ разстрѣломъ рабочихъ была длительная, упорная, тяжелая забастовка. Что же въ это время дѣлали сибирскіе депутаты?

Они, безъ сомнѣнія, знали, не имѣли права не знать многаго, чего не знало общество. Они знали и про тѣсную связь Ленскаго товарищества съ министерствомъ торговли и промышленности, знали и объ условіяхъ труда на пріискахъ, знали и о положеніи женщины на Ленѣ и о томъ, что богатѣйшее общество изъ года въ годъ остается должнымъ рабочимъ триста-четыреста тысячъ рублей.

Депутаты не могли не знать, что Ленское товарищество уже давно ввело въ практику расплачиваться ордерами за трудъ рабочихъ и что свои судебные споры съ рабочими оно разрѣшаетъ при благосклонной помощи своихъ „золотыхъ судей", получающихъ содержаніе отъ товарищества. И, зная все это, неужели депутаты могли молчать?

Неужели въ теченіе долгаго мѣсяца забастовки не было времени сдѣлать если не запросъ, то хоть „вопросъ" правительству? Неужели представители Сибири не обязаны были съ высоты трибуны Государственной Думы громко заговорить объ этомъ, привлечь къ ленской забастовкѣ вниманіе русскаго общества? Неужели группа сибирскихъ депутатовъ,

группа избранниковъ сибирскаго населенія, могла ждать, пока прольется невинная кровь, чтобы потомъ декламировать о свинцовомъ дождѣ? Въ запросахъ и въ рѣчахъ по поводу ихъ подробно доказывалось, что чортъ—черенъ. Эта истина не нова. Мы всѣ знаемъ, что бюрократія не въ состояніи сколько-нибудь удовлетворительно управлять страной, но этого мало. И Дума отвѣтственна! Если она лишена власти—у нея есть голосъ.

Русское общество могло быть спокойно. Оно знало, вѣрило, что если будетъ что неблагополучно на Ленѣ, сибирскіе депутаты скажутъ объ этомъ. И они сказали... послѣ разстрѣла. Отвѣтственность за это падаетъ на всю группу сибирскихъ депутатовъ. Но въ особенности—на представителя Иркутской губерніи. Газета „Сибирь“ правильно поставила вопросъ; опровергнувъ голословное заявленіе г. Бѣлоусова о томъ, что иркутская пресса совершенно обходила стачку молчаніемъ, „Сибирь“ говоритъ, между прочимъ: „и за все пятилѣтіе своего пребыванія въ Думѣ г. Бѣлоусовъ ни этихъ (рѣчь идетъ о статьяхъ „Сибири“), никакихъ другихъ данныхъ, трактующихъ объ этомъ, не использовалъ, хотя поводовъ къ тому было достаточно“. Указывая далѣе на то, что депутатъ отъ всего края, обязанъ хорошо знать бытъ и положеніе рабочаго класса въ Сибири, газета говоритъ: „не къ чести г. Бѣлоусова служитъ то обстоятельство, что ему была предоставлена *полная возможность* болѣе обстоятельнаго знакомства минувшимъ лѣтомъ въ его кратковременный визитъ въ Иркутскую губерніи, *но онъ этой возможностью не воспользовался.*

„Печать ничего не сообщала, не выполнила долга... и т. д. Ну, а самъ-то г. Бѣлоусовъ, выполнилъ ли онъ его?

Да, выполнилъ! „Получивши телеграмму отъ рабочихъ о создавшемся на пріискахъ угрожающемъ для нихъ положеніи, г. Бѣлоусовъ не огласилъ содержаніе этой *безусловно важной телеграммы ни въ Думѣ, ни въ печати.* Нѣтъ, онъ отправился посовѣтоваться по поводу ея съ г. Бѣлозеровымъ и послѣ этого визита послалъ рабочимъ „успокоительную телеграмму“...

Ленская драма поставила точку надъ і. Она рельефно подчеркнула, что постъ представителя Сибири постъ чрезвычайно отвѣтственный.

Недостаточно быть „добрымъ парнемъ", чтобы успѣшно выполнять свой депутатскій долгъ. Въ группѣ сибирскихъ депутатовъ есть рѣдкіе таланты: есть великіе молчальники, за все время III Думы, сказавшіе не болѣе шести, а то и четырехъ рѣчей (самый краснорѣчивый изъ депутатовъ Бѣлоусовъ выступалъ съ рѣчами 104 раза, а Шингаревъ 275), есть талантливые организаторы и прекрасные знатоки клубной жизни, есть люди, которые со сна говорятъ стихами, но просто дѣльныхъ и знающихъ работниковъ мало. Сибирскіе депутаты, какъ огня, боятся каѳедры Государственной Думы, предпочитаютъ ото всего отмалчиваться и только очень немногіе изъ нихъ съ перомъ въ рукахъ умѣютъ отстаивать интересы страны.

И неудивительно, что итоги получаются скромные. За пять лѣтъ группа ни разу не сумѣла поднять и освѣтить во всю глубину инородческій вопросъ, числилась „въ нѣтяхъ", когда случился голодъ въ Сибири, до сихъ поръ никакъ не сможетъ собраться внести запросъ по поводу алтайскихъ безобразій (ждетъ, чтобы тамъ повторилась Лена) и, наконецъ, группа торжественно проспала мартъ мѣсяцъ, первое, второе и третье апрѣля. Ее разбудили выстрѣлы. Тогда она проснулась и начала декламировать о „15 залпахъ свинцоваго дождя".

Точки надъ і... Ихъ много. Жизнь неустанно ставитъ ихъ. Ихъ надо только замѣчать.

Бывшій Членъ 2-ой Думы.

Обозрѣніе русской жизни.

Правительство не замедлило съ объясненіями по поводу ленскихъ событій—дало ихъ на другой же день, но ничего больше не нашло сказать, кромѣ того, что „такъ было всегда, такъ и будетъ впередъ"...

Никто, конечно, и не ожидалъ отъ него такихъ же суровыхъ словъ осужденія, какія раздавались въ печати. Вѣдь всѣмъ и каждому давно извѣстно, что незыблемость авторитета власти правительству дороже истины, что оно непзмѣнно вѣритъ своимъ Трещенкамъ или Трещенковымъ (фамилія этого „героя нашего времени" до сихъ поръ еще пишется

по разному), и однако—излишняя откровенность г. Макарова вызываетъ тягостное чувство.

Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, говорить въ домѣ повѣшеннаго о веревкѣ? За пять лѣтъ представительнаго строя Россія имѣла достаточно случаевъ убѣдиться, что, въ сущности, между прошлымъ и настоящимъ рѣшительно нѣтъ никакой разницы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ не только это удостовѣрилъ, но разсѣялъ и остатки иллюзій, если онѣ еще у кого сохранились: „такъ было всегда и такъ будетъ“...

Для всей печати—внѣ сомнѣній провокаціонная роль, сыгранная арестомъ стачечнаго комитета, а министръ внутреннихъ дѣлъ не придаетъ этому факту абсолютно никакого значенія. Возбужденное состояніе пріисковыхъ рабочихъ онъ можетъ объяснить лишь „безнаказанностью дѣйствій забастовщиковъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ“.

О безнаказанности эксплуатировавшаго ихъ Ленскаго товарищества министръ даже и не заикнулся. Приравнявъ товарищество къ предпріятіямъ, имѣющимъ общегосударственное значеніе, онъ нашелъ „совершенно правильнымъ“ возбужденіе преслѣдованія противъ стачечнаго комитета, а всю отвѣтственность за происшедшее возложилъ „на агитаторовъ, сидящихъ нынѣ въ тюрьмѣ—Соболева, Думбе и Розенберга—и на трусливо бѣжавшаго Баташева и всѣхъ, кто съ ними“.

Этотъ „трусливо бѣжавшій“ Баташевъ, по заявленію его брата, находится въ ссылкѣ за сотни верстъ отъ Ленскихъ пріисковъ и никоимъ образомъ не могъ быть тамъ да еще въ числѣ „агитаторовъ“.

Но для представителей министерства внутреннихъ дѣлъ, разъ налицо главные признаки агитаціи, т. е. оформленныя требованія и „вызывающее поведеніе“, — точность данныхъ всегда была вещью второстепенной.

Объясненія министра торговли носили нѣсколько иной характеръ.

Онъ призналъ, во-первыхъ что „прискорбное событіе не можетъ быть окончательно выяснено въ виду отсутствія подробнаго фактическаго матеріала“, и, во-вторыхъ, что Ленское товарищество, дѣйствительно, „вопреки закону, допускало переходъ разсчета на слѣдующую кампанію“, о чемъ правительству стало извѣстно еще въ январѣ 1911 года.

Итакъ, при одной только мысли о „возможности“ нанесенія ущерба, хотя бы даже имѣющему „государственное значеніе“, но все же частному предпріятію,—правительство черезъ три мѣсяца со дня забастовки считаетъ необходимымъ прервать ее, не стѣсняясь послѣдствіями.

А нарушеніе закона, наносящее ущербъ рабочимъ, уже на-глазахъ его—тянулось *годъ и три мѣсяца!*

То, что извѣстно г. Тимашеву,—очевидно, совершенно неизвѣстно г. Макарову. Иначе зачѣмъ бы ему привлекать къ отвѣтственности Баташова, находившагося за сотни верстъ отъ пріисковъ.

Объясненія его до такой степени никого не удовлетворили, что даже издатель „Гражданина“ оказался „въ единомысліи съ соціалъ-демократами“. „Доказываетъ ли это, спрашиваетъ онъ себя,—что я вдругъ сдѣлался соціалъ-демократомъ? Не думаю. А доказываетъ это нѣчто серьезнѣе“.

Онъ прямо испуганъ вѣрой министра въ „жандармскаго полковника“, которую „не можетъ раздѣлять ни одинъ русскій человѣкъ, кромѣ горсти думскихъ холоповъ“, его приводитъ въ ужасъ „въ мірѣ небывалое поле дѣйствія для провокаціи“, открывающееся жандармскимъ полковникамъ „въ видѣ права арестовывать и казнить не за то, что человѣкъ сдѣлалъ, но за то, что онъ могъ сдѣлать“.

Князь Мещерскій испуганъ, а членовъ Государственной Думы пришлось тащить въ Таврическій дворецъ чуть не за фалды—подъ угрозой поименнаго голосованія, хотя они знали и до объясненій министра, что ленскихъ рабочихъ разстрѣливали, собственно, авансомъ — на случай, если бы имъ вздумалось затопить шахты или напасть на солдатъ.

И безконечно право „Русское Слово“, сравнивающее въ своемъ возмущеніи долго жданную Думу съ печатью. Въ то время, какъ печать „съ такимъ рискомъ, съ такими опасностями для себя“, —„за каждое слово подвергаясь тяжкимъ, непосильнымъ для нея карамъ“, отзывается на всякое событіе, возмущающее чувства страны, — безотвѣтственная Дума не сумѣла выполнить даже „роль форточки, черезъ которую разрядилось бы накопившееся, спирающее грудь общественное негодованіе“.

Дѣлаясь подчасъ глухой и слѣпой, когда общество лѣзетъ на стѣну, Третья Дума почти всегда дѣловита въ мелочахъ.

При обсужденіи смѣты министерства народнаго просвѣщенія она удѣлила, напримѣръ, нѣкоторое вниманіе вопросу о томъ,—какъ бы приспособить грамотность къ нашему невѣжеству, т. е. упростить русское правописаніе.

Оно представляетъ одинаковыя трудности во всѣхъ языкахъ, увеличивающіяся въ зависимости отъ общаго уровня развитія какъ учащихся, такъ и педагогическаго персонала. Но нигдѣ не наблюдается такого настойчиваго стремленія освободиться отъ законовъ грамматики, кромѣ Россіи, не имѣющей достаточнаго кадра подготовленныхъ къ своей профессіи преподавателей.

Старыхъ учителей, педагоговъ по призванію, отовсюду выживаютъ, а новыхъ—при быстро-растущемъ спросѣ—хватить не можетъ. Да и достоинства ихъ опредѣляются совсѣмъ съ другой точки зрѣнія—„патріотической“.

Въ Западномъ краѣ, по словамъ депутата отца Мацѣевича, „учителя и инспектора народныхъ училищъ являются не педагогами, а представителями русскаго союза“. Въ казанскомъ округѣ, какъ заявилъ прогрессистъ А. М. Масленниковъ, лучшіе учебники замѣняются худшими, но за-то съ „патріотическимъ“ душкомъ. Саратовское городское управленіе попробовало, было, улучшить подборъ наградныхъ книгъ школьникамъ, начавъ выдавать имъ русскихъ классиковъ—Пушкина, Лермонтова, Гоголя и пр., а инспекторъ, со своей стороны, предложилъ замѣнить классиковъ „потѣшными“ изданіями екатеринославскаго Луцкевича.

Прежде были Бунаковы, Ушинскіе, Стоюнины, теперь—Луцкевичъ. Прежде работали головой, и грамматика умѣщалась въ ней даже безъ особенныхъ стараній; теперь—стали налегать на ноги: сегодня будь „взводнымъ“, завтра—„соколомъ“, послѣзавтра ужъ, можетъ быть, „летчикомъ“, при этомъ не ходи по улицѣ съ гимназистками, помни, какъ зовутъ архіерея и какое лицо у губернатора, хоть ты его никогда въ глаза не видалъ.

Въ доброе старое время архіереи присутствовали на экзаменахъ больше для парада и, если они производились по предметамъ, не относившимся къ ихъ спеціальности, лишь благосклонно молчали. „Благолѣпный“ видъ владыки, медлительность его движеній и равнодушіе къ мірскимъ заботамъ о какомъ-нибудь тамъ „ятѣ“ или притокѣ Березины

дѣйствовали на экзаменующихся даже успокоительно: не можетъ быть, казалось имъ, чтобы этотъ кроткій старецъ не замолвилъ за нихъ словечко.

А нынче „благолѣпные старцы" такого страху иной разъ нагонятъ, что въ пору хоть самому попечителю.

Какъ нагналъ, напримѣръ, въ Саратовѣ преемникъ Гермогена, устроившій внезапно экзаменъ по всѣмъ предметамъ не только ученикамъ церковно-приходскихъ, но и городскихъ школъ. „Черезъ благочиннаго, разсказываютъ „Русскія Вѣдомости", епископъ сообщилъ о своемъ намѣреніи инспектору народныхъ училищъ", и послѣдній предписалъ преподавателямъ явиться съ учащимися въ приходскія церкви школьныхъ районовъ.

Смущаемые присутствіемъ постороннихъ лицъ, необычностью обстановки, утомленные долгимъ стояньемъ и тѣснотой (въ одной церкви ихъ было до 1,000 человѣкъ), дѣти часто отвѣчаютъ невпопадъ, и епископъ дѣлаетъ выговоръ какъ имъ, такъ и преподавателямъ: „Плохъ, ничего не знаешь", „Теперь не время подсказывать. Надо было заниматься въ свое время".

По Закону Божію епископомъ задавались довольно головоломные вопросы въ родѣ: „Какой губерніи Виѳлеемъ?", „Перечисли судей народа еврейскаго?", „Какіе судьи лучше: нынѣшніе или тѣ?", „Кто старше: корова или курица?" Въ церкви такой „шумъ, давка, духота", что „дѣти едва стоятъ" и „съ нѣкоторыми дѣлается дурно".

„Городское управленіе, прибавляетъ корреспондентъ, узнало объ епископскомъ экзаменѣ уже post factum".

Епископъ—человѣкъ дѣлу посторонній, а инспекторъ народныхъ училищъ, принадлежа къ тому вѣдомству, гдѣ, по характеристикѣ „Рѣчи", „каждый новый министръ хуже своего предшественника", тоже не счелъ нужнымъ довести объ этомъ своевременно до свѣдѣнія городского управленія.

Но, собственно, къ тому все и идетъ, чтобы свести на нѣтъ надзоръ городовъ и земствъ за ихъ школами.

Законопроектъ о начальномъ образованіи подвергся въ совѣтской коммиссіи такимъ передѣлкамъ, что даже самъ бы себя не узналъ: три отдѣла исключены коммиссіей совсѣмъ и изъ 120 статей его остались не измѣненными всего 8, при томъ наименѣе важныя.

Хотя при постатейномъ разсмотрѣніи его, Государственный Совѣтъ, немножко смутившись, повидимому, результатами своей разрушительной работы, и возстановилъ два пункта, но, конечно, очень мало надежды, чтобы даже Третья Дума согласилась признать за свое дѣтище этотъ искалѣченный законопроектъ.

Провалилось въ Государственномъ Совѣтѣ и нѣсколько законопроектовъ о мѣстномъ самоуправленіи до сибирскаго земства включительно.

На засѣданіи коммиссіи законодательныхъ предположеній товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Харузинъ заявилъ, что думскій законопроектъ о введеніи земства въ Сибири является для правительства „совершенно непріемлемымъ“. Главнымъ образомъ, по причинѣ отсутствія „дворянскаго землевладѣнія“ въ краѣ, дѣлающаго почти „невозможнымъ“ тамъ земскую реформу на общихъ началахъ.

Правда, г. Харузинъ прибавилъ, что министерство разсчитываетъ въ ближайшемъ будущемъ внести свой собственный проектъ, но... „пока взойдетъ солнце, роса очи выѣстъ“.

Да и, наконецъ, каковы будутъ эти „пріемлемыя“ для правительства начала? Насадятъ ли въ Сибири дворянское землевладѣніе, и только на условіи его дадутъ ей земство; или же послѣднее получитъ лишь право совѣщательнаго голоса, явится какимъ-нибудь особымъ отдѣленіемъ для черновой работы при губернаторскихъ канцеляріяхъ—на манеръ Государственной Думы „при Государственномъ Совѣтѣ?..“

Права ея и такъ были не велики, а октябристы, вмѣсто того, чтобы отстаивать ихъ,—не говоримъ уже: стараться расширять, сдавали свои позиціи безъ боя. „Берегите Думу!“, твердили они, и простаки сперва соглашались, что помолчать до поры до времени необходимо, что безъ маленькихъ сдѣлокъ съ совѣстью не обойтись и что А. И. Гучковъ, рано или поздно, но непремѣнно „сосчитается“.

Теперь простаковъ больше нѣтъ, и на храбрость А. И. Гучкова никто уже не разсчитываетъ. Октябристамъ не мѣшало бы, конечно, хоть изъ приличія принять запросъ трудовиковъ объ избирательной кампаніи, но кто же себѣ врагъ—имъ-то вѣдь, октябристамъ, условія, въ которыхъ она начинается, только на руку.

Кто жъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, сталъ бы выбирать, не приложи начальство столько стараній для устраненія маломальски прогрессивныхъ элементовъ

Духовенство играло въ прошлыхъ выборахъ огромную роль, а въ нынѣшнихъ—имѣетъ всѣ шансы получить первенствующую.

Какъ оно понимаетъ свободу голосованія,—видно по курскому Стефану, объявившему, что онъ будетъ считать „своимъ врагомъ" всякаго, кто не поддержитъ правыхъ. Калужскій архіерей приглашаетъ епархіальное духовенство проводить въ члены Думы „лишь только вѣрноподданныхъ царю и православному русскому дѣлу".

Какихъ „вѣрноподданныхъ русскому дѣлу" имѣлъ онъ въ виду, пишетъ „Русское Слово", „можно догадаться изъ того, что онъ одинъ изъ первыхъ вступилъ въ члены вновь открытаго отдѣла всероссійскаго національнаго союза".

Рязанскій преосвященный Дмитрій на журналѣ съѣзда касимовскаго духовенства, обсуждавшаго, между прочимъ, вопросъ объ отношеніи къ выборамъ, положилъ резолюцію, въ которой рекомендуетъ не уклоняться отъ нихъ и выбирать людей, преданныхъ православной вѣрѣ, царю и отечеству, а „не измѣнниковъ-конституціоналистовъ разныхъ толковъ".

Въ Минскѣ, Екатеринославлѣ, Иркутскѣ да, разумѣется, и вездѣ—„владыки" вооружились мірскимъ мечомъ предвыборныхъ агитаторовъ.

Духовенство, скрѣпя сердце слушаетъ ихъ, краснѣя, записывается въ союзы, но тамъ, гдѣ не видитъ занесенной надъ собою палки, не проявляетъ и національнстическихъ чувствъ.

Нѣкій націоналистъ Берновъ, разъѣзжающій по Воронежской губерніи, прямо былъ взбѣшенъ равнодушіемъ къ его лекціямъ павловскихъ батюшекъ и въ своемъ органѣ „Живое Слово" обратился за поддержкой къ высокопреосвященному Анастасію: „Владыко не оставитъ безъ вниманія этотъ возмутительный фактъ!"

Союзническая агитація почти всюду носитъ комическій характеръ. Въ Москвѣ на первое собраніе никто не явился — его пришлось отмѣнить; на второмъ — собралось человѣкъ 100; третье—тоже надо считать провалившимся.—

На губернскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ—союзники переругались. Въ Харьковѣ — смѣщенный предсѣдатель отказался подчиниться совѣту, и послѣдній, выйдя всѣмъ составомъ изъ союза, подалъ жалобу губернатору, передавъ ему при этомъ и всѣ союзническіе капиталы. Не велики они оказались: всего на всего 1.762 рубля.

Въ Каменецъ-Подольскѣ, какъ телеграфируютъ „Русскому Слову", 13 апрѣля открылся съѣздъ исправниковъ, „обставленный чрезвычайно строгой тайной. По слухамъ, съѣздъ находится въ связи съ предстоящими выборами въ 4-ю Думу".

Изъ циркуляра, разсылаемаго губернаторами исправникамъ („Рѣчь", № 93), видно, что линія ихъ поведенія уже предначертана въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: они должны принять мѣры „для обезпеченія избранія въ уполномоченные отъ волостей вполнѣ благонадежныхъ и не принадлежащихъ къ лѣвымъ крестьянъ-домохозяевъ".

Если ужъ такъ опасаются лѣвыхъ крестьянъ, то какъ будутъ относиться къ лѣвымъ интеллигентамъ — излишне даже говорить.

Тѣ изъ нихъ, что побывали въ Третьей Думѣ, на 4-ю, кажется, и сами махнутъ рукой.

Профессоръ И. В. Лучицкій категорически заявилъ о своемъ отказѣ отъ кандидатуры. Н. С. Розановъ—то же самое. Тотъ и другой убѣдились въ полной невозможности неполнить свой долгъ передъ избирателями, потеряли всякую надежду на продуктивность работъ Государственной Думы.

Общество давно въ этомъ убѣдилось.

Даже и при Плеве вопросы о цвѣтной фотографіи, ипотечныхъ ссудахъ подъ желѣзо-бетонныя постройки или публичное исполненіе разсказовъ Марка Твена не могли внушать начальству подозрѣній въ смыслѣ „благонадежности", а при Третьей Думѣ все это было и есть. Будетъ, конечно, и при Четвертой...

Отрадныя мысли.

Я совершенно не понимаю, какъ въ настоящее время можно одобрять старые пріемы и способы устройства погро-

мовъ. Помимо того, что всѣ старые способы ужасно хлопотливы, они еще и не разсчетливы. Совершенно справедливо, конечно, что крамольниковъ и евреевъ слѣдуетъ быть; противъ этого завоеванія современной намъ, христіанамъ, морали мы возражать не будемъ, но намъ кажется нѣсколько страннымъ, какую роль играютъ въ борьбѣ съ крамолой перины, зеркала и вообще обстановка крамольныхъ домовъ? Вѣдь никто же изъ самыхъ просвѣщенныхъ погромщиковъ не станетъ защищать теорій о томъ, что средоточіе крамолы внутри еврейской перины. Вѣдь совершенно ясно каждому, что гораздо цѣлесообразнѣе было бы устремить все вниманіе на корень зла, и если ужъ бить, то бить прямо въ голову.

Но все, что геніально, достигается не безъ труда. Первобытный человѣкъ слѣпо реагируетъ на обиды людей и природы и, не разбираясь въ причинахъ, выпавшихъ на его долю несчастій, готовъ порою наказывать цѣпями море. Другое дѣло человѣкъ науки. Онъ твердо знаетъ, что всегда нужно стремиться къ тому, чтобы съ наименьшей затратой энергіи достичь наибольшихъ результатовъ. И я съ радостью отмѣчаю въ этомъ смыслѣ успѣхи родной Сибири.

Когда въ сибирскихъ Аѳинахъ студенту-технологу Н. И. Голубову внезапно пришла геніальная мысль уничтожить крамолу въ редакціи „Сибирской Жизни“ и когда онъ задумалъ доказать всему міру, что академисты достойны уваженія,—онъ устроилъ погромъ г. Бейлину. Но онъ не пошелъ на квартиру редактора „Сибирской Жизни“, не сталъ выбивать оконъ въ его жилищѣ, не сталъ покрывать томскія мостовыя пухомъ изъ распоротой перины г. Бейлина, не соблазнился, наконецъ, и тѣмъ, что въ квартирѣ врага могли найтись золотыя вещи, вино и закуски, а пошелъ прямо въ редакцію „Сибирской Жизни“ и тамъ въ согласіи съ послѣднимъ словомъ науки сталъ достигать наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ силъ. „Сибирская Жизнь“ съ эпическимъ спокойствіемъ повѣствуетъ: „и, задержавъ М. Р. Бейлина въ дверяхъ, нанесъ ему два удара толстой палкой по головѣ“. Легко и практично! Никакихъ хлопотъ! И полная гарантія за результатъ! Великая вещь—наука!

Я думаю, что въ исторіи умственной жизни города Томска

этотъ эпизодъ составитъ яркую страницу. Прежде, давно, когда городъ Томскъ былъ еще городомъ разжирѣвшихъ Титъ Титычей и лихихъ чаерѣзовъ, въ немъ были иные способы идейной борьбы. Тогда выходили, бывало, „стѣна на стѣну“ и били другъ друга смертнымъ боемъ, били до послѣдняго издыханія. Потомъ жизнь двинулась впередъ. Гдѣ-то изобрѣли электричество и стали говорить о всеобщемъ счастьѣ. Въ Томскѣ появилась крамола.

Томскъ долго думалъ, какъ болѣе успѣшно бороться съ ней, и дикій, еще необразованный, онъ все-таки догадался, что бороться съ крамолой при помощи огня можно куда успѣшнѣе, чѣмъ съ одной дубиной и парой кулаковъ. И Томскъ сталъ выжигать крамолу вмѣстѣ съ людьми и зданіями.

Затѣмъ наступила третья эпоха. Снова взялись за дубину, но дѣйствовать ею стали по точнымъ указаніямъ науки. Студентъ Голубовъ, вѣроятно, долго изучалъ анатомію, онъ не даромъ прочелъ на своемъ вѣку много хорошихъ книгъ; наука просвѣтила его, и онъ, конечно, не сталъ расходовать свои силы на бездѣльные спиняки. Онъ билъ крамольнаго врага прямо въ голову, и если о чемъ могъ сожалѣть студентъ Голубовъ, такъ только о томъ, что нельзя бить дубиной прямо по горячему сердцу. Тогда было еще дѣйствительнѣе, и, можетъ быть, достаточно было бы и одного удара. Наука сыграла замѣтную роль въ исторіи Томска: новые люди, новые пріемы идейной борьбы.

По справедливость требуетъ отмѣтить, что не всѣ студенты заслуживаютъ въ данномъ случаѣ одинаково горячей признательности современниковъ. Герои дня только—„академисты“. И это понятно. Другіе студенты, разные „лѣвые товарищи“ не занимаются чистой наукой. Они до сихъ поръ мечтаютъ, что міръ можно переустроить безъ дубины, благоговѣйно поднимаютъ свое красное знамя и говорятъ вдохновенныя рѣчи. Но „товарищи“ часто бастуютъ. А наука идетъ впередъ. И своимъ лучезарнымъ свѣтомъ она по справедливости осѣнила только „академистовъ“. Любимые сыны своей almae matris, они являются ея лучшимъ украшеніемъ. И если томское городское самоуправленіе воздвигнетъ современемъ монументъ въ ознаменованіе заслугъ незабвеннаго Ивана Максимовича, то, несомнѣнно, и томскій тех-

РАЙОННАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

нологическій институтъ золотыми буквами на каррарскомъ мраморѣ начертаетъ имя чистаго академиста Н. П. Голубова.

Сибирскія Аѳины процвѣтаютъ! Говорятъ, что на послѣдней сибирской выставкѣ въ Омскѣ въ павильонѣ „народнаго образованія въ Сибири“ бросалась въ глаза великолѣпная картина кисти сибирскаго художника Гуркина. Картина изображала залъ въ храмѣ науки. Лицо, вѣрнѣе, ликъ былъ только одинъ. Худенькій, сѣдой старикашка, съ козлиной бородкой топалъ ногами. Художникъ неподражаемо передалъ, что старичокъ кричитъ и отъ злобы трясется всѣмъ своимъ дряхлымъ тѣломъ. Становилось страшно, что разсыплется отъ волненія или упадетъ, обезсилѣвъ. А кругомъ почтительно стояли „мужи совѣта и разума“. Собственно— намекъ на мужей: видно было только то мѣсто, которымъ менѣе всего принято интересоваться: фалды сюртуковъ и портфели. Головъ не было видно; отсвѣчивали лишь двѣ-три лысины. Фигуры склонились долу и почти землю клали, а старичокъ неистовствовалъ и топалъ ножками, какъ капризный ребенокъ. Когда недоумѣвающіе спрашивали смыслъ картины, имъ объясняли: это господинъ попечитель западно-сибирскаго учебнаго округа г. Лаврентьевъ изволитъ объяснять господамъ томскимъ профессорамъ, что они забастовщики и дармоѣды, и что успѣхъ движенія по службѣ не въ научныхъ заслугахъ...

Я вспомнилъ эту картину, когда узналъ о послѣднемъ подвигѣ томскихъ академистовъ.

Если бы рядомъ съ картиной Гуркина поставить другую: „Академисты въ редакціи „Сибирской Жизни“, то впечатлѣніе получилось бы цѣльное. Старики не даромъ существуютъ на свѣтѣ: завѣты старыхъ бережно беретъ въ свои руки молодежь...

По славному пути господъ Лаврентьевыхъ идутъ господа Голубовы!

И, взглянувъ на эти двѣ картины, никто не усомнился бы, что Томскъ дѣйствительно становится и, пожалуй, уже сталъ „Сибирскими Аѳинами“. По крайней мѣрѣ, господа представители чистой науки сдѣлали со своей стороны все, что могли...

А. Аловъ.

С.-Петербургское Сибирское Собраніе.

Къ возникновенію Сибирскаго Клуба въ Петербургѣ сибирская пресса и общественные дѣятели Сибири отнеслись съ большимъ сочувствіемъ. Если порой и встрѣчались указанія на тѣ или другіе дефекты въ организаціи Собранія, то „критики“ сейчасъ же, какъ бы торопясь, заявляли, что къ существу дѣла это не относится, это — лишь детали, ихъ легко исправить. необходимо помнить лишь одно: Сибирскій Клубъ въ Петербургѣ нуженъ, и необходимо заботиться о его процвѣтаніи.

Не остался безъ разсмотрѣнія и кардинальный вопросъ существованія Сибирскаго Клуба, его „to be or not to be“, вопросъ о томъ, что собственно представляетъ изъ себя Сибирское Собраніе въ Петербургѣ и почему оно такъ необходимо.

Удачнѣе другихъ на этотъ послѣдній вопросъ отвѣтилъ сибирскій патріархъ Григорій Николаевичъ Потанинъ. Въ своихъ „Признаніяхъ сибирскаго патріота“ онъ необыкновенно ярко оттѣнилъ, въ чемъ собственно сущность Сибирскаго Собранія и каковы должны быть его цѣли и дѣятельность. Особенность Петербургскаго Сибирскаго Клуба Г. Н. Потанинъ усматриваетъ въ томъ, что „здѣсь сразу попадаешь въ среду, въ которой господствуютъ сибиряки, частью уроженцы Сибири, частью лица, которыя провели значительное число лѣтъ въ Сибири, освоились съ нею, вошли въ кругъ ея интересовъ и дорожатъ симпатіями ея населенія. Ораторъ, выступающій въ этомъ клубѣ на эстраду, имѣетъ передъ собой такую аудиторію, какой онъ не найдетъ ни въ Томскѣ, ни въ Иркутскѣ, ни въ другихъ сибирскихъ городахъ, и, конечно, чувствуетъ себя иначе, чѣмъ въ родной странѣ. Въ сибирскихъ городахъ нѣтъ такого подбора въ составахъ клубной публики“. И, дѣствительно, въ то время, какъ большинство въ аудиторіяхъ сибирскихъ городовъ всегда состоитъ изъ пришлой интелегенціи, въ Петербургскомъ Сибирскомъ Собраніи искусственно составилась настоящая сибирская аудиторія. И если глубоко правъ Потанинъ, что передъ публикой сибирскихъ городовъ „неловко бываетъ выступать съ сибирскими темами“, такъ какъ всегда можно остаться (въ виду того, что аудиторія-

то „навозная“) или непонятымъ, или превратно истолкованнымъ, то правъ также и тотъ, кто сдѣлалъ бы выводъ, что, значитъ, аудиторія нашего Петербургскаго Клуба на рѣдкость подходитъ для выслушанія и обсужденія спеціально сибирскихъ темъ.

Кромѣ того, что аудиторія здѣсь сибирская, она еще молодая. Большинство—учащаяся молодежь; люди, пріѣхавшіе за тысячи верстъ спеціально для того, чтобы закончить здѣсь свое образованіе, чтобы окончательно идейно сформироваться и окрѣпнуть, а затѣмъ ѣхать обратно въ свою Сибирь, увозя туда все, что пріобрѣтено въ аудиторіяхъ Петербурга. „Въ сибирскихъ городахъ“, кончаетъ свои „признанія“ Г. Н. Потанинъ, „нѣтъ сибирской аудиторіи, но мы пріобрѣли ее въ Петербургѣ,—аудиторію Сибирскаго Клуба. Только здѣсь сибирскій публицистъ чувствуетъ себя, какъ дома, въ средѣ, которая понимаетъ его чувства, въ которой онъ надѣется найти сочувствіе своимъ планамъ, своимъ желаніямъ. Здѣсь онъ можетъ обратиться съ призывомъ къ мѣстному чувству и не подумаетъ, что онъ не понятъ и смѣшонъ“.

Прибавьте къ этому, что аудиторія дастъ крылья оратору, и легко будетъ понять, что жизнь Сибирскаго Клуба съ его молодой, увлекающейся, на рѣдкость чуткой, какъ все молодое, аудиторіей должна бы быть такой интенсивной, красивой, идейной... Должна бы! Но на самомъ дѣлѣ все идетъ иначе...

Въ свое время „Сибирскіе Вопросы“ отмѣчали уже, какъ вяло тащится, какъ блѣдна жизнь Сибирскаго Клуба, и здѣсь мы не будемъ повторять сдѣланныхъ указаній. Отмѣтимъ только, что со времени статьи „Pro domo sua“ произошла одна отрадная перемѣна: дѣло устройства рефератовъ перешло въ руки особой коммиссіи, которая постановила, между прочимъ, что доклады въ Сибирскомъ Собраніи всегда должны имѣть то или иное отношеніе къ Сибири. Если мы снова заговорили теперь о Сибирскомъ Клубѣ, то исключительно потому, что въ жизни клуба состоялся знаменательный день: годичное общее собраніе членовъ Клуба.

На повѣсткѣ стоялъ вопросъ, давно всѣхъ интересовавшій: о дальнѣйшемъ направленіи и о цѣляхъ Клуба. Какъ бы ни были громки заявленія Совѣта Старшинъ Сибирскаго Со-

бранія, что все въ Клубѣ обстоитъ въ высшей степени благополучно, все же отъ правды уйти трудно, ее никакими коллективными посланіями скрыть невозможно.

И въ послѣдній разъ, едва только открылось собраніе, сразу же раздались голоса, что „у Клуба не стало души", жизнь собранія идетъ на убыль, дальше такъ жить невозможно, необходимо детально обсудить программу будущей дѣятельности Собранія.

Необходимо замѣтить, что среди нашей молодежи широкимъ распространеніемъ пользуются идеи Г. Н. Потанина, и тотъ его отзывъ о Сибирскомъ Собраніи, который мы только что привели, какъ нельзя болѣе по душѣ пришелся молодымъ сибирякамъ. Молодежь ждетъ отъ Собранія многаго и если она этого до сихъ поръ въ стѣнахъ Клуба не находила, то на послѣднемъ общемъ собраніи хотѣлось обсудить всѣ жгучіе вопросы связанные съ жизнью Клуба. Но обсужденіе вышло своеобразное,—нѣчто въ родѣ обычнаго засѣданія Томской городской думы съ ея „излюбленнымъ" головой Н. М. Некрасовымъ. Ролъ томскаго Некрасова въ Сибирскомъ Клубѣ добросовѣстно исполнялъ петербургскій присяжный повѣренный А. Н. Кремлевъ. Въ чемъ собственно заключаются заслуги г. Кремлева передъ Сибирью и почему необходимо было, чтобы онъ, а никто иной предсѣдательствовалъ на годичномъ собраніи сибиряковъ — неизвѣстно.

Будучи совершенно чуждымъ аудиторіи Сибирскаго Собранія, г. Кремлевъ сдѣлалъ все, что могъ совершить на высокомъ посту предсѣдателя: скомкавъ два, три вопроса, онъ неожиданно разсердился и началъ отводить душу на „ораторахъ". Не успѣвалъ иной изъ говорившихъ открыть ротъ, какъ предсѣдатель уже обрывалъ его: „да вы что хотите, сказать-то? Въ чемъ дѣло? Что вамъ нужно?" А когда г. Кремлевъ окончательно разсердился, то рѣшилъ, что кто говоритъ противъ, тотъ не серьезенъ! Рѣшилъ и высказался, а въ результатѣ — обида собранія. Одинъ изъ членовъ клуба внесъ предложеніе: считать всѣхъ собравшихся за людей вполнѣ серьезныхъ и признать, что правила вѣжливости обязательны даже для предсѣдателя собранія. Въ видѣ протеста противъ окриковъ г. Кремлева часть собранія оставила залъ и подала ему письменный протестъ.

Мы потому такъ подробно остановились на этомъ инцидентѣ, что годичное Собраніе считался очень важнымъ моментомъ въ жизни Сибирскаго Клуба. Его ждали, къ нему готовились, хотѣли сговориться, какъ жить дальше, и вдругъ все сведено на нѣтъ, только потому, что кто-то захотѣлъ быть особенно пріятнымъ г. Кремлеву. А между тѣмъ, тутъ же въ собраніи присутствовалъ цѣлый рядъ „заслуженныхъ“ сибиряковъ, людей съ авторитетомъ, людей, которыхъ всѣ привыкли уважать.

Та черточка, та интимная подробность, которую подмѣтилъ Потанинъ, когда говорилъ о спеціально „сибирской“ аудиторіи клуба, была точно нарочно, демонстративно уничтожена, и въ день, когда собраніе должно было въ тѣсномъ кругу своихъ членовъ разрѣшить проклятые вопросы, кому-то понадобилось продемонстрировать свою преданность А. Н. Кремлеву.

Въ результатѣ вмѣсто трещины получилась пропасть. На одной сторонѣ ея остался Совѣтъ Старшинъ Клуба, на другой—молодежь. Стоило ли предсѣдательствованіе г. Кремлева подобной жертвы—ясно для каждаго.

Мы сказали, что пропасть образовалась между Совѣтомъ Старшинъ Клуба и молодежью, и мы думаемъ, что мы не ошиблись. Доказательствомъ этому можетъ служить, помимо удачнаго выбора предсѣдателя, еще и то, что на томъ же собраніи, по предложенію Совѣта, прошелъ вопросъ объ увеличеніи взноса сотрудниковъ. Рубля показалось мало. Постановили взимать два. И этотъ шагъ мы считаемъ глубоко ошибочнымъ. Не тѣмъ путемъ нужно наполнять пустую кассу клуба. Можно устраивать платныя лекціи, концерты, сборы пожертвованій, но тянуть послѣдній рубль изъ студенческаго кармана не слѣдуетъ.

И здѣсь невольно намъ вспоминается отзывъ о Сибирскомъ собраніи другого сибиряка, Вл. М. Крутовскаго. „Сибирская молодежь, — писалъ г. Крутовскій, — въ общемъ бѣдна. Петербургская жизнь и ея удовольствія ей недоступны. Приходится сидѣть по своимъ темнымъ, грязнымъ и маленькимъ комнатамъ, не видѣть свѣта, людей, близкихъ. Эти тяжелыя условія очень сильно отражаются на нашей молодежи. Кто изъ нихъ не испыталъ въ первый годъ тоски по родинѣ, кто не впадалъ въ тяжелое невра-

степическое состояніе. Плохое питаніе, плохія условія жизни ослабляютъ молодой организмъ, а заброшенность и одиночество нагоняютъ мрачныя мысли и ипохондрію.

Отсутствіе радостныхъ свѣтлыхъ впечатлѣній тяжело отзывается на настроеніи духа.

И вотъ въ этомъ отношеніи „Сибирское Собраніе“ могло бы сыграть хорошую роль“.

В. М. Крутовскій хотѣлъ бы, конечно, чтобы двери Сибирскаго Клуба особенно радостно и широко открывались для тѣхъ изъ его земляковъ, которые въ шикарномъ Петербургѣ ютятся по грязнымъ и сырымъ угламъ. Онъ хотѣлъ бы, пожалуй, даже, чтобы свѣтъ и тепло Сибирскаго Клуба были безплатны... „Пусть платятъ, кто можетъ!..“ Но Совѣтъ Старшинъ Сибирскаго клуба думаетъ иначе.

Отнынѣ всѣ, у кого нѣтъ двухъ рублей, будутъ сидѣть по своимъ промозглымъ и сырымъ угламъ. „Сибирское Собраніе“ не для нищихъ!—Это не благотворительное учрежденіе!

Да здравствуетъ Совѣтъ Старшинъ Сибирскаго клуба!

А у клуба все-таки „нѣтъ души“! И это безконечно грустно. Грустно потому, что Клубъ намъ нуженъ, необходимъ; потому, что наша сибирская молодежь здѣсь привыкла къ нему и безъ него намъ будетъ еще тяжелѣе. И ясно въ то же время, что такъ долѣе жить нельзя!

Трещину необходимо уничтожить!

Если въ частности Совѣтъ Старшинъ Клуба, какъ и самый Клубъ, существуютъ въ значительной степени въ интересахъ Петербургской сибирской молодежи, то, конечно, Совѣту нужно измѣнить свою линію поведенія. Молодежь искренна и чутка. Забывать этого не слѣдуетъ.

Поменьше фразъ и побольше искренности, и тогда у Клуба можетъ появиться душа. Ее дастъ молодежь.

Опроверженіе.

Печатается на основаніи п. II прил. къ ст. 114 Уст. о ценз. и печ. по прод. 1906 г.

Въ №№ 3—4 журнала „Сибирскіе Вопросы“ за текущій годъ, въ отдѣлѣ Сибирскихъ писемъ, помѣщена корреспонденція изъ Якутска („Наши типы“), въ которой, по поводу

недоразумѣнія, происшедшаго между якутскимъ городскимъ головою Юшмановымъ и чиновникомъ Шоластеромъ, между прочимъ, сообщается, что послѣ засѣданія Якутскаго Благотворительнаго Общества городской голова Павелъ Андреевичъ Юшмановъ крикнулъ, обращаясь къ губернатору: „такихъ мерзавцевъ вы еще держите въ областномъ управленіи", и что затѣмъ въ присутствіи губернатора избивалъ коллежскаго регистратора Шоластера.

Сообщеніе это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Юшмановъ упомянутой выше фразы не произносилъ и никакого избіенія въ моемъ присутствіи не производилъ и, по заявленію чиновника Шоластера, сдѣланному мнѣ на другой день послѣ столкновенія его съ Юшмановымъ, отъ оскорбленія дѣйствіемъ отъ Юшманова не получалъ.

Подписалъ: Якутскій губернаторъ *Крафтъ*.

Издатель В. П. Суначевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ **Петербургѣ**, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—Фонтанка, 96 и
въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 15

14 Мая 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **Монастырскій пѣвчій.** *Н. Игнѣева.*
2. **Передъ выборами.** *Д. С.*
3. **Перемѣнчивое счастье.** *М. К.*
4. **Хозяйственное управленіе.** *—ова.*
5. **Въ городскомъ тупикѣ.**
6. **Сибирскія письма:** 1) Тобольскъ, 2) Киренскъ.
7. **Очерки сибирской жизни.**
8. **Было ли ходачество свободнымъ?** *М. Лимина.*
9. **Обозрѣніе русской жизни.**
10. **Новыя правила выдачи ссудъ переселенцамъ.** *Н. Скалозубова.*
11. **Къ землеустройству на Алтаѣ.** *А—ей Б—ъ.*
12. **Столичныя газеты о Сибири.**
13. **Библіографія.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.
1912

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 15

14 мая 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
1.	Монастырскій пѣвчій. *Н. Игнѣева.*	1—13
2.	Передъ выборами. *Д. С.*	13—21
3.	Перемѣнчивое счастье. *М. К.*	21—29
4.	Хозяйственное управленіе. *—ова.*	30—35
5.	Въ городскомъ тупикѣ.	35—44
6.	Сибирскія письма: 1) Тобольскъ. 2) Киренскъ.	44—48
7.	Очерки сибирской жизни.	48—59
8.	Было ли ходачество свободнымъ? *М. Дмитина.*	59—68
9.	Обозрѣніе русской жизни.	68—79
10.	Новыя правила выдачи ссудъ переселенцамъ. *Н. Скалозубова.*	79—83
11.	Къ землеустройству на Алтаѣ. *А—ей Б—ъ.*	83—87
12.	Столичныя газеты о Сибири.	88—92
13.	Библіографія	92—93

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96
1912.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**

Монастырскій пѣвчій.

— Если бы меня пригласили закусить, я бы не отказался!

Незнакомецъ, неожиданно свернувшій съ дороги, стоялъ теперь въ двухъ шагахъ отъ меня, одѣтый въ самое невѣроятное барахло, смѣсь городского и деревенскаго, рваное и затасканное.

Бѣгающій, непріятный взглядъ его сѣрыхъ глазъ, казавшихся щелями на опухшемъ и оплывшемъ лицѣ, то вперялся въ меня, то приковывался къ разложенной передо мной незатѣйливой снѣди, и тогда въ щелочкахъ вспыхивалъ огонекъ голодной жадности. Было очевидно, что онъ сильно проголодался, хотя свое пожеланіе и высказалъ больше въ формѣ мечтательной, въ пространство, ни къ кому, собственно, не обращаясь...

Кромѣ насъ двоихъ, здѣсь не было никого. Шумѣлъ подъ обрывомъ берега Иртышъ, а на проѣзжей дорогѣ, пролегавшей неподалеку за деревьями, все молчало. Да и помощь съ этой стороны улыбалась мнѣ мало.

Незнакомецъ роста былъ высокаго, фигуру имѣлъ внушительную, голосъ — глубокій басъ, съ тѣмъ оттѣнкомъ хрипоты, какой появляется послѣ долгаго непробуднаго пьянства.

Взвѣсивъ моментально въ умѣ эти внѣшнія данныя и пріобщивъ къ нимъ заодно суковатую дубинку, я оцѣнилъ всю деликатность намека. Въ самой вѣжливой и по возможности независимой формѣ я предложилъ незнакомцу закусить вмѣстѣ со мной.

Съ неожиданной галантностью онъ приподнялъ свою продраную татарку и протянулъ мнѣ руку.

— Пѣтуховъ, Константинъ...—хрипло пробасилъ онъ.— Будемъ знакомы...

Я промычалъ въ отвѣтъ что-то невнятное, и мы обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— Присаживайтесь...—еще разъ пригласилъ я новаго знакомаго, входя въ роль хозяина лѣсного салона.

— Вы извините, что я такъ, вродѣ нахрапомъ... Дѣло наше походное, тѣснѣе лучше...

Раньше чѣмъ присѣсть Пѣтуховъ порылся въ котомкѣ, вытащилъ посудину съ остатками водки и внимательно разсмотрѣлъ ее на свѣтъ.

— Маловато! — вздохнулъ онъ съ сожалѣніемъ. — Эхъ, Кульша, лѣшакъ-баба! Какъ просилъ, не пей все, оставь на похмѣлье половину. Не удержалась, язвите... Начинайте...—протянулъ онъ мнѣ бутылку.

— Напрасно...—басилъ Пѣтуховъ, когда я отказался.—А я безъ этого совсѣмъ пищи принимать не могу. Ея же и монаси пріемлютъ. Въ пути шествуя, завсегда разрѣшается. Значитъ, одному пить... Со знакомствомъ...

Дальнѣйшій разговоръ какъ-то не вязался. Положимъ, Пѣтухову было со всѣмъ не до того. Онъ съ жадностью набросился на мои запасы, истребляя ихъ безпощадно, пока я старался опредѣлить, что за птица мой нечаянный знакомецъ и какую новую главу впишетъ онъ въ мою исторію.

А тогдашняя исторія моя была такого сорта, что разсказывать о ней сейчасъ подробно было бы очень долго, да пока и не время. Обстоятельства забросили меня сначала на сѣверъ Сибири, а затѣмъ заставили стремительно бѣжать оттуда. Въ противномъ случаѣ грозила обратная поѣздка въ Россію на казенный счетъ, что ставило меня въ положеніе совсѣмъ иное, а главное совсѣмъ скверное.

Сдѣлавъ разными способами на лодкѣ, на лошадяхъ, пѣшкомъ—почти пятьсотъ верстъ, я очутился въ этомъ лѣсу на берегу Иртыша. Въ двадцати верстахъ отсюда находился городъ, гдѣ я долженъ былъ сѣсть на пароходъ и доѣхать прямо до желѣзной дороги.

Стремительность отъѣзда лишила меня возможности запастись городскими адресами. Предстояло устраиваться собственными средствами, а они у меня были болѣе чѣмъ ограничены. Паспорта не имѣлось вовсе, а деньги подходили къ концу. Оставалось какихъ-нибудь пять рублей, на

пароходный билетъ. И деньги, и паспортъ ждали меня тамъ, у желѣзной дороги.

Изъ прежняго богатаго опыта я вынесъ твердое убѣжденіе, что лучшій помощникъ въ положеніи, подобномъ моему, поздній вечеръ, если не самая ночь. Тогда и кустикъ, и канава, особенно, мосты давали желанный пріютъ. Но до наступленія сумерекъ было еще долго. По солнцу я опредѣлилъ, что время раннее, что нѣтъ еще двѣнадцати, и торопиться мнѣ некуда. Будущее представлялось чреватымъ всякими неожиданностями, необходимость заставляла использовать полнѣе настоящее. И прежде всего — подкрѣпиться и выспаться, такъ какъ шелъ я всю ночь.

Уединеніе свое я считалъ непарушимымъ, пока не появился Константинъ Пѣтуховъ.

Несомнѣнно было, что путешествовалъ онъ одинаковымъ со мной способомъ, но по совершенно противоположнымъ причинамъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ его костюмъ, и вообще весь внѣшній видъ. Котомка за плечами придавала ему обликъ профессіонала-странника, самый непріятный изо всѣхъ типовъ бродячей Руси.

Чувство это усилилось, когда, не оставившій даже крошекъ, Пѣтуховъ вытащилъ изъ котомки подрясникъ.

— Да вы никакъ монахъ?—спросилъ я.

Нѣтъ, человѣкъ вольный... Такъ, состоялъ при монастырѣ, при подворьѣ, пѣвчимъ въ...—онъ назвалъ городъ, куда я направлялся.—Надоѣло, скучно. Я и ушелъ. Теперь вскую шатаюсь...

— Обездолилъ я, поди, васъ... говорилъ Пѣтуховъ, разваливаясь на подрясникѣ и запаливая „козью ножку“.— Мамонъ у меня обширный, къ монастырской пищѣ привычный, требуетъ много, особенно въ пути шествуя. Вотъ Господь напиталъ, никто не видалъ, а кто и видѣлъ, и тотъ не обидѣлъ. Теперь поговорить можно, познакомиться. Вмѣстѣ что ли отсюда, побредемъ? Въ одну сторону...

— Нѣтъ, мнѣ въ городъ...

Та-акъ,—протянулъ Пѣтуховъ, оглядывая пристально меня.—А сейчасъ откуда?

— Издалека...

Задавъ еще нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣчалъ столь же коротко, пѣвчій замолчалъ. Нѣсколько минутъ онъ лежалъ молча, закинувъ голову и наблюдая за дымомъ, потомъ вдругъ засмѣялся.

— Что вы? — спросилъ я, неожиданно чувствуя, что краснѣю.

— И хитрый же вы...—подмигнулъ мнѣ Пѣтуховъ.—Я и такъ, и эдакъ, а онъ все въ кусты, боится. Меня бояться нечего, профессія моя не такая... Все въ кусты, все въ кусты...

Онъ опять засмѣялся, а послѣ сказалъ ужъ совершенно серьезно:

— Я вѣдь знаю, кто вы... Политикъ вы, вѣрно вѣдь? Я такъ сразу и подумалъ. Издали то, съ кустовъ за своего кого принялъ, а какъ подошелъ ближе—вижу, обличье городское, по всѣмъ видимостямъ человѣкъ нездѣшній. Кому же, думаю, иначе въ лѣсу прятаться, отъ людей хорониться. Безъ паспорта, поди?

— И безъ денегъ...—признался я.—На билетъ только и хватитъ...

— Ушелъ пароходъ-то, еще при мнѣ. Я дня два изъ города, запутался тутъ въ одной деревнѣ... Ждать тебѣ придется дней пятокъ, а то и болѣ... А знакомые у тебя въ городѣ есть?..

Знакомыхъ у меня не было, и ожиданіе парохода въ городѣ не сулило мнѣ ничего добраго.

— Все равно,—махнулъ я рукой.—Какъ ни кипь, выходитъ клинъ. Гдѣ нибудь пережду...

— А ты поешь?—неожиданно спросилъ Пѣтуховъ, что то соображавшій.

— Дома да въ лѣсу... когда одинъ,—улыбнулся я, немного удивленный вопросомъ.

— Можно было бы тебя въ одно мѣсто пристроить,—раздумывалъ Пѣтуховъ.—И такое надежное,—ни за что искать не станутъ. Пѣть надо только... Я, вотъ, ушелъ, а на мое мѣсто на подворьѣ пѣвчій требуется...

— Не пою...—пожалѣлъ я въ первый разъ объ отсутствіи вокальнаго таланта.—Да все равно паспортъ потребуютъ.

— Паспортъ—пустяки. Много ли тебѣ и жить-то у нихъ придется. Пріятели тамъ найдутъ, все устроятъ, скроютъ, когда надо. Не поешь, вотъ, ты... Эка незадача! И какъ тутъ быть!—искренно недоумѣвалъ Пѣтуховъ.—А ты, вотъ, что. Попробуй, на всякій случай,—можетъ, что и выйдетъ. Риску для тебя никакого. Ежели что, съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ

и уйдешь. А коли день-другой перебудешь, все легче. Есть тамъ у меня большущій другъ, Матюшкинъ, Николай. Онъ бы во-всю разстарался, будь покоенъ. Думай, пріятель...

Раздумывать особенно было нечего. Хоть временно, но впереди былъ кровъ, да еще вполнѣ безопасный.

У меня нашлась бумага и карандашъ. Пѣтуховъ дрожащими руками нацарапалъ записку своему другу, объяснивъ настоящее мое положеніе. Матюшкина онъ рекомендовалъ за вѣрнаго человѣка.

— Ему довѣриться можно, не выдастъ. Есть тамъ еще пѣвчій, Василій, Сычемъ его прозвали, такъ тотъ тебѣ какъ свой будетъ. Передъ другими молчи, а передъ этими не скрывайся. Какъ придешь на подворье, проси прямо привратника, чтобъ Николая-пѣвчаго вызвалъ. Онъ ужъ умомъ раскинетъ, какъ и что. И перебудешь ты у отцовъ въ лучшемъ видѣ. Жизнь спокойная, кормятъ, братъ... Самъ, вотъ, увидишь, какъ кормятъ. Лучше монашеской пищи на свѣтѣ нѣтъ. Изъ-за пищи и живутъ больше. Я потаскаюсь-потаскаюсь, пропьюсь совсѣмъ, и опять къ нимъ. Легкая у нихъ жизнь...

Пѣтуховъ долго разсказывалъ о жизни подворья. Хватило бы разсказовъ на цѣлый день, да мнѣ надо было уходить, чтобы поспѣть въ городъ до заката.

На разставанье мой благодѣтель преподалъ еще нѣсколько совѣтовъ, предупредилъ относительно „собаки-урядки“ въ ближайшемъ селѣ и попросилъ „хоть копѣекъ десять“...

— Казенка тутъ черезъ три версты, въ Гавринѣ... За успѣхъ твой выпилъ бы...

По разсказамъ пѣвчаго, по всему, что я слышалъ до сихъ поръ, пребываніе въ подворьѣ сулило мало пріятнаго. Къ сожалѣнію, дѣйствительность превзошла мои ожиданія.

Николай Матюшкинъ, субъектъ одного типа съ Пѣтуховымъ, принялъ меня по-своему радушно.

— Отъ Константина...—сказалъ онъ, прочитавъ письмо и оглядѣвъ меня съ ногъ до головы.—Пойдемъ ко мнѣ, гостемъ будешь... Пѣтуховъ замѣсто себя прислалъ, въ дорогѣ встрѣтились,—объяснилъ онъ привратнику, плюгавому старичонкѣ, пьяницѣ и страшному сквернослову.

— А гдѣ Костька-то теперь шляется?—спросилъ тотъ меня.—Давно его видалъ?

И засмѣялся гаденькимъ смѣшкомъ, выслушавъ мой разсказъ:

— Безпремѣнно онъ теперь къ бабьему монастырю ударился... Знаетъ кошка, гдѣ мясо...

— Завтра я тебя къ настоятелю сведу, пообѣщалъ мнѣ Николай, пока мы шли по двору.—Надо тебя въ пѣвчіе опредѣлить. А бумагу потомъ обѣщай дать, огляжусь, молъ, сначала...

— Неудобно въ пѣвчіе. Какъ же я пѣть буду? Я и молитвы ни одной не помню...

— Пустое,—успокоилъ меня Николай.—Какое у насъ пѣніе, на козлиный гласъ. Будешь ротъ окрывать, и достаточно. Я здѣсь за главнаго, вродѣ регентъ... Тебѣ вѣдь до парохода только...

Въ темномъ переходѣ, вродѣ коридорчика, намъ встрѣтились двое грязныхъ парней, въ засаленныхъ подрясникахъ. Какъ мнѣ показалось, оба были сильно выпивши.

— Новенькаго, что ли, ведешь?—остановилъ одинъ изъ нихъ Николая.

— На мѣсто Пѣтухова... Завтра настоятелю покажу, можетъ, и приметъ...

— Пьемъ завтра, значитъ...—загоготали парни.—Везетъ намъ на этой недѣлѣ...

— Наши это, пѣвчіе...—шепнулъ мнѣ мой спутникъ.—Ты съ ними осторожно, да погрубѣе будь. У насъ къ такимъ тихимъ не привыкли. И пугнуть надо, а то въ рыло... Угостить тебѣ ихъ придется, какъ въ пѣвчіе поставятъ. Положеніе у насъ, и уважать будутъ. Цѣлковый-то у тебя найдется?

Раньше цѣлковаго онъ раззорилъ меня еще на полтинникъ, заставивъ купить водки и колбасы -устроить „вспрыски“, по его выраженію.

Вспрыскивали меня въ кельѣ Сыча, маленькой и грязной каморкѣ, которая отнынѣ и должна была служить моимъ мѣстопребываніемъ. Самъ Сычъ, совмѣстно съ которымъ я прожилъ недѣлю, угрюмый юноша лѣтъ двадцати, сильно увеличилъ вынесенное мною общее кошмарное впечатлѣніе.

Пришелъ на выпивку и отецъ Варсонофій, благообразный монахъ, завѣдывавшій пѣвчими и мало отличавшійся отъ нихъ по своему образу жизни. Онъ торговалъ въ подворьѣ

водкой, давалъ деньги въ ростъ и вообще занимался разными темными и грязными дѣлишками. Его считали богачомъ, и пѣвчіе разсказывали о немъ чудовищныя вещи, которыя трудно было принять за правду. Но на моихъ глазахъ имъ всегда удавалось, путемъ непонятныхъ мнѣ угрозъ и цинничныхъ намековъ, вытягивать у него деньги на выпивку.

Съ перваго взгляда отецъ Варсонофій своимъ благообразіемъ производилъ пріятное впечатлѣніе. При болѣе же близкомъ знакомствѣ отталкивала привычка вѣчно ругаться и разсказывать невѣроятно скабрезные анекдоты. Впрочемъ, этимъ грѣшили всѣ монахи подворья, какихъ я только видѣлъ Съ настоятелемъ я имѣлъ чисто оффиціальныя отношенія и объ его жизни узналъ по разговорамъ окружавшихъ. И судя по этимъ разговорамъ, онъ также раздѣлялъ общія слабости своихъ подчиненныхъ.

„Вспрыски“, собравшіе самыя сливки будущаго моего общества, ясно показали, въ какой атмосферѣ придется мнѣ жить. Темная, вонючая келья, водка, зловѣщая фигура Сыча, анекдоты Варсонофія, брань Николая—таково было вступленіе. А потомъ пошло еще хуже.

Опредѣлить меня въ пѣвчіе удалось легко. Рекомендація Николая, бывшаго чѣмъ-то вродѣ регента, значила все въ глазахъ настоятеля. Его не интересовало ни мое прошлое, ни мой голосъ, а только паспортъ, который Николай обѣщалъ немедленно доставить.

Настоятель оглядѣлъ меня сонпымъ, рыбьимъ взоромъ, ткнулъ въ лицо пухлую руку для поцѣлуя и отпустилъ, наказавъ непремѣнно меня переодѣть.

Больше я у него и не бывалъ. Встрѣчался съ нимъ въ трапезной, въ церкви, и вездѣ онъ былъ одинаковъ—вялый и грустный. Иногда онъ пытался придать себѣ начальническій видъ, но изъ этого ничего не выходило. Подчиненные не ставили его ни во что, и на подворьѣ царила полнѣйшая кутерьма. Пѣвчіе и послушники безобразничали явно, монахи — на столько тайно, чтобы этого можно было не замѣчать.

Переодѣвшись въ подрясникъ, я вынужденъ былъ подчиниться нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ обычаевъ.

Первыми выступили мои новые товарищи, пѣвчіе, потребовавшіе „привальнаго“. Пришлось не только дать имъ цѣлковый на пропой, но и самому сбѣгать за водкой.

Въ ближайшей казенкѣ пѣвчихъ и послушниковъ знали въ лицо и ничего имъ не отпускали. Въ подворьѣ это объясняли давленіемъ со стороны настоятеля, находившагося будто бы въ связи съ сидѣлицей. Разсказывали, называя даже имена, что двое послушниковъ накрыли его у нея на квартирѣ. Послушниковъ настоятель выгналъ, а сидѣлица перестала отпускать водку.

Меня она, конечно, знать не могла. Поэтому отецъ Варсонофій возложилъ на меня послушаніе—послужить компаніи. Дѣлать было нечего. Скинулъ я подрясникъ, облачился въ свою вольную одежду и притащилъ имъ двѣ бутылки. Привратникъ содралъ съ меня еще „мерзавчикъ“ за пропускъ.

Принесенной мною водки оказалось слишкомъ мало на цѣлую араву пѣвчихъ и послушниковъ, отца Варсанофія и и отца Поликарпа, тоже исполнявшаго какую-то административную обязанность при подворьѣ. Сдѣлали между собой складчину, вытянули у меня другой цѣлковый и соорудили цѣлую четверть. Послушанія на меня больше не налагали. Все устроили Варсонофій съ Николаемъ какими-то таинственными путями.

Въ самый разгаръ веселья, когда общій хоръ гремѣлъ плясовую, а отецъ Поликарпъ откалывалъ трепака, задравъ рясу, ударили ко всенощной. И полупьяные—потянулись въ церковь.

Пѣли, дѣйствительно, на козлиный гласъ, при чемъ я въ этомъ нестройномъ хорѣ игралъ роль нѣмого статиста, открывая ротъ по толчкамъ Сыча и растягивая его по взмахамъ руки Николая.

За нами была освѣщенная церковь, полная молящихся. И черпымъ пятномъ выдѣлялась выстроившаяся правильными рядами остальная братія.

Настоятель стоялъ на клиросѣ, противъ хора, но не видѣлъ и не замѣчалъ, что здѣсь дѣлалось. Только служившій въ тотъ вечеръ іеромонахъ Савва бросалъ въ нашу сторону сердитые взгляды, когда пѣніе принимало слишкомъ дикій характеръ.

Но пѣвчіе ни на что не обращали никакого вниманія. Выпитая водка только разожгла ихъ, какъ они говорили сами. Требовалось еще, чтобы напиться совершенно, а денегъ

не было. И въ промежутки между пѣшемъ они громкимъ шопотомъ вымогали у отца Варсонофія на повую четверть.

Особенной настойчивостью отличался одинъ послушникъ, дерзкій и наглый даже въ трезвомъ видѣ.

- Не дашь? Скажи, дашь или нѣтъ?—теребилъ онъ монаха за рукавъ рясы.—Хочешь сейчасъ закричу на всю церковь? Знаешь про что?—угрожающе раскрывалъ онъ черезъ минуту ротъ.

- А вотъ не закричишь, коли и не дастъ!—подзадоривали стоявшіе ближе.

— И-то не закричу? Слышь, Варсонофій, въ послѣдній разъ тебя спрашиваю.

Кадившій отецъ Савва блеснулъ въ нашу сторону злыми глазами, а отецъ Варсонофій, блѣдный отъ страха и безсильной злобы, сдался и обѣщалъ поставить требуемое.

Мучители успокоились и грянули оглушительнымъ хоромъ, заставившимъ вздрогнуть всегда дремлющаго настоятеля.

Пьянство продолжалось всю ночь, до утрени, съ участіемъ чуть-ли не всей братіи. Пьянствовали рядомъ, въ кельѣ Николая. И пока я ворочался безъ сна на своемъ жесткомъ ложѣ, о тонкую стѣну непрерывно бились громкія ругательства, разнузданныя пѣсни, перемѣшанныя съ молитвами.

Подъ конецъ разодрались. Кого-то колотили, кто-то злобно рычалъ:

- Монахъ тоже, язвите! Сказано ему,—полстакана, а онъ весь стаканъ вышилъ...

Кто-то по дѣтски звонко рыдалъ. И на фонѣ медлительно торжественнаго благовѣста, гулкаго въ тишинѣ ранняго праздничнаго утра, все сливалось въ какой-то горячечный бредъ.

За утреней и ранней обѣдней стояли хмурые, не успѣвшіе опомниться отъ ночного угара, злые отъ безсонной ночи и непрошедшей боли пьяныхъ обидъ. Пѣли осипшими голосами, часто путаясь и перевирая, укоряя другъ другъ шипящимъ шопотомъ.

Днемъ вспоминали о происшедшемъ добродушно. Смѣялись надъ отцомъ Поликарпомъ, и самъ онъ смѣялся надъ собой, надъ своими тщательно затертыми ссадинами на лицѣ. Трунили беззлобно надъ кудрявымъ послушникомъ Сенькой,

обвязавшимъ себѣ половину лица „отъ зубной боли“. Опять шли сборы на построеніе, опять принимались шантажировать несчастнаго отца Варсонофія.

Послѣ такихъ бурныхъ ночей какъ-то неловко было видѣть за длинными столами трапезной молчаливые ряды монаховъ, чинно вкушавшихъ подъ размѣренное чтеніе житія. Тяжело построенныя фразы церковнаго языка, часто непонятныя и потому загадочныя, раздавались гулко въ тишинѣ и создавали особое настроеніе, величавое и молитвенное. Въ неторопливыхъ движеніяхъ рукъ, погружавшихъ разъ за разомъ ложки въ чашки со стерляжьей ухой, чувствовалось исполненіе какой-то важной обязанности, почти обрядность. Наблюдая эту торжественность, съ неизмѣннымъ настоятельскимъ разрѣшеніемъ и отпускомъ, мнѣ иногда казалось, что я начинаю понимать, почему въ разсказахъ Пѣтухова о монастырской жизни центральную роль занимала пища. Единственно, что при мнѣ вся братія дѣлала серьезно, искренно, даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ при всей своей сытости, это—принимала пищу.

Съ выходомъ изъ трапезной всѣ становились не тѣ. Это были самые обыкновенные люди, уставшіе отъ безлѣлья и желавшіе одного—въ чемъ-нибудь излить свою сытость. Въ постоянной жизненной дремѣ отъ отсутствія труда имъ необходимо было сильно уцѣпиться себя, чтобы почувствовать жизнь. И они пили водку, чтобы растормошить себя, и предавались всякимъ излишествамъ...

У нѣкоторыхъ изъ нихъ была своя философія, куцая и первобытная, но большинство жило лишь физіологическими процессами. Возможно, что таковые считали себя истинно вѣрующими.

Какъ-то я разговорился на эту тему съ Матюшкинымъ. Когда-то служившій во флотѣ и вообще понатавшійся по свѣту, онъ былъ развитѣе другихъ. Но и у него не было другихъ привязанностей, кромѣ „сладкой пищи“. Добываніе ея безъ труда онъ поставилъ своей цѣлью, сдѣлалъ своей профессіей, и смотрѣлъ на все, какъ истинный профессіоналъ, ясно, безъ затемняющихъ прикрасъ.

- Кормятъ здѣсь, самъ видѣлъ какъ...—объяснялъ онъ мнѣ свою точку зрѣнія. -Поди-ка въ другомъ мѣстѣ эдакіе хлѣба заработай. Поскитался я тоже послѣ службы, до

кровавыхъ потовъ поработалъ, будетъ на мой паѣ. Какъ присталъ къ монастырямъ, прямо скажу—другую жизнь увидалъ. Тутъ тебя кормятъ, одѣваютъ, обуваютъ, да еще кой-что платятъ—на табакъ да водочку хватаетъ. А нашему брату за большимъ и гнаться нечего. Дѣйствительно, чтобы тамъ вѣру настоящую, али на счетъ религіи, этого у насъ не сыщешь. Ругаютъ насъ, будто обманщики и все. По-моему, несправедливо это. Такъ вродѣ у хозяина хорошаго служимъ, ну и завидуютъ. Всякій вѣдь сладко ѣсть хочетъ, особенно изъ нашего мужицкаго званія. У насъ, почитай, весь монастырь изъ мужиковъ, іеромонахи ученые только. Да и тѣ по-нашему живутъ, хитрѣе только. Они то можетъ и обманываютъ, а мы—нѣтъ...

Другой разъ, немного подвыпивши, Николай сказалъ мнѣ:

— Другъ, осуждаешь, небось! Эхъ, и въ монастырѣ человѣкъ-человѣкъ...

Иногда этотъ „человѣкъ" бунтовалъ въ немъ противъ лѣни и застоя. Такъ забунтовалъ онъ въ Пѣтуховѣ, ушедшимъ на просторъ и пропившемся до-тла у Акулины-шинкарки. Но такой бунтъ носилъ въ себѣ мало человѣческаго, на него былъ способенъ и отецъ Варсонофій.

Интереснѣе оказался мой сожитель, Сычъ. Во всей его фигурѣ, сухой и острой, было много похожаго на эту ночную птицу. Было въ немъ самомъ что-то темное и загадочное для окружавшихъ, заставлявшее относиться къ нему если не съ уваженіемъ, то съ боязнью. Такъ дѣйствовала, напримѣръ, его непомѣрная злость, выливавшаяся наружу изъ-за пустяковъ съ неестественной силой.

Сычъ много читалъ. Подъ его койкой я нашелъ Кропоткина, Жана Грава, уголовные романы „Родины", выпуски „Шерлока Холмса", исторію Шишко, номеръ „Буревѣстника", „Жизнь Христа" Ренана. Какъ безпорядочно смѣшались эти книги подъ койкой, такъ перемѣшалось все у него въ головѣ. А пребываніе въ монастырѣ наложило какой-то особый отпечатокъ на все, сдѣлало его неспособнымъ на дѣйствіе. Онъ нервничалъ, злился, метался изъ стороны въ сторону въ поискахъ выхода и не могъ найти, потому что его пугала жизнь. Не столько она сама, сколько неизбѣжно связанный съ нею трудъ.

— Возненавидѣлъ я монастырь... Прямо силъ монхъ нѣтъ,—часто жаловался мнѣ онъ, но никогда не соглашался уйти. Придумывалъ тысячи отговорокъ, а разъ проговорился:

— Вамъ хорошо совѣтовать,—вы интеллигентъ, у васъ легкій трудъ. А я куда пойду...

Злился цѣлыми днями, набрасывался на всѣхъ, становился прямо нестерпимымъ.

— Злость во мнѣ большая,—признавался онъ мнѣ.—Отъ злости я и здѣсь живу.

И объяснилъ, видя мое недоумѣвающее лицо:

— Ничего вѣдь нѣтъ—ни Бога, ни святыхъ, ни ангеловъ. И не было никогда все люди выдумали. Такъ въ книжкахъ объясняютъ. Вотъ я и думаю—если это правда, можно жить какъ хочешь и дѣлать что хочешь, и никто тебя не тронетъ. А если Богъ есть, онъ не долженъ допускать, какъ мы здѣсь живемъ. Я и живу такъ на зло тѣмъ, кто вѣритъ—пусть меня покараетъ. Я еще и въ монахи постригусь, я еще и не то сдѣлаю...

При мнѣ Сычъ напустился на отца Варсонофія, назвавшаго его безбожникомъ и осквернителемъ за какое-то отчаянное богохульство въ пьяномъ видѣ.

— Не смѣешь ты мнѣ этого говорить!—оралъ Сычъ.—Вы осквернили монастырь... Если Богъ есть, онъ давно васъ пожечь долженъ, мѣсто разрушить... Тебя, гниду паршивую, развѣ можно терпѣть? Морда твоя ежечасно говоритъ мнѣ—нѣтъ Бога, нѣтъ и нѣтъ!

Изо всей братіи, а ихъ было человѣкъ тридцать, мнѣ бросилась въ глаза вѣра Сыча, упорно испытывавшаго ее своимъ бунтарскимъ невѣріемъ...

Отъ сытой тишины, пьянаго гама, надрыва Сыча—я полюбилъ уходить въ церковь, когда тамъ не было службы. Я часто замѣнялъ назначенныхъ убирать церковь и долгіе часы проводилъ въ ея сумракѣ съ одинокими огоньками неугасимыхъ лампадъ.

И все та же отравленная жизнь келій ворвалась ко мнѣ и сюда, въ церковь...

Монашенка, уже не молодая, остановила меня и попросила вызвать Николая.

Когда я передалъ ему, въ нашемъ коридорчикѣ поднялся настоящій содомъ.

Ребята, мать-Черепъ пришла!—заоралъ во всю глотку Николай.

— Мать-Черепъ! Мать-Черепъ!—подхватили въ разныхъ концахъ и выражали вслухъ свои восторги по поводу предстоящаго пьянства и прочихъ удовольствій.

Мать-Черепъ оказалась алкоголичкой, сохранявшей у себя въ кельѣ водку въ черепѣ. Отсюда ея прозвище и громадная популярность въ нашемъ подворьѣ.

Послѣдовавшая за приходомъ матери-Черепъ ночь довела меня чуть не до припадка, и я хотѣлъ просто убѣжать изъ монастыря, хотя бы въ участокъ. Меня задержалъ Николай.

Черезъ два дня пришелъ, наконецъ, пароходъ. Съ невыразимой радостью скинулъ я подрясникъ и навсегда распрощался съ этой „спокойной жизнью".

Н. Игневъ.

Передъ выборами.

Третья Государственная Дума скоро прекратитъ свое существованіе. Но не самый фактъ ея близкой кончины, наступающей къ тому же впервые во благовременіе, вызываетъ ту рябь, которая сейчасъ наблюдается на поверхности настроеній и у насъ, въ Сибири.

Отъ подлинной жизни страны, съ ея стремленіями и чаяніями, Дума отмерла еще загодя. Въ частности для нашего края, она давно превратилась въ живой трупъ. Давно ее оцѣнили по достоинству, перестали отъ нея ждать „устроенія общественной, правовой и административной жизни".

Пресловутое единогласное принятіе законопроекта о сибирскомъ земствѣ оказалось не больше, какъ судорогой отъ гальванизированія предстоящими новыми выборами. Правда, кой-кого изъ особенно желавшихъ повѣрить „единогласіе" слегка обнадежило, но всѣхъ обмануть не удалось. Слишкомъ ясна была истинная подоплека этого маневра, никого и ни къ чему, въ сущности, не обязывавшаго. Слишкомъ ужъ все это расходилось съ тѣмъ направленіемъ, въ какомъ до сихъ поръ Третья Дума использовала имѣвшіяся на-лицо законодательныя возможности.

Пять лѣтъ ея дѣтельности приходится считать, по общимъ

отзывамъ, безвозвратно потерянными для Сибири. Впрочемъ, не для одной Сибири и не только потерянными.

За эти пять лѣтъ мы далеко ушли даже отъ первыхъ двухъ Думъ. Ушли, конечно, назадъ, а общее измѣненіе внутренней политики не могло не отразиться и на Сибири. Въ то же время она какъ была, такъ и осталась на положеніи окраины, въ исключительной административной зависимости и полномъ подчиненіи ея интересовъ интересамъ метрополіи. Всѣ „реформы", введенныя или распространенныя за послѣдніе годы, имѣли въ виду именно эти интересы и при томъ они понимались такъ, какъ было выгодно хозяевамъ положенія. Если при новомъ курсѣ для Россіи наступило горе, то для Сибири—вдвое: къ сохранившимъ свою силу бичамъ стараго строя прибавились еще скорпіоны „строя обновленнаго".

„А между тѣмъ,—писало по этому поводу „Иркутское Слово",—Сибирь имѣетъ все-таки свою собственную мѣстную жизнь и обладаетъ всѣми данными для ея развитія. До сихъ поръ эта собственно сибирская жизнь, несмотря на всевозможныя попытки и чрезвычайныя усилія сибирской энергіи и творчества, развивается слишкомъ медленно. Да и это печальное явленіе — медленный зигзагообразный прогрессъ совершается не благодаря общему направленію центральнаго законодательства (можно утверждать это безъ всякой натяжки), а несмотря на него, исключительно въ силу присущихъ сибирской жизни собственныхъ творческихъ силъ".

„Думы Забайкалья", весьма склонныя къ политическому оптимизму, и тѣ жалуются на безучастіе, проявляемое правящимъ центромъ къ нуждамъ Сибири, колоніи, по ихъ мнѣнію, немолодой и съ прочно обжившимся кореннымъ русскимъ населеніемъ. На безучастіе „можно было бы сказать поразительное,—пишетъ газета,- если бы мы не привыкли къ нему на столько, что перестали уже поражаться".

Въ такой атмосферѣ общей неудовлетворенности умираетъ надоѣвшая всѣмъ Третья Дума. Сибирскій избиратель стоитъ на порогѣ выборовъ въ Четвертую, къ которой переходитъ теперь очередная возможность выпрямить и ускорить нашъ прогрессъ.

Пока неясно, съ чѣмъ пойдетъ населеніе къ урнамъ,

кому отдастъ свои голоса. Едва-ли это и опредѣлится съ достаточною точностью въ ближайшемъ будущемъ въ силу полицейскихъ условій, исключающихъ возможность веденія широкой избирательной кампаніи. Исходъ новыхъ выборовъ можетъ оставаться загадочнымъ до самаго послѣдняго момента, даже привести къ самымъ неожиданнымъ результатамъ.

Наряду съ нѣкоторымъ оживленіемъ, печать констатируетъ все возрастающую: тревогу за составъ будущаго парламента. Какъ это ни странно, испытываетъ безпокойство и правительство, столь успѣшно заканчивающее нынѣ свой первый продолжительный конституціонный опытъ и достаточно, казалось бы, огражденное на будущее время избирательнымъ закономъ 3 іюня.

Обезпокоили правительство свѣдѣнія о настроеніи избирателей, доставленныя, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, губернаторами и начальниками областей. Оказывается, повсюду настроеніе—сильно оппозиціонное, и нѣкоторые изъ администраторовъ жалуются уже на недостаточность имѣющихся въ ихъ распоряженіи средствъ, чтобы повліять теперь на исходъ выборовъ.

По свѣдѣніямъ печати, представленный губернаторами матеріалъ подлежитъ разсмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, совмѣстно съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, а затѣмъ уже будетъ разработанъ дальнѣйшій планъ дѣйствій на время выборной кампаніи.

„Если по опыту выборовъ въ Третью Думу, отмѣченныхъ выдающимися случаями административнаго давленія на выборы, — замѣчаетъ по этому поводу „Сибирь“, — мѣстныя власти приходятъ къ выводу о недостаточности этихъ средствъ, то можно предвидѣть, *въ какой мѣрѣ* будетъ принято это во вниманіе при „разработкѣ плана кампаніи“ и какое мѣсто займутъ здѣсь заботы о восполненіи административнаго аппарата недостающими ему въ данный моментъ „избирательными функціями“.

Ожидая распоряженій свыше, губернаторы обратились циркулярно къ исправникамъ, запрашивая ихъ: „Приняты ли уже вами или только намѣчены какія либо мѣры, и какія именно, къ обезпеченію благопріятныхъ исходовъ выборовъ на различныхъ ихъ ступеняхъ и въ конечномъ ихъ исходѣ,

и въ частности—мѣры для избранія въ уполномоченные отъ волостей вполнѣ благонадежныхъ и не принадлежащихъ къ лѣвымъ крестьянамъ-домохозяевъ и для избранія такихъ же выборщиковъ изъ среды уполномоченныхъ".

Премьеръ-министръ какъ то заявилъ, что на выборы въ Четвертую Думу не будетъ оказано никакого воздѣйствія со стороны правительства. „Забайкальская Новь", принявшая его заявленіе за чистую монету и увѣровавшая, было, что „у насъ, слава Богу, есть конституція", вынуждена теперь отказаться отъ этихъ иллюзій.

„Но на такія надежды, повидимому, мало основаній",—огорченно вздыхаетъ газета, узнавъ о предвыборномъ обмѣнѣ циркуляровъ, и наивно рекомендуетъ:

„Печать, политическія организаціи и открытыя собранія являются лучшими показателями чувствъ избирателя".

Наша „конституція" отличается прежде всего отсутствіемъ конституціонныхъ методовъ въ управленіи. И ей нѣтъ никакого разсчета признавать ихъ въ предвыборной борьбѣ. Надо полагать, что „чувства избирателя" не составляютъ большого секрета, послѣ разгона двухъ Думъ, переворота 3 іюня и усмирительной вакханаліи.

Если правительству и нужно общественное мнѣніе, то исключительно фальсифицированное. Это достигается путемъ вынужденнаго очищенія оппозиціонными партіями поля дѣйствія, на которомъ давно уже расположились правыя и прочія имъ родственныя организаціи, изображающія на фонѣ общаго молчанія голосъ страны.

Въ такихъ „конституціонныхъ" условіяхъ началась у насъ предвыборная кампанія. Правительственный „планъ" пока въ ходъ не пущенъ (по крайней мѣрѣ, ничего о немъ не слышно), за то союзники уже шумятъ во-всю.

Во Владивостокѣ началъ предвыборную агитацію союзъ Михаила Архангела, центромъ своей избирательной платформы поставившій борьбу съ желтымъ трудомъ и упроченіе русскаго вліянія на Востокѣ. Называли и кандидатовъ: Островидова и Меркулова, но послѣдній, защищающій сейчасъ въ Петербургѣ, при помощи Меньшикова, интересы русскаго Приамурья и ратующій по этой причинѣ за обложеніе манчжурскаго зерна, отказался отъ высокой чести.

Въ Бійскомъ уѣздѣ, въ с. Алтайскомъ, сорганизовался союзъ Михаила Архангела, собравшій 15 членовъ. По вопросу о выборахъ рѣшили снестись съ Пуришкевичемъ и уже по его совѣту начать „святое дѣло".

Въ Томскѣ состоялось совѣщаніе „объединенныхъ союзниковъ", постановившее созвать съѣздъ дѣятелей правыхъ организацій всей Сибири, не лѣвѣе націоналистовъ, для защиты русскаго дѣла отъ натиска мѣстнаго иновѣрческаго и инородческаго элемента. Въ то же время съѣздъ будетъ носить и предвыборный характеръ, почему для руководства его работами по выработкѣ плана избирательной компаніи сочли необходимымъ пригласить кого-либо изъ видныхъ „союзниковъ" Россіи. Выборъ остановился на Пуришкевичѣ, который, предполагалось, прочтетъ рядъ лекцій о современномъ моментѣ въ различныхъ городахъ Западной и Восточной Сибири. Гастролями имѣли въ виду оживить настроеніе правыхъ, упавшее, по мнѣнію совѣщанія, вслѣдствіе успѣшной работы лѣвыхъ.

По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, Пуришкевичъ къ намъ не пріѣдетъ, но за-то осчастливитъ своимъ присутствіемъ другая союзная величина,—протоіерей Восторговъ. Столичныя газеты давно сообщили объ его поѣздкѣ, которая объяснялась командировкой Восторгова для ревизіи церквей и монастырей.

„Голосъ Москвы" приводитъ другіе мотивы, какъ будто болѣе правдоподобные.

По словамъ газеты, поѣздка о. Восторгова по Сибири и Дальнему Востоку придумана исключительно въ виду предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу. Въ Москвѣ бывшій союзный вождь сильно дискредитированъ, такъ же, какъ и по всей Россіи. Теперь надѣются, что въ Сибири ему удастся сыграть извѣстную политическую роль.

Положимъ, и въ Сибири о. Восторговъ популярностью не пользуется. О массѣ населенія и говорить нечего. Что же касается духовенства, то онъ достаточно насолилъ ему своими пастырскими курсами. Такъ что если ждутъ отъ него вліянія на наше духовенство, то лишь въ смыслѣ простого давленія въ желательномъ для власти смыслѣ.

По всѣмъ признакамъ, въ предстоящей предвыборной борьбѣ правительство намѣрено использовать священниковъ. Не спроста у насъ первые предвыборные шаги, наряду съ

союзниками, дѣлаетъ духовенство, и при томъ съ вполнѣ опредѣленнымъ уклоненіемъ въ правую сторону. Участіе въ этихъ выступленіяхъ и даже руководство ими высшаго мѣстнаго духовнаго начальства въ лицѣ епархіальныхъ епископовъ можетъ сплотить голоса духовенства вокругъ праваго кандидата. Но это, по мнѣнію „Забайкальской Новь", далеко не гарантируетъ успѣхъ, потому что вліяніе духовенства на исходъ выборовъ будетъ здѣсь крайне ничтожно.

Пока же духовенство, побуждаемое своими владыками, дѣятельно готовится къ нимъ.

Застрѣльщикомъ явился иркутскій архіепископъ Серафимъ, задавшійся, было, цѣлью учредить въ своей епархіи цѣлую сѣть церковныхъ попечительствъ, могущихъ послужить опорными пунктами въ предстоящей борьбѣ. Сельскимъ священникамъ былъ въ свое время разосланъ циркуляръ объ этомъ, но потомъ дѣло заглохло.

Потерпѣвъ неудачу, архіепископъ сузилъ рамки своей дѣятельности и принялся обрабатывать подчиненное ему духовенство, передъ которымъ держалъ,—по словамъ газетъ,—на пріемахъ такія рѣчи:

„Скоро будутъ выборы въ четвертую Государственную Думу. Духовные должны всѣ явиться на выборы. Вотъ и мнѣ говорятъ, чтобы я поѣхалъ въ Думу... Что же, я не откажусь"...

Собраное въ Иркутскѣ, по иниціативѣ архіепископа, духовенство проявило ультра-правую окраску, отгородившись даже отъ октябристовъ за ихъ конституціонализмъ. Конечно, постановили послать въ Думу праваго и этимъ правымъ, конечно, оказался самъ архіепископъ Серафимъ.

За необходимость выставить на выборахъ его кандидатуру вліятельные члены епархіи открыто вели агитацію среди помѣстнаго духовенства. И вдругъ, послѣ разоблаченій печати, архіепископъ разъяснилъ, что слухи несогласны съ истиной и что обязанности по епархіи не позволяютъ ему принимать званіе члена Думы.

Оказалось, что причиной разъясненія послужило состоявшееся передъ этимъ въ Иркутскѣ собраніе духовенства. На немъ выяснилось, что кандидатура архіепископа никакихъ шансовъ на успѣхъ не имѣетъ, такъ какъ въ Иркутскѣ и губерніи по-прежнему господствуетъ оппозиціонное настро-

ніе. Въ связи съ этимъ заговорили даже объ уходѣ владыки на покой.

Снятіе его кандидатуры не означало, конечно, отказа отъ поддержки праваго депутата. На это указываетъ появившаяся въ „Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" (№ 7—8) статья „Іерея", рекомендующая духовенству „непремѣнно провести въ четвертую Государственную Думу людей, вѣрныхъ православной господствующей церкви, русской родинѣ". Въ ней же выражается недоумѣніе, почему „нѣкоторые пастыри сознательно чуждаются и какъ бы считаютъ для себя унизительнымъ вступать въ число дѣятельныхъ членовъ правыхъ организацій".

Подъ знакомъ „истинно-русскимъ" прошли всѣ выступленія сибирскаго духовенства.

Въ Читѣ состоялось совѣщаніе духовенства, посвященное вопросу о предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу. Присутствовавшій на совѣщаніи епископъ Меѳодій указалъ на необходимость выбрать такого человѣка, который отстаивалъ бы въ Думѣ исконныя древне-русскія начала. Настаивая на безпартійности кандидата, епископъ все же не счелъ возможнымъ рекомендовать хотя бы націоналиста.

На предвыборномъ собраніи духовенства г. Томска, въ присутствіи архіепископа томскаго Макарія, и двухъ епископовъ (барнаульскаго Ефимія и бійскаго—Иннокентія), также большинство высказалось за безпартійнаго кандидата, но способнаго поддерживать исконныя начала русской жизни.

Въ то время, когда правые, партійные и безпартійные, дѣлаютъ предвыборный шумъ, украшая собранія присутствіемъ духовныхъ особъ и пользуясь покровительствомъ столь высокихъ лицъ, какъ томскій губернаторъ, остальная подавляющая масса населенія сохраняетъ упорное молчаніе. Она должна рѣшить исходъ выборовъ, противъ нея, заподозрѣнной въ преступной лѣвизнѣ, министры разработываютъ планъ войны, а она молчитъ, какъ сфинксъ.

По другому поводу,—о необходимости введенія земства, „Сибирскій Листокъ" высказалъ причины избирательной затаенности: „Въ общемъ сибиряки, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, никакихъ заявленій не дѣлали. Они хорошо помнятъ 1905 г. и его послѣдствія, чтобы предпринимать что-нибудь въ этомъ направленіи".

„Помнятъ“ и поэтому не заикаются о кандидатахъ до поры до времени, какъ, напр., въ Красноярскѣ. У „кадетовъ“ здѣсь нѣтъ подходящаго человѣка, а партіи, стоящія лѣвѣе ихъ, не разсчитываютъ провести партійнаго кандидата.

— „Видимо,—сообщаетъ красноярскій корреспондентъ „Обской Жизни“,—состоится соглашеніе, кандидаты будутъ выставлены отъ имени „группы безпартійныхъ прогрессистовъ“. Называютъ имена, на которыхъ могли бы сойтись всѣ, стоящіе лѣвѣе к.-д. Называютъ, конечно, пока что не вслухъ. Судя же по всему, надо полагать, что Красноярскъ дастъ лѣваго“.

Отъ Ачинска, Канска и Енисейска ждутъ выборщиковъ, не правѣе, во всякомъ случаѣ, к.-д. Отъ губерніи, полагаютъ, пройдетъ вновь С. В. Востротинъ, к.-д., заступившій въ третьей Думѣ мѣсто умершаго Караулова.

Изъ другихъ мѣстъ Сибири опредѣленныхъ свѣдѣній пока нѣтъ. Случается, то здѣсь, то тамъ мелькнетъ на страницахъ газетъ имя кандидата и тотчасъ исчезнетъ за его отказомъ.

Печать уже сейчасъ дебатируетъ вопросъ о выборахъ. По иниціативѣ „Уссурійской Окраины“, возбуждается вопросъ о съѣздѣ представителей прогрессивной печати Приморской области, для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ выборами.

Пока дебаты не приняли еще страстнаго характера. Не выброшены лозунги, не выдвинуты платформы.

Изъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе исключительно для Сибири, пока усиленно занимаются однимъ — долженъ ли быть сибирскій депутатъ партійнымъ, или безпартійнымъ.

По мнѣнію „Думъ Забайкалья“, необходимо „послать въ Думу дѣйствительныхъ заступниковъ и защитниковъ интересовъ края, такъ какъ сибирское представительство въ Гос. Думѣ являетъ собою пока единственную возможность настойчиво доводить до свѣдѣнія центра о сибирскихъ нуждахъ и справедливыхъ ожиданіяхъ лучшаго устроенія общественной, правовой и административной жизни края“.

Выходъ депутата Бѣлоусова, якобы связаннаго фракціей при выступленіяхъ по мѣстнымъ вопросамъ, заставляетъ газету еще разъ подтвердить ея „твердое и опредѣленное убѣжденіе, что сибирскіе депутаты должны представлять въ

Думѣ сплоченную интересами Сибири группу и что всякое разслоеніе сибирскихъ избранниковъ по политическимъ фракціямъ надо разсматривать, какъ явленіе до чрезвычайности нежелательное".

Отсюда одинъ выводъ, который „Думы Забайкалья" и дѣлаютъ:

„Выборы въ четвертую Гос. Думу должны проходить лишь подъ девизомъ полной безпартійности. Нашихъ ставленниковъ мы должны избирать, справляясь не съ тѣмъ, „како вѣруютъ они", а съ тѣмъ, какъ защищаютъ интересы Сибири и ея населенія".

По обще-имперскимъ вопросамъ еще разрѣшается имѣть свое сужденіе, а по мѣстнымъ—ни-ни. При этомъ населеніе, интересы котораго депутатъ обязанъ защищать, принимается соціально-однороднымъ...

Такая узкая постановка цѣлей,—находитъ „Иркутское Слово", –приводитъ къ политикѣ „взять хоть что-нибудь; хотя напоминать только, чтобъ не забыли"...

По мнѣнію этой газеты, „такая тактика приводитъ и избирателя, и избранника только къ одному результату — къ утратѣ яснаго представленія своихъ нуждъ и точнаго ихъ познанія".

И цѣли, какія ставитъ себѣ газета на выборахъ, значительно шире—не срываніе клоковъ шерсти, а принципіальная, послѣдовательно-демократическая борьба противъ существующихъ общихъ отношеній".

А „Сибирь", обсуждая ленскую драму, пишетъ:

„Она не можетъ не произвести огромнаго впечатлѣнія на избирателей. И, идя къ урнамъ, они должны помнить, что отъ ихъ выбора очень многое зависитъ—зависитъ, увидимъ-ли мы, наконецъ, культурные пріемы управленія".

Д. С.

Перемѣнчивое счастье.

Антрепренеръ Блинчиковъ, совершавшій со своей труппой лѣтнее турнэ по Сибири, рѣшилъ свернуть въ сторону отъ желѣзной дороги и объѣхать цѣлый рядъ уѣздныхъ городовъ, начиная съ Златогорска. Города, правда, были выбраны мелкіе, но въ крупныхъ труппа неизмѣнно прогорала и начинались разговоры о пе-

реходѣ на марки, объ устройствѣ товарищества. Актеры поважнѣе грозили уйти, иногда и впрямь уходили.

Самъ Блинчиковъ унывалъ и отчаивался рѣдко. Принадлежалъ онъ къ числу тѣхъ антрепренеровъ, у которыхъ всегда слишкомъ мало денегъ и слишкомъ много надеждъ на счастье.

— Перемѣнчиво мое счастье,—спокойно говорилъ Блинчиковъ, когда надежды оказывались несбыточными, дѣло горѣло, артисты и служащіе требовали денегъ. Выручали большею частью залоги и буфетъ, но на нихъ теперь, по случаю гастрольнаго характера спектаклей, опереться было нельзя, и положеніе было тугое.

Въ послѣднемъ губернскомъ городѣ пришлось совсѣмъ круто. Публика въ театръ и не заглянула, отъ трехъ спектаклей не осталось даже на выѣздъ, и устройство товарищества помочь не могло. Да еще любовникъ ушелъ. Ушелъ со скандаломъ, отъ котораго Блинчиковъ на колосники забрался и часа три тамъ просидѣлъ.

Обернулись при помощи займа у купца Бѣломѣстнова, крупнаго торговца хлѣбомъ и театрала большой руки. Съ Блинчиковымъ онъ свелъ тѣсную дружбу и не только ссудилъ ему три сотни, но еще уговаривалъ снять на зиму мѣстный театръ и выписать актрису покрасивѣе да позабористѣе. Половину расхода на этотъ предметъ Бѣломѣстновъ великодушно принималъ на свой счетъ.

Зимнимъ сезономъ Блинчиковъ пока интересовался мало, а перехваченные триста рублей давали прежде всего возможность заткнуть кое-какъ прорѣхи и продолжать лѣтнее дѣло. Главной заботой теперь было устроиться такъ, чтобы не всадить оставшіяся деньги въ первомъ же городѣ.

Тогда-то Блинчиковъ и задумалъ рискнуть—поѣхать по такимъ городамъ, гдѣ еще не бывали труппы.

Намѣтить маршрутъ, послать нѣсколько телеграммъ—на это не требовалось много времени. Ушедшаго перваго любовника замѣнили вторымъ, и необходимое равновѣсіе мигомъ возстановилось.

Блинчиковъ въ своихъ дѣйствіяхъ былъ стремителенъ, и вскорѣ вся труппа, не докончивъ объявленныхъ спектаклей и не заплативъ въ гостиницахъ, усѣлась на пароходъ и покатила въ Златогорскъ.

Златогорскъ никогда еще не видалъ настоящихъ артистовъ.

Поигрывали здѣсь время отъ времени любители, но въ настоящемъ лѣтнемъ сезонѣ они не смогли поставить ни одного спектакля. Гордость и украшеніе мѣстнаго драматическаго кружка, ветеринарный фельдшеръ Пѣгихъ, сначала пилъ запоемъ до самой Пасхи, а потомъ былъ призванъ къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей: уѣхалъ въ уѣздъ на сибирскую язву.

Въ такой моментъ общаго затишья и смертельной скуки всѣ заборы и столбы въ городѣ расцвѣтились афишами. Красныя, зеленыя, розовыя, лиловыя, всѣ онѣ кричали объ одномъ: о „Соколахъ и Воронахъ“, „Цыганкѣ Зандѣ“ и „Поцѣлуѣ Іуды“, тѣхъ трехъ спектакляхъ, которые драматическая труппа дастъ проѣздомъ въ мѣстномъ общественномъ собраніи. Фамиліи трехъ четвертей состава труппы были выдѣлены крупнымъ шрифтомъ и рекомендовали ихъ носителей извѣстнѣйшими артистами обѣихъ столицъ.

На мѣстное населеніе, сверху до низу, афиши произвели незгладимое и на столько сильное впечатлѣніе, что даже уличные ребятишки принялись не сразу отрывать отъ нихъ куски.

Афиши долго висѣли въ полной неприкосновенности, привлекая массу любопытныхъ. Когда же то здѣсь, то тамъ на нихъ образовалась пустота, многіе изъ особенно заинтересовавшихся знали всѣ подробности наизусть и охотно давали разъясненія недоумѣвавшимъ.

Когда же по улицамъ замелькали бритыя актерскія физіономіи, возбужденіе возросло. Много незамѣтныхъ драмъ разыгралось за окнами, установленными геранью и тщательно завѣшанныхъ тюлевыми занавѣсками.

Жена начальника мѣстной воинской команды такъ страстно желала познакомиться съ труппой, что три раза падала въ истерику. Но полковникъ остался твердъ и непоколебимъ.

— Я же сама артистка...—твердила между рыданіями полковница—Я играла...

— Гдѣ ты играла?—усовѣщевалъ мужъ. -Ангеловъ на солдатскихъ спектакляхъ... И то потому только, что ты моя жена... Какой ты въ самомъ дѣлѣ ангелъ, на себя посмотри... На зеркало!..

Полковница отталкивала зеркало, рыдала еще отчаяннѣе, но ничего не могла подѣлать...

Блинчиковъ тѣмъ временемъ ликовалъ. Билеты раскупались быстро, и уже мерещился желанный аншлагъ, такъ давно не вывѣшивавшійся надъ кассами его театровъ.

— Угадалъ-таки я...—хвастался онъ всѣмъ.—Мнѣ всегда по новымъ мѣстамъ счастье...

— Перемѣнчивое оно у васъ, счастье...—отзывался какой-нибудь скептикъ изъ актеровъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ... Тьфу, тьфу.—плевался Блинчиковъ.—Мѣняться-то тутъ нечему. Общество относится прекрасно, начальство тоже... Не сезонъ намъ тутъ сидѣть, въ самомъ дѣлѣ...

Спектакли всѣ прошли блестяще. Надъ кассой висѣли аншлаги о всѣхъ проданныхъ билетахъ, а въ залѣ стоялъ стонъ отъ несмолкавшихъ вызововъ. На сцену летѣли цвѣты, записки съ просьбой остаться.

— Не уѣзжайте! Оставайтесь! Немировъ! Гальскій!—кричали возбужденные голоса.

Блинчиковъ самъ уже рѣшилъ остаться.

— Принимаютъ хорошо, дадимъ еще три спектакля... Поставимъ „Дни нашей жизни“, „На днѣ“... Иностранное что-нибудь. Придумать только вотъ никакъ не могу...—ломалъ голову Блинчиковъ.

— Шекспира бы хорошо...—посовѣтовалъ резонеръ.—„Гамлета“, напримѣръ. У меня играно.

— Хватилъ тоже, дорогуша! — засмѣялся комикъ.—Какой Шекспиръ на этой сценѣ, да еще съ нашими силами. Костюмную пьесу надо поставить, только полегче, да поэффектнѣе.

— Есть у меня испанскіе костюмы. Только вотъ пьесы не вспомню...—мучился Блинчиковъ.

— Вотъ и поставьте „Донъ-Карлоса“... Шиллеръ, тутъ и думать нечего...—сказалъ помощникъ режиссера.—Если не разойдется, то свести можно. На главныя-то роли у насъ хватитъ, а тамъ помараемъ.

— У меня „Поза“ игранный. Мнѣ хоть сейчасъ на сцену...—согласился резонеръ.

Снова появились на заборахъ афиши, объявлявшія, что, по желанію публики, труппа остается и дастъ еще три спектакля, посвященныхъ произведеніямъ знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей: Андреева, Горькаго и Шиллера.

Опять потянулась публика въ кассу. Опять ликовалъ Блинчиковъ, восхваляя и общество, и администрацію. Но актеры держались объ этомъ иного мнѣнія.

— То же общество...—бурчалъ резоперъ.—Карася порядочнаго днемъ съ огнемъ не сыщешь.

— Захолустье...—сокрушенно вздыхалъ комикъ.—Коньякомъ угощаютъ, а выше подняться—не хватаетъ фантазіи.

— Исправникъ — бурбонъ, лошадей ни разу не предложилъ...—возмущалась инженю.

Помощникъ режиссера, еврей, вступался иногда за администрацію:

— Ну, нѣтъ, начальство здѣсь довольно вѣжливое,—говорилъ. Я вотъ не имѣю права жительства, а Блинчикъ сунулъ приставу пять рублей, онъ и не трогаетъ. Живу спокойно, а въ другихъ городахъ какъ прожилъ больше дня, такъ и пристаютъ—либо выѣзжай, либо крестись.

— Да вѣдь ты до сихъ поръ не крестился еще?—спрашивали помощника.

— Не въ этомъ дѣло... За то обѣщалъ сколько разъ, даже губернатору однажды слово далъ, такъ до конца сезона и дотянулъ. А вы исправника здѣшняго ругаете!..

Златогорскій исправникъ обнаруживалъ къ спектаклямъ полнѣйшее равнодушіе.

— Четырнадцать лѣтъ я здѣсь живу, въ театрахъ не бывалъ, и не собираюсь...—говорилъ онъ, усаживаясь въ клубѣ за карточный столъ.—У меня все Лиза ходитъ, интересуется, а я только афиши подписываю...

— Еще на три спектакля остались. Хорошія дѣла дѣлаютъ...—сообщалъ онъ, тасуя карты.—И народъ, кажется, приличный. Почти недѣлю здѣсь, а ни одного скандала...

— Зачѣмъ только на новыхъ авторовъ перешли,—недовольно отозвался партнеръ, инспекторъ городского училища. Одно время онъ состоялъ предсѣдателемъ „союза русскаго народа“, но изъ-за денежныхъ недоразумѣній вышелъ и открылъ отдѣленіе общества „Михаила Архангела“.—Андреевъ, Горькій... Духъ у нихъ всегда злонамѣренный...

— Цензурованныя...—бормоталъ исправникъ, притаившись: у него оказался реноncъ въ трефахъ, и онъ ждалъ, когда инспекторъ пойдетъ именно съ этого туза.

— А мы его по усамъ...—дождался онъ, наконецъ, но въ это время подошелъ приставъ съ необычайно важнымъ и загадочнымъ лицомъ.—Ко мнѣ, что ли? Поиграйте за меня, Ѳедоръ Матвѣевичъ! Что еще?

Въ отдѣльной комнаткѣ приставъ почтительно доложилъ, что ничего особеннаго не случилось, только въ театрѣ поставлена очень неприличная пьеса.

— Особа такая выведена...—приставъ даже на ухо прошепталъ.—Такъ прямо на сценѣ и называютъ. Потомъ офицеръ пьяный со студентомъ дерутся, вообще, въ позорномъ видѣ...

— Ладно,—поморщился исправникъ.—Утромъ подробно доложите. Да вызовите этого, директора, ко мнѣ. Мы съ нимъ поговоримъ. Вообще, благодарю васъ...

— Пустяки...—объяснилъ онъ партнерамъ, чуть косясь въ сторону инспектора, котораго побаивался.—Служба у насъ такая, безпокойная!.. Чей ходъ теперь... Ну, я пассъ...

Блинчиковъ занимался „сводкой" Шиллера и къ исправнику явился раздраженный.

— Въ чемъ дѣло?—заявилъ онъ.—Я не располагаю временемъ, у меня репетиція...

— Репетиція у васъ?—загремѣлъ исправникъ.—А что вы вчера на спектаклѣ надѣлали?

— Пожалуйста, не кричите,—гордо остановилъ его Блинчиковъ.—Желаете говорить со мной, говорите спокойно. Иначе я сейчасъ же уйду и телеграфирую губернатору.

— Я самъ телеграфирую губернатору,—сбавилъ все же тонъ исправникъ.—Вы изъ театра чортъ знаетъ что устроили, а на спектаклѣ были дѣвушки, порядочныя женщины...

— Я не понимаю васъ. Объясните точнѣе, что васъ такъ взволновало...

— Не виляйте, г. Блинчиковъ, вы прекрасно меня понимаете... Какъ называли вчера вашу героиню на сценѣ, какъ? Теперь вы, надѣюсь, догадались?..

— Это, очевидно, доносъ,—поднялся Блинчиковъ.—Я вамъ долженъ заявить, что мы ни въ чемъ не отступали отъ текста. Я вамъ пришлю экземпляръ.

— Что мнѣ экземпляръ... Максимъ Игнатьевичъ, пожалуйте сюда!—закричалъ исправникъ и обратился къ вошедшему приставу.—Объясните, пожалуйста, г. Блинчикову, что было вчера...

— Извините,—прервалъ его Блинчиковъ.—я не считаю возможнымъ вступать въ объясненія съ господиномъ приставомъ. Что вчера говорили со сцены, я лучше знаю. Я былъ тамъ.

— Не желаете...—началъ было исправникъ, но поднявшійся за стѣной стукъ отвлекъ его вниманіе.

— Опять этотъ застучалъ...—заскрежеталъ онъ зубами.— Уймите его, наконецъ, Максимъ Игнатьевичъ...

— Приставъ могъ ослышаться, тѣмъ болѣе онъ такъ чутокъ къ сюжету,—воспользовался уходомъ пристава Блинчиковъ.—Вы не можете на этомъ строить обвиненіе противъ меня...

Исправникъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету и остановился передъ Блинчиковымъ:

— Если даже приставъ ослышался, то вы не должны ставить такихъ пьесъ. Къ вамъ въ театръ дѣвушки ходятъ, моя дочь ходитъ, а у васъ на сценѣ уличная дѣвка. И еще офицеръ. Надѣюсь, что вчера былъ на сценѣ пьяный офицеръ—вы не будете отрицать?

Блинчиковъ ничего не отвѣтилъ, только передернулъ плечами.

— Такихъ офицеровъ, милостивый государь, не можетъ быть и не бываетъ...

— Но, въ Петербургѣ...—попробовалъ возразить Блинчиковъ, но исправникъ его остановилъ:

— Не бываетъ, говорю я. И здѣсь не Петербургъ, а Златогорскъ. Кромѣ пристава, мнѣ еще воинскій начальникъ жаловался. Вы его и поручика краснѣть вчера заставили. Подобныхъ пьесъ я васъ прошу не ставить и афишъ подписывать не буду. Пьесу Горькаго вы снимите, я запрещаю... Что вамъ за охота ставить этихъ авторовъ. Ставьте Пушкина, Лермонтова, Кольцова...

— Спасибо за совѣтъ, но пьесы Кольцова пока еще неизвѣстны широкой публикѣ. А за запрещеніе Горькаго я буду жаловаться, пошлю въ газеты. Вамъ будетъ хуже.

Исправникъ, было, вскипѣлъ, но одумался и остановилъ уходившаго Блинчикова:

— Вотъ что... Я пока ничего не снимаю, а сегодня самъ пріѣду въ театръ. Что у васъ идетъ?

— „Донъ-Карлосъ“, Шиллера, классическая трагедія.—Блинчиковъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „классическая“...

— Иностранное что-нибудь?

— Изъ жизни Филиппа II, короля Испаніи. Переводъ съ нѣмецкаго.

— Изъ жизни коронованной особы... Гм... Я самъ вечеромъ буду, посмотрю...

Когда Блинчиковъ разсказалъ объ этой исторіи въ театрѣ, комикъ, игравшій короля Филиппа и старательно вычеркивавшій всѣ монологи, сказалъ:

— Перемѣнилось счастье, значитъ. Поднимемъ паруса при попутномъ вѣтрѣ.

— Вечеромъ самъ пріѣдетъ, все успокоится,—утѣшался Блинчиковъ.—Сборы-то какіе...

— Если онъ человѣкъ понимающій, чего ожидать трудно,—пробасилъ резоперъ,—то за такую постановку намъ не поздоровится. Со смягченіемъ, и то въ каторгу послать надо...

— Публика и этого не видала, останется довольна...—презрительно отозвалась героиня. —И нечего, господа, спорить. Давайте продолжать, а то мы и до вечера не кончимъ.

Передъ спектаклемъ Блинчиковъ, загримированный графомъ Лерма, тщательно разсматривалъ черезъ отверстіе занавѣса зрительный залъ. Онъ былъ набитъ биткомъ, но исправника не было.

Собрался онъ, было, къ началу, но его вызвали въ полицейское управленіе, гдѣ разбушевался арестованный за забастовку рабочій и перебилъ стекла. Съ его усмиреніемъ исправникъ и задержался, а потомъ пришлось съ полчаса просидѣть, чтобы совсѣмъ успокоиться.

Но еще сейчасъ, осторожно пробираясь между набившимися въ проходахъ, исправникъ не чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ и нервно ощупывалъ разбитую камею кольца.

Когда исправникъ усѣлся въ кресло, на сценѣ были король и маркизъ Поза.

Убогая обстановка и столь же убогіе костюмы били въ глаза, особенно изъ перваго ряда, и сильно расхолаживали впечатлѣніе. Исправникъ же, пропустившій два акта, смотрѣлъ на сцену съ недоумѣніемъ. Разговоръ, тягучій, больше подъ суфлера, скоро ему надоѣлъ, и онъ почти пересталъ слушать и задремалъ. Насторожился, когда маркизъ Поза, на сколько могъ, гордо бросилъ фразу: „Я не могу монарха быть слугою“...

Дальше исправникъ сперва удивился, а потомъ началъ безпокойно оглядываться кругомъ.

А Поза гремѣлъ со сцены о томъ, что сдѣлалъ Филиппъ съ Фландріей и Брабантомъ, гдѣ маркизъ натолкнулся на обгорѣлыя людскія кости.

Когда на просьбу о свободѣ мысли залъ откликнулся дружными рукоплесканіями, исправникъ не выдержалъ, быстро поднялся съ мѣста и побѣжалъ за кулисы.

— Гдѣ вашъ Блинчиковъ?—обратился онъ къ первому попавшемуся навстрѣчу.—Позовите его...

Попробовали, было, отвѣтить, что онъ на сценѣ, но исправникъ зарычалъ, и Блинчиковъ явился.

— Что вы мнѣ, демонстраціи устраивать?—накинулся на него исправникъ.—Я вамъ покажу, вы меня узнаете. Сейчасъ же давайте занавѣсъ, немедленно...

— Можете объ этомъ заявить сами,—не растерялся Блинчиковъ.—И откуда демонстраціи? Что вы ко мнѣ начали привязываться! Я жаловаться буду...

— Жаловаться! Привязываюсь! А это что?—потянулъ исправникъ Блинчикова.—Это не демонстрація! А свобода? А этотъ ревъ? Что у васъ на сценѣ говорятъ? Какая это статья?

— Да это Шиллеръ, Шиллеръ...—завопилъ Блинчиковъ—Понимаете, Шиллеръ, пьесамъ котораго столѣтія исполнились. Сотни лѣтъ ихъ играютъ...

— Въ чемъ дѣло? Что такое?—сбѣглись на крикъ актеры, но Блинчиковъ не могъ говорить.

— Я запрещаю пьесу. Будьте добры переодѣться...—объяснилъ коротко исправникъ и въ отвѣтъ на негодующіе возгласы бросилъ:—за свои дѣйствія я отвѣчаю передъ моимъ начальствомъ. Потомъ вы можете жаловаться, а теперь я требую безусловнаго повиновенія. Васъ,—обратился онъ къ подошедшему резонеру,—я могъ бы арестовать, но я запрещаю вамъ только появляться на сценѣ.

— Это насиліе...—возмутился резонеръ.—Я-то здѣсь при чемъ? И какое вы имѣете право?

Резонера затерли въ толпу, а Блинчиковъ заявилъ исправнику:

— Я подчиняюсь и прекращу спектакль, при томъ условіи, что вы лично объявите о причинахъ этого. Я не желаю нести матеріальные убытки, у меня полный сборъ.

— Я такъ сдѣлать не могу. Вы заявите, что спектакль прекращенъ по...по внезапной болѣзни краснорѣчиваго господина. Деньги обратно требовать не будутъ, я ручаюсь. Если вы такъ не поступите,—исправникъ сдѣлалъ значительную паузу,—вамъ будетъ хуже...

Когда закрылась за нимъ дверь, комикъ горько засмѣялся и покачалъ головой:

— Вотъ тебѣ Шиллеръ и искусство... Какъ цвѣтъ при дорогѣ, пришелъ козелъ и съѣлъ...

— Перемѣнчивое мое счастье...—простопалъ Блинчиковъ.

М. К.

Хозяйственное управленіе.

Отклоняя законопроектъ о земскихъ учрежденіяхъ, Госуд. Совѣтъ обязалъ правительство поспѣшить выработкой проекта преобразованія хозяйственнаго управленія въ Сибири.

„Выраженія „хозяйственное управленіе", „органы хозяйственнаго управленія" давно знакомы сибирякамъ,—заявила „Сибирь". Они были въ большомъ и привычномъ употребленіи въ до-конституціонную эпоху, когда термины „земство", „земскія учрежденія" не только не пропускались въ подцензурной печати, но и могли навлечь крупныя непріятности для редакторовъ. Мы, кажется, возвращаемся къ той эпохѣ"...

Отступили, на первый взглядъ, достаточно. Однако, пришлось продвинуться еще въ глубь временъ, къ тѣмъ источникамъ бытія, изъ которыхъ можетъ возникнуть „хозяйственное управленіе" съ надлежащими органами.

Та же „Сибирь" напоминаетъ, что преобразовывать можно что-нибудь, на мѣстѣ же хозяйственнаго управленія здѣсь ничего нѣтъ,—пустое мѣсто: „Преобразовывать хозяйственное управленіе въ Сибири нельзя просто потому, что его здѣсь совершенно нѣтъ. Нѣтъ органовъ хозяйственнаго управленія въ Сибири".

За послѣдніе два года создали нѣкій суррогатъ—„агрономическія совѣщанія", но они общественнаго хозяйства не вѣдаютъ,

Имѣются еще мѣстныя управленія государственными имуществами. Они также не подходятъ, ибо сами служащіе въ этихъ учрежденіяхъ отзываются о нихъ, какъ о „лѣсной полиціи".

Все было бы потеряно, если бы не существовали у насъ подвѣдомственныя г. Глинкѣ мѣстныя переселенческія управленія.

Они развили теперь огромную дѣятельность—заводятъ больницы, строятъ школы, церкви и пр. Конечно, роль ихъ, какъ органовъ хозяйственнаго управленія, ограничивается удовлетвореніемъ нуждъ водворяемыхъ переселенцевъ. Но они съ готовностью могутъ соотвѣтствовать и на большее. Всегда изъ нихъ, въ случаѣ надобности, можно что-нибудь выкроить.

И выкроили, возложивъ на нихъ большую и отвѣтственную роль въ продовольственной кампаніи.

Прежде, чѣмъ перейти къ самой кампаніи, съ достаточной ясностью представившей всю систему хозяйственнаго управленія, позволимъ себѣ привести нѣсколько цифръ, для этой системы очень характерныхъ.

На различныя общегосударственныя учрежденія (содержаніе статистическаго комитета, на содержаніе крестьянскихъ начальниковъ, канцелярскіе и хозяйственные расходы ихъ съѣздовъ, на квартирныя судебнымъ слѣдователямъ и мировымъ судьямъ и т. п.) въ Томской губ. расходуется въ годъ 123.200 р. и покрываются они исключительно за счетъ земскихъ суммъ.

На содержаніе начальныхъ училищъ по Томской губ. изъ земскихъ сборовъ отпущено въ 1910 г. 133.480 р. (17,1%). Изъ 103.579 дѣтей школьнаго возраста въ школахъ учились 78.818, остались вић школы—244.761, т. е. около $^1/_3$.

Не надо, конечно, думать, что Томская губ. является печальнымъ исключеніемъ въ веселой семьѣ прочихъ сибирскихъ губерній и областей. Вездѣ наблюдается одно и то же - если не прямое игнорированіе, то полное забвеніе мѣстныхъ интересовъ. Ничего не дѣлается для пробужденія къ жизни и развитія мѣстныхъ интересовъ, но все —къ созданію мѣстной агентуры для центральнаго правящаго аппарата.

Сообразно съ этимъ и всѣ возникающія на мѣстахъ вопросы разрѣшаются просто—увеличить штатъ.

Тобольскій губернаторъ въ своемъ всеподданѣйшемъ отчетѣ о состояніи ввѣренной ему губерніи указалъ, между прочимъ, на желательность устраненія нѣкоторыхъ затрудненій при выдачѣ продовольственныхъ ссудъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ указалъ, въ свою очередь, что къ дѣлу завѣдыванія продовольствіемъ населенія привлечены, примѣнительно къ правиламъ 12 іюня 1910 года, крестьянскіе начальники и уѣздные съѣзды. Недородъ же (а не голодъ!) 1911 г. уже вызвалъ мѣропріятія, выразившіяся въ томъ, что для завѣдыванія этимъ дѣломъ въ Тобольскую губернію командированы осенью прошлаго года четыре непремѣнныхъ члена и пять земскихъ начальниковъ.

Переселенческое вѣдомство, взявшее на себя главную функцію въ продовольственной кампаніи—заготовку хлѣба

и кормовъ, поступило точно такъ же, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ: оно командировало своихъ агентовъ. Они закупали, заготовляли, а крестьяне сидѣли безъ хлѣба, скотъ оставался безъ корма.

Хлѣбъ, назначенный для продажи крестьянамъ по заготовительной цѣнѣ, запоздалъ изъ-за осенней распутицы. Сѣно же крестьяне получили тогда, когда почти весь скотъ былъ распроданъ, или палъ отъ безкормицы.

Изъ Омска пишутъ „Сибирской Жизни", что сѣно переселенческой заготовки пришло сюда тогда, когда появилась зелень на поляхъ и изъ крестьянскаго скота ушѣлѣла одна треть. Сѣно по преимуществу оказалось самаго плохого качества—подмоченное и гнилое. Крестьяне отказываются брать, и сейчасъ его разбиваютъ и просушиваютъ, а затѣмъ складываютъ въ стога. Вѣроятно, ему придется ожидать слѣдующей зимы.

Однородная исторія вышла въ Курганѣ. Зимой здѣсь крестьяне,—сообщаетъ та же газета,—бѣдствовали отъ недостатка кормовъ, а теперь очутились въ „сѣнной петлѣ".

Сѣно въ изобиліи стало поступать тогда, когда началась уже пастьба. Распутица лишила крестьянъ возможности доставить купленное сѣно въ деревню и заставила его распродать по низкой цѣнѣ скупщикамъ. Сѣно было зимней прессовки и грозило горѣніемъ, да и нужно было возмѣстить средства, затраченныя на сѣно, добыть хоть что нибудь на сѣмена для посѣва.

Ихъ также заготавливаетъ переселенческое вѣдомство, и также, вѣроятно, съ ними запоздаетъ. Изъ Омска предполагалось отправить 300.000 пуд. сѣменного хлѣба съ первыми пароходами, а 16 апрѣля только начался ледоходъ.

Дальнія деревни Акмолинской области, не говоря уже о сосѣднихъ губерніяхъ, врядъ-ли получатъ сѣмена во-время.

Въ Тарскомъ уѣздѣ,—по сообщенію „Омскихъ Вѣдомостей",—уже готовятся къ весеннему посѣву, а сѣмянъ для посѣва нѣтъ. Положеніе таково, что если помощь запоздаетъ, голодъ будетъ вновь въ текущемъ году.

Путаницу и неразбериху, неизмѣнно вездѣ и во всемъ сопутствующія нынѣшней продовольственной кампаніи, нельзя, конечно, поставить цѣликомъ насчетъ переселенческаго вѣдомства. И лица мѣстной администраціи внесли сюда посиль

ную лепту своего служебнаго усердія. Крестьяне, много отъ этого претерпѣвшіе, оцѣнили по достоинству своихъ спасителей и покровителей.

Тѣ-же крестьяне Тарскаго уѣзда, безпокоющіеся за посѣвъ, не вѣрятъ заявленіямъ своего крестьянскаго начальника г. Ювченко, что сѣменной хлѣбъ придетъ по Иртышу съ открытіемъ навигаціи. Не вѣритъ никто, зная по личному опыту, какъ Ювченко выдавалъ имъ хлѣбъ въ ссуду. Выдалъ онъ такъ, что нѣкоторые дѣйствительно нуждающіеся ссуды не получили. И наоборотъ.

По неизвѣстнымъ причинамъ, Ювченко приказалъ крестьянамъ построить большой пакгаузъ подъ хлѣбъ. Построили, затратили 330 руб., и пакгаузъ простоялъ пустой—хлѣба не привезли. Да если бы онъ былъ, то все равно въ пакгаузъ класть было нельзя—онъ не защищалъ ни отъ снѣга, ни отъ дождя.

Полученіе крестьянами хлѣба на станціяхъ, согласно распоряженіямъ все тѣхъ же крестьянскихъ начальниковъ, нерѣдко въ концѣ разоряло возчиковъ. Приходилось ѣздить за десятки верстъ, издерживаться, уѣзжать порожнякомъ, такъ какъ циркулярныя распоряженія начальства перепутывала волость, либо онъ самъ вносилъ путаницу въ назначенія. И вставала ссуда крестьянамъ въ копѣечку.

А сколько они вытерпѣли отъ увлеченія начальства общественными работами. Тяжелыми послѣдствіями голоднаго года деревня во многомъ, если не во всемъ, обязана этому увлеченію, когда о ссудѣ не хотѣли и слышать.

И, въ концѣ концовъ, пришлось вернуться къ ссудѣ, въ той или иной формѣ.

„Утро Сибири“ приводитъ интересныя данныя объ общественныхъ работахъ въ Барнаульскомъ уѣздѣ по первую половину марта текущаго года.

Работы здѣсь производились лѣсныя, и заработокъ на нихъ по 15 марта достигъ 26.000. Продовольственная же нужда при обслѣдованіи была исчислена въ 36.000 руб., т. е. почти третья часть нуждающихся осталась неудовлетворенной. Въ ихъ число попали переселенцы, еще не успѣвшіе хозяйственно окрѣпнуть. Пришлось удовлетворить въ видѣ выдачи ссудъ на домообзаводство, каковыхъ и роздано на 20.000 руб.

Со второй половины марта работы прекратились вслѣдствіе бураповъ и снѣжныхъ заносовъ. Расширеніе же работъ возможно только лѣтомъ, когда стаетъ снѣгъ.

Въ болѣе худшемъ положеніи оказались киргизы, продовольственное пособіе которымъ назначили сравнительно недавно, когда нужда среди нихъ приняла ужасные размѣры. Между тѣмъ, у киргизъ имѣется спеціальный капиталъ.

Сильно пострадали киргизы Семипалатинской области отъ джута и бураповъ, погубившихъ массу скота. Мѣстный биржевой комитетъ сдѣлалъ приблизительный подсчетъ убытковъ, понесенныхъ киргизами, и получилъ ужасающіе итоги—90 милліоновъ рублей.

Падежъ скота существенно отозвался на торгово-промышленной жизни общества. Сами же киргизы едва ли скоро отъ него оправятся. Много богатыхъ хозяевъ разорились въ конецъ. Голодъ,—по словамъ „Жизни Алтая“,—создаетъ разбой. Майлигорскій трактъ на Каракалы степью закрытъ, такъ какъ бывали неоднократно случаи нападенія голодныхъ киргизъ на проѣзжихъ.

Наступающая весна, несомнѣнно, облегчитъ положеніе. Многое могла бы сдѣлать и непосредственная помощь, для чего отпущено 500 тыс. руб. Но съ этимъ какъ-то не вяжется слѣдующее сообщеніе „Омскаго Вѣстника“ изъ Усть-каменогорска:

„Общее присутствіе Семипалатинскаго областного правленія разрѣшило впредь до особаго распоряженія выдать изъ складовъ нуждающимся киргизамъ хлѣбъ въ размѣрѣ не болѣе 1.500 пудовъ, если съѣздъ крестьянскихъ начальниковъ въ экстренномъ засѣданіи удостовѣрить возможность голодныхъ смертей“.

Въ Акмолинской области отказывали киргизамъ въ выдачѣ сѣменного хлѣба на посѣвъ на томъ основаніи, что для нихъ таковой хлѣбъ не заготовлялся.

Киргизамъ вновь грозитъ голодъ, если они останутся безъ посѣва, но что за дѣло до этого, когда требуется удостовѣреніе даже „возможности голодной смерти“.

Если нужно выручить своего, тогда, наоборотъ, проявляется ничѣмъ не стѣсняющаяся распорядительность.

Крестьяне Курганскаго уѣзда, попавшіе, по свидѣтель-

ству „Сибирской Жизнь“—въ „сѣтную петлю“, запутались еще въ жмыховой. Конечно, все на почвѣ переселенческихъ заготовокъ.

Жмыхи прибыли, по обыкновенію, слишкомъ поздно, и крестьяне отказались ихъ брать. Цѣна на жмыхъ упала, и тогда имущіе власть начали ихъ навязывать крестьянамъ, не останавливаясь даже передъ запугиваніями и всяческими прижимками.

„Неофиціально, „по-дружески“—пишетъ корреспондентъ „Сибирской Жизни“,—предлагаютъ купить партію, иначе де, молъ, можетъ случиться, что не дадутъ сѣмянъ на посѣвъ. Мужики мнутся и уступаютъ „дружескимъ“ совѣтамъ. Говорятъ, что изъ-за этихъ злополучныхъ жмыховъ побывало въ кутузкѣ до семи старостъ „за нераспорядительность“.

—овъ.

Въ городскомъ тупикѣ.

(Письма изъ Томска).

Куда только ни направитъ свое дыханіе наша предержащая власть, тамъ обязательно и мухи дохнутъ. Двухъ человѣкъ избиралъ составъ гласныхъ текущаго четырехлѣтія Томской городской думы на постъ городского головы—обоихъ не утвердили и навязали въ головы дважды забаллотированнаго И. М. Некрасова.

Къ великому конфузу этой власти (если бы только она была способна чѣмъ либо конфузиться?!) назначенный голова привелъ-таки городское хозяйство въ полное разстройство, истощивъ кассу. Положительно все дѣло остановилось; на удовлетвореніе насущнѣйшихъ, неотложныхъ нуждъ въ городской кассѣ нѣтъ денегъ. Некрасовъ настойчиво добивается отъ думы уполномочія на заключеніе займа, а дума ему говоритъ:—Мы тебѣ, голубчикъ, не вѣримъ, и не можемъ довѣрить городскихъ денегъ,—и требуетъ, чтобъ онъ представилъ ей отчеты за 1908 и слѣдующіе годы и только при этомъ условіи соглашается утвердить смѣту на текущій 1912 годъ. Даже дума, сформированная на основаніяхъ несчастнаго „Городового Положенія“ 12 іюня 1892 года, даже такая профильтрованная

дума не въ состояніи терпѣть посаженную ей болячку... Послѣднія засѣданія думы въ достаточной степени освѣтили тотъ тупикъ, въ который заведено хозяйство и финансы университетскаго города.

Освѣщеніе этого тупика было предпринято еще годъ тому назадъ и вылилось въ такую характеристику въ мѣстной печати: „Это—хроническое, почти систематическое нарушеніе или полное игнорированіе постановленій и распоряженій думы и данной ею инструкціи, нарушеніе закона и городового положенія, безпорядочное, небрежное веденіе хозяйственныхъ дѣлъ, включительно до созданія условій для хищничества и злоупотребленій, и, наконецъ, полная деморализація и дезорганизація самой управы, выродившейся изъ коллегіи и корпораціи, закономъ установленной, въ группу безотвѣтственно дѣйствующихъ отдѣльныхъ лицъ, не связанныхъ въ массѣ случаевъ ни постановленіями думы или присутствія управы и никѣмъ не только не руководимыхъ, но дезорганизованныхъ и деморализованныхъ городскимъ головой Н. М. Некрасовымъ". Еще въ половинѣ іюня прошлаго года, однимъ изъ гласныхъ, врачемъ П. Ф. Ломовицкимъ, по поводу отчета управы за 1908 годъ и доклада ревизіонной коммиссіи было обращено вниманіе думы на колоссальные размѣры перерасходовъ управы противъ смѣтныхъ ассигнованій думы, перерасходовъ, превышающихъ сто тысячъ рублей; эти деньги расходовались единоличнo членами управы, а нерѣдко и просто наемными людьми, десятниками. Такіе же пріемы хозяйничанья практиковались и въ слѣдующіе годы — 1909, 1910 и 1911. Отчетовъ по матеріаламъ, плановъ работъ, табелей, личныхъ счетовъ съ поставщиками и проч. не велось, почему за одинъ и тотъ же матеріалъ, платили дважды, вмѣсто камня изъ карьеровъ добывали глину, вмѣсто песку принимали снѣгъ... По такимъ крупнымъ отраслямъ городского хозяйства, какъ городская аптека, водопроводъ, мощеніе улицъ и проч., составлялись фантастическіе отчеты для успокоенія гласныхъ, а на дѣлѣ аптека не вела книгъ, не дѣлала записей платнаго и безплатнаго отпуска лекарствъ, пріобѣтала медикаменты по повышеннымъ цѣнамъ, водопроводъ расходовалъ двойное противъ требовавшагося количества угля, за кубъ земли пла-

тили почти втрое противъ подрядчиковъ и т. д. Чтобъ заткнуть дыры такого хозяйничанья, управа дѣлала самолично займы, скрывая это отъ думы, а чтобъ это не обнаружилось по отчету, она перепосила расходъ, произведенный въ одномъ году, въ отчетъ по слѣдующему году... Что касается ревизіонной коммиссіи, то она, чтобы получать положенное вознагражденіе, создавала вѣдомость производимой ею работы, а дѣла не дѣлала, переливала изъ пустого въ порожнее. Нужно было, чтобы среди гласныхъ, въ лицѣ П. Ф. Ломовицкаго, оказался человѣкъ, попитересовавшійся сущностью веденія городского хозяйства и sine ira et studio углубился бы въ изученіе его. И онъ раскрылъ глаза думѣ, ахнувшей отъ набросанной имъ картины городского хищничества и беззаконій... Дума выбрала новую ревизіонную коммиссію и назначила экстренное засѣданіе для обсужденія вопроса, что дѣлать съ управой или точнѣе со столь вреднымъ руководителемъ ея Некрасовымъ. На экстренномъ засѣданіи дума выразила свое неодобреніе, несмотря на энергическую защиту гласныхъ, профессоровъ Базанова и Курлова, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ старавшихся выручить ущемленнаго Некрасова.

Послѣднія засѣданія думы 10, 11 и 12 апрѣля и были посвящены разсмотрѣнію доклада ревизіонной коммиссіи и объясненіямъ управы.

Васъ, можетъ быть, удивитъ такой длинный промежутокъ времени: между 14 іюня 1911 года, когда дано думой порученіе новой ревизіонной коммиссіи по обревизованію отчета управы за 1908 годъ и 10 апрѣля 1912 года, когда думѣ докладывались итоги ревизіи...

Матеріалъ, доложенный П. Ф. Ломовицкимъ на думскомъ засѣданіи, былъ на столько поразителенъ, что мѣстная власть почувствовала себя кровно задѣтой тяжкими обвиненіями по адресу ея ставленника. Задѣтъ былъ и министръ, утверждавшій назначеніе Некрасова городскимъ головой... Лѣтомъ прошлаго года губернаторомъ была назначена ревизія дѣяній городской управы. Она то и заставила отложить начало работъ думской ревизіонной коммиссіи... Правительственная ревизія не только подтвердила всѣ указанныя П. Ф. Ломовицкимъ беззаконія, но она нашла уйму другихъ, имъ незамѣченной, и пришла къ

неизбѣжному выводу о необходимости предать городскую управу, съ Некрасовымъ во главѣ, суду по цѣлому ряду статей, предусматриваемыхъ уложеніемъ о наказаніяхъ.

Съ заключеніемъ своихъ чиновниковъ согласился и губернаторъ и направилъ все дѣло министру внутреннихъ дѣлъ еще въ ноябрѣ прошлаго года. Здѣсь оно пока и застряло...

Думская ревизіонная коммиссія приступила къ работѣ лишь по окончаніи правительственной ревизіи: съ половины сентября минувшаго года и еще въ февралѣ настоящаго года кончала свою работу... Я не буду пересказывать этого обстоятельнаго обвинительнаго акта, такъ какъ въ общихъ чертахъ дѣятельность Некрасова и К° была охарактеризована выше. Богъ знаетъ, какихъ только беззаконій и упущеній управы не содержится въ этомъ актѣ! Управа страховала вмѣсто городскихъ домовъ частныя постройки, городскія оставляла незастрахованными, и въ то же время страховала имущества несуществующія, баснословныя цѣны платила за очистку улицъ въ то время, когда это не требовало никакого расхода, подтасовывала документы и т. д. „Представленный финансовый отчетъ управы за 1908 годъ, пишетъ въ своемъ докладѣ ревизіонная коммиссія", не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, является фикціей и достаточно открываетъ глаза на то, какъ велось городское хозяйство въ прошлые годы, а всѣмъ извѣстно, что оно остается въ такомъ же состояніи и по настоящее время".

„Приведенныхъ данными настоящей ревизіи незаконныхъ дѣйствій и различнаго рода упущеній за отчетный 1908 г., повлекшихъ за собою значительные убытки для Городского Общественнаго Управленія, по мнѣнію ревизіонной коммиссіи, совершенно достаточно для того, чтобы поставить предъ Городской Думой вопросъ, намѣрена ли она привлечь виновниковъ къ отвѣтственности и искать съ нихъ убытки, или, несмотря на допущенныя городской управой незаконныя дѣйствія, Дума согласна предать ихъ забвенію и принять отчетъ за 1908 г.?

Некрасовъ всполошился и повелъ агитацію всѣми способами. Прежде всего онъ обратился за поддержкой къ союзу русскаго народа, дѣятельнымъ членомъ котораго состоитъ, и черезъ него началъ воздѣйствовать на министер

ство, чтобъ оно не давало хода добытому ревизіей матеріалу. Затѣмъ онъ настрочилъ гнуснѣйшій доносъ губернатору на сотрудника мѣстной газеты, составлявшаго отчеты о думскихъ засѣданіяхъ, стараясь доказать, что онъ оказываетъ вліяніе на гласныхъ во время самыхъ засѣданій, что онъ политически весьма неблагонадеженъ и потому подлежалъ бы не только устраненію изъ думы, а даже изъятію изъ Томска.

Передъ засѣданіями думы, въ которыхъ назначено было разсмотрѣніе доклада думской ревизіонной коммиссіи и объясненій на него управы, Некрасовъ созвалъ къ себѣ избранныхъ имъ гласныхъ на совѣщаніе и просилъ оказать ему поддержку. Онъ опирался, конечно, на гласныхъ капиталистовъ и мелкихъ коммерсантовъ, матеріально отъ него зависимыхъ; но эти гласные могли только класть пары куда укажутъ, безсильные что либо сказать въ засѣданіи въ защиту своего человѣка. Главную опору Некрасова составляли профессора — гласные думы, которые, пользуясь авторитетомъ своего положенія, обязаны были не только голосовать за Некрасова, а и своими выступленіями опрокинуть доводы ревизіонной коммиссіи и оппозиціонно настроенной половины думы и такъ или иначе повліять на голосованіе той части гласныхъ, которые носятъ это званіе, но въ городскихъ дѣлахъ не разбираются и ими не интересуются. Такихъ гласныхъ-профессоровъ въ нашей думѣ 6 человѣкъ и они составляютъ шестую, а то и пятую часть наличнаго состава, обычно являющагося на засѣданія; уже по одному этому они самымъ серьезнымъ образомъ могутъ вліять на рѣшеніе вопросовъ. Надо вамъ представить эту группу; надо вывести ихъ передъ вами, какъ выводятъ цирковыхъ лошадей. Во главѣ группѣ стоитъ И. А. Базановъ, ректоръ университета, профессоръ гражданскаго права, членъ губернскаго присутствія по городскимъ дѣламъ, являющійся тамъ экспертомъ; затѣмъ Н. Н. Грамматикати, профессоръ-акушеръ и гинекологъ, человѣкъ съ весьма опредѣленной репутаціей; М. Г. Курловъ, профессоръ по внутреннимъ болѣзнямъ, бывшій ректоръ, столь усердно прибѣгавшій къ услугамъ полиціи въ борьбѣ съ непокорнымъ студенчествомъ; это—активный профессорскій элементъ. За ними слѣдуютъ Н. Ѳ. Кащенко, профессоръ зо-

ологіи, затѣмъ М. Ѳ. Поповъ профессоръ, имя котораго никто серьезно не произноситъ и, наконецъ, протоіерей Галаховъ, профессоръ богословія. Обыкновенно профессора на засѣданія думы не являются, обремененные „многосложными“ обязанностями и занятіями (всѣ они занимаются практикой и, пользуясь профессорскимъ положеніемъ, собираютъ десятки), но въ экстренныхъ случаяхъ они являются въ думу in corpore и уже однимъ своимъ появленіемъ здѣсь говорятъ весьма многое...

Но, Боже мой, какъ они компрометировали себя на этихъ засѣданіяхъ, защищая Некрасова, какой стыдъ заставляли испытывать собиравшуюся на засѣданія многочисленную публику, стыдъ за сибирскую alma mater, въ которой эти господа занимаютъ положеніе учителей и насадителей высшаго образованія въ странѣ. Не щадя себя, первые трое, не взирая на доказанное въ думѣ ревизіонной коммиссіей беззаконіе, произволъ, расхищеніе городскихъ денегъ, подтасовку и т. п., все-таки защищали Некрасова; Базановъ находилъ, что можно ограничиться предупрежденіемъ, чтобъ впредь этого не было, а пока... пока пощадить Некрасова, унаслѣдовавшаго безпорядочное веденіе хозяйства отъ своихъ предшественниковъ... Несмотря на то, что при разсмотрѣніи обвинительнаго акта ревизіонной коммиссіи, ни одно изъ ея обвиненій не было опровергнуто, большинство думы, голосовавшее каждый пунктъ въ отдѣльности, неизмѣнно выносило большинствомъ 1 -3 голосовъ рѣшеніе въ пользу Некрасова. Хотя профессоръ Курловъ и увѣрялъ, что всѣ голосуютъ „по совѣсти“, но фактомъ голосованія самое понятіе о совѣсти превратилось въ нѣчто растяжимое до полнаго отсутствія этой самой совѣсти. Отнынѣ надо различать совѣсть „профессорскую“ отъ совѣсти „обывательской“ и др. Въ пользу городской управы голосовали 21—20 противъ 20—18, а весь отчетъ управы за 1908 годъ принятъ 25 голосами противъ 19.

Конечно, если-бъ оппозиціонно настроенная половина думы дѣйствовала такъ же дружно, сговаривалась и аккуратно посѣщала засѣданія, то результатъ получился бы прямо противоположный. Но это трудно осуществить, такъ какъ назначеніе вопросовъ къ обсужденію и выборъ времени для этого зависитъ отъ городского головы, который

имѣетъ возможность учесть благопріятный или неблагопріятный для него моментъ, наприм., временное отсутствіе изъ города ненавистныхъ ему гласныхъ, ихъ болѣзнь и проч. Какое, кромѣ формальнаго, можетъ имѣть значеніе голосованіе въ 21 за и 20 противъ?

Пирровой побѣды, только! Недаромъ, возмущенный всѣмъ происходившимъ, гласный А. В. Адріановъ заключилъ свою рѣчь по адресу „профессорской“ думы, заведенной въ тупикъ, признаніемъ безплодности дальнѣйшей совмѣстной работы съ управой и предложеніемъ думѣ сказать городскому головѣ Некрасову, если онъ самъ объ этомъ не догадывается, чтобъ онъ уходилъ прочь и очистилъ мѣсто тому, кто могъ бы честно служить городу на посту городского головы. Надо было видѣть, какъ заволновалось Некрасовское большинство послѣ этихъ словъ. Точно гнойникъ вскрыли. Профессоръ Галаховъ „съ глубокимъ негодованіемъ“ выслушалъ рѣчь гласнаго Адріанова, „считающаго всѣхъ профессоровъ на сторонѣ управы“. Профессоръ Грамматикати, съ просьбой занести его заявленіе въ протоколъ, заявилъ, что Адріановъ говорилъ по вопросу, непоставленному на повѣстку. Безподобна реплика профессора Базанова: „на сколько гласный Адріановъ допустилъ критику профессоровъ, я отвѣчать не буду, но на сколько онъ коснулся вопроса о томъ, не пора ли городскому головѣ уходить и сдѣлалъ этотъ выводъ изъ трехъ засѣданій, то я скажу, что эти засѣданія убѣдили меня въ обратномъ. По всѣмъ пунктамъ ревизіи дума высказалась за городского голову. При такихъ условіяхъ не уходятъ городскія головы, а остаются“.

Чѣмъ это такимъ сладкимъ накормилъ нашихъ профессоровъ г. Некрасовъ?..

Но бѣда вотъ въ чемъ. Половина думы, при дѣятельномъ участіи профессоровъ, утверждая отчетъ управы за 1908 г., упустила изъ виду, что ревизіонная коммиссія ограничила свою работу изслѣдованіемъ исполненія приходной смѣты, а дальнѣйшую большую работу поставила въ зависимость отъ того, какъ дума отнесется къ исполненной ей части порученія. Утвердивъ отчетъ за 1908 годъ, дума приняла исполненіе расходной половины смѣты безъ всякаго обслѣдованія ревизіей. Можно ли вообще утверждать такіе отчеты?

Утверждая этотъ отчетъ, дума въ то же время сознательно игнорировала то обстоятельство, что назначенная губернаторомъ ревизія изъ чиновниковъ въ отчетахъ за этотъ же самый годъ и за предыдущіе нашла такія беззаконія со стороны городского головы, которыя уголовно наказуемы до арестантскихъ ротъ включительно. Какъ же теперь быть?

Губернаторъ, не скрывая, говорилъ въ городѣ, что на основаніи данныхъ его ревизіи весь составъ городской управы съ городскимъ головой Некрасовымъ и членомъ-дѣлопроизводителемъ Сивковымъ (тѣмъ самымъ, что гербовыя марки воровалъ), подлежитъ преданію суду и былъ серьезно озабоченъ подысканіемъ замѣстителя Некрасову. Съ такимъ заключеніемъ онъ представилъ и ревизіонное дѣлопроизводство министру внутреннихъ дѣлъ. У Некрасова теперь вся надежда на „союзниковъ". Пользуясь тѣмъ, что въ министерствѣ дѣло застряло и отношеніе тамъ еще не принято, онъ поспѣшилъ использовать новый козырь въ его рукахъ—утвержденіе злополучнаго отчета думой. На другой же день послѣ „событія" онъ созвалъ на совѣщаніе къ себѣ 18 гласныхъ, съ профессорами во главѣ и просилъ ихъ выручить его, въ виду угрожающей ему опасности. Онъ предложилъ имъ послать отъ значительной группы гласныхъ телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ, что они, гласные, просятъ сохранить Некрасова на посту, несмотря на открытую кампанію противъ него. Но этотъ номеръ не прошелъ. Двое гласныхъ заявили, что они, какъ члены ревизіонной коммиссіи, не могутъ участвовать въ подписаніи на самихъ себя телеграммы, и—ушли. За ними стали уходить и другіе, и внушительная для министра группа гласныхъ растаяла. Тогда Некрасовъ самъ составляетъ телеграмму министру съ увѣдомленіемъ о томъ, что инкриминируемый ему отчетъ утвержденъ думой, а, стало быть.... Но губернаторъ не нашелъ возможнымъ посылать такой телеграммы, пока на разсмотрѣніе присутствія по городскимъ дѣламъ не поступитъ журналъ самаго засѣданія думы... Чиновники поговариваютъ при этомъ, что журналъ врядъ ли можетъ быть утвержденъ, такъ какъ въ голосованіи участвовали, вопреки закона, члены управы...

А вопросъ о результатахъ губернаторской ревизіи на-

шей управы такъ и виситъ въ воздухѣ. По Томску циркулируютъ разговоры о томъ, что совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ призналъ наличность беззаконія и сдѣлалъ логическій отсюда выводъ о преданіи состава управы суду и объ удаленіи Некрасова съ поста городского головы. Но что скажутъ „союзники?“ Эта высшая въ нашемъ государствѣ инстанція, съ которой власть считается...

На дняхъ Некрасовъ внесъ на разсмотрѣніе думы докладъ постоянной ревизіонной коммиссіи по отчету за послѣдующій 1909 г. Накануѣ онъ разослалъ записки „услужающимъ“ ему гласнымъ, человѣкамъ 16, конечно, не забывъ и профессоровъ, съ убѣдительной просьбой придти на это засѣданіе. Пришли, молча выслушали докладъ коммиссіи и объясненія управы и отчетъ утвердили... Въ самомъ дѣлѣ, для чего эта думская канитель? Не проще ли разогнать всю эту думу, предоставивъ Некрасову распорядиться городскимъ хозяйствомъ. Повѣрьте, что онъ подберетъ нужныхъ ему молодцовъ и при своихъ сыщицкихъ талантахъ разведетъ такое хозяйство, что.....

Хотѣлось бы закончить эту исторію небольшой справкой, пришедшей на умъ. Кто посадилъ на шею города г. Некрасова? Былъ въ то время губернаторомъ великолѣпный Николай Львовичъ Гондатти. Пришло время выборовъ городского головы. Началась агитація, стали намѣчать разныхъ кандидатовъ. Гондатти принялъ въ этомъ участіе и, учитывая шансы разныхъ кандидатовъ, въ бесѣдѣ съ гласнымъ Е. Л. Зубашевымъ, уговариваетъ его не отказываться отъ избранія: „вмѣстѣ поработаемъ, я не думаю, говоритъ, скоро уходить отсюда“... Выборы состоялись — головой избрали Е. Л. Зубашева, а прежняго голову И. М. Некрасова забаллотировали, -не помогли и профессора... Н. Л. Гондатти пишетъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ на предметъ утвержденія головы.

Лучшаго выбора, пишетъ онъ, нельзя было сдѣлать: Е. Л. Зубашевъ образованный, умный, дѣльный человѣкъ, энергичный... но... больной, совершенно больной, онъ и въ отставку изъ профессоровъ ушелъ поэтому и работать неспособенъ, а потому и не можетъ быть утвержденъ головой. Зубашева не утвердили. Назначили новые выборы, городскимъ

головой избрали Д. Е. Звѣрева, а Некрасова, опять выставившаго свою кандидатуру, снова забаллотировали...

Пока шла переписка, Некрасовъ устраиваетъ какой то обѣдъ съ архіереемъ и губернаторомъ. Урѣзавшій, какъ въ такихъ случаяхъ любятъ урѣзывать, Гондатти ласково треплетъ хозяина по плечу: „не безпокойтесь, Иванъ Максимовичъ, еще неизвѣстно, кто будетъ головой".

Пророческія слова шитаго мишурой либерала! И второго избранника Томска министръ не утвердилъ, а назначилъ городскимъ головой отвергнутаго Некрасова. Какъ же его суду-то предавать послѣ этого? Свою-то плоть отъ плоти?..

Сибирскія письма.

Тобольскъ. (*Угрожающая опасность*). „Ярмарка прошла вяло. Промыселъ пушнины за нынѣшнюю зиму былъ очень плохъ. Самоѣды пострадали еще отъ громаднаго падежа оленей: пало свыше 100 т. головъ, т. е. болѣе половины всего количества скота", такія нерадостныя вѣсти идутъ съ дальняго сѣвера Тобольской губ.

Падежъ оленей, начавшійся въ концѣ прошлаго лѣта, произошелъ, по одной версіи,—отъ чумы, по другой,—отъ копытной болѣзни. Точныхъ свѣдѣній нѣтъ,—ветеринарная организація въ Низовомъ краѣ фактически отсутствуетъ. Даже бумажное разрѣшеніе этого вопроса состоялось только нынче, при чемъ далеко не въ объемѣ назрѣвшей необходимости.

Въ Государственной Думѣ прошелъ законопроектъ объ учрежденіи ветеринарнаго пункта въ г. Березовѣ. Между тѣмъ, оленеводство, главнымъ образомъ, сосредоточено на дальнемъ сѣверѣ (подъ Ураломъ, Обдорскомъ и т. д.). Именно въ этомъ районѣ и нужна ветеринарная помощь; но здѣсь то ее все равно не будетъ: во-первыхъ, при отсутствіи сносныхъ путей сообщенія по Низовому краю, ветеринарному врачу не всегда будетъ возможно выѣхать къ отдаленному мѣсту эпидеміи, а во-вторыхъ, даже при благопріятныхъ условіяхъ, выѣхавъ изъ Березова куда-нибудь къ сѣверному Уралу, придется быть въ дорогѣ не менѣе двухъ-трехъ недѣль, т. е. столько времени, что эпизоотія успѣетъ свалить всѣхъ оленей.

О необходимости учрежденія ветеринарнаго пункта въ с. Обдорскомъ разговоръ шелъ уже давно. Соотвѣтствующая докладная записка была подана тобольскому губернатору бывшимъ выборщикомъ отъ Березовскаго уѣзда П. А. Первовымъ еще въ февралѣ 1907 г., а въ мартѣ того же года заслушана на одномъ изъ засѣданій губернскаго съѣзда ветеринарныхъ врачей. Послѣ этого вопросъ объ организаціи ветеринарнаго пункта со станціей для бактеріологическихъ изслѣдованій въ Обдорскѣ казался разрѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ: онъ былъ принятъ и съѣздомъ ветеринарныхъ врачей Тобольской губ., и докладъ въ тобольскомъ губернскомъ управленіи состоялся. Наконецъ, дѣло дошло до Государственной Думы. И въ результатѣ — на столько изуродованная форма удовлетворенія назрѣвшей нужды, какъ указанный выше законопроектъ.

А эпизоотія снова угрожаетъ всему краю. Если повторится прошлогодняя,—совсѣмъ погибнетъ оленеводство, падетъ пушной рынокъ и замретъ сибирскій сѣверъ. Вѣдь 100 т. оленей—цѣнность свыше 1.000.000 руб. При среднемъ приростѣ скота въ 10%-въ, потребуется болѣе 10 лѣтъ, чтобы покрылась убыль одного прошлаго года. Да и то, конечно, подъ условіемъ полнаго благополучія въ теченіе всего десятилѣтія. Но кто и что гарантируетъ это „благополучіе?“ Какія мѣры принимаются къ тому, чтобы въ настоящее лѣто не повторился прошлогодній падежъ?

Съ большей вѣроятностью можно предположить, обратно-противоположное, т. е., что заболѣваніе оленей съ наступленіемъ лѣта возобновится. Тайга засорена костями павшихъ въ прошломъ году, возможно, что мѣстами еще сохранились и трупы оленей, сдохнувшихъ поздней осенью, и, слѣдовательно, съ весенней оттепелью чумная зараза захватитъ всю тайгу.

А съ 25-го марта оленеводы обычно перекочевываютъ со своими стадами на лѣтнія пастбища. Ежегодно десятки тысячъ оленьихъ головъ изъ тундръ отъ вершинъ р.р. Полуя и Куновпда проходятъ черезъ Обдорскъ къ Уралу. Въ Обдорскѣ оленеводы бываютъ въ концѣ апрѣля.

Между тѣмъ, при желаніи, при нѣкоторой энергіи, правительство могло бы придти на помощь бѣдному населенію Обскаго низовья. Вѣдь стоитъ только своевременно органи-

зовать ветеринарную помощь на мѣстѣ эпизоотіи, взявъ центральнымъ пунктомъ с. Обдорское.

Если произвести противочумную прививку (есть основаніе предполагать, что палежъ оленей въ прошлое лѣто былъ именно отъ чумы) даже небольшой части скота, то аборигены-оленеводы будутъ хотя до нѣкоторой степени застрахованы отъ полнаго разоренія, которое и съ учрежденіемъ ветеринарнаго пункта въ Березовѣ останется для нихъ такимъ же грознымъ призракомъ.

Киренскъ, Иркутской губ. (*Вершители деревенскихъ судебъ*). Не разъ уже въ сибирской прессѣ затрагивался вопросъ о крестьянскихъ начальникахъ и волостныхъ писаряхъ въ Сибири. Что моральный и умственный уровень этихъ ближайшихъ представителей и фактическихъ носителей власти, очень часто совсѣмъ не отвѣчаетъ важному и отвѣтственному ихъ назначенію, давно уже извѣстно. Но, если плохо на этотъ счетъ въ культурныхъ центрахъ Сибири, гдѣ есть пути сообщенія и, слѣдовательно, въ уѣзды наѣзжаетъ иногда „высшее“ начальство, гдѣ, наконецъ, имѣется поблизости печатный органъ, котораго всегда такъ боятся „маленькіе“ чиновники, то въ какомъ же положеніи находятся окраины Сибири, удаленныя за сотни и тысячи верстъ отъ большихъ городовъ? Онѣ лишены даже самой примитивной защиты отъ своихъ ближайшихъ администраторовъ. Прямо и не перечесть всего, что выносятъ онѣ. Возьмемъ первую попавшуюся волость Киренскаго уѣзда — напримѣръ, хоть Макаровскую.

Волость большая, богатая и считается центральной по уѣзду какъ въ смыслѣ земледѣлія и торговли, такъ и по своему географическому положенію. О „дѣлахъ“ этой волости кое-что уже сообщалось въ иркутскихъ газетахъ, но эти сообщенія прошли почти незамѣченными. Крестьяне Макаровской волости давно уже поговаривали, что ихъ апелляціонныя жалобы на рѣшенія мѣстнаго волостного суда, подаваемыя крестьянскому начальнику (2 участка), чуть не въ теченіе цѣлаго года оставались въ большинствѣ случаевъ безъ отвѣта. Жалобы эти, какъ извѣстно, направляются черезъ волостное правленіе. Теперь выяснилось, что многія изъ нихъ совершенно не отсылались по назначенію, а преспокойно лежали у помощника волостного писаря Потапова

завѣдывавшаго въ то время дѣлопроизводствомъ. Далѣе, оказалось, что Потаповъ, служившій около пяти лѣтъ,—алкоголикъ, котораго разъ уже возили въ киренскую городскую больницу на излѣченіе отъ „чертиковъ".

Крестьянскій начальникъ, между прочимъ, неоднократно пріѣзжалъ въ волость для „ревизіи", но, очевидно, находилъ тамъ все въ порядкѣ. И вдругъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ его послѣдняго визита, открывается эта исторія съ апелляціонными жалобами.

Когда о ней стало извѣстно всему уѣзду, Потапова писарь уволилъ за „пьянство" и „манкированіе службой".

Что же, спрашивается, ревизовалъ въ волости крестьянскій начальникъ и гдѣ, наконецъ, былъ писарь Ежевъ, если въ продолженіи цѣлаго года ничего не замѣчалъ...

Первый—при ревизіяхъ то же, конечно, дѣлалъ, что и всѣ: заглядывалъ только во „входящій" и „исходящій", куда записывались всѣ апелляціонныя жалобы, но не считалъ своимъ долгомъ просматривать „разносную" книгу, въ которую Потаповъ жалобы не заносилъ, такъ какъ ихъ тогда пришлось бы сдавать на почту.

Чтобы „замять" исторію и не надѣлать шуму, рѣшено было пересылать изъ волости по „очереди поступленія" всѣ жалобы, пролежавшія подъ сукномъ въ теченіе цѣлаго года, а крестьянскій начальникъ безъ „должнаго запроса" за опозданіемъ сталъ накладывать на нихъ свои рѣшенія. Между прочимъ, такое рѣшеніе состоялось 21 іюня 1911 года по апелляціонной жалобѣ крестьянина деревни Чечеткиной, Макаровской волости, Никифора Спиридонова, по дѣлу, разбиравшемуся въ макаровскомъ волостномъ судѣ еще 4 іюня 1910 года за № 108/351 и въ этотъ же день объявленному какъ истцу, такъ и отвѣтчику. Апелляціонная жалоба Спиридоновымъ была подана въ волость 13 іюля 1910 года и принята тамъ за № 62. Спрашивается—гдѣ же она странствовала цѣлый годъ, а вѣдь, какъ извѣстно, срокъ для исполненія ихъ годовой.

Теперь крестьяне Макаровской волости возбудили противъ писаря Ежева другое не менѣе характерное обвиненіе: въ ссылкѣ его на несуществующій „приговоръ" крестьянъ по поводу спора ихъ съ мѣстнымъ священникомъ изъ за

земли. Опять только—„гдѣ-то“ и „почему-то“ это дѣло начинаетъ усиленно задерживаться...

Уже не разъ многіе изъ мѣстныхъ крестьянъ пробовали какъ нибудь освободиться отъ своего писаря. Но всѣ эти попытки оставались безплодными, благодаря дружескимъ отношеніямъ его съ крестьянскимъ начальникомъ.

Съ 1-го января настоящаго года Макаровская волость раздѣлилась на двѣ, и крестьянскій начальникъ перевелъ Ежева въ новую—отдѣлившуюся.

Крестьяне съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія встрѣтили это извѣстіе.

„Давно пора“,—вырвалось при этомъ невольно изъ груди многихъ. Но... на выставленные имъ полтора ведра водки нашлось достаточно „питуховъ“, которые прибавили Ежеву еще 150 руб. наградныхъ...

Очерки сибирской жизни.

Общественное негодованіе, вылившееся въ настоящую бурю по поводу ленской трагедіи и вызвавшее буранныя облачка на хмуромъ горизонтѣ нашей внутренней политики, теперь какъ будто упало, стихло.

Но не успокоилось. Вѣдь ленская исторія далеко еще не дописана до конца.

Если мы достаточно знаемъ, что и какъ тамъ было, то мы не можемъ съ такой же увѣренностью сказать, что и какъ тамъ дѣлается. Одно несомнѣнно—дѣлается. Тамъ остается до сихъ поръ ротмистръ Трещенко, судья Хитунъ компанія если не величка, то и не честна.

Еще не такъ давно „Русское Слово“ помѣстило телеграмму изъ Бодайбо:

„Высказанный Макаровымъ передъ Государственной Думой взглядъ, что ленская забастовка является слѣдствіемъ политической агитаціи, повидимому, принятъ къ руководству мѣстными властями, которыя изо всѣхъ силъ стараются придать дѣлу политическую окраску“.

Передъ этимъ въ столичной печати передавалось, будто иркутскіе адвокаты опасаются выѣзжать на мѣсто происшествія вслѣдствіе предупрежденія, что будутъ высланы административнымъ порядкомъ, какъ „агитаторы и подстрекатели“.

Редакціей „Иркутскаго Слова“ получена была отъ бывшаго выборнаго Евгенія Вострыхъ телеграмма, подробно воспроизводившая, что было на Ленѣ „на другой день“. Какъ Ленское товарищество торжествовало свою побѣду, какъ расправлялось съ побѣжденными рабочими, утверждая твердую власть.

Картина усмиренія получилась полная и весьма поучительная!

Тутъ и патрули конныхъ стражниковъ, гарцующіе около жилыхъ помѣщеній, наводя на всѣхъ страхъ и трепетъ. Почти ежедневные обыски, большею частью повальные. Прибытіе поѣздовъ съ солдатами, нѣчто вродѣ карательныхъ экспедицій. Ночные набѣги въ больницу и увозъ полиціей въ тюрьму, несмотря на протесты врача, еще не поправившагося отъ ранъ бывшаго выборнаго Александровскаго пріиска, Попова. „Добровольный“ наемъ рабочихъ, когда приготовъ поѣздъ съ солдатами, съ Трещенко во главѣ, и когда отдается распоряженіе, куда женщинамъ и конюхамъ съ лошадьми прятаться на случай стрѣльбы.

И вполнѣ достойный финалъ: „Ленское товарищество уступило подъ тюрьму свой домъ, разсчитанный на 180 человѣкъ“.

Очевидно, рѣшили—жертвовать, такъ жертвовать всѣмъ, и мертвымъ, и живымъ.

Вотъ та „вторая часть“ ленской исторіи, о которой говорилъ въ Государственной Думѣ депутатъ Маклаковъ.

Послѣднюю главу ея долженъ написать сенаторъ Манухинъ, на-дняхъ выѣзжающій на Лену для ревизіи. Какъ разъ въ то время, когда, по сообщенію сибирской печати, заканчиваются полномочія сенатора Медема, уже который годъ ревизующаго Сибирскую желѣзную дорогу.

Положимъ, что и результаты его дѣятельности,—пока еще въ значительной степени лишь на бумагѣ,—соотвѣтствуютъ вполнѣ затраченному времени. Сотни дѣлъ, сотни привлеченныхъ къ суду!

По свѣдѣніямъ, полученнымъ „Сибирской Жизнью“, число возбужденныхъ дѣлъ по служебнымъ преступленіямъ и правонарушеніямъ равняется 162, а общее число агентовъ Сибирской желѣзной дороги, противъ которыхъ будетъ по этимъ дѣламъ возбуждено судебное слѣдствіе, превысило 320.

Но все это теперь мало трогаетъ... Было время, когда ревизія сенатора Медема вызывала интересъ, когда отъ нея ждали чего-то... Но дѣятельность его развертывалась медленно и пудно, какъ длинный-длинный клубокъ, и къ ней постепенно привыкли. Она годилась очень для сенсаціонныхъ замѣтокъ въ хронику, когда привлекались и отрѣшались тузы желѣзнодорожной колоды...

Постепенно пришло время, что сенаторъ Медемъ сталъ отдавать подъ судъ не самъ уже а черезъ соотвѣтствующее начальство обвиненнаго.

Была такая громкая исторія, когда сенаторъ привлекъ къ отвѣтственности и уволилъ чуть-ли не поголовно весь личный составъ старшихъ агентовъ Сибирской желѣзной дороги. Дорога оказалась безъ служащихъ, и озабоченное этимъ министерство путей сообщенія запросило министерство юстиціи: безусловно-ли необходимо отстраненіе отъ должностей всѣхъ агентовъ, или только нѣкоторыхъ (по закону одно не обязательно связано съ другимъ)? Запросили прокурора иркутской судебной палаты, но въ это время „самъ сенаторъ измѣнилъ свою первоначальную точку зрѣнія и готовъ дѣлать частичныя уступки".

Нашли возможнымъ обходиться и безъ уступчивости сенатора.

„Въ Петербургѣ, при министерствѣ путей сообщенія,— говоритъ „Сибирская Жизнь",—учрежденъ особый комитетъ для выясненія обстоятельствъ, вызвавшихъ увольненіе, по распоряженію сенатора Медема, тѣхъ или иныхъ служащихъ Сибирской желѣзной дороги. Комитетъ этотъ возникъ вслѣдствіе поступившихъ въ большомъ числѣ въ министерство ходатайствъ отъ уволенныхъ сенаторской ревизіей чиновъ Сибирской желѣзной дороги о пріемѣ на службу на другія дороги Имперіи. Спеціальное назначеніе комитета заключается въ томъ, чтобы, выяснивъ объстоятельства, вызвавшія увольненія желѣзнодорожнаго чиновника, ходатайствующаго объ обратномъ пріемѣ, рѣшить вопросъ о томъ, можно ли его допустить на службу на другой дорогѣ. Мнѣнія комитета представляются на усмотрѣніе министра путей сообщенія, который, въ зависимости отъ заключенія комитета, рѣшаетъ вопросъ объ утвержденіи уволеннаго сенаторомъ желѣзнодорожника. Недавно по представленію вновь учреж-

денпаго комитета, утвержденъ министромъ путей сообщенія въ должности па Тюмень-Омской желѣзной дороги инженеръ Зелинскій, привлеченный сенаторской ревизіей къ судебной отвѣтственности за служебные проступки, приписываемые ему, какъ бывшему начальнику дистанціи по переустройству горныхъ участковъ Сибирской желѣзной дороги".

Отрѣшенные и привлеченные чиновники циркулируютъ съ одной желѣзной дороги на другую, благо въ Имперіи ихъ достаточно. А ревизіонный клубокъ уже чисто по инерціи мотается да мотается...

„Чинами сенаторской ревизіи графа Медема, во время разслѣдованій злоупотребленій на линіи Сибирской желѣзной дороги, среди конфискованныхъ бумагъ обнаружены документы, компрометирующіе дѣятельность нѣкоторыхъ агентовъ Восточно-Китайской желѣзной дороги. Распоряженіемъ сенатора Медема и т. д." („Утро Сибири)".

Клубка, за ниткой котораго тянется теперь сенаторъ Медемъ, можетъ ему хватить на всю жизнь, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ оказался.

Значительно сложнѣе задача, поставленная ревизіи сенатора Манухина. Здѣсь не только злоупотребленіе по службѣ того или иного агента, здѣсь соціальная язва, образовавшаяся на общественномъ тѣлѣ вслѣдствіе отсутствія надлежащаго рабочаго законодательства и упорнаго нежеланія признавать существующее и растущее съ каждымъ годомъ рабочее движеніе. Вѣдь ленскія событія, конечно, въ значительно меньшихъ размѣрахъ, могутъ легко повториться.

Начавшіяся въ Черемховскомъ районѣ (Иркутской губерніи) забастовки углекоповъ обошли всѣ копи. Прошли забастовки безъ эксцессовъ, требованія рабочихъ были удовлетворены въ большинствѣ случаевъ. Но каждый разъ,— какъ начиналась забастовка, „администрація почти всѣхъ копей, - пишетъ корреспондентъ „Сибирской Жизни",—прежде всего съ надеждой обращала взоры на жандармскую власть, неукоснительно обращалась за ея помощью, вызывая власти на мѣсто, разыскивая при этомъ „агитатора", „подстрекателя". Но эти поиски „увѣнчались" успѣхомъ лишь на однѣхъ копяхъ, гдѣ въ разное время удалось задержать четырехъ человѣкъ. Кромѣ жандармскихъ властей, выѣзжалъ изъ Иркутска въ Черемховскій районъ во время забастовокъ ок-

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ.

ружный инженеръ, не обнаруживший себя никакими опредѣленными дѣйствіями или распоряженіями".

Въ „Забайкальской Нови" находимъ такую замѣтку: „На основаніи сообщенія уѣздной полиціи о возникновеніи безпорядковъ на черновскихъ копяхъ, чины читинской областной администраціи и прокурорскаго надзора экстренно выѣзжали въ Черновскую, гдѣ было установлено, что тревога ложная".

На Уксунайскомъ золотомъ пріискѣ, Кузнецкаго уѣзда, въ февралѣ рабочіе объявили забастовку и предъявили администраціи рядъ требованій, изъ которыхъ самое важное— увеличеніе заработной платы въ виду повышенія цѣны на хлѣбъ. Администрація уступила.

Затѣмъ, по словамъ „Сибирской Жизни":

„По требованію рабочихъ вызванъ изъ Барнаула окружный инженеръ. Спѣшно вызванный администраціей изъ Кузнецка полицейскій приставъ производитъ слѣдствіе".

И пѣтъ ни пристава, ни разслѣдованія, когда предприниматель практикуетъ такіе пріемы, явно нарушающіе законъ, какъ на каменоугольныхъ копяхъ близъ Черемхова.

Изъ трехъ здѣшнихъ копей ни одна „не имѣетъ своего отдѣльнаго врача, а всѣ три пользуются услугами участковаго. Между тѣмъ, „по вступившему уже давно въ законную силу обязательному постановленію присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ отъ 18 марта 1910 года, копи эти обязаны имѣть своего постояннаго врача, а съ другой стороны, участковый врачъ, вслѣдствіе циркулярнаго распоряженія, изданнаго иркутскимъ губернаторомъ еще въ 1910 г. и не отмѣненнаго и теперь, не имѣетъ права завѣдывать медицинской частью копей" („Сибирь").

Еще откровеннѣе поступаютъ бурешнскіе золотопромышленники, по свѣдѣніямъ „Эхо".

Докторовъ на пріискахъ здѣсь нѣтъ. И даже законъ не можетъ обязать ихъ держать, такъ какъ почти всѣ здѣшнія предпріятія перешли къ золотничнымъ работамъ и не имѣютъ постояннаго, опредѣленнаго числа рабочихъ. „Золотопромышленники прямо заявляютъ, что контрактованнымъ рабочимъ медицинскую помощь они оказывать готовы, но къ числу такихъ рабочихъ они не хотятъ причислять ту массу неконтрактованныхъ, которые работаютъ у нихъ же, хотя и

временно, на золотничныхъ работахъ и которые очутились въ тайгѣ только потому, что тамъ пріиски".

Коммиссія, назначенная съѣздомъ золотопромышленниковъ, признала возможнымъ имѣть въ округѣ хотя бы двѣ больницы съ тѣмъ, чтобы средства на ихъ содержаніе поступали не съ однихъ золотопромышленниковъ. Предположено обложить все населеніе тайги больничнымъ сборомъ, а также привлечь казну.

Немногимъ, впрочемъ, лучше дѣло обстоитъ тамъ, гдѣ медицинская помощь имѣется. Носитъ она больше декоративный характеръ, какъ объ этомъ разсказываетъ „фельдшеръ" въ „Забайкальской Нови".

Когда онъ задумалъ выписать необходимыя лекарства, владѣлецъ пріиска прямо заявилъ:

— „Пожалуйста, выписывайте поменьше. У насъ больныхъ не будетъ, а это дѣлается для того, чтобы г. исправникъ, когда пріѣдетъ, видѣлъ, что у насъ есть больничка".

Въ концѣ концовъ, „фельдшеру" такъ и не пришлось примѣнить своихъ спеціальныхъ познаній.

„Пріисковое населеніе болѣетъ,—говоритъ онъ, — нуждается въ медицинской помощи, а помощь эта существуетъ только на бумагѣ".

Отсутствіе медицинской помощи не исчерпываетъ собой всѣхъ отрицательныхъ сторонъ сибирскаго промышленнаго предпріятія. Чаще всего, ничего положительнаго въ немъ нѣтъ, и, пожалуй, переваловская фарфоро-фаянсовая фабрика, описанная въ „Иркутскомъ Словѣ", можетъ послужить лучшимъ типомъ въ этомъ отношеніи.

Фабрика находится въ 120 верстахъ отъ Иркутска. Хотя теперешній владѣлецъ ея инженеръ-технологъ, но производство на ней ведется самымъ первобытнымъ способомъ и все же приноситъ громадные барыши. Все зиждется на эксплуатаціи рабочихъ, подпавшихъ прямо въ крѣпостную зависимость владѣльцу—у всѣхъ у нихъ тутъ же имѣются домишки и хозяйства, а заработать иначе по близости негдѣ.

Заработокъ достигаетъ 16, 20 и самое большое—25 руб. въ мѣсяцъ, при чемъ уплачивается, конечно, товарами изъ фабричной лавки. Въ этомъ отношеніи здѣсь „маленькая Лена".

Сѣно, дрова и прочіе припасы, привезенные на фабричный базаръ, рабочіе принуждены „мѣнять", т. е. уговаривать крестьянъ, чтобы они продали эти продукты подъ книжку, по которой взяли бы товару изъ фабричной лавки. Разсказываютъ, будто даже священнику за требы рабочіе платятъ чаемъ и сахаромъ. Деньги выдаются лишь къ Рождеству, масляницѣ или Пасхѣ и при томъ такъ: при заработкѣ на книжку въ 40, 50 руб. выдается деньгами два или три, а то и одинъ рубль. Помимо всего этого, существуетъ еще одно условіе—зарабатывать больше опредѣленной суммы не полагается. Если рабочій или мастеръ, состоящій на сдѣльной работѣ, постарается и заработаетъ больше, тотчасъ плата за сдѣльную работу понижается.

Ужасно положеніе рабочаго, промаявшагося въ такомъ предпріятіи и кончающаго жизнь на положеніи „пріискового отвала". Такъ называется на пріискахъ промытая, отработанная порода и этимъ же именемъ зовутъ здѣсь рабочихъ, потерявшихъ способность къ труду, вслѣдствіе ли увѣчья, или хронической болѣзни. Тогда оба они—и порода, и рабочій—„выработанные" для предпринимателя.

Обезпеченіе на случай болѣзни, инвалидности, старости и смерти—все это наиболѣе жгучіе вопросы нашей рабочей жизни. Особенное значеніе они пріобрѣтаютъ въ такихъ предпріятіяхъ, гдѣ работаетъ по преимуществу сѣрый массовой рабочій и гдѣ самыя условія работы таковы, что человѣческій организмъ быстро изнашивается. Хотя бы на тѣхъ же пріискахъ.

Правительство обѣщало распространить на нихъ новый законъ о страхованіи, но одного этого слишкомъ недостаточно. Во-первыхъ, этотъ законъ, какъ и все наше рабочее законодательство, стремится возможно меньше затронуть предпринимательскіе интересы. Во-вторыхъ, дѣло не только въ законодательствѣ.

У насъ оно какъ-никакъ, а предусматриваетъ охрану здоровья трудящихся. Большаго же пренебреженія именно къ этому здоровью, чѣмъ наблюдается въ дѣйствительности, невозможно даже представить. И что хуже всего, не только со стороны какихъ-нибудь хозяевъ, выжимателей пота.

Недавно въ Читѣ имѣло мѣсто массовое отравленіе рабочихъ, ѣдущихъ на Дальній Востокъ. Сначала отравленіе

наблюдалось у 150 рабочихъ, затѣмъ число ихъ увеличилось.

Какъ выяснилось, отравленіе произошло оттого, что котлы переселенческой кухни, въ которыхъ варилась горячая пища, были вылужены свинцомъ, а не оловомъ.

Столько было шума о принятыхъ мѣрахъ, о заботахъ о „русскомъ рабочемъ“ и вотъ...

Думается, что на самый правильный путь стало томское общество взаимопомощи приказчикамъ, обратившееся ко всѣмъ сибирскимъ обществамъ съ предложеніемъ принять участіе въ дѣлѣ организаціи перваго обще-сибирскаго съѣзда. О разрѣшеніи его томское общество возбудило ходатайство передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ письмѣ, разосланномъ по этому поводу, указывается, что въ послѣднее время приказчичій вопросъ все болѣе обостряется. Правовое и экономическое положеніе торгово-промышленныхъ служащихъ ухудшается. Систематическія нарушенія обязательныхъ постановленій о нормальномъ отдыхѣ, изданныхъ на основаніи закона 1906 года, подтверждаютъ печальный фактъ ухудшенія условій труда. Удлиненія рабочаго дня, полная необезпеченность и зависимость отъ хозяевъ, безцеремонно выбрасывающихъ на улицу служащихъ, крайне тяжелое положеніе дѣтскаго труда и наряду съ этимъ разобщенность приказчиковъ, ихъ инертное отношеніе къ своимъ нуждамъ, упадокъ въ дѣлахъ приказчичьихъ обществъ, безсильныхъ помочь своимъ коллегамъ, все это говоритъ за необходимость съѣзда, который является наилучшимъ способомъ разрѣшенія всѣхъ назрѣвшихъ жгучихъ вопросовъ. „Съѣздъ, положивъ начало объединенію торговыхъ служащихъ сибирской окраины, долженъ сыграть огромную роль не только въ дѣлѣ выясненія давно назрѣвшихъ вопросовъ, но разбудить пагубную инертность приказчичьей среды по отношенію къ собственнымъ интересамъ“ („Сибирская Жизнь“).

Разсылается на обсужденіе сибирскихъ приказчичьихъ обществъ программа съѣзда, выработанная въ Томскѣ. Тамъ же предположено созвать на 15-го іюня и самый съѣздъ.

Большой интересъ ему придаетъ и то, что онъ стоитъ въ непосредственной связи съ 4 всероссійскимъ съѣздомъ

торгово-промышленныхъ служащихъ. Сибирскій съѣздъ долженъ совершить для послѣдняго подготовительную организаціонную работу.

Пока можно сказать, что время для съѣзда выбрано удачно. Какъ разъ теперь торгово-промышленные служащіе взволнованы угрожающимъ законопроектомъ объ ихъ нормальномъ трудѣ. Это обстоятельство должно пойти на пользу и помочь съѣзду осуществить свою задачу — положить начало профессіональному движенію въ Сибири. Отсутствіе этого движенія и объясняетъ то печальное положеніе, въ какомъ у насъ находятся рабочіе и служащіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

Лишнимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить иркутская смѣшанная коммиссія по нормировкѣ рабочаго времени въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Хозяева здѣсь засѣдали вмѣстѣ съ рабочими, и за каждое непріятное для первыхъ слово послѣдніе лишались заработка.

Рабочій В. Поляковъ, входившій въ коммиссію отъ рабочихъ колбасной Эйхлера, на одномъ изъ первыхъ засѣданій предложилъ 8-часовой день вмѣсто 14—16 часового, какъ сейчасъ. Узнавшій объ этомъ хозяинъ сначала накричалъ на Полякова, а затѣмъ придрался къ первому поводу (у Полякова психически заболѣла жена, и онъ недѣли двѣ не ходилъ на работу) и уволилъ его.

— Ты хотѣлъ работать 8 часовъ, теперь за это не будешь работать нигдѣ!—заявилъ Эйхлеръ.

Дѣйствительно, остальные владѣльцы колбасныхъ не принимаютъ къ себѣ Полякова.

Все таки смѣшанная коммиссія принесла пользу даже тѣмъ, что рабочіе колбаснаго производства рѣшили организовать профессіональный союзъ и уже подали объ этомъ заявленіе.

Хозяевъ имъ спасаться нечего, но тутъ уже придется столкнуться съ представителями власти. А какъ послѣдняя относится къ профессіональнымъ организаціямъ, показываетъ разбиравшееся 19 марта въ иркутскомъ окружномъ судѣ „дѣло о союзѣ штейгеровъ".

„Дѣло" все сводится къ слѣдующему: въ ноябрѣ 1905 г. создался союзъ сибирскихъ штейгеровъ-уставщиковъ. Цѣли его были—матеріальная поддержка нуждающихся штейге-

ровъ, оказаніе помощи просвѣтительнымъ учрежденіямъ, поддержка при недоразумѣніяхъ между штейгерами и предпринимателями, съ объявленіемъ, въ крайнемъ случаѣ, стачки и бойкота.

Послѣдній пунктъ товарищъ прокурора считалъ преступнымъ, и обвиняемый Яблоновскій былъ приговоренъ къ крѣпости на двѣ недѣли.

„Союзъ сибирскихъ штейгеровъ" можно еще преслѣдовать судомъ — министръ вн. дѣлъ объяснилъ въ Гос. Думѣ хитрую механику закона о свободѣ стачекъ и закона о преслѣдованіи стачечниковъ. Но обыскать и арестовать нерчинскихъ реалистовъ, продѣлать то же съ читинскими гимназистами, допросить и освободить подъ надзоръ полиціи, и все это за устройство „кружка самообразованія". И для нашей дѣйствительности это, пожалуй, слишкомъ...

Преслѣдуя стремленія къ самообразованію, заподозрѣвъ въ этомъ политику, оставляютъ въ неприкосновенности систему, господствующую въ омской фельдшерской школѣ.

Недавно 72 ученика ея заявляли въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ газетѣ „Рѣчь":

„Директоръ со своими услужливыми воспитателями до того сгустили школьную атмосферу, что вотъ уже 4 года, какъ у насъ идутъ волненія, цѣлые десятки выбрасываются изъ школы, а нѣкоторые даже прибѣгали къ самоотравленію. Если еще такое состояніе нервнаго напряженія будетъ продолжаться, то мы боимся, какъ бы не закончилось все катастрофой, ибо нѣкоторые ученики уже выведены изъ состоянія психическаго равновѣсія".

Одинъ изъ милыхъ воспитательныхъ пріемовъ состоялъ въ томъ, что за неудачную попытку на самоубійство сбавляли баллъ поведенія на 3.

На тотъ же путь вступила и омская учительская семинарія. Воспитаннику ея Малкову, покушавшемуся на самоубійство сбавлена отмѣтка по поведенію („Рѣчь").

Омское начальство всѣхъ сортовъ вообще очень бдительно слѣдитъ насчетъ „вольнодумства" и „политики". П. В. Вологодскій собирался прочесть въ Омскѣ докладъ „О судьбѣ законопроекта о введеніи земскихъ учрежденій въ Сибири", но губернаторъ Невѣровъ не разрѣшилъ.

Тотъ же г. Невѣровъ разрѣшалъ мѣстному медицинскому

обществу устройство въ Омскѣ дня „Бѣлаго цвѣтка", подъ такими условіями:

„Чтобы всѣ собранныя деньги были сданы въ депозитъ губернатора. Для предварительныхъ работъ и осуществленія намѣченной программы сбора должна быть избрана особая подготовительная коммиссія изъ членовъ общества, при участіи двухъ чиновниковъ по назначенію губернатора, съ тѣмъ, чтобы списокъ избранныхъ лицъ былъ представленъ ему же на утвержденіе. Организованной такимъ путемъ коммиссіи предоставляется право приглашать по ея усмотрѣнію членовъ-сотрудниковъ. Состоящіе членами въ другихъ какихъ либо обществахъ не допускаются. Сборщики снабжаются удостовѣреніями губернатора на право производства сбора денегъ въ кружки. Для охраны кружекъ назначаются губернаторомъ особые чиновники. Такимъ образомъ, фактическимъ распорядителемъ собранныхъ денегъ является губернаторъ, и самый сборъ долженъ производится подъ непосредственнымъ надзоромъ его чиновниковъ. Роль членовъ общества, въ сущности, сводится къ исполненію губернаторской программы.

Выслушавъ доложенную предсѣдателемъ программу организаціонныхъ работъ, многіе члены выразили пожеланіе присоединиться къ всероссійской лигѣ „Бѣлаго цвѣтка", такъ какъ идея этого символа принадлежитъ именно этой организаціи" („Сиб. Ж.").

Томскій губернаторъ день „колоса ржи" въ Ново-Николаевскѣ втиснулъ въ такія рамки формализма, что многіе изъ иниціаторовъ не считаютъ возможнымъ взяться за дѣло.

„Прежде всего,—требовалъ губернаторъ,—должно быть заранѣе опредѣлено, въ какомъ видѣ будутъ производиться сборы, т. е. при помощи ли кружекъ, подписныхъ листовъ или квитанціонныхъ книжекъ, при чемъ, какая бы форма сбора ни была принята, во всякомъ случаѣ болѣе 10 кружекъ, подписныхъ листовъ или квитанціонныхъ книжекъ не должно быть. Необходимо также заручиться предварительнымъ формальнымъ согласіемъ на сборъ денегъ отъ той организаціи, въ пользу которой будетъ производиться сборъ, при чемъ квитанціонныя книжки, подписные листы или кружки, при помощи которыхъ будетъ производиться сборъ, должны имѣть печать опять таки той организаціи, въ пользу

которой пойдетъ сборъ. Кружки для сбора должны находиться на опредѣленныхъ мѣстахъ, и продавщицы „колоса“ не могутъ ходить по городу и даже подходить къ проходящей публикѣ. Кружки должны потомъ вскрываться при непремѣнномъ участіи представителя полиціи („Сиб. Ж.“).

Енисейскій губернаторъ никому никакихъ условій не ставилъ. Отъ его имени предупредили секретаря „Сибирской Мысли“, что въ первый разъ редактору прощается напечатаніе такого рода замѣтокъ, но въ слѣдующій разъ... ждетъ взысканіе.

Преступныя замѣтки,—по словамъ „Сиб. Ж.“,—были слѣдующія:

„Въ первой замѣткѣ „Цынга“ говорится, что въ Минусинскомъ уѣздѣ -въ волости Абаканской и въ Канскомъ уѣздѣ—въ волостяхъ Абанской и Устьянской на почвѣ голода началась цынга. Командированы 3 ученицы мѣстной фельдшерской школы для борьбы съ цынгой. Во второй замѣткѣ говорится о психическомъ разстройствѣ помощника дѣлопроизводителя въ управленіи государственными имуществами Енисейской губ. Малетина на почвѣ матеріальной нужды и въ третьей замѣткѣ—о продажѣ въ редакціи газеты „Сусанинъ“ открытокъ, изображающихъ различныя сцены ритуальнаго убійства Ющинскаго“.

Редактора „Сиб. Жизни“ карали безъ предупрежденій. Сперва оштрафовали на 200 р. за сообщеніе о ленскихъ событіяхъ, потомъ губернаторъ подвергъ его двухмѣсячному аресту за „Свободное слово въ Англіи“...

Наши редактора и наше слово терпятъ отъ своего губернатора даже за чужую свободу.

Было ли ходачество свободнымъ?

Въ колонизаціонное дѣло, какъ извѣстно, введенъ новый порядокъ переселенія—такъ называемое свободное ходачество. Особенность его должна была заключаться въ совершенно безпрепятственномъ полученіи желающими переселиться ходаческихъ свидѣтельствъ и удостовѣреній на льготный проѣздъ и въ зачисленіи за ними земельныхъ долей въ какомъ имъ угодно районѣ колонизаціи Сибири. Тогда, какъ въ предыдущіе годы, выходъ переселенцевъ изъ Европейской

Россіи ограничивался требованіемъ опредѣленнаго имущественнаго ценза, съ одной стороны, и зачисленіями долей только въ какомъ-либо одномъ подрайонѣ, заранѣе отводимымъ для уѣзда выхода,—съ другой.

Конечно, новымъ порядкомъ переселенія имѣлось въ виду поднять уровень переселенческаго и ходаческаго движенія, сильно понизившагося въ послѣдніе три года. О размѣрахъ этого понижанія свидѣтельствуютъ приводимыя цифры. Въ 1908 г. прошло въ Сибирь переселенцевъ обоего пола 664.748, въ 1909 г. — 619.620 и въ 1910 г. — 316.163, ходоковъ въ 1908 г.—94.040, въ 1909 г.—88.141 и въ 1910 г.—36.787. Пониженіе шло, невзирая на поощрительныя мѣропріятія правительства къ поднятію притока въ Сибирь переселенческихъ элементовъ,—въ видѣ льготнаго желѣзнодорожнаго тарифа на пассажирскіе билеты и провозъ клади, путевыхъ ссудъ, продовольственныхъ пунктовъ и проч. Со свободнымъ же ходачествомъ, казалось, должны были рухнуть всѣ преграды, сдерживавшія потокъ переселенческой волны. А вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было исчезнуть въ переселенческомъ дѣлѣ и раззорительное самовольческое движеніе.

Однако, какъ показываютъ цифровыя данныя о послѣднемъ ходаческомъ движеніи, новый порядокъ переселенческаго дѣла своей цѣли не достигъ. Съ января по 1 сентября прошлаго года, когда ходаческую кампанію можно было считать уже почти закончившеюся, прослѣдовало въ Сибирь 28.699 ходоковъ, почти на 5.300 чел. меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году (33.965). А, по сравненію съ 1907 годомъ наибольшаго ходаческаго движенія (147.152 ходока), на 118.500 человѣкъ меньше. Такимъ образомъ свободное ходачество не оправдало надежды на усиленіе притока переселенцевъ. Не спасло свободное ходачество и отъ самовольческаго движенія. Ходаковъ самовольцевъ насчитывалось за сказанный періодъ времени около 6.000, что составляетъ свыше 20 проц. всего выхода ходоковъ. А это всего лишь вдвое меньше противъ количества ходоковъ-самовольцевъ (42 проц.) предыдущаго года.

Но ужъ одинъ фактъ столь значительнаго самовольческаго движенія параллельно со свободнымъ ходачествомъ, заставляетъ предполагать, что съ послѣдней ходаческой кампаніей дѣло обстояло далеко не благополучно. А въ та-

комъ случаѣ напрашивается вопросъ: было ли въ дѣйствительности ходачество свободнымъ? Ясно вѣдь, что свободное ходачество и самовольческое движеніе—факты немыслимые рядомъ, явленія исключающія другъ друга. И въ самомъ дѣлѣ. Самовольчество прежнихъ лѣтъ обусловливалось отказами переселяющимся въ выдачѣ ходаческихъ свидѣтельствъ. При новомъ же порядкѣ, такіе отказы совершенно не допускались, какъ видно изъ циркуляра о свободномъ ходачествѣ, отъ 4 1911 этого года, гдѣ сказано: „Посылка ходоковъ въ Азіатскую Россію для пріисканія, осмотра и зачисленія свободныхъ казенныхъ земель подъ переселеніе разрѣшается всѣмъ крестьянскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ семьямъ крестьянъ и мѣщанъ-земледѣльцевъ. Въ сихъ видахъ, мѣстными земскими начальниками, или соотвѣтствующими имъ должностными лицами, безпрепятственно выдаются ходаческія свидѣтельства и удостовѣренія на пользованіе удешевленнымъ желѣзнодорожнымъ тарифомъ". Но на виду этого предписанія, тысячи ходоковъ направлялись въ далекую Сибирь безъ ходаческихъ свидѣтельствъ и льготнаго проѣзда, нелегальными, по дорогому тарифу.

Конечно, въ годъ первый опыта свободнаго ходачества не могло не быть самовольческаго движенія; ходоковъ ужъ въ силу поздняго опубликованія циркуляра о новомъ порядкѣ переселенія—4 марта, тогда, какъ ходаческое движеніе начинается уже съ января. Но если взять, къ тому же, во вниманіе, что циркуляръ этотъ, пройдя послѣдовательныя ступени отъ переселенческаго управленія, черезъ губернаторовъ, земскихъ начальниковъ, волостныя и сельскія правленія, дошелъ до массъ сельскаго населенія не ранѣе, какъ въ первыхъ числахъ апрѣля, то понятно, что къ этому времени уже оказалось въ пути не мало ходоковъ-самовольцевъ.

Но, касаясь здѣсь изъяновъ свободнаго ходачества, дѣлавшихъ его, практически, далеко не свободнымъ, нарушавшихъ элементарные принципы новаго порядка переселенія, я имѣю виду указать лишь на тѣ изъ нихъ, которые процвѣтали уже послѣ широкаго опубликованія этого циркуляра среди сельскаго населенія. А такихъ изъяновъ было не мало какъ на мѣстахъ выхода, такъ и въ колонизаціи Сибири

На мѣстахъ выхода изъяны эти создавались отказами или задержками со стороны земскихъ начальниковъ въ выдачѣ ходаческихъ свидѣтельствъ желающимъ переселиться и удостовѣреній на льготный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ. Отказы и задержки вызывали самовольческое движеніе ходоковъ. Мнѣ приходилось встрѣчать въ Сибири тысячи самовольцевъ и легальныхъ ходоковъ, которые горько жаловались на земскихъ начальниковъ, какъ на единственныхъ виновниковъ ихъ несчастья—поздняго выхода или поѣздки въ Сибирь самовольцами и, слѣдовательно, безъ права,—какъ они узнали только въ дорогѣ, -на безплатное полученіе казенной земли. По ихъ словамъ, имъ, обыкновенно, приходилось являться къ земскимъ начальникамъ по нѣсколько разъ за необходимыми документами и зачастую напрасно ждать по нѣсколько дней у ихъ канцелярій. Напримѣръ, ходоки с. Милентратовки, Валуйскаго уѣзда, Воронежской губерніи ждали 8 сутокъ у канцеляріи земскаго начальника 4 уч. А всѣ необходимыя бумаги для полученія ходаческихъ свидѣтельствъ были представлены ему еще въ ноябрѣ. Такого же рода жалобы на этого земскаго начальника пришлось слышать и отъ ходоковъ обществъ: цыгано-троицкаго и казарскаго. Среди ходоковъ-самовольцевъ мнѣ встрѣтились черниговцы, Остерскаго уѣзда, села Богдановки, Семиполковской волости. Они заявили своему земскому начальнику 1 участка, что желаютъ ѣхать въ Семирѣченскую область. Но онъ не далъ имъ ходаческихъ свидѣтельствъ, въ виду того, что въ этой области, якобы, нѣтъ участковъ для колонизаціи. А въ Семирѣчьѣ было отведено на 1911 г. 30.000 долей. Отказывая въ выдачѣ ходаческихъ свидѣтельствъ пяти ходокамъ с. Савино, Остерской волости, онъ по словамъ ходоковъ, даже не объяснилъ причины отказа. Потерявъ, такимъ образомъ, надежду на полученіе установленныхъ документовъ, всѣ они наскоро и, слѣдовательно, убыточно ликвидировали свое имущество и цѣлыми семьями поѣхали въ Сибирь на положеніи самовольцевъ. Надо замѣтить, что особенность нелегальныхъ ходоковъ заключается въ томъ, что они, преимущественно, ѣдутъ съ семьями и со своимъ скарбомъ. Это, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, народъ крайне бѣдный, для котораго жизнь на родинѣ стала не въ моготу. Вотъ, напримѣръ, самовольческая семья Антона

Кошеля изъ Екатеринославской губерніи, Славяносербскаго уѣзда, деревни Петровской, Жакарояровской волости. Глава семьи обращался нѣсколько разъ къ земскому начальнику 2 участка съ мольбами о ходаческомъ свидѣтельствѣ. Но неумолимый начальникъ каждый разъ отказываетъ ему (въ послѣдній разъ 1 мая), и онъ, распродавъ свое скудное имущество за безцѣнокъ, уѣхалъ самовольцемъ со всей своей семьей.

Земскій начальникъ 1 уч. Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, отказалъ въ ходаческихъ свидѣтельствахъ значительной группѣ ходоковъ с. Ряское, той же волости. По разсказамъ этихъ ходоковъ, они нѣсколько разъ приходили къ нему и просили выдать имъ свидѣтельства. Но, въ виду его категорическихъ отказовъ, 27 марта уѣхали самовольцами. Однако, съ пути, еще разъ попытались получить документы, чтобы стать легальными ходоками и послали ему прошеніе о высылкѣ имъ ходаческихъ свидѣтельствъ. Конечно, попытка была напрасной. И, вотъ, на виду милліоновъ десятинъ свободной казенной земли, отмежеванной для колонизаціи, гдѣ, будь они легальные, могли бы зачислить за собою любыя доли безплатно, приписываются къ сторожиламъ по 140 руб. съ мужской души. Ходоки сл. Коломья, Сватово-Луцкой волости, Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, также нѣсколько разъ являлись (въ апрѣлѣ) за ходаческими свидѣтельствами къ земскому начальнику 5 участка, но онъ, вопреки циркуляру 4 марта, строго отклонилъ ихъ законную просьбу. И они уѣхали самовольцами. А то бываютъ и такіе возмутительные факты. Ходоку могилевцу было выдано земскимъ начальникомъ 2 участка Чериковскаго уѣзда ходаческое свидѣтельство и удостовѣреніе на льготный проѣздъ только до ст. Уфы. А онъ заявлялъ ему, что ѣдетъ за землей въ Сибирь. Но тамъ его ходаческое свидѣтельство не имѣло никакого значенія. И когда это разъяснили ему въ Челябинскѣ, замѣтивъ, что за Уфой онъ становится самовольцемъ и, какъ таковой, лишенъ права на полученіе казенной доли, то ему пришлось вернуться отсюда на родину за ходаческимъ свидѣтельствомъ, за 3000 верстъ.

Удручающіе разсказы приходилось слышать и о земскомъ начальникѣ 4 уч. Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

По словамъ ходоковъ изъ подвѣдомственныхъ ему села Ивановки и слободы Свиступовки, Нижне-Дуванской волости, этотъ земскій начальникъ по какимъ-то загадочнымъ причинамъ не выдавалъ никому ходаческихъ свидѣтельствъ до 5 мая. А многіе изъ нихъ хотѣли ходачить еще до Пасхи. Но еще въ худшемъ положеніи оказались крестьяне села Плисовой, Преображенской волости, Зміевскаго уѣзда, Харьковской губ. Ихъ земскій начальникъ 4 участка, г. Бѣлявскій, по разсказамъ ходоковъ, долго не выдавалъ имъ ходаческихъ свидѣтельствъ. Приходили къ нему не менѣе 5—6 разъ. Но все таки немногимъ посчастливилось получить ихъ. Массѣ же ходоковъ онъ не далъ этихъ свидѣтельствъ, не тронувшись даже ихъ слезными просьбами. А когда изъ числа получившихъ отказъ хотѣли записаться хотя-бы довѣрителями къ ходокамъ, то онъ и этого имъ не разрѣшилъ, какъ вообще никого изъ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ не допустилъ быть довѣрителями, преступно игнорируя законное право каждаго ходока имѣть пять довѣрителей. Въ отсутствіи у нихъ довѣрителей я убѣдился лично изъ осмотра ихъ ходаческихъ свидѣтельствъ.

А по разсказамъ ходоковъ Екатеринославской губерніи, Павлоградскаго уѣзда, сл. Добровольной, той же волости, ихъ земскій начальникъ 7 участка, П. П. Иваненко, оттягивалъ выдачу ходаческихъ свидѣтельствъ до 1 іюня. И лишь благодаря ихъ неотступнымъ просьбамъ, выдалъ эти документы только 17 мая. Но чтобы добиться этого, имъ пришлось ходить къ нему нѣсколько разъ, за 30 верстъ.

Мнѣ пришлось встрѣтиться въ Сибири съ партіей самовольцевъ въ 32 семьи въ количествѣ 200 душъ. Это были ставропольцы Благодарскаго уѣзда, Камбулатской волости. Каждая изъ этихъ семей имѣла въ виду послать сперва ходоковъ. Но когда земскій начальникъ всѣмъ имъ отказалъ въ ходаческихъ свидѣтельствахъ, то они распродали свое имущество и цѣлыми семьями направились въ Семирѣчье. И только въ пути узнали, что имъ, какъ неимѣющимъ требующихся документовъ, казенной земли не дадутъ. Это извѣстіе ихъ страшно поразило: рыдали даже мужчины, а женщины, можно сказать, выли отъ горя. Мнѣ лично пришлось быть свидѣтелемъ этой потрясающей сцены. Горе ихъ будетъ понятно, если замѣтить, что это были очень бѣдныя

семьи, къ тому же убыточно ликвидировавшія свое имущество и неимѣвшіе средствъ приписаться къ старожиламъ. О, сколько скорби, отчаянія и горя вырывается здѣсь изъ груди несчастныхъ самовольцевъ и проклятій по адресу земскихъ начальниковъ, главныхъ виновниковъ ихъ несчастья!

Но рекордъ выпуска самовольцевъ на виду свободнаго ходачества, кажется, побитъ земскимъ начальникомъ 4 уч. Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи. По крайней мѣрѣ, къ такому заключенію можно было придти по разсказамъ многихъ сумчанъ самовольцевъ. Въ ихъ передачѣ, этотъ грозный земскій начальникъ представляется принципіальнымъ противникомъ переселенія изъ его „державы", какъ называли ходоки территорію его участка. Они увѣряли меня, что ихъ земскій начальникъ никому не далъ ходаческихъ свидѣтельствъ, полагая, что имъ и на родинѣ хорошо живется, а поэтому переселяться совершенно не зачѣмъ.

Уже по бѣглому перечню этихъ немногихъ фактовъ, становится яснымъ, какой произволъ и самоуправство вносились въ новый порядокъ переселенія и какъ вопіюще тормозилась идея свободнаго ходачества. Это по губерніямъ выхода. Но и въ мѣстахъ колонизаціи создавались условія, дѣлавшія ходачество, въ сущности, не свободнымъ. Такъ, колонизаціонный фондъ прошлаго года не весь предоставлялся свободному осмотру и зачисленію за выходцами изъ Европейской Россіи. Изъ него были изъяты тысячи долей, отданныхъ въ полное распоряженіе покойнаго премьеръ-министра; они такъ и назывались „столыпинскими". Кромѣ того, участки генералъ-губернаторскіе, районныхъ, подрайонныхъ и крестьянскихъ начальниковъ. Участки эти были отданы переселенческимъ управленіемъ перечисленнымъ административнымъ лицамъ въ ихъ полное распоряженіе. Они могли отводить въ нихъ доли только тѣмъ переселенцамъ, кому сами пожелаютъ, по своему личному усмотрѣнію. Участки этихъ лицъ находились, преимущественно, въ уѣздахъ Акмолинской области: Петропавловскомъ, Омскомъ, Кокчетавскомъ и другихъ. Однихъ только „столыпинскихъ" участковъ здѣсь насчитывалось на 5021 доли. Затѣмъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ имѣлось 17 участковъ на 1246 долей, которые, хотя и числились въ колонизаціонномъ фондѣ того года, но не подлежали зачисленію до переселенія съ нихъ киргизъ. А

въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области, было свыше 10000 долей „подъ секретомъ“. Это лучшія доли въ этомъ районѣ. Но по какимъ-то соображеніямъ переселенческаго управленія, на нихъ не допускались ходоки, хотя доли эти вошли въ земельный фондъ 1911 года. Тѣмъ не менѣе онѣ не подлежали зачисленію за ходоками и такъ и именовались въ перепискѣ „долями подъ секретомъ“. А въ лучшихъ участкахъ всего колонизаціоннаго фонда Сибири—въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, Акмолинской области, съ зачисленіемъ долей творилось нѣчто такое, что должно было быть немыслимымъ не при какомъ порядкѣ ходачества, тѣмъ болѣе, претендовавшемъ на названіе „свободнаго“. Въ этомъ уѣздѣ, въ 4 и 6 участкахъ крестьянскихъ начальниковъ, совершенно открыто давалось предпочтеніе орловцамъ передъ ходоками другихъ губерній на зачисленіе долей въ самыхъ лучшихъ 22 участкахъ, заключавшихъ въ себѣ около 2300 долей. Домогался этого членъ орловской губернской земской управы г. Суриковъ, проживающій въ ихъ районѣ. Г. Суриковъ, по свидѣтельству многихъ ходоковъ, разъѣзжая по участкамъ, гналъ съ нихъ ходоковъ другихъ губерній, завѣряя ихъ, что здѣсь всѣ доли зачислены за орловцами и, слѣдовательно, имъ на этихъ участкахъ дѣлать нечего. Поэтому онъ совѣтывалъ ходокамъ искать себѣ доли въ другихъ мѣстахъ и даже строго настаивалъ на ихъ уходѣ отсюда.

Возмущенные ходоки обратились за разъясненіями по этому поводу къ крестьянскимъ начальникамъ 4 и 6 участковъ, при чемъ говорили имъ, что ихъ, ходоковъ, посылали на эти участки чиновники и земскій агентъ въ справочномъ бюро челябинскаго переселенческаго пункта, рекомендуя, какъ лучшіе не только во всемъ Кокчетавскомъ уѣздѣ, но и во всей Акмолинской области. А теперь ихъ гонятъ съ этихъ участковъ. Но, по увѣренію крестьянскихъ начальниковъ, эти 22 участка будто-бы были еще не размежеваны, поэтому зачисленіе на нихъ еще не производилось и начнется не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, т. е. числа 15 іюня. А такъ какъ ходоки (полтавцы, харьковцы и др.) не могли ожидать такъ долго, то просили крестьянскихъ начальниковъ разрѣшить имъ оставить уполномоченныхъ отъ группъ на зачисленіе за ними долей, въ виду того, что сами поѣдутъ на родину. Однако, крестьянскіе начальники такого

разрѣшенія имъ не дали, предложивъ всѣмъ ждать до 15 іюня. Въ то же время—орловцы оставили свои ходаческія свидѣтельства у члена орловской губернской земской управы г. Сурикова и уѣхали на родину, куда эти свидѣтельства были имъ высланы съ зачисленіями за ними долей. Такимъ образомъ, въ отношеніи однихъ ходоковъ,—возможно зачисленіе за ними долей безъ ихъ присутствія, въ отношеніи же другихъ оказалось невозможнымъ. Къ тому же, ходоки, исключая орловцевъ, были еще введены въ заблужденіе относительно времени зачисленія долей на этихъ участкахъ, ибо фактически оно началось гораздо ранѣе 15 іюня.

Возмутительный инцидентъ съ кокчетавскими участками обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ переселенческихъ чиновъ (напр., челябинскаго пункта), возбудившихъ по этому поводу переписку съ районнымъ начальникомъ Акмолинской области г. фонъ Штейнъ. А бахмутскій земскій переселенческій агентъ, В. А. Качановскій, обширными телеграммами въ переселенческое управленіе, будировалъ насчетъ нарушенія принципа свободнаго ходачества въ 4 и 6 участкахъ Кокчетавскаго уѣзда, прося разслѣдовать дѣло. Все-таки мнѣ передавали, что доли этихъ участковъ достались, преимущественно, орловцамъ. И если была учинена такая несправедливость въ одномъ уѣздѣ, то ужъ трудно было не повѣрить лицу, близко стоявшему къ переселенческому дѣлу, что въ уѣздѣ сосѣднемъ съ Кокчетавскимъ—въ Петропавловскомъ, той же области, на 4 и 5 участкахъ, въ то время, какъ тамъ оставалось болѣе $4^1/_2$ тыс. свободныхъ долей, почему-то было отказано въ зачисленіи долей ходокамъ Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ.

Къ дефектамъ свободнаго ходачества надо отнести и нѣкоторые факты по зачисленію долей въ Барнаульскомъ уѣздѣ, Томской губ. Свободныхъ долей въ этомъ уѣздѣ на 1911 годъ не значилось въ официальныхъ переселенческихъ спискахъ. А поэтому переселенческіе чиновники всячески отговаривали ходоковъ отъ поѣздки въ Барнаульскій уѣздъ, куда очень многіе направлялись. Тѣмъ не менѣе, находились ходоки, которые все таки отправились въ этотъ, самый излюбленный переселенцами, уѣздъ и тамъ зачисляли за собою свободныя казенныя доли. Слѣдовательно, въ дѣйствительности, таковыя были въ Барнаульскомъ уѣздѣ. Но

это не было извѣстно переселенческимъ чинамъ, даже ближайшихъ мѣстъ къ нему. Правда, нѣкоторымъ ходокамъ удалось устроиться тамъ, лишь благодаря содѣйствію томскаго губернатора, къ которому они обратились во время его поѣздки по этому уѣзду. А по увѣренію крестьянскихъ начальниковъ, къ которымъ ходоки обращались, у нихъ не было свободныхъ долей. Но онѣ оказались, когда въ это дѣло вмѣшался губернаторъ.

Наконецъ, къ тормозамъ идеи свободнаго ходачества надо отнести и отсутствіе подрайонныхъ и крестьянскихъ начальниковъ въ своихъ канцеляріяхъ, нерѣдко даже въ пору интенсивнаго ходачества. Отсутствуютъ, напр., по случаю поѣздки на осмотръ земельныхъ участковъ или во время сопровожденія губернаторовъ по уѣздамъ. Въ ихъ отсутствіе почему-то не производится зачисленіе долей за ходоками. А при крайне скудныхъ средствахъ ходоковъ, каждый лишній день праздпаго ожиданія у пороговъ канцелярій этихъ начальниковъ крайне чувствительно отражается на бюджетѣ и душевномъ состояніи. Въ силу чего многіе ходоки, уже облюбовавшіе участки, но не дождавшіеся возвращенія начальниковъ, уѣзжаютъ на родину безъ долей, напрасно потративъ и время, и деньги. Такіе факты наблюдались, напр., въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской обл. Здѣсь пришлось ходокамъ ожидать 10 дней возвращенія крестьянскаго начальника 3 уч., сопровождавшаго губернатора въ поѣздкѣ по уѣзду. Нѣкоторые, не дождавшись его, „уѣхали съ пустыми руками“, по ихъ выраженію. О подобныхъ фактахъ разсказывали и ходоки, ѣздившіе въ Томскую губернію.

Все это, несомнѣнно, нарушало основной принципъ свободнаго ходачества, дискредитировало новый порядокъ переселенія. Учитывая все это, нельзя дать иного отвѣта, какъ только отрицательный, на поставленный вопросъ: было-ли ходачество свободнымъ? *Маркъ Диминъ.*

Обозрѣніе русской жизни.

Отходящая въ вѣчность Третья Дума, благодаря выступленіямъ кадетскихъ ораторовъ, на нѣкоторое время снова привлекла къ себѣ вниманіе общества. Никто, конечно, и

ничего уже отъ нея не ждетъ, да и нечего ей дать,—но за послѣдніе дни читатели газетъ все же стали опять заглядывать въ думскіе отчеты. Правда, оживленію въ нихъ интереса способствовали и сами по себѣ вопросы, подлежавшіе дебатамъ. Они слишкомъ всѣмъ близки, чтобы не полюбопытствовать,—какъ отнесется къ нимъ наша именитая „живая покойница". Россія на столько все-таки развилась, что при бюджетныхъ преніяхъ теперь всегда чутко настораживается.

Рѣзкая характеристика дѣятельности министерства юстиціи, сдѣланная В. А. Маклаковымъ при обсужденіи смѣты этого вѣдомства, построена на общеизвѣстныхъ фактахъ, вродѣ дѣла Лопухина, подлоговъ Лыжина, бракоразводнаго процесса Бутовичей и т. п. Но тѣмъ труднѣе оказалось для г. Щегловитова доказывать ея предвзятость.

Напоминаніе о Лопухинѣ онъ парировалъ увѣреніями, что „относительно лопухинскаго дѣла говорилось уже достаточно" и что Маклаковъ „ничего новаго не сказалъ".

Какъ будто мало того, что извѣстно, какъ будто это извѣстное не обязывало къ пересмотру.

Еще неудачнѣе вышла защита г. Лыжина. Не смотря на 37 подлоговъ по процессу „Дашнакцутюнъ" и прежніе—по „Новороссійской республикѣ", министръ пытался представить его Думѣ въ видѣ „рыцаря безъ страха и упрека". Екатеринодарскій окружный судъ, увѣрялъ онъ, „засвидѣтельствовалъ его три безупречныхъ нравственныхъ качества и образцовую закономѣрность". Въ то время, когда вся Россія возмущалась безпримѣрной снисходительностью министерства юстиціи къ своеобразной графоманіи Лыжина, г. Щегловитовъ полагалъ, что надо было, наоборотъ, изумляться „безпредѣльности" проявленныхъ г. Лыжинымъ „человѣческихъ силъ и терпѣнія".

Болѣе глубокаго расхожденія взглядовъ страны со взглядами представителей правосудія, кажется, нельзя даже и вообразить себѣ.

Но можетъ ли быть иначе, если основы права до такой степени утрачены, растеряны, что министръ юстиціи считаетъ вполнѣ нормальнымъ явленіемъ зависимость прокурорскаго надзора отъ администраціи?

Не отрицая приведеннаго В. А. Маклаковымъ факта вынужденнаго перевода прокурора черниговскаго окружнаго

суда Ющенко, министръ заявилъ, что это было сдѣлано все-таки „согласно прошенію“ его. Смѣхъ „слѣва“, раздавшійся послѣ этихъ словъ, заставилъ г. Щегловитова поправиться „изъ кулька въ рогожку“. „Дѣло въ томъ,—объяснилъ онъ,—что прокуроръ Ющенко поставилъ себя въ невозможное положеніе къ черниговскому губернатору Маклакову, но министръ, какъ генералъ-прокуроръ, не можетъ допустить, чтобы прокуроръ ставилъ себя въ невозможныя отношенія къ губернатору“.

Гдѣ ужъ тутъ прокурорамъ заботиться о предупрежденіи и пресѣченіи злоупотребленій въ стилѣ рейнботовщины, если ихъ любой губернаторъ можетъ выселить „согласно прошенію“. Недаромъ же она расцвѣла у насъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ.

Если обсужденіе смѣты министерства юстиціи обратилось въ приговоръ надъ высшимъ руководителемъ представителей нашего правосудія, то обсужденіе смѣты департамента государственныхъ имуществъ—въ оцѣнку аграрной политики правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Третьей Думы.

Изъ собранныхъ трудовикомъ Н. Я. Ляхницкимъ данныхъ за 1908—1910 гг. видно, что „освобожденіе“ деревни отъ земельной собственности подвигается впередъ довольно быстрыми шагами и что послѣдняя сосредоточивается по преимуществу въ рукахъ зажиточныхъ крестьянъ. Въ Ставропольской губерніи, представителемъ которой состоитъ онъ, появились даже особые „земельные маклера“. Высмотрѣвъ податливаго или нуждающагося мужика, они начинаютъ уговаривать его закрѣпить надѣлъ, выхлопатываютъ ему всѣ документы, а затѣмъ находятъ и покупателя. Земли эти продаются тамъ теперь „по баснословно дешевымъ цѣнамъ“, и такъ какъ полученныя деньги очень быстро проѣдаются, то параллельно съ обезземеленьемъ растутъ „воровство и грабежи“.— Трудовикъ Петровъ-3, М. В. Барыбинъ и др. тоже указываютъ на развитіе деревенскаго пролетаріата, на отрицательное значеніе хуторского и отрубного хозяйства.

Правый С. И. Келеповскій, хотя и увѣряетъ, будто аграрная политика правительства въ Херсонской губерніи идетъ очень успѣшно, тѣмъ не менѣе жалуется на „аграрный терроръ“: выселяющихся на хутора тамъ „не только сжигаютъ, но и убиваютъ“. Рекомендуя отвѣчать на насиліе насиліемъ,

г. Келеповскій рекомендовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать это не подъ вліяніемъ импульса, а подъ вліяніемъ „холоднаго здраваго разсудка". И привелъ въ примѣръ „елисаветградскія событія, гдѣ было повѣшено по приказанію покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ Столыпина свыше 70 человѣкъ, и это осталось неизвѣстнымъ. Это дѣлалось цѣлесообразно. Газетамъ приказано было молчать, и, такимъ образомъ, полное успокоеніе наступило".

Вѣрнѣе этого средства ужъ, конечно, нѣтъ,—до разговоровъ ли повѣшеннымъ!... Они во всякомъ случаѣ не „проболтаются" до погребенія иначе, какъ на веревкѣ, а газеты, которымъ „приказано молчать", разумѣется, не полѣзутъ добровольно въ петлю.

Но открытіе ошеломляющее: кромѣ военно-полевыхъ судовъ, карательныхъ экспедицій, были еще значитъ, „просто" „приказы", отправлявшіе на тотъ свѣтъ по 70 душъ за разъ...

Хотя г. Келеповскій и не сказалъ—что это за „елисаветградскія событія", но едва ли все-таки даже и столыпинское лѣкарство помогаетъ при каждомъ недугѣ. Аграрныя преступленія на почвѣ закона 9 ноября стали хронической болѣзнью, передъ которой пассуютъ и такія сильно дѣйствующія средства.

„Юго-западные крестьяне,—говорилъ въ своей рѣчи правый Пахальчукъ (крестьянинъ),—въ высшей степени мирные и законопослушные; они очень терпѣливы; но для чего ихъ доводить до того, чтобы они вышли изъ терпѣнія; тогда вѣдь будутъ счеты плохіе".

Да и гдѣ они „не мирные"? Только прижатая къ стѣнѣ, доведенная до отчаянія, можно сказать, уходя на дно, деревня хватается за колья, керосинъ и спички. Законъ 9 ноября, несомнѣнно, ускоритъ переходъ отъ пассивнаго подчиненія судьбѣ къ активной борьбѣ за существованіе. Но вѣдь давно ужъ сказано: „послѣ насъ хоть потопъ!..

Кому пошло на пользу „землеустройство", —такъ это—дворянскому банку. Функціонировалъ онъ за послѣдніе годы довольно вяло, а тѣмъ не менѣе, пишутъ „Русскія Вѣдомости", „его запасной капиталъ сталъ расти и къ концу 1910 года достигъ почти 11-ти милліоновъ рублей и при томъ не фиктивныхъ, какъ прежде, а реальныхъ". Когда

крестьянскій банкъ началъ скулать земли, дворяне, напуганные „аграрными волненіями и носившимся въ воздухѣ принудительнымъ отчужденіемъ“, стали ихъ охотно продавать ему. Благодаря этому обстоятельству, дворянскій банкъ не только „сбылъ съ своей шеи массу недоимочныхъ залоговъ“, но и пріобрѣлъ „крупнаго и аккуратнаго кліента въ лицѣ своего собрата, крестьянскаго банка“. А продавцы-дворяне тоже не остались въ накладѣ, такъ-какъ послѣдній покупалъ земли по высокой цѣнѣ, которую, въ свою очередь, заплатятъ за нихъ крестьяне.

На смѣтѣ тюремнаго управленія Государственная Дума не очень долго задерживалась. „Русское Слово“ объясняетъ это тѣмъ, что „понемногу къ фактамъ привыкли, цифры примелькались“.

Если дѣло стоитъ такъ для членовъ Думы, то г. Хрулеву тѣмъ болѣе впору забыть содержаніе своихъ циркуляровъ.

Не только два русскихъ профессора, но даже иностранцы заявилъ онъ, дали самые лучшіе отзывы о варшавской и ярославской каторжныхъ тюрьмахъ.

Двѣ сносныхъ тюрьмы почти на 200 тысячъ арестантовъ, изъ которыхъ до 40% долгосрочныхъ,—какъ будто, не такъ ужъ много, чтобы могло быть въ нихъ просторно. Объ остальныхъ же г. Хрулевъ благоразумно, помолчалъ. Поговорили, правда, о пермской, но такъ какъ она даже не тюрьма, по его заявленію, а лишь исправительное арестантское отдѣленіе, то, очевидно, нельзя къ ней и предъявлять такихъ требованій, какъ къ варшавской или ярославской. Нужды нѣтъ, что въ этомъ исправительномъ отдѣленіи тоже сидятъ „долгіе годы“ „въ темныхъ и сырыхъ, переполненныхъ,—по словамъ „Права“—въ три раза свыше нормы“ камерахъ, изъ которыхъ выпускаютъ на прогулку „только два раза въ годъ, на Рождество и на Пасху“.

Нѣсколько первѣе отозвалась Государственная Дума къ вопросу о государственной оборонѣ.

Наша артиллерія, оказывается, до сихъ поръ еще пребываетъ въ архаическомъ состояніи. Русская винтовка, напримѣръ, скоро выслужитъ пенсію—ей 20 слишкомъ лѣтъ. Снабженіе арміи пулеметами—производится „въ смѣхотворномъ размѣрѣ“. По количеству орудій вообще—Россія вдвое

слабѣе Германіи. Тяжелой и осадной артиллеріи у насъ почти нѣтъ и полное отсутствіе гранатъ.

Третья Дума для защиты государства не скупилась—за послѣднія пять лѣтъ бюджетъ военнаго вѣдомства увеличился почти на 30%, а на текущій годъ онъ будетъ равняться 563 милл. рублей.

До того не скупилась, что къ началу года у него остались 80 милл. рублей даже не израсходованными, лишними. И несмотря на это, по заявленію докладчика, А. И. Гучкова, „состояніе матеріальной части въ области артиллерійскаго управленія на столько неудовлетворительно, чта заставляетъ опасаться за государственную оборону".

А между тѣмъ, въ воздухѣ постоянно пахнетъ порохомъ: то обострятся отношенія съ Турціей, то Австрія разсердится, то Германія устроитъ маневры у самой границы.

И нѣтъ даже никакой надежды, чтобы мы могли въ скоромъ времени наверстать упущенное, такъ какъ „простая передача полученнаго отъ морского вѣдомства заказа, по свидѣтельству А. И. Гучкова,—на соотвѣтствующемъ заводѣ требуетъ не менѣе шести мѣсяцевъ".

Однимъ словомъ, все обстоитъ по-прежнему, что не помѣшало Третьей Думѣ принять всѣ смѣты на оборону. Полумилліардная ассигновка на выполненіе „малой" судостроительной программы возсозданія Балтійскаго флота тоже имѣетъ шансы пройти: газеты уже сообщили, что коммиссія государственной обороны приняла ее „единогласно", хотя наканунѣ утверждали, что вопросъ этотъ „вызываетъ большія сомнѣнія".

За одну ночь неоткуда было взяться столь убѣдительнымъ доводамъ, чтобы не осталось мѣста для сомнѣній. Но они разсѣялись не потому, „что почва подъ ними исчезла", говоритъ „Рѣчь", а потому, что „сомнѣвающіеся сами исчезли, уклонившись отъ отвѣтственности". И во главѣ этихъ исчезнувшихъ—тотъ самый А. И. Гучковъ, который чуть тоже не наканунѣ распространялся объ октябристскихъ заботахъ по охранѣ „дорогого" отечества.

Сводя счеты съ „лѣвыми" и обвиняя ихъ въ полной неспособности къ самокритикѣ, онъ восклицалъ: „Мы не таковы! Мы пришли сюда пять лѣтъ тому назадъ съ тяжелой язвой въ душѣ, нанесенной намъ исчезнувшими иллю-

зіями, тяжелыми пораженіями, безпросвѣтными перспективами. Мы отдали дѣлу возстановленія нашей военной мощи всю нашу добрую волю, всѣ наши силы, все наше знаніе".

Но когда же рекламировать себя, какъ не передъ выборами. Тамъ еще избиратель соображай,—кто именно сидѣлъ въ кустахъ, а бубны и литавры гремятъ: „Мы не таковы!" „Мы Римъ спасли!"

Екатеринославскіе октябристы, не надѣясь, повидимому, что громъ этихъ литавровъ будетъ слышенъ на такомъ далекомъ разстояніи, выпустили „предвыборную клятву". Они клянутся, сообщаетъ „Русское Слово", охранять права Думы, выработать законы о свободѣ личности, о свободѣ печати, собраній, объ охранѣ труда рабочихъ и приказчиковъ и пр., и пр.

Т. е. все то, что они могли сдѣлать, но не сдѣлали и чего отъ нихъ,—жди хоть сто лѣтъ, не то что снова пять,—все равно не дождешься. Екатеринославскіе рулады испорчены къ тому же тверскими и ростовско-донскими диссонансами: тамошніе октябристы, отбросивъ всякія стѣсненія, заключаютъ предвыборные блоки съ націоналистами. „Ради общественной пользы", объясняютъ они, необходимо относиться бережно къ каждому голосу.

Говорить о защитѣ труда рабочихъ и приказчиковъ нѣсколько поздновато, но въ сумятицѣ-то обыкновенно и сбывается залежалый товаръ.

А сумятица, несомнѣнно, будетъ: уже отъ 2 мая телеграфировали „Рѣчи", что въ Ревелѣ предвыборныя собранія крестьянъ администраціей воспрещены. Въ такихъ условіяхъ наиболѣе слабые неустойчивые элементы, изъ страха упустить совсѣмъ изъ рукъ Думу, со вздохомъ потянутся и за гучковскимъ гнильемъ.—авось, дескать, не расползется, дастъ дотерпѣть до настоящей выразительницы нашихъ нуждъ...

Вѣдь они не убываютъ, эти нужды, а множатся съ каждымъ годомъ.

Одной изъ неотложныхъ признавало само правительство это—развитіе нашего земледѣлія.

Перваго апрѣля нынѣшняго года кончился льготный пропускъ иностранныхъ сельско-хозяйственныхъ уборочныхъ машинъ. Министерство торговли и промышленности

представило свой законопроектъ заблаговременно — еще 11 сентября прошлаго года. Государственная Дума, вмѣсто того, чтобы передать въ сельско-хозяйственную коммиссію, передала его въ финансовую, гдѣ онъ провалялся цѣлыхъ полгода. Затѣмъ все дѣлается на спѣхъ: передача его на заключеніе сельско-хозяйственной коммиссіи, обсужденіе дважды въ Думѣ, единожды—въ Государственномъ Совѣтѣ и согласительной коммиссіи, и блинъ былъ испеченъ.

Въ проектъ о мѣрахъ къ поощренію сельско-хозяйственнаго машиностроенія Совѣтомъ внесены такія измѣненія, что онъ принесетъ пользу крупнымъ заводчикамъ, а земледѣлію—лишь вредъ.

Такимъ образомъ, земледѣліе опять остается при „печальномъ интересѣ", ради нуждъ промышленности.

Въ сущности, правительство совершенно запуталось, пытаясь примирить непримиримое. Пойти направо—коня, т. е. промышленность, потеряешь, налѣво—жизни, т. е. земледѣлія, лишишься.

„Задача правительства,—объявилъ на происходящемъ съѣздѣ промышленниковъ В. Н. Коковцовъ, — заключается въ томъ, чтобы развивать фабрично-заводскую промышленность и торговлю и развивать основной промыселъ государства—промыселъ земледѣльческій". Министръ просилъ своихъ слушателей всегда памятовать о сочетаніи этихъ двухъ факторовъ экономической жизни, а не о противоположеніи ихъ.

Совѣтъ, конечно, правильный, но нельзя сказать, чтобы легко выполнимый. Какое коню дѣло до жизни хозяина? Въ минуту опасности онъ постарается „закусить удила", и хозяинъ, разумѣется, полетитъ кувыркомъ.

„Мы должны памятовать о внутреннемъ рынкѣ". „Внутренній рынокъ содержитъ въ себѣ огромную силу поглощенія,"—убѣждалъ министръ, а промышленники, вѣроятно, думали: но еще бы проще—залѣзти въ чужіе овсы, т. е. повысить пошлину, получить вывозную премію, казенный заказъ и пр., и пр.

И не только думали, но и высказывали.

Они не желаютъ ревизій по провѣркѣ гербоваго сбора,— она „должна допускаться не иначе, какъ либо съ согласія владѣльца, либо по постановленію суда", а „штрафы, пре-

вышающіе 300 рублей, должны налагаться исключительно по постановленію суда".

Нашъ новый гербовый уставъ безтолковъ, сумбуренъ и несправедливъ. Въ немъ не могутъ разобраться сами податные инспектора. По ихъ толкованью, напримѣръ, должны оплачиваться одинаково 5-ти копѣечной маркою какъ квитанціи изданія, стоящаго 20 коп. въ годъ (была, говорятъ, такая казенная газетка, называвшаяся чуть ли не „Чтеніе для солдатъ") и квитанція „Новаго Времени". Но это все-таки не основаніе для привилегій промышленникамъ. Если они гонятся даже за такими мелочами, то какъ имъ памятовать, что безъ хозяина не будетъ и овса? При удобномъ случаѣ они всегда не прочь зажевать вмѣстѣ съ овсомъ и ту полу кафтана, въ которой онъ имъ подставленъ.

Дирижеръ хора промышленниковъ, предсѣдатель съѣзда Г. А. Крестовниковъ это немедленно и доказалъ, увидѣвъ въ отношеніи правительства залогъ новой эры развитія экономическихъ силъ страны; а эта эра для него состоитъ въ томъ, что „торговля и промышленность выдвинутся на первый планъ и получатъ надлежащее значеніе".

Человѣку говорятъ „сочетайтесь", „ваше мѣсто рядышкомъ, на двоихъ", а онъ держитъ на умѣ — „я и самъ могу быть „планомъ", на двухъ то мѣстахъ мнѣ просторнѣй".

Съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало ухаживать за промышленниками, начали повышаться и претензіи ихъ на роль примы-балерины: не надо гербовыхъ ревизій, не надо узаконеній о сточныхъ водахъ, ничего не надо, что мѣшаетъ занять всю арену.

До чего дошли эти претензіи,—выяснилось на земскомъ областномъ съѣздѣ въ Кіевѣ.

Съѣздъ этотъ, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей", удѣлилъ немало времени полемикѣ съ русскими фабрикантами земледѣльческихъ машинъ и орудій. Поводомъ для нея явилась брошюра „Земская торговля сельско-хозяйственными машинами и орудіями".

Она была издана съѣздомъ фабрикантовъ и представляетъ собою „обвинительный актъ противъ земства", какъ торговца-конкуррента.

Если бы правительство прислушалось къ голосу авто-

ровъ брошюрки и пожелало бы утереть слезы промышленниковъ, то оно должно было бы немедленно воспретить земствамъ торговлю земледѣльческими орудіями. Ибо, вотъ, каковы плоды „земской торговой политики“:

1) задержка развитія земскихъ операцій по снабженію сельскохозяйственными машинами и орудіями; 2) задолженность фабрикантамъ; 3) задержка въ развитіи отечественнаго сельскохозяйственнаго машиностроенія и замедленіе техническаго прогресса; 4) возрастающій ввозъ иностранныхъ машинъ.

О томъ, что при покупкѣ ихъ у земства крестьяниномъ сберегается по самому „скромному разсчету“ „рубль на десятину“, авторамъ брошюры, конечно, нѣтъ дѣла. Они знаютъ одно: чѣмъ дешевле цѣны, тѣмъ скуднѣе „урожай“ купоновъ. Они только и могутъ „совмѣститься“ съ такимъ „купоннымъ“ земледѣліемъ. Да и то предпочитаютъ, чтобы ихъ сѣяло правительство, а имъ бы предоставило собирать жатву.

Исторія такого посѣва, на сумму въ 6 милліоновъ рублей, обнаружилась недавно въ Харьковѣ и вызвала, какъ передаетъ вышеупомянутая газета, большую сенсацію среди мѣстныхъ финансистовъ и горнопромышленниковъ. Рѣчь идетъ о 6-ти милліонной субсидіи, выданной въ свое время съ разрѣшенія С. Ю. Витте, Алексѣевскому горнопромышленному обществу. Оно было основано извѣстнымъ А. К. Алчевскимъ, прогорѣвшимъ затѣмъ и покончившимъ съ собой. Послѣ его смерти-то министерство финансовъ и пришло на помощь этому обществу, дѣла котораго съ такимъ капиталомъ, какъ 6 милліоновъ, быстро пошли въ гору. Правительство, очевидно, запамятавъ о нихъ, погашенія ссуды не требовало. Года два тому назадъ все предпріятіе было продано французской компаніи, и вмѣсто приходившихся, считая съ процентами, 8 милл. рублей, государственный банкъ получилъ всего около 3-хъ милліоновъ.

Вотъ во что обходится самой казнѣ утираньe промышленной слезы даже отдѣльныхъ предпріятій, а прямыхъ и косвенныхъ убытковъ населенія страны даже не учесть никакимъ статистикамъ. Все здоровое, нужное растетъ безъ всякихъ колпаковъ и подпорокъ. Все требующее ихъ рано или поздно кончается крахомъ.

Когда-то правительство такъ же, какъ теперь съ промышленностью, няньчилось съ кредитными учрежденіями: они выростали, какъ грибы послѣ дождя, но за-то и лопались, какъ дождевые пузыри. Отъ Рыковыхъ, отъ скопинскихъ банковъ пошли и даже превзошли ихъ Печенкины, Захаріи Ждановы, Толстопятовы и прочіе, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси. Ростъ числа кредитныхъ учрежденій, говорили, является наилучшимъ показателемъ экономическаго оживленія, а слѣдовательно, — и преуспѣянія страны. Зачѣмъ бы, молъ, занимать людямъ подъ solo-векселя, кабы у нихъ не было торговыхъ дѣлъ. Въ концѣ же концовъ, все какъ-то оказывалось, что и solo-векселя, и текущіе вклады одинаково проѣдались, только разными лицами.

Изъ современныхъ кредитныхъ панамъ самой, кажется, эфектной является траги-комедія николаевскаго Властелицы, который, по странному совпаденію, тоже обойдется Россіи въ 6 милліоновъ рублей.

Властелицѣ покровительствовалъ не самъ министръ финансовъ, а товарищъ министра Баркъ.

Благодаря столь высокому покровителю, Властелица жилъ припѣваючи. По добротѣ своей или не желая искушать капризницу судьбу, онъ дѣлился выпавшими ему благами судьбы съ мелкими служащими николаевскаго кредитнаго общества. Это выражалось въ покупкѣ на ихъ имя разнаго недвижимаго барахла и въ выдачѣ подъ это барахло огромныхъ ссудъ изъ „кредитки“, при чемъ разница между покупной и залоговой стоимостью поступала „за коммиссію“ въ его собственный карманъ. Не были, разумѣется, забыты и всѣ остальные способы великихъ предшественниковъ по части опустошенія кассъ. Но г. Властелица, живя въ вѣкъ аэроплановъ и прочаго, не могъ забыть о „чернильной опасности“ и типографскихъ станкахъ. Какъ человѣку занятому, ему некогда было заниматься писаньемъ опроверженій на основаніи устава о цензурѣ и печати. Поэтому онъ приспособилъ къ „кредиткѣ“ цензора, носящаго, по увѣренію Василевскаго-Буквы, странную фамилію „Кровопускова“. Состоя чиновникомъ при николаевскомъ градоначальникѣ, цензоръ Кровопусковъ числился одновременно „товарищемъ председателя кредитнаго общества“. Когда мѣстныя газеты

пробовали открыть ротъ по поводу дѣлъ или порядковъ послѣдняго. Кровопусковъ прописывалъ маленькое кровопусканіе въ видѣ штрафовъ, и рты закрывались.

За-то онъ и нажилъ сто-тысячный капиталъ... да тюрьму, гдѣ сидитъ теперь вмѣстѣ со своимъ патрономъ Властелицей.

И для довѣрчивыхъ покровителей, говорятъ, тоже получились кой-какія непріятности...

Новыя правила выдачи ссудъ переселенцамъ.

Свою устроительную и организаціонную дѣятельность въ періодъ 3-й Государственной Думы переселенческое вѣдомство завершаетъ проектами двухъ законовъ, внесенныхъ на послѣднихъ дняхъ бытія Думы.

Объ одномъ изъ нихъ—о продажѣ переселенческихъ участковъ я уже говорилъ. Остановлюсь здѣсь на другомъ—объ измѣненіи правилъ о выдачѣ ссудъ на хозяйственное устройство переселенцевъ.

Любопытную особенность этого законопроекта составляетъ то, что предположенія, развитыя въ объяснительной запискѣ, не нашли себѣ полнаго отраженія въ текстѣ проекта закона.

По существующему закону переселенцамъ могутъ быть выказываемы пособія отъ правительства, между прочимъ, выдачею ссудъ на хозяйственное устройство. Ссуды не должны превышать 165 р. на семью, а въ областяхъ Амурской и Приморской 200. Ссуды выдаются только нуждающимся и при томъ не поровну, а въ размѣрѣ дѣйствительно выясненной потребности каждой отдѣльной семьи.

По даннымъ вѣдомства, средній размѣръ выданныхъ на каждую семью водворившихся переселенцевъ ссудъ въ 1910 году колебался отъ 53 р. (Томскій районъ) до 74 р. (Иркутскій) и отъ 110 р. (Амурскій) до 159 р. (Забайкальскій районъ), при чемъ общая сумма этого кредита въ 1910 г. достигла суммы въ 10 милл. рублей.

Въ видахъ, съ одной стороны, регулированія потока переселенцевъ въ цѣляхъ направить ихъ въ мѣстности наиболѣе желательныя для скорѣйшаго заселенія, съ другой, для установленія опредѣленности и ясности въ дѣлѣ ссудной помощи, записка отмѣчаетъ необходимость:

1, предоставить главноуправляющему размѣръ ссудной помощи опредѣлять на трехлѣтіе разно для разныхъ районовъ, повышая его въ трудныхъ для заселенія и понижая, или даже совершенно уничтожая, этотъ видъ помощи въ районахъ легкихъ для заселенія;

2, предоставить получать установленное пособіе каждой переселенческой семьѣ, независимо отъ ея имущественнаго положенія.

Опредѣляя необходимую для полнаго устройства семьи сумму въ 500 р. для Западной Сибири и въ 800 р. для дальне-восточныхъ областей, записка отвергаетъ возможность, по чисто финансовымъ соображеніямъ, оказывать ссудную помощь въ этомъ размѣрѣ. Предѣльнымъ, высшимъ размѣромъ правительственной ссуды она полагаетъ достаточнымъ принять половину дѣйствительной стоимости водворенія—250 р. для Западной Сибири и 400 р. для Дальняго Востока.

Въ цѣляхъ привлеченія переселенцевъ именно на Дальній Востокъ, кромѣ увеличенныхъ ссудъ, проектировало оказывать прочно устроившимся тамъ особую льготу въ видѣ выдачи нѣкоторой части (не свыше половины) въ безвозвратное пособіе.

Таковы предположенія, выраженныя въ объяснительной запискѣ. Одно изъ главныхъ—это установленіе за переселенцами *права на ссуду*.

Обращаемся къ законопроекту. Онъ состоитъ изъ 4-хъ пунктовъ: 1) о предоставленіи главноуправляющему права на трехлѣтіе устанавливать размѣръ ссудъ по районамъ, 2) о предѣльныхъ размѣрахъ ссудъ, 3) о льготахъ для переселенцевъ въ дальне-восточныхъ областяхъ, 4) о порядкѣ испрошенія ссуднаго кредита передъ законодательными учрежденіями.

Того, на чемъ особенно останавливается записка—права каждой семьи на полученіе равной съ другими ссуды, въ самомъ текстѣ закона мы не находимъ.

Докладчикъ по этому законопроекту въ переселенческой коммиссіи Государственной Думы К. Е. Сувчинскій заявилъ, что находитъ его мало разработаннымъ, вносящимъ мало опредѣленности въ дѣло это и предоставляющимъ главноуправляющему очень много свободы въ постановкѣ ссудной

помощи. Онъ предлагалъ законопроектъ оставить безъ разсмотрѣнія до 4-й Государственной Думы.

Переселенческая коммиссія съ этимъ не согласилась и избрала другого докладчика М. И. Смирнова, обѣщавшаго управиться съ проектомъ до конца полномочій Госуд. Думы.

И, дѣйствительно, черезъ недѣлю онъ былъ готовъ доложить законопроектъ, но уже не въ редакціи правительства, а въ своей. Число статей съ 4-хъ у него возросло до 15-ти. Въ его проектѣ уже были поставлены всѣ точки надъ і и пунктъ 6-й гласилъ;

„Каждой переселенческой семьѣ предоставляется право на полученіе установленныхъ въ районѣ ея водворенія ссуды и пособія въ полномъ размѣрѣ".

Очевидно, не безъ предварительнаго согласія съ вѣдомствомъ докладчикомъ сдѣланы были измѣненія.

Въ чемъ же дѣло? Чѣмъ объясняется перѣшительность вѣдомства, толкающаго, однако, думскую коммиссію провести въ законѣ недоведенную до конца мысль, не ей принадлежащую?

Никакая идея не можетъ быть понята безъ ея исторіи. И вопросъ о ссудной помощи переселенцамъ имѣетъ свою исторію.

Несовершенство организаціи ссудной помощи выяснилось давно. Помощь эта вылилась въ уродливыя формы „пособій" и, вопреки ея наименованію „ссудной", утратила всякое значеніе здоровой кредитной операціи.

Для устройства переселенцевъ на мѣстахъ необходимы деньги или кредитъ: это очевидно. Фактическій размѣръ ссудъ былъ такъ ничтоженъ, спускаясь иногда до нѣсколькихъ рублей на семью, что серьезной роли въ дѣлѣ устройства переселенцевъ не игралъ. Ссудная помощь была однимъ изъ тѣхъ миражей, которыми опекающее всѣхъ и вся начальство успокаиваетъ бюрократическую совѣсть.

Въ дѣйствительности переселенцы въ громадномъ большинствѣ случаевъ должны были изыскивать свои пути и способы организовать себѣ кредитъ и находили его у старожиловъ, гдѣ послѣдніе были близки, а въ удаленныхъ районахъ при отсутствіи этой людской помощи многіе годы влачили жалкое существованіе, постепенно прибѣгая къ правительственной помощи, но уже не на „домообзаводство", а на продовольствіе.

Для мѣстныхъ дѣятелей ясно было, что вопросъ о ссудной помощи долженъ разсматриваться во всей широтѣ; что не подачки въ 10, 20, даже 50 руб. нужны переселенцамъ, а широкій кредитъ; что организація кредита немыслима безъ организаціи самихъ переселенцевъ, такъ какъ никакую серьезную кредитную помощь нельзя наладить, имѣя дѣло съ отдѣльными Иванами, Сидорами и Петрами.

Важность вопроса требовала тщательнаго его изученія. Но подняться на принципіальную высоту въ этомъ вопросѣ вѣдомство или не пожелало, или не умѣло.

Однако во 2-ю Государственную Думу переселенческое управленіе внесло новыя правила о ссудахъ на хозяйственное устройство переселенцевъ. Вторая Государственная Дума не успѣла ихъ разсмотрѣть. А въ Третью Думу они внесены не были—правительство взяло законопроектъ обратно.

Въ объяснительной запискѣ и тамъ отмѣчалось неудобство того, что ни одинъ переселенецъ не знаетъ заранѣе, на какую именно помощь отъ казны онъ вправѣ разсчитывать, рѣшаясь на трудный шагъ, „къ которому *поощряетъ* правительство“.

Въ то доброе старое время, время безбрежныхъ мечтаній, вѣдомство было благодушно откровенно и писало:

„старыя правила представляются устарѣвшими, тѣмъ болѣе, что правительственная помощь переселенцамъ оправдывается нынѣ (!) отнюдь не одною уже ихъ несостоятельностью, но и необходимостью особаго поощренія переселеній, въ видахъ содѣйствія землеустройству крестьянъ въ районахъ выселенія“.

Поэтому, новыя правила проектировали обязательную выдачу каждой семьѣ опредѣленной для каждаго района ссуды въ полномъ ея размѣрѣ.

Надлежащая постановка ссудной помощи переселенцамъ на столько важна для государства, въ особенности въ условіяхъ настоящаго времени, писало тогда вѣдомство, что противопоставлять ей бюджетныя соображенія представлялось бы едва ли цѣлесообразнымъ.

Вотъ оно происхожденіе *равнаго права* на ссуду.

Прошло 5-ть долгихъ лѣтъ. Кредиты на ссудную помощь въ смѣтѣ вѣдомства сильно возросли. Вѣдомство вооружило

себя значительными кредитами на статистическія работы. И практики, какъ и возможности ознакомиться съ постановкой дѣла ссудной помощи, было достаточно. Вѣдомство ихъ не использовало.

Оно стряхнуло пыль со спрятанаго законопроекта, измѣнило мотивчики, и готовъ новый проектъ.

Въ переселенческой комиссіи представителю вѣдомства былъ заданъ вопросъ—чѣмъ объясняется отсутствіе въ проектѣ закона указанія о правѣ переселенцевъ на ссуды въ равномъ размѣрѣ, хотя мысль о необходимости этого настойчиво проводится въ запискѣ, а въ проектѣ правилъ, внесенныхъ во 2-ю Государственную Думу, гдѣ она была выражена и въ этихъ правилахъ?

Г. В. Глинка объяснилъ. Причина проста: въ междувѣдомственномъ совѣщаніи эта формула вызвала рѣшительныя возраженія со стороны финансоваго вѣдомства.

И совершенно справедливо, полагаю я, такъ какъ декларація этого права на ссуду въ опредѣленномъ размѣрѣ могла бы повести къ цѣлому ряду крупнѣйшихъ недоразумѣній.

Одно дѣло знать и разсчитывать на правильно организованный кредитъ въ потребныхъ для постановки хозяйства размѣрахъ и другое—тянуться за радужной или иного цвѣта кредитной бумажкой.

Переселенческая коммиссія почти единогласно исключила эту декларацію права на ссуду изъ законопроекта въ редакціи г. Смирнова. А затѣмъ законопроектъ принятъ въ этой редакціи, а не въ правительственной.

Вопросъ о дѣйствительной ссудной помощи переселенцамъ какъ былъ, такъ и остался не разрѣшеннымъ.

Н. Скалозубовъ.

Къ землеустройству на Алтаѣ.

Землеустройство въ Алтайскомъ округѣ идетъ необыкновенно быстрымъ темпомъ. Планъ выработанъ, заданія даны и, благодаря удобному землеустроительному закону, всѣ препятствія, оказывающіяся на пути, стираются безпощадно. Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ происходитъ много трудно поправимыхъ ошибокъ, отъ которыхъ страдаютъ, конечно, крестьяне. Въ качествѣ иллюстраціи можетъ

служитъ одинъ характерный случай изъ сотни ему подобныхъ.

Въ глуши Барнаульскаго уѣзда, въ 200 в. отъ города, въ 400 в. отъ желѣзной дороги, среди солонцевъ и болотъ, пріютилось село Мормыши *). За неимѣніемъ на своемъ надѣлѣ по близости удобныхъ земель, мормышанцы съ давнихъ поръ распахивали пустопорожнія пространства, принадлежащія кабинету, подъназваніемъ „Маяки". Здѣсь на пашняхъ поставили они избы, устроили дворы, вырыли колодцы. Земля эта никому была не нужна,—кабинетъ не взималъ съ мормышанцевъ никакой платы, и они пользовались землей на правахъ собственности десятки лѣтъ, показывая ее въ своемъ владѣніи при развертскѣ государственной оброчной подати. Въ послѣдніе годы передъ землеустройствомъ нѣсколько богатыхъ крестьянъ, желая отмежеваться отъ бѣдноты и закрѣпить за собой лучшія, занятыя ранѣе вышеуказаннымъ порядкомъ, земли, сами предложили кабинету аренду. Былъ полный разсчетъ: заплатить гроши и быть независимыми отъ общества. Это послужило основаніемъ для кабинета считать пустопорожнее пространство „Маяки" оброчной статьей кабинета и при томъ такой статьей, которая „безусловно нужна" ему.

Не было у мормышанцевъ въ собственномъ надѣлѣ и сносныхъ покосовъ. Покосами они пользовались въ кабинетскихъ боровыхъ полянахъ.

Началось землеустройство. Порядокъ его въ Мормышахъ ничѣмъ не отличался отъ этихъ работъ въ другихъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа. Дѣлалась съемка мѣстности, проводились грани, ставились столбы, въ законномъ порядкѣ предъявлялось все сходамъ и уполномоченнымъ, всѣ возраженія, на точномъ основаніи закона, оставлялись безъ удовлетворенія, и, въ концѣ концовъ, земельный надѣлъ утверждался губернскимъ управленіемъ, какъ угодно было чиновникамъ кабинета. Такъ было и въ Мормышахъ: „Маяки" и боровыя поляны были изъяты изъ пользованія крестьянъ. Первая—какъ оброчная статья кабинета, а вторыя въ цѣляхъ сохраненія лѣсовъ. Въ результатѣ Мормыши такъ были

*) Мормыши—маленькія козявки, съ пшеничное зерно,—водятся въ болотахъ.

устроены, что у нихъ не осталось ни пашенъ, ни сѣнокосовъ Урочище Маяки имъ предложено было арендовать.

Опредѣленіе общаго присутствія вошло въ законную силу и наступило время предъявленія отводной записи. Но канцелярская работа—одно, а требованіе мужицкаго нутра—другое. Мормышанцы заволновались и, потерявъ надежду получить землю въ законномъ порядкѣ, поставленные въ безвыходное положеніе,—какъ жить безъ земли—рѣшили не принимать спроектированный и утвержденный надѣлъ. Приговоромъ отъ 21 января 1912 года ими постановлено: пахать землю урочища Маяки всѣмъ обществомъ безъ всякаго арендованія, такъ какъ таковое фактическое наше владѣніе".

Въ виду угрожающаго положенія, принятаго крестьянами, предъявленіе отводной записи было отложено, дабы они успокоились. И одновременно предложено крестьянскому начальнику убѣдить мормышанцевъ подчиниться состоявшемуся рѣшенію,—которое, какъ окончательное, измѣнено не можетъ быть,—уговорить ихъ арендовать землю. При этомъ обѣщана была самая легкая аренда. Исправникъ же получилъ другое порученіе: выслѣдить агитаторовъ и принять мѣры къ недопущенію безпорядковъ.

Началась слѣжка. Въ Мормышахъ водворились два агента, ѣздилъ туда исправникъ, ѣздилъ нѣсколько разъ крестьянскій начальникъ, побывалъ даже самъ начальникъ округа, Михайловъ. Но, увы! безъ всякихъ результатовъ. Крестьянское нутро, требующее хлѣба, не поддалось на убѣжденія и повторяло то же, что землемѣру, проходившему грани, что въ коммиссіи по землеустройству и, наконецъ, въ общемъ присутствіи губернскаго управленія: что „отнятой землей мы пользуемся съ незапамятныхъ временъ", что „это ископное наше владѣніе", что „за это владѣніе мы и отцы наши уплачивали подати", что „у насъ тамъ избы, риги, землянки, колодцы", что „это единственная пахатная земля во всей грани нашего надѣла, такъ какъ остальная земля подсолопки и для хлѣбопашества не пригодна. Если и родится на ней хлѣбъ, то изъ 10 лѣтъ въ одинъ годъ". „Вотъ уже,—напоминали они,—три года неурожай и за два года не плачены подати. А если бы не сѣяли на Маякахъ, то и кормиться было бы не чѣмъ. Почему при землеустройствѣ урочище „Маяки" не попало въ нашу грань для насъ остается неизвѣстной тайной".

И много еще скорби излили крестьяне предъ крестьянскимъ начальникомъ, исправникомъ, производителемъ работъ и начальникомъ округа. Но на всѣ ихъ стоны былъ одинъ отвѣтъ: „ничего сдѣлать нельзя. Постановленіе губернскаго управленія окончательное, и даже правительствующій сенатъ не можетъ отмѣнить его, потому, что въ опредѣленіи губернскаго управленія нѣтъ ни превышенія власти, ни явнаго нарушенія закона. Остается одно—землю арендовать".

Но странное дѣло: все сдѣлано правильно, по закону, и удобной земли по плану значится по 9 десятинъ, а между тѣмъ—у всѣхъ, вступавшихъ въ бесѣду съ мормышанскими бунтовщиками, жалобы мормышанцевъ оставляли непріятный осадокъ: „да, вѣрно, зря обидѣли козявокъ, несправедливо, нелѣпо обидѣли"... И мормышанцы видѣли, что правда на ихъ сторонѣ, что ближайшее начальство и хотѣло бы помочь имъ, но не можетъ...

Но кому была нужна эта совершившаяся несправедливость? И, вотъ, съ логической необходимостью, встаетъ мысль, что разныя Маяки, какъ оброчныя статьи, нужны для арміи чиновниковъ Алтайскаго округа, присосавшихся къ кабинету и его именемъ отнимающихъ землю у крестьянъ, чтобы отдавать ее имъ же и около этихъ операцій жить, ибо съ ликвидаціей земельныхъ имуществъ должны упраздниться теплыя мѣста.

Долго судили и рядили мормышанцы, что имъ дѣлать и рѣшили: подать прошеніе на высочайшее имя, а отъ аренды отказаться и новымъ приговоромъ отъ 4 марта 1912 г. „единогласно" постановили: „урочище Маяки арендовать въ этомъ году мы не согласны, такъ какъ это урочище фактически признаемъ своимъ, а не принадлежащимъ кабинету Его Величества, ибо этой землей мы пользуемся съ испоконъ вѣка, т. е. со дня основанія нашего селенія, что чуть не безъ исключенія у всѣхъ у насъ имѣются тамъ избушки", и что „если категорически отъ „Маяковъ" откажутъ, то мы въ силу крайности должны жить на средства правительства, ссудами на пропитаніе"...

Приговоръ возымѣлъ свое дѣйствіе, какъ двѣ капли воды похожее на тысячу подобныхъ дѣйствій: губернаторъ экстренно, несмотря на распутицу, вызвалъ исправника и крестьянскаго начальника для инструкцій,—принять мѣры,

не допустить, арестовать и т. д. Рѣшено было немедленно предъявить отводную запись (ранѣе, въ виду начавшагося броженія и основательности возраженій, предъявленіе было отложено) и тѣмъ закрѣпить спроектированный, не удовлетворяющій общество, надѣлъ. Для новыхъ убѣжденій снова посланы крестьянскій начальникъ, исправникъ, а въ подкрѣпленіе къ нимъ данъ производитель работъ—богословъ московской духовной академіи: авось, молъ, духовное краснорѣчіе поможетъ. Но и эта миссія имѣла не больше успѣха. Крестьяне стояли на своемъ: земля наша—арендовывать не желаемъ. Если арендуемъ, то начальство и разговаривать съ нами не будетъ, потому, что арендой мы признаемъ право кабинета на землю.

Съ наступленіемъ сѣва выѣхали на „Маяки“ и начали сѣять, но уже не тѣ, кто раньше сѣялъ на Маякахъ, а все селеніе, такъ что въ деревнѣ остались лишь женщины и дѣти. Заработалъ телеграфъ, полиція потребовала военную силу, такъ какъ сама ничего не могла сдѣлать. Но въ этой любезной для полиціи мѣрѣ— подъ вліяніемъ, должно быть ленскихъ событій -было отказано и пришлось обратиться къ законному способу: всѣ пахари переписаны и привлекаются по 269 и 273 статьямъ Улож. о Нак.

Замѣчательную дисциплину проявили мормышанскіе „бунтовщики“: исправникъ, приставъ и три урядника распоряжались толпой въ 260 домохозяевъ. Эта толпа, разсѣянная на пространствѣ 4 5 тысячъ десятинъ, нѣсколько разъ со своихъ полосъ по требованію урядниковъ собиралась къ одному мѣсту, куда пріѣзжалъ исправникъ, не дѣлала затрудненій для переписи, исполняла всѣ требованія полиціи; не шла только подъ арестъ и не прекращала пашни: нельзя, говоритъ,—семейства безъ хлѣба останутся.

И, вотъ, мормышанцевъ будутъ судить, почти цѣлую деревню лишатъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, отдадутъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія ... А землю „Маяки“ все таки имъ, рано или поздно, отдадутъ, потому что безъ нея мормышанцы, дѣйствительно, жить не могутъ.

А—ей Б—ъ.

Столичныя газеты о Сибири.

Чуть не всѣмъ и каждому извѣстно, что сибиряки почти сплошь горячіе патріоты безъ кавычекъ, и сибирскій патріотизмъ не разъ уже смѣшивался съ „сепаратизмомъ". Сибиряку, даже прожившему десятки лѣтъ въ Россіи, не только трудно, но прямо невозможно пропустить непрочитанной какую-нибудь замѣтку о Сибири въ столичной газетѣ. Будь онъ иркутянинъ, томичъ, въ глаза невидавшій Владивостока или Тюмени, о которыхъ идетъ рѣчь въ замѣткѣ,—это все равно: онъ пробѣжитъ ее съ интересомъ, какъ пробѣгаетъ о какой-нибудь Чухломѣ въ иностранныхъ (чего, впрочемъ, въ нихъ не бываетъ) всякій русскій за границей.

Но „любовь къ отечеству" безъ „народной гордости"—понятіе почти несовмѣстимое. Весело, радостно бы прочесть на Ривьерѣ, что въ Чухломѣ открылся, напримѣръ, университетъ, и больно было-читать про Цусиму, которую отъ Европы уже никакими лѣсами не загородишь. Сибиряки почти всегда оказываются въ этомъ непріятномъ положеніи русскихъ туристовъ: столичныя газеты рѣдко приносятъ имъ добрыя вѣсти съ ихъ родины...

Въ „Новомъ Времени" опять вспоминаютъ барона Будберга, еще недавно увѣрявшаго, что недостатокъ воды во Владивостокѣ выдумка досужихъ репортеровъ. Теперь эта „выдумка" реализовалась въ телеграмму, гласящую, что въ городѣ за отсутствіемъ воды не только закрылась часть банъ, но осталась безъ нея даже городская больница.

Въ противность увѣреніямъ г. Будберга,-будто крѣпость одно дѣло, а городъ—другое, корреспондентъ говоритъ, что они „не имѣютъ между собой никакой границы—ни территоріальной, ни по существу". Но, даже и не настаивая на этомъ, онъ вынужденъ напомнить фактъ недостачи воды: въ февралѣ 1906 г., т. е., „въ періодъ ожидаемыхъ военныхъ дѣйствій", затѣмъ весной въ 1907, 1908 и 1909 годахъ, когда ея не было ни въ городѣ, ни въ крѣпости.

Городскіе водовозы и полковыя двуколки съ бочками разъѣзжали по окрестностямъ, разыскивая воду въ вымерзшихъ ручейкахъ и водоемахъ „Первой рѣчки" и „Рѣчки объясненій". Найденный запасъ воды моментально вычерпывался вмѣстѣ съ пескомъ, и на половину пустыя бочки отправлялись на новые тщетные поиски. Бочки, высылаемыя ран-

нимъ утромъ, возвращались къ вечеру на измученныхъ лошадяхъ, привозя вмѣсто воды какую-то муть.

Для варки пищи войскамъ было приказано вырубать чистый ледъ изъ бухты „Золотой Рогъ"—„присутствіе соли въ морской водѣ даетъ экономію, а іодъ полезенъ". Про баню для нижнихъ чиновъ въ этотъ періодъ говорить нечего—ея не было. А періодъ этотъ продолжается три-четыре мѣсяца, т.-е. конецъ зимы и начало весны. Къ „водяному голоду", что называется, привыкли и никакого ужаса въ этомъ не видятъ, по крайней мѣрѣ тѣ, кому надлежало это вѣдать.

Не видѣло „никакого ужаса" начальство крѣпости и тогда. Генералъ-маіоръ Жигалковскій (въ то время еще полковникъ), къ которому обратился со своими недоумѣніями авторъ этой корреспонденціи, „со смѣхомъ" отвѣтилъ ему:

„Э, батенька, вы въ первый разъ это видите, а мы уже привыкли, я 21 годъ этотъ голодъ знаю".

А между тѣмъ, въ недоумѣніяхъ спрашивавшаго играли роль не нужды „городскихъ бань" или городской больницы", а маловѣроятная возможность при такихъ условіяхъ защиты Владивостока въ случаѣ войны.

Да и бороться безъ воды съ бациллами не легче, чѣмъ съ японцами.

Кошмарныя вѣсти несутъ послѣдніе номера столичныхъ газетъ и насчетъ воинской дисциплины въ Сибири.

На посту Абагантуй, какъ установлено,—по сообщенію харбинскаго корреспондента „Русскаго Слова",—въ приказѣ генерала Мартынова, нижніе чины 4-й сотни 4-го конпаго полка въ числѣ 10 человѣкъ совершенно спились, передрались и дошли до убійствъ.

Двое изъ нихъ согласно медицинскому свидѣтельству, еще въ январѣ умерли отъ алкоголизма. Затѣмъ—

Рядовой Сикличукъ наканунѣ Пасхи найденъ въ сосѣднемъ поселкѣ на улицѣ при 10-градусномъ морозѣ мертвецки пьянымъ. Его съ трудомъ привели въ чувство. Въ мартѣ пахмистръ Вощиловъ ударилъ рядового Волка, причинивъ ему прободеніе барабанной перепонки. Отправленный въ госпиталь Волкъ выписался оттуда и возвратился въ свой взводъ. Въ ожиданіи праздника солдаты купили водки. Четверть водки прислалъ въ подарокъ людямъ шт.-ротмистръ Доброхотовъ. Въ первый день Пасхи старшій по командѣ рядовой Спиричевъ поссорился съ Волкомъ, при чемъ оба были пьяны. Спиричевъ избилъ Волка, связалъ его, опять избилъ, уже связаннаго, а затѣмъ съ помощью другихъ запихалъ подъ кровать. Освободившись, Волкъ разыскалъ Спиричева въ квартирѣ казака Федулина и тамъ убилъ выстрѣломъ изъ винтовки наповалъ.

Трупы двухъ рядовыхъ, умершихъ въ январѣ, провалялись уже послѣ вскрытія: одинъ—больше трехъ недѣль, другой—10 дней.

Трупъ перваго сперва лежалъ „между помѣщеніемъ для спанья и кухней", а потомъ его свалили въ конюшню; трупъ второго—въ пустомъ помѣщеніи, „по рядомъ съ комнатой для пяти нижнихъ чиновъ", и даже при томъ безъ гроба. Поэтому—„крысы объѣли у покойника лѣвую щеку и затылокъ"...

Въ Стрѣтенскѣ одинъ изъ офицеровъ 16-го Восточно-Сибирскаго полка, какъ пишутъ „Рѣчи", надебоширивъ съ компаніей пріятелей въ четырехъ веселыхъ „заведеніяхъ", въ пятомъ—за попытку ударить шашкой—былъ обезоруженъ:

Тогда офицеръ вызвалъ дежурную роту солдатъ въ полной боевой аммуниціи и, отдавъ приказъ заряжать ружья, приступилъ къ осадѣ „заведенія". Послѣднее было совершенно разгромлено: имущества уничтожено на сумму до 4,000 рублей.

Солдаты, съ разрѣшенія начальника, предались пьянству, уничтожая имѣвшееся вино и закуски. Ломались вещи, изъ подушекъ и перинъ выпускались перья, за перепуганными проститутками солдаты бѣгали съ шашками...

Не весело жить бокъ-о-бокъ съ такими защитниками отечества...

Почтовое вѣдомство въ концѣ прошлаго года, въ виду постоянной засылки корреспонденціи не туда, куда слѣдуетъ, одну изъ двухъ сибирскихъ „Зимъ" переименовало въ „Зиминскую". Такъ же, помнится, было поступлено и еще съ какими-то двумя станціями. Мѣстнымъ жителямъ, повидимому, и въ голову не приходитъ, что при одноименности, – особенно, когда въ обоихъ пунктахъ имѣются почтовыя учрежденія,—надо обязательно помѣчать „село" или „желѣзнодорожная станція". О томъ, къ чему это ведетъ — могли бы поразсказать экспедиторы редакціонныхъ конторъ, мучающіеся надъ вопросомъ: какой поставить „трактъ и мѣсто" — села или станціи?

Но если изъ-за двухъ тезокъ выходило столько непріятностей и хлопотъ (номера газетъ не доходятъ, подписчикъ жалуется, экспедиторъ получаетъ выговоръ отъ завѣдующаго конторою и т. д.), то что же будетъ, когда заселятся 56 хуторовъ въ Иркутской губерніи, коимъ присвоены наименованія П. А. Столыпина, десятки хуторовъ имени главно-

управляющаго переселенческаго управленія г. Глинки, завѣдующаго переселеніемъ въ Иркутской губерніи И. С. Иконникова, его помощника, хутора „секретарскіе", имени ихъ женъ, чадъ и домочадцевъ?! Половина редакціонныхъ экспедиторовъ, навѣрное, посойдутъ съ ума, какъ и почтовые чиновники. „Зиму" и „Шилу", какъ ни окрести, ей все равно—не запротестуетъ. А съ именемъ Столыпина, хоть его и нѣтъ на свѣтѣ, или со здравствующимъ г. Глинкой (для почтоваго „отца крестнаго" и онъ вѣдь фигура большая) такъ просто не раздѣлаешься,—одни націоналисты съѣдятъ... „Не знаемъ,—пишутъ „Русскія Вѣдомости" по поводу этого угодничанья начальству,—

есть ли хутора имени Ядринцева, Потанина, Загоскина, Вагина и другихъ сибирофиловъ; или, быть-можетъ, устроители устыдились дать эти имена хуторамъ, потому что вся жизнь этихъ замѣчательныхъ сибиряковъ, всѣ ихъ публицистическія работы и научныя изслѣдованія были противъ той политики, которая теперь проводится въ землеустройствѣ Сибири. При этомъ Г. Н. Потанинъ здравствуетъ, и кто знаетъ, какъ бы отнесся онъ къ сопоставленію его имени съ нынѣшней аграрной политикой. Но хутора имени Щапова, Бѣлинскаго, Лермонтова, Петра Великаго завѣдующій переселеніемъ Иванъ Софроновичъ Иконниковъ смѣло поставилъ рядомъ съ „Ивано-софроніевскимъ" и „Иконниковскимъ". Вѣроятно, иркутскіе землеустроители думаютъ, что ихъ задача по обновленію Сибири равноцѣнна работѣ Петра Великаго по обновленію Россіи?

Не знаемъ, на сколько будетъ пріятно начальству видѣть „столыпинскій" хуторъ или хуторъ самого здравствующаго г. Глинки съ хуторами Ноздрева, Коробочки, Манилова (въ перечнѣ названій хуторовъ есть и такія наименованія). По нашему мнѣнію, имена гоголевскихъ типовъ наиболѣе подходящи для того дѣла, которое теперь по приказанію начальства насаждаетъ въ Иркутской губ. исконный сибирякъ, уроженецъ Забайкалья, Иванъ Софроновичъ Иконниковъ.

Редакціоннымъ экспедиторамъ, конечно, было бы преждевременно впадать въ отчаяніе, ибо къ тому времени, когда хуторяне начнутъ читать газеты, отъ Иконниковыхъ уже не останется слѣда. Почтовые же чиновники, разбирая корреспонденцію, поругаютъ таки власть ихъ...

Давно — года полтора уже, должно быть, — хабаровцевъ будоражили честолюбивыя мечты „о превращеніи континентальнаго города Хабаровска въ... морской портъ". А недавно тамъ по этому вопросу состоялось особое совѣщаніе.

„Рѣчь" относитъ этотъ проектъ къ такимъ же выгод-

нымъ предпріятіямъ, какими оказались на практикѣ — г. Дальній, проведеніе Китайско-Восточной ж. д., учрежденіе губернаторства на Сахалинѣ и т. п.

Люди хорошо знакомые съ дѣломъ, моряки и спеціалисты на совѣщаніи прямо заявили, что осуществленіе этого проекта невозможно.

Фарватеръ Амура придется углублять на протяженіи свыше 400 верстъ, но и послѣ этого все же океанскія суда должны будутъ заходить во Владивостокъ, тамъ значительно разгружаться и уже послѣ этого идти въ Хабаровскъ. Невольно возникаетъ вопросъ — какая же частная пароходная компанія при такихъ условіяхъ будетъ поддерживать рейсы въ Хабаровскъ?

Кромѣ того, дно у Амура песчаное, теченіе очень быстрое, и потому никакія землечерпательныя машины не смогутъ справиться съ постоянными замывами.

Если у хабаровскаго порта найдутся въ Петербургѣ такіе же сильные защитники, какіе нашлись въ свое время у Дальняго, то, можетъ быть, хабаровцы и поплывутъ когда-нибудь... по суху, яко по морю.

Библіографія.

Г. Вяткинъ. Подъ сѣвернымъ солнцемъ. Изданіе сибирскаго Товарищества печатнаго дѣла въ Томскѣ. Ц. 75 коп. Подъ сѣвернымъ солнцемъ Сибири пышно цвѣтутъ лишь ея полевые цвѣты, а поэтическое творчество тянется къ Парнасу худосочными былинками, но никакъ до него дотянуться не можетъ.

Пріятнымъ исключеніемъ среди косноязычныхъ сибирскихъ поэтовъ какъ былъ, такъ и остается одинъ, кажется, г. Вяткинъ. Разбросанный по газетнымъ номерамъ и журналамъ, онъ далеко не производилъ того впечатлѣнія, на которое имѣетъ право, являясь теперь со сборникомъ своихъ стихотвореній. Хорошо къ тому же изданнымъ — хорошая бумага, отсутствіе обычныхъ опечатокъ, четкая печать. Шрифтъ, положимъ, нѣсколько мелковатъ по такому формату, какъ то мало подходящему для поэзіи и болѣе употребительному для статистическихъ сборниковъ. Но, въ общемъ, его бѣленькую книжку пріятно взять въ руки,— она заслуживаетъ этого и съ внѣшней стороны, и со стороны содержанія. Она чиста, какъ его любовь, она не оскорбитъ ни юноши, ни дѣвушки.

Любовь для него – „молитва“, „дитя небесъ“:

И, зная чары тьмы полночной,
Восторгу грѣшному вѣрна,
Все-жъ отъ лазури непорочной
Не отрываетъ взоръ она.

Г. Вяткинъ, какъ поэтъ, любитъ природу — его манитъ „Лѣсная сказка:

Я полюбилъ лѣсную сказку
И ухожу отъ васъ на вѣкъ
Въ дремучій лѣсъ, въ глухія дебри
Къ вершинамъ горъ, къ истокамъ рѣкъ.

Но вы ему не вѣрьте: онъ вернется,—потому что

Въ морѣ унынья и пошлости,
Въ безднахъ страданья безбрежнаго
Всѣ мы—искатели жемчуга,
Чистаго, свѣтлаго, нѣжнаго.

Онъ—сынъ своего вѣка, своей родины, онъ не можетъ уйти въ міръ грезъ:

Насъ много, насъ много... Мы дѣти разсвѣта,
Мы—дѣти желанной зари,
Мы молимся Богу свободы и свѣта
И строимъ ему алтари.

Но все-таки основной мотивъ его поэзіи—любовь къ жизни. Смерть и мракъ смѣются у него надъ прахомъ мудреца, который, забывъ, что „міръ великъ, что каждый день и каждый мигъ цвѣтетъ земля и блещетъ солнце“, просидѣлъ всю жизнь „за старой грудой сѣрыхъ книгъ“.

„Книга жизни“ для него—вѣчно—юная, вѣчно—новая.

Онъ благословляетъ и радости, и печали, очищающія душу. Любовь къ жизни помогаетъ ему воскрешать мертвецовъ: спускаясь тропинкой, намѣченной дорогой его сердцу женщиной, онъ слышитъ ея тихій зовъ, шаги, ловитъ ея взоръ, тоску. Онъ не можетъ себѣ представить, что его когда-нибудь не было и не будетъ: „Мнѣ кажется; что я когда-то жилъ, что по землѣ брожу я не впервые“.

Устану я, уйду во мракъ, истлѣю.
Но съ міромъ не разстанусь никогда.
Могильной тьмѣ моя душа чужда,
Влюбленный въ жизнь, я вновь воспламенѣю.
Мнѣ кажется, я буду жить всегда.

Въ наши дни—гимназическихъ самоубійствъ, отвращенія къ жизни едва начавшихъ жить—этотъ гимнъ „бытію“ надо привѣтствовать, а потому пожелаемъ сборнику стихотвореній г. Вяткина широкаго распространенія.

Издатель В. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ

НА

„Сибирскіе Вопросы“

НА 1912 ГОДЪ

(Журналъ независимый, прогрессивный, посвященный защитѣ областныхъ интересовъ Сибири)

8-ой годъ изданія.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается
ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ СИБИРИ и РОССІИ
по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ**—Посохина и Макушина, къ **Иркутскѣ**—Макушина и Посохина, въ **Тюмени**—О. Ф. Невской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ** -М. И. Григоровской, въ **Читѣ** гг. Цепелева и Борисова.

Адресъ редакціи и конторы журнала С.-Петербургъ Сергіевская ул., 3.

Издатель **Вл. П. Сукачевъ**. Редакторъ **А. И. Иванчинъ-Писаревъ**.

Получ 6 Июня

Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ **Петербургѣ**, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—Фонтанка, 96 и
въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 16

БИБЛІОТЕКА ТЮМЕНСКАГО ПРИКАЗЧИЧЬЯГО КЛУБ

28 Мая 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **„Мархинскіе очерки“.** Ѳома и Лука. *Н. С—скаго.*
2. **Врачебное дѣло въ Ленской тайгѣ.** *Я. С—ча.*
3. **„На ура“.** *—ова.*
4. **Роль Иркутскаго Общества приказчиковъ въ разработкѣ приказчичьяго вопроса.** *Н. К—ина.*
5. **Сибирскія письма:** 1) Тюмень, 2) Томскъ, 3) Енисейскъ 4) Туруханскъ, 5) Верхоянскъ.
6. **Очерки сибирской жизни.**
7. **Мѣстная печать.** *Д. С.*
8. **Обозрѣніе русской жизни.**
9. **О введеніи полицейской стражи въ Сибири.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 95.
1912.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ

НА

„Сибирскіе Вопросы“

НА 1912 ГОДЪ

(Журналъ независимый, прогрессивный, посвященный защитѣ областныхъ интересовъ Сибири)

8-ой годъ изданія.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается
ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ СИБИРИ и РОССІИ
по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ**—Посохина и Макушина, въ **Иркутскѣ**—Макушина и Посохина, въ **Тюмени**—О. Ф. Певской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ**—М. П. Григоровской, въ **Читѣ** гг. Цепелева и Борисова.

Адресъ редакціи и конторы журнала—С.-Петербургъ Сергіевская ул., 3.

Издатель **Вл. П. Сукачевъ** Редакторъ **А. И. Иванчинъ-Писаревъ.**

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 16

28 мая 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стран.
1. „Мархинскіе очерки". Ѳома и Лука. *Н. С—скаго.*	1—13
2. Врачебное дѣло въ Ленской тайгѣ. *Я. С—ча.*	13—32
3. „На ура". *—ова.*	33—41
4. Роль Иркутскаго Общества приказчиковъ въ разработкѣ приказчичьяго вопроса. *Н. К—ина.*	41—54
5. Сибирскія письма: 1) Тюмень, 2) Томскъ, 3) Енисейскъ, 4) Туруханскъ, 5) Верхоянскъ.	55—68
6. Очерки сибирской жизни.	68—79
7. Мѣстная печать. *Д. С.*	79—84
8. Обозрѣніе русской жизни.	84—92
9. О введеніи полицейской стражи въ Сибири.	92—96

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.
1912.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

„Мархинскіе очерки".

Ѳома и Лука.

I.

„Ѳома хорошій кузнецъ и могъ бы деньгу зашибить, если бъ не пилъ, а Лука хоть и учится около него съ измалѣтства, однако толку съ него мало. Ихъ водой не разольешь: уйдетъ Ѳома, попатается по сторонамъ, и опять къ Лукѣ нанимается". Такъ говорили мархинскіе обыватели про скопца Ѳому и его работника Луку.

Былъ мартъ мѣсяцъ, яркій солнечный день, когда я вздумалъ идти наниматься въ работники къ Ѳомѣ. Мазаная избушка съ торчащими досками съ крыши, повалившійся плетень, разваленныя дрова около него, въ то время, когда у сосѣднихъ избъ все говорило о присмотрѣ и порядкѣ, ясно свидѣтельствовали о нерадѣніи хозяина.

На дворѣ меня встрѣтила старушка лѣтъ шестидесяти, въ грязныхъ лохмотьяхъ. Морщинистое лицо съ привѣтливыми выцвѣвшими глазами, вопросительно уставилось на меня.

— Тоби чого, человиче?—спросила она на знакомомъ малороссійскомъ говорѣ.

— Та я, бабуся...

— Чоть, чоть, сатано!—закричала она на бросившуюся на меня собаку.

— Якъ кажишь?—обратилась она вновь, отогнавъ собаку.

— Я чувъ, що вамъ трэбо робитныка.

— Въ роби-и-тныки,—нараспѣвъ произнесла она, подозрительно глядя на мое облаченіе.

— Хибажъ ты робитныкъ, мабудь, изъ государскихъ?

— Эге!

— То-то эге, чого эгекаешь, мабудь, съ холивъ?

— Эге.

— Та все эге, та эге,— засмѣялась старушка, взмахнувъ костлявой рукой.

— А изъ виткиль ты?

— Изъ Кіева.

— Тамъ у васъ, кажуть, мощей богато?

— Богато.

Недовѣрчивое выраженіе исчезло съ лица старушки: она, очевидно, почувствовала ко мнѣ симпатію и затараторила.

— А у насъ все непорядки, хозяина нема десь гуля. Ну, заходь, якъ що ты изъ Кіева, чайку выпьешь.

Я зашелъ въ грязную низенькую избу, такъ не похожую на скопческую. Старуха оказалась старшная любительница поболтать. Я тутъ же долженъ былъ ей разсказать, гдѣ и какіе есть у меня родственники, женаты они или нѣтъ, и если женаты, то сколько у каждаго дѣтей и какихъ,—мальчиковъ или дѣвочекъ, и прочее, и прочее... Не удовлетворяясь разспросами, она засыпала меня цѣлымъ ворохомъ разсказовъ, очевидно, по ея мнѣнію страшно важныхъ.

— Такъ отъ же я тоби разскажу, милій чоловикъ,—говорила старушка, поправляя платочекъ на головѣ.—Знаешь, о та Марья, що жила изъ тымъ, та Варька, котрю хотилы у пролуби втопыть, знаешь, мабудь, якъ не знать.

И старушка недовѣрчиво улыбалась, когда я сказалъ, что не знаю ни Варьки, ни Марьи. Въ избѣ никого не было, а старуха рада была, что напала на свѣжаго человѣка, и тараторила безъ умолку. Знала она рѣшительно все, что когда нибудь произошло на Мархѣ. Знала,—кто съ кѣмъ и когда дрался, хотя бы это было 10 лѣтъ тому назадъ, „Котра исъ кимъ жила“ и кто къ кому „пидлаживався“. Отъ нея я тутъ же узналъ многое изъ ихъ жизни. Хохлы по происхожденію, они жили гдѣ то близъ Кавказа. Когда вошли въ секту, то оскопили и своихъ малолѣтнихъ дѣтей, двухъ дочерей и сына. Прибывъ послѣ осужденія въ Якутскъ и добившись причисленія на Марху, семья долгое время жила вмѣстѣ. Но потомъ не поладили и разошлись. Старшая Ѳекла ушла „въ сестры“, Ирина со старикомъ отцомъ завела свое хозяйство и теперь, по выраженію старухи, „сама соби хозяйка“. Ѳома остался съ матерью, занимаясь кузнечной работой и посѣвомъ. Фанатизма, заставившаго стариковъ когда то оскопить своихъ дѣтей, не осталось и слѣда.

— Воно то намъ ничего,—говорила мнѣ бабуся,—а дитей напрасно поскопылы, хтожъ его знавъ: мы думалы якъ лучше, а воны теперь поприкають насъ. Повиришь, Ѳома якъ напьется, крычить, застрѣлыть васъ такихъ сякихъ мало за це, хто васъ просывъ?!

И старуха печально вздыхала отъ проникшаго въ ея голову сознанія, что она, желая добра дѣтямъ, сдѣлала ихъ несчастными.

— Человѣка намъ надо якъ бы хорошаго,—говорила старуха, провожая меня за ворота.

На другой день меня встрѣтилъ самъ Ѳома. Онъ былъ выше средняго роста съ типичнымъ скопческимъ, безъ растительности лицомъ, лихорадочно блестящими, какъ у пьяницъ, карими глазами. Мы съ нимъ быстро сговорились, и къ вечеру я притащилъ свои пожитки. Было ужъ совсѣмъ темно, когда со двора вошли ужинать Ѳома, его товарищъ, жившій вмѣстѣ съ нимъ, скопецъ Ѳедоръ, и работникъ Лука. Я съ любопытствомъ вглядывался въ ихъ лица. Лука—низенькій грязный, съ рябоватымъ лицомъ, задорными глазками и короткими съ локтями навыворотъ руками; испытующе, изподлобья поглядывалъ онъ на меня, очевидно, оцѣнивая какъ будущаго сотоварища по работѣ, съ той стороны, что можно ли будетъ взять надо мной верхъ. Ѳома про него говорилъ: „оно какое-то супротивное, проклятое и непокорное“, что и доказывалось по его мнѣнію короткими пальцами съ задранными къ верху ногтями. Ѳедоръ—сухопарый, высокій, съ недовольными злыми глазами и маленькой на подобіе тыквы головой,—изрѣдка вставлялъ фразы въ разговоръ. Чувствовалась въ этомъ молодомъ, но морщинистомъ лицѣ, тяжесть замкнутости, какого то страданія и неудовлетворенности. Разговоръ мало-по-малу наладился: я разсказывалъ имъ всякую всячину. Когда ложились спать, бабуся долго хлопотала около меня, совѣтуя то такъ, то иначе положить подушку или поправить подстилку. Наконецъ, все смолкло. Темная сѣверная ночь задумчиво глядѣла въ окна, черезъ которыя неясно чернѣли силуэты противоположныхъ домовъ. Мнѣ не спалось. Пролетали тихими призраками картины прошлаго, думалось о своемъ новомъ положеніи и новыхъ впечатлѣніяхъ, объ этихъ людяхъ, заброшенныхъ на край свѣта и такихъ [illegible] до новаго человѣка, могущаго имъ что нибудь разсказать. Вдругъ я услышалъ сонный шепотъ Ѳедора: „Ирина, Ирина“. Вздохъ, и снова тоже имя, произносимое безконечно нѣжно. Чувствовалось, что это его мечта, его счастье.

Районно-центральная библиотека г. Тюмень.

II.

Изъ-подъ чернаго капора, какой носятъ всѣ скопчихи зимой, дѣлающій ихъ похожими на монашенокъ, смотрятъ блестящіе, готовые каждую минуту разсмѣяться, каріе глаза. Худощавое лицо съ ямочками. Плотно сжатый ротъ и очертанія подбородка свидѣтельствуютъ о характерѣ и самостоятельности. Такова Ирина, сестра Ѳомы. Она часто приходила помогать бабусѣ по хозяйству, и тогда пропадала задумчивость у Ѳедора, онъ оживлялся, радость мелькала въ глазахъ. Скучно жуя деревенскія новости, въ праздничный день сидѣли Ѳома, Ирина и бабуся.

— Хоть бы вы почитали что нибудь,—попросила Ирина.

Я взялъ попавшагося подъ руку „Донъ Кихота“ и началъ читать. Всѣ заинтересовались, и послѣ этого дня каждый вечеръ я читалъ, по выраженію Ирины,—„про Санчу панчу“. Удивленно жмыхалъ посомъ, слушая повѣсть, Лука. Жалость къ рыцарю и смѣшное, смѣшиваясь, вызывали печальную улыбку на лицѣ Ирины. Даже бабуся наставляла ухо.

Все въ хозяйствѣ Ѳомы нѣкоторое время жило въ мірѣ новыхъ идей и представленій. Нелѣпый жеребецъ „Атыръ“ былъ возведенъ въ „Россинанта“. Самъ Ѳома въ „Донъ Кихота“, а Лука въ его оруженосца.

— Вотъ еще выдумаютъ: санча пынца,—обижался новому прозвищу Лука.

Какъ то я спросилъ Ирину:

— Почему вы не выходите замужъ?

— Теперь ужъ не стоитъ,—отвѣтила она.—Хорошій ужъ не возьметъ, а плохого мнѣ самой не нужно. Теперь ужъ на кой чортъ: для хозяйства, я взяла работника, отдала ему 150 рублей и знать ничего не знаю, а мужъ еще кочевряжиться начнетъ.

— Ну все таки безъ мужа плохо.

— Ничего,—улыбаясь, отвѣтила Ирина:—этого добра на нашъ вѣкъ хватитъ.

— Нѣтъ, я не въ этомъ смыслѣ: вы можете еще дѣтей имѣть, а то чѣмъ вы будете жить, когда совсѣмъ состаритесь?

— Пускай ихъ люди имѣютъ, а не мы. Лѣтъ бы 10 назадъ, да тогда я дура была, вѣрила, что это грѣхъ великій и что дьяволъ искушаетъ людей къ этому. А маленькой—такъ вѣрила, что на смерть готова была. Помню, когда насъ судили, спрашивали судьи: „Тебя, дѣвочка, родители оскопили?“ „Какъ пошла я отчитывать! „Нѣтъ, приняла святое оскопленіе по своей волѣ, иду

.е за отцомъ и матерью, а за стезей праведной! Вѣрую, что исусъ Христосъ вселился въ Государя Петра III-го“. И пошла, : пошла, а была я тогда такая, что пѣшкомъ подъ столъ ходила. Ну, чепуха это все!—закончила Ирина.—Читайте лучше „Сапчу Панчу“, вонъ и Ѳома идетъ.

По праздникамъ она иногда приходила съ сестрой, и мы всей компаніей играли въ карты. Случалось, устраивали пирушки. Тогда сердилась и ворчала бабуся. А у Ирины разгоралось лицо, въ глазахъ блестѣли огоньки, въ манерахъ появлялась безшабашность, какъ бы говорившая: „пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса“. Сидя за столомъ и глядя въ карты, она вдругъ взброситъ высоко рукой и, улыбаясь, крикнетъ:

— Эхъ, все равно откроемъ короля.

Если въ такое время ревновавшій ее Ѳедоръ дѣлалъ какіе нибудь намеки, Ирина вся настораживалась: въ сузившихся глазахъ вѣяло холодкомъ и, пренебрежительно глядя на него, она говорила:

— Ну, какое ты имѣешь право ревновать? или, если самъ искалѣчонъ въ конецъ, такъ завидуешь?

Ирина давно ужъ начала, по мѣстному выраженію, „гулять“.

Бабуся иногда принималась укорять ее. Ирина слушала, молча, какъ то безучастно глядя въ сторону. Но при какомъ нибудь словцѣ старухи вдругъ вся вздрагивала и, срываясь съ мѣста, тяжело говорила:

— Ладно, не ваше дѣло, покалѣчили вы насъ и молчите!

Старикъ же ничего не говорилъ Ринѣ. Только, молча, вздыхалъ и жаловался старухѣ и Ѳомѣ, что „ніякого порядку не будэ, колы всему голова баба“.

Вскорѣ романъ ея съ Ѳедоромъ пришелъ къ концу. Ѳедоръ обнималъ шею своей взмыленной лошади и горько плакалъ. Потомъ вошелъ въ избу, долго сидѣлъ, молча, медленно полѣзъ подъ подушку и вынулъ бутылку съ водкой. Посмотрѣлъ на нее противъ свѣта, выпилъ, поморщился, провелъ рукой по лицу, какъ бы смахивая паутину съ глазъ, покачалъ головой и опять выпилъ. Опьянѣвъ, онъ грустно, тонко затянулъ:

«Есть у птицы гнѣздо,
У волчицы дѣти,
А у меня молодого
Ничего на свѣтѣ.

Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ въ другую деревню, а бабуся разсказывала мнѣ:

— Винъ то любить Ирину, такъ вона его ни, а винъ усэ пристае, пыта зъ кимъ ты жить будешь, якъ батько помре? кого товарищемъ визмешь, а Ирина кажыть, та сама буду жить, не надо мину никого. Якъ запрегъ винъ тоди коня, якъ пожене, крычыть: „растрепай мепэ, пегашка, растрепай! Онъ якій винъ человикъ“.

III.

Незамѣтно текли однообразные, другъ на друга похожіе дни. Время раздѣлялось на воскресенья, понедѣльники и остальные дни. По воскресеньямъ, а иногда и въ будни, Ѳома часто былъ пьянъ; загулявъ, онъ на все махалъ рукой, ничто не занимало его. Что то тяжелое копошилось тогда въ душѣ Ѳомы. Разгулъ его былъ сумрачный и придавливающій.

— Эхъ, проклятые! и додумались же... Почему они не нашли, что по евангелію нужно голову отрѣзать? Да и лучше было бы,— по крайней мѣрѣ, сразу капутъ,—бормоталъ онъ иногда въ полузабытьи.

Рѣже былъ пьянъ Лука. Тогда онъ шатался по деревнѣ, нарываясь, какъ говорилъ Ѳома, „на шендыри“, т. е. лѣзъ къ каждому драться. Лука обыкновенно кричалъ, клялся кого-то убить, кому-то мстить, или, упавъ среди улицы, кричалъ:

— Доктора мнѣ, доктора!—и плакалъ.

Въ понедѣльникъ, случалось, вставали позже обыкновеннаго и тогда начинался такъ называемый „день съ предисловіемъ“. Ѳома кряхтѣлъ, охалъ, озлобленно кричалъ на старуху и, молча, усаживался за чай, а черезъ нѣкоторое время, не глядя на насъ, говорилъ:

— Да, ребята, такъ если будемъ вставать, однако скоро безъ штановъ останемся.

Въ общемъ мной были довольны всѣ. Старуха называла меня „мылимъ человѣкомъ“ и была рада, что я безъ устали слушалъ ее болтовню. Ѳомѣ я нравился за то, что, по его наблюденію, не любилъ „волынить“ (лѣниться) и не боялся сдѣлать въ работѣ лишній шагъ. Лука тоже былъ мной доволенъ, потому что съ самаго начала я призналъ его авторитетъ и дѣлалъ все, какъ онъ говорилъ. Съ Ѳомой онъ часто спорилъ:

— Ну, и что оно за человѣчина,—начиналъ Ѳома.—Ему, значитъ, говоришь: дѣлай такъ,—нѣтъ онъ обязательно хочетъ по своему. Ну и супротивное, проклятое!

На это Лука, выслушавъ молча, отвѣчалъ только недовольно: —Хай!

Настали теплые дни быстрой сѣверной весны. По утрамъ еще крѣпился морозъ, но только всходило солнце, какъ съ крышъ ужъ капала вода; маленькіе ручейки быстро талвшаго снѣга бѣжали, блеста подъ жгучами лучами. Я работалъ съ Ѳомой въ мастерской, на полу возились, кувыркаясь, щенята.

— Ишь разошлись мои сынки,—сказалъ, глядя на нихъ, Ѳома и почему то вздохнулъ, уставившись въ сверкашій вдали снѣгъ косогора. –Эхъ-ма! Жизнь наша, якъ на води бульбочка,— какъ бы формулируя свои мысли, задумчиво продолжалъ онъ.

Помолчавъ, Ѳома обратился ко мнѣ:

— Все, вотъ, это, что видишь, есть у меня, все это заработано молоткомъ да горбомъ. Раньше у меня работало по шесть работниковъ, да кузнеца держалъ, когда самъ въ полѣ былъ занятъ. Это теперь меня мухи обсѣли, а раньше и вовсе не слетали. И теперь, видишь, и посѣвомъ занимаюсь, и въ кузницѣ работаю, а спрашивается: для чего? Не для чего, братъ, и не для кого. Продать это все къ чорту, да пропить!..

— Нѣтъ, парень, продавать все да пропивать не годится.— продолжалъ Ѳома послѣ короткаго раздумья. —Потому—послѣ останется въ работники идти, а я ужъ для этого старъ сталъ, лѣниться зачалъ, а разъ въ работники не пойду —остается пулю въ л бъ... И слѣдовало бы,—все равно такъ себѣ маячишь, интересу никакого. Хотя, парень, и умирать тоже неинтересно, да не уйдешь отъ этого,—безнадежно закончилъ онъ.

— Ты, Ѳома Тимофеевичъ, помнишь, когда тебя скопили?— спросилъ я.

— Какъ же, мнѣ тогда было лѣтъ девять. До этого былъ я забіякой. Бывало, ни одной драки среди ребятъ въ деревнѣ не обходилось безъ меня, а послѣ этого стало чего-то жалко, жалко, и я сдѣлался молчаливымъ. Заберусь, бывало, въ пырей или куда нибудь въ кусты и сижу, задумывшись, по цѣлымъ часамъ.

Эхъ, ма чепуха,
Ѣла баба раки!—

запѣлъ онъ, стараясь отогнать печальныя мысли, навѣянныя воспоминаніями.

— Съ будущаго года распродамъ часть хозяйства,— рѣшительно началъ Ѳома.—Брошу посѣвъ. Буду что нибудь легкое прирабатывать въ мастерской, вотъ, мнѣ и хватитъ дотянуть свой вѣкъ. Времени свободнаго будетъ много, примусь книжки читать. Не такъ ли?

— Конечно, лучше будетъ,—отвѣтилъ я, хотя чувствовалъ, что ничего онъ не сдѣлаетъ, что дальше будетъ также жить разъ сложившейся жизнью, съ безцѣльной работой для поддержанія никому не нужнаго своего прозябанія съ періодическимъ пьянствомъ.

Ѳома самъ понималъ это и топилъ безсмыслицу своей жизни въ винѣ, ища тамъ спасительнаго забвенія.

IV.

Я и Лука пересыпали зерно для просушки. Лука сначала здорово брался, стараясь меня „загонять“, но видитъ, что я не поддаюсь, и успокоился.

— А ты хорошій товарищъ въ работѣ.

— Ничего, поработать я тоже люблю.

— А пошто ваши государскіе никто не работаетъ?

— Не всякому, Лука, работа найдется.

Онъ помолчалъ, посопѣлъ носомъ и, поправивъ шапку, началъ первый номеръ своего обычнаго репертуара:

Я по горенкѣ хожу,
Половичка гнется!
Кто моей ноги не стоитъ,
Надо мной смѣется!
Я по улицѣ иду,
Головой качаю,
Я на этотъ домъ гляжу,
Что то замѣчаю.

— Давай покуримъ,—сказалъ онъ, бросая лопату.

— Кури, а я посижу.

— А пошто ты не куришь?

— Такъ, не привыкъ.

— Хай! Не скопецъ, а не куритъ,—удивился Лука.

Набивъ маленькую посогрѣйку махоркой, онъ закурилъ и, глядя на синій дымокъ, пустился въ разсужденія.

— Вотъ, тоже наше работницкое положеніе, — хужо собачьяго. Захочетъ хозяинъ, выгонитъ, и ничего, парень, не подѣлаешь!

— Да, это ты правильно,—согласился я, зная по опыту, что у Луки сейчасъ возникнетъ противное, если ему возражать. Онъ помолчалъ и началъ:

— Хоша не совсѣмъ плохо. Къ примѣру, будь я хозяиномъ. Надо, паронь, подумать: какъ коней прокормить, работнику заплатить, то да се, а то я отработалъ, мнѣ подай ѣсть, знать ничего не знаю!.. Да, ежели вина не пить, можно денегъ припа-

сти... Нѣтъ, Лучка, довольно тебѣ пить, довольно!—говорилъ онъ, обращаясь къ себѣ.—Тоже, парень, пить толку мало. Вотъ, брошу, одежину заведу, каку надо, праздничну и таку, женюсь. Выберу себѣ хорошую, чтобъ она не гуляща. Вдвоемъ все, парень, лучше.

— Конечно, лучше,—соглашаюсь я.

— Лучше то оно лучше, а ежели хозяинъ разсчитаетъ? Одинъ я—мнѣ плевать, пойду, куда хочу, а съ бабой тоже, парень, дѣловъ... Нѣтъ, раньше хозяйствомъ заведусь. Скажу хозяину: ты-ка, Ѳома Тимофеевичъ, посѣй мнѣ,—ну, скажемъ,—десятины три, а я тебѣ даромъ работать буду. Да ежели уродитъ,—вотъ я и хозяинъ!

— Такъ и сдѣлай, чорта ли,—совѣтую я.

— Нѣтъ, парень, а вдругъ не уродится? А я даромъ все равно работай. Тоже опасно: останешься не при чемъ!.. Я, однако, лучше кузницу открою. Работай себѣ помаленьку да работай. Каждый придетъ, скажетъ: „Лука Ивановичъ, сдѣлай, пожалуйста“. Земли подъ кузницу у общества попрошу. Да и то сказать, совсѣмъ приспишусь. Приду на общество, скажу: „Ну, какъ, господа, принимаете? „А! — скажутъ: Лука Ивановичъ, принимаемъ! принимаемъ!“

— Давно бы такъ сдѣлалъ, чего-жъ до сихъ поръ ждалъ? спрашиваю я.

— Оно, вишь, тоже—углей надо, молотобойца надо нанять, все деньги. Я лучше съ тобой въ Россію поѣду, а?

И на лицѣ его ясно удивленіе передъ неожиданно для него возставшей перспективой.

— Вали, все равно,—одобряю я.

— Нѣтъ, парень, не поѣду, съ голоду, пожалуй, тамъ пропадешь: боязно!

— Да, сиди ужъ лучше здѣсь.

— Пошто здѣсь, — обижается Лука, — хочу поѣду, хочу—нѣтъ.

Не люби, моя милая,
Женатаго даромъ!
Что женатый, то проклятый,
Холостой голубчикъ-чикъ!—

запѣлъ онъ, продолжая свой репертуаръ.

V.

— Вамъ гостей не надо?—говоритъ Стелькинъ, входя вмѣстѣ съ Бутовымъ.—Наше вамъ съ кисточкой,—подлетаетъ онъ къ

Ѳомѣ и, подавая руку, привстаетъ на носки, а другую прикладываетъ къ сердцу.

Стелькинъ и Бутовъ это совсѣмъ другіе люди. Такіе же отщепенцы, какъ и Ѳома, они не ноютъ, страданія, застывшаго въ глазахъ Ѳомы, не видно. Здоровякъ Бутовъ, весь ушелъ въ хозяйство: отъ него вѣетъ спокойствіемъ и уравновѣшенностью, а Стелькинъ прожигаетъ жизнь, весело балагуря; скоморохъ и комикъ по призванію, онъ сыплетъ шутками и дьявольски откалываетъ трепака. Въ пляскѣ вполнѣ развертывается натура Стелькина. Предъ началомъ онъ обязательно выпьетъ „за здравіе плѣнныхъ и насъ военныхъ“, сдѣлаетъ жестъ, закладывающій усы за уши, и скорчитъ грозную мину и вдругъ,—лицо расплылось въ глупѣйшую улыбку, глаза перекосились, ноги дугой. Такъ пойдетъ вывертывать, что зрители не могутъ удержаться отъ смѣха.

— Ну, что новаго?—спрашиваетъ Ѳома, приглашая ихъ садиться.

— Жениться, парень, задумалъ, тебя пришелъ въ сваты звать,—отвѣчаетъ Стелькинъ.

— А чтобъ тебя женило...—смѣется Ѳома.

— А что,—развѣ плохъ молодецъ?—спрашиваетъ Стелькинъ, вытягиваясь и выразительно играя своей безусой физіономіей.

— Онъ гуляетъ нынче, говоритъ Бутовъ.

— А что-жъ, наше дѣло маленькое: немного поработаемъ, еще больше погуляемъ, такъ и жизнь проморгаемъ, а то станемъ помирать, нечѣмъ будетъ поминать. Правда, бабуся?

— Та правда, правда, одчепысь ты, сатано,—смѣется старуха, ставя на столъ угощеніе. Гости садятся.

— Ну что, браташа, однако скоро сѣять будемъ?—говоритъ Бутовъ.

— Да, вотъ, мало-мало подсохнетъ... Долго толкуютъ три пріятеля о деревенскихъ новостяхъ, о посѣвѣ, о видахъ на урожай. Стелькинъ и эти разговоры умудряется уснащать прибаутками и анекдотцами.

— Ну, парень, везетъ тебѣ сегодня на гостей,—вонъ ползетъ „господинъ прожекторъ“,—говоритъ онъ, выглядывая въ окно.

„Прожекторъ“, это — старовѣръ Филиппъ. О чемъ бы Филиппъ ни говорилъ, обязательно закончитъ „прожекторомъ“. Говоритъ ему, напримѣръ, Ѳома:—„Эхъ, Филиппъ, вотъ, братъ,

дѣлаю себѣ телѣжку, съ рессорами на желѣзномъ ходу.“ —„Словомъ, съ прожекторомъ“ — добавляетъ Филиппъ и на его бычачьемъ лицѣ расплывается улыбка. Или: „Ну, что, Филиппъ, нашелъ ты себѣ невѣсту?—„Нашелъ, паренекъ, эхъ, баба! закачаешься, отдай все да и мало, съ прожекторомъ!“

Слово это, очевидно, все,—что осталось у него отъ военной службы.

— Ну, вотъ, а ты говорилъ, что онъ не придетъ!—встрѣчаетъ его въ избѣ Стелькинъ.

— Здравеньки! Какъ, парень, можно безъ меня!

— Присаживайся, Филиппъ, сказывай, какъ дѣла, — приглашаетъ Ѳома.

— Дѣла, парень, идутъ,—контора пишетъ.

— Ну съ вами тутъ начнешь, не кончишь,—говоритъ Бутовъ, поднимаясь.

— Сиди!—уговариваетъ Ѳома.

— Гуляй къ намъ. Ѳома Тимофеевичъ!—приглашаетъ онъ, уходя.

— Почаще къ намъ, мимо насъ съ музыкой, — подхватываетъ Стелькинъ.

— Ну и ботало,—посылаетъ по его адрессу Ѳома, когда дверь закрывается за ними.

VI.

Быстро сушило горячее солнце мокрую землю. Первые ранніе цвѣты ужъ показались на поляхъ. Плавно распластавъ крылья, рѣяли въ голубомъ небѣ коршуны. Пробудились къ жизни „овражки“ и, выскакивая изъ норъ, наполняли поля своимъ цвыркапьемъ. Закопошилась, засуетилась деревня. Запоздавшіе наскоро налаживали бороны. Желтоватымъ маревомъ носилась пыль отъ разбиваемой земли надъ пашнями. День клонился къ закату, усталый ходилъ я по пашнѣ и съ петерпѣніемъ посматривалъ въ ту сторону, гдѣ Ѳома, разложивъ костеръ, готовилъ вечерній чай.

Вдругъ „гнѣдой“ у Луки, чего то испугавшись, вырвался и пошелъ колесить съ бороной. Сдѣлавъ нѣсколько концовъ, онъ бѣшенымъ галопомъ мчится на моихъ коней. Мгновеніе—и кони, и бороны представляли одинъ комокъ, вздымавшій облако пыли. „Знаетъ, подлецъ, что конь бѣшеный, и не обуздалъ! Вонъ съ пашни! Чтобъ мои глаза тебя не видали!“—кричитъ тоже бѣшено Ѳома, разстаскивая и удерживая ихъ. Когда это, наконецъ,

удается ему, онъ, держа въ поводу дрожащаго и тяжело сопящаго коня, со злостью набрасывается на Луку. Я отвожу лошадей, привязываю ихъ къ изгороди, а у боронъ, оба возбужденные и красные, возятся Ома съ Лукой, какъ за минуту передъ этимъ кони.

Я не желаю быть на мѣстѣ ихъ хозяина, и имъ никто не мѣшаетъ поднимать пыль. Но, наконецъ, представленіе кончено. Молча сидимъ мы съ Ѳомой за чаемъ, а Лука стоитъ у изгороди, сердитый, обиженный.

— Ну, иди, иди чай пить! Долго дуться будешь — больно губы толсты станутъ,—не глядя на него, зоветъ Ѳома.

— Не надо мнѣ твоего чая!—искоса взглянувъ въ нашу сторону, буркнулъ Лука.

— Вотъ человѣкъ! Гдѣ онъ такой уродился... Говоришь ему: обуздай, Лука, коня! „Хай у меня и такъ будетъ ходить", — передразниваетъ онъ Луку.

— Ну иди, чортъ!—зоветъ онъ вновь послѣ продолжительнаге молчанія. Лука бокомъ подходитъ и, глядя въ сторону, принимается за чай.

— Эхъ, Лука, Лука!—примиренно говоритъ Ѳома.—Сколько лѣтъ ты у меня работаешь и все балда балдою! Когда уже я тебя выучу!

— А все таки,—добавляетъ онъ, помолчавъ.—Нѣтъ лучше работника, чѣмъ Лука!

Лука взглянулъ на него просвѣтленнымъ взглядомъ, ухмыльнулся и, махнувъ въ воздухѣ рукой, крикнулъ:

— Ну, нѣтъ же лучше и хозяина, какъ Ѳома!

Я не могъ удержаться отъ смѣха. Взглянувъ изподлобья на меня, не выдержалъ и фыркнулъ Лука, за нимъ Ѳома, и такимъ образомъ полное примиреніе состоялось.

Когда мы ѣхали съ поля, пошелъ дождь. Черные тучи облегли небо. Загрохоталъ первый весенній громъ. Забдистала огненными зигзагами молнія. Я съежился въ телѣгѣ. Ѳома, молча, глядѣлъ въ небо. Думалъ ли онъ о своей загубленной жизни, вспоминалъ ли что нибудь дорогое, навсегда потерянное, но во взглядѣ, неподвижно устремленномъ въ бушующую высь, стояла глубокая печаль. Только, когда вдругъ ярко вспыхивала молнія, онъ прерывалъ свои тяжелыя думы и съ удивленіемъ говорилъ:

— Эхъ, вотъ, братъ, какъ!

Затѣмъ Ѳома привсталъ, глаза его заблестѣли восторгомъ и, широко обводя рукой горы, тучи, пригибаемый порывами вѣтра лѣсъ, онъ сказалъ:

— Если-бъ пожить вотъ такъ, хоть немного, какъ это...

Посматривая на разыгравшуюся бурю, онъ тяжело и часто дышалъ, словно хотѣлъ втянуть ее въ себя, слиться съ этимъ грохотомъ и блескомъ, такимъ не похожимъ на его сѣренькую нудную жизнь.

Н. С—скій.

Врачебное дѣло въ Ленской тайгѣ.

I.

Во всемъ пріисковомъ районѣ Алекминско-Витимской системы имѣется пять болѣе или менѣе удовлетворительно оборудованныхъ больницъ. На Бодайбо такъ назыв. врачѣ, попечительская [1]) больница на 40 кроватей при одномъ фельдшерѣ и акушеркѣ; въ 41 верстѣ отъ Бодайбо на Успенскомъ пріискѣ больница Компаніи Промышленности [2]) на 40 кроватей при одномъ врачѣ, двухъ фельдшерахъ и акушеркѣ; въ 20 вер. далѣе на 60 кроватей больница Ленскаго золотопромышленнаго Товарищества на пріискѣ Нижнемъ (2-я дистанція), здѣсь также врачъ, два фельдшера и акушерка; въ 20-ти верстахъ отъ послѣдней больница на пріискѣ Весеннемъ Ратькова-Рожнова (число кроватей неизвѣстно) при врачѣ и фельдшерѣ, и, наконецъ, въ 50 вер. далѣе на пріискѣ Тихоно-Задонскомъ вторая больница Ленскаго Товарищества (1-я дистанція) на 28 кроватей,—врачъ, фельдшеръ и акушерка-фельдшерица. Всѣ эти больницы, кромѣ Бодайбинской, принадлежатъ крупнѣйшимъ золотопромышленнымъ компаніямъ [3]), отдѣльные пріиски которыхъ разбросаны на многіе десятки верстъ. Такъ, двѣ больницы Ленскаго Товарищества обслуживаютъ районъ свыше 150 верстъ съ конца въ конецъ. На нѣкото-

---

[1]) Попечительство, а нынѣ Бюро завѣдуетъ общими нуждами всѣхъ промысловъ; оно соотвѣтствуетъ земской или городской управѣ; учрежденіе коллегіальное, выборное.

[2]) Нынѣ продавшей свое дѣло Ленскому Товариществу.

[3]) Въ настоящее время всѣ поглощены Ленскимъ Товариществомъ. (Англичане и Гипсбургъ).

рыхъ удаленныхъ отъ центральной больницы и болѣе или менѣе многолюдныхъ пріискахъ имѣются небольшіе пріемные покои, состоящіе въ завѣдываніи фельдшеровъ и изрѣдка посѣщаемые врачомъ. Такихъ покоевъ съ числомъ кроватей не свыше 10 въ Компаніи Промышленности существуетъ теперь три (на пріискахъ Нижне-Благовѣщенскомъ, Андреевскомъ и Крутомъ) и въ Ленскомъ Товариществѣ четыре (на Ѳеодосьевскомъ, Верхне-Бодайбинскомъ, Ивановскомъ и Спектральномъ). Наиболѣе удаленный изъ нихъ отъ центральной больницы Спектральный, расположенный отъ нея въ 60 верстахъ.

Мнѣ не пришлось ознакомиться съ одной лишь изъ вышеназванныхъ больницъ, а именно — Ратькова-Рожнова, пользующейся, какъ и все дѣло, самой невыгодной репутаціей въ тайгѣ. Самыми обширными и наилучше обставленными являются больницы: Компаніи Промышленности. Пищевое довольствіе во всѣхъ центральныхъ больницахъ по своему качеству, количеству и разнообразію мѣняется въ зависимости отъ врача, степени его внимательности къ больничному дѣлу и его отношенія къ пріисковому управленію. Въ девятисотыхъ годахъ врачи Ч. и Б. Компаніи Промышленности даже щеголяли роскошью больничнаго стола. Въ имѣющемся у меня печатномъ листикѣ „свѣдѣніе“ (для кухни) о количествѣ порцій въ 1897 году помѣщены слѣдующія блюда: щи, супъ картофельный, супъ съ манной крупой, бульонъ, лапша, уха, пельмени, молочная порція, жареное мясо, котлета мясная, котлета рыбная, бифштексъ, студень, кисель, каша манная и рисовая.

Въ больницѣ Нижняго пріиска Ленскаго Товарищества расходъ на пищевое довольствіе больныхъ значительно скупѣе. Здѣсь врачъ (1903—1904 г.) считалъ своей обязанностью въ интересахъ управленія быть экономнымъ, хотя его система, несомнѣнно, приводила къ обратнымъ результатамъ, отражаясь или на увеличеніи больныхъ поденщинъ, или, при преждевременной выпискѣ изъ больницы, на ослабленіи трудоспособности рабочаго.

Въ общемъ все же слѣдуетъ сказать, что оборудованіе центральныхъ больницъ крупныхъ компаній, лѣченіе и содержаніе въ нихъ больныхъ производятъ весьма благопріят-

ное впечатлѣніе въ особенности для посторонняго пріѣзжаго человѣка, каковымъ, между прочимъ, является и медицинскій инспекторъ, пріѣзжающій на пріиски разъ въ годъ и осматривающій больницы, и то обыкновенно лишь бодайбинскую и успенскую, что называется, на лету. Въ 1904 г. онъ дальше г. Бодайбо не ѣздилъ и, побывавъ минутъ 10 въ попечительской больницѣ, на другой день уѣхалъ обратно въ Иркутскъ.

Однако было бы большой ошибкой судить о положеніи врачебнаго дѣла на пріискахъ по двумъ-тремъ недурно обставленнымъ больницамъ большихъ компаній, по внѣшней, казовой, такъ сказать, ихъ сторонѣ.

Одинъ яркій примѣръ—правда, изъ довольно отдаленнаго прошлаго—показываетъ, на сколько необходима осторожность въ заключеніяхъ на основаніи бѣглаго осмотра начальствующихъ или иныхъ пріѣзжихъ, не знакомыхъ съ дѣйствительной сущностью дѣла лицъ. Въ 1873 г. горный исправникъ доносилъ: „на пріискахъ Ленскаго Товарищества и К° Базанова и Сибирякова (К° Промышленности) больницы не оставляютъ желать ничего лучшаго". По въ это же самое время одинъ рабочій разсказываетъ въ газетѣ „Сибирь" [1]), что въ больницѣ Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова „нѣтъ ни бѣлья, ни халатовъ: кто въ чемъ пришелъ съ работы, въ томъ и ложись на койку, на которой находится грязный, набитый залежалой соломой матрацъ. А простынь, полотенецъ, столовой посуды для каждодневнаго употребленія для больныхъ и въ заводѣ нѣтъ. Оно, если хотите, все есть, даже другой комплектъ матрацовъ со свѣжей соломой; но все это хранится въ цейхгаузѣ на случай пріѣзда исправника... Въ случаѣ пріѣзда исправника „выдадутъ чистое бѣле, посуду; на кухнѣ неожиданно является капуста, говядина какъ то иначе смотритъ" [2]). Я хорошо зналъ автора этого сообщенія , М. Н. Рѣшетникова, изъ простыхъ рабочихъ, ставшаго впослѣдствіи резидентомъ Ленскаго Товарищества на Бодайбо. По его словамъ, въ статьѣ его многое смягчено редакціей, а нѣкоторыя прямо вопіющія безобразія, казавшіяся невѣроятными, пропущены. Эта тенденція скрыть

---

[1]) „Сибирь", 1873 г., № 8, стр. 1.

[2]) В. И. Семевскій. Т. II, стр. 423.

дѣйствительность и пустить пыль въ глаза мишурой не вполнѣ вывелась въ тайгѣ и по сю пору.

Въ 1894 г. В. И. Семевскій нашелъ, что больница К° Промышленности „устроена, дѣйствительно, прекрасно". Это такъ; но вѣрно и то, что заранѣе были приняты мѣры произвести на него наилучшее впечатлѣніе. Сообщеніе о его прибытіи на Бодайбо (при чемъ онъ былъ названъ докторомъ медицины, вмѣсто доктора исторіи) вызвало цѣлый переполохъ: больницу вычистили, перемѣнили бѣлье — все было приведено въ праздничный видъ. Разумѣется, это въ порядкѣ вещей, и я только хочу сказать, что и на пріискахъ не все то золото, что блеститъ, какъ въ этомъ читатель убѣдится изъ настоящей статьи.

Пріемные покои, находящіеся въ сторонѣ отъ центровъ промысловыхъ управленій (гдѣ обыкновенно расположены центральныя больницы), далеко уже не производятъ пріятнаго впечатлѣнія. Вотъ, напримѣръ, описаніе пріемнаго покоя на Спектральномъ пріискѣ Ленскаго Товарищества, заимствованное мною изъ диссертаціи доктора Коренева: „Пріемный покой находится въ деревянномъ домѣ подъ одной крышей съ казачьей, при которой тутъ же и карцеръ для арестованныхъ. Главный контингентъ послѣднихъ это - пьяные, которые при арестѣ всегда шумятъ очень долгое время, ломясь въ дверь, стуча въ стѣны, ругаясь и издавая самые ужасные крики или распѣвая пѣсни дикимъ голосомъ. Такое сосѣдство не особенно удобно для больныхъ, для которыхъ тишина и спокойствіе—самое необходимое условіе. Все помѣщеніе высоты 3 ар. 14 в., длиною 7 ар. 7 вер., шириной 7 ар. 12 вер. На этомъ пространствѣ помѣщается аптека, передняя и палата на 4 койки. Помѣщеніе новое, не осѣвшее, конопачено мохомъ. Отъ оконъ очень дуетъ, особенно зимой, когда на улицѣ бываетъ ниже 30° R. Стѣны и потолокъ не выбѣлены, съ потолка сыплется земля; полъ некрашеный и грязный. Помѣщеніе для аптечки на столько мало, что, когда открыты дверцы у шкафа съ медикаментами, въ комнатѣ почти не остается мѣста.

Это помѣщеніе служитъ и пріемной, для чего въ немъ поставлена кровать, подъ которой на полу находится складъ медикаментовъ, не помѣстившихся въ шкафу. Медикаменты въ бумажныхъ мѣшкахъ, перевязочные матеріалы въ откры-

томъ ящикѣ. Инструментовъ почти нѣтъ, одни ланцеты и то тупые. По заявленію фельдшера, врачъ все привозитъ съ собою. Въ виду отдаленности этого пріемнаго покоя [1]), слѣдовало бы все необходимое имѣть тутъ же подъ руками. При командѣ въ 200 человѣкъ всегда возможны случаи, когда потребуется немедленная помощь... Перегоннаго куба нѣтъ, и, слѣдовательно, лѣкарства приготовляются не на дистиллированной водѣ, а лишь на прокипяченой.

Въ пріемномъ покоѣ повернуться негдѣ, а амбулаторныхъ бываетъ, по словамъ фельдшера, до 11 человѣкъ. Больные главнымъ образомъ ревматики, а между тѣмъ разстояніе больнички отъ отхожаго мѣста больше 50 саженъ. Этотъ путь больные проходятъ въ туфляхъ; подчасъ по непротоптанной въ глубокомъ снѣгу тропинкѣ. Для трудныхъ больныхъ нѣтъ ни переноснаго, ни подкладочнаго судна. Бѣлье съ больныхъ стирается съ бѣльемъ служащихъ въ единственной прачешной, при чемъ не принимается никакихъ мѣръ предосторожности... Ванны совсѣмъ нѣтъ (я не знаю ни одного пріемнаго покоя съ ванной. *Я. С.*), между тѣмъ нерѣдко ванна является одной изъ самыхъ важныхъ терапевтическихъ мѣръ. Приспособленій для стерилизаціи какъ инструментовъ, такъ и перевязочныхъ матеріаловъ, совсѣмъ не имѣется. Кромѣ котла, въ которомъ готовятъ больничную пищу, не въ чемъ прокипятить инструменты. Помѣщенія для родильницъ нѣтъ. Родить приходится или въ общей палатѣ съ мужчинами, или въ казармѣ. Пріемный покой производитъ впечатлѣніе такое, что, устраивая его, пріисковое управленіе заботилось только о томъ, чтобы съ формальной стороны соблюсти требованіе закона"...

Я посѣтилъ этотъ покой въ августѣ 1903 г. Единственную перемѣну, какую нашелъ въ немъ, это переводъ казачьей въ другое помѣщеніе и побѣлку стѣнъ известью. Покой былъ пустъ и главная врачебная система фельдшера (онъ и матеріальный этого пріиска) заключалась въ томъ, чтобы отбить у рабочихъ всякое желаніе обращаться къ его помощи.

Указанія врача пріисковому управленію на крайнюю не-

---

[1]) 60 верстъ при полномъ бездорожьи, такъ что лѣтомъ сообщеніе только верхомъ.

удовлетворительность этого пріемнаго покоя оставались „безъ послѣдствій", а между тѣмъ за 10-лѣтнюю эксплуатацію Спектральный пріискъ далъ Товариществу до 60 пудовъ золота.

Другой извѣстный мнѣ пріемный покой Ленскаго Товарищества, въ противоположность предыдущему, находится на Феодосьевкомъ пріискѣ, въ очень близкомъ разстояніи отъ центральной больницы (9 верстъ) и соединенъ съ ней хорошей дорогой, что, по отзыву доктора Корешева, „не оставляетъ желать какихъ-либо измѣненій въ этомъ покоѣ, кромѣ усиленія вентиляціи, лучшаго устройства отхожихъ мѣстъ и замѣны *желѣзныхъ печей*—голландскими". Не знаю, можетъ быть, въ 1900 г. это и было такъ, но въ 1904 г. Феодосьевскій покой (на 10 кроватей) даже по признанію врача Ш., одного изъ самыхъ „удобныхъ" съ точки зрѣнія интересовъ управленія, находился въ болѣе чѣмъ неудовлетворительномъ состояніи. Зданіе никуда не годится, вся моча скопляется въ подпольѣ, и вонь отъ нея даетъ себя знать на значительномъ разстояніи отъ покоя. Врачъ Ш. при всей своей нетребовательности и небреженіи къ заболѣвающимъ рабочимъ просилъ отвести другое зданіе подъ покой, но получилъ уклончивый отвѣтъ, равносильный отказу. Между тѣмъ на Феодосьевскомъ пріискѣ 800—900 человѣкъ рабочей команды, и врачъ Ш., за неимѣніемъ мѣстъ ни въ покоѣ, ни въ центральной больницѣ, вынужденъ былъ оставлять довольно серьезныхъ больныхъ въ казармахъ. Въ 1901 г. существовала въ 3—4 верстахъ отъ Нижняго пріиска больница Бодайбинской Компаніи, но съ переходомъ ея предпріятія въ Государственный Банкъ и присоединеніемъ къ Ленскому Товариществу подъ одно управленіе, послѣднее, въ видахъ экономіи упразднило больницу на Прокопіевскомъ пріискѣ, не оставивъ здѣсь даже пріемнаго покоя. Эта экономія привела къ слѣдующимъ назидательнымъ результатамъ: до 1897 г., когда Ленское Товарищество ограничивало свои операціи дальней тайгой (Олекминскій округъ), оно содержало одну центральную больницу и три пріемныхъ покоя съ общимъ числомъ кроватей 41; врачебный персоналъ состоялъ изъ одного врача, 5 фельдшеровъ и 1 акушерки на команду въ 2.341 рабочаго или 1.284 годовыхъ (по отчету 1896 г.). Съ поглощеніемъ этимъ товариществомъ двухъ крупныхъ предпріятій Базилевскаго и Бодайбинской Компаніи, здѣсь имѣется теперь двѣ больницы и 4 пріем-

ныхъ покоя—при 70—75 кроватяхъ, два врача, 6 фельдшеровъ и двѣ акушерки; количество рабочихъ 6.876 (по отчету 1903 г.), т. е. годовыхъ 2.504.

Такъ какъ болѣетъ не отвлеченная экономическая единица, годовой рабочій, а живой человѣкъ, то, произведя соотвѣтствующія выкладки, получимъ, что въ старомъ Ленскомъ Т-вѣ одна кровать приходилась на 57 рабочихъ, а изъ лицъ врачебнаго персонала одно на 334 рабочихъ; въ новомъ же, составившемся изъ трехъ крупнѣйшихъ въ тайгѣ дѣлъ, одна кровать на 90 человѣкъ и одно лицо врачебной профессіи на 687 душъ. По закону, каждое горнозаводское предпріятіе обязано имѣть больницу съ такимъ числомъ кроватей, чтобы одна приходилась на 100 рабочихъ. „По счастью,- говоритъ д-ръ Корепевъ, -ни одна изъ крупныхъ компаній не руководствуется такой нормой“: больницы ихъ разсчитаны на большее число рабочихъ, чѣмъ ихъ имѣется въ дѣйствительности. Но само по себѣ число кроватей еще не свидѣтельствуетъ о достодолжной постановкѣ врачебнаго дѣла. Я зналъ больницу на Нижне-Михайловскомъ пріискѣ Плетюхина, гдѣ было вдвое больше кроватей противъ нормы, но онѣ большую часть рабочаго времени (100 лѣтнихъ дней) оставались пустыми, больные же лежали въ баракахъ или въ своихъ шалашахъ, въ трудныхъ случаяхъ отправлялись на Бодайбо.

Настоящимъ мѣриломъ состоянія врачебнаго дѣла слѣдуетъ признать содержаніе предпріятіемъ собственнаго врача; ни одинъ врачъ, каковъ бы онъ ни былъ, не примирится съ той обстановкой, какую мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ въ пріемныхъ покояхъ и съ той степенью зависимости отъ управленія, въ какой состоятъ обыкновенно фельдшера.

Вотъ почему упраздненіе врача и больницы (въ бывшемъ дѣлѣ Бодайбинской Компаніи) является серьезнымъ ухудшеніемъ положенія рабочихъ Ленскаго Товарищества во врачебномъ отношеніи.

Обращаясь къ больничнымъ помѣщеніямъ въ мелкихъ и среднихъ золотопромышленныхъ предпріятіяхъ, я долженъ сказать, что мнѣ лично хорошо извѣстно лишь два такихъ помѣщенія: на Плетюхинскихъ (нынѣ Фризера) пріискахъ по Бодайбо и Спасскомъ пріискѣ Минѣевой по Хомолхо (Олекминской системы). Но прожившему на пріискахъ въ теченіе

4 лѣтъ нѣтъ надобности осмотрѣть собственными глазами всѣ или большинство пріемныхъ покоевъ этой категоріи, достаточно привести заявленіе доктора Кореневa.

„Когда я возмущался, говоритъ онъ, всѣмъ видѣннымъ на осмотрѣнныхъ мною мелкихъ пріискахъ, окружной инженеръ Ленскаго округа высказалъ мнѣ сожалѣніе, что я не попалъ въ сѣверную Олекминскую тайгу: „тамъ вы, говорилъ онъ, увидѣли бы картинки почище". Надо помнить, что въ сѣверной части Олекминской системы пути сообщенія еще ужаснѣе, и когда туда отправляется окружной инженеръ, имъ снаряжается цѣлая экспедиція, приходится имѣть запасныхъ лошадей для верховой ѣзды. Самый скорый объѣздъ этой части системы отнимаетъ отъ него больше мѣсяца времени ежегодно. Во многихъ мѣстахъ лошадь идетъ по брюхо въ болотѣ. „Только злая судьба, забросившая въ тайгу рабочаго, заставляетъ его, когда передъ нимъ изъ-за слабости или по какой либо другой причинѣ, закрываются двери крупныхъ компаній, попадать въ эти трущобы. Какъ они тамъ живутъ, какъ ихъ тамъ лѣчатъ и кто,—одному Богу извѣстно. Вѣрнѣе, ничего для лѣченія не дѣлается, а разъ захворалъ рабочій, его разсчитываютъ и предоставляютъ ему самому выбраться оттуда пѣшкомъ до попечительской больницы, если до нея донесутъ ноги, или до первой избушки отрядныхъ, гдѣ онъ и отлеживается или отдаетъ Богу душу" [1]). Такъ и дѣлается, скажу я отъ себя, и не только въ медвѣжьихъ углахъ, а и въ довольно крупныхъ предпріятіяхъ въ сравнительной близости отъ резиденціи горнаго исправника и врача. Въ бытность мою на Тихоно-Задонскомъ (августъ 1903 г.) врачъ прислалъ ко мнѣ на квартиру трехъ рабочихъ со слѣдующей запиской: „вотъ вамъ образчики обращенія золотопромышленниковъ со своими рабочими даже со стороны сливущихъ передовыми людьми". Это были едва стоявшіе на ногахъ цинготные, пришлевшіеся за 25 в. изъ Константиновскаго пріиска Ратькова-Рожнова. Вмѣсто того, чтобы лѣчить ихъ въ пріемномъ покоѣ, арендаторы разсчитали ихъ и выпроводили съ миромъ на всѣ четыре стороны. Нѣтъ также надобности слишкомъ далеко заходить, чтобы видѣть карикатурныя больницы, подобныя описанной Кореневымъ.

[1]) Кореневъ. Диссертація, стр. 207—209.

Больница на пріискахъ Плетюхина въ 5—6 верстахъ отъ Бодайбо—прекрасный тому примѣръ. Этотъ золотопромышленникъ, бывшій спиртонось, не стѣснялся открыто высказывать свое негодованіе на „заботливость правительства“ (!) о рабочихъ: заболѣвшій рабочій, какъ обуза для дѣла, по его мнѣнію, „можетъ сдыхать и подъ кустомъ“. У него въ больницѣ не было не только никакого бѣлья, но и самыхъ необходимѣйшихъ лѣкарствъ и даже освѣщенія не полагалось. Въ случаѣ надобности осмотрѣть сильно стонавшаго больного, горчайшій пьяница фельдшеръ зажигалъ лучину. Заболѣвшіе рабочіе предпочитали обыкновенно обращаться ко мнѣ, состоявшему частнымъ учителемъ у управляющаго пріисками, и лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ соглашались идти въ больницу, гдѣ ихъ буквально морили голодомъ. Не будучи ни фельдшеромъ, ни врачомъ, я долженъ былъ запастись небольшой аптечкой изъ наиболѣе употребительныхъ медикаментовъ. Больница состояла въ вѣдѣніи бодайбинскаго попечительскаго врача, но за весь годъ (1897—1898) онъ ни разу не посѣтилъ ее; посѣщалъ пріискъ лишь по зову для семьи управляющаго или кого либо изъ старшихъ служащихъ,

Въ 1903 г. мнѣ не случалось быть въ этой больницѣ (пріиски состояли въ арендѣ Кобрицкаго и К°), но, по словамъ служащихъ, особенныхъ перемѣнъ къ лучшему въ ней не произошло, несмотря на громадное количество рабочихъ, доходившее въ предыдущіе (1901 и 1902 г.) до 1000 старателей лѣтомъ, а въ 1903 г. до 350 однихъ контрактныхъ („хозяйскихъ“).

Обязательное постановленіе отъ 9-го апрѣля 1893 г. гласитъ: „горные заводы и промыслы, имѣющіе не менѣе 400 рабочихъ, при своихъ больничныхъ помѣщеніяхъ должны имѣть постояннаго врача, посѣщающаго ежедневно заводъ или промыселъ въ опредѣленные часы“ (ст. 5) [1]). На основаніи этого постановленія, такія предпріятія, какъ Кобрицкаго и К° (арендаторы пріисковъ, бывшихъ Плетюхина) по рѣкѣ Бодайбо; арендаторовъ Константиновскаго пріиска Ратькова-Рожнова (въ Олекминской системѣ), у которыхъ скопляется

[1]) См. Бертенсонъ. Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Замосковскаго и Средневолжскаго округа. С.-Петербургъ, 1895, стр. 27.

до тысячи рабочихъ старателей, обязанъ имѣть врача, *ежедневно* посѣщающаго больницу. Правда, главныя работы здѣсь производятся только въ теченіе лѣта и осени до 5 мѣсяцевъ, но нанимаютъ же на это время штатъ служащихъ, почему же не нанимать и врача. Мелкія дѣла, съ числомъ рабочихъ до 100 и свыше обязаны, имѣя постояннаго фельдшера, приглашать врача во всѣхъ болѣе серьезныхъ случаяхъ. Содержаніе особаго врача для большинства такихъ предпріятій не по силамъ; имъ приходится заключать отдѣльныя условія съ врачами крупныхъ компаній; но такой медицинскій надзоръ, или по молчаливому соглашенію сторонъ, или за дальностью разстояній, часто является лишь номинальнымъ, превращаясь въ чисто формальное исполненіе требованій закона. Такъ же поступаютъ и всѣ средней руки золотопромышленники, изъ которыхъ одни, какъ указано мною выше, не имѣютъ своихъ врачей только по снисходительности къ нимъ мѣстныхъ правительственныхъ властей; другіе же съ полнымъ удобствомъ могли бы соединяться вмѣстѣ для организаціи больницы и содержанія постояннаго врача; напримѣръ, дѣла Сисина, Шварцберга и Горѣлова расположены по Хомолхо непосредственно одно за другимъ; въ такомъ же положеніи другъ къ другу Михайло-Архангельскій и Полезный пріискъ по Водайбо. Но, повидимому, гораздо удобнѣе приплачивать нѣсколько сотъ рублей чужому врачу, который при всей своей добросовѣстности, обремененный работой при многолюдной командѣ своей К°, не въ состояніи часто наѣзжать за нѣсколько десятковъ верстъ, напримѣръ, съ Тихоно-Задонскаго на Холомхо. А это то именно и требуется, такъ какъ регулярный и постоянный медицинскій надзоръ для золотопромышленниковъ вовсе не интересенъ. Безнадежность положенія врачебнаго дѣла въ мелкой средней золотопромышленности усугубляется крайне не высокаго качества фельдшерскимъ персоналомъ. Вотъ какую характеристику его даетъ въ своей диссертаціи докторъ Кореневъ: „Главный недостатокъ фельдшеровъ—пьянство. Даже изъ тѣхъ хорошихъ фельдшеровъ, какихъ мнѣ пришлось встрѣтить, съ которыми надо было вмѣстѣ работать, я ни одного не видѣлъ такого, который бы не былъ склоненъ къ періодическому или даже постоянному злоупотребленію алкоголемъ. Въ мелкихъ ком-

паніяхъ не мало такихъ фельдшеровъ, у которыхъ не только нѣтъ свидѣтельства объ окончаніи фельдшерской школы, но нѣтъ даже свидѣтельства батарейнаго, эскадроннаго и т. п. фельдшеровъ... Въ глуши чаще всего приходится встрѣчать такихъ фельдшеровъ, у которыхъ уровень познаній ниже, чѣмъ у хорошаго больничнаго служителя.

„Грубость съ рабочими, замѣчаетъ далѣе Кореневъ, традиціонная черта всѣхъ фельдшеровъ и нѣкоторыхъ врачей. На каждаго больного въ тайгѣ смотрятъ прежде всего, какъ на лѣнтяя, которому хочется поваляться въ больницѣ на даровыхъ хлѣбахъ, а потому каждаго больного встрѣчаютъ не особенно ласково [1]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что фельдшера на мелкихъ пріискахъ часто занимаютъ должности ничего общаго съ ихъ званіемъ не имѣющія, какъ то: матеріальнаго, смотрителя бутаръ, конторскаго служащаго и т. д. Даже въ такомъ крупномъ дѣлѣ, какъ Ленское Товарищество, я встрѣтилъ на Спектральномъ пріискѣ фельдшера, совмѣщавшаго въ себѣ и обязанности матеріальнаго. Онъ на столько не дорожилъ своей профессіей, что вскорѣ перешелъ на ту же должность на другой пріискъ, уже совсѣмъ отказавшись отъ медицины, за что можно только воздать ему хвалу.

За позднѣйшіе годы у меня есть только голая цифра расхода на больничное дѣло въ Ленскомъ Товариществѣ до 1903 г.: 70.830 руб. на команду въ 6876 человѣкъ, т. е. 10 руб. съ копѣйками на человѣка.

По поводу этихъ цифръ докторъ Кореневъ восклицаетъ: „какъ все это не похоже хотя бы на описанные Святловскимъ сахарные заводы Царства Польскаго, гдѣ вся затрата на медицинскую часть на всѣхъ 36 заводахъ 40.000 р. въ годъ!“ [2]). Съ своей стороны укажу на Европейскую Россію, гдѣ по произведеннымъ разсчетамъ расходы фабрикантовъ на врачебную помощь въ 1897 году составляли 3 руб. 91 коп. на одного рабочаго [3]). При сравненіи этой цифры съ вышеприведенными, разница въ пользу пріи-

---

[1]) Кореневъ. Диссертація, стр. 211.

[2]) Кореневъ. 204 стр.

[3]) Рабочій вопросъ и фабричное законодательство въ Россіи. Лунцъ. „Русское Богатство“ 1903 г. кн. 5.

сковъ чрезвычайно велика; въ дѣйствительности же она гораздо и гораздо меньше, если только не равняется нулю. Большія пріисковыя цифры превратятся въ столь же скромныя, какъ и фабричныя, если принять во вниманіе: 1) что при выведеніи ихъ принято въ разсчетъ только меньшая часть пріисковаго рабочаго населенія законтрактованные рабочіе; 2) что значительная часть затрачиваемыхъ суммъ на больничное дѣло идетъ на содержаніе врача, достигавшее, напр., въ Компаніи Промышленности (вмѣстѣ съ жалованіемъ) до 25,000 руб. въ годъ; 3) что стоимость жизненныхъ средствъ, благодаря отдаленности и пустынности края, несравненно выше на пріискахъ Ленскаго округа, чѣмъ въ Европейской Россіи. Принимая все это во вниманіе, мы едва ли найдемъ достаточный резонъ восторгаться *особенной* заботливостью золотопромышленниковъ о здоровьѣ своихъ рабочихъ.

II.

Положеніе врача на Золотыхъ промыслахъ Олекминско-Витимской системы въ матеріальномъ отношеніи можно считать завиднымъ. Въ Компаніи Промышленности врачъ получалъ 10,000 р. въ годъ, въ Ленскомъ Товариществѣ 6.000 руб. въ дальней тайгѣ и 4.000 руб. въ ближней съ правомъ третій годъ проводить въ отпуску съ сохраненіемъ содержанія. Такъ какъ каждый врачъ крупной компаніи обыкновенно завѣдуетъ больничнымъ дѣломъ въ нѣсколькихъ сосѣднихъ мелкихъ и среднихъ пріискахъ, то окладъ его жалованья простирается отъ 8 до 12 и болѣе тысячъ рублей (въ Компаніи Промышленности).

За послѣднія 4—5 лѣтъ оклады эти нѣсколько уменьшились, благодаря сокращенію доходовъ крупныхъ К° и стремленію къ экономіи. Кромѣ того, врачу полагается квартира, отопленіе, освѣщеніе, прислуга, экипажъ, лошадь или двѣ въ полное его распоряженіе, при хозяйскомъ фуражѣ; для разъѣздовъ же по пріискамъ на болѣе или менѣе далекія разстоянія управленіе даетъ особыхъ лошадей. Врачъ можетъ имѣть корову, получая кормъ для нея отъ управленія, разводить парники, огородъ при даровыхъ рабочихъ поденщикахъ. Въ 1898 г. все содержаніе врача въ К° Промышленности плюсъ жалованье обходилось до 35.000 р. Въ другихъ

К° до 15 и 10 тысячъ и меньше, какъ, напр., за послѣдніе годы въ Ленскомъ Товариществѣ.

Фельдшера получаютъ при готовомъ содержаніи (кромѣ стола) отъ 100 до 175 р. въ мѣсяцъ, при этомъ ежегодныя наградныя: врачъ 500 и болѣе руб., фельдшеръ 150—200 р. Въ мелкихъ предпріятіяхъ жалованье фельдшера, если онъ не совмѣщаетъ въ себѣ другихъ обязанностей, отъ 50 р. (какъ было у Плетюхина) до 100 р. въ мѣсяцъ. Акушерка—100 и 150 р. Постоянное жалованье не исключаетъ возможности частной практики.

Но если матеріальное положеніе врачебнаго персонала не оставляетъ желать лучшаго, то нельзя сказать того же объ этической сторонѣ, которая не можетъ не страдать, благодаря зависимому положенію отъ управленій. Врачъ, заботящійся о томъ, чтобы больница всецѣло удовлетворяла своему назначенію, служащій добросовѣстно не промышленному предпріятію, а больному, не можетъ быть выгоденъ золотопромышленнику. Предприниматель прежде всего эксплуататоръ рабочей силы, и всякія идеальныя, гуманныя отношенія къ этой силѣ не совпадаютъ съ его личными интересами. На пріискахъ далекаго Ленскаго округа, внѣ вліянія культурныхъ центровъ и какого бы то ни было контроля гласности, капиталистическая тенденція—взять у рабочаго какъ можно больше и дать ему какъ можно меньше—выступаетъ часто въ самомъ грубомъ и обнаженномъ видѣ. Неразвитость и отсутствіе классового чувства собственнаго достоинства у рабочихъ давали полный просторъ хищническимъ вожделѣніямъ золотопромышленниковъ. Правительственная власть обыкновенно потворствуетъ этимъ инстинктамъ; но нельзя не признать, что созданіемъ больницъ, школъ и вообще нѣкоторымъ улучшеніемъ положенія рабочаго пріиски обязаны только ея понужденію. Безъ начальственнаго воздѣйствія, все это, смѣло можно сказать, могло возникнуть только за послѣднія 10—15 лѣтъ, т. е. подъ вліяніемъ требовательности культурно поднявшагося самого рабочаго. Еще и теперь, внѣ крупныхъ предпріятій, какъ мы видѣли, больничное дѣло почти отсутствуетъ, и какой нибудь С., навѣсившій на себя полуфунтовыя цѣпи и брелоки, или К., скупающій десятки пудовъ золота въ годъ, всячески избѣгаютъ на эту статью даже самыхъ скромныхъ

расходовъ. У меня имѣется свѣдѣніе о расходахъ на врачебную часть только отъ одного средней руки дѣла, вырабатывающаго 7—8 пудовъ.—Расходъ этотъ въ 1902 г. равнялся 2.633 р. Изъ нихъ 600 р. врачу сосѣдней большой К° и 1.200 р. фельдшеру, да содержаніе сторожа не менѣе 150 р.; итого на лѣченье и довольствіе больныхъ при командѣ 100—150 чел. годовыхъ—383 р. (!), считая въ томъ числѣ кухарку и прачку (поденщицъ). Даже для крупныхъ К°, гдѣ эксплуатація перестаетъ уже носить грубый, рабовладѣльческій характеръ, обязательная медицинская помочь рабочему люду, все еще зло, съ которымъ лишь волей-неволей приходится мириться. При такихъ условіяхъ врачъ поставленъ въ фальшивое положеніе: жалованье и извѣстное содержаніе обезпечено ему на 2, на 3 года контрактомъ. Но расширить удобства его жизни до размѣровъ роскоши (К° Промышленности) или низвести до едва терпимаго minimum'a, юридически не нарушая контракта (Ленское Товарищество II-я дистанція) -всецѣло въ рукахъ управленія. Понятно, если врачу по слабости природы hominis sapientis и непрочности студенческаго идеализма приходится больше блюсти интересы хозяина въ ущербъ работнику. За всю полустолѣтнюю пріисковую исторію было только два исключенія, да и въ этихъ случаяхъ оба врача могли уживаться на пріискахъ, благодаря своему высокому нравственному авторитету, обаянію котораго не могъ порою не поддаваться, несмотря на всю свою буржуазность, интеллигентный и умный главноуправляющій. Всѣ же другіе довольствовались ролью наемниковъ, угождавшихъ своимъ хозяевамъ и въ лучшемъ случаѣ лавировавшимъ съ сомнительнымъ успѣхомъ между Сциллой хозяйскихъ выгодъ и Харибдой здоровья рабочаго населенія. Отъ врача, желающаго сохранить свое хорошо оплачиваемое и комфортабельно обставленное мѣсто на пріискахъ, требуется: 1) строгій выборъ при осмотрѣ нанимающихся рабочихъ; 2) какъ можно меньше больныхъ поденщинъ; 3) нетребовательность по части больничнаго благоустройства, лѣчебныхъ средствъ, пищи, прислуги и т. д.; 4) соблюденіе хозяйскихъ интересовъ паче интересовъ рабочаго, при освидѣтельствованіи пострадавшихъ отъ полученныхъ увѣчій на работахъ.

Осмотръ при наемкѣ имѣетъ цѣлью выбрать самые здо-

ровые и сильные „экземпляры“, отбрасывая всѣхъ слабыхъ и не внушающихъ довѣрія къ прочности своего здоровья. Капиталисту, какъ и всякому покупателю, нуженъ доброкачественный товаръ, и это его право, которое не приходится оспаривать. Чѣмъ строже осмотръ, чѣмъ подборъ команды лучше, тѣмъ меньше заболѣваемость и тѣмъ больше, слѣдовательно, извлекаемая изъ нея такъ называемая прибавочная стоимость. Докторъ Б. меньшій процентъ заболѣваній въ Компаніи Промышленности объяснялъ особой тщательностью въ подборѣ команды; это было тѣмъ легче достижимо, что народъ преимущественно валомъ валилъ въ эту компанію, славившуюся богатымъ подъемнымъ золотомъ. Осмотръ производился на Витимѣ; въ Ленскомъ Товариществѣ дѣлалась вторичная фильтрація на Тихоно-Задонскомъ. Но здѣсь врачъ былъ снисходительнѣе (съ 1896—1903 г.) и не могъ не считаться съ безвыходностью положенія завлеченныхъ на пріискъ рабочихъ, въ случаѣ ихъ забраковки; болѣе слабыхъ онъ обыкновенно не устранялъ, а отмѣчалъ годными для верховыхъ, болѣе легкихъ работъ. Эти „злоупотребленія“ врача (по выраженію одного пріисковаго инженера, а потомъ подрядчика при постройкѣ Кругобайкальской желѣзной дороги) сходили врачу съ рукъ только благодаря его хорошимъ личнымъ отношеніямъ къ главноуправляющему. Степень строгости при осмотрѣ регулируется указаніями управленія, которое руководствуется спросомъ на рабочія руки на данную операцію и ихъ предложеніемъ.

Расходы, не приносящіе непосредственнаго дохода на затраченный капиталъ, конечно, не могутъ нравиться управленіямъ, а потому заботы врача о благоустройствѣ больницы не встрѣчали и не встрѣчаютъ съ ихъ стороны сочувствія. Исключеніемъ являлась Компанія Промышленности въ пору своего благоденствія, гдѣ жизнь служащихъ высшаго ранга текла въ непрерывномъ пиру, и управленіе ни въ чемъ ихъ не стѣсняло, не исключая и хищеній. Желанія врача удовлетворялись не какъ нужное, необходимое дѣло, а какъ прихоть или же изъ тщеславія показать больницу во всемъ блескѣ при пріѣздѣ большого начальства края. Теперь уже эти времена миновали, въ Ленскомъ же Товариществѣ я о такихъ временахъ не слыхалъ. За то знаю такіе примѣры: врачъ на Тихоно-Задонскомъ пріискѣ требовалъ уст-

ройства ванны въ больницѣ. Главноуправляющій официальной бумагой запросилъ врача, на чемъ онъ основываетъ свое требованіе. Тотъ сослался на распоряженіе горно-заводскаго присутствія и былъ вполнѣ увѣренъ, что дѣло его въ шляпѣ. Каково же было его разочарованіе, когда главноуправляющій заявилъ, что такъ какъ за неисполненіе предписанія присутствія полагается штрафъ въ 50 руб., то выгоднѣе заплатить штрафъ, чѣмъ затрачивать на ванны нѣсколько сотъ рублей.

Тотъ же главноуправляющій долго не соглашался съ требованіемъ врача объ увеличеніи коекъ въ пріютской больницѣ съ 6 на 8 (2 спеціально для якутовъ). Въ виду крайней недостаточности больничныхъ коекъ, врачъ, не считая себя въ правѣ гнать больного, требующаго медицинской помощи,—вынужденъ былъ принимать какъ въ пріютскую, такъ и въ центральную больницу сверхъ комплекта. И вотъ что постановило по этому поводу общее попечительское собраніе золотопромышленниковъ Олекминской системы 15-го декабря 1900 г. (господствующими въ этой системѣ являлись дѣла Ленскаго Золотопромышленнаго Товарищества и Ратькова-Рожнова). „Всякій перерасходъ по лѣченію и содержанію больныхъ какъ въ пріютскомъ покоѣ, такъ и въ пріисковыхъ больницахъ участники попечительства рѣшили относить на счетъ виновныхъ“ (т. е. на счетъ врача. *Я. С.*). Объ этомъ заявляетъ въ официальной бумагѣ къ врачу завѣдующій попечительствомъ: „имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего“ [1]). Однако врачъ П. не испугался этой угрозы вычетовъ изъ его жалованья, какъ то видно изъ слѣдующей записки завѣдующаго попечительствомъ: „Въ попечительскую больницу на Вѣрномъ пріискѣ. Прошу (фельдшера) принять больного Василія Бучъ *по распоряженію врача сверхъ комплекта* (курсивъ записки) и считать его *за счетъ виновнаго* (т. е. врача. Курсивъ записки), такъ и отмѣтить въ раскомандировкѣ. Кульмановскій 5 декабря 1900 г.“ Жалѣя расходовъ на лишнюю койку, Ленское Товарищество въ то же время проектировало выписать рентгеновскую машину, которая, очевидно, должна была играть роль ре-

[1]) Отношеніе завѣдующаго попечительствомъ Кульмановскаго къ врачу Ленскаго Товарищества М. П. Протасову. 1900 года 15 декабря за № 2.

кламы, скрывающей не соотвѣтствующую ея кричливости дѣйствительность“ [1]).

Удобный для золотопромышленниковъ врачъ долженъ заботиться не о переполненіи больницы, а томъ, чтобы больныхъ лежало въ ней какъ можно меньше. Этимъ объясняется громадный перевѣсъ амбулаторныхъ надъ стаціонарными больными. Система отваживанія рабочихъ отъ больницы вдвойнѣ выгодна. Съ переводомъ рабочихъ на свое содержаніе, не вышедшіе почему либо на работу и не принятые въ больницу продовольствуются на свой счетъ. Сберегается, такимъ образомъ, расходъ по больницѣ, и рабочій, хотя и недомогающій, понуждается не покидать работы, если ему нечѣмъ кормиться. Однако же усердіе нѣкоторыхъ врачей въ соблюденіи хозяйскихъ интересовъ идетъ слишкомъ далеко. Въ районѣ центральной больницы Нижняго пріиска зимой 1904 г. свыше 30 больныхъ лежало по казармамъ, такъ какъ врачъ однихъ не принималъ, другихъ выписывалъ изъ больницы ранѣе, чѣмъ они въ состояніи были взяться за работу. Неудивительно, если въ стачку 1901 г. въ Бодайбинской К°. рабочіе во главѣ своихъ требованій поставили удаленіе этого врача. Онъ долженъ былъ уѣхать. Съ назначеніемъ главноуправляющаго этой К° завѣдующимъ дѣломъ Ленскаго товарищества (государственнаго банка—тожъ) удобный врачъ былъ приглашенъ во 2-ю дистанцію, но не прошло и года, какъ и здѣсь забастовавшіе рабочіе предъявили жалобы противъ него. Неудовольствіе ихъ противъ себя онъ возбудилъ, между прочимъ, тѣмъ, что о каждомъ приходившемъ къ нему вторично, послѣ перваго отказа, просить записки на отдыхъ докладывалъ управленію, которое назначало такого рабочаго, какъ лодыря, къ разсчету. Такая записка даетъ рабочему право на одинъ день не выходить на работу, не подвергаясь за это штрафу. Были врачи, довольно широко практиковавшіе спе-

[1]) По поводу осмотра пріемнаго покоя на Спектральномъ пріискѣ докторъ Кореневъ замѣчаетъ: „Увидѣть такой покой было для меня тѣмъ болѣе странно и неожиданно, что именно въ этой Компаніи (Ленскаго Товарищества) управленіе не разъ выступало въ печати съ описаніемъ всего, что сдѣлано имъ по улучшенію быта рабочихъ, и просило всѣхъ указать ему, что еще можетъ быть сдѣлано для рабочихъ“. Стр. 199.

тему записокъ, находя ее не только человѣчной, но и выгодной въ конечномъ итогѣ для дѣла; по ихъ мнѣнію, уставшій рабочій, жалующійся на недомоганье, общую слабость, возстановивъ свои силы суточнымъ отдыхомъ, избавляетъ больницу часто отъ продолжительнаго въ его лицѣ паціента. Большинство же противъ этой системы, какъ вызывающей систематическія злоупотребленія снисходительностью врача. Замѣчено, что послѣ праздниковъ, сопровождающихся обычно пьянствомъ, желающихъ получить право не выйти съ похмѣлья на работу, особенно велико. Другіе добиваются льготнаго дня, чтобы починить обувь, одежу, сходить куд нибудь по своимъ дѣламъ. Указываютъ случаи, когда смотрителя за сотку, за двѣ покупали у рабочихъ записки врача на отдыхъ; рабочіе становились на работу, а записки предъявлялись управленіемъ врачу въ укоръ его потакательству лѣнтяямъ.

Тѣ немногіе врачи, которые смотрятъ на это дѣло иначе, говорятъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя сказать съ увѣренностью, что рабочій надуваетъ. Или указываютъ на примѣры, когда рабочіе, которымъ было отказано въ запискѣ на отдыхъ или на болѣе легкую работу, приходилось черезъ 2—3 дня класть въ больницу. Для дѣла гораздо выгоднѣе бодрый работникъ, чѣмъ утомленный, работающій кое-какъ. Между тѣмъ даже одинъ день отдыха можетъ имѣть большое значеніе, предупреждая серьезныя заболѣванія, лѣченіе коихъ обойдется управленію во много разъ дороже льготнаго дня. Симуляціи,- конечно, бываютъ, но онѣ не такъ ужъ часты, чтобы изъ за этого упразднять благодѣтельный для обѣихъ сторонъ порядокъ. Управленія только по своему невѣжеству и близорукому эгоизму готовы усматривать въ „запискахъ“ одно лишь поощреніе къ пьянству и лѣни. Ихъ недовѣріе въ этомъ случаѣ къ врачу порождаетъ такіе примѣры: врачъ П. далъ записку рабочему на переводъ его изъ шахтовыхъ на болѣе легкія поверхностныя работы. Смотритель увидѣлъ въ этомъ со стороны рабочаго „злоупотребленіе“, а со стороны врача вредную для дѣла снисходительность. Формально онъ исполнилъ просьбу врача, поставивъ рабочаго на поторжную работу, и выбралъ очень трудную и опасную для здоровья, а именно очистку

канавы отъ шуги [1]), гдѣ нужно стоять въ холодной водѣ при температурѣ 0°. На другой же день смотрителю пришлось доставить рабочаго на подводѣ въ больницу. Обвиненія въ „благотворительности на чужой счетъ"—одно лишь лицемѣріе и должны быть обращены по принадлежности тѣмъ изъ главноуправляющихъ, которые, радѣя родному человѣчку или мундирному лицу, пожелавшему избавить свата, или брата отъ войны [2]) или доставить ему синекурное мѣстечко, обременяютъ дѣло совершенно ненужными для него и ни къ чему не способными служащими.

Врачъ, непокладистый, нежелающій унижать достоинство своего званія прислужничествомъ передъ заправилами дѣломъ, рискуетъ подвергнуться бойкоту съ цѣлью ввести его въ желаемыя границы или заставить уйти раньше контракта Такое положеніе я засталъ въ обѣихъ дистанціяхъ Ленскаго Т-ва, гдѣ врачи не пришлись подъ взгляды и правъ новаго главноуправляющаго (г. Бѣлозерова). Ихъ просьбы и требованія систематически игнорировались, и врачей терпѣли лишь въ виду близкаго окончанія срока ихъ службы, на которую уже были приглашены, къ величайшему сожалѣнію всего населенія, другіе, болѣе отвѣчающіе видамъ начальства. Въ больницѣ 1-ой дистанціи оказался буйный больной съ рожистымъ воспаленіемъ. Два служителя цѣлый день на ногахъ, они не въ силахъ проводить на службѣ еще и ночи, чтобы возиться съ неспокойнымъ больнымъ. Послѣдняго некуда изолировать, и врачъ проситъ управляющаго дать временно одного человѣка, чтобы ограждать больныхъ отъ печальныхъ послѣдствій буйствъ рожистаго. Но управляющій заявляетъ: „у меня нѣтъ лишнихъ людей". Такъ же точно оставались безъ удовлетворенія заявленія врача о необходимости починки дымящей печки, перемѣны слишкомъ тонкой трубки въ писсуарѣ, очистки заржавленнаго перегоннаго куба и т. д. Еще въ худшемъ положеніи очутился врачъ 2-ой дистанціи той же К°, врачъ, пользовавшійся громадной популярностью во всемъ Приленскомъ краѣ за свою самоотверженную дѣятельность тому населенію, которое имѣло счастье пользоваться его услугами. Новый главноуправляющій началъ съ

---

[1]) Лодъ.

[2]) Рабочіе и служащіе на золотыхъ промыслахъ въ военное время были отъ мобилизаціи освобождены.

замѣны служащихъ при прежнемъ управленіи своими клевретами, и оставляя изъ старыхъ лишь тѣхъ, кто лягалъ павшее управленіе и кричалъ восходящему свѣтилу „осанна". Врачъ не принадлежалъ къ числу послѣднихъ и продолжалъ держать себя независимо, какъ въ частной своей жизни, такъ и въ своей врачебной области. Его нежеланіе подчиниться сократительной политикѣ новаго управленія, весьма чувствительно посягавшей на здоровье рабочаго населенія, не могло, конечно, понравиться, и врачъ подвергся бокойту: не только его распоряженія по больницѣ не исполнялись, но и личныя его нужды, на удовлетвореніе которыхъ онъ имѣлъ часто юридическое право, оставались въ пренебреженіи.

Посѣтивъ его квартиру, я пришелъ въ изумленіе, какъ можно было жить въ холодномъ помѣщеніи, съ страшно дымившей печкой и угарившей плитой въ кухнѣ, съ такъ называемымъ теплымъ сортиромъ съ вершковыми щелями на улицу въ сорокаградусную температуру якутской зимы, не говоря уже о старыхъ грязныхъ обояхъ и т. д. Но съ замѣной этого врача другимъ, печальнымъ героемъ двухъ забастовокъ, жалкая квартира тотчасъ преобразилась, принявъ вполнѣ уютный и комфортабельный видъ. Этотъ главноуправляющій былъ настолько мстителенъ, что даже лишилъ лично ему не угодившаго врача полагающихся послѣ удачной операціи наградныхъ, тогда какъ врачъ, потерявшій здоровье на многолѣтней службѣ Ленскому Товариществу, долженъ былъ почти безъ всякихъ средствъ ѣхать лѣчиться за границу. Такова участь лучшихъ въ тайгѣ врачей, о которыхъ мѣстное населеніе хранитъ благодарную память, лелѣя тщетную надежду на ихъ возвращеніе въ тайгу, хотя бы и не на прежнія мѣста служенія.

О прочности правильной организаціи врачебной помощи населенію не можетъ быть и рѣчи на пріискахъ, гдѣ это дѣло всецѣло зависитъ отъ личныхъ взглядовъ, симпатій и капризовъ господъ главноуправляющихъ, или самихъ предпринимателей.

Я. С—чъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

„На ура".

„Россійское могущество приростать будетъ Сибирью и Сѣвернымъ океаномъ!"—пророчествовалъ Ломоносовъ.

Объ этомъ вспомнилъ профессоръ Боголѣповъ въ своемъ докладѣ: „Неотложныя задачи изученія сибирскаго народнаго хозяйства", прочитанномъ имъ въ томскомъ „Обществѣ изученія Сибири".

По мнѣнію докладчика, пророчество Ломоносова — плодъ геніальной интуиціи. Современная ему дѣйствительность не могла дать достаточныхъ фактическихъ данныхъ для такого утвержденія. Иное дѣло теперь.

Докладчикъ увѣренъ, что теперь „исполнились времена". Произошелъ экономическій сдвигъ, выдвинувшій Сибирь на авансцену новѣйшей исторіи, потому что черезъ Сибирь подходитъ Россія къ Великому океану. Въ этомъ направленіи и пойдетъ грядущій матеріальный прогрессъ, и вся экономическая цѣнность Сибири заключается именно въ ея позиціи на этомъ пути.

Эти блестящія перспективы пока еще цѣликомъ въ будущемъ, пока еще только намѣчаются, но готовиться къ встрѣчѣ надо начинать уже теперь. Необходимо выступить во всеоружіи, дабы воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ со всей полнотой. А для этого надо прежде всего знаніе, знаніе и знаніе.

— Изучайте Сибирь!—таковы непосредственные практическіе выводы изъ доклада.

Лозунгъ этотъ для Сибири далеко не новъ. Брошенный сперва отдѣльными лицами, піонерами, онъ уже начинаетъ собирать вокругъ себя. Растетъ движеніе, сравнительно юное, но уже привлекающее всеобщее сочувствіе. Какъ вѣхи, указывающія его распространеніе, открываются то здѣсь, то тамъ Общества изученія Сибири. Къ нимъ стягиваются, возлѣ нихъ группируются общественныя силы для будущаго строительства жизни. Пока же ихъ не допускаютъ, и нынѣшніе хозяева положенія держатся на этотъ предметъ прямо противоположныхъ взглядовъ.

Депутатъ Т. О. Бѣлоусовъ разсказываетъ въ „Сибирскомъ Краѣ", что во время обсужденія въ финансовой коммиссіи Государственной Думы земскихъ смѣтъ сибирскихъ губер-

БИБЛІОТЕКА

ній на трехлѣтіе 1912—1914 г.г., къ нему обратился октябристъ Шидловскій съ такими упреками:

- Скажите, пожалйста, зачѣмъ, для чего вы знакомите насъ со всѣми мелочами, недостатками вашего мѣстнаго земскаго хозяйства? Въ своей губерніи я знаю, гдѣ надо построить мостъ, гдѣ новую гать, гдѣ перевозъ и т. д. Не знаю, такъ спрошу другого. Что можемъ мы знать о вашей Сибири? Да и какое мнѣ дѣло до вашихъ школъ, фельдшеровъ, мостовъ и прочихъ дѣлъ?

Иркутскій депутатъ на эту тираду отвѣтилъ встрѣчнымъ вопросомъ:

— А чѣмъ виноваты мы, сибиряки, что у насъ нѣтъ земства, что наши кровныя, мѣстныя нужды вершатъ чуждые люди?

Обидно, словъ нѣтъ, положеніе сибирскаго депутата, „разсуждающаго въ законодательномъ учрежденіи“ о томъ, что необходимо или нѣтъ перекопать спускъ къ рѣкѣ Загисанкѣ и подъемъ на Бычью гору по Тункинскому тракту. Но еще обиднѣе, что сводится это къ простой и безполезной формальности.

Для „законодательнаго учрежденія“ всѣ разсужденія депутата являются своего рода тарабарской грамотой, такъ какъ всѣ члены финансовой коммиссіи не имѣютъ даже географическаго представленія о губерніи, смѣта которой обсуждается. Командированные для „дачи разъясненій“, для сообщенія деталей мѣстной жизни, чиновники министерства финансовъ сами никогда въ глаза этой жизни не видали.

Вершителями, въ конечномъ счетѣ, остаются все-таки тѣ же „чуждые люди“—чиновники губернскаго правленія, но съ большей властью. Ибо они исполняютъ смѣту, но ни финансовыхъ отчетовъ, никакихъ другихъ матеріаловъ въ Государственную Думу не представляется. По части же иныхъ „представленій“ исполнители, вѣроятно, также ушли не особенно далеко отъ членовъ финансовой коммиссіи. Во всякомъ случаѣ, имъ, какъ и г. Шидловскому, „какое дѣло до Сибири“?

Выходитъ такъ, что Государственная Дума утверждаетъ сибирскія земскія смѣты, въ общемъ, „на ура“. Въ томъ же духѣ дѣйствуютъ составители и исполнители смѣтъ, для сего по штату предназначенные. Такъ и вся жизнь идетъ.

Началось это издавна, со временъ блаженной памяти Ермака Тимофеевича.

Ему, собственно, и до Сибири дѣла не было, и географическаго представленія онъ никакого не имѣлъ. Отправился онъ сначала съ одной цѣлью—татаръ попугать, чтобъ на строгановскихъ людей не нападали. Перевалилъ за Уралъ, а тамъ глядь—Сибирь. А ну-ка, попробуемъ „на ура!" Съ тѣхъ поръ и пошло. Постепенно укоренилось и обратилось какъ-бы въ историческій методъ. Вѣдь всю Сибирь, можно сказать, исключительно этимъ способомъ открыли и завоевали. Тѣмъ же путемъ и до океана добрались. „На ура" бѣжали и обосновывались здѣсь первые пасельники. „На ура" наѣзжала и управляла власть.

Вотъ какіе примѣры приводитъ г. Загорскій изъ жизни чиновной Сибири XVIII в. („Сибирскій Архивъ"):

„Енисейскій воевода Голохвастовъ отдавалъ по-мѣсячно за 100 р. черпь-корчму и безмужнихъ женъ на блудъ, а блудныхъ женамъ приказывалъ наговаривать на торговыхъ и пріѣзжихъ людей напрасно, для взятки".

Когда монгазейскій воевода ходилъ въ баню, то передъ „баней приходили складчики его и попы, и на нихъ смотря, боясь его безпримѣрнаго страха, всякихъ чиновъ люди ходили передъ баней челомъ ему ударять".

Енисейскій городничій Кокоревскій катался по городу въ экипажѣ, запряженномъ провинившимися чиновниками.

Наряду съ самодурствомъ, процвѣтало во всю лихоимство и взяточничество. Гр. Петровъ, объѣздившій не такъ давно въ качествѣ лектора всю Сибирь, полагаетъ даже, что и слава-то ея пошла „не отъ пробужденія ея сказочныхъ производительныхъ силъ, а отъ грабежа ея, отъ разворенія хищниками всякаго рода".

Въ Иркутскомъ, Енисейскомъ, Якутскомъ округахъ Сибири грабили и разворяли золотопромышленники. Хищнически выламывали сотни пудовъ золота и хищнически же проматывали милліоны. Алтайскій округъ грабили и разворяли инженеры Алтайскаго горнаго округа. По всей Сибири купечество спаивало и обирало инородцевъ, и само пропивало...

Исключая такіе имена, какъ Баснины, Сибиряковы, Пономаревы, Трапезниковы, Гр. Петровъ въ прошломъ Сибири

видитъ только варваровъ, не спившихъ, а раззорявшихъ. Впрочемъ, и о настоящемъ онъ невысокаго мнѣнія и такъ резюмировалъ въ „Русскомъ Словѣ“ впечатлѣнія отъ поѣздки: „Сибирь служила и служитъ какимъ-то Эльдорадо для россійскихъ аферистовъ, бюрократовъ-казнокрадовъ и т. п. людей нечестной наживы, а въ лучшемъ случаѣ – людей двадцатаго числа, у которыхъ нѣтъ и не можетъ быть заботы о разработкѣ естественныхъ богатствъ страны и культурнаго развитія населенія“.

Словомъ, „все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось“, одна осталась неизмѣнной—система для Сибири жить „на ура“. Впрочемъ, и она чуть пріукрасила свой обликъ подъ европейца.

На народномъ хозяйствѣ эта система, сводившаяся, въ концѣ концовъ, исключительно къ тратамъ и незаботившаяся ничуть о пополненіи, не могла не сказаться отрицательно. Хозяйственная жизнь пошатнулась. Тутъ, конечно, дѣйствовали и причины измѣненія общихъ экономическихъ условій, пришедшія съ проведеніемъ желѣзной дороги, съ появленіемъ промышленнаго капитала, но прежде всего и больше всего—безпардонное хищничество, которымъ однимъ только и руководствовалась жизнь „на ура“.

Прямымъ слѣдствіемъ этого явилось замѣтное сокращеніе такъ называемыхъ естественныхъ богатствъ, отразившееся тотчасъ же на благосостояніи сибирскаго населенія, какъ инородцевъ, такъ и крестьянъ старожиловъ. У послѣднихъ, по свидѣтельству изслѣдователей, въ былые годы земледѣліе въ рѣдкихъ случаяхъ играло главенствующую роль. Обыкновенно оно заслонялось различными промыслами вродѣ охоты, рыболовства, скотоводства и пр. Возможность, въ такихъ условіяхъ, не прикладывать своего труда исключительно къ землѣ, оставляло значительныя площади послѣдней невоздѣланными и создавало впечатлѣніе пресловутаго земельнаго простора. Отсутствіе недоимочности въ уплатѣ податей, при весьма высокомъ ихъ размѣрѣ, заставляло говорить объ избыткахъ и даже богатствѣ сибиряка-старожила. Но ни того, ни другого въ дѣйствительности не существовало.

И это не замедлило обнаружиться, какъ только хозяйственныя условія измѣнились: сузился земельный просторъ и уменьшилось природное изобиліе. Въ сторону перваго дѣй-

ствовало массовое переселеніе изъ Россіи, ради котораго старожиламъ пришлось очень и очень потѣсниться. За періодъ 1885—1893 г.г. въ двухъ губерніяхъ, Томской и Тобольской, изъ земель старожильческаго населенія изъято было для нуждъ переселенія 430 тыс. десятинъ.

Массовое переселеніе, организованное исключительно на „ура", только ухудшило положеніе сибирской деревни, оказавшейся въ новыхъ и непривычныхъ для нея условіяхъ. И какъ разъ въ это время власть приступила къ „устроенію", придерживаясь прежняго, излюбленнаго метода „на ура".

Нигдѣ не сказалось это въ такой сильной степени, какъ на землеустройствѣ, разворошившемъ и крестьянъ, и инородцевъ. Игнорированіе мѣстныхъ и бытовыхъ условій, произволъ чиновныхъ производителей работъ, руководившихся циркулярами и озабоченнымъ увеличеніемъ земельной емкости Сибири, убили то здоровое и полезное, что заключалось въ этой мѣрѣ. А она была даже необходима при запутанности земельныхъ отношеній сибирской деревни и отсутствіи зачастую какихъ-бы ни было плановъ ея владѣній.

Привнесеніе постороннихъ соображеній, ничего общаго съ землеустройствомъ крестьянъ не имѣющихъ, сдѣлало то, что землеустроительныя работы смогли выдвинуть только новый для Сибири вопросъ—земельный, и при томъ въ самой россійской формѣ, въ формѣ утѣсненія. Сейчасъ на-лицо всѣ признаки этого: жалобы на неправильное отнятіе угодій, просьбы о перенадѣленіи, ходатайства передъ мѣстной властью и обращенія въ судъ. О враждѣ и столкновеніяхъ между отдѣльными селеніями нечего и говорить. Случались даже сопротивленія власти и усмиренія.

Пожалуй, въ болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ старожильческое населеніе, оказались инородцы, которыхъ землеустройство привело къ неминуемому раззоренію. Лучшія ихъ земли, искусственно ими удобренныя, на которыхъ находились ихъ лѣтнія и зимнія стойбища, оказывались всегда отрѣзанными для нуждъ переселенія, а инородцамъ отводились участки каменистые, болотистые или покрытые мелкимъ кустарникомъ.

На этой почвѣ среди забайкальскихъ бурятъ идетъ движеніе недовольства, тѣмъ болѣе, что обращеніе въ различныя инстанціи ни къ чему не приводитъ. Хоринскіе буряты,

напр., отправили депутатовъ въ Петербургъ хлопотать о сохраненіи за ними нынѣшняго размѣра ихъ землепользованія. Въ „Думахъ Забайкалья“ печаталось настоящее историческое изслѣдованіе о владѣніяхъ этихъ бурятъ, не разъ подтверждаемыхъ царскими указами, но не закрѣпленныхъ за владѣльцами жалованными грамотами только за промедленіемъ въ обмежеваніи этихъ земельныхъ площадей. По словамъ „Сибирской Жизни“, успѣхъ ходатайства сомнителенъ не только по формальнымъ причинамъ, но больше потому, что „правые круги рѣзко возражаютъ на основаніи мнѣнія бывшаго генералъ-губернатора Селиванова о неблагонадежности бурятъ“.

„Думамъ Забайкалья“ извѣстно изъ совершенно достовѣрныхъ источниковъ, что „мнѣніе ген. Селиванова базировалось, главнымъ образомъ, на отзывѣ завѣдующаго переселенческимъ дѣломъ въ Иркутской губ., Иконникова, находившаго, въ свою очередь, опору въ письмѣ кн. Васильчикова, рекомендовавшемъ расширеніе мѣстнаго колонизаціоннаго фонда, „не стѣсняясь формальностями“. Мотивы, ничего общаго съ „благонадежностью“ не имѣющіе и подтверждающіе только, съ какой безпристрастностью создается землеустроительная „исторія“. „Сибирь“ накладываетъ еще лишній штришокъ, показывающій, съ какой стремительностью въ эту исторію бросились и на сколько были къ ней подготовлены.

„Землеустройство въ Сибири столкнулось съ однимъ важнымъ обстоятельствомъ,—писала „Сибирь“, — оказалось, что нѣтъ карты страны, сколько нибудь удовлетворяющей специальнымъ требованіямъ землеустройства. Существующія карты не могли удовлетворить даже минимальнымъ требованіямъ, такъ какъ это были скорѣе схематическіе чертежи, на которыя съ точностью и нельзя было и думать нанести земли, отводимыя въ пользованія населенію. Если бы пришлось воспользоваться ими для этой цѣли, то это подало бы поводъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ“.

Но о послѣднихъ думали меньше всего, разъ землеустройство вышло готовымъ, какъ Минерва, изъ верховъ, дѣлающихъ внутреннюю политику. Поэтому-то во главу работъ и было положено увеличеніе колонизаціоннаго фонда, разселеніе на хутора и даже „личная собственность“. „Формаль-

щія причины" не могли явиться препятствіемъ, разъ нужно было торопиться и брать мѣстныя позиціи „на ура".

Внутренняя политика неуклонно стремилась у насъ въ этомъ направленіи. Не была избавлена отъ подобныхъ опытовъ, конечно, и внѣшняя, приведшая уже разъ Россію къ войнѣ съ Японіей. И слѣды недавнихъ увлеченій слишкомъ свѣжи еще на нашей дальневосточной окраинѣ.

Депутатъ Ф. И. Чиликинъ говорилъ въ Государственной Думѣ объ интересахъ, вытекающихъ изъ нашего 50-лѣтняго пребыванія въ Приамурьѣ.

„Мы хотимъ,— закончилъ свою рѣчь депутатъ,— чтобы реальные интересы Россіи, вытекающіе изъ культурныхъ завоеваній, были въ полной мѣрѣ защищены съ достаточной твердостью, соотвѣтствующей достоинству нашего государства". И стенограмма тогда же отмѣтила рукоплесканія.

А мѣстная печать въ одинъ голосъ твердитъ, что никакихъ культурныхъ завоеваній нѣтъ, что ихъ надо еще сдѣлать и что для этого необходимо прежде всего отрѣшиться отъ политики „на ура", которая даетъ себя чувствовать здѣсь и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ.

Самъ же депутатъ Чиликинъ въ той же Государственной Думѣ, при обсужденіи государственной росписи, указывалъ, что до 1901 г. расходы на нужды обороны въ Приамурьѣ составляли 85% всѣхъ расходовъ. Теперь этотъ процентъ уменьшился до 7о. Но $^1/_4$ оставшихся средствъ на удовлетвореніе остальныхъ потребностей края, въ томъ числѣ и на гражданское управленіе, едва ли на столько достаточна, чтобы говорить о „завоеваніяхъ", да еще культурныхъ.

Все, что извѣстно до сихъ поръ, рисуетъ какъ разъ обратную картину. Въ культурномъ отношеніи на дальневосточной окраинѣ царитъ запустѣніе. Огромнѣйшая территорія, занимаемая нами пятьдесятъ лѣтъ, до сихъ поръ пустынна и мало обслѣдована. Путей сообщенія нѣтъ, школъ нѣтъ, даже низшихъ въ достаточномъ количествѣ, то же самое и съ медицинской помощью. Колонизація края идетъ крайне слабо. Число осѣдающихъ переселенцевъ уменьшается и растетъ число обратниковъ, при общемъ паденіи переселенческаго движенія. При той незначительности средствъ, которыя ассигнуются на мѣстныя нужды, вычтя еще расходы на оборону, изъ создавшагося печальнаго положенія не выйти.

Мѣры, принимаемыя якобы въ цѣляхъ развитія края, не разрываютъ съ общей системой и приносятъ больше вреда. Какъ это вышло, напримѣръ, изъ предвзятаго мнѣнія о Приамурьѣ, какъ будущей житницѣ, могущей освободиться отъ экономической зависимости отъ Манчжуріи. Интересы края не играли здѣсь ни малѣйшей роли, а дѣлалось просто „невѣсткѣ въ отместку", въ видѣ реванша за наше изгнаніе изъ Манчжуріи.

Мысль эту, несмотря даже на спеціальныя изслѣдованія и заключенія, не оставили и посейчасъ. По крайней мѣрѣ, еще недавно дальневосточная печать била тревогу по поводу слуховъ о предстоящемъ обложеніи пошлиной китайскаго зерна.

Мѣру эту называли опаснымъ шагомъ, указывая на тотъ вредъ, который она неизбѣжно принесетъ. И прежде всего— мукомольному дѣлу, достигшему положенія крупной промышленности. Центромъ ея считается Благовѣщенскъ. Перемолъ здѣшнихъ мельницъ, по свѣдѣніямъ газетъ, достигаетъ 16 мил. пудовъ въ годъ, а по своему оборудованію мельницы мало уступаютъ россійскимъ. Послѣ Нижняго-Новгорода и Саратова Благовѣщенскъ можетъ считаться первымъ въ мукомольномъ дѣлѣ.

На сколько, вообще, эта репрессивная мѣра отвѣчала истиннымъ интересамъ промышленности, можно судить по отзыву такого органа, какимъ является „Харбинскій Вѣстникъ". „Извѣстіе о провалѣ въ Петербургѣ проекта обложенія манчжурскаго зерна пошлиной, — пишетъ эта газета, - произвело сильное впечатлѣніе въ харбинскихъ торговыхъ кругахъ. Особенно радостно оно встрѣчено новыми мукомолами Уссурійскаго края, которые затратили до полутора милліона рублей на эту промышленность въ разсчетѣ перемалывать манчжурское зерно за неимѣніемъ мѣстнаго".

„Покровительственная" система, чуть было не убившая мукомольное дѣло, до сихъ поръ давитъ дальневосточную русскую рыбную промышленность. Связанная необходимостью перевозить на русскихъ судахъ, она страшно терпитъ отъ недостатка транспорта. Субсидируемый правительствомъ добровольный флотъ можетъ оказать лишь ничтожную помощь. Частныхъ пароходствъ нѣтъ, и нѣтъ никакой возможности ихъ создать благодаря субсидіи Добровольному флоту. А это

ставитъ промышленниковъ часто въ безвыходное положеніе. „Омскій Вѣстникъ“ пишетъ, что изъ-за этого въ настоящемъ году уже разорились нѣсколько рыбопромышленниковъ, да въ прошломъ году случилось то же самое. Есть основаніе полагать, что повторится не разъ и въ будущемъ.

Неудивительно, что на дѣлѣ „культурныя завоеванія“ сводятся къ тѣмъ, о которыхъ пишетъ „Новая Жизнь“.

„На-дняхъ одинъ изъ хабаровскихъ врачей, отправленный къ устью Амура изслѣдовать прокаженныхъ, наткнулся на такое число этихъ несчастныхъ больныхъ, что отказался отъ мысли открыть лепрозорій. Впереди, по полученнымъ врачомъ свѣдѣніямъ, было еще множество больныхъ тою же ужасной болѣзнью, и выстроенная имъ больница для прокаженныхъ, на основаніи предварительныхъ исчисленій, не удовлетворила бы и части нужды“.

„Мы, русскіе,—возмущается дальше газета,—владѣя краемъ пятьдесятъ лѣтъ, допустили въ лучшей части его распространеніе ужаснѣйшей болѣзни. И даже не представляли себѣ размѣровъ бѣдствія. Эксплуатируя инородцевъ, вытягивая изъ нихъ соки и превращая богатыхъ въ нищихъ, мы къ тому же привили имъ свои пороки и не смогли ихъ предохранить отъ послѣдствій этихъ пороковъ“.

Это-ли не типичная политика, всегда и во всемъ дѣйствующая только „на ура“...

А „Сибирская Жизнь“ до сихъ поръ не можетъ примириться съ проваломъ сибирскаго земства и все допытывается:

— Гдѣ же тутъ логика?

Въ томъ-то и дѣло, что никакой логики тутъ не требуется.

—*овъ*.

Роль Иркутскаго Общества приказчиковъ въ разработкѣ приказчичьяго вопроса.

(*Изъ недавняго прошлаго*).

I.

Крупною общественною заслугою Иркутскаго Общества приказчиковъ, признанной и мѣстной, и столичной прессой, безспорно, можно назвать широкую постановку вопроса о нормировкѣ рабочаго дня и вообще объ улучшеніи быта приказчиковъ.

Праздничный отдыхъ иркутскіе приказчики получили ранѣе своихъ товарищей въ другихъ городахъ лѣтъ на пятнадцать.

Въ 1889 году иркутская городская дума, по иниціативѣ городского головы Вл. Плат. Сукачева, въ ознаменованіе избавленія царской семьи отъ опасности 17 октября 1888 года, издала обязательное постановленіе о прекращеніи торговли въ воскресные и высокоторжественные праздники, а также въ день 17 октября, за исключеніемъ лишь торговли на рынкахъ необходимыми съѣстными припасами. Императоромъ Александромъ III-мъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ обер-прокурора Святѣйшаго Синода (К. П. Побѣдоносцева) по этому поводу была положена резолюція: „Искренно благодаримъ“ [1]). Въ ознаменованіе постановленія городской думы, такимъ образомъ какъ-бы санціонированнаго верховною властью, Общество приказчиковъ, по избраніи заявленія 21 члена, составило единогласное постановленіе объ адресѣ Государю, выразило признательность городской думѣ и открыло между своими членами подписку на учрежденіе стипендіи въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города Иркутска для дѣтей отличнѣйшихъ членовъ общества. Адресъ Общества удостоился высочайшей благодарности.

Установленный обязательнымъ постановленіемъ въ Иркутскѣ праздничный отдыхъ приказчиковъ вошелъ въ обычную колею, возбуждая лишь нерѣдко протесты со стороны хозяевъ, не желавшихъ подчиняться непріятному для нихъ постановленію. Только боязнь отвѣтственности за нарушеніе постановленія думы, какъ бы санціонированнаго высшей властью, мѣшала имъ открыто нарушить это постановленіе. Часть изъ нихъ, однако, стала обходить постановленіе, заставляя своихъ приказчиковъ работать при закрытыхъ для публики дверяхъ магазиновъ [2]).

Въ декабрѣ 1901 года вслѣдствіе заявленія 21-хъ членовъ Общества приказчиковъ объ открытомъ нарушеніи обязательнаго постановленія думы большинствомъ владѣльцевъ магазиновъ, Общество выразило свой протестъ, который довело до свѣдѣнія мѣстной администраціи черезъ особую депутацію. Администрація, въ лицѣ губернатора, обѣщала

[1]) См. Извѣстія Иркутской городской думы 1889 года NN 21—22.
[2]) Украшеніе витринъ, сортировка товаровъ и т. п.

„принять мѣры" къ точному исполненію нарушаемаго обязательнаго постановленія думы, но уже 4 іюня 1902 года иркутское губернское управленіе увѣдомило Общество, что по мнѣнію хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, „высочайшая благодарность иркутской думѣ, объявленная по случаю изданія обязательнаго постановленія о запрещеніи въ праздники торговли, не можетъ быть разсматриваема, какъ отмѣна дѣйствующаго закона о производствѣ торговли въ праздничные дни". При этомъ сообщалось, что „общій вопросъ объ ограниченіи праздничной торговли находится на разсмотрѣніи святѣйшаго Синода и имѣетъ получить разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ".

25 октября 1904 года, по иниціативѣ Р. Р. Мейера [1]), была подана въ совѣтъ Общества приказчиковъ за подписью 214-хъ иркутскихъ приказчиковъ петиція, авторы которой, настаивая на установленіи праздничнаго отдыха законодательнымъ путемъ и указывая ненормальныя условія работы въ магазинахъ (большинство торговыхъ фирмъ въ Иркутскѣ задерживаетъ своихъ служащихъ по 14—16 часовъ въ сутки безъ установленнаго времени на принятіе пищи), просятъ общество внести эти вопросы на обсужденіе общаго собранія.

Петиція всколыхнула мертвую зыбь приказчичьей жизни, возбудила въ нихъ интересъ къ улучшенію своего рабскаго положенія и заставила заинтересоваться Обществомъ, отъ котораго громадная масса приказчичьяго класса стояла въ сторонѣ.

На общемъ собраніи 31 октября 1904 года, созванномъ для обсужденія петиціи приказчиковъ, было обращено вниманіе на сообщенныя въ то время прессою данныя о томъ, что разсмотрѣніе въ министерствѣ финансовъ вопроса объ установленіи праздничнаго отдыха въ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ ожидалось въ концѣ декабря 1904 года или въ январѣ 1905 года, причемъ проектъ закона предполагалось внести на обсужденіе различныхъ торговыхъ, промышленныхъ и пароходныхъ обществъ; объ участіи же въ разсмотрѣніи проекта приказчичьихъ организацій не было сказано ни слова. На общемъ собраніи было подчеркнуто

[1]) Небольшую группу членовъ общества, поднявшихъ этотъ вопросъ, составляли кромѣ иниціатора, Н. Н. Липинъ, Д. И. Поповъ и Н. Н. Соловьевъ.

такое игнорированіе со стороны министерства мнѣнія самихъ приказчиковъ по такому важному для послѣднихъ вопросу. Это обстоятельство еще болѣе убѣдило собраніе въ необходимости заявить правительству о своихъ требованіяхъ. Послѣ горячихъ рѣчей, была избрана коммиссія изъ 10-ти лицъ съ правомъ привлеченія посторонних, которой была поручена детальная разработка петиціи правительству. Коммиссіи былъ данъ мѣсячный срокъ и директивы: создать широкую агитацію среди другихъ приказчичьихъ организацій съ цѣлью одновременнаго предъявленія правительству требованій и привлечь къ этому дѣлу содѣйствіе прессы и общественнаго мнѣнія.

Коммиссія [1]) энергично принялось за дѣло. Во всѣ существовавшія въ то время въ Европейской Россіи и Сибири Общества взаимопомощи приказчиковъ и однородныя съ ними по идеѣ коммиссіею были посланы циркулярныя письма съ приглашеніемъ присоединиться къ предъявляемымъ Обществомъ требованіямъ. Въ виду того, что поднятые Обществомъ вопросы затрагивали интересы также и хозяевъ, коммиссія обратилась ко всѣмъ представителямъ мѣстныхъ торговыхъ фирмъ съ предложеніемъ высказаться по вопросамъ, поставленнымъ на очередь Обществомъ. Изъ числа существовавшихъ въ 1904 году въ Иркутскѣ 114-ти торговыхъ фирмъ, къ которымъ обращалась коммиссія, только 25 удостоили ее своимъ отвѣтомъ къ назначенному сроку. Если судить по этимъ отвѣтамъ, то отношеніе части купечества къ поставленнымъ Обществомъ задачамъ можно было признать благопріятнымъ: большая часть пославшихъ отвѣты оказалась солидарною съ коммиссіею. Въ интересахъ болѣе широкой агитаціи по вопросу о настоятельности регламентація труда прказчиковъ, коммиссія обратилась въ императорское вольно-экономическое общество и всѣ существовавшія въ то время въ Россіи юридическія Общества, а также къ цѣлому ряду органовъ повременной печати, прося содѣйствія къ проведенію въ жизнь признанныхъ его желательными положеній. Съ такой же просьбой коммиссія

---

[1]) Въ коммиссіи работали: Р. Р. Мейеръ, С. А. Ляпды, С. С. Иваницкій, И. И. Соловьевъ, И. И. Липпинъ, Э. Э. Греветъ, Д. И. Поповъ М. А. Тимофеевъ, Г. М. Фриденсонъ и друг.

обратилась къ извѣстнымъ литераторамъ К. К. Арсеньеву, В. А. Мякотину и друг.

Во время работъ коммиссіи выяснилась необходимость расширить ея программу, сравнительно съ первоначальными планами. Толчкомъ къ этому явились отзывы самихъ иркутскихъ приказчиковъ о ихъ положеніи, нуждахъ и требованіяхъ. Приглашенные на засѣданія коммиссіи делегаты отъ приказчиковъ торговыхъ фирмъ гор. Иркутска [1]) нарисовали грустную картину своего безправнаго положенія, полнаго тяжелой экономической зависимости. Указано было на недоѣданіе [2]), на скверныя санитарныя и гигіеническія условія быта приказчиковъ. Было подчеркнуто грубое, некорректное отношеніе къ нимъ хозяевъ и вообще всѣ прелести крѣпостного режима. Указаны были случаи преслѣдованія за чтеніе въ свободное время въ магазинѣ книгъ и даже агентскихъ телеграммъ въ такое время, когда на Дальнемъ Востокѣ разыгрывалась кровавая трагедія, чреватая своими послѣдствіями для русскаго государства.

Положеніе малолѣтнихъ въ торговыхъ заведеніяхъ г. Иркутска было изображено делегатами въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ. Если мальчикъ заболѣлъ, но еще въ силахъ ходить, хозяева посылаютъ его въ безплатную лѣчебницу, а если не въ силахъ, то отправляютъ къ родителямъ (большей частью, въ деревню). Малолѣтнимъ приходится таскать непосильныя тяжести. Заботы объ ихъ образованіи нѣтъ и въ поминѣ и ученье ихъ, большей частью, заключается въ битьѣ.

Коммиссія на засѣданіяхъ 22 и 27 ноября 1904 г. высказалась за слѣдующія положенія, которыя она признала нужнымъ выставить въ видѣ требованій правительству:

1) Распространить на приказчиковъ и вообще на лицъ, занятыхъ въ торговыхъ и торгово-промышленныхъ пред-

---

[1]) Делегаты явились отъ приказчиковъ Т ства С. С. Кальмееръ, Р. С. Кальмеръ, Т-ства „А. Ф. Второвъ съ сыновьями". Мерецкаго, Стахѣева и друг. Приказчики другихъ фирмъ прислали свои письменныя требованія. Большинство высказалось за 10-ти часовой рабочій день съ двухъ часовымъ перерывомъ и полный праздничный отдыхъ.

[2]) Приказчика нѣсколько разъ отрывали во время обѣда, который подавался въ такъ называемой „столовой" магазина; приходилось ѣсть на ходу и уже остывшую пищу.

пріятіяхъ и въ заведеніяхъ смѣшаннаго характера, какъ напр., въ парикмахерскихъ, ювелирныхъ и часовыхъ магазинахъ, кондитерскихъ и проч., дѣйствіе общаго положенія ст. 430 ремесленнаго устава (т. XI, ч. 2), по которому рабочихъ дней въ недѣлѣ не можетъ быть болѣе 6 ти.

2) Обезпечить приказчикамъ полный отдыхъ отъ ихъ служебныхъ занятій въ праздничные дни, а именно: во всѣ воскресные дни, въ двунадесятые праздники, Новый годъ, 3 дня Рождества Христова, 3 дня Св. Пасхи, 2 дня мясопустной недѣли, высокоторжественные дни 19 февраля и въ дни мѣстныхъ праздниковъ; а также въ кануны Рождества Христова и Св. Пасхи, хотя бы съ 12-ти час. дня.

3) Разрѣшить въ указанные дни торговлю только самыми необходимыми съѣстными припасами и при томъ не болѣе, какъ на 2—3 часа въ день.

4) Установить десяти-часовой нормальный рабочій день, включая сюда двухчасовой перерывъ на обѣдъ и завтракъ (8 часовъ фактической работы), предоставивъ приказчикамъ право во время указаннаго перерыва располагать вполнѣ своей свободой и уходить изъ магазина, а въ свободное отъ занятій съ покупателями время сидѣть и читать, для чего обязать хозяевъ имѣть въ магазинахъ соотвѣтственную мебель.

5) Распространить на торгово-промышленныя предпріятія дѣйствія ст. 108 уст. о промышленности, воспрещающей примѣнять въ производствѣ трудъ дѣтей, не достигшихъ 12-ти лѣтняго возраста.

6) Для дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ установить 8-ми часовой рабочій день, включая сюда двухчасовой перерывъ на условіяхъ, изложенныхъ въ 4-мъ пунктѣ.

7) Обезпечить женщинамъ, служащимъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ, трехнедѣльный отдыхъ въ послѣродовомъ періодѣ.

8) Возложить на владѣльцевъ предпріятій заботу о воспитаніи и образованіи занятыхъ въ предпріятіяхъ дѣтей, хотя-бы въ размѣрахъ, указанныхъ въ ст. 112, 114 и 119 уст. о промышленности.

9) Возложить на нихъ обязанность содержать больницы по разсчету: одну больничную койку на 100 чел., занятыхъ въ торговомъ заведеніи, примѣнительно къ высочайше утвер-

жденному положенію комитета министровъ 26 августа 1866 года, и вообще лѣчить на свой счетъ заболѣвшихъ служащихъ, не лишая ихъ за время болѣзни жалованія, хотя-бы въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.

10) Обязать владѣльцевъ предпріятій выдавать служащимъ у нихъ приказчикамъ разсчетныя книжки по тѣмъ же правиламъ, какія указаны въ ст. ст. 134, 136 и 137 уст. о промышленности.

11) Въ случаѣ ликвидаціи торгово-промышленнаго дѣла, а также и при увольненіи приказчика безъ его вины, обязать хозяевъ уплачивать увольняемому жалованіе, по крайней мѣрѣ за 3 мѣсяца впередъ.

12) Установить государственное страхованіе на случай смерти, инвалидности и старости приказчика.

13) Всѣ дѣла о нарушеніяхъ законовъ, нормирующихъ трудъ приказчиковъ и ихъ отношенія къ хозяевамъ, предоставить разрѣшенію только судебныхъ установленій.

14) Предоставить приказчикамъ право организоваться въ профессіональные союзы, въ задачи которыхъ входило бы, между прочимъ, наблюденіе за исполненіемъ этихъ законовъ, а также право, въ случаѣ нарушенія, возбуждать и поддерживать въ судебныхъ установленіяхъ жалобы по этимъ нарушеніямъ.

15) Предоставить означеннымъ профессіональнымъ союзамъ право составлять третейскіе суды для разбора недоразумѣній между приказчиками и хозяевами.

Чрезвычайнымъ общимъ собраніемъ 2 декабря 1904 года проектъ петиціи [1]) на имя правительства былъ утвержденъ.

Петиція эта членомъ-соревнователемъ иркутскаго общества приказчиковъ Вл. Плат. Сукачевымъ была представлена въ началѣ 1905 года министру финансовъ В. Н. Коковцеву и министру внутреннихъ дѣлъ г. Булыгину.

Работа коммиссіи не пропала даромъ. Поднятая иркутскимъ обществомъ агитація всколыхнула приказчичью среду и въ другихъ мѣстахъ. Неимѣвшіе въ то время собственной организаціи приказчики Красноярска, Читы и др. уголковъ Сибири примкнули къ требованіямъ иркутскаго Общества.

---

[1]) Редакція этого проекта принадлежала членамъ общества С. С. Ивановицкому и М. А. Тимофееву.

Красноярскіе приказчики за подписью 151 лица (131 мужчинъ и 20 женщинъ) прислали Обществу заявленіе, въ которомъ, привѣтствуя шагъ, сдѣланный Обществомъ, присоединяются къ его петиціи, „полные надеждъ, что недалеко та желанная пора, когда приказчики, въ большей своей части, забитые, безсловесные молчальники, превратятся въ гражданъ своей родины". Подъ заявленіемъ красноярцевъ, въ числѣ другихъ, встрѣчается подпись Вв. К. Одина, впослѣдствіи члена II-ой Государственной Думы, отъ Енисейской губ.

Такого-же рода заявленія были получены коммиссіей отъ приказчиковъ г. Верхнеудинска, Забайкальской обл. (62 подписи), выселка „Зима" (25 подписей), села Черемхово, Балаган. уѣзда (26 подписей) и друг.

На имя Общества, кромѣ того, поступилъ рядъ отвѣтовъ отъ обществъ взаимопомощи приказчиковъ, разсѣянныхъ по Россіи,—отвѣтовъ, доказывавшихъ, что агитація Общества сдѣлала свое дѣло: многія изъ нихъ на призывъ иркутянъ откликнулись петиціями на имя правительства въ духѣ представленной иркутскимъ Обществомъ приказчиковъ. Благодаря энергичнымъ сношеніямъ коммиссіи со столичною и провинціальною прессою, въ газетахъ и журналахъ появился рядъ статей, посвященныхъ приказчичьему вопросу въ связи съ петиціей Иркутскаго Общества. Положенія, выработанныя коммиссіей, были напечатаны во многихъ органахъ періодической печати, очень внимательно и сочувственно отнесшейся къ постановкѣ Обществомъ на очередь насущныхъ для приказчиковъ вопросовъ.

Не откликнулись только почему-то ученыя общества (юридическія общества и вольно-экономическое), къ которымъ обращалось Общество приказчиковъ: въ ученомъ мірѣ обращеніе иркутянъ оказалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ подготовкѣ почвы для развившагося впослѣдствіи по всей Россіи широкаго движенія среди милліонной массы приказчиковъ, съ цѣлью завоеванія себѣ правъ и улучшенія своего экономическаго положенія, дѣятельность иркутскаго Общества приказчиковъ сыграла не послѣднюю роль. Отдѣльныя попытки со стороны другихъ обществъ поднять такіе вопросы имѣли мѣсто и раньше, затрагивались нѣкоторые изъ нихъ и съѣздами представителей обществъ приказчи-

ковъ, но такой широкой и такой энергичной пропаганды по этимъ вопросамъ (мы не говоримъ уже объ ихъ постановкѣ въ то время, когда общественно-политическая атмосфера только что начала проявлять первые симптомы могучаго впослѣдствіи освободительнаго движенія) не предпринимало въ Россіи еще ни одно Общество приказчиковъ. Этимъ оно завоевало себѣ положеніе передоваго Общества, оставивъ за собою многія изъ россійскихъ Обществъ взаимопомощи, позже его принявшихся за осуществленіе тѣхъ задачъ, которыя иркутское Общество поставило на своемъ знамени.

Къ числу доказательствъ, что предпринятая Обществомъ агитація имѣла успѣхъ, мы можемъ указать и на то, что основныя положенія, выработанныя иркутскою коммиссіею, стали во главу угла тѣхъ требованій, которыя были выставлены приказчиками разныхъ городовъ Россіи во время цѣлаго ряда забастовокъ 1905 года. Эти же положенія вошли въ число требованій и иркутскихъ приказчиковъ во время мартовской забастовки 1905 года, приведшей въ такъ называемому „мартовскому соглашенію“, которымъ съ этого времени регулировались отношенія труда и капитала въ иркутскихъ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ. Эти же положенія вошли цѣликомъ, почти въ той же редакціи въ записку делегата отъ города Вольска, выступавшаго на извѣстномъ совѣщаніи, происходившемъ въ началѣ 1905 года въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ знаменитаго теперь по ленской трагедіи, тогда еще либеральнаго товарища министра В. И. Тимирязева. Большая часть этихъ положеній была выставлена и другими делегатами. Новымъ требованіемъ со стороны делегатовъ явился только вопросъ объ отмѣнѣ законовъ, карающихъ стачки, о чемъ иркутское Общество приказчиковъ и вообще до приказчичьихъ забастовокъ, имѣвшихъ мѣсто въ Россіи въ 1905 году, не имѣло основаній ставить вопросъ.

II.

Въ особомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Петербургѣ въ 1095 году подъ предсѣдательствомъ г. Тимирязева и созванномъ для обсужденія выработаннаго министерствомъ финансовъ законопроекта о сокращеніи рабочаго времени и праздничномъ отдыхѣ приказчиковъ, делегата отъ иркутскаго Общества приказчиковъ не было.

Начавшееся въ Россіи освободительное движеніе захватило въ свой водоворотъ и Иркутскъ. Успѣхъ, выпавшій на долю мартовской стачки иркутскихъ приказчиковъ, добившихся 10-ти-часового рабочаго дня (восемь часовъ фактической работы), полнаго праздничнаго отдыха и многаго другого въ сферѣ правовыхъ и экономическихъ отношеній, создалъ настроеніе, въ которомъ прежнія надежды на бюрократію уже не имѣли мѣста. Общество приказчиковъ, выступавшее въ 1889 г. съ извѣстнымъ адресомъ, за это время уже сильно эволюціонировало въ радикальную сторону. Живые элементы этого Общества, проявлявшіе себя въ немъ въ качествѣ прогрессивныхъ культурныхъ и общественныхъ дѣятелей, выступаютъ въ 1905 году уже на арену политической дѣятельности. Да и само Общество приказчиковъ немогло оставаться въ узкихъ рамкахъ обыкновенной дѣятельности, когда жизнь день за днемъ ставила передъ нимъ, какъ и передъ другими общественными организаціями, новыя проблемы, требующія широкаго и радикальнаго разрѣшенія.

И въ этотъ-то моментъ бюрократическая машина съ перержавѣвшими колесами и винтами разрѣшается новымъ дѣтищемъ тимирязевской коммиссіей по приказчичьему вопросу.

Посылая на разсмотрѣніе Общества проектъ новаго закона, министерство удосужилось при этомъ сообщить Обществу о днѣ перваго засѣданія, совѣщанія на столько поздно, что даже если-бы у общества и была мысль послать своего делегата, то послѣдній могъ-бы явиться изъ Иркутска въ Петербургъ развѣ только послѣ окончанія совѣщанія.

III.

Отношеніе Общества къ вопросу о посылкѣ делегата вылилось въ форму слѣдующей резолюціи отъ 24 мая 1905 г. „Усматривая въ несвоевременной присылкѣ извѣщенія о днѣ засѣданія совѣщанія новое доказательство чисто формальнаго отношенія правящей бюрократіи къ живому и важному для приказчиковъ дѣлу регламентаціи ихъ труда и зная по результатамъ дѣятельности другихъ правительственныхъ совѣщаній, что нѣтъ основанія возлагать на нихъ какія-либо надежды, даже при участіи въ нихъ представителей общественныхъ организацій, при полномъ отсутствіи

въ Россіи гарантіи неприкосновенности личности, свободы слова и печати, общее собраніе членовъ иркутскаго Общества приказчиковъ постановило заявить министерству, что оно не находитъ возможнымъ въ виду приведенныхъ выше основаній послать своего делегата и что вопросъ о регламентаціи труда приказчиковъ можетъ быть разрѣшенъ только народными представителями, созванными на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого голосованія, для участія въ законодательной работѣ государства съ правомъ рѣшающаго голоса".

Какъ извѣстно, на другой-же день совѣщанія, происходившаго 31 мая 1905 г., 26 делегатовъ отказались отъ дальнѣйшаго участія въ работахъ совѣщанія по тѣмъ же мотивамъ, которыми руководилось и иркутское Общество приказчиковъ, отказывая министерству послать делегата.

Занятія совѣщанія продолжались при остающихся 32-хъ представителяхъ купечества и входящей въ это число немногочисленной группы делегатовъ приказчичьихъ обществъ съ участіемъ представителей офиціальнаго міра.

Достойно быть отмѣченнымъ то обстоятельство, что г. Тимирязевымъ послѣ коллективнаго отказа 26 представителей былъ прочитанъ „рядъ телеграммъ", полученныхъ имъ отъ разныхъ обществъ приказчиковъ, которыя возлагаютъ на совѣщаніе надежды [1]). О телеграммѣ же, полученной отъ иркутскаго Общества съ отказомъ послать делегата, почему-то упомянуто не было. Министерство финансовъ, получивъ этотъ „репримандъ неожиданный", его проглотило, и послѣ Тимирязевскаго совѣщанія нашло возможнымъ еще разъ препроводить иркутскому Обществу приказчиковъ измѣненный и дополненный проектъ закона объ обезпеченіи нормальнаго отдыха приказчиковъ, съ просьбою: „сообщить свои замѣчанія, буде таковыя имѣются".

Общее собраніе, созванное по этому поводу 9 сентября 1905 года, открылось при исключительныхъ обстоятельствахъ. Въ этотъ день предсѣдатель совѣта Общества былъ приглашенъ къ исполняющему должность губернатора В. А. Мишину [2]), и послѣдній объявилъ ему, что, по полученнымъ

[1]) Журналы засѣданій совѣщанія (стенографическій отчетъ), изданіе офиціальное, стр. 18.

[2]) Личность, въ своемъ родѣ, „историческая", прославившаяся своими усмирительными замашками въ „эпоху свободъ". *П. К—нъ.*

губернаторомъ свѣдѣніямъ, на сегодняшнемъ собраніи Общества предполагается разсматривать вопросы, въ программѣ не значущіеся, поэтому губернаторъ предупреждаетъ, что если что-либо подобное случится, то онъ завтра-же закроетъ Общество, не испрашивая разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Во время обсужденія этого административнаго выпада въ залѣ засѣданія показалась полиція и полицеймейстеръ подполковникъ Никольскій объявилъ, что по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ на каждомъ засѣданіи долженъ присутствовать представитель полиціи, который, „если увидитъ, что въ засѣданіи обсуждаются антиправительственные вопросы", имѣетъ право закрыть засѣданіе. Послѣ незначительныхъ преній, поставленный на баллотировку вопросъ о томъ: продолжать-ли засѣданіе—былъ рѣшенъ единогласно въ утвердительномъ смыслѣ. Въ виду того, что первымъ на разсмотрѣніе собранія былъ предложенъ предсѣдателемъ включенный въ программу вопросъ о ревизіи отчета клуба и по этому вопросу „антиправительственныхъ" рѣчей не раздавалось, полиція удалилась.

Законопроектъ, присланный министерствомъ, подвергнутъ былъ на этомъ-же засѣданіи обстоятельной критикѣ, послѣ чего собраніе подтвердило принятую обществомъ 24 мая резолюцію и громаднымъ большинствомъ рѣшило отвѣтить министерству въ духѣ этой резолюціи.

Въ 1906 году, на общемъ собраніи 15 мая, сдѣлавшемся въ Иркутскѣ историческимъ, благодаря разыгравшейся на немъ демонстраціи [1]), Обществу опять пришлось обсуждать

[1]) Несмотря на объявленное въ городѣ военное положеніе и общую придавленность, царившую въ общественной жизни Иркутска послѣ усмирительныхъ опытовъ новыхъ „покорителей Сибири", на этомъ собраніи вырвался протестующій крикъ и послѣ горячей рѣчи одного изъ членовъ собраніе почтило вставаніемъ память казненныхъ въ Верхнеудинѣ членовъ общества М. Д. Модвѣдникова и А. А. Гольцебеля, привѣтствовало явившихся изъ тюремнаго заключенія товарищей и постановило послать свой привѣтъ томившимся въ тюрьмахъ членамъ Общества. На имя С. А. Муромцева въ томъ-же засѣданіи была послана телеграмма: „Члены Общества приказчиковъ въ Иркутскѣ, собравшись 15 мая на очередное общее собраніе, единогласно постановили привѣтствовать народныхъ избранниковъ и выразить полное сочувствіе намѣченной ими программѣ борьбы за право и счастье обездоленной Россіи". Это засѣданіе вызвало репрессіи со стороны мѣстной администраціи.

новое предложеніе министерства финансовъ, уже два раза получившаго отказъ со стороны Общества. Министерство опять предлагало Обществу послать делегата на новое совѣщаніе для предварительнаго обсужденія законопроекта о нормировкѣ взаимоотношеній хозяевъ и служащихъ. Общее собраніе 15 мая происходило послѣ историческаго засѣданія первой Государственной Думы 13 мая 1906 г., когда народные представители выразили свое недовѣріе министерству г. Горемыкина. Поставленный на баллотировку вопросъ о посылкѣ делегата въ министерское совѣщаніе опять былъ рѣшенъ иркутскимъ Обществомъ приказчиковъ въ отрицательномъ смыслѣ, и министерство въ третій разъ получило отъ Общества отказъ съ полнымъ выраженіемъ недовѣрія.

Съ опубликованіемъ закона 1 5 ноября 1906 года Обществу приказчиковъ было предложено избрать своихъ представителей въ коммиссію для разработки обязательныхъ постановленій, касающихся обезпеченія нормальнаго отдыха приказчиковъ. Общее собраніе 14 января 1907 г. по этому поводу вынесло резолюцію: „Принимая во вниманіе, что согласно точному смыслу § 4 устава Общества иркутское общество взаимнаго вспоможенія приказчиковъ не составляетъ чисто профессіональнаго общества приказчиковъ, ибо въ среду его могутъ, да и входятъ лица другихъ профессій, какъ-то: техники, агенты, служащіе банковъ и т. п., а также и то, что изъ числа болѣе, чѣмъ 2.000 иркутскихъ приказчиковъ, членами Общества состоитъ не болѣе 250 чел., Общество не можетъ себя ни юридически, ни нравственно считать представителемъ всѣхъ приказчиковъ города". Поэтому собраніе поручило правленію войти передъ администраціей съ ходатайствомъ о разрѣшеніи собранія всѣхъ приказчиковъ гор. Иркутска. Губернаторъ въ этомъ Обществу отказалъ и настаивалъ на обязанности Общества избрать своихъ представителей. 23 января 1907 г. на общемъ собраніи представители эти были избраны и Общество имъ поручило защиту мартовскаго соглашенія съ купечествомъ. При участіи этихъ лицъ былъ выработанъ проектъ обязательныхъ поста-

---

По распоряженію губернатора дѣйствія Общества были пріостановлены. Черезъ мѣсяцъ Общество было вновь открыто, но ораторъ, выступившій съ демонстративною рѣчью, былъ высланъ на время военнаго положенія изъ предѣловъ края. *Н. К—ихъ.*

повленій, составленный съ сохраненіемъ основъ упомянутаго соглашенія.

Этимъ пока заканчивается работа Общества, сдѣланная для серьезной постановки и разработки приказчичьяго вопроса.

„Новыя пѣсни", раздающіяся изъ стѣнъ Государственнаго Совѣта, въ которыхъ слышатся старые, крѣпостническіе мотивы „добраго стараго времени", вновь волнуютъ приказчичью среду, создавая броженіе, вылившееся въ форму пока только писанныхъ протестовъ. Нашумѣвшее постановленіе рабочей коммиссіи Государственнаго Совѣта объ увеличеніи рабочаго дня приказчиковъ до 15-ти часовъ въ сутки и объ установленіи обязательной праздничной торговли въ теченіе не менѣе 5-ти часовъ въ день создало здѣсь, въ Иркутскѣ, такое-же настроеніе, какъ и повсюду въ Россіи.

Состоявшееся 14 марта настоящаго года общее собраніе Общества выразило свой протестъ по этому поводу въ самой категорической формѣ [1]) и „находя, что какъ 15-ти часовой рабочій день, принятый коммиссіей Государственнаго Совѣта, такъ и 12-ти часовой рабочій день, установленный указомъ 15 ноября 1906 года, черезчуръ обременителенъ для приказчиковъ, проситъ к.-д., трудовую и с.-д. фракціи Государственной Думы голосовать только за 10-ти-часовой торговый день съ перерывомъ на 2 ч. дня для принятія пищи, и всѣми средствами противодѣйствовать проведенію въ жизнь постановленія коммиссіи Государственнаго Совѣта". На этомъ же собраніи Общество высказалось за неотложность 4-го всероссійскаго съѣзда торгово-промышленныхъ служащихъ и за созывъ общаго собранія всѣхъ вообще приказчиковъ г. Иркутска для обсужденія постановленія рабочей коммиссіи Государственнаго Совѣта. На заявленіе правленія Общества объ этомъ полицеймейстеру, какъ и слѣдовало ожидать, полученъ отказъ. Мѣстная полиція, чувствующая себя довольно нервно послѣ ленской трагедіи и вызваннаго ею общественнаго возбужденія, видимо, опасается за возможное и здѣсь „нарушеніе общественной тишины и спокойствія". Поэтому иркутскіе Мымрецовы бдятъ: какъ-бы чего не вышло?! Лучше ужъ „не пущать".

Н. К—инъ.

---

[1]) „Голосъ Сибири", № 356—1912 г.

Сибирскія письма.

Тюмень (*Порядки при сдачѣ оброчныхъ статей*). Неурожай хлѣбовъ и травъ прошедшаго года заставилъ крестьянъ обратить особое вниманіе на заготовку сѣна: всѣ общества крестьянъ Троицкой волости возлагали большую надежду на арендованіе казенныхъ статей, называемыхъ: Большой Островъ, Сосновый Поперечный, Большой и Малый Тарыбаковъ и Атлибановъ. Статьи эти лежатъ близко къ крестьянскимъ надѣламъ.

4 мая объявлены были торги на отдачу сѣнокосныхъ угодій, но, къ великому прискорбію крестьянъ, оказалось, что тюменскій лѣсничій самыя ближнія изъ перечисленныхъ статей сдалъ въ аренду еще 17 ноября 1911 г. на 3 года тюменскому жителю С. съ платою по 104 р. 25 к. аренды.

Туть многое крестьянамъ непонятно: и то, что статьи эти сданы не въ обычное время, а зимою, и то, что лѣсничій не поинтересовался, почему нѣтъ на торгахъ старыхъ арендаторовъ крестьянъ, хотя отлично зналъ, какъ послѣдніе нуждаются въ покосахъ, и то, что статьи сданы за 104 р., когда въ предыдущемъ году за нихъ выручалось болѣе 600; почему онѣ сданы на 3 года, когда прежде сдавались на 1 годъ; почему на остальныя оброчныя статьи въ томъ же районѣ торги назначены въ обыкновенное время и на 1 годъ, а торги были начаты съ цѣнъ прошлаго года, завѣдомо преувеличенныхъ въ виду ожидавшагося недорода травъ?

На жалобу въ тобольское управленіе государственными имуществами крестьяне получили разъясненіе, что указанныя ими урочища входятъ въ составъ казеннаго оброчнаго участка № 4, который „на общемъ основаніи 17 ноября минувшаго года былъ предъявленъ къ торгамъ, а о послѣднихъ публиковалось во всеобщее свѣдѣніе въ особомъ прибавленіи къ № 39 „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, разосланномъ по волостнымъ правленіямъ“.

Любопытно, однако, почему для объявленія торговъ на заманчивыя для городскаго обывателя статьи лѣсничій ограничился глухой публикаціей о сдачѣ участка № 4 безъ указанія мѣстныхъ названій урочищъ, а для сдачи остальныхъ нашелъ возможнымъ прямо оповѣстить волостное правленіе письмомъ?

Всѣ эти „почему“? никто крестьянамъ и не можетъ объяснить.

Томскъ (*Увольненіе и бѣгство профессоровъ*). Господинъ попечитель западно-сибирскаго учебнаго округа Лаврентьевъ совершилъ новый славный подвигъ: добился-таки того, что профессоръ Кижнеръ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Другой корреспондентъ „Сибирскихъ Вопросовъ“ уже сообщилъ о томъ, что послужило ближайшимъ поводомъ гоненій на профессора Кижнера. Не буду возвращаться къ этому вопросу. Интересуетъ меня другой вопросъ: какія побужденія заставили г. Лаврентьева предпринять систематическій походъ на профессоровъ? Чрезвычайно трудно найти разумный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Учрежденъ въ Томскѣ университетъ и технологическій институтъ. Россія не богата научными силами. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ каѳедры пустуютъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. На Томскѣ этотъ недостатокъ ученыхъ людей отражается въ наибольшей мѣрѣ. Значитъ, если въ Томскъ попадетъ хорошій ученый, въ особенности ученый, желающій посвятить свои силы изученію мѣстнаго края, то, конечно, такимъ ученымъ нужно дорожить. Кажется, все это такъ ясно, такъ элементарно. И вотъ, поди же! Господинъ Лаврентьевъ, высшій представитель вѣдомства народнаго просвѣщенія въ Сибири, поступаетъ наперекоръ элементарной очевидности: какъ будто бы его миссія, долгъ его службы заключается въ томъ, чтобы гнать изъ Томска ученыхъ людей.

Н. М. Кижнеръ—химикъ. Онъ имѣетъ высшую ученую степень доктора химіи. За свои работы получилъ отъ физико-химическаго общества Бутлеревскую премію. Ему принадлежатъ 45 научныхъ работъ. Изъ нихъ 35 написаны въ теченіе 10-лѣтней службы въ технологическомъ институтѣ. Это значитъ, что профессоръ Кижнеръ ежегодно опубликовалъ по 3—4 научныя работы. Такая интенсивность научной дѣятельности исключаетъ всякую возможность предположеній, напримѣръ, о томъ, что г. Кижнеръ занимался политикой. Это ученый въ полномъ смыслѣ слова, все свое время отдающій лабораторіи. Но онъ и человѣкъ. У него есть благородныя человѣческія чувства Когда студентъ института академистъ Голубовъ совершилъ гнусное на-

силіе палъ членами редакціи „Сибирской Жизни“, ученый химикъ Кижнеръ, какъ человѣкъ и профессоръ, выразилъ чувство глубокаго возмущенія. И только. Этого было достаточно, чтобы г. Лаврентьевъ предложилъ профессору Кижнеру искать другого высшаго учебнаго заведенія, гдѣ нѣтъ академистовъ. Профессоръ Кижнеръ предпочелъ выйти въ отставку.

Отставка профессора Кижнера завершаетъ рядъ аналогичныхъ случаевъ изъ нашей академической жизни. Въ „Сибирскихъ Вопросахъ“ уже сообщалось о томъ, что благодаря донесеніямъ г. Лаврентьева вынуждены были выйти въ отставку профессора технологическаго института Рыбалкинъ, Япишевскій и Обручевъ. Сообщалось также о томъ, что безъ прошенія уволенъ отъ должности профессоръ университета Малиновскій. Результатомъ этихъ каръ является добровольный уходъ изъ Томска профессоровъ университета Соболева и Боголѣпова.

Объ этомъ, конечно, не жалѣетъ г. Лаврентьевъ. Но не могутъ не пожалѣть тѣ, кому дороги интересы высшаго образованія въ Сибири.

Профессоръ политической экономіи Соболевъ работалъ въ Томскѣ свыше 10 лѣтъ, какъ профессоръ и общественный дѣятель. Говоря о его дѣятельности въ университетѣ, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что онъ самъ интересовался изученіемъ экономической жизни сибирскаго населенія и въ сторону этихъ интересовъ направляетъ своихъ слушателей.

Такому профессору, конечно, и мѣсто въ Томскомъ университетѣ. Но... въ разгарѣ репрессій противъ томскихъ профессоровъ открылась каѳедра финансоваго права въ Харьковскомъ университетѣ; Соболевъ выставляетъ свою кандидатуру и избирается факультетомъ. Лучше финансовое право, вмѣсто политической экономіи,—лишь бы не въ Томскѣ, не въ вотчинѣ г. Лаврентьева.

Профессоръ Боголѣповъ—воспитанникъ Томскаго университета. Бывшій студентъ сдѣлался профессоромъ въ родномъ университетѣ. Подобно Соболеву, онъ интересуется изученіемъ Сибири. Два года тому назадъ вмѣстѣ съ Соболевымъ совершилъ научную экспедицію въ Монголію. Результаты экспедиціи изложены въ книгѣ, которая уже обра-

тила на себя вниманіе въ ученомъ мірѣ: „Торговля Россіи съ Монголіей". Такому профессору тоже мѣсто въ Томскомъ университетѣ. Но г. Лаврентьевъ думаетъ иначе. Когда въ прошломъ году факультетъ избралъ Боголѣпова деканомъ, то, благодаря соотвѣтствующимъ донесеніямъ въ министерство г. Лаврентьева, выборы не были утверждены. Теперь не придется г. Лаврентьеву дѣлать такихъ донесеній: Боголѣповъ уходитъ не только изъ Томскаго университета, а также изъ вѣдомства народнаго просвѣщенія и поступаетъ на службу въ министерство финансовъ.

Я снова ставлю вопросъ: какія побужденія заставляютъ г. Лаврентьева проводить такую политику, при которой профессора увольняются по прошенію и безъ прошенія или добровольно бѣгутъ изъ Томска?

— (*Борьба помпадуровъ съ щелкоперами и бумагомаками*). „Кто нашъ внутренній врагъ"? На этотъ вопросъ томскіе и, вообще, сибирскіе помпадуры, отвѣтили: прежде всего „бумагомараки и щелкоперы проклятые". Печать, прогрессивная печать — смертельный врагъ помпадуровъ. Съ нимъ ведется упорная, систематическая борьба. Пожалуй, и слово „борьба" тутъ неумѣстно. Когда говорятъ о борьбѣ, предполагается извѣстный рискъ, извѣстное геройство, самопожертвованіе. Въ данномъ же случаѣ нѣтъ ничего подобнаго. Помпадуръ не проявляетъ ни геройства, ни самопожертвованія, не подвергается никакому риску: подмахнулъ распоряженіе объ оштрафованіи или арестѣ редактора такой то газеты и дѣло въ шляпѣ! Не требуется даже малѣйшаго напряженія мысли. Шаблонъ установленъ: „на основаніи такого то пункта обязательныхъ постановленій за статью такую то подвергнуть"... и т. д.

Соотвѣтствуетъ ли такая-то газетная статья такому то пункту обязательныхъ постановленій? Объ этомъ г. помпадуръ и не думаетъ. Да и зачѣмъ затруднять себя? Ему предоставлена власть, безконтрольная власть, онъ ею пользуется.

Вотъ свѣжіе случаи.

Разыгралась извѣстная трагедія на Ленѣ. Сотни и даже тысячи рабочихъ оказались безъ куска хлѣба. Нашлись въ Тюмени сердобольные люди, пожелавшіе оказать помощь пострадавшимъ. Пожертвованія въ пользу ленскихъ рабо-

чихъ направлены были въ газету „Сибирская Жизнь“. Газета, конечно, напечатала отчетъ: какая именно сумма поступила. За этотъ отчетъ редакторъ оштрафованъ на 200 руб. За что? Развѣ есть законъ, запрещающій помогать неимущему и нуждающемуся? Развѣ есть законъ, запрещающій давать отчетъ жертвователямъ?

Другой случай. Въ той же „Сибирской Жизни“ напечатана статья „Свободное Слово въ Англіи“. Авторъ статьи сообщаетъ очень любопытные факты, рисующіе англійскіе нравы: всякое посягательство на свободу слова вызываетъ энергичный протестъ со стороны англичанъ. Томскіе администраторы увидѣли, очевидно, въ этомъ намекъ на русскіе порядки. Редакторъ „Сибирской Жизни“ приговоренъ къ аресту на 2 мѣсяца безъ замѣны штрафомъ. Спрашивается, какой же проектъ обязательныхъ постановленій нарушенъ этой статьей? Вѣдь обязательныя постановленія имѣютъ въ виду оградить порядки, существующіе въ Россіи. Англія не нуждается въ защитѣ своихъ интересовъ томскими помпадурами.

Кары, которымъ подвергается редакторъ „Сибирской Жизни“, отнюдь не исключительное явленіе. Въ предѣлахъ Томской губерніи штрафы и аресты по отношенію къ органамъ печати сдѣлались чѣмъ то неизбѣжнымъ и необходимымъ. Когда проходитъ недѣля-другая, и нѣтъ штрафа, редакторы и сотрудники волнуются. Что то будетъ? Не спроста столь длинный промежутокъ отъ одной кары до другой.

Впрочемъ, длинныхъ промежутковъ не бываетъ. Не въ Томскѣ, то въ Барнаулѣ, не въ Барнаулѣ, то въ Новониколаевскѣ... но гдѣ нибудь редакторъ долженъ быть оштрафованъ или подвергнутъ аресту.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, напримѣръ, у редактора барнаульской газеты „Алтайскій Край“ былъ обыскъ; затѣмъ за стихотвореніе „Два потока“ онъ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож. Въ то же время за стихотвореніе, посвященное памяти Мельшина-Якубовича, тотъ же редакторъ „Алтайскаго Края“ приговоренъ къ штрафу 100 р. или къ мѣсячному аресту.

Въ Новониколаевскѣ солдаты конвойной команды избили арестантовъ. Нѣкто Радке помѣстилъ по этому по-

воду въ новониколаевской газетѣ „Голосъ Оби“ письмо въ редакцію, озаглавленное „Избіеніе арестантовъ конвойными“. Авторъ письма арестованъ и заключенъ въ тюрьму до внесенія штрафа въ размѣрѣ 100 р.; въ противномъ случаѣ просидитъ 1 мѣсяцъ; а редакторъ газеты приговоренъ къ штрафу въ 200 р. Кромѣ того, за перепечатку сообщенія о ленскихъ событіяхъ редакторъ той же газеты приговоренъ къ штрафу въ 300 р. Итого редактору подлежало уплатить 500 р. Уплатить не согласился, а потому подвергнутъ аресту на 4 мѣсяца.

Незадолго передъ этимъ тотъ же редакторъ „Голоса Оби“ оштрафованъ на 100 руб. за передовую статью о ленскихъ событіяхъ и взятъ былъ подъ арестъ до внесенія штрафа въ размѣрѣ 200 руб. за статью, озаглавленную „Среди газетъ и журналовъ“.

Редакторъ другой новониколаевской газеты „Обскій Вѣстникъ“ недавно освобожденъ изъ тюрьмы, гдѣ просидѣлъ 4 мѣсяца. Тоже отказался уплатить штрафъ.

Сибирякъ.

Енисейскъ (*„Лига свободной любви“*). Хорошей иллюстраціей къ нашимъ провинціальнымъ буднямъ и одновременно отвѣтомъ на вопросъ: „Чѣмъ живетъ россійскій обыватель въ наше безвременье“? можетъ служить исторія съ енисейской „Лигой свободной любви“.

Въ началѣ этого года въ женскую гимназію явился взволнованный и возбужденный директоръ мѣстной мужской гимназіи и произнесъ громовую рѣчь противъ „политиковъ“, проживающихъ въ нашемъ городѣ. Онъ называлъ имена, съ приложеніемъ къ нимъ самыхъ рѣзкихъ эпитетовъ. За рѣчью послѣдовалъ форменный допросъ гимназистокъ: знакомы-ли онѣ со ссыльными и на сколько близко, бываютъ-ли у нихъ и т. д., при чемъ директоръ все время упорно заявлялъ, что „ему уже все извѣстно“.

Ссыльныхъ въ Енисейскѣ много, нѣкоторые изъ нихъ живутъ по два, по три года, бываютъ вездѣ, приняты у обывателей, и немудрено, если у каждой гимназистки нашелся хоть одинъ изъ нихъ знакомый. Раньше эти знакомства не только не преслѣдовались, но учебное начальство смотрѣло сквозь пальцы даже на уроки, которые брали его питомицы и питомцы у ссыльныхъ. Поводомъ же къ такому выступ-

ленію директора послужила жалоба одного обывателя на племянницу гимназистку, которая, вопреки его желанію бываетъ у политиковъ и недавно провела цѣлую ночь у нихъ (правда, въ семейномъ домѣ, но это все равно). Онъ явился къ директору съ покорнѣйшей просьбой повліять какимъ-нибудь образомъ на нее, убѣдить ее слушаться и при этомъ понавралъ. „Политики", молъ, не только совращаютъ его воспитанницу, но еще стараются поживиться за счетъ „совращаемой", — въ „доказательство" чего представилъ счета магазина Гадалова, гдѣ въ числѣ забранныхъ его племянницей товаровъ фигурировали коньякъ и... сапоги. Все это директоръ и вывалилъ гимназисткамъ.

И, вотъ, пошла гулять по городу гнуснѣйшая сплетня, имѣвшая тѣмъ большій успѣхъ, что тѣ, на кого вылился этотъ потокъ грязи, еще вчера были „симпатичнѣйшими людьми", „общими любимцами". Извѣстно вѣдь, что скучающая провинція гораздо охотнѣе слушаетъ сплетни о своихъ друзьяхъ, чѣмъ объ отпѣтыхъ негодяяхъ. Провѣрять сплетню никому не пришло въ голову, да и останавливало, очевидно, сознаніе, что при повѣркѣ она большую часть своей пикантности потеряетъ. И къ чему провѣрять? Развѣ мало того, что у ссыльныхъ, дѣйствительно, былъ вечеръ, гдѣ присутствовали гимназистки? Положимъ, на этомъ вечерѣ молодежь развлекалась танцами, играми и вообще самыми невинными занятіями; не важно также, что коньякъ покупался гимназисткой для совмѣстнаго съ гимназистами пикника, не бѣда даже, что сапоги оказались купленными самимъ дядюшкой и еще лѣтомъ были отправлены въ Туруханскій край, а самъ онъ взялъ всѣ свои обвиненія обратно. „Сапоги въ смятку" получили широкую популярность и выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Одна гимназистка превратилась въ цѣлыхъ четырнадцать, одна бутылка коньяку — въ безпросыпное пьянство, сапоги въ брюки, пиджаки и прочія принадлежности мужского туалета. Какъ бы то ни было, но грязи набрали болѣе, чѣмъ достаточно. Политики ходили оклеветанные, оплеванные, и не понимающіе: за что-же, собственно, ихъ оплевали? Въ довершеніе всего, въ дѣло вмѣшалась полиція. Власти уже давно косились на сближеніе „политиковъ" съ обывателями, и когда кто-то изъ особенно ретивыхъ поборниковъ нравственности приложилъ

свою руку, начальство съ радостью взялось за распутываніе этой исторіи, имѣя заранѣе готовое рѣшеніе: выдворить всѣхъ „политиковъ“ вонъ изъ города.

Половина дѣла была уже, въ сущности, сдѣлана: общественное мнѣніе противъ ссыльныхъ возбуждено, многіе даже интеллигентные обыватели, повѣривши гнусному навѣту, перестали подавать руку „политикамъ“ и, какъ ни стыдно въ этомъ признаться,—сами помогали распространенію этой сплетни. Крылатыя словечки на счетъ „Лиги свободной любви“ вышли, напримѣръ, изъ вполнѣ интеллигентнаго кружка. Кто отъ скуки и бездѣлья, изъ страстишки къ перемыванію косточекъ своего ближняго или любви къ сенсаціямъ, а кто изъ карьерныхъ соображеній раздувалъ эту сплетню. Одинъ изъ чиновъ учебной администраціи (не называю его имени: nomina sunt odiosa) попросту хотѣлъ выслужиться, на помощь ему явился другой чинъ общей администраціи, начавшій утверждать, что честь открытія „лиги“ принадлежитъ ему, ибо онъ явился ночью и арестовалъ нѣсколькихъ гимназистокъ въ домѣ ссыльныхъ на собраніи ея. Но послѣдній—человѣкъ недалекій; видя, что выдумка его пользуется успѣхомъ, онъ пошелъ дальше: сталъ разсказывать, будто онъ не разъ арестовывалъ гимназистокъ не только у ссыльныхъ, а и во время кутежей у „Шамихи“, „Морковки“ и въ прочихъ увеселительныхъ мѣстахъ города Енисейска. Да что тамъ арестовывалъ,—отправлялъ ихъ „пьяныхъ“ почевать въ „кутузку“. Когда онъ окончательно зарапортовался, и тѣ, кому казалось сначала выгодно раздуть это дѣло, теперь стали его замиать.

А что-же „политики“? Что-же они дѣлали для своего оправданія? — Но что-же они могли? Всѣ эти разговоры о коньякахъ, „лигахъ“, сапогахъ и проч. доходили, конечно, и до нихъ, хотя и въ смягченныхъ краскахъ. Знали они также, что надъ ихъ головами собираются тучи, что начальство, опираясь на „требованія общественнаго мнѣнія“, готово слѣдовать совѣтамъ разныхъ карьеристовъ, строящихъ свое успѣшное движеніе по службѣ на оплеваніи ближняго. Но реагировать на все это „политики“ никоимъ образомъ не могли: сплетня потому и сплетня, что передается на ушко. Привлечь клеветниковъ къ отвѣтственности не было возможности; а

противъ начальственнаго „не разсуждать!“ и „не возражать!“— немного поговоришь. Оставалось терпѣть. И стерпѣли.

Вся эта исторія весьма характерна для переживаемой нами эпохи упадка общественныхъ интересовъ. Было время, когда мы жили яркой жизнью, когда мы объединялись на тѣхъ или иныхъ платформахъ и лозунгахъ, въ погонѣ за тѣми или иными высокими идеалами, было время — мы высоко несли наше знамя, знамя русской интеллигенціи. Теперь -не то. Свои сѣренькіе и нудные дни мы влачимъ за зеленымъ столомъ, за мирными бесѣдами (читай—сплетнями) въ кругу своихъ друзей и собутыльниковъ, объединяемся въ распространеніи гнусностей по адресу ничего намъ не сдѣлавшихъ людей; обрушиваемся на „политиковъ“, лишенныхъ возможности оправдываться, возможности сказать что-либо въ свою защиту. вынести этотъ инцидентъ на судъ гласности, мы подаемъ руку тѣмъ, по чьей милости они здѣсь. Трогательное единеніе!..

Прошелъ мѣсяцъ. Разговоры о „Лигѣ свободной любви“, дойдя до нелѣпостей, умолкаютъ, сплетни идутъ на убыль. Но она не пройдетъ безслѣдно—навсегда она ляжетъ позорнымъ пятномъ на нашу обывательщину, на „героевъ“ нашего безвременья, на такъ называемое „енисейское общество“. Если когда нибудь будетъ писаться его исторія, то страница о „Лигѣ свободной любви“ явится въ ней позорной страницей.

Турханскъ (*Кое что о нуждахъ края*). Недавно происходило „повтореніе“ давней борьбы въ этомъ краѣ: между желаніями „попечительнаго“ начальства и упорствомъ якобы не понимающихъ своихъ интересовъ крестьянъ. Не въ первый разъ уже черезъ особаго туруханскаго пристава рекомендуется крестьянамъ ввести настоящее волостное устройство, съ раздѣленіемъ всѣхъ станковъ (отъ Осиновой до Монастыря) на четыре участка. Ниже Монастыря—тоже отдѣльный участокъ. Крестьяне упорно отказываются и не даютъ своего согласія. Въ настоящее время главное управленіе всѣми дѣлами, выдача паспортовъ и судебная часть—все лежитъ на особомъ полицейскомъ Туруханскомъ управленіи, т. е. фактически—на одномъ приставѣ съ помощникомъ.

Крестьяне же посылаютъ своихъ „совѣтчиковъ“, выбор-

ныхъ отъ станковъ, на съѣзды (нѣкое подобіе волостныхъ сходовъ, гдѣ волость растянута на 600 верстъ) въ село Верхне-Инбатское. Эти „совѣтчики“ выясняютъ и рѣшаютъ дѣла, поставленныя на ихъ обсужденіе. Разумѣется, при этомъ крѣпко держатся рѣшеній, вынесенныхъ на станковыхъ (деревенскихъ) сходахъ или, какъ ихъ здѣсь обычно зовутъ, „совѣтахъ“. Есть у крестьянъ выборное лицо—староста, завѣдующій сборомъ податей; кромѣ того, есть еще такъ называемые „старшины“, это—выборные, завѣдующіе „магазеями“ (хлѣбозапасными амбарами). Обычной, всѣмъ извѣстной и привычной „волости“ здѣсь вовсе нѣтъ. Да собственно и нужды въ ней у крестьянъ нѣтъ и не предвидится. Между тѣмъ, введеніе волостного устройства далеко не безразлично для нихъ. Прежде всего и больше всего—по экономическимъ соображеніямъ: „волость“ потребуетъ расходовъ. Надо нанять или выстроить помѣщеніе, затѣмъ обстановка, наемъ сторожа, отопленіе, освѣщеніе, канцелярскіе расходы, жалованье писарю, старшинѣ. А затѣмъ—разъѣзды, гоньба подводъ и т. д.

Все это пахнетъ—тысячами рублей. Въ итогѣ же—пользы ни на грошъ. Содержаніе подобнаго учрежденія тяжело ляжетъ на здѣшнее населеніе. На первый взглядъ, подати здѣсь не велики: рубля два въ годъ съ души. „Бойцовыя“, т. е. платежныя души считаются чаще всего съ 18 до 60 лѣтъ для лицъ мужскаго пола; они и платятъ подушную подать, по числу ихъ опредѣляется и число подводъ въ деревнѣ. Но именно подводная „натуральная“ повинность очень тяжело ложится на хозяйство. Надо принять во вниманіе сотни ссыльныхъ, переѣзды ихъ со станка на станокъ, разъѣзды стражниковъ, урядниковъ, иногда жандармовъ, этапы и т. п. Въ переводѣ на деньги эта безплатная гоньба подводъ составитъ солидную сумму, пожалуй, не въ одинъ десятокъ рублей въ годъ на каждый дворъ.

Учитывая все это, крестьяне и отказались на послѣднемъ Инбатскомъ съѣздѣ отъ введенія волости во избѣжаніе новыхъ, дополнительныхъ налоговъ и тягостей. Послѣ того были созваны „участковые совѣты“, т. е. состоялись съѣзды частичные, а не общій Верхне-Инбатскій съѣздъ „совѣтчиковъ“. На этихъ съѣздахъ рѣшенія были тѣ же самыя: не принимать ни волости, ни раздѣленія на участки. Послѣднее

невыгодно крестьянству, ибо разбиваетъ ихъ силы на мелкія части и тѣмъ самымъ ослабляетъ сплоченность крестьянскаго міра, уменьшаетъ значеніе ихъ рѣшеній.

Дѣйствительно, по мѣстнымъ условіямъ, пожалуй, крестьяне и правы. Расходы будутъ очень тяжелы для нихъ. Вѣдь всего-то насчитывается (отъ начала края до Монастыря) не болѣе 650 „бойцовыхъ“ душъ. Гдѣ же имъ содержать волости и участки? А, самое главное,—на что имъ эти учрежденія? Какая польза будетъ отъ нихъ населенію?

У крестьянъ, разумѣется, не мало нуждъ, но все такія, что врядъ ли при волости онѣ скорѣе разрѣшатся. Взять хотя бы экономическую зависимость крестьянъ отъ „рыбопромышленниковъ“, вѣрнѣе, отъ главныхъ скупщиковъ рыбы (и пушнины). Напримѣръ, на низу всѣ пески (главные рыбные промысла), вотъ, уже нѣсколько лѣтъ сдаютъ отъ казны съ торговъ. На торги являются почти исключительно енисейскіе торговцы, пароходчики, „рыбопромышленники“. Торги и бываютъ въ городѣ Енисейскѣ, т. е. болѣе, чѣмъ за 1000 верстъ отъ низовскихъ крестьянъ. Арендовавши пески, купцы пускаютъ туда „промышлять“ крестьянъ, а за то, что „пустили“, обязываютъ сдавать себѣ извѣстную часть улова по пониженнымъ цѣнамъ. Вотъ и все ихъ „рыболовство“, вѣрнѣе сказать,—„уловленіе человѣкъ“ съ ихъ сѣтями, мрежами, неводами, съ ихъ трудомъ.

Собственной ловли, со своими неводами и наемными рабочими, не такъ ужъ много. Затѣмъ надо принять во вниманіе закупку крестьянами муки, чаю, сахару и прочихъ продуктовъ, а также матеріаловъ для всякихъ рыболовныхъ снастей у тѣхъ же самыхъ господъ „рыбопромышленниковъ“ или мѣстныхъ торговцевъ (тоже скупщиковъ, но калибромъ мельче). Круглый годъ мужики изъ долговъ не выходятъ. А „верховскіе“ мужики, забираясь у этихъ же торговцевъ, за долги обязуются зимой идти съ обозами, везти рыбу („подледную“ т. е. добытую осенью и зимой). И идутъ огромнѣйшіе обозы, въ сотни подводъ. Таковъ „круговоротъ“ здѣшней экономической жизни. Рыба и пушнина — единственный источникъ существованія въ здѣшнемъ краѣ. И тутъ-то, главнымъ образомъ, при сбытѣ продукта крестьяне всецѣло находятся въ цѣпкихъ рукахъ торговаго капитала. Спрашивается: можно ли мечтать, что введеніе волости осво-

бодитъ мужиковъ отъ этой кабалы или хоть облегчитъ ее? Ясно, что это все ни къ чему. Огромнѣйшую пользу могли бы принести кооперативы, кредитныя товарищества.

При нихъ вполнѣ возможны и допустимы „посредническія“ операціи по сбыту рыбы и пушнины. Это вовсе не „утопія“. Напримѣръ, въ Приозерномъ краѣ, въ Псковской губерніи имѣются кредитныя товарищества рыболововъ и при нихъ собственный складъ рыбы. Въ Забайкальѣ есть при кредитныхъ товариществахъ пріемъ пушнины и кожъ отъ охотниковъ, звѣролововъ и скотоводовъ. Наконецъ, почти вся Западная Сибирь (и часть Восточной) покрыта массой кооперацій—артельныхъ маслодѣленъ. Основныхъ, такъ сказать, принципіальныхъ возраженій противъ кредитныхъ товариществъ нельзя выдвинуть. Нужны также потребительные союзы, лавки потребителей, дабы избавить населеніе отъ безконечныхъ переплатъ торговцамъ.

Конечно, для введенія всего этого нужны люди „почина“, энергичные, самоотверженные, общественные дѣятели, истинно мірскіе люди. Сама темная деревня, врядъ ли, и дастъ. Главнымъ образомъ, „темнота“-то и помѣшаетъ.

Просвѣщеніе—тоже больной вопросъ края Два-три училища на протяженіи почти 2-хъ тысячъ верстъ—мало. Правда, населеніе не велико, но дѣтей школьнаго возраста наберется, пожалуй, самое меньшее 600—800 человѣкъ (во всемъ краѣ, не считая инородцевъ).

Глухая здѣсь жизнь... Совсѣмъ оторвана она отъ общей жизни государства, вся и связь съ нимъ — подводы, подати да „начальство“. Суровая природа, угрюмые лѣса. Мраченъ и самъ сибирякъ. Но, какъ-ни-какъ, а искра человѣческой любознательности тлѣетъ и въ немъ. И больно видѣть, что нѣтъ серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи населенія.

Туруханскій край былъ обойденъ даже въ проектѣ о сибирскомъ земствѣ. Вмѣсто того, въ чемъ онъ нуждается, ему предлагаютъ только... ввести „волость“.

Словно ждутъ отъ нея какой то пользы для крестьянъ! Послѣдніе, однако, вполнѣ основательно не желаютъ безцѣльныхъ расходовъ и, елико возможно, отбиваются отъ нихъ.

N. S.

Верхоянскъ (*Культуртрегеры*). Въ газету „Рѣчь“ пишутъ: „Мерзлая, холодная природа скупо одаряетъ человѣка и за то немногое, что даетъ, требуетъ сильнаго напряженія ума и энергіи. Населеніе не привыкло къ систематическому труду. Борьба за существованіе проявляется здѣсь особенно остро. Предпріимчивый умъ предпочитаетъ бороться не съ природой, а съ себѣ подобными. Наиболѣе распространеннымъ средствомъ борьбы являются спиртъ и карты. Спиртъ, ввозъ котораго сюда запрещенъ и для уловленія контрабандистовъ на тракту установленъ полицейскій надзоръ, однако притекаетъ сюда обильной рѣкой, поднимаясь въ цѣнѣ по мѣрѣ удаленія отъ Якутска и доходя въ Верхоянскѣ до 6 руб. бутылка, а въ Колымскѣ, Усть-Янскѣ до 15, 20 руб., тогда какъ въ Якутскѣ бутылка стоитъ 1 р. 30 к. Возятъ спиртъ купцы, казаки, почтальоны и... о. іереи. Одинъ отецъ зимой 1911 г. привезъ въ г. С.-К. цѣлый сундукъ спирту. Надо полагать, не все же для собственнаго употребленія. Другой служитель церкви, въ жалобѣ одного инородца, поданной Якуткому губернатору, по препровожденной Якутскому епископу, обвиняется вмѣстѣ съ своей матушкой въ спаиваніи инородцевъ и въ азартной картежной игрѣ. Дѣло представляется въ такомъ видѣ: о. іерей, объѣзжая свой приходъ, по прибытіи въ ламутскія стойбища исповѣдывалъ желающихъ причаститься, постившихся задолго до пріѣзда батюшки, а затѣмъ.. затѣмъ съ картами въ рукахъ садился поучать до утра своихъ исповѣдниковъ; матушка тѣмъ временемъ старалась поддерживать слабый духъ изнуренныхъ постниковъ съ помощью l'eau de vie. На утро, покончивъ со штоссомъ, батюшка причащалъ своихъ исповѣдниковъ. Это, по словамъ жалобщика, повторялось въ каждомъ селеніи. Жалоба подтвердилась на духовномъ слѣдствіи.

Что же касается купцовъ, то главный предметъ ихъ обмѣна — спиртъ: прочаго товара иные купцы вывозятъ изъ Якутска менѣе чѣмъ на тысячу руб. въ годъ, и таковыхъ купцовъ не единицы. Дорогія песцовыя, медвѣжьи шкуры обмѣниваются за какую-нибудь бутылку спирта, да и то наполовину разбавленнаго водой.

Не отстаютъ и иные учителя. Недавно одинъ изъ нихъ изъ-за фунта сала, взятаго якобы сверхъ договореннаго при

продажѣ имъ, г. учителемъ, потроховъ инородцу Н. Слѣпцову „Черкюё“, побилъ инородца и за это былъ присужденъ верхоянскимъ мировымъ судей къ 35 руб. штрафу“.

Очерки сибирской жизни.

„Назначеніе члена Государственнаго Совѣта Манухина для разслѣдованія ленскихъ событій,—увѣряла „Забайкальская Новь“,—печать и общество встрѣтили съ облегченнымъ чувствомъ удовлетворенія“.

Газета находитъ вполнѣ естественнымъ „общественное довѣріе“ къ правительственному ревизору. Во-первыхъ, потому, что онъ остался на занимаемомъ имъ посту министра юстиціи даже тогда, когда былъ поднятъ вопросъ объ образованіи новаго кабинета, въ составъ котораго вошли бы представители общества. Ушелъ онъ позже, изъ-за своего „либерализма“. Во вторыхъ, у него въ прошломъ—„вражда съ Треповымъ и тренія съ Дурново“. Словомъ, налицо всѣ признаки оппозиціонности, такъ подкупающіе своей необычностью при общей безличной и слѣпой подчиненности. И назначеніе оппозиціоннаго сенатора съ чрезвычайными полномочіями, особенно послѣ думскаго выступленія министра внутреннихъ дѣлъ, какъ бы усиленно подчеркивало передъ общественнымъ мнѣніемъ непреклонное намѣреніе правительства, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, раскрыть правду о Ленѣ.

Для завоеванія „довѣрія“, пожалуй, правительство сдѣлало и нѣсколько больше. Воздѣйствовало на правленіе Ленскаго товарищества въ цѣляхъ окончанія забастовки съ результатами, хотя отчасти отвѣчающими требованіямъ бастовавшихъ рабочихъ. Даже пошло, съ нѣкоторымъ опозданіемъ, на устраненіе съ пріисковъ рогмистра Трещенкова, замѣнивъ его, конечно, другимъ соотвѣтствующимъ жандармскимъ чиномъ.

Столь ясный восходъ зари законности омрачался изрѣдка тучами, не разъ набѣгавшими на общественномъ горизонтѣ. И въ станѣ ликующихъ по поводу назначенія раздавалось неоднократно, что хорошо бы, молъ, ревизіи пораньше выѣхать. Указывалось на массовое увольненіе съ пріисковъ

„подозрительныхъ“ рабочихъ, на фабрикацію „вещественныхъ доказательствъ“.

19 мая сенаторъ Манухинъ, въ сопровожденіи всего состава ревизіи выѣхалъ изъ Петербурга въ Иркутскъ. Въ тотъ же день разыгралась сцена изъ репертуара нашихъ обычныхъ политическихъ „миніатюръ“.

„За полчаса до обѣденнаго времени сенаторъ пригласилъ всѣхъ членовъ коммиссіи отобѣдать съ нимъ въ вагонъ-ресторанъ,—сообщали черезъ день „Биржевыя Вѣдомости“.—Какъ только коммиссія размѣстилась за столиками, два жандарма стали у дверей вагона, не пропуская никого изъ публики въ ресторанъ“.

Такъ какъ часъ былъ обѣденный, публики на площадкахъ столпилось много. Произошелъ скандалъ, узнавъ о которомъ, сенаторъ распорядился немедленно снять стражу и впустить публику.

Усердіе не по разуму, проявленное жандармами, способно навести на грустныя размышленія. Если такъ сильно озабочены недопущеніемъ уже въ то время, когда никто изъ постороннихъ „свѣдущихъ о дѣлѣ“ людей къ ревизору проникнуть не можетъ, то что же будетъ тамъ, въ самой гущѣ производства ревизіи?

Конечно, гаданія и въ ту, и въ другую сторону одинаково возможны, одинаково преждевременны. Сведеніе ревизіи къ одному, исключительно казовому результату также не должно явиться неожиданностью. Опытомъ прошедшихъ лѣтъ, закончившихся ревизій мы скорѣе пріучены именно къ этому, а не къ иному.

Въ дѣлахъ, сравнительно меньшаго политическаго значенія и не привлекающихъ столь жгучаго вниманія общества, не стараются даже скрывать преслѣдованія именно казовыхъ результатовъ.

Въ благовѣщенскомъ мѣстномъ комитетѣ по устройству Хабаровской выставки въ 1913 г. ставился, напримѣръ, на обсужденіе такой вопросъ: не повредитъ ли дѣлу участіе въ выставкѣ частныхъ лицъ, такъ какъ есть основаніе предполагать, что ими будутъ сильно подчеркнуты дефекты положенія?

Предсѣдатель комитета, амурскій военный губернаторъ, предлагалъ,—по отчету „Эхо“,—принять принципіальное

рѣшеніе, ибо вопросъ этотъ касается многихъ отдѣловъ. Мнѣнія раздѣлились. Одни изъ присутствовавшихъ представителей учрежденій находили, что подчеркиваніе недостатковъ въ жизни края не должно входить въ программу выставки, что это будетъ уже критика дѣйствій учрежденій, иногда не имѣющихъ возможности вести дѣло иначе, и что въ задачи выставки должно входить освѣщеніе культурнаго состоянія края въ данное время.

Другіе смотрѣли на это иначе и, несомнѣнно, шире. По ихъ мнѣнію, цѣль выставки—выясненіе настоящаго положенія края, а не предъявленіе однихъ только успѣховъ прогресса. Поэтому просторъ частной инціативѣ долженъ быть полный, такъ какъ чѣмъ больше вскроется язвъ теперешняго положенія края (а это возможно на выставкѣ), тѣмъ скорѣе на эти язвы обратятъ вниманіе.

Послѣ продолжительныхъ преній баллотировкой принято второе мнѣніе. Частныя лица, хотя и заподозрѣнныя въ критикѣ и въ желаніи разоблачить, все же къ участію въ выставкѣ допущены.

Такое же уклоненіе отъ „частныхъ лицъ“ наблюдалось въ приготовленіяхъ къ первому съѣзду представителей биржевой торговли и сельскаго хозяйства Сибири, Степного края и Зауралья, открывшагося 15 мая въ Омскѣ.

„Подготовка къ съѣзду идетъ втихомолку,—писала „Сибирская Жизнь“.—Ничего не извѣстно, кто выступаетъ докладчиками по разнымъ вопросамъ, какіе тезисы будутъ предложены на обсужденіе. Эта молчаливость имѣетъ удобства для будущихъ докладчиковъ, но въ то же время она грозитъ непріятными послѣдствіями. Сибирская печать, если бы она была освѣдомлена о сущности будущихъ докладовъ, если бы ей были извѣстны будущіе тезисы, могла бы высказать свое мнѣніе, которое было бы небезынтересно и самимъ участникамъ“.

Поведеніе организаторовъ съѣзда въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе непонятно, что съѣздъ представляетъ безусловный интересъ не только для одного купечества. Хотя съѣздъ и разрѣшенъ подъ условіемъ снять вопросъ о земствѣ съ его программы, онъ все же выходитъ изъ узкихъ, спеціальныхъ рамокъ торговой Сибири и затрогиваетъ основные вопросы сибирскаго народнаго хозяйства. Иначе, впрочемъ, и не мо-

жетъ быть, разъ въ экономической жизни у насъ преобладаетъ, и, вѣроятно, долго еще будетъ преобладать, торговый капиталъ.

На повѣсткѣ съѣзда значатся, напр., такіе вопросы: объ упорядоченіи хлѣбной торговли, о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, объ измѣненіи тарифовъ на существующей дорогѣ,— всѣ „проникающіе въ самую гущу экономической жизни". Поставленъ также вопросъ о русско-монгольской торговлѣ и ея нуждахъ. Или вопросъ о способахъ участія сибирской торговли и сибирскаго сельскаго хозяйства въ разработкѣ русско-германскаго торговаго договора.

Послѣдній вопросъ „Сибирская Жизнь" считаетъ едва ли не самымъ важнымъ во всей программѣ съѣзда и касающимся больше всего интересовъ сибирскаго сельскаго хозяйства.

„Намъ неизвѣстно,—говоритъ газета,—какимъ образомъ будетъ представлено на съѣздѣ это хозяйство, состоящее, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Кто возьметъ на себя миссію защиты его интересовъ".

Сила самыхъ обстоятельствъ какъ бы толкаетъ съѣздъ переступить за грань представительства только своихъ торговыхъ интересовъ. А такъ какъ на немъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о постоянномъ совѣтѣ съѣздовъ, то въ единственной существующей, хотя и узко ограниченной организаціи склонны видѣть что-то вродѣ Ѳомы-дворянина при полномъ отсутствіи иныхъ общественныхъ организацій.

„Всѣмъ извѣстно, что въ Россіи торгово-промышленныя организаціи съ давнихъ поръ оказываютъ вліяніе на развитіе экономическаго законодательства и на направленіе экономической политики. Голосъ сибирскаго торговаго съѣзда будетъ имѣть тѣмъ большее значеніе, что сибирскія экономическія нужды почти совсѣмъ оставлены безъ представительства, такъ какъ экономическіе вопросы, а тѣмъ болѣе областные, совершенно замалчиваются въ Государственной Думѣ: ей не до этихъ вопросовъ".

Такъ мечтала „Сибирская Жизнь" по поводу съѣзда, на которомъ должна быть представлена торговля биржевая, т. е. организованная. Но тутъ же признавалась, что отъ этой организованности ни тепло, ни холодно. Не слышно ничего о томъ, чтобы биржевые комитеты какъ-нибудь содѣй-

ствовали изученію мѣстныхъ торговопромышленныхъ нуждъ. Еще большой вопросъ, знаютъ ли сами комитеты положеніе дѣлъ въ Сибири.

„Какое значеніе будетъ имѣть этотъ съѣздъ,—печально заканчивала газета посвященную ему статью,—и что онъ сможетъ сдѣлать, это остается не только вопросомъ, но и можно поставить подъ сомнѣніе".

15 мая съѣздъ открылся въ Омскѣ рѣчью предсѣдателя омскаго биржевого комитета, Ф. Ф. Штумпфа, указавшаго на недостаточное объединеніе биржевыхъ комитетовъ и привѣтствовавшаго съѣздъ, какъ первый шагъ на этомъ пути.

Работа, какъ будто, пошла быстро. На первомъ, утреннемъ, засѣданіи признали въ принципѣ нежелательнымъ введеніе въ Россіи торговопромышленныхъ палатъ и высказались единогласно за учрежденіе постояннаго совѣта съѣздовъ. Послѣ преній, мѣстомъ нахожденія совѣта предпочли Омскъ Томску. На вечернемъ засѣданіи приступили къ обсужденію вопроса объ упорядоченіи хлѣбной торговли.

На сколько работа будетъ спорой, теперь сказать, конечно, еще ничего нельзя. Нельзя не признать, что съѣздъ не отличается многолюдствомъ, а скорѣе наоборотъ: 20 участниковъ. Изъ нихъ два представителя акмолинскаго губернатора, семь представителей далъ Омскъ: отъ омскаго биржевого комитета 4, одинъ отъ омской биржи и двое отъ масляной коммиссіи при этой биржѣ. Биржевые комитеты такихъ городовъ, какъ Иркутскъ, Томскъ, Новониколаевскъ, прислали лишь по одному представителю. Самые же города не представлены вовсе, за исключеніемъ Петропавловска (2 представителя).

Индифферентизмъ, проявленный въ большинствѣ и биржевыми комитетами, и городами къ съѣзду, заставляетъ сильно опасаться, какъ бы онъ не оправдалъ именно отрицательныхъ ожиданій.

Въ то время, какъ „вольныя" организаціи обнаруживаютъ полнѣйшую спячку, въ виду предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу возникаютъ организаціи „подневольныя". И въ исторію ихъ войдетъ краснорѣчивымъ матеріаломъ циркуляръ иркутскаго архіепископа Серафима, который мѣстная консисторія *секретно* разсылаетъ духовенству, поощряя его къ активности.

Архіепископъ Серафимъ, недавно, кстати, переведенный въ Иркутскъ изъ Западной Сибири, уже успѣлъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что отъ Иркутской губерніи въ Государственную Думу три раза прошли крайніе лѣвые, которымъ тамъ, по его мнѣнію, совсѣмъ не мѣсто. Мнѣнія, конечно, можно имѣть всякія, но архіепископъ Серафимъ держится еще того, что въ фактѣ избранія лѣвыхъ повинно духовенство иркутской епархіи, обнаружившее небрежное, индифферентное отношеніе къ одной изъ своихъ прямыхъ обязанностей воспитанію населенія въ опредѣленныхъ идеалахъ.

Посвятивъ изложенію обязательныхъ теоретическихъ воззрѣній добрую половину циркуляра, въ его остальной части архіепископъ предписываетъ духовенству рядъ не менѣе обязательныхъ практическихъ мѣропріятій.

„Я предлагаю, гласитъ эта часть пастырскаго посланія, — имѣя въ виду предстоящіе выборы въ четвертую Государственную Думу, отнестись къ обязанности избирателей со всякимъ усердіемъ, для чего рекомендую къ неуклонному исполненію: 1) говорить въ патріотическо-національномъ духѣ проповѣди и рѣчи; 2) устраивать съ прихожанами частныя собесѣдованія, на которыхъ должно ознакамливать со вредными ученіями лѣвыхъ партій, разшатывающихъ нравственные устои, на которыхъ зиждется величіе нашего государства; 3) во время выборовъ отнестись къ дѣлу избранія самымъ тщательнымъ образомъ. Гражданскій кличъ (лозунгъ), который объединитъ всѣхъ благоразумныхъ, это—преобразованіе всѣхъ областей Россіи постепенными, справедливыми и цѣлесообразными указаніями и правильный надзоръ за законностью дѣйствій поставленныхъ отъ царя властей“ („Сибирскій Край“).

Указываетъ циркуляръ и кого избирать: „Людей хозяйственныхъ, знающихъ быть Сибири, людей трезвыхъ, начитанныхъ, набожныхъ и трудолюбивыхъ“.

Въ заключеніе такое краснорѣчивое обѣщаніе: „Въ дополненіе къ сему распоряженію по мѣрѣ надобности будутъ своевременно преподаны и другія необходимыя указанія“.

Для „необходимыхъ указаній“ въ національно-патріотическомъ духѣ прибылъ въ Сибирь и самъ о. Восторговъ

БИБЛІОТЕК

пребывающій въ настоящее время на Камчаткѣ. Съ возвращеніемъ его оттуда у правыхъ организацій связаны самыя радужныя надежды, и онѣ готовятъ ему цѣлый рядъ торжественныхъ встрѣчъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не отстаетъ и мѣстная администрація, окружившая „гастролера“ возможнымъ почетомъ.

Въ пору такихъ яркихъ упованій правымъ организаціямъ, по волѣ судьбы, предстоитъ пережить не малое испытаніе. Этотъ неожиданный ударъ нанесъ имъ предсѣдатель владивостокскаго отдѣла Жердевъ, делегированный на союзническій съѣздъ въ Петербургѣ.

Здѣсь Жердевъ впалъ въ оппозицію, да еще по какому вопросу—по „церковному“! Онъ протестовалъ противъ гражданскихъ ограниченій лицъ, отпадающихъ отъ православія, находя, что „недостойно великой христіанской церкви удерживать заблуждающихся полицейскими мѣрами“.

Непріятность, безусловно, во многихъ отношеніяхъ смягчится пребываніемъ такихъ представителей патріотическихъ теченій, какъ о. Восторговъ и полковникъ Пазимовъ. Въ то время, какъ первый собираетъ и дѣлаетъ смотръ національнымъ элементамъ настоящаго, второй занятъ „будущимъ Россіи“—„потѣшными“.

Пока онъ повсюду восхищался успѣшнымъ „физическимъ“ воспитаніемъ и пришелъ въ восторгъ отъ 200 отдѣльныхъ корейцевъ, которыхъ, въ видѣ сюрприза, преподнесъ г. Гондатти. Кажется, ихъ намѣреваются везти въ Петербургъ.

Изъ дальневосточныхъ газетъ предвыборный выпадъ сдѣлалъ „Харбинскій Вѣстникъ“, увѣрявшій, что „провалъ вопроса о снятіи военнаго положенія въ Приамурьѣ сильно зависѣлъ отъ личности представителя „Приморской области“.

А „Хабаровскій Листокъ“, вѣроятно, по той же причинѣ, впалъ въ настоящее бѣшенство и изрыгаетъ на депутата А. И. Шило всяческую хулу: его, трудовика, обвиняетъ въ принадлежности къ соціалъ-демократической партіи и готовности продать честь и достоинство родины.

Надо сознаться, что, вообще, въ Хабаровскѣ и выборы, и положеніе о Государственной Думѣ понимаютъ очень оригинально.

Въ „Уссурійской Окраинѣ“ напечатано: „Департаментъ общихъ дѣлъ увѣдомилъ военнаго губернатора области, что ходатайство хабаровскаго общественнаго самоуправленія о *назначеніи* (!) на предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу не одного, а двухъ депутатовъ отъ Приморской области, въ томъ числѣ одного отъ городовъ: Хабаровска, Владивостока, Николаевска и Никольска-Уссурійска не можетъ быть удовлетворено, такъ какъ количество депутатовъ установлено положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу и что въ предстоящихъ выборахъ никакихъ измѣненій не предвидится“.

Только теперь хабаровцы осязательно почувствовали на своей шеѣ, что „у насъ есть конституція“. Даже департаментъ общихъ дѣлъ ничего сдѣлать не можетъ. А вѣдь о пустякѣ и просили-то: еще одного депутата!

Трудно, кажется, убѣдительнѣе доказать существованіе обновленнаго строя, а если хабаровцы и теперь не повѣрятъ, то будутъ не совсѣмъ неправы. Повѣрить-то, оказывается еще, труднѣе.

По всѣмъ видимостямъ, ровно ничего не измѣнилось: какъ было, такъ и осталось...

Взять, напримѣръ, еврейскій вопросъ. Раньше нельзя было еврею пріѣхать въ Хабаровскъ, и теперь нельзя.

Умеръ рыбопромышленникъ Пяступовичъ. Вдова просила генералъ-губернатора разрѣшить брату покойнаго, еврею, пріѣхать въ Хабаровскъ по дѣлу ликвидаціи имущества, оставшагося на Камчаткѣ. Въ просьбѣ отказали. Просилъ Пяступовичъ разрѣшить ему временно жить на Камчаткѣ—тотъ же результатъ. Пріѣхалъ Пяступовичъ по тѣмъ же дѣламъ во Владивостокъ, побывалъ у генералъ-губернатора. Тотъ устно разрѣшилъ пробыть два дня, а полиція не повѣрила. Такъ и пришлось, въ концѣ концовъ, уѣхать ни съ чѣмъ („Новая Жизнь“).

А взять обыски, аресты... „Сибирскій Край“ описывалъ, какую „первомайскую изоляцію“ рабочихъ устроилъ жандармскій ротмистръ Горгопъ въ Харбинѣ. Всю ночь съ 29 на 30 апрѣля шли повальные обыски и аресты, преимущественно среди типографскихъ рабочихъ. Въ типографіи „Новой Жизни“, за исключеніемъ одного человѣка, арестованы

были и посажены въ тюрьму всѣ три смѣны, работавшія на наборныхъ машинахъ.

Вотъ вамъ и конституція, мѣсяцъ май и весеннее настроеніе!..

Настроеніе, впрочемъ, скверное не отъ одной конституціи, но и отъ весны. Вѣрнѣе, отъ бѣдствій, неизмѣнно ей сопутствующихъ, вродѣ разлива рѣкъ, приносящихъ новые убытки голодному населенію.

Нынѣшней весной какъ разъ въ голодающихъ губерніяхъ были прямо небывалые разливы.

Ишимъ разлился на 15 верстъ, залилъ все—луга, поля, деревни, желѣзную дорогу. Возлѣ Петропавловска поѣздъ проходилъ буквально среди моря воды. Изъ-за размыва пути задерживалось движеніе поѣздовъ. Нѣсколько сотъ рабочихъ были заняты исправленіемъ причиненныхъ наводненіемъ поврежденій.

Въ Курганѣ разливомъ Тобола затопило всю базарную площадь. Вода все прибывала и грозила даже затопить косогоръ, гдѣ расположенъ толкучій рынокъ. Для сообщенія съ окрестными деревнями былъ сооруженъ паромъ, на которомъ и совершалась переправа.

Много бѣдствій причинилъ разливъ Иртыша, въ особенности въ сѣверной части Тарскаго уѣзда. Здѣсь, при впаденіи рѣки Ишима въ Иртышъ, все пространство между двумя этими рѣками залито сплошь. Семь деревень лишились выгона и пашни. На протяженіи отъ села Усть-Ишима до Тевриза въ семи волостяхъ залито водою до половины озимыхъ посѣвовъ. Въ этомъ районѣ для развозки продовольствія и сообщенія были наняты маленькіе пароходы. На мѣсто бѣдствія выѣзжалъ губернаторъ, а министерство экстренно отпустило 50.000 руб.

Въ „Сибирской Жизни“ находимъ такую картину: „Поселокъ залитъ водой. Жители въ шатрахъ на голой землѣ, многіе болѣютъ. Часть построекъ снесена, у многихъ крестьянъ погибли лошади. Озимые посѣвы подъ водой, яровые производить невозможно. Пострадавшихъ въ поселкѣ (Верхне-Ашеванскій, Ишимской вол.) 25 домохозяевъ. Убытокъ исчисленъ въ 2.325 руб., а застраховано имущество лишь у 9 пострадавшихъ на сумму 163 руб. И такихъ деревень десятки!“

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ не было разлива рѣкъ, уже имѣющейся бѣды оказалось столько, что не изжить. Западная Сибирь давно объявлена голодающей. Съ весной въ томъ же положеніи очутилась и Восточная.

„Лицо, посѣтившее недавно нѣкоторыя станицы и селенія около Нерчинска,—писала „Сибирь",—заявляетъ, что населеніе Восточнаго Забайкалья, въ виду прошлогодняго неурожая, переживаетъ острую нужду въ пропитаніи себя, своихъ семей и скота и въ сѣменахъ для посѣва. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приходилось слышать, что не малая часть населенія голодаетъ со своими семьями по суткамъ и болѣе, не имѣя куска чернаго хлѣба".

„Забайкальской Нови" изъ станицы Кулаковской сообщали: „Кормовъ, за рѣдкими исключеніями, у населенія нѣтъ, и скотъ давнымъ давно пасется на волѣ, питаясь прошлогодней отавой. Приближается пора посѣва, а сѣмянъ нѣтъ. Разрѣшена и произведена выдача ссуды изъ хлѣбозапаснаго магазина, но размѣры ея поражаютъ скудостью".

Въ бурятскихъ степяхъ также плохія надежды на урожай травъ и хлѣбовъ.

И съ такимъ безотраднымъ положеніемъ совпала пора уплаты податей, которыя взыскиваются неукоснительно! Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ.

Въ Тарбагатаѣ еще передъ праздниками Пасхи администрація объявила всѣмъ недоимщикамъ, что если къ 1 апрѣля они не пополнятъ недоимокъ, тогда же будетъ приступлено къ продажѣ ихъ имущества. Крестьяне потратились на праздникахъ и не успѣли пополнить недоимки. Продавалось недвижимое и движимое имущество, при чемъ послѣднее пришлось везти за 40 верстъ въ Петровскій заводъ, гдѣ и состоялась продажа („Забайкальская Новь").

Въ станицѣ Дурулугаевской повинности за настоящій годъ и недоимки за прошлые годы начали собирать еще до того, какъ населеніе принялось за полевыя работы. Главное вниманіе удѣлено на сборъ ружнаго хлѣба (т. е. въ пользу мѣстнаго причта), который, вслѣдствіе недородовъ, собирался туго. На этотъ разъ причтъ распорядился немедленно собрать весь недоимочный хлѣбъ за всѣ года. Населенію пришлось расплачиваться изъ сѣменного хлѣба, и

часто случалось, что на посѣвъ не оставалось ничего. У многихъ хлѣба не было, тогда описывался скотъ, который и поступалъ причту („Думы Забайкалья").

Въ Бійскомъ уѣздѣ, въ Алтайской волости, принялись взимать подати во время распутицы, сажая не уплатившихъ въ каталажку. Пришлось крестьянамъ продавать за безцѣнокъ хлѣбъ мѣстнымъ торговцамъ („Жизнь Алтая").

Вмѣстѣ съ голодомъ, наводненіями, взысканіемъ податей, весна принесла и увеличеніе заболѣваній.

Съ усиленіемъ движенія переселенцевъ,—по сообщеніямъ сибирской печати,—стали учащаться случаи заболѣваній въ поѣздахъ. Въ больницу канскаго переселенческаго пункта ежедневно привозятъ больныхъ, преимущественно тифозныхъ и дезинтерійныхъ. Были случаѣ скарлатины и натуральной оспы.

Изъ разныхъ мѣстъ Сибири пишутъ о томъ, что болѣютъ дѣти и взрослые, умираютъ. И всегда одинъ и тотъ же припѣвъ: нѣтъ никакой медицинской помощи...

Страдаетъ отъ медицинской безпомощности городъ Боготолъ, гдѣ есть желѣзнодорожная больница и переселенческій медицинскій пунктъ. Но желѣзнодорожные врачи въ больницѣ принимать частныхъ лицъ не имѣютъ права, а на домъ къ нимъ не всякій можетъ пойти, тѣмъ паче бѣднота. Пунктовая фельдшерица занята съ ходоками, съ переселенческими поѣздами, а больше того—съ разнаго формата отчетными книгами и циркулярами.

Въ Абанѣ, Канскаго уѣзда, есть переселенческій медицинскій пунктъ, но выходитъ такъ, какъ будто его и нѣтъ. Во-первыхъ, управленіе долгое время держало его безъ касторового масла, хинина, соды, борной кислоты и т. п., хотя ротный фельдшеръ, служащій на пунктѣ, ухитрялся лѣчить. Во-вторыхъ, назначенный сюда врачъ отказался отъ амбулаторнаго пріема и отъ хирургическихъ операцій. Въ-третьихъ, существуетъ такое странное раздѣленіе труда: заразнымъ баракомъ завѣдуетъ акушерка-фельдшерица, а родильнымъ пріютомъ—ротный фельдшеръ.

За то на пунктѣ въ концѣ зимы поставили 2 галкинскихъ фонаря, по 450 свѣчей каждый, даже зажигали ихъ въ теченіе цѣлой недѣли. И уже два мѣсяца живетъ механикъ,

командированный переселенческимъ управленіемъ для установки этихъ фонарей.

Примѣры эти можно продолжить до безконечности, но всѣ они меркнутъ при сравненіи съ положеніемъ Якутской области. Отсутствіе медицинской помощи и прогрессирующее развитіе повальныхъ заболѣваній побудили мѣстную высшую администрацію обратиться къ врачамъ съ особымъ воззваніемъ, приглашающимъ ихъ на службу въ этотъ далекій и гиблый край:

„Придите къ намъ для труда тяжелаго, самоотверженнаго,—заканчивается воззваніе,—и этимъ самымъ сослужите великую службу нашей дорогой родинѣ"...

Мѣстная печать.

На столбцахъ нѣкоторыхъ сибирскихъ газетъ обсуждался недавно вопросъ о положеніи печати вообще, мѣстной въ частности. И выдвинули этотъ вопросъ событія, далеко разнящіяся другъ отъ друга.

Одно изъ нихъ—появившіяся въ газетахъ сообщенія о предполагающемся въ связи съ выставкой въ 1913 г. въ Хабаровскѣ съѣздѣ представителей печати Приамурья (прошелъ также слухъ о съѣздѣ представителей всей дальневосточной печати въ виду предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу).

Другое событіе, совершенно иного порядка, — арестъ редакторовъ-издателей двухъ барнаульскихъ газетъ „Алтайскаго Края" и „Кооперативнаго Листка", Шпунтовича и Анисимова, обвиняющихся въ вымогательствѣ крупной суммы денегъ у мѣстнаго купца П. Ворсина при исключительно гнусныхъ обстоятельствахъ. Купца названныя лица заманили въ тайный притонъ, гдѣ было симулировано изнасилованіе Ворсинымъ молодой дѣвушки, якобы гимназистки, а въ дѣйствительности наборщицы типографіи Шпунтовича и его соучастницы. Затѣмъ съ купца потребовали деньги, угрожая въ противномъ случаѣ „разоблаченіями" въ газетѣ.

Пользованіе своимъ изданіемъ, какъ орудіемъ для шантажа, и связало позорныя дѣянія Шпунтовича и Анисимова съ вопросомъ о положеніи нашей мно[illegible]альной печати.

Выяснилось, что описанный случай [illegible], что оба

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

„издателя“ систематически занимались шантажированіемъ наиболѣе богатыхъ лицъ съ цѣлью вымогательства у нихъ денегъ. Въ этихъ цѣляхъ они, по сообщенію сибирскихъ газетъ, содержали въ Барнаулѣ домъ свиданій, заманивали туда лицъ, обладающихъ достаткомъ и пользующихся большей или меньшей извѣстностью въ городѣ, секретно фотографировали ихъ, а затѣмъ ужъ на сцену выпускали „газету“ и требованіе соотвѣтствующаго гонорара „за молчаніе“.

Была и другая статья дохода, основанная все на той же газетѣ. „Не дальше, какъ зимой нынѣшняго года,—пишетъ „Обская Жизнь“,—другая барнаульская газета „Жизнь Алтая“ опубликовала документъ, изъ котораго видно, что Шпунтовичъ и его редакторъ въ то время, Кассенбергъ, вымогали деньги у представителя Нижегородско-Самарскаго банка Карасева, пріѣхавшаго въ Барнаулъ для заключенія городского займа въ полтора милліона рублей. Тогда эти господа пришли къ Карасеву и заявили, что „газета нуждается въ матеріальной поддержкѣ и что статьи о городскомъ займѣ будутъ печататься ими исключительно въ благопріятномъ смыслѣ для Нижегородско-Самарскаго банка, если послѣднимъ будетъ предложенъ газетѣ приличный кушъ. А если этого куша не будетъ, то начнется печатаніе статей, разбивающихъ выгодность ипотечнаго займа и доказывающихъ выгодность исключительно облигаціоннаго“.

Когда все это всплыло наружу, когда Шпунтовича и Анисимова въ послѣднемъ ихъ дѣлѣ съ головой выдала наборщица, признавшаяся во всемъ, заговорили о „мошенникахъ пера“, о „разбойникахъ печати“...

Негодованіе здѣсь понятно, но только напрасно объяснять появленіе такихъ „дѣятелей“ печати тѣмъ безвременьемъ, какое мы теперь переживаемъ. Не одно безвременье виновато здѣсь. Если „бывали времена и хуже, но не было подлѣй“, то причина здѣсь не одна реакція, обкарнавшая крылья „всему живому и свѣтлому“.

Реакція могла наложить свою тяжелую руку на прогрессивную печать, низвести ея громкій голосъ до шепота; могла, наконецъ, заставить молчать, но не могла заставить быть безчестной и продажной въ томъ смыслѣ, въ какомъ сдѣлали свои изданія Шпунтовичъ и Анисимовъ.

Они—типичные представители „желтой прессы“, а послѣд-

ния вызывается иными причинами, нежели политическая реакція.

Реакція создала свои органы, черносотенные листки, занимающіеся проповѣдью погромовъ и человѣконенавистничества, занимающіеся шпіонажемъ, доносами и пр.,—словомъ, явно отправляющіе функціи тайной политической полиціи. Благодаря этому, они остались въ плоскости охраннаго отдѣленія и внѣ печати, какъ ее привыкли понимать у насъ. Они не могли набросить на печать ни малѣйшей тѣни, ни, тѣмъ болѣе, внести въ нее разложеніе. И если послѣднее все же наблюдается, то здѣсь дѣйствуютъ иныя причины. Кроются онѣ въ той эволюціи, какую претерпѣли общественныя отношенія, и въ той роли, какую сталъ играть капиталъ.

Какъ создавались еще недавно провинціальныя газеты? „Группа „идейныхъ“ людей, „грѣшащихъ перомъ“, уговаривала покладистаго либеральнаго капиталиста „сѣять разумное, доброе, вѣчное“. Капиталистъ соглашался „послужить общему дѣлу“, принимался издавать газету, а „идейные люди“ несли ему свой трудъ, мало заботясь о гонорарѣ. Создавался такимъ образомъ болѣе или менѣе тѣсный „союзъ друзей“: „друга читателя“, „друга-писателя“ и до извѣстной степени „друга-издателя“. И газета выходила, проникнутая стремленіемъ „поднять“ читателя до уровня руководившихъ ею людей“ *).

Съ теченіемъ времени условія измѣнились. Миновалъ для печати періодъ „идиллическаго кустарничества“ и начался періодъ промышленный: пришелъ капиталъ, который успѣлъ учесть значеніе печати.

Съ той поры „идейность“ замѣнилась доходностью, издательство стало промышленностью, появился „владѣлецъ“ газеты, которому не было никакого дѣла до ея направленія. И газеты начали перестраиваться на новыхъ, уже капиталистическихъ основаніяхъ.

Имъ прежде всего понадобился рынокъ, и этимъ рынкомъ оказалась улица. Такъ какъ бо́льшій спросъ обѣщалъ и бо́льшіе барыши, то необходимо во что бы то ни стало этотъ спросъ удовлетворять. Такая постановка заставляетъ при-

*) П. З. „На пути къ „безголовой прессѣ“, „Современный Міръ“, № 4, 1912 г.

способляться ко вкусамъ и требованіямъ, а не „поднимать“ ихъ до себя.

И когда всѣ помыслы издателя оказались занятыми „улицей“, „другъ-читатель“ неминуемо долженъ былъ исчезнуть. И онъ исчезъ, растворился въ читающей „публикѣ“, которая и стала диктовать свои условія.

Теперь газеты въ провинціи начинаютъ возникать въ зависимости не отъ идеи, а отъ „своей типографіи“.

Иначе и не могло быть, разъ въ газетное издательство потянулись люди, желающіе, какъ щедринскіе „ташкентцы“, только одного и мечтающіе только объ одномъ: жрать!

Своя типографія значительно сокращаетъ расходы по изданію газеты. Кромѣ того, послѣдняя ставитъ типографію внѣ конкуренціи съ другими и даетъ возможность захватывать всѣ крупные заказы.

Развитіе рекламы обогащаетъ карманъ издателя объявленіями.

Не довольствуясь этимъ, издатели новой формаціи учитываютъ пользу отъ изданія съ другой стороны. Вліяніе печати громадно, отъ ея молчанія или поддерживающаго голоса, смотря по обстоятельствамъ, зависитъ многое. И вотъ издатель рѣшаетъ извлекать вещественную пользу изъ невещественныхъ отношеній, и печатное слово также пускается въ торговый оборотъ, становится предметомъ купли-продажи.

Это нисколько не мѣшаетъ подобному господину издавать прогрессивный органъ. Даже напротивъ. Ему необходимо поставить газету такъ, чтобы она шла, чтобы ее читалъ значительный контингентъ лицъ. Иначе за что же будутъ платить. А разъ на значительное распространеніе въ провинціи, особенно въ Сибири, могутъ разсчитывать только газеты прогрессивнаго направленія, то „ташкентецъ“ непремѣнно будетъ издавать не просто прогрессивную, а „самую прогрессивную“ газету.

Анисимомъ и Шпунтовичъ тоже вѣдь издавали „прогрессивныя“ газеты.

О „газетѣ при типографіи“ писалось не разъ, вопросъ этотъ возбуждался неоднократно. Но послѣдствія такой постановки дѣла начинаютъ сказываться все замѣтнѣе и замѣтнѣе.

Въ статьѣ по поводу предполагающагося съѣзда въ Ха-

баровскѣ „Забайкальская Новь“, констатируя увеличивающійся интересъ столичной печати къ нашей окраинной, въ то же время пишетъ:

„Тонъ шовинизма, присущій газетамъ націоналистическаго пошиба, начинаетъ проникать и въ нашу окраинную печать. Если одно лицо въ одной газетѣ высказывается за аннексію Россіей Сѣверной Манчжуріи, а въ другой газетѣ то же лицо высказывается противъ аннексіи (въ дальневосточной печати), если газета, въ цѣломъ рядѣ статей высказывавшаяся противъ установленія русскаго протектората надъ Монголіей, а черезъ мѣсяцъ-два начинаетъ кричать объ этомъ протекторатѣ, обратившись въ шовинистическій листокъ, ясно, что у насъ, на окраинѣ, имѣются всѣ признаки нарожденія желтой прессы“.

Газета настаиваетъ на борьбѣ съ этимъ явленіемъ и полагаетъ, что оздоровить атмосферу печатнаго слова на окраинѣ можетъ только живое общеніе между его представителями. Она, конечно, стоитъ за съѣздъ, да нѣтъ ни одного голоса, раздавшагося противъ съѣзда. Плохо одно, что за съѣздъ высказалось пока слишкомъ мало органовъ печати, и ему можетъ грозить та же участь, что предполагавшемуся такому же съѣзду во время прошлогодней выставки въ Омскѣ: онъ не состоялся.

Между тѣмъ, съѣздъ представителей печати всей Сибири, а не только части ея, былъ бы очень необходимъ. На положеніи газетныхъ работниковъ не можетъ не отражаться переживаемая печатью эволюція. Отстаивать свою независимость они могутъ лишь при помощи организацій. А нужда въ этой организаціи спѣшна и неотложна, потому что на мѣстную печать надвигается новое бѣдствіе: она на пути превращенія въ „безголовую“ прессу, о чемъ пишетъ г. П. З. въ „Современномъ Мірѣ“ въ цитированной уже мною статьѣ.

Къ этому ведутъ развивающіяся въ столицахъ такъ называемыя пресъ-бюро, которыя, говоритъ г. П. З., „уже шесть лѣтъ ведутъ настойчивую и упорную борьбу за возможно полное умаленіе и обезцѣненіе роли сотрудника въ провинціальной газетѣ, за подрывъ его грошоваго заработка“.

Пресъ-бюро за плату, меньшую сравнительно съ гоно-

раромъ мѣстнаго сотрудника, представляетъ абонировавшейся у него газетѣ весь существенно-необходимый матеріалъ для номера (кромѣ мѣстнаго), и матеріалъ болѣе цѣнный съ точки зрѣнія издателя и „публики“, такъ какъ здѣсь „имена“.

Давать эти „имена“ дешево прессъ-бюро можетъ потому, что служитъ разомъ цѣлому ряду газетъ. И г. П. З. приводитъ тотъ случай, когда 25 декабря 1910 г. въ болѣе чѣмъ двадцати провинціальныхъ газетахъ былъ напечатанъ одинъ и тотъ же небольшой набросокъ А. Куприна, разосланный однимъ изъ бюро.

Прессъ-бюро, это—послѣднее слово капитализаціи, то же машинное производство, идущее на смѣну кустарничеству,—такъ характеризуетъ г. П. З. эти „фабрики печатнаго слова“.

Ихъ зло—не только въ конкуренціи съ мѣстными тружениками пера, въ пониженіи ихъ заработка, а часто и въ лишеніи его. Самое худшее, что приносятъ они, это—обезличеніе мѣстной печати, когда при циркулярной разсылкѣ такъ называемыхъ „руководящихъ“ статей общественное мнѣніе, въ концѣ концовъ, создается буквально нѣсколькими лицами.

Второй съѣздъ писателей пришелъ къ заключенію, что прессъ-бюро „при безправномъ положеніи русской печати грозитъ превратиться въ орудіе систематической фальсификаціи общественнаго мнѣнія“, но дѣйствительная борьба противъ ихъ вреднаго вліянія возможна лишь при полной свободѣ печати..,

Но во что къ тому времени обратится мѣстная печать подъ воздѣйствіемъ такого фактора, какъ тѣсный союзъ „владѣльцевъ типографій“ съ прессъ-бюро?

Д. С.

Обозрѣніе русской жизни.

„Малая“ судостроительная программа морского министерства все еще служитъ предметомъ горячей полемики между штатскими, казенными и полуказенными перьями.

Коммиссія же государственной обороны, высказавшись единогласно за полумилліардную ассигновку на выполненіе этой программы, повидимому, даже и не задавалась тѣми вопросами, которые дебатируются на страницахъ газетъ.

Она полагаетъ, очевидно, что начальству лучше знать, какой намъ нуженъ флотъ: оборонительный или наступательный.

Публицисты изъ штатскихъ недоумѣваютъ,—какъ будутъ дредноуты плавать въ Маркизовой лужѣ, гдѣ море дѣтямъ по колѣно, а военные—увѣряютъ, что „контръ-флотъ", т. е. защитные суда, вродѣ миноносцевъ, подводныхъ лодокъ, во-первыхъ, обойдется дороже линейнаго и, во-вторыхъ, легко можетъ быть забитъ германскими крейсерами.

Кто изъ нихъ правъ, покажетъ, вѣроятно, лишь горькій опытъ, потому что, если судить по настоящему, то ни линейныхъ, ни подводно-минныхъ судовъ намъ строить нельзя, такъ какъ и тѣ, и другія оказываются одинаково не удовлетворяющими своему назначенію и возлагавшимся на нихъ надеждамъ. Всего, напримѣръ, 13 мая освѣдомительное бюро не безъ оттѣнка гордости сообщало, что „первый въ Россіи" турбинный крейсеръ „Новикъ", „совершая переходъ изъ Кронштадта въ Ревель, свободно развилъ скорость въ 33 узла въ часъ". А 20 мая въ „Рѣчи" желающіе могли прочесть, что морскіе спеціалисты, непричастные къ главному адмиралтейству, констатируютъ устарѣлость этого новаго крейсера по сравненію „съ однотипными судами иностранныхъ флотовъ, которые были построены значительно ранѣе „Новика".

Тамъ ихъ скорость „не менѣе 36 узловъ" при полной нагрузкѣ, „Новикъ" же шелъ безъ артиллеріи и при исключительно благопріятныхъ условіяхъ—отборномъ углѣ, лучшихъ машинистахъ, какъ всегда это бываетъ на пріемномъ испытаніи. Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, механизмъ судна поизносится, и число узловъ еще убавится. Помимо этого, спеціалисты указываютъ на устарѣлость миннаго вооруженія возродившагося „Новика", на слишкомъ высокій его бортъ, который не только долженъ затруднять минную стрѣльбу, но, „при сложности и хрупкости мины Уайтхеда, можетъ вызвать порчу ихъ, а иногда и преждевременный взрывъ".

Что уголь на парадѣ и въ обыденной работѣ совершенно разныхъ качествъ,—жизнь убѣждаетъ и поднесь. Недавно, по словамъ южныхъ газетъ, транспортъ „Бугъ", выйдя изъ Севастополя въ плаваніе, вскорѣ вернулся, чтобы перемѣнить уголь, такъ какъ съ тѣмъ, который былъ пріобрѣтенъ

для нуждъ Черноморскаго флота, онъ могъ дѣлать въ часъ не больше 3—4 узловъ.

О будущихъ исполнителяхъ „малой“ судостроительной программы „Новое Время“ передаетъ такія фантастическія вещи, что, не будь теперь веселый мѣсяцъ май, всякій бы принялъ ихъ за первоапрѣльскую шутку.

Въ числѣ конкурентовъ на полученіе заказовъ по постройкѣ миноносцевъ, разсказываетъ вышеупомянутая газета, оказался инженеръ Цизе, имѣющій сына, который „предполагаетъ устроить въ Либавѣ заводъ и верфь“. Во всякой другой странѣ, не исключая, по всей вѣроятности, даже неопытнаго Китая, съ такими конкурентами не стали бы даже разговаривать. У насъ же вотъ что произошло:

10-го апрѣля министерство отвѣтило г. Цизе, что Либаву оно не считаетъ пунктомъ, удобнымъ для этой цѣли; 12-го апрѣля г. Цизе увѣдомилъ министерство, что онъ присмотрѣлъ уже мѣсто для завода въ Ригѣ, и что министерство вполнѣ можетъ довѣрить постройку его сыну, такъ какъ послѣдній, хотя и иностранный подданный, но имѣетъ уже въ Россіи земельную собственность и даже промышленное предпріятіе (кажется, паркетную фабрику); на это 21-го апрѣля министерство отвѣтило, что Рига хорошо, но еще бы лучше устроить заводъ въ Нарвѣ, т. е. вообще въ глубинѣ Финскаго залива. Что отвѣтилъ на это г. Цизе-отецъ—неизвѣстно, а только 24-го апрѣля министерство послало ему уже запросъ: по какимъ цѣнамъ и въ какіе сроки онъ возьмется строить нашъ флотъ.

„Русское Слово“, перепечатывая это анекдотическое сообщеніе, указываетъ на главное преимущество судостроительнаго завода Цизе и Сынъ передъ другими—необыкновенное удобство для дороги: „ни въ багажъ сдавать его не надо, ни съ носильщикомъ возиться. Взялъ подъ мышку и пошелъ“.

Что и говорить о портативности, если его можно даже просто,—запечатавъ въ конвертъ, послать министерству по почтѣ...

Такія открытія, конечно, увеличиваютъ до нѣкоторой степени шансы, что меньшиковскій совѣтъ — обращаться „осторожнѣе съ милліардами“—будетъ принятъ во вниманіе Третьей Думою, но врядъ ли все-таки она рискнетъ отказать полностью въ кредитахъ. Она вѣдь столько еще „не додѣлала“ и вдругъ,—когда передъ нею открывается возможность сохранить свои полномочія вплоть до созыва четвертой Думы,—отказать. Развѣ это не значитъ—выказать черную

неблагодарность. Цизе съ „сыномъ“ могутъ спать спокойно,—у нихъ будутъ, навѣрное, и верфь, и заводъ, а будетъ ли у Россіи хоть сносный „контръ-флотъ“—бабушка еще на двое сказала...

По слухамъ, продленіе депутатскихъ полномочій дѣло рѣшенное: въ іюнѣ Дума будетъ распущена обычнымъ порядкомъ на вакатъ и въ сентябрѣ соберется снова.

Но остается не рѣшеннымъ и даже не замѣченнымъ „вопросъ объ избирательныхъ правахъ депутатовъ, избранныхъ по квартирному, служебному и рабочему цензамъ“, поднятый теперь „Русскими Вѣдомостями“.

Сенатъ, много занимавшійся по „разъясненію“ нашего избирательнаго закона, говоритъ газета, „какъ разъ этотъ въ высшей степени важный вопросъ“ и обошелъ вниманіемъ. Еще для лицъ, избранныхъ по квартирному цензу, можно найти косвенный утвердительный отвѣтъ. Для прошедшихъ по служебному,—если они оставили за собой квартиры въ мѣстѣ избранія,—представляется возможность воспользоваться „обходомъ“. Что же касается депутатовъ, получившихъ свои полномочія отъ рабочихъ курій, то для нихъ перезбраніе можетъ оказаться подъ сомнѣніемъ даже при наличности довѣрія къ нимъ со стороны ихъ избирателей. По крайней мѣрѣ, въ сенатскомъ указѣ 1906 года принадлежность къ числу рабочихъ устанавливается не только на основаніи того, „есть ли у даннаго лица рабочая книжка, но и въ зависимости отъ фактическихъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о томъ, принимаетъ ли данное лицо, въ качествѣ рабочаго, своей работой участіе въ заводскомъ производствѣ, или нѣтъ“.

Само собой разумѣется, что депутатъ-рабочій, сидя пять лѣтъ въ Таврическомъ дворцѣ, принимать фактическаго участія ни въ какихъ производствахъ, кромѣ „бумажнаго“, не могъ. А если четвертой Думѣ ея предшественница распахнетъ двери этого дворца еще собственноручно, то депутатъ никоимъ образомъ не успѣетъ переодѣться даже въ рабочую блузу, не только что снова продѣлать обязательный полугодовой стажъ на фабрикѣ.

„Русскія Вѣдомости“ полагаютъ, что допустимое для одной категоріи народныхъ представителей, должно быть допустимымъ и для другой, т. е., что депутаты отъ рабочихъ курій—

фактомъ присутствованія на думскихъ засѣданіяхъ не лишаются права „участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу слѣдующаго созыва“.

Слухи о продленіи полномочій Третьей Думы чуть-ли не вплоть до этого созыва еще настоятельнѣе подчеркиваютъ необходимость скорѣйшаго разрѣшенія вопроса, поднятаго газетою. Гучковы, Бобринскіе, Крупенскіе, разумѣется, въ томъ или иномъ видѣ, сохранятъ свой цензъ, представители же другихъ группъ населенія могутъ оказаться „разъясненными“ уже въ стѣнахъ Таврическаго дворца, какъ неоднократно и бывало. А вѣдь ихъ и безъ того достаточно хорошо процѣживаютъ черезъ административное сито.

Даже нашумѣвшіе за послѣднее время приговоры о ссылкѣ на поселеніе редакторовъ двухъ кавказскихъ газетъ, какъ и вообще привлеченіе по 129 статьѣ, въ концѣ концовъ, оказываются продиктованными предвыборными опасеніями.

Дѣло редактора „Баку“, говоритъ тѣ же „Русскія Вѣдомости“, „становится яснымъ, если принять во вниманіе, что армянами выдвигалась кандидатура Вермишева въ четвертую Думу и что объ этомъ было опубликовано незадолго до процесса“.

Но нелѣпость мотивовъ, легшихъ въ основу обвинительнаго вердикта, на столько очевидна, что даже сенатъ не счелъ возможнымъ утвердить его, а передалъ на разсмотрѣніе судебной палаты въ другомъ составѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, сообщалось какой-то газетой.

Усердіе кавказскихъ служителей Ѳемиды дошло до смѣшного: они ухитрились пристегнуть 129 статью не только къ персидской конституціи, но, повидимому, и къ „персидской ромашкѣ“. Какія, въ самомъ дѣлѣ, преступныя идеи могъ проводить редакторъ „Эриванскихъ Объявленій“, органа, гдѣ за удовольствіе быть „писателемъ“ платитъ авторъ-заказчикъ и гдѣ „передовица“ написана разъ навсегда или, во всякомъ случаѣ, впредь до измѣненія таксы за строчку петита? Разумѣется, никакихъ, а тѣмъ не менѣе — онъ тоже осужденъ по этой статьѣ.

Пусть бы еще усердствовали только тѣ, кто за это получаетъ свое пропитаніе. Такъ вѣдь нѣтъ — находятся еще добровольцы, коимъ платится совсѣмъ за другія обязан-

ности. Напримѣръ, управляющій Кіево-Воронежской ж. д., какъ сообщало „Русское Слово“, циркулярно предписалъ на-дняхъ не допускать къ продажѣ въ районѣ линій ея „Календаря, посвященнаго юбилею 12-го года“, который, по его мнѣнію, „носитъ противоправительственный характеръ, въ виду тенденціознаго подбора изреченій писателей“. А между тѣмъ, календарь этотъ изданъ вѣдомствомъ дѣтскихъ пріютовъ императрицы Маріи и ужъ, навѣрное, въ цензорскомъ карандашѣ управляющаго Кіево-Воронежской дорогой не нуждается.

Если нельзя преступный календарь продавать, то нельзя, конечно, и покупать. Это приводитъ къ довольно страшному положенію: войди въ кабинетъ служащаго дороги хоть самъ ротмистръ Трещенковъ, юбилейное изданіе на столѣ не шелохнется, а нанеси визитъ управляющій, — немедленно шмыгнетъ подъ какія-нибудь бумаги.

Начальственная опека воспрещаетъ взрослымъ людямъ выписывать въ желѣзнодорожныя библіотеки, основанныя и пополняемыя на ихъ собственныя деньги, тотъ или другой журналъ, ту или иную газету.

О томъ, что подобные запреты отлично обходятся при при посредствѣ адресовъ частныхъ лицъ, начальство знаетъ, конечно, не хуже другихъ, но привычка къ формальному выполненію своего долга вообще поддерживаетъ иллюзію,— будто цѣль достигнута, будто оттого, что нельзя выписать „Современное Слово“, желѣзнодорожные служащіе станутъ зачитываться „Россіей“.

Петербургъ, „дѣлающій политику“, сознавъ тщету такихъ надеждъ, кажется, рѣшилъ покончить этотъ опытъ фальсификаціи общественнаго мнѣнія.

По крайней мѣрѣ, по словамъ „Рѣчи“, предсѣдателю совѣта министровъ подана записка, въ которой доказывается, что печать такого рода, какъ былое „Русское Государство“ и нынѣшнія „Россія“ съ „Освѣдомительнымъ Бюро“ не только безполезны, но даже вредны, ибо „отняли у правительства возможность освѣщать свои дѣйствія такъ, чтобы къ этому освѣщенію прислушивались“.

Утративъ вѣру въ душеспасительность чтенія „Россіи“, правительство твердо еще пока убѣждено, что замѣна инако мыслящихъ съ нимъ представителями патріотическихъ орга-

БИБЛІОТЕКА

низаціи должна способствовать укрѣпленію „исконныхъ началъ“. Дѣйствительность, разумѣется, не замедлитъ его разочаровать. Начало этому уже положено на юго-западныхъ дорогахъ, гдѣ ставленники г. Рухлова проявили свой „патріотизмъ“ исчезновеніемъ казенныхъ рельсовъ, подложными расписками рабочихъ въ получкѣ платы за погрузку и т. п. Но отъ „начала“ до „конца“ обыкновенно — очень долгій путь. Когда вѣдь издавалось „Россійское Государство“, — еще при С. Ю. Витте; не меньшій срокъ, надо полагать, понадобится и на то, чтобы разочароваться въ пользѣ сотрудничества Дубровиныхъ и Пуришкевичей.

Времени на выкорчевываніе рельсовъ, какъ и на съѣзды, скандалы, у нихъ, во всякомъ случаѣ, еще достаточно, и по мѣрѣ своихъ силъ они его даромъ не тратятъ.

Къ съѣзду „русскаго народа“ прибавился еще съѣздъ „русскихъ людей“. Какая, собственно, разница между этими двумя терминами и партіями — никто опредѣлить не можетъ. А сходство несомнѣнное: и тѣ, и другіе ругаютъ другъ друга.

Недавно еще было время, пишетъ въ своемъ „Дневникѣ“ князь Мещерскій, когда „тотъ русскій, который вздумалъ бы сочинять рецепты, какъ быть русскимъ, и говорить о нихъ въ печати, былъ бы признанъ умственно больнымъ“.

Но теперь себя старательно скоблятъ, моютъ и подкрашиваютъ подъ русскій ладъ и нѣмцы, и молдаване, и евреи вродѣ Гурлянда, потому что „быть русскимъ“ сдѣлалось выгодной, доходной профессіей.

Этотъ жирный кусокъ служитъ причиной раздора между родными братьями по духу и аппетитамъ.

Послѣдніе петербургскіе ихъ съѣзды обратили на себя вниманіе не взаимной грызней, всѣмъ давно извѣстной, а инцидентами, которые, вѣроятно, поведутъ за собой отпаденіе группы крестьянъ.

Редакторъ „Колокола“ Скворцовъ, по свойственной ему недальновидности и безтактности, выступилъ съ предложеніемъ увеличить содержаніе сельскимъ священникамъ и ввести гражданскія ограниченія для отпадающихъ отъ православія. А въ противовѣсъ ему Коханчикъ заговорилъ о поборахъ духовенства и желательности передачи церков-

ныхъ земель малоземельнымъ крестьянамъ, что вызвало одобрительные возгласы крестьянскаго состава съѣзда. Вопросъ о типѣ сельскихъ школъ точно такъ же раскололъ съѣздъ на двѣ части. Членъ Государственной Думы Володимеровъ, конечно, высказался за церковно-приходскія, такъ какъ, дескать, земскія и министерскія воспитываютъ революціонеровъ, а Щербанюкъ отвѣтилъ, что и онъ самъ, и почти всѣ участвующіе въ съѣздѣ крестьяне учились либо въ земской, либо въ министерской школѣ. Убѣдившись въ невозможности столковаться, крестьяне покинули засѣданіе и отказались присутствовать на закрытіи съѣзда.

Кіевскіе союзники дошли до открытыхъ буйствъ. Поводомъ послужили, съ одной стороны, львовскія событія, съ другой же—празднованіе коронаціи и попустительство полиціи. Кромѣ револьверовъ, демонстрантами было пущено въ ходъ новое оружіе—„бутылки съ чернилами“. Отъ послѣднихъ пострадали окна и помѣщенія „Кіевской Мысли“ и мѣстной польской газеты.

Всего интереснѣе, что, принявъ мѣры по огражденію австрійскаго консульства отъ чернилъ, отрядъ околоточныхъ надзирателей, сопровождавшій буйствующихъ, не только не сумѣлъ спасти редакціонныхъ стеколъ, но даже не полюбопытствовалъ узнать: кто ихъ билъ?

Но вѣдь „такъ было всегда и такъ будетъ“, какъ обѣщалъ г. Макаровъ.

Съ этой роковой неизмѣнностью сталкивается вся русская жизнь. Бездѣйствіе полиціи, когда громятъ обывательскіе дома, и воздѣйствіе охраны для скорѣйшаго, напримѣръ, выдѣленія изъ общины.

Недавно, разсказываетъ „Рѣчь“, въ сенатѣ разсматривалось и оставлено безъ послѣдствій прошеніе крестьянина Виленской губерніи Гуданца, искавшаго возмѣщенія убытковъ за неправильный арестъ. Не касаясь доводовъ истца, газета останавливается на объясненіяхъ виленскаго губернатора: что Гуданецъ былъ арестованъ, „какъ человѣкъ, агитировавшій среди крестьянъ противъ перехода на хутора“.

Просто и мило: на бумагѣ таковой числится добровольнымъ, въ дѣйствительности—внѣдряется съ помощью обязательныхъ постановленій. По французской поговоркѣ, при посредствѣ ничтожнаго „если“ можно упрятать Парижъ въ бутылку, а

нашимъ обязательнымъ постановленіямъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ какимъ условностямъ, ни къ какимъ увертkамъ: однимъ росчеркомъ губернаторскаго пера они уничтожаютъ цѣлые своды законовъ, регулирующіе жизнь страны. Подвернулась подъ руку община,—валяй ее, упалъ взглядъ на аптечную сигнатурку,—явился, какъ въ „сборникахъ дѣйствующихъ по московскому градоначальству обязательныхъ постановленій", параграфъ третій,—„О внутреннемъ наблюденіи въ границахъ владѣній".

Въ 11-ти пунктахъ этого параграфа есть еще буквы—и строчныя, и прописныя, но многосложность обязанностей владѣльцевъ всякой недвижимой собственности выясняется съ первыхъ же строкъ. Они обязаны „постоянно и тщательно наблюдать" за всѣмъ происходящимъ въ чертѣ ихъ владѣнія, какъ и за всѣми появляющимися лицами.

Кіевскіе околоточные шли рядомъ, да въ лицо не примѣтили, а домовладѣльцы, небось, наблюдай...

Перелагать отвѣтственность на чужія плечи, взыскивать по 500 рублей штрафа за допущеніе безъ вѣдома полиціи какихъ-либо земляныхъ работъ и даже за неисправность звонковъ, вводить налоги, отмѣнять законы, — чѣмъ это меньше того „если", которое у шутниковъ французовъ обладаетъ такимъ магическимъ свойствомъ? Вся и разница, что намъ—только не до шутокъ...

О введеніи полицейской стражи въ Сибири.

25 мая, наконецъ, и въ бюджетной коммиссіи сталъ на очередь законопроектъ „О введеніи полицейской стражи въ губерніяхъ Сибири и областяхъ Степныхъ и Приамурскаго края".

Внесенный 30 октября 1908 года, законопроектъ этотъ въ 1909 г. поступилъ на разсмотрѣніе коммиссіи законодательныхъ предположеній Государственной Думы. Но послѣ перваго же засѣданія, гдѣ съ рѣзкою его критикою выступили сибирскіе депутаты, повидимому, въ самой коммиссіи обнаружилось недоумѣніе по поводу этого законопроекта.

Сибирскіе депутаты полагали, что вопросъ такъ и останется открытымъ, пока правительство само не сознаетъ своей ошибки и не возьметъ законопроектъ обратно. Это убѣжде-

ніе поддерживалось отрицательнымъ отношеніемъ къ проекту и нѣкоторыхъ правыхъ депутатовъ, напримѣръ, К. Е. Сувчинскаго, и неувѣренностью въ его цѣлесообразности самого докладчика Л. В. Кочубея.

Въ концѣ 1912 года сдѣлалось, однако, извѣстнымъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ настаиваетъ на скорѣйшемъ проведеніи закона въ Думѣ. Противиться этому приказу, конечно, не могла послушная коммиссія законодательныхъ предположеній, охотно ставящая штемпеля на всемъ, что въ нее заблагоразсудитъ передать Государственная Дума.

Началось экстренное разсмотрѣніе законопроекта, давшаго поводъ депутату Новицкому (крайній правый) изложить свой взглядъ на реформы въ Сибири, въ свое время отмѣченный въ „Сибирскихъ Вопросахъ".

Къ засѣданію бюджетной коммиссіи докладчикъ г. Кочубей не явился, вѣроятно, чтобы не краснѣть за проектъ, который онъ долженъ былъ бы защищать. Докладывалъ его г. Червинскій.

Изъ представителей правительства явилось двое: директоръ департамента полиціи С. П. Бѣлецкій и чиновникъ переселенческаго управленія Г. Ѳ. Чиркинъ.

Любопытно отмѣтить это необыкновенное вниманіе переселенческаго управленія къ вопросу объ усиленіи полицейской стражи въ Сибири: его представитель участвовалъ и въ коммиссіи законодательныхъ предположеній наравнѣ съ представителемъ отъ департамента полиціи.

За то ни малѣйшаго любопытства не обнаружено переселенческимъ управленіемъ къ вопросу о земствѣ въ Сибири. Здѣсь представитель вѣдомства явился лишь въ послѣднюю минуту, когда нужно было провалить законопроектъ о земствѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Противъ законопроекта выступили отъ Сибири Н. Л. Скалозубовъ и А. А. Скороходовъ.

Они отмѣтили, что вопросъ долженъ заинтересовать членовъ бюджетной коммиссіи, такъ какъ коммиссія законодательныхъ предположеній отнеслась къ нему совершенно не серьезно. Чтобы познакомить бюджетную коммиссію съ сущностью дѣла, г. Скалозубовъ просилъ прослушать, какими мотивами правительственная записка пытается обосновать необходимость полицейской стражи въ Сибири. Такъ, изъ

сообщенія тобольскаго губернатора усматривается, что среди тобольскихъ крестьянъ освободительное движеніе превратилось въ страшное хулиганство. „И старики, и молодежь безъ всякаго повода бьютъ и оскорбляютъ частныхъ людей, и своихъ же выборныхъ должностныхъ лицъ и чиновъ полиціи, разбиваютъ окна и двери въ домахъ, надругиваются надъ женщинами“ и т. п.

Въ 1907 году, пишетъ въ своей объяснительной запискѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, въ Тобольскую губернію нахлынула масса переселенцевъ изъ Европейской Россіи; *вслѣдствіе неудовлетворительной постановки переселенческаго дѣла*, недостатка кредитовъ на выдачу пособій переселенцамъ и малаго количества нарѣзанныхъ для нихъ участковъ, въ 1907 году около 10.000 душъ остались неустроенными; весною они осядутъ гдѣ попало, на земляхъ казны и старожиловъ, и тогда могутъ возникнуть крупнѣйшія столкновенія со старожилами, которые будутъ гнать силою, даже съ оружіемъ въ рукахъ, переселенцевъ, осѣвшихъ на земляхъ, находящихся въ ихъ пользованіи.

Чтеніе текста объяснительной записки г. Скалозубовымъ вызвало, однако, рѣзкій протестъ со стороны предсѣдателя коммиссіи законодательныхъ предположеній Н. И. Антонова. Онъ полагалъ чтеніе излишнимъ особенно въ виду того, что мотивы, приведенные правительствомъ въ 1908 году, устарѣли, и коммиссія законодательныхъ предположеній свое рѣшеніе основывала на новыхъ данныхъ о состояніи Сибири. Предсѣдатель бюджетной коммиссіи также находилъ излишнимъ чтеніе подлиннаго текста объяснительной записки въ виду установившагося въ бюджетной коммиссіи порядка исходить изъ доклада по законопроекту, составленнаго докладчикомъ. Н. Л. Скалозубовъ пояснилъ, что онъ считалъ полезнымъ ознакомить коммиссію съ самымъ текстомъ представленія въ виду необычайной и непередаваемой его оригинальности.

Затѣмъ въ рѣчахъ гг. Скалозубова и Скороходова отмѣчено было, что этотъ проектъ вторичнаго завоеванія Сибири наноситъ оскорбленіе сибирскому населенію, которому въ отвѣтъ на его просьбы о реформахъ проектируется посылка стражниковъ съ шашками и револьверами; что испрашиваемыя ассигнованія на полицейскую стражу почти равняются суммѣ, затрачиваемой государственнымъ казначействомъ на

народное образованіе Сибири; что на такой громадный расходъ правительство идетъ тогда, когда оно не признало возможнымъ при осуществленіи всеобщаго обученія увеличить жалованье народнымъ учителямъ въ Сибири до существующаго уже тамъ размѣра его; что введеніе полицейской стражи въ Сибири при отсутствіи земства, которое въ Европейской Россіи все же является ближайшимъ защитникомъ населенія отъ произвола и насилій, поведетъ къ закрѣпощенію населенія этими стражниками, снабженными властью, но скудно оплачиваемыми; что введеніе института стражниковъ тѣмъ непонятнѣе, что организація самой уѣздной полиціи, несмотря на ея вопіющіе недостатки, остается неприкосновенной.

Далѣе, отмѣчая, что докладъ по законопроекту, видимо, составлялся при ближайшемъ участіи чиновъ переселенческаго вѣдомства, такъ какъ содержитъ въ себѣ апологію переселенческаго дѣла за Ураломъ, депутаты находили, что содержаніе этого доклада совершенно не доказываетъ необходимости полицейской стражи. Обращаясь къ членамъ бюджетной коммиссіи, г. Скалозубовъ предостерегалъ ихъ отъ принятія законопроекта, который не прибавитъ лавровъ къ дѣятельности 3-й Государственной Думы.

А. И. Шингаревъ обратилъ вниманіе на любопытную особенность доклада. Хотя г. Антоновъ и увѣрялъ, что коммиссія законодательныхъ предположеній, отвергнувъ мотивы правительства, основала свое рѣшеніе на новыхъ данныхъ, но въ дѣйствительности докладъ воспроизводитъ всѣ старые мотивы, давая имъ лишь иную редакцію. Правительство писало, что въ Тобольской губерніи могутъ возникнуть крупнѣйшія столкновенія у старожиловъ съ переселенцами. Въ докладѣ же прямо говорится, что у переселенцевъ постоянно возникаютъ крупнѣйшія столкновенія со старожилами, которые обыкновенно гонятъ силою, даже съ оружіемъ въ рукахъ, переселенцевъ, осѣвшихъ на ихъ земляхъ. Указаній на недостатки постановки самого переселенческаго дѣла уже не содержится. Затѣмъ изъ доклада какъ будто вытекаетъ, что для развитія экономической жизни Сибири, развитія путей сообщенія, горнаго дѣла, сельскаго хозяйства и проч. не хватаетъ лишь одного—полицейской стражи. Соображенія оригинальны, но врядъ ли доказательны.

Директоръ департамента полиціи С. П. Бѣлецкій пояснилъ, что проектомъ имѣлось въ виду распространить на Сибирь то, что имѣется въ Европейской Россіи. Если въ Россіи вначалѣ стражники и вызывали нѣкоторыя сомнѣнія въ полезности ихъ существованія, то теперь они вошли уже необходимымъ звѣномъ въ организацію полицейской службы. Столь же необходимы они и въ Сибири. Вопросомъ о реформѣ уѣздной полиціи министерство очень заинтересовано. Проектъ готовъ, но реорганизація полиціи только въ Европейской Россіи требуетъ ежегодно 60 милліоновъ руб. Не вина вѣдомства, что по бюджетнымъ соображеніямъ реформа задерживается.

Н. Н. Опочининъ высказалъ мнѣніе, что нѣтъ необходимости спѣшить распространять на Сибирь несовершенныя учрежденія. Государственная Дума давно и настоятельно указывала на необходимость реформы полиціи. Правительство обѣщало эту реформу. Сначала эти обѣщанія были опредѣленны и категоричны, но постепенно они стали забываться. А теперь хотятъ существующій несовершенный институтъ усложнить введеніемъ полицейской стражи въ малоизвѣстныхъ условіяхъ Сибири по точному образцу существующей въ Европейской Россіи. Къ проекту этому нельзя отнестись иначе, какъ отрицательно.

Статья 1-я проекта предсѣдателемъ бюджетной коммиссіи ставится на баллотировку и отклоняется большинствомъ голосовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ отклоняется и самый законопроектъ.

Любопытныя препія должны развернуться въ общемъ собраніи Государственной Думы, когда будетъ тамъ обсуждаться докладъ бюджетной коммиссіи. Несомнѣнно, часть членовъ Государственной Думы во что бы то ни стало станетъ доказывать необходимость уравнять Сибирь реформами съ Европейской Россіею.

Издатель В. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ

Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ **Петербургѣ**, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—Фонтанка, 96 и
въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 17

11 іюня 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **Тревожный день.** *А. Петровича.*
2. **Врачебное дѣло въ Ленской тайгѣ.** *Я. С—ча.*
3. **Сибирскія письма:** 1) Томскъ, 2) Барнаулъ, 3) Красноярскъ, 4) Подкаменная Тунгузка.
4. **Очерки сибирской жизни.**
5. **Амурская жел. дорога и русскіе рабочіе.**
6. **Объединенное духовенство.** *Д. С.*
7. **Обозрѣніе русской жизни.**
8. **Безбрежность маринизма.** *Л. Пантелѣева.*
9. **Письмо въ редакцію.**
0. **Хроника.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.
1912.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ

НА

„Сибирскіе Вопросы“

НА 1912 ГОДЪ

(Журналъ независимый, прогрессивный, посвященный защитѣ областныхъ интересовъ Сибири)

8-ой годъ изданія.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается
ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ СИБИРИ и РОССІИ
по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ**—Посохина и Макушина, въ **Иркутскѣ**—Макушина и Посохина, въ **Тюмени**—О. Ф. Невской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ**—М. И. Григоровской, въ **Читѣ** гг. Цепелева и Борисова.

Адресъ редакціи и конторы журнала—С.-Петербургъ Сергіевская ул., 3.

Издатель **Вл. П. Суначевъ**. Редакторъ **А. И. Иванчинъ-Писаревъ**.

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 17

14 іюня 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	Тревожный день. *А. Петровича.*	1— 6
2.	Врачебное дѣло въ Ленской тайгѣ. *Я. С—ча.*	6—41
3.	Сибирскія письма: 1) Томскъ, 2) Барнаулъ, 3) Красноярскъ, 4) Подкаменная Тунгузка.	41—46
4.	Очерки сибирской жизни.	46—64
5.	Амурская жел. дорога и русскіе рабочіе.	64—74
6.	Объединенное духовенство. *Д. С.*	74—82
7.	Обозрѣніе русской жизни.	82—88
8.	Безбрежность маринизма. *Л. Пантелѣева.*	89—96
9.	Письмо въ реданцію	97
10.	Хронина.	97—98

1912.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера Фонтанка. 96

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи *Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Тревожный день.

(Архіерейскій проѣздъ).

— Вотъ это такъ язь!.. Вишь ты, какъ прыгаетъ!.. Не уйдешь теперь! Колись, братъ, не колись, а полѣзай въ ведро, если ужъ опростоволосился, а мы тебя въ пирожкѣ... въ пирожкѣ, да подъ рюмочку!..

— По-о-пъ!—раздалось изъ-аа кустовъ.

— Аа!.. Здѣсь... есь! — откликнулся отецъ Иванъ.

— Гдѣ ты?

— Здѣсь!

— Да, иди же ты! Задавило бы тебя съ твоей рыбалкой! Съ вечера ушелъ, и горюшка мало!.. Уфъ, пресвятая Богородица! Жарища-то какая, а ему все ни по чемъ!— сказала попадья, спускаясь къ берегу.

— Воззрися на рыбину сію...

— Брось ты, пожалуйста, все, поѣдемъ домой: нарочный прибѣгалъ отъ благочиннаго... архіерей сегодня у тебя проѣздомъ будетъ!.

— Что ты?!.

— И послать то за тобой не кого было: псаломщикъ книги сѣлъ писать, трапезникъ, какъ на зло, налакался съ самаго утра... бѣгали, бѣгали по деревнѣ, — всѣ мужики на покосѣ... Рыбу то, рыбу то захвати!.. Ну, сѣла сама и поѣхала... Прямо какъ на зло,—только капусту стали полоть!.. Не выбрасывай чебаковъ то, кошки сожрутъ!.. Залѣзай скорѣй!.. Тутъ, поди, прямѣе будетъ?.. На-вотъ!.. Ослѣпла, что ли!.. куда прешь?—крикнула она на кобылу.—Съ архіереемъ ѣдутъ: и благочинный, и протодьяконъ, и келейникъ!.. Да хлесни ты кобылу то!.. Пѣвчихъ-то на пароходѣ отправили, а самъ одинъ поѣхалъ... въ два прихода: къ тебѣ и

къ отцу Леонтію. Въ самый то покосъ несетъ, прости Господи!.. Махни, махни бичомъ то!.. А тутъ рису на котлетки не можемъ достать, придется сорочинской крупой кормить.

— А мадера есть?

— И мадера и финь-шампань для протодьякона.

— Благочинный...

— Ну будетъ онъ тебѣ при архіереѣ пить!

— Покурить бы надо въ комнатахъ чѣмъ...

— Велѣла Дашкѣ свѣчки зажечь... И, какъ на зло, гусиха только парить сѣла, придется теперь на кухню утащить, потревожишь птицу.

— Смотри, мать, я на тебя надѣюсь.

— Въ церкви то все ли въ порядкѣ?

— Въ алтарѣ давно не мыли, а надо бы.

— Да кто же теперь мыть то будетъ? Трапезникъ пьяный, староста на покоѣ. И унесло же тебя!.. Искала, искала... Подрясникъ тобѣ бѣлый выгладили... Рясу то надо бы новую сшить, залощилась ужъ, ну, да сойдетъ.

— Крестъ почистили?

— Дунька гущей моетъ. А медаль то гдѣ у тебя, опять, какъ въ прошлый разъ къ губернатору, позабудешь надѣть?..

— Въ служебникѣ вмѣсто закладки лежитъ...

— Вишь, къ мѣсту приложилъ! Она вѣдь семь цѣлковыхъ стоитъ... Фу, жарища какая! къ дождику, видно, паритъ... Сверни-ка ты на трактъ!.. А это не приставъ ли ѣдетъ? Онъ и есть! Иванъ Евдокимычъ! Иванъ Евдокимычъ!

— Эй! Подожди!—закричалъ и отецъ Иванъ.

— Хлестни ты ее бичемъ, чего возжами то,—посовѣтовала попадья и прибавила:—загоняли кобылу то... Ай, не навалп!—вскрикнула вдругъ она.—Ахъ ты, батюшки! Ось то цѣла ли?.. Скатерти велѣла бѣлыя постлать и полоску новую на полъ... Здравствуйте, Иванъ Евдокимычъ! Вы къ намъ?

— Далеко еще владыко то?—спросилъ отецъ Иванъ.

— Часа черезъ три прибудетъ. Садись ко мнѣ, отче, скорѣй доѣдемъ...

— На-вотъ! Я какъ одна то!—возмутилась попадья.

II.

— Къ церкви держи, къ церкви!—скомандовала она супругу.

— Надо бы домой заѣхать сначала.

— Говорю тебѣ, къ церкви поѣзжай!..

— Заходите къ намъ, Иванъ Евдокимычъ!.. Панихидилы то у тебя чисты ли?.. Палъ Палычъ, книги написалъ?—спросила она псаломщика, стоявшаго на крыльцѣ.—Насилу нашла: въ ерестинской заводи рыбачилъ!.. Трапезникъ то проспался?..

— Какое тамъ!—махнулъ псаломщикъ рукой.

— Батюшки! Да кто же у васъ въ алтарѣ то вымоетъ? Гдѣ теперь мужиковъ то найдешь?

— Вотъ это и задача!

— Филимонъ Прасоловъ одинъ во всей деревнѣ, такъ тройку проситъ.

— На-вотъ!.. да вѣдь за такія деньги надо пятнадцать младенцевъ окрестить!.. И что у васъ за законъ табой, что женскому полу нельзя заходить!

— Съ самой Пасхи не мыли,—сказалъ отецъ Иванъ.

— Да, что же мы дѣлать то будемъ? Дашка, Дашка!.. Уведи лошадь домой! А гусиху на кухню утащи... Накурила въ комнатахъ?

— Сине стало!

— Вотъ, дура! Открой окна! Поди, всю коробку сожгла?

— Нѣтъ,—три свѣчки осталось.

— Рыбу то вычисти, посоли да на погребушку поставь... чебаковъ послѣ кошкамъ отдашь... Работникъ не пріѣхалъ?

— Гдѣ ему? Рази завтра къ вечеру.

— Ахъ, ты, батюшки! Какъ же мы теперь будемъ?—волновалась попадья.—Палъ Палычъ! Вѣдь не хорошо! Строгій владыко то...

— Самимъ придется мыть.

— Вотъ ужъ этому Демидкѣ я задамъ!.. Всю харю ему расплюю, пусть только на глаза мнѣ покажется!

— Родимые, до чего вы загадили!—воскликнула попадья, заглянувъ въ алтарь.—Вотъ, не догляди за вами! Иване! Это что такое тамъ?

— Не переступай, мать: не полагается!

— Да что это за законы такіе?

— Сойдетъ, поди?

— Прикрыть то, отецъ Іоаннъ, нечѣмъ!—замѣтилъ псаломщикъ.

— А если травки набросать?—Закроетъ!

— Да что вы за шелаболихинскіе попы!.. скажутъ еще, что сѣно въ церкви сушите!

— Какъ же мать?—недоумѣвалъ отецъ Иванъ.

III.

— Дашка, Дунька, тащите горячей воды! Да вѣхотки захватите съ мыломъ!.. Мыла, поди, цѣлая печатка уйдетъ!.. Поворачивайтесь скорѣе! Гдѣ чистое ведро? Поди, изъ колодца почерпни!.. Батюшки! время-то какъ идетъ! Несите все въ церковь!.. Гусиху-то пошто не завѣсили?... Ну! загоготали! — суетилась попадья.—Ахъ! парадное-то забыла открыть! Надо бы и тутъ тоже покурить!.. И куда онѣ спички задѣвали?.. Не горитъ еще, какъ на зло!

— Матушка! Батюшка за подрясникомъ послали и рясу велѣли нести,—сказала, возвращаясь, Дунька.

— Развѣ ужъ ѣдутъ? Не успѣютъ вымыть! Бери скорѣе!. Побѣжать посмотрѣть!.. Дунька, не урони рясу-то!... Батюшки, и крестъ забыли, и медаль! Ну, такъ и знала: потеряла! Нѣтъ! вотъ она... Ленточка то какъ залоснилась...

— Гребень просили прислать,—снова раздался голосъ Дуньки.

— Возьми на комодѣ. Вотъ жара-то сегодня. Такъ и палитъ, такъ и палитъ!.. Копенъ сто, поди, нагребли... Вишь, ты, ограда то какая старая стала, и ни о чемъ то эти мужики не заботятся! — бормотала попадья, поднимаясь на паперть.—Дашка, поди въ колоколь ударь!.. Ну, и вымыли! только мыло даромъ извели,—покачала она головой... Не успѣютъ просохнуть!.. Бѣги, Палъ Палычъ, одѣвайся, да псаломщицу свою пошли... Подотри, Иване, вонъ лужица осталась! Умаялся? Рубаха-то вся мокрая, надо бы переодѣть! Дунька, слазь на колокольню, посмотри: не пылитъ ли по тракту!.. На, вотъ, Иване, гребень, разчеши космы... Въ бородѣ, смотри, соломинка торчитъ. Руки то у тебя какъ загорѣли!

— Ѣдутъ! Двѣ тройки за селомъ видать. Верховой скачетъ!—объявила сбѣгавшая на колокольню Дунька.

— Ахъ, родимые! Надо и мнѣ переодѣться сбѣгать! Звони, Дашка, съ переборомъ!.. Тропку-то постели, Иване!.. Палъ Палычъ! Палъ Палычъ! Свѣчки то не забудь зажечь!

Попадья кинулась домой и въ дверяхъ нагнала псаломщицу.

— Здравствуй, Христинушка! и гдѣ это тебя задавило, хоть бы помочь чтобъ кибудь пришла!

— И въ самую то страду, и въ самую страду,—вздыхала та.

— Застегни мнѣ, вотъ, тутъ петельку... Платье-то какъ слежалось, надо было выгладить... Да! попу еще новую шляпу

достать. Ну, слава тебѣ господи, одѣлась. Ставь, Христинушка, посуду на столъ: владыко, поди, голодный пріѣдетъ... И гдѣ Дунька запропастилась? Вонъ идетъ, никакъ приставъ подъѣхалъ! Значитъ, скоро будутъ... Ахъ, пронеси, Господи! Чистый срамъ: однѣ старухи къ церкви собираются.

— Гдѣ его, живого-то народу, теперь достать, весь на полѣ. Давеча десятница бѣгала, оповѣщала.

— Самоваръ поставь и плиту затопи. Въ умывальникъ вода налита? Кажется, все!.. Должно ужъ видать, всѣ туда смотрятъ... Дунька! огурцы съ погребушки принеси!.. Ѣдутъ!.. Ахти, опоздаю!.. Сковороду на плиту не забудь поставить! Масло то не забудь!

— И, родимые, какъ они тихонько ѣдутъ! — говорила она ужъ черезъ минуту у церкви — Ребятъ впередъ надо, — вотъ такъ!.. Иване, Иване! Чего ты поблѣднѣлъ? Народъ-отъ на тебя смотритъ... Гляди, не опростоволосься! Рѣчь-то составилъ? Ну, иди впередъ, встрѣчай!.. Палъ Палычъ, а ты сапоги-то не вычистилъ! укоризненно покачала она головой.

— Не успѣлъ... Исполати Деспоту!

IV.

— Только я его въ ведро-то слышу: материнъ голосъ...— разсказывалъ отецъ Иванъ.—Ну, думаю, что нибудь случилось! А онъ всю рыбешку мнѣ перемутилъ, — такъ и плещется, аки китъ въ окіанѣ! Кричитъ мать, что владыко изволитъ пожаловать... Вотъ, думаю, и язь кстати попался! Дѣйствительно, изволилъ откушать и похвалилъ...

— Такъ немножечко съ краешку вилкой покопался,—сказала попадья.

— На постномъ маслѣ не такъ вкусно,—объяснила это псаломщица.

— Да! Ежели бы его въ сметанѣ, либо въ пирогѣ...

— Протодьяконъ на кухню вышелъ и говоритъ: „дай-ка ты мнѣ, матушка, посущественнѣе“. Чтобъ носъ канифолился, знаю я его привычку... Досадно, пирожки съ вареньемъ подгорѣли немного.

— Да, и похвалилъ владыко за чистоту въ храмѣ!

— Сами старались въ потѣ лица!

— Ну, мать, съ устатку поднеси-ка намъ... да нельзя ли язя-то того доѣсть, хоть и на постномъ маслѣ онъ!

— Хватился! Гдѣ онъ твой язь? — Келейнику въ дорогу завернула...

— Ахъ ты, малина! Жалко, язь то ужъ больно хорошій былъ, своей рыбалки... чего бы намъ такого, а?..

— Чебаковъ велю зажарить!.. Дунька! Тащи рыбу съ погребушки!..

— Матушка, да я ее всю кошкамъ вывалила! Сами велѣли...

— Вотъ такъ фруктъ! Поѣдешь, Палычъ, на рыбалку?..

— Нѣтъ ужъ, Иване, дудки! И такъ-то я пристала, и такъ-то пристала, просто ноженьки не ходятъ,—заявила попадья, хотя на рыбалку ее не приглашалъ попъ.

— Да, тревожный былъ день!

— Посмотрю я на васъ: никуда вы все-таки безъ женскаго полу не годитесь! И какъ это вдовые попы живутъ?

— А такъ... живутъ и живутъ...

— Архіереи, поди, къ нимъ не ѣздятъ?

— Нѣтъ, ѣздятъ.

— Ну, такъ у нихъ порядковъ никакихъ никогда не бываетъ!.. Дарья! Напой кобылу-то, да овсеца дай! Замаяли лошаденку!.. А ты все-таки, Палъ Палычъ, сапоги не вычистилъ! Плохо смотритъ за тобой псаломщица!

— Ничего, владыко не замѣтилъ.

— Некогда ему было: на святину торопился, а то бы какъ не замѣтить.

— Матушка, гусиху опять въ горницу принести? —спросила Дарья.

— Неси, неси! Потревожили птицу-то...

А. Петровичъ.

Врачебное дѣло въ Ленской тайгѣ.

(Окончаніе).

III.

По закону о наймѣ рабочихъ на частные золотые и платиновые промыслы (приложеніе къ ст. 661 Уст. Горн. по продолж. 1895 г.), лѣченіе и довольствіе больныхъ рабочихъ, не исключая и золотничниковъ (старателей), относится на счетъ промышленника, при чемъ, однако, рабочимъ суточныхъ

денегъ на основаніи 35 ст. *) не производится. Если рабочій, при производствѣ работъ подвергнется, вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ статьѣ 512 Уст. Горн. мѣръ предосторожности, смерти, или тяжкому увѣчью, сдѣлавшему его, по удостовѣренію ближайшаго врача и мѣстнаго исправника, неспособнымъ къ снисканію пропитанія трудомъ, то золотопромышленникъ обязанъ вознаградить его семейство или его самого выдачею тройной за весь наемный срокъ платы.

При легкомъ же увѣчьѣ, происшедшемъ вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ указанной выше 512 статьѣ мѣръ предосторожности и требующемъ врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія, больной помѣщается въ лазаретѣ до совершеннаго выздоровленія, *безъ всякаго вычета изъ условленной платы*,

По контрактамъ съ рабочими (напр., по имѣющимся у меня печатнымъ образцамъ Ленскаго золотопромышленнаго Товарищества), рабочіе „имѣютъ право на безвозмездное лѣченіе и содержаніе и обязаны лѣчиться въ больницѣ или пріемномъ покоѣ, гдѣ не работающій по болѣзни обязанъ оставаться все время, пока не будетъ выписанъ врачомъ. Если же кто изъ рабочихъ получитъ ушибъ или увѣчье по какимъ бы то ни было причинамъ, то управленіе выдаетъ ему за все время лѣченія его въ больницѣ по 50 коп. въ сутки". Это не совсѣмъ согласно съ вышецитированнымъ закономъ, гдѣ сказанно, что въ такихъ случаяхъ не должно быть вычета изъ условленной платы. По разцѣнкамъ работъ видно, что въ Ленскомъ Товариществѣ нѣтъ суточной платы ниже 1 руб. и выше 1 руб. 75 коп., слѣдовательно, вопреки закону, состоящаго на излѣченіи ушибленнаго или увѣчнаго рабочаго Товарищество лишало отъ 50 до 1 руб. 25 коп. въ день. Въ новыхъ же образцахъ договора при главноуправляющемъ Бѣлозеровѣ управленіе самовольно избавляетъ себя отъ обязанности дѣлать даже такія ограничительныя выдачи. По крайней мѣрѣ, текстъ договора съ рабочими обходитъ этотъ

*) Ст. 35. Въ случаѣ, если расплата съ рабочимъ не будетъ произведена немедленно по окончаніи срока договора съ нимъ, завѣдующій промысломъ обязанъ содержать рабочаго на свой счетъ и уплачивать ему по 60 к. за каждыя сутки, со дня окончанія срока договора по день расплаты.

вопросъ полнымъ молчаніемъ. Это—какъ бы лазейка для возможныхъ злоупотребленій. Правда, на практикѣ, какъ мнѣ извѣстно, выдачи полтинниковъ производились, но всѣмъ ли? Въ центральныхъ больницахъ—быть можетъ, но въ пріемныхъ покояхъ, да еще въ столь отдаленныхъ, какъ, напр., Спектральный,—позволительно выразить большое сомнѣніе. Но даже эти ограничивающія или прямо обходящія законъ обязательства предпринимателя по отношенію къ рабочимъ относятся только къ контрактовымъ; для старателей же (золотничниковъ) существуютъ только правила, которымъ они должны подчиняться; о какихъ либо обязанностяхъ хозяина, а тѣмъ болѣе объ обязанности его доставлять медицинскую помощь—въ правилахъ ни слова. Конечно, такіе врачи, какъ А. и П., мало считались съ писанными договорами и, по силѣ возможности, во врачебной помощи не отказывали никому, но много ли такихъ врачей въ тайгѣ и на сколько прочно ихъ положеніе,—мы видѣли въ предыдущей главѣ.

Но еще въ худшемъ положеніи въ смыслѣ врачебной безпомощности находится 3-я категорія пріисковыхъ рабочихъ,—это, такъ называемые, отрядные. Сюда относятся занимающіеся: 1) заготовкой лѣсныхъ матеріаловъ, (шахтоваго лѣса, дровъ и т. д.) и доставкой его на пріиски; 2) смолокуреніемъ, жженіемъ угля, дранъемъ бересты для факеловъ, 3) конюха (ямщики) по перевозкѣ клади; 4) сапожники и другого рода вольный мастеровой людъ, прислуга (на мелкихъ пріискахъ), караульные и пр. Всему этому населенію, цифра котораго въ совокупности гораздо значительнѣе контрактовыхъ рабочихъ, золотопромышленники не считаютъ себя обязанными доставлять медицинскую помощь. Между тѣмъ, безъ него, въ особенности безъ отрядныхъ по лѣсному дѣлу, золотопромышленность не могла бы просуществовать и одного дня. Стачка въ теченіе нѣсколькихъ дней могла бы погубить крупнѣшія компаніи, такъ какъ остановка въ водоотливныхъ работахъ (посредствомъ паровиковъ) повлекла бы за собой немедленное затопленіе шахтъ. Въ Ленскомъ Товариществѣ поставщиками лѣсного матеріала являются главнымъ образомъ якуты. Мелкихъ подрядчиковъ *) (кромѣ

*) Minimum заработка 1.600 руб., maximum 6.000 руб.

одного крупнаго) изъ этихъ инородцевъ за послѣдніе 3 года (1901. 902, 903) было ежегодно отъ 85—90 человѣкъ. Сумма заработка ихъ отъ 450 до 500 тысячъ. Отсюда можно заключить о количествѣ всей рабочей массы якутовъ *), она должна равняться приблизительно 1500 душъ. Въ 1899 г. главноуправляющій Ленскаго Товарищества сдѣлалъ распоряженіе врачамъ (официальной бумагой за № 1868) не принимать въ больницу якутовъ, не внесшихъ впередъ за двѣ недѣли платы за лѣченіе по 2 руб. въ сутки. Распоряженіе это было вызвано отказомъ подрядчиковъ вносить $^1/_4\%$ сборъ съ подрядной суммы на открытіе трехъ коекъ въ попечительской больницѣ (Олекминской тайги).

Похвальнаго въ этомъ отказѣ со стороны подрядчиковъ, конечно, мало, хотя юридически они правы, потому что подобное обложеніе ихъ Попечительствомъ, въ которомъ они не имѣютъ своего представительства, совершенно незаконно. Но лишать бѣдное тысячное населеніе врачебной помощи со стороны культурныхъ, образованныхъ людей еще менѣе похвально и не менѣе незаконно.

Не особенно въ лучшемъ положеніи находятся и отрядные рабочіе русской національности. Пріемъ ихъ формально не воспрещенъ, но за лѣченіе опредѣлена слишкомъ высокая плата (отъ 2 р. 50 к. до 4 р. 30 к. въ сутки), которая взыскивается съ подрядчика. Такъ какъ послѣдніе всячески уклоняются отъ этихъ платежей (такъ же поступаютъ и мелкіе золотопромышленники), то больницы крупныхъ компаній предпочитаютъ совсѣмъ не принимать отрядныхъ. Не церемонятся также и со „своими“ отрядными, т. е. исполняющими ту же работу, что и контрактовые, но не по формальному договору. Д-ръ Кореневъ видѣлъ (въ Компаніи Промышленности) среди амбулаторныхъ хирургическихъ больныхъ, напр., съ ампутированнымъ большимъ пальцемъ руки и сильно загрязненной раной. „Въ больницу рабочій не былъ принятъ, потому что онъ вольно-отрядный“ **). Я лично знаю такой случай: 15-го, если не ошибаюсь, октября 1903 г. въ больницу Нижняго пріиска Ленскаго Товарищества былъ привезенъ русскій рабочій съ

*) Никакой регистраціи ихъ не ведется на пріискахъ.

**) А такихъ немного, потому что за нихъ не приходится платить маклерскаго сбора.

раздробленной ногой. Ногу разбило ему упавшей лѣсиной, и онъ пролежалъ въ лѣсу 1½ мѣсяца, потому что, пока не установился зимній путь, его, будто бы, нельзя было оттуда вывезти даже волокушей. Но врачъ не принялъ его на томъ основаніи *), что онъ не контрактовый, а отрядный, и направилъ его за 60 верстъ въ попечительскую больницу на Бодайбо. На мое удивленіе по поводу подобнаго поступка съ тяжело больнымъ человѣкомъ, врачъ оправдывался распоряженіемъ главноуправляющаго —избѣгать принимать въ больницу „не контрактныхъ", хотя этотъ рабочій работалъ для того же Ленскаго Товарищества. Вообще, и золотопромышленники, и подрядчики, состоя изъ-за денегъ въ непрерывныхъ другъ съ другомъ конфликтахъ,—въ вопросѣ низведенія медицинской помощи рабочимъ до возможнаго minimum'а обнаруживаютъ трогательное согласіе.

Печальное положеніе врачебнаго дѣла на пріискахъ хорошо было извѣстно и высшей администраціи края. Въ 1897 году горный исправникъ писалъ всѣмъ управленіямъ слѣдующее:

«*М. В. Д. Горный исправникъ частныхъ золотыхъ промысловъ Олекминской системы. Іюля 23 1897 г. № 3007.*

Г. Якутскій губернаторъ отъ 27 мая с. г. за № 2233 далъ знать, что по имѣющимся у его превосходительства свѣдѣніямъ на нѣкоторыхъ пріискахъ практикуется обычай заболѣвшихъ рабочихъ разсчитывать до полнаго выздоровленія, а посему поручаетъ строжайшее наблюденіе, чтобы съ пріисковъ Олекминской системы заболѣвшихъ рабочихъ отнюдь не разсчитывали впредь до полнаго ихъ выздоровленія. Объ этомъ считаю нужнымъ сообщить и проч. Горный исправникъ *Митрохинъ*".

Въ 1898 году уже пишетъ самъ генералъ-губернаторъ:

«*Иркутскій генералъ-губернаторъ. Канцелярія. 16 января 1898. № 419*».

Изъ краткой записки Якутскаго губернатора о состояніи области видно, что даже и большія золотопромышленныя компаніи разсчитываютъ больныхъ рабочихъ, выбрасывая ихъ, за негодностью къ работѣ, по Ленскому прибрежью... Въ виду сего предписываю строжайше наблюдать и проч.

*) Корневъ. Диссертація, стр. 212.

Генералъ-губернаторъ генералъ отъ инфантеріи *Гореміыкинъ*".

Подобныя начальственныя предписанія очень мало трогали господъ золопромышленниковъ и оставались безъ всякаго вліянія на ходъ дѣла.

Черезъ три года послѣ послѣдняго изъ приведенныхъ документовъ воспослѣдовалъ отъ горнаго исправника нижеслѣдующій циркуляръ:

«*М. В. Д. Горный исправникъ частныхъ золотыхъ промысловъ Олекминской системы. Ноября 16 дня 1903 года. № 6110. с. Витимъ Иркутской губерніи.*

Господину врачу на промыслахъ 1-й и 3-й дистанцій Ленскаго товарищества, для свѣдѣнія.

Циркулярно.

Всѣмъ промысловымъ управленіямъ Олекминской системы и въ пріисковыя попечительства.

На основаніи 691 ст. XIII т. уст. медицинской помощи, относящейся до всѣхъ вообще больничныхъ заведеній въ Россійской имперіи,—больные, не имѣющіе удобности пользоваться въ своихъ домахъ и не могущіе доставить себѣ всего необходимаго для совершеннаго излѣченія, получаютъ призрѣніе въ больничныхъ заведеніяхъ; засимъ, на основаніи 690 ст. того же закона, не оставившіе практики врачи, фельдшера, повивальныя бабки и тому подобныя лица должны давать помощь больнымъ безденежно или за плату, установленную уставомъ врачебнымъ (томъ XIII).

Такимъ образомъ, по смыслу указаннаго закона, находящіеся на промыслахъ рабочіе, какъ числящіеся въ составѣ пріисковыхъ командъ, такъ и всѣ другіе, которые почему либо еще не поступили въ работы на пріиски, или уже исключены по разсчету изъ состава пріисковыхъ командъ, но не выбыли изъ пріисковаго района, а равно и всѣ вообще проживающія въ ономъ лица,—при заявленіяхъ ихъ о болѣзни должны быть обязательно принимаемы въ пріисковыя больницы для излѣченія и выписываемы изъ больницъ только при полномъ выздоровленіи.

А такъ какъ нѣкоторыми изъ промысловыхъ дѣлъ, а равно и пріисковыми попечительствами допускается отступленіе отъ указаннаго закона, то я, въ дополненіе къ моимъ предложеніямъ промысловымъ управленіямъ, отъ 23 іюля

1897 г. за № 3007 и 27 сентября того же года за № 4044,— считаю необходимымъ вновь напомнить промысловымъ управленіямъ, чтобы они заболѣвшихъ рабочихъ обязательно помѣщали для излѣченія въ пріисковыя больницы и отнюдь не разсчитывали до полнаго выздоровленія подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, отвѣтственности по суду, и въ то же время покорнѣйше прошу пріисковыя попечительства Олекминской системы не отказывать въ пріемѣ больныхъ, не состоящихъ въ числѣ рабочихъ или разсчитанныхъ съ пріисковъ, и давать такимъ больнымъ пріютъ до полнаго выздровленія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда при пріемѣ въ попечительскіе пріемные больничные покои безпріютныхъ заболѣвшихъ рабочихъ будетъ выясняться, что такіе рабочіе разсчитаны съ пріисковъ уже заболѣвшими или выписаны изъ пріисковыхъ больницъ, не получивши полнаго выздоровленія отъ болѣзней, тотчасъ же сообщать мнѣ для соотвѣтствующихъ распоряженій.

Горный Исправникъ *Г. Митрохинъ*".

Управленіе Ленскаго Товарищества встревожилось и поручило своему юрисконсульту доказать неправильность толкованія исправникомъ закона. У меня нѣтъ этого литературнаго произведенія на заданную тему, но есть отвѣтъ на него врача, который пишетъ:

„Въ Управленіе 1-й дистанціи Ленскаго Товарищества. — Возвращая письмо Кульмановскаго за № 35 и служебную записку г. Фрелиха, считаю нужнымъ заявить, что съ объясненіемъ г. Фрелиха ст. 691 XIII т. св. зак. я не могу согласиться; наоборотъ, вполнѣ присоединяюсь къ объясненію этой статьи горнымъ исправникомъ Олекминской системы въ циркулярѣ за № 6110 отъ 16 ноября 1900 г. Въ силу этой статьи, а также ст. 690 и ст. 81 т. 13 св. зак. не считаю себя въ правѣ отказывать въ пріемѣ въ больницу тѣхъ изъ „постороннихъ" для Ленскаго Товарищества лицъ, которыя, по моему разумѣнію, нуждаются въ немедленномъ больничномъ лѣченіи. Для устраненія же всякихъ недоразумѣній и для своевременнаго принятія какихъ нибудь мѣръ, если таковыя окажутся нужными, каждый разъ послѣ пріема такого больного (такъ называемаго „за счетъ попечительства") увѣдомляется объ этомъ дистанціонная контора, горный исправникъ и завѣдующій попечительствомъ. Не трудно

предвидѣть, что число такихъ поступленій въ больницу Ленскаго Товарищества въ эту зиму должно увеличиться, такъ какъ вопреки опыту прежнихъ лѣтъ въ попечительской больницѣ число коекъ ограничено 8 — 10, тогда какъ въ прежніе годы число больныхъ доходило зимою до 14 человѣкъ

Выполнять же требованія г. Кульмановскаго (завѣдующаго попечительствомъ. *Я. С.*) не позволяютъ мнѣ ни законъ, ни совѣсть. Врачъ *Протасовъ*".

Это одинъ изъ тѣхъ двухъ врачей, которые оказались не ко двору новому управленію и вынуждены были покинуть пріиски.

IV.

Всѣ рабочіе на пріискахъ, какъ контрактовые, старатели и отрядные, такъ и состоящіе въ наймѣ у подрядчиковъ по разнымъ поставкамъ и даже прислуга облагаются налогомъ въ 2 руб. 50 коп. съ мужской души и 1 р. 50 к. съ женской (сначала взимали 1 р. 50 к., потомъ 2 р. — и только съ мужчинъ). Сборъ взыскивается нанимателями съ перваго же мѣсячнаго заработка. Образующійся такимъ путемъ капиталъ поступаетъ въ распоряженіе Бюро (раньше попечительства) *) на содержаніе больницы и пріюта, церковнаго причта, школы и библіотеки въ Витимской тайгѣ на Бодайбо, въ Олекминской—пріюта же и пріемнаго покоя на пріискѣ Вѣриомъ. Рабочій, заболѣвшій спустя 14 дней послѣ разсчета, считается попечительскимъ больнымъ; если онъ принятъ въ пріисковую больницу, то за его лѣченье Бюро уплачиваетъ управленію 2 р. 50 к. въ сутки. Заболѣвшій же до истеченія двухнедѣльнаго срока послѣ разсчета лѣчится за счетъ того нанимателя, которымъ онъ въ послѣдній разъ былъ разсчитанъ. Для тѣхъ же цѣлей Бюро облагаетъ полупроцентнымъ сборомъ подрядчиковъ (съ якутовъ $^3/_4$ проц.), взимающихъ этотъ сборъ съ своихъ рабочихъ, и съ провозныхъ свидѣтельствъ.

Въ операцію 1900—1901 г.г. приходъ по этимъ сборамъ, составляющимъ такъ назыв. *спеціальный* капиталъ попечительства, равнялся:

---

*) Выборное учрежденіе, существующее на законномъ основаніи взамѣнъ не офиціально существовавшаго до 1901 г. попечительства.

Больничнаго сбора съ рабочихъ мужчинъ и женщинъ	22,000	руб.
Больничнаго сбора съ подрядчиковъ и отрядныхъ	10,000	„
За лѣченье стаціонарныхъ больныхъ взыскано съ золотопріисковыхъ управленій (за 4,600 поденщинъ)	11,500	„
амбулаторныхъ	1,500	„
Другихъ сборовъ (1 проц. съ валового оборота торговыхъ заведеній, съ мелкихъ торговцевъ)	5.600	„
Поземельнаго налога подъ жилыя постройки	4,000	„
Всего	55.100	руб.

Изъ этой суммы на больничное дѣло израсходовано 36,238 р.

За операцію 1901—1902 г. въ доходъ спеціальнаго капитала Витимскаго попечительства поступило 48.587 р.

Изъ этой суммы на больничную часть израсходовано 32,258 руб.

Изъ этихъ отчетовъ явствуетъ, что за двѣ операціи 1900 — 1902 г.г. съ рабочихъ контрактовыхъ и отрядныхъ въ Олекминско-Витимской системѣ удержано за врачебную имъ помощь 74,551 руб.

Прежде всего является вопросъ, кто далъ право золотопромышленникамъ облагать рабочее населеніе налогомъ?

Если они на своихъ съѣздахъ облагаютъ на общія нужды самихъ себя, то это—дѣло ихъ добровольнаго соглашенія; не желающій подвергаться обложенію никакому принужденію не подвергается и ничего не платитъ, какъ это всегда дѣлалъ Плетюхинъ и нѣкоторые другіе. Согласія же рабочихъ никто не спрашиваетъ, пользуясь тѣмъ, что они не станутъ вникать въ происхожденіе вычета съ нихъ, полагая въ своей простотѣ, что такъ установлено предержащею властью. И въ то время, когда золотопромышленники всегда приходятъ въ справедливое негодованіе по поводу того или иного обложенія ихъ, затѣяннаго въ петербургскихъ канцеляріяхъ безъ ихъ вѣдома (какъ, напр., въ 1904 г. на постройку тюрьмы и содержаніе штата тюремщиковъ), сами они, нисколько не смущаясь, поступаютъ точно такъ же по отношенію къ рабочимъ. Никому изъ нихъ въ голову не приходитъ допустить, по крайней

мѣрѣ, рабочихъ къ контролю по расходованію взымаемыхъ съ нихъ суммъ. Впрочемъ, тутъ есть своя логика: незаконно удерживаемыя чужія деньги требуютъ и безконтрольнаго ими распоряженія.

Что же даютъ золотопромышленники рабочимъ на незаконно производимые съ нихъ вычеты?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить отчасти записка доктора Зейлигера, представленная въ съѣздъ золотопромышленниковъ Олекминско-Витимской системы, состоявшійся на Успенскомъ пріискѣ въ 1904 г. 4-6 февраля. Изъ этой записки *) оказывается, что попечительская больница на Бодайбо въ самомъ жалкомъ состояніи. Тифъ, рожа, крупозное воспаленіе легкихъ свили себѣ здѣсь прочное гнѣздо, и для всѣхъ этихъ заболѣваній имѣется маленькая пристройка, гдѣ съ трудомъ можно поставить 2 койки, а рядомъ помѣщается цейхгаузъ, гдѣ хранится бѣлье. Разныя операціи за неимѣніемъ помѣщенія дѣлаются въ хирургической палатѣ, и лежащимъ здѣсь больнымъ приходится быть невольными свидѣтелями кровавыхъ зрѣлищъ и слушателями воплей и стоновъ. Тутъ же дѣлаются перевязки и хранится перевязочный матеріалъ. Никакой вентиляціи въ больницѣ нѣтъ, и это при тѣснотѣ помѣщенія, дающаго недостаточный объемъ воздуха на человѣка. Въ палатахъ часто дымъ отъ печей, а во время сильныхъ морозовъ холодъ, въ особенности въ хирургической палатѣ, гдѣ по утрамъ температура не превышаетъ 6-7°. Полы разсохлись, и въ черезъ щели въ подпольномъ пространствѣ скопляется всякая органическая грязь, являющаяся источникомъ заразы. Ту же роль играетъ вода изъ ваннъ, вытекающая прямо во дворъ больницы, заражая почву тифозными и другими бациллами. Общее мужское отхожее мѣсто холодное, устроенное самымъ примитивнымъ образомъ, распространяетъ удушливо тяжелый запахъ. Продовольствіе больныхъ, совершаемое подряднымъ способомъ, недостаточное и плохое; былъ даже примѣръ, когда больные нѣсколько дней оставались безъ мясной пищи. Медицинскій персоналъ въ томъ же числѣ, въ какомъ онъ былъ 15—10 и болѣе лѣтъ тому назадъ,

*) Докладная записка въ Витимское попечительство врача Бодайбинской попечительской больницы доктора Дмитрія Зейлигера.

когда Бодайбо было нежилымъ мѣстомъ, оживлявшимся только съ разсчетомъ рабочихъ. Какъ тогда были врачъ, фельдшеръ и акушерка, такъ и теперь, когда Бодайбо выросло въ цѣлый городъ, каковымъ оно и объявлено съ 1904 года. Больные попечительской больницы предоставлены въ распоряженіе служителей: лѣкарства не подаются во время, воды допроситься нельзя, грязь, лампы коптятъ, въ палатахъ накурено, изъ 647 больныхъ стаціонарныхъ въ 1903 г. умерло 86. Если исключить 62 роженицы, изъ коихъ умерла одна, то на 585 больныхъ приходится 85 смертныхъ случаевъ, что составляетъ 14,5 проц.. 49 человѣкъ умерли отъ инфекціонныхъ заболѣваній.

Въ больницѣ на 40 кроватей всего 30 паръ бѣлья и 30 халатовъ, не хватаетъ даже на смѣну. Наволокъ, матрасниковъ и туфель нѣтъ: больные ходятъ и лежатъ въ своей обуви, въ сапогахъ и валенкахъ. Медикаментовъ съ посудой всего на 1000 руб., многаго не имѣется, пробавляются займами въ Компаніи Промышленности или въ Ленскомъ Товариществѣ, но и тамъ (1904 г.) во многомъ недостатокъ: инструментъ износившійся, ветхій, давно требуетъ обновленія.

Эту знаменитую больницу я лично зналъ и посѣщалъ въ девятидесятыхъ годахъ. Тогда порядки въ ней были и того хуже. Кормили хуже, чѣмъ арестантовъ. Ни бѣлья, ни простынь, ни обуви—ничего. Попечительскія суммы расхищались и проигрывались въ карты. Экономъ, родственникъ исправника, одинъ проигралъ изъ попечительскихъ, т. е. рабочихъ денегъ 40 тысячъ. Контроля не было никакого, и должность попечителя (какъ и многія другія должности на пріискахъ) предоставлялась для поправки обстоятельствъ по кумовству и по другимъ, ничего общаго съ интересами дѣла не имѣющимъ, соображеніямъ. Экономили на всемъ: по двѣ недѣли на больныхъ не мѣняли бѣлья, вши на мытомъ, только что вышедшемъ изъ прачешной, бросались въ глаза при бѣгломъ взглядѣ. Больныхъ держали въ темнотѣ и холодѣ: смертность была громадна. Врачу, не принимавшему въ грабежѣ участія, все было прекрасно извѣстно, и тѣмъ не менѣе не вызывало съ его стороны никакого отпора.

*) Взымающихъ этотъ сборъ со своихъ рабочихъ.

Такъ распоряжались и, какъ видно изъ записки доктора Зелигера, продолжаютъ распоряжаться господа золотопромышленники произвольно удерживаемыми съ рабочихъ суммами. Если въ прежніе, весьма, впрочемъ, недавніе годы суммы эти подвергались прямому расхищенію, то и теперь безцеремонное обращеніе съ ними не далеко ушло отъ этого. Въ самомъ дѣлѣ: зололотопромышленники обязываются за собственными же подписями на протоколахъ своихъ постановленій вносить слѣдуемые съ нихъ сборы въ Бюро за $^1/_3$ года впередъ. Но никто этого не исполняетъ, и Бюро поставлено въ самое затруднительное положеніе пустотой своей кассы. Не исполняютъ не только мелкія, но и крупныя компаніи (кромѣ одного Ленскаго Товарищества). Управленіе Ратькова-Рожнова не внесло ни копѣйки съ 1-го октября 1903 г.

Такъ обстояло дѣло до моего отъѣзда съ пріисковъ (май 1904 г.), да, вѣроятно, и по сю пору такъ обстоитъ. Долги попечительству Компаніи Промышленности достигали 15 и болѣе тысячъ. Если, однако, компаніямъ угодно нарушать обязательства по своимъ платежамъ, то это ихъ дѣло, хотя отъ этого страдаетъ все населеніе, такъ какъ дѣятельность Бюро имѣетъ общее значеніе. Но что сказать о задержаніи не принадлежащихъ имъ денегъ и пользованіи ими для своихъ оборотовъ? А такъ именно поступаютъ компаніи съ больничнымъ сборомъ съ рабочихъ,—сборомъ, который они, какъ мы видѣли, незаконно удерживаютъ изъ перваго же мѣсячнаго заработка рабочаго. За управленіемъ Ратькова-Рожнова числилось этихъ суммъ съ 1-го октября 1903 г. 3.000 р., за Компаніей Прошленности 8.000 р. Завѣдующій Бюро съ трудомъ вырвалъ у нея по частямъ 5 тысячъ, а 3000 такъ и оставались за ней до моего отъѣзда въ маѣ (1904 г.). Между тѣмъ попечительская больница, на содержаніе которой долженъ якобы идти сборъ въ два съ полтиной, пребываетъ въ томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ ресуетъ ее д-ръ Зелигеръ. Съѣздъ внявъ просьбамъ г. Зелигера, соблаговолилъ удѣлить (точно вопросъ касался его собственныхъ денегъ!) на ремонтъ больницы скромную сумму въ 2000 р. Это было въ январѣ, но еще въ маѣ ничего не было получено, и настоятельно необходимый ремонтъ откладывался до осени. Съ

осени же, вѣроятно, отложили до лѣта 1905 г., такъ какъ въ холодное время года некуда перевести больныхъ.

Подобныя злоупотребленія, взывающія къ прокурору, возможны только при полномъ отсутствіи контроля гласности, безправномъ положеніи рабочей массы и попустительствѣ субсидируемой золотопромышленниками правительственной администраціи.

V.

Перейдемъ теперь къ характеру заболѣваній на пріискахъ Олекминско-Витимской системы. Свѣдѣнія доктора Коренева по этому вопросу относятся къ концу девятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, касаясь отчасти и первой половины 1900 г. Въ виду этого я остановлюсь, главнымъ образомъ, на первыхъ трехъ годахъ настоящаго вѣка и, лишь за неимѣніемъ свѣдѣній по тому или иному частному вопросу за указанный періодъ, буду обращаться къ болѣе раннимъ годамъ.

Свѣдѣнія о больныхъ получены мною отъ врачей Ленскаго Товарищества, Компаніи Промышленности и попечительской больницы на Бодайбо въ видѣ черновиковъ отчетовъ, отправляемыхъ въ губернское врачебное отдѣленіе.

По словамъ д-ра Коренева, таблица, выработанная для отчетовъ о заболѣваемости въ Россіи, по группировкѣ болѣзней, далеко не соотвѣтствуетъ современнымъ научнымъ требованіямъ и не выдерживаетъ во многихъ своихъ частяхъ даже слабой критики. Вѣроятно, въ виду этого въ таблицахъ встрѣчаются иногда нѣкоторыя измѣненія печатной группировки и номенклатуры болѣзней. Такъ, одинъ врачъ выдѣляетъ лихорадочныя заболѣванія въ особую графу, другой заноситъ ихъ въ графу маляріи; въ одномъ отчетѣ для болѣзней зубовъ отведена отдѣльная рубрика, въ другихъ—онѣ занесены въ рубрику болѣзней полости рта и зѣва. Не одинаковы также и печатныя формы таблицъ,—что нѣсколько затрудняетъ общую сводку цифровыхъ данныхъ. Нижеслѣдующая таблица показываетъ количество больныхъ за три года 1901, 1902 и 1903 по четыремъ врачебнымъ районамъ.

Процентъ смертности пользованныхъ внѣ больницы, по признанію самихъ врачей, гораздо ниже дѣйствительнаго. Точность регистраціи относится лишь къ смертнымъ случа-

	Пользовано въ больницахъ.	% всѣхъ пользованныхъ	Умерло въ больницѣ.	%	Пользовано внѣ больницы.	% всѣхъ пользованныхъ.	Умерло	Всего пользовано.	Умерло.	%
Ленское Т-во 1-я дистанція . .	3280	21,65	47	1,45	11,864	78,35	3	15,144	50	0,34
Ленское Т-во 2-я дистанція . .	4337	20,19	60	1,38	17,141	79,81	4	21,997	64	0,29
К° Промышленности	7668	23,67	136	1,77	24,729	73,33	9	32,997	145	0,45
Попечительская больница на Бодайбо . . .	1801	11,02	177	9,80	14,555	88,98	7	16,359	184	1,12

ямъ, имѣвшимъ мѣсто въ больницѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что на общія цифры заболѣваемости жестоко свирѣпствовавшая зимой 1903—1904 г. оспа осталась безъ вліянія: по всѣмъ районамъ оспенныхъ зарегистровано лишь 148 (при 48 смертныхъ случаяхъ), тогда какъ однихъ якутовъ было отъ 400 -500 больныхъ (со смертностью, по утвержденію врача Школьника и священниковъ до 50%). Отмѣченные 148 оспенныхъ относятся къ тѣмъ изъ русскихъ рабочихъ, которые лѣчились въ заразныхъ отдѣленіяхъ при больницахъ, но были, какъ мнѣ извѣстно, и лежавшіе по казармамъ (во 2-ой дистанціи Ленскаго Товарищества).

На неточность цифръ смертности указываетъ и слишкомъ большая разница больничной отчетности съ церковной. Такъ, по отчету священника Благовѣщенской церкви (на Успенскомъ пр. Компаніи Промышленности) за 1901 и 1902 показано умершихъ 257, а у врача 92. Конечно, не всѣ умершіе пользовались лѣченьемъ передъ смертью, но, напримѣръ, у священника отмѣчено 4 умершихъ отъ ожоговъ, во врачебномъ отчетѣ—ни одного, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что подвергшіеся ожогу прибѣгали къ медицинской помощи или фельдшера, или врача. Такое же рѣзкое несоотвѣтствіе

церковной и врачебной регистраціи смертности замѣчается и во 2-ой дистанціи Ленскаго Товарищества, гдѣ у священника отмѣчено въ 1903 г. 212 случаевъ, а у врача лишь 30. Надо полагать, что этотъ послѣдній подсчетъ выразился бы значительно большей цифрой, если бы врачъ 2-ой дистанціи, какъ мнѣ извѣстно, сознательно не избѣгалъ точности въ статистикѣ смертности, такъ какъ, по откровенному отзыву одного фельдшера, большая смертность—плохая рекомендація для больницы.

Въ Ленскомъ Товариществѣ, о дѣятельности котораго я располагаю болѣе полными и точными свѣдѣніями, въ обѣихъ его дистанціяхъ за 1901 и 1902 г.г. *) всего населенія было 14,071 душъ. Всего больныхъ за это время зарегистрировано 26,447. Слѣдовательно, на человѣка приходится 1,90 заболѣваній *).

Больныхъ поденщинъ въ отчетахъ товарищества за тѣ же два года показано 41,790. Чтобы получить число дней, какое приходится на каждое заболѣваніе, нельзя дѣлить цифру больныхъ поденщинъ на число всѣхъ больныхъ, какъ это дѣлаетъ д-ръ Кореневъ: въ компанейскихъ отчетахъ отмѣчаются лишь поденщины задалживаемаго на работы населенія; въ общемъ же числѣ больныхъ заключаются и женщины, и рабочіе „чужіе", лѣчившіеся за счетъ подрядчиковъ, попечительства и другихъ предпріятій Чтобы вывести число больныхъ дней, въ среднемъ приходящееся на каждаго рабочаго, слѣдуетъ взять дѣлителемъ число задолженныхъ рабочихъ, каковыхъ за указанные два года было 11.240. Въ такомъ случаѣ искомая цифра будетъ 3,63. Въ дѣйствительности же цифра эта должна быть выше, потому что врачи Ленскаго Товарищества отчетнаго времени широко практиковали систему льготныхъ записокъ, и, какъ справедливо замѣчаетъ г. Кореневъ, не мало больныхъ скрывается въ категоріи льготныхъ поденщинъ **).

Составленная мною на основаніи больничныхъ отчетовъ таблица наиболѣе распространенныхъ болѣзней, въ процентномъ отношеніи къ количеству всѣхъ заболѣваній даетъ

*) За три года (1901—1903) при общей цифрѣ населенія въ 37,714 на человѣка падаетъ 2,11 заболѣваній.

**) За указанные годы такихъ поденщинъ было 287,026, т. е. 25,54 дня на человѣка (287,026 : 11240).

возможность распредѣлить въ нисходящемъ порядкѣ приведенныя въ этой таблицѣ болѣзни:

1. Желудочно кишечный катарръ и вообще болѣзни органовъ пищеваренія (16.72%, 11.91%, 15,12, 11,20%).
2. Катарръ дыхательныхъ органовъ и другія болѣзни органовъ дыханія (13,89, 8,96, 14,99, 15,57).
3. Мышечный ревматизмъ (11,90, 6,24, 8,54, 10,28).
4. Ушибы (7,62, 7,96, 7,21, 4,15).
5. Раны (5,96, 7,54, 6,50, 5,15).
6. Воспаленіе подкожной клѣтчатки (3,95, 7,03,4,37, 4,51).
7. Гриппъ (5,06, 4,51, 3,78, 2,89).
8. Болѣзни глазъ (3,20, 4,19, 2,49, 3,19).
9. Нервныя болѣзни (1,63, 1,50, 3,45, 4,68).
10. Малярія (2,11, 1,25, 6,36, 1,90).
11. Хроническія сыпи (2,97, 2,06, 2,41, 0,78).
12. Глиста (1,17, 1,82, 1,29, 2,07).
13. Отравленіе алкоголемъ (2,84, 1,17, 0,98, 1,26)
14. Ожоги (1,45, 1,87, 1,69, 1,87).
15. Цынга (0,59, 2,41, 2,13, 1,10).
16. Дезинтерія (1,13, 1,19, 0,18, 4,62).
17. Зобъ (0,85, 1,08, 0,69, 1,14).
18. Шапкеръ и перелой (0,61 1,07, 0,48. 2,29).
19. Сочлененовный ревматизмъ (0,56, 1,00, 0,73, 2,49).
20. Переломы (0,50, 1,00 0,52, 0,24).
21. Обмораживанія (0,55, 0,73, 0,53, 0,72).
22. Сифилисъ (0,46, 0,23, 0,46, 1,32).
23. Рожа (0,11, 0,13, 0,13, 1,19).

Разсмотримъ, тѣ условія пріисковой жизни, которыя вызываютъ перечисленныя болѣзни.

На первомъ мѣстѣ стоятъ *желудочно-кишечныя заболѣванія* и вообще болѣзни органовъ пищеваренія. Если причислить сюда же болѣзни рта и зубовъ, отмѣчавшіяся отдѣльно врачами Ленскаго Товарищества, то эта группа болѣзней составитъ для 1-ой дистанціи 21,15%, для 2-ой 17,11%. На желудочно-кишечный катарръ падаетъ 8,70%, 6,81%, въ Компаніи Промышленности 4,38 и на Бодайбо 2,28.

Съ переводомъ рабочихъ на свое содержаніе, питаніе ихъ значительно улучшилось, что въ особенности наблюдается въ послѣдніе годы, когда развившаяся частная торговля и, между прочимъ, несмотря на продолжительныя препятствія,

мелкая развозная, дѣлаетъ съѣстные припасы болѣе доступными для рабочихъ, чѣмъ прежде. Нѣкоторые врачи указываютъ, какъ на главную причину, желудочно-кишечныхъ страданій на чрезмѣрное потребленіе спирта, къ тому же крайне сквернаго качества. Это обстоятельство, конечно, не остается безъ вліянія, но едва ли господствующая роль принадлежитъ въ данномъ случаѣ спирту. Женщины и дѣти, нѣтъ сомнѣнія, пьютъ сравнительно мало, а между тѣмъ желудочно-кишечныя болѣзни развиты у нихъ болѣе, чѣмъ у мужчинъ. Въ Компаніи Промышленности за разсматриваемые три года болѣзни этой группы у первыхъ составляютъ 23.58%, среди мужчинъ же—13,23%, при чемъ на катарръ желудка приходится у женщинъ и дѣтей 6,37%, у мужчинъ—3,75, на болѣзни кишекъ—у первыхъ 13,78, у послѣднихъ 6,78 *).

По моему мнѣнію, однимъ изъ главныхъ факторовъ, выдвигающихъ на первый планъ, желудочно-кишечныя болѣзни, является недоброкачественность продуктовъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на переводъ рабочихъ (1896—97 гг.) на свое содержаніе, вольная торговля подвергается всевозможнымъ затрудненіямъ. Даже большія компаніи допускаютъ продажу торговцами только такихъ товаровъ, которыхъ нѣтъ въ ихъ амбарахъ и магазинахъ. Имъ не выгодно лишаться потребителей своихъ товаровъ въ лицѣ рабочихъ, оставляющихъ въ ихъ рукахъ за продукты половину своего заработка. Въ этихъ цѣляхъ, главнымъ образомъ, рабочимъ деньги на руки не выдаются, все нужное для себя они забираютъ или на книжку (въ амбарѣ), или по талонамъ (въ магазинѣ). Выписка припасовъ изъ амбара производится разъ въ нѣсколько дней (въ Ленскомъ Товариществѣ два раза въ недѣлю). Такіе припасы, какъ мясо, масло, рыба, у мелкихъ компаній очень часто сбываются въ недоброкачественномъ видѣ; въ крупныхъ компаніяхъ лѣтомъ они быстро портятся у самихъ рабочихъ, такъ какъ кладовки и ящики, устраиваемые при казармахъ для храненія провизіи, въ жаркое лѣто не достигаютъ своей цѣли. Съ этимъ объясненіемъ вполнѣ гармонируетъ и распредѣленіе желудочно-кишечныхъ заболѣваній по мѣсяцамъ въ Компаніи Про-

*) Къ сожалѣнію, только въ Компаніи Промышленности отчетность заболѣваемости ведется для женщинъ и дѣтей отдѣльно отъ мужчинъ.

мышленности. Къ сожалѣнію, у меня имѣется таблица лишь за 1903 г. Изъ нея видно, что изъ 247 годовыхъ случаевъ катарра желудка 47,36% приходится на май, іюнь, іюль и августъ, а изъ 1029 случаевъ болѣзней кишекъ на тѣ же 4 мѣсяца падаетъ 10,20%. На Бодайбо эти заболѣванія слабѣе, чѣмъ на пріискахъ, и, быть можетъ, потому, что здѣсь при свободной торговлѣ выборъ для потребителя не стѣсненъ, и качество провизіи, благодаря конкуренціи, должно быть выше. Все залежавшееся обыкновенно идетъ отсюда на мелкіе пріиски, гдѣ рабочему не приходится разбирать. Не послѣднюю роль въ разсматриваемыхъ заболѣваніяхъ играетъ на нѣкоторыхъ пріискахъ и вода. На Тихопо-Задонскомъ и Ивановскомъ зимою рабочіе пьютъ какой то желтый настой изъ разрѣза, чему врачъ приписываетъ распространеніе здѣсь упорныхъ запоровъ, не наблюдающихся въ такихъ размѣрахъ въ другихъ мѣстахъ. Служащіе на этихъ пріискахъ не пьютъ „разрѣзной“ воды, а оттаиваютъ ледъ, получаемый отъ управленія. Въ бытность мою на пріискахъ Плетюхина рабочая команда вынуждена была пользоваться водой изъ рѣчки Бодайбо, загрязненной промывкой золота и имѣвшей цвѣтъ густого шоколада. Владѣлецъ не хотѣлъ расходоваться на проведеніе чистой воды по желобамъ изъ ключей, въ обиліи протекающихъ по близости. Я едва ли погрѣшу противъ истины, если скажу, что и въ настоящее время дѣло обстоитъ ничуть не лучше.

Нельзя не указать также на недоброкачественность кваса, въ большомъ количествѣ употребляемаго рабочими во время работъ лѣтомъ. Этотъ напитокъ даже въ большихъ компаніяхъ часто приготовляется изъ сырой воды, если же и готовится на отварной, то разбавляется обыкновенно сырой.

Меньшую податливость всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ вліяніямъ мужчинъ сравнительно съ женщинами и дѣтьми, несомнѣнно, слѣдуетъ приписать искусственному подбору мужского элемента, подбору, не распространяющемуся на женщинъ и дѣтей, такъ какъ опѣ (т. е. женщины и дѣти) врачебному освидѣтельствованію при наймѣ не подвергаются. Этотъ факторъ вообще оказываетъ свое могучее вліяніе на сравнительно меньшую заболѣваемость рабочихъ мужчинъ, несмотря на гораздо худшія условія трудовой ихъ жизни по сравненію съ женщинами.

Распространенность *болѣзней дыхательныхъ органовъ*, занимающихъ по численности второе мѣсто, объясняется во 1) характеромъ работъ, во 2) неудовлетворительнымъ устройствомъ помѣщеній для рабочихъ и въ 3) общими климатическими условіями. Въ шахтахъ и ортамъ постоянные сквозняки. Рабочіе, работая въ одѣхъ рубахахъ, подвергаются рѣзкимъ температурнымъ колебаніямъ. Въ особенности страдаютъ отъ этого откатчики, подвозящіе тачки отъ забоя къ зумфу, гдѣ ихъ сразу охватываетъ холодное воздушное теченіе. Лѣтомъ важную роль въ дыхательныхъ заболѣваніяхъ играетъ пыль, стоящая столбомъ отъ работъ на открытомъ воздухѣ. Постоянные крики проѣзжающихъ на отвалы съ промывальной машины и обратно, по мнѣнію Коренева, значительно увеличиваютъ раздраженіе зѣва отъ пыли. Сюда же слѣдуетъ прибавить употребленіе въ разгоряченномъ состояніи холодной ключевой воды. Отсюда обычное явленіе - кашель и сипота голоса. „Катарры зѣва и гортани даютъ затѣмъ трахеиты и бронхиты... Изъ запущенныхъ бронхитовъ нерѣдко развивается и катарральная пневмонія“ *).

Казармы въ громадномъ большинствѣ дурно устроены и не приспособлены къ климату. Ходъ прямо съ улицы: при безпрестанно открывающихся дверяхъ, наружный воздухъ обдаетъ обитателей морозной струей. Окна обыкновенно одинарныя, не взирая на суровую зимнюю стужу, не прокопопаченныя, такъ что сквозякъ — обычное явленіе въ казармахъ. Полъ надъ промерзшей землей въ одинъ рядъ досокъ. На Ивановскомъ пріискѣ Ленскаго Товарищества въ старыхъ казармахъ, несмотря на жару отъ накаленной плиты, въ углахъ подъ нарами ледъ. Рабочіе же, придя съ работъ, обыкновенно сбрасываютъ сапоги и остаются въ казармахъ босыми, нерѣдко выбѣгая безъ обуви и на улицу. Утромъ, не смотря ни на какой морозъ, идутъ къ шахтамъ безъ верхней одежды, лишь повязавшись шарфомъ. Особенно вредно отзывается отдаленность казармъ отъ шахтъ, откуда рабочіе выходятъ на поверхность мокрыми; они бѣгутъ прежде всего къ кабаку за сотками, гдѣ стоятъ на морозѣ по получасу у окошечка, точно у театральной кассы, ожидая очереди. Управленія въ своемъ обычномъ небреженіи къ

*) Кореневъ. Стр. 242—243.

интересамъ рабочихъ, ничего болѣе умнаго не придумали, какъ это губительное „стояніе на соткахъ“, заставляющее дрожать промокшихъ людей на открытомъ воздухѣ.

Тѣ же условія дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ и высокій, процентъ заболѣваній *мышечнымъ ревматизмомъ*,—процентъ котораго въ дѣйствительности выше приводимаго въ отчетахъ: далеко не всѣ обращаются къ врачамъ и прибѣгаютъ къ разнымъ народнымъ средствамъ лѣченія (пьютъ настой брусничнаго корня, натираются теплой мочей, муравьинымъ спиртомъ, добываемымъ своимъ способомъ изъ живыхъ муравьевъ). Но при неизмѣняемости разрушительныхъ для здоровья условій, всякое лѣченіе не ведетъ къ цѣли, и болѣзнь изъ острой формы обыкновенно переходитъ въ хроническую. При мокрыхъ шахтахъ, въ особенности отстоящихъ далеко отъ казармъ, большимъ зломъ является отсутствіе теплыхъ раздѣвалень, гдѣ рабочіе могли бы обсушиться или перемѣнить мокрое платье на сухое.

Слѣдующее мѣсто въ больничныхъ отчетахъ по числу заболѣваній принадлежитъ *ушибамъ* и *ранамъ*. Это по преимуществу профессіональныя болѣзни, къ каковымъ относятся также переломы, вывихи и сведенія. Въ общей сложности травматическія поврежденія составляютъ:

Ленское Товарищество	1-я дистанція	14,29%
	2-я „	17,43
Компанія Промышленности		14,35
Бодайбинская больница		9,71

Нѣкоторый процентъ отсюда нужно отнести на счетъ дракъ и побоевъ, весьма обычныхъ въ праздничные дни, проводимые въ пьянствѣ. Всѣми врачами констатируется фактъ увеличенія паціентовъ послѣ отдыховъ, въ особенности въ рождественскіе и пасхальные дни. За то къ категоріи профессіональныхъ травмъ слѣдуетъ причислить также значительную часть глазныхъ заболѣваній, вызываемыхъ поврежденіями отъ осколковъ камней и динамитныхъ взрывовъ.

Инструкція министерства финансовъ обязываетъ регистрировать всѣ несчастные случаи, происшедшіе во время работъ и потребовавшіе лѣченія не менѣе трехъ дней. Свѣ-

дѣнія о всѣхъ такихъ случаяхъ, заносимыя въ особыя бланки, доставляются окружному инженеру.

На сколько официальная отчетность не соотвѣтствуетъ дѣйствительной цифрѣ поврежденій, ясно изъ слѣдующихъ сопоставленій: по даннымъ, приведеннымъ у доктора Кореневa, число пострадавшихъ *) рабочихъ въ компаніяхъ Бодайбинской и Промышленности за три года 1897-98-99, было въ первой 22, во второй 71, тогда какъ на дѣлѣ только ушибленныхъ, раненыхъ и переломовъ было 668 и 1845. По имѣющимся у меня отчетамъ окружнаго инженера за 1900, 901 и 902 г.г. въ Ленскомъ Товариществѣ несчастныхъ случаевъ насчитывается 511, въ больничныхъ же отчетахъ за то же время ушибовъ, ранъ, переломовъ и вывиховъ значится 2.664, изъ нихъ 961 потребовали лѣченья въ больницахъ. Правда, нѣкоторая часть поврежденій произошла не на работѣ, въ бланки же заносятся случаи, имѣвшіе мѣсто во время хозяйскихъ работъ; но первые по сравненію съ послѣдними составляютъ незначительное меньшинство. „Желаніе начальства, говоритъ докторъ Кореневъ, умельшить число несчастныхъ случаевъ въ отчетахъ такъ вошло въ плоть и кровь пріисковой администраціи, что и теперь, когда у правительства явилась нужда въ возможно точномъ выясненіи числа рабочихъ, получившихъ поврежденія на работахъ, безъ всякаго отношенія къ тяжести такого рода поврежденій,—пріисковыя управленія продолжаютъ доставлять свѣдѣнія лишь о самыхъ тяжелыхъ случаяхъ".

Нельзя не сказать, что требованіе министерства финансовъ о доставленіи свѣдѣній лишь о случаяхъ, дѣлающихъ рабочаго неспособнымъ къ труду „болѣе, чѣмъ на три дня", вноситъ въ получаемыя данныя много субъективности. Одинъ идетъ въ больницу съ такимъ поврежденіемъ, съ какимъ другого туда никакъ не заманишь, да и условія заживленія отдѣльныхъ поранеій и исчезновенія болѣзненныхъ припадковъ послѣ нихъ, помимо тяжести даннаго случая, зависятъ въ очень сильной степени отъ массы побочныхъ вліяній *). Субъективность элементъ, не поддающійся никакому учету, но нельзя не указать на другое обстоятельство, обусловливающее большую разницу официальныхъ и дѣйствительныхъ цифръ несчастныхъ случаевъ, а именно—

*) Кореневъ. Диссертація, стр. 245.

на отношеніе къ этому дѣлу того или другого врача. Такъ, напримѣръ, въ 1-ой дистанціи Ленскаго Товарищества за время съ 12-го сентября 1902 г. по 20 мая 1903 г. врачомъ было донесено окружному инженеру о 65 поврежденіяхъ, полученныхъ при работамъ; съ 20-го же мая по мартъ 1904 г. при другомъ врачѣ той же дистанціи было указано всего 13 такихъ случаевъ, т. е. почти за то же время менѣе въ пять разъ. Эта огромная разница объясняется не улучшеніемъ техническихъ условій труда (напротивъ, произошло скорѣе ухудшеніе), а разницей отношеній къ своимъ обязанностямъ обоихъ врачей, изъ которыхъ одинъ мало сообразовался съ желаніями и интересами управленія, другой—наоборотъ. Первый отмѣчалъ въ бланкѣ всякій несчастный случай на работѣ, повлекшій за собой больничное лѣченіе не менѣе 3 дней; послѣдній не дѣлалъ этого даже относительно тѣхъ, которые оставались въ больницѣ недѣли по двѣ, если только больному не угрожало болѣе или менѣе серьезное ограниченіе трудоспособности.

Болѣзни кожи, занимающія слѣдующее мѣсто въ ряду господствующихъ болѣзней на пріискахъ, въ значительной степени являются также результатомъ условій работъ и казарменной жизни. Пыль и грязь въ разрѣзахъ и шахтахъ способствуютъ загрязненію малѣйшей царапины, порѣза, ссадины. О соблюденіи чистоты при многолюдномъ общежитіи въ номерахъ не можетъ быть и рѣчи. Бѣлье мѣняется рѣдко, бани тѣсны и грязны, при недостаточномъ количествѣ воды. Все это создаетъ великолѣпную почву для воспалительныхъ процессовъ въ подкожной клѣтчаткѣ, для карбункуловъ и вередовъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и хроническія сыпи, что вмѣстѣ съ подкожными заболѣваніями даетъ 6,72%, 9,09%, 6,78%, 5,29%.

Болѣзни глазъ вызываются засореніями при работахъ пескомъ, опилками при пилкѣ лѣса и вообще инородными тѣлами, попадающими въ глаза. Частые конъюнктивиты обусловливаются яркостью свѣта, отражающагося отъ блестящаго снѣжнаго покрова, что особенно рѣзко, при высокой географической широтѣ мѣста, даетъ себя знать съ конца февраля. Переводъ рабочихъ изъ теплыхъ шахтъ на верхо-

вныя работы обычно влечетъ за собою этого рода заболѣванія. Конъюнктивы, въ частности трахома сильно распространены и среди якутовъ. Большой процентъ глазныхъ заболѣваній даютъ несчастные случаи на работахъ. Изъ 129 такихъ случаевъ, зарегистрированныхъ за 4 года (1898 — 1901) во 2-ой дистанціи Ленскаго Товарищества, было 16 поврежденій глазъ, т. е. 5,42%; изъ нихъ 6 случаевъ съ ограниченіемъ трудоспособности. По даннымъ врача М. И. Протасова за семилѣтній періодъ его службы въ 1-й дистанціи Ленскаго Товарищества (съ 1896 — 1902) всѣ 5 случаевъ полной потери трудоспособности за это время приходятся на пораженіе глазъ, изъ 34 ограниченій трудоспособности повреждепія глазъ дали 12 случаевъ.

Большой процентъ *нервныхъ болѣзней* объясняется тѣмъ, что въ эту категорію вошли страданія периферическихъ нервныхъ стволовъ, разныя невралгіи, неврпты, которые очень распространены среди таежниковъ и часто слывутъ подъ именемъ ревматизма. Причины этихъ болѣзней кроются въ указанныхъ выше условіяхъ.

Въ рубрику *маляріи* заносятся обыкновенно заболѣванія, протекающія при повышенной температурѣ, при отсутствіи всякихъ другихъ симптомовъ (Кореневъ). Легкія формы энфлюэнцы въ амбулаторіяхъ нерѣдко сходятъ за малярію.

Глиста весьма распространенная паразитическая болѣзнь среди сибиряковъ вообще и въ особенности среди якутовъ. По словамъ доктора Школьника, онъ не знаетъ случая, чтобы при вскрытіи трупа якута не нашлось въ кишкахъ солитера. Круглой глисты на пріискахъ не встрѣчается; господствуетъ Taenia Solium, Taenia mediocanellata.

Отравленіе алкоголемъ. Постоянное, регулярное потребленіе спирта, несомнѣнно, вызывается какъ климатическими условіями, такъ и особымъ характеромъ пріискового труда, требующаго большого напряженія мускульной энергіи при крайне неблагопріятной обстановкѣ (вода, недостатокъ свѣжаго воздуха въ шахтахъ, отсутствіе свѣта). Умѣренное и регулярное введеніе спирта въ организмъ поднимаетъ мы-

шечную энергію и физическую бодрость, что при дурномъ и скудномъ питаніи въ прежніе годы являлось для рабочаго настоятельной необходимостью при чрезмѣрной продолжительности труда (18 часовъ!). Разумѣется, эта необходимость ведетъ къ быстрому изнашиванію организма. Вліяніе спирта на временный подъемъ трудоспособности издавна эксплуатировалось золотопромышленниками въ видѣ выдачи сотокъ (1/100 ведра). Правительство, запретивъ продажу спирта на пріискахъ, допустило винныя порціи отъ хозяевъ въ размѣрѣ $2^1/_2$ ведеръ на человѣка въ годъ. Это ограниченіе осталось пустой буквой, и злоупотребленія выдачей порцій и настоящая торговля водкой приняли грандіозные размѣры. Увеличенная выдача порцій стала играть роль главнаго поощрительнаго средства къ усиленному труду, а многіе золотопромышленники сдѣлали изъ спирта главный предметъ доходности своего дѣла, находя болѣе выгоднымъ заниматься его продажей и обмѣномъ на чужое золото, чѣмъ добывать металлъ изъ нѣдръ земли. Такимъ образомъ, систематическая прививка рабочимъ алкоголизма исходила прежде всего отъ самихъ же золотопромышленниковъ. Такъ называемые спиртоносы играли здѣсь второстепенную роль, хотя бы уже потому, что, будучи жестоко преслѣдуемы, не могли широко развернуть свою тлетворную дѣятельность, тогда какъ золотопромышленники обладали въ этомъ отношеніи громаднымъ преимуществомъ, пользуясь покровительствомъ и укрывательствомъ со стороны продажной мѣстной правительственной администраціи. Только вѣчныя жалобы на спиртоносовъ, жалобы, въ основѣ которыхъ лежали мотивы конкуренціи, создали преувеличенное значеніе ихъ. На самомъ же дѣлѣ главными спаивателями рабочихъ всегда были и есть *) господа золотопромышленники, мелкіе и средніе непосредственно, крупные болѣе или менѣе косвенно.

Послѣдніе хотя сами рабочимъ водки не продавали, но часто расплачивались съ подрядчиками спиртомъ, что было чрезвычайно выгодно для обѣихъ сторонъ; выдавали служащимъ винное положеніе (до 2 ведеръ въ мѣсяцъ) и фактически отпускали имъ водку въ неограниченномъ количе-

*) До 1-го іюля 1904 г., когда эту незавидную роль взяла на себя казна открытіемъ на пріискахъ монополіи.

ствѣ по пониженной цѣнѣ, а служащіе сбывали ее рабочимъ. Впрочемъ, бывали примѣры расплаты съ рабочими спиртомъ самими управленіями. Такъ, при сооруженіи полотна желѣзной дороги Компаніей Промышленности якуты въ видѣ рабочей платы, вмѣсто денегъ, получали 4 фун. хлѣба и бутылку водки въ день. Въ послѣдніе же два года водка съ разрѣшенія исправника продавалась открыто даже въ Ленскомъ Товариществѣ по 75 коп. бутылка. Во всѣхъ „благоустроенныхъ“ компаніяхъ существуютъ кабаки, откуда рабочіе по запискамъ смотрителей и ихъ помощниковъ получаютъ сотки: одни выпиваютъ свою порцію (обыкновенно двѣ) тутъ же, другіе выливаютъ въ принесенную съ собой посудину. Эта „отливная“ водка продается потомъ рабочимъ. „На отливъ“ стали выдавать всего нѣсколько лѣтъ; а раньше: хочешь — пей, а не хочешь — проваливай. Рабочему, хотя и не пьющему, жаль упустить свое; онъ въ первое время передавалъ свою сотку сосѣду или просто выливалъ на землю, но не хотѣлъ дарить управленію. Но мало-по малу самъ начиналъ втягиваться и входилъ во вкусъ вина. Эта система пріучала къ спирту даже подростковъ. Докторъ Школьникъ имѣлъ 16-ти лѣтняго паціента, страдавшаго отравленіемъ алкоголемъ отъ выпитыхъ имъ на пари 13 сотокъ сразу. Я самъ видѣлъ (1903 г.) на Ивановскомъ пріискѣ, какъ дѣти *13 и 14 лѣтъ* „стояли на сотках“ у кабака: нѣкоторыя выпивали, другія же брали на отливъ и относили въ казармы родителямъ. Естественно, если при этихъ соединенныхъ условіяхъ, какъ лежащихъ въ самой природѣ золотопромышленнаго труда, такъ и въ хищническихъ вожделѣніяхъ предпринимателей, даже не расположенные къ вину рабочіе становятся въ концѣ концовъ алкоголиками. Нигдѣ нѣтъ такой массы запойныхъ пьяницъ, какъ на золотыхъ промыслахъ. И этихъ типовъ въ процентномъ отношеніи нисколько не меньше среди класса служащихъ, если даже не больше. И, вотъ, въ результатѣ эти поражающія цифры отравленія алкоголемъ да и вообще большая заболѣваемость, такъ какъ злоупотребленіе спиртомъ изъ всего организма создаетъ locus minoris resistentiae. „Кому приходилось, говоритъ докторъ Кореневъ, свидѣтельствовать рабочихъ, уже пожившихъ на пріискахъ, тотъ знаетъ, какъ часто приходится видѣть у нихъ послѣдствія

этого злополучнаго для тайги „предмета первой необходимости... И на душевномъ складѣ алкоголь кладетъ свой отпечатокъ, почти совсѣмъ обезволивая рабочихъ и превращая ихъ въ какой то рефлекторный аппаратъ безъ всякихъ задерживающихъ центровъ“ *).

Ожоги. Укажу на главныя причины ожоговъ, поражающихъ своей многочисленностью на пріискахъ. Рабочіе въ мокрыхъ шахтахъ, при очисткѣ канавъ, прорытіи штреховъ,— словомъ, во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ приходится работать, стоя въ водѣ, надѣваютъ такъ называемыя сагиры, мѣшкообразную кожаную обувь, которая считается непромокаемой. Зимой, при выходѣ изъ шахты, мокрыя сагиры замерзаютъ: чтобы снять ихъ съ ногъ, нужно предварительно ихъ оттаять. Для этого у спуска въ шахту стоятъ котлы съ кипящей водой. Рабочій поливаетъ сагиры изъ ковша кипяткомъ. Эта обувь, при экономіи, соблюдаемой управленіями, въ особенности въ Ленскомъ Товариществѣ, рѣдко бываетъ цѣла, обычно же вся въ дырахъ на столько, что кипятокъ свободно проникаетъ внутрь. Нерѣдко рабочій, спѣша на обѣдъ или на ужинъ, не ожидая, пока освободятся 3—4 запятыхъ ковша, прямо опускаетъ ногу въ котелъ: „непромокаемая“ обувь быстро наполняется кипяткомъ, и ожогъ готовъ.

Подобные инциденты еще разъ подтверждаютъ необходимость устройства у шахтъ теплыхъ раздѣваленъ.

Случаются ожоги при отвинчиваніи винтовъ паровыхъ машинъ отъ вырывающейся при этомъ струи пара. Нерѣдки такъ же ожоги отъ костровъ, вокругъ которыхъ спятъ въ лѣсу отрядные рабочіе, чаще всего якуты. Но настоящими разсадниками этихъ поврежденій являются бани и казармы. Не говоря уже о мелкихъ пріискахъ, даже въ крупныхъ компаніяхъ бани грязны и тѣсны; въ лучшихъ изъ нихъ вода нагрѣвается въ деревянныхъ чанахъ посредствомъ накаливающейся желѣзной трубы, проводимой изъ печки въ чанъ. Зимой печи не могутъ нагрѣть плохо построенныя банныя зданія, высокая температура достигается посредствомъ желѣзной печки. Воды

*) Кореневъ. Диссертація, стр. 129.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

и посуды для мытья (шаекъ) недостаточно, такъ что рабочіе собственно не моются, и только парятся. Баня приготовляется обыкновенно разъ въ недѣлю: въ субботу для мужчинъ и въ пятницу для женщинъ. Небольшое помѣщеніе можетъ вмѣстить человѣкъ 20 (напр., на Ѳеодосѣевскомъ пріискѣ Лепскаго Товарищества на 800 человѣкъ команды). Чтобы успѣть всѣмъ вымыться, набивается сразу человѣкъ 50 и болѣе. Трудно вообразить себѣ, какая происходитъ при этомъ сутолока. При поддаваніи пара посторониться некуда, въ толкотнѣ горячая вода изъ шаекъ проливается и обдаетъ голыя тѣла. Люди постоянно натыкаются на раскаленную желѣзную печку. Ясно, что тутъ не можетъ обойтись безъ ожоговъ.

Не рѣже, если не чаще ожоги—въ казармахъ, гдѣ посерединѣ въ промежуткѣ между парами или тѣ же желѣзныя печи, или каменныя съ чугунной плитой, уставленной котлами и чайниками съ кипящей водой. Отсутствіе отдѣльныхъ кухонь и приготовленіе пищи въ общей казармѣ, при ея многолюдствѣ, крайне не гигіенично и во всѣхъ отношеніяхъ неудобно: въ тѣсномъ проходѣ вѣчно снуетъ народъ, бѣгаютъ ребятишки; опрокинуть или выронить посуду съ кипяткомъ и облить при этомъ себя или другого, въ подобной толчеѣ нѣтъ ничего мудренаго. Вотъ почему по отчету врача Компаніи Промышленности за 1908—1903 г. среди женщинъ и дѣтей ожоги составляютъ 2.20 проц. всѣхъ заболѣваній, а среди мужчинъ 1,49 проц.

Цынга, по Семевскому, въ концѣ 70-хъ годовъ составляла 13—16% всѣхъ заболѣваній, что очень далеко отъ дѣйствительности, такъ какъ о сколько нибудь точной отчетности въ то время нечего и говорить. По свидѣтельству доктора Школьника, много лѣтъ прослужившаго на пріискахъ, въ 80-хъ годахъ (за которые мы не находимъ у Семевскаго никакихъ данныхъ) буквально по ¾ команды бывали въ цынгѣ. Въ концѣ 90-хъ годовъ по Кореневу (1897—99) въ трехъ большихъ компаніяхъ цынга дала 8,44% всѣхъ заболѣваній. Наконецъ, по моимъ свѣдѣніямъ, въ тѣхъ же трехъ предпріятіяхъ за 1901—1903 включительно эта болѣзнь не превышаетъ 2,41%. Цынга—всецѣло результатъ тяжелыхъ работъ, недостаточнаго питанія и скверпаго, затхлаго воз-

духа переполненныхъ обитателями казармъ. То обстоятельство, что, не взирая на появившіеся признаки этой болѣзни (пораженіе десенъ, подкожныя кровоизліянія, ломота въ ногахъ и рукахъ, общая слабость), рабочій вынужденъ продолжать работать, пока совсѣмъ не выбьется изъ силъ, обусловливаетъ самыя тяжелыя формы ея на промыслахъ. Наиболѣе подвержены цынгѣ свѣжіе рабочіе, не привычные къ подземнымъ, мокрымъ работамъ и къ удушливой атмосферѣ казарменной жизни. По третьему, по четвертому году тѣ же рабочіе становятся уже менѣе воспріимчивыми къ цынгѣ.

Появляется она во второй половинѣ зимы и развивается crescendo до лѣта. Съ наступленіемъ теплыхъ дней, подъ живительнымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей и свѣжаго воздуха, въ 3—4 недѣли болѣзньпроходитъ. Лѣтомъ она почти не наблюдается.

Рабочіе золотничники, отрядные обыкновенно лѣчатся своими средствами, не прибѣгая къ врачу: пьютъ настой хвои пихты, ѣдятъ черемшу, зелень которой появляется въ маѣ мѣсяцѣ, варятъ во щахъ, какъ капусту, листья ревеня.

Весьма благотворнымъ для цынготныхъ оказывалось купанье въ рѣчной водѣ, и этотъ пріемъ лѣченья съ успѣхомъ примѣнялся на пріискахъ.

Смертность отъ цынги незначительна—0,37% въ 90-хъ годахъ (по Кореневу) и 0,19,0,14 за 1901—1903 г.г. За то въ попечительской больницѣ на Бодайбо процентъ ея достигаетъ 2,49 за этотъ послѣдній періодъ и 2,48 по даннымъ г. Коренева, по бодайбинская больница отличается вообще высокой смертностью, благодаря гораздо худшей постановкѣ врачебной помощи, а также тому, что сюда попадаютъ преимущественно тяжелые больные. По отчету Компаніи Промышленности у заболѣвавшихъ мужчинъ цынга составляла 2,81%, у женщинъ и дѣтей—0,67.

Такъ какъ тѣ и другія живутъ въ казармахъ при одинаковыхъ условіяхъ и питаются одинаково, то въ четыре раза большая заболѣваемость цынгой мужчинъ должна быть отнесена исключительно на счетъ условій ихъ труда. Очень часто толчкомъ къ развитію цынги служатъ ушибы (Кореневъ).

Среди служащихъ эта болѣзнь почти не наблюдается.

Но если цынга сама по себѣ не опасна, „за то вліяніе ея на общее состояніе въ видѣ развитія упорнаго малокровія—громадно, почему это заболѣваніе и дѣлаетъ рабочаго, захворавшаго имъ болѣе или менѣе серьезно, полнымъ инвалидомъ на долгое время. Теченіе всѣхъ заболѣваній, осложненныхъ цынгой, сильно затягивается *).

Господству цынги первый ударъ былъ нанесенъ переводомъ рабочихъ съ хозяйскаго на „свое“ содержаніе, затѣмъ еще болѣе рѣшительный — закономъ, ограничившимъ рабочее время $11^1/_2$ часами. Эти два акта, ослабивъ закрѣпощенность рабочаго предпринимателю, повели, съ одной стороны, къ улучшенію его питанія, съ другой—къ устраненію чрезмѣрнаго переутомленія. что не могло не отразиться на большей устойчивости организма передъ разрушительными вліяніями пріисковыхъ работъ и жилищъ.

Дизентерія (кровавый поносъ)—болѣзнь исключительно маленькихъ дѣтей, вызывающая большую смертность, далеко превышающую смертность больничныхъ отчетовъ. Главная причина этой болѣзни отсутствіе молока на пріискахъ, которое лѣтомъ по своей дороговизнѣ (30 — 40 к. бутылка) недоступно для рабочихъ, а зимой покупается у якутовъ только въ мерзломъ, часто въ недоброкачественномъ видѣ. Отсюда маленькія дѣти вынуждены питаться пищей взрослыхъ людей, не перевариваемой не окрѣпшими желудками.

Зобъ является продуктомъ преимущественно физическо-географическихъ условій мѣста и не имѣетъ въ себѣ ничего профессіональнаго. Зобами страдаютъ исключительно новички, работающіе на пріискахъ первый и уже рѣже—второй годъ. Въ началѣ своего появленія эта болѣзнь легко прекращается іодистыми препаратами. Рабочіе, какъ мужчины, такъ и женщины, при первыхъ же ея признакахъ спѣшатъ къ врачу или фельдшеру, такъ какъ считаютъ эту болѣзнь поганой (Кореневъ). Вотъ почему на пріискахъ очень рѣдко можно встрѣтить человѣка съ замѣтно развившимся зобомъ. Если считать зобъ болѣзнью горныхъ долинъ

---

*) Докторъ Кореневъ. Диссертація, стр. 240.

съ известковой водой, то эти условія въ Витимско-Олекминской системѣ на-лицо.

Венерическія болѣзни. Преобладаніе холостыхъ мужчинъ и незначительный процентъ женщинъ на пріискахъ неизбѣжно ведетъ къ частымъ венерическимъ заболѣваніямъ.

Рѣдкая изъ замужнихъ женщинъ не развратничаетъ, многія даже съ вѣдома мужей, торгующихъ женами, какъ очень доходнымъ товаромъ. По словамъ врачей, хроническіе триперы весьма обычныя заболѣванія у женщинъ. Разврату чрезвычайно благопріятствуетъ совмѣстное сожительство семейныхъ и холостыхъ. Малочисленность женщинъ является причиной частыхъ драмъ, оканчивающихся кровавымъ образомъ, а также извѣстнаго на пріискахъ безобразія, именуемаго *помочами*. Такъ называется массовое совокупленіе съ одной женщиной.

Сифилисъ даетъ сравнительно небольшой % заболѣваній, если принять во вниманіе скученность населенія и малочисленность женщинъ. При освидѣтельствованіи нанимающихся сифилитики тщательно бракуются. Помимо того, въ Ленскомъ Товариществѣ вся рабочая команда разъ въ годъ подвергается повѣрочному осмотру. При подозрѣніи въ заразной болѣзни свидѣтельствуется также и семья рабочаго. Заболѣвшій сифилисомъ по миновенію заразнаго періода выписывается изъ больницы и назначается въ разсчетъ во избѣжаніе передачи заразы при возможномъ рецидивѣ. На Боданбо, гдѣ эти мѣры не могутъ быть примѣняемы, сифилитическихъ заболѣваній въ три раза больше. При строгихъ предосторожностяхъ противъ проникновенія сифилиса на пріиски, принимаемыхъ относительно контрактовныхъ рабочихъ, свободный путь для этой болѣзни остается черезъ посредство отрядныхъ (якутовъ) и служащихъ. Послѣдніе играютъ не маловажную роль въ качествѣ распространителей сифилиса и вообще венерическихъ болѣзней. Это обстоятельство заставило управленіе Ленскаго Товарищества подвергать и ихъ медицинскому осмотру подъ видомъ обязательнаго для каждаго нанимающагося служащаго „служебнаго визита къ врачу“. Къ сожалѣнію, эта благоразумная мѣра, примѣнявшаяся 2 или 3 года, при новомъ управленіи перестала проктиковаться.

Сочленовый ревматизмъ находитъ для себя объясненіе въ указанныхъ выше условіяхъ, вызывающихъ разнообразныя простудныя заболѣванія.

Обмораживаніями подвергаются, главнымъ образомъ, возчики лѣса и конюха, сопровождающіе транспорты съ припасами, перевозимыми изъ Бодайбо на пріиски зимнимъ путемъ. По имѣющимся у меня записямъ температуръ на центральной метеорологической станціи (Надеждинскій пріискъ Ленскаго Товарищества) за четыре года (1900—1903) средняя ноября—20,75° R., декабря—24,87, января—22,36 и февраля—17,46. Сорока градусные морозы тянутся по недѣлѣ безъ перерыва. Неудивительно, если почти у каждаго конюха отморожены носъ, уши, щеки и въ особенности пальцы, такъ какъ въ случаяхъ порчи сбруи приходится часто орудовать голыми руками. Наиболѣе же тяжелыя формы обмораживаній обязаны своимъ происхожденіемъ почти исключительно алкоголю: подобные случаи, вплоть до смертельнаго замерзанія, бываютъ обыкновенно съ пьяными, свалившимися гдѣ нибудь на открытомъ воздухѣ. Въ Ленскомъ Товариществѣ на Рождество и масляницу спеціально снаряжаются стражники для разъѣздовъ по большой дорогѣ и подбиранія такихъ пьяныхъ.

Причины *рожи* для пріисковыхъ врачей не ясны. Сильные морозы и плохой уходъ за кожей, вѣроятно, не мало содѣйствуетъ появленію рожистыхъ воспаленій.

По словамъ М. И. Протасова, рожа нѣсколько разъ за его бытность въ тайгѣ принимала характеръ эпидеміи. Громадная разница, по моимъ свѣдѣніямъ, въ заболѣваемости рожей въ пріисковыхъ больницахъ (въ среднемъ 0,12%) и на Бодайбо (1,19)— свидѣтельствуетъ о печальномъ санитарномъ состояніи этого поселка, объявленнаго въ 1904 г. городомъ.

Зимой 1903—1904 г. на пріискахъ съ большою силой свирѣпствовала *оспа*. Эпидемія была занесена изъ Якутской области якутами, среди которыхъ въ одномъ только районѣ 2-ой дистанціи до января 1904 г. насчитывалось свыше 70 больныхъ. Управленіе отвело для нихъ по ключу Дачалдынъ

избушку, гдѣ могло помѣститься 10 больныхъ; громадное же большинство ютилось по своимъ юртамъ. Смертность между якутами отъ оспы доходитъ до 50%, тогда какъ между русскими—до 12—15%. Послѣдніе помѣщались въ заразномъ отдѣленіи больницы Нижняго пріиска. Якуты же, скученные въ своихъ избушкахъ и юртахъ, почти всѣ поголовно переболѣли, кромѣ разбѣжавшихся съ пріисковъ, судьба которыхъ неизвѣстна. По словамъ урядниковъ и лѣсопріемщиковъ, трудно было найти жилище, гдѣ хотя одинъ изъ обитателей былъ бы здоровъ. Однажды лѣсопріемщикъ Рачковскій, уѣхавъ въ лѣсъ провѣрять лѣсныя заготовки, засталъ въ одной юртѣ изъ десяти своихъ рабочихъ двухъ мертвыми, пять лежащими въ оспѣ и только трехъ здоровыми. Ни полиція, ни священникъ не знаютъ болѣе или менѣе точной цифры больныхъ; умершихъ во всемъ пріисковомъ районѣ къ веснѣ 1904 г. насчитывали приблизительно до 300 душъ. Регистрировались только русскіе рабочіе, лѣчившіеся въ больницѣ или пріемныхъ покояхъ. За 1903 г., въ Компаніи Промышленности на 1927 стаціонарныхъ больныхъ отмѣчено 86 оспенныхъ, изъ которыхъ умерло 28. Во 2-й дистанціи Ленскаго Товарищества, гдѣ, за неимѣніемъ мѣста въ заразномъ отдѣленіи, нѣкоторые больные оставались въ номерахъ, изъ 2186 занесено въ отчетность 11 оспенныхъ (двое со смертнымъ исходомъ). Вообще среди русскихъ болѣзнь имѣла гораздо меньшее распространеніе и отличалась болѣе слабыми формами. Развитіе эпидеміи не могло быть ослаблено, вслѣдствіе отсутствія детрита. Пока его выписали изъ Иркутска—было уже поздно, да и выписанный оказался негоднымъ. Такъ, изъ 10 двукратныхъ прививокъ въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ, не было ни одного удачнаго случая... Выписали новый, но лицо, которому поручено было привезти его, забыло ящикъ съ флакопами гдѣ то на станціи по Ленѣ. Отряженный врачомъ фельдшеръ для прививокъ плохого детрита среди якутовъ не могъ принести никакой пользы, и сами якуты, не видя благопріятныхъ результатовъ, отказывались отъ прививокъ, такъ что, по заявленію урядника Тюменцева, приходилось прибѣгать къ „насильственнымъ понужденіямъ". Въ Компаніи же Промышленности, гдѣ детритъ попался довольно сносный, подобныхъ отказовъ, какъ утверждалъ священникъ, не встрѣчалось. Упорно отвергали

прививку семейскіе (старообрядцы). У одного на Феодосѣевскомъ пріискѣ умерли два мальчика. Докторъ говоритъ отцу: „ты не хотѣлъ, чтобы я привилъ имъ оспу, значитъ—ты самъ ихъ въ гробъ вогналъ".—„Не я, а Богъ,—былъ отвѣтъ: значитъ, они ему понадобились, коли взялъ". Одного старообрядца врачу удалось убѣдить привить оспу дѣтямъ только торжественнымъ заявленіемъ, что онъ, врачъ, беретъ грѣхъ на себя.

Врачебная помощь якутамъ сводилась къ тому, что, кромѣ избушки по Дагалдыну, подъ оспенныхъ было отведено такое же помѣщеніе въ Компаніи Промышленности на Разгульномъ. Оно было предоставлено попеченію сторожа. Фельдшеръ посѣщалъ его въ недѣлю разъ и даже рѣже. Якуты избѣгали этихъ покоевъ, убѣжденные, что всякій, попадающій сюда, обреченъ на смерть. И это было въ значительной степени вѣрно. Разъ, проѣзжая мимо Разгульнаго, я спросилъ сторожа, много ли больныхъ. Оказалось, пятеро и всѣ мертвые. Проѣзжая здѣсь вторично, я увидѣлъ у оспеннаго покоя двое нартъ съ кладью, прикрытой шкурами, изъ-подъ которыхъ торчали ноги. Сторожъ что то энергично толковалъ двумъ якутамъ. Остановившись, я узналъ, что якуты привезли два трупа и требовали, чтобы сторожъ ихъ принялъ въ покой. Покой они считали не лѣчебницей, а чѣмъ то вродѣ мертвецкой, куда если и привозили еще живыхъ, то только потому, что послѣдніе не сегодня—завтра все равно должны были умереть. Потомъ я слышалъ, что эти якуты, не смотря на протесты сторожа, все-таки свалили у стѣны избушки трупы и уѣхали.

На Бодайбо среди русскаго и еврейскаго населенія было за зиму (1903—1904 г.) 60 случаевъ оспы, изъ нихъ со смертнымъ исходомъ 37. Максимальная экстенсивность этой болѣзни обнаружилась въ самые холодные мѣсяцы, когда морозы скучивали якутское населеніе въ ихъ тѣсныхъ и многолюдныхъ жилищахъ. Съ наступленіемъ тепла и уменьшеніемъ, вслѣдствіе этого, скученности въ избушкахъ, оспа стала быстро ослабѣвать. Вообще гнѣздилищемъ оспенной эпидеміи являются якуты, въ виду чего крайне необходимо наблюденіе за правильной и тщательной вакцинаціей среди этихъ инородцевъ.

Тифъ не переводится на пріискахъ, хотя даетъ небольшой процентъ заболѣваній: въ пріисковыхъ больницахъ за три года (1901—1903) 0,58% всѣхъ *стаціонарныхъ* (1-ая дистанція), 1,79 (2-я дистанція), 1,09 (въ Компаніи промышленности) и 8% на Бодайбо *). Господствуетъ почти исключительно брюшной тифъ. Заболѣванія обнаруживаются вскорѣ послѣ открытія навигаціи и длятся до рѣкостава, затѣмъ прекращаются, чтобы снова появиться съ началомъ лѣта. Тифъ заносится главнымъ образомъ паузочными рабочими, находящимся въ теченіе мѣсяца, а иногда и болѣе, въ особо благопріятныхъ условіяхъ для развитія этой болѣзни. Рабочіе нанимаются гнать паузки часто лишь за то, чтобы ихъ провезли до Витима; многіе ѣдутъ даже на своихъ харчахъ. За провозъ они обязаны сталкивать паузки съ мелей, выгружать и нагружать товаръ. Чтобы стащить посуду съ мели, имъ приходится дѣйствовать по нѣсколько часовъ въ холодной водѣ, когда рѣка только что прошла и берега завалены еще громадными глыбами льда. Выйдя изъ воды, чтобы выпить свою порцію спирта, люди лѣзутъ обратно въ воду. Обсушиться на ходу паузка у небольшаго костра на носу невозможно, приходится дрожать, какъ въ лихорадкѣ, пока не согрѣешься чаемъ. Плохое питаніе при подобныхъ условіяхъ сплава дѣлаетъ рабочихъ, приходящихъ на пріиски съ паузкомъ, истощенными и склонными вообще ко всякимъ заболѣваніямъ: они то и поставляютъ тифозныхъ кліентовъ бодайбинской больницѣ, далеко опередившей по количеству этого рода больныхъ (8%) всѣ пріисковыя больницы.

31 марта 1905 года въ очередномъ засѣданіи общества больничныхъ врачей Е. В. Святловскимъ былъ сдѣланъ докладъ „Врачебная помощь на фабрикахъ и заводахъ". Согласно даннымъ, разработаннымъ фабричнымъ ревизоромъ Дементьевымъ, изъ 1½ милліоновъ рабочихъ на 10 тысячахъ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, лишь 35 проц. пользуются „полной" врачебной обезпеченностью, т. е. помимо амбулаторій и учрежденіями для стаціонарнаго лѣченія; другіе 35 проц. имѣютъ лишь амбулаторіи и, наконецъ, 30 проц. не имѣютъ никакой врачебной помощи. Такова количественная сто-

*) Что по отношенію къ стаціонар и амбулаторнымъ вмѣстѣ составляетъ 0,12%, 0,41, 0,19, 1,11%.

рона дѣла. Что касается качественной, то она обстоитъ еще хуже, ибо „полная" обезпеченность является таковой лишь съ формальной стороны: больницы по большей части декоративны, а врачи, по свидѣтельству одного изъ нихъ, стараются „пріучить больныхъ лѣчиться на дому [1]). Изъ всего изложеннаго въ настоящей статьѣ можно видѣть, что эти заключенія вполнѣ примѣнимы и къ пріисковому району; пришлось бы измѣнить лишь процентныя цифры, но далеко не въ пользу пріисковъ, если взять въ разсчетъ все населеніе, занятое на золотыхъ промыслахъ. За отсутствіемъ статистическихъ данныхъ процентъ совершенно лишенныхъ медицинской помощи не можетъ быть выраженъ опредѣленной цифрой; но мы знаемъ, что къ этой категоріи слѣдуетъ отнести почти всѣхъ рабочихъ мелкихъ и среднихъ предпріятій, всѣхъ отрядныхъ и вообще вольно работающее [2]) населеніе, что дастъ не менѣе 15 тыс., т. е. около $^3/_4$ всѣхъ рабочихъ въ обѣихъ системахъ, считая въ томъ числѣ и якутовъ. Виновниками такого положенія вещей являются прежде всего дѣйствующія законоположенія, нисколько не регулирующія медицинскую часть на пріискахъ и предоставляющія въ этомъ отношеніи почти полный просторъ предпринимателямъ. Во взаимоотношеніяхъ рабочихъ и хозяевъ, въ особенности тамъ, гдѣ рознь интересовъ тѣхъ и другихъ обостряется ничѣмъ не ограничиваемымъ господствомъ культа наживы, нельзя полагаться на гуманныя чувства. Здѣсь требуется вмѣшательство закона, который давалъ бы слабѣйшей сторонѣ достаточную защиту. Въ этихъ видахъ необходимо прежде всего поставить врачей и фельдшеровъ въ положеніе, матеріально независимое отъ отдѣльныхъ золотопромышленниковъ. Было бы, однако, большой ошибкой превращать врача въ чиновника, назначеннаго правительственной администраціей [3]). При нынѣшнемъ безконтрольномъ ея владычествѣ въ Сибири, случится то же, что всегда было и есть со всѣми правительственными чинами на пріискахъ, за чрезвычайно рѣдкими, можно сказать, феноменальными исключеніями:

---

[1]) „Сынъ Отечества" 1905 г. № 39.

[2]) Не контрактныхъ.

[3]) Какъ то проектируетъ А. Колычевъ. см. „Промышленность и Здоровье" 1903 г. кн. III.

власть чиновная неизбѣжно обращается не на пользу, а во вредъ населенію, являясь главнымъ образомъ вѣрнѣйшимъ средствомъ извлеченія всевозможныхъ поборовъ. Больничное дѣло всего пріисковаго района должно быть въ вѣдѣніи Бюро, которое назначало бы и весь врачебный персоналъ.

Содержаніе послѣдняго, въ интересахъ вящшей матеріальной независимости, можетъ быть регламентировано закономъ на тѣхъ же началахъ, что и содержаніе пріисковыхъ мировыхъ судей.

Но необходимо сдѣлать существенную оговорку: преимущества предлагаемаго порядка предъ существующимъ дадутъ себя знать лишь тогда, когда Бюро явится органомъ самоуправленія, избираемымъ не одними предпринимателями, но и рабочими на началахъ полнаго равноправія съ послѣдними.

Я. С—чъ.

Сибирскія письма.

Томскъ (*Фигура*). Въ Томскѣ всѣ знаютъ огромнаго, тучнаго, съ подслѣповатыми глазами и краснымъ картофелеобразнымъ носомъ старика... Не знающіе сразу обращаютъ на него вниманіе и спрашиваютъ: кто онъ? А онъ съ утра до вечера, въ праздники и будни попадается на глаза, со старымъ потертымъ портфелемъ, откуда выглядываютъ концы газетъ, бумагъ, уголки разноцвѣтныхъ брошюръ... Это—инспекторъ по дѣламъ печати, убѣжденный врагъ даже самой элементарной гласности, дѣятельный членъ мѣстнаго союза русскаго народа. Почти что ежедневно онъ посѣщаетъ редакціи мѣстныхъ газетъ, подозрительно всматривается въ лица сотрудниковъ, безцеремонно и безтолково запугиваетъ редакторовъ предстоящими карами, измышляемыми имъ для каждаго раза особо. Авторъ настоящей замѣтки лично знаетъ нѣсколько газетныхъ работниковъ, которые, завидя фигуру мастодонта инспектора, или сворачиваютъ на другую сторону улицы, или на время покидаютъ редакцію.

Типографамъ тоже горе: неожиданныя провѣрки шрифта конторскихъ книгъ, мелкія придирки довольно часты и тормозятъ печатное дѣло...

Татарская газета „Сибирія“, подчиненная, въ смыслѣ цензуры, спеціальному цензору, проживающему въ г. Омскѣ и не имѣющая никакого отношенія къ г. инспектору, считаясь съ его, всюду сующимся носомъ и своеобразнымъ пониманіемъ обязанностей наблюдающаго за дѣлами печати, имѣла уже нѣсколько столкновеній съ нимъ, пока окончившихся благополучно. Но кто знаетъ, что на умѣ у этого господина, ненавидящаго всякое независимое печатное слово, а тѣмъ болѣе инородческаго происхожденія?.. Любитъ заглянуть г. инспекторъ и за прилавокъ книжнаго магазина, порыться на полкахъ уличнаго кіоска, посмотрѣть, что дѣлаютъ букинисты, какъ ведутъ себя уличные разносчики газетъ, что показываютъ въ кинематографахъ, пересылаютъ и получаютъ по почтѣ. Словомъ, работы у старика по горло!..

Кромѣ того, онъ одержимъ писательскимъ зудомъ: корреспондируетъ въ правыя газеты, наполняетъ белибердой страницы черносотенной „Сибирской Правды“, издаетъ брошюры... И, что всего непонятнѣе, считаетъ себя опытнымъ, дѣловымъ публицистомъ! Впрочемъ, почему старичку и не потѣшить бы себя: своя рука - владыка... Не подумайте, что этимъ только и ограничиваются его таланты. Онъ состоитъ преподавателемъ по духовному вѣдомству и.. въ нѣкоторомъ родѣ, артистомъ, исполнителемъ древнихъ былинныхъ пѣсенъ. Въ искусствѣ послѣдняго рода инспекторъ считаетъ себя неподражаемымъ, не имѣющимъ соперниковъ. Посмотрѣли-бы, съ какимъ умиленіемъ онъ „воспѣваетъ славу древлепрестольному граду Кіеву“! Въ прошломъ году онъ предпринималъ артистическое турнэ по Сибири и Дальнему Востоку. Говорятъ, и до настоящаго времени онъ лелѣетъ мысль по выслугѣ полной пенсіи промѣнять инспекторскій карандашъ на трехструнную бандуру... И чѣмъ скорѣе это осуществится, тѣмъ будетъ лучше!

Барнаулъ (*Алтайское землеустройство*). По землеустройству въ Алтайскомъ Округѣ всѣ боровые сѣнокосы изъяты изъ пользованія крестьянъ въ принудительномъ порядкѣ. Чтобы сохранить фиговый листокъ законности и выполнить 134 ст. пол. кр. Сиб., покосныя поляны были нанесены на планы въ контурахъ менѣе 5 десятинъ каждая, въ описаніяхъ изображены были какъ „болотистыя“, „солонцеватыя“, „кислыя“, поросшія камышемъ“, „мохомъ“,— словомъ,

никуда не годныя, а пользованіе ими „случайнымъ“ и „періодическимъ“ въ зависимости отъ уровня грунтовыхъ водъ. Какъ ни доказывали крестьяне во всѣхъ инстанціяхъ землеустройства, что боровые покосы самыя цѣнныя ихъ угодья, что безъ нихъ они жить не могутъ, что изъятіе ихъ изъ крестьянскаго пользованія есть нарушеніе божескихъ и человѣческихъ законовъ, — ничто не помогло. Надѣлы утверждены. Комедія землеустройства кончилась, фиговый листъ законности, которымъ прикрывалась экспропріація крестьянской земли, снятъ, и крестьянамъ предлагается арендовать „негодные“ покосы, а крестьянскимъ начальникамъ — оказывать содѣйствіе убѣжденіемъ крестьянъ арендовать цѣлыми обществами, какъ и раньше они пользовались. Уничтоженіе „черезполосности“, „охрана лѣса“ и другія прекрасныя слова, которыми землеустроители оправдывали отчужденіе земли, теперь не нужны... Для поддержанія и закрѣпленія беззаконія и несправедливости нужна сила, а не аргументы, и къ этой силѣ обратился Кабинетъ: въ Барнаулъ прибыло двѣ сотни казаковъ, которые съ 8 мая начали демонстративный объѣздъ облагодѣтельствованныхъ алтайскимъ землеустройствомъ селеній. Несмотря, однако, на всѣ принятыя мѣры, крестьяне отъ аренды отказываются... Не вѣрится, чтобы могло все такъ кончиться, какъ устроили алтайскіе чиновники...

Красноярскъ (*Обывательское недоумѣніе*). Въ мѣстной газетѣ „Красноярская Мысль“ въ отдѣлѣ городской хроники напечатано: „12 мая на пароходѣ „Орелъ“ выѣзжаютъ въ Туруханскій край: енисейскій губернаторъ Бологовскій, совѣтникъ енисейскаго губернскаго управленія Расковскій, енисейскій врачебный инспекторъ Бѣлиловскій, предсѣдатель иркутской судебной палаты Ераковъ, товарищъ прокурора красноярскаго окружнаго суда, жандармскій полковникъ, предсѣдатель красноярскаго окружнаго суда Кгоевскій“.—Какъ видите, губернія осталась безъ высшаго начальства, которое воспользовалось первымъ же рейсомъ отходящаго парохода и рвнулось въ злосчастный Туруханскій край. Можно подумать, что тамъ, на дальнемъ сѣверѣ Енисейской губерніи произошло что нибудь такое, что потребовало присутствія на мѣстѣ всего губернскаго Олимпа: гладъ, моръ,

возстаніе инородческихъ племенъ, великое землетрясеніе и т. д.

На самомъ дѣлѣ ровно ничего въ Туруханскомъ краѣ не произошло.

Начальство отправилось на ревизію, благо очень удобно прокатиться на хорошемъ пароходѣ туда и обратно, сидя въ удобномъ залѣ 1-го класса и коротая время за ломбернымъ столикомъ въ близкой компаніи.

Буфетчикъ тоже былъ увѣдомленъ заранѣе и старательно заготовилъ достаточное количество яствъ и питей, начиная съ простой отечественной и кончая шампанскимъ.

Несомнѣнно, предстоитъ веселая прогулка.

Только вотъ вопросъ: кому она нужна и зачѣмъ? И сколько эта поѣздка будетъ стоить казнѣ?

Вѣдь, несомнѣнно, никто изъ поѣхавшихъ не откажетъ себѣ въ удовольствіи получить слѣдуемыя по закону прогонныя, суточныя, а кое кто и подъемныя, и все это туда и обратно по чину и положенію, а большинство путешественниковъ—не ниже чина статскаго совѣтника.

Дорогонько же обойдется казнѣ это начальническое обозрѣніе Туруханскаго края!

Любопытнѣе всего то, что любознательное начальство населенія-то и не увидитъ, а будетъ бесѣдовать съ туруханскимъ отдѣльнымъ приставомъ, съ урядниками и вообще мѣстнымъ начальствомъ. Напримѣръ, вѣдѣнію предсѣдателя иркутской судебной палаты подлежитъ въ Туруханскомъ краѣ только одно лицо—мировой судья, который туда назначенъ на вновь учрежденную должность не болѣе года. Что же будетъ стоить эта ревизія единственнаго мирового судьи двумя членами прокурорскаго надзора, предсѣдателемъ красноярскаго окружнаго суда и предсѣдателемъ иркутской судебной палаты?..

Да, начальство у насъ бдитъ! Надо помнить, что во всемъ Туруханскомъ краѣ всего населенія не болѣе 13,000—15,000, изъ которыхъ $^2/_3$ инородцы, разсѣянные по всей тундрѣ далекаго сѣвера. Въ самомъ Туруханскѣ не болѣе 300 жителей, и вотъ на такое-то, можно сказать, малолюдье, да столько сразу грознаго начальства!

Бѣдный Туруханскій край!

Какъ ни стараешься думать благожелательно по поводу

этой коллективной поѣздки на сѣверъ начальства, а все таки мысль дальше „прогонъ“ и „суточныхъ“ не идетъ, сколько не думай Тѣмъ болѣе, что въ числѣ экскурсантовъ есть особые аматеры разъѣздовъ, такъ называемые здѣсь „прогонныхъ дѣлъ мастера, какъ, напр., врачебный инспекторъ Бѣлиловскій.

Нѣтъ еще года, какъ онъ явился къ намъ, а уже успѣлъ побывать во всѣхъ отдаленныхъ уголкахъ обширной Енисейской губерніи. Прогонныя деньги такъ и сыплются къ нему въ карманъ и являются солиднымъ плюсомъ къ его обычному жалованью. Впрочемъ, г. Бѣлиловскій и вообще умѣетъ мастерски извлекать доходы, не въ примѣръ прежнимъ инспекторамъ: совмѣстительство его не смущаетъ и онъ не является его противникомъ. Проводитъ онъ, напр., мысль о центральномъ аптекарскомъ складѣ для переселенческихъ больницъ и больницъ Приказа и, не смущаясь тѣмъ, что онъ же, какъ инспекторъ, ревизуетъ и вообще слѣдитъ за дѣятельностью этого учрежденія, — самъ является и его завѣдующимъ.

На обязанности врачебнаго инспектора лежитъ высшій надзоръ за медицинскимъ дѣломъ въ губерніи, а въ томъ числѣ и за переселенческой врачебной организаціей: Бѣлиловскій ухитряется получить мѣсто врача, завѣдующаго этой организаціей, т. е. самъ наблюдаетъ за собой. Такъ и бумаги пишетъ: инспекторъ Бѣлиловскій завѣдующему переселенческой врачебной организаціей врачу Бѣлиловскому и обратно.

Какъ это просто и удобно! Между учрежденіями инспекціи и переселенческаго вѣдомства ни какихъ трепій не можетъ быть. Все идетъ гладко, безъ сучка и задоринки. А къ тому же: дойной окладъ ребятишкамъ на молочишко годится.

Всѣ умственныя способности нашего сибирскаго чиновника обычно направлены въ сторону изобрѣтенія способовъ выжать, пользуясь своимъ положеніемъ, все, что только возможно и допустимо съ точки зрѣнія уголовщины.

Этимъ путемъ удваиваются и утраиваются обычные оклды, при этомъ, конечно, страдаетъ дѣло и казенный интересъ, но кто же заботится какъ о первомъ, такъ и о второмъ.

Казна матушка—дойная корова, и ее доятъ въ двѣ руки.

Нѣтъ у насъ денегъ на дѣло, а на „прогоны“ и „суточныя“ всегда находятся.

Подкаменная Тунгузка, Туруханскаго края (*Наши новости*). Обычная ярмарка съ остяками прошла изъ рукъ вонъ плохо. Пушнины было совсѣмъ мало. Вотъ уже третій годъ, какъ нѣтъ кедровой шишки, бѣлка куда-то ушла, а зазимовавшая — вся „пропала", т. е. передохла отъ безкормицы и какихъ-то заболѣваній. Трудненько остякамъ, а торговцы не знаютъ, что и дѣлать: половины долговъ не собрали.

Вмѣсто обычныхъ десятковъ тысячъ бѣличьихъ шкурокъ, нынче, дай Богъ, если было всего-то тысячъ восемь бѣлки, никакъ не больше. Цѣна стояла 30—35 коп. за штуку. Сохачьихъ шкуръ и двухъ сотъ не набралось; шли за 12—13 руб. Правда, привезли около сотни соболей, но изъ недорогихъ, рублей по 30—40. Другихъ мѣховъ и вовсе не было, если не считать пяти шкуръ медвѣдей и маленькихъ медвѣжатъ, да немного россомахъ.

Тяжелый, бѣдный годъ! Но это не помѣшало, конечно, остякамъ пьянствовать, какъ полагается. Все-таки большаго разгула и веселья не было: не на что...

Говорятъ, „на низу" еще хуже: тамъ и вовсе не добыли ничего. Для крестьянъ годъ тоже тяжелый: рыба, особенно налимъ, ловилась плохо. Что-то дастъ лѣто?

Число ссыльныхъ въ краѣ уменьшается: многіе кончаютъ сроки.

Были и тяжелыя, мучительныя событія. 17 марта убитъ ударами ножа административно-ссыльный Антонъ Жулковскій на станкѣ Подкаменной Тунгузкѣ. Въ Туруханскѣ покончилъ съ собой ссыльный Галинъ...

N. S.

Очерки сибирской жизни.

4 іюня сенаторъ Манухинъ прибылъ, наконецъ, послѣ долгихъ сборовъ и нетерпѣливыхъ ожиданій въ Бодайбо. День этотъ можно считать началомъ ревизіи. Приступаютъ, слѣдовательно, къ ней ровно два мѣсяца спустя послѣ событій, ее вызвавшихъ.

Миѳъ о вооруженномъ нападеніи на войска давно разсѣялся, какъ дымъ, передъ суровымъ лицомъ фактовъ. Осмотръ раненыхъ далъ только 10% фронтальныхъ ранъ, т. е. стрѣляли въ убѣгавшихъ. И если вновь подымается старый во-

просъ: кто же виноватъ, то подымается онъ лишь для того, чтобы сенаторъ Манухинъ поставилъ явственную офиціальную точку тамъ, гдѣ до сихъ поръ видимъ загадочное многоточіе.

Что касается Ленскаго Товарищества, то оно расписалось, такъ сказать, во полученіи ему обвинительнаго акта.

Какъ только на пріискахъ узнали о назначеніи ревизіи, начались спѣшныя работы: настилали выкаты, поправляли лѣстницы, ставили подхваты, которые въ нѣкоторыхъ забояхъ и шахтныхъ отсутствовали, убирали камень, навалившій на штольнѣ и постоянно грозившій увѣчьемъ, замѣняли голые электрическіе провода изолированными и т. д. Словомъ, готовились къ ревизіи съ такимъ усердіемъ, что даже принялись за уборку нечистотъ и такихъ продуктовъ, какъ тухлое мясо, которое обычно сбывали за приличныя деньги рабочимъ.

Для широкаго опроверженія распускаемыхъ „вздорныхъ слуховъ“ и для доказательства полнѣйшей своей невинности и напрасныхъ страданій, правленіе Ленскаго Товарищества поручило горному инженеру, г. Квашѣ, составить брошюру о „дѣйствительномъ“ положеніи дѣлъ на пріискахъ. Въ настоящее время г. Квашa, занимающій мѣсто ассистента при горномъ институтѣ въ Петербургѣ, брошюру уже закончилъ. На основаніи предоставленныхъ ему правленіемъ статистическихъ данныхъ, составитель пришелъ къ блестящимъ, какъ и для самого товарищества, такъ и для рабочихъ, выводамъ („Биржевыя Вѣдомости“).

Для наведенія блестящаго порядка на пріиски прибылъ самъ Иннокентій Николаевичъ Бѣлозеровъ, особенно возмутившійся поѣздкой на пріиски адвокатамъ. „Меня министръ торговли просилъ во что бы то ни стало скорѣе приступить къ работамъ, а они, адвокаты, только поднимутъ рабочихъ. Мы ихъ не пустимъ!“ рѣшительно заявилъ г. Бѣлозеровъ („Сибирь“).

Не пустить адвокатовъ г. главноуправляющій, конечно, не могъ. Прекрасные дни Аранжуэца миновали, ротмистра Трещенко и того вынуждены были отстранить, такъ что адвокаты обошлись и безъ разрѣшенія г. Бѣлозерова и на пріиски пріѣхали. Тутъ интересна такая маленькая подробность: компанейскіе амбары рѣшили не продавать защитникамъ рабо-

чихъ ни бумаги, ни письменныхъ принадлежностей, и все пришлось брать изъ Иркутска. Имѣетъ-ли это отношеніе къ заявленіямъ г. Бѣлозерова, утверждать не беремся.

О чинимыхъ адвокатамъ препятствіямъ со стороны агентовъ правительства ничего не было слышно, но поведеніе послѣднихъ не лишено двойственности, какъ будто они все еще не могутъ съ достаточной опредѣленностью рѣшить, кто же на самомъ дѣлѣ виноватъ? Рабочіе или товарищество?

Съ одной стороны, мировой судья оправдалъ 6 рабочихъ, которыхъ Ленское Товарищество обвиняло въ насильственномъ снятіи съ работъ. Полиціей и горнымъ надзоромъ составлена масса протоколовъ: за недоброкачественные продукты, за обвѣсы и обсчетъ при кабальной расплатѣ талонами, за многочисленныя нарушенія со стороны администраціи пріисковъ договора о наймѣ и т. д.

Съ другой стороны, отказались составить протоколы на санитарное состояніе казармъ, которыя, по словамъ присяжнаго повѣреннаго Керенскаго, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Окружные инженеры не удовлетворили просьбы о снятіи, до производства слѣдствія, рабочихъ съ подземныхъ работъ. Прокуроръ иркутской судебной палаты отказался измѣнить мѣру пресѣченія въ отношеніи сидящихъ въ Киренскѣ арестованныхъ рабочихъ. Сидятъ тамъ десять человѣкъ, обвиняющихся по 125 ст. ул. ул. забастовочный комитетъ. Въ дѣйствительности, къ комитету принадлежали только трое, семеро взяты случайно. Да и эти трое, какъ и весь комитетъ, были только выборными рабочихъ, которыхъ администрація признавала и съ которыми она вела переговоры о соглашеніи. Теперь это не представляетъ никакихъ сомнѣній, а рабочіе все еще томятся въ тюрьмѣ. Затѣмъ ротмистромъ Трещенко былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ и конторѣ бодайбинскаго нотаріуса Свириденко, человѣка, по сообщенію „Русскаго Слова", безусловно благонадежнаго. Скомпрометировать онъ себя въ глазахъ мѣстной жандармеріи тѣмъ, что получилъ извѣстную телеграмму отъ П. Н. Милюкова, которую Трещенко тогда же у него конфисковалъ. Обыскъ, конечно, не далъ никакихъ результатовъ.

Пріѣздъ иркутскаго генералъ-губернатора, немедленно отстранившаго ротмистра Трещенко отъ разслѣдованія имъ же

совершеннаго преступленія, произвелъ на первыхъ порахъ на рабочихъ благопріятное впечатлѣніе и поставилъ дѣло какъ будто опредѣленнѣе. Но ненадолго.

На пріискахъ все время царило наружное спокойствіе, хотя миръ и не заключался. Забастовка продолжалась, но бастующіе не препятствовали ни производить работы, ни приступать къ нимъ желающимъ. Работы возобновились, но частичныя, далеко не въ полномъ размѣрѣ. И работавшихъ было немного: человѣкъ триста старыхъ и около тысячи новыхъ, всегда припанимаемыхъ на это время. Неудовольствіе вызвано было, какъ это ни странно, изъявленіемъ желанія Товарищества пойти на уступки.

Дѣло въ томъ, что объ уступкахъ объявили 26 и 27 мая и потребовали отъ рабочихъ стать на работу 28 мая. Такая поспѣшность, не дававшая рабочимъ возможности обсудить дѣйствительность уступокъ, ничѣмъ не оправдывалась. И здѣсь ее объясняли нежеланіемъ со стороны Товарищества ликвидировать конфликтъ. Говорили, что ленцамъ это невыгодно, потому что Товарищество подъ шумокъ хочетъ прекратить работы на всѣхъ убыточныхъ пріискахъ, оставивъ одинъ Феодосѣевскій, на которомъ заняты только 2000 рабочихъ и который даетъ болѣе половины добываемаго въ общемъ золота.

Уступки, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказались и незначительными, и неясными. Тѣ 300 тыс. рублей, на которые Товарищество согласилось ежегодно увеличивать общую сумму заработной платы, не могли повысить ее въ достаточной мѣрѣ. Къ довершенію всего, рабочимъ оставалось неизвѣстно, какъ увеличится разцѣнка по отдѣльнымъ работамъ. Администрація пріисковъ, требуя отъ рабочихъ подписанія новаго договора найма, не сообщила его имъ для ознакомленія. По этимъ причинамъ, рабочіе категорически отказались приступать къ работамъ и рѣшили ждать пріѣзда С. С. Манухина.

Тогда получилось нѣчто необъяснимое и трудно понимаемое. Телеграмма „Рѣчи" отъ 28 мая сообщала, что „по ходатайству рабочихъ иркутскій генералъ-губернаторъ настоялъ на предоставленіи имъ возможно болѣе свободнаго обсужденія проекта, который экстренно разослать на пріиски".

Корреспондентъ тутъ же добавляетъ, что для этого не-

обходимъ значительный срокъ, „въ виду разбросанности пріисковъ, при плохомъ сообщеніи и недовѣрчивомъ отношеніи рабочихъ къ Ленскому Товариществу“.

Такъ обстояли дѣла 28 мая. А 30-го на пріискахъ вывѣшены были извѣщенія мѣстной полиціи и завѣдывающаго пріисками, объявлявшія рабочихъ лицами безъ опредѣленныхъ занятій, такъ какъ они не приняли (?) предложенныхъ имъ Товариществомъ условій найма по новому контракту и по новой расцѣнкѣ. Разъ же они находятся внѣ мѣстъ своей приписки, то отъ имени иркутскаго генералъ-губернатора имъ приказывалось получить разсчетъ и выѣхать на счетъ Ленскаго Товарищества.

Для приведенія въ исполненіе приказа давался семидневный срокъ, а затѣмъ угрожали выселеніемъ изъ занятыхъ помѣщеній, лишеніемъ продовольствія даже за наличныя деньги и, наконецъ, отправкой этапомъ на родину.

Рѣзкій и неожиданный переходъ отъ уступокъ и настояній къ самымъ недвусмысленнымъ угрозамъ создавалъ положеніе, уже испытанное рабочими и приведшее къ разстрѣлу. Кстати, и ротмистръ Трещенко находился неподалеку, выселенный съ пріисковъ въ Бодайбо, безъ права въѣзда.

Допустимъ, что заставить рабочихъ приступить къ работамъ, хотя бы и путемъ насилія, было необходимо г. Бѣлозерову, старавшемуся во что бы то ни стало исполнить просьбу министра торговли. Впослѣдствіи, впрочемъ, оказалось далеко не такъ, и г. Бѣлозеровъ просто похвасталъ. Это, конечно, его личное дѣло. Но при чемъ тутъ иркутскій генералъ-губернаторъ? Какая необходимость заставляла его прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ принудительное выселеніе и этапъ? Главное — продѣлывать все въ тотъ моментъ, когда со дня на день ожидали правительственнаго ревизора. Не ему же хотѣли помочь, удаляя самыхъ важныхъ свидѣтелей рабочихъ и оставляя администрацію, чиновную и пріисковую? Безусловно, этимъ значительно упрощалось производство ревизіи, но и отъ нея, какъ таковой, не оставалось ничего.

Сенаторъ Манухинъ не согласился съ толкованіемъ генералъ-губернатора и его распоряженіе отмѣнилъ, находясь еще въ пути. Онъ, наоборотъ, призналъ необходимъ присут-

ствіе бастовавшихъ и бастующихъ рабочихъ во время разслѣдованія. Прибывъ же въ Бодайбо, С. С. Манухинъ обратился къ генералъ-губернатору съ предписаніемъ, не производить безъ его, С. С. Манухина, вѣдома никакихъ распоряженій по отношенію къ лицамъ, прямо или косвенно причастнымъ къ ленскимъ событіямъ. Губернатору и прочимъ административнымъ властямъ вовсе воспрещено отдавать какія-либо распоряженія въ указанной области.

Мѣра, пожалуй, необходимая, потому что къ моменту пріѣзда сенатора положеніе дѣлъ на пріискахъ поражало своей хаотичностью. Объявивъ рабочихъ не имѣющими права жительства, съ ними ведутъ переговоры еще до отмѣны распоряженій о выселеніи. Опять генералъ-губернаторъ настаиваетъ, и Бѣлозеровъ соглашается принять выборныхъ отъ рабочихъ для совмѣстнаго обсужденія договора и выясненія сомнѣній.

Совѣщаніе состоялось 1 іюня, но на него не допустили адвокатовъ, несмотря на просьбу рабочихъ объ этомъ и обѣщаніе ее исполнить. Выборныхъ отъ рабочихъ восьми пріисковъ главноуправляющій принялъ въ самой обидной формѣ—во дворѣ, гдѣ они стояли все время передъ крыльцомъ. „Никакихъ уступокъ не послѣдовало. Разъясненіе оправдало предположеніе о нежеланіи администраціи, чтобы всѣ рабочіе стали на работу",—телеграфировали „Рѣчи" о результатахъ совѣщанія.

Рабочіе просили заключить договоръ до 1 мая 1913 г., такъ какъ справедливо опасаются поголовнаго разсчета послѣ 1 сентября 1912 г. (срокъ управленія), когда придется ѣхать въ морозы. Бѣлозеровъ просьбу не удовлетворилъ, а 2 іюня прервались совѣщанія. На первомъ же изъ нихъ, по донесенію инженера Тульчинскаго, главноуправляющій въ грубой формѣ заявилъ рабочимъ, что если даже они и согласятся заключить новый договоръ и примутъ разцѣнку правленія, и тогда не всѣ изъ бастовавшихъ будутъ приняты на работу. Раньше же не только объявлялось о принятіи всѣхъ безъ исключенія, но г. Бѣлозеровъ подтвердилъ это честнымъ словомъ, даннымъ иркутскому генералъ-губернатору.

Поведеніе администраціи пріисковъ превращалось въ издѣвательство надъ рабочими и создавало для нихъ невозможность стать на работу. Но надъ ними висѣла угроза пришу

дительнаго выселенія, а срокъ добровольнаго выѣзда оканчивался 5 іюня, т. е. черезъ три дня. Среди рабочихъ всѣхъ пріисковъ возникло вполнѣ понятное броженіе, но рѣшили ждать пріѣзда ревизора и выяснить его отношеніе къ событіямъ на пріискахъ.

Прибылъ сенаторъ Манухинъ, какъ уже сказано, 4 іюня. Предшествовавшая его прибытію отмѣна генералъ-губернаторскаго распоряженія стала быстро извѣстна рабочимъ и произвела успокаивающее впечатлѣніе. Телеграфировавшій объ этомъ горному департаменту инженеръ Тульчинскій добавляетъ: „у всѣхъ появилась надежда на полное разслѣдованіе событій, а также увѣренность въ томъ, что забастовка въ недалекомъ будущемъ будетъ ликвидирована".

Послѣдняя увѣренность до извѣстной степени оправдалась: всѣ рабочіе уже стали на работу. Для этого стоило только С. С. Манухину заявить, что ему для надлежащаго успѣха изслѣдованія„ совершенно необходимо видѣть пріиски не въ бездѣйствіи рабочихъ, а при условіяхъ обыденнаго труда".

Надежда на полное разслѣдованіе также, повидимому, крѣпнетъ у обѣихъ сторонъ: и у рабочихъ, и у администраціи. Отношеніе, конечно, у обѣихъ сторонъ разное. „Русскому Слову" телеграфируютъ изъ „Бодайбо": „4 іюня ротмистръ Трещенко, вопреки запрещенію генералъ губернатора, выѣхалъ на Надеждинскіе пріиски, при чемъ поѣздка состоялась въ спеціальномъ салонъ-вагонѣ г. Бѣлозерова. По прибытіи на пріиски Трещенко остановился у мѣстнаго мирового судьи Хитуна. Вскорѣ туда же прибыли самъ Бѣлозеровъ и товарищъ прокурора Преображенскій".

Бойцы, какъ оказывается, не только „вспоминали минувшіе дни", когда они устроили бойню на этомъ самомъ Надеждинскомъ пріискѣ. „Упорно говорятъ, сообщается дальше въ телеграммѣ, о тайной коалиціи, которая будто бы заключена героями разстрѣла. Руководство этой коалиціей принадлежитъ уполномоченному Ленскаго Товарищества Переломову, у котораго, по слухамъ, имѣется въ Петербургѣ сильная рука. Всѣ эти лица намѣрены бороться съ „несчастьями", обрушившимися на Ленское Товарищество".

Темныя силы, очевидно, организуются. Сколько „сильныхъ рукъ" будетъ пущено въ ходъ, можно себѣ предста-

вить, судя по положенію вліятельныхъ ленцевъ. Недаромъ печать съ самаго начала указывала, что ревизовать и разматывать ленскій клубокъ, надо, начиная съ центра, съ Петербурга. Но до этого, конечно, никогда не добраться, не перескочить черезъ всѣ препятствія, не переломивъ шеи. И на Ленѣ „руки“ постараются построить достаточно защитныхъ укрѣпленій, откуда, пожалуй, виновниковъ не вытянешь.

Къ тому же эра увлеченія ревизіями давно прошла, даже ихъ фактическое значеніе свелось къ нулю. Для доказательствъ не надо обращаться къ такой сѣдой древности, какъ ревизія сенатора Гарина и дѣло бывшаго московскаго градоначальника Рейнбота. Аннулированная ревизія стоитъ къ намъ гораздо ближе во всѣхъ отношеніяхъ: ревизія сенатора графа Медема. Между прочимъ, ревизію эту постигъ нѣкоторый конфузъ. Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ ея, нѣкто Иванъ Жилинскій, состоявшій ранѣе агентомъ томской сыскной полиціи, въ настоящее время заключенъ въ омскую тюрьму („Русское Слово“).

Дѣло сейчасъ не въ этомъ, а въ той игрѣ судьбы, странными совпаденіями какъ бы связавшей ревизію сенатора Медема съ ревизіей сенатора Манухина. Когда графъ Медемъ готовился уѣзжать изъ Сибири, сенаторъ Манухинъ дѣлалъ какъ разъ обратное: готовился ѣхать въ Сибирь. Когда С. С. Манухинъ только приступаетъ къ ревизіи, О. Л. Медемъ ее уже успѣлъ закончить. Не только онъ закончилъ, но и правящія сферы успѣли, такъ сказать, реализовать свое къ его дѣятельности отношеніе. И реализація эта въ высшей степени поучительна.

Началась она самымъ моднымъ въ настоящее время политическимъ пріемомъ разъясненіемъ. „Министръ юстиціи разъяснилъ, что всѣ распоряженія сенатора графа Медема о преданіи суду и отстраненіи отъ должностей агентовъ и чиновъ Сибирской желѣзной дороги, сдѣланныя послѣ 29 февраля, т. е. по истеченіи срока данныхъ сенатору полномочій, должны быть переданы для разсмотрѣнія надлежащему начальству“ („Сибирская Жизнь“).

Строгоразсуждая, по истеченіи срока полномочія сенатору были продлены, о чемъ своевременно газеты и сообщали. Но разъясненія вѣдь и существуютъ спеціально на пред-

метъ устраненія фактическихъ неудобствъ. И важны они совсѣмъ не по своему теоретическому обоснованію (лишь бы разъясняло лицо или учрежденіе, соотвѣтствующей компетенціей облеченное), а по фактическимъ послѣдствіямъ. Аздѣсь послѣдствія далеко не пустяковыя по слухамъ: „послѣ истеченія полномочій“ состоялось около 50 привлеченій.

Разъясненіе — цвѣточки... Ягодки въ телеграммѣ изъ Томска, помѣщенной въ номерѣ „Рѣчи“ отъ 8 іюня: „бывшій чиновникъ сенаторской ревизіи графа Медема, товарищъ прокурора Закалинскій причисленъ къ министерству юстиціи. Товарищъ прокурора Горяиновъ переведенъ на Камчатку“.

Къ этому корреспондентъ дѣлаетъ добавленіе, исключающее всякіе комментаріи:

„Оба эти пониженія ставятъ въ связь съ отрицательнымъ отношеніемъ къ ревизіи сенатора Медема въ Петербургѣ“.

Слѣдующей по значенію за ленской ревизіей темой политическаго сибирскаго дня являются, по справедливости, выборы въ Четвертую Думу. Пока что, съ ними, выражаясь биржевымъ языкомъ, тихо, большихъ дѣлъ нѣтъ. Возможенъ спросъ на „лѣвыя направленія“, но здѣсь дѣйствуютъ „независящія обстоятельства“. Подъ ихъ охраной играютъ на повышеніе союзники и духовенство, но на ихъ предвыборныя акціи спроса нѣтъ. Высшіе руководители духовенства пытаются еще компенсировать неудачу путемъ принудительнаго распредѣленія среди низшаго духовенства. Союзники же и этой возможности лишены.

Положеніе ихъ у насъ никогда не могло считаться завиднымъ, а за послѣднее время прямо до крайности дошло. Державшаяся дольше всѣхъ ихъ газетка въ Томскѣ „Сибирская Правда“ лопнула на-дняхъ за неимѣніемъ средствъ. Такъ все одно къ одному и подобралось: денегъ нѣтъ, газетъ нѣтъ, организацій нѣтъ, никто по доброй волѣ къ нимъ не идетъ, а если сами пойдутъ куда-нибудь, выходятъ однѣ непріятности.

„Сибирскій Край“ разсказывалъ про выступленіе одного союзника въ пожарномъ обществѣ въ Иркутскѣ.

Праздновала мѣстная добровольная пожарная дружина юбилей. На празднество явился нѣкій никому неизвѣстный господинъ, отрекомендовавшійся временно пребывающимъ

въ Иркутскѣ по коммерческимъ дѣламъ и имѣющимъ отношеніе къ пожарному дѣлу. Ему, было, повѣрили, допустили, а онъ, воспользовавшись гостепріимствомъ, взялъ слово и повелъ рѣчь. Какъ только заговорилъ, такъ сейчасъ и обнаружилось, къ какому онъ собственно дѣлу и какое прикосновеніе имѣетъ.

Началъ-то какъ слѣдуетъ. Задача, молъ, общества помогать жителямъ, но должно помнить, что спасать на пожарахъ нужно прежде всего имущество православныхъ. Отъ „православныхъ“ и пошелъ...

Поднялись крики, протесты, что общество не хочетъ вносить политики, и оратора, въ концѣ-концовъ, удалили съ празднества чуть-ли не насильственными дѣйствіями.

Совсѣмъ при другой обстановкѣ выступаютъ съ предвыборной агитаціей представители духовенства. Съ внѣшней стороны все здѣсь чинно, спокойно, благолѣпно.

Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ „Алтая“ выступленія въ селѣ Верхъ-Катунскомъ преосвященнѣйшаго Макарія, архіепископа томскаго и алтайскаго:

„По случаю праздника народу для встрѣчи собралось порядочно... Сотскіе и десятскіе съ мѣдными бляхами на груди суетливо бѣгали въ толпѣ, исполняя приказанія пристава. Всѣ замерли въ ожиданіи. Наконецъ, изъ экипажа вышелъ древній, давно всѣмъ знакомый старецъ, архіепископъ Макарій“.

Архіепископъ, конечно, обратился къ толпѣ съ рѣчью. Вспомнилъ „доброе старое время“, неодобрительно отозвался о „вѣяніи времени“ и „особенно оживился, когда сталъ говорить о предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу. Рельефно, со своей точки зрѣнія, обрисовавъ дѣятельнось „союза русскаго народа“ въ дѣлѣ укрѣпленія самобытныхъ началъ въ массахъ, онъ просилъ народъ дѣйствовать на выборахъ въ Думу въ союзѣ съ духовенствомъ и проводить такихъ лицъ, которыя обладаютъ болѣе чѣмъ умѣреннымъ образомъ мыслей“.

Тотъ же архіепископъ Макарій выступалъ въ Барнаулѣ въ церкви и держалъ передъ молящимися агитаціонную рѣчь о выборахъ. Вообще, несмотря на свой древній возрастъ, архіепископъ на столько увлекся политической дѣятельностью, что проявлялъ настоящій юношескій пылъ.

Неутомимо переѣзжаетъ изъ города въ городъ, изъ села въ село и вездѣ говоритъ, говоритъ. Послѣднее время, какъ передаютъ, слѣдомъ за нимъ губернаторъ томскій ѣздитъ, изъ-за безпокойства. Конечно, отъ случаевъ, вродѣ съ союзникомъ на иркутскомъ пожарномъ банкетѣ, владыка гарантированъ: говоритъ онъ всегда въ храмахъ, гдѣ самое мѣсто не допускаетъ ни споровъ, ни преній. Безпокоются по другой причинѣ: какъ бы, по старости лѣтъ, лишняго чего не сказалъ.

Между прочимъ, начавъ вести предвыборную агитацію въ церквахъ, духовенство поступаетъ чрезвычайно мудро. Слушателей всегда соберетъ церковная служба, а какъ только она окончится, сейчасъ съ амвона напутственное пастырское слово: идите въ правыя организаціи!

Не поступи такъ, ораторы изъ духовныхъ собирали бы ровно столько же слушателей, сколько и союзники. Говорятъ они на однѣ и тѣ же темы, даже одними и тѣми же словами. А этотъ сортъ „словесности“ не имѣетъ популярности. Не пошли бы слушатели еще и по той причинѣ, что у населенія, особенно деревенскаго, сложился вполнѣ опредѣленный взглядъ на духовенство въ жизненныхъ отношеніяхъ, внѣ церкви.

Сложился этотъ взглядъ не вчера и не сегодня, складывался онъ долго и обусловленъ массой обстоятельствъ, экономическихъ и бытовыхъ. Образно выраженъ онъ въ заговорной молитвѣ, записанной сотрудникомъ „Вѣстника Западной Сибири“ въ одной изъ деревень на сѣверѣ Туринскаго уѣзда:

„Матушка, Запрестольная Пресвятая Богородица! Закрой и защити меня, раба Божія отъ встрѣчнаго, отъ поперечнаго, отъ попа, отъ дьяка, отъ пономаря, отъ пономарицы, отъ попадьи, отъ дьячицы, отъ нечистаго духа“...

Записавшій этотъ „заговоръ“ спрашиваетъ: что заставило деревню поставить и „попа“ въ одинъ рядъ со столь нелестными сравненіями? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: дѣйствительность и тѣ факты, которые она даетъ. Противъ этого едва ли кто будетъ спорить.

Развѣ не нуженъ „заговоръ“ противъ священника кладбищенской церкви въ Читѣ, создавшаго для больничнаго совѣта мѣстной городской думы „осложненіе съ покойни-

ками". Священникъ, по словамъ „Забайкальской Нови", требуетъ за рытье могилъ для умершихъ въ городской больницѣ по 2 рубля, а тюремное вѣдомство беретъ 1 рубль. Но администрація кладбища не разрѣшала арестантамъ рыть могилы, пока предсѣдатель больничнаго совѣта не обратился въ консисторію. А покойники три дня ждали похоронъ.

Или новониколаевскій законоучитель, о которомъ разсказываетъ „Обская Жизнь".

Одна изъ ученицъ въ городской начальной школѣ начала избѣгать уроковъ Закона Божія. Учительница обратила на это вниманіе и добилась у дѣвочки объясненія ея поведенія. Оказалось, что священникъ, преподающій Законъ Божій, служилъ молебенъ на Пасхѣ въ квартирѣ родителей ученицы. Ихъ не было дома, и батюшка ничего не получилъ. Какъ только начались занятія въ школѣ, онъ началъ требовать съ дѣвочки уплаты слѣдуемыхъ ему 50 к. У той своихъ не было, а родители не давали, и пришлось бѣгать съ уроковъ, лишь бы избавиться отъ придирокъ корыстолюбиваго наставника.

Когда ему передали сказанное ученицей, онъ не отрицалъ факта, а лишь объяснилъ его „шуткой". „Обская Жизнь" слышала, что подобныя шутливыя требованія денегъ съ учениковъ происходятъ у батюшки не первый разъ. Случалось, что онъ требовалъ съ учениковъ не уплаченныя ими за исповѣдь 3—5 к.

Къ сожалѣнію, фамилія этого пастыря и педагога газетой не названа.

Въ Томской губ. еще не закончился споръ изъ-за иконы между крестьянами и духовенствомъ, при чемъ послѣднее выступало здѣсь въ полномъ несоотвѣтствіи съ тѣмъ положеніемъ, какое оно хочетъ занимать.

„Утро Сибири", по официальнымъ даннымъ, такъ описываетъ происшедшее:

Одинъ изъ крестьянъ въ дер. Вороновой обнаружилъ у себя въ подполье икону Христа старинной работы. Икону поставили въ часовню, и къ ней, какъ къ явленной, стали стекаться богомольцы изъ окрестныхъ деревень.

Узнавъ объ этомъ изъ донесенія мѣстнаго благочиннаго, томская духовная консисторія постановила икону доставить

въ томскій каѳедральный соборъ, по *непремѣнно при участіи полицейской власти.*

И вотъ организуется настоящій походъ въ дер. Воропову. Выступаютъ въ авангардѣ помощникъ уѣзднаго исправника, становой приставъ, а въ арріергардѣ—мѣстные благочинный и священникъ. Крестьяне, около ста человѣкъ, столпились вокругъ иконы и не хотѣли ее отдавать. Произошла свалка, когда прибывшіе хотѣли взять икону силой, но вынуждены были отступить, составивъ протоколъ „о противодѣйствіи".

По свѣдѣніямъ „Сибирской Жизни", помощникъ исправника послѣ неудачной атаки предупредилъ крестьянъ, чтобы они ждали къ себѣ солдатъ и казаковъ и потомъ пеняли на себя.

Дѣйствительно, только военной силы и не хватало здѣсь для полноты картины!

Непривлекательно обрисовываютъ съ мѣстъ священниковъ на крайнемъ сѣверѣ, здѣшнихъ культуртрегеровъ. Но немногимъ лучше и въ другихъ мѣстахъ. Кѣмъ выступаетъ священникъ, когда борется всѣми силами противъ министерской, свѣтской школы? Много варіацій знаетъ эта борьба, но поступокъ барнаульскаго духовнаго училищнаго совѣта, несомнѣнно, единственный въ своемъ родѣ. До этого тоже надо додуматься.

Барнаульскій совѣтъ согласился на открытіе двухъ министерскихъ школъ въ с. Вознесенскомъ, но подъ слѣдующими непремѣнными условіями: школы должны быть одноклассными и отстоять отъ существующей церковно-приходской школы на разстояніи не меньше *2 3 верстъ.* Охранительную сущность послѣдняго требованія можно постигнуть, вспомнивъ о законѣ, по которому открытіе кабаковъ воспрещается на разстояніи меньше *до саженъ отъ школъ.* Совѣтъ-то со страху еще дальше махнулъ, доказавъ, что казенная винная лавка ему кажется безопаснѣй, чѣмъ казенная школа.

Разойдясь въ совершенно противоположныя стороны съ народомъ, духовенство на предстоящихъ выборахъ думаетъ подчинить его своему руководству и старается представиться защитникомъ его интересовъ. Скрытый механизмъ, однако, быстро выступаетъ наружу, какъ это случилось съ читинскимъ епископомъ Меѳодіемъ.

Онъ выступалъ неоднократно на собраніяхъ духовенства,

организовывалъ, убѣждалъ, говорилъ о „русской землѣ", „русскомъ народѣ". Онъ—„русскій" дѣятель. Когда же къ нему явился сборщикъ „Колоса ржи" съ просьбой помочь русскимъ голодающимъ, то епископъ, отмахиваясь обѣими руками, заявилъ, что онъ на такія дѣла денегъ не даетъ.

То же самое повторилось со сборщицей во время проѣзда епископа по улицѣ (ѣздитъ онъ въ роскошной коляскѣ). А въ минувшемъ году Читу посѣтилъ о. Восторговъ, и епископъ Меѳодій устроилъ ему обѣдъ съ шампанскимъ („Уссурійская Окраина").

О. Восторговъ сейчасъ въ Сибири. Весьма возможно, что и въ этомъ году епископу представится случай проявить свою щедрость. На *такія* дѣла давать деньги можно, даже должно. „Русское" у насъ пока оплачивается если не сторицею, то всегда хорошимъ кушемъ. Взять хотя бы Меркулова.

Былъ адвокатомъ во Владивостокѣ, и только. А теперь „Уссурійская Окраина" слышала, что правленіе Восточно-Китайской желѣзной дороги предложило ему должность главнаго ревизора коммерческой службы съ окладомъ въ 12 тыс. рубл. Меркуловъ согласіе далъ. И добился этого очень просто. Объявилъ себя „русскимъ", поѣхалъ въ Петербургъ, сошелся съ Меншиковымъ и совмѣстно съ нимъ защищалъ „русскіе" интересы Приамурья. Потомъ прочелъ докладъ, гдѣ доказывалъ, что политика Вост. Китайской желѣзной дороги направлена во вредъ русскимъ интересамъ, во вредъ Уссурійской дорогѣ и амурскому пароходству. И заработалъ этимъ окладъ въ 120.000 рублей.

Меркуловъ, положимъ, человѣкъ вольный. А вотъ Мелетій, епископъ барнаульскій, „истинно-русскій". Онъ тоже организуетъ, агитируетъ и, кромѣ того, намѣчается кандидатомъ въ Государственную Думу. При неудачѣ обѣщана самостоятельная епископская каѳедра (сейчасъ онъ викарій). Надъ такой выборной кампаніей пріятно поработать...

Въ чаяніи великихъ и богатыхъ милостей „тамъ" организуется, а „тутъ", у насъ, какъ говорится, еще и конь не валялся. Гдѣ торопятся во-всю, а мы торопиться еще и не начали. Во многомъ это не отъ нашей воли зависитъ: рисковыхъ людей теперь все меньше и меньше, а общественная жизнь...

Какая ужъ тутъ общественная жизнь, когда въ городѣ Павлодарѣ существовало добровольно-пожарное общество и... пропало!—увѣряетъ корреспондентъ „Омскаго Вѣстника“. Случилось это 5—6 лѣтъ тому назадъ, такъ что обыватели забывать стали, было ли у нихъ оно, или нѣтъ. И пропало-то самымъ чудеснымъ образомъ: суммъ нѣтъ, отчетовъ нѣтъ, членовъ нѣтъ, а предсѣдатель остался...

Въ Мариинскѣ есть отдѣлъ общества помощи пострадавшимъ отъ войны воинамъ и ихъ семьямъ. Въ немъ и члены, и предсѣдатель на-лицо, казначея нѣтъ. Необходимо было ему уѣхать въ Омскъ, а денежныя книги дѣвать некуда. Онъ и забралъ ихъ съ собой попутешествовать, обѣщавъ прислать по первому требованію („Сибирская Жизнь“).

Владивостокскій городской комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ тщетно разсылалъ повѣстки своимъ членамъ съ убѣдительной просьбой пожаловать на засѣданіе. Семь разъ президіумъ пытался собрать хотя бы 20 человѣкъ изъ членовъ комитета, чтобы рѣшить, куда отправить собственныя деньги, и каждый разъ засѣданія не могли состояться („Усс. Окр.“).

Во владивостокской городской думѣ, наоборотъ: тамъ иногда находятся лишніе члены управы, и тогда ихъ прячутъ, чтобы не было кворума. Не успѣла какъ-то управа приготовить отвѣтъ на разоблаченіе, появившееся въ тотъ же день въ газетахъ, и рѣшила сорвать засѣданіе, для чего двухъ членовъ управы спрятали... въ уборной. Засѣданіе не состоялось.

Тюменская общественная жизнь весной ознаменовалась скандаломъ на собраніи Краснаго Креста, посвященномъ вопросу о голодѣ. Приняли резолюцію, видѣвшую единственный способъ борьбы съ бѣдствіемъ—необходимость скорѣйшаго введенія въ Сибири земскаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ.

Никакихъ политическихъ фантазій здѣсь нѣтъ. Поневолѣ заговоришь о земствѣ, если въ Тюмени голодъ, а въ Амурской области 1 мая послѣдній врачъ ушелъ, и цѣлая область безъ врачей осталась.

Въ такихъ видахъ и тюменское собраніе голосовало резолюцію, а когда узнало, что ее придется доводить до свѣдѣнія Краснаго Креста, то на попятный. Даже голосован-

наго постановленія „довести до свѣдѣнія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта“ не исполнили. Испугались запаха „политики“ и предали все забвенію.

И возлѣ такого сѣраго, расплывающагося пятна общественности—грубый, но сочный мазокъ „республики“ хищниковъ-золотоискателей. Образовалась она въ низовьяхъ Амура, на золотоносной площади золотопромышленника Мартемьянова. Къ срединѣ зимы,—говоритъ „Приамурье“,—здѣсь уже былъ цѣлый поселокъ, со своими законами, своими поряками, новая „Желтугинская республика“. Пьянство идетъ тамъ безпробудное, но порядокъ усиленно поддерживается выборными, а случаи грабежа, убійствъ крайне рѣдки. Для оплаты расходовъ введенъ единый налогъ на водку—10 к. съ бутылки, и бюджетъ сводится безъ дефицита.

На получаемые обложеніемъ деньги содержатся стража, фельдшеръ и повозки, для отправки серьезныхъ больныхъ въ ближайшее село. Словомъ, создана правильная организація.

Разсказываютъ, что администрація какъ-то открыла въ тайгѣ деревню, поразившую ее своей зажиточностью и благоустройствомъ. На вопросъ, какимъ образомъ крестьяне этого достигли, получился такой отвѣтъ:

— Подальше отъ начальства...

„Подальше отъ начальства“ вырастаетъ моментально организація изъ людей, наименѣе всего привыкшихъ къ дисциплинѣ. Конечно, это примитивъ, но онъ живой и здоровый, а наши общественныя учрежденія худосочны и хирѣютъ больше всего потому, что ихъ слишкомъ допекаетъ начальство. И каждое по своему.

Генералъ-губернаторъ Гондатти въ совѣщаніи гласныхъ хабаровской городской думы выступилъ съ рѣзкой рѣчью противъ управы. По словамъ газетъ, Н. Л. Гондатти кричалъ на членовъ управы, какъ на школьниковъ, и далъ понять, что онъ все можетъ и въ его власти причинить управѣ непріятности. Угрожалъ, что будетъ отрицательно относиться ко всѣмъ ходатайствамъ городского самоуправленія о займахъ, льготахъ. А нѣкоторые изъ чиновниковъ, ободренные примѣромъ принципала, потребовали прямо отдать подъ судъ управу. И управа даже оправдаться не посмѣла.

Дѣятельность нашихъ городскихъ самоуправленій похвалы

заслужить не можетъ, съ какой точки зрѣнія ее ни разсматривай. Недостатки механизма до того намозолили глаза, что „слѣпой развѣ ихъ не замѣтитъ, а зрячій о нихъ говоритъ". И самъ Н. Л. Гондатти недостатки эти создавалъ, проводя, напримѣръ, въ томскіе городскіе головы Некрасова. Полюбовался бы онъ теперь на свое созданіе!

Большіе города влачатъ жалкое финансовое существованіе, а маленькіе и того хуже. Мариинская городская дума постановила приступить въ текущемъ году къ постройкѣ мужской гимназіи. Ужъ и мѣсто отвели, какъ вдругъ тюремное вѣдомство потребовало у думы немедленно отвести участокъ для постройки въ Мариинскѣ новой большой каменной тюрьмы. Дума принуждена была это требованіе удовлетворить, отложивъ на неопредѣленное время постройку гимназіи. Къ постройкѣ тюрьмы уже приступлено. Она будетъ помѣщаться на одной улицѣ съ будущей гимназіей, чуть-ли не рядомъ съ ней.

Подчиненное положеніе города заставляетъ его предпочесть тюрьму гимназіи.

Существуетъ въ томъ же Мариинскѣ еще женская гимназія. Въ ней придерживаются порядка, напоминающаго больше исправительное арестантское отдѣленіе, нежели учебное заведеніе.

Передъ наступленіемъ экзаменовъ здѣсь почему-то исключили всѣхъ ученицъ, пробывшихъ въ одномъ классѣ два года, не допустивъ ихъ даже до экзамена. Кромѣ того, не допущено къ экзаменамъ около 40 ученицъ, пробывшихъ въ классѣ только одинъ годъ.

Когда объявили объ этомъ, въ гимназіи произошли душу раздирающія сцены. Начался плачъ, крикъ и т. п. Нѣкоторыя ученицы попадали въ обморокъ. Одна изъ нихъ, увезенная въ обморочномъ состояніи домой, такъ пролежала цѣлыя сутки, а затѣмъ пыталась отравиться, но во-время замѣтили и спасли.

Педагогическій совѣтъ гимназіи ничуть не тронули страданія его питомицъ и, несмотря на просьбы родителей, онъ остался неумолимъ и непреклоненъ („Обская Жизнь").

Въ Читѣ на экзаменахъ по геометріи въ мужской гимназіи изъ 38 учениковъ 5-го параллельнаго класса срѣзалось 19 человѣкъ, т. е. половина всего класса.

Во время экзаменовъ особенно выступаютъ недостатки

постановки учебнаго дѣла, когда учащіе днями и ночами зубрятъ или натаскиваются учителями и репетиторами. „Сибирь“ писала, какъ занимались передъ экзаменами въ городскихъ начальныхъ школахъ Иркутска. Учителя не довольствовались занятіями съ экзаменующимися, а устраивали уроки и въ праздничные дни, утомляя дѣтей до невозможности.

Вопросъ объ экзаменахъ поднимается каждой весной, чтобы вновь всплыть черезъ годъ. До него ли теперь, когда науки отошли на задній планъ и дѣвицы довлѣетъ вопросъ о „потѣшныхъ“. Какую зависть во многихъ вызоветъ директоръ николаевскаго реальнаго училища, возбудившій, по сообщенію „Приамурской Жизни“, ходатайство объ организаціи изъ учениковъ училища „потѣшнаго флота“.

И ходатайство уже встрѣтило поддержку.

Въ заключеніе отрицательныхъ явленій сибирской жизни можемъ привести свѣжее извѣстіе изъ Туринска.

3 іюня, ночью, здѣсь произведено было покушеніе на помощника уѣзднаго исправника Е. В. Расторгуева, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ этотъ день въ мѣстномъ общественномъ собраніи былъ спектакль, собравшій много публики. По окончаніи спектакля, въ ожиданіи танцевъ, публика, по обыкновенію, разсыпалась: часть осталась въ залѣ, часть вышла въ садъ часть на террассу. Сюда вышелъ и бывшій въ собраніи Расторгуевъ. Вдругъ изъ сада раздался выстрѣлъ.

Произошло это такъ неожиданно, что всѣ сначала растерялись и не могли понять, въ чемъ дѣло. Когда за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, затѣмъ третій, поднялась страшная суматоха, крики. Въ начавшейся паникѣ нельзя даже было разобрать, въ кого стрѣляли. Тутъ поднялся съ мѣста Расторгуевъ и, схватившись за бокъ, заявилъ, что онъ раненъ. Общее смятеніе еще болѣе усилилось.

Стрѣлявшаго обнаружить немедленно не удалось: онъ скрылся. Передаютъ, что, убѣгая, онъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ воздухъ, чтобы остановить гнавшихся за нимъ.

Аресты начались уже послѣ, и, конечно, среди политическихъ ссыльныхъ, такомъ благодарномъ матеріалѣ для полицейскаго розыска. Въ прошломъ году, когда былъ ра-

ненъ начальникъ мѣстной тюрьмы и когда ссыльныхъ начали хватать безъ разбора, всѣ увидѣли, къ чему такіе способы приводятъ: стрѣлявшаго такъ и не отыскали. Теперь повторяется то же самое. Дѣйствуютъ по принципу: побольше виноватыхъ. А такъ какъ дѣлу придаютъ политическій характеръ, то затрудненій не встрѣчается. Арестовали многихъ, но нѣкоторыхъ уже освободили. Хотя наряду съ тѣмъ продолжаютъ арестовывать.

5 іюня раненый помощникъ исправника скончался. Покойный года полтора назадъ былъ переведенъ въ Туринскъ изъ Тобольска, гдѣ служилъ приставомъ. До этого же онъ служилъ помощникомъ пристава въ Варшавѣ и состоялъ при охранномъ отдѣленіи.

Амурская жел. дорога и русскіе рабочіе.

Повидимому, наше поступательное движеніе свелось къ тому, что мы неизмѣнно остаемся на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были въ прошломъ, позапрошломъ и т. д. годахъ. И не только всѣ наши „возы и нынѣ“ тамъ, но сталкивать ихъ принимаются тѣми же средствами, негодность которыхъ доказана воочію.

Такъ обстоитъ, напримѣръ, дѣло съ Амурской жел. дор., „возъ который увязъ на столько основательно, что вотъ уже“ третій годъ тщетно пытаются вытащить изъ его трясины неудачнаго строительства. Сроки окончанія постройки намѣчались то въ 1913 г., то въ 1914 г. и, наконецъ, въ 1915 г. Но и этотъ послѣдній срокъ нельзя считать окончательнымъ, потому что до сихъ поръ дѣло строительства Амурской желѣзной дороги ведется на манеръ извѣстной пѣсни, которую постоянно приходится начинать сначала. Къ довершенію всего, еще удлиняютъ ее собственными куплетами націоналистическаго содержанія на тему о русскомъ трудѣ, чѣмъ вкладываются лишнія палки въ колеса.

Третій годъ дается намъ возможность наблюдать то тяжелое положеніе, въ какомъ находится постройка Амурской желѣзной дороги, поглотившая милліоны и требующая ихъ еще и еще. Первоначально общая строительная стоимость была исчислена въ 240 милл. рублей, изъ которыхъ уже отпущено 156 милл. Затѣмъ первоначальныя исчисленія

пришлось повысить на 100 милл. руб. и довести до 340 милл. По этимъ трата денегъ на постройку еще не исчерпывается, такъ какъ въ будущемъ ожидается неизбѣжный перерасходъ. Пока его опредѣляютъ въ 20—25 милл. рублей, но главный строитель Амурской желѣзной дороги, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вурцель, заявилъ въ бюджетной коммиссіи Государственной Думы, въ январѣ текущаго года, что можетъ говорить только о томъ, что для него „ясно сегодня". „А если въ будущемъ будетъ иное,— добавилъ г. Вурцель,—я не премину опять заявить". Во всякомъ случаѣ, онъ не полагалъ, что указанныя цифры представляютъ предѣльное повышеніе. На предложенный вопросъ относительно возможности въ будущемъ измѣненія условій производства работъ, дабы уменьшить неизбѣжный перерасходъ, главный строитель безъ всякаго смущенія отвѣтилъ: „А я съ нимъ (съ производствомъ?) не связанъ"...

Должно быть, вслѣдствіе именно этой „несвязанности" б ъясненія г. Вурцеля въ бюджетной коммиссіи зачастую сводились къ слѣдующему: „это еще не разсмотрѣно" (о водоснабженіи средней части), „это такой сложный вопросъ, на который я отвѣтить не могу" (о сравнительной стоимости производства работъ хозяйственнымъ способомъ или сдачи съ подряда), или „начальникъ не представилъ свѣдѣній" и т. п. Кое-что г. Вурцель объяснилъ на основаніи сдѣланныхъ ему „словесныхъ заявленій", кой о чемъ обѣщалъ представить свѣдѣнія въ будущемъ году.

Объясненія эти, также не особенно связныя, удовлетворили бюджетную коммиссію. По крайней мѣрѣ, особыхъ преній они не возбудили и противъ дополнительныхъ ассигновокъ никто въ коммиссіи не протестовалъ.

Въ Государственной Думѣ вопросъ о постройкѣ Амурской дороги былъ затронутъ оппозиціей при обсужденіи смѣты чрезвычайныхъ расходовъ министерства путей сообщенія. Но затронутъ былъ по пути, между прочимъ. Между тѣмъ, вопросъ этотъ заслуживаетъ по своему значенію болѣе серьезнаго вниманія со стороны нашего „народнаго представительства". Слишкомъ мало осудить „ненужное и разорительное для народа предпріятіе" или указать на необходимость сенаторской ревизіи въ виду творящихся здѣсь злоупотребленій. Невозможныя условія перевозки рабочихъ на

Дальній Востокъ, случай массового отравленія на станціи Чита,—все это детали того общаго невозможнаго положенія, какое создалось здѣсь въ отношеніи рабочаго вопроса. И сибирская печать справедливо удивлялась, почему „наши депутаты не выступили въ Думѣ по вопросу о постройкѣ Амурской желѣзной дороги съ болѣе вѣскими, серьезными данными, при помощи которыхъ они могли бы подвергнуть постановку дѣла на дорогѣ и всю дѣятельность вѣдомства путей сообщенія серьезной критикѣ".

Постановка же дѣла была и есть такова, что данныхъ для критики больше, чѣмъ достаточно. По рабочему вопросу на Дальнемъ Востокѣ за это время возникла цѣлая литература. Положеніе рабочихъ на Амуркѣ достаточно освѣтили происходившія здѣсь волненія въ прошломъ году. И хотя нѣтъ никакихъ достаточныхъ гарантій, что то же самое не повторится и нынѣче, объ этомъ ни въ бюджетной коммиссіи, ни въ Думѣ не было сказано ни слова. Между тѣмъ въ бюджетной коммиссіи депутатомъ Чиликинымъ было установлено, какіе порядки существовали, напр., на средней части Амурской дороги. Находившіяся здѣсь отдѣленія торговаго дома Чурина, по соглашенію съ правленіемъ по постройкѣ этой части, выдавали начальникамъ отдѣльныхъ участковъ въ случаѣ нужды денежные авансы для уплаты рабочимъ. Такъ было, напримѣръ, на участкѣ № 1. Кромѣ того, практиковался тамъ же способъ расплаты съ рабочими ордерами на лавки того же Чурина вмѣсто выдачи наличными. Члены коммиссіи поговорили было о злоупотребленіи, объ эксплуатаціи, но быстро успокоились, повѣривъ на слово г. Вурцелю, что „теперь почти весь заработокъ остается въ рукахъ рабочихъ и нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ-нибудь ордерамъ". Съ другой стороны, до разсмотрѣнія Думой бюджета министерства путей сообщенія, еще въ началѣ апрѣля мѣстная печать сообщала о волненіяхъ среди рабочихъ, имѣвшихъ мѣсто на Головномъ участкѣ. Отношеніе дорожной администраціи проявилось достаточно ярко въ томъ, что завѣдывавшій участкомъ инженеръ, въ отвѣтъ на обращеніе къ нему рабочихъ о помощи, пригрозилъ вызвать солдатъ для усмиренія.

Никто не запнулся также о массовомъ выселеніи желтыхъ рабочихъ и ущербѣ, приносимомъ этой административ-

ной мѣрой экономическимъ интересамъ окраины. Если даже раздѣлять увлеченіе „чисто русской“ колонизаціей, то вызываемая ею сейчасъ непроизводительная трата милліоновъ, собираемыхъ съ того же населенія, должна была остановить на себѣ вниманіе депутатовъ. Изъ печальнаго опыта прошлаго года можно было убѣдиться что на „націонализмѣ“, по крайней мѣрѣ явно, нажились подрядчики, которымъ неоднократно и охотно дѣлали прибавки и приплаты. Да и въ нынѣшнемъ строительномъ сезонѣ происходитъ то же самое, и въ настоящее время въ Петербургѣ разсматривается проектъ о 19 милліонахъ, назначенныхъ на эти прибавки.

Совершенно неосвѣщенной и почти не затронутой осталась другая сторона вопроса о постройкѣ Амурской дороги, не менѣе важная въ финансовомъ отношеніи — производство работъ хозяйственнымъ способомъ. Здѣсь кроется, повидимому, одна изъ главныхъ причинъ непрерывнаго роста превышенія расходовъ надъ первоначальными исчисленіями. Когда нынѣшней весной не состоялись торги на сдачу работъ по Восточной части, всѣ работы здѣсь рѣшено было произвести хозяйственнымъ способомъ. И завѣдующій инженеръ Навроцкій добился ради этого повышенія смѣты на 25% противъ того, что было предложено подрядчикамъ на торгахъ.

Относительно преимуществъ этого способа передъ сдачей съ подряда главный строитель сознался передъ бюджетной коммиссіей, что не только онъ, но и непосредственный начальникъ работъ врядъ ли въ этомъ оріентируется. Несомнѣнно лишь одно: „производство работъ хозяйственнымъ способомъ требуетъ значительныхъ единовременныхъ затратъ, которыя должно быть сдѣланы на все время постройки дороги“.

Какъ затраты дѣлаются, можно найти достаточный матеріалъ въ дальневосточной печати, но по большей части криминальнаго свойства. Здѣсь царитъ увѣренность, что хозяйственный способъ „плодитъ тѣ ненормальности, для борьбы съ которыми обязательно назначаются ревизіи“. И справедливость этого подтверждается фактами изъ постройки Средней части, гдѣ всѣ работы ведутся хозяйственнымъ способомъ и во главѣ которой стоитъ „сравнительно опытный“ инженеръ Трегубовъ.

Недавно всѣ мѣстныя газеты обошла разыгравшаяся здѣсь маленькая панама съ наймомъ корейцевъ, устроенная начальникомъ участка инженеромъ Срединскимъ и завѣдывавшимъ работами Квашинскимъ. Случилось это еще въ маѣ прошлаго года, а распутывается только теперь.

Управленіе Средней части думало выгадать и наняло отъ себя 800 корейцевъ съ платою 40 руб. въ мѣсяцъ, съ выдачей задатка и обезпеченіемъ имъ продовольствія. Въ результатѣ же спеціально выѣзжавшая коммиссія установила, что инженеръ Срединскій не велъ рабочаго журнала, у него не оказалось акта обмѣра работъ, условій договора съ рабочими-корейцами, отчета работъ и расписокъ корейцевъ въ полученіи ими болѣе 20 тысячъ рублей. А дальше выяснились болѣе пикантныя подробности: корейцы нанимались не отъ управленія, а отъ имени Квашнинскаго, съ которымъ Срединскій разсчитывался, какъ съ подрядчикомъ, и работало корейцевъ меньшее число, нежели показывалось въ требованіяхъ денегъ.

Въ противоположную сторону отъ „хозяйства" дѣйствуетъ и „Хозяйственный отдѣлъ" Амурской желѣзной дороги. Когда для Средней части потребовалось 40 тысячъ пудовъ овса, отдѣлъ сдалъ всю заготовку подрядчику Семерову *по 1 руб. 7 коп. за пудъ*, да за доставку на первые участки *по 2 руб. 35 коп. съ пуда*. Въ прошломъ же году, когда хозяйничалъ „Матеріальный отдѣлъ", пудъ овса съ доставкой обходился по 1 руб. 37 коп. И если хозяйственная комбинація съ корейцами стоила лишнихъ 20.000 руб., то такая же комбинація съ овсомъ обошлась еще дороже—80 тысячъ.

„Экономическій" отпечатокъ замѣтенъ на всей хозяйственной дѣятельности Амурской желѣзной дороги. Сказался онъ и на „желѣзнодорожной флотиліи", о которой разсказываетъ „Эхо".

Собственной флотиліей начали обзаводиться съ 1911 г., купивъ въ разное время два парохода, моторный катеръ шесть баржъ грузовмѣстимостью по 160 тысячъ пудовъ, 3 баржи по 50 тысячъ и нѣсколько шаландъ. При покупкѣ имѣлась въ виду доставка на линію рабочихъ и грузовъ, но на практикѣ суда получили иное назначеніе. Одинъ изъ пароходовъ, напримѣръ, былъ занятъ г. Вурцелемъ съ супругой болѣе мѣсяца. Моторный катеръ все время чинился.

Въ навигацію нынѣшняго года доставка рабочихъ и грузовъ сдана частнымъ пароходовладѣльцамъ. Стоилъ же дорогѣ собственный флотъ около 330 тысячъ руб., да на ремонтъ и содержаніе его израсходовано въ 1911 г. свыше 150 тысячъ руб. Послѣ этого придется согласиться, что, такіе „хозяйственные" способы выгодны кому угодно, но только не строющему дорогу государству.

Въ концѣ концовъ, кажется, это начинаютъ сознавать и тамъ, гдѣ давно слѣдовало. Собственныя „домашнія" ревизіи дѣйствуютъ здѣсь издавна, но теперь заговорили о пріѣзжающей изъ Петербурга пока еще не ревизіи, а особой коммисіи, во главѣ которой, по словамъ „Новаго Времени", находится г. Вурцель.

Назначеніе коммиссіи объясняютъ протестомъ приамурскихъ властей противъ медленности постройки Амурской желѣзной дороги, о чемъ ими былъ поданъ докладъ предсѣдателю совѣта министровъ. Въ чемъ выразится будущая дѣятельность коммиссіи, каковы ея задачи—пока объ этомъ ничего неизвѣстно. Командируется она для фактическаго ознакомленія съ положеніемъ строительнаго дѣла. Но этотъ офиціальный титулъ ничего ровно не говоритъ ни уму, ни сердцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то трудно повѣрить, чтобы въ министерствѣ путей сообщенія не знали дѣйствительнаго положенія постройки и того, что положеніе это очень скверное.

Прошло два строительныхъ сезона, не считая подготовительныхъ работъ, и что, въ концѣ концовъ, сдѣлано? На Восточной части, напримѣръ, не сдѣлано ничего. По общимъ отзывамъ, работы здѣсь находятся въ зачаточномъ состояніи и все еще не вышли изъ стадіи подготовительной. На другихъ частяхъ дороги нѣкоторыя работы считаются исполненными большимъ процентомъ, но есть и такія работы, гдѣ приходится начинать чуть-ли не спачала. Лучше всего обстоитъ дѣло на Головномъ участкѣ, который сейчасъ достраивается и гдѣ еще въ прошломъ году мѣстами производилось движеніе даже пассажирскихъ поѣздовъ. Здѣсь почти пришли къ цѣли, но приключилась новая бѣда съ водоснабженіемъ, угрожающая обратиться въ бѣдствіе по всей линіи Амурской желѣзной дороги. На Головномъ участкѣ встрѣчаются такіе артезіанскіе колодцы, которые послѣ откачки въ теченіе полугода не даютъ и признаковъ воды.

Причинъ медленности и неудачности постройки Амурской желѣзной дороги найдется, конечно, тысяча и одна. Приблизительно же ихъ можно суммировать въ двѣ главныя: бюрократическая система хозяйства и управленія на постройкѣ и природныя препятствія, съ которыми не считались, приступая къ проведенію дороги. Первая причина оказалась бы не столь ощущительной при системѣ широкихъ дополнительныхъ ассигновокъ, когда буквально швыряются милліонами. Со второй же справиться было труднѣе, и она не замедлила сказаться малочисленностью рабочей силы и относительно слабымъ ея отборомъ примѣнительно къ здѣшнимъ тяжелымъ условіямъ производства работъ.

Начавшаяся при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ въ смыслѣ техническаго оборудованія и приложенія рабочей силы, постройка Амурской желѣзной дороги въ дальнѣйшемъ оказалась богатой всякаго рода осложненіями.

Осложнился рабочій вопросъ, ставшій однимъ изъ главныхъ факторовъ, затрудняющихъ успѣшное производство работъ. Но только политическая близорукость могла свести его разрѣшеніе къ чисто механическому передвиженію достаточнаго количества рабочихъ изъ Россіи. Упустили изъ виду, что нуждались не только въ опредѣленномъ количествѣ рабочихъ, но и въ привычныхъ къ желѣзнодорожному строительству въ Сибири. Всѣ почти офиціальные доклады и записки констатируютъ неприспособленность русскаго, даже опытнаго землекопа, къ здѣшнимъ грунтамъ, болѣе тяжелымъ и требующимъ, помимо опыта и физической силы, особой сноровки.

„Что вотъ этой-то особой сноровки нѣтъ у прибывающихъ изъ Европейской Россіи рабочихъ,—писалъ начальникъ работъ Западной части, инженеръ Подруцкій, въ своей „Запискѣ о положеніи рабочаго вопроса въ 1911 г.“, объ этомъ ярко свидѣтельствуютъ наблюденный высокій процентъ поломки рабочаго инструмента, различнаго рода поранепія, получаемыя на работахъ, и ничтожность выработки: при установившейся высокой задѣльной платѣ наибольшая выработка землекопа въ нынѣшнемъ строительномъ сезонѣ не превышала 26 – 30 кубовъ, между тѣмъ привычный мѣстный рабочій вырабатываетъ вдвое больше“.

Созданіе же „качественно высокой рабочей силы, кото-

рая могла бы успѣшно вынести на своихъ плечахъ трудно дающуюся по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ постройку дороги", „Записка" находитъ невозможной въ виду кратковременнаго пребыванія здѣсь привозныхъ рабочихъ и неотвратимаго ихъ стремленія обратно на родину.

Но если въ каждый наступающій строительный сезонъ подрядчики переходятъ со значительной недовыработкой, это нельзя отнести цѣликомъ ни къ недостаточности рабочихъ рукъ, ни къ сравнительно меньшей производительности труда. Какъ только приступили къ первымъ работамъ, тотчасъ начались волненія рабочихъ изъ-за прямого грабежа ихъ подрядчиками. За волненіями слѣдуетъ массовой самовольный уходъ съ работъ, полицейскія репрессіи и проч., и проч., что при этомъ обычно полагается. Строительный сезонъ, въ конечномъ счетѣ, оказывается сорваннымъ, а заранѣе опредѣленный планъ—нарушеннымъ.

При такихъ обстоятельствахъ все дѣло постройки Амурской желѣзной дороги не могло не внушать серьезныхъ опасеній за свою судьбу и заставило призадуматься тѣхъ, кто затѣялъ эту авантюру. Но здѣсь смогли додуматься только до героическихъ мѣръ: націонализаціи труда и національной колонизаціи. И то, и другое считали возможнымъ осуществить опять-таки чисто механически, перебросивъ большее количество „русскихъ" рабочихъ, въ разсчетѣ, что они осядутъ въ окружающей дорогу тайгѣ и образуютъ желательные кадры.

Опытъ прошлаго года оказался неудачнымъ, но отъ этого ничто не измѣнилось. Совсѣмъ напротивъ, трудъ былъ націонализированъ во всемъ Приамурьѣ, а это дало поводъ перебросить изъ Россіи еще больше рабочихъ и тѣмъ увеличить шансъ хоть въ будущемъ имѣть національные рабочіе кадры.

Новое въ текущему году лишь то, что правительствомъ предприняты были нѣкоторые шаги для охраны труда, по исключительно рабочихъ, занятыхъ въ казенныхъ предпріятіяхъ. Слишкомъ нашумѣли прошлогоднія исторіи съ неплатежомъ денегъ, невыдачей паспортовъ, голодовками рабочихъ и т. п. Молчать было нельзя, потому и рѣшили сказать что-нибудь. Въ сущности все свелось только къ словамъ. Для улучшенія условій найма рабочихъ постановъ-

лено „просить всѣ строительныя вѣдомства 1) выработать и утвердить для работъ 1912 г. печатныя разсчетныя книжки рабочихъ, нанимаемыхъ какъ хозяйственными агентами вѣдомства, такъ и подрядчиками, 2) принять на себя надзоръ за соблюденіемъ подрядчиками и рабочими принятыхъ ими на себя взаимныхъ обязательствъ и первоначальное разбирательство возникающихъ недоразумѣній, о чемъ оговаривать въ заключаемыхъ съ подрядчиками условіяхъ".

Учрежденіе надъ рабочими вѣдомственнаго патроната, конечно, окажется не въ состояніи устранить бѣдствія неорганизованнаго рабочаго и создать дѣйствительную охрану труда. Тѣмъ болѣе, что выражено все это въ видѣ просьбы, а не требованіемъ закона, обязательнаго для вѣдомственныхъ и внѣвѣдомственныхъ предпринимателей. И никто изъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ нужда погонитъ на заработки на Дальній Востокъ, не возложитъ на это никакихъ надеждъ и не это будетъ служить имъ приманкой. Существенную роль сыграетъ здѣсь предоставленіе безплатнаго проѣзда всѣмъ рабочимъ, а не только законтрактованнымъ казною.

Движеніе рабочихъ въ текущемъ году обѣщало быть грандіознымъ. Для однѣхъ казенныхъ работъ должны были прибыть 107 тысячъ человѣкъ, время пріѣзда которыхъ должно было растянуться съ марта по 6 іюня. Въ дѣйствительности движеніе открылось раньше—съ ноября и декабря—и шло не прекращаясь. Ѣхали голодающіе изъ Западной Сибири, изъ Россіи, въ надеждѣ какъ-нибудь прокормиться возлѣ Амурки. Съ 17 марта рабочее движеніе считается офиціально открытымъ, и на переселенческихъ пунктахъ началась регистрація ѣдущихъ рабочихъ.

Передъ началомъ нынѣшняго строительнаго сезона усиленно старались дать почувствовать, что печальный опытъ прошлаго многому научилъ и ничего подобнаго больше не повторится. Цѣлый рядъ различныхъ совѣщаній, выработка условій улучшенія найма, улучшеніе условій перевозки рабочихъ, тарифныя льготы, льготы по воинской повинности и т. п. -все это должно было свидѣтельствовать о неустанныхъ заботахъ правительства о меньшемъ братѣ-рабочемъ.

Дальше всѣхъ пошелъ въ этомъ направленіи приамурскій генералъ-губернаторъ Н. Л. Гондатти. Газеты сообщали, что главный начальникъ края интересуется положеніемъ

продовольственнаго и жилищнаго вопроса для рабочихъ на линіи постройки Амурской желѣзной дороги и категорически высказался, что если линія не будетъ достаточно обезпечена продовольствіемъ, то онъ не разрѣшитъ отправить туда рабочихъ.

„Улучшеніе условій перевозки“ не помѣшало массовому отправленію перевозимыхъ рабочихъ. Не слѣдуетъ также думать, что громкія и категорическія заявленія главнаго начальника края означаютъ дѣйствительное обезпеченіе продовольствіемъ. „Несмотря на то, что зимній періодъ уже кончается и скоро наступитъ весенняя распутица,—давнымъ-давно писала „Приамурская Жизнь“,—продовольствіе не заготовлено“. Истина оказалась на ея сторонѣ. Уже теперь наблюдаются такіе случаи, что на пристаняхъ по Амуру, гдѣ рабочіе высаживаются для слѣдованія на мѣста работъ, для нихъ не хватаетъ хлѣба. А казалось бы, чего проще заготовить его въ достаточномъ количествѣ къ приходу парохода. Если же доставляютъ, то получаются исторіи вродѣ имѣвшей мѣсто въ Сретенскѣ, когда конфисковали мясо, заготовленное подрядчиками для амурскихъ рабочихъ.

О томъ, какъ рабочіе добираются до мѣста, сообщаетъ корреспондентъ „Забайкальской Нови“. „Отправляются пѣшкомъ съ багажомъ на плечахъ (подводъ мало), часто подъ проливнымъ, холоднымъ дождемъ. Для ночлега — сибирское зимовье, въ которомъ можетъ размѣститься не болѣе 15—20 человѣкъ, а рабочихъ нѣсколько сотъ. Горячей пищи, даже горячей воды совсѣмъ нѣтъ. Усталые, продрогшіе ложатся на сырую, еще не оттаявшую землю. И такихъ ночей нѣсколько“.

Когда отъ словъ у насъ переходятъ къ дѣлу, оказывается, что оно не сдѣлано. На участкахъ все осталось такъ же, какъ было. Жилищный вопросъ не улучшился ничуть. Бараки по-прежнему въ большинствѣ непригодны для жилья, невозможны въ санитарномъ отношеніи и къ довершенію всего—ихъ недостаточно. На нѣкоторыхъ участкахъ они не вмѣщаютъ всего количества прибывшихъ рабочихъ, и многимъ приходится жить подъ открытымъ небомъ. На 4 участкѣ Западной части, гдѣ наблюдаются такіе случаи, среди рабочихъ развивается брюшной тифъ.

Словомъ, по мѣрѣ развертыванія нынѣшняго строительнаго

сезона сходство его съ прошедшимъ увеличивается. Тѣ же лавки, въ которыхъ продаются втридорога. Та же низкая заработная плата — отъ 1 р. 50—1 р. 75 коп. въ день для землекопа. И она угрожаетъ понизиться, такъ какъ наплывъ рабочихъ необычайный, много приходитъ незаконтрактованныхъ, отправившихся на свой рискъ. До чего велика нужда, можно судить по тому, что рабочіе, уходившіе минувшимъ лѣтомъ отъ подрядчиковъ, теперь пишутъ имъ письма съ просьбой дать хоть какую-нибудь работу.

Изо всѣхъ новшествъ, обѣщанныхъ рабочимъ, пока осуществлено одно—казенныя винныя „ведерныя“ лавки, торгующія по 250—300 руб. въ день при районѣ въ 3.000 жителей.

Печально разнится нынѣшнее лѣто на Амуркѣ отъ прошлаго, но не менѣе печально и сходится съ нимъ.

„Забайкальской Нови“ передаютъ, что на 4 и 5 участкахъ Западной части у подрядчика Короткова начинается уходъ рабочихъ. Рабочіе жалуются на тяжелые грунты, недостаточную заработную плату, такъ какъ приходится работать „съ пожогами“, т. е. отогрѣвать грунты, находящіеся въ районѣ вѣчной мерзлоты. „На этой почвѣ недавно возникли волненія среди рабочихъ. На мѣсто выѣзжали чины жандармской полиціи“.

Чѣмъ кончится и этотъ строительный сезонъ, угадать не такъ трудно.

Объединенное духовенство.

Послѣдняя сессія Третьей Государственной Думы чуть-ли не съ перваго дня своего открытія поставила на очередь вопросъ о предстоящихъ выборахъ въ Четвертую Думу. Носившій вначалѣ отвлеченный, чисто теоретическій характеръ и исключительно съ этой стороны трактовавшійся, вопросъ о новыхъ выборахъ быстро выдвинулся на первый планъ и сталъ привлекать къ себѣ усиленное вниманіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пересталъ служить только темой, а началъ облекаться въ реальную оболочку практическаго воздѣйствія на избирателя.

Участились открытыя предвыборныя выступленія, появились организаціи, и потенціальная энергія допущенныхъ къ

дѣйствію политическихъ партій обнаружила, при соотвѣтствующей поддержкѣ, явное намѣреніе превратиться въ кинетическую. Еще мѣсяцъ тому назадъ на страницахъ „Сибирскихъ Вопросовъ“ отмѣчалась та рябь, которая появилась на поверхности общественной жизни Сибири и должна была знаменовать нарождающіе предвыборныхъ настроеній.

Мѣсяцъ уже большой срокъ, разъ „часы бѣгутъ, и дорого намъ время“. И перемѣны, дѣйствительно, произошли значительныя. Значеніе ихъ не въ увеличеніи общественныхъ слоевъ, пришедшихъ въ движеніе, а въ выявленіи его политическаго качества. Что мѣсяцъ было еще въ туманѣ фразъ, только намѣчалось слегка, теперь успѣло опредѣлиться вполнѣ, съ рѣзкущей глазъ отчетливостью. Многое изъ того, что тогда приходилось отчасти предполагать, отчасти угадывать, теперь точно и несомнѣнно, и его можно констатировать, какъ совершившійся фактъ.

Никакого оживленія за это время, конечно, не наступило. Не потому, что еще рано, а по той простой причинѣ, что наступить оно не могло и не сможетъ. У насъ до этого не допустятъ, у насъ поступаютъ иначе. Изъ профильтрованныхъ избирательнымъ закономъ званыхъ въ порядкѣ административнаго усмотрѣнія выдѣляютъ избранныхъ. И, отмѣтивъ ихъ печатью довѣрія участка, предоставляютъ всяческую свободу предвыборнаго слова и предвыборнаго дѣла. Остальныхъ же разъясняютъ и пресѣкаютъ безъ долгихъ разговоровъ.

Въ такихъ условіяхъ подлинному, да еще широкому движенію въ обществѣ создаться было невозможно. Его можно было до извѣстной степени симулировать. И открывшаяся подъ знакомъ симуляціи предвыборная кампанія не отразила ни дѣйствительныхъ настроеній массового избирателя, ни его чаяній и упованій. Она явилась не его непосредственнымъ дѣйствіемъ, а прежде всего и даже исключительно направленнымъ противъ него начальственнымъ воздѣйствіемъ.

Замѣчавшаяся раньше рябь смѣнилась мутью, тѣмъ всплывшимъ наверхъ отстоемъ, который не могла не дать наша жизнь, слишкомъ политически застоявшаяся и теперь разворошенная обычнымъ охранительнымъ пріемомъ.

Въ замутненной такимъ способомъ водѣ первой начала плескаться и дѣлать волны мелкая рыбешка патріотическихъ

организаціи, выползшая изъ тины субсидируемыхъ сажалокъ. Пускаемые ею реакціонные пузыри исчезли бы безслѣдно, не отравивъ предвыборнаго воздуха, если бы ихъ не поддержалъ фонтаномъ родственной по духу агитаціи вновь обрѣтенный правительствомъ китъ. Онъ отнынѣ долженъ явиться опорой въ предстоящей борьбѣ съ оппозиціонно-настроеннымъ въ своей массѣ избирателемъ. Онъ долженъ его проглотить и продержать въ своемъ чревѣ не три дня и три ночи, а цѣлыхъ пять лѣтъ предполагаемаго существованія Четвертой Думы. Китъ этотъ „объединенное духовенство", надъ организаціей котораго съ лихорадочной поспѣшностью трудился рядъ высшихъ представителей церкви. И вотъ стараніями усердныхъ верховъ создалась организація изъ послушныхъ подчиненныхъ низовъ. Не только создалась, но и открыла свои дѣйствія, такъ сказать, официально.

Иначе трудно подыскать названіе тому событію, о которомъ оповѣстили иркутскія газеты. Въ Иркутскѣ въ воскресенье, 20 мая, въ городскихъ приходскихъ церквахъ были произнесены проповѣди о предстоящихъ выборахъ въ Четвертую Государственную Думу. При чемъ во всѣхъ проповѣдяхъ звучалъ одинъ и тотъ-же мотивъ, такъ усердно насаждаемый архіепископомъ Серафимомъ: „выбирайте непремѣнно защитника православія и самодержавія, выбирайте праваго".

Начало кампаніи, стройное и не лишенное импозантности, еще слишкомъ далеко отъ того, чтобы предрѣшать ея конецъ. Онъ по-прежнему таится во мглѣ грядущаго, по-прежнему не утратилъ возможности подарить и тѣхъ, и другихъ всякими неожиданностями. И при всемъ этомъ начало имѣетъ большое значеніе, прежде всего показательное. Въ немъ выдвинуты на поле общаго политическаго зрѣнія тѣ двѣ силы, которымъ предстоитъ на приближающихся выборахъ, правда, не главенствующая, но очень и очень видная роль. Обѣ силы поставлены теперь лицомъ къ лицу съ обществомъ. Это—духовенство и правительство.

Выступленія отдѣльныхъ епископовъ, удивительно совпавшія по времени, можно еще было приписать индивидуальнымъ склонностямъ каждаго изъ нихъ. Желаніемъ обратить на себя вниманіе, утилизировать благопріятно сложившіяся обстоятельства въ цѣляхъ дальнѣйшей карьеры и т. п. Чувства, понятныя у лицъ, хотя и съ высокимъ слу-

жебнымъ положеніемъ, но все же служащихъ, а потому и подчиненныхъ. Отсюда склонность къ правымъ партіямъ, какъ сугубо покровительствуемымъ. И если за владыками сразу потянулось чиновное духовенство, въ этомъ также не было ничего необъяснимаго.

„Индивидуальность" съ ея услужающими или прислуживающими оттѣнками должна была стереться, когда выступленія пошли сплошь, когда они вдругъ получили распространеніе, и въ нихъ проявилось поразительное политическое единодушіе и согласованность въ дѣйствіяхъ. И по Сибири, и по всей Россіи, „отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды", духовные вожди, призывая подвѣдомственныхъ имъ священнослужителей къ непремѣнному участію въ выборахъ, объявляли неизмѣнно крестовый походъ противъ „лѣвыхъ" и откровенно выкидывали объединяющіе предвыборные лозунги самаго махроваго союзничества.

Теперь уже не отдѣльные солисты силятся вытянуть самую высокую патріотическую ноту. Теперь передъ нами цѣлый хоръ исполняетъ предвыборные номера, заранѣе разучивъ ихъ подъ руководствомъ регента. Регентъ и задалъ надлежащій тонъ по своему камертону. И надо-ли еще добавлять, что этотъ регентъ не кто иной, какъ наша центральная власть. Въ ея планѣ предвыборной кампаніи должно занять видное мѣсто желательное использованіе тѣхъ голосовъ, которыми располагаетъ духовенство.

Только при покровительствѣ центральной власти представители церкви могли развернуть свою предвыборную дѣятельность во-всю, начать кампанію и вести ее послѣдовательно и планомѣрно. Цѣлый рядъ нашихъ сибирскихъ владыкъ разъѣзжаетъ по своимъ епархіямъ въ цѣляхъ агитаціи, устраиваетъ собранія, создаетъ организаціи, тогда какъ никто другой, исключая союзниковъ, и заикнуться объ этомъ не смѣетъ.

Только благодаря поддержкѣ центральной власти иркутскій архіепископъ Серафимъ могъ разсылать черезъ консисторію свои „секретные" предвыборные циркуляры и не нуждаться въ разрѣшеніи и утвержденіи мѣстной власти, создавая свой „союзъ приходовъ" „только для участія въ предвыборной дѣятельности духовенства и мірянъ на предметъ избранія достойнаго кандидата". Полномочія свыше позво-

лили ему превратить амвонъ въ предвыборную трибуну и щегольнуть стройнымъ выступленіемъ организованнаго духовенства.

Заслуживаютъ вниманія и тѣ пріемы, которыми достигнута такая организованность. Вѣдь приступили къ ней всего мѣсяцъ, много два тому назадъ. Тутъ все надо приписать усердію организаторовъ.

Въ этой роли выступали исключительно епископы и архіепископы, и не было тѣхъ средствъ, къ какимъ они только ни прибѣгали въ своемъ усердіи. Воззваніе къ подвѣдомственному духовенству смѣнялось приказаніемъ, просьбы и обѣщанія—угрозами и всякими застращиваніями. Разговаривали лично и предписывали циркулярно. Но просили-ли честью или приказывали властью, всегда имѣлось въ виду одно: являться всѣмъ на выборы, организовать избирательную кампанію и выбрать достойнѣйшаго праваго депутата.

Самые пріемы, учитывающіе служебную зависимость и разсчитанные на подчиненность, съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ о чиновномъ, служащемъ положеніи созданной ими организаціи. Только что нарождающаяся и долженствующая объединить духовенство на время выборовъ въ Четвертую Думу, а затѣмъ и въ самой Думѣ, она всегда будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительственныхъ агентовъ.

Правда, мотивируютъ необходимость объединенія духовенства соображеніями практическаго свойства. Главнымъ образомъ, указываютъ на то, что интересы церковные, интересы духовенства не защищаются въ Думѣ надлежащимъ образомъ и требуютъ присутствія здѣсь особой „церковной фракціи“, которая сплотила бы вокругъ себя священниковъ-депутатовъ. Въ конечномъ счетѣ это свелось къ вопросу, на сколько сильны будутъ священники на будущихъ выборахъ, и потребовало организаціи.

Какъ полагается, и это обоснованіе своихъ дѣйствій не обошлось безъ соотвѣтственной инспираціи. Всѣмъ епархіальнымъ епископамъ, въ томъ числѣ и нашимъ, дано было знать о желаніи святѣйшаго синода, чтобы они приняли горячее участіе въ выборахъ съ цѣлью проведенія въ Думу возможно большаго числа стойкихъ защитниковъ церковныхъ интересовъ. Для епископовъ такое пожеланіе равнялось приказанію, и работа закипѣла.

Подогрѣвало рвеніе и не давало ему остывать еще то обстоятельство, что текущимъ лѣтомъ синодъ рѣшилъ командировать чиновника особыхъ порученій князя Шаховского для объѣзда епархій со спеціальной миссіей руководить ходомъ выборовъ въ Четвертую Государственную Думу.

Сговориться о томъ, кого именно считать „стойкимъ защитникомъ церковныхъ интересовъ", не потребовалось большого труда. Для этого стоило только послать протоіерея Восторгова. Синодальный миссіонеръ и союзническій дѣятель, онъ символизировалъ собою то политическое знамя, подъ которымъ духовенству предстояло сорганизоваться. Насколько это считалось необходимымъ и обязательнымъ, свидѣтельствовали тѣ диктаторскія полномочія, которыми облекли о. Восторгова.

Посланному фактически „устроить выборы", ему предоставлено право увольнять священниковъ и назначать на ихъ мѣста бывшихъ слушателей своихъ пастырскихъ курсовъ въ Москвѣ. Данная на этотъ счетъ о. Восторгову инструкція позволяетъ обходиться безъ согласія мѣстнаго епископа, а лишь увѣдомлять его.

При помощи такихъ полномочій о. Восторговъ обѣщаетъ создать основной кадръ работниковъ для будущихъ правыхъ организацій въ Сибири, гдѣ сейчасъ по его увѣреніямъ „самой правой партіей являются ка-деты". И свои обѣщанія о. Восторговъ сдерживаетъ. До сихъ поръ совершенный имъ путь усѣянъ вновь открытыми отдѣлами союза Михаила Архангела, о чемъ свидѣтельствуютъ посылаемыя имъ въ изобиліи телеграммы. Даже на Камчаткѣ, гдѣ о. протоіерей былъ всего одинъ день, и тамъ успѣлъ открыть отдѣлъ.

Мѣстная епархіальная власть, приглашенная къ тому свыше, оказываетъ высокому гостю всяческое содѣйствіе, облегчая его патріотическій трудъ. Всѣ приготовленія къ открытію камчатскаго отдѣла, напримѣръ, были заранѣе сдѣланы мѣстнымъ духовенствомъ, по телеграммѣ изъ консисторіи. А архіепископъ владивостокскій и приамурскій Евсевій лично сопровождалъ о. Восторгова и присутствовалъ на открытіи.

Объединяя духовенство съ правыми организаціями, о. Восторговъ тѣмъ самымъ объединяетъ и духовенство, т. е. создаетъ сплошную правую организацію. Много, конечно,

здѣсь значатъ и облегчаютъ его работу силы и вліянія, которыя стоятъ за нимъ. Но и безъ него объединители духовенства неизбѣжно должны стать, да и становятся уже повсемѣстно, на этотъ же путь. Вездѣ можно наблюдать одно и то же: либо полное сліяніе духовенства съ мѣстными организаціями правыхъ партій, либо столь тѣсный между ними блокъ, что его порой отъ сліянія не отличишь. Уставы появляющихся предвыборныхъ организацій духовенства цѣликомъ списаны съ союзныхъ программъ. И это духовное родство настолько бросается въ глаза, что уже кричать предостерегающе о „черномъ блокѣ", который будетъ дѣйствовать въ наступающей выборной кампаніи.

Приступая къ созданію политической организаціи (и притомъ на время выборовъ, т. е. нарочито боевой), духовенство не могло не стать подъ знамя реакціи. До сихъ поръ оно не только являлось всегда сторонникомъ и выразителемъ идеаловъ самой злѣйшей реакціи, но и служило ея надежнымъ оплотомъ.

Высшіе представители церкви въ этомъ отношеніи не допускаютъ никакихъ исключеній. Ихъ выступленія и рѣчи въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, дѣятельность высшихъ духовныхъ учрежденій достаточно извѣстны съ этой стороны, чтобы требовались доказательства.

Низшее духовенство, городское и сельское, такъ рѣшительно обвинять въ незамолимомъ грѣхѣ передъ страной нельзя. Но и тутъ тоже большой вопросъ, какая сторона перетянетъ. Хуже всего то, что эта часть духовенства находится въ страшной зависимости, а потому обречена на подчиненіе. Въ лучшемъ случаѣ она можетъ отмолчаться, но самостоятельныхъ выступленій отъ нея ожидать невозможно. Выступленіе же на выборахъ съ „лѣвой" стороны въ будущемъ означаетъ лишеніе сана. Примѣры священниковъ Брилліантова и Колокольникова, лѣвыхъ депутатовъ Второй Думы, еще не забыты духовенствомъ, и едва ли кто отважится пойти по ихъ стопамъ.

На одномъ изъ предвыборныхъ собраній мѣстнаго духовенства, томскій архіепископъ Макарій держалъ рѣчь на союзническую тему и предлагалъ объединяться на правой платформѣ. Собравшіеся, правда, не выразили никакого удовольствія по этому поводу. Но когда архіепископъ задалъ

вопросъ: нѣтъ ли, молъ, здѣсь думающихъ иначе, таковыхъ не оказалось, ибо всѣ промолчали.

Осуждать съ легкимъ сердцемъ за это молчаніе невозможно. Но вѣдь этимъ создается такое положеніе, что выступленіе духовенства на выборахъ приходится считать выступленіемъ безусловно реакціонныхъ силъ. И въ Четвертую Думу оно войдетъ съ тѣми же средневѣковыми идеалами.

Правительство великолѣпно учитываетъ создавшееся положеніе духовенства. Недаромъ избирательный законъ 3 іюня возлагалъ на него большія надежды, почему и предоставилъ практически церковному землевладѣнію значительныя преимущества. Выступленіе объединеннаго духовенства на выборахъ должно оправдать эти надежды.

Реакціонныя настроенія духовенства дѣлаютъ образованіе въ Думѣ „церковной фракціи" для правительства пріятнымъ, а зависимое положеніе членовъ фракціи заставляетъ желать этого.

Вѣдомство православнаго вѣроисповѣданія есть прежде всего вѣдомство съ соотвѣтствующей іерархіей и вытекающимъ отсюда подчиненіемъ. Воздѣйствіе управляющаго на управляемыхъ возможно здѣсь такъ же, какъ и во всякомъ учрежденіи, гдѣ неугодное лицо можно перемѣстить или просто уволить съ подобающими его чину почестями. Располагая же такими средствами, всегда можно добиться необходимаго согласія.

Если священники находятся въ полномъ подчиненіи у епископа, то вѣдь и послѣдній состоитъ въ точно такомъ же положеніи по отношенію къ оберъ-прокурору. На этомъ основаніи уже высказываются догадки, что вмѣсто „церковной фракціи" въ Четвертой Думѣ можетъ оказаться просто-на-просто послушная и безгласная „оберъ-прокурорская" рать, по выраженію „Голоса Москвы". Но такъ какъ оберъ-прокуроръ—членъ правительства, то эти качества фракціи использованы будутъ, вообще, въ интересахъ правительства.

Послѣднее мало смущается и тѣмъ, что политика не только вносится въ среду священнослужителей, но входитъ въ самую церковь, гдѣ ей мѣста быть совсѣмъ не должно. Примѣръ архіепископа Серафима, заставившаго иркутскихъ священниковъ съ церковнаго амвона звать прихожанъ въ организованный епископомъ предвыборный союзъ, вызоветъ,

навѣрное, не мало подражателей. Это должно печально отозваться на церкви, которая вообще не можетъ похвастаться блестящимъ положеніемъ. Если не провести рѣзкой раздѣлительной черты между вѣдомствомъ православнаго вѣроисповѣданія и церковью, какъ союзомъ вѣрующихъ, то что же, въ концѣ концовъ, останется отъ православія, которое такъ рьяно защищаетъ правительство отъ сектантовъ при помощи миссіонеровъ, вродѣ о. Восторгова? *Д. С.*

Обозрѣніе русской жизни.

Полумилліардная ассигновка на флотъ, какъ и надо было ожидать, принята.

Говорили много, долго -чуть не всю ночь и, кажется, договорились до опасности, грозящей намъ не только со стороны первоклассныхъ морскихъ державъ, но даже Швеціи. Той самой маленькой Швеціи, которая такъ боится быть проглоченной огромной Россіей.

Правда, пренія происходили въ закрытомъ засѣданіи, и поэтому трудно сказать, какую, собственно, роль сыграла наша скромная сосѣдка въ вотумѣ Нижней Палаты. Но на бюджетную коммиссію,—по крайней мѣрѣ, по слухамъ,—указаніе, что Швеція можетъ поддержать нашихъ противниковъ, произвело „извѣстное впечатлѣніе".

Докладчикъ коммиссіи государственной обороны А. И. Звегинцевъ теоретически, конечно, правъ, говоря: „нельзя оберегать одни театры войны и не оберегать другихъ". Но не менѣе правы и тѣ, кои полагаютъ, что миръ держится не только пушками и что страхъ передъ германскимъ нашествіемъ — просто слѣдствіе „патологическаго состоянія", вызваннаго неустойчивостью русской дипломатіи. Несмотря на союзъ съ Франціей, Россія то старается заручиться благосклонностью Германіи, то не прочь поухаживать за Англіей и даже за Австріей. Отсюда — постоянная необходимость подтверждать „незыблемость" соглашеній, казалось бы, не подлежащихъ никакимъ сомнѣніямъ. Ошибки нашей дипломатіи сгустили тучи въ самомъ незащитномъ мѣстѣ на Дальнемъ Востокѣ, а мы, словно страусы, прячемъ голову въ будущіе балтійскіе дредноуты.

Ревель слишкомъ далеко отъ Владивостока, чтобы они успѣли своевременно превратиться въ тихоокеанскіе, и слѣдовательно, главный театръ войны какъ былъ не прикрытымъ, такъ и останется. Не спасутъ они насъ и отъ Германіи, если той вздумается напасть: и по количеству, и по качеству ихъ мы все равно за ней не угонимся. Да и не будетъ же она, въ самомъ дѣлѣ, дожидаться, пока мы выстроимъ флотъ, сдѣлаемся неуязвимыми. Но и упустивъ этотъ моментъ, она не лишается возможности обезвредить русскую эскадру, закрывши пропускъ англійскаго угля. На собственномъ-то, судя по примѣрамъ хода въ 3—4 узла, далеко вѣдь не уѣдешь.

Допуская даже, будто Германія лишь искусно скрываетъ свои враждебные замыслы противъ Россіи и будто донецкій уголь лучше „кардифа", гдѣ взять увѣренность, что эти 502 милліона будутъ употреблены съ толкомъ?

В. Н. Коковцовъ почерпаетъ ее, во-первыхъ, въ томъ фактѣ, что посѣдѣвшіе моряки не спѣшатъ выходить въ отставку, а во-вторыхъ, въ томъ, что молодые люди, несмотря на пережитый флотомъ позоръ, „ломятся въ двери морского корпуса и желаютъ положить свою жизнь на службѣ подъ Андреевскимъ флагомъ".

Если бы г. Коковцовъ полюбопытствовалъ заглянуть въ другія учебныя заведенія, то увидѣлъ бы у дверей ихъ еще большія толпы тщетно стучащихся. А если бы вспомнилъ, что при исчисленіи пенсіи не принимаются въ разсчетъ ни столовыя, ни квартирныя, то рвеніе старичковъ, быть можетъ, утратило бы въ его глазахъ свою патріотическую окраску.

Но премьеръ въ этихъ двухъ фактахъ увидѣлъ „залогъ того, что по мѣрѣ силъ и разумѣнія правительство и морское министерство исполнятъ честно свой долгъ".

Аргументъ не изъ сильныхъ: старички и раньше тянули съ отставкой, молодежь и прежде не приходилось зазывать въ морской корпусъ. А, однако, всѣ наши суда оказывались никуда негоднымъ хламомъ.

Правительство никогда не сомнѣвалось въ талантливости министровъ, стоящихъ у власти,—министры могутъ мѣняться, какъ перчатки, но вѣра въ нихъ должна быть непоколебимой. Нельзя же, дѣйствительно, придти и сказать: „сумѣемъ мы

исполнить обѣщанное или нѣтъ, а денежки-то все-таки дайте". Подъ такой „вексель" пяти рублей не достанешь, не то что пятисотъ милліоновъ...

Все это, разумѣется, отлично извѣстно г. Коковцову, и оттого его рѣчь была блѣдной, неубѣдительной. Но убѣждать и не требовалось, разъ рѣшеніе заранѣе готово, разъ согласіе обезпечено.

Какъ далеко „цусимское вѣдомство" отъ идеализованныхъ главой кабинета морскихъ старичковъ, наглядно обрисовывается въ безчисленныхъ аваріяхъ, въ исторіи новой системы плавучихъ доковъ, въ исторіи съ начетомъ на фирму Виккерса, въ командѣ, страдающей морской болѣзнью, въ самомъ законопроектѣ, не предусматривающемъ ни необходимости угольныхъ станцій, ни укрѣпленія базы для эскадры.

Какіе-то нѣмцы придумали необыкновенныя приспособленія въ плавучихъ докахъ, наши авторитеты признали ихъ весьма цѣлесообразными, но мы все-таки останемся при тѣхъ, въ которыхъ, по выраженію одной московской газеты, еще Адамъ чинилъ свой ковчегъ. И только все потому, что это невыгодно Николаевскому судостроительному заводу.

Конечно, хорошій докъ необходимъ, но обратиться къ нѣмцамъ, значитъ, подорвать отечественное судостроеніе, съ чѣмъ не можетъ согласиться ни министръ торговли и промышленности, ни само правительство.

Недоразумѣнія съ Виккерсомъ, чуть было не закончившіяся подаркомъ ему въ $1^1/_2$ милліона рублей, являются примѣромъ обѣщанной г. Григоровичемъ экономіи.

Эту сумму Виккерсъ долженъ былъ уплатить въ видѣ штрафа за просрочку при постройкѣ „Рюрика".

Послѣ долгихъ разговоровъ морское министерство рѣшило сложить съ него этотъ штрафъ, такъ какъ, дескать, за нимъ числятся особыя заслуги, да и казна никакого ущерба отъ этого не понесетъ.

Но государственный контроль взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе, а теперь съ нимъ согласился и сенатъ.

Морской министръ, между тѣмъ, на столько горячо принялъ къ сердцу интересы Виккерса, что отказался подписать сенатское опредѣленіе...

Адмиральскія аваріи „Пантелеймона" и „Евстафія" обошлись Россіи въ 217.000 рублей. Ходятъ они пока съ запла-

тами и ходятъ, конечно, скверно. 6-го мая, по словамъ „Вечерняго Времени", черноморская эскадра, въ которой они числятся, попробовала, было, около Бельбека (въ 5—6 верстахъ отъ Севастополя) заняться учебной стрѣльбой, но поднявшаяся качка заставила наиболѣе старыя суда вмѣстѣ съ миноносцами „полнымъ ходомъ спрятаться въ глубинѣ севастопольской бухты". А на тѣхъ, которыя рискнули продолжать стрѣльбу, „команда оказалась на столько не приспособленной", „что въ машинѣ одного изъ броненосцевъ остались на ногахъ только три человѣка, остальные захворали". И къ 9 часамъ вечера, прибавляетъ газета, „всѣ корабли смирно стояли на якорѣ въ тихой гавани"...

Но со стрѣльбой и въ арміи не лучше. Одно освѣдомленное лицо сообщаетъ г. Меньшикову такую массу недочетовъ по этой части, что за опубликованіе ихъ князь Мещерскій назвалъ г. Меньшикова „предателемъ и врагомъ Россіи". „Если бы эта статья, какъ она есть,—пишетъ онъ,—была тайно передана и продана какому-либо иностранному правительству въ мирное время, и авторъ ея былъ уличенъ въ этомъ преступленіи, онъ былъ бы судомъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, а въ военное время повѣшенъ".

Но сообщаемые въ статьѣ факты давно знакомы и русскому обществу, и иностраннымъ правительствамъ: это—все то же, что было до Мукдена, Ляояна.

Какимъ образомъ можно было бы, въ самомъ дѣлѣ, скрыть отъ сосѣдей стрѣлковой бригады, расквартированной „по самой границѣ", что спеціальныя двуколки для пулеметовъ замѣняются простыми парными телѣгами? Заряды, не подходящіе къ орудіямъ, старые прицѣлы, дающіе перелетъ на 400 шаговъ, „мертвыя души въ видѣ воздухоплавательныхъ и искровыхъ частей", такъ какъ большинство ихъ ждутъ съ 1909 г. своего спеціальнаго имущества, все это въ свое время было и неизвѣстно—до какихъ поръ будетъ. А ужъ, кажется, на нужды арміи никогда не скупились и не скупятся.

Это вѣдь не народное образованіе, у котораго можно безнаказанно выторговывать.

Если Государственная Дума напослѣдокъ вынула изъ кармана страны полмилліарда на флотъ, то Государственный Совѣтъ „съэкономилъ" ей цѣлыхъ десять милліоновъ въ годъ, проваливъ законопроектъ о всеобщемъ обученіи.

Надо ли прибавлять, что г. Кассо, по обычаю, не присутствовалъ на этомъ засѣданіи...

Онъ, повидимому, теперь страшно занятъ: все пятится назадъ, ко временамъ Делянова, Д. Толстого, т. е., къ Юлію Цезарю, Титу Ливію, къ экстемпораліямъ. Директора классическихъ гимназій недаромъ съѣзжались!

Большую еще работу задали ему учительскіе курсы вообще и петербургскіе въ частности.

Они устраивались здѣсь безъ особыхъ препятствій четыре года подъ-рядъ; благопріятная резолюція была положена на ходатайствѣ организаторовъ ихъ и нынче. А затѣмъ вдругъ курсы оказались запрещенными. Сперва,—по крайней мѣрѣ, въ обществѣ,—никакъ не могли разобраться: кто наложилъ на нихъ свою руку и отъ кого зависитъ ее убрать. По части запрещеній всегда фигурировало министерство внутреннихъ дѣлъ. А между тѣмъ, и товарищъ министра Н. А. Харузинъ, и самъ министръ А. А. Макаровъ, когда къ нимъ предварительно обращался одинъ изъ организаторовъ, членъ Государственнаго Совѣта профессоръ А. В. Васильевъ, отнеслись къ курсамъ сочувственно, но прибавили: „если не встрѣтится какихъ-либо препятствій со стороны министра народнаго просвѣщенія“.

Но у г. Кассо дѣло за препятствіями никогда не стоитъ: въ первыхъ числахъ іюня попечитель петербургскаго учебнаго округа, письмомъ въ редакцію „Новаго Времени“, сообщилъ, что министерство народнаго просвѣщенія, „для удобства курсовъ“ предполагаетъ устраивать само спеціальные курсы въ каждомъ учебномъ округѣ. Учителямъ, дескать, тогда не придется отрываться отъ своихъ семей, тратиться на плату за слушанье да и, „кромѣ того, продовольствіе и квартиры въ провинціи несравненно дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ“.

Какъ это такъ ухитрится министерство устроить свои курсы „въ округѣ“, чтобы учителя „не отрывались отъ семей“, господинъ попечитель все-таки обошелъ молчаніемъ. Неужели лекторы будутъ странствовать по деревнямъ? Или же курсистамъ предоставятъ безплатный проѣздъ со всѣми ихъ чадами и домочадцами до того губернскаго города, гдѣ находится управленіе округа?

Вотъ, до какихъ абсурдовъ можно зарапортоваться, занимаясь превращеніемъ чернаго въ бѣлое.

Эксперименты надъ народнымъ образованіемъ и педагогами производятся невозбранно не только самимъ г. Кассо, но и подчиненнымъ ему персоналомъ директоровъ и инспекторовъ.

Недавно, какъ сообщаетъ „Кіевская Мысль", инспекторъ народныхъ училищъ 3-го района Кіевской губерніи циркулярно запретилъ учителямъ отлучаться въ праздники „изъ мѣста постояннаго своего служенія безъ особаго каждый разъ разрѣшенія инспектора училищъ". А для сельскихъ учителей только по праздникамъ и возможно побывать въ городѣ, чтобы закупить для хозяйства, повидаться со знакомыми, родными, полѣчиться и пр.

Даже Третья Дума единогласно приняла законопроектъ объ уничтоженіи остатковъ крѣпостного права у хизановъ на Кавказѣ, а кіевскій инспекторъ вводитъ его для учителей!

Одесскій попечитель, по словамъ корреспондента „Новаго Времени", вооружилъ противъ себя даже „умѣренные и правые круги общества"—тенденціей „не къ открытію новыхъ среднеучебныхъ заведеній, а къ закрытію уже существующихъ", какъ и вообще существеннымъ непониманіемъ своихъ обязанностей.

Поглощенный „всецѣло и исключительно организаціей гимнастическихъ упражненій для учащихся", этотъ „попечитель" съ гимнастической ловкостью высадилъ за дверь и педагогическіе совѣты, и даже самихъ основателей частныхъ гимназій.

Навязанный имъ одной женской гимназіи учитель словесности ввелъ изученіе арцибашевскаго „Санина", учительница русскаго языка оказалась малограмотной, ибо курса нигдѣ не кончила и т. п.

За-то въ Камышинскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, на основаніи циркуляра о недопустимости въ школьныя библіотеки книгъ, не получившихъ одобренія ученаго комитета, по свѣдѣніямъ „Саратовскаго Вѣстника", въ число изъятыхъ попали: „Носъ", „Сорочинская ярмарка" Гоголя, а изъ учительскихъ библіотекъ исчезли: учебники саратовскаго инспектора Трояновскаго и даже „Русское правописаніе" Я. К. Грота.

Послѣдній то былъ ужъ несомнѣннымъ революціонеромъ: только вспомнить, какой хаосъ водворился послѣ его „вядчины", „итти" и пр.

Министерство народнаго просвѣщенія, считая правописаніе" революціей, еще, конечно, строже относится къ „писательству" и писателямъ вообще. Какъ телеграфируютъ „Русскому Слову" изъ Батума, учитель народной школы Чахвадзе за рядъ статей въ мѣстной газетѣ „о промышленномъ образованіи въ Батумской области" былъ уволенъ.

Послѣ этого совершенно естественно, что не могъ пройти и кавказскій университетъ, хотя намѣстникъ высказался за него.

Изъ другихъ сенсацій сезона выдѣлился „скандалъ, никогда еще не виданный членами Верхней Палаты", — по поводу Холмщины.

П. С. Таганцевъ и М. А. Стаховичъ, найдя, вслѣдствіе замѣны преній простымъ голосованіемъ, свое участіе въ дальнѣйшихъ работахъ безполезнымъ, подали просьбу о сложеніи съ нихъ обязанностей членовъ особой коммиссіи по законопроекту о выдѣленіи Холмщины.

Эта просьба была уважена, но вслѣдъ затѣмъ и графъ Олсуфьевъ, и Н. П. Балашовъ, и князь Н. П. Голицынъ заявили, что проектъ проводится какимъ-то доселѣ небывалымъ способомъ, а потому они отказываются подписать докладъ коммиссіи.

Большіе толки, особенно, въ чиновномъ мірѣ, вызвало также разъясненіе сената о „разъясненіяхъ" министерства внутреннихъ дѣлъ, а слѣдовательно, и другихъ вѣдомствъ.

Онъ напомнилъ министерству, что „единственнымъ толкователемъ закона въ Россійской Имперіи является сенатъ, высшей же административной власти такого права не предоставлено".

И, кромѣ того, указалъ, чтобы и впредь во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ министерство обращалось къ нему, отнюдь не позволяя себѣ законодательствовать.

Это давно было пора сдѣлать, но только не останется ли сенатское разъясненіе такъ же на бумагѣ, какъ оставались до сихъ поръ министерскія—относительно объема правъ губернаторовъ съ ихъ „обязательными постановленіями".

Кстати, не подлежитъ ли теперь пересмотру и макаровское заключеніе объ измѣненіяхъ выборнаго закона?

Безбрежность маринизма.

502 милліона рублей на „малую судостроительную программу“, единогласное принятіе этой суммы коммиссіей государственной обороны, большинствомъ голосовъ бюджетной и, какъ это можно было предвидѣть, несмотря на нѣкоторую разноголосицу въ средѣ октябристовъ, вполнѣ успѣшный исходъ этого дѣла въ Государственной Думѣ, — вѣдь не даромъ же вопросъ такой исключительной важности былъ внесенъ за нѣсколько дней до ея роспуска и наканунѣ выборовъ,—все же вмѣсто того, чтобы наполнить радостью сердца нашихъ патріотовъ, совершенно неожиданно вызвало между ними расколъ; г. Меньшиковъ, „человѣкъ обширныхъ познаній въ военно-морскихъ вопросахъ“, какъ аттестуетъ его г. Бубновъ, одинъ изъ его противниковъ, не только выступилъ съ предостереженіями: „осторожнѣе обращаться съ милліардами“, но и, видимо, имѣетъ не мало единомышленниковъ, при томъ въ спеціальныхъ сферахъ. Какъ это могло случиться? И что это значитъ? Вѣдь уже нѣсколько лѣтъ, да тотчасъ послѣ Цусимы, правая печать считала дѣломъ первостепенной и неотложной надобности возстановленіе нашего морского могущества: и вдругъ, въ самый рѣшительный моментъ, ставится вопросъ: да можетъ ли Россія имѣть линейный флотъ, не будутъ ли даромъ брошены милліарды? Мало того, г. Меньшиковъ говоритъ: „Исторія нашего флота учитъ, что до сихъ поръ, въ теченіе 200 лѣтъ, онъ не могъ у насъ наладиться какъ слѣдуетъ и ни въ одной войнѣ не оказалъ намъ серьезныхъ услугъ. По теоріи вѣроятности, того же слѣдуетъ ждать и въ будущемъ... отстранивъ линейный флотъ съ запозданіемъ и устарѣлыхъ типовъ, мы опять его потеряемъ, какъ въ Японской войнѣ“.

Правда, весь этотъ скептицизмъ маскируется провозглашеніемъ новой программы: намъ нуженъ не боевой флотъ, а „контръ-флотъ“, т. е. чисто оборонительныя суда, какъ-то: подводныя лодки, миноносцы и т. п. — это, настаиваетъ г. Меньшиковъ, будетъ и дешевле стоить, и скорѣе можетъ быть выполнено.

Не станемъ входить въ спеціальную сторону вопроса и разбирать, на чьей сторонѣ правда, тѣмъ болѣе, что про-

тивники (въ газетной полемикѣ) и прямо, и косвенно обличаютъ другъ друга въ самомъ элементарномъ незнакомствѣ съ предметомъ, о которомъ трактуютъ; а постараемся объяснить: какое будетъ дальнѣйшее, вѣроятное движеніе дѣла, когда оно изъ области проектовъ перейдетъ къ ихъ осуществленію.

Принятіе „малой судостроительной программы", хотя бы и съ тѣми оговорками, которыя были предложены бюджетной коммиссіей, обязательно предрѣшаетъ предъявленіе въ ближайшее время и настоящей, т. е. большой программы „Не только общій планъ", но и общіе чертежи кораблей съ соотвѣтствующими точными разсчетами имѣются въ полной готовности, прошли всѣ инстанціи и *удостоились надлежащаго утвержденія* (курсивъ нашъ), вотъ что въ половинѣ мая засвидѣтельствовалъ начальникъ морского штаба вице-адмиралъ князь Ливенъ. По теперешнимъ разсчетамъ, на выполненіе обѣихъ программъ понадобится 18 лѣтъ и около 3 милліардовъ рублей. Тотъ же князь Ливенъ заявилъ, что сильный флотъ въ Балтійскомъ морѣ намъ нуженъ не для одной лишь обороны, а чтобы „при рѣшеніи международныхъ вопросовъ подавать голосъ, къ которому прислушивались бы". Сумма въ 3 милліарда руб., нѣсколько лѣтъ тому назадъ казавшаяся чѣмъ то фантастическимъ, теперь никого не должна смущать: такой экономный министръ финансовъ, какъ В. Н. Коковцевъ, обращая вниманія Государственнаго Совѣта по естественный ростъ нашихъ доходовъ, совсѣмъ недвусмысленно высказался, что „намъ нечего опасаться расходовъ, которые необходимы на усиленіе нашей обороны, какъ сухопутной, такъ и морской". Въ томъ же смыслѣ онъ говорилъ въ бюджетной коммиссіи и въ Государственной Думѣ.

Теперь, послѣ рѣшенія Государственной Думы 6 іюня, для обывателя все дѣло сводится къ двумъ вопросамъ: первый, удержимся ли мы въ денежныхъ предѣлахъ выработанной программы (надо еще принимать въ разсчетъ, что она неминуемо вызоветъ весьма крупное увеличеніе расходовъ по нормальному бюджету морского министерства), и второй, не подвергнется ли программа существенному измѣненію ранѣе, чѣмъ будетъ доведена до конца.

Едва мы заговорили о возстановленіи нашего флота въ

Балтійскомъ морѣ, какъ Германія уже рѣшила приступить къ сформированію третьей эскадры, спеціально предназначенной быть противовѣсомъ возрождающейся морской силѣ Россіи. И ясно, что въ Балтійскомъ морѣ имѣетъ повториться то, что мы до сихъ поръ наблюдаемъ въ Сѣверномъ морѣ: взаимное соперничество Россіи и Германіи. И тогда отъ нашихъ теперешнихъ судостроительныхъ программъ останется одно только воспоминаніе, ихъ замѣнятъ новыя, съ болѣе короткими сроками для выполненія и добавочными милліардами. Вотъ тутъ, рано или поздно, и скажется разница между Германіей и Россіей и при томъ въ двухъ главныхъ отношеніяхъ. Первое, въ соперничествѣ съ нами Германія будетъ опираться какъ на свой общій высокій технический уровень, такъ и спеціально на тотъ, котораго она уже достигла въ судостроительномъ дѣлѣ; второе устойчивое экономическое развитіе, результатомъ котораго является не мишурная, а реальная солидность финансовыхъ средствъ. Если частные нѣмецкіе банки, чтобы щедрѣе поддерживать промышленность, и прибѣгаютъ къ содѣйствію болѣе дешеваго иностраннаго капитала, то государственный кредитъ Имперіи, равно и отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ ея составъ, вполнѣ покрывается изъ своего собственнаго національнаго капитала.

О нашей судостроительной техникѣ много распространяться нѣтъ надобности: она въ прошломъ, и при томъ очень недавнемъ, достаточно себя зарекомендовала. Замѣтимъ только, что техника не создается въ одинъ день, всего менѣе достигается циркулярами или контрактными, хотя бы и драконовскими, кондиціями, чѣмъ и объясняются наши судостроительные грѣхи уже послѣ Цусимы. А при спѣшности, доходящей до того, что серьезно принимаются въ разсчетъ заводы, существующіе только на бумагѣ, т. е. такіе заводы, которые, по оборудованіи ихъ, будутъ располагать личнымъ составомъ, отъ управляющаго до послѣдняго рабочаго, набраннымъ, какъ говорится, съ бору, да съ сосенки, можно себѣ представить, какіе суда украсятъ нашу армаду! Между тѣмъ, кто же не знаетъ, что современные дредноуты, сверхъ-дредноуты и что еще можетъ быть впереди, по своей сложности и утонченности могутъ поспорить съ самыми изысканными часовыми механизмами.

Допустимъ, однако, что въ судостроительной техникѣ все у насъ пойдетъ, какъ по маслу, что личный составъ нашихъ новыхъ судовъ окажется достаточно умѣлымъ и бережнымъ въ обращеніи съ механизмами (въ чемъ позволительно очень усомниться); но если, по сравненію съ нами, архи-богатой Англіи становится до такой степени не легко выдерживать судостроительное соперничество съ Германіей (а слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что Англія не знаетъ расходовъ на государственное желѣзнодорожное строительство, поглощающее у насъ огромныя суммы), что она готова поступиться своимъ преобладаніемъ въ Средиземномъ морѣ, черезъ которое идетъ дорога въ Индію, то не надо быть большимъ пессимистомъ, чтобы предсказывать, что и мы, черезъ нѣкоторое время, почувствуемъ тщету нашихъ усилій даже только выравняться съ Германіей. Вотъ тогда то, побѣжденные теперь, защитники „контръ-флота“ и выступятъ вновь на сцену. Несмотря на всѣ понесенныя нами жертвы, скажутъ они, нашъ линейный флотъ все-таки недостаточно силенъ, чтобъ гарантировать намъ безопасность въ Балтійскомъ морѣ; сама очевидность говоритъ, что рядомъ съ нимъ надо еще имѣть и „контръ-флотъ“, при томъ въ такихъ размѣрахъ, чтобъ, даже самъ по себѣ взятый, онъ могъ служить достаточной оборонѣ нашихъ береговъ. Къ тому же прогрессъ техники такъ далеко ушелъ впередъ, что теперь уже не можетъ быть спору, что „контръ-флотъ“ пригоденъ не только для одной обороны, но въ такой же степени можетъ явиться и грознымъ орудіемъ для нападенія. Разъ мы истратили столько милліардовъ на линейный флотъ, стоитъ ли останавливаться передъ расходомъ въ какой-нибудь милліардъ, пусть даже и нѣсколько болѣе. Мы ничего не имѣемъ противъ „контръ-флота“, отвѣтятъ теперешніе и будущіе защитники линейнаго флота: дѣйствительно, „контръ-флотъ“ можетъ быть хорошей поддержкой линейному флоту, но при одномъ непремѣнномъ условіи: послѣдній долженъ постоянно обновляться въ такой то срокъ (конечно, болѣе короткій, чѣмъ нынѣшній, такъ какъ техника неудержимо двигается впередъ—прибавимъ мы отъ себя).

Но другіе защитники флота этимъ не удовольствуются. Не только обязательно своевременно обновлять составъ линейнаго флота, но „чтобы диктовать волю суверенаго государ-

ства" и тѣмъ самымъ поддерживать достоинства міровой державы, слѣдуетъ еще усилить постройку новыхъ судовъ; никто не можетъ поручиться, что между Германіей и Англіей не произойдетъ улучшенія отношеній, и тогда въ одинъ прекрасный день намъ придется считаться со всѣми морскими силами Германіи.

Слушая эти рѣчи, г. Хвощинскій или кто другой въ его амплуа, почтительно замѣтитъ:

Отдавая полную дань уваженія тѣмъ чувствамъ и соображеніямъ, которыя внушаетъ „прекрасное знамя патріотизма и лойяльности", наше служеніе не въ томъ, чтобы поддерживать власть въ ея заблужденіяхъ; и потому я позволю себѣ откровенно заявить, что намъ на нѣкоторое время необходима передышка. Вѣдь у насъ весь естественный приростъ государственныхъ доходовъ уходитъ на морское дѣло; для увеличенія ассигнованій на сухопутную защиту уже приходится прибѣгать къ кредиту; а что касается до удовлетворенія культурныхъ потребностей страны,—такъ тамъ полная остановка...

Но не успѣетъ futur - Хвощинскій договорить, какъ грянетъ соединенный хоръ желѣзнозаводчиковъ и судостроителей.

Какъ вы можете говорить о передышкѣ! Да вѣдь это значитъ остановить заводы, погубить промышленность, которая только что стала на ноги, и выбросить на улицу двѣсти тысячъ рабочихъ.

Futur-Хвощинскій, самъ состоя пайщикомъ одного крупнаго металлургическаго дѣла, сейчасъ же почувствуетъ важность сдѣланнаго ему возраженія и поспѣшитъ успокоительно отвѣтить:

Конечно, этого допустить нельзя; и если я высказался за передышку, то лишь при условіи, что она не выйдетъ за предѣлы, за которыми существующая промышленность можетъ оказаться въ затруднительномъ положеніи.

Итакъ, наши маринистскіе проекты сначала выдвигаются необходимостью самозащиты, затѣмъ аргументируются международнымъ положеніемъ великой державы, а въ концѣ концовъ сведутся на защиту интересовъ промышленности. Но если смотрѣть въ „корень вещей", то и теперь послѣдніе играютъ доминирующую роль. Вѣдь если бы дѣйствительно

на первомъ планѣ при возсозданіи флота стояла неотложная работа о безопасности государства, то слѣдовало, не теряя времени, значительную часть судостроительныхъ заказовъ передать за границу. Тогда черезъ какіе-нибудь три, много черезъ четыре года мы получили бы довольно внушительную боевую силу, да и стоила бы она по меньшей мѣрѣ на 40% дешевле. Для существующихъ же въ Россіи заводовъ можно было бы оставить то количество заказовъ, которое они въ силахъ выполнить, не прибѣгая къ искусственной форсировкѣ.

Конституціонный режимъ нельзя и сравнивать съ прежнимъ. Давно ли это было, что чрезвычайныя ассигнованія въ десятки милліоновъ (напримѣръ, 90 милл. руб. на флотъ въ концѣ прошлаго вѣка) не только на русское общество, но и на министра финансовъ (С. Ю. Витте) произвели впечатлѣніе грома небеснаго, а нынѣ, въ „хорошій день", какъ выражается „Новое Время", 6 іюня, въ Государственной Думѣ сотнями милліоновъ, и даже милліардами, играли точно мячикомъ.

— У васъ черезъ десять лѣтъ никакого остатка отъ естественнаго прироста доходовъ не будетъ,—говорилъ А. И. Шингаревъ.

- Нѣтъ, будетъ 846 милл. руб. возражалъ В. Н. Коковцевъ.

— Принять ассигнованіе 502 милл. руб. -вѣдь это то же, что обязаться на отпускъ въ близкомъ будущемъ 3 -$3^1/_2$ милліардовъ.

— Теперь рѣчь идетъ о 502 милл. руб., а когда и сколько понадобится въ будущемъ, больше или меньше, -это дѣло будущаго, тогда и поговоримъ.

А. И. Гучковъ, отдѣлившійся отъ своей фракціи по вопросу о 502 милл. руб., указывалъ въ Думѣ, что кромѣ Англіи нигдѣ не тратятъ такихъ суммъ на флотъ, какія намъ предстоитъ расходовать съ 1913 года. Такъ, расходъ Италіи 70 милл. руб., Японіи—72 милл. руб., Франціи 141 милл. руб., Германіи—213 милл. руб., а мы будемъ выкидывать по 330 милл. р. Никто ему тогда не возражалъ и на большинство рѣчь А. И. не произвела никакого впечатлѣнія.

Если исходомъ дѣла можетъ быть доволенъ морской ми-

нистръ, то не менѣе долженъ быть доволенъ и его коллега—военный министръ. Всѣ ораторы, какъ большинства, такъ и оппозиціи, указывали на недостаточность или неудовлетворительность нашей сухопутной обороны (хотя по росписи на военное министерство отпущено 563 милл. руб.). И, несомнѣнно, Четвертой Думѣ придется вотировать добавочныя и весьма не малыя ассигнованія по военному министерству. Какъ военный министръ, такъ и В. П. Коковцевъ, всегда заявлявшій, что когда дѣло идетъ объ оборонѣ государства, то не можетъ быть какихъ-нибудь колебаній въ отпускѣ необходимыхъ на то средствъ, съ полнымъ правомъ будетъ ссылаться на думскія пренія 6 іюня.

А г. Меньшиковъ на другой день послѣ 6 іюня продолжаетъ свои скептическіе разговоры. „Мы, говоритъ онъ, пытаемся начать съ конца и роемъ деньги для будущаго наступленія, не заботясь о защитѣ", „въ настоящее время даже для зачаточнаго флота еще нѣтъ ни квартиры, ни отопленія, ни жильцовъ. Недостаетъ базы—военнаго порта, недостаетъ личнаго состава - офицеровъ и подготовленной спеціальной команды... вообще трудно указать что-нибудь такое, чего бы во флотѣ хватало".

И если все это вѣрно, то даже и на „малую судостроительную программу" 502 м. р. не хватитъ, а понадобятся добавочныя ассигнованія.

Такъ вотъ что принесъ намъ „хорошій день" 6 іюня и что онъ сулитъ еще въ будущемъ.

Не только въ газетной полемикѣ, но даже въ одномъ офиціальномъ документѣ, сказались нѣкоторые мотивы, очень характерные для переживаемаго нами курса внутренней политики. Вслѣдствіе протеста пришлось взять обратно подозрѣніе на счетъ лойяльности нѣмецкаго элемента въ Прибалтійскомъ краѣ; но камень, брошенный въ сторону Финляндіи, такой чести не удостоился. Между тѣмъ, ни въ Крымскую кампанію, ни въ Турецкую войну 77—78 г.г. не возникало никакихъ сомнѣній въ лойяльности финляндцевъ. Въ Крымскую кампанію союзники, будучи полными хозяевами на морѣ, не рѣшились, однако, на высадку въ Финляндіи, между прочимъ, и потому, что кромѣ регулярныхъ русскихъ военныхъ силъ, съ достаточнымъ основаніемъ опасались противодѣйствія и со стороны мѣстнаго населенія; это удер-

живало и Швецію до послѣдняго момента отъ вступленія въ коалицію. А теперь, когда во имя якобы безопасности государства правовое положеніе Финляндіи подверглось коренной ломкѣ, теперь вдругъ читаемъ: „въ Финляндіи на призывъ нашего врага отвѣтятъ вооруженной поддержкой и полнымъ сочувствіемъ" („Новое Время" 16 мая, г. Эль-Эсъ. одинъ изъ защитниковъ линейнаго флота).

Для Сибири вопросъ о возстановленіи морского могущества Россіи, кромѣ общаго значенія, могъ бы имѣть и спеціальное, если-бъ въ теперешнія программы входило и возобновленіе нашей тихоокеанской эскадры. Но мы этого не встрѣчаемъ: мало того, даже въ самыхъ пламенныхъ маринистскихъ статьяхъ полное умолчаніе о ней. А, кажется, беззащитность нашего Дальняго Востока должна бы прежде всего озабочивать нашихъ патріотовъ. Если вѣрно, какъ утверждаютъ наши маринисты, что цѣлый рядъ желѣзныхъ дорогъ недостаточно обезпечиваетъ наше положеніе на Балтійскомъ морѣ, то одна Амурская желѣзная дорога, при страшной удаленности главной базы, т. е. Европейской Россіи, уже совсѣмъ не можетъ внушать увѣренности въ незыблемости нашего господства на Дальнемъ Востокѣ; вѣдь нельзя же серьезно думать, что шесть подводныхъ лодокъ могутъ насъ гарантировать. Говорятъ, что въ Портсмутскомъ трактатѣ нѣтъ секретныхъ статей, въ чемъ-нибудь насъ связывающихъ. Охотно этому вѣримъ. Значитъ, несмотря на то, что Японія послѣ заключенія мира не только не сократила своихъ вооруженій, а, напротивъ, постоянно ихъ усиливаетъ, мы все-таки увѣрены, что никакая опасность съ ея стороны намъ не угрожаетъ. На чемъ основывается эта увѣренность? У насъ по всѣмъ вопросамъ установлено съ Японіей соглашеніе, вотъ единственный отвѣтъ, который могутъ намъ дать. Но почему же такое соглашеніе не можетъ быть достигнуто съ Германіей? Вѣдь мы съ ней никогда не воевали, экономическія связи первостепенной важности и, наконецъ, дѣлить ничего не приходится, такъ какъ нѣтъ подъ бокомъ Маньчжуріи. Вотъ загадка, на которую самъ Эдипъ задумался бы дать отвѣтъ.

Л. Пантелѣевъ.

Письмо въ редакцію.

Въ статьѣ „Точки надъ і", помѣщенной въ одной изъ книжекъ „Сибирскихъ Вопросовъ" за этотъ годъ, авторъ привелъ выдержку изъ статьи газеты „Сибирь", въ коей отмѣчается, „что депутатъ Бѣлоусовъ не огласилъ телеграммы, полученной имъ отъ ленскихъ рабочихъ ни въ Думѣ, ни въ печати и что онъ послалъ успокоительную „телеграмму рабочимъ, посовѣтовавшись съ Бѣлозеровымъ".

Сообщаю редакціи, что мною послано въ „Сибирь" опроверженіе этого сообщенія, отъ напечатанія коего она уклонилась.

Въ этомъ опроверженіи я сообщалъ и текстъ своей телеграммы и то, что телеграмма рабочихъ была оглашена въ газетѣ „Звѣзда" и была сообщена многимъ депутатамъ (въ письмѣ я отмѣтилъ даже нѣсколько фамилій).

Никакой „успокоительной" телеграммы я не подавалъ, а сообщилъ лишь, что отъ вмѣшательства въ конфликтъ долженъ уклониться, и что наводилъ справку о взглядахъ Правленія на требованія стачечниковъ, что Бѣлозеровъ находитъ одни требованія ихъ не выполнимыми, а другія неосновательными. Большаго шага въ тотъ моментъ сдѣлать было невозможно. Телеграмма была получена лишь въ началѣ стачки 6-7 марта.

Членъ Государственной Думы, *Т. Бѣлоусовъ.*

Хроника.

—На общемъ фонѣ пробужденія интереса къ Сибири и стремленій къ изученію ея нельзя не отмѣтить организацію **студенческаго агрономическаго кружка** по изученію Западной Сибири **при московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ.** Кружокъ ставитъ своей цѣлью изученіе мѣръ къ поднятію сельскохозяйственной культуры и пропаганду агрономическихъ знаній въ Западной Сибири, для чего намѣчено изученіе Сибири въ сельскохозяйственномъ, естественно-историческомъ, общественно-экономическомъ отношеніяхъ.

Климатическія, почвенныя и другія условія Сибири настолько своеобразны, что сибирскимъ агрономамъ съ подготовкой, данной высшей школой, немыслимо приступить къ

РАЙОННО-ЦЕНТР... БИБЛИОТ... г. ТЮМЕНЬ.

дѣятельности, не рискуя на первомъ же шагу надѣлать массу ошибокъ. Во избѣжаніе этого нужно заранѣе знакомиться съ условіями сибирскаго сельскаго хозяйства, что наиболѣе осуществимо при посредствѣ агрономическаго кружка, члены котораго разбредаются лѣтомъ по всей Сибири, гдѣ можно собирать всевозможные матеріалы и свѣдѣнія, и все собранное разработывать потомъ въ кружкѣ теоретически.

Нужда въ агрономическомъ кружкѣ назрѣла давно, и его организація является своевременной.

Кружокъ объединитъ студентовъ сибиряковъ, отрѣзанныхъ отъ родины большими разстояніями, въ тѣсную, дружную семью, гдѣ не будутъ забываться слова Г. Н. Потанина: Григорій Николаевичъ писалъ, что сибиряки, уѣзжая учиться въ Европейскую Россію, забываютъ родину и остаются тамъ, а между тѣмъ Сибирь бѣдна интеллигентными силами и ждетъ культурныхъ работниковъ.

НОВАЯ КНИГА:

Переселенческій вопросъ въ Государственной Думѣ III созыва.

(Итоги и перспективы)

Ц. 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія при юридическомъ книжномъ складѣ „ПРАВО“ СПБ., Литейный, 28.

Издатель В. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Для лицъ, желающихъ получать журналъ въ **Петербургѣ**, подписка принимается въ конторѣ типографіи **Альтшулера**—Фонтанка, 96 и
въ книжномъ магазинѣ **И. И. Митюрникова**—Литейный пр., 31.
Тутъ же розничная продажа номеровъ.

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 18

28 іюня 1912 г.

БИБЛІОТЕКА
ТОМСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯ
КЛУБА.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Жандармъ Фетюковъ. *М. Колчина.*
2. Прошлое Сибири, лягушка и Общество изученія Сибири *S. Bonnard.*
3. Приамурье.
4. Національное дѣло.
5. Сибирскія письма: 1) Изъ Ачинскаго уѣзда, 2) Иркутскъ.
6. Очерки сибирской жизни.
7. Аграрные безпорядки павловцевъ. (Письмо изъ Барнаула).
8. Педагогъ-престидижитаторъ. (Письмо изъ Томска).
9. Борьба съ кобылкой въ Енисейской губ.
10. Иртышскій казакъ. *А. Невѣсова.*
11. Столичныя газеты о Сибири.
12. Обозрѣніе русской жизни.
13. Опечатки.
14. Объявленія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 95.
1912.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ

НА

„Сибирскіе Вопросы“

НА 1912 ГОДЪ

(Журналъ независимый, прогрессивный, посвященный защитѣ областныхъ интересовъ Сибири)

8-ой годъ изданія.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—30 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается
ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ СИБИРИ и РОССІИ
по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ Томскѣ—Посохина и Макушина, въ Иркутскѣ—Макушина и Посохина, въ Тюмени—О. Ф. Невской, въ Тобольскѣ—А. С. Суханова, въ Красноярскѣ—М. И. Григоровской, въ Читѣ—гг. Цепелева и Борисова.

Адресъ редакціи и конторы журнала—С.-Петербургъ Сергіевская ул., 3.

Издатель Вл. П. Суначевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 18

26 іюня 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	Жандармъ Фетюковъ. *М. Колчина*	1— 9
2.	Прошлое Сибири, лягушка и Общество изученія Сибири. *S. Bonnard*	9—16
3.	Приамурье	16—25
4.	Національное дѣло	25—32
5.	Сибирскія письма: 1) Изъ Ачинскаго уѣзда, 2) Иркутскъ	32—38
6.	Очерки сибирской жизни	39—49
7.	Аграрные безпорядки павловцевъ (Письмо изъ Барнаула)	49—62
8.	Педагогъ-престидижитаторъ (Письмо изъ Томска)	63—66
9.	Борьба съ кобылкой въ Енисейской губ.	69—72
10	Иртышскій казакъ. *А. Невѣсова*	72—82
11.	Столичныя газеты о Сибири	82—86
12.	Обозрѣніе русской жизни	86—92
13.	Опечатки	93
14.	Объявленія.	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера Фонтанка, 96
1912.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Жандармъ Фетюковъ.

Іюньскій день, солнечный и знойный, проникъ также въ верхне-обское уѣздное полицейское управленіе, длинное и неуклюжее зданіе барочнаго типа, окрашенное въ грязно-желтый цвѣтъ.

Какой-то особенно озорной лучъ пробрался даже въ самое присутствіе, гдѣ, изнемогая отъ возраставшей духоты, засѣдали по обыкновенію верхне-обскій исправникъ Василій Лукичъ Козловъ, его помощникъ Швецъ и секретарь полиціи, мудреную фамилію котораго никто запомнить не могъ, а расписывался онъ непонятными завитками. И въ полицейскомъ управленіи, и въ городѣ его называли просто „секретаремъ“...

Пробравшійся въ присутствіе солнечный лучь сперва зажегся яркимъ пятномъ на тяжелой золоченой рамѣ царскаго портрета, блеснулъ свѣтлыми искорками въ пуговицахъ кителя исправника. Потомъ шаловливо брызнулъ вверхъ, пробѣжался одинокимъ зайчикомъ по закопченному потолку, спустился по шкафу съ запыленными дѣлами наверху и заигралъ на лакированныхъ голенищахъ помощника.

Налетѣвшій вдругъ вѣтерокъ чуть шевельнулъ штору. Разомъ ворвалось нѣсколько шаловливыхъ лучей, и зайчики цѣлой стаей, обгоняя одинъ другого, весело забѣгали и заиграли по стѣнамъ, по покрытому краснымъ сукномъ столу, по дѣловымъ бумагамъ и пакетамъ, полученнымъ только что съ почты.

Сумрачная комната отъ вспыхивавшихъ то здѣсь, то тамъ солнечныхъ пятенъ стала свѣтлѣе и веселѣе, но засѣдавшимъ было не до того. Съ каждымъ часомъ увеличивалась духота, несмотря на низко спущенныя шторы. Онѣ мало предохраняли отъ нестерпимаго зноя, которымъ дышалъ въ открытыя окна накалившійся песокъ площади. Мелкая забивавшаяся всюду и раздражавшая

пыль легко просачивалась сквозь шторы, а при малѣйшемъ ихъ колебаніи широкой, рѣжущей глазъ полосой расплавленнаго золота сверкала Обь.

Подъ окнами жалобно блеяли овцы, изможенныя жарой. Отчаянно, словно призывал на помощь, мычала корова.

У окна секретарь давно уже облился потомъ отъ духоты и усилій надъ составленіемъ замысловатой отписки по дѣлу о растратѣ, учиненной приставомъ 2 стана Пуговкинымъ. Жена Пуговкина (какъ это хорошо было извѣстно не только секретарю) пользовалась большимъ расположеніемъ исправника, и отписаться надлежало такъ, какъ будто никакой растраты и не было.

Но растрата была, собранныя съ инородцевъ суммы исчезли... По бумагамъ прыгали веселые зайчики, отъ жары тяжелѣла голова, путались мысли, и секретарь въ отчаяніи портилъ уже четвертый листъ.

— Послѣ этого не быть мнѣ приставомъ! — шепталъ онъ беззвучно, съ опаской поглядывая на исправника.

А исправнику было не до пристава Пуговкина или его жены, вообще не до какихъ дѣлъ, личныхъ и общественныхъ. Понемногу онъ уже разстегнулъ всѣ пуговицы своего кавалерійскаго кителя, снялъ бы съ удовольствіемъ его совсѣмъ, если бы не уваженіе къ мѣсту и сознаніе своего достоинства передъ подчиненными. Сдерживаемый высшими соображеніями отъ страстнаго желанія совершенно раздѣться, исправникъ чувствовалъ, какъ онъ все глубже и глубже погружается въ противно-теплый туманъ, растопляющій не только его жирное тѣло, но и мозги.

Пакеты съ почты лежали нетронутыми. И это равнодушіе злило помощника, нисколько не страдавшаго отъ жары. Онъ нѣсколько разъ неестественно громко стукнулъ, прикладывая печать, но исправникъ не выходилъ изъ своего расплавленнаго состоянія. Тогда помощникъ осторожно подвинулъ къ себѣ пакеты, выбралъ одинъ изъ нихъ и положилъ такъ, что хорошо знакомая печать пришлась прямо передъ глазами патрона.

Замѣтивъ печать, исправникъ встрепенулся, и сонливое настроеніе разомъ пропало. Отрезвляющій холодокъ непріятнаго ожиданія пробѣжалъ по всему тѣлу, когда онъ протянулъ руку къ пакету.

— Отъ губернатора! — значительно бросилъ Василій Лукичъ въ сторону помощника, уже окончательно приходя въ себя и торопливо застегивая на всѣ пуговицы картинно распахнувшійся китель.

Послышалось шуршанье разрываемой бумаги. Насторожился помощникъ, выпустивъ въ потолокъ огромный клубъ дыма. Оторвался отъ своей отписки секретарь, поднялъ голову и замеръ.

Разбѣжались съ площади овцы, перестала мычать корова. И всѣмъ показалось, что самая тишина на улицѣ стала какъ-будто напряженнѣе, словно тоже ждала ,чего-то отъ губернаторской бумаги.

— „Обращаю ваше вниманіе... Поведеніе... въ вашемъ уѣздѣ... Предписываю немедленно“...

Исправникъ отеръ платкомъ заблестѣвшій лобъ, разстегнулъ одну пуговицу и опять началъ торопливо пробѣгать четкія строки, бормоча себѣ подъ носъ:

„Крестный ходъ... Учительница Курочкина... Икона... Докторъ Перельцвайгъ“...

— Донесъ... — передалъ исправникъ бумагу помощнику. — Губернатору передано жандармскимъ управленіемъ. Приказано разслѣдованіе, но, кажется, что-то сумбурное. Посмотримъ сейчасъ оригиналъ... Ну, да.., „Довожу до свѣдѣнія“ и прочее... Гм!.. „Во время крестнаго хода... учительница Курочкина иронически“... Тоже довольно безсмысленно... „Иронически отнеслась къ высокочтимой населеніемъ... Позволила себѣ...“ Слогъ тоже у подлеца!..

— Фетюковъ, вѣроятно?—освѣдомился помощникъ.—Похоже на его привычку выражаться...

— Кому жо больше... Онъ у насъ по этимъ дѣламъ постоянный поставщикъ. Прямо зудъ какой-то у человѣка. Полюбуйтесь, Софью Константиновну въ непочтеніи къ религіи обвиняетъ... Доктора приплелъ... Распутывай теперь. Относительно Софьи Константиновны можно инспектору передать... Непріятно какъ-то оно, знаете... А съ докторомъ и совсѣмъ неловко...

— Обойдемся и безъ такой официальности,—пришелъ на помощь Швецъ, переслуживший уже трехъ исправниковъ.—По моему, просто вызвать сюда Фетюкова и допросить, какія у него основанія. Если недостаточныя и вообще вниманія не стоютъ, внушить ему, чтобы на слѣдующій разъ...

— Пожалуй, такъ и сдѣлаемъ. Позвоните, голубчикъ... Вотъ что,—обратился исправникъ къ вошедшему на звонокъ полицейскому,—иди ты, или кто тамъ свободенъ, къ жандарму Фетюкову. Пусть сейчасъ сюда идетъ, я требую..,

— Удивительный городъ!—разсуждалъ исправникъ по уходѣ

городового.—Знаете, я первый разъ за свою жизнь такой встрѣчаю. Чуть не каждую недѣлю доносы строчатъ... И всѣ вродѣ Фетюкова. Настоящій доносъ я признаю и понимаю, а это развѣ доносъ? Какъ красиво пишетъ, каналья! Словно настоящій писарь!..

— Это онъ не самъ,—вверпулъ словечко секретарь, принимаясь за пятый листъ.—Сынишка у него въ городское ходитъ, въ послѣднемъ классѣ, такъ онъ и пишетъ. Фетюковъ ему всѣ доносы диктуетъ...

— А вы-то откуда знаете?

— Развѣ я одинъ?—улыбнулся секретарь. — Весь городъ знаетъ, что Фетюковъ доносы пишетъ и какъ ихъ пишетъ. Самъ же мальчонка его придетъ на завтра въ классъ и хвастается...

— Весь городъ...—проворчалъ недовольный исправникъ и строго окрикнулъ секретаря.—Вы бы лучше своимъ дѣломъ усерднѣй занимались... Опоздаете къ завтрашней почтѣ, невиннаго человѣка выгнать со службы могутъ, а то и подъ судъ отдать. Тоже по чьему-то доносу... Прошу не забывать этого.

Секретарь заскрипѣлъ перомъ по бумагѣ, чутко прислушиваясь къ дальнѣйшему разговору начальства.

Взволновавшійся исправникъ, перебирая и бѣгло просматривая полученную почту, продолжалъ разсуждать:

— Доносъ я понимаю, а это ужъ непростительное разгильдяйство. Тайное наблюденіе, особенно въ нашемъ городѣ, при такой массѣ ссыльныхъ. Оно нужно, какъ... Для исполненія...—протянулъ онъ одинъ изъ пакетовъ секретарю и вернулся къ прежней темѣ.—Оно нужно, говорю я, какъ... какъ...

— Какъ дезинфецирующее средство...—подсказалъ помощникъ, бывшій когда-то фельдшеромъ.

— Оздровляющее...—поправилъ его исправникъ. — И это должно лежать на нашей обязанности, мы должны все знать. А тутъ какой-то Фетюковъ, у него, видите, свое начальство. Мнѣ, признаться, не нравится такая постановка дѣла. Я отвѣчаю за уѣздъ, я и долженъ все узнать и отъ себя сообщать. А заведется писака и строчитъ прямо, потомъ непріятности. Сообщи онъ мнѣ непосредственно, я бы давно разслѣдовалъ... Что же тамъ?—крикнулъ исправникъ въ дверь.—Пошли за Фетюковымъ?

— Чего это онъ широко реветъ?—спросилъ хромой писецъ у дежурнаго стражника.

— За Фетюковымъ давеча Егоръ побѣгъ, къ себѣ требуетъ. Не терпится, видно...

— Опять донесъ, надо быть...—усмѣхнулся писецъ, наскоро затягиваясь папиросой.

— Кто ихъ знаетъ. Занимаются этимъ Фетюковъ. Самъ сказывалъ, что пять цѣлковыхъ получилъ, какъ на преображенскаго писаря донесъ. Книжки какія-то у того нашли... Идутъ, слава Богу, никакъ... Шагайте скорѣй!.. — закричалъ стражникъ на поднимавшихся по лѣстницѣ Фетюкова и Егора.—Исправникъ сколько разъ ревѣлъ...

— Явился, наконецъ,—привѣтствовалъ исправникъ Фетюкова.—Вотъ что... Какъ васъ тамъ... Господинъ секретарь, вы бы перешли на время... Вотъ въ чемъ дѣло... Это ты писалъ?

— Такъ точно, ваше в—скородіе, я писалъ...—вытянулся въ струнку Фетюковъ.

— Губернаторъ мнѣ для разслѣдованія прислалъ. Объясни подробнѣй, въ чемъ выразилась непочтительность къ религіи учительницы Курочкиной и какое отношеніе имѣетъ къ этому докторъ Перельцвайгъ?

— Такъ что, ваше в-скородіе,— началъ свои объясненія Фетюковъ,— на крестномъ ходѣ оно выяснилось. Кругъ города по случаю избавленія отъ пожара ежегодно въ Троицу ходятъ съ иконами и Спасителя изъ собора носятъ. Какъ стали служить на площади молебенъ, гляжу, учительница Курочкина посмотрѣла на образъ и улыбнулась очень даже непочтительно. Кругомъ, можно сказать, все вѣрующіе, со страхомъ и трепетомъ, а она...

— Ладно, достаточно. Глазъ у тебя зоркій. А докторъ здѣсь причемъ? Онъ съ ней былъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... Доктора въ ту пору я совмѣстно съ учительницей Курочкиной не наблюдалъ. О докторѣ я по иным размышленіямъ въ этомъ сообщеніи высказался...

— Ну, и высказывай свои размышленія. Да не мямли. Говори прямо, какъ было...

— Такъ что, ваше в-скородіе...—приступилъ было къ объясненію Фетюковъ и остановился.

— Опять замолчалъ... Начальству долженъ, какъ на духу, говорить... Понялъ?

— Такъ что, ваше в-скородіе, ихъ в-скородіе, господинъ ротмистръ Бураковскій, какъ послѣдній разъ въ нашемъ городѣ были, такъ мнѣ наказывали... Въ первую, молъ, голову, Фетю-

ковъ, за тѣми надлежащій надзоръ имѣй, которые изъ евреевъ, или прочіе какіе неблагонадежные.

— Ну?

— Приказаніе ихъ в-скородія неуклонно имѣлъ въ виду при совершеніи своихъ дѣйствій...

— За это только похвалить можно. А ты про доктора скажи... Учительница смѣялась, а онъ?

— Такъ что они изъ евреевъ и вообще... Вліяніе ихъ неблагонадежное очень...

— Дальше!.. — коротко приказалъ исправникъ, переглянувшись съ помощникомъ.

— По случаю частаго посѣщенія ихъ учительницы Курочкиной и возмущающихъ отзывахъ объ религіи сопоставилъ съ ними поступокъ учительницы Курочкиной. Достовѣрный человѣкъ передавалъ, какъ докторъ позволилъ себѣ о святынѣ нашей въ большомъ обществѣ отзываться.

— Да ты скорѣй, къ дѣлу... А то тянешь-тянешь, что возъ тащишь...

— Въ музей, говорили, икону передать надо... И нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей одобряли...

— Глупъ ты, братецъ...—безнадежно вздохнулъ исправникъ. — Туда же, за другими надзирать лѣзешь, пишешь. Ко мнѣ бы лучше пришелъ, и скандала бы не было. Или къ инспектору...

— Я инспектору, ваше в-скородіе, на первыхъ порахъ доложилъ, а они мнѣ...

— Что же онъ? Какой ты, братецъ, изъ тебя всякое слово клещами тянуть надо!..

— Они въ отвѣтъ мораль на мое поведеніе. У тебя, говорятъ, Маня какая-то, ты и видишь вездѣ непозволительное. Я по долгу службы, а они такъ... Обидно, ваше в-скородіе...

— Маня?!—сперва удивился исправникъ, а потомъ расхохотался.—Маня! Ха-ха-ха!.. Уморилъ ты меня... Не маня, а машія... Ма-ші-я... Какъ бы сумасшествіе, понимаешь?

— Такъ точно, ваше в-скородіе, понимаю. Равносильно обидно, в-скородіе.

— И не того еще дождешься, если такъ соваться будешь. Найдешь чепуху и сейчасъ ротмистру. Да еще мальчишка напишетъ, а потомъ разсказываетъ. Ты у меня смотри! Ты насъ всѣхъ дураками ставишь... И чтобъ у меня этого не было больше. Какъ что узнаешь, приходи ко мнѣ, я разберу...

— Мальчишку-то я выдеру за разговоры, ваше в-скородіе, не сумлѣвайтесь. А господинъ ротмистръ приказывали, чтобы сообщенія и замѣчанія по тайному наблюденію за населеніемъ прямо въ ихъ руки отправлять. И даже поощреніе за исполненіе обѣщали въ будущемъ...

— Дождешься ты поощренія. Одинъ непріятности изъ-за тебя...

— Я, ваше в-скородіе, исключительно по долгу службы, ничего окромя. Господинъ ротмистръ въ каждый свой пріѣздъ золотой даютъ въ награжденіе и больше, глядя по заслугѣ. Всегда говорятъ, старайся, Фетюковъ. Я и стараюсь. Какъ передъ Истиннымъ, ваше в-скородіе. А мальченку выдеру...

— Эхъ, съ тобой говорить!.. Совѣтую тебѣ, брось это. Не какъ начальникъ совѣтую, а изъ любви къ тебѣ. Каждую недѣлю ты пишешь, насъ измучилъ, и никакого толку... Слышишь? Ступай.

— Вотъ и поговорите съ нимъ...—обернулся исправникъ къ помощнику, когда за Фетюковымъ закрылась дверь.—Ей Богу, съ самимъ губернаторомъ легче дѣло имѣть... Говори и бойся, пойдетъ и на тебя доносъ напишетъ...

— На меня ужъ доносилъ,—скромно сознался помощникъ.—И даже неоднократно...

— И что же?

— Особеннаго ничего. Конечно, непріятности были, но уволить не уволилъ. Даже не перевели...

— Это досадно...—забезпокоился исправникъ.—Знаете, я все-таки пошлю за инспекторомъ. Сообщимъ ему про Курочкину, и какое наше дѣло. А насчетъ доктора отпишемся. Хоть онъ и еврей, а человѣкъ хорошій.

— Бѣги кто-нибудь въ городское училище, за инспекторомъ...—сказалъ дежурный, входя въ сѣни, гдѣ сидѣли стражники и Фетюковъ, покуривавшій трубочку.

— Опять ты дѣловъ натворилъ...—обратился къ нему стражникъ.—Заработаешь, поди, пятерку...

— Людямъ прибыль, а тутъ трепи сапоги за то же жалованье!—вздохнулъ завистливо другой, собравшійся идти за инспекторомъ.—За всѣ пятнадцать! И тебя же еще ругаютъ...

Фетюковъ загадочно улыбнулся и промолчалъ. А дома разсказывалъ женѣ про исправника:

— Сперва наскокомъ. Дуракъ, говоритъ, и вовсе не Маня, а сумасшедшій. Я, конечно, молчу. Потомъ, говоритъ, не пиши

ротмистру, брось, ко мнѣ приходи. Каждому, конечно, лестно, а какъ мнѣ ротмистръ приказывалъ наблюдать и ему доносить, такъ я и стараюсь въ точности исполнять.

— Исполняй, Ильичъ, исполняй,— поддержала жена.—Жалованье наше маленькое, все доходъ...

— Самъ безъ тебя знаю. Развѣ исправникъ мнѣ начальство? Такъ, по уставу, козыряю. Онъ по наружной полиціи, насчетъ воровства, скандала, прочаго внѣшняго безобразія. А я по отдѣльному корпусу жандармовъ, по политическимъ преступленіямъ, вродѣ тайной полиціи. Я и долженъ наблюденіе за неблагопадежностью имѣть и приказаній своего начальства слушаться... А Ванька гдѣ?

— Здѣсь все вертѣлся... Должно, на рѣку съ ребятами купаться убѣгъ.

— Какъ вернется, не вели далеко уходить. Я только до столяра схожу и обратно. Ваньку сегодня за длинный языкъ драть буду, а потомъ писать будемъ. Нечего исправника слушать, онъ наговоритъ. Доктора я хорошо знаю и всѣ его безобразія каждый Божій день передъ собой вижу.

Вернулся отъ столяра Фетюковъ обозленный й спросилъ у жены, гдѣ Ванька.

— Въ чуланъ я его даве заперла. Сказала, драть будешь, бѣжать хотѣлъ...

— Сегодня не буду, завтра выдеру. Пусть языкомъ не звонитъ зря, отца не позоритъ. Сегодня дѣла много, скоро не управиться. Про доктора писать надо, да про исправника...

— Про исправника! — испугалась даже жандармиха. — Богъ съ тобой, Ильичъ...

— Трусишь!.. Я про стараго сколько разъ писалъ, про помощника писалъ. А про этого мнѣ сказывали, что съ политиками въ клубѣ въ карты играетъ. Кумъ Степанъ самъ видѣлъ. Еще съ Пуговкина-пристава женой шашни завелъ, а свою бросилъ. Опять же доктора покрываетъ. Встрѣтилъ я его, доктора, сейчасъ, а онъ и пошелъ. „Какъ, говоритъ, вамъ не стыдно, это позоръ.“ Не любитъ, не пришлось на вкусъ. „Жаловаться буду, молъ, на васъ, жить нельзя“. И кричитъ на всю улицу. Народъ собрался, окна открыли... Настоящій скандалъ...

— Ишь, озорникъ!—искренно огорчилась супруга.—Недобраго не вышло бы.

— Потому и писать буду. Я ихъ раздѣлаю, будутъ помнить... Дай ключи, Ваньку выпущу...

Ванькѣ Фетюковъ далъ легкую затрещину и этимъ пока удовольствовался.

— Это задатокъ!—пригрозилъ онъ сынишкѣ.— Не ботай, ботало. Пороть по настоящему завтра буду. Теперь поди, вымой руки, ротмистру писать будемъ. Исправникъ тоже. Мальчишку почему заставляешь? У меня, можетъ, руки окарявили такъ, что и пера не держатъ. А для чего я его учу? Должна отцу польза быть...

Черезъ полчаса жандармъ съ важнымъ видомъ диктовалъ умытому сынишкѣ:

— „До свѣдѣнія"... Написалъ? Пиши теперь: „А напротивъ, въ домѣ соборнаго отца протоіерея, отца Прокофія, живутъ двѣ учительницы, Софья Константиновна Курочкина и Александра Ивановна Шубина. Обѣ онѣ незамужнія дѣвицы. И ходитъ къ нимъ каждый вечеръ здѣшній докторъ Перельцвагъ, вѣроисповѣданіемъ еврей, а по своему внутреннему характеру волокитъ"...

Было поздно. Ужо пѣтухи давно пропѣли, когда Фетюковъ, бережно сложивъ исписанный листъ, взялъ другой и сказалъ начавшему дремать Ванькѣ:

— А теперь пиши про исправника...

М. Колчинъ.

Прошлое Сибири, лягушка и „Общество изученія Сибири".

Я не собираюсь писать фельетонъ. Заглавіе настоящей замѣтки—просто совпаденіе. Случилось такъ что одна и та же почта принесла мнѣ іюньскую книжку „Русской Старины" и № 121 „Сибирской Жизни".

Въ „Русской Старинѣ"—статья г. Энъ-Пэ „Прошлое Сибири", а въ „Сибирской Жизни"—„Лягушка" А. В. Адріанова.

Посмотримъ прежде, что говоритъ Энъ-Пэ. Онъ скорбитъ. Скорбитъ горячо и искренне о томъ, что прошлое Сибири въ забвеніи, что его никто не изучаетъ, что сибирскую старину и исторію готовы забыть совершенно. Доказательство этому г. Энъ-Пэ видитъ въ томъ, что за послѣднее время почти совершенно отсутствуютъ печатные труды по исторіи

Сибири, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ брошюръ и отдѣльныхъ статей въ „Запискахъ“ мѣстныхъ отдѣловъ Императорскаго Географическаго Общества (Иркутскаго и Омскаго) и изданій губернскихъ статистическихъ комитетовъ и мѣстныхъ музеевъ. А между тѣмъ, говоритъ г. Энъ-Пэ, для научно-исторической работы здѣсь, въ Сибири, дѣйствительно, богатый и непочатый уголъ!..

„У насъ вѣдь, продолжаетъ онъ, до сихъ поръ еще нѣтъ ни одной губернской или областной ученой архивной коммиссіи. Самые архивы въ главнѣйшихъ сибирскихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ, Иркутскѣ, Читѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ, Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ и др., остаются до сихъ поръ не обслѣдованными и даже не приведенными въ порядокъ, удобный для научной обработки ихъ матеріаловъ. Многіе же архивы, довольно цѣнные по содержащимся въ нихъ документамъ, хранятся, какъ я знаю, въ полномъ безпорядкѣ, грозящемъ даже уничтоженіемъ многихъ старыхъ актовъ.

„Нѣтъ также у насъ какихъ-либо ученыхъ обществъ или организацій, задавшихся цѣлью собиранія и обработки историческихъ архивныхъ матеріаловъ.

„Не выходитъ у насъ въ Сибири никакихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ бы печатались письменные памятники прошлаго Сибири или же статьи монографическаго характера, касающіяся извѣстнаго періода изъ этого прошлаго.

„Словомъ, въ настоящее время, кромѣ единичныхъ, часто случайныхъ попытокъ изданія отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ, вродѣ очерковъ Н. Н. Козьмина, Сибирь не имѣетъ ничего цѣльнаго и солидарнаго по своей трехвѣковой исторіи, богатой эпизодами, лицами и фактами, достойными изученія, но бѣдной теперь изслѣдователями и работниками на этой неблагодарной научной нивѣ“.

„А что же“, спрашиваетъ далѣе г. Энъ-Пэ, „нашъ сибирскій „свѣтильникъ“ свѣта просвѣщенія, нашъ молодой томскій университетъ, остается до сихъ поръ, какъ-будто, равнодушнымъ къ прошлымъ судьбамъ страны, въ которой онъ призванъ насаждать высшую науку и знаніе??!

Развѣ не ему, казалось бы, должно принадлежать первое

слово, первый призывъ и первый кличъ по всей, изъ края въ край, обширной сибирской землѣ къ ея сынамъ о совмѣстной научной работѣ на родной исторической нивѣ?!.

Думаемъ, что такой призывъ и починъ университета нашелъ бы живой откликъ среди сибиряковъ и сплотилъ бы многихъ изъ нихъ около этого „разсадника просвѣщенія“ для научной работы въ области историческаго изученія Сибири и этимъ положилъ бы основной камень для новаго, быть можетъ, на первое время и очень скромнаго зданія—храма богини „Кліо-Гиперборейской“, для служенія въ немъ на пользу просвѣщенія вообще и изученія сибирской старины въ частности“.

И г. Энъ-Пэ горячо и настойчиво зоветъ всѣхъ въ сибирскіе архивы.

„Современное“, цитируетъ онъ слова одного публициста, „текущее, модное, часто назойливо лѣзетъ намъ въ глаза и засоряетъ голову“... Другое дѣло исторія. Она, по словамъ г. Энъ-Пэ, обладаетъ исключительнымъ свойствомъ „вызывать особый трансъ, трансъ ясновидѣнія, отвлеченія души въ другія пространства и другія времена“.

„Изучайте прошлое Сибири“ — было бы точнымъ заглавіемъ статьи г. Энъ-Пэ, статьи горячей и искренней, относительно которой авторъ ея хотѣлъ бы только одного: чтобы она вызвала обмѣнъ мнѣній въ періодической сибирской печати, не осталась бы ею не замѣченной.

А. В. Адріановъ ни къ чему не зоветъ, ничего не проповѣдуетъ, не морализируетъ. Онъ только сообщаетъ интересный фактъ.

Подъ Томскомъ, подъ самымъ городомъ, въ одномъ озеркѣ, найдена лягушка, доселѣ неизвѣстная нигдѣ, не только въ Сибири, и въ Европѣ и представляющая, вѣроятно, новый видъ. Лягушка эта поражаетъ двумя особенностями: своей необыкновенной величиной и развитыми около ушей резонаторами—у самцовъ.

Взрослые экземпляры достигаютъ величины 5 — 6 вершковъ въ длину, т. е. поперечника тарелки. Достаточно сказать, что одинъ охотникъ, бродившій около озерка съ ружьемъ, застрѣлилъ лягушку, принявъ ее за сѣрую утку, и разобрался въ своей добычѣ только тогда, когда взялъ ее въ руки. Въ другой разъ, на томъ же озеркѣ, лягушка-

самка плыла и была принята за крохаля однимъ изъ охотниковъ, сообщившимъ своему товарищу объ этомъ, и не была убита только потому, что они разглядѣли, какой это крохаль.

Голосовые мѣшки (исключительная принадлежность самцовъ), играющіе роль резонаторовъ, у этой лягушки отличаются такимъ развитіемъ, что когда она кричитъ, то они раздуваются до величины куринаго яйца, а голосъ ея слышенъ за восемь верстъ.

Когда студентъ В. Г. Шипачевъ, впервые нашедшій эту лягушку, услышалъ ея крикъ, то онъ принялъ его за ревъ быка. Мѣстные крестьяне привыкли по голосу отличать этихъ рѣдкихъ животныхъ (ихъ всего 5 — 6 экземпляровъ), надавали имъ имена и найденный экземпляръ назвали „Шаляпинымъ".

Какіе же выводы отсюда? О чемъ говоритъ статья г. Энъ-Пэ и о чемъ громко кричитъ своимъ восьми-верстнымъ голосомъ андріановская лягушка? Полагаемъ,—объ одномъ: о необходимости заняться изученіемъ Сибири.

Необходимо изучать прошлое,—говоритъ г. Энъ-Пэ. Въ Сибири заброшены архивы, пылью покрыты и молью изъѣдены цѣнныя археологическія коллекціи и находки. Старина въ забвеніи, а вѣдь она могла бы ожить, стать интересной и поучительной.

Лягушка свидѣтельствуетъ о другомъ, похожемъ, но несравненно болѣе тяжкомъ нашемъ грѣхѣ, всего менѣе заслуживающемъ снисхожденія. Она свидѣтельствуетъ, что мы ничего не знаемъ не только въ области архивовъ и стрѣлъ каменнаго вѣка, но даже и въ области живой жизни, насъ ежеминутно окружающей. И тутъ мы являемся полными невѣждами. Мы не знаемъ фауны Сибири. Не изучена и флора. Вся жизнь Сибири—загадочный сфинксъ и сфинксъ на рѣдкость интересный. Сибирь пріобрѣтаетъ международное значеніе, она все болѣе втягивается въ мировую экономику, а съ этимъ неизбѣжно связанъ цѣлый рядъ интересныхъ проблемъ. Останется ли Сибирь и на долго ли страной скотоводчески-земледѣльческой или она пойдетъ по пути промышленнаго развитія? Каковы судьбы сибирскаго крестьянства въ связи съ идущимъ теперь землеустройствомъ? Какъ отразится при ломкѣ крестьянской жизни высокое

развитіе кооперативныхъ предпріятій въ сибирской деревнѣ? Какими законами опредѣлится здѣсь развитіе и ростъ рабочаго класса?

Много и другихъ интересныхъ вопросовъ. Взять хотя бы вопросъ инородческій. Тутъ непочатый край для работы, наблюденій и выводовъ и для медика, и для юриста, и для этнографа. Но... „и погромче насъ были витіи"...

Къ изученію Сибири призывали сибирское общество, кромѣ рядовыхъ работниковъ края, почти всѣ сибирскіе таланты. Настойчиво, упорно звалъ Ядринцевъ, доказывая, что безъ изученія страна не можетъ быть ни богатой, ни счастливой. Вдохновлялъ на тяжелый трудъ Омулевскій:

„Свѣтаетъ, товарищъ!
Работать давай! Работы усиленной
Требуетъ край".

Потанинъ, наконецъ, ясностью своего пониманія заставилъ многихъ полюбить Сибирь во всей совокупности ея жгучихъ вопросовъ.

Ну, а сибирское общество въ цѣломъ, а само „мужицкое море"—громадное и загадочное, какъ относилось къ изученію края? Полагаемъ, что еще и до сихъ поръ обращеніе Загоскина къ сибирскому обществу не стало анахронизмомъ.

Въ № 1-мъ газеты „Сибирь" за 1878 годъ онъ говорилъ, смотря на окружавшій его мертвенный покой страны: „Кто разбудитъ это спящее царство? Откуда раздастся звонъ и громъ, способные прервать этотъ вѣковой сонъ? Жизнь не ждетъ, проходитъ годъ за годомъ; одно поколѣніе смѣняетъ другое. И все тотъ же мертвенный сонъ, все такъ же, какъ инфузоріи въ стоячей водѣ, копошатся люди въ темномъ житейскомъ омутѣ, ни о чемъ не помышляя, только борясь и поѣдая другъ друга въ жалкой борьбѣ за существованіе; Проснитесь: вѣдь этотъ сонъ можетъ перейти въ смерть"...

До самаго послѣдняго времени надъ изученіемъ Сибири работали только отдѣльныя личности, культурные одиночки Общественной работы на нивѣ Сибиревѣдѣнія не было. И только недавно появилась организація чисто-общественная: „Общество изученія Сибири и улучшенія ея быта".

Симпатичное по своимъ задачамъ, съ широкой программой, вдохновленное только стремленіемъ ко благу Сибири, Общество это должно было встрѣтить самую горячую поддержку и самый теплый пріемъ у населенія Сибири. Научная дѣя-

тельность его обѣщала стать кипучей и плодотворной, а „улучшеніе быта Сибири“ заставляло ждать отъ Общества и нѣкоторыхъ практическихъ шаговъ въ разрѣшеніи проклятыхъ вопросовъ края.

Но до послѣдняго времени Обществу не удалось пока оправдать возлагавшихся на него надеждъ. Не то важно, что Общество еще ничего не успѣло сдѣлать, ни въ чемъ не улучшило быта Сибири,—для этого нужны долгіе годы работы. Тревожно то, что до сихъ поръ не видно, чтобы въ Обществѣ наладилась или хотя бы налаживалась продуктивная работа. Даже болѣе. Похоже на то, что и это Общество если не спитъ пока, то дремлетъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые провинціальные отдѣлы его покоятся самымъ безмятежнымъ сномъ, и центральное Общество никакъ не можетъ отыскать ихъ.

Обращеніе М. В. Загоскина къ сибирякамъ, къ сожалѣнію, еще не стало анахронизмомъ.

Мы не будемъ здѣсь подробно разсматривать причины неудачъ новаго Общества: онѣ сложны и многообразны. Тутъ и административный гнетъ, удушающій въ Сибири все живое, тутъ и ошибки отдѣльныхъ организаторовъ отдѣловъ Общества (статья г. Б. П. въ „Сибири“ № 49), тутъ, наконецъ, и ошибки центральнаго петербургскаго Общества.

Мы минуемъ болѣе мелкія, напримѣръ, обращеніе предсѣдателя правленія общества В. В. Радлова къ якутскому губернатору П. Й. Крафту съ просьбой о содѣйствіи возсозданію въ Якутскѣ отдѣла Общества („Сибирь“ № 119) и остановимся только на главномъ и, какъ намъ кажется, первородномъ грѣхѣ Общества изученія Сибири и улучшенія ея быта.

Этотъ грѣхъ—смертельный испугъ Общества. Общество испугалось неизвѣстно чего еще до момента своего рожденія и появилось на свѣтъ съ лицомъ, покрытымъ смертельной блѣдностью. Отъ страха оно не можетъ оправиться и до сихъ поръ; блѣднѣетъ, увидѣвъ собственную тѣнь. Организація чисто общественная, Общество не имѣетъ самаго главнаго -воли къ жизни, воли къ процвѣтанію, не имѣетъ духа самостоятельности.

Оно, какъ будто, не приспособлено къ борьбѣ за свое существованіе и какъ mimosa-pudica поспѣшно складываетъ свои лепестки, заслышавъ самый отдаленный шумъ.

Понятно, что больше всего пугаетъ Общество его девизъ: „улучшеніе быта Сибири". Вѣдь бытъ Сибири безобразенъ и безотраденъ въ значительной степени оттого, что тамъ во всю царитъ произволъ чиновничества, что опека начальства тамъ доведена до крайности. Значитъ, улучшеніе быта Сибири немыслимо безъ борьбы съ произволомъ и злоупотребленіемъ властью. И Общество блѣднѣетъ еще больше. Въ смертельномъ страхѣ, не дожидаясь, пока пѣтухъ пропоетъ трижды, оно готово отречься отъ ужасной второй половины своего названія. Останется только: „Общество изученія Сибири". Улучшеніе быта—по боку!

Но оказывается и тутъ терніи. Администрація мѣшаетъ въ Омскѣ прочесть докладъ, содержащій главнымъ образомъ статистическія данныя о размѣрахъ неурожая.

Отдѣлъ жалуется на произволъ полиціи и проситъ заступничества центральнаго Общества. Страхъ окончательно сковываетъ Петербургское правленіе Общества. Оно уже ясно видитъ, что всѣ члены правленія зачислены въ крамолу, что Общество уже лишено чердака надъ Академіей Наукъ. Практическое ознакомленіе съ Сибирью кажется ему неизбѣжнымъ...

Конечно, при такихъ условіяхъ работа процвѣтать не можетъ; изученіе Сибири ограничивается приглашеніемъ случайныхъ лекторовъ со случайными рефератами и не менѣе случайными темами.

Общественная организація, „Общество изученія Сибири и улучшенія ея быта", до сихъ поръ ни разу не откликнулось на то, что болѣе всего волновало не только Сибирь, но и всю Россію.

Начали строить знаменитую желѣзную дорогу, „адскую дорогу" на Амурѣ, оскандалились съ Вебстеромъ, разстрѣляли рабочихъ въ Ленской тайгѣ,—Россія, въ частности Петербургъ, волновалась и ждала правдиваго и авторитетнаго разъясненія вопроса. Членами Общества изученія Сибири къ тому же состояло большинство сибирскихъ депутатовъ. Это давало особое право надѣяться на то, что безучастнымъ къ сибирскимъ событіямъ Общество не останется, но... Общество все время молчало. Ни одного собранія оно не устроило, ни однимъ словомъ не откликнулось на то, чѣмъ волновалась и болѣла вся Россія, почти совсѣмъ незнакомая

съ Сибирью, ни въ ея Амурской, ни въ ея Ленской тайгахъ. А вѣдь общество въ Петербургѣ! Здѣсь дозволено многое, чего нельзя въ провинціи. Положеніе обязываетъ, даже территоріальное. Тезисы доклада, сдѣланнаго въ Петербургѣ, обмѣнъ мнѣній по интересному вопросу—все это идетъ въ провинцію, даетъ толчекъ жизни, мѣшаетъ спать.

Но Общество испугано прежде своего рожденія и въ смертномъ страхѣ только чурается: чуръ-чуръ меня! Аминь, разсыпься!

А между тѣмъ Общество могло бы жить интенсивной жизнью. Для этого у него достаточно научныхъ силъ и есть гдѣ приложить эти силы на обширной, дикимъ лѣсомъ и бурьяномъ заросшей нивѣ Сибиревѣдѣнія.

Для этого нужно только, чтобы знаменитая отнынѣ лягушка Шипачева своимъ крикомъ, похожимъ на ревъ быка, непрестанно тревожила Общество, не давая ему задремать, а г. Эпъ-Пэ, въ качествѣ знатока исторіи, вѣрно, не откажется разъяснить Обществу, что мудрость и страхъ не одно и то же. По крайней мѣрѣ, исторія не разъ говорила объ этомъ.

S. Bonnard.

Приамурье.

Провалъ законопроекта о сибирскомъ земствѣ неизбѣжно приходится разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія.

Съ точки зрѣнія политической онъ знаменуетъ собой то, что правительство, а вслѣдъ за нимъ и сановные законодатели Верхней Палаты не довѣряютъ Сибири. Даже больше: боятся ее. Отдаленная страна -„мужицкое море", гдѣ почти совершенно отсутствуютъ даровые полицеймейстеры центра Россіи, благородные помѣщики, Сибирь невольно внушаетъ страхъ всѣмъ, кто и безъ того не можетъ опомниться отъ 1905 года.

Въ области хозяйственныхъ отношеній провалъ сибирскаго земства означаетъ другое. На сколько въ верхахъ нашего правительственнаго аппарата боятся малѣйшей тѣни „политической" „самостоятельности Сибири („отъ земскаго собранія—одинъ шагъ до учредительнаго!"), на столько же охотно чиновники всѣхъ вѣдомствъ берутъ на себя завѣдываніе и устройство хозяйственной жизни окраины. Въ теченіе

длиннаго ряда лѣтъ на всѣ законныя требованія Сибири, бюрократія неизбѣжно отвѣчаетъ: справимся сами... Страна, гдѣ на-лицо всѣ элементы быстраго экономическаго и культурнаго развитія, находится въ летаргіи, въ застоѣ, граничащемъ со смертью, неудачи слѣдуютъ одна за другой; вымираютъ инородцы, свирѣпствуютъ эпидеміи, бѣгутъ учителя съ насиженныхъ мѣстъ: ясно до очевидности, что справиться со всѣмъ этимъ можетъ только настоящій хозяинъ края—сибирское земство, а бюрократія по прежнему тупо и самодовольно твердитъ: справимся сами, все идетъ превосходно!

БИБЛІОТЕ

Верхняя Палата санкціонировала старый порядокъ вещей. Хозяйственная жизнь Сибири снова отдана въ полное распоряженіе и подъ опеку чиновника.

Чтобы вполнѣ оцѣнить, на сколько способна бюрократія къ строительству жизни, чтобы видѣть, какъ и при помощи какихъ пріемовъ она управляетъ нашей окраиной и какихъ результатовъ способна достичь въ результатѣ долгихъ лѣтъ своего безраздѣльнаго управленія краемъ, для этого неизбѣжно ознакомленіе съ жизнью отдѣльныхъ областей Сибири. Тогда рельефнѣе обрисовываются детали, легче подвести итоги и оцѣнить ихъ.

Этой цѣли—подведенію итоговъ чиновничьяго управленія въ Приамурьѣ и посвящена въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Европы“ интересная статья Л. Юровскаго „Приамурье“. Критеріемъ для своего сужденія о нашихъ успѣхахъ на Дальнемъ Востокѣ г. Юровскій беретъ слѣдующій не совсѣмъ точный, но житейски понятный пріемъ: если мы много затратили на Дальнемъ Востокѣ, но и многаго достигли, это хорошо; если мы достигли немногаго, но и расходовали мало, это, быть можетъ, тоже не худо...

Попытка подсчета стоимости намъ нашего дальневосточнаго предпріятія была въ свое время сдѣлана въ „Приамурьѣ“ Т. Н. Полнеромъ. Къ началу 1908 г. дефициты отъ Приамурья и Квантунской области составляли 715,5 милліоновъ рублей. Война съ Японіей обошлась намъ въ 2,282,8 милліоновъ рублей. Китайская Восточная дорога въ 404,8 милліоновъ рублей. Все это вмѣстѣ составляетъ 3,403,2 милліона рублей.

Считая стоимость строющейся теперь Амурской желѣзной

дороги около 300 милліоновъ рублей, получимъ, что общая сумма нашихъ расходовъ на дальневосточную политику въ ближайшемъ будущемъ поднимется до 4 милліардовъ рублей. Должно быть, въ цѣломъ мірѣ, говоритъ г. Юровскій, не существуетъ болѣе дорогой колоніи, чѣмъ наша.

Каковы же плоды этихъ колоссальныхъ затратъ? Сумѣли ли мы прежде всего создать на Дальнемъ Востокѣ дѣйствительно населенный и зажиточный край?

Оказывается—нѣтъ. „Наше Приамурье довольно безлюдно". Все населеніе Амурской и Приморской областей къ 1 января 1910 года исчислялось лишь въ 731 тысячу человѣкъ. Населеніе большого русскаго уѣзда на территоріи практически безпредѣльной!

Но по свѣдѣніямъ тѣхъ же областныхъ статистическихъ комитетовъ (это ихъ данныя) среди 731 тысячи всего населенія насчитывается 133 тысячъ иностранцевъ.

Иностранцы нашего Дальняго Востока, это—европейцы, японцы, корейцы и китайцы.

Среди европейцевъ преобладаютъ нѣмцы. Останавливая на нихъ свое вниманіе, г. Юровскій приходитъ къ слѣдующему выводу: нѣмцы дали нашей колоніи продукты своей промышленности и американскія машины; возможно, что въ тѣсномъ кругу они распространили нѣкоторыя привычки къ комфорту, но большой *культурной* роли на Дальнемъ Востокѣ они не сыграли. Ихъ жизнь и на берегахъ Японскаго моря и Амура осталась нѣмецкой жизнью, а жизнь народовъ, среди которыхъ они дѣйствовали,—жизнью русской, корейской, китайской, но не европейской.

Значеніе японцевъ въ хозяйственной жизни края, по мнѣнію г. Юровскаго, во всякомъ случаѣ ничтожно. Только съ политической точки зрѣнія они, быть можетъ, играютъ въ Приамурьѣ серьезную роль.

Не то приходится сказать про двѣ другія народности: корейцевъ и китайцевъ.

По даннымъ губернаторской статистики, корейцевъ въ краѣ теперь около 40.000 человѣкъ. Еще недавно ихъ было больше, и теперь число ихъ снова растетъ. Нынѣшній генералъ-губернаторъ Приамурья, Н. Л. Гондатти, имъ покровительствуетъ. Его предшественникъ генералъ Унтербергеръ

ихъ преслѣдовалъ. Въ корейцахъ видѣли опасныхъ инородцевъ и ихъ изгоняли самыми энергичными мѣрами.

А между тѣмъ корейцы—одинъ изъ самыхъ надежныхъ элементовъ для нашего укрѣпленія въ краѣ. Они охотно принимаютъ русское подданство, всячески стараются слиться съ русскимъ населеніемъ и обладаютъ цѣлымъ рядомъ незамѣнимыхъ достоинствъ въ качествѣ колонизаторовъ края. Корейцы, справедливо говоритъ г. Юровскій, непритязательны въ своихъ потребностяхъ, упорны и терпѣливы въ борьбѣ съ природой. Они не привыкли у себя на родинѣ къ земельному простору и живутъ сыто, раскорчевавъ и обработавъ 1—2 десятины на семью. Нашъ переселенецъ, воспитанный въ условіяхъ экстенсивнаго хозяйства, пасуетъ тамъ, гдѣ кореецъ еще умѣетъ приспособиться, и не одно русское хозяйство утвердилось на Дальнемъ Востокѣ лишь благодаря тому, что его поддержалъ въ періодѣ обоснованія кореецъ—арендаторъ или работникъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ, преслѣдованіе корейцевъ тормазило развитіе производительныхъ силъ Приамурья и форсировало приливъ въ область тѣхъ самыхъ китайцевъ, борьбой съ которыми, въ настоящее время, поглощена вся гражданская администрація Дальняго Востока.

Результаты этой мудрой политики генерала Унтербергера не замедлили сказаться очень быстро. Особенно наглядной иллюстраціей можетъ служить хотя бы золотопромышленность. По вѣдомости горнаго исправника среди населенія Буреинскаго округа было:

	Въ 1907 году.	Въ 1910 году.
русскихъ	3173	2585
китайцевъ	*1395*	*8429*
корейцевъ	*2129*	*307*
инородцевъ . . .	17	270
все населеніе . .	6714	11.591

Корейцевъ почти не стало. Число китайцевъ возросло въ семь разъ. Теперь генералъ-губернаторъ Гондатти поправляетъ дѣло и „вытѣсняетъ“ китайцевъ, всячески привлекая корейцевъ. Можетъ быть, это и правильно, но во всякомъ случаѣ, говоритъ г. Юровскій, „безотрадна и вредна политика, мѣняющая свои цѣли чуть не черезъ каждыя пять

лѣтъ, покровительствующая то одной, то другой народности, заставляющая постоянно мѣнять рабочій составъ не окрѣпнувшихъ предпріятій и подрывающая тѣмъ самымъ производительныя силы края".

Большую часть иностранцевъ Приамурья составляютъ китайцы. По статистикѣ губернскихъ правленій число ихъ доходитъ до $^1/_{12}$ русскаго населенія 88 тысячъ человѣкъ. Но, чтобы правильнѣе оцѣнить роль и значеніе китайцевъ въ хозяйственной жизни Приамурья, необходимо, говоритъ г. Юровскій, помнить, что китаянокъ на русской территоріи почти нѣтъ, что дѣтей китайцы, конечно, тоже съ собой не берутъ. И если въ лѣтнее время (время усиленныхъ работъ и повышенной иммиграціи китайцевъ) число ихъ достигаетъ даже только 150 тысячъ, то эти 150 тысячъ человѣкъ почти сплошь въ рабочемъ возрастѣ. Ихъ надо сопоставлять не съ 600 тыс. русскаго населенія Приамурья и даже не съ 333 тыс. русскаго населенія мужского пола, а приблизительно съ 200 тыс. взрослыхъ русскихъ мужчинъ. При такомъ подсчетѣ окажется, что, по крайней мѣрѣ, на $^1/_3$ нашъ Дальній Востокъ держится китайскимъ трудомъ. И, дѣйствительно, китайцевъ можно найти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, не говоря уже о торговлѣ, гдѣ въ Приморской, напримѣръ, области около 36% всѣхъ торговыхъ заведеній принадлежитъ китайцамъ.

По заявленію Н. Л. Гондатти „земледѣліе крестьянъ держится на желтомъ трудѣ на $^1/_3$, земледѣліе казаковъ на $^1/_2$".

„Окраина, на которой китайцы играютъ такую огромную роль, — не русская окраина; задача нашей колоніальной политики заключается между тѣмъ въ томъ, чтобы превратить Приамурье въ русскій край. Сдѣлать это не хитро: надо прогнать китайцевъ, и на ихъ мѣсто явятся русскіе. Если же создать еще и льготныя условія перевозки, а въ предпріятія государственныя китайцевъ совсѣмъ не пускать, то дѣло должно пойти и быстро, и успѣшно." Таковы тезисы нынѣшней дальневосточной политики по отношенію къ китайцамъ, политики, энергично проводимой г. Гондатти.

Какъ относиться къ этой политикѣ? — спрашиваетъ г. Юровскій и отвѣчаетъ: ни осудить, ни оправдать ее огульно нельзя. „Не подлежитъ сомнѣнію, что допустить свободную колонизацію Приамурья китайцами, это значитъ

превратить его въ желтый край и рано или поздно потерять его. Мѣры противъ наплыва китайцевъ необходимы; безъ нихъ обойтись нельзя. Но при всемъ томъ стремительность, съ которой осуществляется изгнаніе китайцевъ, полное пренебреженіе интересами полуинщаго желтолицаго люда,—и одіозны, и вредны во многихъ отношеніяхъ. Они порождаютъ въ китайцахъ вражду къ Россіи и, кромѣ того, на хозяйственную жизнь Приамурья дѣйствуютъ чувствительнымъ образомъ. Если на 2 взрослыхъ русскихъ въ Приамурьѣ приходится одинъ взрослый китаецъ, то быстрое изгнаніе китайцевъ неминуемо должно поставить въ критическое положеніе цѣлый рядъ приамурскихъ хозяевъ.

Зло, приносимое неосторожнымъ, импульсивнымъ примѣненіемъ противокитайскихъ мѣръ, затушевывается въ Приамурьѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что на него въ настоящее время снова падаетъ золотой дождь: постройка Амурской желѣзной дороги приноситъ ежегодно десятки милліоновъ и является въ рѣдко населенномъ краѣ факторомъ первой величины. Но скрытое зло всегда остается зломъ".

Переходя къ обрисовкѣ положенія русскаго населенія края, авторъ статьи останавливается прежде всего на положеніи казаковъ и на роли ихъ въ хозяйственной жизни края. Выводы его и здѣсь не радостны. „Нынѣшнее казачье населеніе Дальняго Востока, говоритъ г. Юровскій, въ хозяйственномъ отношеніи не является особенно цѣннымъ элементомъ". Причины этого кроются одинаково и въ печальномъ прошломъ, и въ настоящемъ...

Въ началѣ казачьей колонизаціи она была принудительной и въ теченіе почти всей ея исторіи принужденію принадлежала выдающаяся роль. Принужденіе нигдѣ не создаетъ энергичныхъ и жизнеспособныхъ хозяевъ, и оно, конечно, не создало ихъ ни на Амурѣ, ни на Уссури.

Малая пригодность амурскаго казачества къ культурной колонизаціи новыхъ земель обусловливается въ значительной степени еще и тѣмъ, что на плечи казачества выпала особая тягота казачьей воинской повинности, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и частыя мобилизаціи.

И что особенно любопытно, говоритъ г. Юровскій, такъ это то, что начальство до послѣдняго времени полагало, что иначе и быть не должно, что слишкомъ мирная жизнь

РАБОЧИЙ
г. ТЮМЕНЬ

вредно отражается на боевыхъ качествахъ казачьихъ войскъ. Не очень давно двѣ уссурійскія станицы просили о расквартированіи у нихъ двухъ полусотенъ для защиты отъ хунхузовъ. Бывшій генералъ-губернаторъ Унтербергеръ отвѣчалъ: „охрану мѣстнаго казачьяго населенія строевыми частями признаю противорѣчащею духу казачества, умаляющей его значеніе, какъ охранителя нашей государственной границы. При наличіи въ сопредѣльной съ Приамурьемъ мѣстности многочисленныхъ шаекъ хунхузовъ борьба съ ними въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже полезна для здѣшнихъ молодыхъ казачьихъ войскъ, ибо это создаетъ естественныя условія, близкія къ тѣмъ, въ коихъ крѣпло и развивалось древнее русское казачество, и придаетъ жизни войскъ нѣкоторый боевой оттѣнокъ, несомнѣнно, повышающій ихъ боевыя качества, въ чемъ особливо нуждается уссурійское войско, на половину составленное изъ пришлыхъ крестьянъ".

По поводу этой сентенціи г. Юровскій съ полнымъ основаніемъ замѣчаетъ: „древнее русское казачество", которое генералъ Унтербергеръ ставилъ въ примѣръ уссурійскому войску, отличалось, конечно, многими доблестями, но едва ли обладало всѣми качествами, которыя необходимы для колонизаціонной работы въ XX вѣкѣ. Не обладаютъ ими и приамурскіе казаки.

Но тѣмъ не менѣе г. Юровскій считаетъ несправедливымъ весьма распространенное мнѣніе, что казачье сословіе въ Приамурьѣ существуетъ лишь благодаря поддержкѣ центральнаго правительства и что станицы опустѣли бы въ тотъ годъ, когда Петербургъ пересталъ бы затрачивать милліоны на нашу дальневосточную колонію. „Правда,— говорится въ цитируемой статьѣ,—поддержка правительства проявляется и въ высокомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ, — результатъ особой системы „покровительственныхъ" интендантскихъ закупокъ, и въ субсидированіи пароходства, которое жители станицъ снабжаютъ дровами; но я думаю, что на обширной площади казачьихъ земель 68.000 душъ казачьяго сословія могли бы прокормиться и безъ всякихъ прямыхъ и косвенныхъ субсидій. Они были бы менѣе сыты, чѣмъ теперь, но они не были бы и голодны и, поглядѣвъ, какъ живется крестьянамъ въ другихъ частяхъ Россіи, они едва ли пожелали бы уйти съ Амура и Уссури".

Что касается переселенческой политики на Дальнемъ Востокѣ, то, въ полномъ согласіи съ выводами сотрудниковъ общеземской организаціи, г. Юровскій приходитъ къ заключенію, что политика эта покоится на неправильныхъ принципахъ. Переселенію можно оказывать содѣйствіе двоякаго рода: можно создавать въ новой странѣ все то, что не подъ силу каждому отдѣльному даже самому сильному колонисту, создавать тѣ культурныя условія, при которыхъ можетъ начаться культурная работа переселенца; можно, вмѣсто этого, оказывать переселенцу непосредственную помощь въ разныхъ частяхъ его хозяйства, поддерживая и опекая его. Къ политикѣ перваго рода принадлежитъ проведеніе дорогъ, производство значительныхъ меліораціонныхъ работъ („Приамурье"—предварительная расчистка лѣсовъ), организація врачебной и ветеринарной помощи, устройство школъ. Политика второго рода проще и ярче всего выражается въ выдачѣ денежнаго пособія. У насъ центръ тяжести переселенческой политики лежитъ именно въ денежной поддержкѣ. Дороги, несмотря на улучшенія послѣднихъ годовъ, все еще въ жалкомъ состояніи, меліораціонныхъ работъ вовсе нѣтъ, врачебная помощь и особенно ветеринарная крайне недостаточны.

Что же касается денежныхъ пособій (200 — 300 руб.), то въ общемъ они,—по ихъ характеру и способу выдачи,—мало кого ставятъ на ноги и, въ видѣ основы переселенческой политики, едва ли цѣлесообразны. А въ то же время отсутствіе или недостаточность общихъ культурныхъ мѣропріятій отражается и на вполнѣ пригодныхъ переселенцахъ до крайности тяжело. „Когда за отсутствіемъ своевременной прививки отъ сибирской язвы гибнетъ скотъ, когда въ большой семьѣ легко устранимая болѣзнь разрушаетъ здоровыя и крѣпкія силы благодаря только тому, что врачебная помощь слишкомъ далека, когда вполнѣ пригодный переселенецъ впадаетъ въ отчаяніе потому, что поѣздка въ ближайшее село по сплошному болоту отнимаетъ у него нѣсколько дней и калѣчитъ его лошадь,—тогда въ обратномъ *переселенія или въ бѣдственномъ состояніи приамурскаго* крестьянина виновата, очевидно, не его „маломощность". Вина—въ административныхъ основаніяхъ переселенческаго дѣла. И въ итогѣ, благодаря неправильнымъ колонизаціон-

нымъ началамъ результаты переселенія до сихъ поръ невелики, и наше Приамурье безлюдно"...

Отмѣчая далѣе, что наша „колонія" не является въ настоящее время ни промышленной и ни земледѣльческой, г. Юровскій ставитъ вопросъ: чѣмъ же живетъ Приамурье? Оказывается, — главнымъ образомъ золотомъ и хлѣбомъ. Это—главныя богатства края. Золота добывается на 10 милл. рублей, хлѣба на 20. Общая производительность края не превышаетъ 100 мил. рублей.

Но Приамурье, говоритъ г. Юровскій, можетъ сдѣлаться горнопромышленной колоніей. Для этого нужны: пути сообщенія, капиталы, толковые техники и чиновники, не воспитанные на принципѣ волокиты. Словомъ, нужно многое.

„Къ нашимъ внутренне-политическимъ задачамъ присоединяется еще и задача международной политики во всѣхъ отношеніяхъ огромной важности. Чтобы оздоровить Приамурье, намъ нуженъ миръ на Дальнемъ Востокѣ. Нуженъ онъ и для того, чтобы дать людямъ увѣренность въ возможности затраты капитала и труда: нуженъ, чтобы освободить тѣ суммы, которыя необходимо израсходовать на мѣропріятія культурнаго характера, и чтобы сократить общую сумму расходовъ, идущую якобы на Приамурье".

Другихъ выводовъ изъ своихъ наблюденій г. Юровскій не дѣлаетъ. А между тѣмъ, по прочтеніи его весьма интересной статьи, становится еще болѣе очевиднымъ, что самое главное, чего не хватаетъ нашей колоніи для ея укрѣпленія, роста и расцвѣта, это—земства. Не можетъ правильно функціонировать хозяйственный аппаратъ громаднаго края, когда онъ является довѣреннымъ управленію „людей 20-го числа", нисколько не заинтересованныхъ въ дѣлѣ, которымъ они „завѣдуютъ".

Въ самомъ дѣлѣ: что значатъ факты, приводимые г. Юровскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ они?

Вѣдь, наблюдая ихъ, можно съ полнымъ основаніемъ сказать по адресу бюрократіи: цвѣтка ты не сорвешь, чтобъ тотчасъ не завялъ онъ! Къ чему бы она ни приложила свою тяжелую руку, всюду получается одинъ конфузъ. Приамурье лишнее тому доказательство. Принудительная „колонизація" казаковъ, мудрая корейская политика ген. Унтербергера, его же взгляды на воспитательное значеніе сосѣд.

ства казаковъ съ хунхузами,—что это, какъ не рядъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, въ значительной степени вызванныхъ тѣмъ, что искренняя заботливость и вдумчивое отношеніе къ интересамъ края стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ „заботами“ двадцатаго числа.

И если, по справедливому мнѣнію г. Юровскаго, для процвѣтанія Приамурья необходима, между прочимъ, и иная переселенческая политика, необходимы школы, дороги, медики и ветеринары, то кто же опять-таки сможетъ дать все это краю, кромѣ хозяина края—земства?

Къ этому должны бы сводиться всѣ наши выводы. Этому учитъ насъ исторія. Только бюрократія тупо и самодовольно повторяетъ: ничего не нужно; никакого земства. Все идетъ прекрасно. Со всѣмъ справимся сами... Но это же она говорила и послѣ Цусимы, и послѣ Мукдена. Въ этомъ ея привилегія.

—

Національное дѣло.

Не минула и нашу Сибирь горькая чаша націонализма, распространяющагося повсюду подобно повѣтрію.

Судьба его здѣсь нѣсколько иная. Проявляется онъ у насъ въ самой характерной для него формѣ — всегда, какъ административное дѣйствіе, никогда, какъ сколько-нибудь замѣтное „общественное“ теченіе, хотя бы и инсценированное. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, этого не наблюдалось. Не могутъ же идти въ счетъ націоналистическія разглагольствованія почти отсутствующихъ у насъ офиціозныхъ и полуофиціозныхъ органовъ печати или крайне рѣдкія выступленія отдѣльныхъ „общественныхъ дѣятелей“. Послѣдніе сами не надѣются быть услышанными на мѣстахъ и выбираютъ для своихъ націоналистическихъ прогулокъ закоулокъ подальше отсюда и ближе къ внимательному центру.

Мало убѣдительны факты, вродѣ имѣвшаго мѣста въ Иркутскѣ, гдѣ недавно образовалась было группа націоналистовъ. Образовалась она больше въ области газетныхъ слуховъ и, согласно тѣмъ же слухамъ, не носила мѣстнаго характера, а составилась изъ наѣзжихъ „гастролеровъ“, ничѣмъ себя доселѣ не проявившихъ.

Исключительно „навозный“ характеръ націонализма не мѣ-

шаетъ ему усиливаться и чувствительно вліять на мѣстную жизнь, а „національному дѣлу"—принимать самыя уродливыя формы и вносить въ ту же мѣстную жизнь немалыя замѣшательства. Таковыя создались, напримѣръ, въ торговлѣ, когда власти воздвигли гоненія на евреевъ. Ихъ либо выселяли изъ городовъ, либо прикрѣпляли къ одному мѣсту безъ права выѣзда. Ввели особую регистрацію евреевъ-купцовъ, запретили имъ пріѣзжать на ярмарки, еще не утратившія своего значенія въ Сибири. Это не могло не отозваться на интересахъ торговли и вызвало рядъ ходатайствъ различныхъ биржевыхъ комитетовъ объ отмѣнѣ ограничительныхъ постановленій, но безо всякаго успѣха. О судьбѣ регистраціи пока неизвѣстно, на ярмарки же евреевъ продолжаютъ не допускать. Національнизмъ, слѣдовательно, продолжаетъ идти своимъ путемъ.

Удивляться тутъ, конечно, нечему. Идеологическая надстройка, такъ или иначе связующая съ общественностью, нужна нынѣшней твердой власти ровно столько же, сколько ей нужна Государственная Дума со своимъ большинствомъ въ роли правительственнаго услужающаго, которое за выслугу лѣтъ и безпорочное поведеніе можно вознаградить назначеніемъ на постъ вице-губернатора или на должность .. станового пристава.

Награждаемость и подчиненность свойственны національнизму такъ же, какъ всякому созданію казенной мысли. Отсюда и „національное"дѣло всегда отличается неномѣрнымъ усердіемъ и все возростающей репрессивностью.

Наши администраторы дѣлаютъ „національное дѣло" съ готовностью и исполнительностью, превосходящими, пожалуй соотвѣтствующія качества ихъ россійскихъ коллегъ. Недаромъ старая истина гласитъ, что чѣмъ дальше на Востокъ распространяется какое-нибудь ученіе, тѣмъ ортодоксальнѣе становятся его послѣдователи. По отношенію къ чиновымъ прозелитамъ можно еще прибавить: и усерднѣе чрезъ мѣру.

Различныя условія способствовали усовершенствованію нашихъ администраторовъ въ этомъ именно направленіи. Во-первыхъ, условія чисто внѣшнія Отдаленность отъ центральной власти издавна предоставляла имъ большую самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большій просторъ въ проявленіи собственной инціативы. Въ этотъ же рядъ условій

должно быть включено и изобиліе сибирскихъ инородцевъ, находящихся на низкой ступени развитія и не имѣющихъ или утратившихъ всякое представленіе о законѣ и правахъ.

Во-вторыхъ, „національное дѣло“ въ Сибири далеко не начинается, а непрерывно продолжается уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Правда, раньше оно не носило такого громкаго наименованія, не сопровождалось барабаннымъ боемъ въ честь „господствующей націи“. Работали для болѣе скромной цѣли—для увеличенія колонизаціонной емкости Сибири. Но дѣло велось на чисто-націоналистическихъ основаніяхъ: все инородческое, попадавшееся на пути, неукоснительно скручивалось въ бараній рогъ.

Даже инородцы, предоставленные самимъ сдѣ и лишенные особыхъ заботъ и попеченій начальства, оказались, въ концѣ концовъ, приведенными все къ тому же національному знаменателю. Совершилось это очень простымъ путемъ, путемъ широкаго распространенія національнаго продукта—водки.

Жизнь на инородческомъ крайнемъ сѣверѣ ничѣмъ не отличается отъ жизни центральныхъ губерній, національность которыхъ внѣ сомнѣній даже у самыхъ подозрительныхъ. И здѣсь пьютъ, и тамъ пьютъ. Вотъ какъ рисуетъ сибирская печать пьянство въ Якутской области: „Пьютъ инородцы, спаиваемые торговцами, пьютъ служащіе и особенно казаки, пьетъ мѣстная интеллигенція: торговцы, чиновники и духовенство“.

„Изъ поступившихъ ко мнѣ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ,—писалъ въ своемъ циркулярѣ якутскій губернаторъ,—я убѣдился, что водвореніе въ сѣверные округа и продажа тамъ или обмѣнъ на пушнину и рыбу спирта или спиртныхъ напитковъ сдѣлались совершенно обычнымъ явленіемъ и на столько общимъ, что мѣстные торговцы и представить себѣ не могутъ торговли съ инородцами безъ спирта. Спиртъ и спиртные напитки проникаютъ въ сѣверные округа, во-1-хъ, по почтѣ и въ посылкахъ и провозятся почтальонами по заказамъ торговцевъ и чиновниковъ, въ томъ числѣ даже чиновъ полиціи, во 2-хъ, въ транспортахъ съ кладью, идущихъ изъ Якутска, и, въ 3-хъ, во время навигаціи пароходами на Булунъ, въ устье Алдана*)“.

*) Цитирую по «Сибири».

Къ такимъ результатамъ привела полнѣйшая бездѣятельность (тотъ же губернаторскій циркуляръ констатируетъ, что пути распространенія запрещеннаго ко ввозу спирта хорошо извѣстны чинамъ полиціи и, тѣмъ не менѣе они ничего не предпринимаютъ: случаи задержанія крайне рѣдки), но и тамъ, гдѣ дѣйствовали, получились одинаковые результаты. Спаиванія, правда, нѣтъ, но экономическій упадокъ, а то и полное обнищаніе—вездѣ.

Классическимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить киргизы, первыми по Сибири принесенные въ жертву богу націонализма. Во славу его отнимали у нихъ родовыя земли и отдавали переселенцамъ изъ Россіи. Такъ положено было начало „націопальному дѣлу“, развертывающемуся теперь во всей своей красѣ.

Въ доброе старое время даже дѣятели типа націоналистовъ имѣли стыдъ, почему и старались сохранить хотя бы видимую справедливость въ своихъ дѣйствіяхъ. Земли у киргизовъ не отнимались офиціально, а лишь отрѣзывались „излишки“, офиціально же опредѣленные. Отрѣзывались „излишки“ три раза, съ небольшими промежутками, такъ что въ концѣ концовъ земли у киргизъ должно было остаться, по самымъ скромнымъ требованіямъ, въ обрѣзъ.

Аппетитъ, говорятъ французы, приходитъ во время ѣды. Такъ и нашъ націонализмъ окончательно вошелъ во вкусъ тогда, когда не только у киргизовъ, но у всѣхъ инородцевъ, имѣвшихъ несчастье обитать въ районѣ колонизаціи, было безъ остатка скушано все, хотя издали намекавшее на излишки. Продолжать въ этомъ направленіи значило по-просту отнимать то, что сами же признали не подлежащимъ дальнѣйшему урѣзыванію.

Но изъ за такихъ пустяковъ „національное дѣло“ остановиться, конечно, не могло. Тѣмъ болѣе, что дѣлавшіе это дѣло на мѣстахъ могли стараться во-всю, ничуть не опасаясь перестараться и быть не одобренными свыше. И „націопальное дѣло“ вступило въ новую фазу насильственнаго обрусѣнія окраины.

Чего только не было пущено въ ходъ для достиженія этой цѣли. Голодавшіе вмѣстѣ съ крестьянами прошлую зиму инородцы лишены были всякой поддержки со стороны правительства. Такъ было, напримѣръ, съ киргизами

Использовали землеустройство, прикрѣпляя кочевыхъ инородцевъ къ землѣ и заставляя вести осѣдлый образъ жизни. Такъ было и при томъ неоднократно въ Забайкальѣ, гдѣ кочевники-инородцы бросали давно насиженныя мѣста и уходили дальше, такъ какъ отведенные начальствомъ надѣлы грозили имъ неминуемымъ разореніемъ.

О томъ, какъ, пользуясь землеустройствомъ, всячески прижимали инородцевъ, отнимая у нихъ лучшія, часто ими воздѣланныя земли и отдавая ихъ русскимъ переселенцамъ, писалось такъ часто и такъ много, что говорить сейчасъ объ этомъ значило бы повторяться.

До какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходятъ въ стремленіи во чтобы то ни стало уловить благопріятный моментъ, можно судить по дѣятельности томскаго губернатора, г. Грана.

Что инородцы у насъ, при общемъ безправіи, сугубо безправны, что они поставлены внѣ закона, что съ ними можно дѣлать все, что администраторской душѣ угодно,— вещи общеизвѣстныя и въ этомъ отношеніи у насъ вообще не принято стѣсняться. Но до такой откровенности, до какой перестарался г. Гранъ, откровенности вызывающей, кажется, еще никто не доходилъ.

Происходившее въ Томской губерніи землеустройство, какъ и вездѣ, урѣзало надѣлы какъ у русскаго, такъ и у инородческаго населенія. Губернское правленіе завалено подобными дѣлами, которыя сравнительно рѣдко оканчиваются въ пользу потерпѣвшихъ. Крестьяне же остаются увѣренными въ своей правотѣ и продолжаютъ запахивать отошедшіе отъ нихъ участки, опираясь на то, что эти земли издавна находились въ ихъ пользованіе. Для сибирской деревни это теперь обычная исторія, оканчивающаяся столкновеніемъ съ административной властью.

Нынѣшней весной повторилось то же самое: русскіе и инородцы произвели запашки земель, урѣзанныхъ у нихъ при землеустройствѣ. Губернаторъ, какъ стражъ законности и порядка, не могъ, конечно, не выступить противъ столь дерзкаго своеволія, но выступилъ, такъ сказать, двояко: какъ губернаторъ и какъ націоналистъ. Какъ губернаторъ, онъ предписалъ крестьянскимъ начальникамъ вообще не допускать запашекъ. Какъ націоналистъ, онъ допускалъ по

отношенію къ русскому населенію однѣ мѣры противодѣйствія, по отношенію къ инородцамъ—совсѣмъ иныя. Въ первомъ случаѣ предписывалось ограничиваться составленіемъ протоколовъ, во второмъ — принимать самыя рѣшительныя мѣры.

Возможно, что этимъ ходомъ г. Гранъ „пройдетъ въ дамки": нелойяльность инородцевъ обнаружится на столько явственно, что потребуется усмиреніе. Націонализмъ въ такихъ условіяхъ восторжествуетъ.

Изъ прочихъ губернаторовъ по ретивости заслуживаетъ быть отмѣченнымъ семипалатинскій, г. Тройницкій, также дѣлающій національную исторію. Обрусительный зудъ у него не меньшій, чѣмъ у г. Грана, и подобно ему онъ идетъ прямо къ цѣли. Для обрусѣнія Зайсана, города, по преимуществу населеннаго мусульманами, составленная г. Тройницкимъ коммиссія нашла необходимымъ принять слѣдующую мѣру: выдѣлить русскимъ, по пониженной цѣнѣ, наилучшіе полевые участки, лежащіе возлѣ оросительныхъ канавъ.

Но самое большее количество инородцевъ удалось выжать все таки приамурскому генералъ-губернатору Н. Л. Гондатти, самому „восточному" и „самому талантливому изъ сибирскихъ администраторовъ".

Все время своего пребыванія на генералъ-губернаторскомъ посту Н. Л. Гондатти ведетъ неустанную войну съ инородцами и зорько слѣдитъ, чтобы ихъ не было въ неуказанныхъ ограничительными постановленіями мѣстахъ. Только еще началъ строиться новый городъ Алексѣевскъ, а уже главный начальникъ края отдалъ приказъ самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы здѣсь не селились евреи и прочіе инородцы, не имѣющіе права жительства.

Съ именемъ Н. Л. Гондатти особенно тѣсно связана націонализація труда на Дальне-Восточной окраинѣ во имя которой изгоняются рабочіе китайцы и корейцы, а нынѣ на казенныя работы не допускаются „иностранцы" вообще. Такъ, напримѣръ, не были допущены турецкіе подданные. Въ то же время постройка туннелей на Амурской желѣзной дорогѣ сдана рабочимъ-итальянцамъ.

По отношенію къ китайцамъ и корейцамъ принимаются чисто драконовскія мѣры. Не довольствуясь введеніемъ особыхъ паспортовъ, строгой регистраціи, спеціальныхъ условій

найма, г. Гондатти изобрѣлъ новый способъ, не менѣе позорный, чѣмъ пресловутыя браслеты-клейма: образованіе по городамъ Амурской и Приморской области китайскихъ кварталовъ-гетто. Губернаторамъ указанныхъ областей уже предложено озаботиться, чтобы къ осени текущаго года китайскія гетто были образованы и всѣ проживающіе въ городѣ китайцы и корейцы были въ нихъ водворены.

Разошедшееся націоналистическое изувѣрство не знаетъ предѣла. Нѣтъ того насилія, какое не предприняли бы противъ желтыхъ. Запирая въ гетто имѣющихъ право жительства, на лишенныхъ такового устраиваютъ по всему краю облавы. Спеціальные контролеры обходятъ деревни, провѣряя паспорта китайцевъ и справедливость ихъ указаній относительно занятій. Не имѣющіе опредѣленныхъ занятій немедленно высылаются, при чемъ фанзы ихъ сжигаются.

Положительную сторону руссификаціонной политики въ Приамурьѣ даже благожелательно относящіеся къ дѣятельности Н. Л. Гондатти органы печати видятъ лишь въ томъ, что ему, въ лучшемъ случаѣ, удалось только замедлить ростъ китайскаго населенія. До націонализаціи труда и вообще укрѣпленія русскаго элемента далеко по-прежнему. Съ одной стороны, предприниматели жалуются на недостатокъ рабочихъ рукъ. Съ другой—лишенный всякаго порядка наплывъ рабочихъ, какъ это ни странно, создаетъ безработицу. И рабочіе бѣгутъ обратно, такъ какъ здѣсь приходится работать за „китайскую“, голодную плату.

Націонализмъ завязалъ на окраинѣ Гордіевъ узелъ изъ рабочаго и прочихъ вопросовъ, и разрубить этотъ узелъ невозможно ни полицейскими репрессіями, ни переселеніемъ въ его теперешнемъ видѣ. Разрѣшить создавшееся положеніе можетъ только рядъ реформъ, выходящихъ изъ узкой сферы мѣстной жизни и связанныхъ самымъ тѣснымъ образомъ съ общимъ политическимъ строемъ.

Націонализмъ для дальне-восточной окраины не новость. Она уже знала націонализмъ, покровительствовавшій насажденію *русской* промышленности, выдававшій концессіи только *русскимъ* предпринимателямъ. Однимъ словомъ, дѣлавшій все то же „національное дѣло“. А въ концѣ концовъ получилось то, что „національное дѣло“ если создавалось, то исключительно иностраннымъ капиталомъ и иностраннымъ трудомъ.

Какъ разъ теперь, въ самый разгаръ кампаніи, дальневосточныя газеты отмѣтили такой фактъ: 13 мая во Владивостокѣ спущено на воду первое построенное здѣсь за полстолѣтіе машинное судно. Заказано оно инженернымъ вѣдомствомъ, построено на заводѣ Воронкина, но построено руками рабочихъ-китайцевъ.

Та же печать отмѣтила и слѣдующее. Изгоняемые изъ Приамурья китайцы приглашаются теперь на золотые пріиски Восточной Сибири (въ томъ числѣ и на Лену).

Въ приведенныхъ сообщеніяхъ выступаетъ судьба нашего націонализма. Самъ по себѣ поддержанный административными репрессіями, онъ можетъ только уничтожить, но не создать. Тотъ же общественный слой, на который онъ сейчасъ опирается, всегда промѣняетъ „Великую Россію“ на „великія выгоды“.

Сибирскія письма.

Изъ Ачинскаго уѣзда (*Какъ въ Сибири строятся церкви*). Въ Ачинскомъ уѣздѣ есть поселокъ Едетъ. Переселенцы задумали построить церковь, но „нѣма“ средствъ. Да и, на самомъ дѣлѣ, откуда у переселенцевъ средства? У нихъ трудъ, забота расчистить лѣса, распахать болота, а денегъ нѣтъ. Но въ Сибири можно жить и безъ денегъ: „тутъ рѣки молочныя, берега кисельные“. Здѣсь есть люди, которые спеціально занимаются постройкой церквей для переселенцевъ безвозмездно, и переселенческое начальство ихъ на то благословляетъ. Въ Едетѣ нашелся такой строитель-благотворитель въ лицѣ Петра Гавриловича Третьякова, или по мѣстному названію „Пети слѣпого“. Раньше этотъ Петя слѣпой ходилъ съ сумой и котелкомъ, собиралъ милостыню, предшествуемый поводыремъ, а чаще проводницей, пѣль съ ней въ унисонъ молитвы и канты. Потомъ пошелъ по святымъ мѣстамъ: былъ въ Палестинѣ, имѣлъ тамъ кондитерскую и торговалъ образками, былъ на Аѳонѣ, въ Кіевѣ, въ Кронштадтѣ у о. Іоанна и въ другихъ мѣстахъ. Набирался святости, запасался умѣньемъ говорить отъ Писанія, а главное, строить церкви въ Сибири. Глазами пользовался по мѣрѣ надобности: гдѣ слѣпень, а гдѣ и зрячій и даже очешь. Однимъ словомъ, гдѣ какъ выгодно и прибыльно.

Прибылъ Петя на свою родину, въ деревню Каргалу Ачинскаго уѣзда и объявилъ землякамъ, что получилъ отъ о. Іоанна 5.000 рублей на построеніе въ Каргалѣ церкви. Обрадовались, запумѣли каргалинцы и, желая принести на святое дѣло свою лепту, стали собирать и деньгами, и хлѣбомъ на построеніе церкви и собранное передавали Третьякову; онъ же занялся хлопотами о разрѣшеніи. Хлопоталъ года три, собралъ съ переселенцевъ тысячи двѣ, а когда сборы пошли туго, поссорился съ каргалинцами и, узнавъ, что въ новомъ поселкѣ Едетъ переселенцы думаютъ построить церковь, затѣялъ съ едетцами переговоры о приписк къ Едету и переѣхалъ совсѣмъ изъ Каргалы въ Едетъ. Остались каргалинцы безъ церкви и безъ денегъ.

Едетцы народъ бѣдный, предъ богачами благоговѣютъ, а Третьяковъ, подмѣтивъ эту черту, сталъ „заливать“ переселенцамъ: „я небогатый человѣкъ, у меня какихъ-нибудь двѣсти тысченокъ, а вотъ моей жены сродственники въ Казанской губерніи, тѣ милліонщики, а сюда-же собираются и помогутъ намъ на церковь“.—„А что-же, пусть ѣдутъ, мы хорошими людьми не брезгуемъ, намъ богатые нужны, милости просимъ“,—галдятъ едетцы.

Какъ и въ Каргалѣ, Третьяковъ начинаетъ хлопотать о церкви. Строитъ себѣ домъ, открываетъ лавку, заводитъ граммофонъ, а о церкви все хлопочетъ. На мелкіе расходы своихъ денегъ не тратитъ: „онѣ нужны будутъ на постройку“, ѣздитъ на общественныя, на рядовыхъ подводахъ, то въ Красноярскъ, то въ Ачинскъ и даже въ Петербургъ, а на обратномъ пути захватитъ малую толику товарцу въ лавку и кучу новостей, результатовъ поѣздки. Переселенцы на седьмомъ небѣ: „Отецъ ты нашъ, благодѣтель, Господь принесъ тебя, чѣмъ заплатить тебѣ, отблагодарить?“—„Ничего мнѣ отъ васъ не нужно, говоритъ Петя. Богъ меня наградитъ: для души стараюсь“. Но въ то же время дѣло ведетъ такъ, что едетцы дѣлаютъ приговоръ, по которому освобождаютъ Третьякова на 20 лѣтъ отъ всѣхъ повинностей, даютъ ему нѣсколько десятинъ выгона, кромѣ полевыхъ надѣловъ, подъ пасѣку, которой еще нѣтъ, даютъ ему право принять въ общество 18 семействъ по своему усмотрѣнію, а плату за принятыя доли на постройку церкви Третьякову. Передаютъ крестьяне ему-же и безъ расписки

денегъ около 2,000 руб., раньше собранныхъ на церковь. Несутъ жертву и хлѣбомъ, и скотиной, и холстомъ и собрали всего и внесли Петѣ на построеніе церкви около 3.500 руб. Получилось разрѣшеніе на построеніе церкви. Радости крестьянъ-переселенцевъ конца нѣтъ. Навозили лѣсу, камня, вырыли канавы подъ фундаментъ, окантовали всѣ бревна, и Третьяковъ приступилъ къ постройкѣ хозяйственнымъ способомъ. Положили нѣсколько (20) рядовъ, и Третьяковъ заявляетъ обществу, что деньги всѣ простроилъ, нужно еще 3000 руб. „Хотѣлъ всю церковь я на свои средства построить, но вы не стоите того; пьяницы вы, говоритъ Петя, дадите три тысячи, построю". Едетцы смѣкнули, что дѣло-то дрянь: благодѣтель-то ихъ немножко сплутовалъ; какъ и въ Каргалѣ, сборы прекратили, а строитель-благотворитель отъ постройки отказался. Въ то же время Третьяковъ, получивъ отъ едетцевъ около 3.500 р. и при закладкѣ храма за поминаніе, подъ престолъ и вообще жертвъ около 300 р., итого значитъ около 4.000 р., и потративъ на постройку 600—700 р., беретъ отъ Переселенческаго управленія удостовѣреніе въ томъ, что онъ, Третьяковъ, является одинъ строителемъ церкви, на свои личные средства, и отправляется съ этимъ удостовѣреніемъ по городамъ Сибири и выпрашиваетъ у добрыхъ людей рубли и золотые на постройку церкви. Крестьяне жалуются начальству на своего разорителя, просятъ его отстранить, но не тутъ-то было. Молчитъ переселенческое управленіе, крестьянскій начальникъ и другіе прочіе власть имущіе. А почему? Да вотъ тутъ-то и вопросъ и еще „сибирскій". Третьяковъ обошелъ, обобралъ, а какъ больше съ переселенцевъ взять стало нечего, отказался отъ постройки. Едетцы плачутъ, горюютъ, жалуются, но надъ ними-же смѣются. Третьякову же, какъ онъ говоритъ, вездѣ рука: и въ переселенческомъ управленіи, и въ синодѣ даже. Почему? Это тоже вопросъ!... А не мѣшало-бы обратить, кому слѣдуетъ, вниманіе на подобныхъ благотворителей и на тѣхъ господъ, которые, зная ихъ художества, пропускаютъ мимо ушей жалобы переселенцевъ и потворствуютъ разнымъ проходимцамъ вродѣ Пети Третьякова. Неужели отъ таковыхъ проходимцевъ-строителей кое-кто наживается? Если такъ, то ужъ это вопросъ больше, чѣмъ „сибирскій".

Иркутскъ (*Наши „націоналисты“ передъ выборами*). Существовало у насъ 2-ое ремесленное собраніе. Такъ оно называлось, на самомъ же дѣлѣ—это былъ картежный клубъ, гдѣ дѣлами руководили мелкіе чиновники. Послѣдніе были приглашены, въ качествѣ членовъ, ремесленниками для того, чтобы была у нихъ въ собраніи „образованность,“ которой они, ремесленники, хотѣли „пообтесать“ своихъ домашнихъ, научить „манерамъ“, „интеллигентному обращенію“. Такимъ образомъ, ремесленное собраніе постепенно превратилось въ клубъ чиновниковъ, прекрасно играющихъ въ карты. На сколько обучили чиновники „интеллигентности“ ремесленниковъ и какого рода они внесли въ ихъ среду „культуру“, будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ. Собраніе за картежную игру было постановленіемъ губернскаго присутствія закрыто. Въ связи съ вопросомъ о ликвидаціи дѣлъ собранія, выяснились прелюбопытные факты изъ дѣяній чиновныхъ заправилъ. Вопросъ о ликвидаціи собранія всколыхнулъ ремесленниковъ, членовъ его. „Какъ такъ, мы ихъ приняли за тѣмъ, чтобы „интеллигентности“ научиться, а теперь выходитъ, что наше имущество нужно раздавать“, недоумѣвали они. Да и обидно было, что чиновники постепенно оттѣснили отъ дѣлъ хозяевъ, ремесленниковъ, управляясь съ дѣлами и средствами собранія, выражаясь мягко, слишкомъ свободно. Такимъ путемъ создалась оппозиція ремесленниковъ, добившихся избранія ревизіонной коммиссіи для разсмотрѣнія дѣятельности ихъ „учителей“.

Вотъ, что открыла изумленнымъ ремесленникамъ эта коммиссія: оказалось—подготовлялось благополучное „рожденіе націоналистовъ“.

„Націоналисты“, пользуясь отсутствіемъ на одномъ изъ общихъ собраній оппозиціонной группы членовъ, постановили возбудить ходатайство о переименованіи 2-го ремесленнаго собранія въ „Русскій клубъ“; въ случаѣ же, если это ходатайство по какимъ-либо причинамъ было бы не удовлетворено, рѣшено было собраніе ликвидировать, распредѣливъ всѣ капиталы слѣдующимъ образомъ: $^1/_4$ на изданіе правой націоналистической газеты, $^1/_4$ мужской гимназіи русскаго собранія и столько же женской гимназіи „союза русскаго народа“, а остальную четвертую часть для раздачи бѣднымъ *русскимъ* ремесленникамъ.

Попытка эта, однако, пока что не удалась. Этому помѣшала ревизіонная коммиссія, открывшая поразительные факты.

Протоколами ревизіонной коммиссіи отмѣчается цѣлый рядъ злоупотребленій, допущенныхъ какъ цѣлымъ составомъ совѣта старшинъ, такъ и нѣкоторыми отдѣльными должностными лицами собранія.

Такъ, напримѣръ, нѣкоторые члены правленія не отсчитались въ выданныхъ имъ на руки суммахъ и выѣхали изъ Иркутска, книги велись крайне небрежно. Казначей Панинъ представилъ расписку на 150 руб., выданныхъ нѣкоему Василенко, на предвыборную агитацію; по уставу собранія такого рода дѣятельность не предусмотрѣна.

Кромѣ того, какого сорта была „предвыборная дѣятельность“ Василенко осталось совершенно невыясненнымъ. Между тѣмъ, про него, Василенко, здѣсь циркулируютъ всевозможные слухи, какъ о личности „темной“. Сама ревизіонная коммиссія квалифицировала его дѣятельность такъ: „очень сомнительнаго качества“. Въ собраніе же онъ втерся съ нарушеніемъ устава, благодаря „усиліямъ“ гг. чиновниковъ: „прекрасный человѣкъ, имѣлъ мельницы и будетъ ихъ имѣть“, такъ аттестовали Василенко гг. чиновники. Слухи же таковы, что про него говорятъ: отъ всѣхъ злыхъ людей существуютъ предосторожности, отъ же г. Василенки никакихъ предосторожностей нѣтъ. Разсказываютъ про его „дѣла“ съ подполковникомъ Нижнеудинской команды г. Муфелемъ, впослѣдствіи застрѣлившимся въ Верхнеудинской тюрьмѣ. Передаютъ исторію того, какъ онъ отомстилъ предсѣдателю Читинскаго окружнаго суда г. Михайловскому, удалившему его за неподобающее поведеніе изъ залы суда, и многое другое. Вѣроятно, г. Василенко хорошо извѣстенъ во многихъ сибирскихъ городахъ, гдѣ онъ „оперировалъ“ и оставилъ по себѣ память. Достойнымъ соратникомъ г. Василенко оказался г. Радинъ, тотъ самый „истинно-русскій“, который въ счастливое для этихъ людей время генерала Селиванова издавалъ здѣсь черносотеннаго „Сибиряка“.

Вообще, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что теперь какъ-то всѣ тѣ „русскіе“ элементы, которые во времена „управленія“ Селиванова играли у насъ роль первыхъ людей въ городѣ, когда достаточно было одного ихъ слова, чтобы по-

пасть въ немилость всесильнаго генерала,—начали выплывать на свѣтъ Божій по случаю какихъ-нибудь „скандаловъ“. Г. Радину коммиссія прямо инкриминировала умышленное присвоеніе суммъ собранія. Другой столпъ нашихъ „истинно-русскихъ“ (сподвижникъ г. Радина), задумавшихъ подъ вліяніемъ указаній свыше, преобразиться въ единую „партію націоналистовъ“, свящ. Вѣрномудровъ также попалъ въ „исторію“. Въ качествѣ члена правленія мѣстнаго страхового общества, онъ оказался причастнымъ къ крупной растратѣ и подлогамъ, обнаруженнымъ въ дѣлахъ общества ревизіонной коммиссіей. Ему вмѣстѣ съ другими лицами предъявлено общимъ собраніемъ членовъ обвиненіе въ соучастіи въ указанныхъ дѣяніяхъ. Дѣло это теперь находится въ рукахъ прокурорскаго надзора. А вѣдь было время, когда протоіерей Вѣрномудровъ принадлежалъ къ первымъ совѣтникамъ г. Селиванова. Если бы не случилось этой „бѣды“, о. Вѣрномудровъ, несомнѣнно, сталъ бы играть „первую скрипку“ въ дѣятельности мѣстнаго комитета „союза православныхъ приходовъ“, предвыборной организаціи нашего духовенства.

Теперь, конечно, немного „зазорно“ ему усердствовать въ выборномъ дѣлѣ. Среди дѣятелей нашихъ „націоналистовъ“, кромѣ указанныхъ лицъ, есть отецъ съ академическимъ образованіемъ, который хорошо извѣстенъ, какъ педагогъ, съ самой отрицательной стороны.

Это - законоучитель мужской гимназіи о. Ипп. Инн. Поповъ.

Еще недавно одна изъ иркутскихъ газетъ писала, что о. Поповъ въ классахъ гимназіи за урокомъ высказывалъ сожалѣніе, что гимназистовъ плохо дрессировали: нужно же дрессировать ихъ какъ „кошекъ, собакъ и обезьянъ“ (буквальныя слова о. Попова).

По этому поводу возникли разсужденія въ родительскомъ комитетѣ, который черезъ предсѣдателя указалъ на неумѣстность такихъ разсужденій на урокахъ г. директору. Дѣло замяли, ибо о. Поповъ хорошій знакомый и ставленникъ нашего „знаменитаго“ главнаго инспектора училища г. Василенко (не тотъ, о которомъ рѣчь была выше).

Въ прошломъ о. Попова намъ извѣстны по личному знакомству его педагогическіе „пріемы“, начиная отъ извоз-

чичьей брани по адресу учащихся вплоть до рукоприкладства. Было это во времена его завѣдыванія мѣстной церковно-учительской семинаріей... А какова тенденція высшей власти. Недавно по поводу одобреннаго иркутской городской думою въ числѣ другихъ предположеній коммиссіи по устройству сквера около памятника Александра III и возбужденнаго городскимъ головой ходатайства о совершеніи архіепископомъ Серафимомъ, въ сослуженіи духовенства, молебствія передъ открытіемъ сквера, — секретаремъ при архіепископѣ, г. Павловскимъ, отъ имени высокопреосвященнаго Серафима, было въ газету „Сибирь“ прислано для напечатанія нижеслѣдующее разъясненіе:

„Увеселительныя мѣста могутъ открываться только гражданскимъ порядкомъ, и духовенству, какъ учителю покаянія и трудолюбія, неприлично благословлять мѣста, въ которыхъ увеселенія носятъ несогласный съ евангеліемъ характеръ. Добрый христіанинъ въ часы отдохновенія обязанъ время проводить не на „скверныхъ“ гуляніяхъ, а въ чтеніи священныхъ и серьезныхъ книгъ и пѣніи священныхъ псалмовъ (Ефес. IV, 19)“.

Не случись „бѣды“, вся „компанія“ „націоналистовъ“, несомнѣнно, объединилась бы на выборное время.

Такимъ образомъ, оппозиціонныя и лѣвыя группы мѣстныхъ городскихъ и губернскихъ избирателей въ Государственную Думу, кромѣ благодарности нашимъ гг. „націоналистамъ“ за ихъ „плодотворную“ и „почтенную“ дѣятельность имѣть ничего не могутъ. Результаты дѣятельности заправилъ „націоналистовъ“ всплыли наружу, они ясно и убѣдительно говорятъ намъ, какого сорта эти „общественные дѣятели“, какъ они смотрятъ на дѣло служенія обществу и въ какой мѣрѣ ихъ слова о „преданности“ и „любви“ къ пользамъ и нуждамъ общественнымъ могутъ отвѣчать дѣйствительности. Слова эти слѣдуетъ понимать какъ разъ въ обратномъ смыслѣ. Мы убѣждены, что избиратель по достоинству оцѣнитъ „дѣятельность“ гг. иркутскихъ „націоналистовъ“, не въ шутку, повидимому, возомнившихъ его одурачить.

На прасная надежда.

Очерки сибирской жизни.

„Въ виду послѣднихъ событій на золотыхъ промыслахъ Ленскаго Товарищества", иркутскій генералъ-губернаторъ вошелъ въ министерство внутреннихъ съ ходатайствомъ о немедленномъ увеличеніи за счетъ казны состава горной полиціи въ Витимскомъ и Олекминскомъ горныхъ округахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ представило свои предположенія въ совѣтъ министровъ, который ихъ одобрилъ и „въ виду срочности дѣла", призналъ надлежащимъ отпустить на это мѣропріятіе потребныя средства въ порядкѣ 17 ст. бюджетныхъ правилъ", всего на текущій годъ (съ 16 мая 1912 г. по 1 января 1913 г.) — 18.875 рублей. Общая сумма расходовъ въ годъ опредѣлена въ 30.200 р. На эти средства учреждаются двѣ должности горныхъ исправниковъ и, кромѣ того, составъ иркутской городской полиціи усиливается четырьмя должностями полицейскихъ приставовъ, „съ предоставленіемъ иркутскому губернатору откомандировывать послѣднихъ для исполненія полицейскихъ обязанностей въ предѣлахъ Витимскаго и Олекминскаго горныхъ округовъ въ помощь мѣстной полиціи".

Можно сомнѣваться, чтобы „эти вновь учрежденные пристава и исправники" что-либо пресѣкли или предупредили въ случаѣ повторенія ленскихъ событій. Но здѣсь торжествуетъ принципъ, тотъ великій принципъ, по которому всѣ событія, подобныя ленскимъ, сопровождаются ростомъ главнѣйшаго элемента нашей государственности—полиціи, а совмѣстно съ этимъ—увеличеніемъ надзора.

Послѣднимъ очень озабочено министерство внутреннихъ дѣлъ и даже возбудило вопросъ о пріобрѣтеніи трехъ особыхъ пароходовъ для служебныхъ поѣздокъ тобольскаго, томскаго и якутскаго губернаторовъ. Иначе нѣкоторыя мѣстности края, благодаря затруднительности передвиженія остаются со стороны губернской администраціи безъ всякаго надзора („Утро Сибири").

Трудно съ достаточной увѣренностью утверждать, чѣмъ, собственно, вызываются безпорядки: отсутствіемъ-ли надзора или его присутствіемъ. Чѣмъ не надзоръ былъ на ленскихъ пріискахъ за рабочими, во сколько глазъ за ними смотрѣли,

а такая крутая каша заварилась, что и самъ правительственный ревизоръ пока-что сладить не можетъ.

Или вотъ еще. Заводятъ для томскаго губернатора пароходъ по причинѣ отсутствія надзора. Но у него въ губерніи именно тамъ, гдѣ надзоръ отсутствуетъ, тихо, а гдѣ присутствуетъ безпорядки. И какіе еще, по всѣмъ правиламъ: и съ полиціей, и съ милиціей, и съ юстиціей. Мы говоримъ о „Павловскомъ дѣлѣ", окончившемся 1 іюня въ г. Барнаулѣ. Въ дополненіе къ отчету о дѣлѣ, напечатанному въ этомъ номерѣ, приходится сказать, что судъ отнесся къ павловцамъ исключительно съ формальной стороны. „Все вниманіе суда было направлено на выясненіе подробностей безпорядковъ, а не причинъ ихъ,—писали „Русскія Вѣдомости". Было, вѣроятно, точно установлено, какой величины колья были въ рукахъ у подсудимыхъ, но почему эти колья очутились у нихъ, почему вообще возможны аграрные безпорядки въ огромныхъ и заселенныхъ владѣніяхъ Кабинета—на эти вопросы отвѣта въ приговорѣ суда нѣтъ".

Не только въ приговорѣ, но и во время суда, какъ видно изъ отчета, тщательно изгонялся самый намекъ на „отвѣтъ".

Впрочемъ, наложеніе печати молчанія на уста защитниковъ мало помогло. „Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно". И земельный вопросъ, отторгнутый у защиты, нашелъ себѣ пріютъ у обвиненія.

Прокуроръ въ обвинительной рѣчи указалъ на то, что нашъ крестьянинъ къ земельнымъ вопросамъ относится чрезвычайно осторожно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда это касается его самого. Онъ находилъ, что павловскіе крестьяне отнеслись на столько чутко и энергично, что, казалось, иначе они отнестись и не могли („Сибирская Жизнь").

Въ обвинительномъ актѣ, въ показаніяхъ цѣлаго ряда свидѣтелей „власть земли" въ дѣлѣ павловцевъ выступила еще рѣзче, еще опредѣленнѣе. Это былъ „отвѣтъ", который не могла пресѣчь карательная власть предсѣдательствовавшаго, и всѣ, имѣющіе уши, должны были этотъ отвѣтъ услышать.

Къ сожалѣнію, „Павловское дѣло"—не единственный случай въ практикѣ алтайскаго землеустройства. Недовольство землеустроенныхъ здѣсь обычное явленіе, и губернаторскій

циркуляръ (1910 г.) на имя крестьянскихъ начальниковъ какъ бы предусматривалъ возможность перехода недовольства въ нѣчто подобное павловской исторіи:

„При этомъ прошу Васъ, – говорилось въ циркулярѣ, – при предстоящихъ землеустроительныхъ работахъ сказывать чинамъ землеустройства лично и черезъ подвѣдомственныхъ Вамъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ самое широкое, скорое и рѣшительное содѣйствіе и принимать мѣры къ устраненію всякаго ослушанія или противодѣйствіе со стороны населенія землеустройству, а виновныхъ привлекать къ отвѣтственности".

„Земельныя нестроенія" на Алтаѣ секретъ полишинеля, и нашли себѣ отзвукъ въ нашемъ „парламентѣ".

„Извѣстно ли министру внутреннихъ дѣлъ, — освѣдомлялся запросъ фракціи к.-д., внесенный 9 іюня въ Государственную Думу, принятый ею и признанный спѣшнымъ, – что общее присутствіе томскаго губернскаго управленія въ рядѣ случаевъ допускаетъ, въ интересахъ Кабинета Его Величества, нарушеніе высочайше утвержденнаго 31 мая 1899 г. положенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ, водворившихся въ Алтайскомъ округѣ на земляхъ Кабинета Его Величества"?

Этотъ вопросъ, а также послѣдующій: что означенный министръ предполагаетъ предпринять для возстановленія нарушенной законности? одинаково остались безо всякаго отвѣта съ той стороны, куда были обращены. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ день внесенія запроса и принятіе его, какъ спѣшнаго, былъ послѣднимъ днемъ существованія Третьей Государственной Думы.

Говоря высокимъ штилемъ, смерть, занесшая свою косу, не могла остановить Думу, разъ представлялась возможность хоть частично выполнить долгъ передъ „послащимъ" ее населеніемъ. Съ другой стороны, пятилѣтній опытъ успѣлъ научить, что *сдѣлать* ничего нельзя. Такъ не все ли равно, о чемъ и когда *сказать*!

Говорила Третья Дума много и долго, цѣлыхъ пять лѣтъ, а что сдѣлала?

„Сибирскій Край" задался было такимъ вопросомъ и тотчасъ же, не раздумывая долго, отвѣтилъ: „Ничего! Ска-

зать это можетъ всякій безпристрастный наблюдатель". Вообще эта передовая статья (отъ 3 іюня) въ дѣятельности Думы видѣла одни только минусы и высказывала сожалѣніе о безполезной тратѣ народныхъ денегъ въ виду продолженія думскихъ засѣданій.

13 іюня, отдавая новопреставившейся Думѣ послѣднее лобзаніе, „Сибирскій Край" усмотрѣлъ въ дѣятельности покойницы даже не положительныя стороны, а „заслуги" (въ навычкахъ), и не одну, а двѣ: „внѣдреніе въ умахъ массъ самой идеи народнаго представительства, самой возможности его осуществленія" и „пробужденія въ народныхъ массахъ самосознанія и критическаго отношенія къ совершающимся явленіямъ общественной жизни".

Но это „хорошее", которое газета предпочла, въ виду недавней кончины, „ничего", снабдила такими оговорками: „мы не являемся сторонниками доктрины существующаго, разумнаго и полезнаго", „Третья Дума умерла, но не всякій можетъ сказать: да здравствуетъ „такая же Дума!"

„Сибирь" въ день закрытія Государственной Думы вспомнила ея „счеты" съ Государственнымъ Совѣтомъ и, между прочимъ, поздравила большинство: „Въ вѣчномъ лакействѣ утраченъ даже стыдъ самосѣченія..."

„Третья Дума,—подвела итоги „Забайкальская Новь", имѣетъ за собой одно лишь положительное значеніе: она создала оппозиціонное настроеніе избирателей".

Если послушать разговоры избирателей въ Балаганскомъ уѣздѣ, то можно придти къ другимъ выводамъ:

„Да что она дала?—говорятъ о Думѣ здѣшніе крестьяне. Развѣ, что вотъ увеличила наказаніе за конокрадство. Толку-то въ ней не много, не стоитъ и хлопотать".

Корреспондентъ „Сибири" и констатируетъ фактъ, что „крестьяне пока о выборахъ не думаютъ, за исключеніемъ немногихъ интеллигентныхъ единицъ". Духовенство, подгоняемое знаменитымъ консисторскимъ циркуляромъ, переживаетъ предвыборное „безпокойство", даже циркулируютъ неопредѣленные слухи объ организаціи „союза приходовъ". Отсюда слабая надежда: „Можетъ быть, агитація духовенства заставитъ думать и рѣшитъ вопросъ о

выборахъ, но безъ оправданія надеждъ, возлагаемыхъ на крестьянство духовенствомъ". Крестьянство все же учитываетъ тотъ фактъ, что духовенство дѣйствуетъ по предписанію, но иныхъ средствъ для организаціи выборовъ у населенія нѣтъ".

Начинаютъ уже понемножку „разъяснять". Въ Верхоленскомъ уѣздѣ получено новое разъясненіе избирательнаго закона, касающееся волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ. Они, какъ служащіе „вродѣ полиціи", лишены избирательнаго права по городской куріи, а могутъ голосовать только по крестьянской, если имѣютъ соотвѣтствующій цензъ („Иркутское Слово").

Съ приближеніемъ выборовъ интересъ къ нимъ повышается не только съ „разъяснительной" стороны. Обыватель, какъ будто, начинаетъ просыпаться и напоминать о себѣ. Въ читинскую городскую управу уже поступаютъ заявленія отъ обывателей о включеніи ихъ въ списокъ избирателей въ Четвертую Государственную Думу.

Въ Курганѣ хотя „нѣтъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ, пишутъ „Сибирской Жизни", — но, судя по спеціальному составу проявляющихъ интересъ къ выборамъ группъ, можно уже теперь наблюдать въ обществѣ три господствующихъ теченія: октябристское, прогрессивное и демократически-безпартійное. Отъ первой группы выдвигается кандидатура бывшаго директора союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей А. П. Балакшина; отъ прогрессистовъ намѣчаютъ уполномоченнаго отъ города по желѣзнодорожнымъ ходатайствамъ Андроникова и гласнаго думы А. П. Ванюкова. Демократически-безпартійная группа кандидата еще не выдвинула, но въ ея средѣ имѣются лица, которыхъ безусловно поддержитъ и либеральное купечество".

По всѣмъ видимостямъ, избирательную кампанію въ Кургашъ думаютъ повести широко. Въ октябристской группѣ агитируютъ за изданіе своей газеты на время предвыборной кампаніи. Интеллигенція также будетъ издавать газету, или на паяхъ, или купивъ уже издающійся „Курганскій Вѣстникъ". Дѣла послѣдняго были на столько неважны, что издатель обращался къ „лицамъ, могущимъ взять на себя

обязанности фактическаго и отвѣтственнаго редактора или даже самое изданіе".

Разсказанная въ „Сибирской Жизни" коротенькая исторія этой газетки „старая и вѣчно новая" исторія провинціальныхъ газетъ, переживающихъ тяжелый кризисъ идейнаго издательства.

Издатель „Курганскаго Вѣстника" -изъ новыхъ; но первымъ руководителямъ газеты удалось придать ей опредѣленный демократическій обликъ и поставить дѣло, на сколько это было возможно, интересно. Издатель не протестовалъ, такъ какъ давно извѣстно, что „правая печать" не можетъ прокормить. Но неограниченная во-вне, въ жизни общо-политической и краевой, редакція наткнулась на препятствія освѣщать городскую жизнь. „Коммерческія связи издателя гарантировали многимъ учрежденіямъ и лицамъ „неприкосновенность личности". Такъ, напримѣръ, нельзя было критиковать дѣйствія преподавателей женской гимназіи Флеммера и Волковой: запрещалось писать статьи о постановкѣ дѣла въ Союзѣ сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей, особенно по вопросамъ различныхъ поставокъ, въ которыхъ заинтересованъ бывшій директоръ союза А. Н. Балакшинъ съ двумя сыновьями, и проч., и проч. въ томъ же духѣ. Дальше завязалась борьба за неприкосновенность направленія вообще и, въ концѣ концовъ, всѣ члены редакціи ушли.

Издатель ничуть не смутился и черезъ двѣ недѣли началъ выпускать газету самъ, подписываясь „За редактора" и набравъ новый составъ сотрудниковъ „подъ самого".

Въ Иркутскѣ, по слухамъ, предполагается выходъ новой газеты октябристскаго направленія. Деньги на издательство имѣются: одинъ изъ капиталистовъ даетъ якобы 40 тысячъ, но затрудненіе возникло изъ за отсутствія сотрудниковъ.

Въ Тюмени предполагается изданіе предвыборнаго листка о чемъ подано губернатору заявленіе сотрудникомъ мѣстныхъ газетъ, П. А. Рагозинскимъ. Самыми выборами здѣсь мало интересуются, и то не со стороны политики, а кто пройдетъ выборщикомъ отъ Тюмени: Павелъ Ивановичъ или Борисъ Павловичъ („Сибирская Жизнь").

Какого типа здѣсь дѣятели, можно судить по г. Текутьеву бывшему городскому головѣ и мѣстному благотворителю.

На замѣчаніе о неудовлетворительной постановкѣ принадлежащаго ему театра, онъ заявилъ:

— А вотъ набью театръ сѣномъ, если будутъ говорить плохо!

„И набьетъ, можно сказать съ увѣренностью, что набьетъ"...—добавляетъ корреспондентъ.

Вотъ еще „моментальный снимокъ" дѣятеля изъ Барнаула, приложившаго свою руку: „При подписи журнала думы объ избраніи городского головы членъ управы Гончаровъ остался при особомъ мнѣніи, которое приводимъ полностью съ сохраненіемъ орѳографіи: „Въ журнале о выборе городского головы, не изложено мое заявленіе. После болтировки М. И. Страхова, и отказа отъ болтировки остальныхъ кандидатовъ предсѣдательствующій предложилъ снова на метить кандидатовъ въ городскіе головы, записками, на такое предложеніе я заявилъ, что вопросъ объ избраніи городского головы оконченъ, и вторично рекомендовать кандидатовъ я считаю не законнымъ, такъ какъ это будутъ дополнительные выборы, заявленіе мое я просилъ внести въ журналъ думы, но этого не сдѣлано. Членъ управы Г. Гончаровъ" („Жизнь Алтая").

„Сумлѣваемся, штопъ" сей дѣятель... Хорошо, впрочемъ, если есть изъ кого выбрать получше. Зачастую по нашимъ градамъ такъ случается: дѣятель-то дѣятель, а все либо безграмотный, либо безпардонный.

Объявился на ст. Иннокентьевской желѣзнодорожный слесарь Поздняковъ и началъ дѣятельность: организовывать союзъ Михаила Архангела. Первымъ долгомъ принялся вербовать священниковъ, но тѣ уклонились. Дѣятель обидѣлся и сейчасъ соотвѣтствующій доносъ по принадлежности.

Въ этомъ отношеніи всѣ дѣятели союза Михаила Архангела отличаются поразительнымъ единодушіемъ. „Видные дѣятели" владивостокскаго отдѣла этого союза неоднократно имѣли столкновенія съ прокуроромъ мѣстнаго окружнаго суда, г. Гончаровымъ. И уже ходятъ по городу слухи что на г. Гончарова сдѣланъ въ Петербургъ доносъ. Его обвиняютъ въ юдофильствѣ и покровительствѣ инородцамъ, въ притѣсненіи „истинно-русскихъ", въ неуваженіи къ присутственному мѣсту, проявлявшемуся неоднократно въ его

кабинетъ. Словомъ, доносительныя удочки закинуты во всѣ будочки („Приамурье“).

И вѣдь клюетъ, навѣрное, клюетъ... Клюнуло же, да еще какъ, у директора новониколаевскаго реальнаго училища г. Бутовича, а ужъ въ какомъ онъ положеніи непріятномъ очутился.

Поставилъ мѣстный музыкально-драматическій кружокъ пьесу Чернышева „Частное дѣло“. Пьеса къ представленію драматической цензурой одобрена и разрѣшена къ постановкѣ мѣстной полиціей. На афишахъ, расклеенныхъ за три дня до спектакля, говорилось, что пьеса эта изъ жизни нашей частной школы и потому на спектакль желательно присутствіе учащихъ и учениковъ. Были и тѣ, и другіе, но на спектаклѣ учебное начальство признало, что пьеса „безнравственная“, „противная общественному порядку и нравственности“.

Для начальства, разрѣшившаго ученикамъ присутствовать на спектаклѣ, положеніе создалось неловкое. Начальникъ Бутовичъ, какъ старый и опытный педагогъ, быстро нашелся. Дабы упредить другихъ, онъ, вкупѣ съ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи, о. Васильковымъ сообщилъ попечителю учебнаго округа о вопіющихъ дѣйствіяхъ кружка, не забывъ присовокупить фамиліи двухъ учительницъ женской гимназіи, состоявшихъ членами кружка. Затѣмъ г. Бутовичъ поѣхалъ самъ и, для вѣрности, донесъ попечителю лично.

Въ результатѣ столь усиленнаго доносительства учительницамъ предложено подать въ отставку, а кружокъ сперва временно пріостановленъ по телеграфному распоряженію губернатора, а потомъ навсегда закрытъ его же постановленіемъ за дѣятельность, развращающую молодежь.

Развращаетъ театръ учащихся, даже самая школа дѣйствуетъ на нихъ не такъ, какъ должно. И вотъ начальникъ Забайкальской желѣзной дороги придумалъ для школъ своей дороги нѣкоторый коррективъ въ сторону патріотизма что, несомнѣнно, доказываетъ его стремленіе идти въ ногу съ вѣкомъ. По его мнѣнію, лучшее средство для воспитанія — установленіе однообразной формы для учащихся, способствующей развитію среди нихъ единства, духа товарищества и дисциплины („Думы Забайкалья“). Вводится форма, соб-

ственно, по предписанію учебнаго отдѣла министерства путей сообщенія, а начальникъ уже отъ себя придумалъ философское обоснованіе... Хотя, съ другой стороны, не могъ такъ отстать учебный отдѣлъ въ своей спеціальности, чтобы не знать, въ чемъ теперь заключается альфа и омега воспитанія и развитія. Монополія на это давно взята „потѣшными“, и плохъ тотъ педагогъ, который не начальствуетъ хотя бы надъ однимъ ихъ взводомъ.

Тріумфомъ „потѣшнаго“ дѣла въ Сибири была поѣздка полковника Назимова, дѣлавшаго смотръ молодой, „патріотической“ Россіи. „Цвѣты земли“ строились двухшереножнымъ строемъ, смыкали и размыкали ряды, показывали гимнастическія упражненія. Особенно красиво, если при этомъ „чудное солнечное утро. Мягкій вѣтерокъ ласкаетъ и навѣваетъ пріятную прохладу“. Скверно, если дождь. Тогда учениковъ выстраиваютъ подъ навѣсомъ станціи, и они не могутъ блеснуть своими талантами, какъ слѣдуетъ. Но полковникъ Назимовъ восхищается, вездѣ благодаритъ. Вотъ какъ встрѣчали его на станціи Тайга: „30 учениковъ таежной школы съ ружьями были выстроены къ приходу поѣзда на пассажирской площадкѣ у вокзала. Учитель гимнастики, поручикъ въ отставкѣ, лихо командовалъ и продѣлалъ все нужное“ („Утро Сибири“).

Таковъ ужъ законъ: разъ дѣло патріотическое, все тутъ отъ лихости зависитъ.

Уѣхалъ полковникъ Назимовъ, а отдохнуть все-таки нельзя. Опять за лихость приниматься надо: приходится готовиться къ высочайшему смотру „потѣшныхъ“, который состоится 31 іюля. Ожидается около $8^1/_2$ тысячъ „потѣшныхъ“ со всѣхъ концовъ Россіи. Будутъ и изъ Сибири. Уже сейчасъ идутъ самыя дѣятельныя приготовленія.

Военный губернаторъ Амурской области препроводилъ въ городскія управы копіи циркулярнаго распоряженія департамента общихъ дѣлъ, прося сообщить, имѣются ли при городскихъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства города, правильно сформированныя организаціи „потѣшныхъ“, какія изъ нихъ лучше подготовлены и въ какомъ числѣ можно доставить ихъ на высочайшій смотръ, а также возможно ли произвести расходы, связанные съ вы-

розомъ „потѣшныхъ“ на имѣющій быть смотръ за счетъ городовъ („Уссурійская Окраина“).

Съ такимъ ходатайствомъ обратился, было, во владивостокскую городскую управу директоръ мѣстной мужской гимназіи, но дума ходатайство отклонила. На поѣздку 80 „потѣшныхъ“ гимназистовъ пришлось бы затратить до 12 тысячъ руб., а у города нѣтъ средствъ на неотложныя нужды („Уссурійская Окраина“).

Города съ ихъ самоуправленіями всегда либеральничаютъ, всегда въ оппозиціи. Другое дѣло свои учрежденія. Желѣзныя дороги, напримѣръ. Тутъ ни разыскивать „потѣшныхъ“ не приходится, ни о субсидіи ходатайствовать.

Въ Новониколаевскѣ 20 іюня начались лагерные сборы „потѣшныхъ“ учащихся въ школахъ Сибирской желѣзной дороги. Собирается 120 человѣкъ, и въ іюлѣ 80 лучшихъ изъ нихъ повезутъ въ Петербургъ. Да еще какъ повезутъ: „потѣшныхъ“ будутъ сопровождать капитанъ Мидиниковъ и два представителя педагогическаго персонала. Въ поѣздкѣ „потѣшные“ будутъ имѣть казенное содержаніе, кромѣ того, имъ будетъ сдѣлано полное обмундированіе. Капитану Мидиникову и учащимъ, которые будутъ прикомандированы къ „потѣшнымъ“, назначено суточное довольствіе: на время лагерей первому три рубля, вторымъ полтора, въ поѣздкѣ первому четыре, вторымъ два („Обская Жизнь“).

Управленіе Забайкальской желѣзной дороги не отстаетъ отъ Сибирской желѣзной дороги. Въ Петербургъ оно отправляетъ сводную роту „потѣшныхъ“ въ 60 человѣкъ, наилучше подготовленныхъ. Съ ними ѣдетъ инструкторъ, поручикъ, 2 учителя и 2 служителя. Всѣ на казенный счетъ, съ содержаніемъ, съ суточными и т. д.

На чей счетъ поѣдутъ 110 потѣшныхъ изъ Томска неизвѣстно, но готовятся къ поѣздкѣ дѣятельно. Маршируютъ ежедневно. Недавно производилъ имъ смотръ начальникъ губерніи, а на дняхъ для этой же цѣли ожидается попечитель учебнаго округа.

Тратятъ на потѣшныхъ учащихся массу труда, денегъ, а настоящіеся учащіеся голодаютъ, изнуряютъ себя работой до того, что падаютъ въ обморокъ на улицѣ и на урокахъ. Въ Челябинскомъ реальномъ училищѣ въ VII классѣ 42% неимущихъ, живущихъ только заработкомъ и не имѣющихъ

возможности поѣхать въ высшее учебное заведеніе. Нѣкоторые ученики съ младшихъ классовъ уже сами себя содержатъ. Педагогическій совѣтъ не разъ обращался за поддержкой къ городу, но купецкая управа, далекая отъ дѣйствительныхъ нуждъ широкихъ слоевъ населенія, все отмалчивалась. Молчитъ и теперь, когда училище обратилось съ воззваніемъ къ населенію. „Дайте денегъ, голодаютъ ваши дѣти-школьники"!

Но деньги идутъ на другое — на приспособленіе школы къ казармѣ. Чтобы подрастающее поколѣніе

... не знало жалобы,
Чтобъ „уру" кричало бы...

Аграрные безпорядки Павловцевъ.

(Письмо изъ Барнаула).

Кончилось, наконецъ, въ Барнаульскомъ окружномъ судѣ дѣло о крестьянскихъ безпорядкахъ въ селѣ Павловскомъ Барнаульскаго уѣзда, бывшихъ 31 мая и 1 іюня 1911 г.

За описаніе этихъ безпорядковъ въ свое время была оштрафована не одна прогрессивная газета въ нашихъ краяхъ.

Теперь же передъ судомъ, а слѣдовательно, и передъ обществомъ и печатью развернулись всѣ подробности этого дѣла.

Дѣло началось слушаніемъ 28 мая и тянулось 5 дней. Въ качествѣ обвиняемыхъ на скамью подсудимыхъ попало только 53 человѣка, относительно двоихъ дѣло выдѣлено, а одинъ не явился по болѣзни. Свидѣтелей по дѣлу было вызвано всего 150 чел., и большинство со стороны обвиненія и гражданскаго иска. Не явилось свидѣтелей 26 чел.

Дѣло слушалось въ усиленномъ составѣ суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Предсѣдательствовалъ Я. И. Богдановъ, извѣстный своимъ ярко выраженнымъ правымъ образомъ мысли. Обвинялъ прокуроръ суда С. Р. Некрашъ.

Въ защитѣ приняли участіе, помимо четырехъ мѣстныхъ повѣренныхъ, *томскіе присяжные повѣренные г.г. Бейлинъ* и Александровскій.

Подробности обстоятельствъ дѣла обвинительный актъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ концѣ мая 1911 года барнаульскій мѣщанинъ Карамышевъ сообщилъ Павловскому, Барнаульскаго уѣзда, волостному старшинѣ Созонову, что онъ желаетъ арендовать у обывателей села Павловскаго часть выгона, находящагося близъ названнаго села въ такъ называемой Барнаульской степи. Созоновъ по этому поводу къ 10 часамъ утра 31 того же мая назначилъ въ селѣ Павловскомъ волостной сходъ, который, однако, за неприбытіемъ законнаго числа членовъ, не состоялся.

Вопросъ о землѣ, объ арендѣ которой Карамышевъ сдѣлалъ заявленіе, для жителей села Павловскаго, какъ обывателей (то-есть приписанныхъ къ Павловской волости), такъ и для разночинцевъ (къ волости не приписанныхъ и являвшихся лишь арендаторами земель Кабинета), былъ весьма важенъ. Владѣя фактически выгономъ въ этой степи, при землеустройствѣ обыватели села Павловскаго заявили на эту часть Барнаульской степи свои права и состоявшееся не въ ихъ пользу рѣшеніе землеустроительной коммиссіи обжаловали въ томское губернское управленіе, гдѣ къ іюню 1911 г. оно, однако, разсмотрѣно еще не было. Вслѣдствіе этого жители села Павловскаго особенно чутко отнеслись къ проявленію со стороны администраціи Алтайскаго округа Кабинета Его Величества права распоряжаться означенной землей, и состоявшаяся незадолго передъ тѣмъ сдача части Барнаульской степи въ аренду отцу одного изъ объѣздчиковъ Алтайскаго округа Маіорникову, сынъ котораго уже отъ себя сталъ сдавать въ аренду крестьянамъ мелкіе участки, встревожила населеніе, нарушивъ, по мнѣнію крестьянъ, ихъ права, и вызвало среди нихъ недовольство. Поэтому, хотя сходъ 31 мая 1911 года и не состоялся, наличные члены его предложеніе Карамышева все-таки обсудили и, находя его непріемлемымъ, рѣшили въ ходатайствѣ Карамышеву отказать.

При обсужденіи вопроса о сдачѣ выгона въ аренду Карамышеву была проявлена большая страстность, перешедшая въ рѣзкое раздраженіе, когда на рѣшеніе объ отказѣ Карамышевъ заявилъ, что отказъ этотъ ему ущерба не прине-

сетъ, такъ какъ онъ арендовалъ уже 2000 десятинъ этого выгона у управляющаго Павловскимъ имѣніемъ Алтайскаго округа.

Какъ разъ въ это время къ волостному правленію явилась толпа крестьянъ села Павловскаго и стала громко жаловаться на объѣздчиковъ Павловскаго имѣнія, которые, по словамъ крестьянъ, истязуютъ ихъ скотину, задерживаемую при потравахъ, и бьютъ ихъ самихъ при своихъ объѣздахъ. Въ доказательство справедливости жалобъ крестьяне представили пастуха Ѳому Ботова и крестьянина Михаила Золотова, избитыхъ въ это утро объѣздчикомъ Маіорниковымъ, тѣмъ самымъ, отецъ котораго былъ арендаторомъ части Барнаульской степи. Ботовъ и Золотовъ не только подтвердили фактъ побоевъ, но и заявили, что кромѣ Маіорникова ихъ били крестьяне Фролъ и Иванъ Сердскіе, бывшіе соарендаторами Маіорникова.

Раздраженные крестьяне потребовали привести къ волостному правленію означенныхъ Сердскихъ и Маіорникова, и, когда Сердскіе явились, толпа ихъ избила. Волостной старшина Созоновъ спасъ ихъ отъ дальнѣйшаго избіенія лишь тѣмъ, что заперъ ихъ въ арестантскую. Маіорниковъ къ крестьянамъ не явился. Тогда вся толпа отправилась къ управляющему Павловскимъ имѣніемъ Рабцевичу и изложила ему свои жалобы.

Рабцевичъ въ теченіе двухъ часовъ бесѣдовалъ съ крестьянами и обѣщалъ имъ принять противъ насильственныхъ дѣйствій объѣздчиковъ мѣры, вплоть до увольненія виновныхъ отъ службы, но въ вызовѣ на сходъ объѣздчиковъ Кривенцева, Маіорникова и Сѣпцова, на которыхъ особенно жаловались крестьяне, отказалъ. Тѣмъ крестьянамъ, которые затронули въ своихъ объясненіяхъ съ нимъ земельные вопросы и высказали ему по этому поводу свои претензіи, Рабцевичъ объяснилъ, что онъ не компетентенъ дать рѣшительный отвѣтъ; но о нуждахъ ихъ и о сдѣланныхъ заявленіяхъ доложитъ своему начальству и распоряженіе послѣдняго сообщитъ дня черезъ два.

Бесѣда съ Рабцевичемъ прошла благополучно, хотя толпа была чрезвычайно возбуждена. Возбужденіе особенно проявилось тогда, когда, подъ конецъ разговора съ Рабцевичемъ, крестьянинъ Маркъ Малышевъ бросилъ сзади ку-

сокъ шлака, предназначавшійся, повидимому, для Рабцевича, и попалъ имъ въ одного изъ крестьянъ, стоявшихъ впереди. Это обстоятельство вызвало нападеніе раздраженныхъ крестьянъ,—однако, не на управляющаго и не на Малышева, а на то лицо, въ которое попалъ шлакъ, и толпа этого крестьянина избила.

По окончаніи объясненій съ крестьянами, Рабцевичъ отправился на пожаръ, случайно возникшій въ бору; крестьяне же стали расходиться по домамъ. Часть ихъ, жившая на окраинѣ села, называемой Бродками, должна была проходить мимо кордона старшаго объѣздчика Кривенцева, на жестокое обращеніе котораго жаловались крестьяне въ разговорѣ своемъ съ Рабцевичемъ. Когда толпа крестьянъ, жившихъ въ Бродкахъ, поравнялась съ упомянутымъ кордономъ, то, находясь еще подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, бросилась къ кордону и, вооружившись палками и кусками шлака, уничтожила почти всю домашнюю обстановку и выбила въ домѣ окна.

Возбужденная разгромомъ кордона Кривенцева, толпа послѣ этого уже не пошла въ Бродки, а вернулась въ село и, увеличиваясь по мѣрѣ своего движенія, прошла на противоположную окраину села къ кордону объѣздчика Маіорникова и разгромила этотъ кордонъ такъ же, какъ и кордонъ Кривенцева, и истребила имущество Маіорникова.

Отсюда толпа двинулась къ центру села, дорогой разгромила домъ и имущество объѣздчика Таловскаго и подошла къ конторѣ имѣнія. Здѣсь крестьяне, въ числѣ до тысячи человѣкъ, разгромили контору имѣнія и квартиры служащихъ конторы и послѣдовательно—квартиры управляющаго имѣніемъ и его помощника, находившіяся на главной площади села, дома объѣздчиковъ Воронина и Манакова, земскаго ямщика Ивана Кривенцева, какъ родственника объѣздчика Кривенцева, полицейскаго урядника Колесникова, обывателя Прокопьева и, находившіеся на окраинахъ села Павловскаго, остальные четыре кордона лѣсной стражи.

При погромѣ конторы крестьяне уничтожили переписку, протоколы о лѣсныхъ нарушеніяхъ, книги, бланки, разломали три несгораемыхъ желѣзныхъ ящика и похитили изъ нихъ деньги въ суммѣ 4.111 руб. Въ домахъ и квартирахъ

были выбиты всѣ рамы и разбиты стекла. Все, что находилось въ домахъ и принадлежало хозяевамъ, ихъ знакомымъ и прислугѣ, ломалось на мелкія части крестьянами, находившимися внутри помѣщеній, и выбрасывалось на улицу, гдѣ толпа подхватывала выброшенное на лету и тутъ же разбивала и разрывала на еще болѣе мелкія части. Отъ выброшенныхъ и разорванныхъ книгъ, журналовъ и дѣловыхъ бумагъ земля у конторы и квартиръ управляющаго и его помощника казалась покрытой какъ бы снѣгомъ. Пухъ, выпущенный изъ перинъ, носился въ воздухѣ и часто окутывалъ собою крестьянъ, громившихъ зданія снаружи, откуда слышался только трескъ разбивавшейся мебели и звонъ стеколъ. Все, что можно было уничтожить на мѣстѣ, уничтожалось; такъ же предметы, какъ граммофонъ, велосипедъ, желѣзныя кровати и проч., изломанные и исковерканные бросались въ прудъ близъ конторы и квартиры управляющаго. Отъ фортепіано въ квартирѣ Рабцевича осталась лишь безформенная масса съ торчавшими во всѣ стороны оборванными струнами. Даже стѣны домовъ подвергались разрушенію, и сравнительно болѣе слабыя внутреннія перегородки въ квартирахъ были разломаны и опрокинуты. Такъ же разламывались печи и стѣнные шкафы. Все съѣдобное, а равно спиртные напитки, хранившіеся въ квартирахъ, тутъ же на мѣстѣ потреблялись.

Послѣ погрома квартиры управляющаго, гдѣ было выпито все, хранившееся тамъ, вино, крестьяне явились въ казенную лавку на главной площади села и потребовали у сидѣльца ея, Басклейна, водки. Получивъ тотчасъ же нѣсколько четвертей и распивъ водку, крестьяне стали приходить къ казенной винной лавкѣ уже толпами и брать спиртъ и водку, не обращая вниманіе на сидѣльца, при чемъ частью пили тутъ же на мѣстѣ, частью же унесли къ себѣ домой, расхитивъ всего, такимъ образомъ, питій на 3.168 руб.

Проходя во время погрома по улицамъ села, толпа возбужденныхъ крестьянъ стала обращаться уже къ отдѣльнымъ состоятельнымъ жителямъ села и предъявляла имъ требованіе откупиться, грозя въ противномъ случаѣ произвести погромъ ихъ домовъ.

Ночью крестьяне разошлись по домамъ, и погромъ пре-

кратился. Но на слѣдующій день, 1 іюня, они снова стали собираться толпами и пить похищенную наканунѣ водку, а затѣмъ пошли по селу. Одна такая толпа, руководимая крестьяниномъ Василіемъ Селезневымъ, подошла къ лавкѣ крестьянина Сорокоумова и заставила послѣдняго отпустить ей селедокъ, фруктовой воды и денегъ. Спустя нѣкоторое время другая такая же толпа, съ крестьяниномъ Егоромъ Понимазкинымъ во главѣ, также явилась къ лавкѣ Сорокоумова и потребовала, въ свою очередь, выдачи ей денегъ и товаровъ. Прибывшая къ этому времени въ село Павловское команда конныхъ полицейскихъ городовыхъ, узнавъ о дѣйствіяхъ толпы, проходившей съ Селезневымъ, поспѣшила къ лавкѣ Сорокоумова и застала около нея толпу, руководимую Понимазкинымъ. Крестьяне, увидавъ полицію, стали разбѣгаться, но нѣкоторые изъ нихъ, а именно: Степанъ Адуевъ, Семенъ Акимовъ, Ѳедоръ и Максимъ Васины, Архипъ Габинъ, Ѳедоръ Дадайкинъ, Григорій и Иванъ Ермаковы, Дмитрій Ефремовъ, Никита Пляскинъ, Никонъ Илюшкинъ, Степанъ Копаевъ, Григорій Ломакинъ, Андрей Мосоловъ, Корнилъ Морозовъ, Дмитрій Петинъ, Герасимъ Рогожинъ, Несторъ Федотовъ и Андрей Шараевъ были задержаны полиціей частью на улицѣ, частью въ ихъ домахъ, куда по пятамъ за ними послѣдовала полиція; Акимовъ же, Адуевъ, Иванъ Ермаковъ и Несторъ Федотовъ—въ то время, когда они со стягами въ рукахъ на улицѣ отбивались отъ городовыхъ, пытавшихся ихъ задержать.

Послѣ вторичной попытки крестьянъ расхитить имущество Сорокоумова и задержанія части ихъ полиціей, на улицахъ села наступило успокоеніе... Но около пяти часовъ вечера, вдругъ раздались звуки набатнаго колокола на церковной колокольнѣ у моста черезъ рѣчку Фунтовку, и крестьяне, вооруженные кольями, ружьями и револьверами стали отовсюду сбѣгаться къ церковной площади, послѣ чего, въ числѣ до 400 человѣкъ, двинулись къ центру села, но были остановлены у моста конными городовыми и лѣсными объѣздчиками. Въ это время въ село прибыла, ожидавшаяся тамъ, рота солдатъ, вызванная изъ Барнаула, и безпорядки прекратились, такъ какъ крестьяне, побросавъ колья, встали на колѣни и просили въ нихъ не стрѣлять, обѣщая немедленно разойтись, что и исполнили.

Въ виду этого, всѣ подсудимые обвинялись въ томъ, что 31 мая и 1 іюня 1911 года въ селѣ Павловскомъ Барнаульскаго уѣзда, Томской губерніи, приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, которое вслѣдствіе побужденій, возникшихъ изъ экономическихъ отношеній, а) учинило вторженіе и поврежденіе чужихъ обитаемыхъ зданій и истребило и похитило чужое имущество и б) принудило посредствомъ угрозъ отдѣльныя личности къ выдачѣ различныхъ предметовъ колоніальной торговли, вещей и денегъ т. е. по 1 и 2 ч. 269 ст. ул. о наказ.

Изъ показаній свидѣтелей, прошедшихъ передъ судомъ длинной вереницей въ теченіе двухъ дней, выяснилась картинка безпорядковъ наиболѣе рельефно и опредѣленно. А именно: въ теченіе многихъ лѣтъ, когда, по образному выраженію присяжнаго повѣреннаго Бейлина, опускались возжи администраціей Кабинета, и когда земля переходила въ фактическое и почти безконтрольное пользованіе и владѣніе павловцевъ, они свыклись съ убѣжденіемъ, что это—ихъ земля. Но вотъ нахлынули тысячи розночинцевъ, явилось землеустройство, и земельныя нужды обострились. На ряду же съ этимъ, на глазахъ тѣхъ же павловцевъ, земля ихъ представляла предметъ спекуляціи не одного Кабинета, но и всякого, кому не лѣнь погрѣть руки возлѣ повысившагося спроса на землю.

Такъ, объѣздчикъ Маіорниковъ при посредствѣ сдѣлки съ Кабинетомъ своего престарѣлаго отца передаетъ въ разныя руки самые лучшіе куски земли и чинитъ всевозможныя безчинства и насилія надъ крестьянами, коль-скоро ихъ скотъ переходитъ границу его „имѣнія".

Наконецъ, чаша терпѣнія переполнилась и когда, несмотря на то, что споръ о землѣ еще не былъ разрѣшенъ въ губернскомъ присутствіи, на землю явился новый претендентъ Карамышевъ,—павловцы собрались къ волостному правленію.

Здѣсь, разогрѣтые легкой праздничной выпивкой, крестьяне видятъ братьевъ Средскихъ, являющихся соучастниками ихъ враговъ, и приходятъ въ раздраженіе. Вдругъ на сцену является новый фактъ — избіеніе объѣздчиками пастуховъ, и мужики приходятъ въ негодованіе.

Они идутъ съ жалобой къ управляющему имѣніемъ. Тотъ, послѣ двухъ-часового дипломатическаго разговора съ

ними, уговариваетъ ихъ и кое-что обѣщаетъ. „Что же? Терпѣли много и еще потерпимъ!"—думаютъ крестьяне

Однако, раздраженная случаемъ съ ушибленнымъ кускомъ шлака мужикомъ, а главное, охваченная негодованіемъ при видѣ дома обидчика, мимо котораго лежалъ путь, — толпа, какъ характерно выразился прокуроръ, пропизанная, какъ электричествомъ, нестерпимой злобой, какъ одинъ человѣкъ, бросилась громить...

И громила она послѣдовательно все ненавистное и казавшееся причиною всѣхъ ихъ несчастій.

Попавшіяся въ кассѣ деньги, если признать, что ими погромщики воспользовались, были причиною дальнѣйшаго уже пьянаго погрома, безсистемнаго и дикаго.

Однако, какъ ярко выяснилось на судѣ, и въ пьяномъ видѣ крестьяне проявили сдержанность. Они бѣгали со своими кольями только за объѣздчиками и ихъ друзьями, „вымогательства" же заключались въ томъ, что они удовлетворялись гривенниками, пивомъ и фруктовой водой, даже парою селедокъ или осьмушкой табаку и коробкой спичекъ.

Были, впрочемъ, получки и по 20 руб., но эти суммы давали сами перетрусившіе, чувствующіе свою вину деревенскіе кулаки.

Такъ, одинъ изъ обиженныхъ, свидѣтель Романовъ, сообщилъ, что толпа требовала у него денегъ. Онъ испугался, послалъ къ купцу Сорокоумову, занялъ золотой въ 10 рублей и отдалъ, а толпа зашумѣла:

— Не надо его забиждать!

— Селезневъ выхватилъ у меня 10 руб. и отдалъ моей женѣ назадъ. „На, спрячь! Не надо!"—Тутъ сошлось народу человѣкъ полсотни: кто говоритъ: „выпить-бы", а кто говоритъ: „Нѣтъ, не надо забиждать!"

Далѣе свидѣтель показалъ:

— Сорокоумовъ, какъ къ нему пришли, сталъ всѣхъ угощать самъ, даже бабъ и ребятенокъ потчуетъ. Егоръ Пономаскинъ проситъ у него табаку, сѣрянокъ и бумаги, а Сорокоумовъ даетъ и денегъ. Тотъ у него не беретъ:

— *Сегодня*, говоритъ, не полагается!

На сколько толпа была буйно настроена, показываетъ тотъ фактъ, что когда явились вооруженные городовые и стражники и стали стрѣлять, —то толпа, состоявшая, по сви-

дѣтельству помощника исправника Способова, изъ бабъ и подростковъ, пала на колѣни...

И въ эту колѣнопреклоненную толпу все-таки стрѣляли, хотя участники стрѣльбы потомъ и отговорились, что стрѣляли вверхъ. Однако, отъ этой стрѣльбы „вверхъ“ оказались тяжело раненые.

Весьма характерно обстоятельство, что всѣ потерпѣвшіе ущербъ отъ безпорядковъ объѣздчики, чиновники и даже ямщикъ, братъ объѣздчика, получили отъ вѣдомства Кабинета вознагражденіе на приличную сумму въ 12 съ лишкомъ тысячъ рублей. И эта сумма, въ совокупности съ другими въ общей сложности на 30.494 руб. 65 коп., была предъявлена ко взысканію съ подсудимыхъ.

Представитель гражданскаго истца, присяжный повѣренный Новиковъ, поддерживая искъ, высказалъ оригинальный взглядъ на это дѣло.

Не сомнѣваясь въ томъ, что всѣ обвиняемые будутъ осуждены, онъ отрицалъ въ дѣлѣ всякіе признаки аграрнаго недовольства.

— Г. прокуроръ говоритъ, что толпой руководили экономическія побужденія и что неудовольствіе ихъ, вызванное якобы земельнымъ голодомъ, перешло въ рѣзкую, безобразную дикую форму. Я позволяю себѣ усомниться въ такого рода толкованіи даннаго преступленія.

Изъ обширнаго матеріала судебнаго слѣдствія вывести такой взглядъ, мнѣ кажется, нельзя. Мы знаемъ, что у обывателей с. Павловскаго послѣ землеустройства имѣется земельный надѣлъ въ 16 тысячъ десятинъ, а такъ какъ въ Павловскомъ всего 1600 душъ, то на каждую душу приходится по 10 десятинъ удобной земли. Этого земельнымъ голодомъ ни въ коемъ случаѣ назвать нельзя. При такомъ надѣленіи землею не могло явиться злобы изъ-за какого-то кусочка выгона въ 1300 десятинъ.

Я лично усматриваю здѣсь другое, болѣе несимпатичное зло. Это—враждебное отношеніе между двумя сторонами старожилами, павловскими обывателями, и не причисленными разночинцами. Между этими двумя сплочешными сторонами стало управленіе Алтайскаго округа. Оно отдавало въ пользованіе выгонъ по 30—40 коп. со скотины, тогда какъ сами павловскіе обыватели довели плату съ разночинцевъ

до 1 рубля со скотины. Преслѣдуя извлеченіе выгодъ, они возлагали всѣ тяготы на разночинцевъ, что въ концѣ концовъ и вылилось въ дикую безобразную форму всеобщаго неудовольствія.

Я понимаю, если бы ихъ неудовольствіе вылилось по отношенію къ чинамъ Кабинета, которые будто бы тѣснили ихъ, а то вѣдь они обрушились на совершенно безвинныхъ людей, не пощадили даже горшечныхъ и бѣдняковъ, своихъ же братьевъ. Это—не обездоленные и не голодные, а грабители, расхитившіе всѣ деньги, такъ какъ мы не видѣли ни одного клочка изорванныхъ денегъ: онѣ были разграблены. Гдѣ же здѣсь характеръ аграрнаго недовольства? Его нѣтъ! Я вижу здѣсь одно сплошное черное пятно... И ни одинъ изъ подсудимыхъ не сознался, что онъ раскаивается въ этомъ... Такъ что и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы подсудимые могли быть оправданы, закончилъ свою рѣчь г. Новиковъ.

Надо замѣтить, что въ продолженіе всего процесса всякая попытка защиты выяснить земельныя отношенія крестьянъ къ Кабинету рѣзко обрывалась предсѣдательствующимъ, и матеріалы по этому вопросу на судѣ были добыты отрывочные, не представляющіе полной картины этихъ отношеній. Извѣстно, между прочимъ, что крестьяне при разгромѣ уничтожили свыше 50 тысячъ составленныхъ на нихъ протоколовъ за самовольные запашки, покосы, нарушенія лѣснаго устава и проч.

Какъ часто случается въ такихъ дѣлахъ, изъ настоящихъ участниковъ попали на скамью подсудимыхъ весьма не многіе. Большинство были люди, такъ или иначе соприкасавшіеся съ толпою или изъ любопытства, или случайно проходившіе, а то и просто прятавшіеся въ подпольяхъ. Захватывали и арестовывали и послѣ погрома всѣхъ, кто казался подозрительнымъ. Такъ, одинъ крестьянинъ, когда шла толпа, загонялъ во дворъ свою свинью, чтобы ее не затоптали... Это показалось подозрительнымъ, и его арестовали.

Для характеристики уликъ обвиненія приведемъ выдержки изъ рѣчей защитниковъ Александровскаго и Бейлина, почти стенографически напечатанныхъ въ мѣстной газетѣ „Жизнь Алтая“.

Представитель государственнаго обвиненія—говорилъ

г. Александровскій — совершенно объективно изложилъ и доказалъ, что поводомъ къ происшествію печальнаго событія въ Павловскѣ послужили причины экономическаго свойства. Да и сомнѣваться въ этомъ нельзя, такъ какъ эти причины сквозятъ изъ каждаго пункта этого дѣла.

Тѣмъ страннѣе и необычайнѣе слышать указанія на иные поводы со стороны представителя гражданскаго истца Алтайскаго округа, который находитъ, что причиною послужилъ не какой то „кусочекъ“ въ 1300 десятинъ среди необозримаго пространства земельныхъ надѣловъ павловцевъ, а неурядицы и вражда между обывателями и разночинцами, т. е. взаимные походы Монтекки на Капулетти!.. Представитель гражданскаго иска недоумѣваетъ, почему виновники не пощадили даже имущества горничной... Но надо спросить, прежде всего, чья была эта горничная?.. Нѣтъ, толпа дѣйствовала совершенно послѣдовательно. Она громила только то, что, по ея понятію, составляло все зло ея несчастіе, одинъ видъ чего приводилъ ее въ раздраженіе, такъ какъ тутъ припомнились всѣ обиды и огорченія за много лѣтъ. Она не тронула, напримѣръ, ни одного частнаго жилища, пока не пришла въ умонзступленіе и не перепилась водкой. Она, еще примѣръ, не тронула почтовой конторы, а наоборотъ, возвращая взятые на время для выпивки стаканы, возращала ихъ и благодарила. Или, когда мальчишки хотѣли сбивать проводы съ телеграфныхъ столбовъ, она унимала ихъ и не давала ихъ трогать. Когда же пили водку, это горькое несчастіе русскаго человѣка, то сами просили записывать ихъ фамиліи и говорили: „всѣ деньги послѣ уплатимъ“...

Явившись со схода къ управляющему даже слишкомъ заряженной негодованіемъ, толпа, однако, не нанесла ему ни одной обиды, ни одного оскорбленія, и брошенный кѣмъ-то кусокъ шлака привелъ ее въ раздраженіе, можетъ быть, именно потому, что больно ударилъ по напряженнымъ нервамъ. Можетъ быть, крикъ, который испустилъ ушибленный, какъ-бы чѣмъ-то стегнулъ по сердцу и сердце крикнуло: „Не трожь, и безъ того я едва выдерживаю!“ И, вотъ, они избили этого крикнувшаго отъ боли человѣка...

Но тѣмъ не менѣе толпа сдержала себя, она даже успокоила Рабцевича, что ему не будетъ причинено никакого

зла: дайте лишь обидчиковъ объѣздчиковъ, которые спекулировали землей Кабинета, передавая ее въ аренду... Но и послѣ того, какъ управляющій отказалъ въ выдачѣ обидчиковъ, толпа осталась въ рамкахъ легальности, согласилась ждать два дня и ушла. Что это значитъ?

Къ несчастью, по року судьбы, дорога къ домамъ лежала мимо кордона того самаго объѣздчика, который считался главнымъ и первымъ обидчикомъ, и вотъ, какъ образно выразился г. прокуроръ, электрическая молнія хлестнула по толпѣ, и она потеряла и волю, и разсудокъ!..

Толпа, этотъ дикій комъ стихійной силы, дѣйствуетъ безумно и безсознательно силой своей массы и воспламеняется, какъ горючій матеріалъ при первомъ прикосновеніи... А этихъ прикосновеній было много. Но толпа ихъ выдерживала, пока не подвернулся ужасный случай, продиктованный массою сцѣпившихся обстоятельствъ.

Остановившись на данныхъ слѣдствія, защитникъ обратилъ вниманіе на слѣдующіе факты: относительно выдачи торговцемъ Сорокоумовымъ изъ лавки даромъ товара и даже денегъ одинъ изъ подсудимыхъ воскликнулъ: „Вотъ такъ день! Сегодня даромъ даютъ!.. Даже до полбутылки 8 коп. прибавилъ“. Другой торговецъ заранѣе припасъ для толпы пива и, когда она подошла, вынесъ ей самъ, чтобы умѣрить ея гнѣвъ...

Что удивительнаго въ томъ, далѣе, что нѣкоторые прятались въ подпольѣ? И что это за доказательство —списокъ урядника, того самаго урядника, который переодѣлся въ „частную одежду“ и спрятался въ бору?! Удивительный храбрецъ! Когда всѣ громятъ и преслѣдуютъ его, бѣгаютъ съ кольями за объѣздчиками, онъ, видите ли, спокойно ходитъ по пятамъ толпы и переписываетъ всѣхъ!.. А вспомните исторію этого списка. Онъ составленъ сначала на отдѣльныхъ клочкахъ, впослѣдствіи прошелъ черезъ редакцію его неграмотнаго сына... Можетъ быть, тутъ участвовала и вся семья, какъ коллективъ, припоминавшій, не забыли-ли кого записать...

Я понимаю, если бы этотъ списокъ составлялъ интеллигентный человѣкъ, какъ, напримѣръ, помощникъ исправника Способовъ, можно было бы не сомнѣваться въ его непогрѣшимости. Но когда списокъ составляетъ полуграмотный человѣкъ-трусъ, прятавшійся въ лѣсу, при томъ

не знавшій по имени лицъ, которыхъ онъ записывалъ, и спрашивавшій о нихъ, будто-бы, у случайныхъ встрѣчныхъ, которыхъ также не знаетъ, то что же это за доказательства? Припомните, какъ одинъ объѣздчикъ, кажется, тотъ же Кривощевъ, совѣтывалъ исправнику переписать всю толпу, шедшую „гужемъ“ черезъ мостъ,—какое этимъ было бы учинено громадное зло? Исправникъ поступилъ въ высшей степени осторожно, запретивъ это дѣлать, ибо онъ хорошо понималъ серьезность момента, когда въ толпѣ могло оказаться больше всего совершенно невинныхъ людей.

Конечно, эти улики прошли черезъ фильтръ, называемый прокурорскимъ надзоромъ, но все же позвольте намъ что-либо болѣе опредѣленное и ясное, что не оставляло бы никакого сомнѣнія! Кромѣ того, для наличности состава преступленія необходимо, чтобы участіе въ толпѣ было сознательное и добровольное, а вѣдь здѣсь развѣ это доказано, развѣ эти люди не попали на чужой пиръ на похмѣлье? Конечно, выводы для этого весьма соблазнительны, но не убѣдительны.

Присяжный-повѣренный Бейлинъ говорилъ:

Представитель гражданскаго иска Алтайскаго округа сказалъ намъ, что дѣло это представляетъ собою сплошное черное пятно. Даже тогда, когда самъ прокуроръ, прося судъ о средней мѣрѣ наказанія для подсудимыхъ, находитъ, что причиной безпорядковъ были экономическія побужденія,—г. представитель округа категорически утверждаетъ, что здѣсь не было экономическихъ побужденій.

Рисуя идиллическую картину земельнаго довольства павловцевъ, представитель гражданскаго иска отвергаетъ даже возможность земельнаго голода и забываетъ имъ же приведенный фактъ объ истребленіи 50 тысячъ протоколовъ. Развѣ эти 50 тысячъ протоколовъ не говорятъ о томъ, что отношенія между населеніемъ и администраціей слишкомъ обострены. Свидѣтель г. Лѣсневскій, при всей своей дипломатичности, характеризуя земельныя отношенія, не могъ умолчать о томъ упадкѣ власти администраціи Кабинета, благодаря которому она часто то опускала, то натягивала возжи.

А этотъ фактъ не безразличенъ по отношенію къ массѣ крестьянъ. Не на немъ ли воспиталась мысль о правѣ на

эти земли, не на него ли опирались анархическія дѣйствія толпы въ моментъ ея преступныхъ дѣйствій?.. А если мы вспомнимъ, что въ губернскомъ присутствіи вопросъ о спорной части земли не былъ рѣшенъ, то станетъ ясно, что сдача Карамышеву и Маіорникову земли въ аренду—послужила вызовомъ... Тѣмъ болѣе станетъ это понятнымъ, что и Карамышевъ нуждался въ общественномъ приговорѣ, какъ бы въ утвержденіи, въ разрѣшеніи общества на этотъ выгонъ... Согласитесь, г. судьи, что это фактъ колоссальнаго значенія для характеристики обвиненія. Вѣдь когда нѣтъ прочно урегулированныхъ отношеній, а когда, наоборотъ, сегодня одно распоряженіе, а завтра другое, то для темнаго населенія это поводъ къ анархическому дѣйствію, это развращаетъ, а не укрѣпляетъ правового сознанія.

Представитель гражданскаго иска увѣряетъ, что крестьяне въ цѣляхъ большихъ выгодъ сами эксплуатировали выгонъ, отягчая поборами разночинцевъ, но, господа судьи, вѣдь среди подсудимыхъ мы видимъ большинство этихъ самыхъ разночинцевъ. Стало быть, въ припадкѣ патологическаго экстаза они всѣ были солидарны въ протестѣ противъ опредѣленныхъ обидъ...

Приговоръ суда вынесенъ 1 іюня. Шестеро крестьянъ приговорено съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ на полтора года въ арестантскія отдѣленія, 21 человѣкъ къ 8 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія; 5 человѣкъ несовершеннолѣтнихъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы и 21 человѣкъ оправданы.

Гражданскій искъ удовлетворенъ въ части: вѣдомству Кабинета присуждено 14.392 руб. 62 к., горничной Рабцевича Кондаковой 100 руб. и акцизному вѣдомству за роспитое вино 3.167 руб. 99½ коп.

Остальнымъ гражданскимъ истцамъ въ искѣ отказано.

Необходимо прибавить, что, помимо привлеченныхъ лицъ, по этому дѣлу понесли наказаніе 55 человѣкъ, отсидѣвшихъ трехмѣсячный арестъ въ административномъ порядкѣ, и нѣсколько человѣкъ было выслано за предѣлы Томской губерніи.

Педагогъ-престидижитаторъ.

(Письмо изъ Томска).

Удивительное время духовнаго маразма мы переживаемъ. Точно какая то исключительно злая воля и сила невидимо направляетъ дѣйствія нашихъ высшихъ руководителей, и нѣтъ такого зла въ жизни, котораго бы они не старались разлить въ ней какъ можно больше. Говорятъ, если кого Богъ захочетъ наказать, то прежде всего отниметъ разумъ. Именно разумъ во всѣхъ теченіяхъ и проявленіяхъ современной нашей жизни и отсутствуетъ. И чѣмъ деликатнѣе, чѣмъ тоньше и сокровеннѣе область всяческихъ воздѣйствій, тѣмъ съ большею грубостью и безстыдствомъ въ ней стараются хозяйничать и пригоршнями сѣять зло.

Нѣтъ сомнѣнія, самой деликатной областью является воспитаніе и обученіе подрастающаго юношества, взращиваніе будущихъ строителей нашей жизни. Но если въ грубое Николаевское время къ нашему юношеству „фельдфебелей въ Вольтеры" приставляли въ качествѣ воспитателей, то теперь къ нему приставляютъ простыхъ проходимцевъ и престидижитаторовъ неучей, задача которыхъ искалѣчить дѣтскую душу и сдѣлать человѣка ни на что негоднымъ, ни къ чему неспособнымъ.

Для того, чтобы вытравить изъ юношей все человѣческое и опустошить его душу, устраивается систематическій и спеціальный подборъ такихъ компрачикосовъ, которые въ этомъ отношеніи достигли совершенства и стали виртуозами.

Отрицательное отношеніе общества къ этой грязной пѣнѣ взбаломученнаго моря для министерства точно является показателемъ того, что оно въ своемъ выборѣ не ошиблось, и чѣмъ выше подымается баромегръ общественнаго возмущенія и негодованія, тѣмъ больше упрочивается положеніе министерскаго избранника.

Но вѣдь этого нельзя терпѣть. Нельзя позволять калѣчить нашихъ дѣтей и подвергать ихъ этимъ экспериментамъ. Общество можетъ это сдѣлать путемъ отказа отдавать своихъ дѣтей въ заведенія, гдѣ ихъ только уродуютъ...

Какъ извѣстно, во главѣ учебнаго дѣла въ западной половинѣ Сибири стоитъ уже много лѣтъ попечитель Лав-

рентьевъ, удивительный по энергіи и настойчивости исполнитель министерскихъ мѣропріятій.

Подъ его тлетворнымъ вліяніемъ разрушеніе школы быстро совершается на нашихъ глазахъ. Школа перестала быть мѣстомъ воздѣйствія на душу и умъ въ смыслѣ пріобрѣтенія знаній и моральнаго развитія. Наша школа стала мѣстомъ умственной и духовной прострацін... Въ прежнее, весьма, впрочемъ, недавнее время если школа и находилась подъ воздѣйствіемъ министерскихъ посланцевъ, то она до нѣкоторой степени иммунизировалась, вырабатывая, такъ сказать, противоядіе въ собственномъ организмѣ въ лицѣ своихъ директоровъ и преподавателей, сознававшихъ въ себѣ педагоговъ.

Въ нынѣшней школѣ этой иммунизаціи нѣтъ. Старый педагогъ выродился и замѣщенъ такимъ субъектомъ, который старается перещеголять своего вдохновителя и предупредить его желанія.

Образцомъ этой сравнительно новой формаціи „педагоговъ" въ кавычкахъ является директоръ Томскаго реальнаго училища А. Ф. Федоровъ.

Это даже и въ кавычкахъ не педагогъ. Ему лишь присвоено названіе главы учебнаго заведенія, и предоставлена полная свобода отъ педагогическихъ занятій. И онъ старается, этотъ если не спеціалистъ на всѣ руки, то недурной комикъ на выходныя роли въ антрактахъ въ народномъ балаганѣ и въ дивертисментахъ. Онъ—русскій нѣмецъ, удовлетворительно усвоившій русскую рѣчь. Онъ—отличный поваръ. Онъ не дуракъ выпить и распотѣшить честную компанію собутыльниковъ кучей анекдотовъ и разсказовъ съ національнистической приправой. Онъ закройщикъ слащавыхъ нѣмецкихъ пьесъ съ торжествующей добродѣтелью и наказаннымъ порокомъ, пьесъ, впрочемъ, выдвигаемыхъ на сцену тамъ, гдѣ это отъ него зависитъ.

Водворившись въ реальномъ училищѣ три года назадъ, онъ занялся внѣшнимъ его благоустройствомъ, строительной дѣятельностью. Потомъ перешелъ къ заботамъ о чистотѣ тѣла учениковъ, для чего придумалъ особаго устройства баню, гдѣ бы ученики группами, во время уроковъ, съ затратою по 10 минутъ, могли обмыться и освѣжиться и быстро воспринимать черезъ очищенныя отъ грязи поры

тѣла преподаваемыя науки. Модель этой бани демонстрировалась на прошлогодней выставкѣ въ Омскѣ вмѣстѣ съ произведеніями доморощенныхъ изобрѣтателей и доставила не мало веселыхъ минутъ посѣтителямъ.

Теперь г. Федоровъ подобрался уже отъ тѣла и къ ученической душѣ. Случай помогъ ему примѣнить здѣсь свои таланты. Кто-то изъ „злоумышленниковъ“ налилъ одному ученику въ калоши сѣрной кислоты. Ничего не подозрѣвавшій ученикъ послѣ уроковъ надѣлъ свои калоши и ушелъ домой. Но каково же было его удивленіе, когда не только въ калошахъ провалились подошвы, а и сапоги оказались испорченными. Въ результатѣ появилась жалоба, а за ней начались и розыски виновныхъ. Федоровъ далъ на размышленіе классу часъ-два времени и потребовалъ, чтобы виновникъ былъ названъ. Не получивъ отвѣта, онъ объявилъ классу, что весь онъ, кромѣ владѣльца калошъ безъ подошвъ, уволенъ. Начался переполохъ, ожесточеніе и сыскъ среди учащихся. Къ Федорову стали поступать анонимныя письма съ указаніемъ виновника. Заинтересованные родители также приняли участіе, заволновались. Потѣшившись надъ общей растерянностью, Федоровъ принялъ окончательное рѣшеніе: исключилъ изъ класса 18 человѣкъ, казавшихся ему наиболѣе неподходящими, и въ томъ числѣ всѣхъ евреевъ.

Отыскано, такимъ образомъ, вѣрное средство въ кратчайшій срокъ такъ очистить учебныя заведенія, что на нихъ Федоровымъ и Лаврентьевымъ останется только глядѣть да радоваться; тамъ останутся только послушные, добродѣтельные ученики, въ любую минуту готовые слѣдовать по стопамъ своихъ руководителей, куда бы ни повели.

Въ настоящую минуту г. Федоровъ поглощенъ „потѣшнымъ“ дѣломъ, какъ мѣрой болѣе широкаго воздѣйствія не только на питомцевъ ввѣреннаго ему училища, а и вообще на учебныя заведенія Томска, на весь учительскій персоналъ, на родителей учениковъ. Не угодно ли полюбоваться на прилагаемый документъ, на письмо г. Федорова къ родителямъ учащихся, какими пріемами онъ пользуется для того, чтобы насильственно втянуть ихъ въ затѣю, ненавистную всѣмъ сколько нибудь разумѣющимъ ея сущность.

„Томскъ, 26 апрѣля 1912 г.

Милостивый государь!

Въ іюлѣ 1912 года Томскимъ Алексѣевскимъ реальнымъ училищемъ предполагается отправить на имѣющій быть въ Петербургѣ высочайшій смотръ сформированную по военному образцу изъ учениковъ среднихъ классовъ училища роту съ духовымъ оркестромъ для участія на высочайшемъ парадѣ вмѣстѣ съ другими организаціями подобнаго характера. Ученики Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища поѣдутъ въ сопровожденіи директора, двухъ воспитателей и поручика, обучающаго ихъ военному строю и гимнастикѣ; всего предполагается отправить около 110 мальчиковъ, въ томъ числѣ и вашего сына. Расходы по снаряженію учениковъ: ружьемъ, ранцемъ, сумкою и проч. училище беретъ на себя, равнымъ образомъ и пищевое довольствіе (обѣдъ) въ пути туда и обратно и въ С.-Петербургѣ. Желательно, чтобы каждый участникъ поѣздки былъ снабженъ чаемъ и сахаромъ на три недѣли или имѣлъ соотвѣтствующую сумму карманныхъ денегъ для пріобрѣтенія ихъ въ пути. Затѣмъ требуется за проѣздъ уплатить ¼ стоимости билета III класса, т. е. 5 руб. 60 коп. туда и столько же обратно.

Отправка роты Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища на высочайшій смотръ является событіемъ очень важнымъ по своему нравственному и общеобразовательному значенію.

Увидѣвъ Государя Императора и царскую семью въ столицѣ Имперіи, пройти парадомъ предъ его очами это—рѣдкое счастіе для всякаго русскаго мальчика, долженствующее произвести самое прекрасное впечатлѣніе на дѣтскую душу и оставить свѣтлое воспоминаніе на всю жизнь.

Въ общеобразовательномъ смыслѣ поѣздка имѣетъ громадный интересъ для каждаго провинціальнаго ученика, а тѣмъ болѣе—для ученика на нашей далекой Сибирской окраинѣ. Ознакомиться въ пути съ Россіей, увидѣть Уралъ, Волгу, Неву, присмотрѣться къ настоящей русской жизни въ центрѣ культурной Россіи, провести недѣлю въ столицѣ Имперіи и ознакомиться въ сопровожденіи своихъ воспитателей со всѣми достопримѣчательностями города Петра Великаго, кому изъ нашихъ сибирскихъ школьниковъ удастся

это такъ легко и дешево. Начиная съ 7 мая текущаго года всѣ участники поѣздки будутъ ежедневно по особому расписанію обучаться при реальномъ училищѣ военному строю подъ руководствомъ ихъ преподавателя гимнастики поручика Безгодко.

Для выясненія всѣхъ подробностей поѣздки и пребыванія въ С.-Петербургѣ, а также снаряженія вашего сына бѣльемъ, лѣтней курткой и т. д. я почтительно прошу васъ пожаловать въ воскресенье 29 апрѣля въ 1 часъ дня въ реальное училище на родительское совѣщаніе или въ случаѣ невозможности явиться на это совѣщаніе, немедленно подать письменное заявленіе о вашемъ желаніи, чтобы вашъ сынъ участвовалъ въ поѣздкѣ, а также о томъ, какую сумму вы желали бы ассигновать на этотъ предметъ.

Директоръ Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища *Ад. Федоровъ*".

И этотъ господинъ смѣетъ разсуждать о нравственномъ и образовательномъ значеніи „потѣшной" затѣи, которая безповоротно осуждена даже военнымъ вѣдомствомъ, достаточно компетентнымъ для того, чтобы судить объ этомъ съ своей точки зрѣнія!

Намъ нужны образованные юноши, пріученные къ труду, усвоившіе пониманіе, въ чемъ состоитъ культурное развитіе страны, прогрессу которой они обязаны содѣйствовать, а не манекены, съ дѣтскихъ лѣтъ трепируемые изо дня въ день въ обученіи военному строю, шагистикѣ и выправкѣ. Намъ нужны граждане, а не „потѣшные" люди съ извращеннымъ пониманіемъ своей роли въ жизни. Намъ нужна истинная постановка воспитанія юношества, а не та „потѣха", которую старается внѣдрить въ жизнь престидижитаторъ ради своихъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей.

Первыми должны протестовать противъ этого родители, жалѣя своихъ дѣтей. Они не должны допускать ихъ до такого уродованія, какой бы позолотой оно ни прикрывалось... Ничего общаго, никакого касательства ни къ обученію, ни къ воспитанію „потѣшное" дѣло не имѣетъ, оно прямо противоположно ему, оно исключаетъ его. Достаточно сказать, что Федоровъ, набравъ около полуторыхъ сотъ учениковъ „потѣшныхъ" и торопясь оболванить ихъ, вынуж-

день былъ хлопотать у попечителя о разрѣшеніи освободить ихъ отъ экзаменовъ и отъ всякихъ занятій въ школѣ.

Г. Лаврентьевъ, конечно, далъ это разрѣшеніе; ему, какъ и Федорову, совсѣмъ не нужны хорошо успѣвающіе въ наукахъ ученики, они имъ поставятъ пятерокъ по русскому языку, алгебрѣ и физикѣ, хотя бы они грамотно писать не умѣли, хотя бы они не были въ состояніи излагать свои мысли, лишь бы они умѣли бойко шагать въ ногу и продѣлывать игрушечнымъ ружьемъ разныя штуки на „потѣху“ Федоровыхъ и Лаврентьевыхъ.

Тѣмъ болѣе общество, родители учащихся должны протестовать, что тлетворная зараза „потѣшнымъ“ дѣломъ начинаетъ все больше распространяться, заражая своей гнилью здоровые ростки. Политика, скрытая въ „потѣшномъ“ дѣлѣ, посягаетъ на самое наше святая святыхъ, стремясь отравить душу подрастающихъ поколѣній... Чему, какъ и когда дѣти будутъ учиться въ школѣ, если время и вниманіе ихъ будетъ сосредоточено на „потѣшномъ“ дѣлѣ, если въ награду за успѣхи въ этой „потѣхѣ“ они будутъ освобождаться отъ всякихъ требованій по успѣхамъ въ наукахъ? Что выйдетъ изъ дѣтей, если рѣшающимъ судьбу ихъ школьнаго обученія будетъ муштрующій ихъ фельдфебель, вдохновляемый престидижитаторами просвѣщенія? Какую цѣну могутъ имѣть экскурсіи въ столицы и куда бы то ни было, если ими будутъ руководить эти престидижитаторы?

Томское общество, въ лицѣ его сознательной части, не безъ чувства ужаса и омерзенія наблюдаетъ теперь на людныхъ улицахъ города картину маршрующихъ по грязи учениковъ реальнаго училища, съ ружьями, ранцами и фляжками, совершающихъ путешествіе за городъ на ученье и обратно за двуколкой, запряженной клячей, съ возсѣдающими въ этомъ „потѣшномъ“ экипажѣ барабанщикомъ, возницей и проч.

Этому издѣвательству надъ дѣтьми долженъ быть положенъ конецъ. Городскія думы, куда обращаются за ассигнованіями на организацію „потѣшнаго“ дѣла, должны отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ, какъ на дѣло вредное, ничего общаго не имѣющее ни со спортомъ, ни съ гимнастикой, ни съ физическими упражненіями.

Борьба съ кобылкой въ Енисейской губерніи.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ значительная часть урожая въ Ачинскомъ, Канскомъ, Минусинскомъ и отчасти Красноярскомъ уѣздахъ уничтожается кобылкой, которая настолько развилась, что въ прошломъ году въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ получился значительный недоборъ хлѣбовъ: кобылка пожрала не только яровыя хлѣба, но и часть озимыхъ. Залежи кубышекъ кобылки охватили обширныя площади сѣнокосовъ и пашенъ. Хорошимъ всходамъ нынѣшняго года, возбуждающимъ надежду на обильный урожай, угрожаетъ серьезная опасность. Въ уѣздахъ, которые считаются „житницей Сибири", можетъ быть голодъ. Необходима серьезная борьба съ этимъ врагомъ земледѣлія. Одинъ крестьянамъ эта борьба не подъ силу: извѣстный имъ пріемъ уничтоженія кобылки путемъ сжиганія на поляхъ соломы мало дѣйствителенъ.

Нельзя сказать, чтобы „вѣдомства" относились къ этому народному бѣдствію безучастно: если судить по плану, созданному губернскимъ агрономическимъ совѣщаніемъ, намѣчена послѣдовательная и упорная борьба съ кобылкой пріемами, которые спеціалистами считаются наиболѣе цѣлесообразными.

Въ прошломъ году еще Главное управленіе земледѣлія и землеустройства командировало въ Енисейскую губернію, спеціально для борьбы съ кобылкой, энтомолога К. Н. Росикова. Губернская типографія издала нѣсколько составленныхъ имъ брошюръ о кобылкѣ и борьбѣ съ нею въ Енисейской губ. для раздачи крестьянамъ. Черезъ уѣздныхъ агрономовъ и инструкторовъ сельскаго хозяйства изслѣдованы осенью прошлаго года залежи кубышекъ кобылки, подсчитаны площади, захваченныя ими, аккуратно составлены схематическіе планы распространенія этого врага. Въ основу борьбы поставленъ наиболѣе дѣйствительный способъ—опрыскиваніе травы ядовитою жидкостью, главной составной частью которой является швенфуртская зелень. Приборы для опрыскиванія—конные и ручные опрыскиватели выписаны непосредственно изъ завода Карла Пляца въ Германіи...

Въ то же время уѣзднымъ агрономамъ предписано [illegible]

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

поручить инструкторамъ подыскать къ серединѣ апрѣля текущаго года штатъ „смотрителей участковъ“ и обучить ихъ детально работѣ съ аппаратами съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ 25 апрѣля они могли уже выѣхать на мѣста и организовать тамъ уничтоженіе кобылки. Срокъ работы намѣченъ двухмѣсячный, т. е. время, когда кобылка еще молода, безъ крыльевъ, и въ силу этого малоподвижна. Самымъ важнымъ временемъ въ этой борьбѣ является май мѣсяцъ.

Таковы предположенія, а въ дѣйствительности, какъ и обыкновенно бываетъ съ казенными мѣропріятіями, началась дѣятельность значительно позже, и въ стройномъ, выдержанномъ планѣ борьбы съ кобылкой оказались существенные недочеты. Невольно является опасеніе, что весь шумъ, поднятый агрономическимъ совѣщаніемъ, не спасетъ нынѣшняго урожая.

При заказѣ опрыскивателей или забыли достаточно строго обусловить срокъ ихъ доставки, или недостаточно точно высчитали время, необходимое для ихъ пересылки, только къ 25 апрѣля приборы получены не были. На телеграфные запросы получился отвѣтъ, что приборы высланы, находятся въ пути. Руководители борьбой заволновались, провели новыя ассигнованія и начали спѣшно заказывать десятки тысячъ сачковъ для ловли кобылки, чтобы хотя этимъ, наименѣе дѣйствительнымъ, способомъ что-либо сдѣлать. Заказы эти не успѣли выполнить, какъ прибыли опрыскиватели: прекратили шитье сачковъ, передали опрыскиватели смотрителямъ участковъ и разослали ихъ на мѣста работъ. Это было уже около 20 мая, самый важный мѣсяцъ работы былъ упущенъ, кобылка уже частью окрылилась и легко переходитъ съ мѣста на мѣсто, захватывая значительно большій районъ, чѣмъ было намѣчено на схематическихъ планахъ.

Работаютъ опрыскивателями смотрителя участковъ, они же и руководятъ работой аппаратовъ и сачками въ ихъ участкѣ. При аппаратахъ находятся наемные рабочіе, сачками же ловятъ кобылку сами крестьяне по нарядамъ, для чего изъ деревень выгоняютъ по работнику съ трети и четверти наличнаго числа дворовъ (натуральная повинность). Районъ смотрителя участка—одна, а иногда и двѣ волости. Двѣ сибирскихъ волости! Это такая площадь, на которой

одному человѣку, какъ бы онъ ни былъ быстръ въ работѣ и въ передвиженіи, много сдѣлать невозможно, тѣмъ болѣе, что кобылка не ждетъ, съѣдая траву, и переходитъ на яровые, даже на озимые посѣвы, и приходится за нею гоняться чуть ли не по всѣмъ сѣнокосамъ и пахатнымъ полямъ.

При обсужденіи вопроса о смотрителяхъ участковъ агрономическое совѣщаніе высказалось о желательности привлеченія къ дѣлу политическихъ ссыльныхъ, среди которыхъ есть лица съ агрономическимъ образованіемъ, участіе которыхъ въ дѣлѣ можетъ принести большую пользу. Но енисейскій губернаторъ запретилъ принимать на должность смотрителей участковъ политическихъ ссыльныхъ. Заботы объ огражденіи новосельческаго населенія отъ близкаго общенія съ „политическими“ оказались важнѣе, нежели „польза для дѣла“ при грозномъ призракѣ голода.

Крестьяне относятся очень скептически ко всѣмъ мѣропріятіямъ, особенно къ ловлѣ кобылки сачками. Улавливается мало, но встревоженная кобылка, массами прыгающая по полю, гдѣ прошли крестьяне съ сачками, производитъ впечатлѣніе, какъ-будто ея сдѣлалось во много разъ больше. Во многихъ селахъ и деревняхъ крестьяне отказывались пустить на свои поля опрыскиватели, говоря, что зелень портитъ скотъ. Уѣздные агрономы, инструкторы и крестьянскіе начальники усердно убѣждали сходы не препятствовать работѣ, сопровождая убѣжденія угрозами назначить натуральную повинность и выгнать въ поле всю деревню. Убѣжденія или угрозы оказывались дѣйствительными, крестьяне уступали.

Позднее начало борьбы съ кобылкой сопровождается еще однимъ неудобствомъ: начались работы по подготовкѣ полей подъ озими, и крестьянамъ тяжело отрывать работниковъ отъ этого дѣла для ловли кобылки сачками.

Результаты организованной губернскимъ агрономическимъ совѣщаніемъ дѣятельности скоро будутъ выяснены подробно, но уже и теперь можно сказать съ увѣренностью, что въ тѣхъ частяхъ губерніи, какъ, напр., въ большей части Канскаго уѣзда, гдѣ, начиная съ середины мая, идутъ постоянные небольшіе дожди, препятствующіе развитію кобылки и способствующіе росту травъ, ихъ главной пищи, хлѣба останутся если не вполнѣ, то частью цѣлыми, независимо

отъ дѣятельности участковыхъ смотрителей и инструкторовъ по сельскому хозяйству. Гдѣ же стоитъ сухая погода и травы тощи, тамъ уже и теперь кобылка на хлѣбахъ, и прекрасно разработаннымъ планомъ агрономическаго совѣщанія хлѣбъ спасенъ не будетъ...

— —

Иртышскій казакъ.

Иртышскій казакъ относится къ переселенцу съ трудноскрываемымъ пренебреженіемъ, и этому есть основаніе. Переселенецъ въ своей массѣ, изъ поколѣнья въ поколѣнье угнетаемый тяжелой думой о землѣ, нечистоплотенъ и неприхотливъ на ѣду. Даже и здѣсь въ Сибири онъ не можетъ сразу отстать отъ вѣковыхъ привычекъ: та же темная низкая хата, тотъ же грязный безалаберный дворъ. А хлѣбъ! Сказалась ли тутъ мякина, которую подмѣшивали дома, или что другое, только не всякій казакъ отважится попробовать произведеніе крестьянской кухни. Неудивительно: казачка и въ будни печетъ шаньги, „на которыя хоть спать ложись“, а въ праздникъ ужъ рѣдко, рѣдко обойдется безъ оладей или чего-нибудь подобнаго. На это она мастерица.

Жилища казака и бѣдняка переселенца (а такихъ большинство) несравнимы. Если крестьянскую землянку со всѣми аттрибутами перенести въ поселокъ, она не найдетъ въ немъ мѣста, кромѣ какъ на задахъ, у пригоновъ, гдѣ раскиданы такія землянки джатаковъ. Казачій домъ - изъ плохого, да изъ дерева и съ тесовой крышей. Не хватило силъ на тесъ— стоитъ безъ крыши. Послѣ каждаго ливня баба терпѣливо вычерпываетъ воду съ потолка, но ей и на умъ не придетъ понудить мужа сдѣлать крышу изъ дерна или соломы, потому что это выйдетъ „по-крестьянски“, а сдѣлать по-крестьянски, значитъ, впасть въ дурной тонъ.

Внутри домъ казака средняго достатка обставленъ съ тѣмъ мѣщанскимъ комфортомъ, что цѣликомъ пришелъ изъ города: обои, русскаго издѣлія простѣночныя зеркала, столы, покрытые филейной вязью, дешевыя, но яркія картины, на окнахъ тюлевыя шторы. Все покупное, „магазинское“. Въ этомъ особенный шикъ.

На костюмъ казакъ не такъ разборчивъ, но казачка вырядиться любитъ. Не довольствуясь мѣстной лавкой, она

терпѣливо откладываетъ по пятакамъ и гривенникамъ отъ продажи молока и калачей „пароходскимъ“ и не пропуститъ ни одного коробейника, не купивъ у него чего-нибудь втридорога.

Такъ мудрено ли, что въ глазахъ казака „сиволапый“ мужикъ съ его крючковатыми, отекшими въ трудѣ, руками, съ его всклокоченной головой, въ его сермяжномъ одѣяніи существо чуть ли не низшаго порядка!

Жизнь не научила казака уважать трудъ. Онъ вѣками воспитывался на трудѣ подневольномъ, всегда считалъ его ярмомъ и постепенно вырабатывалъ идеалъ - освобожденіе отъ труда.

Здѣсь необходимо оговориться, что нужно различать казака коренного, плодъ того генеалогическаго дерева, корни котораго уходятъ вглубь старины, вглубь времени перваго заселенія Иртышской линіи, и казака приписного, пришедшаго далеко позднѣе, когда уже и коренной казакъ зажилъ болѣе или менѣе осѣдло.

Приписные, эти потомственные земледѣльцы, принесли съ собой свои старыя привычки и на просторномъ надѣлѣ только развили ихъ. Поселокъ приписныхъ всегда можно узнать по характерной для зажиточного крестьянина основательности въ постройкѣ хлѣвовъ и амбаровъ, по кучамъ соломы и еще не тронутымъ скирдамъ.

Коренной казакъ, потомокъ чуть ли не ермаковской вольницы, какъ типъ, дольше всего сохранился вдоль по Иртышу.

Казачье населеніе съ его оригинальнымъ жизненнымъ строемъ теперь рѣзко вклинивается въ болѣе или менѣе однородную массу пришлаго люда и, чѣмъ плотнѣй и мощнѣе дѣлается эта масса, тѣмъ сильнѣе она давитъ на экономически подгнившій клинъ.

Какъ жилъ казакъ въ недалекомъ прошломъ, какъ воспитывала его жизнь?

Подъ словомъ *казакъ* обычно принято подразумѣвать что-то крайне свободное, безудержно-разгульное.

Но видѣлъ ли сибирскій казакъ настоящую волю?

Слѣдуетъ оглянуться назадъ.

Иртышское казачество зародилось искусственно, по волѣ правительства.

Правительство нашло необходимымъ прорѣзать степь живой стѣной, и вотъ въ самомъ сердцѣ враждебной страны, какъ этапы будущей колонизаціи, возводятся одиночныя крѣпостцы. Посаженный въ нихъ гарнизонъ живетъ тревожной бивуачной жизнью. На такую жизнь были способны люди, не знавшіе семьи; а если кто былъ вырванъ изъ семьи, тотъ скоро забывалъ о ней: все замыкалось узкимъ кругомъ казарма и набѣгъ. Такая жизнь ни въ чемъ не походила на жизнь въ Запорожской Сѣчи, хотя на первый взглядъ и есть данныя для проведенія параллели. Въ Сѣчь шли люди своей волей, на Иртышъ гнало начальство. Тамъ, непремѣнное условіе для вступленія, отреченіе отъ женщины, было столько же признакомъ „лыцарства", сколько и вызывалось необходимостью; здѣсь одиночество было вынуждено. Тамъ женщину изъ опасенія соблазна гнали; здѣсь искали ее, искали усиленно: дѣлали набѣги въ степь за киргизками, въ лучшемъ случаѣ вымѣнивали дѣвочекъ и, выростивши, обращали ихъ въ жены. Русская женщина была рѣдкостью, но если она и попадала въ крѣпость, то опять-таки не по своей волѣ: на Иртышъ вели ссыльныхъ. Какого сорта была женщина, доставляемая такимъ способомъ, можно судить по тому, что, напримѣръ, „изъ 77 женщинъ, доставленныхъ въ 1759 году на линію черезъ Омскъ, было сослано: 24 за мужеубійство, 10 за дѣтоубійство, 1— за отцеубійство, 1—за блудъ съ отцомъ, остальныя за другія крупныя уголовныя преступленія" *).

Далѣе, запорожецъ свободно подчинялся требованіямъ суроваго устава, который онъ самъ же и вырабатывалъ, свободно отрекался отъ многихъ прелестей міра, посвящая свою жизнь идеѣ воли и борьбѣ за нее, тогда какъ иртышскій казакъ исполнялъ приказанія свыше. Однимъ словомъ, тамъ полная воля, здѣсь—тѣсный кругъ обязанностей, тамъ добровольное подчиненіе личности уставу корпораціи, здѣсь—подчиненіе за страхъ.

Жизнь казака протекала среди безпрерывныхъ тревогъ. Неугомонный степнякъ требовалъ напряженнаго бодрствованія. При необычайной легкости передвиженія киргизскія шайки въ любой моментъ являлись въ любомъ мѣстѣ. Пре-

*) Щегловъ. «Хронологія исторіи Сибири», стр. 261.

упреждающая набѣги степняковъ, сторожевая и развѣдочная служба поглощала большую часть времени и была главнымъ занятіемъ казака. Перѣдки были и отвѣтные карательные набѣги въ степь, которые вносили много оживленія въ сѣрую жизнь.

Позднѣе, когда въ степи стало тише, казакъ постепенно обзавелся семьей и домомъ. Но могъ ли выработаться изъ него хозяинъ, когда онъ по прежнему не принадлежалъ себѣ? По прежнему онъ долженъ былъ нести развѣдочную службу, строить и поддерживать въ исправности тысячеверстную засѣку, справлять казенную пашню и покосъ, добывать соль, поднимать тяжелые дощаники вверхъ по рѣкѣ и т. д. и т. д.

Даже если у кого и была наклонность къ земледѣльческому труду, она глохла навсегда. Бивуачная жизнь наложила столь крѣпкое клеймо, что и до сихъ поръ не стерлось окончательно.

Послѣ того, какъ обезсилѣвшій степнякъ сложилъ оружіе, и надобность въ казакѣ, пограничномъ сторожѣ, миновала, крѣпостцы, редуты и форпосты понемногу приняли видъ обыкновенныхъ осѣдлыхъ пунктовъ, но часто наружно: по духу населеніе ихъ оставалось прежнимъ.

Постоянный опекунъ казака, начальство, въ стремленіи перевести его съ казеннаго жалованья на свободный заработокъ, дѣлало не разъ попытку насильственной прививки земледѣлія. Выписывали изъ Россіи воловъ, необходимый инвентарь и приказывали запахивать по столько-то десятинъ. Ослушниковъ не находилось: на этотъ счетъ было строго. Но что это была за пашня! Оберегая свою шкуру, казакъ велъ дѣло такъ, что прямого ослушанія не высказывалъ, и, однако, спустя нѣсколько лѣтъ обязательная запашка отмѣнялась, какъ не достигшая намѣченной цѣли.

Причина такихъ неудачъ та же, что и въ опытахъ настоящаго времени, производимыхъ надъ инородцами: органическая неподготовленность.

Сторонники форсированнаго перевода инородца съ одной культуры на другую должны со всей серьезностью относиться къ такимъ примѣрамъ исторіи. Какъ и въ дашномъ случаѣ, они съ поразительной очевидностью показываютъ,

что суть дѣла не въ національности, а въ историческомъ возрастѣ народа, что если дать кочевнику или звѣролову земельный надѣлъ, лѣсу на постройки и необходимый инвентарь, то это не значитъ, что выполнены всѣ условія, при которыхъ цѣлому племени нѣтъ ничего легче, какъ заняться земледѣліемъ. Нѣтъ, пока это племя естественно не доразовьется до способности усвоить новый жизненный идеалъ, пока въ данномъ направленіи не измѣнится его психологія, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о перемѣнѣ культуры...

Отвернувшись отъ земли, казакъ неизбѣжно долженъ былъ искать источникъ жизни въ чемъ-нибудь другомъ, и онъ весьма внимательно сталъ направлять свои усилія по линіи наименьшаго сопротивленія. Лозунгъ, выставленный имъ, могъ быть формулированъ: больше выгодъ при возможно меньшей затратѣ труда.

Сосѣдство кочевника скотовода оказало свое вліяніе, и хозяйство казака въ основѣ своей приняло характеръ скотоводчески-скотопромышленный. Но трудно сказать, привилось ли бы и оно, если бы обстоятельства не отвѣчали полностью тѣмъ требованіямъ, какія казакъ предъявлялъ вообще труду.

Искусно пользуясь создавшейся обстановкой, цѣликомъ вытекавшей изъ непосредственнаго сосѣдства покорителя и покореннаго, казакъ устроился не хуже помѣщика-крѣпостника. Весь безпокойный черный трудъ въ своемъ хозяйствѣ онъ взвалилъ на киргиза: киргизъ—и работникъ, и пастухъ, и отвѣтственный приказчикъ, отъ котораго хозяинъ изрѣдка благоволитъ принять докладъ.

Пріобрѣсти и умножить стадо не представляло особенныхъ трудностей. Достаточно раззоренный обрушившимися на него обстоятельствами и уже достаточно вкусившій отъ денежнаго хозяйства, степнякъ впадалъ все въ большую и большую экономическую зависимость отъ казака и часто самъ искалъ его поддержки, хотя она и обходилась ему не дешево. Среди холодной, голодной зимы онъ смиренно шелъ къ линейскому тамыру за рублемъ. Казакъ давалъ охотно. Еще бы! За рубль, много два киргизъ обязывался отдать теленка, при чемъ въ теченіе года онъ долженъ былъ кормить его, такъ какъ киргизская корова безъ теленка молока не даетъ. Если черезъ годъ киргизъ почему-либо

не могъ отдать теленка, онъ просилъ отсрочки. Казакъ соглашался еще охотнѣе, такъ какъ черезъ два года онъ получалъ уже двухлѣтняго, а черезъ три — трехлѣтняго быка: таковъ былъ священный обычай. Такимъ образомъ, проценты за долгъ выростали до колоссальныхъ размѣровъ. Называлось это „задавать въ телятъ". Всѣ, кто могъ, у кого случались свободныя деньги, „задавали въ телятъ": нельзя было найти предпріятія, болѣе выгоднаго и въ такой степени обезпечивающаго затраченный капиталъ. Выдѣлившіеся изъ общей массы крупные скотопромышленники объявляли съ осени объ открытіи кредита на „задачу" и не закрывали его, пока не составлялась необходимая партія скота.

И на сколько былъ честенъ степнякъ въ своихъ обязательствахъ, можно судить по тому, что никогда такія сдѣлки не оформливались иначе, какъ записью „на память", и не бывало случая, чтобы киргизъ отказался. Какъ ни болѣло его сердце, онъ гналъ на казачій дворъ иногда цѣлые табуны, а на слѣдующую зиму шелъ опять за рублемъ. Позднѣе онъ научился ляви и изворотливости: онъ понялъ, что только съ этимъ оружіемъ можно болѣе или менѣе успѣшно противостоять натиску тѣхъ, кто видитъ въ немъ прежде всего источникъ наживы. Теперь „задаютъ" „въ масло", „въ кожи", и киргизъ, хорошо узнавши цѣну продуктамъ своего хозяйства, не легко дается въ руки любителей быстрой наживы. Такъ что въ этой области у казака остались только пріятныя воспоминанія.

Большое значеніе въ казачьемъ хозяйствѣ имѣли промыслы извозный и рыболовный. Но, годъ за годомъ, условія жизни мѣнялись и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣй и ощутительнѣе.

Киргизъ уже вышелъ изъ соціальнаго младенчества, и скотопромышленность постепенно вылилась въ формы, требующія затраты труда гораздо большей, чѣмъ то было раньше. Извозный промыселъ въ корнѣ подорвали пароходы, а рыбная ловля, благодаря экстенсивной эксплуатаціи, обратилась, скорѣе, въ забаву, кормиться которой уже стало немыслимо.

Такъ во всѣхъ отрасляхъ казачьяго хозяйства быстро назрѣвалъ кризисъ.

Единственнымъ и вполнѣ естественнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія было земледѣліе. Но не легко было

игнорировать вѣками воспитанное отвращеніе къ труду. Правда, семья за семьей, станичники тянулись въ поле, но пашня эта ничѣмъ не отличалась отъ принудительной казенной. Пахали какъ бы между дѣломъ, намѣренно небрежно и серьезнаго значенія такому занятію не придавали. Одинъ станичникъ такъ охарактеризовалъ иртышскаго земледѣльца: „засѣетъ двумя пудами десятину, сядетъ за кустъ и ждетъ, когда забредетъ киргизскій табунъ. Раза два-три въ лѣто получитъ за потраву—вотъ и сытъ". Въ основѣ этой шутки лежитъ голая правда: соха была слишкомъ тяжела и неудобна, а земля требовала напряженнаго труда и, главное, труда чернаго, чего никакъ нельзя было сочетать съ понятіемъ о „баѣ", какимъ казакъ изъ всѣхъ силъ старался быть передъ наивнымъ степнякомъ. Какъ могъ онъ поступиться тѣмъ, чѣмъ всегда импонировалъ кочевнику? Онъ зналъ, что достаточно ему протянуть руку къ сохѣ, какъ тотчасъ же ореолъ барства растаетъ, и киргизъ поведетъ себя съ нимъ за панибрата.

Но не касаясь земледѣлія, необходимо констатировать, что вообще хозяйство коренного казака велось, и кое-гдѣ ведется и теперь, при условіяхъ, чуть ли не полностью исключающихъ прогрессъ.

Фактическимъ хозяиномъ въ мало-мальски зажиточномъ казачьемъ дворѣ являлся киргизъ.

Какъ логическій и неизбѣжный результатъ событій XVIII вѣка, врасплохъ застигшихъ дѣвственную степь, въ соціальномъ быту кочевника народилось новое явленіе — пролетаріатъ. Казакъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ: киргизъ-пролетарій попалъ къ нему въ работники. Около поселковъ, на задахъ, раскинулись аулы джатаковъ. Дырявыя юртенки, похожія скорѣй на шалаши, плохо грѣютъ и совсѣмъ не защищаютъ отъ дождя, но обитателямъ ихъ думать объ удобствахъ не приходитъ и въ голову: день поглощаетъ безпрерывная работа, а ночью только бы соснуть. На зиму джатаки переходятъ въ землянки среди скотскихъ пригоновъ. Тамъ работы еще больше. Лѣтомъ киргизъ работникъ запасаетъ дрова, жерди, колья, вѣхи, производитъ неотложный ремонтъ во дворѣ, а при случаѣ возводитъ и новыя постройки, потомъ ѣдетъ на покосъ; осенью готовитъ

на зиму пригоны: зимой на полномъ его попеченіи весь хозяйскій скотъ.

А казакъ вышагиваетъ барином. Онъ приходитъ на пригонъ „досмотрѣть; сдѣлать внушительныя указанія, но дальше этого участіе его въ хозяйствѣ не распространяется.

Свѣжаго человѣка, имѣющаго опредѣленное представленіе о сельскомъ жителѣ, поражаетъ то, что и въ будни, и въ праздникъ въ иртышскомъ поселкѣ можно встрѣтить большія компаніи станичниковъ, коротающихъ время на завалинкахъ. На вопросъ, какъ же ведется хозяйство, любой изъ нихъ только снисходительно улыбнется: „А на что же работникъ? Работникъ свое дѣло знаетъ“. Можно представить себѣ, какъ справляется киргизъ со „своимъ“ дѣломъ!

Корень этого явленія опять-таки нужно искать въ глубинѣ исторіи казачества. Если вспомнить, что на Иртышѣ исторически не такъ давно существовало рабство, то въ характерѣ взаимоотношеній казака и джатака не остается ничего непонятнаго. Рабство, укоренившись особенно съ паденіемъ Джунгарскаго царства, не миновало и Иртыша, тѣмъ болѣе, что еще ранѣе было узаконено *). Рабы были дешевы баснословно, но на Иртышѣ они часто доставались ни за что въ качествѣ плѣнниковъ. Такъ, „въ 1745 г. казачій отрядъ въ 150 человѣкъ изъ Чарлаковскаго форпоста нападаетъ на аулы султана Аблая, отбиваетъ 790 лошадей и 92 верблюда и захватываетъ 48 человѣкъ плѣнныхъ киргизовъ, которые, по прибытіи отряда на линію, были розданы офицерамъ и казакамъ *въ услуженіе*“ **). Такіе случаи не были рѣдкостью.

Уже тогда, на зарѣ осѣдлости въ степи, казакъ домохозяинъ не могъ обойтись безъ посторонней рабочей силы, была ли она вольнонаемной или подневольной: онъ періодически отрывался на службу, бросая хозяйство почти на произволъ судьбы. Постепенно присутствіе киргиза работника на казачьемъ дворѣ сдѣлалось какъ бы органической необходимостью. Позднѣе, освобожденный отъ цѣлаго ряда повин-

*) Указъ императрицы Анны Іоанновны 1736 г.

**) П. Г. Путинцевъ. „Хронологическій перечень событій“ стр. 20.

ностей, казакъ былъ болѣе предоставленъ себѣ и имѣлъ полную возможность отдаться хозяйству, но вѣковая привычка крѣпко стиснула его, вросла въ него. Освободиться же отъ нея онъ и не дѣлалъ попытокъ: не было надобности, благополучіе его отъ этого только выигрывало. Да рабъ, раскрѣпощенный юридически, и не думалъ уходить, ему нельзя было уйти: его сковывала цѣпь гораздо болѣе прочная, цѣпь экономическая.

Наличность дешевой рабочей силы въ лицѣ киргиза надолго отсрочила необходимость чернаго труда. Но жизнь съ возрастающей настойчивостью выдвигала свои требованія и отступать передъ ней, не измѣняя прадѣдовскимъ идеаламъ, становилось все труднѣе.

Въ инстинктивномъ стремленіи обойти крестьянскую соху, казакъ пускалъ въ ходъ всю изобрѣтательность, на какую былъ способенъ. Какъ утопающій, онъ готовъ былъ ухватиться даже за соломинку, и именно такой соломинкой былъ лѣсъ. Лѣсъ тощій и въ ничтожномъ количествѣ, но все же лѣсъ, а не земля. И вотъ застонали степные колки отъ стука топоровъ, заскрипѣли по почамъ возы по направленію къ иртышскимъ пристанямъ. Но... соломинка дала ровно столько, сколько могла, и жизнь подошла, наконецъ, въ упоръ. Загнавши казака въ тупикъ, она продиктовала ему условія современной экономической формаціи и заставила принять ихъ полностью.

Какимъ то лихорадочнымъ стихійнымъ порывомъ было стремленіе казака на пашню. Въ нѣсколько лѣтъ рухнули и распылились устои прежняго хозяйства и на мѣстѣ ихъ теперь уже значительно выросли новые, сполнѣ способные выдерживать всю тяжесть сложной громоздской надстройки. Грань между кореннымъ и пришлымъ казакомъ какъ-то сразу стушевалась.

Рѣшающее значеніе въ этомъ процессѣ имѣлъ наплывъ россійскаго крестьянства.

Вмѣстѣ съ „казеннымъ“ переселенцемъ-лапотникомъ изъ Россіи пришелъ переселенецъ арендаторъ, искусный эксплуататоръ земли. Онъ наглядно показалъ казаку то, чего послѣдній еще не имѣлъ случая видѣть, показалъ, что и какъ можно взять отъ земли. Когда въ степи, часто рядомъ съ поселками, появились хутора съ паровыми мельницами, съ

машинными, лѣсными и соляными складами, когда на сосѣднихъ поляхъ зажелтѣли безконечныя полосы, казакъ понялъ, въ чемъ его спасеніе. Теперь уже казакъ, цѣлыми днями просиживающій на завалинкѣ, далеко не типиченъ, и скоро его смѣло можно будетъ перевести въ разрядъ переяитковъ. Теперь онъ не посматриваетъ въ степь, не идутъ-ли съ мукой „мужики", теперь „мужикъ" у него подъ бокомъ, но онъ уже мало нуждается въ немъ. А давно ли это было, помилуйте крестьяне за двѣсти верстъ везли муку на казачью линію, какъ за полярный кругъ, гдѣ не мыслима зернокультура? Было это чуть ли не вчера.

Правда, коренной казакъ во многомъ остался прежнимъ; еще не мало въ немъ безпечности и лѣни, еще не втянулся онъ въ новое хозяйство и не вкладываетъ въ него всю душу, но все это скоро придетъ: жизнь заставитъ. И какъ бы ни надѣвался щеголеватый станичникъ надъ крестьяниномъ, онъ, не замѣчая того, учится у него на каждомъ шагу. Уже не рѣдкость видѣть въ казачьемъ поселкѣ саманную постройку, теплый хлѣвъ, соломенную крышу и двухсаженную полевую телѣгу. Но и на того, и на другого, и на казака, и на крестьянина нужна культурная узда; оба они хищники, и ненадолго удовлетворитъ ихъ аппетитъ сибирскій черноземъ.

Итакъ, даже бѣглый взглядъ на историческое прошлое въ достаточной степени выясняетъ причину тѣхъ особенностей въ характерѣ казака, что съ такой рѣзкостью бросаются въ глаза.

Цѣлый рядъ, прочно связанныхъ между собою, факторовъ направилъ казака по тому пути, на какомъ засталъ его вѣкъ напряженнѣйшей борьбы за существованіе и сразу поставилъ въ положеніе, мало чѣмъ отличающееся отъ того, въ какомъ теперь находится любое инородческое племя: или вычеркивай себя изъ всѣхъ списковъ, или принимай всѣ условія жизни. Но не можетъ быть и тѣни сомнѣнія въ способности казака выдержать натискъ экономическаго урагана: его природная смѣтка, вѣками воспитанная изворотливость уже и теперь даютъ ему значительный перевѣсъ передъ забитымъ крестьяниномъ. Еще нѣсколько лѣтъ—и коренной казакъ, какъ типъ, исчезнетъ совершенно. Путь его въ будущемъ уже ясно опредѣленъ и тѣмъ легче ему будетъ идти

по незнакомой дорогѣ, тѣмъ чаще и толковѣе онъ будетъ получать указанія. Крестьянинъ его разбудилъ, но учиться у крестьянина тѣмъ пріемамъ, съ какими всего легче высосать всѣ соки изъ земли, значитъ, снова поставить впереди себя преграды, дойдя до которыхъ въ будущемъ, нужно будетъ снова биться головой о стѣну и искать въ ней лазеекъ.

Не допустить его до этого должно быть главной задачей нарождающейся агрономической организаціи въ войскѣ.

А. Невѣсовъ.

Столичныя газеты о Сибири.

Сибирь всегда жаловалась на недостатокъ вниманія къ ней метрополіи и жаловалась не безъ основанія: ея нуждами мало интересовалось не только правительство, но и русское общество, и россійскія газеты. Сибирскіе морозы, сибирская тайга да мошкара на этомъ обыкновенно весь и разговоръ кончался. А теперь—Сибирь не сходитъ со страницъ газетъ и съ языка столичной бюрократіи.

Но отъ этого сибирякамъ не легче, ибо поводы для бесѣдъ о нихъ не изъ пріятныхъ: ленскія событія, странные результаты ревизіи барона Медема, ассигновка 100 тыс. рублей протоіерею Восторгову, критическій моментъ русской промышленности и торговли въ Манчжуріи.

Телеграммы юристовъ, выѣхавшихъ въ Бодайбо для защиты интересовъ ленскихъ рабочихъ, вполнѣ подтверждая фактъ разстрѣла не только убѣгавшихъ, но даже упавшихъ на землю, носятъ довольно пессимистическій характеръ.

Основанія для этого пессимизма подтверждаются и въ телеграфной корреспонденціи „Вечерняго Времени“, хотя въ общемъ корреспондентъ смягчаетъ краски, сглушевываетъ тона, полагая, очевидно, что отъ такого освѣщенія дѣйствительности скорѣе все „образуется“.

Возобновившіяся работы, по его словамъ, идутъ, во-первыхъ, „очень вяло“ и „настроеніе выжидательное“. А во-вторыхъ, „ходятъ слухи, что въ случаѣ оставленія прежняго состава рабочихъ, нарядчики и служащіе покинутъ дѣло“.

На это можно бы сказать, конечно: скатертью дорога, но

слѣдующій абзацъ даетъ Ленскому правленію надежду, что нарядчикамъ не придется увязывать чемодановъ, ибо:

„Повѣренный Ленскаго Товарищества полагаетъ, что рабочимъ будетъ не подъ силу проведеніе тысячъ исковъ, доказывающихъ систематическое нарушеніе договоровъ товарищества".

Для послѣдняго теперь, утверждаетъ бодайбинскій корреспондентъ „Русскаго Слова", „безусловно невыгодно принять всѣхъ рабочихъ обратно", и „Ленское Товарищество напрягаетъ всю свою изворотливость и строитъ тайные планы, чтобы добиться какихъ-нибудь осложненій"...

Судьба ревизіи сенатора Медема наводитъ „Рѣчь" на скептическія размышленія и о результатахъ бодайбинской ревизіи сенатора С. С. Манухина.

Не считая страннымъ отрицательное отношеніе къ сенаторскимъ ревизіямъ вообще, такъ какъ оно установилось създавна, ставши обычнымъ, нормальнымъ явленіемъ, газета не можетъ, однако, не остановиться на вопросѣ: зачѣмъ же эти ревизіи назначаются?

Какъ и на вопросъ, почему сотрудники барона Медема вмѣсто награды получили пониженія:

Вмѣсто награды за усиленные экстренные труды, порою весьма сложные и требующіе большого напряженія, гг. товарищи прокурора получили пониженіе и, какъ нарочно, для большей выразительности одинъ изъ нихъ посланъ на Камчатку, еще со временъ Помяловскаго пользующуюся весьма опредѣленной репутаціей.

Что это значитъ? Какъ это нужно понимать? И направлена ли эта мѣра непосредственно противъ данныхъ товарищей прокуроровъ, или преслѣдуетъ болѣе абстрактныя цѣли и обращена въ будущее, какъ предостереженіе: quos ego!

Отъ ревизіи сенатора С. С. Манухина, прибавляетъ авторъ скептическихъ „Размышленій" (недаромъ же онъ, впрочемъ, „Скептикъ"!), такъ много ждутъ, что не мѣшало бы, по его мнѣнію, министерству юстиціи сдѣлать по этому поводу разъясненіе:

Или, если бы это оказалось невозможнымъ, то не слѣдовало ли бы С. С. Манухину освободить чиновъ министерства юстиціи отъ тяжкаго испытанія, создавшагося для нихъ новыми пріемами г. министра юстиціи.

„Вечернее Время" тоже нѣсколько удивлено столь неожиданнымъ завершеніемъ долгихъ трудовъ — ревизія продолжалась слишкомъ два года и собрала „шестьдесятъ пу-

довъ обвинительнаго матеріала". И вдругъ—устраненные отъ должностей, привлеченные къ суду—постепенно возстановляются въ правахъ, получаютъ новыя мѣста и назначенія.

А ихъ обвинители... попадаютъ въ Камчатку.

Что же, спрашивается, ждетъ самого барона Медема?

Если придерживаться строгой градаціи, то вѣдь... страшно вымолвить,—можетъ быть, чуть не каторжныя работы...

Въ министерствѣ путей сообщенія, -говоритъ „Вечернее Время",—во все время ревизіи относились къ преданіямъ суду и увольненіямъ чиновъ дороги по распоряженію ревизующаго сенатора нѣсколько недовѣрчиво и находили мотивы, выдвигаемые ревизоромъ, недостаточно обоснованными. Однако, по распоряженію сенатора Медема были преданы суду и уволены многіе чины дороги, занимающіе высокое положеніе, какъ помощникъ начальника Сибирской дороги инженеръ Штукенбергъ и др.

Огромное большинство привлеченныхъ къ суду и уволенныхъ, по мнѣнію министерства путей сообщенія, заслужили эту кару совершенно безвинно, и теперь въ этомъ оно убѣждается по количеству дѣлъ, направленныхъ по распоряженію прокурора къ прекращенію.

На сколько обосновано убѣжденіе министерства въ невинности его агентовъ по части, напримѣръ, эксплуатаціи дороги въ періодъ японской войны, переустройства горныхъ участковъ и вообще постройки второй вѣтви Сибирской магистрали,—сибирякамъ, несомнѣнно, видиѣе.

А они на страницахъ своихъ газетъ немало приводили никантныхъ повѣствованій объ уходящихъ въ бездонныя трясины насыпяхъ и рельсахъ, безслѣдно пропадавшихъ товарныхъ поѣздахъ и т. д., и т. д.

По свѣдѣніямъ „Новаго Времени", наша промышленность и торговля въ Манчжуріи переживаетъ въ данный моментъ серьезный кризисъ.

Газета объясняетъ его, съ одной стороны, ошибочнымъ курсомъ русской экономической политики, съ другой—отсутствіемъ „должной правительственной поддержки и единства въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ заправилъ".

Ошибочный курсъ экономической политики она видитъ въ томъ, что

Еще при постройкѣ Китайской-Восточной желѣзной дороги многимъ китайцамъ удалось нажиться,—конечно, главнымъ образомъ нелегальными путями. Слишкомъ долго и много нужно было бы разсказывать, какъ постепенно они продвигались впередъ, затирая собою русскихъ людей.

До того „затираютъ", что три главныя китайскія фирмы вмѣстѣ съ другими болѣе мелкими

образовали негласный синдикатъ по эксплуатированію въ Манчжуріи русскаго труда и капитала Основной задачей синдиката было поставлено: убить въ краѣ русскую промышленность, а девизомъ выставлены слова: „Манчжурія для Китая"... Постепенно въ послѣдніе годы къ китайцамъ стали переходить одно за другимъ всѣ промыслы и всѣ коммерческія предпріятія въ Харбинѣ и Манчжуріи,—до мукомольнаго дѣла включительно. Въ настоящее время синдикату этому удалось захватить весь хлѣбный рынокъ и всю хлѣбную торговлю, такъ какъ безъ его приказанія на рынокъ не выпускается ни одного пуда зерна Синдикатъ же диктуетъ и цѣны на хлѣбъ, поднявъ пшеницу до 1 руб. 40 коп., ячмень до 1 руб. 25 коп., и овесъ до 1 руб. 30 коп., такъ какъ именно эти злаки составляютъ потребность русскаго населенія Манчжуріи и всего Приамурья.

По части синдикатовъ россійскіе „Треугольники" и „Продаметы" дадутъ китайцамъ сто очковъ впередъ. А „эти злаки" составляютъ такую же неизбывную потребность для русскаго населенія вообще и для сибирскаго въ частности, какъ и для населенія всего Приамурья.

Но, увы! въ нынѣшнюю зиму ихъ сильно недоставало ему. и, однако, то же „Новое Время" полагаетъ, что, какъ пожаръ Москвы способствовалъ ея украшенію, такъ и сибирскій голодъ могъ создать новую отрасль сибирской промышленности: выдѣлку „честера".

Газета увѣряетъ, будто сибирскіе маслодѣлы „прекрасно прожили" эту тяжелую голодную зиму, такъ какъ

Бійскіе маслодѣлы устроили у себя даже первый сыроваренный заводъ, на которомъ выдѣлывается англійскій „честеръ", сбываемый исключительно въ Англію. Произведенный опытъ сыроваренія подъ руководствомъ спеціалиста, выписаннаго изъ Англіи, далъ превосходный результатъ. Сбытъ сыра союзомъ уже обезпеченъ черезъ посредство одной лондонской фирмы. Въ этомъ году будетъ произведено и отправлено въ Лондонъ до 2,500 пудовъ. Съ будущаго же года союзъ предполагаетъ устроить 20 сыроварень съ производствомъ до милліона пудовъ на сумму отъ 7 до 8 милліоновъ рублей. Новую отрасль промышленности ждетъ широкое развитіе, такъ какъ сыровареніе обѣщаетъ такія же выгоды, какъ и маслодѣліе, и, пожалуй, даже имѣетъ преимущество передъ послѣднимъ въ томъ отношеніи, что цѣны на сыръ являются болѣе устойчивыми, чѣмъ на масло, а само сыровареніе не помѣшаетъ маслодѣлію.

Можетъ быть, „честеръ" окажетъ такую же услугу и Манчжуріи съ Приамурьемъ?

Правда, манчжурскій скотъ, кажется, по преимуществу,

мясной. Но что за бѣда: если голодная корова постараласі дать молока для „честера“, сытая манчжурская — должна для удоя пожертвовать тѣлесами.

А, впрочемъ, сытый голоднаго не разумѣетъ.

Не случилось ли этого и съ „Новымъ Временемъ“?

Вѣдь изъ того, что „въ этомъ году будетъ произведено и отправлено въ Лондонъ до 2,500 пудовъ“ любимаго англи чанами сыра, никакъ нельзя еще вывести заключенія, будто зимой сибирскія коровы могли „прекрасно“ себя чувствовать въ предвкушеніи будущихъ барышей своихъ хозяевъ.

Обозрѣніе русской жизни.

Послѣднія двѣ недѣли вышли чуть ли не сплошными по минками... по Третьей Думѣ.

Оговариваясь, какъ всегда дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ что о мертвыхъ не принято говорить дурно, покойницу ру гали всласть. Особенно досталось ей отъ московскихъ га зетъ и отъ „Русскаго Слова“ по преимуществу, посвятив шаго ея оцѣнкѣ рядъ статей.

Превратившись въ „новую канцелярію при старой бюро кратической машинѣ“, Третья Дума, пишетъ оно, — „как удавъ, глотала законодательную пищу, приготовленную для нея бюрократіей изъ мельчайшихъ законопроектовъ“.

Чего только не было, въ самомъ дѣлѣ, среди нихъ, — и прачешная для юрьевскаго университета, и учрежденіе должности станового пристава въ той или другой губерніи но все сколько-нибудь нужное, важное для всей Россіи, то откладывалось въ долгій ящикъ, то проскальзывало не обдуманнымъ, неразсмотрѣннымъ въ грудѣ вермишели.

Третья Дума любила сравнивать себя со своими пред шественницами и, совершенно забывая о кратковременности ихъ дней, постоянно хвалилась своей работоспособностью А „Русское Слово“ довольно непочтительно утверждаетъ что „дѣловитая Дума“ лишь „гордо жевала и пережевы вала“ пуды этой вермишели“, не поднимаясь надъ уров немъ „законодательства“ земствъ, „надъ лужкеньемъ зем скихъ умывальниковъ, постройкой мостовъ и покупкой овса для земскихъ лошадей“.

Во многихъ случаяхъ она пятилась назадъ даже быстрѣе

Государственнаго Совѣта и самого правительства, не говоря уже о томъ, что ея члены въ согласительныхъ коммиссіяхъ очень часто соглашались какъ разъ не съ тѣмъ, съ чѣмъ бы слѣдовало офиціальнымъ защитникамъ думскихъ законопроектовъ.

И, наконецъ, уходя, она взвалила на народныя плечи полумилліардный флотъ, опять-таки не обсудивъ, не взвѣсивъ въ достаточной мѣрѣ всей его тяжести.

Вѣдь на другой же день та самая печать, -которой А. И. Гучковъ имѣлъ смѣлость, если не больше того, предоставить укрѣпленіе конституціонныхъ началъ, якобы заложенныхъ Третьей Думой, -указала множество брешей въ принятой судостроительной программѣ. Да не перестаетъ ихъ указывать и по днесь.

Прежде всего: суда нетлѣ еще строить –надо сперва приспособить для этого казенные судостроительные заводы. Правда, въ 1909 – 1910 г.г. Адмиралтейскій и Балтійскій заводы уже приспособлялись для „гангутовъ“, что обошлось казнѣ около 20 милліоновъ рублей, но такъ какъ теперь рѣшено строить „дредноуты“, то надо, соотвѣтственно ихъ водоизмѣщенію, приспособлять для „дредноутовъ“, что потребуетъ снова слишкомъ 10 милліоновъ рублей. Этотъ накладной расходъ долженъ быть, конечно, причисленъ къ стоимости судовъ, которая въ конечномъ итогѣ окажется превышающей вдвое стоимость англійскихъ, германскихъ, американскихъ крейсеровъ.

При водоизмѣщеніи въ 28,000 тоннъ цѣна тонны нашихъ будущихъ броненосцевъ дойдетъ до 1,720 руб., тогда какъ пишетъ въ „Русскомъ Словѣ“ В. Михайловскій, послѣдніе англійскіе дредноуты „обошлись въ 788 рублей за тонну“, а аргентинскіе сверхдредноуты „заказаны въ Америкѣ по цѣнѣ въ 740 руб. за тонну“.

И само собой разумѣется, что стоя вдвое дороже, наши крейсера будутъ вдвое хуже, -нельзя разсчитывать на совершенство, когда не знаешь, какъ приступить къ работѣ, когда бредешь ощупью. Вотъ какъ –даже не въ прошломъ, о которомъ убѣдительно просили Государственную Думу забыть, а въ самомъ ближайшемъ настоящемъ отличились строители новаго севастопольскаго дока. 11 іюня, –телеграфировали „Новому Времени“, – дала осадку перемычка, от-

дѣляющая докъ отъ моря, и вода хлынула въ котлованъ, изъ котораго только что была начата откачка". По словамъ телеграфирующаго, это предсказывалось многими, и спеціалисты „считаютъ за счастье, что перемычка доказала свою непригодность съ перваго момента. Если бы она продержалась больше, то могла бы произойти крупная катастрофа".

Крейсеръ „Новикъ", только что совершившій пробный рейсъ, того же злополучнаго 11 іюня, по сообщенію „Петербургскаго Листка", получилъ пробоину и отведенъ на мель для изслѣдованія водолазами.

Можно ли при наличности такихъ фактовъ забыть о проплломъ, вѣрить въ будущее? Сами моряки,—конечно, не изъ тѣхъ, что сидѣли на берегу, числясь въ плаваньѣ только для ценза—смотрятъ довольно скептически на министерскія обѣщанія.

Нѣмцы же, изъ-за которыхъ и загорѣлся то сыръ боръ, откровенно посмѣиваются. По крайней мѣрѣ, „Berliner Tageblatt" сильно сомнѣвается, чтобы Россія, не имѣя верфей, могла выполнить въ такой короткій срокъ намѣченную программу и чтобы ей удалось когда-нибудь искоренить безпорядки во флотѣ. Даже истративъ полмилліарда, прибавляетъ газета, она „все же останется далеко позади Германіи".

Довольныхъ Третьей Думой вообще немного, а заключительный инцидентъ съ церковно-приходскими школами порвалъ и послѣднюю связь съ близкимъ ей, въ сущности, духовенствомъ. „Цѣпь невыразимыхъ душевныхъ страданій, ужасныхъ нападокъ и даже глумленій, которыя приходилось терпѣть въ Третьей Думѣ духовенству, нынѣ замкнулась окончательно и дальше идти по пути разрушенія церковныхъ учрежденій некуда",—заявилъ въ началѣ своей рѣчи священникъ Гепецкій, закончившій ее угрозой: перенести „тяжбу на судъ русскаго народа".

Если онъ подъ словомъ „судъ" подразумѣвалъ выборы въ Четвертую Думу, то тяжба, несомнѣнно, кончится въ пользу духовенства, такъ какъ на долю народа достается, главнымъ образомъ, всегда роль безмолвнаго статиста. Если же онъ имѣлъ въ виду отношеніе деревни къ церковно-приходскимъ школамъ, то оно, кажется, давно уже выяснилось: при ма-

лѣшней возможности крестьяне добиваются земскихъ школъ и ассигнуютъ на постройку ихъ средства.

Сельское духовенство отлично это знаетъ, какъ не обманывается и насчетъ своего вліянія на крестьянъ вообще. Но епархіальное начальство приказываетъ „вліять", и священники, подчиняясь приказу, говорятъ соотвѣтственныя слова, остающіяся „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ", если паства не ладитъ съ пастыремъ. На житомірскомъ предвыборномъ совѣщаніи, какъ сообщаютъ „Русскому Слову", это сознаніе прямо выражено въ резолюціи:

„Не отрицая враждебнаго мѣстами отношенія крестьянъ къ духовенству, послѣднее надѣется руководить крестьянами на выборахъ въ Государственную Думу, ибо большинство крестьянъ видитъ въ духовенствѣ защитника земельныхъ интересовъ крестьянства".

Слѣдовало бы сказать, конечно, „видѣло", но сознавая враждебное отношеніе, надо же за что-нибудь уцѣпиться, чтобы не вызывать улыбокъ. И житомірское духовенство дѣлаетъ видъ, будто вѣритъ тому, что говоритъ. Конечный итогъ все равно будетъ въ его пользу, хотя и безъ участія народа.

Да и какъ не стараться: пока сидишь въ думскомъ креслѣ сытно и мягко, вставъ съ него—унесъ пріятное вещественное воспоминаніе: кто наперстный крестъ, кто камилавку: повышеніе въ санѣ или выгодный приходъ. Священникамъ, выступавшимъ на думской трибунѣ въ согласіи со своей совѣстью, а не съ синодальными или архіерейскими желаніями, о будущихъ благахъ, понятно, мечтать не приходится: дай Богъ, говорятъ, чтобы они старыя то мѣста сохранили.

По свѣдѣніямъ „Рѣчи", „исключительное усердіе", проявляемое духовенствомъ въ нынѣшней предвыборной кампаніи, будто бы, начинаетъ даже безпокоить и совѣтъ министровъ, и самый синодъ. Такъ какъ „число священно-служителей превышаетъ 40 тыс. человѣкъ, которые всѣ пользуются избирательнымъ правомъ", то явилось опасеніе, какъ бы Четвертая Дума не обратилась „во всероссійскій епархіальный съѣздъ".

А у синода и другая забота: архіереи на мѣстахъ стали дѣйствовать „самостоятельно, исключительно по собственной иниціативѣ".

Въ болѣе плачевномъ положеніи находятся дѣла различныхъ „патріотическихъ“ организацій,

Конотопское отдѣленіе союза русскаго народа, по словамъ кіевскихъ газетъ, не имѣетъ даже квартиры, гдѣ бы можно было собраться.

Кіевскій отдѣлъ „Русскаго собранія“ насчитывалъ въ 1906 году 95 членовъ, а касса его 595 руб. членскихъ взносовъ. Въ прошломъ же году послѣднихъ поступило... всего 30 рублей, и собраніе прикрыло „лавочку“. Дышутъ на ладонъ и всѣ остальные кіевскіе союзы: какое то „содружество“, какъ передаютъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“, „держится почти исключительно доброхотными даяніями... чиновъ мѣстной полиціи. Такъ, одинъ околоточный надзиратель внесъ въ „содружество“ 300 руб. и зачисленъ за это въ почетные члены“. Имущество отдѣла союза Михаила Архангела, оцѣненное въ 140 руб. 20 коп., 16 мая продано съ аукціона—за квартирный долгъ, и т. д.

Тѣмъ не менѣе, выборы по Кіевской губерніи въ опасности.

Кіевскій губернаторъ, секретнымъ циркуляромъ (появившимся въ „Русскомъ Словѣ“), „разъяснилъ“ земскимъ и городскимъ управамъ, что въ напоминаніи посредствомъ какихъ-либо плакатовъ и т. п. о предстоящихъ выборахъ „не встрѣчается дѣйствительной необходимости“, такъ какъ порядокъ ихъ указанъ въ Положеніи о Государственной Думѣ, а чего не указано, то избиратели узнаютъ въ свое время изъ „Губернскихъ Вѣдомостей“.

Октябристы идутъ еще дальше. Напримѣръ, А. В. Филипповъ въ особой докладной запискѣ, напечатанной затѣмъ въ „Земщинѣ“, преподалъ правительству „Совѣтъ опытнаго человѣка“: какъ составить въ будущей Думѣ большинство „не лѣвѣе правыхъ октябристовъ“.

Чиновниковъ, поддерживающихъ опозиціонныя партіи, онъ рекомендуетъ перевести въ другіе города, чтобы они потеряли свой квартирный цензъ; противъ печати принять самыя строгія репрессіи; евреевъ—выселять, агитаторовъ—арестовывать и т. п.

Но, кромѣ того, необходимо, говоритъ онъ: „Предписать губернской администраціи, чтобы она приняла всѣ мѣры къ оказанію содѣйствія при выборахъ всѣмъ мѣстнымъ отдѣламъ зарегистрованныхъ союзовъ и партій“.

Съ этого бы г. Филиппову прямо и начать. Администрацію учить нечего, - она и сама сумѣетъ устранить, кого потребуется, разъ будетъ сказано: выбирать можно только союзниковъ да октябристовъ.

„Гражданинъ", говоря объ объединеніи націоналистовъ съ октябристами, какъ о совершившемся фактѣ, пишетъ: „Народу остается одинъ выходъ — на блокъ плутократовъ отвѣтить объединеніемъ остальныхъ группъ". Возможной для соглашенія платформой онъ считаетъ схему: 1) Примиреніе національныхъ разногласій, 2) Уничтоженіе протекціонной системы, 3) Свобода печати, 4) Внѣпартійная администрація.

Къ чему приводитъ правительственная партійность, князь Мещерскій иллюстрируетъ въ своемъ „Дневникѣ" примѣромъ: „разъ объявлены были клички, подъ которыми кандидатъ можетъ разсчитывать на поддержку правительства, то, разумѣется, всякій прохвостъ немедленно называлъ себя и октябристомъ, и націоналистомъ, чтобы пролѣзть въ Третью Думу"...

М. О. Меньшиковъ проводилъ покойницу напутствіемъ,— что, отходя въ вѣчность, ей не мѣшало бы оглянуться на пройденный путь. „Если бы,—говоритъ онъ,—Государственная Дума дала искреннее показаніе о самой себѣ, это повліяло бы съ чрезвычайной выгодой на предстоящіе выборы".

Да вѣдь она вмѣстѣ съ г. Меньшиковымъ совершенно, конечно, искренне считаетъ, что дѣлала дѣло, а не просто „жевала вермишель".

Но даже и ему служебная карьера, сдѣланная черезъ Думу, г.г. Гололобовыми и Пуришкевичами кажется ощутительнымъ соблазномъ.

Для общества же этотъ соблазнъ увеличивается тѣми усиліями придать законное теченіе Гололобовской жалобѣ (на членовъ Думы, участвовавшихъ въ запросѣ объ убійствѣ Караваева), которыя проявляетъ наша юстиція, не считаясь съ юридическими основами. Первый департаментъ Государственнаго Совѣта, не зная, какъ выпутаться изъ неразрѣшимыхъ противорѣчій, дошелъ до самопожертвованія: готовъ признать обязательнымъ для себя рѣшеніе сената, хотя онъ послѣднему и не подчиненъ.

А вѣдь г. Гололобовъ всего только вице-губернаторъ, и то вновь испеченный. Значительную долю его удѣльнаго

вѣса, очевидно, надо отнести на принадлежность къ зарегистрированнымъ организаціямъ.

Какую роль играетъ она въ глазахъ правосудія,—еще рѣзче обнаруживается на дѣлѣ Ющинскаго—Бейлиса.

Кіевскіе союзники совсѣмъ, было, уничтожили, отстранили даже начальника мѣстнаго сыскного отдѣленія, напавшаго на вѣрный слѣдъ. Это-то обстоятельство, можетъ быть, и укрѣпило его увѣренность, что онъ идетъ правильнымъ путемъ. Но все же понадобилось вмѣшательство дворянина С. И. Бразуль-Брушковскаго, журналиста по профессіи, и „долгъ совѣсти“ „Кіевлянина“, чтобы правосудіе разглядѣло наконецъ, то, что было ясно, какъ день, каждому профану.

Другую сторону русской жизни,—которой касается въ своей схематической платформѣ „Гражданинъ“ — недурно освѣтило скандальное открытіе: мошенничества съ вывозными преміями на сахаръ.

Нѣсколько времени тому назадъ, — пишетъ „Вечернее Время“,—торгово-промышленные круги обратили вниманіе министерства финансовъ на ненормально низкія цѣны русскаго сахара на заграничныхъ рынкахъ.

Разслѣдованіе обнаружило, что нѣкоторыя фирмы, получая огромныя преміи за вывозъ сахара на Дальній Востокъ, отправляли его на рынки, не пользующіеся покровительственными пошлинами.

А ужъ, кажется, и легальные-то барыши нашихъ сахарозаводчиковъ не маленькіе.

Какой дивидентъ получаетъ русская металлургическая промышленность, показываетъ сравненіе цѣнъ литейнаго чугуна: на первое января текущаго года, напримѣръ, въ Донецкомъ округѣ онъ стоилъ по 81 коп. за пудъ, а въ Дюссельдорфѣ, гдѣ несравненно выше заработная плата, лишь—53 коп.

Во что, спрашиваетъ „Новое Время“, вгонятъ цѣны теперь, когда постройка флота потребуетъ такую массу матеріаловъ?..

ОПЕЧАТКИ

въ статьѣ Л. Ѳ. Пантелѣева „Безбрежность маринизма“, въ № 17.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Надо:
89	св. 9	все же	все это
—	сн. 11	отстрабивъ	отстроивъ.
91	св. 3	объяснить	выяснить
	сн. 15	но	на
90	сп. 3	дреднауты	дредноуты
93	св. 1	достоинства	достоинство
	сн. 12	важность	всю важность.
94	св. 2	работа	забота
—	сн. 4	выкидывать	выкладывать.
—	св. 11	будетъ	будутъ

Издатель В. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Вышелъ № 3 журнала

„ЗАВѢТЫ“

Содержаніе: Изъ сказаній у Семибратскаго кургана. **Мих. Пришвина.**—То, чего не было. Романъ. **В.Ропшина.**—Исторія Акимова зданія. **В. Викниченко.**—Дорогины. Пьеса **Н. Тренева.**—Тѣни забытыхъ предковъ. **М. Коцюбинскаго.** По вѣсть о дняхъ моей жизни. **Ив. Вольнаго.**—Скоро-ли остынетъ и оледедѣетъ наша земля? **Н. А. Морозова.**—Быть или не быть общинѣ въ Россіи? **К. Качоровскаго.**—Жанъ-Жакъ Руссо и его общественно-политическія воззрѣнія. **Вен. Маркова.**—Эволюція муниципальнаго строя на Западѣ. **Гр. Шрейдера.**—Къ вопросу о рабочей программѣ. **С. Зана.**—Этика и политика: Моральный идеализмъ безъ идеала. **Виктора Чернова.** Свое и чужое: Старатели отъ чина духовнаго. **С. Мстиславскаго.**—Текущая жизнь.—Библіографія.—Книжныя новости.

№№ 1 и 2 разосланы подписчикамъ и находятся въ продажѣ въ кн. магазинахъ.

Въ № 1 и 2 напеч.: Рожденіе человѣка. **М. Горькаго.**—Веселый дворъ. **Ив. Бунина.** Около моря. **Сергѣева-Ценскаго.** То, чего не было. **Ропшина.**—Статьи: **Лункевича, Чернова, Черненкова, Лагарделя, Шрейдера, Вѣчева, Мстиславскаго, Качоровскаго** и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ апрѣля до конца года 8 р.; на 6 мѣсяцевъ 5 руб.; на 3 мѣс. 3 руб.; отдѣльная книжка 1 рубль. За границу на тѣ же сроки: 11 руб., 6 руб. 50 коп., 3 р. 75 к.; отдѣльная книжка 1 руб. 25 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, Косой пер., 11, уг. Соляного.—**Телефонъ 193-27;** въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи по цѣнѣ редакціи, безъ доплаты за пересылку денегъ. Въ Москвѣ складъ журнала—кн. маг. **„Наука“**, Б. Никитская.

Издательница **С. А. Иванчина-Писарева.**

Редакторъ **П. П. Инфантьевъ.**

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 19

12 іюля 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
1.	Уймонцы (Изъ очерковъ Алтая)	1— 10
2.	„Напиталистическая утопія". *А. Хохрякова*	10— 16
3.	Хищники на золотыхъ промыслахъ Олекминско-Витимской системы. *Я. С—ча*	17— 40
4.	„Коммерсанты безъ промыслового свидѣтельства". *А. Хохрякова*	40— 49
5.	Безъ души	49— 55
6.	Подвиги восторговцевъ на Дальнемъ Востокѣ	55— 61
7.	Сибирскія письма: Томскъ	62— 68
8.	Много шуму изъ пустяковъ (Къ сенаторской ревизіи графа Медема)	68— 70
9.	Побольше уваженія къ... провинціи' Учительницы *Об—ской*	70— 73
10.	Деревенскія настроенія	73— 80
11.	Очерки сибирской жизни	81— 90
12.	Столичныя газеты о Сибири	90— 94
13.	Обозрѣніе русской жизни	94—100
14.	Бесѣда по душѣ. *А. Алова*	101—104

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.
1912.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, ул. Жуковскаго, 24.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Уймонцы.

(Изъ очерковъ Алтая).

I.

Страничка исторіи.

Заселеніе Уймонскаго края на Алтаѣ, по иниціативѣ русскихъ раскольниковъ и бѣглыхъ горнорабочихъ, относится къ первой половинѣ XVIII вѣка.

Задолго до 1792 г. въ горахъ южнаго Алтая по рѣкѣ Бухтармѣ было уже нѣсколько самостоятельныхъ селеній, какъ были деревни и въ верховьяхъ Катуни.

Изъ указа Томской Казенной Палаты отъ 7-го декабря 1836 г. Алтайскому волостному правленію видно, что крестьянинъ Семенъ Андреевъ Черепановъ, о побѣгѣ котораго идетъ рѣчь, „былъ записанъ въ деревню *Верхъ*-Уймонскую во чревѣ матери до 1792 г.“.

Это указываетъ на то, что до этого года существовала уже и деревня *Нижній*-Уймонъ, выселившаяся изъ Верхняго Уймона *).

1792 годъ знаменателенъ тѣмъ, что съ него начинается, такъ сказать, русская государственная исторія на Алтаѣ. Въ этомъ году императрица Екатерина Алексѣевна издала указъ о прощеніи бѣглымъ русскимъ бухтармянцамъ „бѣглой отлучки съ родины“, о надѣленіи ихъ землею и о запрещеніи брать въ солдаты.

Указъ этотъ распространялся и на деревню Верхъ-Уймонскую, такъ какъ ее образовали тѣ же бухтармянцы, пере-

*) Теперь Уймонскій край состоитъ изъ девяти деревень съ населеніемъ около 7 тыс. душъ.

бросившіеся черезъ Катунскіе Альпы изъ потаенныхъ уголковъ Верхъ-Бухтарминскаго „Бѣловодья".

Лучшимъ доказательствомъ того, что большинство населенія Уймона были бухтарминцы, является то обстоятельство, что въ числѣ прозвищъ уймонцевъ были: Огневы, Блиновы, Затѣевы, Атамановы и другія чисто-историческія бухтарминскія прозвища. Но въ то же время былъ цѣлый кустъ не встрѣчавшейся на Бухтармѣ фамиліи Бочкаревыхъ.

Родоначальникъ этой фамиліи, Гаврило Сергѣичъ Бочкаревъ, приходившійся уже дѣдомъ тѣхъ Бочкаревыхъ, которые жили въ Уймонѣ въ 1792 году, и былъ однимъ изъ первыхъ пустынниковъ въ долинѣ Катуни. Жилъ онъ въ страшномъ ущельѣ рѣки Аргута совершенно одинъ, пока не столкнулся съ бухтарминцами и вмѣстѣ съ ними не поселился на мѣстѣ теперешняго Верхняго Уймона.

Преданіе повѣствуетъ, что Гаврило Бочкаревъ сѣялъ рожь, копая землю деревянной лопатой, былъ богатырскаго сложенія и обладалъ громадной силой.

Находясь въ дружбѣ съ сосѣдними калмыками, онъ будто бы первый уговорилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ платить дань бѣлому царю, послѣ чего Гаврилѣ были присланы отъ казны желѣзные крючья для дверей, топоръ и соха.

Кто и откуда былъ Гаврила Бочкаревъ, преданіе умалчиваетъ, но, несомнѣнно, что онъ бѣжалъ сюда отъ тѣхъ тяжелыхъ условій жизни, которыя существовали за Ураломъ, и для сохраненія обрядовъ и вѣрованій „святыхъ отцовъ и мучениковъ соловецкихъ", какъ и большинство бухтарминскихъ каменщиковъ, нашедшихъ въ вершинѣ Бухтармы „хранилище благочестія—святое Бѣловодье".

Однако удовлетвореніе духовныхъ нуждъ не могло быть основой жизни бѣглыхъ людей. Вѣра раскольниковъ была платформой для ихъ общественнаго единенія и стоической борьбы съ невзгодами, но одной ея было недостаточно для упроченія русской жизни въ дикой азіатской средѣ. Повседневные запросы жизни требовали болѣе опредѣленной формы житейскаго строя. Жизнь звѣролововъ и бродячихъ промышленниковъ не удовлетворяла русскихъ сектантовъ, и, наряду съ исканіями безопасныхъ мѣстъ для свободнаго исповѣданія своихъ вѣрованій, они искали и

удобной земли, гдѣ можно было бы начать осѣдлую земледѣльческую жизнь.

Вѣроятно, когда, пройдя Катунскіе „бѣлки", піонеры колонизаторы поднялись изъ „Крутого Сугаша" на послѣднее сѣдло передъ „Околомъ" и увидѣли широкую равнину, примкнувшую къ лѣвому берегу Катуни ниже рѣки Коксы,— они обнажили головы и съ чувствомъ великой радости спустились съ высоты на нынѣ роскошныя Уймонскія степи.

Но, несомнѣнно, что эти чистыя и воздѣланныя теперь поля были покрыты тогда дремучей тайгою и непроходимыми трущобами. И лишь богатырскія усилія россіянъ, ихъ настойчивость и „безпрерывная борьба" за хлѣбъ—побѣдили лѣсную стихію. Теперь, черезъ сто съ лишкомъ лѣтъ, долина Катуни у устьевъ Терехты и Кастахты превратилась въ благословенный и плодоносный край, населенный суровыми ширококостными „ясашными".

II.

Неожиданная ломка.

Но русскіе ясачные люди, вклинившіеся въ инородческую среду и затѣмъ причисленные къ ней, хотя и не погрузились въ тысячелѣтній сонъ апатичныхъ тюрковъ-алтайцевъ, за то наглухо замкнулись въ узкихъ суевѣріяхъ и исконныхъ русскихъ обычаяхъ. А послѣдніе сдѣлались причиною той темноты и неподготовленности къ жизни, съ которыми не легко было вступить въ прихотливый и требовательный XX вѣкъ.

Имъ казалось, что до глухихъ горныхъ ущелій и тучныхъ долинъ Алтая не достанетъ стальная рука безпощаднаго вѣка, и безпечная и сытая жизнь акклиматизировавшагося на суровомъ Алтаѣ русскаго пахаря будетъ продолжаться вѣчно...

Но нежданно-негаданно съ электрической быстротою ворвался XX вѣкъ съ его классовыми интересами и утонченной жестокостью, съ его быстрыми мѣрами и сомнительной справедливостью и въ дикія тѣснины Алтайскихъ горъ внесъ разрушительную ломку.

Наивные уймонцы не успѣли и рта раскрыть отъ удивленія, какъ торопливый вѣкъ сухо и кротко потребовалъ „подтянуться и подвинуться".

Дѣловитый вѣкъ съ расторопностью исполнительнаго чи-

новника долженъ былъ очистить квартиры для несмѣтнаго числа гостей, оборванныхъ, голодныхъ и злыхъ пришельцевъ издалека, безпрерывными волнами затопившихъ уже поль Сибири.

Вѣсти объ этомъ доходили въ тѣснины Алтая сначала въ видѣ сомнительныхъ слуховъ, и уймонцы не придавали имъ особеннаго значенія. Они продолжали по прежнему заниматься мирнымъ трудомъ, пребывая въ застарѣломъ равнодушіи ко всему, что дѣлалось внѣ уймонскихъ долинъ. Тѣмъ болѣе, что на ихъ землю имъ „царскій указъ даденъ".

Но, вотъ, вѣсти о движеніи пришельцевъ въ предгорья Алтая приняли болѣе опредѣленныя формы и явились уже подъ звонъ земскихъ колокольчиковъ, въ видѣ сухихъ, реальныхъ распоряженій и приказовъ о размежеваніи земель.

А вскорѣ явились и переселенческіе межевые чины, и когда они съ цѣпью и астролябіей пошли по полямъ,—нельзя было сомнѣваться, что спокойной и безпечной порѣ пришелъ конецъ, и старые вѣковые устои неминуемо должны рухнуть передъ жесткимъ лицомъ новаго времени.

III.

„Розыскъ правовъ".

Естественно, что въ виду этихъ событій, среди уймонцевъ пошелъ ропотъ, а потомъ выдвинулась и необходимость **„искать свои права"**.

— Какъ такъ?.. Жили полтора вѣка, неоднократно укрѣпляли за ними занятыя земли, и вдругъ теперь, когда населеніе увеличилось и всѣ удобныя земли возлѣлаты,—имъ приказываютъ сократиться, чтобы лучшія земли отдать какимъ-то пришельцамъ?..

— Быть того не можетъ... Мы будемъ хлопотать, мы найдемъ правду!!.

Увѣренные въ своихъ правахъ, уймонцы набираютъ наиболѣе толковыхъ мужиковъ и снаряжаютъ депутацію въ Петербургъ для отысканья тамъ „своихъ правовъ".

Эта первая депутація состояла изъ Семена Филиппова Коробейникова, Карпа Ѳедорова Черепанова и Власа Васильева Бочкарева.

Имъ было наказано:

— Если надо будетъ, то и до самаго царя дойдите, на-

лицо къ его царскому величеству, а отъ правовъ не отступайтесь!

Но „дойти до царя" было не легко, и мужики-ходатаи стали искать иныхъ путей. Посовѣтовали имъ, что надо сперва добиться пріема у цесаревича и великаго князя Михаила Александровича.

- Такъ мы его, наслѣдника-то, семь дней промышляли!..—объясняли ходатаи Г. И. Потанину, когда онъ въ 1905 году былъ на Уймонѣ.

— И все безъ толку!—со вздохомъ прибавляютъ они теперь.

„Промышляли" они и у другихъ высокопоставленныхъ особъ и добились, что въ Кабинетѣ ихъ приняли, но сейчасъ же послали въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а оттуда опять обратно.

— Дадутъ намъ пакетъ и пошлютъ, а что въ немъ написано—не сказываютъ... Такъ мы взадъ да впередъ и „гоняли почту" дня четыре и не только ничего не добились, но и не знаемъ, зачѣмъ ходили! Взяли обратно бумаги и ушли домой.

Послѣ этого они „удумали" искать свои права въ литературѣ: засѣли на нѣсколько дней въ Публичную библіотеку и погрузились въ чтеніе историческихъ сочиненій, разныхъ научныхъ трудовъ и прочихъ тяжелыхъ фоліантовъ.

Трудно въ небольшой статьѣ передать всѣ скитанія и сопряженныя съ ними переживанія ходатаевъ, на которыхъ всюду смотрѣли, какъ на зоологическую рѣдкость, и которыхъ въ то же время нещадно эксплуатировали всѣ, начиная съ невѣжественныхъ швейцаровъ и кончая цивилизованными совѣтчиками.

Одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ взялъ 600 руб. за то только, что составилъ справку съ указаніемъ въ ней нѣкоторыхъ совѣтовъ и ссылокъ на законы.

Были и такіе господа изъ маленькихъ министерскихъ чиновъ, которые приносили къ мужикамъ на квартиру какія-то старыя бумаги и требовали значительныхъ денегъ прежде, чѣмъ дать прочесть содержаніе этихъ бумагъ.

Бумаги оказывались совершенно ненужными и не имѣющими никакого отношенія къ данному дѣлу.

Какой-то чиновникъ за приличную сумму составилъ

черновикъ, но составилъ его, по выраженію ходатаевъ, „предметами“, такъ что никто не могъ ни разобрать, ни понять его.

Словомъ, вышло такъ, что мужики-депутаты потеряли всякое довѣріе къ „петербургскимъ господамъ“ и, пріѣхавъ въ Петербургъ вторично и въ измѣненномъ составѣ, стали искать „надежнаго заступника“...

IV.

Уймонцы-аграрники.

Но пока вторая депутація въ Петербургѣ искала заступника, уймонцы должны были сыграть печальную роль въ печальномъ событіи.

Дѣло въ томъ, что слухи объ отобраніи земель стали совершившимся фактомъ, и явившіеся на Катунь чины землеустроительной партіи потребовали отъ уймонцевъ принять надѣлъ по общей пятнадцатидесятинной нормѣ.

— Помилуйте, сдѣлайте Божескую милость!..—завопили уймонцы. — Намъ всѣ эти земли дарованы высочайшимъ указомъ императрицы Екатерины Алексѣевны... Окромя того, императоръ Александръ Первый... У насъ и ходатаи объ этомъ дѣлѣ въ Петербургъ услаты... Помилуйте!

Но чины, разумѣется, дѣйствуя по новымъ законамъ, пригласили „добросовѣстныхъ“ и отвели надѣлъ уймонцамъ по своему усмотрѣнію, при чемъ, помимо того, что имъ отмежевали только по 11 десятинъ, у нихъ отрѣзали лучшія земли для сосѣднихъ деревень, которымъ отдали и „арыки“.

Въ надѣлъ уймонцевъ попали земли съ каменной подпочвой, съ непригодными для пашни мѣстами, и при томъ отдѣльными небольшими клиньями.

Мало того, по иниціативѣ крестьянскаго начальника Эртова, несогласіе уймонцевъ принять надѣлъ до полученія отвѣта изъ Петербурга было истолковано, какъ сопротивленіе властямъ, и 63 общественника были отданы подъ судъ, при чемъ въ качествѣ зачинщиковъ привлечены были нѣкоторые и изъ поѣхавшихъ хлопотать въ Петербургъ. Всего зачинщиками признано было семь человѣкъ: Ипатъ Черновъ, Дмитрій Огневъ, бывшій волостнымъ старостой, Савелій Бочкаревъ, Ѳедоръ Черепановъ, Максимъ Бочкаревъ, бывшій сельскимъ старшиной, Родіонъ Блиновъ и Семенъ Коробейниковъ. Они немедленно административнымъ порядкомъ были удалены изъ Уймона и высланы въ Нарымскій край.

Часть этихъ ссыльныхъ клянется, что и теперь не знаетъ, за что ихъ постигла кара, такъ какъ не только никакого сопротивленія они не оказывали властямъ, но и „не видывали въ глаза“ тѣхъ, кому будто-бы сопротивлялись.

Послѣ высылки семерыхъ изъ Уймона направляется въ Петербургъ слѣдующая, по счету третья, депутація, въ составъ которой входитъ Карпъ Черепановъ и Фаддей Блиновъ (во второй разъ, помимо Семена Черепанова, ѣздили Родіонъ Блиновъ и Анисимъ Бочкаревъ).

Третья депутація ѣдетъ уже не столько хлопотать о землѣ, сколько „вызволять изъ бѣды“ сосланныхъ товарищей.

V.

Судебная волокита.

Хлопотали по дѣлу уймонцевъ нѣсколько и настоящихъ адвокатовъ: петербургскіе прис. пов. Тришатный и Соколовъ и томскіе Вейсманъ и Михайловскій. Послѣдній пріѣзжалъ даже въ самый Уймонъ, но толку изъ этого, по словамъ уймонцевъ, вышло не много, хотя вознагражденіе всѣхъ этихъ лицъ обошлось свыше семи тысячъ рублей.

Четвертая депутація, состоявшая изъ Карпа Черепанова и алтайцевъ калмыковъ Арыгымая и Джилки, пригласила изъ Петербурга прис. пов. Михаила Андреевича Соколова, который, поселившись въ Барнаулѣ, сталъ вести всѣ земельныя дѣла уймонцевъ единолично.

Но пока что, г. Соколову удалось добиться только того, что томское губернское правленіе журналомъ отъ 21-го марта 1911 г. постановило ходатайствовать передъ правительствующимъ сенатомъ о разрѣшеніи сдѣлать въ отводной записи добавленіе, что уймонцы могутъ пользоваться... арыками совмѣстно съ крестьянами деревни Горбуновой.

Что же касается ходатайствъ о самой землѣ, то они или остаются безъ разсмотрѣнія, или безъ послѣдствій, или о нихъ нѣтъ ни слуху, ни духу *).

*) По словамъ «Рѣчи», 11-го мая въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушалось два дѣла о бывшихъ адвокатахъ, обвинявшихся въ растратѣ. Бывшій присяжный повѣренный Соколовъ обвинялся въ растратахъ 7.000 рублей, принадлежащихъ нѣсколькимъ его довѣрителямъ. Растрату эту Соколовъ надѣялся покрыть изъ крупнаго гонорара по исковому дѣлу, но не получилъ. Соколовъ признанъ виновнымъ въ растратѣ по легкомыслію и приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ ареста.

Самъ же М. А. Соколовъ въ письмѣ къ уймонцамъ отъ 16 октября 1910 г. изъ Барнаула, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Я самъ хорошо знаю, что для васъ главное дѣло именно объ этой землѣ. Но, какъ я уже говорилъ вамъ прежде, чѣмъ начинать дѣло объ этой землѣ, необходимо собрать доказательства того, что земля эта была дана уймонскому обществу. Собрать же эти доказательства не такъ просто и легко, какъ вы думаете. Часть я собралъ здѣсь въ архивѣ, но этого недостаточно, такъ какъ все это, главнымъ образомъ, относится къ бухтарминскимъ каменьщикамъ. Надо еще посмотрѣть въ архивахъ въ Омскѣ и Москвѣ. Дѣло въ томъ, что ваша мѣстность находится за такъ называемой бійской казачьей линіей, а было время, когда всѣми землями за линіей вѣдало военное начальство; старыя же дѣла военнаго начальства находятся въ Омскѣ. Затѣмъ вашей мѣстностью завѣдывала Кузнецкая канцелярія, дѣла которой переведены въ Москву. Значитъ, если въ архивѣ Кабинета въ Барнаулѣ нѣтъ слѣдовъ объ Уймонѣ, можетъ найтись въ другихъ архивахъ. Да и въ архивахъ дѣла находятся не такъ скоро. Вотъ, напримѣръ, я до сего времени не могу еще получить ревизскихъ сказокъ изъ томской казенной палаты, а знаю, что онѣ должны быть тамъ. Вотъ, поэтому и не безпокойтесь, что о горбуновской землѣ я не думаю. Я не хочу только начинать этого дѣла съ голыми руками. Надѣюсь, что теперь вы убѣдились, какъ вамъ могли сказать и бывшіе у меня довѣренные, что дѣло ваше не стоитъ, а все, что надо, дѣлается".

Въ заключеніе г. Соколовъ проситъ „прислать деньги, если можно телеграфомъ".

Итакъ, подъ дѣлу уймонцевъ „все, что надо, дѣлается", а, главное, и въ этого дѣла то, что землю г. Соколовъ „думаетъ"...

VI.

Законная неразбериха.

Между тѣмъ, земельная нужда въ Уймонскомъ краѣ становится все острѣе, и отношенія между обитателями его запутываются такъ, что ихъ не въ состояніи уже разобрать, кажется, и само начальство, которое своими распоряженіями впадаетъ въ серьезныя противорѣчія.

Такъ, уѣздный съѣздъ крестьянскихъ начальниковъ Бійскаго уѣзда журналомъ отъ 20 января 1911 г. за № 57 по

дѣлу инородцевъ Хабаровыхъ и Софронова постановилъ „право пользованія землею, лежащей отъ дер. Верхній-Уймонъ по правую сторону Катуни, отъ Луковой Сопки признать и утвердить за Хабаровыми и Софроновымъ".

Въ то же время другое начальство, старшій лѣсничій Алтайскаго района, г. Андреевъ, отъ 27 іюля 1911 г. въ официальномъ сообщеніи своемъ разъясняетъ: „районъ калмыцкихъ стойбищъ былъ опредѣленъ въ 1831 году, и тогда же была составлена и проложена на картѣ граница стойбищъ. Граница проложена по лѣвому берегу рѣкъ Катуни и Коксы. Правобережье никогда не считалось и не предназначалось для кочевій калмыковъ. Что касается Хабаровыхъ, то они, отказавшись отъ принятія надѣла въ деревнѣ Кайганакъ, не могутъ претендовать на отводъ имъ надѣловъ въ любомъ мѣстѣ".

По этому поводу мѣстное населеніе говоритъ:

— Какому начальству вѣрить и сами не знаемъ..

Это тѣмъ болѣе понятно, если вспомнить, что относительно пользованія алтайскими землями существуетъ два самостоятельныхъ закона. Первый законъ, это—указъ императрицы Екатерины II отъ 20 января 1792 года и дополняющій его уставъ императора Александра I отъ 22 іюля 1822 года объ управленіи инородцами въ Сибири. Въ четвертой главѣ этого устава § 20 говоритъ ясно и опредѣленно: „Владѣемыя ими по древнимъ правамъ сими инородцами (т. е. инородцами перваго разряда осѣдлыми) земли утверждаются за ними".

Вторымъ же закономъ является „Положеніе о горныхъ заводахъ и промыслахъ вѣдомства министерства императорскаго двора" (т. VII Зак. Гражд.).

Оба эти закона, не исключая одинъ другого, могли уживаться раньше, когда Алтай былъ почти пустынней, но теперь, когда по густотѣ населенія и отсутствію удобной для хлѣбопашества земли онъ становится „мѣстомъ тѣснымъ",— два закона уживаться не могутъ безъ крупныхъ взаимныхъ неурядицъ, которыя мы уже и видимъ.

Очевидно, что время для коренного и детальнаго пересмотра общихъ законовъ въ отношеніи Алтая въ достаточной степени назрѣло, и нуженъ одинъ законъ, самостоятельный, согласованный съ современными условіями и мѣстной жизнью.

У насъ же, съ введеніемъ землеустройства на Алтаѣ, получился *третій* законъ, который, не исключая первыхъ двухъ, дѣйствуетъ опять-таки самостоятельно и на общемъ основаніи...

Не мудрено поэтому, что по одному закону производится изъятіе земель у инородцевъ, а по другому—коронный судъ эти земли присуждаетъ обратно инородцамъ, что подтверждаетъ объявленная 26 августа сего года резолюція томскаго окружного суда, признавшаго право собственности почти на 40 тысячъ десятинъ земли за инородцами Телеутской Инородной управы Томскаго уѣзда.

А попади эти инородцы подъ горячую руку крестьянскому начальнику, онъ и ихъ отдалъ бы подъ судъ „за сопротивленіе“...

И это уже по третьему, новому закону...

„Капиталистическая утопія“.

Мимо такихъ статей нельзя проходить молча. Я запоздалъ; вторая книжка „Завѣтовъ“ только на дняхъ попала въ мое захолустье, но это еще не основаніе замалчивать статью, нарѣдкость интересную, продуманную и прекрасно написанную. Я имѣю въ виду очеркъ С. Мстиславскаго: „на Ленѣ“. Изъ этой статьи трудно дѣлать выборки, неловко выхватывать отдѣльныя мѣста. Она написана такъ цѣльно, увлекательно, такъ мало въ ней лишняго, что съ нею необходимо познакомиться цѣликомъ. Но не во всѣ глухіе уголки Сибири проникнутъ „Завѣты“, статья можетъ остаться неизвѣстной какъ разъ тамъ, гдѣ прочесть ее наиболѣе необходимо, и только это заставляетъ насъ познакомить съ ней читателей „Сибирскихъ Вопросовъ“ отчасти, хотя въ блѣдномъ пересказѣ. Ленскія событія, говоритъ С. Мстиславскій, это—отдѣльная, живая, а не книжная только глава той капиталистической утопіи, недостатокъ которой такъ живо до сихъ поръ чувствовался. До сихъ поръ писались утопіи только соціалистическія. Туманныя, призрачныя, не слишкомъ волшебныя для сказки и не достаточно реальныя для жизни, онѣ все-таки существовали. Не было лишь утопіи для той „чужой“ стороны, съ которой упорно борется соціализмъ, не было утопіи буржуазно-капиталистическаго міра.

Никто ни изъ „своихъ“, ни изъ „чужихъ“ не пытался силой творческой мысли вызвать образъ того, чѣмъ стала бы жизнь, если бы побѣда осталась за „старымъ“ міромъ, если бы смята была имъ „наша“ сила, и развитіе общества опредѣлилось, въ конечномъ итогѣ, не свободнымъ трудомъ, но свободнымъ капиталомъ, не вольной *мыслью*, но буржуазной *традиціей*.

А между тѣмъ *такая* утопія была бы полезна, можетъ быть, она была бы много полезнѣе утопій соціалистическихъ. Если бы передъ обывателемъ развернулась во всю ширь картина будущей „капиталистически-буржуазной“ жизни, но при томъ жизни полнозвучной, не ослабленной „лѣвыми теченіями“,—онъ, быть можетъ, отшатнулся и отрекся бы отъ нея искреннѣе и тверже, чѣмъ теперь отрекается отъ тревожащихъ его сонную жизнь новыхъ словъ и новыхъ исканій.

Страшной такой утопіи и являются ленскія событія.

„Утопія“ пришла на смѣну „жизни“ 20 лѣтъ тому назадъ, когда золотые пріиски перешли во владѣніе „Ленскаго Товарищества“. Это Товарищество вскорѣ стало полнымъ хозяиномъ приленскаго края. Пріиски давали до 900 пудовъ золота въ годъ — $^1/_3$ всего, что добывается въ Россіи. Товариществу принадлежало до 40.000 десятинъ; 10.000 человѣкъ работало въ его шахтахъ. Торговля края была въ рукахъ Товарищества, равно какъ и средства сообщенія.

Кромѣ того, у Товарищества „своя“ администрація. Не только стражники и низшая полиція, но и судьи, и горный надзоръ.

Судья, напримѣръ,—министерскій судья „обходился“ Товариществу въ 25.000 р. въ годъ: казна давала лишь жалкіе 2500 р. Судьей назначался тотъ, за кого подавало свой голосъ Товарищество, хотя бы это и былъ „выбывшій изъ полка офицеръ“, съ недостаточнымъ къ тому же цензомъ.

Лензото давало должности, давало и пенсіи. Если „золотой судья“ черезчуръ увлекался и правительство увольняло его, Товарищество давало ему мѣсто у себя.

Капиталистическая утопія живетъ своей особенной жизнью.

Здѣсь нѣтъ мѣста духовнымъ цѣнностямъ. Здѣсь все переведено на биржевую расцѣнку. Отброшена даже види-

мость значенія человѣка: бумага замѣнила собой „держателя". Въ утопіи нужны деньги, „чистыя деньги" и только онѣ однѣ.

Даже самое производство не играетъ здѣсь роли. Въ „утопіи" весь интересъ и вся сущность—въ дивидендѣ, такомъ дивидендѣ, какого не можетъ дать даже самое доходное производство. И потому вся сила—въ биржѣ.

Въ районѣ „утопіи" пѣтъ культурныхъ начинаній, связанныхъ съ именемъ Лензото. На жертву „духу" не выброшено ни одного мѣднаго гроша. Больше. Ни органы власти, ни владѣльцы акцій не интересуются, что тамъ есть, въ сущности, на „гибломъ мѣстѣ". Важно лишь то, по скольку серебряниковъ имѣющееся тамъ расцѣнивается на биржѣ. А расцѣнка эта зависитъ отъ финансовыхъ дѣльцовъ, но никакъ не отъ того, что и какъ вырабатывается на Ленѣ или на Чукотскомъ полуостровѣ. *Главная „работа" не тамъ, но здѣсь, не на пріискѣ, а въ денежныхъ центрахъ* (курсивъ нашъ. *N. N*). Весной, годъ назадъ, работали на акціяхъ Лензото двѣ „враждующія" конторы. За одной стояли сановники, за другой—банкиры. Одна повышала, другая понижала. Одолѣли сановники. Ленскія акціи взвились до 5½ тысячъ рублей. Но къ понижателямъ присоединяются крупные банки. Общими усиліями къ іюню удается свалить Лензото на 1½ тысячи. Сановники, однако, уже успѣли продать свои акціи; въ рукахъ же побѣдителя оказалась слишкомъ крупная партія Лены. Синдикатъ банковъ начинаетъ поэтому, въ свою очередь, вздувать цѣну. Что было за это время на пріискахъ, какія событія? Ровно ничего: вырабатывали золото день за день, вчера, какъ сегодня. Но если бы не вырабатывали ничего,—тамъ въ Петербургѣ, Лондонѣ шла бы та же лихорадочная „работа". Вверхъ, внизъ, верхъ, внизъ, одни разоряются, другіе наживаютъ милліоны... Не все ли равно, что дѣлается „на мѣстахъ"?

Въ „утопіи" живутъ биржевымъ часомъ, ибо одинъ этотъ часъ даетъ больше, чѣмъ годы „раціональнаго хозяйства".

Такимъ образомъ, истинная жизнь республики далеко отъ ея территоріи: въ Лондонѣ, Петербургѣ, Москвѣ тамъ настоящія ея владѣнія, расширяющіяся со дня на день съ тѣхъ поръ, какъ акціи разбиты на мелкіе „шеры", доступные по цѣнѣ людямъ самаго средняго достатка.

Шестнадцать лѣтъ въ „утопіи“ было спокойно. Рабочіе голодали, ютились въ темныхъ зловонныхъ казармахъ, работали по 12 и болѣе часовъ въ сутки и молчали. На семнадцатый годъ случилась забастовка...

Правленіе въ Петербургѣ, получивъ по телеграфу извѣстіе о забастовкѣ рабочихъ и о требованіяхъ, ими предъявленныхъ, искренно удивилось: легче было ожидать забастовки на офиціальной каторгѣ, чѣмъ на „золотой“ Бодайбинской. Удовлетворить требованія рабочихъ было не трудно, на это попадобились бы гроши, но... забастовка подошла, какъ нельзя больше, кстати. *Она удивительно облегчила очередную задачу правленія* (курсивъ нашъ. А. Хохряковъ). На столько, что наиболѣе видные спрашивали другъ друга вполголоса: сама собой она устроилась, или ее подстроили нарочно?

Стачка, да еще въ весеннее время, когда остановка работъ грозитъ затопленіемъ шахтъ, не могла не уронить цѣны акцій. Цѣны на „Лензото“ должны были упасть при извѣстіи о забастовкѣ. Но „Лензото“ какъ разъ работало въ то время надъ собственнымъ понижепіемъ; это было крайне необходимо для предстоящей „операціи“.

Готовился дополнительный выпускъ новыхъ „маленькихъ“ акцій. Каждый, кто имѣлъ двѣ „большихъ“, „тысячныхъ“ акціи, по закону получалъ право на пріобрѣтеніе трехъ „маленькихъ“ по 150 р. нарицательныхъ. Надо было поэтому сбить цѣну на „большія“, заставивъ этимъ мелкихъ держателей бросать свои акціи на рынокъ, скупить ихъ какъ можно больше, забрать такимъ образомъ въ свои руки сколько возможно будетъ „маленькихъ“ и потомъ опять поднять цѣны на „большія“ и на „малыя“. До сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія, пониженіе шло туго. Стачка — давала мощный толчокъ. При счастьи она могла вызвать панику на биржѣ. Правленіе, поэтому, отказалось исполнить трбованія рабочихъ...

Ходъ дальнѣйшихъ событій мы всѣ хорошо помнимъ.

Залпъ... второй... третій... Все бросилось вразсыпную... Послѣ 15-го залпа огонь прекратился. На полѣ легло 270 убитыхъ, 250 раненыхъ.

Узнавъ о разстрѣлѣ, правленіе немедленно телеграфировало на пріискъ, одновременно распубликовавъ теле-

граммы во всѣхъ газетахъ: „Закажите 150 гробовъ. Расходы отнесите на счетъ правленія“ Акціи, которыя стачкѣ удалось уронить всего на 300 рублей, теперь упали сразу на 700. Колесо жизни завертѣлось съ удвоенной энергіей. И, въ то время, какъ изъ Бодайбо телеграфировали, что похороны отложены, такъ какъ тысячи тесинъ, выписанныхъ на гроба, не хватило и не успѣли нарыть могилъ, изъ Москвы передавали по телефону въ петербургскія газеты: „Бакинскія сдѣлали снова скачокъ. Къ концу дня повышеніе противъ ночной биржи на 20 руб. — 560. Съ Леной много хуже. Небольшія сдѣлки 3,425 противъ ночной 3,590. Рѣзкое пониженіе объясняется опредѣленнымъ давленіемъ петербургской биржи, на которой второй день работаютъ понижатели ленскихъ“.

„Работаютъ“. Протяните имъ руку, товарищи: они *работаютъ* тоже!

А черезъ 10 дней состоялся давно ожидаемый выпускъ новыхъ „маленькихъ“ акцій—по 281 руб. за штуку, въ тотъ же день котировавшихся на биржѣ отъ 759 до 785 руб. Англійское „Товарищество“ заработало въ этотъ день 13.192.800 рублей, русское—4.397.000 рублей. Еще черезъ нѣсколько дней чествовали главнаго администратора пріисковъ. Пили шампанское...

Здѣсь, въ сущности, кончается то, что относится непосредственно „къ утопіи“.

Дальше г. Мстиславскій анализируетъ, какъ отнеслись къ событію пресса, Дума, правительство, отдѣльныя партіи. И здѣсь въ сужденіяхъ автора много интереснаго, оригинальнаго и глубоко правдиваго. Особенно продуманной является оцѣнка имъ запросовъ въ Государственной Думѣ.

Третья Государственная, но Первая обывательская Дума не сумѣла подняться надъ уровнемъ обывательской толпы.

Сущности и государственнаго значенія событія Дума не коснулась. А о дѣйствительныхъ причинахъ того, что случилось, что *должно* было случиться, она не сказала или не посмѣла сказать.

Когда я прочиталъ прекрасную статью г. Мстиславскаго, мнѣ невольно вспомнился романъ, недавно появившійся въ печати: „Деньги“, Уптона Синклера. Если правъ г. Мста-

славскій въ своей скорби по поводу того, что до сихъ поръ капитализмъ не далъ своей „утопіи“, то слѣдуетъ все же замѣтить, что отдѣльныя страницы этой утопіи уже появились. Одна изъ нихъ „Деньги“. И первое, что сразу же бросается въ глаза, это—поразительное сходство между книжнымъ разсказомъ Синклера и живой дѣйствительностью, зарисованной г. Мстиславскимъ: и тутъ, и тамъ, и въ Америкѣ, и въ сибирской тайгѣ капитализмъ проявляетъ себя одинаково. То же пренебреженіе личностью человѣка, то же опустошеніе міра отъ всякихъ духовныхъ цѣнностей, то же безраздѣльное царство эксплуатаціи и утонченнаго мошенничества.

Разница въ деталяхъ, вѣрнѣе — въвозрастѣ. Нашъ капитализмъ еще не доросъ до величины и самообладанія своихъ западныхъ собратій. Онъ еще не такъ циниченъ, не такъ обнаженъ, не на столько смѣлъ, какъ тѣ. По этому онъ драпируется. Фиговымъ листкомъ пытается прикрыть природу естества.

Послѣ разстрѣла рабочихъ и чествованія шампанскимъ главнаго администратора пріисковъ этотъ послѣдній ѣдетъ въ „утопію“ и дѣлаетъ „поправки“ къ происшедшему въ русскомъ, чисто самобытномъ, духѣ. Онъ пытается увѣрить рабочихъ, что ему ничего не было извѣстно, и ласково называетъ рабочихъ „ребятушками“.

„Ребятушки, давайте мириться и выходите всѣ на работы“ (телеграмма Вострыхъ въ „Сибирь“). Западный капитализмъ отъ этого уже отвыкъ. Онъ не разстрѣливаетъ рабочихъ (это слишкомъ грубо!), не жертвуетъ имъ тесины на гроба, не ласкаетъ ихъ и не называетъ „ребятушками“. Но это только деталь, только различіе возраста.

Вѣроятно, этимъ же, т. е. молодостью и „чуткостью“ объясняется и другой шагъ директоровъ утопіи: они готовы обезпечить вдовъ рабочихъ, убитыхъ 4 апрѣля. Каждой женщинѣ, мужъ которой былъ убитъ въ моментъ, когда шла работа надъ пониженіемъ акцій, директора готовы дать отъ 400 до 500 рублей.

Обычное вознагражденіе семьи рабочаго за смерть кормильца опредѣляется около 3000 руб. Но... аппетитъ появляется во время ѣды. „Заработавъ“ на разстрѣлѣ рабочихъ 17 милліоновъ, „Товарищество“ начало рядиться...

Это тоже характерно для русской „утопіи". На Западѣ или совсѣмъ ничего не дали бы, или, вставъ въ позу, сумѣли бы дать много, не пожалѣли бы милліоновъ, чтобы примирить съ собой общество...

За то въ другомъ сибирская „утопія" оказалась на высотѣ положенія. Всюду есть свои герои. Когда Европа разстрѣливаетъ коммунаровъ, она умѣетъ показывать себя. Дамы, элегантныя француженки, раздушенныя, въ бѣлыхъ платьяхъ приходятъ и зонтиками начинаютъ ковырять раны убитыхъ и умирающихъ. Сибирская утопія не хочетъ отстать. У нея тоже есть свой герой, ротмистръ Трещенковъ.

Въ „Русскомъ Словѣ" отъ 22 іюня помѣщено письмо г. К., очевидца событій, посланное имъ одному изъ своихъ московскихъ знакомыхъ Г. К. пишетъ: „Наши инженеры Тешинъ, Цимбергъ, Мочаловъ прямо пресмыкаются передъ нимъ (Трещенковымъ. *Л. Х.*). Подобострастно зазываютъ къ себѣ въ гости. А дамы, наши пріисковыя дамы, подобно гоголевскимъ Маріѣ Антоновнѣ и Аннѣ Андреевнѣ, видятъ въ немъ такого же героя, какъ тѣ видѣли героя въ Хлестаковѣ,—и наперерывъ ухаживаютъ за нимъ. Когда его отстранили отъ командованія отрядомъ, этому никто не хотѣлъ сначала вѣрить. Цѣлый день звонилъ телефонъ отъ служащихъ и ихъ женъ, спрашивавшихъ: „Правда ли это?"

„Утопію" сейчасъ ревизуютъ. Но, какъ бы удачны и добросовѣстны ни были эти ревизіи и сенаторская, и адвокатская, все равно ошибается тотъ, кто ждетъ отъ ревизій раскрытія главныхъ виновниковъ. Ошибается потому, что главный виновникъ уже найденъ: это—его величество капитализмъ. Ревизія можетъ изловить только отдѣльныхъ слугъ его, наиболѣе ретивыхъ исполнителей его всемогущей воли.

Отвѣчать же полностью за все происшедшее въ Ленской тайгѣ долженъ и можетъ только весь современный буржуазно-капиталистическій строй. Но ревизіи этого не скажутъ. Да и не надо!

Объ этомъ говоритъ достаточно громко сама „капиталистическая утопія".

А. Хохряковъ.

Хищники на золотыхъ промыслахъ

Олекминско-Витимской системы.

На всѣхъ пріискахъ имѣетъ большое распространеніе нелегальная и просто воровская добыча золота: утайка его во время производства работъ самими рабочими; проникновеніе ихъ съ этой цѣлью въ шахты, орты, открытые разрѣзы въ свободное отъ работъ время; извлеченіе металла изъ обнаженнаго предпринимателемъ золотоноснаго пласта спеціально занимающимися этимъ промысломъ, такъ называемыми, копачами; недозволенная разработка свободныхъ, пикѣмъ незанятыхъ или занятыхъ, но втунѣ лежащихъ площадей... Всѣ эти способы пріобрѣтенія драгоцѣннаго металла носятъ общее названіе хищничества.

Примѣняясь исключительно къ простому рабочему люду, кличка *хищникъ* не пріурочивается почему-то къ лицамъ высшаго класса, къ хозяевамъ пріисковъ и ихъ сподручнымъ, являющимся, за рѣдкими исключеніями, главными предпринимателями всевозможнаго хищничества.

Мои личныя наблюденія касаются богатѣйшей въ Восточной Сибири Олекминско-Витимской системы. Почти восемь лѣтъ, какъ я покинулъ тайгу, и въ ней за этотъ промежутокъ времени произошли нѣкоторыя перемѣны. Прежде всего введена казенная винная монополія, и спиртъ, какъ средство эксплуатаціи рабочихъ и легкой наживы, пересталъ играть прежнюю роль, хотя далеко не совсѣмъ. Вмѣсто трехъ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятій, осталось одно Ленское Товарищество, поглотившее остальныя, какъ поглотило оно почти всѣ среднія и мелкія предпріятія. Но то, что владѣльцами большинства акцій являются нынѣ англичане, не мѣняетъ сущности дѣла: непосредственное управленіе, начиная отъ главноуправляющаго до третьестепенныхъ служакъ, осталось въ рукахъ прежнихъ лицъ чисто россійскаго происхожденія, и отсюда, полагаю, можно заключить, что и порядки остались прежніе. Это и подтверждаютъ въ достаточной степени послѣднія событія на Ленскихъ пріискахъ.

I.

Шуровальщики.

Въ журналѣ совѣщанія по окончательному пересмотру

проекта новыхъ постановленій о золотопромышленности, происходившаго 10 и 16 января 1902 г. подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, высказано слѣдующее соображеніе: золото является продуктомъ производства, соединяющимъ въ себѣ два главныхъ качества, облегчающихъ безнаказанно кражу его, а именно большую стоимость при маломъ объемѣ предмета и отсутствіе индивидуальныхъ свойствъ, съ помощью которыхъ можетъ быть установленъ фактъ принадлежности его тому или иному пріиску. Указанныя причины чисто второстепеннаго значенія, главнѣйшія же, по моему, слѣдующія: 1) слабое сознаніе священнаго права собственности *не* трудового, капиталлистическаго происхожденія; 2) неустойчивость предъ слишкомъ большимъ соблазномъ, которому нѣтъ аналогіи ни въ какомъ другомъ производствѣ; 3) низкая заработная плата, принимая во вниманіе тяжесть и опасность труда; 4) плохое и недостаточное питаніе рапѣе на хозяйскихъ харчахъ и необходимость крупныхъ расходовъ теперь, съ переводомъ рабочихъ на свое содержаніе, при чрезмѣрной дороговизнѣ жизненныхъ средствъ. Только подъемное золото даетъ излишекъ, остающійся у рабочаго за расходами на пищу, одежду, уплату податей. Нѣтъ подъемнаго—рабочій лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ можетъ вынести нѣкоторую сумму домой, обыкновенно же разсчитывается, оставаясь должнымъ хозяину. Все это служитъ къ самооправданію рабочаго при кражѣ золота, въ которой онъ видитъ компенсацію чрезмѣрной его эксплуатаціи.

Обычный пріемъ хищенія золота въ шахтахъ—это такъ называемая шуровка. Шуровать—значитъ рыться въ забоѣ, ковырять слегка пластъ кайлой (или концомъ подсвѣчника), обнаруживаемыя при этомъ болѣе или менѣе крупныя золотины рабочій кладетъ въ ротъ, обсасываетъ, очищая ихъ такимъ образомъ отъ грязи, и когда золотинъ наберется столько, что дальнѣйшее накопленіе ихъ во рту становится неудобнымъ, прячетъ ихъ въ карманъ или за голенище сапога. Шуровать въ забоѣ строго воспрещается; рабочій можетъ взять въ руки только такой величины золото, какое явно бросается въ глаза во время работы; онъ долженъ опустить его въ тутъ же стоящую запечатанную кружку или

сдать въ золотопріемной, какъ подъемное. При шуровкѣ же наметавшійся глазъ замѣчаетъ на столько мелкія пластинки, что я, напримѣръ, прошуровавъ минутъ десять, не могъ усмотрѣть ни одной, тогда какъ рабочій за то же время и въ томъ же мѣстѣ набралъ доль пять. Даже если бы подымаемое такимъ способомъ золото и не подвергалось утайкѣ, а сдавалось хозяину,—все равно шуровка для послѣдняго вдвойнѣ не выгодна: она увеличиваетъ количество подъемнаго золота, которое хозяинъ взялъ бы изъ промытыхъ песковъ, не оплачивая его добавочнымъ вознагражденіемъ; во вторыхъ, шуровка, отвлекая рабочаго отъ его прямого дѣла, невыгодно отражается на добычѣ песковъ. Вотъ почему нарядчику, непосредственно наблюдающему за работой въ забоѣ, вмѣняется въ обязанность не допускать шуровки. Но для этого необходимо не сводить глазъ съ рабочихъ, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, разумѣется, немыслимо, тѣмъ болѣе, что подъ его наблюденіемъ не одинъ забой, а нѣсколько: всякой его отлучкой, всякимъ сколько нибудь благопріятнымъ моментомъ опытный рабочій всегда сумѣетъ воспользоваться. Изъ богатого пропластка, но съ мелкимъ, какъ говорятъ, не дающимся на кайлу, золотомъ, воровали пески, насыпая по нѣсколько горстей въ сапоги, въ рукавицы. Въ Компаніи Промышленности попадались пропластки, изъ которыхъ рукавица песковъ давала нѣсколько золотниковъ золота. На Ивановскомъ пріискѣ Лепскаго Товарищества въ нѣкоторыхъ забояхъ крупныя золотины усѣивали поверхность пласта, по выраженію рабочихъ, какъ тараканы. Увлекаясь шуровкой, рабочіе систематически не вырабатывали своихъ урковъ. Главноуправляющій распорядился не выпускать людей изъ шахты, пока положенный урокъ не будетъ конченъ. Это распоряженіе не вызвало ни малѣйшаго ропота и повело лишь къ тому, что рабочіе, охотно оставались въ шахтахъ до 10 часовъ вечера, не успѣвали выспаться *). За то, благодаря переутомленію, этотъ годъ (1897) отличался выдающейся цифрой заболѣваемости, а дѣла сосѣднихъ скупщиковъ шли превосходно.

Одною изъ причинъ кражи является обычай время отъ времени мѣнять въ особенно богатыхъ забояхъ составъ ра-

*) Ложились около 12 часовъ, вставали въ половинѣ четвертаго.

бочихъ. По объясненіямъ управленій, этимъ преслѣдуется болѣе равномѣрное распредѣленіе заработка между всѣми; въ дѣйствительности же мѣра эта является просто поощреніемъ къ болѣе напряженному труду: артель, обнаружившая усердіе въ бѣдномъ забоѣ, гдѣ пѣтъ подъемнаго золота, можетъ разсчитывать на переводъ въ богатый. Рабочіе, какъ и всѣ смертные, въ вопросахъ наживы зачастую проявляютъ далеко не альтруистическія чувства къ своимъ товарищамъ. Напавъ въ своемъ забоѣ на богатое содержаніе, они скрываютъ подъемное золото отъ управленія, чтобы послѣднее не включило этотъ забой въ число тѣхъ, гдѣ „въ цѣляхъ урегулированія заработка“ артели предстоитъ смѣна. Въ такихъ случаяхъ не всегда даже имѣетъ мѣсто сбытъ подъемнаго золота на сторону. Задача лишь въ томъ, чтобы оставаться въ данномъ забоѣ какъ можно дольше. Я знаю примѣръ, когда артель аккуратнымъ образомъ сдавала свое подъемное золото въ контору, но чтобы управленіе не узнало, откуда золото, она дѣлала это не сама, а черезъ подставное лицо: таковымъ въ данномъ случаѣ являлся банщикъ, который получалъ за комиссію полагающіяся за подъемное золото сотки *). Отъ продажи этихъ сотокъ онъ за одну зиму выручилъ 840 р., сдавая деньги на храненіе надежному человѣку. Сотка стоитъ въ продажѣ отъ 30 до 35 к., слѣдовательно, артель „подняла“ въ теченіе зимы отъ 25 до 30 фунтовъ золота. Тутъ ужъ она воровала не столько у Ленскаго Товарищества, сколько у своихъ же собратьевъ рабочихъ.

Артель, замѣченная въ упорной шуровкѣ, переводится въ другой, „бѣдный“ забой. Не мирясь съ утратой хорошей „достачи“, она порою прибѣгаетъ къ довольно уже рискованнымъ способамъ, чтобы наверстать потерянное. На время обѣденнаго перерыва двое или трое рабочихъ остаются въ шахтѣ, переждавъ выхода всей команды въ темной просѣчкѣ; забравшись въ свой прежній забой, они торопливо выбираютъ золото изъ самой жилы **), промывая пески, за неимѣніемъ лотковъ, на лопатѣ. Передъ возобновленіемъ работъ спѣшатъ „опустить“ забой, т. е. спять пески по всей

*) Сверхъ платы полагается за каждый золотникъ по $^1/_{100}$ ведра водки.

**) Самая богатая золотомъ полоса пласта.

его стѣнѣ на столько, чтобы вырытая ими выемка заравнялась. Избытокъ земли прячутъ подъ выкаты, въ канаву или въ ближайшія уже отработанныя просѣчки. Если на пріискѣ нѣтъ ночныхъ работъ, остаются въ шахтѣ на всю ночь, становясь съ утра на хозяйскую работу, несмотря на усталость; въ такомъ случаѣ прогуловъ избѣгаютъ, чтобы не навлечь подозрѣнія въ ночномъ хищничествѣ, слѣды котораго могутъ быть замѣчены въ забоѣ.

Но недостаточно выкрасть золото изъ забоя, нужно благополучно пронести его при выходѣ изъ шахты, гдѣ заподозрѣнныхъ обыскиваютъ казаки (или, какъ теперь, стражники). Иной служащій или дежурный по шахтѣ стражникъ не подаетъ вида, что замѣчаетъ усердную шуровку рабочаго, но по окончаніи работъ не пропуститъ его, не обыскавъ. Замѣтивъ этотъ пріемъ, рабочіе прячутъ золото въ шахтѣ и ожидаютъ благопріятнаго случая его вынести. Извѣстны примѣры, когда золото, набитое въ цилиндрическія капсюли, проносилось въ заднѐмъ проходѣ. Вслѣдствіе сокращенія кишечника капсюль иногда втягивается на столько глубоко, что извлеченіе ея безъ помощи слабительнаго оказывалось невозможнымъ. Утверждаютъ даже, что иные прямо проглатываютъ небольшіе самородки, выгоняя ихъ потомъ наружу хорошимъ пріемомъ касторки. Во всякомъ разѣ фактъ, что въ „Лаврѣ *) на Аристарховскомъ пріискѣ былъ ретирадъ съ приспособленіемъ на этотъ случай. Но самое вѣрное средство сойтись съ казаками. Стоитъ тогда моргнуть или подать условный знакъ кашлемъ, свистомъ — и свободный выходъ обезпеченъ. Эти стражники для отвода глазъ весьма усердны въ обысканіи рабочихъ, но, разумѣется, не тѣхъ, съ кѣмъ они состоятъ въ соглашеніи.

Для поощренія полиціи управленія платятъ стражнику за отобранное золото, какъ за подъемное, и это, несомнѣнно, не мало парализуетъ выгодность союза надзирающихъ съ надзираемыми; но все-таки сдать золото скупщику выгоднѣе, чѣмъ управленію**).

Во время работъ на богатѣйшихъ пріискахъ Компаніи

*) Такъ назывался притонъ профессіональныхъ хищниковъ. См. дальше.

**) Ленское Товарищество платитъ 3 р. 60 к., а скупщикъ 4 р. 60 к. и даже 4 р. 70 к.

Промышленности, Успенскомъ и на Буру, крали только пески. Достаточно было вынести рукавицу или карманъ песковъ, чтобы заработать нѣсколько золотниковъ, при этомъ даже не требовалось промывки, ограничивались просушкой породы и продуваніемъ. Кто передавалъ подъемное золото тутъ же въ шахтѣ смотрителю, тому платили 60 к. за золотникъ, кто приносилъ въ контору—получалъ по 1 р. 50 к. Разумѣется, охотниковъ сдавать было не много. Несмотря на то, что у каждаго забоя стояли служащій и казакъ, что при выходѣ обыскивали всѣхъ поголовно, никогда не было такой массовой кражи золота, какъ въ тѣ времена. Только открытіе хищниками р. Орловки по количеству выпускаемаго на рынокъ металла нѣсколько напомнило тѣ счастливые для скупщиковъ годы. Таскали и служащіе, но главнымъ образомъ казаки. Одинъ изъ главныхъ тогдашнихъ скупщиковъ, по его собственнымъ словамъ, покупалъ у урядника по полпуда за-разъ и не ждалъ, пока ему предложатъ, а заказывалъ самъ; „притащи-ка, паря, завтра столько то: есть случай отправить въ Иркутскъ". Онъ платилъ отъ 2 р. 80 к. до 3 р. за золотникъ.

Кражи на промывальной машинѣ посредствомъ разныхъ ухищреній (напримѣръ, проверчиванія дыръ въ головкѣ шлюза) тоже не обходятся безъ участія полиціи. На промывалкѣ самаго богатаго пріиска Ленскаго Товарищества депутатъ за лѣто 1903 г. накрывалъ воровъ шесть разъ, тогда какъ со стороны стражниковъ, на обязанности коихъ охрана промывальной машины, ни одного случая воровства не было обнаружено. Кража на вашгердѣ сильно затрудняется усиленнымъ надзоромъ многочисленнаго персонала: при съемкѣ присутствуютъ и смотритель, и депутатъ, и казаки, а часто и самъ управляющій; всѣ сидятъ или стоятъ вплотную у самого вашгерда, не сводя глазъ съ промывальщика. Послѣдній можетъ спустить часть золота вмѣстѣ съ уносимыми водой эфелями, чтобы потомъ на досугѣ собрать ихъ и промыть самому; можетъ защемить небольшой самородокъ между пальцами, незамѣтно положить его въ ротъ и т. д., но все это сравнительно пустяки. Въ прежнее время промывальщики по части своей спеціальности, а также кражи достигали ловкости фокусника. Разсказывалъ мнѣ инженеръ Б—ій, какъ одинъ такой виртуозъ пошелъ съ нимъ на

пари, что украдетъ золото изъ вашгерда на его глазахъ, и при всей бдительности инженера пари это выигралъ. Теперь о такихъ искусникахъ что-то не слышно. Мнѣ указывали на примѣръ одного промывальщика, прослужившаго всего два мѣсяца (въ 1903 г.) и превратившагося въ подрядчика по доставкѣ припасовъ изъ Якутска. Но, по сообщенію нѣкоторыхъ изъ моихъ всевѣдующихъ пріятелей, здѣсь капиталъ былъ пріобрѣтенъ не отъ профессіи промывальщика, а другимъ путемъ—при соглашеніи съ урядникомъ.

Разбросанность работъ и обусловленная этимъ слабость надзора сильно благопріятствуютъ утайкѣ золота среди старателей золотничниковъ. Небольшіе ихъ разрѣзы въ перемежку со старыми хозяйскими выработками и отвалами часто тянутся по руслу или борту рѣки на много верстъ. Приходится оставлять работы почти безъ наблюденія, и лишь на съемку приходитъ служащій, да и то не всегда, потому что старательскихъ бутаръ на пріискѣ можетъ быть нѣсколько десятковъ штукъ. При такихъ условіяхъ единственный способъ ослабить продажу золота на сторону—повышеніе платы старателямъ.

II.

Копачи.

На многолюдныхъ пріискахъ хищники этой категоріи легко пробираются въ работающуюся шахту вмѣстѣ съ рабочими, когда, послѣ свистка, команда выходитъ на работу. Очутившись, такимъ образомъ, въ штольнѣ, копачи сворачиваютъ въ темныя просѣчки и идутъ безъ огня, зажигая его лишь тамъ, откуда его не видно. Проникаютъ также черезъ люкъ—наружное отверстіе колодца шахты, по которому подымается на канатѣ нагруженная пескомъ бадья. Спустившись по канату до первой вандрутины, держась за крыльтеля *), достигаютъ второй и т. д., пока не нащупаютъ удобнаго мѣстечка, чтобы перебраться на лѣстницу. Такое путешествіе при значительной глубинѣ шахты и къ тому же въ темнотѣ сопряжено съ большою опасностью; свѣчу зажигаютъ только на днѣ и, во всякомъ случаѣ, не ранѣе пятой, шестой лѣстницы изъ боязни обратить на себя вниманіе кара

*) Брусья, скрѣпляющіе колодецъ шахты.

ульныхъ. Если рѣшетка люка заперта на замокъ, прутья ея распираютъ въ противоположныя стороны ломомъ до возможности пролѣзть между ними человѣку. Уцѣпившись руками за рѣшетку, нужно нащупать ногами вандрутину, что во мракѣ и при недостаточно высокомъ ростѣ не всегда удается, и оступившійся копачъ летитъ на дно зумфа, гдѣ и находитъ свою могилу.

При очень толстой, не поддающейся лому, рѣшеткѣ подымаютъ надъ зумфомъ у основанія люка одну или двѣ плахи и, пропихнувъ внутрь, спускаются тѣмъ же способомъ внизъ. Прочное прикалачиваніе плахъ костылями заставляетъ копачей вытаскивать у затвора пробой, не трогая замка и печати. Одинъ изъ артели остается наверху; послѣ спуска товарищей онъ забиваетъ пробой въ то же мѣсто и возвращается въ условленное время, чтобы тѣмъ же путемъ выпустить ихъ обратно. Случается прибѣгать къ поддѣлкѣ ключа и печати, добывъ предварительно у сторожей слѣпки, оплачиваемые иногда двумя и тремя стами рублей. Наконецъ, входятъ въ сдѣлку со служащими и полицейской стражей, завѣдующими охраной шахтъ. Въ бытность мою на пріискахъ въ 1896 г. особенный интересъ для хищниковъ представлялъ Михаило-Архангельскій пріискъ по Бодайбо, купленный потомъ съ торговъ Ленскимъ Товариществомъ. Будучи спорнымъ, онъ нѣсколько лѣтъ оставался въ бездѣйствіи Шахты были замкнуты и запечатаны. На пріискѣ жили только служащій, казакъ и караульный. Всѣ они, получая сравнительно скромное содержаніе, составили крупныя состоянія. Хищники ежедневно платили имъ по 100 рублей. Въ знаменитую, чуть не фунтового мѣстами содержанія, 13-ю шахту лазали черезъ „кумполъ“ 12-й, но подъ условіемъ не пользоваться ножогами, такъ какъ дымъ могъ быть замѣченъ на другомъ, тутъ же рядомъ расположенномъ пріискѣ Ленскаго Товарищества. Приходилось брать кайлой мерзлоту, что, конечно, страшно замедляло и затрудняло работу. И, тѣмъ не менѣе, артели въ 5 человѣкъ, случалось намывать въ три дня до 8 фунтовъ.

Проникаютъ въ шахту, если она иначе недоступна, посредствомъ подкоповъ съ поверхности, разъ шахта не слишкомъ глубока, или роютъ проходъ изъ сосѣдней, доступной, но не соединяющейся съ первой просѣчками. Въ послѣд-

немъ случаѣ копачи не останавливаются передъ сложными горными работами, требующими умѣнья, сообразительности, большихъ предварительныхъ затратъ средствъ и труда. Узнавъ отъ старыхъ рабочихъ, которыя изъ просѣчекъ обѣихъ шахтъ ближе всего подходятъ другъ къ другу, начинаютъ прорабатываться, т. е. вести узкій ходъ изъ одной въ другую. При этомъ точно высчитываются какъ матеріальныя выгоды этого предпріятія, такъ и техническая его сторона. И нужно отдать справедливость ихъ инженерному искусству: безъ всякихъ промѣрныхъ инструментовъ, безъ всякихъ чертежей, имъ, въ посрамленіе иныхъ патентованныхъ инженеровъ, часто удается попасть какъ разъ въ тотъ пунктъ, куда они стремились.

Иногда, впрочемъ, двѣ такія шахты раздѣляются только рѣшеткой или укладкой изъ камня, маскирующей ихъ соединеніе. Разобрать такую маскировку—пустяки, и хищники какъ при входѣ, такъ и по выходѣ возстановляютъ ее по возможности въ прежнемъ видѣ. Обычный инструментъ копачей тотъ же, что и у легальныхъ рабочихъ: лотокъ, кайла, лопата, ломъ, топоръ и желѣзный подсвѣчникъ съ острымъ наваренным сталью концомъ, которымъ его втыкаютъ въ деревянныя крѣпи забоя. Въ высокой удобной шахтѣ при достаточномъ количествѣ воды употребляется бутарка, сооружаемая тутъ же изъ вынутыхъ подхватовъ и стоекъ. Принесенный сверху кусокъ кровельнаго желѣза, обломокъ большого котла или трубы превращается въ бутарный листъ, для чего кайлой пробиваютъ въ немъ дыры и накладываютъ на деревянную раму съ поперечинами посерединѣ, чтобы листъ не гнулся. Топоръ, желѣзо, провизія бросаются сверху въ зумфъ; съ собой при спускѣ берутся только такія вещи, которыя при паденіи могутъ разбиться (лотки, свѣчи и т. д.).

Пески изъ своихъ забоевъ носятъ къ водѣ въ кулякъ, а при возможности крадутъ изъ сосѣдней работающейся шахты тачки, исправляютъ старые выката или настилаютъ новые изъ подхватовъ.

Хищничанье въ работающейся шахтѣ хотя и удобно съ технической точки зрѣнія, но представляетъ для копача массу затрудненій и опасности со стороны надзора или же сопряжено съ немалыми расходами на подкупъ охранителей.

Здѣсь хищникъ долженъ быть постоянно насторожѣ, работать второпяхъ и въ то же время на столько аккуратно, чтобы замаскировать слѣды хищенія не только отъ служащихъ, но и отъ хозяйскихъ рабочихъ. Онъ снимаетъ лишь сливки, роетъ самую богатую жилу въ стѣнкѣ забоя. Но ему нужно снять значительный слой земли по всей забойной площади, пока не исчезнутъ слѣды его глубокой и узкой выемки. Скайленную лишнюю землю онъ долженъ разбросать подъ выкатами, разравнять по полотну или свалить въ канаву. Все это требуетъ много времени, уходящаго такимъ образомъ на побочный, непроизводительный трудъ.

Вотъ почему профессіональные копачи предпочитаютъ старыя покинутыя шахты, гдѣ, вслѣдствіе крайне небрежной разработки, имѣются остатки богатѣйшаго порою золота. Такъ, въ 1903 г. на выработанномъ Константиновскомъ пріискѣ оказалось весьма хорошее золото въ верхнемъ горизонтѣ шахты надъ потолкомъ: указалъ его старый рабочій, заявившій арендатору, что еще во время крѣпленія шахты лѣтъ 25 назадъ рабочіе выбирали съ потолка самородки.

На знаменитомъ Сухомъ Логу лѣтъ 15 назадъ одна шахта съ забоями до 30 золотниковъ содержанія обрушилась. Хищники ухитрились продѣлать въ нее ходъ, и, какъ передавали мнѣ, одной артели въ четыре человѣка въ три дня удалось намыть 101 золотникъ.

Каждая шахта по мѣрѣ отработки, съ расширеніемъ внутри ея пустотъ, вслѣдствіе извлеченія золотоноснаго пласта наружу, постепенно осѣдаетъ. Деревянныя крѣпи, не выдерживая громаднаго давленія сверху, превращаются въ щепки; потолокъ опускается до того, что пробраться по штольнѣ можно только ползкомъ, а если по дну ея проведена канава съ проточной водой, то и этотъ способъ оказывается непримѣнимымъ. Въ мѣстахъ, пока еще не подвергшихся сильному осѣданію, сдавленныя стѣнки или совсѣмъ не пропускаютъ, или даютъ пролѣзть лишь бокомъ и то подчасъ лишь съ помощью топора. При обходѣ одной изъ такихъ шахтъ мнѣ въ теченіе получаса нѣсколько разъ приходилось слышать то зловѣщій трескъ ломавшихся крѣпей, то гулъ отъ паденія сверху камней. Подземные ключи, которыми такъ богата Витимская система, дѣятельно содѣйствуютъ этому разрушенію. Вода просачивается всюду, мѣ-

стами обдавая васъ цѣлымъ дождемъ. Въ иныхъ шахтахъ съ вѣчной мерзлотой стѣны украшены ледяными арабесками, съ потолка повисли громадныя сосульки на подобіе сталактитовъ. Холодно, сыро и душно за недостаткомъ притока воздуха. Въ такихъ условіяхъ хищники работаютъ, не выходя наверхъ по много дней и даже цѣлыми недѣлями. Водворясь на болѣе или менѣе продолжительное время, артель прежде всего подыскиваетъ наиболѣе сухое, скрытое мѣстечко для „табора". Здѣсь копачи, вернувшись съ работы, переодѣваются, обсушиваются, варятъ пищу, чай и располагаются спать. Для отдыха и сна устраиваютъ невысокія нары изъ шахтоваго лѣса, а въ мокрыхъ шахтахъ надъ нарами натягиваютъ парусину или брезентъ. Проходъ къ табору непремѣнно долженъ быть затрудненъ всевозможными естественными и искусственными преградами. Если это узкая щель между выпятившимися стѣнками крѣпей, дѣлаютъ здѣсь „заколотку", т. е. прикрѣпляютъ на скобѣ стойку, маскируя такимъ образомъ щель. Если къ табору иначе не пройти, какъ по канавѣ, бредя по поясъ и выше въ водѣ, тѣмъ лучше. Копачи даже сами устраиваютъ спускъ воды къ проходу и, не довольствуясь этимъ загражденіемъ, подрубаютъ стойки, предоставляя верхнимъ огнивамъ осѣсть до уровня воды. Скрывъ такимъ образомъ всѣ признаки своего обиталища, хищники вынуждены пробираться къ нему, окунувшись съ головой въ воду.

Всѣ сообщенія съ просѣчками сосѣднихъ шахтъ, откуда могли бы проникнуть казачьи обходы, заколачиваются деревомъ и закладываются камнями. Хорошо сохранившіяся, широкія и высокія просѣчки, представляющія удобный доступъ непріятелю къ табору копачей, завалиливаются „кумполами". Для этого вырубаютъ рядъ огнивъ, отъ чего земля съ потолка обрушивается и загромождаетъ проходъ. При слишкомъ твердомъ или мерзломъ грунтѣ, рвутъ его динамитомъ, который добываютъ у знакомыхъ бурильщиковъ.

Всѣ эти предосторожности, ограждающія хищниковъ отъ опасности быть захваченными казаками, не предохраняютъ отъ холода и угара. Изъ одежды берутъ съ собой лишь самое необходимое: кусокъ кошмы, азямъ, да бѣлья не больше одной смѣны. Разводятъ костеръ только въ отдаленныхъ изолированныхъ шахтахъ, въ противномъ случаѣ дымъ,

выносимый тягой воздуха въ зумфъ или въ сосѣднія работающіяся шахты, легко можетъ выдать хищниковъ. Но и тамъ, гдѣ этого нечего опасаться, горящій костеръ часто вызываетъ вредные газы, благодаря присутствію въ каменныхъ породахъ большого количества сѣрнаго колчедана. По тѣмъ же причинамъ рѣдко приходится пользоваться пожогами для оттаиванія мерзлоты. Согрѣваются и обсушиваются свѣчами, зажигая сразу цѣлый пучокъ фунта въ два-три. Но главное согрѣвающее средство у копача, это—работа. Таборъ, съ такой тщательностью заграждаемый и укрѣпляемый, служитъ ему убѣжищемъ и мѣстомъ отдохновенія на весьма короткое время: холодъ не даетъ ему долго „прохлаждаться“ и гонитъ на работу. Копачи, спускающіеся хищничать дней на пять, много—на шесть, спятъ въ сутки не болѣе 2—3 часовъ. Подгоняемые температурой, опасностью быть захваченными обходомъ, жаждой скорѣе взять побольше „достачи“, они обнаруживаютъ феноменальную энергію и продуктивность труда.

Самый страшный врагъ копачей, основавшихся по сосѣдству съ работающимися шахтами, это—угаръ. Передъ свисткомъ, извѣщающимъ объ окончаніи работъ для оттаиванія мерзлой почвы, рабочіе раскладываютъ по своимъ забоямъ пожоги, т. е. насыпаютъ кучи крупныхъ древесныхъ углей и зажигаютъ. Угарный газъ разносится тягой воздуха, и горе тому, кого онъ встрѣчаетъ на своемъ пути. За неимѣніемъ часовъ или по невѣрности показываемаго ими времени хищники, не успѣвшіе укрыться въ просѣчки, расположенныя въ сторонѣ отъ опасности, обрекаются на неизбѣжную гибель. Отсутствіе часовъ можетъ замѣняться.... канавой, проходящей изъ верхней шахты, гдѣ происходитъ работа. Ожидая скораго „шабаша“, хищники ежеминутно глядятъ въ канаву и какъ только замѣчаютъ, что вода въ ней становится свѣтлѣе, спѣшатъ на таборъ или въ другое, внѣ сферы распространенія угара, мѣсто: во время работъ вода отъ сваливающейся съ тачекъ земли всегда мутная; исчезновеніе мути указываетъ на окончаніе работъ. Близость хозяйскихъ работъ даетъ иногда возможность узнавать наступленіе „шабаша“ по прекращенію звуковъ отъ ударовъ кайлы, которые хищники распознаютъ, приложивъ ухо къ стѣнѣ забоя. Направленіе тока воздуха

и присутствіе углекислоты опредѣляютъ по свѣчѣ: о первомъ даетъ знать наклонъ въ ту или другую сторону пламени свѣчи, о второй—его ослабленіе и появленіе синеватаго ореола. При этихъ признакахъ ищутъ просѣчки, гдѣ бы свѣча горѣла нормально, и здѣсь ждутъ, пока пожоги не прогорятъ. Не найдя безопаснаго мѣста,—бѣгутъ къ ближайшему зумфу и взбираются на лѣстницы, если таковыя не сняты: на нѣкоторой высотѣ угаръ, будучи газомъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ воздухъ, уже не такъ опасенъ, какъ внизу. Въ крайности выламываютъ дверь шахты, выбѣгаютъ на улицу и, слѣдуя лазунгу sauve qui peut, бросаются со всѣхъ ногъ въ разсыпную.

Продолжительность пребыванія въ шахтѣ зависитъ отъ размѣра „достачи“: при хорошемъ золотѣ, когда заработокъ колеблется между 25 -50 руб. на человѣка въ сутки, больше 4—5 дней безъ перерыва не работаютъ; при слабомъ заработкѣ, т. е. въ 5—10 руб., работа длится 10 -15 и болѣе дней; бываютъ случаи, когда въ шахтахъ остаются безвыходно цѣлый мѣсяцъ и даже больше. Пища хищниковъ въ это время большею частью холодная, но обыкновенно далеко не скудная, а при богатой „достачѣ“—даже роскошная. Берутъ съ собой ветчину, вареное мясо, соленую рыбу, хлѣбъ, булку, чай, сахаръ, масло и медъ: послѣдніе два продукта смѣшиваются вмѣстѣ и намазываются на хлѣбъ, это излюбленная „прикуска“ копачей. Посуду составляютъ: мѣдный или эмалированный чайникъ, котелокъ, деревянная китайская чашка и деревянная ложка. Въ мокрой шахтѣ чай варится не больше двухъ разъ въ день, воду кипятятъ на стеариновыхъ свѣчахъ: чайникъ или котелокъ вмѣстимостью въ 20—30 чашекъ требуетъ отъ 1 до 2 фунтовъ свѣчей, что стоитъ отъ 50 к. до одного рубля. Сухая шахта съ хорошей тягой воздуха наружу или въ другія старыя выработки представляетъ на этотъ счетъ гораздо больше удобства: раскладываютъ небольшіе костры, приспособляютъ таганъ и готовятъ даже горячую пищу: щи изъ мяса, супъ съ прессованной зеленью, макаронами, вермишелью; крупы не употребляются, такъ какъ варка ихъ требуетъ много времени, а поддерживать долго огонь по указаннымъ причинамъ избѣгаютъ. При варкѣ чая на кострѣ часто приготовляютъ горячую прикуску: прѣсные блины, оладьи или весьма любимое и общеупотребительное

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

нье—саламатъ, которое приготовляется такъ: въ кипятокъ, состоящій изъ 5 частей воды и одной или двухъ частей масла, постепенно опускаютъ по немногу муки, не переставая мѣшать ложкой, пока не получится довольно густая кашица. Особенно велико потребленіе масла при мокрыхъ работахъ, когда копачъ съѣдаетъ его въ день не меньше фунта, и это понятно, если принять во вниманіе дѣйствіе жировъ на подъемъ мышечной энергіи и развитіе теплоты въ организмѣ. Водки, во избѣжаніе отвлеченій отъ работы, въ это время совсѣмъ не пьютъ или же очень мало. Для пополненія истощающихся запасовъ пищи артель командируетъ одного изъ товарищей на верхъ. Случается, что соскучившійся по водкѣ посланецъ не въ силахъ устоять передъ соблазномъ и, забывъ о голодающихъ товарищахъ, пропиваетъ золото, данное ему на покупку провизіи. Лично мнѣ извѣстенъ случай, когда артель въ теченіе двухъ дней оставалась въ напрасныхъ ожиданіяхъ своего посланца, и рѣшила, наконецъ, снарядить другого. Подойдя къ зумфу послѣдній увидѣлъ еще теплаго, только что убитаго оленя и поволокъ его на таборъ. Обрадованные копачи тотчасъ же сообразили, въ чемъ дѣло. Ихъ объясненіе неожиданной пріятной находки вполнѣ оправдалось: посланный пропился и, только на третій день очухавшись, поспѣшилъ исправить свою вину по отношенію артели. На покупки у него не осталось золота ни одной доли, и онъ выкралъ изъ паспагося стада оленя, притащилъ его къ шахтѣ, зарѣзалъ, бросилъ въ зумфъ, и самъ, опустился къ мѣсту работы. Его встрѣтили добродушными укоризнами скорѣе, чѣмъ серьезнымъ негодованіемъ: грѣхъ да бѣда на кого не живетъ, а быль молодцу не въ укоръ.

Наиболѣе энергичная дѣятельность хищниковъ шахтолазовъ проявляется въ зимнее время. Зимой въ старыхъ выработкахъ тяга сильнѣе, отъ чего и воздухъ свѣжѣе, и огни горятъ свѣтло. Лѣтомъ же, напротивъ, воздухъ спертый, дышать трудно, работа идетъ вяло. Кромѣ того, во многихъ шахтахъ, въ особенности весной и осенью, нельзя работать потому, что тухнутъ свѣчи, несмотря на отсутствіе угара, —вѣроятно, отъ чрезмѣрной сырости.

Зима со своими сорокаградусными морозами (а случаются и въ 50 по R.) гонитъ копачей въ шахту, да и дру-

гого заработка на сторонѣ въ это время года трудно найти. Ремесло копача, полное опасностей и рискованныхъ приключеній, ненормальный образъ жизни съ постоянными переходами отъ лишеній къ разгулу, вырабатываютъ изъ него безпорядочнаго, беззаботнаго и въ то же время отважнаго и находчиваго въ затруднительныхъ обстоятельствахъ авантюриста. Копачъ можетъ сработать за пятерыхъ, но онъ не выноситъ надзора, регламентаціи и принужденій. Свобода для него всего милѣе. Онъ мало дорожитъ своею жизнью и такъ же мало цѣнитъ жизнь другихъ. Мнѣ разсказывали, какъ одинъ копачъ, несшій къ канавѣ для промывки мѣшокъ съ породой, былъ задавленъ упавшимъ камнемъ; товарищи оттащили его немного въ сторону, засыпали еще теплое тѣло землей и продолжали работать, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Но можетъ быть онъ еще былъ живъ?—замѣтилъ я разсказчику.

— Можетъ быть; да гдѣ же намъ съ нимъ возиться? Все равно померъ бы, а такъ хоть безъ мученій...

Казачьи обходы очень часто натыкаются на трупы—жертвы угара или обваловъ. Невозможныя техническія условія работъ, рискованные эквилибристическіе пріемы проникновенія въ шахты—причиняютъ не мало увѣчій, которымъ нѣтъ мѣста въ пріисковой статистикѣ несчастныхъ случаевъ: двери пріисковыхъ больницъ для хищниковъ закрыты.

Къ счастью для копачей, да и вообще для всего пріисковаго населенія, бывали на пріискахъ и такіе врачи, которые больше считались со своимъ долгомъ и съ своей совѣстью, чѣмъ съ карманными интересами управленій (такихъ, къ сожалѣнію, теперь нѣтъ).

У М. П. Протасова, врача 1-ой дистанціи Ленскаго Товарищества, лежалъ въ больницѣ съ переломленной ногой хищникъ. Товарищи спускали его на веревкѣ въ шахту Ивановскаго пріиска, но плохо разсчитали высоту. Веревка уже кончилась, а дна еще не видать. Полагая, что оно не такъ далеко, копачъ отпустилъ веревку и упалъ съ довольно значительной, какъ оказалось, высоты. Почувствовавъ нестерпимую боль въ ногѣ, онъ сталъ, что есть мочи, кричать. Его въ концѣ концовъ услыхали и спустили на

этотъ разъ удлиненную кушаками веревку обратно. Пострадавшій обвязался ею подъ мышки и былъ вытащенъ наверхъ.

Та же больница пріютила другого шахтолаза: у него были отморожены пятки при весьма характерныхъ для хищника обстоятельствахъ. Прежде всего нужно сказать, что это былъ еврей, единственный, кажется, представитель своей національности въ разноплеменномъ сословіи коначей. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Лёвка по порученію своей артели полѣзъ въ шахту, чтобы вынести оттуда намытое рапѣе, но оставленное тамъ по какимъ то соображеніямъ, золото. Онъ взялъ съ собой только свѣчку и спички. Нужно было брести по канавѣ, наполненной выше колѣнъ водой. Онъ скинулъ съ себя, кромѣ рубахи, всю одежду и сапоги, связалъ ихъ и пошелъ, держа въ одной рукѣ узелъ, а въ другой—свѣчу со спичками. Но, вотъ, споткнулся о камень и выронилъ все, что было въ его обѣихъ рукахъ. Напрасно старался онъ впотьмахъ поймать хоть что нибудь изъ уносимыхъ теченіемъ вещей... Левкѣ ничего не оставалось, какъ искать выхода изъ подземнаго обсолютнаго мрака ощупью. Онъ выбрался изъ канавы въ просѣчку и все шелъ, шелъ, потерявъ представленіе о направленіи. Онъ то и дѣло натыкался на погнутыя и преграждавшія дорогу крѣпи, а шахта все понижалась и понижалась. Онъ долженъ былъ идти уже на четверенькахъ и, наконецъ, поползъ на животѣ; страшно усталый и отчаявшійся выбраться на свѣтъ, онъ легъ и приготовился къ смерти, ожидая, что вотъ-вотъ обрушится потолокъ и похоронитъ его подъ собою. Не разъ слышалъ онъ трескъ ломавшихся отъ давленія сверху огнивъ, но смерть не приходила. Отдохнувъ, онъ пріободрилъ себя и поползъ дальше. Долго ли, коротко ли пришлось ему такъ подвигаться, онъ не помнитъ, но никогда, по его словамъ, не забудетъ того момента, когда вдругъ почувствовалъ дуновеніе воздуха. Онъ ожилъ: значитъ, выходъ гдѣ-то недалеко. Руководясь теперь воздушнымъ теченіемъ, онъ двигался все дальше и, дѣйствительно, подползъ къ колодцу. Тутъ только онъ сообразилъ, что голъ и босъ, что на поверхности идетъ вывозка песковъ изъ ортъ, стоятъ казаки, служащіе. Левка выскочилъ на дневной свѣтъ и кинулся во весь махъ по

направленію къ больницѣ. Мчался онъ, сопровождаемый тюканьемъ рабочихъ и недоумѣвающими взорами растерявшейся стражи, саженей 200, и когда вбѣжалъ въ больницу—уже не чувствовалъ подъ собой отмороженныхъ ногъ.

Хищничество вообще, какъ извѣстная форма примѣненія труда, имѣетъ кустарный характеръ, но та отрасль его, о которой мы до сихъ поръ вели рѣчь, до извѣстной степени давно пріобрѣла капиталистическій характеръ. На пріискахъ встрѣчаются примѣры болѣе или менѣе организованнаго хищничества этого рода съ предпринимателемъ во главѣ. Правда, тутъ нѣтъ въ точномъ смыслѣ слова работодателя, но есть зависимость рабочей силы, которая, при всей своей недисциплинированности и своеволіи, находится у даннаго лица въ извѣстныхъ предѣлахъ въ экономическомъ подчиненіи.

Около каждаго большого золотопромышленнаго предпріятія ютятся крупные и мелкіе паразиты, живущіе исключительно скупкой золота. Они устраиваются или на арендованныхъ пріискахъ, или на своихъ собственныхъ; площади ихъ если не совсѣмъ пустопорожнія, то лишь со слабымъ содержаніемъ, но онѣ цѣннѣе многихъ такъ называемыхъ благонадежныхъ, благодаря своему положенію съ богатымъ сосѣдомъ. Иной такой „золотопромышленникъ“, для вящшей легализаціи своего промысла, даже роется въ своей площади и симулируетъ промывку пустыхъ песковъ, записывая часть купленнаго золота, какъ добытое якобы у себя. Одно изъ такихъ дѣлъ весьма крупнаго масштаба свило себѣ гнѣздо какъ разъ посерединѣ между двумя самыми богатыми компаніями въ Витимско-Олекминской тайгѣ.

Станъ этого пріиска состоялъ изъ дома владѣльца, амбара или магазина съ товарами и нѣсколькихъ жалкихъ избушекъ; каждая изъ нихъ сдавалась отдѣльному нанимателю, а этотъ, въ свою очередь, пускалъ къ себѣ въ качествѣ жильцовъ копачей. Въ такой избушкѣ помѣщалось человѣкъ десять за плату по 50 коп. въ сутки съ души. Тутъ, за досчатой переборкой или просто ситцевой занавѣской, жилъ и самъ квартиросодержатель. Онъ пользовался отъ владѣльца кредитомъ не свыше 100 руб. на расплату

съ копачами за золото, которое обязывался сполна сдавать владѣльцу пріиска, наживая 15 — 20 коп. на золотникѣ, онъ же являлся коммиссіонеромъ по продажѣ хозяйской водки, т. е. разведеннаго водой спирта, который ставился ему въ счетъ въ рубль бутылка лѣтомъ и по полтора рубля зимой, а продавался копачамъ на 50 к. дороже. Кромѣ того, квартиросодержатель имѣлъ доходъ отъ продовольствія своихъ жильцовъ и съ карточной игры. Днемъ и ночью въ этихъ притонахъ шло приготовленіе ѣды на желѣзныхъ печкахъ, пьянство и азартныя игры. При посредствѣ спирта и лавки со всевозможнымъ товаромъ, съѣстными припасами и инструментомъ, львиная доля заработка копача переходила въ карманъ владѣльца. Онъ, со своей стороны, обезпечивалъ населенію своего стана полную личную безопасность отъ хорошо оплачиваемой полицейской охраны. Хотя здѣсь золото принималось дешевле, чѣмъ у другихъ золотопромышленниковъ, и значительно дешевле, чѣмъ на Бодайбо, но копачъ, выйдя изъ шахты, обязательно сдавалъ добычу квартиросодержателю. Ему необходимо расплатиться съ долгами: за квартиру, „пищевареніе“, въ лавку за провизію, инструментъ и т. д. Всѣ свои долги онъ обязанъ очистить теперь же, въ противномъ случаѣ въ другой разъ ему ничего не дадутъ, а безъ кредита, при безпечности и неспособности прибергать деньгу про черный день, копачъ не работникъ. Ему даже въ наемные рабочіе пути заказаны, потому паспорта у него нѣтъ, а если и есть, такъ давнымъ давно просроченный. Здѣсь же ему бояться некого: урядникъ—свой человѣкъ и, разъ копачъ при „достачѣ“, всѣ ждутъ его, какъ желаннаго гостя, начиная отъ самого „барина“ и кончая старичкомъ караульнымъ, ломающимъ передъ нимъ шапку. Сдавъ золото и получивъ, за вычетомъ долга, порядочный кушъ наличными, онъ спѣшитъ въ лавку или въ амбаръ, чтобы расквитаться и здѣсь, и немедленно преобразиться изъ грязнаго оборвыша въ франтоватаго, хотя и не всегда изящнаго, щеголя. Если заработокъ „подходящій“, копачъ въ издержкахъ не стѣсняется и за цѣной не стоитъ. Кромѣ необходимаго, какъ то: бѣлья, рабочихъ сапогъ, азяма, шарфа, онъ покупаетъ ботфорты непремѣнно съ глубокими калошами, костюмъ изъ трико, шляпу, бобровую или каракулевую шапку, шелковую

или гарусную вышитую рубаху, шелковый китайскій поясъ, шубу барнаулку или ватное пальто, часы съ длинной шейной серебряной цѣпью, кольца, золотой перстень и т. д. Затѣмъ идутъ покупки по гастрономической части: сардины, балыкъ (якутскій), сельди, анчоусы, кильки, маринованные грибки, вина со всевозможными мудреными этикетками.

Всѣ перечисленные и множество другихъ этого же сорта товаровъ имѣлись въ лавкѣ описываемаго „пріиска" при моемъ посѣщеніи (1904 года); имѣются, вѣроятно, на соблазнъ копачамъ и по сей часъ.

Накупивъ всякой всячины, „фартовый" копачъ направляется въ свою избушку, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ждутъ голодные товарищи, какъ сожители, такъ и пришлые: въ числѣ послѣднихъ тутъ какъ тутъ и профессіоналы по картежной игрѣ. Кое-какъ помывшись и переодѣвшись во все новое, онъ начинаетъ угощаться и угощать другихъ. Хозяйка, жена квартиросодержателя, ставитъ самовары, печетъ блины, готовитъ закуски и ждетъ, когда, покончивъ съ винами, перейдутъ къ водкѣ, которой она предупредительно запасла не одинъ ящикъ.

Излюбленная игра, какъ въ высшихъ пріисковыхъ сферахъ, такъ и „на днѣ"—штоссъ, но нерѣдко играютъ также въ подкаретную (т. е. въ три листика), въ „шестьдесятъ шесть „терцъ", въ „волка" и т. д. Случается, и очень часто, что на другой же день вчерашніе герои оказываются у прежняго разбитаго корыта: ни денегъ, ни франтовской одежды—все проиграно и пропито. Въ барышахъ остались владѣлецъ, квартиросодержатель, да игроки шуллера. Съ недѣльку пропгравшихся кормятъ и поятъ, затѣмъ хозяева становятся все скупѣе. Въ лавкѣ тоже съ ними не церемонятся: дадутъ въ долгъ самое необходимое, но ужъ выбирать не позволятъ: получай всякую заваль, какую выкинутъ на прилавокъ, а въ книгу запишутъ въ счетъ, что хотятъ. Проваландавшись такимъ образомъ недѣли двѣ, копачъ начинаетъ тяготится своимъ унизительнымъ положеніемъ. Возвращающіеся съ работъ счастливые товарищи возбуждаютъ въ немъ зависть, желаніе опять стать хоть на день предметомъ всеобщаго вниманія и уваженія. Копачъ пристраивается къ артели и лѣзетъ въ шахту.

Хозяинъ этого доходнаго предпріятія года три тому назадъ упразднилъ отдѣльныхъ квартиросодержателей и ведетъ дѣло при посредствѣ управляющаго или агента. Послѣдній, вмѣсто жалованья, пользуется доходами отъ торговли, но продажа спирта осталась на прежнихъ основаніяхъ. Золото принимается по 4 р. 70 к. — это довольно высокая цѣна, но главная нажива на товарахъ, припасахъ и спиртѣ; послѣдняго продукта владѣльцемъ въ этомъ году, 1903—904 г., было запасено свыше, чѣмъ на 100 тысячъ, въ виду предстоявшаго съ 1-го іюля введенія казенной монополіи, сбытъ его, при дѣятельномъ содѣйствіи полиціи, былъ организованъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ...

На стану живетъ около 60 копачей, — иногда меньше, иногда больше. Золото добывается изъ старыхъ шахтъ Компаніи Промышленности. Въ 1904 г. за хищниками числилось 3.000 р. долга, но, по словамъ скупщика, копачи — честные и аккуратные плательщики; пропадаетъ только за тѣмъ, кому, дѣйствительно, не повезло. 50% его команды — ссыльно-поселенцы; агентъ живетъ съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ, считая свою личную и имущественную среди нихъ безопасность гарантированной отъ всякихъ покушеній. Это убѣжденіе не поколебалось у него даже тогда, когда въ домъ, въ его отсутствіи, забрался одинъ хищникъ и съ очевидными грабительскими намѣреніями нанесъ ножомъ тяжелыя раны его женѣ и родственницѣ. Команда была возмущена этимъ случаемъ и сама помогала въ задержаніи преступника. Агента не разъ предупреждали о козняхъ, замышляемыхъ противъ него обитателями другихъ притоновъ, и, дѣйствительно, при своихъ частныхъ поѣздкахъ на Бодайбо для сдачи иногда весьма значительныхъ партій золота владѣльцу, онъ не могъ не привлекать къ себѣ вниманія рыцарей таежныхъ дорогъ... На пріискахъ всѣ удивляются, какъ онъ до сихъ поръ остается живымъ и невредимымъ. Самъ же онъ объясняетъ это тѣмъ расположеніемъ, какое питаетъ къ нему его команда, а для этого, по его словамъ, немного нужно: за вещь, стоющую 5 руб., бери съ копача хоть 20, но не обвѣшивай его, не обмѣривай — веди дѣло на чистоту, и не стѣсняй его свободы. И, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти добродѣтели не Богъ знаетъ, какой моральной высоты.

Другое дѣло такого же частнопредпринимательскаго ха-

рактера существовало на Аристарховскомъ пріискѣ близъ устья рѣки Накатоми рядомъ съ Компаніей Промышленности. Работъ здѣсь ни фиктивныхъ, ни дѣйствительныхъ не производилось. Владѣлецъ имѣлъ здѣсь магазинъ съ бойкой торговлей спиртомъ и держалъ скупщика, который и являлся по отношенію къ копачамъ хозяиномъ. Вмѣсто отдѣльныхъ избушекъ, здѣсь стояли довольно обширныя казармы съ нарами по бокамъ и двумя желѣзными печками въ проходѣ. Платы за помѣщеніе не полагалось, за то отопленіе и освѣщеніе лежало на обязанности жильцовъ. При моемъ посѣщеніи этого „пріиска, получившему отъ рабочихъ названіе „Веселой Лавры", я засталъ здѣсь всего 8 человѣкъ квартирантовъ, остальные всѣхъ было не болѣе 25—были на работѣ. Несмотря на декабрьскій морозъ и одинарныя рамы въ окнахъ, было жарко отъ раскаленныхъ до-красна печей и сыро отъ таявшаго льда на окнахъ. Жильцы содержали двухъ „богатѣльщиковъ" съ тѣмъ, чтобы они воровали дрова съ сосѣднихъ пріисковъ, топили печи, кипятили въ чайникахъ воду и ухаживали за больными. Послѣднихъ было двое: одинъ лежалъ, повидимому, въ тифѣ; другой съ почернѣвшей отъ гангрены ногой. Я не замѣтилъ, чтобы ихъ присутствіе дѣйствовало угнетающе на здоровыхъ, которые, усѣвшись на нарахъ, предавались игрѣ и вели громкіе споры по поводу карточныхъ недоразумѣній.

На мой вопросъ, почему больныхъ не свезутъ въ больницу, никто не обратилъ вниманія, и лишь богатѣльщикъ пояснилъ, что на Успенскій *) нельзя, а до Бодайбо далеко. „Какъ его повезешь, на чемъ"?

Жизнь обитателей „Веселой Лавры" совершенно свободна; полиція по обыкновенію на откупу, хозяинъ не вмѣшивается въ ихъ внутреннія распоряжки; при деньгахъ копачъ здѣсь самъ хозяинъ: по его требованію ему откроютъ магазинъ въ любой часъ ночи, предоставятъ ему выбирать и облюбовывать товаръ, сколько угодно. Я былъ свидѣтелемъ, какъ нѣсколько подвыпившихъ копачей ругали своего квартиросодержателя и приказчика лавки отборнѣйшей многоэтажной бранью, и тѣ только ухмылялись, не дерзая отвѣтить тѣмъ же. Но у этихъ господъ есть свое вѣрное средство сокра-

*) Главный станъ Компаніи Промышленности.

тить дерзкаго копача: разжигать его разгулъ, подстрекать къ ненужнымъ, безумнымъ тратамъ,—словомъ, какъ выражается шпана, „раздѣть", и тогда изъ него хоть веревки вей.

Главная доходность этого дѣла была не столько, впрочемъ, отъ профессіональныхъ хищниковъ, сколько отъ краяки золота рабочими Компаніи Промышленности, и владѣлецъ покупалъ отъ 8—10 пудовъ въ годъ. Но съ 1898 г., когда Компанія сама открыла пріемку краденаго у себя золота подъ видомъ старательскаго или подъемнаго, приливъ его въ „Лавру" ослабѣлъ. Ослабѣлъ, но далеко не прекратился: Компанія платила 3 руб. за золотникъ, а не 3 руб. 40 коп., въ ея магазинѣ рабочій чувствовалъ себя стѣсненнымъ: приказчики обращались съ нимъ грубо, потому что не были заинтересованы въ немъ, какъ въ покупателѣ. Къ золотоприемной конторѣ скоро стали относиться съ опасеніемъ, такъ какъ были примѣры, что замѣченный въ частой сдачѣ золота рабочій переводился на худшій пріискъ и даже подъ какимъ-нибудь предлогомъ назначался въ разсчетъ. Всѣ эти причины дѣлали конкуренцію съ „Лаврой" мало успѣшной.

Подобныхъ „дѣлъ" въ тайгѣ не мало. Я остановился на этихъ двухъ только потому, что они существовали открыто въ самомъ центрѣ бодайбинской золотопромышленности, нисколько не заботясь объ аппарансахъ, что, разумѣется, даромъ имъ не давалось: значительная часть доходовъ шла въ пользу полиціи.

На мой вопросъ одному изъ крупныхъ эксплуататоровъ хищническаго труда, какія мѣры наиболѣе дѣйствительны для пресѣченія хищничества, я получилъ слѣдующій письменный отвѣтъ: „Для этого можно предложить одно: дать полную свободу работъ въ старыхъ отработанныхъ шахтахъ съ нестрогимъ надзоромъ за правильностью ихъ веденія, уплачивать не менѣе 4 р. 50 к. за добытый золотникъ, не требовать подчиненія пріисковому режиму и имѣнія документа о личности".

Въ томъ же смыслѣ высказывались и тѣ изъ копачей, съ которыми мнѣ приходились бесѣдовать на эту тему: „А то какъ собака на сѣнѣ, что сама не ѣстъ и другимъ не даетъ". При этомъ, конечно, разумѣлось разрѣшеніе неофиціальнаго характера: копачи сами хорошо понимали, что самое щедрое „субсидированіе" не заставитъ окружного

инженера допустить ихъ работы официально, въ виду вопіющаго несоотвѣтствія таковыхъ съ требованіями горнаго устава и крайней ихъ опасности для жизни. По поводу многочисленности несчастныхъ случаевъ въ ихъ средѣ мои собесѣдники заявляли, что случаи эти главнымъ образомъ и обусловливаются нелегальностью ихъ положенія, необходимостью преодолѣвать массу затрудненій, вызываемыхъ преслѣдованіемъ копачей.

Все это въ значительной степени справедливо. Но думаю, что и помимо „неофиціальныхъ“ путей, есть средства, способныя въ немалой мѣрѣ ослабить копачество. По моимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ довольно компетентныхъ источниковъ, занимающихся этой профессіей въ обѣихъ тайгахъ было около 400—500 человѣкъ. Контингентъ хищниковъ всегда возрастаетъ послѣ стачекъ, въ результатѣ коихъ масса разсчитанныхъ рабочихъ заносится въ „черные списки, которые разсылаются всѣмъ золотопромышленникамъ съ просьбой исправника означенныхъ въ нихъ лицъ на работу не принимать... Между крупными компаніями существуетъ на этотъ счетъ даже формальное соглашеніе, и нарушеніе его съ чьей нибудь стороны вызываетъ протесты со стороны другихъ. Знаменитый инженеръ Коротковъ, оставившій по себѣ столь нелестную славу въ тайгѣ вообще, а среди своихъ рабочихъ и служащихъ въ особенности, отличался въ такихъ случаяхъ особенной требовательностью и строгостью. Если въ населенной культурной Европѣ выбрасываніе людей „на мостовую“ отзывается усиленіемъ преступности, то тѣмъ попятнѣе и естественнѣе это въ Азіи на пріискахъ, гдѣ за неимѣніемъ мостовыхъ рабочій выбрасывается прямо въ тайгу. Вездѣ гонимому на основаніи „рекомендаціи“ исправника или формальнаго требованія какого нибудь Короткова *), зимой ему абсолютно некуда дѣться: хорошо если найдется работа у отрядного лѣсника, а нѣтъ, — куда же больше, какъ не въ притопъ? Но и тутъ его не станутъ содержать даромъ, и рабочій волей-неволей идетъ въ копачи, если не вступаетъ въ ряды настоящихъ преступниковъ, подвигами которыхъ столь богата хроника таежной жизни. Если золотопромышленники не желаютъ принимать

*) Главноуправляющаго Ратькова-Рожнова.

въ соображеніе послѣдствія своихъ собственныхъ дѣйствій, то это ихъ вина, имъ можно только сказать: сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. По словамъ окружнаго инженера, указанные выше списки рекомендованы секретнымъ циркуляромъ, исходящимъ изъ высшихъ сферъ. Если это такъ, то мѣра эта безусловно незаконная, такъ какъ никому, ни же суду, не предоставлено лишать свободнаго человѣка права на трудъ.

Я. С—чъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

„Коммерсанты безъ промыслового свидѣтельства".

Съ дѣятельностью Кабинета Его Величества русское общество встрѣтилось за послѣднее время, даже за послѣдніе дни, дважды: 28 мая въ Барнаульскомъ окружномъ судѣ началось разбирательство дѣла 56 крестьянъ села Павловскаго, обвинявшихся въ погромѣ, а 9 іюня кадетской фракціей Государственной Думы былъ внесенъ запросъ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу земельной политики Кабинета на Алтаѣ.

Оба эти факта заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться возможно подробнѣе.

Прежде всего о запросѣ. Резолютивная часть его сводится къ слѣдующему:

„1. Извѣстно ли министру внутреннихъ дѣлъ, что общее присутствіе томскаго губернскаго правленія въ рядѣ случаевъ допускаетъ въ интересахъ Кабинета Его Величества нарушеніе высочайше утвержденнаго 31 мая 1899 г. положенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ инородцевъ, поселившихся въ Алтайскомъ округѣ на земляхъ Кабинета Его Величества?

2. Какія мѣры министръ внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ принять для возстановленія нарушенной законности?

Запросъ просимъ признать спѣшнымъ".

Подъ аплодисменты слѣва и со скамей октябристовъ запросъ признанъ спѣшнымъ и принятъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Но, несмотря на всю стремительность обсужденія, запросъ все же вышелъ запоздалымъ. И не по

вищѣ правительства. Въ лицѣ своихъ органовъ оно сдѣлало все, чтобы запросъ могъ быть внесенъ уже давно. Политика Кабинета рѣзко измѣнилась и достаточно ярко проявила себя съ 1908 года. Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ накопился обильный матеріалъ. Мы ужъ не говоримъ о томъ, что въ портфеляхъ сибирскихъ депутатовъ должно было скопиться много интереснаго по данному вопросу. Даже въ общей прессѣ, по обыкновенію мало интересующейся Сибирью, появились въ послѣдшее время содержательныя и исчерпывающія статьи о вопіющихъ беззаконіяхъ Кабинета и его представителей. Мы имѣемъ въ виду статьи г. М. С. въ № 5 „Русскаго Богатства" и въ № 5 „Современнаго Міра" за текущій годъ. Официальное „Дальневосточное Обозрѣніе", „печатаное по распоряженію г. начальника главнаго управленія по дѣламъ печати" съ помѣткой „типографія министерства внутреннихъ дѣлъ", и то въ № 15, собрало цѣнный матеріалъ для обвинительнаго акта противъ Кабинета. Жизнь шла, конечно, впереди бумажныхъ реляцій и запросовъ и дала длинный рядъ всяческаго рода злоупотребленій, волненій, экзекуцій и расправъ. Молчали только депутаты. „Народные" избранники Третьей Государственной, но Первой Обывательской Думы, спокойно прочитывали обличительныя статьи противъ Кабинета, не менѣе спокойно слышали о крестьянскихъ волненіяхъ на Алтаѣ и внести запросъ удосужились только въ послѣдшую минуту отправленія своихъ многотрудныхъ обязанностей. Какъ знаменитому пѣвцу изъ „Вампуки", „народнымъ" печальникамъ нужно было взять высокую ноту „подъ занавѣсъ", и они ее взяли... грознымъ запросомъ о политикѣ Кабинета. Обсуждать вопросъ должна четвертая Дума...

Благодаря такой отзывчивости нашей нижней палаты самое внесеніе запроса, внесеніе подъ занавѣсъ и аплодисменты гг. октябристовъ, стало близкимъ къ фарсу: а на самомъ дѣлѣ тутъ разыгрывается глубокая и подлинная драма.

Объ этомъ громко говоритъ Павловское дѣло. Всѣ 56 подсудимыхъ обвинялись въ томъ, что „вслѣдствіе побужденій, проистекшихъ изъ экономическихъ отношеній", устроили погромъ, при чемъ о характерѣ этихъ экономическихъ отношеній обвинительный актъ говоритъ слѣдующее: владѣя фактически выпономъ въ Барнаульской степи, при земле-

устройствѣ обыватели села Павловскаго заявили на эту часть степи свои права, и состоявшееся не въ ихъ пользу рѣшеніе землеустроительной коммиссіи обжаловали въ Томское губернское управленіе, гдѣ къ іюню 1911 г. оно, однако, разсмотрѣно еще не было. Вслѣдствіе сего жители села Павловскаго особенно чутко отнеслись къ проявленію со стороны администраціи Алтайскаго округа Кабинета права распоряжаться означенной землей и состоявшаяся незадолго передъ тѣмъ сдача части Барнаульской степи въ аренду отцу одного изъ объѣздчиковъ Алтайскаго округа, Маіорникову, сынъ котораго, уже отъ себя сталъ сдавать въ аренду крестьянамъ мелкіе участки, встревожила населеніе, нарушивъ по мнѣнію крестьянъ ихъ права и вызвала среди нихъ недовольство...

Достаточно было при такихъ обстоятельствахъ незначительнаго повода, и долго сдерживаемое неудовольствіе прорвалось въ погромѣ.

Ровно черезъ годъ, 28 мая участниковъ безпорядковъ судили въ Барнаульскомъ окружномъ судѣ. Картина земельнаго хозяйства Кабинета должна была здѣсь развернуться во всю широту, ее должны были освѣтить во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, но... произошло что-то мало понятное. Газета „Рѣчь“ отъ 30 мая телеграфировали изъ Барнаула: „предсѣдательствующій въ засѣданіи суда Богдановъ ведетъ дѣло въ предѣлахъ погрома, запрещая касаться земельныхъ отношеній и правонарушеній Кабинета. Показаніями свидѣтелей устанавливаются ужасающая эксплуатація и многочисленные факты избіенія крестьянъ объѣздчиками“.

Не понятнымъ остается, какъ можно было разсматривать Павловское дѣло, если запрещать „касаться земельныхъ отношеній и правонарушеній Кабинета“.

Помимо соображеній, вытекающихъ изъ существа дѣла такое запрещеніе неправильно даже съ чисто формальной точки зрѣнія. Обвиненіе къ подсудимымъ было предъявлено по 269[1] статьи уложенія о наказаніяхъ и въ самомъ обвинительномъ актѣ черными по бѣлому было сказано, что побужденія погрома были характера экономическаго. А каждое слово обвинительнаго акта не только можетъ, но и должно быть провѣрено на судѣ. Для этого и существуетъ судебное слѣдствіе. Мало этого: для сужденія

о степени виновности подсудимыхъ далеко не безразлично было, коснуться ли только вскользь, или вполнѣ выяснить эти экономическія отношенія. Вѣдь одна картина получалась, если допустить, что безпорядки возникли только изъ-за даннаго клочка спорной земли, и совершенно другая, если бы удалось установить, что данный фактъ былъ только каплей, переполнившей чашу страданія павловскихъ крестьянъ, что погромъ былъ вызванъ всей системой хозяйства Кабинета.

Что же, однако, могла сообщить защита важнаго и интереснаго изъ этой запретной области? Могло ли это имѣть хоть нѣкоторое вліяніе на сужденіе о виновности подсудимыхъ? Мы полагаемъ, что да, стоило только для этого проанализировать земельную политику Кабинета за послѣдніе три года.

Политика эта рѣзко измѣнилась съ 1908 г. Съ этого именно момента интересы населенія были отодвинуты на задній планъ, и Кабинетъ изъ учрежденія характера государственнаго превратился въ того, „своекорыстнаго частнаго собственника", о которомъ говорится въ кадетскомъ запросѣ.

Въ этомъ именно году была издана та знаменитая „Межевая инструкція землеустроителямъ", которая рекомендовала „въ нѣкоторыхъ случаяхъ" пользоваться вмѣсто инструментальной съемки старыми планами 1820—1837 годовъ(!!); съ этого же времени на каждаго землемѣра стало приходиться до 100.000 дес. съемки въ лѣто(!!) Неудивительно, что послѣ этой инструкціи точная съемка уступила мѣсто фантазіямъ чиновъ Кабинета, не удивительно, что „ошибки" въ исчисленіи земель стали выражаться въ сотняхъ, тысячахъ и даже десяткахъ тысячъ десятинъ. Кабинетъ спѣшилъ. Окончить землеустройство нужно было какъ можно скорѣе: по окончаніи землеустройства Кабинетъ получалъ не 22 коп. за каждую десятину, отведенную въ надѣлъ крестьянамъ. При законномъ порядкѣ веденія работъ землеустройство на Алтаѣ могло быть окончено лишь въ 1919 году, теперь оно будетъ окончено въ 1912 г. Ускоряя работы, Кабинетъ, очевидно, нарушалъ интересы „устраиваемаго" населенія, но за то онъ получалъ около 15 милліоновъ рублей прибыли. (Подробный подсчетъ этой операціи произведенъ въ „Русскомъ Богатствѣ" № 1, стр. 13).

Но мало этого. Съ 1908 года политика Кабинета измѣни-

лась и въ другомъ отношеніи. Кромѣ поспѣшности и небрежности въ производствѣ землеустроительныхъ работъ, Кабинетъ, съ этого же времени повиненъ въ другомъ, несравненно болѣе тяжкомъ грѣхѣ: онъ окончательно установилъ въ это время, что интересы Кабинета и интересы устраиваемаго населенія — двѣ вещи совершенно разныя, ихъ смѣшивать нельзя и при столкновеніи неизбѣжно нужно отдавать предпочтеніе интересамъ Кабинета, хотя бы и въ явный ущербъ для населенія. Съ полной откровенностью объ этомъ говоритъ журналъ особаго совѣщанія отъ 26 января 1910 года, гдѣ мы читаемъ, между прочимъ, что „обязанность управленія округа при землеустройствѣ заключается, по мнѣнію совѣщанія, въ защитѣ интересовъ округа и въ частности арендпаго хозяйства, и что на управленіе округа не возлагалось обязанности озабочиваться нуждами устраиваемаго населенія". Въ особенности, по мнѣнію совѣщанія, „необходимо проявлять энергію и инціативу (!) въ защитѣ даже малоцѣнныхъ участковъ, которые въ будущемъ должны получить значительную цѣнность и которыхъ нельзя раздавать безъ настоятельной надобности кому-бы то ни было". Цѣль землеустроительныхъ работъ Кабинета теперь намѣчалась совершенно ясно: нужно развивать арендное хозяйство. Арендныя цѣны все больше растутъ (уже въ 1908 году цѣна аренды за десятину равнялась въ среднемъ 40 коп.), и все болѣе невыгодно отводить земли въ надѣлъ крестьянамъ, получая за это въ качествѣ выкупныхъ платежей какія то жалкія 22 коп. съ десятины. Входя во вкусъ коммерческихъ разсчетовъ, Кабинетъ торжественно провозгласилъ 26 января 1910 года: развитіе арендпаго хозяйства, хотя бы и путемъ отмѣны высочайшаго повелѣнія отъ 19 сентября 1906 г.

Въ чемъ же заключалось это высочайшее повелѣніе? Указъ 19 сентября 1906 года былъ изданъ въ порядкѣ 87 статьи и въ настоящее время принятъ Государственной Думой.

Распуская Первую Государственную Думу, правительство взяло на себя разрѣшеніе аграрнаго вопроса, и одной изъ попытокъ этого разрѣшенія и является упомянутый указъ. Согласно этому указу, всѣ оброчныя статьи, по мѣрѣ прекращенія на нихъ арендныхъ договоровъ, а также всѣ из-

липки Кабинета отъ землеустройства старожиловъ должны были быть обращены въ переселенческіе участки. Вопросъ шелъ приблизительно о 7.500.000 десятинъ. Къ 1910 году не переданныхъ оставалось около 6.080.000 десятинъ! Всякіе комментаріи излишни.

Но Кабинетъ не ограничился и этимъ. Подъ разными предлогами стали отнимать крестьянскіе угодья, главнымъ образомъ, покосы. Не останавливались, впрочемъ, и передъ кладбищами, какъ это было въ с. Песчаномъ. Подробную картину этихъ операцій Кабинета можно найти въ № 5 „Современнаго Міра" за текущій годъ; объ этомъ же говоритъ статья г. А—ей Б ъ въ № 15 „Сибирскихъ Вопросовъ".

Но самую полную картину Кабинетскаго хозяйства даетъ офиціальное „Дальневосточное Обозрѣніе".

Говоря о политикѣ управленія Алтайскаго округа, „Дальневосточное Обозрѣніе", это закошное дѣтище главнаго управленія по дѣламъ печати, сообщаетъ, между прочимъ, со словъ мѣстныхъ газетъ: „изо всѣхъ селеній, находящихся въ предѣлахъ Алтайскаго округа, несутся неотрадныя вѣсти. Вездѣ, гдѣ только закончились работы по землеустройству крестьянъ старожиловъ и инородцевъ, раздаются жалобы и неудовольствія на несправедливое дѣйствіе землеустроительныхъ коммиссій по разграниченію земель между Кабинетомъ и населеніемъ: въ одномъ мѣстѣ—лѣсъ отобрали, въ другомъ—луга, въ третьемъ—скотскій выгонъ, а въ четвертомъ совсѣмъ ничего не дали". „Одними дѣлами о порубкахъ лѣса мировые судьи уже и теперь переобременены до невозможности. Для ведепія этихъ тяжебныхъ дѣлъ и довольно незамысловатаго въ своей сущности „хозяйства" и содержится огромный штатъ чиновниковъ".

Условія аренды Кабинетскихъ земель становятся все болѣе тяжелыми. То же „Дальневосточное Обозрѣніе" цитируетъ по данному вопросу „Алтай": „цѣна на арендуемыя инородцами угодья съ будущаго 1912 года опредѣлена не по карману. Хотя у всѣхъ арендаторовъ есть постройки, которыя съ ихъ уходомъ на другое мѣсто поступаютъ въ пользу Кабинета, а также и расчищенныя ими въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣста подъ пашни и сѣнокосы, тѣмъ не менѣе *многіе подумываютъ съ весны будущаго года двинуться съ на-*

сиженныхъ лѣтъ въ невѣдомыя страны, въ Монголію и на Амуръ" (курсивъ текста. А. Х.).

Конечно, при такихъ условіяхъ, отношенія населенія къ Кабинету не могутъ быть особенно доброжелательными. Все чаще и чаще случаются поджоги Кабинетскихъ лѣсовъ. „Кто же поджигаетъ?

— Вѣстимо, народъ.

— Зачѣмъ же народу жечь?

— Да такъ... Лѣса кабинетскіе... Кабинетъ даромъ рубить не даетъ, а валежникъ можно брать и даромъ. Ну, для валежника и жгутъ" („Дальневосточное Обозрѣніе" № 15, стр. 47).

Тутъ же приводятся любопытныя свѣдѣнія и объ особыхъ „летучихъ" отрядахъ, при помощи которыхъ Кабинетъ преслѣдуетъ лѣсныя порубки и конфискуетъ лѣсъ. „Обыкновенно въ распоряженіе пристава (къ тому же еще судебнаго! А. Х.) дается конный отрядъ, состоящій обычно изъ 20—30 человѣкъ.

Отряды эти формируются слѣдующимъ образомъ: „инспекція лѣсной стражи или управляющій имѣніемъ нанимаетъ 20—30 человѣкъ, большею частью изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, вооружаетъ ихъ винтовками, а чины пріобрѣтаютъ себѣ форму, схожую съ формой лѣсной стражи, запасаются прочными нагайками, и отрядъ готовъ".

Не лучше отношенія Кабинета и къ интересамъ алтайскихъ городовъ. Относительно этихъ отношеній то же „Дальневосточное Обозрѣніе" сообщаетъ: „хозяйственная эксплуатація земли Кабинетомъ, принявшая за послѣднее время сверхъ-коммерческій характеръ, является жестокою, несправедливою угрозою благосостоянію алтайскихъ городовъ.. Алтайское вѣдомство, словно издѣваясь, пытается лишить города преимущественнаго права на пріобрѣтеніе окружающихъ отрѣзковъ, предпочитая частныхъ лицъ городу, или же, пользуясь высотой земельной ренты въ пригородныхъ районахъ, вынуждаетъ города покупать ненужные вѣдомству клочки земли за сотни тысячъ рублей. „Мы теперь коммерсанты"! афишируютъ себя руководители алтайскаго вѣдомства, оправдываясь передъ городами за свою коммерцію...

Конечно, алтайскіе города не пойдутъ съ дреколіемъ, подобно крестьянамъ с. Павловскаго, отстаивать свои выгоны

противъ натиска коммерціи-чиновниковъ, но, несомнѣнно, города Алтая должны будутъ сообща осмыслить создавшееся новое положеніе въ землепользованіи, а, можетъ быть, и возбудить совмѣстное ходатайство передъ Верховнымъ Собственникомъ алтайскихъ земель".

И затѣмъ, далѣе приводится цѣлый рядъ фактовъ *отнятія надѣловъ у крестьянъ*. Въ дер. Ново-Краюшинской, напримѣръ, Кабинетъ, рѣшивъ изъять изъ надѣла деревни около 500 десятинъ поскотины, которой населеніе пользовалось на законномъ основаніи около 35 лѣтъ, выростивъ на ней даже лѣсъ.

Въ с. Николаевскомъ „сыплются безконечныя жалобы на то, что лучшія земли оставили въ казнѣ, а старыя, да сопочныя земли нарѣзали крестьянамъ...

Мало того, казенныя грани подогнали къ самому селу, такъ что хоть курицу на привязи держи. А не удержишь, въ потравѣ поймаютъ и штрафъ возьмутъ.

Почти со слезами жалуются на это мужички; чувствуется безпомощность во всемъ, что окружаетъ ихъ и что ихъ ждетъ въ недалекомъ будущемъ".

До сихъ поръ рѣчь шла объ общей картинѣ земельной политики Кабинета на Алтаѣ. Переходя теперь отъ общаго къ частному, къ печальнымъ событіямъ въ с. Павловскомъ, приходится прежде всего замѣтить, что Павловскіе безпорядки отнюдь не были чѣмъ-то исключительнымъ. Они были больше по размѣрамъ. Тутъ были избитые, раненые и даже одинъ убитый. Но вообще это—обычная картина въ хозяйственной практикѣ Кабинета. Р. М. С. указываетъ въ „Современномъ Мірѣ", что прошлое лѣто безпорядки происходили, кромѣ с. Павловскаго, еще въ цѣломъ рядѣ другихъ селъ и деревень: деревня Курочкина, село Мармышское, с. Селивестрово, с. Маяки и другія.

Какъ разъ то, что Павловская исторія является лишь отдѣльной страничкой изъ общей исторіи землеустройства на Алтаѣ, и убѣждаетъ насъ въ томъ, что самое детальное разсмотрѣніе экономическихъ отношеній Кабинета и крестьянъ на судѣ 28 мая было положительно необходимо. Безъ такого разсмотрѣнія Павловскіе безпорядки остаются отдѣльнымъ фактомъ, произвольно выхваченнымъ изъ ряда аналогичныхъ, его освѣщающихъ событій.

Почему же Кабинетъ перемѣнилъ за послѣдніе годы свою политику, почему онъ изъ учрежденія, возвышавшагося надъ частными интересами, такъ неожиданно и быстро превратился въ хищнаго и не всегда разборчиваго въ средствахъ „своекорыстнаго собственника“? Многіе винятъ въ этомъ исключительно мѣстныхъ агентовъ Кабинета. Тысячи чиновниковъ, говорятъ они, присосались къ землямъ Кабинета и, не желая лишится доходныхъ мѣстъ, всячески тормазятъ и осложняютъ земельную политику Кабинета. Возможно, что доля правды есть въ этихъ разсужденіяхъ, возможно, что донесеніями „съ мѣстъ“ присосавшіеся столоначальники всѣхъ ранговъ нѣсколько вліяютъ на общую политику Кабинета, но все же корень зла не въ этомъ. Онъ глубже, онъ обусловленъ, почти всецѣло, направленіемъ нашей общей государственной политики, тѣмъ „духомъ времени“, который такъ рѣзко отличаетъ 1905 — 1906 годы отъ 1908 и послѣдующихъ. Когда волна народнаго движенія поднялась высоко, когда она грозила смыть самый институтъ частной собственности, когда голосъ народа если не диктовалъ, то во многомъ обусловливалъ мѣропріятія и виды правительства, тогда Кабинетъ, конечно, не могъ вести той политики, которую онъ ведетъ съ 1908 г. Тогда немыслимо было отнимать землю крестьянъ, тогда и г. Новиковъ, представитель гражданскихъ интересовъ на судѣ, не рискнулъ бы назвать подсудимыхъ грабителями...

Все дѣло въ томъ, что Кабинетъ учелъ духъ времени. Ясные слѣды этого имѣются въ томъ же журналѣ особаго совѣщанія отъ 26 января 1910 года...

Мы начали свою статью тѣмъ, что въ Государственную Думу внесенъ запросъ о дѣйствіяхъ Кабинета и не могли удержаться отъ упрека третьеіюньскимъ депутатамъ за то, что запросъ этотъ они внесли „подъ занавѣсъ“, изъ соображеній характера скорѣе предвыборнаго, чѣмъ изъ искренняго желанія посчитаться съ Кабинетомъ на почвѣ нарушенія послѣднимъ закона и высочайшихъ повелѣній. Мы говорили, что запросъ нужно было внести уже давно, пожалуй, одновременно съ извѣстіями о павловскихъ и иныхъ безпорядкахъ. Но насъ могутъ спросить: какой вообще смыслъ въ подобномъ запросѣ? Если Государственная Дума полна октябристами и хуже, если „духъ времени“ и общее

направленіе государственной политики правильно учтены Кабинетомъ, то къ чему можетъ свестись запросъ? Развѣ все дѣло не ограничится только аплодисментами по поводу объясненія одного изъ министровъ, не важно котораго? Мы думаемъ, что нѣтъ. Конечно, Дума безсильна измѣнить политику Кабинета, она, пожалуй, не смогла бы даже выручить отъ него тѣ 6.000.000 десятинъ, которыя такъ безнадежно остались въ Кабинетѣ, но Дума могла бы сдѣлать другое.

„Мы—коммерсанты", говорятъ теперь въ оправданіе своей земельной политики представители Кабинета. И вотъ у этихъ „коммерсантовъ" Дума должна была уже давно потребовать... промысловое свидѣтельство. Давно нужно было указать, что подъ прикрытіемъ высшаго въ Имперіи авторитета пытаются вести торговлю, не только не разрѣшенную, но даже и недопустимую по характеру своихъ пріемовъ...

А. Хохряковъ.

„Безъ души."

„Бездушный онъ, паровой-то цыпленокъ... Души въ немъ нѣтъ".

Глѣбъ Успенскій.

Нежданно-негаданно приамурскій генералъ-губернаторъ оказался въ затрудненіи...

Попросило его междувѣдомственное совѣщаніе по вопросу о доставкѣ русскихъ рабочихъ на Дальній Востокъ (а комитетъ по заселенію Дальняго Востока просьбу эту утвердилъ) оказать небольшую услугу „общему дѣлу"—издать обязательное постановленіе о запрещеніи иностранцамъ работать въ русскіе праздники. Казалось бы, и говорить тутъ не о чемъ... Что стоитъ по нынѣшнимъ временамъ, да еще генералъ-губернатору, издать любое обязательное постановленіе? Одинъ росчеркъ пера... А Н. Л. Гондатти затруднился.

Странно слышать это теперь, когда больше натискомъ дѣйствуютъ. Изъ списковъ сибирскихъ избирателей въ Четвертую Государственную Думу, если вѣрить „Рѣчи", не затруднились разомъ исключить около 20.000 внесенныхъ уже въ нихъ избирателей. Исключили по распоряженію начальника Сибирской желѣзной дороги, разъяснившаго исключенныхъ, какъ низшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

Если начальникъ дороги, не обладающій никакими административными полномочіями, такъ легко и просто распорядился съ 20 тысячами низшихъ служащихъ, то какъ и со сколькими десятками тысячъ иностранцевъ можетъ распорядиться окраинный генералъ-губернаторъ? При добавочномъ условіи, что иностранцы—китайцы, задачу эту всякій истинно-русскій ребенокъ сразу рѣшитъ.

Вѣдь распоряжался раньше тотъ же приамурскій генералъ-губернаторъ, распоряжался у всѣхъ на глазахъ и какъ! только иностранныя косы мелькали. И вдругъ затруднился по формальнымъ причинамъ: законъ препятствуетъ. Въ такомъ духѣ и въ министерство внутреннихъ дѣлъ сообщилъ.

Хотя рекомендованную междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ мѣру лично онъ одобряетъ вполнѣ, находитъ цѣлесообразной, однако издать означенное обязательное постановленіе затрудняется въ виду категорическаго указанія ст. 23 уст. пред. и прес. преступл. (по продолж. 1906 г.).

Совсѣмъ недавно подобныя затрудненія и обращенія въ министерство не имѣли здѣсь мѣста. Препятствовало „продолженіе 1906 г.", обращались къ „продолженію 1910 г.", и оно разрѣшало. А дальше шло уже сплошное вдохновеніе, разрѣшавшее запрещать рѣшительно все не только трудъ, но и самихъ иностранцевъ.

Давленіе на послѣднихъ производилось съ огромной силой, потому и температуру поддерживали соотвѣтственно высокую, думая высидѣть „парового цыпленка". Мечтали, что современемъ вырастетъ изъ него курочка и снесетъ золотое яичко — укрѣпленіе русскаго труда на окраинѣ.

Время шло, много склевано и бумажекъ, и золотыхъ, а золотого яичка все нѣтъ. И никакъ не могутъ согласиться съ тѣмъ, что никогда его не получатъ, дѣйствуя при помощи одной температуры. Никакъ не могутъ уразумѣть, что „машинныя куры не несутся", что для такого утвержденія ихъ въ жизни и для жизни требуется „душа", отсутствующая въ искусственныхъ махинаціяхъ. Отсутствіемъ „души" и объясняется тотъ фактъ, что увеличеніе количества здѣсь никогда не вызываетъ улучшенія качества. Всегда, наоборотъ, качество ухудшается.

По 1-ое іюля нынѣшняго года на дальневосточную окраину переброшено изъ Россіи, въ круглыхъ цифрахъ, 100

тысячъ рабочихъ. Изъ нихъ 80 тысячъ законтрактованы прямо съ мѣстъ, на казенныя работы, а 20 тысячъ — вольные, т. е. явившіеся по своей волѣ для пріисканія заработковъ у частныхъ лицъ.

Количество возросло несомнѣнно, а насчетъ качества въ дальневосточныхъ газетахъ приводилась слѣдующая любопытная справка, данная приамурскимъ справочнымъ бюро о положеніи „русскаго труда“: въ январѣ отмѣчено 60 человѣкъ одиночекъ и 8 артелей, ищущихъ работы; въ февралѣ—80 одиночекъ и 34 артели; въ мартѣ—46 одиночекъ и 106 артелей и, наконецъ, въ апрѣлѣ—уже 253 человѣка и 301 артель общей численностью въ 2641 человѣкъ (не считая повторныхъ заявленій). *Съ тѣхъ поръ цифра эта не падаетъ сколько-нибудь замѣтно.*

„Безработный фондъ“, какъ показываетъ справка, образовался сразу, лишь хлынула толпа голодныхъ, и постепенно росъ, пока въ самый разгаръ рабочаго сезона не достигъ *постоянной* цифры въ 3.000 человѣкъ.

„Температура тутъ существуетъ... А души нѣтъ!..“

Температура, какъ будто, начинаетъ падать. Замѣчается если не охлажденіе, то нѣкоторое расхожденіе во мнѣніяхъ. Междувѣдомственное совѣщаніе постановило, комитетъ по заселенію Дальняго Востока постановленіе утвердилъ просить приамурскаго генералъ-губернатора запретить, а генералъ-губернаторъ затрудняется...

Единственная надежда на министерство внутреннихъ дѣлъ, разъяснявшее и не такія статьи. Особенно сейчасъ, подъ горячую руку, въ предвыборное время и въ цѣляхъ удержанія рабочихъ въ областяхъ Приамурскаго края. Запретили же иностранцамъ работать на казенныхъ работахъ даже въ будни, а запретить работать у частныхъ лицъ въ русскіе праздники — сущій пустякъ. Это ужъ внутренняя политика, а она у насъ со статьями, по отдѣльности или въ цѣломъ, обходится очень свободно.

Запретить, конечно, легко, потомъ бы не пришлось разрѣшать иностранцамъ работать вездѣ и всегда. Русскіе-то рабочіе таютъ, яко воскъ, ознакомившись на мѣстѣ „съ условіями“.

Сейчасъ разбѣгаются всѣ—и тѣ, что повѣрили разсказамъ и не нашли работы, и тѣ, что пріѣхали по контрактамъ

и получили работу. Обычная циркуляція происходила съ самаго открытія сезона: однихъ еще везли, другіе уже уѣзжали. „Весна только еще началась, а съ постройки Амурской желѣзной дороги уже бѣгутъ рабочіе"...—писали сибирскія газеты.

Прпамурскій генералъ-губернаторъ чуть ли не клятву давалъ, что для рабочихъ будутъ созданы надлежащія условія жизни и труда. А „первыя ласточки" принесли прошлогднія вѣсти о дороговизнѣ продуктовъ, о недобросовѣстности и притѣсненіяхъ подрядчиковъ, о невозможныхъ для жилья баракахъ, о разцѣнкахъ, при которыхъ ничего нельзя было заработать.

Одними изъ первыхъ обратниковъ были плотники и столяры (11 человѣкъ), выписанные изъ Волынской губерніи на Амурскую дорогу. Когда выписывали, имъ обѣщали работу помѣсячно, а по прибытіи на мѣсто предложили работать сдѣльно и по такимъ низкимъ разцѣнкамъ, что пріѣхавшіе рабочіе, даже не приступивъ къ работамъ, предпочли вернуться.

„Ласточки"-одиночки сдѣлали весну, а когда пришло лѣто, рабочіе съ Дальняго Востока потянулись по-прежнему партіями и по-прежнему способу пѣшаго хожденія и „Христовымъ именемъ".

Пока самая значительная партія 600 чел.—ушла съ западной части Амурской дороги отъ подрядчика Короткова. Уходъ этихъ рабочихъ совершился по всѣмъ правиламъ, установленнымъ амурскими обычаями. Договаривались съ нимъ производить работы по мягкому грунту, а въ дѣйствительности оказалась мерзлота и неподатливый каменистый грунтъ. Плату не прибавили, и проработавшіе около двухъ мѣсяцевъ рабочіе не заработали буквально на харчи: остались должны подрядчику за забранные продукты.

Недовольство, конечно, проявлялось все время. Когда же оно перешло въ протестъ, подрядчикъ обратился къ полиціи, и произошло усмиреніе, о которомъ „Сибирскій Край" разсказываетъ со словъ самихъ рабочихъ такъ: „Начальникъ „жандармовъ" выстроилъ рабочихъ, накричалъ на нихъ, а затѣмъ, взявъ въ одну руку револьверъ, началъ бить рабочихъ нагайкой".

„Усмиренные" рабочіе проработали еще одинъ день подъ

охраной „жандармовъ", а ночью сбѣжали, оставивъ паспорта у подрядчика. Часть направилась „по шпаламъ" домой, въ западныя губерніи Россіи, а остальные разбрелись по той же „Амурьѣ" и по Забайкалью въ поискахъ заработка.

По поводу этой исторіи вспомнили кое-что изъ прошлаго года: у того же Короткова тогда сбѣжало съ работъ около тысячи человѣкъ; другой подрядчикъ Коголевъ запиралъ на время проѣзда А. И. Гучкова своихъ рабочихъ въ амбары, а его десятникъ застрѣлилъ даже „строптиваго" рабочаго.

Въ нынѣшнемъ году нравы подрядчиковъ нисколько не измѣнились. Съ рабочими обращаются они точно такъ же и противъ „строптивости" широко примѣняютъ прежнюю мѣру: удерживаютъ паспорта. Въ виду многочисленныхъ жалобъ на это, изданъ военнымъ губернаторомъ особый приказъ, предлагающій полиціи въ такихъ случаяхъ привлекать подрядчиковъ къ судебной отвѣтственности.

Приказъ заставилъ подрядчиковъ искать другого пути, оказавшагося не менѣе вѣрнымъ. Рабочіе владивостокской крѣпости получили паспорта отъ своего подрядчика черезъ мирового, но получили ихъ превращенными въ „вольчи билеты". На каждомъ изъ нихъ красовалась слѣдующая выразительная надпись: „На работы въ крѣпости Владивостокъ не принимать. Полковникъ (подпись неразборчива)".

Исторія съ надписаніемъ паспортовъ попала на страницы мѣстныхъ газетъ и вызвала нѣкоторый шумъ, заставившій подрядчиковъ съ ихъ сообщниками по допеканію рабочихъ дѣйствовать съ большой опаской. „Полковники" перестали выставлять свои автографы съ прежней откровенностью. Вмѣсто этого, теперь дѣлаются секретныя помѣтки, о которыхъ владѣлецъ паспорта обыкновенно ничего не подозрѣваетъ. „Масонскіе знаки", свидѣтельствующіе о внесеніи въ „черные списки", прекрасно выполняютъ свое назначеніе: рабочій, получившій заклейменный документъ, никуда больше не принимается и обреченъ на безработицу. Этого именно и добивались подрядчики, задерживая паспорта.

Обѣщанный контроль изъ представителей вѣдомствъ надъ взаимоотношеніями подрядчиковъ и рабочихъ свелся къ охранѣ интересовъ первыхъ. Въ эту сторону исключительно направлено вмѣшательство начальства. „Полковники" изго-

няетъ рабочихъ изъ крѣпости на вѣки-вѣчные, жандармы стегаютъ ихъ нагайками...

При такихъ порядкахъ эксплуатація, конечно, процвѣтаетъ. Работавшіе во Владивостокѣ получили, напримѣръ, за два съ половиной мѣсяца 30—40 рубл., т. е. 12—16 рублей въ мѣсяцъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что рабочіе разбѣгается, и все дѣло идетъ врозь. Привезенные за тысячи верстъ и брошенные на произволъ, въ лучшемъ случаѣ, подрядчиковъ, рабочіе бѣгутъ, куда глаза глядятъ, хоть на Гавайскіе острова. Власти давно обратили вниманіе на усиленіе эмиграціи, но ничего не могли придумать, кромѣ репрессій. Перестали выдавать заграничные паспорта, ловятъ самовольныхъ эмигрантовъ и возвращаютъ вспять, не давая этимъ опускаться „постоянной цифрѣ“ безработныхъ.

Поддерживаетъ ее и одно изъ нововведеній: медицинскій осмотръ прибывшихъ на казенныя работы рабочихъ, нововведеніе, отразившее на себѣ въ полной мѣрѣ бюрократическое вдохновеніе его творцовъ. На постановку дѣла указываетъ тотъ фактъ, что для осмотра рабочихъ, нанятыхъ на восточную часть Амурской дороги, была назначена женщина-врачъ!

Рабочихъ, привезенныхъ за тысячи верстъ, признаютъ „негодными“ и отправляютъ обратно, вознаграждая десятью рублями за потерянное окончательно для заработка время. При этомъ рабочихъ для Амурки подвергаютъ осмотру два раза: при наймѣ и по прибытіи сюда. И кого тамъ врачи признаютъ годными, здѣсь часто бракуютъ... Въ результатѣ этихъ отеческихъ попеченій о рабочемъ людѣ, по городамъ Дальняго Востока ходятъ толпы голодныхъ, выпрашивая или работы, или кусокъ хлѣба. Это не попрошайки, не нищіе-профессіоналы, а русскіе рабочіе, доставленные безплатно на Дальній Востокъ и по многимъ причинамъ очутившіеся на улицѣ.

А телеграфное агентство торопится прокричать, что „на Шилкѣ все спокойно“. „Всѣ казенныя работы обезпечены русской силой,— захлебывается отъ удовольствія ея телеграмма. -Продолжающихъ прибывать на работы съ трудомъ удается пристраивать“.

„Температура“ дѣйствуетъ, а „души“ по-прежнему нѣтъ... А „душа“ тутъ особенно нужна.

Подвиги восторговцевъ на Дальнемъ Востокѣ.

Уже давно со стороны правыхъ организацій центра обращено было особое вниманіе на нашу окраину. Надо ли объяснять это явленіе ревностнымъ желаніемъ этихъ круговъ „спасать“ окраину отъ уклоненія отъ міросозерцанія испытанныхъ патріотовъ, такъ какъ она наиболѣе заподозрѣна въ накопленіи „непослушныхъ элементовъ“, или же здѣсь легче производить „за глазами“ всякіе эксперименты и сообщать благопріятныя свѣдѣнія объ успѣхахъ дѣла,—такой вопросъ оставимъ открытымъ.

Со смертью Гришмута монархическіе московскіе благотворители пожелали создать въ одномъ изъ новыхъ селеній въ Уссурійскомъ краѣ школу-церковь, въ „залѣ“ которой производились бы политически-нравоучительныя собесѣдованія, съ условіемъ назвать залъ именемъ чествуемаго „идеалиста“. Поиски такого села были поручены энергичному миссіонеру-монаху изъ вдовыхъ священниковъ, прославившемуся фанатической преданностью пропагандѣ „Русскаго Знамени“ Дубровина и давшему нѣсколько игривыхъ темъ для фельетоновъ мѣстныхъ газетъ, такъ какъ онъ безстрашно „сцѣплялся“ съ любымъ сосѣдомъ на пароходѣ или въ желѣзнодорожномъ вагонѣ и былъ весьма популяренъ, какъ отважный философъ въ поискахъ и изобличеніи „сознательныхъ“ разумниковъ „язвы“ нашихъ дней... Но и такому знатоку человѣческихъ сердецъ и края, какъ этотъ миссіонеръ, долго не удавалось соблазнить ни одно село назваться „Гришмутовкой“ и воспользоваться жертвуемыя москвичами благами. Наконецъ, удалось на глухомъ морскомъ побережьи между Николаевскомъ и Владивостокомъ отыскать одно старовѣрческое село, къ которому „по ошибкѣ“ оказался причисленнымъ нѣкій православный съ боевыми наклонностями. За „однимъ“ православнымъ причислили еще нѣсколькихъ, а затѣмъ раздѣлили село на двѣ части, и одну изъ нихъ назвали желанной „Гришмутовкой“. Но прошло уже нѣсколько лѣтъ, а не слыхать о постройкѣ обѣщанной церкви, на которую, по словамъ миссіонера, давно присланы 5.000 рублей

и должны прибыть еще деньги по окончаніи постройки на содержаніе причта, согласно волѣ жертвователей. Фактомъ остается то обстоятельство, что старообрядцы, желавшіе воздвигнуть свой храмъ въ этомъ селѣ Терпѣ, посрамлены: ихъ священникъ отказался здѣсь жить, не желая вѣчной свары съ близкими сосѣдями, навязанными судьбою. А вслѣдъ за симъ прекратилось движеніе старообрядцевъ къ намъ вообще, такъ какъ они увидѣли, какъ здѣсь игнорируется неприкосновенность свободы исповѣданія, на которую они надѣялись, выбираясь на пустынный берегъ. И остановилось заселеніе побережья, брошены разговоры о массовомъ переселеніи „австрійцевъ“ и прочихъ старовѣровъ, извѣстныхъ своимъ умѣньемъ устраиваться самостоятельно, оживлять дикія мѣста. Впрочемъ, такая политика задержки правильной колонизаціи края поощрялась прежнимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, и ей по инерціи покровительствуютъ военныя власти и теперь, такъ какъ считаютъ необходимымъ, для стратегической упрощенности плана защиты окраины на случай войны съ Японіей, держать морскую линію безлюдною, чтобы врагъ не имѣлъ возможности внезапно перерѣзать сообщеніе Владивостока или Никольска-Уссурійскаго съ Хабаровскомъ прорывомъ чрезъ Сихота-Алинь. Такая легенда воспитывалась генералъ-инженеромъ Унтербергеромъ, который не скрывалъ своего взгляда, что переселенцы нужны ему, лишь какъ контингентъ для скорой вербовки запасныхъ, а по существу представляютъ мародеровъ, какихъ надо будетъ гнать въ первую голову въ случаѣ новыхъ военныхъ дѣйствій. Эта легенда, отрицающая необходимость для края удобныхъ путей передвиженія, тормозящая по принципу устройство переселенцевъ, пережила своего вдохновителя въ лицѣ могущественныхъ распорядителей громадными ассигновками на продолжающееся укрѣпленіе границъ окраины. Между тѣмъ, для поверхностнаго глаза уже видно, что край не можетъ готовиться къ реваншу, а долженъ заботиться о колонистахъ, обезпечивъ себѣ мирное развитіе путемъ дипломатіи, ибо въ случаѣ военныхъ дѣйствій онъ подвергнется не опасности быть перерѣзаннымъ съ татарскаго побережья на двѣ части, а опасности прекращенія движенія въ любой точкѣ теченія Амура по границѣ съ Манчжуріей и оставленія на неопредѣленное время безъ всякой помощи. А по

сему казалось бы важнымъ покровительствовать широкой постановкѣ дорожнаго строительства и усиленію связи между отдѣльными частями заселяемаго края, хотя бы для планомѣрнаго отступленія населенія въ случаѣ неудачи дипломатіи и начала военныхъ предпріятій. Нельзя гнаться за двумя зайцами. Да и для самой грандіозной Амурской желѣзной дороги необходимы подъѣздные пути и выходы къ океану. Къ тому же самое главное преимущество нашей окраины, несомнѣнно, состоитъ въ возможности широкой эксплуатаціи моря, а для сего необходимо и насадить населеніе на побережьи, и пріучить его къ новымъ промысламъ, указавъ ему близкіе удобные рынки и обезпечивъ его существованіе на всякіе случаи стихійныхъ невзгодъ.

Такимъ стойкимъ элементомъ для заселенія безлюднаго морскаго берега являлся старообрядческій, сильный и матеріально, и сплоченностью духовной. Но, къ сожалѣнію, этотъ умѣющій самостоятельно устраиваться въ самыхъ трудныхъ условіяхъ элементъ былъ встрѣченъ недружелюбно фанатиками воинствующаго миссіонерства при первыхъ попыткахъ положить начало осѣдлости. И, вмѣсто прочныхъ селеній, мы имѣемъ рядъ рѣдкихъ деревень, живущихъ какъ на бивуакахъ, могущихъ во всякую минуту сняться и уйти снова кочевать...

За то это населеніе „радуетъ“ тѣмъ, что ввѣрено руководительству дешевыхъ, но убѣжденныхъ „батюшекъ“ съ упрощенныхъ, скороспѣлыхъ миссіонерскихъ „курсовъ о. Восторгова“. Большинство служащихъ подобрано изъ людей рослыхъ, съ звучнымъ голосомъ, развязностью рѣчи и обращенія, съ сознаніемъ своей особой высокой миссіи. Конечно, многіе боевые лозунги, горячо отстаиваемые въ центрѣ Россіи, здѣсь приходится оставить: такъ, здѣсь нѣтъ возможности распространяться о засильи инородцевъ, „жидовъ“, „жидо-кадетовъ“. Если вести рѣчь о необходимости вытѣснять китайцевъ съ работъ, то это будетъ касаться или крупныхъ казенныхъ предпріятій, или пріисковъ, а не мелкихъ хозяйствъ, такъ какъ новоселы скоро акклиматизируются и познаютъ сами выгоду употребленія китайцевъ и корейцевъ для своихъ сельскихъ работъ, ибо видятъ ихъ въ массѣ на поляхъ старожиловъ, казаковъ и даже такихъ арендаторовъ земли, какъ архіерейская заимка или церков-

ные надѣлы. Но остается свобода произносить „крѣпкія“ проповѣди, порицая пороки: пьянство, непослушаніе начальству, неуважительное отношеніе къ церкви и обрядамъ, по образцамъ, выработаннымъ пламенными Виталіемъ, Иліодоромъ и прочими хулителями „прогресса и революціи“...

Надо ли говорить, что роль олицетвореннаго зла здѣсь приходится приписывать прежде всего учителямъ? Многіе изъ нихъ получаютъ кличку революціонеровъ и подпадаютъ подъ подозрѣніе своихъ односельчанъ. На такой почвѣ кое-гдѣ удается „батюшкамъ“ убѣждать крестьянъ составлять приговоры о закрытіи министерской школы и замѣнѣ ея церковно-приходской, или же объ отказѣ строить зданіе школы и объ обращеніи отпущенной ссуды на постройку сперва дома для причта или церкви, хотя она имѣется близко.

На первыхъ порахъ такая дѣятельность новыхъ „батюшекъ“ вызывала вниманіе, казалась полезной для края, такъ какъ свидѣтельствовала о несомнѣнномъ энергичномъ воздѣйствіи на жизнь деревни со стороны просвѣщенныхъ руководителей и объ ихъ соотвѣтствіи умственному и нравственному уровню паствы, оказывающей имъ полное довѣріе. Многимъ такимъ священникамъ крестьяне выдали полномочія получать пособія и ссуды на общеполезныя надобности: постройку школъ, церквей и пр.

Но немного времени прошло, и наступило разочарованіе, и не только у стороннихъ наблюдателей, но и у самихъ крестьянъ-довѣрителей.

Во-первыхъ, нѣкоторые „батюшки“, при видѣ матеріальной необезпеченности своей паствы и не замѣчая успѣха отъ объясненій, что „можно молебенъ и въ полтинникъ служить, но самъ посуди, что можетъ быть добраго отъ платы меньше рубля въ новомъ краѣ?“, не получая заказовъ на обѣдни и другія службы, сочли необходимымъ объявить опредѣленную таксу на требы крещенія, вѣнчанія, похоронъ. Многимъ крестьянамъ это не понравилось. Во-вторыхъ, при дороговизнѣ жизни на окраинѣ, многіе священники вынуждены были напомнить крестьянамъ о „руги“; а это также вызвало неудовольствіе. Въ третьихъ, нѣкоторые „батюшки“ смѣшали въ счетахъ покупки на церковь съ личными заказами явно не церковныхъ вещей, какъ сапоги, граммофонъ, напитки, и тѣмъ уронили себя въ глазахъ строптп-

выхъ прихожанъ. Въ четвертыхъ, многіе священники попали подъ подозрѣніе, будто израсходовали большую часть приготовленнаго строительнаго матеріала на причтовые дома, а не на храмы или школу; а извѣстно, какъ мелочно-грубо придирчивы невѣжественные крестьяне, разъ данъ просторъ ихъ подозрительности: никакой деликатности не признаютъ. Въ-пятыхъ, кое-гдѣ „батюшкамъ“ пришлось съ бою брать свои права на землю: отнимать самоуправно, по мнѣнію крестьянъ, причтовый надѣлъ, т. е. отчуждать себѣ школьную землю или просить землемѣровъ выдѣлить изъ крестьянскаго надѣла сотню десятинъ разработанной новоселами земли.

Такія обстоятельства, говорившія объ обязанности прихожанъ содержать свой причтъ, услугами котораго они пользуются, поколебали расположеніе крестьянъ къ выписнымъ „батюшкамъ“, несмотря на полную рѣшимость многихъ изъ нихъ опроститься, примириться съ невзрачными жилищами, съ отсутствіемъ состоятельныхъ прихожанъ. Въ то же время нѣкоторые священники, заброшенные судьбою въ глушь, познали неожиданно дороговизну самыхъ необходимыхъ продуктовъ, ничтожность того оклада, на какой они поѣхали, считая его на „россійскую“ мѣрку достаточнымъ для непритязательной жизни.

Но эти факты неудовлетворенности, какъ прихожанъ пастырями, такъ и пастырей пасомыми, не тревожатъ распорядительныхъ сферъ, и на нашу окраину, какъ изъ рога изобилія, продолжаютъ изливаться новыя блага: предположенъ къ открытію рядъ новыхъ монастырей для укрѣпленія воспитательнаго воздѣйствія на населеніе. Для женскаго монастыря уже отведенъ самый жирный кусокъ земли въ посту Святой Ольги на Татарскомъ побережьи. Этотъ постъ до сихъ поръ не имѣетъ правильнаго устройства. Губернаторъ Флугъ призналъ необходимымъ имѣть на пути изъ Владивостока въ Николаевскъ, на протяженіи 1500 верстъ, хотя бы одинъ городъ, и образовалъ коммиссію для выработки земельнаго плана будущаго города; но этому дѣлу ставилъ тормазы генералъ-губернаторъ Унтербергеръ. Губернаторъ Свѣчинъ поддержалъ мнѣніе генерала Флуга, но не успѣлъ осуществить его, заболѣлъ и уѣхалъ. Между тѣмъ, въ посту Ольги нѣтъ ни сельскаго управленія, ни временного схода

обывателей, хотя число ихъ превышаетъ двѣсти домохозяевъ; всѣмъ завѣдуетъ лѣсничій, считающій обывателей простыми арендаторами оброчныхъ статей. Поэтому неудивительно, что въ текущемъ году выгнали изъ селенія „Кошки", стоящаго при входѣ въ бухту тихой пристани (гдѣ расположенъ постъ Ольги) вѣковыхъ обитателей китайцевъ и очищенное мѣсто отдали подъ проектируемый женскій монастырь. Въ этомъ селеніи, во время разцвѣта экономической жизни его лѣтъ пятнадцать тому назадъ, собиралось до 5.000 человѣкъ, промышлявшихъ морскою капустой. Послѣ японской войны этотъ промыселъ палъ, но тѣмъ не менѣе „Кошка" не потеряла значенія, такъ какъ составляетъ единственный, удобный для навигаціи въ теченіе круглаго года пунктъ на всемъ протяженіи залива Святой Ольги. Этотъ портъ испытанъ вѣками; во внутреннюю гавань — „тихую пристань" могутъ заходить пароходы съ малой осадкой даже лѣтомъ; крупные же океанскіе пароходы никогда не рискуютъ проникать чрезъ узкое горло и останавливаются на внѣшнемъ рейдѣ, близъ „Кошки"; здѣсь же берутъ прѣсную воду, потому что болѣе нѣтъ подхода къ ручьямъ: всюду — скалы или отмели по всему заливу Святой Ольги, кромѣ „Кошки". Здѣсь была главная стоянка паруснаго каботажнаго флота у китайцевъ, пока его разрѣшали, и здѣсь же, конечно, возникъ бы флотъ русскихъ поселянъ, если бы эту мѣстность сохранили въ чертѣ будущаго города Ольги, какъ естественную гавань, такъ какъ зимою именно здѣсь стоятъ всѣ пароходы, здѣсь разгружаются они въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ году.

Но кому охота указывать на интересы переселенія или города? Кто рѣшится сказать, что лакомый кусокъ удобной земли въ долинѣ „Кошки" не можетъ быть отданъ монастырю? Обыватели будущаго города? Но ихъ нѣтъ, какъ организованнаго цѣлаго. А отдѣльныя лица разсуждаютъ, что монастырь сыграетъ важную культурную роль, подобно Шмаковскому монастырю въ Уссурійскомъ краѣ, сумѣвшему организовать сельское хозяйство.

Владивостокская пресса указала на возможность женскій монастырь поставить при входѣ въ заливъ Святой Ольги на островѣ Чихачева, такъ какъ этотъ островъ не имѣетъ маяка и представляетъ большую опасность для судовъ во

время тумановъ, продолжающихся здѣсь съ апрѣля по августъ. Очевидно, морское вѣдомство не заботится не только о нуждахъ коммерческаго флота и о безопасности плаванія по побережью, даже не увеличиваетъ числа маяковъ, не устанавливаетъ новыхъ необходимыхъ знаковъ и для своихъ нуждъ, не интересуется создать между Владивостокомъ и Николаевскомъ ни опорной бухты, ни обезпеченной стоянки. Если бы осуществился проектъ созданія монастырской церкви на скалѣ Чихачева, то здѣсь ночью горѣлъ бы электричествомъ храмовой крестъ, а въ туманные дни звонилъ колоколъ, какъ вѣстникъ правильнаго пути... А то теперь пароходы бродятъ часто подлѣ входа въ бухту часами и даже цѣлыми днями...

Но мало надежды на то, чтобы Восторговскіе планы могли охватить насущныя нужды нашего торговаго мореплаванія.

Не въ эту сторону направлены ихъ усилія.

Чиновники, участники отвода земли подъ монастырь, стыдливо замѣчаютъ, что они не всю падь „Кошки“ отрѣзали въ надѣлъ духовному вѣдомству, а лишь прибрежную полосу, вершину же долины оставили въ видѣ свободной оброчной статьи.

Но развѣ для эксплуатаціи не годится прибрежная полоса?... „Восторговцы“ удовлетворены Соломоновымъ дѣлежомъ интересовъ „города“ и монастыря...

„Восторговцы вообще имѣютъ большой успѣхъ у насъ. Недавно въ Хабаровскѣ созывались мѣстные священники на повторительные курсы; читать лекціи долженъ былъ самъ протоіерей Восторговъ. На эти курсы сбирались и захолустные священники, ставящіе себѣ въ особую заслугу умѣнье противодѣйствовать „затѣямъ“ учителей, склонныхъ къ свободомыслію; а умѣнье это выражается отрицаніемъ нужды въ классныхъ пособіяхъ, вродѣ глобуса, географическихъ картъ, компаса и т. п. Неграмотные сельскіе воротилы вполнѣ солидарны съ „батюшками“, имѣющими небольшой образовательный цензъ и помнящими, что въ молодости ихъ свободомысліе проявлялось въ либеральномъ толкованіи первыхъ начатковъ именно по географіи... Такіе то властные господа и чувствуютъ, что теперь на ихъ сторонѣ сила, на ихъ улицѣ праздникъ.

Сибирскія письма.

Томскъ (*Городскія дѣла. Выпады противъ печати.—Прекращеніе черносотеннаго органа.—Два слова о лягушкѣ*). Въ помѣщенной въ № 15 „Сибирскихъ Вопросовъ“ статьѣ „Въ городскомъ тупикѣ“ у васъ достаточно подробно было обрисовано положеніе нашихъ городскихъ дѣлъ и роль назначеннаго правительствомъ городского головы, раззоряющаго хозяйство и обезпложивающаго дѣятельность многочисленныхъ думскихъ коммиссій и самой думы. Скандальный отчетъ городской управы за 1908 г., принятый думой ничтожнымъ большинствомъ ея, исключительно при поддержкѣ гласныхъ—профессоровъ университета, разсмотрѣнный на дняхъ въ губернскомъ Присутствіи по городскимъ дѣламъ, не утвержденъ послѣднимъ, на чемъ настаивало и оппозиціонное меньшинство гласныхъ. Въ Присутствіи за утвержденіе отчета поданъ былъ единственный голосъ, принадлежавшій профессору и ректору университета И. А. Базанову, перещеголявшему своей реакціонностью всѣхъ членовъ Присутствія. Чуть ли не въ тотъ самый день, какъ состоялось это присутствіе, въ думѣ разсматривался докладъ ревизіонной коммиссіи думы по отчету управы за 1910 г. Отчетъ и за этотъ годъ отличался тѣми же достоинствами, оцѣнку которыхъ нужно искать въ уложеніи о наказаніяхъ. Группировка гласныхъ на этомъ засѣданіи оказалась нѣсколько иной, и отчетъ за 1910 г. думой не былъ утвержденъ. Возникъ поэтому вопросъ о привлеченіи городского головы Н. М. Некрасова и членовъ управы къ отвѣтственности уголовнымъ порядкомъ и о предъявленіи иска о причиненныхъ городу его хозяйничаньемъ убыткахъ. По отчету и за этотъ годъ выступаютъ тѣ же особенности и пріемы веденія городского хозяйства: перерасходъ городскихъ денегъ свыше 100.000 рублей, вопреки постановленіямъ думы, неисполненіе думскихъ постановленій, накопленіе недоимокъ, для собиранія и взысканія которыхъ не принималось мѣръ, вслѣдствіе чего крупныя суммы придется сложить за безнадежностью ко взысканію и т. д., и т. д. Для обсужденія вопроса о привлеченіи къ отвѣтственности головы и членовъ управы тутъ же постановлено было назначить на 27 іюня экстренное собраніе думы.

Но такъ какъ городское положеніе требуетъ для рѣшенія такихъ вопросовъ присутствія половины состава гласныхъ, у насъ 30 человѣкъ, то засѣданіе это не состоялось: явилось всего 24 гласныхъ, при чемъ голова и члены управы на засѣданіе не явились in-corpore. Въ виду этого на 8 іюля назначено второе экстренное засѣданіе думы, но и его, пѣтъ сомнѣнія, постигнетъ та же участь. Въ такомъ случаѣ гласные представятъ весь матеріалъ по вопросу о привлеченіи головы и членовъ управы къ отвѣтственности на разсмотрѣніе и заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ. А здѣсь — „такъ было, такъ будетъ", здѣсь своего ставленника въ обиду не дадутъ, хотя бы городу грозило окончательное разореніе.

Не является ли это положеніе вещей характерной иллюстраціей того, что совершается во всей Россійской имперіи, народное хозяйство которой трещитъ по всѣмъ швамъ?

На дняхъ выступила еще иллюстрація, характеризующая отношеніе нашей городской управы къ просвѣтительнымъ начинаніямъ. На пожертвованный городу П. И. Макушинымъ капиталъ въ сто тысячъ имъ выстроенно зданіе народнаго университета. Такъ какъ къ осени оно будетъ готово, то П. И. Макушинъ предложилъ городскому управленію обставить его мебелью, сдѣлать приспособленія для электрическаго освѣщенія, нанять штатъ прислуги и разсчитывалъ, что въ это зданіе перейдутъ Вечерніе Общеобразовательные Классы и Высшіе Женскіе Курсы, если не цѣликомъ, то въ какой либо необходимой имъ части. Городской голова не только не оказалъ вниманія этому предложенію, а даже выдвинулъ передъ думой вопросъ объ исключеніи изъ смѣты ассигнованныхъ уже думою 3000 руб. на обзаведеніе мебелью для народнаго университета, такъ какъ у города нѣтъ на это средствъ. И дума, при энергичной поддержкѣ профессоровъ Грамматикати, Базанова и Курлова, къ величайшему стыду нашему только носящихъ званіе профессоровъ, отмѣнила свое постановленіе и исключила ассигнованныя деньги. А такъ какъ никакимъ просвѣтительнымъ обществамъ и учрежденіямъ, даже соединенными ихъ капиталами, не подъ силу завести для этого большого учрежденія на свой счетъ меблировку, электрическія приспособленія и довольно большой штатъ прислуги по трехъэтажному зданію съ центральнымъ

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

отопленіемъ, то ясно, что выстроенный народный университетъ, при такомъ отношеніи къ его функціямъ городского управленія, останется формой безъ содержанія.

Со стороны мѣстнаго губернатора П. К. Граба систематически ведется кампанія противъ мѣстной печати. Этому администратору, лишенному способности ориентироваться въ происходящихъ явленіяхъ жизни, ничего не остается, какъ „стараться" проявлять рвеніе. Есть ли основаніе, нѣтъ ли его, въ этомъ надо разбираться, читать газетныя статьи и проникать въ ихъ смыслъ. Какъ тутъ проникать, когда собственнаго пороха для этого нѣтъ. И вопросъ рѣшается просто: налагается очередной штрафъ за что попало. Больше всего достается наиболѣе распространенной „Сибирской Жизни", съ предупрежденіемъ, что они и будутъ налагаться, а редакторы, сколько бы ихъ ни перемѣнилось, будутъ подвергаться заточенію. Редакція газеты находится въ крайнемъ недоумѣніи, за что именно она можетъ быть подвергнута карѣ, и лишена возможности избѣжать этого, именно по отсутствію какого-либо смысла въ тѣхъ основаніяхъ, по которымъ ее до сихъ поръ штрафовали.

Другая газета „Утро Сибири" избавляется отъ каръ только потому, что наполняется безобидными перепечатками, но въ этомъ случаѣ самая роль печати сводится къ переливанію изъ пустого въ порожнее.

Влачившая жалкое существованіе „Сибирская Правда", органъ человѣконенавистничества и всякихъ гнусностей, уже три мѣсяца какъ прекратила существованіе. Тѣшившійся этой затѣей проходимецъ-толстосумъ пересталъ давать деньги. Только когда произошелъ инцидентъ разбойнаго вторженія студенческаго отряда въ редакцію „Сибирской Жизни", съ цѣлью нанести увѣчье одному изъ членовъ редакціи, только тогда этотъ проходимецъ, смаковавшій позоръ паденія людей, носившихъ званіе студента, выбросилъ деньги для выпуска грязнаго номера. Онъ, конечно, не откажется и впредь явиться со своими темными деньгами, если накопится достаточно грязи, чтобъ вытряхнуть ее на общество...

Въ заключеніе два слова о лягушкѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ, въ окрестностяхъ Томска найденъ былъ новый въ наукѣ видъ лягушки, отличающейся огромными размѣрами и развитыми

резонаторами. Нигдѣ въ мірѣ такая лягушка еще не встрѣчалась и только въ Америкѣ была извѣстна болѣе или менѣе близкая форма. Профессоръ зоологіи мѣстнаго университета Н. Ѳ. Кащенко, которому лягушку доставили, взялся за опредѣленіе ея, и ничего лучшего придумалъ, какъ назвать ее въ честь Флоринскаго, перваго сибирскаго попечителя учебнаго округа и перваго гасителя просвѣщенія, оставившаго по себѣ и въ университетѣ, и въ округѣ столь печальную память. Для чего было увѣковѣчивать достаточно одіозное имя давно сошедшаго со сцены дѣятеля, для чего было напоминать о томъ, что не заслуживаетъ памяти? Еще можно было понять хлопоты г. Кащенки, когда онъ проводилъ Флоринскаго въ почетные члены Общества естествоиспытателей и врачей, послѣ того, какъ тотъ былъ забаллотированъ, въ его предсѣдатели; тогда надо было позолотить пилюлю, а теперь-то чего ради?.. Удивительна эта зоологическая политика...

— (*Политиканствующіе пастыри и нерадивая паства*). Если вообще русское духовенство проявляетъ необычайную дѣятельность, направленную къ занятію видной позиціи въ предстоящей предвыборной кампаніи, то томскіе пастыри въ этомъ направленіи собираются побить рекордъ. Удивляться нечему, если вспомнить, что во главѣ дѣла стоитъ архіепископъ Макарій.

„Ветхій деньми“ старецъ, послѣ недавней продолжительной болѣзни, снова воспрялъ духомъ, снова мечетъ громы и молніи по адресу интеллигенціи.

Онъ грозитъ снятіемъ сана и увольненіемъ за штатъ тѣмъ изъ духовенства, кто не проявитъ достаточно усердія въ черносотенной агитаціи... Онъ самолично созываетъ городскихъ священниковъ и требуетъ отъ нихъ присоединенія къ союзу „русскаго народа“. Онъ разсылаетъ циркуляры и образцы проповѣдей сельскому духовенству и предписываетъ произносить ихъ возможно чаще, а благочиннымъ слѣдить за точнымъ выполненіемъ его распоряженій. Наконецъ, „настропивъ дѣло“, ѣдетъ самолично на Алтай.

Какой-то здоровенный, съ громовымъ басомъ, діаконъ, на каждой пристани, гдѣ есть народъ, взбирается на возвышенное мѣсто и произноситъ „поученіе“. Владыка же

въ это время смотритъ изъ окна, подаетъ „оратору“ условныя реплики и благословляетъ слушателей.

Очевидцы передаютъ такой курьезъ: на одной изъ пристаней діаконъ взобрался на крышу пароходнаго ватерклозета и „возопилъ гласомъ великимъ“. Публика на берегу удивленно оглядывалась, перешептывалась, пересмѣивалась.

— Братіе...—началъ „ораторъ“,—духовенство—соль земли, оно ближе всѣхъ стоитъ къ вамъ, знаетъ ваши нужды. Съ самаго начала Руси духовенство стоитъ на правильномъ пути и твердой почвѣ...

Въ этотъ моментъ раздался трескъ... Оказалось, крыша не выдержала „соли земли“ и рухнула, скрывъ подъ собою діакона.

Гомерическій хохотъ огласилъ берегъ. Послышался громкій свистъ. И какъ ни пытался діаконъ продолжить рѣчь, ему не удалось.

Настроенные на веселый ладъ, слушатели мѣтко острили по адресу виновника веселья.

— Нерадивая паства...—произнесъ архіепископъ и захлопнулъ окно.

Съ церковнаго амвона, гдѣ только было возможно, говорилъ самъ старецъ, всюду восхваляя доблести союзниковъ и рекомендуя выбирать депутатовъ только правыхъ и объединяться съ партіями не лѣвѣе „правѣйшихъ октябристовъ“.

— Объединяйтесь, пастыри,—заканчивалъ всякій разъ проповѣдникъ,—объединяйтесь на трехцвѣтномъ знамени и къ этому призывайте свою паству: разъясняйте ей всю важность наступающаго предвыборнаго момента. Для этого вамъ нужно будетъ прочитывать и говорить народу съ церковной каѳедры поученія, составленныя мною на этотъ случай. Не будетъ лишнимъ, если время отъ времени вы будете прочитывать въ церкви изъ моихъ проповѣдническихъ трудовъ рѣчи: „Объединяйтесь, русскіе люди“ и „Объединимся!“..

Намъ приходилось читать и слышать рекомендуемыя архіепископомъ рѣчи. Онѣ представляютъ изъ себя ни больше, ни меньше, какъ обычные черносотенные листки, съ начала и до конца отравленные человѣконенавистнической тенден-

ціей самаго низкопробнаго пошиба. Вотъ какую литературу рекомендуетъ „пастырь добрый“ вниманію пасомыхъ!

По слѣдамъ архіепископа Макарія выступаетъ протоіерей Беневолепскій со своимъ спо дручнымъ, діакономъ Рукавишниковымъ. Они выѣзжаютъ въ села и деревни, агитируютъ и поучаютъ крестьянъ. Несмотря на полевыя работы, старосты, къ пріѣзду „гастролеровъ“, сгоняютъ крестьянъ. Послѣдніе всѣми мѣрами и способами отказываются выслушивать пасторскія „поученія“, но все-же не осмѣливаются протестовать открыто.

Не меньше усердствуютъ и сельскіе батюшки, навязывая народу „депутатовъ отъ духовенства“. Въ нѣкоторыхъ селахъ по рукамъ ходитъ гектографированная прокламація слѣдующаго содержанія:

„Кто ваши молитвенники передъ Богомъ? Пастыри православной церкви. Кто васъ дѣлаетъ христіанами? Пастыри. Кто молится за васъ? Пастыри. Кто васъ утѣшаетъ въ горѣ, нуждѣ и болѣзни? Пастыри. Кто васъ оберегаетъ отъ грѣха? Пастыри. Кто молится за васъ, когда вы умрете? Пастыри. Вся ваша жизнь тѣсно связана съ церковью православной и духовенствомъ. Духовенство „соль земли“ отъ начала государства россійскаго и до нашихъ дней... А кто ваши враги? Враги ваши вокругъ васъ. Ихъ много и они въ разныхъ шкурахъ: одинъ въ волчьей, другой въ овечьей, третій въ лисьей. Они называются кадетами, трудовиками, соціалъ-демократами, революціонерами, анархистами. Берегитесь ихъ! Бѣгите ихъ и денно, и нощно! Бойтесь ихъ и не вѣрьте ихъ льстивымъ рѣчамъ! Къ добру они васъ не приведутъ. На умѣ у нихъ только зло. Кого-же вы предпочтете выбрать въ Думу? Врага или ближняго друга? Какого-нибудь инородца или христіанина? Выбирайте христіанина, будетъ хорошо и стократъ хорошо, если онъ изъ духовенства, знающаго ваши печали и нужды, всегда и во всемъ близкаго вамъ“...

Кто авторъ этой галиматьи, неизвѣстно, но очевидно одно, что онъ, во всякомъ случаѣ, лицо, близкое къ духовнымъ сферамъ...

Характернымъ является стремленіе духовенства не пропускать въ „предвыборномъ смыслѣ“ ни одного случая.

Какъ уже сообщалось въ „Сибирскихъ Вопросахъ“ со

словъ томскихъ газетъ въ деревнѣ Вороновой разгорѣлся споръ духовенства съ крестьянами изъ за иконы. Споръ этотъ принялъ довольно бурное направленіе, включительно до вмѣшательства полицейской власти. Убѣждать крестьянъ отдать икону въ распоряженіе епархіальной власти явился какой-то черноризецъ. Между дѣломъ онъ завелъ рѣчь о выборахъ и предложилъ крестьянамъ присоединиться къ истинно-русскимъ людямъ и духовенству.

Крестьяне обидѣлись.

— А мы-то развѣ не русскіе? Нѣтъ, неладное ты говоришь, отецъ! Ступай-ка по добру по здорову, откудова пришелъ...

Вообще, населеніе не сочувствуетъ, по всѣмъ даннымъ, предвыборному настроенію духовенства, и чѣмъ больше усердствуютъ „политикапствующіе пастыри", тѣмъ больше и больше роняютъ свой авторитетъ въ глазахъ народа.

Много шуму изъ пустяковъ.

(Къ сенаторской ревизіи графа Медема).

Заканчивается ликвидація результатовъ ревизіи сенатора графа Медема, поглотившей колоссальную сумму народныхъ денегъ. И только ревизіей при помощи общественныхъ дѣятелей, по иниціативѣ общества, а не правительства, можно бы установить, чего стоятъ всѣ эти сенаторскія ревизіи. Онѣ лишь увеличиваютъ тотъ минусъ, который реализуется въ видѣ милліонныхъ потерь для государственнаго казначейства въ денежномъ отношеніи, и въ видѣ той деморализаціи, какую они вносятъ и въ общество, и въ ревизуемую среду въ моральномъ отношеніи.

Корреспонденту трудно, конечно, надлежащимъ образомъ освѣтить подоплеку сенаторскихъ ревизій, и еще труднѣе добыть матеріалъ, съ которымъ ревизоры оперируютъ съ такой тайной.

Попытаемся прибавить еще нѣсколько штриховъ къ тому, что уже было раскрыто въ печати.

Въ „Сибирскихъ Вопросахъ" уже сообщалось, что вся ревизія гр. Медемъ опиралась на доношеніяхъ членовъ союза русскаго народа или удаленныхъ за какія либо „хорошія" дѣянія лицъ со службы на Сибирской желѣзной дорогѣ. Эти своекорыстныя, злобныя и пристрастныя доношенія слу-

жили моментомъ для возбужденія дѣла, для раскрытія злоупотребленій, для привлеченія къ суду виновныхъ въ нихъ. Само собою разумѣется, обвиненія не только не касались самихъ доносителей, членовъ союза русскаго народа, главнымъ образомъ повинныхъ во всякаго рода мерзопакостяхъ, а ревизія старалась всѣми способами выгородить ихъ и обѣлить. Разсказываютъ, что въ числѣ такихъ выгораживаемыхъ находился инженеръ Епифановъ, управлявшій Анжерскими казенными каменноугольными копями и устраненный управленіемъ дороги за разныя дѣлишки. При ревизіи копей былъ приглашенъ въ качествѣ эксперта преподаватель геодезіи въ мѣстномъ технологическомъ институтѣ П. К. Соболевскій. Это очень большая „извѣстность“ среди институтскаго преподавательскаго персонала. Во время ревизіи института министерскимъ посланцемъ Спѣшковымъ Соболевскій игралъ самую важную роль по доставленію матеріала для доклада ревизора. Вдохновляемый попечителемъ Лаврентьевымъ, Соболевскій постарался въ характеристикѣ своихъ коллегъ по части ихъ революціонности и сдѣлалъ то, что, несмотря на обнаруженную теперь клеветническую канву доклада Спѣшкова, цѣлый рядъ лучшихъ профессоровъ института удаленъ, а самъ Соболевскій никому, кромѣ Спѣшкова, неизвѣстный своими учеными трудами (ибо они всѣ въ многочисленныхъ рукописяхъ и въ головѣ Соболевскаго in statu nascendi) получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Такъ вотъ этотъ Соболевскій, которому бывшіе коллеги теперь не подаютъ руки, предоставляя довольствоваться рукопожатіемъ одного г. Лаврентьева, показался гр. Медему подходящимъ экспертомъ, и въ результатѣ исчезло болѣе сотни документовъ, компрометирующихъ г. Епифанова. Куда они дѣлись, неизвѣстно, не знаютъ этого ни гр. Медемъ, ни г. экспертъ... Это одинъ изъ результатовъ сенаторской ревизіи.

Другими результатами ея являются неоплаченные счета въ нѣсколько сотъ рублей за квартиру, занимавшуюся гр. Медемъ у г. Баконскаго, и за бакалейные товары по одному магазину. Будто бы, мотивомъ къ отказу отъ платежей явилось неполученіе деньгъ ревизіей, затянувшей свои работы дольше назначеннаго ей срока ея „дѣятельности“.

Къ результатамъ ревизіи слѣдуетъ отнести и тѣ назначенія, движенія по службѣ, какія получили ея сотрудники.

Одинъ изъ нихъ, небольшой чиновникъ, но, должно быть, ужъ очень усердный, получилъ назначеніе на весьма отвѣтственный постъ управляющаго Томской контрольной палатой. Хорошо бы, говорятъ его сослуживцы, если бъ гр. Медемъ простеръ свое благорасположеніе и провелъ своего ставленника въ сенаторы, что ли, чѣмъ оказалъ бы двойную услугу.

Другимъ сотрудникамъ гр. Медема не такъ повезло. Напримѣръ, товарища прокурора Закалинскаго причислили къ министерству юстиціи, а товарища прокурора Горянинова назначили мировымъ судьей въ Камчатку. Положимъ, Камчатка страна великаго будущаго: съ легкой руки протопопа Восторгова, она въ самое недавнее время пріобщилась къ союзу русскаго народа и не сегодня-завтра станетъ центромъ распространенія великихъ идей этой организаціи. Но все же... Камчатка!

Этотъ Горянинов былъ старшимъ чиновникомъ сенаторской ревизіи, которому была гр. Медемомъ поручена ревизія службы тяги. При очисткѣ мусора, оставшагося послѣ отъѣзда ревизоровъ, найдено такое стихотвореніе:

Я старшимъ называюсь,
Имѣю телефонъ,
Я тягой занимаюсь,
Люблю салонъ-вагонъ.
Спознался со Степаномъ:
Боясь въ калошу сѣсть,
Прошу его и день, и ночь
Все разсказать, что въ тягѣ есть.
Забывъ свою родную мать,
Стремлюсь я на Востокъ.
Америка—вотъ благодать,
Что твой Харбинъ, Владивостокъ
Туда, туда мои мечты!
Тамъ паровозы быстро ходятъ,
Висятъ на воздухѣ мосты.
Жаждой славы обуянный,
Ревизуя здѣшній край,
Въ край далекій, иностранный
Заглянулъ я невзначай.
Кинувъ временно дѣла,
Я къ Гондатти сѣлъ въ вагонъ,—
Въ жизни выкинуть козла
Не поможетъ ли мнѣ онъ.

Это также результатъ сенаторской ревизіи.

Побольше уваженія къ... провинціи.

Давно стало истиной, что въ провинціи все плохо: бѣдненькій театръ, доктора, порвавшіе связь съ наукой, неудачники адвокаты. Книгъ обыкновенно нѣтъ, газеты живутъ перепечатками. Картина не веселая, но почти обычная для каждаго провинціальнаго угла нашей обширной родины. Положеніе сибирской провинціи въ этомъ отношеніи еще

хуже. Удовлетвореніе духовныхъ нуждъ здѣсь почти не возможно. Въ экономическомъ отношеніи — приходится довольствоваться завалью московскихъ купеческихъ складовъ. Получается „заваль во всѣхъ отношеніяхъ". И въ области талантовъ, и въ области ситца и желѣза. Столица отдаетъ въ провинціальное захолустье только то, что ей самой не нужно.

Объясняется эта заброшенность и оторванность провинціи въ значительной степени и тѣмъ, что наша интеллигенція забываетъ свои медвѣжьи захолустья почти тотчасъ же, какъ только вырвется изъ нихъ. Сознаніе своей обязанности передъ провинціей почти совершенно отсутствуетъ. Въ Сибири, напримѣръ, до сихъ поръ нѣтъ своей интеллигенціи, ей приходится довольствоваться „навозными" интеллигентными силами, а вѣдь между тѣмъ ежегодно тысячи сибирской молодежи оканчиваютъ среднія учебныя заведенія и идутъ въ университетъ.

Но, попадая въ центръ столичной жизни, молодежь обычно теряетъ всякую связь съ интересами какого-нибудь захолустнаго Бійска, Кабанска или Верхоленска.

На сколько намъ извѣстно, этотъ вопросъ волновалъ особенно сильно только одного И. М. Ядринцева. И у него любовь къ провинціи и захолустью имѣла и свои реальные результаты. Какъ извѣстно, Ядринцевъ нигдѣ такъ охотно не сотрудничалъ, какъ въ провинціальныхъ газетахъ. Дѣлясь своимъ опытомъ и наблюденіями съ медвѣжьими углами тогдашней, еще болѣе заскорузлой провинціи, Ядринцевъ справедливо думалъ, что онъ не подвигъ дѣлаетъ, а только выполняетъ свой гражданскій долгъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь сибирскій патріотъ остался почти одинокимъ. Все это вспомнилось мнѣ неожиданно, теперь, въ захолустьѣ Бійскаго уѣзда, когда мѣстные крестьяне попросили меня почитать имъ газету.

Газета оказалась Бійскій „Алтай". Начали читать „Петербургскія письма". И невольно пришлось вспомнить про то, что провинція живетъ завалью. Вотъ нѣсколько перловъ „нашего корреспондента". Г. Борисъ Алтайскій пишетъ о морскомъ законопроектѣ: „архивліятельные (!!) наши милліонеры-землевладѣльцы или „аристократы" смыслятъ (!!) въ морскомъ дѣлѣ мало. Но, говорятъ, броненосцы имъ нра-

вятся, какъ игрушки: нравятся и морскія породы (sic!) броненосцевъ, куда болѣе грандіозные, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ церемоніальныя прохожденія (?!) маленькихъ миноносокъ, „истребителей миноносцевъ", подводныхъ лодокъ и т. п. судовъ, которыхъ желаетъ въ довольно изрядномъ количествѣ (?!) интеллигентная публика (!), занимающаяся изученіемъ морского дѣла (!)". Или дальше: „хорошая *оборона* берегамъ не мѣшаетъ въ силу того одного уже, что къ берегамъ стянулись у насъ уже десятки милліоновъ населенія, которымъ, разумѣется, не поздоровится (еще бы!!) отъ безпрепятственныхъ бомбардировокъ со вражескихъ судовъ". Въ другомъ № (129) рѣчь идетъ о „С.-Петербургскомъ Сибирскомъ Собраніи", и тамъ мы читаемъ, между прочимъ: „Послѣ движенія 1905—1906 г.г. такого страннаго (!!) и едва ли по существу-то „ликвидированнаго",—въ обществѣ безусловно и вопреки всевозможнымъ репрессіямъ остался значительный запасъ жизненной силы". Или объ Омулевскомъ: въ 1909 году кружкомъ былъ устроенъ вечеръ „Памяти покойнаго поэта-сибиряка Омулевскаго, типичнѣйшаго неудачника-интеллигента, благороднаго нусалиста (!?), проголодавшаго-горѣвшаго (sic) въ нуждѣ въ теченіе всей своей кратковременной жизни".

О возникновеніи Сибирскаго Собранія тотъ-же г. Борисъ Алтайскій повѣствуетъ: „Вл. Ив. Дзюбинскій составилъ уставъ „С.-Петербургскаго Сибирскаго Собранія" и *охлопоталъ* (!!) *объ его утвержденіи* (?!) градоначальникомъ. Уставъ утвердили и къ веснѣ 1910 г. С.-Петербургское Сибирское Собраніе конструировалось". „Читался въ тотъ сезонъ весьма приличный (!!) докладъ томскаго ученаго профессора Малиновскаго"... „Сезонъ прошелъ въ общемъ *ладно*, но не совсѣмъ *складно*": „на вечера даже (?!) проникли фокусники", „требовался порядокъ, для обозначенія котораго необходимо было управленіе фактически единовластное замѣнить управленіемъ *выборноколоніальнымъ* (sic!)" Въ Совѣтъ выбрали извѣстныхъ лицъ и „эти выборы знаменовали переходъ собранія къ режиму *колоніальновыборному*". „Порядка въ Собраніи больше, надзоръ „своя полиція",—дѣйствительнѣе и петербуржцевъ-танцоровъ выкуриваютъ (!!) энергично, къ немалому, само собой, и искреннему ихъ огорченію".

Можно бы выписать еще много подобныхъ „перловъ",

но, думается намъ, достаточно и приведеннаго, чтобы искренне возмутиться гг. „нашими корреспондентами“ и ихъ своеобразнымъ façon d'écrire. Вѣдь всѣ эти „ладно, да не складно, породы броненосцевъ, пусалисты и выборно-колоніальное управленіе, которое кого-то и гдѣ то выкуриваетъ“, все это гораздо болѣе напоминаетъ то, какъ разговариваютъ русскіе солдаты съ китайцами: „моя завтра ходи твой лавочка“, чѣмъ настоящій русскій языкъ. Особенно знаменательно, что это пишетъ г. Борисъ Алтайскій. Подпись его мы встрѣчали въ столичныхъ газетахъ въ „Рѣчи“, напримѣръ: у него есть статьи въ сибирскомъ календарѣ; онъ, наконецъ, на сколько намъ извѣстно, студентъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, и вдругъ: „породы броненосцевъ“ и „охлопоталъ объ его утвержденіи“! Когда въ газету пишетъ какой нибудь полуграмотный дьяконъ, заживо-затронутый тѣмъ или другимъ общественнымъ вопросомъ, или окончившій трехклассное училище инородецъ, тогда самая безграмотность становится только трогательной, и не мы, конечно, ее осудимъ. Но когда гг. Алтайскіе пишутъ въ своихъ столичныхъ письмахъ о „сухопутныхъ мониторахъ“, — тогда умѣстно возмущаться. Человѣкъ можетъ писать грамотно, но для провинціи это слишкомъ! „Туда можно и въ халатѣ! Стоитъ ли подтягиваться и вторично перечитывать корреспонденцію для какого то „Алтая“, издающагося въ Бійскѣ! Пусть и за то благодарятъ, что ихъ совсѣмъ не забываютъ!

Господа! Пощадите провинцію! Довольно съ насъ и ситцевой московской завали, чтобы вы къ намъ слали еще и литературную.

Провинція благодарна вамъ, что вы ее не забываете, но она еще болѣе будетъ благодарить васъ, если, живя въ столицахъ, вы будете дѣлиться съ ней вашими наблюденіями и мыслями на языкѣ взрослыхъ, на литературномъ русскомъ языкѣ, а не на ломаномъ русско-манчжурскомъ языкѣ солдатъ, объясняющихся съ китайцами.

Учительница *Об—ская.*

Деревенскія настроенія.

Наше деревенское населеніе въ данный моментъ цѣликомъ ушло и замкнулось въ своихъ чисто хозяйственныхъ

работахъ и заботахъ. Никакимъ постороннимъ вѣяніямъ, въ томъ числѣ и вѣяніямъ политической жизни, проходящей обычно внѣ деревни, органически съ ней не связанной и потому чуждой, доступа сейчасъ почти нѣтъ. По этому и приближающіеся выборы въ Четвертую Государственную Думу не только не сказываются здѣсь ничѣмъ, но даже не вызываютъ къ себѣ со стороны населенія ни малѣйшаго интереса.

Интересуются здѣсь сейчасъ исключительно однимъ, каковъ будетъ нынѣшній урожай. Еще не отошедшій и не пережитый голодный годъ заставляетъ все вниманіе сосредоточить на вилахъ на будущій урожай, на тѣхъ его возможностяхъ, какія представляетъ въ данный моментъ состояніе посѣвовъ.

Несомнѣнно, что весь край заинтересованъ въ урожаѣ, съ которымъ тѣсно связана и отъ котораго зависитъ вся хозяйственная жизнь, что значеніе урожая выходитъ изъ сравнительно узкихъ рамокъ благополучія деревни. Но не приходится также доказывать, что именно на деревнѣ онъ непосредственнѣе отзывается, ею больнѣе чувствуется, что урожай или неурожай рѣшаетъ ея судьбу и ставитъ грозный вопросъ о самомъ существованіи. Вызывая въ общемъ экономическомъ положеніи частичное разстройство и временный застой, неурожай разворотитъ деревню, какъ это доказала минувшая зима. Въ то время, когда все остальное населеніе жило, голодающее крестьянство, по его образному выраженію, *тянуло*. Сперва тянуло „до Егорія“, до весны, теперь дотягиваетъ „до Ильи“, когда, наконецъ, выяснятся вполнѣ результаты хозяйственнаго года.

Пока извѣстія, идущія съ разныхъ сторонъ Сибири, свидѣтельствуютъ въ общемъ объ условіяхъ въ смыслѣ результатовъ желательныхъ хорошихъ, а мѣстами и очень хорошихъ. Засуха прошлаго года, погубившая въ конецъ хлѣба и травы, смѣнилась обиліемъ влаги ранней весной, благопріятной погодой лѣтомъ съ во-время перепадавшими дождями. Этимъ поддержаны были всходы хлѣбовъ и обезпеченъ дальнѣйшій ихъ ростъ.

Изъ мѣстностей, пораженныхъ прошлымъ неурожаемъ, идутъ теперь такія вѣсти: въ Курганскомъ уѣздѣ всходы пшеницы и овса хорошіе; въ Тюкалинскомъ уѣздѣ всходы

хлѣбовъ очень хорошіе, въ Ишимскомъ уѣздѣ озимая рожь поднялась на низкихъ мѣстахъ почти въ ростъ средняго человѣка, на высокихъ нѣсколько меньше. Здѣсь „сѣяли на десятинѣ 6 пудовъ руками, 4 пуда сѣялкой, а собрать думаютъ не меньше 100 пудовъ".

Изъ Степного края сообщаютъ, что здѣсь „въ значительной части виды на урожай отличные; травы превосходны".

Не менѣе утѣшительныя вѣсти идутъ изъ Томской губерніи, Иркутской и другихъ мѣстъ Сибири, и можно сказать, что почти повсемѣстно виды на урожай самые благопріятные.

Но говорить объ урожаѣ, какъ таковомъ, еще преждевременно. Зависимость сельскаго хозяйства отъ такихъ случайностей, какъ состояніе погоды, невозможность предвидѣть ея измѣненій даже въ самомъ ближайшемъ будущемъ сводитъ виды на урожай чуть-ли не до полной его реализаціи къ надеждамъ, и надеждамъ неопредѣленнымъ, а направленное въ эту сторону вниманіе крестьянства дѣлаетъ особенно напряженнымъ, поглощаетъ его безъ остатка.

Это и понятно, разъ возможность урожая, и урожая хорошаго, крестьянинъ непремѣнно связываетъ съ возможностью начать хозяйственно жить сначала, т. е. не только обойтись безъ разныхъ ссудъ, но еще поправиться послѣ „несчастья".

Казалось бы, что первая возможность до извѣстной степени обезпечиваетъ остальныя, и въ мечтаніяхъ крестьянина нѣтъ ничего неосуществимаго. Но именно эта неосуществимость ясно опредѣляется теперь. Какъ это ни странно, но даже въ нынѣшній возможно урожайный годъ нельзя считать невозможными для деревни бѣдствія прошлаго, неурожайнаго года.

Не обязательно было быть пророкомъ, чтобы заранѣе предсказать невозможность для одного ближайшаго же урожая совершенно уничтожить всѣ слѣды раззоренія, оставленные въ крестьянскомъ хозяйствѣ неурожаемъ. Лѣченіе нанесенныхъ имъ хозяйственныхъ ранъ требовалось долгое и съ очевидной неизбѣжностью должно было затянуться еще не на одинъ годъ и не на одинъ урожай. Гораздо труднѣе было предвидѣть при урожаѣ повторность если не въ прямомъ смыслѣ неурожая, то, во всякомъ случаѣ, недорода.

Изъ нашихъ деревень, одновременно съ благопріятными „видами“, идутъ совсѣмъ уже неблагопріятныя вѣсти объ оставшихся незасѣянными поляхъ, о почти повсемѣстномъ сокращеніи площади подъ яровыми хлѣбами, выражающемся столь значительными цифрами, какъ 25 и даже 50%. Наибольшее количество мѣстъ, оставшихся безъ посѣвовъ, падаетъ на голодающую Западную Сибирь. Слѣдовательно, населеніе здѣсь если и поправится, то изъ кулька въ рогожку и нынѣшней зимой вновь обречено на голодовку.

Причинъ, приведшихъ къ сокращенію площади посѣва, много. Онѣ очень разнообразны, но, въ конечномъ счетѣ, могутъ быть сведены къ одной первопричинѣ, все къ той же организаціи продовольственной кампаніи, о которой уже столько разъ писалось и говорилось.

Въ настоящее время итоги продовольственной кампаніи въ Сибири уже подведены, и въ нихъ, между прочимъ, значатся милліоны пудовъ сѣменного хлѣба, на закупку котораго затрачены милліоны же рублей. А оставившіе свои поля незасѣянными особенно часто ссылаются на „недостатокъ и дороговизну сѣмянъ“. Иначе говоря, ссуды на обсѣмененіе по обыкновенію не выдано было во время, а успѣвшее къ веснѣ окончательно обнищать деревенское населеніе не имѣло средствъ, необходимыхъ для покупки сѣмянъ.

Сельское хозяйство всегда подвержено случайности, чѣмъ оно и отличается отъ прочихъ видовъ хозяйственной дѣятельности. Объяснялось это зависимостью сельскаго хозяйства отъ природы въ большей степени, нежели отъ приложенія труда человѣкомъ. Счастливое совпаденіе дѣйствій этихъ двухъ факторовъ до сихъ поръ считалось необходимымъ и достаточнымъ условіемъ для полученія желательныхъ результатовъ. Но разсуждавшіе такъ не принимали во вниманіе третьяго фактора, дѣйствующаго въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ и дѣйствующаго въ сторону случайности,—администраціи.

Въ текущемъ году наблюдалось какъ разъ „счастливое совпаденіе“, но стоило вмѣшаться „начальству“, какъ совпаденіе превратилось въ несчастливое. Обозначаться оно начало еще ранней весной, когда наступила пора приступать къ сельско-хозяйственнымъ работамъ. И въ то время, когда пахота не ждала и уходили лучшіе дни, крестьяне бездѣй-

ствовали и передъ ними „неотступно стоялъ вопросъ: стоитъ ли пахать, когда засѣвать нечѣмъ?“ Засѣвать нечѣмъ было потому, что крестьянскій начальникъ не выдалъ во-время сѣменной ссуды. Не выдалъ же онъ потому, что самъ назначеннаго для его участка сѣменного хлѣба не получалъ. А пока въ деревнѣ ждали да теряли время, заготовленный хлѣбъ прѣлъ гдѣ нибудь за сотни верстъ на пристаняхъ и станціяхъ. Словомъ, получился новый варіантъ все той же продовольственной „сказки про бѣлаго бычка“. Началась она еще съ хлѣба продовольственнаго, продолжалась съ продовольственнымъ сѣномъ, а теперь вновь воспроизведена, съ сохраненіемъ мельчайшихъ деталей, при операціяхъ съ сѣменнымъ хлѣбомъ.

Волокита, сопутствовавшая дѣлу правительственной помощи пострадавшему населенію, ничуть не считалась съ дѣйствительными условіями. Для обезпеченія посѣва ей, напримѣръ, недостаточно одной весны, а требуется не менѣе „двухъ весенъ“. Но природа оказалась внѣ предѣловъ административной досягаемости, и крестьянскіе начальники, выступившіе было въ роляхъ современныхъ Навиновъ и довыдававшіе сѣменную ссуду еще во второй половинѣ іюня, никакой пользы принести не могли: время для посѣва уже прошло.

Помимо несвоевременной доставки и раздачи хлѣба во время начавшагося посѣва, населеніе связывали еще и ограниченія, практиковавшіяся при выдачѣ ссудъ. Ни за что не выдавалось болѣе опредѣленнаго количества (5—10 пуд.) пшеницы на семью, хотя этого завѣдомо не могло хватить на полный посѣвъ. Нуждающимся въ дополнительной ссудѣ отказывали наотрѣзъ, а *оставшійся невыданнымъ* сѣменной хлѣбъ пускали затѣмъ въ продажу. Покупать же большинству населенія было не на что, такъ какъ даже средніе по достатку крестьяне успѣли къ веснѣ залѣзть въ большіе долги, прокармливая зимой семью и скоть.

Безсмысленность ограниченій, представляющихъ несомнѣнный плодъ канцелярскихъ измышленій, привела къ тому, что по окончаніи посѣва оставшійся сѣменной хлѣбъ усиленно раздавали, лишь бы брали. Въ Тарскомъ уѣздѣ, напримѣръ, предположенные вначалѣ къ выдачѣ на каждаго домохозяина 12 пуд. овса уменьшили до 10 пуд. и строго придерживались этой нормы. Позже же, когда сѣвъ

окончился, выдавали по 20—30 пуд. всякому, изъявившему желаніе взять, и были рады, если таковые находились.

Аналогичная исторія произошла съ заготовленными казной кормами для скота. Въ Тюмени скопившіеся въ складахъ жмыхи загнили и покрылись плѣсенью. Въ Омскѣ сѣно гнило и здѣсь продали его 146 вагоновъ, а въ голодающихъ мѣстностяхъ цѣна на него доходила до 1 р. 50 к. за пудъ и дороже.

Въ мѣстностяхъ, офиціально не объявленныхъ на положеніи голодающихъ, соотвѣтствующимъ начальствомъ проявлена точно такая же неполнительность и распорядительность. Въ Забайкальской области къ веснѣ ссуды изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ были исчерпаны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь ссуда разрѣшалась всего по два пуда на нуждающуюся семью. И результаты: посѣвная площадь сократилась приблизительно вдвое: даже при хорошемъ урожаѣ едва-ли населеніе будетъ обезпечено будущей зимой, а прошлую оно голодало, хотя и не офиціально.

Въ Иркутской губ., въ Балаганскомъ уѣздѣ, изъ-за неполученія ссуды посѣвная площадь сократилась на треть.

Въ Приморской области еще въ мартѣ военный губернаторъ предложилъ переселенческому управленію выдать бѣднымъ крестьянамъ с. Иманъ ссуды на покупку зерна. Переселенческое же управленіе стало выдавать ссуды тогда, когда пора посѣва прошла. Крестьяне отъ полученія ссуды отказались и теперь ожидается окончательное разореніе многихъ изъ нихъ.

Повсюду административная опека, широко проявленная въ продовольственномъ дѣлѣ, привела къ тому, что значительная часть земель изъята изъ обращенія, осталась въ пустѣ.

Даже въ тѣхъ уѣздахъ, предетавляющихъ счастливое исключеніе, гдѣ сѣмена были получены своевременно и въ достаточномъ количествѣ, и тамъ результаты отрицательные, потому что дѣло испорчено было съ самаго начала. Напримѣръ, въ Курганскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ волостяхъ сѣяли даже „помочью", складчиной и проч. общими мѣрами, но все же во время посѣять не могли за отсутствіемъ рабочаго скота, распроданнаго зимой изъ-за недостатка корма. Если припомнить, что Курганскій уѣздъ считается цен-

тромъ сибирскаго маслодѣлія, то легко представить, какъ отзовется массовая распродажа скота и когда сможетъ „поправиться" здѣшній крестьянинъ. Площадь посѣва здѣсь, какъ и вездѣ, сократилась.

Печальный припѣвъ о пустующихъ нивахъ указываетъ на неизбѣжный недоборъ при будущемъ сборѣ хлѣбовъ, вызванный исключительно дѣятельностью „выдававшихъ" и „заготовлявшихъ". Даже полная осуществимость благопріятныхъ „видовъ" не въ состояніи покрыть этотъ уже опредѣлившійся минусъ, новую трещину въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а она грозитъ разростись еще больше и окончательно поглотить возможное благополучіе.

Уже сообщали о появленіи кобылки, настоящимъ бѣдствіи для крестьянскаго хозяйства. Низкая культура дѣлаетъ его беззащитнымъ противъ этихъ „бичей", разворяющихъ не хуже неурожая.

Кобылка появилась въ Минусинскомъ, Канскомъ и Ачинскомъ уѣздахъ Енисейской губ., въ Змѣиногорскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ Томской губ., въ Тобольской губ. (Тюменскій уѣздъ) и въ Акмолинской области. Вездѣ „кобылка множится, производитъ страшныя опустошенія", а мѣры, принимаемыя противъ этого, носятъ прямо опереточный характеръ.

Въ Тюменскомъ уѣздѣ мѣстный инструкторъ полеводства отправился на мѣсто „происшествія", забралъ экземпляры кобылки и поврежденныхъ ею растеній и отправилъ ихъ по начальству, чтобы оно разобрало. Тѣмъ временемъ кобылка успѣла уничтожить озимое поле въ с. Фоминскомъ, перебралась на овесъ и продолжала свою опустошительную работу („Вѣстникъ Западной Сибири").

Не лучше обстоитъ дѣло въ Минусинскомъ и Ачинскомъ уѣздахъ, которымъ отъ кобылки грозитъ голодъ.

Въ Минусинскомъ уѣздѣ кобылка появляется третій годъ подъ-рядъ, поражая всходы хлѣбовъ и травъ. Въ текущемъ году она появилась на обширнѣйшемъ пространствѣ сѣнокосовъ и пашенныхъ земель и уже успѣла сдѣлать свое дѣло: „Съѣла луга, сдѣлавъ ихъ черными. То же самое и на поляхъ: сожрала все до самаго корня. Пашни черныя, словно сызнова перепахашныя". Кобылка сидитъ „туча-тучей", а ее предложили населенію ловить сачками...

Агрономическая „сказка про бѣлаго бычка", не уступающая продовольственной!

О поднятіи земледѣлія, объ усиленіи агрономической помощи сказано столько хорошихъ словъ, что можно было ждать совсѣмъ иныхъ результатовъ. Когда же придти на помощь деревнѣ, какъ не теперь, когда она такъ страстно желаетъ скорѣе стать на ноги. Но могущее быть живымъ и общественнымъ дѣло агрономической помощи отдано въ руки чиновниковъ и спрыснуто той же мертвой водой канцеляріи.

Состоялся зимой рядъ лекцій по нѣкоторымъ деревнямъ, но послѣднія отъ этого никакой пользы не получили. Всѣдѣ лекціи прошли съ одинаковымъ „успѣхомъ": „агрономъ почиталъ, да уѣхалъ и глазъ не показываетъ", а деревня проситъ вмѣсто непонятныхъ лекцій открыть агрономическій пунктъ. Ей нужно показать, дополнить слова лекціи дѣломъ, хотя бы опытнымъ полемъ. Какой слѣдъ могутъ оставить у слушателей объясненія усовершенствованныхъ способовъ обработки земли, когда у нихъ до сихъ поръ „соха" отъ прадѣдовъ, а про плуги они только слышатъ отъ заѣзжаго агронома.

Насчетъ дѣла всегда выходятъ заминки, а это подрываетъ въ крестьянахъ интересъ и довѣріе къ совѣтамъ, которые они сами осуществить не въ силахъ. Если и осуществляютъ, то получается какъ разъ обратное,—вродѣ того, что оросительныя канавы заливаютъ пашни, и тѣ не просыхаютъ.

Еще на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Читѣ, въ мартѣ текущаго года, делегаты отъ крестьянъ на первомъ же засѣданіи вынесли резолюцію, „чтобъ агрономы не сидѣли въ городѣ"... Съѣздъ вообще принялъ много резолюцій, направленныхъ „къ дѣлу", но затѣмъ отправилъ ихъ по инстанціямъ, гдѣ онѣ благополучно путешествуютъ и по сіе время. Съѣздъ, отъ котораго много ждали, вышелъ, какъ всѣ съѣзды, организуемые начальствомъ: „пока шли на него, были вопросы и интересы въ разрѣшеніи ихъ; когда шли со съѣзда, не было ни вопросовъ, ни интересовъ". И тѣ, и другіе существуютъ для жизни, а не для входящихъ и исходящихъ, которыми стараются подмѣнить нашу жизнь.

Очерки сибирской жизни.

Нѣтъ Государственной Думы... „Октябристскій миражъ разсѣялся безъ солнца“, и напрасно ждать, что для насъ съ новыми выборами и съ новой Думой придетъ настоящій день... До этого еще далеко... Еще не брезжилъ свѣтъ утренній, а вокругъ—сумерки и сумеречные дѣятели...

Въ Тюмени заѣзжій „организаторъ“ изъ Кургана насаждаетъ союзническіе отдѣлы, устраиваетъ собранія съ выпивкой и подъ видомъ предвыборной агитаціи проповѣдуетъ еврейскій погромъ.

Въ Баргузинѣ, въ мѣстномъ храмѣ, Забайкальскій преосвященный Меѳодій произнесъ на предвыборныя темы громовую и погромную рѣчь, понося всячески бывшаго депутата отъ Забайкалья, Н. К. Волкова, а съ нимъ инородцевъ, интересы которыхъ онъ якобы защищалъ въ ущербъ интересамъ православнаго населенія. Евреи, поляки, финляндцы, мусульмане, буряты всѣ промелькнули передъ слушателями, „всѣ побывали тутъ“. На всѣхъ въ достаточной степени излили хулу и желчь кроткія уста смиреннаго владыки. Особенно досталось бурятамъ. Епископъ явно стремился возбудить православныхъ противъ сосѣдей-инородцевъ, называя послѣднихъ дармоѣдами, напирая на то, что они будто бы не несутъ никакихъ государственныхъ повинностей и владѣютъ землей, въ которой такъ нуждается мѣстное населеніе.

Какая рѣзкая разница между этимъ вполнѣ современнымъ преосвященнымъ и покойнымъ иркутскимъ архіепископомъ Тихономъ, о которомъ протоіерей Флвейскій сообщилъ на засѣданіи иркутской думы такой фактъ:

Въ 1905 году делегація отъ „группы мѣстныхъ лицъ“ явилась къ архіепископу съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ ударить въ набатъ въ два часа ночи. *По звукамъ этого набата долженъ былъ начаться погромъ.* Но владыка не только отказалъ въ разрѣшеніи, но и сумѣлъ воздѣйствовать на приходившихъ такъ, что они отказались отъ своего намѣренія, и городъ былъ спасенъ отъ погрома („Сибирь“). Иркутская городская дума постановила открыть рядъ учрежденій имени покойнаго архіепископа, и память о „свѣтлой страницѣ кошмарнаго прошлаго“ не умретъ надолго...

Какую память оставитъ по себѣ епископъ Меѳодій, допускающій такіе пріемы агитаціи: „Вы знаете, почему прежняя Дума намъ (?) ничего не дала?“ — спрашивалъ онъ слушателей и торопился отвѣтить за нихъ: „Потому, что тамъ были инородцы — евреи, поляки, буряты“.

Епископъ, конечно, знаетъ, что ни одного бурята въ Думѣ не было, не могло быть, такъ какъ буряты лишены избирательныхъ правъ. Знаетъ преосвященный также, „почему прежняя Дума намъ ничего не дала“, и почему онъ и его единомышленники такъ боятся выборовъ.

„Казачество, — разъяснялось на предвыборномъ засѣданіи челябинскаго духовенства, — пропитано демократическими идеями. На Думу смотритъ крайне пессимистически. Оно недовольно ея работами, недовольно и своими теперешними депутатами, членами умѣренныхъ и правыхъ партій. Поэтому... надо возбудить передъ казачьимъ начальствомъ ходатайство объ устраненіи отъ выборовъ всѣхъ завѣдомо неблагонадежныхъ лицъ казачьяго сословія“.

Выясняетъ иркутскій губернаторъ, разсылая крестьянскимъ начальникамъ циркуляръ о выборахъ, тотъ самый запросъ о которомъ, внесенный трудовой группой, былъ проваленъ большинствомъ Третьей Думы.

Иркутскій архіепископъ Серафимъ, выяснившій, повидимому, все, обратился къ завѣдующему землеустройствомъ и переселеніемъ съ просьбой „содѣйствовать насажденію среди новоселовъ здравыхъ понятій и взглядовъ при избраніи уполномоченныхъ“.

Удивляться ли, что вѣры въ лучшее ближайшее будущее нѣтъ, что, начавъ заздравную пѣснь, многіе незамѣтно для себя сбиваются на заупокойные мотивы.

Вотъ „Голосъ Алтая“, новый членъ въ семьѣ сибирской печати, появившійся недавно на свѣтъ въ Барнаулѣ. „При глубокой вѣрѣ въ то, что „времена позорныя не вѣчны“ что „ночь мертвящей реакціи дрогнула“, газета обѣщаетъ „честно служить дѣлу обновленія нашей родины на самыхъ широкихъ демократическихъ основаніяхъ“. Но... „будущіе народные представители отъ Сибири въ Государственной Думѣ прежде всего должны добыть Сибири земство, хотя бы въ томъ далеко несовершенномъ видѣ, въ какомъ его проектировали к.-д. Третьей Думы“.

Помните у Достоевскаго: еще слышна марсельеза, а ужъ побѣдно звучитъ-то „Meine liebe Augustchin“...

И который уже годъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ, просимъ „хоть что-нибудь“, „хотя бы несовершенное“... Подаютъ изрѣдка и, какъ разсчетливые хозяева, берутъ сдачу.

Подали окружный судъ съ присяжными засѣдателями, а „сдачи“ взяли всю Восточную Сибирь. Законъ 3 іюня взялъ у насъ „сдачу“ съ народнаго представительства, а теперь берутъ вторично: разъяснили евреевъ, разъяснили 20 тыс. низшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

И дошелъ нашъ обыватель до того, что изобрѣтетъ, какъ нѣкій Егорій Цѣпковъ, „универсальный велосипедъ“ — воздухо-сухопутный и водно-пловучій, но побоится построить его явочнымъ порядкомъ. Надо попросить разрѣшенія въ Приморскомъ областномъ правленіи, а то какъ оно на такое дѣло взглянетъ... Проектируется желѣзная дорога Томскъ - Енисейскъ и существуетъ въ Енисейскѣ желѣзнодорожный комитетъ. На третьемъ его засѣданіи предсѣдатель предложилъ избрать особую депутацію „для зондированія почвы“, т. е. узнать отношеніе губернатора къ проектируемой линіи. Объ этомъ появилось извѣстіе на страницахъ „Сибирской Мысли“ и заварилась каша: губернаторъ обидѣлся на предсѣдателя, предсѣдатель — на корреспондента и не пустилъ его на четвертое засѣданіе комитета. Шумъ непонятный, потому что „зондированіе почвы“ не предсѣдателемъ енисейскаго комитета заведено, не съ нимъ кончится тотъ порядокъ, при которомъ отъ отношенія губернатора зависитъ многое, если не все.

Смогъ же нынѣшній камчатскій губернаторъ Мономаховъ, будучи еще приморскимъ вице-губернаторомъ, своею властью рѣшить гражданское милліонное дѣло между Свѣшниковымъ и г-жей Брунперъ.

Какъ не научиться послѣ этого цѣнить губернаторское или вице-губернаторское отношеніе! Разъ отъ этого имущество частныхъ лицъ зависитъ, то направленіе желѣзной дороги—и подавно...

Томскій губернаторъ съѣздилъ на Обь-Енисейскій каналъ. „Несмотря на тягостное впечатлѣніе отъ устройства канала, -читаемъ въ „Сибирской Жизни“, на неприспособленность его для сколько-нибудь серьезной работы и

ничтожную по этому работоспособность, губернаторъ склоняется къ мысли продолжать разработку именно этого капала, съ ассигнованіемъ потребной суммы на надлежащее его оборудованіе". Склонись губернаторъ къ другой мысли, и результаты были бы другіе. Вотъ ѣдетъ онъ на Алтай. Самъ ли онъ склонился, или по иным побужденіямъ, только „ожидается крупный поворотъ въ дѣлѣ алтайскаго землеустройства".

Губернаторы, вице-губернаторы—тѣ-же люди, конечно, и съ тѣми же слабостями. Склонности ихъ не представляютъ изъ себя нѣчто постоянное, а также создаются, подвергаются измѣненіямъ. Такъ было и такъ, несомнѣнно, будетъ...

„Сибирь" разсказывала о положеніи рабочихъ на рудникахъ Тетюхэ, крупномъ предпріятіи въ Приамурьѣ. Принадлежитъ оно нѣмецкой компаніи, но порядки здѣсь тѣ же, что у англичанъ на Ленѣ, вплоть до того, что и здѣсь наличныхъ денегъ не платятъ, а выдаютъ чеки на товаръ.

Вотъ это предпріятіе недавно посѣтилъ и осматривалъ приамурскій генералъ-губернаторъ.

„Далекая Окраина" посѣщенію посвятила громадную корреспонденцію, чуть не въ триста строкъ, изъ которыхъ о рабочихъ говорится въ одной, да и то о томъ, что они поднесли хлѣбъ-соль высокому гостю. Въ соотвѣтствующей степени имъ было удѣлено вниманіе и самимъ высокимъ гостемъ. Печальное положеніе рабочихъ не было видно изъза „веселаго вида" рудниковъ, который имъ придали ради торжественнаго случая, изъ-за штольни, названной въ честь посѣщенія „штольней Гондатти" и пр., и пр. Въ концѣ-концовъ, уже за обѣдомъ, г. Гондатти, онъ же „Истребитель инородцевъ", до того растрогался, что въ застольномъ тостѣ признался: онъ не противникъ иностраннаго капитала. Такъ въ обоюдныхъ любезностяхъ и провели время: „Жомини, да Жомини, а о рабочихъ ни полслова"...

Объ административныхъ склонностяхъ бывшаго тобольскаго губернатора г. Гагмана читатели „Сибирскихъ Вопросовъ" имѣютъ понятіе. И все же, когда онъ ушелъ, у Тобольска нашлось доброе словцо для напутствія, потому что Д. Ѳ. Гагманъ, самъ того не предполагая, доброе дѣло сдѣлалъ: помогъ преобразованію Маріинскаго здѣшняго училища въ настоящую гимназію. Тоболяки хлопотали долго и

безрезультатно, а г. Гагманъ выхлопоталъ, и выхлопоталъ потому, что самъ имѣлъ дочерей, которыхъ надо было учить.

Выводъ изъ сего примѣра тотъ, что всякій губернаторъ можетъ въ бочку дегтя ложку меда прибавить...

Ушедшаго г. Гагмана замѣнилъ г. Станкевичъ, увеличивній дозу меда до замѣтныхъ размѣровъ. Первое время его управленія ознаменовалось даже нѣкоторымъ подъемомъ общественной жизни. Вновь назначенный губернаторъ проявилъ большую терпимость къ общественнымъ организаціямъ, отмѣнивъ нѣкоторыя ограниченія, введенныя его предшественникомъ. Однако, внезапно наставшая эпоха довѣрія столь же внезапно и прекратилась, и общественныя организаціи, по причинѣ измѣнившейся губернаторской склонности, были возвращены въ первобытное состояніе.

Губернское присутствіе отказало въ утвержденіи устава общества приказчиковъ и служащихъ г. Кургана потому, что въ уставѣ значился параграфъ, предусматривавшій защиту правовыхъ и профессіональныхъ интересовъ приказчиковъ. Что въ этомъ опаснаго—присутствіе не разъяснило, но среди организаторовъ возникли разногласія: выкинуть или оставить преступный параграфъ, безъ котораго будущее общество превращалось въ исключительно благотворительную организацію и не могло принести ожидаемой пользы.

Рѣшеніе вопроса организаторы задумали передать на обсужденіе общаго собранія. Но курганскій исправникъ объявилъ распоряженіе губернатора о недопущеніи собраній профессіональныхъ организацій приказчиковъ. Надъ не успѣвшимъ еще народиться обществомъ захлопнулась крышка...

Тотъ же характеръ недопущенія носило вмѣшательство губернатора въ конфликтъ между тюменскимъ представителемъ главнаго управленія Краснаго Креста, полковникомъ Барсовымъ, и мѣстнымъ комитетомъ. Полковникъ Барсовъ потребовалъ закрытія болѣе ста столовыхъ для голодающихъ, содержимыхъ въ уѣздѣ комитетомъ. Послѣдній, указывая на наличность нужды въ нихъ, отказался исполнить это требованіе, но долженъ былъ подчиниться, когда отъ губернатора получилось предписаніе „закрыть немедленно“. Столовыя, конечно, теперь будутъ закрыты, продукты, которыми онѣ обезпечны до августа, придется продать. Между тѣмъ

уѣздъ еще не оправился окончательно отъ голодной зимы и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуютъ ея послѣдствія—голодный тифъ и цынга. Особенно среди новоселовъ.

Тактика представителя Краснаго Креста, рьяно поддержанная губернаторомъ, объясняется начавшейся по Сибири ликвидаціей голода, имѣющей цѣлью навести на пострадавшія губерніи пріятный начальственнымъ очамъ лоскъ внѣшняго благополучія. Главная контора переселенческаго управленія въ Омскѣ уже объявила о продажѣ „остатка продовольственныхъ запасовъ". „Остатокъ" этотъ опредѣляется въ общемъ (рожь, пшеница, овесъ и отруби) въ 47.300 пудовъ.

Тобольскій губернаторъ не желаетъ отставать отъ другихъ. Служебное самолюбіе не позволяетъ обращать вниманіе на то, что губернія принадлежитъ къ числу наиболѣе пострадавшихъ если не отъ голода, то отъ неудачно поставленной и еще неудачнѣе проведенной на мѣстахъ продовольственной кампаніи. Офиціальнымъ показателемъ неблагополучія служатъ общественныя работы, происходящія во многихъ уѣздахъ. Если онѣ скоро закончатся, то лишь потому, что наступаетъ страда. Недавно еще онѣ не только продолжались, но и открывались новыя.

Частныя свѣдѣнія о положеніи крестьянскаго населенія прямо потрясающи.

„Повсемѣстная нужда на столько велика, -пишетъ корреспондентъ „Сиб. Жизни" изъ Тарскаго уѣзда, — что даже при частичномъ обслѣдованіи ея на мѣстахъ открываются безграничные районы такого народнаго горя и бѣдствія, которыя поражаютъ и губительныя послѣдствія которыхъ трудно себѣ представить".

Въ Тюкалинскомъ уѣздѣ населеніе нѣкоторыхъ деревень давно уже питается отрубями вмѣсто хлѣба.

Въ то же время ликвидація идетъ быстрымъ темпомъ. Губернаторъ „немедленно" закрываетъ столовыя, не менѣе усердствуютъ и подчиненные, крестьянскіе начальники, старающіеся ликвидировать и голодъ, и остатки. Способъ, по которому дѣйствуютъ, самый упрощенный и выработанъ традиціей. „По распоряженію крестьянскаго начальника 1-го участка Курганскаго уѣзда, за отказъ крестьянъ отъ покупки ямыховъ, заготовленныхъ на счетъ казны для субсидированія

населенія, пораженнаго голодомъ, были подвергнуты пятидневному аресту при мѣстной полиціи волостной старшина Меньщиковской волости и сельскій староста с. Камышнаго, Утятской волости" („Курган. Вѣсти.")...

Колоссальныя нелѣпости творятся и въ другомъ направленіи. Вотъ, латыши-переселенцы въ Канскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи, вздумали организовать „Латышское просвѣтительное Общество въ память 19 февраля 1861 г." Учредители подчеркнули, что „общество стоитъ внѣ политическихъ партій и имѣетъ цѣлью содѣйствовать культурному развитію переселенцевъ". Но развѣ обчанешь енисейское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе! Оно сейчасъ заподозрило и отказало въ регистраціи. Присутствіе, заявлялось въ отказѣ, находитъ, что „проектируемое общество преслѣдуетъ объединеніе и культурно-просвѣтительное развитіе латышей на почвѣ національнаго самосознанія, которое, несомнѣнно, поведетъ къ усугубленію національной розни и обособленности среди остальнаго коренного русскаго населенія" („Сибирь").

Изъ боязни „усугубленій" создаются инциденты, вродѣ происшедшаго съ проф. К. О. Жаковымъ въ Курганѣ.

Профессоръ долженъ былъ прочесть здѣсь двѣ лекціи, но исправникъ, вопреки правиламъ 4 марта, не разрѣшилъ, предъявивъ циркуляръ губернатора, запрещавшій выдавать разрѣшенія безъ его согласія. Когда къ нему обратились, онъ поставилъ такія условія: „необходимость соблюденія трехдневнаго срока пребыванія прошенія у исправника и назначеніе инспектора народныхъ училищъ Осипова для предварительнаго просмотра программы и для наблюденія за профессоромъ на его лекціи" („Курганскій Вѣстникъ").

Инспектора въ городѣ не оказалось, создавалась новая волокита, и профессоръ уѣхалъ, не прочитавъ лекцій.

Послѣ этого профессоръ Жаковъ объѣздилъ всѣ важнѣйшіе города Сибири, читая вездѣ лекціи. Сколько хлопотъ выпало на долю господъ, наблюдавшихъ за профессоромъ и сколько предстоитъ имъ еще впереди!

Жизнь сибирскихъ городовъ часто создаетъ такіе случаи, узнавъ о которыхъ, за человѣка и больно, и страшно.

„Исторія эпически проста, эпически безобразна и крайне характерна для современныхъ нравовъ нѣкоторой части нашихъ коллегъ",—писала „Сибирская Врачебная Газета" о

случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Красноярскѣ. Простота, поистинѣ, эпическая. Мальчикъ-еврей, играя, поссорился съ мальчикомъ-русскимъ и побилъ его. Отецъ русскаго мальчика, офицеръ, приказалъ денщику наказать „жиденка". Денщикъ наказалъ такъ, что полицейскій врачъ, И. И. Кусковъ, нашелъ у мальчика „ягодицы и спину буквально исполосованными, въ кровоподтекахъ и насчиталъ 30 ударовъ". Грозило возникнуть дѣло объ истязаніи, но виновникъ, при помощи денегъ, нашелъ таки врачей, которые согласились „переосвидѣтельствовать" и выдать контръ-свидѣтельство. Это господа: Колпакчи, Смирновъ, желѣзнодорожные врачи, и Мельниковъ, помощникъ врачебнаго инспектора. Консиліумъ ихъ состоялся въ участкѣ, съ приводомъ потерпѣвшаго черезъ полицію. Результаты „переосвидѣтельствованія", конечно, самые выгодные для истязателя: найдено только 16 ударовъ и побои признаны легкими.

„А все-таки жаль красноярскихъ товарищей! Какъ, должно быть, имъ стыдно за подобныхъ своихъ коллегъ!"— заключаетъ „Сибирская Врачебная Газета".

Другой случай произошелъ въ Харбинѣ и виновникомъ его оказался также офицеръ, исключенный тотчасъ же товарищами изъ своей среды и арестованный судебной властью.

Покончила самоубійствомъ, бросившись въ Сунгари, молодая дѣвушка. Вмѣстѣ съ ея трупомъ всплылъ на поверхность жизни, „харбинскій кошмаръ" съ тайнами домовъ свиданій, подробностями гнуснаго насилія, изъ-за котораго дѣвушка и рѣшилась на самоубійство. Газеты заговорили о тайной организаціи вродѣ „лиги свободной любви", о слухахъ, ходившихъ будто бы по городу. Но „лиги любви" давно оказались либо плодомъ фантазіи досужихъ репортеровъ, либо измышленіемъ злобствующихъ на молодежь. Нѣтъ лигъ любви, а есть тотъ цѣпкій развратъ, въ руки котораго часто попадаютъ дѣвушки, подобно покойной, вышедшія изъ гимназіи за неимѣніемъ средствъ.

Мало свѣтлаго въ жизни Сибири, гнетутъ условія существованія и вправительницы общественнаго мнѣнія печати.

Пала жертвой въ борьбѣ рождавшаяся демократическая повседѣльничья газета „Иркутское Слово", просуществовавшая мало, но претерпѣвшая много. Существовала она всего около года и

за -го время была дважды оштрафована по 500 руб., дважды конфисковывались номера, у сотрудниковъ производились обыски. Подъ конецъ администрація, въ виду несоблюденія издательницей формальностей при перемѣнѣ подписи редактора, привлекла ее къ суду, конфисковавъ очередные номера.

„Надъ павшимъ строемъ новый строй"... За послѣднее время сибирская печать увеличилась двумя органами: въ Барнаулѣ вышелъ „Голосъ Алтая" и въ Курганѣ—„Югъ Тобола". Оба органа—прогрессивные и въ будущемъ изопьютъ изъ той же чаши, изъ которой пьютъ всѣ ихъ собратья по направленію.

Штрафы и возлѣйствія идутъ своимъ чередомъ. „Сибирскую Жизнь", на основаніи § 139 устава о цензурѣ и печати и послѣ настойчиваго двукратнаго требованія инспектора по дѣламъ печати, заставили помѣстить письмо въ редакцію представителей томскихъ академистовъ. Письмо касалось дикой выходки Голубова и объясняло ее такъ, что во всѣмъ оказывался виновнымъ самъ г. Бейлинъ...

Въ Благовѣщенскѣ вызвала сенсацію необычайная конфискація „Амурскаго Піонера", издаваемаго Матюшенскимъ, пріобрѣвшимъ печальную извѣстность по исторіи съ деньгами для Гапона.

Конфискацію начали съ типографіи, гдѣ забрали всѣ имѣвшіеся въ наличности экземпляры номера, а также наборъ второй и третьей страницъ. Большая часть отпечатанныхъ экземпляровъ была роздана газетчикамъ, и городовые отбирали газету на улицѣ. Такая торжественность разожгла интересъ публики, и уцѣлѣвшіе номера продовались отъ 2 до 5 руб. за экземпляръ. До того дошло дѣло, что какая-то изъ благовѣщенскихъ газетъ позавидовала „административной рекламѣ". Поводомъ къ мобилизаціи полицейскихъ силъ для преслѣдованія номера послужилъ напечатанный отчетъ о состоявшемся 11 іюня судебномъ разбирательствѣ дѣла г. Матюшенскаго по обвиненію его мѣстнымъ вице-губернаторомъ въ клеветѣ. Матюшенскій приговоренъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы, и судъ, въ распорядительномъ засѣданіи, постановилъ закрыть его газету „за разглашеніе разбирательства при закрытыхъ дверяхъ".

Интересно, съ какихъ поръ дѣла о клеветѣ разбираются въ тайнѣ. Или это сдѣлано изъ уваженія къ вице-губерна-

тору! Подняли же для него на ноги всю полицію. Если Матюшенскаго осудили, значитъ вице-губернаторъ правъ... Чего же онъ трепещетъ?..

Со штрафами, конфискаціями, закрытіями, со всей многострадальностью печати и ея тружениковъ трудно сопоставить такое извѣстіе:

„Сотрудникъ „Харбинскаго Вѣстника“ Н. П. Штейнфельдъ высочайше награжденъ орденомъ св. Станислава второй степени по представленію г. министра торговли за литературные труды въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ и „Торгово-Промышленной Газетѣ“.

И наряду съ этимъ въ Туринскѣ открыли корреспондента.

Совершилъ такой подвигъ туринскій купецъ А. А. Котельниковъ, узнавшій себя въ Пудѣ Барановѣ, героѣ одного изъ фельетоновъ, помѣщенномъ въ „Вѣстникѣ Западной Сибири“. Узнавши, обидѣлся, а обидѣвшись, началъ искать обидчика и нашелъ. Скорѣе, догадался.

Кто-то кому-то сказалъ, что П. А. Росомахинъ будто-бы послалъ свои „замѣтки“ въ „Сатириконъ“. Отъ „кого-то“ узналъ сразу весь городъ, а за всѣми и купецъ Котельниковъ. Тутъ-то онъ и пустилъ въ ходъ всѣ тѣ средства, которыми оскорбленные обыватели сокращаютъ корреспондента. Потребовалъ, чтобы Росомахинъ послалъ телеграмму въ „Сатириконъ“ о пріостановленіи печатанія „замѣтокъ“, иначе Котельниковъ его въ 24 часа вышлетъ изъ города. Росомахинъ телеграмму написалъ, а Котельниковъ, будучи уменъ, ее не послалъ, а представилъ на судъ въ качествѣ „вещественнаго доказательства“. Судился онъ съ П. А. Росомахинымъ и редакторомъ „Вѣстника Западной Сибири“, обвиняя ихъ въ клеветѣ. Все изъ-за Пуда Баранова.

Судъ обвиняемыхъ оправдалъ, и оказалось, что Котельниковъ самъ себя обвинилъ имъ же доставленными „уликами“. Всѣ узнали, что онъ на Пуда Баранова откликается...

Забылъ купецъ, когда народная мудрость не совѣтуетъ на зеркало пенять!

Столичныя газеты о Сибири.

Онѣ полны все тѣмъ же: что было на ленскихъ пріискахъ и чѣмъ это кончится. Миссія сенатора Манухина всѣми

признается неудавшейся: ни прибавки къ заработной платѣ, ни уменьшеніе рабочаго дня, ни согласіе Товарищества на прочія требованія не могли поколебать рѣшенія—уйти изъ опостылѣвшаго мѣста.

На собраніи 27 іюня рабочихъ Ѳеодосійскаго пріиска этотъ уходъ рѣшенъ большинствомъ въ 1,998 человѣкъ противъ 7, а мотивированъ:

Виновность ленцевъ не установлена, и на нихъ не наложено обязательства уплатить штрафа за всѣ наши мученія и за всѣ нарушенія прежняго договора.

Сенаторская ревизія до сихъ поръ не установила правды и не привлекла къ отвѣтственности виновныхъ за разстрѣлъ 4-го апрѣля, а наши выборные до сихъ поръ невинно сидятъ въ тюрьмѣ.

Какъ устанавливалась эта „правда“?

При осмотрѣ мѣста дѣйствія инсценировка въ видѣ кирпичей, кольевъ и т. п. опредѣлилась съ достаточной ясностью, но допрашивались лишь должностныя лица, въ томъ числѣ товарищъ прокурора Преображенскій, судья Хитунъ и Трещенковъ. Изъ рабочихъ же, участниковъ шествія, „никто“ „для дачи объясненій на мѣстѣ разстрѣла не приглашался“.

Однако, злоупотребленія Ленскаго Товарищества на столько вросли въ пріисковую почву, что выполоть ихъ начисто къ пріѣзду ревизующаго оказалось невозможно, и, какъ передаетъ „Рѣчь“, ходитъ слухъ о предаціи суду всей губернской администраціи во главѣ съ губернаторомъ „по обвиненію въ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ тяжелыя послѣдствія“.

Инсценировка вещественныхъ доказательствъ, по сообщенію корреспондента „Русскаго Слова“, была устроена довольно неискусной рукой.

Были наняты спеціальные рабочіе для выламыванія кольевъ изъ изгороди, на мѣстѣ разстрѣла набросали обломки сахарной бочки, нѣсколько вывороченныхъ корней деревьевъ и девять кирпичей. Все это должно было свидѣтельствовать, что толпа рабочихъ направлялась къ Надеждинскому пріиску совсѣмъ не съ мирными намѣреніями, а что рабочіе были вооружены, и, слѣдовательно, войска дѣйствовали въ состояніи самообороны.

Когда сенатору Манухину предъявили эти вещественныя доказательства, онъ, при всей своей сдержанности, не выдержалъ и воскликнулъ:

— Девять кирпичей на 3.000 рабочихъ! Это издѣвательство надъ слѣдствіемъ!

И, несмотря на это, „правда“ такъ и осталась не выясненной, а рабочіе, несмотря на присутствіе сенатора, какъ жили беззащитными, такъ и уѣхали...

Вотъ что телеграфируютъ отъ 4 іюля той же газетѣ:

Рабочихъ обсчитываютъ немилосердно. Вмѣсто слѣдуемыхъ 8—16 рублей, удержанныхъ товариществомъ за выдачу провіанта за время забастовки и подлежащихъ теперь, по распоряженію губернатора, возврату, рабочимъ выдаютъ рублей 5.

Многимъ не даютъ, успокаивая обѣщаніями выдать полный разсчетъ въ пути.

Даже съ обѣщанными кормовыми происходитъ намѣренная путаница. Какъ извѣстно, холостымъ полагается 57 коп. въ сутки, а семейнымъ—1 руб. 14 коп. Стараются нарочно выдавать наоборотъ, чтобы запутать счета и такимъ образомъ лишить семейныхъ рабочихъ двойныхъ кормовыхъ. Это длится уже вторыя сутки.

На пріискахъ и на пристани стоитъ стонъ. Выдача провіанта натурой прекращена, и рабочіе голодаютъ.

Окидывая взглядомъ все совершившееся на ленскихъ пріискахъ, „Русскія Вѣдомости“ отмѣчаютъ одинъ „глубоко-отрадный“ моментъ: необыкновенную дисциплину и сдержанность „такъ же, какъ въ памятный и страшный день 4 апрѣля, на протяженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ“ этой рабочей массы. „Въ самые трудные дни они оставались на высотѣ положенія“. И, наконецъ, въ послѣднемъ своемъ рѣшеніи

они проявили столько сознанія своего человѣческаго достоинства и своихъ человѣческихъ правъ, такую мѣру единодушія и готовности жертвовать всѣмъ,—ибо отъѣздъ изъ Бодайбо для большинства огромная жертва,—ради лучшихъ нравственныхъ условій своего существованія, что поведеніе русскихъ рабочихъ на Ленѣ, въ краѣ, гдѣ нѣтъ почти культуры, останется на годы культурнымъ образцомъ.

„Русское Слово“, останавливаясь на достигнутыхъ результатахъ въ смыслѣ улучшенія экономическихъ условій, прибавляетъ:

Но тѣмъ, кто вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть суровой борьбы, не придется использоваться результатами принесенныхъ жертвъ. Имъ остается одно нравственное удовлетвореніе, сознаніе, что эти жертвы все же не пропали даромъ, что тѣ, кто придутъ имъ на смѣну, будутъ съ благодарностью вспоминать своихъ предшественниковъ.

Впрочемъ, на этотъ счетъ двухъ мнѣній, кажется, нѣтъ даже среди газетъ праваго толка...

На самомъ дальнѣйшемъ нашемъ востокѣ, въ Камчаткѣ,

большая сенсація. Вызвана она, ни болѣе, ни менѣе, какъ заботами Нижней Палаты о камчадалахъ:

Здѣсь,—телеграфируютъ „Русскому Слову", всѣ поражены абсолютной неосвѣдомленностью гг. членовъ Государственной Думы о дѣлахъ Камчатки. Такъ, Государственная Дума приняла законопроектъ о камчатскомъ окружномъ судѣ. Мѣстные обыватели недоумѣваютъ, чѣмъ будетъ заниматься этотъ судъ. Мѣстные инородцы управляются обычнымъ правомъ, что же касается прочихъ жителей, то за годъ найдется дѣлъ, подсудныхъ окружному суду, всего около 10 -20 для всей окраины, включая Анадырь, Гижигу и Охотскъ.

Дивятся еще камчадалы на 10,000 руб., отпущенныхъ Государственной Думой для постройки дороги Петропавловскъ—Большерѣцкъ.

Этотъ проектъ и смѣшонъ, и печаленъ. Что можно сдѣлать на эти деньги? Дорога пройдетъ черезъ малодоступные хребты, при этомъ надо принять во вниманіе отдаленность Камчатки, куда придется везти всѣ необходимые матеріалы либо изъ Японіи, либо изъ Владивостока. Сверхъ того, гг. членамъ Думы, повидимому, совсѣмъ неизвѣстны мѣстныя цѣны на рабочія руки.

А газета не менѣе того удивлена петропавловскимъ радіотелеграфомъ, передававшимъ телеграмму „съ замедленіемъ на 21 день", объясняемымъ помѣткой на ней: „Получена почтой во Владивостокѣ 29—VI".

Но камчадалы-радіотелеграфисты, вѣроятно, уже привыкли къ такимъ шалостямъ своего „послѣдняго слова" техники и въ экстренныхъ случаяхъ больше налегаютъ на собачьи ноги, чѣмъ прислушиваются къ звуковымъ волнамъ.

На просто „Дальнемъ Востокѣ" очень оживленно комментируется лихой набѣгъ нынѣшняго камчатскаго губернатора Мономахова на Николаевскіе рыбные промыслы г-жи Брунеръ.

Они оцѣниваются почти въ милліонъ и такъ понравились ея компаньону Свѣшникову, не вносившему въ дѣло денегъ, что тотъ рѣшилъ ихъ прикарманить. Приступилъ онъ къ этой операціи—уменьшеніемъ выдачъ владѣлицѣ Когда ей едва стало хватать на пропитаніе, она потеряла терпѣніе и потребовала отчета.

Съ этого момента, разсказываетъ „Русское Слово",—промыслами почему-то заинтересовался завѣдующій водвореніемъ переселенцевъ Власьевъ, имѣвшій со Свѣшниковымъ дѣла. Власьевъ первый открылъ административный походъ противъ г-жи Бруннерь и пытался выселить ее на основаніи имѣвшейся у него торговой довѣренности Свѣшникова. Но это ему не удалось.

Да тутъ подвернулся г. Мономаховъ, который не только оказалъ свою протекцію, но принялъ личное участіе въ завоеваніи промысловъ г-жи Бруннеръ. 15-го мая онъ явился туда въ сопровожденіи цѣлаго наряда полиціи, самого Свѣшникова съ новымъ составомъ служащихъ, 50 рабочими и потребовалъ отъ владѣлицы ключи. Та, разумѣется, отказалась ихъ выдать.

Тогда вице-губернаторъ лично отдалъ распоряженіе сломать замки, проникнуть въ складъ и контору и насильно водворить Свѣшникова.

Уѣздный начальникъ и другія должностныя лица тотчасъ составили письменный актъ, въ которомъ заявили, что признаютъ дѣйствія вице-губернатора незаконными и вынуждены дѣйствовать, лишь подчиняясь его приказанію.

Совершенно корсарскій набѣгъ, возможный только въ Россіи.

Обозрѣніе русской жизни.

„Гражданинъ“ увѣряетъ, что когда одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, придя въ ужасъ отъ воза подлежавшихъ разсмотрѣнію законопроектовъ, предложилъ отложить ихъ до слѣдующей сессіи, то другой отвѣтилъ: „мы болѣе важныя дѣла спускали, не разсматривая, такъ чего же съ этимъ церемониться? Прочтутъ заглавіе, мы кивнемъ головами 250 разъ—и дѣлу конецъ“.

Хотя это и вѣрно, но не до конца: бывало и такъ, что Государственный Совѣтъ кивалъ головой совершенно обдуманно... по крайней мѣрѣ, на похоронахъ наиболѣе важныхъ думскихъ законопроектовъ.

За два дня до роспуска его, было опубликовано рѣшеніе 1-го департамента Государственнаго Совѣта, довольно характерное для высшей судебной инстанціи, каковой онъ являлся въ данномъ случаѣ. Рѣшеніе касалось крестьянскаго приговора относительно передѣла земли: Государственный Совѣтъ призналъ приговоръ неправильнымъ, но „во вниманіе къ бытовымъ условіямъ“, оставилъ его въ силѣ. Идя такимъ путемъ, можно, пожалуй, и вовсе упразднить писаный законъ, плетущейся всегда позади жизни...

Наши новыя законодательныя учрежденія,—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ,—весьма мало способствовали насажденію законности. Около нихъ самихъ даже создалась особая

атмосфера, рождающая неотступное желаніе—добиться вопреки отказу. Государственная Дума отложила въ долгій ящикъ вопросъ о церковно-приходской школѣ, а совѣтъ министровъ, руководствуясь статьей 17 смѣтныхъ правилъ, ассигновалъ, по представленію В. К. Саблера, 350 тысячъ рублей на жалованье учителямъ этихъ школъ. Въ порядкѣ той же статьи морской министръ выпросилъ на путевое довольствіе строевыхъ офицеровъ—125 тысячъ руб.

По буквальному смыслу закона, статья можетъ примѣняться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда кредитъ требуется на „неотложныя" нужды, а получить разрѣшеніе на него „невозможно по краткости времени, въ теченіе коего долженъ быть произведенъ расходъ. „Сюда, пишетъ „Рѣчь",—подошло бы какое-нибудь острое народное бѣдствіе, землетрясеніе, наводненіе, пожаръ и такъ далѣе. Однако практика 17-й статьи уже давно отошла отъ этого прямого смысла ея".

„Особыя представленія", которыя при такихъ экстренныхъ ассигнованіяхъ должны вноситься въ Государственную Думу или до окончанія сессіи, или же въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ ея открытія, оказываются для даннаго случая фикціей: разъ Дума возродится въ ноябрѣ, „произведенные расходы такъ и останутся произведенными".

Постоянная возможность такого оборота дѣла при посредствѣ той или другой статьи, повидимому, отбила у обывателей всякую охоту „законодательствовать": газеты переполнены извѣстіями о равнодушіи избирателей,—„Русское Слово", напримѣръ, завело даже особую рубрику: „Равнодушіе избирателей". Только за два дня, за 3 и 5 іюля, имъ насчитано 15 городовъ, среди которыхъ встрѣчаются столь крупные, какъ Минскъ, Рязань, Пенза, Полтава, Тифлисъ,—гдѣ квартиронанимателн, не платящіе налога, и пенсіонеры почти не проявляютъ признаковъ жизни. Въ Кіевѣ, по свѣдѣніямъ „Рѣчи", „наблюдается полный индиферентизмъ къ предстоящимъ выборамъ въ Государственную Думу": до 29 іюня „не поступило ни одного заявленія отъ избирателей, не платящихъ квартирнаго налога".

Вышеупомянутая московская газета пытается апеллировать къ общественному мнѣнію: пусть, говоритъ она, „оно выработаетъ и установитъ свои кары для людей, наклонныхъ баловаться избирательнымъ правомъ по своему усмотрѣнію,

въ нарушеніе правъ и интересовъ всѣхъ тѣхъ, кого они обязаны представлять на выборахъ".

Если ужъ за-границею приходится прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ въ видѣ штрафовъ, рѣчей, огромныхъ плакатовъ, то какой надо „допингъ" для россійскаго обывателя, забитаго, запуганнаго? Пойдешь, говорятъ, на выборы, а очутишься въ кутузкѣ, попадешь въ Думу,—того и гляди, отправишься въ Сибирь, какъ втородумцы. Развѣ Пуришкевичи не грозили каторгой даже третьедумцамъ? Хорошо писать о выборахъ въ Москвѣ, Петербургѣ (да и то это „хорошо" до поры до времени), но каково въ провинціи—показываютъ безчисленные штрафы и привлеченіе къ суду по второму пункту 129 статьи.

„Русское Слово" называетъ уклоненіе отъ избирательныхъ правъ „позоромъ", а бывшій тамбовскій губернаторъ Муратовъ представилъ „на распоряженіе его преосвященства списокъ священно-церковнослужителей, выписывающихъ газеты лѣваго направленія". Да еще съ прибавкою,—къ чему ведетъ подписка на такіе органы.

Г-нъ Муратовъ губернаторствуетъ уже въ Курской губерніи, но колесо вертится: всѣмъ благочиннымъ тамбовской епархіи на-дняхъ былъ разосланъ циркуляръ консисторіи, съ изложеніемъ муратовскаго мнѣнія о „Русскомъ Словѣ", „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" и пр. лѣвыхъ изданіяхъ. Такой же списочекъ получили, несомнѣнно, инспектора народныхъ училищъ, акцизное вѣдомство и вообще всякаго рода начальство, имѣющее власть лишить своихъ подчиненныхъ правъ на 20-е число.

Въ новомъ мѣстѣ своего служенія Курскѣ—онъ поступилъ еще проще: предписалъ волостнымъ правленіямъ не выдавать подписчикамъ лѣвыхъ изданій приходящіе имъ номера.

Совершенно естественно поэтому, что всѣ корреспонденціи о выборахъ сводятся къ сообщеніямъ объ усиленной мобилизаціи духовенства да правыхъ элементовъ. Въ вятской епархіи для образованія лишнихъ цензовъ предписано, напримѣръ, однопричтныя церкви, гдѣ въ настоящее время не замѣщена вакансія настоятеля, поручить завѣдываніе ближайшаго священника, котораго и внести въ избирательные списки. Предписывается этимъ циркуляромъ, но сло-

вамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, внести въ нихъ также предсѣдателей „строительныхъ комитетовъ въ тѣхъ церквахъ, приходы коихъ еще не открыты, но земля къ которымъ уже нарѣзана“. Какъ же не сопоставить съ этимъ пустымъ, но пользующимся правомъ голоса, мѣстомъ злополучную „Вятскую Рѣчь“, которой заткнули ротъ за первую же попытку „высказать свое мнѣніе о предстоящихъ выборахъ въ четвертую Думу“.

Свобода, говорятъ, дѣйствуетъ иногда опьяняюще. Если вѣренъ слухъ, передаваемый тѣми же „Русскими Вѣдомостями“, то предвыборный просторъ, открывшійся передъ духовенствомъ, совсѣмъ вскружилъ ему голову. Въ церковныхъ кругахъ, будто бы, явилось такое толкованіе, въ виду того, что представители ихъ въ городскихъ думахъ и земскихъ собраніяхъ не избираются, а назначаются епархіальнымъ начальствомъ, то... значитъ, и въ Государственную Думу они должны назначаться по его усмотрѣнію. При чемъ имъ, дескать, должны быть предоставлены всѣ права членовъ ея, „кромѣ несмѣняемости, такъ какъ епархіальные архіереи могутъ въ любой моментъ перемѣнить своихъ представителей“.

А скептики еще улыбаются, когда заходитъ рѣчь о зарожденіи русскаго клерикализма! Нѣтъ, онъ широко шагаетъ... по крайней мѣрѣ, въ своихъ мечтахъ. Правда, нѣ-невѣжественныхъ, но откуда ему взять учености. Мы вѣдь и вообще ею не блещемъ, и очень многія наши попытки проявить таковую оканчиваются непріятнымъ конфузомъ, вродѣ испытаннаго недавно севастопольскими союзниками.

Въ Севастополѣ имѣется домъ трудолюбія, коему присвоенъ, какъ и всѣмъ учрежденіямъ попечительства о домахъ трудолюбія, гербъ, „представляющій собой два треугольника, сложенныхъ на подобіе шестиконечной звѣзды“. Мѣстные союзники приняли гербъ за массонскій знакъ и начали осаждать градоначальника просьбами, чтобы онъ немедленно предписалъ „снять этотъ гербъ съ вывѣски дома, а равнымъ образомъ уничтожить и изображеніе его на официальныхъ бланкахъ“. Когда дѣло разъяснилось, пишетъ „Рѣчь“, союзники были сконфужены.

Сплошную юмористику представляетъ собою ученость

волостныхъ правленій въ сообщеніяхъ о состояніи посѣвовъ, погоды и пр. Въ графу „мертвый инвентарь", разсказываетъ Петровскій корреспондентъ „Русскаго Слова", „ставятся павшія лошади, коровы и пр.". О температурѣ иногда пишутъ: „не было", а то такъ—„температура доходила до 21° по Реомюру и продолжалась всего три дня". И, вотъ, на основаніи этой юмористики дѣлаются „важные выводы, касающіеся многихъ значительныхъ сторонъ деревенской жизни".

Земскую статистику въ Саратовской губерніи, прибавляетъ корреспондентъ, „нынѣ упразднили за неблагонадежностью, но, во всякомъ случаѣ, съ тѣмъ же достаточнымъ основаніемъ, съ какимъ упраздняется и температура".

Земскую статистику упразднили, а губерніи предстоитъ новый голодъ,—по одному изъ уѣздовъ, Камышинскому, онъ уже опредѣлился съ полной ясностью для всѣхъ, по остальнымъ уѣздамъ—намѣчается...

Урожай еще на корню, но „мѣры" по случаю его уже приняты: желѣзныя дороги совѣщаются насчетъ перевозки, губернаторы пишутъ циркуляры о взысканіи недоимокъ.

Недоимочную кампанію открылъ неутомимый г. Муратовъ, предписавшій, какъ сообщаетъ „Курская Быль", земскимъ начальникамъ обратить „самое серьезное вниманіе" на взысканіе „продовольственныхъ долговъ всѣхъ наименованій" и прочихъ сборовъ всякаго рода.

Не вышло бы и съ нимъ, какъ въ прошломъ году съ саратовскимъ губернаторомъ, собиравшимся получать съ крестьянъ, но затѣмъ вынужденнымъ ихъ кормить. По осени вѣдь считаютъ не только цыплятъ, но и всякій урожай.

На-ряду съ „мертвымъ инвентаремъ" въ видѣ павшихъ коровъ особенно выигрываютъ въ своей пикантности заботы г. Кассо о пополненіи народныхъ библіотекъ новыми изданіями и вообще новыя правила о нихъ.

Параграфомъ 5 дѣйствовавшихъ до сихъ поръ правилъ 1906 г. народнымъ библіотекамъ разрѣшалось пріобрѣтать всѣ „книги и періодическія изданія, допускаемыя въ общемъ порядкѣ въ публичныя библіотеки и читальни". Теперь же таковыя будутъ допускаться лишь подъ условіемъ согласія инспектора народныхъ училищъ, независимо отъ способа пріобрѣтенія, то есть, какъ покупаемыя, такъ и жертвуемыя

со стороны. Такимъ образомъ, взрослое, не состоящее ни въ какихъ отношеніяхъ съ г. Кассо населеніе вдругъ очутилось подъ его опекой, въ полной его власти.

Походъ г. Кассо противъ заграничныхъ экскурсій также принялъ открытую форму. Финляндскій генералъ губернаторъ Зейнъ, тоже, казалось бы, не имѣющій никакого отношенія къ министерству народнаго просвѣщенія, выразилъ сомнѣніе въ полезности знакомства русской молодежи съ финляндскими порядками. Но министръ нашелъ пока достаточнымъ, чтобы пріѣзжающіе въ Финляндію ученики-экскурсанты попадали подъ руководство директоровъ тамошнихъ русскихъ учебныхъ заведеній.

Что же касается заграничныхъ поѣздокъ, то г. Кассо, въ своемъ секретномъ циркулярѣ (помѣщеннымъ въ „Рѣчи"). прямо называетъ ихъ „преступной пропагандой", которая не можетъ быть далѣе терпима „безъ ущерба для интересовъ народнаго просвѣщенія". Но, чувствуя свое безсиліе въ борьбѣ съ народившимся жизненнымъ явленіемъ, министръ намѣренъ сдѣлать попытку—по крайней мѣрѣ, хоть захватить его въ свои руки.

Предоставивъ выдумывать порохъ другимъ, министерство, когда неизбѣжно надо проявить инціативу, хватается за готовыя идеи, при чемъ уродуетъ ихъ, стрижетъ подъ казенную гребенку, полагая, очевидно, что имѣетъ дѣло со слѣпыми, которые ничего не замѣтятъ. Учительскіе съѣзды, курсы для учителей, заграничныя экскурсіи—все это будетъ, конечно, испорчено до неузнаваемости. Ну, кому, въ самомъ дѣлѣ, придетъ охота путешествовать подъ присмотромъ своего начальства, у котораго каждое лыко окажется въ строку. И хороши будутъ въ роли заграничныхъ гидовъ инспектора народныхъ училищъ, не бывавшіе дальше родной Калуги или Казани. Какимъ суконнымъ языкомъ они должны описывать красоты Венеціи, сокровища Рима, можно судить по этому же секретному циркуляру. Вотъ послѣдній его абзацъ:

Вслѣдствіе сего, предварительно какого-либо по этому вопросу распоряженія, министерство проситъ ваше превосходительство войти въ соображеніе настоящаго дѣла и по обсужденіи его въ попечительскомъ совѣтѣ донести министерству о послѣдующемъ, съ приложеніемъ копіи журнальнаго постановленія совѣта, въ непродолжительномъ по возможности времени.

Совсѣмъ не отличишь: въ которомъ году издано? 20—30 лѣтъ тому назадъ еще, пожалуй, можно было такъ выражаться, а теперь, да еще министерству народнаго просвѣщенія, какъ будто даже неловко: просить „войти въ соображеніе" какого бы то ни было дѣла.

Въ своей спеціальной сферѣ—попеченія объ образованіи—г. Кассо начинаетъ раздражать даже правую печать.

Напримѣръ, „Свѣтъ" находитъ, что сейчасъ оно приняло „на столько странный характеръ, что на немъ нельзя не остановиться въ полнѣйшемъ недоумѣніи". „Кому и зачѣмъ,—спрашиваетъ газета, — понадобилось воскрешать ужасы только-что похороненной классической школы, причинившей Россіи столько неизгладимаго зла",

Даже „Новое Время", всегда выражавшее съ г. Кассо полную солидарность сочло нужнымъ навести личныя справки. И министръ успокоилъ: не такъ, дескать, это страшно, потому что поналягутъ на латынь „только въ предѣлахъ программы". Кавардакъ изъ церковно-славянскаго языка и славянскихъ нарѣчій тоже придется глотать не съ мѣста въ карьеръ, а со временемъ. Т. е., вѣроятно, тогда, когда приготовятъ за границей педагоговъ-славистовъ.

Про педагоговъ же „воспитателей", авось, напомнитъ г. Кассо циркуляръ, напечатанный въ одномъ изъ выпусковъ „Вѣстника оренбургскаго учебника округа".

По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ,—пишетъ попечитель округа,—въ нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ мнѣ учебныхъ заведеніяхъ лица учебно-воспитательнаго персонала позволяютъ себѣ некорректное отношеніе къ учащимся, выражающееся въ повышенномъ тонѣ объясненій съ ними, въ рѣзкой формѣ дѣлаемыхъ замѣчаній, въ высмѣиваніи ихъ отвѣтовъ и недостатковъ, въ обзываніи ихъ обидными прозвищами и т. п.

Признавая такое отношеніе со стороны лицъ, призванныхъ руководить и воспитывать подрастающее поколѣніе, совершенно недостойнымъ, предлагаю вамъ, милостивый государь, обратить на это самое серьезное вниманіи названныхъ лицъ, предупредивъ, что тѣ изъ нихъ, кто не въ состояніи будутъ воздержаться отъ усвоенныхъ ими привычекъ, не могутъ быть терпимы на педагогической службѣ.

„Не могутъ", но до сихъ поръ не только терпѣлись на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, а даже никѣмъ и не замѣчались.

Кромѣ самихъ, конечно, жертвъ, выражающихъ свой протестъ противъ попранія ихъ человѣческаго достоинства лишь горькими слезами да самоубійствами.

Бесѣда по душѣ.

— Я совершенно съ вами согласенъ, ваше превосходительство: ленскія событія, это—позорная страница нашей исторіи. Вся Россія глубоко возмущена ими: 250 убитыхъ и 270 раненыхъ!

— Да! Но вотъ не нравится мнѣ характеръ вашего возмущенія. При чемъ тутъ убитые и раненые? И не все ли равно, больше или меньше? Исторія насъ учитъ, что „такъ было всегда и такъ будетъ". Нѣтъ, меня здѣсь возмущаетъ совсѣмъ другое; не то, что гдѣ-то тамъ нѣсколько поучили рабочихъ, которые разсчитывали безнаказанно бастовать, а нѣчто неизмѣримо болѣе важное. Не самый разстрѣлъ, а то, что было послѣ разстрѣла...

И этимъ возмущена вся Россія, ваше превосходительство! Выселеніе рабочихъ и постыдный торгъ съ женами убитыхъ! Желаніе отдѣлаться пятьюстами рублей за убитаго, вмѣсто обычныхъ трехъ тысячъ вознагражденія, и, наконецъ, это отобраніе за 10 рублей подписки о неимѣніи претензій все это стоитъ разстрѣла безоружной толпы. И все это одинаково мерзко, ваше превосходительство!

— Да! Но и это еще не то! Согласитесь, дорогой мой, что les affaires sont les affaires! Вѣдь пріиска —коммерческое дѣло. Не разоряться же имъ на женъ рабочихъ! И было бы странно разстрѣливать рабочихъ, чтобы сейчасъ же учреждать пенсіи въ пользу ихъ семействъ. Я ужъ не говорю о великомъ принципѣ: „не тебѣ, такъ чаду твоему; не чадамъ, такъ прочаду". Нѣтъ, я возмущенъ другимъ. Болѣе важнымъ: меня интересуетъ Трещенковъ!

— Да, ваше превосходительство! Россія недоумѣваетъ. Человѣкъ, стрѣлявшій въ безоружную толпу, стрѣлявшій въ тяжачихъ и женщинъ; убійца, потому что не было никакой причины и повода для стрѣльбы, онъ не былъ немедленно же преданъ суду! Мало того, онъ даже сейчасъ не подъ судомъ! Вся Россія, ваше превосходительство...

Cela m'émbête! Ваша „вся Россія". Она меня возмущаетъ. Она не понимаетъ, чѣмъ надо возмущаться. Подъ судъ Трещенкова?! За что?! За то, что человѣкъ не расте-

рялся? За то, что онъ не бѣжалъ передъ громаднѣйшей толпой? Трещенковъ, онъ исполнилъ свой долгъ, и только! Вамъ штатскимъ не понять этого! Его не удержало ни то, что тысячи рабочихъ могли свободно уничтожить горсточку его солдатъ, что они могли ихъ зажиточно спалить въ казармахъ, ни то, что во всякомъ случаѣ легко могли „убрать“ его самого. Нѣтъ, онъ не испугался! Вѣрный своему долгу и солдатской присягѣ, онъ безбоязненно стрѣлялъ въ рабочихъ. Я готовъ почти любоваться Трещенковымъ. Онъ въ данномъ случаѣ герой! И даже обсуждать его поступокъ я, какъ военный, не могу-съ! Но что меня возмущаетъ— такъ вотъ эта мерзость!

И генералъ протянулъ мнѣ „Русское Слово“, ткнувъ въ телеграмму: „Бодайбо. 27. VI. Ревизіей книгъ главноуправляющаго пріисками Бѣлозерова установлено, что по книгѣ представительства Бѣлозерова значится выдача ротмистру Трещенкову: 1.000 руб., 800 руб., 600 руб. и ежедневно за весь періодъ до 4 апрѣля по 15 рублей. *На основаніи этого* ротмистръ Трещенковъ предается сенаторской ревизіей суду“.

— Вотъ-съ! Извольте видѣть! Трещенковъ,—герой, столпъ консерватизма, охранникъ чистѣйшей воды, краса и гордость жандармскаго мундира и вдругъ... 600 рублей отъ Бѣлозерова. Вмѣсто героя взяточникъ! Вмѣсто жертвы идеи, простите, содержанка!.. Вы знаете, сначала я готовъ былъ оправдывать даже Ленское Товарищество. Ну, вызвали солдатъ; нѣсколько, можетъ быть, опрометчиво, согласенъ съ этимъ, разстрѣляли рабочихъ, но все жъ таки что жъ тутъ особеннаго? Изъ-за чего громъ и молніи? Изъ-за чего общественное негодованіе? Изъ-за чего взволновалась ваша, какъ вы изволите выражаться, „вся Россія“? Вѣдь это вашъ же принципъ, вашего „великаго“ Дарвина: борьба за существованіе: выживаетъ болѣе приспособленный! Рабочіе бунтовали, выставили политическія требованія, 8-ми-часовой день, и прочую тамъ ерунду, угрожали, наконецъ, солдатамъ—ну, ихъ и вывели изъ строя, что же тутъ особеннаго? Я былъ спокоенъ.

— Да, ваше превосходительство! Но вѣдь...

— Позвольте! Позвольте! Я знаю, что вы хотите сказать... Я самъ убѣдился въ этомъ. Потомъ, позже... Потомъ оказа-

лось: никакого бунта, никакой политики, никакихъ нападеній и угрозъ, а просто: биржа „работала“ на пониженіе. Нужно было выпустить „маленькую Лену“, предварительно скупивъ „большую“, и рабочихъ разстрѣляли, чтобы заработать 17 милліоновъ! Вѣдь тутъ и рѣчи не было о консерватизмѣ, объ охранѣ устоевъ и основъ, о борьбѣ съ бунтомъ. Тутъ просто мошенничество крупнаго калибра! Биржа, а не политика!

Совершенно вѣрно, ваше превосходительство!

— Хорошо-съ. Биржа, а не политика! А затѣмъ, этотъ Трещенковъ! Что это такое? 600 рублей отъ Бѣлозерова! Но и то бы еще ничего; дѣло житейское... Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! Но, вѣдь важно, *какъ* взялъ! Берутъ же другіе; слава Богу — цѣлая школа! Высшая школа взятокъ! Искусство взятокъ! Возьмите интендантовъ, генерала Рейнбота, Кулябко! Вѣдь это—красота! А тутъ: бралъ и бралъ, какъ поденщикъ! „Ежедневно по 15 руб. до 4-го апрѣля“. Значитъ, 5 апрѣля ротмистру ничего не дали? Значитъ, Мавръ сдѣлалъ свое дѣло и... Мавръ можетъ уйти?! Значитъ, какъ разъ 5 апрѣля, когда „Лена“ полетѣла стремительно внизъ, Бѣлозеровъ разсчиталъ ротмистра Трещенкова! Вотъ этимъ-то позоромъ я и возмущенъ! Вмѣсто героя — содержанка!.. А вы? Какъ вы относитесь къ этому?

— Я, ваше превосходительство, не совсѣмъ раздѣляю ваше негодованіе по данному поводу. Трещенковъ бралъ деньги отъ Бѣлозерова? Правда. Но почему это поражаетъ ваше превосходительство? Развѣ вы не изволили знать, что нѣкоторая прикосновенность Трещенкова къ дѣламъ „охраны“ уже давно существовала... А вѣдь охрана... Словомъ, Россія никогда не вѣрила въ безкорыстіе ротмистра. Всѣ знали, что если Трещенковъ стрѣлялъ, значитъ, ему это было выгодно... Нѣтъ, ваше превосходительство, насъ это не удивляетъ: привыкли...

— Но вѣдь это ужасно! Вѣдь это жъ чортъ знаетъ что такое! Вѣдь оказывается, во всей ленской исторіи нѣтъ ни тѣни потрясанія основъ, ни намека на борьбу за сохраненіе устоевъ и, наконецъ, ни капли гражданской доблести у усмирителей! Даже простой честности не хватило. Оказывается, всѣмъ дирижировалъ *рубль*. Только *рубль*!

— Вся Россія, ваше превосходительство, убѣждена въ этомъ. И тѣмъ болѣе горько: 250 убитыхъ и 270 раненыхъ! Вся Россія оплакиваетъ ихъ. Россія убѣждена, ваше превосходительство, что рабочіе были проданы за 30 сребренниковъ...

— И вы знаете! На этотъ разъ она, кажется, права— ваша Россія. *А. Аловъ.*

Издатель **В. П. Суначевъ.** Редакторъ **А. И. Иванчинъ-Писаревъ.**

Адресъ редакціи и конторы: СПБ., ул. Жуковскаго, 24.

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 20

28 іюля 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Мечтанія о. Фоки. *А. Петровича.*
2. Хищники на золотыхъ промыслахъ Олекминско-Витимской системы. *Я. С—ча.*
3. О сибирскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ. *Н. Скалозубова.*
4. Послѣдній аккордъ. *S. Bonnard.*
5. Обыватели и полиція.
6. Очерки сибирской жизни.
7. Столичныя газеты о Сибири.
8. Обозрѣніе русской жизни.
9. Библіографія. *Н. Скалозубова.*

Отъ конторы редакціи: Подписчикамъ въ разсрочку, не приславшимъ 3 р. къ 1-му іюля, высылка журнала прекращена.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96
1912.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ

съ 1-го января на годъ и съ 1-го Іюля на полгода 1912 г.

НА

„Сибирскіе Вопросы"

(Журналъ независимый, прогрессивный, посвященный защитѣ областныхъ интересовъ Сибири)

8-ой годъ изданія.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р., отдѣл. №№: недѣльные 15 к. и двухнедѣльные—30 к. За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается

ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ СИБИРИ и РОССІИ

по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ**—Посохина и Макушина, въ **Иркутскѣ**—Макушина и Посохина, въ **Тюмени**—О. Ф. Невской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ**—М. И. Григоровской, въ **Читѣ**—гг. Цепелева и Борисова.

Вниманію подписчиковъ.

Имѣются въ продажѣ:

Сборники „Сибирскіе Вопросы" за 1905 г.: № 1-й (400 стр.)—2 р. и № 2-й (330 стр.)—1 р. 50 к.; всѣ шесть книгъ журнала „Сибирскіе Вопросы" за 1906 г. (700 стр.)—3 р.; 3 ежемѣсячныхъ и 36 еженедѣльныхъ номеровъ 1907 г. (2000 стр.)—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1908 г.—4 р. 52 еженедѣльныхъ номера за 1909, 1910 и 1911 г.—по 6 рублей.

Частныя лица, подписавшіяся безъ разсрочки на 1912 годъ, могутъ получить любой годъ журнала БЕЗПЛАТНО, принявъ на себя стоимость пересылки наложеннымъ платежомъ, а библіотеки при соблюденіи тѣхъ же условій, сразу всѣ года журнала, съ 1905 по 1911 г. включительно.

Адресъ редакціи и конторы журнала—С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 24.

Издатель **Вл. П. Сукачевъ.** Редакторъ **А. И. Иванчикъ-Писаревъ.**

Сибирскіе Вопросы

Восьмой годъ.

№ 20

28 іюля 1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
1.	Мечтанія о. Фоки. *А. Петровича.*	1— 5
2.	Хищники на золотыхъ промыслахъ Олекминско-Витимской системы. *Я. С—ча.*	5—39
3	О Сибирскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ. *Н. Скалозубова.*	39—45
4	Послѣдній аккордъ. *S. Bonnard.*	45—49
5.	Обыватели и полиція.	49—56
6.	Очерки сибирской жизни.	56—83
7.	Столичныя газеты о Сибири.	83—86
8	Обозрѣніе русской жизни.	86—93
9.	Библіографія. *Н. Скалозубова.*	93—96

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96
1912.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, **гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.**

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи *Петербургъ, ул. Жуковскаго, 24.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей **книжки журнала.**

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или **сообщать его №.**

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ **прилагать 40 коп. почтовыми марками.**

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или **марки для отвѣтовъ.**

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія оригинала рукописи должны **быть приложены почтовыя марки.**

2) Принятыя статьи, если онѣ въ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны **оговорить это на самой рукописи.**

3) **Непринятыя рукописи,** объ отсылкѣ пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу присылаемыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Мечтанія о. Фоки.

Отецъ Фока, мокрушинскій іерей, низенькаго роста попикъ съ рѣденькой растительностью на лицѣ и головѣ, вздернутымъ носикомъ и узенькими, прищуренными глазками, одѣтый для солидности въ широкую постоянно топорщуюся ряску,—послѣ проѣзда владыки впалъ въ глубокое раздумье. Остановится посреди комнаты, возьметъ себя за носъ пальцами и начинаетъ медленно поднимать голову вверхъ, пока не уставитъ глаза въ потолокъ, да и стоитъ такъ долго-долго, а потомъ чмокнетъ ртомъ, взъерошитъ рѣденькую шевелюру и начнетъ, размахивая рукой, ходить по комнатѣ и бормотать что-то непонятное.

Мать Анна, толстая попадья высокаго роста съ лошадинымъ лицомъ,— у маленькихъ поповъ всегда грузныя жены,—замѣтивъ перемѣну въ своемъ благовѣрномъ, обезпокоилась. Особенно обезпокоилась мать Анна послѣ того, какъ однажды увидѣла, какъ о. Фока подстригалъ передъ зеркаломъ бородку и кончики косм и пудрилъ свое прыщеватое лицо, а въ другой разъ почтарь привезъ изъ города какія-то покупки, которыя отецъ Фока быстро унесъ въ свой кабинетъ, откуда вскорѣ появился въ воротничкѣ и манжетахъ и сталъ сначала расхаживать по залу, оглядывая себя въ стѣнное зеркало, а потомъ взялъ себя за носъ и долго стоялъ въ такомъ положеніи.

Мать Анна не вытерпѣла и, подойдя къ двери, плаксивымъ голосомъ,—она говорила обыкновенно мужскимъ баритономъ,—спросила:

— Фокаша! Что съ тобой, другъ мой?

Отецъ Фока, какъ бы не слыша, стоялъ въ томъ же положеніи и даже не обернулся къ благовѣрной.

Оскорбленная попадья быстро подошла къ мужу, схватила его рукой за плечо и, потрясая его, злобно спросила:

— Говори, гадина, кто она? Говори, поганецъ, съ кѣмъ снюхался? Я ей шлюхѣ!..

Отецъ Фока, какъ ужаленный, отскочилъ отъ супруги, замахалъ руками и крикнулъ низкимъ теноркомъ:

— Не отвлекай мышленій! Занимайся своими дѣлами!

— Нѣтъ, поганецъ! Ты мнѣ все скажешь, а то я тебѣ всю харю расцарапаю, всѣ манишки на кусочки порву! Говори правду!— наступала попадья.

— Жено! Не мѣшай моимъ мышленіямъ!—взмолился отецъ Фока и поднялъ обѣ руки кверху.

— Говори, окаянный, лучше! Говори, поганецъ! Рви мое сердечушко на части!

— Не сіе! Не сіе занимаетъ мои мышленія, а вопросы наиболѣе важные! —отвѣтилъ торжественно отецъ Фока, повернулся и быстро ушелъ въ свой кабинетъ отъ разъяренной и удивленной супруги.

Мать Анна всплеснула руками и громко зарыдала, приговаривая:

— Чуяло мое сердечушко неладное! И какъ этотъ архіерей пріѣдетъ, такъ что нибудь случится! И за какимъ бѣсомъ, прости Господи, его носитъ, только въ безпокойство людей приводитъ! Жили почти годъ спокойно... Нѣтъ, ты мнѣ скажи! —закричала попадья:—ты мнѣ скажи, все равно узнаю! Ты меня не обманывай! Говори лучше, кто причина? — стучала попадья кулакомъ по столу. — Говори, кто причина: архіерей или шлюха какая?!

Въ дверяхъ появился отецъ Фока.

— Ни то и ни другое!—успокоительно отвѣтилъ онъ: — а сказать тебѣ—еще время не наступило. Потерпи, ибо не все мною обдумано...

— Сейчасъ желаю знать! Говори лучше, не томи меня, а то я руки на себя наложу!

Попадья заплакала.

Отецъ Фока въ нерѣшительности постоялъ въ дверяхъ, поправилъ рукой воротничекъ, сдѣлалъ два шага впередъ и произнесъ:

— Обѣщаешь-ли мнѣ хранить все въ тайнѣ?

— Вотъ мать Пресвятая Богородица, святые угодники въ свидѣтели, что никому ничего не скажу!

Попадья перестала плакать и ждала отвѣта.

— Нѣтъ, послѣ вечеромъ!..—непрѣшительно сказалъ онъ.

— Фокаша! Другъ мой, скажи сейчасъ! Ты видишь, какъ я страдаю!—взмолилась попадья.

— Ну, слушай, да смотри, пожалуйста, никому не проговорись, а то все дѣло испортишь!.. Видишь...—Отецъ Фока осмотрѣлся кругомъ и шепотомъ прибавилъ:— Лучше пойдемъ въ кабинетъ, я тебѣ тамъ разскажу.

Попадья схватила его за руку и потащила въ кабинетъ.

— Клянись, что ты не только ничего никому не скажешь, но будешь мнѣ усердной помощницей!

— Ахъ, Фокаша, развѣ ты можешь во мнѣ сомнѣваться! — воскликнула попадья, быстро затворяя дверь кабинета.—Окно не закрыть-ли, какъ бы съ улицы не услышалъ кто-нибудь?

— Закрой!—согласился отецъ Фока и усѣлся около письменнаго стола.

Попадья, закрывъ окно, сѣла противъ него.

— Ну, говори! —сказала она съ нетерпѣніемъ.

— Видишь: выборы скоро въ Государственную Думу...

— Ну?..

— Такъ...

— Ну?..

— Владыко велѣлъ за благочиннаго стараться!

— Ну?..

— Чтобъ благочиннаго провести!

— Ну?..

— А я думаю...

— Ну?..

— Только, мать, не проговорись!..

— Да ужъ!.. Ну?..

— Я хочу за себя постараться!

— За себя?!

Попадья удивленно посмотрѣла на попа.

— Самъ хочу въ Думу поѣхать!

— Какъ же?!

— А вотъ такъ же: надо благочинному свинью подложить!

— Ахъ, Фокаша, хитрый отецъ Еленоерій, трудно его провести! Зачѣмъ ты въ Думу захотѣлъ?

— Для славы!—Отецъ Фока вскочилъ со стула и заходилъ по кабинету. —Ты только вообрази, началъ онъ говорить, жестикули-

руя руками:—ты только вообрази: вѣдь пятнадцать цѣлковыхъ въ сутки, работы никакой и въ столицѣ на казенной квартирѣ жить! Отъ прогоновъ однихъ что останется!... Здѣсь три года за годъ надо чертомелить! А потомъ слава! Владыка сказалъ, что если мы, іереи, всѣ постараемся, то всю Думу можно изъ духовенства составить!... Вообрази ты, мать: стоятъ это столы, а за столами стулья, что твои диваны! На диванахъ мы сидимъ: впереди іереи безъ медалей, позади нихъ іереи съ медалями, дальше съ орденами, — по старшинству, значитъ, — за ними іереи въ скуфьяхъ, за ними протоіереи въ камилавкахъ, а за всѣми ними архіереи и позади всѣхъ на возвышеніи митрополиты!... Нѣтъ, ты только вообрази себѣ! И будемъ мы государственные вопросы рѣшать: захотимъ какой законъ издать—издадимъ, не захочемъ—нѣтъ закона! А министры... ты думаешь не могу я, напримѣръ, министромъ быть?—могу! Почему попъ только попомъ можетъ служить? Вѣдь это неправильно! Почему попъ не можетъ быть губернаторомъ или прокуроромъ!... Вотъ, мать, какія дѣла то! По неволѣ задумаешься, а ты... эхъ, ты, женщина! Воспаренія мысли у тебя нѣтъ, ворона-воропой!... Вотъ какую загвоздку мнѣ владыка вложилъ, и надобно обо всемъ основательно подумать! Наперво, какъ въ Думу попасть, а тамъ все, какъ по маслу, пойдетъ!

— Ахъ, Фокаша, у тебя всегда возвышенныя мысли были! И тебѣ съ твоимъ умомъ приходится въ Мокрушиной служить! — восхищалась попадья.

— Да-съ! Это дѣло требуется обмозговать! Вотъ ты мнѣ и помоги благочинному свинью подложить, а остальное какъ-нибудь устроится.

— Знаешь, Фокаша, другъ мой, это сдѣлать можно только съ мужиками!...

— Какъ такъ?—спросилъ удивленный отецъ Фока, садясь на стулъ противъ попадьи.

— Вотъ напрасно ты мнѣ объ этомъ раньше не сказалъ! Умъ хорошо, а два лучше.

— Плохо усвояю?

— Старосту подпоить надо, — шепотомъ сказала попадья: — пусть мужиковъ натравитъ жалобу подать!..

— А если толку никакого не выйдетъ?

— Пусть не выходитъ, а ты этимъ временемъ и пользуйся,— среди своихъ старайся, и я тебѣ помогу!

— Цѣлесообразно придумано!—воскликнулъ въ восхищеніи отецъ Фока.

— Ахъ, Фокаша! Хорошо, поди, прокуроршей быть, ужъ губернаторшей-то я не собираюсь... Благочинша -такъ та, поди, прямо въ губернаторши мѣтитъ?

— Ну, онъ еще до этого не додумался!—важно замѣтилъ отецъ Фока.

— Додумается: онъ хитрый!

Съ этихъ поръ мать Анна начала устраивать свинью отцу благочинному, а отецъ Фока изощряться въ проповѣдяхъ.

А. Петровичъ.

Хищники на золотыхъ промыслахъ

Олекминско-Витимской системы.

III.

Летучка.

Третья категорія хищниковъ называется въ тайгѣ „летучкой". Это тѣ изъ рабочей среды, которые, не состоя въ наймѣ у капиталиста предпринимателя, самостоятельно разрабатываютъ золото, открытое или по какой либо рѣчкѣ или ключу, не имѣя на то разрѣшенія горнаго управленія, или же работаютъ хотя и на занятыхъ, но почему либо не эксплуатируемыхъ владѣльцемъ площадяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ посягательство на чужую собственность далеко не всегда имѣетъ мѣсто даже съ точки зрѣнія юридическаго права. Дѣло въ томъ, что явочные столбы сами по себѣ еще не служатъ признаками дѣйствительнаго занятія площади. Фиктивными столбами усѣяна наша тайга. Ихъ ставятъ нерѣдко только за тѣмъ, чтобы ввести въ заблужденіе поисковыя партіи, сохранивъ такимъ образомъ мѣстность за собой для дѣйствительнаго занятія въ томъ случаѣ, если тѣ же хищники обнаружатъ на ней золото. Часто столбы поставлены лишь для монополизированія лѣсныхъ пространствъ; хотя при этомъ и подаются заявки въ горное управленіе, но такъ какъ площади, числясь за заявителемъ, могутъ оставаться не принятыми имъ въ теченіе двухъ лѣтъ, то, пользуясь этимъ и не неся никакихъ казенныхъ платежей, спѣшатъ истребить весь лѣсъ, а затѣмъ обезцѣненная площадь возвращается въ казну. Рабочіе

очень хорошо это знаютъ и потому не придаютъ столбамъ значенія.

Хищничество этого рода правильнѣе было бы называть вольной, кустарной золотопромышленностью, да и сами рабочіе называютъ себя „вольными старателями", тогда какъ копачъ (шахтолазъ) такъ и называетъ себя копачомъ, вполнѣ сознавая всю противозаконность своего ремесла. Чѣмъ же вызывается эта внѣзаконная промышленность, существовавшая и существующая вопреки всѣмъ преградамъ, создаваемымъ ей горнымъ уставомъ? Прежде всего естественными условіями промысла, дѣлающими доступной добычу золота изъ верховыхъ, не глубоко залегающихъ розсыпей всякому, обладающему средней мускульной силой, элементарными орудіями и запасомъ, быть можетъ, всего на какой нибудь мѣсяцъ элементарной же пищи, вродѣ ржаныхъ сухарей и кирпичнаго чая.

Затѣмъ, присущимъ всякому стремленіемъ къ независимому труду, желаніемъ быть самому себѣ хозяиномъ, обладать полностью продуктомъ своего труда, работать вольно, по собственному побужденію, не изъ подъ палки, не подъ „гавканье" надсмотрщика. Тамъ, гдѣ еще есть просторъ къ удовлетворенію этихъ естественныхъ стремленій, гдѣ природа и соціальныя условія благопріятствуютъ таковому, только искусственныя мѣры, дѣлающія промыселъ нелегальнымъ, и вытекающія отсюда полицейскія преслѣдованія, мѣшаютъ широкому развитію кустарничества въ золотомъ промыслѣ. „Вольное стараніе" требуетъ только знакомства съ сибирской природой, приспособленности къ суровому климату страны и умѣнья оріентироваться въ горныхъ таежныхъ дебряхъ. Вотъ почему летучку составляютъ или коренные сибиряки, или давно водворенные въ Сибири поселенцы, россіяне же—какъ исключеніе, изъ случайныхъ старожиловъ на пріискахъ.

И, вотъ, съ началомъ весны, въ мартѣ, апрѣлѣ, пока еще рѣчки не вскрылись, но ручьи уже начали оживать, партіи вольныхъ старателей съ ружьями и котомками на плечахъ потянулись вглубь тайги, таща за собой салазки съ инструментомъ и мѣшки съ сухарями. На сотни верстъ разбредаются они по своимъ ключикамъ, чтобы возобновить прерванные зимнею стужей работы.

Артель, ничѣмъ никому не обязанная, нашедшая богатую розсыпь по какому нибудь ключу, старается всячески скрыть его отъ постороннихъ, чтобы чужіе не воспользовались ихъ открытіемъ въ свою пользу.

Небольшой запасъ провизіи скоро истощается, и первые же добытые золотники необходимо нести къ ближайшему золотопромышленнику для обмѣна ихъ на продукты. Появленіе новаго хищника съ золотомъ взбудораживаетъ весь пріискъ: начинаются ухищренные разспросы (прямо спрашивать, откуда золото, не принято), просьбы продать площадь и, какъ лучшее средство развязать языкъ,—обильное угощеніе на этотъ разъ не разбавленной водою водкой. При упорной неподатливости старателя, просятъ приносить золото и впредь, обѣщая отпускать продукты подешевле, а между тѣмъ устраиваютъ систематическое слѣженіе, отъ котораго старателю трудно уберечься въ лѣсу. Лишь въ отдаленныхъ глухихъ мѣстахъ дружная артель, обильно снабженная провизіей, можетъ продержаться болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Но и въ этомъ случаѣ крѣпость и вѣрность артельнаго союза рѣдко выдерживаетъ испытаніе дольше одного лѣта. Съ наступленіемъ зимы артель выходитъ на пріиски, рабочіе поступаютъ въ наемныя работы, взаимная связь ослабѣваетъ, и кто нибудь изъ бывшаго союза воровски продаетъ общее достояніе.

Корыстный разсчетъ измѣнять артельному союзу и тутъ, впрочемъ, можетъ имѣть мѣсто, при извѣстныхъ условіяхъ. Я знаю случай, когда членъ артели донесъ владѣльцу о работахъ на его площади, выговоривъ себѣ право на стараніе. Сдѣлка была обставлена такъ, что товарищи не могли заподозрить его въ измѣнѣ; самъ же доносчикъ работалъ потомъ на этомъ же мѣстѣ, но уже въ качествѣ старателя подрядчика.

Самовольная добыча золота на не эксплуатируемыхъ отводахъ—явленіе, весьма распространенное, и это, какъ я раньше замѣтилъ, не почитается зазорнымъ.

Нельзя не отнестись съ большой снисходительностью къ такому взгляду, если принять во вниманіе громадные размѣры непропзводительно захватываемыхъ земель. Такъ, по офиціальнымъ даннымъ, процентное отношеніе числа не

разрабатываемыхъ пріисковъ къ общему числу ихъ на казенныхъ земляхъ было *):

	1894 г.	1895 г.
на Уралѣ	68%	71%
въ Западной Сибири	71%	71%
„ Амурскомъ округѣ	59%	59%
„ Приморскомъ округѣ	91%	86%
„ Вирюсинскомъ округѣ	60%	67%
„ Ленскомъ округѣ	77%	79%

Это общія цифры, а въ частности, напримѣръ, одна Компанія Промышленности съ замѣной подесятинной подати прогрессивнымъ поземельнымъ налогомъ вынуждена была въ 1904 г. отпустить въ казну 60 площадей, которыя непроизводительно оставались въ ея владѣніи. Ленское Товарищество за захваченныя, но не эксплуатируемыя пространства платило въ 1902 г. подесятинной подати 86,250 р. **) Неудивительно, если столь черезмѣрные захваты, не вызываемые потребностями промышленнаго предпріятія, не имѣютъ ничего священнаго въ глазахъ вольныхъ старателей. Послѣдніе, однако, часто являются весьма желанными гостями для владѣльцевъ подобныхъ площадей. Не по альтруистическимъ, конечно, соображеніямъ, а просто потому, что хищничество служитъ для нихъ даровыми развѣдочными работами. Занятыя большею частью наудачу, по примѣтамъ, съ научной точки зрѣнія не выдерживающимъ никакой критики отводы многіе годы остаются безъ всякой утилизаціи: основательная развѣдка требуетъ средствъ и къ тому же сопряжена съ рискомъ невозвратной затраты. Но вотъ являются благодѣтели хищники и производятъ эту работу своимъ трудомъ и за свой счетъ. Площадь оказывается вполнѣ благонадежной: присутствіе золота доказано самымъ реальнымъ образомъ; владѣлецъ, готовый было уже, быть можетъ, отпустить отводъ, изгоняетъ хищниковъ, какъ расхитителей его добра, и обстанавливаетъ свои работы.

Въ качествѣ открывателей золотоносныхъ площадей и развѣдчиковъ занятыхъ частными предпринимателями, хищ-

*) „Записка министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ". Главныя основанія обложенія золотой и платиновой промышлен. 1897 года

**) Отчетъ правленія за 1901—1902 г.

ники сыграли не малую роль въ исторіи нашей золотопромышленности. Я собиралъ отъ мѣстныхъ старожиловъ свѣдѣнія, какіе изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ своими богатствами пріиски открыты хищниками. Приведу нѣкоторые изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ.

Знаменитый *Сухой Логъ* Ленскаго Товарищества открыли собственно старатели. Пріискъ этотъ работался и раньше, но завѣдывавшіе работами потеряли направленіе розсыпи, и пріискъ, не представлявшій болѣе интереса, былъ предоставленъ старателямъ. Они-то и нашли настоящую розсыпь, давшую владѣльцамъ свыше полутысячи пудовъ.

Еще болѣе знаменитый *Вьрный* Базилевскаго указанъ хищничавшимъ конюхомъ. Послѣдній заявилъ о своей находкѣ управляющему, но, по убѣжденію этого спеціалиста горнаго дѣла, въ правыхъ увалахъ рѣчки *Ныгри* золота быть не могло, и конюхъ, заподозрѣнный въ желаніи лишь выманить бутылку спирта, былъ прогнанъ. Но одинъ маленькій служащій попробовалъ выбить въ указанномъ мѣстѣ шурфъ: заявленіе конюха подтвердилось блестящимъ образомъ. Этотъ узенькій ключикъ всего 2½ версты длины далъ золота 1200 пудовъ. Открыватель конюхъ *) получилъ щедрое вознагражденіе: ему была назначена пожизненная пенсія по 600 рублей въ годъ.

Спектральный пріискъ Ленскаго Товарищества по рѣкѣ *Жуй* былъ найденъ поисковой партіей, благодаря одному хищнику. Замѣтивъ на берегу человѣка, варившаго въ котелкѣ чай, служащій спросилъ, нѣтъ ли у него золота на продажу. Оказалось,— есть. Купивъ нѣсколько золотниковъ, служащій поинтересовался узнать, гдѣ оно добыто, на что, конечно, отвѣта не получилъ. Но онъ замѣтилъ, что золото было мокрое, слѣдовательно, только что промытое; ясно, что оно было добыто тутъ же, и хищникъ долженъ былъ сознаться, что это такъ.

Нѣкоторыми изъ своихъ богатѣйшихъ пріисковъ обязана хищникамъ и Компанія Промышленности.

Наконецъ, еще недавно пустынный и почти неизвѣстный бассейнъ *Средняго Витима* открытъ для золотопромышленности исключительно „хищниками". Исторія этого открытія

*) По другой версіи это былъ угольщикъ татаринъ.

даетъ много характернаго для знакомства съ нравами и порядками, господствующими въ области пріискового дѣла. Не лишне поэтому остановиться на ней нѣсколько дольше.

Впервые появленіе вольныхъ поисковыхъ партій по *Среднему Витиму* стало извѣстно въ 1894 г. Одна изъ нихъ, вышедшая съ Бодайбо, нашла богатое, залегающее на поверхности золото въ устьѣ р. *Тулдуньи*, впадающей съ лѣвой стороны въ *Витимъ*, южнѣе *Муи*.

Возможность обмѣна золота на припасы представлялась въ двухъ пунктахъ: въ маленькомъ якутскомъ поселкѣ на устьѣ *Муи* и на одномъ изъ ближайшихъ пріисковъ по р. *Бамбуйко*. Разумѣется, и тамъ, и здѣсь не замедлили вывѣдать мѣсто нахожденія приносимаго хищниками золота. Немедленно помчались партіи для захвата „на законномъ основаніи“ лакомыхъ кусковъ. Но бамбуйскій промышленникъ опередилъ муйскую партію (Комарова), которая нашла уже на вожделѣнномъ мѣстѣ явочные столбы Фризера. Для охраны благопріобрѣтеннаго съ такимъ трудомъ достоянія счастливый владѣлецъ организовалъ вооруженный отрядъ изъ служащихъ и казаковъ, тѣмъ не менѣе хищеніе продолжалось, при немаломъ къ тому содѣйствіи и участіи самой охраны. Владѣльца выручилъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, заставившій „таежную вольницу“ разбрестись.

Эта находка послужила толчкомъ для дальнѣйшихъ поисковъ, какъ со стороны вольныхъ золотоискателей, такъ и частныхъ легальныхъ предпринимателей.

Пустынность края, отдаленность его отъ болѣе или менѣе населенныхъ пунктовъ, крайняя затруднительность доставлять припасы по хребтамъ, изрѣзаннымъ бурными рѣчками,— мало благопріятствовали успѣхамъ поисковъ. Правда, легальныя партіи, обладавшія, конечно, большими средствами преодолѣвать всѣ эти препятствія, бродили во множествѣ: въ теченіе одного года по одной *Тулдуньи* наставили столбовъ на 75 верстъ, не считая площадей по многочисленнымъ впадающимъ въ нее ключамъ *). Но по обыкновенію **),

---

*) „Золотопр. Баргузинскій окр.“, изд. Фризера.

**) Напомнимъ, кстати, недавнія поисковыя партіи Россійскаго золотопр. общ. (въ концѣ девяностыхъ годовъ), обставленныя съ небывалой у насъ роскошью (три парохода, инженеръ, масса служащихъ и рабочихъ и т. д.) и въ результатѣ полумилліонной затраты—нуль.

этимъ легальнымъ искателямъ нигдѣ ничего особенно заманчиваго не встрѣчалось. Многія партіи выѣзжали, впрочемъ, не столько для самостоятельныхъ поисковъ площадей, сколько за скупкой золота и наблюденіемъ за хищниками, которые продолжали кое-гдѣ рыться и кое-что добывать. Офиціальное положеніе начальника поисковой партіи съ удобствомъ прикрывало эти гешефты, давая возможность, не опасаясь казаковъ, открыто везти съ собою спиртъ—наилучшую приманку для хищниковъ. Огправнымъ, а вѣрнѣе—наблюдательнымъ и выжидательнымъ пунктомъ для этихъ—скажемъ безъ церемоніи—таежныхъ пауковъ сталъ Муйскій поселокъ. Такъ стояло дѣло до весны 1898 г., когда неутомимымъ вольнымъ искателямъ удалось напасть на богатѣйшую рѣчку *Ортоку-Орлово Урях* *); тунгусы называли ее *Королонъ*, а русскіе *Средней Орловкой*. Она впадаетъ съ лѣвой стороны въ *Витимъ*, на границѣ Олекминскаго и Баргузинскаго округовъ. Золото оказалось, что называется, бѣшеное и залегало безъ всякихъ торфовъ въ бортахъ, въ сланцахъ прибрежныхъ скалъ и по неглубокому руслу рѣки. Артель рѣшила въ теченіе лѣта работать и никому площади не продавать; къ зимѣ же предложить ее нѣкоему Залыпскому, съ тѣмъ, чтобы онъ, заявивъ площадь на свое имя, предоставилъ ее для свободнаго пользованія вольнымъ старателямъ. Предполагалось, что Залыпскій не проведетъ ихъ и не обидитъ. А такъ какъ отъ своихъ собратьевъ по ремеслу утаиться нельзя, то было постановлено принимать всѣхъ, тѣмъ болѣе, что при многолюдствѣ легче отбиться отъ поисковыхъ партій, а въ случаѣ нужды—и отъ казаковъ.

Ничтожный запасъ провизіи и недостатокъ въ инструментахъ заставилъ артель послать нѣсколько человѣкъ съ золотомъ въ Муйскій поселокъ, гдѣ они обратились за покупкой нужныхъ товаровъ къ агенту владѣльца Толднуньи. Разумѣется, при видѣ золота, у агента разгорѣлись глаза, „отъ жадности въ зобу дыханье сперло"... и повторилась исторія Крыловской басни „Ворона и Лисица", но только вмѣсто привѣтливыхъ словъ было пущено въ ходъ болѣе дѣйствительное средство — водка. Охмелѣвшіе старатели, вопреки общему уговору, выболтали секретъ. Какъ разска-

*) По-якутски.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛ
БИБЛИОТЕК

зываютъ, протрезвившись, они стали упрекать другъ друга въ сдѣланномъ промахѣ, но было уже поздно. Оставалось только подумать о своемъ спасеніи отъ возмездія товарищей и настоять на выдачѣ обѣщаннаго имъ вознагражденія, въ 5.500 р. О трезвомъ умѣ и твердой памяти при этой сдѣлкѣ со стороны хищниковъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Только въ полномъ помраченіи можно было согласиться на подобную запродажу; ибо эти 5.500 р. каждый изъ пятерыхъ одураченныхъ посланцовъ могъ заработать на Орловкѣ въ нѣсколько дней *). О правильномъ, согласно Горному Уставу, занятіи указанныхъ площадей нельзя было и думать: на Орловкѣ было уже достаточно народа, чтобы этому помѣшать. Пришлось прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и обходамъ. Но, какъ бы то ни было, заявки было посланы и захватчикъ, ободряемый перспективой громаднаго богатства обнаружилъ чрезвычайную энергію въ хлопотахъ по скорѣйшему отводу и закрѣпленію за нимъ Орловки. Все ему удавалось, какъ нельзя лучше. Прежде же всего онъ обратился въ разныя инстанціи на счетъ присылки военной силы для выдворенія хищниковъ, нашествіе которыхъ „грозило выработкой розсыпи до отвода ея заявителю".—Поскакали нарочные къ баргузинскому мировому судьѣ, къ завѣдующему полицейской частью урядинку, а самъ претендентъ помчался къ исправнику на Бодайбо. Къ счастью для вольстарателей, огромныя сибирскія разстоянія и бездорожье, формализмъ и бюрократическая волокита не вполнѣ устранимы даже для крупнаго капиталиста. Пока шли всѣ эти хлопоты, народъ на Орловку все прибывалъ и прибывалъ. По словамъ г. Фризера, спѣшившаго за военной помощью на Бодайбо, онъ встрѣтилъ не менѣе 200 человѣкъ, направлявшихся на Орловку, и тутъ же нанятый имъ проводникъ якутъ взялся служить и этой толпѣ. Онъ предложилъ имъ плыть за плотомъ питавшаго противъ нихъ злые замыслы своего хозяина. „Многіе, съ негодованіемъ разсказываетъ послѣдній **), воспользовались совмѣстнымъ плаваніемъ, чтобы уже совершенно безцеремонно помѣститься на моемъ плоту. Такое путешествіе мнѣ совѣмъ не улыбалось, и я

*) Изъ разсказовъ орловскихъ хищниковъ.

**) „Золотопромышленность въ Баргузскомъ округѣ" изд. Фризеръ стр. 69.

хотѣлъ было возвратиться обратно, но якутъ и мои случайные спутники запротестовали, и я по неволѣ долженъ былъ согласиться. Во время плаванія большинство занималось приготовленіемъ лотковъ для промывки золота".

„24-го іюня, повѣствуетъ далѣе авторъ *), мы замѣтили на берегу много плотовъ и лодокъ и причалили къ нимъ. Но еще ранѣе, верстъ за десять до этого мѣста, показался на берегу дымъ. Двое изъ плывшихъ на моемъ плоту сѣли въ лодку и поплыли къ этому мѣсту. По возвращеніи оттуда они сообщили, что на берегу сидятъ два человѣка, возвращающіеся изъ Орловки, гдѣ они въ два дня намыли по восьми фунтовъ золота. И, вотъ, какъ только мы подошли къ устью Орловки и причалили къ берегу,—всѣ забрали свои котомки и спѣшно, перегоняя другъ друга, направились къ манившему ихъ мѣсту. Ушли и мои проводники, и я остался на берегу съ однимъ только якутомъ. Разбивъ палатку и напившись чаю, отправились и мы по слѣдамъ ушедшихъ... Нѣсколько спустившись съ горы, я увидѣлъ шалаши, а сойдя еще ниже работавшихъ у возвышающагося въ этомъ мѣстѣ утеса людей. Мое появленіе ихъ видимо смутило (?) вѣроятно, они думали, что я явился не одинъ, съ казаками. Бросивъ работу, всѣ подошли ко мнѣ съ вопросомъ: „скоро ли придутъ казаки насъ выгонять?" На это я откровенно (?), отвѣтилъ, что послалъ съ Муи заявленіе мировому судьѣ и уряднику и ѣду на Бодайбо, чтобы просить прислать казаковъ и оттуда, а потому совѣтую имъ уходить, пока ихъ не забрали **). Далѣе, вверхъ по ключу, почти у самой вершины, шла узкая, трудно проходимая тропа. Идя по ней, я безпрерывно натыкивался на шалаши, а внизу, подъ горой, копошились люди. Сойдя къ нимъ, я нашелъ между ними и тѣхъ, которые за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ вмѣстѣ со мною приплыли сюда. Рѣчка течетъ по очень узкому ущелью, между крутыми, почти отвѣсными утесами, которые только мѣстами смѣняются небольшими валами. Золото добывали и на берегу, и въ руслѣ, и въ

*) Значительную часть книжки составляютъ выписки изъ дневника Фризера.

**) Пусть читатель не думаетъ, что Фризеръ такъ простъ, чтобы далъ этотъ разговоръ на самомъ дѣлѣ. Онъ хорошо понималъ, что такая откровенность обошлась бы ему не дешево.

утесѣ. Работавшіе въ руслѣ бродили въ водѣ по колѣно и выше и, доставая горстями песокъ со дна, клали его въ лотокъ и тутъ же промывали. Золото шло крупное. Идя вверхъ по рѣчкѣ, я добрался до площади, названной „Большой деревней", гдѣ засталъ около ста человѣкъ. Большинство работало, остальные сидѣли на берегу въ палаткахъ, пили и играли въ карты. Были здѣсь и семейные, женщины приготовляли блины, которые тутъ же и продавались. На обратномъ пути къ своей стоянкѣ я подходилъ къ нѣкоторымъ изъ прибывшихъ со мною и видѣлъ, что въ какіе-нибудь три-четыре часа они успѣли добыть изрядное количество золота"... „Человѣкъ десять коноводовъ обратились ко мнѣ съ разными предложеніями. Они требовали, чтобы я разрѣшилъ имъ продолжать добычу золота, не вызывалъ казаковъ и начальство для выдворенія ихъ, а они будутъ ежедневно отдавать мнѣ по нѣсколько золотниковъ золота за каждаго работающаго человѣка. На это я, конечно, согласиться не могъ... Проведя ночь среди враждебно настроенной толпы, я сталъ обдумывать, какъ бы мнѣ скорѣе отсюда выбраться". Такъ разсказываетъ Фризеръ печатно, а устно разговаривая съ хищниками, онъ обѣщалъ не тревожить ихъ, пока Орловка не будетъ за нимъ утверждена. О „враждебно настроенной толпѣ" онъ иначе и говорить не могъ. По словамъ хищниковъ, только благодаря такому обѣщанію онъ и выбрался изъ Орловки благополучно.

Къ серединѣ лѣта вѣсть о богатствахъ Орловки разнеслась далеко за предѣлы пріискового района. Народъ шелъ изъ Баргузинскаго, изъ Верхнеудинскаго округовъ, шелъ съ Лены, съ Бодайбо, гдѣ рабочіе, соблазняемые быстрой наживой, бросали пріиски, на которые были наняты.

Но максимальная численность работавшихъ на Орловкѣ едва-ли достигала 1.000 душъ. По примѣру *Желтухи* въ Манчжуріи (1884 г.), *Милліоннаго* ключа на Гилюѣ (1896) и *„Бомской Калифорніи"* по *Селемджѣ* (1893 г.) *), вся эта масса организовалась въ общину съ выборными властями послѣднія улаживали споры по столкновенію артелей изъ-за отводовъ для разработки и блюли „общественную тишину и порядокъ", за нарушеніе каковыхъ подвергали виновныхъ

*) Амурской системы.

тѣлесному наказанію или штрафу. Важные вопросы рѣшались „сутлапомъ", т. е. общимъ собраніемъ, происходившимъ на такъ называемомъ Орловомъ полѣ. Цѣпь караульныхъ наблюдала съ голыковъ и на устьи рѣки, не идутъ ли поисковыя партіи или казаки, а также торговыя лодки съ товаромъ, о чемъ сейчасъ же давалось знать въ „Большую деревню". Подозрительныя лица, проникавшія на территорію общины, быть можетъ, съ цѣлью точнаго описанія мѣста для заявокъ (столбы ставить было опасно), выдворялись съ угрозой порки, въ случаѣ возвращенія. На Бодайбо называли одного мелкаго золотопромышленника и одного служащаго, надъ которыми эта угроза была приведена въ исполненіе. Бумага и карандашъ считались признаками неблагонадежности. На жалованье властямъ, содержаніе больныхъ и подкупъ казаковъ была установлена подушная подать по 10 доль ежедневно. Экстренныя взысканія производились, однако, по доходности. По крайней мѣрѣ, одинъ такой примѣръ мнѣ извѣстенъ, а именно на поднесеніе исправнику, — какое, впрочемъ, не состоялось. Для тѣхъ же надобностей былъ обложенъ „акцизомъ" привозимый торгашами спиртъ. Старосты получали въ разное время отъ 8 до 10 золотниковъ въ день; караульные—половину этой суммы. Предполагалось, какъ нѣчто вполнѣ естественное, что старосты будутъ имѣть, сверхъ того, нѣкоторый доходъ отъ торговцевъ. Покупка хлѣба, мяса и вообще предметовъ первой необходимости (обувь, инструментъ) отдѣльнымъ лицамъ, во избѣжаніе спекуляцій, не дозволялась. Какъ только къ берегу приставалъ плотъ (снизу) или лодка (сверху), извѣщенный о томъ староста являлся къ устью, принималъ всѣ товары и уже самъ распредѣлялъ между артелями, смотря по потребностямъ каждой. Торговля „предметами роскоши" (вина, консервы и проч., а также водка) производились свободно: всякій покупалъ, что хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Цѣны были слѣдующія:

Ржаная мука	15—20	руб. пудъ.
Крупчатка 2-го сорта	30	„ „
Мясо скотское	25—28	„ „
„ конское	20	„ „
Масло (топленое)	80	„ пудъ.
Чай (кирпичъ)	3	„ фунтъ.
Сахаръ	80	„ пудъ.

Табакъ (махорка)	3 р. 40 к. фунтъ
Спички 1000 шт.	1 руб
Свѣчи стеариновые	3 „ фунтъ.
Сапоги	25—38 руб.
Рубаха простого ситца	5 р.
Спиртъ (разведенный до 50°) бутылка . .	7 „
Кайла	3 „
Лопата	3 „

Вначалѣ эти цѣны стояли выше, но потомъ, съ увеличеніемъ подвоза, понизились почти на треть. Дороговизна объяснялась прежде всего безпомощнымъ положеніемъ вольныхъ старателей въ этой пустынѣ,— чѣмъ, разумѣется, торговцы старались воспользоваться какъ можно лучше въ интересахъ своихъ кармановъ. Но нельзя не принять во вниманіе также большой стоимости доставки товара съ Бодайбо, благодаря опасностямъ и затрудненіямъ при проходѣ черезъ пороги и шивера.

Якуты брали съ пуда 10 руб., навьючивая отъ 2 до 3 пудовъ на оленя. Большая часть товара шла съ Бодайбо, но доставляли и съ ближайшихъ пріисковъ Баргузинской тайги.

Золото цѣнилось отъ 3 руб. 30 коп. 3 руб. 50 коп. золотникъ; характеръ его былъ преимущественно самородочный, т. е. въ видѣ разнообразной формы болѣе или менѣе крупныхъ зеренъ. Самородки выбирали просто руками, а „примазку“ и дресву промывали въ лоткахъ.

Нерѣдко „хищническія“ работы поражаютъ знатоковъ своею технической сложностью и правильностью: но здѣсь, на Орловкѣ, было не до того: работали съ лихорадочной поспѣшностью, чисто хищнически: въ виду ожидавшейся силы, всякій торопился взять, что давалось безъ большого труда, снималъ, что называется, одни сливки. Лотокъ (пуда въ $1^1/_2$) давалъ до 10 и болѣе золотниковъ; если менѣе двухъ, бросали мыть и переходили на другой болѣе богатый участокъ. Въ инструментахъ ощущался недостатокъ, но попадались орудія американскаго издѣлія (напримѣръ, свинчивающіеся ломы), вывезенные изъ Забайкалья „семейскими“.

На Орловкѣ были и женщины; нѣкоторыя изъ нихъ занимались даже добычей золота. Помѣщались въ палаткахъ и шалашахъ изъ лиственичнаго корья. Желтухинскаго

благоустройства, конечно, не могло быть (больница, аптека, церковь, гостинницы и пр.), такъ какъ всѣ чувствовали себя на бивуачномъ положеніи.

Но вообще, несмотря на отсутствіе какой бы то ни было государственной власти, жизнь въ общинѣ текла мирно и въ смыслѣ благообразія не хуже, если не лучше, легальныхъ пріисковъ. Торговецъ, напр., выгружалъ свой товаръ прямо на берегъ и не нуждался въ его охранѣ. Не рѣдко приходилось раздавать въ долгъ людямъ, которыхъ продавецъ въ первый разъ видѣлъ, не зная даже, гдѣ кто работаетъ, и ни за кѣмъ ничего не пропало.

Въ первыхъ числахъ іюля прибылъ на Орловку баргузинскій мировой судья съ шестью казаками и нѣсколькими понятыми. Онъ обратился къ встрѣтившей его толпѣ съ требованіемъ оставить рѣчку въ теченіе двухъ дней. Въ это время количество „хищниковъ" доходило до 600. Около 200 сочли болѣе благоразумнымъ повиноваться и ушли, унося съ собой свое золото. Выходили ночью большими партіями, чтобы на случай дать отпоръ казакамъ, горѣвшимъ нетерпѣніемъ очистить котомки хищниковъ. Такъ, они настигли группу „семейскихъ" въ 50 человѣкъ и попытались заградить имъ дорогу, но на требованіе остановиться, тѣ подняли свои винтовки, и казаки ретировались. „Семейскіе", славящіеся вообще на пріискахъ, какъ самые лучшіе по трудоспособности рабочіе, вынесли, какъ утверждаютъ орловцы, фунтовъ по 30 на человѣка. Но большинству жаль было покидать свою рѣчку: остались, главнымъ образомъ, недавно прибывшіе, заработокъ которыхъ за недостаткомъ времени относительно былъ невеликъ. Они продолжали работать, разбѣгаясь при появленіи казаковъ, которые отводили пойманныхъ къ устью рѣки, гдѣ судья расположился на стоянку. Явившаяся къ нему депутація просила не преслѣдовать ихъ, ссылаясь на обѣщаніе Фризера не гнать вольныхъ старателей до полученія имъ „золотой книги". Судья разъяснилъ незаконность ихъ просьбы, указавъ, между прочимъ, на то, что площади проданы Фризеру самими открывателями. Отвѣты хищниковъ можно резюмировать такъ: если даже признать право продажи за тѣми, кто ее совершилъ безъ согласія всей артели, то и то настоящей продажи не было, а было лишь, выражая

рѣчь хищниковъ юридическимъ языкомъ, вовлеченіе путемъ опоя въ невыгодную сдѣлку; Фризеръ поступалъ незаконно, когда, въ числѣ другихъ золотопромышленниковъ, скупалъ золото и продавалъ хищникамъ провизію, пока не вывѣдалъ мѣста ихъ работъ,—въ виду этого занятыя имъ обманнымъ образомъ площади не должны быть признаны за нимъ. Наконецъ, хищники указали на нарушеніе Фризеромъ даннаго имъ обѣщанія и просили заявить Орловку на Кабинетъ Его Величества.

Объясненія мирового судьи не поколебали хищниковъ относительно справедливости ихъ домогательствъ. Эти люди никакъ не могли взять въ толкъ, почему какой-нибудь ловкачъ ухитрившійся украдкой вырѣзать свое имя на лѣсинахъ площадей, не имъ открытыхъ, тѣмъ самымъ становится обладателемъ этихъ площадей; тѣ же, кому эта находка досталась не случайно, а стоила массу труда и всевозможныхъ лишеній, считаются преступниками, и на нихъ обрушиваются преслѣдованія.

Съ отъѣздомъ мирового судьи многіе хищники, скрывавшіеся въ сосѣднихъ ключахъ, вернулись на Орловку и возобновили свои работы. Они не мѣшали прибывшему отводчику производить межеваніе, но на требованіе его разойтись, отвѣчали насмѣшками и совѣтомъ: дѣлать свое дѣло и не соваться въ чужое. Четыре казака, привезенные Фризеромъ съ Бодайбо, предпочли поступить на службу къ вольнымъ старателямъ, чѣмъ вести съ ними непосильную борьбу. Сухое лѣто благопріятствовало работамъ: малая вода давала возможность посредствомъ перемычекъ обнажать часть русла и свободно извлекать золото изъ почти не прикрытаго торфами пласта. Подвозъ припасовъ увеличился, вслѣдствіе чего и цѣны на нихъ понизились.

Торговля на Бодайбо оживилась до небывалыхъ размѣрахъ, и этотъ ничтожный поселокъ въ одно лѣто превратился въ большое селеніе.

По общему мнѣнію, изъ Орловки было продано золота отъ 100 до 150 пудовъ *), т. е. на сумму (считая 3 р. 30 к

*) По исчисленію Фризера, хищники ограбили его на 235 пуд., что равно 4.230,000 р. „Такъ какъ въ Баргузинскомъ округѣ земли принадлежатъ Кабинету Его Величества взимающаго до 15% съ добываемаго золота, то убытки въ данномъ случаѣ, причиненные Кабинету хищни-

за золотникъ) отъ 1.267,200 р. до 1.900,800 р. Такъ какъ казенная цѣна золота въ среднемъ 18,000 р. за пудъ, то скупщики зарабатывали на пудѣ (не считая громадной прибыли на товаръ) по меньшей мѣрѣ 5,328 р., а всего до 800,000 р. Въ дѣйствительности же гораздо больше, потому что смѣло можно сказать, $^{9}/_{10}$ всего количества ушло черезъ Кяхту въ Китай, китайцы же платили 19,000 за пудъ.

Большая половина орловскаго золота прошла черезъ Бодайбо, гдѣ нѣкоторая часть его была записана золотопромышленниками въ книги, какъ добытое на своихъ пріискахъ. Такъ. Компанія Промышленности открыла пріемку его въ своемъ бодайбинскомъ магазинѣ; покупка, повидимому, шла бойко, такъ какъ цѣна на золото, благодаря поднявшемуся спросу, увеличилась до 3 р. 50 к. Меньшая половина попала въ руки баргузинцевъ; въ виду того, что дѣла ихъ маленькія и запись при незначительной добычѣ была бы неудобна, то вся эта часть, несомнѣнно, полностью ушла въ Китай.

Финалъ орловской эпопеи былъ таковъ.

Въ половинѣ сентября Фризеръ пріѣхалъ въ сопровожденіи горнаго исправника, окружного инженера и вооруженнаго отряда изъ казаковъ и служащихъ. Незамѣтно приблизились они къ табору торговцевъ, гдѣ сидѣло 30—40 рабочихъ. Казаки, вѣроятно, намѣреваясь попугать и разогнать толпу, сдѣлали выстрѣлъ. Одни кинулись бѣжать, другіе, слыша крикъ казаковъ: „ни съ мѣста!“, остались, боясь попасть подъ пули. Ихъ связали и загнали въ какой то балаганъ. Три торговца успѣли убѣжать, двоихъ забрали и товары ихъ арестовали. Было холодно, снѣгъ уже выпалъ давно. Одинъ изъ арестованныхъ попросился выйти набрать дровъ для костра. Его выпустили съ казакомъ. Хищникъ далъ своему конвоиру 25 р., и тотъ отпустилъ его, сдѣлавъ выстрѣлъ въ воздухъ, какъ бы по убѣгавшему арестанту. Бѣглецъ прибѣжалъ въ Большую деревню и сообщилъ товарищамъ о происшедшемъ, требуя идти на выручку арестованныхъ. Вотъ какъ излагаетъ дальнѣйшій ходъ дѣла

ками, составляютъ сумму приблизительно въ 740 т. р.“—Эти лицемѣрныя слезы о потеряхъ Кабинета весьма характерны для издателя книжки о Баргузинской тайгѣ.

имѣющееся у меня литературное произведеніе одного изъ вольныхъ старателей *).

„Пріѣздъ исправника ознаменовался въ ключѣ въ слѣдующемъ видѣ. На устьѣ работало нѣсколько человѣкъ. Казаки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, забрали и связали 9 человѣкъ. Хищники, узнавъ, что исправникъ и казаки (здѣсь), первоначально побросали работу и думали спасаться бѣгствомъ въ голецъ. Двѣ артели человѣкъ въ 50 подняли берданы и направили на бѣгущихъ: „стой и спускайся съ голца, иначе все одно побьемъ васъ"! Бѣгущіе воротились. И 280 или болѣе человѣкъ повалили на устье. Кто съ берданомъ, револьверомъ и дрючками. Перепугавшій исправникъ и казаки какъ бы нехотя вышли къ хищникамъ.

Первымъ долгомъ всѣ поздоровались. Исправникъ обратился:

- Дѣти! Вамъ хорошо извѣстно, что ключъ принадлежитъ Якову Фризеру, а поэтому вы не глупы и знаете хорошо, что хищничать нельзя въ немъ. А потому прошу васъ, дѣти, выйти".

Хищники. Ваше высокоблагородіе! Вы взгляните на насъ, одежду нашу. Въ чемъ выходить? Да и провизіи у насъ нѣту, -не съ чѣмъ. Дозвольте поработать дня три на провизію и одежду. Вѣдь Фризеръ давалъ клятву не трогать насъ, пока не придетъ „Золотая книга".

Исправникъ. Не могу. Вы знаете, что противозаконное я не могу разрѣшить, за что я подвергаюсь отвѣтственности, и каждый шагъ мой будетъ описанъ въ газетахъ.

Хищники. Не пойдемъ безъ провизіи!

Исправникъ.—Какъ хотите, дѣти! Я, конечно, съ вами сдѣлать ничего не могу. Могу вамъ отдать провизію, отобранную у торговцевъ. И провизію всю отдамъ, что есть у Фризера. Оставлю ему только для его рабочихъ до дороги. Не согласны будете, то я поѣду на Бодайбо за помощью.

---

*) Авторъ его нарисовалъ иглой на покрытомъ лакомъ стеклѣ большую картину, изображающую выдвореніе хищниковъ изъ Орловки. Въ художественномъ отношеніи это нѣчто дѣтски примитивное, но по кропотливой работѣ и содержанію представляетъ своеобразный интересъ. Оригиналъ пріобрѣтенъ бодайбинскимъ мировымъ судьей, у меня же есть съ него фотографическая копія. При картинѣ и былъ приложенъ приводимый мною діалогъ хищниковъ съ исправникомъ.

Хищники. Хорошо, ваше высокоблагородіе, просимъ васъ освободить забранныхъ хищниковъ.

Исправникъ. Это могу (А они уже были освобождены народомъ, только исправникъ не зналъ).

Хищники. Еще торговцевъ.

Исправникъ. Дѣти! Я сознаю по убѣжденію, что не вы хищники, а вы дѣти нужды и безполезнаго (!) труда, а хищники вотъ эти торговцы. Ихъ бы слѣдовало проучить. Они не торговали, а обирали васъ безбожно. Кто повѣритъ, что пудъ крупчатки 40 р., масло 80 р., сахаръ—60 р., табакъ 320 руб. пудъ, книжка папиросной бумаги 2 руб...

Хищники. Мы рады и этому были, а потому просимъ васъ: отпустите; иначе съ ключа не уйдемъ, если не отпустите арестованныхъ всѣхъ.

Исправникъ. Есть арестованные по преступленію, тѣхъ не могу отпустить, хотя бы мнѣ предстояла даже смерть.

Хищники. Мы за нихъ не просимъ.

Исправникъ. Такъ вотъ что, дѣти: даю вамъ срокъ три дня для починки, но не работать, и прошу васъ уходить.

Хищники. Хорошо. Чтобы казаки никого не трогали!.. Если поодиночкѣ будемъ попадаться, замѣтимъ, что не соберутся всѣ на устьѣ, то не пойдемъ.

Исправникъ. Ни одинъ казакъ не тронетъ васъ.

Выносятъ провизію дѣлить.

„Дѣти"—народъ голодный, хватаютъ, рвутъ другъ у дружки изъ рукъ, и моментально провизія была уничтожена на мѣстѣ. Съ собой уже брать нечего.

Согласно обѣщанію, данному исправнику, хищники вышли изъ Орловки. Но какъ только въ пути стало извѣстно объ отъѣздѣ исправника, часть ихъ, главнымъ образомъ за неимѣніемъ провизіи для дальнѣйшаго слѣдованія, вернулась назадъ, при чемъ многіе съ намѣреніемъ поступить на работу къ владѣльцу. Извѣщенный о томъ, исправникъ въ свою очередь возвратился обратно, но никого изъ хищниковъ на Орловкѣ не нашелъ. Предупрежденные о возвращеніи начальства, хищники попрятались въ сосѣднихъ падяхъ; откуда послѣ вторичнаго отъѣзда исправника снова двинулись къ своимъ мѣстамъ. На устьѣ ихъ встрѣтили два десятка казаковъ и вооруженныхъ служакъ Фризера. Раздался залпъ, на который хищники также отвѣ-

тили выстрѣлами. Одинъ служащій оказался раненымъ *), у противной стороны, по словамъ хищниковъ, было легко ранено двое. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта баталія, если бы болѣе благоразумные „старики“ не успокоили раздраженную толпу и именемъ пользовавшагося авторитетомъ среди нихъ Залынскаго не убѣдили ее уйти. Этотъ золотопромышленникъ держалъ хищниковъ въ курсѣ плановъ начальства и Фризера и всегда совѣтовалъ въ крайнихъ случаяхъ отступать, оружія же ни въ какомъ случаѣ не пускать въ ходъ, такъ какъ этимъ хищники ничего не добьются, а накличутъ на себя лишь чрезвычайныя репрессіи. И народъ разошелся.

Съ этого момента завоеваніе Орловки Фризеромъ можно считать законченнымъ.

Борьба, правда, продолжалась, но ему уже не приходилось имѣть дѣло съ большими массами, а лишь съ мелкими группами или единичными личностями.

Значительная часть вольныхъ старателей двинулась къ озеру *Орону*. Разнесся слухъ, что тамъ найдено золото не менѣе богатое, чѣмъ на Орловкѣ. Но никто не зналъ, гдѣ именно. Нашелся тунгусъ, взявшійся проводить толпу; но, выведя людей на Оронъ, бросилъ ихъ и бѣжалъ. Это былъ, какъ говорятъ, ловкій маневръ служащихъ, подкупившихъ тунгуса отвести народъ подальше отъ Орловки, гдѣ спѣшили поставить хозяйскія работы.

Въ октябрѣ здѣсь было 400 рабочихъ, получавшихъ по 24 руб. въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи; плата за подъемное золото—$1^1/_2$ руб. за золотникъ, съ обязательствомъ брать припасы только изъ хозяйскаго амбара и магазина, при этомъ изъ амбара отпускали только хлѣбъ, мясо, чай, крупу и соль, и то въ количествѣ, меньшемъ нормальнаго потребленія, отговариваясь недостаткомъ запасовъ. Это съ той цѣлью, чтобы заставить рабочихъ покупать въ магазинѣ, гдѣ они могли брать что угодно и безъ ограниченій **) въ количествѣ, но не иначе, какъ на наличныя деньги. Извѣстно, что изъ амбара продукты отпускаются по утверж-

*) Онъ утверждалъ потомъ, что по неосторожности самъ себя ранилъ.

**) Впослѣдствіи плата за подъемное золото совсѣмъ была упразднена; поднявшій золото обязанъ былъ сдавать его хозяину безъ всякаго вознагражденія.

денной окружнымъ инженеромъ таксѣ; изъ магазина же владѣлецъ продаетъ по произвольнымъ цѣнамъ. Такъ, напр., мясо по таксѣ 5 руб. 60 пудъ, но изъ амбара не даютъ его сколько нужно, приходится брать въ магазинѣ по цѣнѣ въ 1½ раза выше таксы. Тоже съ другими продуктами: ржаная мука 12 руб., крупчатка 20 руб. и т. д. Такими средствами „законный" владѣлецъ „Королона" наверстывалъ похищенные *у него* „235 пудовъ" золота.

Работы здѣсь велись тѣми же пріемами и орудіями, что и у хищниковъ. Разрабатывались борта, русло заваливалось отвалами въ разсчетѣ на очистку его весенней водой. Динамитъ, столь облегчающій работу въ скалистомъ грунтѣ, былъ изгнанъ изъ употребленія, какъ вещество, внушающее особый ужасъ хозяину. Противъ хищниковъ и постороннихъ скупщиковъ была вооружена банда изъ черкесовъ и осетинъ,—элементъ, болѣе надежный, чѣмъ казаки, и къ тому же болѣе отважный и свирѣпый.

Изгоняемые изъ Орловки хищники въ огромномъ большинствѣ двигались на Бодайбо. Постепенный наплывъ ихъ сюда начался съ августа мѣсяца. Шли сухимъ путемъ на Нерюо, плыли въ лодкахъ и на плотахъ.

Всегда съ распаденіемъ общинъ вольныхъ старателей, внутренній миръ и извѣстный моральный кодексъ, возникавшіе на почвѣ общности экономическихъ интересовъ, падали вмѣстѣ съ разрушеніемъ этой общности. Подобно тому, какъ послѣ разгрома Желтуги, гдѣ среди работавшаго десятитысячнаго населенія вначалѣ царилъ порядокъ и сравнительная, при многочисленности бѣглыхъ каторжниковъ, личная безопасность, съ появленіемъ китайскаго войска пошли убійства, грабежи, нападенія артели на артель, такъ и здѣсь наблюдалось въ соотвѣтственно уменьшенномъ масштабѣ то же самое. Фризеръ разсказываетъ, что, плывя на плоту, вмѣстѣ съ отправлявшимися на Бодайбо хищниками, онъ замѣтилъ сидѣвшихъ на берегу двухъ рабочихъ, „которые стали кричать и молить, чтобы мы взяли ихъ съ собой... Оказалось, что въ числѣ трехъ человѣкъ они плыли внизъ по Витиму *). Добытое на Орловкѣ золото было спрятано на днѣ лодки. Ночью,

---

*) „Золотопромышленность въ Баргузинскомъ окр.", 96 стр.

когда двое спали на берегу, третій, желая воспользоваться общимъ золотомъ, забралъ всю провизію, бывшій съ ними чайникъ и топоръ, сѣлъ въ лодку и уплылъ, бросивъ своихъ товарищей на произволъ судьбы... Мимо нихъ прошло нѣсколько плотовъ, но, несмотря на отчаянные крики и мольбы, ихъ на плоты не брали". На Бодайбо одинъ изъ обобранныхъ встрѣтилъ грабителя и потребовалъ у него возвратить похищенное, но тотъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера и скрылся. Нанесенныя раны оказались не смертельными, пострадавшаго помѣстили на излѣченіе въ больницу. Этотъ случай далеко не исключительный, что подтверждали многочисленные трупы, уносимые Витимомъ въ этотъ годъ.

Часть той партіи хищниковъ, которая обманнымъ образомъ была выведена тунгусомъ на Оронъ, разбившись на мелкія артели, разбрелась по ключикамъ и, въ чаяніи открытія новой Орловки, удовлетворялась пока небольшимъ заработкомъ. Такъ, по *Джевалету* и *Басинскому* ключамъ добывали по одному, по два золотника на человѣка, чего едва хватало на одежду и провизію, которой снабжали ихъ многочисленныя сновавшія вездѣ поисковыя партіи. Но съ усиленіемъ холодовъ пустѣли и ключики, а на Бодайбо народъ все прибывалъ и прибывалъ. Время для подысканія работы было крайне неблагопріятное. Съ завершеніемъ лѣтней операціи, команды вездѣ сокращались; выгрузка на пристаняхъ, гдѣ лѣтомъ, за отливомъ народа на Орловку, платили по 2 р. 50 к. плюсъ бутылка водки, съ пріостановкой навигаціи, прекратилась, законченная желѣзная дорога Компаніи Промышленности не нуждалась больше въ рабочихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сократился и заработокъ по извозу, занимавшему значительный контингентъ конюховъ. Время выхода въ жилыя мѣста было пропущено: наступила распутица, продолжающаяся мѣсяца полтора-два. Да многимъ не съ чѣмъ было и выйти. Народъ, проѣвшій свои сбереженія, пропившійся, обобранный казаками и бодайбинскими притонодержателями, очутился въ безвыходномъ положеніи. Пріютъ и больница были переполнены, больные валялись на полу; не мало лежало ихъ по избушкамъ и землянкамъ. Тифъ косилъ людей, остававшихся фактически безъ всякой медицинской помощи.

Еще лѣтомъ на частномъ совѣщаніи крупныхъ золото

промышленниковъ было указано на угрожающій къ зимѣ наплывъ народа, на неизбѣжное усиленіе заболѣваній, высылокъ въ жилое мѣсто и т. д., что должно сильно отразиться на перерасходѣ попечительской смѣты. Въ виду этого предлагалось *) послать на Орловку делегата съ предложеніемъ вольнымъ старателямъ принять участіе въ предстоящихъ расходахъ. Никто не сомнѣвался въ ихъ согласіи, такъ же и въ томъ, что взносы ихъ будуть и щедрѣе, и аккуратнѣе платежей господъ золотопромышленниковъ. Но противъ этого плана выступилъ главноуправляющій Ленскаго Товарищества: онъ указалъ на незаконность подобной мѣры и въ особенности напиралъ на то, что привлеченіе всей этой „шпаны“ къ сбору на попечительство сдѣлаетъ ее дерзкой и требовательной.

Тогда предложеніе внесено было въ другой формѣ: обратиться къ министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ просьбой разрѣшить попечителю покупать хищническое золото съ тѣмъ, что разница между покупной и казенной цѣной пойдетъ на усиленіе средствъ попечительства. Но и этотъ проектъ, осуществленіе котораго гарантировало не одинъ десятокъ пудовъ золота самой казнѣ, по недостаточной энергіи попечителя, не былъ принятъ. Такимъ образомъ масса народа, на счетъ котораго все и вся спѣшило наживаться лѣтомъ, зимой была оставлена на произволъ судьбы.

Люди ходили съ пріиска на пріискъ, прося работы за одни лишь харчи. Никогда, какъ говорили старожилы, на Бодайбо не было столько нищихъ, какъ въ эту пору. Кражи, грабежи, сопровождавшіеся убійствами, стали обычнымъ, чуть не ежедневнымъ явленіемъ: ни одинъ обозъ съ товарами не проходилъ благополучно, а на улицахъ Бодайбо ловили прохожихъ арканами...

Чрезвычайный избытокъ рабочихъ рукъ повлекъ за собою общее ухудшеніе положенія трудящихся. Питаніе ухудшилось не только у мелкоты, гдѣ эксплуатація всегда значительнѣе и грубѣе, но и въ дѣлахъ крупныхъ компаній. Послѣднее объясняется тѣмъ, что рабочій, чувствуя свое положеніе непрочнымъ, видя примѣры ежедневныхъ разсчетовъ **)

*) Если, не ошибаюсь, самимъ же попечителемъ.

**) Контракты даютъ достаточный просторъ для этого.

по самымъ ничтожнымъ поводамъ, а то и рѣшительно безъ всякихъ поводовъ съ цѣлью лишь подбора команды по усмотрѣнію служащаго, рабочій становится покорнѣе и безотвѣтнѣе. Этимъ пользуется цѣлый сонмъ всевозможныхъ служакъ: матеріальные, амбарные и магазинные довѣренные и приказчики, артельные старосты, кабатчики *), обвѣсы, обмѣры, отпускъ негодной провизіи, вызывающіе въ другое время протесты рабочихъ, теперь практикуются смѣло и широко. Тоже смиреніе, изъ боязни лишиться заработка, поощряетъ горныхъ служащихъ къ большей требовательности, къ произвольнымъ увеличеніямъ урка и къ неправильнымъ замѣрамъ отработокъ. Подобное положеніе вещей съ наступленіемъ весны ознаменовалось цынгой въ размѣрахъ, давно не бывалыхъ въ тайгѣ. Въ одной попечительской больницѣ цынготные составляли 29% всѣхъ больныхъ (167 на 588), а внѣ больницы — 8% (423 на 5338). Такъ какъ тѣ же условія съ незначительныхъ лишь ослабленіемъ давали себя знать и въ слѣдующемъ году (1900), то неудивительно, что и заболѣваемость скорбутомъ осталась почти та же, 22,8% (139—608) всѣхъ пользованныхъ въ больницѣ и до 5% (268 на 5482) — внѣ ея. Тогда какъ въ 1898 г. соотвѣтствующія цифры были: 11,4% (72 на 534) и 3,8% (177 на 4765); въ 1901 г., при благопріятномъ соотношеніи спроса и предложенія рабочихъ рукъ, цынготныхъ было всего 3% (27 на 586) и около 0,6% (29 на 5136) внѣ больничнаго пользованія **). Въ дѣйствительности цифры первыхъ двухъ лѣтъ должны быть гораздо больше, такъ какъ масса больныхъ лежала по избушкамъ отрядныхъ, разсыпанныхъ по тайгѣ, куда никакой фельдшеръ никогда не заглядываетъ.

Люди всю зиму жили мечтами о новой Орловкѣ и съ нетерпѣніемъ ждали тепла, чтобы отправиться на ея поиски.

Слухъ о средне-витимскихъ богатствахъ, проникшій даже въ Европейскую Россію, не замедлилъ принять легендарную форму: въ народѣ говорили, что открылись царскіе пріиски, гдѣ всякій свободно можетъ заниматься добычей золота, лишь бы сдавалъ его въ казенную контору. Слухъ этотъ

*) Такъ называется служащій, завѣдующій выдачей „сотокъ“ рабочимъ.

**) По официальнымъ отчетнымъ вѣдомостямъ врача попечительской больницы на Водайбо.

вызвалъ на столько значительное движеніе рабочаго люда на Витимѣ, что иркутскій губернаторъ распорядился пропускать на пріиски лишь приглашенныхъ золотопромышленниками рабочихъ. Но вмѣсто того, чтобы заблаговременно опубликовать это распоряженіе по волостямъ, людей останавливали и гнали обратно на Воронцовкѣ *) и Бодайбо, послѣ того, какъ они безпрепятственно прошли разстояніе почти въ 2.000 верстъ **). Эта несообразность породила убѣжденіе, что чинимыя препятствія самовольно создаются полиціей съ цѣлями вымогательства. Партіи, которымъ не удавалось проскользнуть мимо казачьихъ пикетовъ, возвращались въ Витимскъ и нанимались къ частнымъ предпринимателямъ съ тѣмъ, чтобы только попасть на Бодайбо и уйти дальше.

Мѣстныхъ „хищниковъ", пріобрѣвшихъ, такъ сказать, право гражданства на Бодайбо и хорошо знающихъ всѣ ходы и выходы въ тайгѣ, полиція, конечно, удержать не могла, да и не входило въ ея разсчеты стричь овцу прежде, чѣмъ она обростетъ. Для нихъ главной теперь заботой являлся вопросъ, гдѣ и какъ раздобыть средства для своихъ развѣдочныхъ предпріятій. Многіе пустились на аферы, которыми не одинъ золотопромышленникъ оказался одураченнымъ. Чуть не у каждаго хищника былъ свой богатый ключъ, который онъ готовъ былъ показать за извѣстное вознагражденіе. Орловка всѣмъ разожгла аппетитъ, и на эту удочку шли легко. Оправдывались ли указанія или нѣтъ, аферистъ во всякомъ случаѣ оставался въ выигрышѣ уже тѣмъ, что одѣтый, обутый и на хозяйскомъ продовольствіи достигалъ мѣста своихъ стремленій заманчивой Средне-Витимской тайги. Нерѣдко указываемые ключи, дѣйствительно, содержали въ себѣ золото, невыгодное для вольно-старательскихъ работъ, но вполнѣ достаточное для правильной хозяйской разработки. Но такъ же нерѣдко прибѣгали и къ грубымъ обманамъ. Одинъ ключъ былъ проданъ за 500 руб. золотопромышленнику Р. Онъ нашелъ въ шурфѣ золото и взялъ очень хорошія пробы. Слухъ объ интересной находкѣ привлекъ на ключикъ человѣкъ 30 хищниковъ. Р. ничего

*) Пристань на Витимѣ въ 120 вер. отъ устья.

**) Отъ Иркутска до Бодайбо 1.700 верстъ.

не имѣлъ противъ этого, онъ потребовалъ лишь, чтобы все золото сдавалось по мѣстной рыночной цѣнѣ только ему, и подъ этимъ условіемъ обѣщалъ въ теченіе лѣта ихъ не выдворять. Имѣлась, конечно, въ виду даровая развѣдка и вмѣстѣ съ тѣмъ барыши отъ торговли. Каково же было его разочарованіе, когда онъ узналъ, что на купленной имъ площади золота нѣтъ. Онъ и хищники стали жертвой простого надувательства: золото, извлеченное Р. въ видѣ пробъ, было подброшено въ шурфы. Это довольно распространенный пріемъ у мнимыхъ открывателей: золото не какъ-нибудь смѣшиваютъ съ землей, а стрѣляютъ имъ изъ ружья въ стѣнки шурфа или разрѣза: золотая „крупа“ проникаетъ довольно глубоко въ пластъ, и такимъ образомъ получается весьма искусная поддѣлка подъ натуру.

Движеніе „хищниковъ“ на Средній Витимъ лѣтомъ 1899 г. никакими серьезными открытіями не ознаменовалось, хотя многочисленныя партіи позанимали по ихъ указаніямъ не мало площадей. Добыча золота по разнымъ ключамъ производилась мелкими артелями съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, но ничего подобнаго орловскимъ богатствамъ найдено не было. Къ этому разочарованію присоединились жестокія преслѣдованія, грабительства и истязанія со стороны нанятой владѣльцемъ „Королона“ банды казаковъ...

Противъ „хищничества“ въ разныхъ его видахъ принимались и принимаются мѣры исключительно почти полицейскаго характера. Чтобы заинтересовать казаковъ въ преслѣдованіи хищниковъ, имъ за отобранное золото уплачивается, какъ за подъемное (2 руб. 50 коп., 3 руб., 3 руб. 60 коп.). Такимъ образомъ, полиція была поставлена въ чрезвычайно выгодное положеніе: обѣ воюющія стороны искали въ ней союзника, и вопросъ для нея заключался лишь въ томъ, кто больше дастъ. Но за то она немилосердна къ тѣмъ, кто старается обойтись безъ нея или не въ состояніи оплачивать не дешево стоющій съ нею союзъ. Формы борьбы, въ особенности до введенія мирового суда (1896 г.), съ непокорными элементами носили характеръ настоящей вооруженной партизанской войны, въ которой

все право сводилось къ вопросу, чья возьметъ, а принципъ vae victis получалъ самое грубое и широкое примѣненіе.

При отдаленности района отъ смягчающихъ нравы культурныхъ центровъ, при исключительномъ сосредоточеніи всѣхъ интересовъ на наживѣ,—уровень личной и общественной морали на пріискахъ вообще не высокъ, а тѣмъ болѣе среди полиціи, которой нигдѣ эти качества не вмѣняются въ особенную добродѣтель. Желаннымъ исправникомъ на пріискахъ всегда былъ такой, у кого розги свистѣли ежедневно съ утра до вечера, примѣняясь безразлично какъ къ ссыльно-поселенцамъ, такъ и полноправнымъ рабочимъ. Когда исправникъ Янчисъ (1902 г.) упразднилъ этотъ способъ расправы, замѣнивъ открытое и почти официальное господство розги современными способами физическаго воздѣйствія,—это вызвало всеобщее неудовольствіе, какъ со стороны золотопромышленниковъ, такъ и среди самой горно-полицейской стражи. Усилившаяся якобы неообузданность рабочихъ и кража золота объясняются тѣмъ, что теперь бить, стрѣлять, истязать приходится съ нѣкоторымъ рискомъ отвѣтственности, въ виду мирового суда. Жестокой участи могъ подвергнуться всякій встрѣчный въ лѣсу или у берега рѣки; если при немъ не было золота, допытывались „съ пристрастіемъ“, гдѣ оно у него спрятано; если оно оказывалось,—какъ онъ его добылъ и гдѣ товарищи по хищничеству.

Въ бытность мою на Плетюхинскихъ пріискахъ три казака пошли на рѣчку *Бодайбаканъ* поохотиться на хищниковъ. Охота была неудачна, лишь на обратномъ пути попался имъ человѣкъ, шедшій куда то тропой. Казаки схватили его, обыскали и стали допрашивать, гдѣ онъ хищничаетъ. Напрасно онъ увѣрялъ, что онъ не хищникъ, а идетъ на Михайловскій пріискъ къ знакомымъ старателямъ проситься принять его въ артель. Ему не повѣрили и принялись полосовать нагайками, чтобы вынудить „чистосердечное признаніе“. Въ виду его запирательства, у него отобрали часы и 8 рублей денегъ, а самого заперли въ казачью на Верхне-Михайловскомъ пріискѣ. Проморивъ упрямаго хищника два дня голодомъ, его выпустили, но часовъ и денегъ не вернули. Выпущенный, дѣйствительно вступилъ въ артель мѣстныхъ рабочихъ золотопромышленниковъ и раз-

ОБЛАСТНО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ.

сказалъ мнѣ эту исторію, когда я обратилъ вниманіе на его лицо, покрытое синяками. По поводу этого случая служащіе пріиска удивлялись наивности моего возмущенія (я былъ еще новичкомъ на пріискахъ) и разсказали множество другихъ, гораздо болѣе „интересныхъ", исторій. Изъ нихъ разсказанная К—мъ поразила тогда меня не столько уголовщиной содержанія, сколько поведеніемъ въ ней разсказчика.

К., служившій въ то время въ Компаніи Промышленности, ѣхалъ однажды верхомъ по берегу *Накатами*. Впереди шагахъ въ 200 ѣхали два казака. Въ одномъ мѣстѣ съ берега поднялся въ увалъ человѣкъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ—человѣкъ упалъ; К. „остановился посмотрѣть, что будетъ дальше". Казаки обшарили убитаго; потомъ стащили его къ рѣкѣ и бросили въ воду. К., подъѣхавъ къ нимъ, потребовалъ объяснить, въ чемъ было дѣло. По словамъ казаковъ, это былъ извѣстный хищникъ, который, не смотря на ихъ окрики, пустился бѣжать.. Бросили же тѣло въ воду, чтобы не безпокоить исправника и не затѣвать формальностей. Казаки просили и К. не поднимать исторіи, на что тотъ согласился, считая это все равно безполезнымъ; да и управленіе, по его мнѣнію, отнеслось бы неодобрительно къ его вмѣшательству не въ свое дѣло.

Классическій, можно сказать, способъ пытки, которой подвергали (и подвергаютъ) казаки пойманныхъ хищниковъ, называется „уточкой".

Связать „уточкой"—это значитъ захватить веревкой руки у локтей и притянуть ихъ какъ можно туже къ лопаткамъ; затѣмъ, связавъ ноги, продѣть веревку между соприкасающимися локтями рукъ и подтянуть къ послѣднимъ ступни ногъ. Въ такомъ положеніи оставляютъ жертву лежать на землѣ, швыряя погами съ мѣста на мѣсто, какъ колоду.

Другой способъ еще мучительнѣе: связавъ на спинѣ руки, продѣваютъ веревку черезъ ротъ, а концы ея, закинутые черезъ плечи, привязываютъ къ ногамъ у ступни. Просунувъ подъ двумя полосами веревки на спинѣ палку, вертятъ эту послѣднюю въ одну сторону, какъ ручку бурава; скручивающаяся при этомъ веревка оттягиваетъ го-

лову назадъ, сближая ее съ пятками ногъ, при чемъ сильно натянутая веревка легко можетъ разорвать ротъ. Это называется связать „калачикомъ“.

Справедливость требуетъ сказать, что „калачикъ“ примѣняется гораздо рѣже, чѣмъ „уточка“. За то послѣдній видъ пытки—на столько обычное явленіе, что я слыхалъ о примѣненіи его даже мировымъ судьей, —правда, пьянымъ,— въ Дальней Тайгѣ, и не то, чтобы въ слишкомъ отдаленныя времена, а осенью 1908 года *).

Въ шахтахъ пойманныхъ хищниковъ сѣкутъ... свѣчами. По словамъ свѣдующихъ лицъ, это и больнѣе, и тѣло не такъ рветъ, какъ палками или нагайкой.

Беруть пучокъ свѣчей, которыхъ у шахтолазовъ всегда большой запасъ, и производятъ порку, какъ розгами: „искрошится пучокъ, берешь свѣжій; и такъ фунтовъ десять *на его* изведешь... — разсказывалъ казакъ. Тѣло такъ и вздувается, какъ булка отъ хорошихъ дрожжей, а синяковъ не остается. Этотъ способъ хорошъ для полноправныхъ, потому какъ иной, стерва, еще дѣло затѣять вздумаетъ. А мы полноправныхъ розгами сѣчь не имѣемъ полнаго права: это только исправникъ можетъ. Выпороть свѣчами—почище розогъ будетъ, а жаловаться—слѣды не подтвердятъ“. Тотъ же казакъ, гроза хищниковъ, говорилъ мнѣ: „Ежели поймаешь хищника, а золота при немъ не найдешь, бьешь его, пока не скажетъ, гдѣ. Черкесы, тѣ страсть упорный народъ: лупишь, лупишь—самъ измаешься, дашь ему съ полчаса передохнуть, потомъ опять. Ничего не выходитъ,—вынуждаетъ, проклятый, калачикомъ вязать... Ну, тутъ ужъ скажетъ!“

Однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и безпощадныхъ гонителей непокорныхъ ему хищниковъ (и спиртоносовъ) считался урядникъ Б въ. У него были многочисленныя столкновенія съ ними, и онъ самъ въ 1897 г. говорилъ, что

---

*) Рабочій, приговоренный къ этому истязанію, провинился тѣмъ, что неуважительно отнесся къ встрѣтившемуся верхомъ на лошади пьяному чиновнику. Послѣдній (вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его стражникомъ) привелъ рабочаго въ казачью П скаго пріиска и велѣлъ связать „преступника“ уточкой. Стражники исполнили приказаніе, но какъ только онъ оставилъ казачью, рабочій былъ развязанъ и отпущенъ. Нужно сказать, что судья сравнительно молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, но въ пьяномъ видѣ готовъ на какія угодно безобразія.

рѣдкій постъ не приходится каяться на исповѣди въ убійствѣ „по службѣ“, а то и въ нѣсколькихъ. „Что дѣлать?—прибавлялъ онъ: такая наша должность“. Но и ему неоднократно доставалось: въ 1898 г. онъ былъ серьезно раненъ.

Вотъ характерный случай изъ его похожденій. Извѣстный спиртонось и скупщикъ золота осетинъ Мусса Баскаковъ проживалъ около Тихоно-Задонскаго пріиска. Б. провѣдалъ, что Мусса ушелъ съ цѣлымъ караваномъ спирта и, слѣдовательно, долженъ вернуться съ золотомъ или съ деньгами. Онъ взялъ съ собой одного казака и засѣлъ въ кустахъ подкарауливать Муссу. Какъ только показался спиртонось, Б. и казакъ навели на него берданки и потребовали остановиться и отдать все, что у него есть. Мусса схватился было за револьверъ, но, вѣроятно, сообразивъ, что прежде, чѣмъ онъ выстрѣлитъ, его самого могутъ убить, не сталъ стрѣлять. При немъ были два якута и одинъ русскій, но безъ оружія.

— Твой фартъ!—сказалъ онъ.—Золото у меня есть, а этихъ людей не тронь: у нихъ ничего нѣтъ, обыщи, если хочешь, и отпусти.

Мусса скинулъ широкій кожаный поясъ, наполненный золотомъ, и подалъ его уряднику. Б. отобралъ у него револьверъ и велѣлъ слѣдовать за собой, спутниковъ же, обыскавъ, отпустилъ.

Пробираются по борту крутого берега какого то ключа казаки верхомъ, Мусса между ними пѣшкомъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ лошади осторожно и тихо спускались съ крутизны, чтобы перейти ключъ вбродъ, плѣнникъ прыгнулъ въ сторону—прямо въ воду. Пока казаки спустились и взялись за берданки, Мусса былъ уже на другомъ берегу въ лѣсной чащѣ. Урядникъ помчался за нимъ, а казаку велѣлъ ѣхать впередъ и пересѣчь Муссѣ дорогу. Но послѣдній вышелъ изъ-за деревьевъ и, поднявъ руку съ четырьмя сторублевками, крикнулъ уряднику: „возьми и отпусти меня, а казаку скажешь, что не догналъ меня“. Б. сразу оцѣнилъ эту идею. Онъ подъѣхалъ и протянулъ руку, чтобы взять сторублевки. Въ этотъ моментъ Мусса уронилъ бумажки на землю и, схвативъ Б. за руку, рванулъ съ такою силой, что тотъ свалился съ сѣдла. Выхватить у ле-

жачаго ружье было дѣломъ одной секунды: „отдавай золото назадъ, не то пришью". Б. отдалъ: револьверъ былъ при уѣхавшемъ впередъ казакѣ. „А теперь лежи и не шевелись, пока я съ глазъ не скроюсь". Осетинъ вскочилъ на лошадь урядника и, уѣзжая, сказалъ: „завтра на этомъ мѣстѣ найдешь своего коня привязаннымъ къ лѣсинѣ, а на ней свое ружье. Прощай, въ другой разъ обидишь—не помилую".

Ареной другой знаменитости, урядника Горнопольцева, былъ Средній Витимъ, гдѣ онъ разгуливалъ въ роли начальника летучаго отряда, напятаго Фризеромъ для искорененія хищничества въ 1899 г. Его банда нападала не только на вольныхъ старателей, но и на легальныя поисковыя партіи на томъ основаніи, что онѣ снабжаютъ хищниковъ провизіей. Одна изъ партій доносила своему хозяину объ учиненномъ на нее набѣгѣ:

„7-го марта напалъ на насъ летучій кордонъ. Первымъ долгомъ велѣли отворить амбаръ, вытащили весь спиртъ, напились всѣ пьяные и стали бить рабочихъ *). Я говорю: „не пейте—спиртъ хозяйскій, спросите у служащаго". Они на меня напали, начали таскать. Увидѣли двѣ кайлы. Спросили у рабочаго Вашкевича: чьи кайлы? Онъ сказалъ: „наши". Они говорятъ: врешь. Обнажили шашки и стали бить его.

Пока они пили, приходятъ другіе казаки: поймали на Витимѣ троихъ, привели къ намъ въ избу, стали бить: „скажите, гдѣ вы брали провизію?" Тѣ сперва сказали: брали у пріѣзжихъ, а потомъ волей-неволей сознались: здѣсь. Произвели обыскъ, и у рабочихъ все забрали: у кого сахаръ, у кого табакъ, у кого что найдутъ, то и тащатъ. Потомъ они составили протоколъ и заставили насъ насильно подписаться. Какъ тутъ не подписаться? Они станутъ бить. Потомъ велѣли запречь хозяйскихъ оленей, взяли ящикъ вина очистки и уѣхали къ Фризеру. Взяли нашего якута, посадили въ казачью, двое сутокъ держали; оленей либо порѣзали, либо отпустили, и они разбрелись".

„Полноправные свидѣтели" такіе-то: слѣдуютъ пять подписей, изъ коихъ можно разобрать лишь унтеръ-офицера Кузьмы Гладкихъ.

---

*) Дѣло происходило на развѣдкѣ, т. е. на занятой площади, гдѣ были предприняты развѣдочныя работы.

Искоренительные пріемы Горнопольцева возымѣли свое дѣйствіе: весной 1899 г. можно было почти ежедневно наблюдать на Бодайбо группы возвращающихся вольныхъ старателей, съ разбитыми физіономіями, въ жалкихъ отрепьяхъ. По словамъ прибывшихъ, на *Нерпо* осталось человѣкъ 15, до того искалѣченныхъ, что они не въ состояніи были двинуться дальше.

Изъ имущества ни у кого ничего не осталось: не говоря уже о золотѣ, часахъ, деньгахъ, — одежа, обувь, съѣстные припасы — все дѣлалось добычей казаковъ. Убѣжденіе въ своей беззащитности и въ безнаказанности полицейскаго произвола на столько укоренилось въ этой средѣ, что никто изъ пострадавшихъ не обращался съ формальной жалобой ни къ исправнику *), ни къ мировому судьѣ. У послѣдняго оказалась лишь одна жалоба, поданная для направленія къ прокурору иркутскаго окружного суда. Она на столько любопытна въ смыслѣ обрисовки искоренительной дѣятельности летучаго кордона, что приведу ее дословно:

„Я работалъ на развѣдкѣ въ Басинскомъ ключѣ у служащаго въ Ленскомъ Товариществѣ Павла Егорова Ситникова. 9-го марта, за окончаніемъ здѣсь работъ, я разсчитался и вмѣстѣ со всей партіей, покинувшей ключъ, заночевалъ въ хищнической избушкѣ въ верстѣ отъ его устья. Утромъ явились сюда урядникъ Первушинъ и казакъ Иннокентій Поповъ и потребовали у всѣхъ насъ документы. При мнѣ документа не оказалось, такъ какъ онъ былъ затребованъ конторой Рябкина, у котораго я служилъ лѣтомъ, а была лишь квитанція въ высылкѣ податей. Тогда казаки велѣли мнѣ и другому рабочему, татарину Мухамету Мухаметчанову слѣдовать за ними къ уряднику Горнопольцеву, находившемуся въ 5 верстахъ выше по Басинскому ключу. Горнопольцевъ приказалъ казакамъ раздѣть меня до-гола и повалить на снѣгъ, а самъ сталъ пинать и топтать меня ногами, при всеобщемъ смѣхѣ прочихъ казаковъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ноги мои не побѣлѣли отъ мороза.

Замѣтивъ это, Горнопольцевъ велѣлъ казаку Фалелѣеву оттирать мнѣ ноги снѣгомъ, послѣ чего позволилъ мнѣ под-

*) Въ это время исправникомъ былъ Л—въ, къ которому никто изъ такъ называемый шпаны не могъ обратиться безъ того, чтобы не уйти съ поврежденной физіономіей.

няться и одѣться. Затѣмъ связали мнѣ руки назадъ, и Горнопольцевъ начертилъ углемъ на лбу у меня кругъ и приказалъ казаку Попову стрѣлять мнѣ въ лобъ. Поповъ взялъ берданку и прицѣлился. Я стоялъ молча, закрывъ глаза, и приготовился уже къ смерти. Но Поповъ, продержавъ ружье нѣсколько секундъ на прицѣлѣ, сказалъ: „что его стрѣлять, онъ и такъ еле живъ, даже глазами не мигаетъ“. На это Горнопольцевъ закричалъ: „погоди, онъ у меня замигаетъ!“ и сталъ бить меня кулакомъ по лицу. Потомъ отступилъ, говоря: „и что у нихъ за крѣпкія морды: всю руку себѣ отбилъ“. Тутъ они оставили меня въ покоѣ и принялись за татарина Махометчанова, котораго тоже раздѣли и стали голаго драть на снѣгу прутьями, а Горнопольцевъ пинать и топтать ногами. Покончивши съ татариномъ, казаки повели насъ саженей за 300 вверхъ и велѣли намъ зажечь стоявшую здѣсь хищническую избушку. Здѣсь Горнопольцевъ приказалъ мнѣ снять съ крыши куль земли, которымъ была накрыта труба, и придѣлать къ нему лямки. Когда я это сдѣлалъ, онъ велѣлъ казакамъ взвалить мнѣ этотъ куль на плечи, чтобы я тащилъ его 5 верстъ до устья Басинскаго ключа. Тутъ встрѣтили полынью съ незамерзшей водой, въ ней намъ велѣли промывать землю, которую я (все это разстояніе) несъ на себѣ, въ ней по промывкѣ никакого золота не оказалось. Отсюда насъ повели въ Среднюю Орловку на станъ Фризера и посадили въ казачью. Хлѣба намъ не дали, и мы цѣлый день ничего не ѣли. Только поздно вечеромъ вернулся Горнопольцевъ и велѣлъ перевести меня, Мухамета и еще троихъ рабочихъ съ избитыми лицами изъ ключа Патушинскаго ночевать въ баню. Тутъ намъ позволили напиться чаю. Ночью заходятъ въ баню казаки Фалалѣевъ и Поповъ, изъ нихъ первый пристаетъ ко мнѣ, чтобы я отдалъ ему свою новую надѣвашку. Сначала я не соглашался, но, когда онъ пригрозилъ избить меня и сказалъ: „ты у меня живой до мѣста не дойдешь“, я отдалъ ему надѣвашку. Кромѣ того, этотъ же Фалалѣевъ взялъ мой золотой крестъ еще въ Басинскомъ ключѣ, гдѣ меня истязали, а Горнопольцевъ взялъ тамъ же портмонэ съ 5 рублями. На другой день всѣхъ насъ пятерыхъ повели въ сопровожденіи Фалалѣева въ Баргузинъ. Не доходя Муи, въ 160 верстахъ отъ Орловки, я сталъ просить Горнопольцева,

прибывшаго сюда на конѣ раньше насъ, отпустить меня на Бодайбо, гдѣ осталось мое семейство. И онъ отпустилъ меня и татарина. Всѣмъ побоямъ и истязаніямъ, которымъ я подвергался, свидѣтелями были, кромѣ Мухаметчанова, казаки: Первушинъ, Дорофеевъ, Каратаевъ и Тюменцевъ. Послѣдніе двое говорили, что ежели дѣло дойдетъ до присяги, они ничего не утаятъ. Въ виду всего вышеизложеннаго прошу ваше высокородіе привлечь къ законной отвѣтственности урядника Горнопольцева и казака Фалалѣева: перваго за истязаніе меня и присвоеніе принадлежащихъ мнѣ 5 р., а второго за присвоеніе золотого креста и вымоганіе надѣвашки"...

Впослѣдствіи тотъ же мировой судья сообщилъ мнѣ, что по розыскамъ татарина Мухаметчанова для допроса, въ качествѣ свидѣтеля, полиція донесла, что таковой найденъ былъ мертвымъ гдѣ то на Среднемъ Витимѣ съ признаками насильственной смерти.

Обыски съ цѣлью пресѣченія кражи золота рабочими, какъ мы видѣли на примѣрѣ Компаніи Промышленности, оказывались средствомъ мало дѣйствительнымъ. Общія условія, вызывающія хищенія, не могли не вліять въ томъ же направленіи и на обыскивающихъ, которые въ свою очередь должны бы быть обыскиваемы, отъ каковой операціи, говоря по справедливости, и не всякій служащій даже изъ высшихъ ранговъ имѣетъ право быть изъятымъ.

Пріисковая исторія съ непреложной убѣдительностью показала всю несостоятельность полицейскихъ мѣръ въ облагораживаніи нравовъ рабочихъ и въ воспитаніи ихъ въ правилахъ уваженія принципа капиталистической собственности. До другихъ же болѣе цѣлесообразныхъ мѣръ золотопромышленники не додумались, да едва ли и способны были додуматься, если судить потому, что даже самые интеллигентные изъ нихъ въ своихъ взглядахъ и отношеніяхъ къ рабочему ничѣмъ не отличаются отъ своихъ коллегъ, получившихъ образованіе въ конюховской. Они никакъ не хотѣли понять, что всѣ эти порки, обыски и тому подобныя оскорбительныя для человѣка мѣры углубляютъ пропасть между рабочимъ и работодателемъ, культивируютъ затаенную злобу битыхъ къ бьющимъ, обыскиваемыхъ къ обыскивающимъ. На почвѣ же такихъ отношеній не могло

быть и рѣчи о доброжелательствѣ рабочихъ къ хозяевамъ и о радѣніи ихъ къ интересамъ послѣднихъ.

Еще не такъ давно главноуправляющій Ленскаго Товарищества ,задумалъ практиковать повальные обыски рабочихъ. Но противъ этой трансваальской мѣры рѣшительно возсталъ мировой судья, находя ее противозаконной. Главноуправляющій апеллировалъ къ начальнику края, но и съ этой стороны не встрѣтилъ сочувствія *). Пришлось ограничиться частичными обысками по подозрѣнію, возбуждаемому тѣмъ или другимъ рабочимъ; фактически, впрочемъ, это частичность на Ивановскомъ пріискѣ Ленскаго Товарищества очень была близка къ всеобщности. Усиленная кража золота на этомъ пріискѣ вызывалась низкой цѣной за подъемное. Здѣсь платили за золотникъ 2 р., тогда какъ всего въ 2½ верстахъ на Тихоно-Задонскомъ платили 3 р., потому что на этомъ пріискѣ той же Компаніи подъемнаго было меньше, чѣмъ тамъ.

Ивановскіе рабочіе утаивали золото часто лишь съ тѣмъ, чтобы вынести его на Тихоно-Задонскій и получить рублемъ на золотникъ дороже.

У каждаго забоя стояла кружка, куда приказано было опускать подъемное. Если по окончаніи работъ въ кружкѣ ничего не оказывалось или оказывалось очень мало, артель этого забоя обыскивали. Процедура по тщательности не уступала пріемамъ Петропавловской крѣпости: рылись во рту, въ ушахъ, въ волосахъ и т. д.; одинъ шутникъ предлагалъ даже выписать ренгтеновскій аппаратъ для обнаруженія золота въ желудкѣ. Всякій пойманный съ поличнымъ неукоснительно передавался мировому судьѣ: систематическіе и безъ всякихъ смягченій карательные приговоры не мало содѣйствовали росту дивидендовъ компаніи (1898—99 г).

Чтобы поощрить казаковъ къ большему усердію въ отбираніи краденаго золота и ослабить матеріальный интересъ соглашенія ихъ съ рабочими, тотъ же главноуправляющій увеличилъ плату за отобранное золото до 5 р. Послѣдствія, какъ и можно было ожидать, получились совершенно противоположныя: казаки сугубо поощряли кражу, покупая золото у рабочихъ по 3 р. и сдавая въ управленіе, какъ ото-

*)Генералъ-губернатору Горемыкину.

бранное, по 5 р. На вопросъ, гдѣ же пойманный хищникъ былъ обычный отвѣтъ: сбѣжалъ.

Эти спекуляціи заставили управленіе объявить, что 5 р. будетъ уплачиваться только тому, кто вмѣстѣ съ отобраннымъ золотомъ представитъ и самого похитителя.

Большимъ успѣхомъ въ смыслѣ цѣлесообразности ознаменовался походъ, предпринятый главноуправляющимъ противъ тѣхъ золотопромышленниковъ, которые занимаются не столько добычей золота изъ нѣдръ земли, сколько скупкой уже добытаго посредствомъ чужого капитала и труда.

Несомнѣнно, кража золота въ значительной мѣрѣ поощряется предъявленіемъ обширнаго на этотъ товаръ спроса. Г. Грауманъ встрѣтилъ дѣятельное сочувствіе своему плану со стороны мѣстнаго мирового судьи. Въ 1898—99 г. было привлечено къ уголовной отвѣтственности за покупку золота до десятка среднихъ и мелкихъ золотопромышленниковъ.

Ближайшаго къ Ивановскому пріиску скупщика накрыли съ поличнымъ не совсѣмъ, положимъ, по-джентльменски, если только можетъ быть рѣчь о джентльментствѣ въ такомъ дѣлѣ, какъ сыскъ. Къ нему подослали золото съ переодѣтымъ полицейскимъ; тотъ, конечно, не подозрѣвая коварства, купилъ. Немедленно вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ домъ слѣдователь и составилъ протоколъ о совершеніи преступнаго дѣянія. Дѣло закончилось обвиненіемъ въ первой инстанціи всѣхъ подсудимыхъ; перенесенное въ иркутскую судебную палату, оно оставалось не рѣшеннымъ и въ 1904 г.

Такимъ образомъ, г. Грауманъ первый предпринялъ борьбу съ хищничествомъ хотя и полицейскими, но легальными, общепринятыми въ культурномъ обществѣ мѣрами.

Къ сожалѣнію, наряду съ этимъ продолжали и продолжаютъ примѣняться привычные дикіе и не терпимые съ точки зрѣнія даже элементарной законности пріемы. Мнѣ, напримѣръ, передавали такой фактъ: въ 1903 г. управляющій Ивановскаго пріиска, зная, что одна старая шахта служитъ большой приманкой для копачей, велѣлъ завалить ея колодецъ землею. Оставшіеся въ шахтѣ люди очутились въ положеніи заживо погребенныхъ.

Не находя себѣ выхода на божій свѣтъ, въ слабой надеждѣ на спасеніе они рѣшились на послѣднее средство,

попытались вызвать обвалъ, т. е. то, что на пріисковомъ жаргонѣ называется *кумполъ*.

Въ вырубленной для этого деревянной настилкѣ потолка земля стала осыпаться; съ помощью лома и кайлы „кумполъ“ становился все глубже, приближаясь къ дневной поверхности. Къ счастью, шахта была не изъ глубокихъ.

Черезъ нѣсколько дней образовалось, наконецъ, отверстіе наружу. Постепенно трескавшаяся и опускавшаяся наружная поверхность почвы дала знать управляющему, что похороненные имъ люди энергично отбиваются отъ предуготованной имъ участи. Онъ поставилъ здѣсь засаду изъ стражниковъ, въ которую и попадали вылѣзавшіе одинъ за другимъ копачи. Ихъ было четверо, но одинъ обрушился, упалъ на дно шахты и тамъ, какъ предполагали, или разбился сразу, или, искалѣченный, погибъ голодной смертью. Управляющій—старый опытный горный служащій, онъ не могъ не знать, что среди пріисковыхъ рабочихъ всегда найдутся такіе, которымъ извѣстно, даже кто именно хищничаетъ въ той или другой шахтѣ. Они, навѣрное, дали бы знать копачамъ объ угрожающей имъ опасности, если бы управляющій позаботился предварительно огласить по казармамъ о своемъ намѣреніи завалить шахту. Онъ вовсе не злой человѣкъ, „шпана“ даже благоволитъ къ нему, но по обычному на пріискахъ небреженію къ жизни рабочихъ людей ему просто не пришло въ голову такъ поступить.

Въ другомъ случаѣ одинъ Средне-Витимскій золотопромышленникъ пустилъ лѣсной пожаръ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы огнемъ и дымомъ выкурить хищниковъ изъ окрестностей своихъ владѣній. Здѣсь уже было не легкомысліе, а обдуманное злоумышленіе, едва ли допустимое хотя бы даже въ огражденіе золотыхъ собственныхъ правъ.

Я. С—в.

О Сибирскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ.

Главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія въ настоящее время разрабатывается проектъ объ учрежденіи въ Сибири сельскохозяйственнаго института.

Первый вопросъ, который при этомъ необходимо рѣшить, это—вопросъ о мѣстѣ института.

Сколько мнѣ извѣстно, подъ вліяніемъ энергичныхъ хлопотъ г. Ново-Николаевска, лицо, кому поручено составленіе проекта, остановилось на этомъ городѣ.

Ново-Николаевскъ городъ будущаго, узловой пунктъ водпаго и желѣзнодорожнаго пути, имѣющій всѣ шансы на громадное развитіе въ немъ промышленной и торговой дѣятельности. Вотъ главныя основанія, по которымъ его слѣдуетъ предпочесть конкурирующимъ Томску, Барнаулу, Красноярску.

Было бы очень печально, если бы это мнѣніе восторжествовало.

Совершенно естественно и понятно стремленіе города Ново-Николаевска привлечь къ себѣ высшее учебное заведеніе: въ этомъ сказывается здоровая тенденція пользующейся вліяніемъ мѣстной интеллигенціи. И рѣшительно ничего нельзя было бы возразить, если бы мѣстные капиталисты пошли по пути своихъ заокеанскихъ товарищей и завели высшее учебное заведеніе на свои частныя средства

Но разъ идетъ разговоръ о мѣстѣ для казеннаго высшаго учебнаго заведенія, устраиваемаго на обще-государственныя средства, частныя претензіи отдѣльныхъ городовъ мы можемъ и должны совершенно игнорировать.

Въ вопросѣ о высшемъ сельско-хозяйственномъ учебномъ заведеніи важны и мѣсто ихъ устройства, и типъ самаго заведенія.

Почти всѣ прикладныя сельско-хозяйственныя науки основою своею имѣютъ естествознаніе. Типы хозяйства, техника отдѣльныхъ отраслей хозяйства всецѣло зависятъ отъ данныхъ естественныхъ условій. Сельско-хозяйственная практика, основанная на выводахъ, сдѣланныхъ гдѣ нибудь въ условіяхъ, напр., мягкаго, влажнаго климата, совершенно окажется непригодной для мѣстностей континентальныхъ съ недостаткомъ влаги. Нѣмецкая агрономія безсильна оказать серьезныя услуги русскому заволжскому хозяйству. Дѣятельность Московскаго сельско-хозяйственнаго института въ постановкѣ сельско-хозяйственныхъ задачъ и опытовъ стѣснена условіями среднерусскаго климата и почвы.

Каждый крупный естественно-историческій районъ (лѣсъ, лѣсо-степь, степь, полупустыня) долженъ быть особо изученъ.

Профессора, работающіе въ условіяхъ московскаго климата и почвъ, въ районѣ сѣрыхъ хлѣбовъ, конечно, не въ состояніи рѣшать вопросы, связанные съ черноземомъ и засушливымъ климатомъ съ культурою пшеницы, проса и др.

Отсюда и вытекаетъ необходимость помѣщенія высшаго учебнаго заведенія внутри сельско-хозяйственнаго района, которому оно должно служить. Отсюда же и возникновеніе вопроса о спеціальномъ для Сибири высшемъ сельско-хозяйственномъ учебномъ заведеніи.

Но необъятная Сибирь включаетъ въ себѣ нѣсколько естественно-историческихъ полосъ. Въ одной Тобольской, напримѣръ, губерніи, въ районѣ земледѣльческой культуры, различается, по крайней мѣрѣ, три естественныхъ полосы: лѣсъ, лѣсо-степь и степь. Онѣ же характеризуютъ собою наиболѣе хлѣбородныя сибирскія губерніи, Томскую и Енисейскую.

Очевидно, при выборѣ мѣста для перваго сибирскаго высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія необходимо прежде всего рѣшить, для какого района устраивается это заведеніе, для лѣсной, лѣсостепной или степной полосы.

Каждая изъ полосъ нуждается въ своемъ учебномъ заведеніи. Каждая предъявляетъ къ наукѣ свои запросы. Каждая нуждается въ агрономической помощи занимающемуся населенію.

Права каждаго района на свое учебное заведеніе одинаковы.

Поэтому, если приходится выбирать районъ лишь потому, что имѣется въ виду только одно высшее учебное заведеніе, то будемъ сравнивать лишь удобства разныхъ пунктовъ.

Томскъ и Красноярскъ расположены въ лѣсныхъ районахъ, и открываемое тамъ или здѣсь высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе будетъ служить хозяйству лѣсной полосы.

Барнаулъ расположенъ въ лѣсостепномъ районѣ. Устроенный здѣсь институтъ будетъ приносить пользу обширному западно-сибирскому пшеничному району съ его молочно-мяснымъ скотоводствомъ и маслодѣліемъ.

Ново-Николаевскъ имѣетъ самое невыгодное для сельско-хозяйственнаго института положеніе. Онъ расположенъ какъ разъ на границѣ между лѣснымъ и лѣсостепнымъ районами,

занимая мѣсто, совершенно не типичное ни для лѣсной полосы, ни для лѣсостепной. Этимъ самымъ, естественно, изъ числа намѣчаемыхъ пунктовъ Ново-Николаевскъ исключается.

Остаются Томскъ, Красноярскъ и Барнаулъ.

Сравнимъ сначала первые два пункта. Оба расположены въ лѣсной полосѣ. Оба удобны, какъ пункты для устройства института въ условіяхъ этой полосы.

Но для всякой высшей школы, а для технической въ особенности, важна внѣшняя обстановка, благопріятная для научной дѣятельности. Она важна не только для учебнаго заведенія, но и для всякаго научно-опытнаго учрежденія, ставящаго себѣ цѣлью изученіе сельско-хозяйственныхъ условій. Къ сожалѣнію, это обстоятельство у насъ вообще недостаточно оцѣнивается. Практика и земства, и правительства даетъ намъ многочисленные примѣры несоблюденія этого условія при организаціи разнаго рода научныхъ агрономическихъ учрежденій, загоняемыхъ въ глушь, гдѣ не только научная дѣятельность, но и культурная жизнь очень тяжела. Это отражается на дѣятельности учрежденій, вынужденныхъ влачить жалкое существованіе.

Существованіе въ Томскѣ университета создаетъ ему громадныя преимущества передъ конкурентами. Около университетовъ создается та научная атмосфера, которая, какъ кислородъ живымъ существамъ, необходима для нормальной жизни всякаго ученаго учрежденія.

Но на этой темѣ придется остановиться ниже. Теперь же, ограничившись сказаннымъ, отмѣтимъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ Томскъ, какъ университетскій городъ, слѣдуетъ предпочесть Красноярску.

Остается Барнаулъ. Какъ центръ лѣсостепной полосы, онъ представляетъ пунктъ, очень удобный для высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія, разсчитаннаго на службу пшеничному району. Съ проведеніемъ черезъ него желѣзной дороги онъ представитъ и тѣ элементарныя удобства, какихъ у него сейчасъ недостаетъ.

Раньше было указано, что въ вопросѣ о высшемъ сельско-хозяйственномъ учебномъ заведеніи важно выяснить и типъ этого учрежденія.

Оно можетъ быть или самостоятельнымъ сельско-хозяй-

ственнымъ институтомъ, или отдѣленіемъ политехникума, или факультетомъ университета.

Прототипомъ перваго можетъ служить Московскій сельско-хозяйственный институтъ, второго — сельско-хозяйственное отдѣленіе Рижскаго политехникума. Сельско-хозяйственныхъ факультетовъ при русскихъ университетахъ нѣтъ, есть лишь каѳедры энциклопедіи сельскаго хозяйства, и лишь при Кіевскомъ университетѣ сельско-хозяйственная спеціальность получила извѣстное развитіе: здѣсь создалось что то вродѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія при университетѣ.

Преподаваніе сельскаго хозяйства недавно введено въ Императорскомъ Александровскомъ Гельсингфорскомъ университетѣ и, кажется, эта спеціальность поставлена на правахъ факультета.

Устройство самостоятельнаго сельско-хозяйственнаго института требуетъ большихъ средствъ, такъ какъ одновременно со спеціальными каѳедрами и имъ подвѣдомственными учеными учрежденіями кабинетами, лабораторіями, опытными полями и проч. приходится создавать каѳедры общаго естествовѣдѣнія тоже съ кабинетами, лабораторіями, ботаническимъ садомъ и проч. Но не въ одинѣхъ деньгахъ дѣло. Высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе должно обезпечить себя и серьезными научными силами какъ по прикладнымъ наукамъ, такъ и по общему естествознанію и математическимъ наукамъ. Для этого одинѣхъ денегъ мало. Необходима обстановка заведенія, обезпечивающая возможность широкой дѣятельности этимъ работникамъ — натуралистамъ и математикамъ. Но второго условія при организаціи самостоятельнаго института достичь невозможно, не развивая общей части естествознанія до размѣровъ факультета университета.

Въ самостоятельномъ институтѣ естествознаніе всегда будетъ на заднемъ планѣ, а потому не будетъ привлекать къ себѣ перворазрядныхъ силъ. Московскій институтъ, прежде академія, въ виду близости Москвы составляетъ исключеніе; Тимирязевъ, Бабухинъ были звеньями, связующими университетъ съ академіей.

Между тѣмъ, для успѣховъ развитія прикладныхъ наукъ имѣетъ особое значеніе чистое естествознаніе. Оно направляетъ и координируетъ практическія изысканія: оно откры-

васть новые горизонты и ведетъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ техники. Оторванное отъ науки, спеціальное обученіе роковымъ образомъ культивируетъ ремесло, шаблонъ.

Любопытно отмѣтить, что за послѣднюю четверть вѣка въ области русской агрономіи вехи ставили именно представители чистой науки: вспомнимъ Докучаева, Костычева и Сибирцева, положившихъ прочныя основанія русскому почковѣдѣнію; Коржинскаго, одновременно съ де-Фризомъ обратившаго вниманіе на забытый со времени Дарвина гетерогенный способъ возникновенія новыхъ расъ, и тѣмъ разъяснившій и расчистившій пути выведенія новыхъ сортовъ культурныхъ растеній; Навашина, своими изслѣдованіями и открытіями въ процессѣ оплодотворенія растеній, облегчившаго пониманіе техники скрещиванія растеній.

Именно необходимость сближенія практики съ наукою побудила финляндцевъ закрыть свой сельско-хозяйственный институтъ въ Мустіалѣ и перенести преподаваніе сельскаго хозяйства въ Гельсингфорсъ въ университетъ.

Политехникумы имѣютъ тотъ же недостатокъ односторонняго развитія прикладныхъ дисциплинъ знанія. Правда, при политехникумѣ, гдѣ существуетъ нѣсколько отдѣленій, гдѣ учебновспомогательныя учрежденія хорошо поставлены, существованіе новаго сельско-хозяйственнаго отдѣленія болѣе обезпечено. Совокупность отдѣленій и средствъ позволяютъ политехникумамъ привлечь и сосредоточить значительныя научныя силы, въ томъ числѣ отчасти и въ области физико-математическихъ наукъ (физика, химія, механика); но этотъ циклъ чистыхъ наукъ въ политехникумахъ остается незамкнутымъ науками біологическими, имѣющими особое значеніе для сельскаго хозяйства.

Наивыгоднѣйшія условія для развитія сельско-хозяйственныхъ знаній имѣются въ наличности въ университетахъ, гдѣ существованіе физико-математическаго факультета обезпечиваетъ возможность контакта прикладныхъ знаній съ основами естественныхъ наукъ.

Вотъ соображенія, которыми руководствовалась и сельскохозяйственная коммиссія Государственной Думы, разсматривавшая законодательное предположеніе о желательности открытія сельско-хозяйственныхъ отдѣленій при русскихъ университетахъ и громаднымъ большинствомъ голосовъ

признавшая желательнымъ открытіе сельско-хозяйственныхъ факультетовъ.

Исходя изъ высказанныхъ соображеній въ вопросѣ о мѣстѣ сельско-хозяйственнаго высшаго учебнаго заведенія въ Сибири и типѣ его, приходимъ къ выводамъ:

Высшая сельско-хозяйственная школа должна быть пріурочена къ естественному сельско-хозяйственному району.

Высшая сельско-хозяйственная школа должна быть поставлена въ условія, благопріятныя для культуры науки.

Высшая сельско-хозяйственная школа въ этихъ видахъ должна воспользоваться существованіемъ единственнаго въ Сибири университета и встать къ нему въ ближайшее отношеніе.

А это въ идеальной формѣ осуществимо, если сельскохозяйственная школа станетъ факультетомъ университета.

Отсюда необходимость открытія при Томскомъ университетѣ физико-математическаго и сельско-хозяйственнаго факультетовъ.

На вторую очередь можетъ быть поставлено учрежденіе въ Барнаулѣ политехникума съ сельско-хозяйственнымъ отдѣленіемъ.

Н. Скалозубовъ.

Послѣдній аккордъ.

Гроза затихаетъ. Слабѣютъ раскаты грома. Только издали еще несется тревожный гулъ, да молнія неожиданно упадетъ съ небесъ, слабая, изломанная.

И Ленскія событія отходятъ въ исторію. Обыденная жизнь торопливо вступаетъ въ свою колею; обычный шумъ, обычныя заботы. Съ Лены разъѣзжаются. Уѣхалъ Манухинъ, потомъ адвокаты. Послапецъ царя и посланные обществомъ, они уѣхали, а вмѣстѣ съ ними исчезло и то сильное, смѣлое, независимое, что они захватили съ собой, отправляясь въ тайгу.

Что будетъ дальше?

До сихъ поръ отвѣтъ опредѣленный и точный дало только одно правительство. Народъ, благоденствуя, молчитъ; пресса и общество были слишкомъ неожиданно захвачены трагизмомъ происшедшаго, чтобы говорить о будущемъ.

Ихъ вниманіе было всецѣло поглощено событіемъ 4-го апрѣля. Отвѣтило только правительство. Поспѣшно, не дожидаясь законнаго своего мѣсячнаго срока, оно бросило вызовъ прямо въ лицо: такъ будетъ и впередъ, потому что такъ было! Остается только принять мѣры, чтобы заявленіе не осталось „висѣть въ воздухѣ"...

Теперь, въ свою очередь, общество и печать начинаютъ заглядывать въ будущее. Результаты грустные: „такъ не будетъ, потому что... будетъ хуже!" Само собой разумѣется, что пессимизмъ лѣвой прессы не можетъ идти въ счетъ. Всецѣло охваченные ужасомъ происшествія и ближе чувствующіе раны рабочихъ, лѣвые, можетъ быть, еще не могутъ хладнокровно обсудить завтрашній день, можетъ быть, преувеличиваютъ и невольно сгущаютъ краски. Къ тому же отчаяніе ихъ логически неизбѣжно. Если въ Ленской трагедіи нѣтъ виноватыхъ людей, а есть только виновный во всемъ и за все отвѣчающій строй или система, то оптимизму, конечно, не можетъ быть мѣста. Вѣдь ни „капиталистическая утопія", ни „современный, буржуазный строй" ревизіей Манухина не затронуты, а, слѣдовательно, если виновны только эта утопія и этотъ строй, то все останется неизмѣннымъ: „такъ будетъ впредь".

Другое дѣло охранительная пресса. Она не станетъ расплываться въ общихъ фразахъ. Винить систему она не будетъ. Система превосходна, идеально-хорошъ строй, только отдѣльныя личности, только кое-какія детали могутъ быть плохи; ихъ надо обревизовать, смѣнить, исправить и все наладится прекрасно; только детали!

А между тѣмъ и въ правой прессѣ ликованій нѣтъ. Одни молчатъ, другіе лукаво отходятъ отъ вопроса: что будетъ завтра.

Смѣлѣе всѣхъ, по прежнему, князь Мещерскій. Только онъ одинъ среди охранителей не боится сказать, что общество право въ своемъ пессимизмѣ, что будетъ хуже, чѣмъ было прежде, чѣмъ было до 4 апрѣля.

Но, можетъ быть, и князь Мещерскій, и русское общество ошибаются? Можетъ быть, случайно встрѣтившись въ своемъ пессимизмѣ, они оба увлеклись? Можетъ быть, перспективы не такъ плохи?

Вѣдь дѣло не ограничивается Петербургомъ, остав-

шимся внѣ сферы досягаемости ревизіи Манухина. Если ревизія не коснулась ни биржевыхъ „операцій“ ленцевъ, ни ихъ связей, ни даже прикосновенности отдѣльныхъ чиновныхъ лицъ къ дѣламъ „утопій“, то вѣдь все таки оно очистило атмосферу на мѣстѣ, тамъ водворила законность и сдѣлала на будущее время невозможнымъ повтореніе 4 апрѣля. Увы! На мѣстахъ.—тамъ картина еще безотраднѣе. Когда, вслѣдствіе неожиданности событій, Петербургъ былъ ошеломленъ извѣстіемъ о забастовкѣ и разстрѣлѣ, онъ сразу же исказилъ перспективу. Стало казаться, что тамъ идетъ грандіозная борьба, что выведенная изъ себя тайга, какъ одинъ человѣкъ встала, и защищаетъ свои права. Казалось, что роковой разстрѣлъ спаялъ воедино всѣхъ затерянныхъ въ Ленской тайгѣ рабочихъ и что ихъ гнѣвъ великъ и грозенъ, какъ велико преступленіе, совершенное противъ нихъ.

Оказывается, перспектива была сильно искажена. Любопытное письмо о данномъ моментѣ помѣщено въ № 136 „Сибири“ г. В. В.

Долгій гнетъ и безправіе обезличили многихъ въ тайгѣ. Многіе обратились въ „рабьи души“. Они трепетали передъ заправилами и цѣловали „административные ботфорты“ Лензото. Поэтому, говоритъ г. В. В, „мѣстная публика совершенно не представляла себѣ того потрясающаго впечатлѣнія, которое произвели ленскія событія на россійское и сибирское общество и прессу... Эти „рабьи души“ на забастовку смотрѣли, какъ на временное и пустяковое явленіе, а на разстрѣлъ рабочихъ, какъ на неизбѣжное, а, пожалуй, и необходимое въ такихъ случаяхъ зло. Нѣкоторое недоумѣніе вызывало у такихъ лицъ только большое количество убитыхъ и раненыхъ рабочихъ.

„Убито, пожалуй, и много; достаточно было бы разстрѣлять и 50 человѣкъ, чтобы забастовка прекратилась...“

Но, вотъ, въ Бодайбо получились первыя вѣсти о томъ, какъ реагируютъ общество и пресса въ Россіи и за границей на происходящую забастовку и разстрѣлъ рабочихъ— и на стоячемъ болотѣ начинаютъ показываться круги; рабьи души начинаютъ пробуждаться, широко открывать глаза и съ ужасомъ оглядываются вокругъ себя. Къ дальнѣйшимъ вѣстямъ изъ Россіи начинаютъ при-

слушиваться, жадно читаютъ газеты, и скоро изъ спокойнаго и апатичнаго „наблюдателя“ превращаются въ злѣйшаго врага Ленскаго Товарищества и всего ленскаго, и изъ „рабьихъ душъ“, надолго-ли—неизвѣстно, превращаются въ „гражданъ“. Бѣлозерова на пріискахъ встрѣтили холодно и непріязненно; бодайбинское городское общественное управленіе даже не пригласило представителя Лензото на торжество открытія своего новаго помѣщенія. Всѣ сторонятся отъ „королевства“. Надолго-ли, неизвѣстно. Но можно думать, что не надолго. Одни будутъ сломлены, другіе уѣдутъ, а третьи изъ гражданъ снова и быстро превратятся въ „наблюдателей“. Картина полная „тихаго ужаса“. Въ самомъ дѣлѣ, у людей на глазахъ прошла изнурительная забастовка выселяли въ тайгу въ морозы женъ и дѣтей бастовавшихъ рабочихъ, наконецъ, глумясь надъ всякой правдой, объявили, что тутъ политическая забастовка и разстрѣляли безоружную толпу, а окружающіе „переживали чувство какой-то неопредѣленности“. Возмущеніе и святой гнѣвъ оказались привозными! Возмущаться и дѣлаться гражданами стали только послѣ того, какъ узнали, что отъ ужаса болѣзненно содрогнулась вся Россія, весь цивилизованный міръ.

И удивляться нечему: гнетъ обезличиваетъ. Беззастѣнчивая, долгая эксплуатація и заброшенность въ тайгѣ, куда по долгу не долетаютъ отклики жизни, мало способствуютъ выработкѣ героевъ.

И въ этомъ ужасъ. Не видно перспективъ. Съ пріисковъ уѣхалъ Манухинъ, уѣхали адвокаты... Что останется... лото, карты и гнетъ. Гнетъ озлобленный, подлый, съ шипѣніемъ и шуточками. „Изволили бунтовать... ревизовали... судились...“ Къ озлобленію примѣшается передоновщина и начнется кошмаръ. Крышка будетъ спускаться все ниже и ниже. Гнетъ будетъ все больше. Жизнь снова станетъ окаменѣвать; будетъ снова эволюціонировать отъ гражданскихъ порывовъ къ „наблюдательности“...

И на Ленѣ чувствуютъ это. Намъ пишетъ съ пріисковъ человѣкъ, прожившій тамъ около 15 лѣтъ. Письмо полно сознанія безысходности и ухудшенія положенія въ ближайшіе дни. „Наиболѣе стойкіе и независимые уходятъ... остаются тѣ, кому уйти нельзя... а идутъ сюда штрейкбрехеры да разный обездоленный людъ, который по новости не сможетъ

оказывать никакого сопротивленія. А злоба начальства чувствуется. Скоро прорвется".

Діагнозъ поставленъ неутѣшительный. Будущее рисуется черными красками. А между тѣмъ просвѣтъ нуженъ человѣку, и старый пріискатель кончаетъ свое письмо, какъ онъ самъ называетъ, „скорбный листъ" свой, словами: остается одно утѣшеніе: „тамъ гдѣ-то вдали—у васъ, въ столицахъ, за тридевять земель, въ далекомъ и намъ неизвѣстномъ мірѣ, тамъ будетъ идти непрестанная борьба, борьба свѣта и тьмы, добраго и злого началъ... Оттуда мы, сломленные, раздавленные и полузабытые, таежные люди, снова будемъ ждать смѣлыхъ и сильныхъ. Сильныхъ во всемъ: въ призывахъ, въ борьбѣ, въ самой смерти. Будемъ ждать, что они принесутъ намъ побѣду, сумѣвъ, наконецъ, разорвать ту паутину, которая такъ крѣпко облѣпила насъ и въ тайгѣ, и въ столицѣ, и на биржѣ, и въ департаментахъ. Счастливъ, кто дождется..." *S. Bonnard.*

Обыватели и полиція.

Самой темной и зачастую трагической стороной жизни нашего обывателя надо считать его отношеніе къ представителямъ полицейской власти: любой полицейскій чинъ, независимо отъ степени его служебнаго положенія является тѣмъ капраломъ, палка котораго особенно сильно чувствуется и полнота власти котораго признается всѣми.

Столь значительный удѣльный вѣсъ полиціи обусловленъ прежде всего ея положеніемъ, какъ недреманнаго ока за политическимъ поведеніемъ населенія. И такъ какъ для дѣйствій въ этомъ направленіи предоставленъ широчайшій просторъ, то во главу угла мѣстной жизни оказался поставленнымъ участокъ, и въ немъ сошлись всѣ обывательскіе пути и перепутья. Къ участку обыватель приходитъ самъ (или его приводятъ), все равно, въ какую бы сторону въ своей дѣятельности онъ ни направился. Отъ участка никуда нельзя уйти уже потому, что отъ него зависитъ и самое право фактическаго обывательскаго существованія: не запятнанный паспортъ и свидѣтельство о политической благонадежности.

Иначе говоря, не только дѣятельность обывателя, но и вся жизнь оказывается подлежащей строжайшей полицейской

регламентаціи. Проявляется это на каждомъ шагу, и на обширномъ пространствѣ нашего края можно подыскать тому достаточно примѣровъ.

„Видные обыватели“ г. Петропавловска задумали организовать сборъ пожертвованій, вродѣ „колоса ржи“, для помощи городской бѣднотѣ, пострадавшей отъ наводненія. Произошло наводненіе еще въ началѣ апрѣля, а безобидное дѣло помощи затормазилось до сихъ поръ по причинамъ полицейскаго характера: собираются справки о благонадежности лицъ, входящихъ въ составъ организаціоннаго комитета.

Если возстановимъ въ памяти обстоятельства, повсюду сопровождавшія устройство дней „колоса ржи“ и т. п., то встрѣтимся съ тѣмъ же неизмѣннымъ прохожденіемъ черезъ горнило участка. Повсюду тормазомъ являлись однѣ и тѣ же причины, выражавшіяся иногда въ запрещеніи сборщикамъ ходить по улицамъ или появляться въ такихъ людныхъ мѣстахъ, какъ вокзалы. Отношеніе полиціи къ сбору пожертвованій по всей Сибири было отрицательное, подозрѣвающее. Единственнымъ исключеніемъ явился Харбинъ, гдѣ комитетъ „колоса ржи“ выразилъ благодарность чинамъ полиціи, помогавшимъ сбору.

Даже въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, когда обыватель признается гражданиномъ на часъ, миновать участокъ онъ не можетъ. Для внесенія въ избирательные списки лицъ, занимающихъ квартиры и не платящихъ квартирнаго налога, требуется предоставленіе удостовѣренія полиціи.

Словомъ, дѣятельность полиціи многообразна, какъ сама жизнь. И самый обыденный случай,—когда пріѣхавшій въ Челябинскъ „на предметъ выясненія“ настроенія мѣстныхъ избирателей чиновникъ особыхъ порученій при оренбургскомъ губернаторѣ „выясняетъ“ въ бесѣдахъ съ чинами мѣстной полиціи; когда въ Никольскѣ-Уссурійскомъ командируется приставъ въ кинематографъ для цензуры картины, обошедшей до этого и Россію, и Сибирь; когда въ Тулунѣ мѣстный урядникъ борется съ сектантствомъ, „частенько тревожа обысками“ проживающихъ здѣсь субботниковъ, а въ Барнаулѣ, на происходившемъ здѣсь старообрядческомъ съѣздѣ, помощникъ исправника запрещаетъ обсуждать вопросъ о постройкѣ дома для архіерея, какъ не значущагося въ программѣ, разрѣшенной министромъ.

Поддерживаніемъ строгаго порядка въ „дортуарѣ при участкѣ", къ чему сведена общественная жизнь на мѣстахъ, далеко не исчерпывается роль полиціи, какъ власти универсальной по предоставленной ей сферѣ дѣйствія и воздѣйствія. Оберегая отъ злотворныхъ вѣяній политическую невинность обывателя, полиція въ то же время обязывалась защищать его личность и его имущество. Миссія эта выполняется, обыкновенно, двумя путями: мирнымъ, когда страдаетъ только имущество, и членовредительнымъ, когда страдаютъ одновременно и имущество, и личность. Послѣдняя часто вплоть до ея физическаго уничтоженія, т. е. до смерти.

Представителями перваго направленія можно считать полицейскихъ чиновъ г. Хабаровска, во главѣ съ полицеймейстеромъ Бариновымъ, дѣятельность которыхъ недавно разоблачилъ г. Пановъ на страницахъ „Дальняго Востока". Разоблаченія для полиціи самыя ординарныя: противозаконные поборы и вымогательство съ населенія г. Хабаровска. Г. Пановъ утверждаетъ, что „самъ Бариновъ новое свѣтило на хабаровскомъ горизонтѣ, но при немъ денежному обывателю совсѣмъ не стало житья, и къ военному губернатору Приморской области поступилъ, за подписями представителей разныхъ фирмъ, рядъ жалобъ на полицейскіе поборы". Полицеймейстеръ Бариновъ, конечно, лицо всесильное въ Хабаровскѣ, и какъ на силу этого Самсона изъ участка указываютъ „на нѣкую" „даму, весьма успѣшную вершительницу выигрышныхъ дѣлъ за административными кулисами".

Дальневосточныя газеты сообщаютъ, что разоблаченія г. Панова подтвердились. Произведеннымъ разслѣдованіемъ установленно, что, кромѣ поборовъ, здѣсь существовало обложеніе проститутокъ особымъ налогомъ въ пользу врачебно-полицейскаго комитета и наблюдающаго врача. Налогъ этотъ приносилъ въ годъ нѣсколько десятковъ тысячъ дохода.

Что въ полиціи берутъ, и не только съ проститутокъ, обывателю это такъ же хорошо извѣстно, какъ и то, что въ полиціи бьютъ смертнымъ боемъ. Поступаютъ такъ представители второго направленія, вымогатели и членовредители. Какъ это происходитъ, при какихъ условіяхъ дортуаръ превращается въ застѣнокъ со всѣми его ужасами, объ этомъ

ярко и безпристрастно свидѣтельствуетъ помѣщенный въ „Омскомъ Вѣстникѣ" отчетъ о разбиравшемся въ іюнѣ въ омской судебной палатѣ громкомъ дѣлѣ о преступленіяхъ по должности полицейскихъ чиновъ г. Семипалатинска.

Скамью подсудимыхъ занимала чуть-ли не вся „полицейская колода", начиная съ туза, бывшаго семипалатинскаго полицеймейстера Карамышева, продолжая такими фигурами, какъ начальникъ сыскной полиціи Кутахъ, приставъ 3-ей части Кларинъ, его помощникъ Ковалевъ, завѣдующій полицейскимъ пристанскимъ постомъ на лодочномъ островѣ Иваницкій, и кончая фосками шестью городовыми.

Преступленія по должности, совершенныя этой компаніей, состояли въ организаціи цѣлой системы истязаній и безпощадныхъ избіеній при производствѣ дознанія лицъ, заподозрѣнныхъ и якобы заподозрѣнныхъ, въ цѣляхъ вынужденія ложныхъ показаній и оговоровъ. Такая система допросовъ на полицейскомъ жаргонѣ называлась „переваломъ" и за освобожденіе отъ него вымогались деньги. Поэтому къ дознанію привлекались не только завѣдомо непричастныя, либо оговоренныя подъ пытками лица, но еще и по вымышленнымъ дѣламъ.

Кромѣ устройства застѣнка и вымогательствъ подъ угрозой пытокъ, всѣмъ подсудимымъ вмѣнялись въ вину подложные протоколы съ ложными свѣдѣніями, съ датами заднимъ числомъ, подтасовка свидѣтельскихъ показаній въ цѣляхъ своего обѣленія передъ слѣдственной властью.

Судебное слѣдствіе составило пять обширныхъ томовъ только по четыремъ обнаруженнымъ дѣламъ, за время съ іюня по октябрь 1909 г. Выдержки изъ добытаго матеріала по этимъ дѣламъ, „случайно выплывшимъ изъ полицейскихъ стѣнъ на судъ общественной совѣсти, развернули, — говорится въ отчетѣ „Омскаго Вѣстника", —подробности,полныя ужаса, крови, безшабашнаго поруганія человѣческаго достоинства и закона".

Нѣтъ возможности привести здѣсь все эти подробности цѣликомъ, вполнѣ воссоздать всю картину примѣнявшихся мучительствъ. Били шашкой въ ножнахъ по головѣ, били ногами въ сапогахъ, отпаивали виномъ и водой и снова били. Били такъ, что избивавшимъ же городовымъ „становилось жалко", и одинъ изъ нихъ, принося на судѣ чисто-

сердечное признаніе, даже расплакался все отъ той же жалости.

Хотя и „жалѣли", но били такъ, что избитыхъ въ безпамятствѣ относили на рукахъ въ каталажку, гдѣ старшій ихъ принималъ, „какъ безчувственно пьяныхъ". Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ объяснялъ на судѣ. Одинъ изъ подвергавшихся „перевалу" вскорѣ умеръ, но „судомъ не установлена причина смерти". Его товарищъ, также выдержавшій пытку и присутствовавшій на судѣ, жаловался, что у него „весь умъ выбили" и что онъ до сихъ поръ нездоровъ, лѣчится. Въ общемъ, истязаніямъ подверглись 9 человѣкъ.

Понятно, что о „перевалѣ" зналъ весь городъ и былъ терроризованъ этимъ словомъ. Но подѣлать ничего не могли, такъ какъ „никакое разслѣдованіе, прошедшее черезъ руки агентовъ бывшаго полицеймейстера, не могло раскрыть правды". Обыватель зналъ, что всякая попытка въ этомъ направленіи будетъ ему дорого стоить.

На сколько вліятельны были главари этой банды, Карамышевъ и Кутахъ, можно судить хотя бы по такому факту, обнаруженному на судѣ. Они выдумали убійство, арестовали человѣка, противъ котораго, конечно, не могло быть уликъ, истязали его, вымогая сперва 100, а потомъ 50 руб. отступного. Когда же убитый нашелся вскорѣ живъ и невредимъ, Карамышевъ все же старался опознать его въ случайно найденномъ трупѣ.

И „перевалъ", и застѣнокъ существовали подъ бокомъ у губернатора и, надо думать, существовали не только съ іюня по октябрь 1909 г. Четыре дѣла, кошмарныхъ, правда, и вопіющихъ, не могли такъ взволновать мѣстное общество, придавленное полицеймейстерской пятой, чтобы дальше трудно было скрывать факты. Когда же это случилось, то губернаторъ Тройницкій поручилъ разслѣдованіе тому же Карамышеву, который „старался всемѣрно скрыть факты", не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Только телеграмма пострадавшихъ на имя предсѣдателя совѣта министровъ измѣнила дѣло, слѣдствіе перешло въ руки вице-губернатора Абазы, и всѣ событія и лица предстали, наконецъ, въ ихъ истинномъ свѣтѣ. „Честные и благородные исполнители своего долга" (какъ называли себя обвиняемые передъ судомъ) приговорены въ арестантскія роты съ лишеніемъ

особыхъ правъ и преимуществъ срокомъ отъ 1 года для низшихъ до 1½ лѣтъ для высшихъ полицейскихъ агентовъ.

Хуже всего то, что семипалатинскій застѣнокъ не можетъ считаться явленіемъ исключительнымъ, не могущимъ повториться или даже рѣдко повторяющимся. Исключительно здѣсь развѣ одно—блестящій составъ подсудимыхъ, все—цари и боги полицейскаго мірка нашихъ городовъ, вяжущіе и разрѣшающіе. Въ семьѣ „дантистовъ“ не они первые, не они послѣдніе. Воздѣйствовать кулакомъ или вообще въ этомъ родѣ на заподозрѣннаго, дабы добиться сознанія, вовсе не считается грѣхомъ.

Вотъ какъ пѣкій Пинчукъ письмомъ въ редакцію „Уссурійской Окраины“ (20 апрѣля 1912 г.) разсказывалъ о допросѣ жандармомъ Плетнемъ пятнадцатилѣтняго извозчика Ивана Чумакова.

Жандарму надо было узнать, кого Чумаковъ везъ на вокзалъ. Сѣдоковъ было двое, одного изъ нихъ извозчикъ зналъ, а другого нѣтъ,о чемъ заявилъ жандарму. Тогда тотъ, „взявъ табуретку, началъ его (Чумакова) бить, чтобы „узнать и другого“, а когда избилъ хорошо и до крови, приказалъ Чумакову умыться и сказалъ: „продержу до утра“, а когда отправлялъ домой, то сказалъ, что у жандармовъ такой законъ: „бить до тѣхъ поръ, пока не сознается“.

Отъ „такого закона“ до семипалатинскаго „перевала“ дистанція не столь большого размѣра...

Обыватель въ массѣ и относится къ полиціи, какъ организаціи, если не обладающей своими особенными законами, то, во всякомъ случаѣ, поставленной внѣ обязательныхъ для всѣхъ остальныхъ законовъ. Въ этомъ убѣждаютъ тѣ факты, когда явныя и грубыя правонарушенія проходятъ безнаказанными для полицейскихъ чиновъ. Уже въ силу одного этого обыватель не можетъ видѣть въ полиціи свою защитницу.

Самая борьба съ преступностью не въ состояніи упрочить за полиціей этотъ титулъ. Не только раскрытіе преступленія, „искорененіе вредныхъ элементовъ“ ведется такъ, что терпитъ отъ него все тотъ же многострадальный обыватель.

Дальневосточныя газеты полны сообщеніями о хунхузахъ, устраивающихъ чрезвычайно дерзкія нападенія. То

они нападаютъ на поѣзда, то появляются на промыслахъ съ требованіемъ уплатить деньги или выдать припасы, грозя въ противномъ случаѣ сжечь строеніе. Мало-мальски спокойно могутъ жить лишь выполнившія требованія хунхузовъ. Отказавшіеся вынуждены прекращать работы и убираться по-добру, по-здорову.

Отъ нападеній хунхузовъ страдаютъ и русскіе переселенцы, и корейцы, и китайцы. И до сихъ поръ борьба съ ними не привела ни къ чему, несмотря на существованіе пограничной стражи, на строгости къ китайцамъ, не имѣющимъ опредѣленныхъ занятій или безпаспортнымъ.

За послѣднее время въ Харбинѣ участились нападенія хунхузовъ, происходившія среди бѣлаго дня. 6 іюля здѣсь произошла перестрѣлка хунхузовъ, засѣвшихъ на чердакѣ, съ полиціей.

Идутъ жалобы на то, что полицейскія власти, преслѣдуя шайки хунхузовъ, не встрѣчаютъ сочувствія среди китайскаго и корейскаго населенія. Они не сообщаютъ ничего о появленіи хунхузовъ, наоборотъ, укрываютъ ихъ и всячески имъ содѣйствуютъ. Такія явленія наблюдаются, но они объясняются не закоренѣлой преступностью, а тѣми способами, какими ведется борьба съ хунхузами.

„Уссурійская Окраина“ сообщаетъ о такой „маленькой ошибкѣ“: „Взятые въ плѣнъ харбинскимъ ротмистромъ Липицкимъ при атакѣ импаня два китайца оказались не хунхузами, а сыновьями владѣльца импаня, взятыми хунхузами въ заложники; остальные 4 плѣнника были работниками въ импанѣ“.

Въ „Океанскомъ Вѣстникѣ“ помѣщена была замѣтка о загадачномъ убійствѣ по поводу обнаруженнаго трупа корейца. Вслѣдъ за этимъ въ той же газетѣ появилось письмо въ редакцію, выяснившее, что ничего загадочнаго здѣсь нѣтъ. Объяснилось все чрезвычайно просто: пьяный солдатъ-пограничникъ повелъ къ начальству корейца, не имѣющаго билета, и по дорогѣ этого корейца по неизвѣстнымъ причинамъ зарубилъ “...Солдатъ самъ,—пишетъ авторъ письма,—при мнѣ и при офицерахъ, не отпираясь, заявилъ, что корейца убилъ онъ, прибавляя, правда, о какихъ-то хунхузахъ, въ числѣ которыхъ будто бы былъ убитый и которые якобы нападали на солдата“.

Съ хунхузами, очевидно, происходитъ та же исторія, что со шпіонами во время японской войны. Тогда почти всѣхъ китайцевъ принимали за шпіоновъ и вѣшали такъ же легко какъ теперь берутъ въ плѣнъ или прикапчиваютъ по пьяному дѣлу. За шпіона и за хунхуза отвѣчать не приходится.

Надо сознаться, впрочемъ, что скоропалительность при мѣняется не къ однимъ китайцамъ, но и вообще заподозрѣннымъ. Близъ Суражевки весной былъ патрулемъ убитъ неизвѣстный, принятый за конокрада и оказавшійся затѣмъ конюхомъ, ѣхавшимъ на хозяйской лошади.

Поведеніе дальневосточной полиціи также очень далеко отъ того, чтобы китайцы относились къ ней иначе, чѣмъ всѣ обыватели. Временный военный судъ въ Харбинѣ недавно слушалъ дѣло о двухъ рядовыхъ, прикомандированныхъ къ мѣстной полиціи. Одинъ изъ нихъ обвинялся въ томъ, что силой пытался отнять у китайца деньги, а другой—въ томъ, что, имѣя возможность остановить грабежъ, не принялъ къ этому мѣръ. Остановили грабителя-полицейскаго сами китайцы.

При такихъ условіяхъ на сочувствіе и помощь разсчитывать трудно.

Очерки сибирской жизни.

Финалъ ленской исторіи.—Типографская забастовка въ Иркутскѣ.—„Потѣшные".—Продовольствіе голодающихъ.

Возмутительное по характеру и обстановкѣ и выходящее изъ ряда вонъ по своему объему преступленіе, совершенное на ленскихъ промыслахъ, возмутительное по той циничной наглости, съ какою оно совершено, раскатилось громкимъ и грознымъ эхо не только по всей русской землѣ, а и по всѣмъ странамъ Западной Европы. Вниманіе всего цивилизованнаго міра было приковано картиной трагедіи русской жизни, развертывавшейся во всѣхъ подробностяхъ на протяженіи трехъ мѣсяцевъ и непрерывно удерживавшее чувство самаго глубокаго возмущенія на одной и той же высотѣ.

Ленская исторія есть только эпизодъ непрерывно, на протяженіи многихъ лѣтъ длящейся трагедіи русской жизни

но эпизодъ характерный именно потому, что въ немъ, какъ въ фокусѣ, были собраны всѣ главные признаки общерусской трагедіи въ ихъ не замаскированномъ видѣ.

Въ этомъ именно заключается главное значеніе всего происшедшаго на Ленѣ -значеніе историческаго предметнаго урока...

Происшедшую на Ленѣ исторію нельзя было ни потушить, ни замаскировать, и потому прибѣгли къ обычному въ наше время, излюбленному средству назначенію сенаторской ревизіи, съ огромными полномочіями ревизующему лицу, непремѣнно компетентному, непремѣнно „независимому".

Но время вѣры въ подвиги, въ компетенцію, безпристрастіе и безкорыстіе сенаторскихъ ревизій уже миновало безвозвратно. Слишкомъ много уже было этихъ ревизій, слишкомъ много они дали фактовъ, устраняющихъ довѣріе къ нимъ. Сенаторская ревизія есть та соломенка, за которую хватается утопающій. Хватаются за нее всѣ, ибо больше не за что ухватиться. Ухватились, было, и ленскіе рабочіе за сенаторскую ревизію С. С. Манухина. Конечно, въ концѣ концовъ утопающіе вмѣстѣ съ соломенкой потутъ, но для власти важно внести въ взволнованную среду хотя бы временное успокоеніе и потушить разгорающійся пожарь.

Но вѣдь и такое значеніе ревизіи имѣетъ временный характеръ. Человѣкъ не быкъ, вниманіе котораго съ неизмѣннымъ успѣхомъ отвлекается кускомъ красной матеріи. Еще нѣсколько сенаторскихъ ревизій и вмѣсто успокоенія, вмѣсто отвлеченія онѣ будутъ только раздражать.

Ревизія С. С. Манухина закончила свою миссію на Ленѣ и возвратилась съ грудой бумагъ и впечатлѣній въ Петербургъ.

Что же она дала, что она выяснила, какъ она отнеслась къ своей задачѣ?

Сказать, что она ничего не дала, нельзя.

Ревизія, благодаря удивительной корректности и готовности рабочихъ содѣйствовать ей въ выясненіи положенія дѣла, благодаря содѣйствію повѣренныхъ рабочихъ, добыла цѣнный матеріалъ, и не смогла или не сумѣла сдѣлать изъ него надлежащихъ выводовъ, не рѣшилась даже принять ни одной изъ тѣхъ мѣръ, которыя подска-

зывались обстоятельствами, чтобъ спасти свою репутацію компетентности, олицетворенія высшей справедливости.

Бастовавшіе до пріѣзда сенатора рабочіе, въ числѣ около 5.000 въ теченіе двухъ съ лишкомъ мѣсяцевъ, терпѣливо ждали у могилъ многихъ десятковъ разстрѣленныхъ рабочихъ того высшаго суда, право на который давала пролитая кровь. Они терпѣли нужду, выносили издѣвательства пріисковой администраціи, слушали стоны израненныхъ и умиравшихъ въ больницахъ товарищей и терпѣливо ждали, строго наблюдая другъ за другомъ, чтобъ не произошло какихъ либо эксцессовъ, чтобъ кто либо изъ молодыхъ и экспансивныхъ товарищей не подалъ какого-либо повода къ обвиненію рабочихъ въ чемъ либо. Они прекратили даже употребленіе водки въ средѣ, гдѣ столь свойственъ широкій разгулъ, гдѣ такъ обычно безшабашное пьянство. Если-бы С. С. Манухинъ могъ оцѣнить значеніе этого выходящаго изъ ряда вонъ факта, онъ уже сразу по пріѣздѣ могъ бы сдѣлать изъ него выводы. Но человѣку сферъ и канцелярій, стоящему далеко отъ русла жизни вникнуть въ это трудно, и вишнь въ томъ его не приходится.

Сенатору Манухину интересно было видѣть пріиски въ ходу, чтобы получить необходимое представленіе объ условіяхъ и характерѣ работъ, о чемъ онъ также не имѣлъ понятія. Рабочіе поняли это и охотно, сразу, даже торжественно, со молебствіемъ и рѣчами, припялись за работу всѣ, какъ одинъ человѣкъ, послѣ двухмѣсячной забастовки, безъ какихъ-либо требованій и условій...

Убѣдительный въ своей наглядности фактъ этотъ поразилъ сенатора, но онъ понялъ его со стороны кротости и послушанья простого русскаго человѣка, не тронутаго соціалъ-демократической пропагандой, и не понялъ психологіи самого факта, т. е., чего это рабочему стоитъ, и не разглядѣлъ въ немъ глубоко страдающей души.

Передъ сенаторомъ прошелъ затѣмъ рядъ фактовъ, особенно поразившихъ его, какъ свѣжаго человѣка, своею наглядностью, фактовъ, привычныхъ на пріискахъ до такой степени, что на нихъ часто и вниманія не обращаютъ. Факты эти—условія работъ, при которыхъ изо дня въ день такъ разрушается человѣческое здоровье, что въ нѣсколько

лѣтъ самый здоровый и сильный физически человѣкъ изнашивается и въ зрѣломъ возрастѣ становится уже никуда негоднымъ калѣкой.—Факты эти—невыносимыя жилищныя условія, въ которыя не всякій хозяинъ ставитъ свой домашній скотъ. Казармы, гдѣ человѣкъ долженъ обогрѣться, обсушиться и отдохнуть, лишены элементарныхъ для этого условій: они сыры, холодны, лишены необходимаго количества свѣта; биткомъ набиты человѣческими тѣлами, они наполняются такими испареніями и смрадомъ отъ тѣлъ и мокрой обуви и одежды, что у свѣжаго человѣка минутное пребываніе въ нихъ вызываетъ дурноту и головокруженіе. Разумѣется, о поддержаніи въ такихъ жилищахъ чистоты и мечтать нечего. Миріады насѣкомыхъ, гнѣздящихся во всѣхъ щеляхъ, довершаютъ картину жилищныхъ условій, въ которыхъ изнуренный тяжелымъ дневнымъ трудомъ человѣкъ долженъ найти покой и отдыхъ для того, чтобы съ ранняго утра вновь продолжать свой каторжный трудъ.

Сенаторъ узналъ здѣсь, чѣмъ и какъ питаются рабочіе, чѣмъ они подтапливаютъ свои организмы, чтобы озолотить товарищей лепскаго предпріятія. Передъ сенаторомъ прошелъ длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній, которыми установлена систематическая выдача негодныхъ, недоброкачественныхъ пищевыхъ продуктовъ, которыми торгуютъ магазины Товарищества. 2 іюля въ камерѣ мирового судьи Рейна, въ качествѣ вещественнаго доказательства, фигурировалъ, между прочимъ, знаменитый кусокъ мяса, послужившій толчкомъ къ забастовкѣ...

На томъ же судѣ другой экспертъ татаринъ въ другихъ кускахъ мяса, отпускавшагося изъ магазиновъ Ленскаго Товарищества рабочимъ, призналъ конину. Кониной, конечно, питается милліонное населеніе, и особой бѣды не было бы въ этомъ, если-бъ, во 1-хъ, на мясо не употреблялись старыя рабочія лошади, завѣдомо никуда не годныя, а во 2-хъ, если-бъ этотъ сортъ мяса не навязывался нашему крестьянину, съ точки зрѣнія котораго употребленіе конины грѣховно и возможно только по невѣдѣнію.

Сенаторъ убѣдился также, что расплату съ рабочими Товарищество производило въ значительной части не деньгами, а талонами, т. е. денежными знаками собственнаго изобрѣтенія. Въ камерѣ упомянутаго выше мирового судьи

было установлено, что въ октябрѣ 1911 г. такихъ талоновъ было выдано 343, въ ноябрѣ 727, въ декабрѣ—970, въ январѣ 1912 г.—1.175, въ февралѣ—1.495. Интересно, что повѣренный Товарищества, присяжный повѣренный Переломовъ самъ привелъ эти цифровыя данныя въ качествѣ матеріала въ пользу своихъ довѣрителей, какъ доказательство, что при среднемъ числѣ постоянныхъ рабочихъ на пріискахъ въ 5000 челов., выдача талоновъ практиковалась рѣдко и въ незначительномъ количествѣ. Удивительно, чему учился въ университетѣ этотъ присяжный повѣренный, основы какой политической экономіи и права онъ тамъ тамъ изучалъ, чтобъ сдѣлать имъ такое примѣненіе? Рабочій, получивъ талонъ, долженъ покупать на него товаръ въ магазинѣ, гдѣ обязательно будетъ сдѣлана уцѣнка этому денежному знаку; эта уцѣнка будетъ еще большей, если рабочій захочетъ обмѣнять талонъ не на товаръ, а на деньги. Для ленскихъ пріисковъ теперь уже установлено, что рабочіе теряли на талонахъ минимумъ десять процентовъ.

Сенаторъ удостовѣрился, что рабочіе обмѣривались и обсчитывались служащими Товарищества, удостовѣрился, что они подвергались со стороны пріисковой администраціи всяческимъ оскорбленіямъ и самоуправнымъ дѣйствіямъ, а женщины насиловались.

Словомъ, передъ сенаторомъ прошелъ цѣлый рядъ фактовъ, удостовѣрившихъ, что у рабочихъ нѣтъ на пріискахъ никакихъ защитниковъ ихъ интересовъ и, наоборотъ, существуетъ чрезвычайно сильная и стройная организація, вооруженная огромною властью, вооруженная знаніемъ всѣхъ казуистическихъ тонкостей нашего свода законовъ, для того, чтобы гнуть рабочихъ въ бараній рогъ ради выгодъ Товарищества. Хозяева положенія, Ленское Товарищество наняло подобранную имъ для своихъ цѣлей пріисковую администрацію и штатъ служащихъ, наняло покладистаго присяжнаго повѣреннаго, заручилось благосклонностью мирового судьи Хитуна и жандармскаго ротмистра Трещенкова. Это была сплоченная и крѣпко связанная компанейскимъ золотомъ компанія для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ многотысячную массу рабочихъ и эксплуатировать ее елико возможно.

Главный виновникъ разстрѣла рабочихъ ротмистръ Тре-

щенковъ, извлекалъ изъ своего усердія въ службѣ Ленскому Товариществу не малыя выгоды.

По книгамъ главноуправляющаго пріисками Бѣлозерова сенаторская ревизія удостовѣрилась, что въ книгѣ представительства Бѣлозерова значатся выдачи ротмистру Трещенкову: 1.000 руб., 800 руб., 600 руб. и ежедневно за весь періодъ до 4-го апрѣля по 15-ти рублей. Но осталось неизвѣстнымъ, сколько этому ротмистру заплачено за его работу 4 апрѣля, хотя и установлено по вырытымъ трупамъ рабочихъ, что, по крайней мѣрѣ, 85% пулевыхъ ранъ причинено въ спину или въ лежавшихъ подъ сыпавшимися выстрѣлами рабочихъ. Эту картину разстрѣла сенатору посчастливилось иллюстрировать добытыми ревизіей матеріалами.

Извѣстно, что употреблялись всѣ способы доказать политическій характеръ забастовки при подстрекательствѣ агитаторовъ. Извѣстно, что подтасовывались факты и выдумывались небылицы для оправданія крайней необходимости дѣйствовать оружіемъ. Сенаторская ревизія установила теперь, что Ленское Товарищество для сокрытія истинной картины разстрѣла занялось инсценировкой вещественныхъ доказательствъ...

И что же, несмотря на собранный ревизіей матеріалъ, свидѣтельствующій о сплошныхъ и длящихся преступленіяхъ, сенаторъ С. С. Манухинъ не нашелъ возможнымъ собственной властью принять ни одной серьезной мѣры для того, чтобъ размотать этотъ клубокъ и облегчить страданія изболѣвшей души многотысячной рабочей массы. Онъ не нашелъ возможнымъ освободить изъ-подъ ареста выборныхъ рабочихъ, которыхъ прокуроръ иркутской судебной палаты Нимандеръ распорядился отправить подъ конвоемъ въ Иркутскъ для суда надъ ними по 124 ст. уголов. уложенія. Онъ не нашелъ возможнымъ арестовать ротмистра Трещенкова, главнаго виновника разстрѣла сотенъ рабочихъ. Онъ не нашелъ возможнымъ обуздать эксплуататоровъ рабочихъ и не сумѣлъ внушить имъ сознанія отвѣтственности за совершавшіяся ими преступленія. Напротивъ, рабочіе видѣли, что все остается по старому, что причинившіе имъ столько горя и зла хозяева и ихъ приспѣшники не только ходятъ съ высокоподнятыми головами, а еще пуще

прежняго издѣваются надъ рабочими, — что, молъ, много взяли!..

Рабочіе, демонстрируя предъ сенаторомъ производство пріисковыхъ работъ, въ то же время вырабатывали условія договора, устанавливающія нормальныя отношенія между работодателями и рабочими.

Ленское Товарищество, сдѣлавъ кое-какія уступки отказало рабочимъ въ удовлетвореніи наиболѣе существенныхъ требованій. Во 1-хъ, оно сдѣлало незначительныя прибавки къ заработной платѣ въ наиболѣе тяжелыхъ мокрыхъ работахъ, понизивъ эту плату для другихъ работъ противъ прежнихъ расцѣнокъ; во 2-хъ, оно отказалось отъ уплаты вознагражденія рабочимъ за нарушеніе стараго договора; въ 3-хъ, оно отказалось уволить служащихъ, виновныхъ въ обманахъ и оскорбленіяхъ рабочихъ.

Ленскіе рабочіе, постановили выѣхать изъ района въ полномъ составѣ и подали С. С. Манухину мотивированную записку.

Принятое рѣшеніе имѣетъ чрезвычайную важность какъ для рабочихъ, такъ и для всего огромнаго Ленскаго предпріятія, такъ какъ на карту были поставлены кровные интересы многотысячной массы и дальнѣйшая судьба многомилліоннаго предпріятія. Между борющимися интересами образовалась такая пропасть, чрезъ которую не удалось перебросить мостъ.

Ближайшими послѣдствіями принятаго рѣшенія явилась паника въ мѣстномъ торговомъ мірѣ, грядущія банкротства и замираніе торговой жизни, въ которую втянуты масса людей и огромные капиталы. Мѣстное отдѣленіе государственнаго банка тотчасъ же реагировало на это сокращеніемъ учета векселей и прекращеніемъ выдачи ссудъ подъ товары.

Для многотысячной массы рабочихъ, потерявшихъ единственный источникъ существованія, потерявшихъ самую дорогую, въ смыслѣ заработка, часть года, и особенно для ихъ семей, принятое рѣшеніе сопровождалось крайне угнетеннымъ состояніемъ.

Стали готовиться спѣшно къ выѣзду съ пріисковъ нѣсколькими партіями, первая изъ которыхъ должна была сѣсть на пароходъ 3 іюля. Всего съ Ленскихъ пріисковъ выѣзжаетъ 5132 рабочихъ, раздѣленныхъ на 5 очередей. Но и

гутъ, при наличности обострепныхъ отношеній, дѣло не обошлось безъ старыхъ, привычныхъ пріемовъ пріисковой администраціи, которая не стѣснялась ни въ обсчетѣ, ни въ прижимкахъ рабочихъ.

Ленская администрація пускала въ ходъ всѣ ухищренія, чтобъ задержать эвакуацію, чтобы заставить рабочихъ сдаться, чтобы вынудить ихъ на выгодную для нея ликвидацію исковъ.

Она предлагала дать рабочимъ, которые откажутся отъ исковъ, безплатный проѣздъ и содержаніе и по 10 руб. на человѣка. Но предложеніе это отклонено и расклейка объявленій не допущена.

Въ концѣ концовъ, отправка рабочихъ состоялась.

4 іюля отбыла изъ Бодайбо на Жигалово и Иркутскъ первая партія рабочихъ въ количествѣ до 1.000 человѣкъ и благополучно прибыла въ Киренскъ 8 іюля. „Сибирь“ говоритъ, что „въ числѣ выѣхавшихъ рабочихъ не мало такихъ, которые не могли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выбраться отсюда вслѣдствіе ничтожнаго заработка. Готовятся къ отъѣзду ожидающіе очереди съ большимъ нетерпѣніемъ и радостью. Серьезнымъ является вопросъ о матеріальной необезпеченности ѣдущихъ“.

8 іюля состоялась отправка второй партіи изъ Бодайбо. Масса провожавшихъ заполнила берегъ. Двѣ отходившія баржи были переполнены. Передъ самымъ отходомъ выборный рабочій обращается къ товарищамъ: „Братья! Всѣмъ, кто намъ сочувствовалъ, кто сколько нибудь съ нами переживалъ наши страданія, мы шлемъ свой прощальный привѣтъ!... Мы еще разъ благодаримъ присяжныхъ повѣренныхъ и тѣхъ, кто послалъ ихъ“. Троекратное ура, дружное, горячее прорѣзываетъ нѣмую, торжественную тишину и несется по рѣкѣ. Машутъ шапками, шлютъ пожеланія счастливаго пути.

13 іюля отправлена третья партія рабочихъ съ пріисковъ Андреевскаго, Утесистаго и другихъ, въ числѣ 1800 человѣкъ съ женами и дѣтьми. На берегу послѣ молебна рабочими былъ организованъ митингъ, на которомъ говорившіе рабочіе, вспоминая событія 4 апрѣля въ періодѣ мирной борьбы за улучшеніе своего тяжелаго положенія, призывали товарищей такъ же мирно держаться и въ пути.

Настроеніе рабочихъ, какъ передаетъ „Сибирь“, бодрое,

острота пережитаго миновала. Только опустѣвшія пріисковыя казармы, гдѣ еще такъ недавно кипѣла жизнь, словно въ муравейникѣ, теперь производятъ жуткое впечатлѣніе, опустѣло и на самыхъ работахъ, гдѣ, вмѣсто обычнаго шеститысячнаго комплекта, осталось около 1000 рабочихъ, къ тому же не приспособленныхъ къ пріисковымъ, въ особенности мокрымъ работамъ.

Ленское Товарищество дѣлаетъ усилія подобрать артели опытныхъ рабочихъ съ другихъ пріисковъ, но безуспѣшно: охотниковъ ѣхать въ Бодайбо очень мало. Не даромъ правленіе Ленскаго Товарищества предлагало тюремному вѣдомству построить на свой счетъ на пріискахъ каторжную тюрьму и содержать ее на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы воспользоваться трудомъ каторжниковъ за опредѣленную плату.

Вѣдомство отъ предложенія отказалось, не находя возможнымъ входить въ сдѣлку съ частнымъ предпріятіемъ. Хотя Ленское Товарищество и мечтало о собственныхъ каторжныхъ рабочихъ, но что можетъ дать каторжный трудъ? Результаты примѣненія его въ весьма широкомъ масштабѣ на постройкѣ Амурской желѣзной дороги у него передъ глазами. Чиновникъ—не коммерсантъ и швырять казенными деньгами на какія угодно дикія и несообразныя затѣи ему ничего не стоитъ. Товариществу же должно бы быть яснымъ, что съ учрежденіемъ каторжныхъ работъ для предпріятія наступитъ гибель.

Съ отъѣздомъ рабочихъ ликвидацію ленской исторіи нельзя еще считать законченной. Остаются еще дѣла и удовлетворенію ихъ исковыхъ претензій, кромѣ тѣхъ, которыя удовлетворены по требованію министра торговли Тимашева, въ размѣрѣ 12.600 руб., какъ переборъ Товарищества съ рабочихъ въ теченіе года.

Какой же все-таки итогъ ревизіи сенатора С. С. Манухина. Вѣдь нельзя же ему приписать всѣхъ тѣхъ положительныхъ результатовъ, какіе извлечены изъ ленской исторіи. Эти результаты добыты самими рабочими, благодаря ихъ такту, выдержкѣ и большому коллективному здравому смыслу. Сенаторъ Манухинъ кой въ чемъ имъ содѣйствовалъ кой въ чемъ не мѣшалъ, можетъ быть, предупредилъ новые провокаціонные подвиги ротмистра Трещенкова, Бѣлозерова

и Компаніи. Но развѣ въ этомъ была задача сенаторской ревизіи, такого громоздкаго и дорогого механизма?

Если сенаторъ не смогъ сдѣлать ничего существеннаго для даннаго случая, то онъ имѣлъ полную возможность собрать весьма цѣнный матеріалъ въ области, гдѣ ни одинъ министръ никогда не бывалъ и не имѣлъ понятія о томъ, что тамъ творится. Этотъ матеріалъ нуженъ не для „Русской Старины", въ которой онъ появится черезъ сколько-то лѣтъ, а нуженъ сейчасъ.

Съ 1826 года, когда было положено начало золотопромысловому дѣлу въ Сибири, золотопромышленность развилась въ ней какъ никакая другая. Здѣсь ежегодно добывается золота на 30—40 милліоновъ рублей и въ многочисленныхъ предпріятіяхъ, разсѣянныхъ по всей территоріи Сибири, участвуетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. То, что совершалось на Ленѣ, происходитъ изъ году въ годъ постоянно и всюду, но далекая и глухая тайга молчитъ о томъ горѣ и несчастіяхъ, въ атмосферѣ которыхъ влачитъ свою долю рабочая масса. Порядки на пріискахъ всюду одни и тѣ же, всюду человѣкъ низведенъ на степень рабочей скотины, изъ которой выматываются жилы и высасываются соки.

Всюду на пріискахъ жилищныя условія невозможныя, продукты недоброкачественные, а расцѣнки ихъ высокія. Существуетъ цѣлая категорія пріисковъ, на которыхъ прибыль получается не отъ операцій съ намытымъ золотомъ, а отъ тѣхъ магазиновъ, въ которыхъ продаются недоброкачественные припасы, мануфактурная заваль и разные ненужные предметы. Существуетъ цѣлая категорія пріисковъ, гдѣ золото моютъ, какъ говорится въ Сибири, на деревянной бочкѣ, т. е. гдѣ торгуютъ водкой, гдѣ за водку принимаютъ похищенное золото, обувь, одежду и т. п. Всюду на пріискахъ практикуется обмѣръ и обсчетъ рабочихъ и расправа, подчасъ очень жестокая, съ наиболѣе непокладистыми. Тамъ, гдѣ пріисковая администрація ужъ очень зарвется въ погонѣ за быстрымъ обогащеніемъ, вспыхиваютъ и такъ называемые бунты, которые усмиряются мѣстными командами безъ такого шума, какой устроилъ на Ленѣ пересусердствовавшій жандармскій ротмистръ. Тайга все это видитъ и слышитъ—и молчитъ. Министръ, конечно, объ этомъ тоже знаетъ въ большинствѣ случаевъ, потому то онъ такъ твердо и

громко и говоритъ, что „такъ было, такъ будетъ". Что „такъ было", это вѣрно, но что „такъ не будетъ", не должно быть, не можетъ быть, это долженъ сказать ревизующій сенаторъ министру, и сказать также громко, чтобъ эхомъ раскатилось по всей странѣ.

Всюду на пріискахъ у хозяевъ и пріисковой администраціи есть цѣлая іерархія ея сторонниковъ и защитниковъ интересовъ, работающихъ, конечно, не безкорыстно, начиная съ урядника и полицейскаго стражника и кончая горнымъ ревизоромъ. Давно-ли всѣ члены этой іерархіи получали на „законномъ основаніи", совершенно открыто, по разсчету отъ 50 коп. до 2—3 руб. на каждаго рабочаго, отъ администраціи пріисковъ это „положеніе". Сто рабочихъ на пріискѣ, и, значитъ, 100 р. получитъ горный исправникъ, 200 р. окружной инженеръ, 50 р. священникъ и т. д. Это въ совершенно мирное время, при „нормальныхъ" условіяхъ. „Инциденты" же всегда оплачивались особо, въ зависимости отъ ихъ качества и размѣровъ. Можно сказать навѣрное, что эти обычные всюду для недавняго времени порядки, преемственно продолжаютъ дѣйствовать и въ наши дни.

Только у рабочихъ на пріискахъ нѣтъ никакихъ сторонниковъ и защитниковъ ихъ интересовъ. Самая наличность этихъ „интересовъ" пріисковой администраціей совершенно отрицается, потому что не суббота для человѣка существуетъ, а человѣкъ для субботы.

Вотъ какое значеніе и цѣнность можетъ имѣть тотъ матеріалъ, которымъ обогатила Лена ревизующаго сенатора.

Но мы не думаемъ, что изъ этого матеріала будутъ сдѣланы надлежащіе выводы, которыхъ требуетъ жизнь, а не министерская или сенатская канцелярія. Это могутъ сдѣлать лишь облеченные довѣріемъ общества его представители.

Въ періодъ забастовки проясняется правосознаніе рабочаго. Больно ущемленный перспективой потери заработка и ухудшеніемъ его матеріальнаго положенія до голоданія, включительно, рабочій по необходимости сосредоточиваетъ всѣ силы своего ума надъ своимъ положеніемъ. Чувство солидарности крѣпнетъ и группа лицъ, захваченныхъ общимъ страданіемъ, объединяется и развиваетъ сознательную борьбу съ врагомъ за право сноснаго экономическаго существованія

Это значеніе забастовки ясно проявилось среди ленскихъ рабочихъ.

Далекіе отъ Лены рабочіе Петербурга, Москвы и многихъ мѣстъ Европейской Россіи реагировали на ленскую забастовку открытымъ заявленіемъ своей солидарности съ ленскими рабочими и въ иныхъ случаяхъ также бастовали только на этомъ основаніи, не ставя никакихъ требованій, лишь бы выразить свое сочувствіе, а во многихъ другихъ подъ вліяніемъ ленской забастовки они глубже разобрались въ своемъ положеніи и потребовали улучшенія ихъ матеріальнаго положенія.

Въ Сибири почти нѣтъ фабрично-заводскихъ производствъ, нѣтъ поэтому и такого, какъ въ Россіи, кадра болѣе или менѣе организованныхъ, сознательныхъ рабочихъ. Чуть ли не единственное исключеніе изъ этого составляютъ въ Сибири типографскіе рабочіе. И здѣсь именно они такъ или иначе реагировали на ленскую забастовку.

Семь недѣль тому назадъ въ Иркутскѣ возникла забастовка среди рабочихъ типографіи „Макушина и Посохина" по спеціальному поводу, но не безъ того, чтобы ленскія событія не играли тутъ никакой роли.

Утромъ 1 іюня нѣкоторымъ поденнымъ рабочимъ было объявлено типографіей, что они за лѣтніе мѣсяцы будутъ разсчитываться сдѣльно,—поденные рабочіе покинули мастерскія. Слѣдомъ за ними прекратили работы и всѣ остальные рабочіе типографіи, требуя назначенія жалованья. Хотя требованіе это не было удовлетворено, они мирно разошлись по домамъ. Всего забастовало около 350 человѣкъ.

Объ этомъ въ тотъ же день стало извѣстно въ городѣ, и уже съ утра 2 іюня забастовали кондитеры и пекари четырехъ иркутскихъ кондитерскихъ заведеній. Основанія къ забастовкѣ были тѣ же, что и въ типографіи,—хозяева кондитерскихъ предложили перевести мѣсячныхъ служащихъ на поденную плату, съ примѣненіемъ вычетовъ за праздничные дни; кондитеры, въ свою очередь, выдвинули передъ хозяевами требованіе—отмѣнить поденный разсчетъ и вычеты за праздничные дни, а пекари, кромѣ того, потребовали освобожденія ихъ отъ ночной работы съ воскресенья на понедѣльникъ.

11 іюля жители Знаменскаго предмѣстья остались безъ

РАБОЧИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ

воды: водовозы отказались возить воду по старой цѣнѣ. 12 іюля они пошли по домамъ и предложили увеличить плату на 20 коп. въ мѣсяцъ за ушатъ воды. Для устраненія конкуренціи водовозы распредѣлили предмѣстье по районамъ между собою. Обыватели, конечно, должны были дать просимую прибавку.

Типографская забастовка продолжается до сихъ поръ, въ теченіе вотъ уже 50 дней, почти ежедневно дополняя картину взаимныхъ отношеній работадателей и рабочихъ новымъ матеріаломъ. Борьба капитала съ трудомъ и столкновеніе діаметрально противоположныхъ интересовъ въ высокой степени поучительны для борющихся сторонъ и должны многому ихъ научить.

Управленіе типографіей, желая повысить доходность предпріятія, страдающаго отъ конкуренціи, отъ недостатка работъ, а точнѣе—отъ расширенія предпринимательскихъ аппетитовъ, отобрало 13 челов. рабочихъ и объявило имъ о переводѣ на сдѣльныя работы. Это была со стороны типографіи проба, ловкій ходъ для того, чтобы, если проба удастся, продѣлать переводъ на сдѣльную плату и всѣхъ остальныхъ рабочихъ. Но проба не удалась, рабочіе, зная недостаточную обезпеченность типографіи шрифтами и матеріаломъ въ техническомъ отношеніи, зная необезпеченность ея и заказами, отказались отъ этого перевода и потребовали разсчета; они вынуждены были такъ поступить уже потому, что съ переводомъ на сдѣльную плату имъ была предложена въ то же время понижепная противъ обычной въ Иркутскѣ расцѣнка.

Всѣ остальные рабочіе, правильно оцѣнивъ тактику владѣльца типографіи и свое положеніе, не стали дожидаться, когда и съ ними будетъ продѣлано то же, что съ 13 товарищами, рѣшили поддержать ихъ и, не предъявляя никакихъ особыхъ требованій, ушли съ работъ.

Полная остановка работъ въ самой большой въ Иркутскѣ типографіи не могла не отозваться очень быстро. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ управленія Забайкальской желѣзной дороги, всѣ заказы которой были сданы типографіи Посохина, оказался недостатокъ необходимыхъ бланковъ, а печатаніе приказовъ по дорогѣ и „Вѣстника Забайкальской дороги“ и совсѣмъ прекратилось, что самымъ серьезнымъ образомъ нарушило

интересы такого огромнаго хозяйства, каково желѣзнодорожное.

На выручку дорогѣ явилось сыскное отдѣленіе, возбудившее противъ владѣльца типографіи В. М. Посохина преслѣдованіе по 1359 ст. улож. о наказ., которая гласитъ: „Если содержатель фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ, прежде истеченія условленнаго съ рабочими сихъ заведеній времени, самовольно понизитъ плату своихъ работниковъ . . . . . то они за сіе подвергаются денежному взысканію отъ 100 до 300 руб. и, сверхъ того, обязаны вознаградить за понесенные вслѣдствіе сего рабочими убытки“.

Такъ какъ работы не налаживались, а типографія несла убытки и не исполняла принятыхъ на себя обязательствъ, то владѣльцемъ былъ командированъ въ Европейскую Россію ея довѣренный г. Бобровскій для найма новыхъ типографскихъ рабочихъ. На пути имъ наняты были рабочіе въ Красноярскѣ и Томскѣ и въ числѣ около 20 человѣкъ прибыли въ Иркутскъ 4 -6 іюля. Здѣсь ихъ встрѣчала администрація типографіи и прямо съ вокзала увозила на Посохинскій дворъ, гдѣ и размѣщала въ товарныхъ кладовыхъ. Но усердствовавшій для хозяевъ довѣренный Бобровскій, что называется, переборщилъ. Вновь прибывшіе типографщики скоро убѣдились, что они были жестоко обмануты этимъ господиномъ, давненько извѣстнымъ въ Иркутскѣ своими талантами, дѣлавшими его ненавистнымъ въ акцизной средѣ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ служилъ бухгалтеромъ акцизнаго управленія. Г. Бобровскій при наймѣ рабочихъ объявлялъ, что въ иркутской типографіи Макушина и Посохина уже работаетъ болѣе половины бастовавшихъ рабочихъ, и, кромѣ того, ежедневно является на работу по нѣскольку человѣкъ вновь поступающихъ. При этомъ онъ забралъ паспорты у нанятыхъ въ Красноярскѣ рабочихъ, выдавая имъ подъ росписки деньги „на дорогу“, въ суммѣ отъ 15 до 20 рублей каждому. Нанятые же имъ въ Красноярскѣ трое мальчиковъ, въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, соблазненные обѣщаніями г. Бобровскаго, пріѣхали въ Иркутскъ на свой счетъ, получивъ лишь при наймѣ по рублю „на харчи“. Администрація типографіи также старалась поддержать обманъ и увѣряла рабочихъ, что на дняхъ должны прибыть „47 рабочихъ“, нанятыхъ въ Томскѣ.

Разобравшись въ своемъ положеніи, рабочіе чуть ли не на другой день по пріѣздѣ въ Иркутскъ обратились къ присяжному повѣренному Разумовскому съ заявленіемъ, что ихъ обманули и, скрывъ о длящейся въ типографіи забастовкѣ, тѣмъ самымъ поставили въ безвыходное положеніе, да еще предоставили подъ квартиру негодное для жилья помѣщеніе. Заявивъ повѣренному, что при такихъ условіяхъ они не могутъ встать на работу, а не имѣя на рукахъ документовъ, они не могутъ двинуться, чтобы обезпечить себя работой, рабочіе просили совѣта и указаній, что имъ дѣлать.—Они и администрацію типографіи предупредили, что изъ солидарности съ бастующими впредь до улаженія возникшаго конфликта они къ работамъ не приступятъ. Къ красноярцамъ присоединился и рабочій, прибывшій изъ Верхнеудинска.

7 іюля В. М. Посохинъ подалъ иркутскому полицеймейстеру заявленіе, которое заключаетъ словами: „Усматривая, что нанятыхъ рабочихъ снимаютъ забастовщики, прошу произвести по этому поводу дознаніе и дать дѣлу законный ходъ. Я до послѣдняго времени не позволялъ себѣ дѣлать какихъ либо официальныхъ заявленій о самовольномъ уходѣ рабочихъ съ работъ и о законномъ ихъ преслѣдованіи, но нынѣ, въ виду проявленнаго ими самими желанія уничтожить мое предпріятіе, вынужденъ сообщить объ этомъ и просить объ огражденіи моихъ законныхъ правъ".

Очевидно, владѣлецъ типографіи потерялъ голову, если ему стало мерещиться „уничтоженіе предпріятія". Онъ почему то полагаетъ, что рабочіе—его рабы и обязаны блюсти только его интересы и не должны смѣть свое сужденіе имѣть о тѣхъ экспериментахъ, какіе заблагоразсудится произвести хозяину въ погонѣ за своими барышами. Онъ не хочетъ понять, что рабочій воленъ продавать свой трудъ по той цѣнѣ, какая ему кажется необходимой, и ни о какомъ „самовольномъ уходѣ съ работъ", невыгодныхъ рабочему, не можетъ быть и рѣчи, и потому нечего обращаться за полицейской помощью въ столкновеніи, гдѣ не было мѣста ни насилію, ни какимъ либо безчинствамъ. Проще было бы г. Посохину обратиться за помощью къ арестантскому труду и сторговаться съ тюремщиками на счетъ подходящихъ расцѣнокъ.

Полиція все-таки вняла мольбѣ г. Посохина и въ ночь на 8 іюля произвела нѣсколько обысковъ въ квартирахъ забастовавшихъ рабочихъ, вторично арестовавъ наборщиковъ: Новаковскаго и Зарубина; печатниковъ Газевича и Копылова (первый—изъ числа выборныхъ) и машиниста Дара, остававшагося все время забастовки при исполненіи своихъ обязанностей. На квартирѣ Новаковскаго былъ задержанъ прибывшій изъ Красноярска рабочій Васильевъ. Всѣ задержанные были отправлены въ охранное отдѣленіе, откуда, послѣ опроса ихъ, освобождены въ тотъ же день.

При допросѣ въ полиціи вновь прибывшихъ рабочихъ о причинахъ отказа ихъ встать на работу, они заявили, что ихъ обманули при наймѣ, увѣривъ, что забастовка прекратилась.

Такъ какъ администрація типографіи отказалась выдать не ставшимъ на работу паспорта на руки, то полиція должна бы проявить въ этомъ незаконномъ задержаніи и непосредственно относящемся къ ея компетенціи нарушеніи свою власть, но она не торопится съ этимъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ иркутскихъ газетъ, забастовка рабочихъ типографіи Макушина и Посохина продолжается. Настроеніе рабочихъ по прежнему бодрое. Къ работамъ рѣшено не приступать впредь до удовлетворенія администраціей типографіи всѣхъ требованій рабочихъ. Переворы объ улаженіи конфликта прекращены.

12, 13 и 14 іюля забастовали рабочіе всѣхъ иркутскихъ типографій, желая этимъ выразить свое сочувствіе рабочимъ типографіи Посохина, бастовавшимъ уже 45 дней, исключительно благодаря упорству хозяина, не желающаго удовлетворить требованіе рабочихъ. По этой причинѣ въ теченіе трехъ дней не выходили и газеты „Сибирь“, печатающаяся въ типографіи И. И. Казанцева, и „Сибирскій Край“, печатающійся въ типографіи М. П. Окунева.

Совѣтъ управленія Забайкальской желѣзной дороги, по докладу начальника матеріальной службы, постановилъ объявить конкуренцію по сдачѣ типографскихъ срочныхъ работъ, задержанныхъ въ исполненіи контрагентомъ управленія В. М. Посохинымъ. Въ случаѣ передачи этихъ работъ въ другія руки уплата за нихъ будетъ отнесена на счетъ типографіи г. Посохина.

Есть основаніе полагать, что изъ забастовки г. Посохинъ желаетъ извлечь кой-какія выгоды. Подъ рукой распускаются слухи, что забастовкой руководятъ владѣльцы типографій Казанцевъ и Окуневъ. „Такое заявленіе,—говоритъ „Сибирскій Край",—для Посохина, какъ контрагента Забайкальской желѣзной дороги можетъ быть выгодно въ смыслѣ улаженія своихъ договорныхъ отношеній съ управленіемъ дороги по поставкѣ типографскихъ работъ, такъ какъ забастовка эта, если она дѣйствительно была бы политическая, а не экономическая, можетъ избавить фирму Макушина и Посохина отъ матеріальныхъ потерь и можетъ создать такое положеніе, что желѣзнодорожный типографскій подрядъ, взятый отъ управленія дороги по цѣнамъ на столько низкимъ, что Посохинъ долженъ нести ежегодно убытка отъ него до 30.000 руб,, будетъ вновь сданъ съ торговъ, на которыхъ Посохинъ можетъ взять его на болѣе выгодныхъ условіяхъ".

Заинтересованная слухами о тѣхъ объясненіяхъ „дѣйствительныхъ причинъ" забастовки, которыя далъ г. Посохинъ и его управляющій „гдѣ слѣдуетъ", газета „Сибирь" ребромъ и безъ обиняковъ ставитъ г. Посохину требованіе открыто и гласно отвѣтить: 1) кого онъ обвиняетъ въ создавшемся забастовочномъ положеніи, 2) указать истинныя, по его мнѣнію, причины забастовки и 3) вѣренъ ли циркулирующій по городу слухъ, что г.г. Посохинъ и его управляющій Розенъ обвиняютъ: мѣстныя газеты въ подстрекательствѣ къ забастовкѣ, отдѣльныхъ лицъ и конкурентовъ-типографовъ...

Очевидно, мѣсто, гдѣ г.г. Посохинъ и Розенъ давали свои объясненія „дѣйствительныхъ причинъ" происшедшей забастовки—сыскное отдѣленіе.

Что жъ,—дѣйствовать во славу охранки теперь модное средство отъ всѣхъ болѣзней.

При нашей общепризнанной отсталости и некультурности, которыя особенно чувствительно даютъ себя знать при соревнованіи съ болѣе культурными народами на почвѣ экономическихъ отношеній и, можно сказать, ежедневно причиняютъ тотъ или иной ущербъ и убытки, казалось бы, надо всѣ мѣры и усилія направить въ одну сторону—просвѣще-

нія массъ. Намъ необходимо какъ можно скорѣе сократить отдѣляющее насъ отъ культурныхъ народовъ разстояніе, засыпать пропасть, раздѣляющую насъ, и научиться умѣнью пользоваться и дарами природы, и тѣмъ разумомъ, какимъ каждый человѣкъ надѣленъ. Что же мы, на самомъ дѣлѣ, видимъ? Мы всѣ усилія направляемъ какъ разъ для полученія обратныхъ результатовъ, мы увеличиваемъ разстояніе, расширяемъ пропасть. Какіе этапы на пути просвѣщенія нашихъ массъ мы проходимъ въ послѣдніе годы? Была полоса пинкертоновщины, сплошь захватившая одно время всѣхъ отъ мала до велика, какъ зараза какая. Прошла эта тяжелая болѣзнь, смѣнившись другою—порнографической литературой. Схлынула, наконецъ, и эта кошмарная болѣзнь, уступившая свое мѣсто кинематографу, этому вреднѣйшему суррогату наглядnаго обученія, въ которомъ та же порнографія и пинкертоновщина и величайшая пошлость нашли свое выраженіе въ лицахъ и дѣйствіяхъ. Кинематографы положительно отвадили людей отъ серьезнаго чтенія, отъ изученія, отъ исканія, отъ труда. Кинематографами покрылась вся Сибирь, и не только большіе и малые города, а уже и крупныя села. Помилуйте, за двугривенный, въ какой нибудь часъ времени какихъ только диковинокъ не пересмотритъ человѣкъ, какихъ ощущеній не переживетъ! Сколько времени еще протянется эта полоса необычайнаго верхоглядства, неизвѣстно, но, несомнѣнно, что она стала какой-то принадлежностью нашей жизни.

И вотъ народилась еще полоса „потѣшничество“, какъ, якобы, серьезный и необходимый элементъ воспитанія нашего юношества, который такъ называемые умные и серьезные люди стремятся культивировать, придавъ ему соотвѣтствующую организацію, привлекая къ нему общественное вниманіе гдѣ ласковыми словами, гдѣ угрозой, требуя на осуществленіе нелѣпой и вредной въ своей основѣ затѣи затраты крупныхъ общественныхъ средствъ.

Пинкертоновщина, порнографія, иллюзіонъ просто предлагались желающимъ, какъ тотъ фонарь, который неудержимо привлекаетъ къ себѣ бабочекъ. „Потѣшное“ дѣло навязывается, какъ нѣчто серьезное, какъ нѣчто такое, что его апологеты ставятъ во главу физическаго воспитанія, какъ

вѣрное средство выработать въ человѣкѣ гражданскія доблести.

Сибирь отъ Вѣрнаго до Владивостока и Харбина втянута въ „потѣшное“ дѣло и за этотъ годъ принесла не малыя жертвы на алтарь фельдфебельской выдумки. Тысячи сибирскихъ школьниковъ разнаго возраста муштровались подъ командой фельдфебелей и разнаго ранга воинскихъ чиновъ, обучаясь на „ученьяхъ“ строю, шагистикѣ, ружейнымъ пріемамъ, маршировкѣ, разнымъ артикуламъ. Фельдфебеля, увѣренные въ томъ, что за получаемое жалованье они дѣлаютъ серьезное, государственной важности, дѣло, „тыкали“ малышей, обучая ихъ дисциплинѣ и дружному „здравья желать“, разнымъ высоко и просто „ствамъ“.

На экипировку, игрушечныя ружья, ранцы и тому подобную поддѣлку подъ настоящихъ солдатъ затрачивались не малыя средства; „учителямъ“ „потѣшныхъ“ платилось жалованье; на только что закончившуюся отправку въ Петербургъ на смотръ затрачены и того болѣе крупныя средства.

Само собою разумѣется, что строевыя ученья отодвинули подлинное школьное ученье совсѣмъ на задній планъ: до него ли тутъ, когда идетъ рѣчь о такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ „потѣшное“. Раньше отдавалось „дѣлу время, а потѣхѣ—часъ“, а теперь мы заѣхали въ такой тупикъ, гдѣ все стало шиворотъ—наоборотъ.

Въ Петербургѣ совершится событіе — смотръ „потѣшныхъ“, въ числѣ 8½ тысячъ. Для сибирскаго читателя, вѣроятно, будетъ интересно побывать на частичныхъ смотрахъ и полюбоваться на результаты ученія и сборы въ дальній путь если не во всѣхъ, то хотя бы нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ завелись „потѣшные“. Доставимъ ему это удовольствіе и начнемъ съ запада.

Вотъ плацъ Больше-Алматинской станицы близъ Вѣрнаго. Передъ хоругвями и иконами, вынесенными изъ собора, за группой всякаго начальства, въ палящій зной іюньскаго дня стоятъ въ конномъ строю казачата Семирѣчья, въ возрастѣ 11—15 лѣтъ, въ числѣ 60 человѣкъ. Лихо сидятъ они на коняхъ, радуя сердца отцовъ и дѣдовъ, участниковъ былыхъ походовъ, а пуще всего радуя начальство. Они должны пройти конннымъ маршемъ, эшелономъ подъ командой подъэсаула и хорунжаго семисотверстное разстоя-

ніе, пока доберутся до вагоновъ Ташкентской желѣзной дороги. Вдохновляемые наказнымъ атаманомъ, казаки растрясли скудную мошну, затратили болѣе десяти тысячъ рублей станичныхъ суммъ на „потѣшную“ затѣю.

Вотъ Ново-Николаевскъ съ его желѣзнодорожнымъ училищемъ, около котораго каждый вечеръ происходили занятія съ „потѣшными“, подъ наблюденіемъ коменданта станціи. Здѣсь „потѣшные“ отбывали лагерный сборъ и ежедневно муштровались подъ музыку, обучаясь церемоніальному маршу. 9 іюля они двинулись въ путь, а 14 должны были предстать передъ ясныя очи большого мастера и знатока всякаго рода „потѣшныхъ“ дѣлъ, повелителя Степного края Шмита. Въ этотъ день назначенъ былъ общій смотръ „потѣшнымъ“ омскимъ и только что прибывшимъ семипалатинскимъ и новониколаевскимъ. 17 іюля всѣ они должны отправиться въ Петербургъ.

Въ городѣ повелителя Степного края, въ Омскѣ, муштровка „потѣшныхъ“ отличалась особымъ стараніемъ и чистотой отдѣлки и, вѣроятно, произведетъ особенный эффектъ въ Петербургѣ. Экономическая же сторона этого дѣла была возложена на мѣстнаго губернатора, который вошелъ въ Омскую городскую думу съ обстоятельнымъ докладомъ, гдѣ расходы по поѣздкѣ „потѣшныхъ“ на смотръ были исчислены въ суммѣ 3400 руб., а именно: расходы по поѣздкѣ на 1 человѣка исчислены въ 25 р.: билеты въ оба конца 9 р., суточные 5 р., содержаніе въ Петербургѣ 5 р. и на удовольствія 5 р. Обмундированіе 18 чел. 8 приходскаго училища—150 р., обмундированіе 28 воспитанниковъ учительской семинаріи—140 р., содержаніе фельдшера и инструкторовъ 80 р.

Къ отправкѣ предназначено 124 воспитанника: 10 чел. изъ 5-класснаго городского училища; 18 чел. изъ 4-класснаго городского училища; 37 чел. изъ 8-го приходскаго училища, 25 чел. изъ учительской семинаріи и 25 „потѣшныхъ“, такъ сказать, прирожденныхъ, при саперномъ батальонѣ. Воспитанниковъ будутъ сопровождать директоръ учительской семинаріи, завѣдующіе городскими училищами, завѣдующій 8-мъ приходскимъ училищемъ, 2 офицера-инструктора и фельдшеръ.

Видите, какъ серьезно, съ какимъ тонкимъ пониманіемъ сущности здѣсь поставлено было это дѣло.

Но Омская дума подкузьмила и всѣ эти выкладки разстроила. Когда въ засѣданіи 6 іюля очередь дошла въ думѣ до обсужденія заслушаннаго доклада, гласные точно воды въ ротъ набрали, молчатъ да и только. Какъ ни понукали ихъ голова высказаться—сидятъ, да отмалчиваются. Наконецъ, одинъ гласный рѣшился нарушить длительное молчаніе возгласомъ: „Что тутъ высказываться, ставьте на баллотировку шарами!“ За этимъ возгласомъ еще одинъ гласный набрался смѣлости и „высказался“. Знаете, какъ иной мальчуганъ, приступая къ первому лѣтнему купанью, раздѣвается и никакъ не можетъ осмѣлиться зайти въ воду, подойдетъ, спуститъ конецъ ноги и выдернетъ—холодно. И, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ такихъ пробъ, совѣтовъ и насмѣшекъ товарищей, вдругъ, съ разбѣгу, бултыхъ въ воду. Такъ именно съ разбѣгу высказался и гласный Волковъ за ассигнованіе „въ виду просвѣтительной цѣли настоящей поѣздки—подготовки молодыхъ людей, будущихъ защитниковъ отечества, къ военной службѣ“ („Омскій Вѣстникъ“).

Поставилъ голова вопросъ, и закрытой баллотировкой, большинствомъ двухъ третей голосовъ губернаторскую просьбу не признали заслуживающей уваженія.

И какъ это законодатели не догадались ввести въ Городовое Положеніе статью, по которой всѣ предложенія начальства должны рѣшаться открытымъ голосованіемъ. Шалишь, тогда бы ни одно губернаторское предложеніе не проваливалось...

О Томскѣ, пожалуй, хоть и не говорить, такъ въ пору. тутъ собрались такіе спеціалисты по части „потѣшныхъ“ дѣлъ, что только поискать такихъ: Федоровъ, Лаврентьевъ Грант,—все столпы отечества, потомки тѣхъ трехъ китовъ на которыхъ когда-то вся земля держалась.

Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, „потѣшные“, изъ учениковъ реальнаго училища, въ числѣ около полуторыхъ сотъ человѣкъ, усиленно тренировались и совершали по люднымъ улицамъ Томска шаганіе церемоніальнымъ маршемъ въ полной аммуниціи, предшествуемые барабанщикомъ и оркестромъ собственныхъ музыкантовъ. Шествіе за-

ключалось „потѣшной“ лошадкой, запряженной въ таратайку. Мальчишки были неизмѣнными спутниками „потѣшныхъ», выражавшими искреннее сочувствіе. Публика въ домахъ, потревоженная уличнымъ шумомъ и музыкой, высыпала къ къ окнамъ и не мало потѣшалась зрѣлищемъ того, какъ люди всякъ по своему сходятъ съ ума.

15 іюля отрядъ этотъ выѣхалъ въ Петербургъ, исключивъ передъ моментомъ отъѣзда изъ своей среды четырехъ реалистовъ-евреевъ. Безъ этого припѣва въ наше время ни одна пѣсня не поется.

Прежде чѣмъ разстаться съ томскими „потѣшниками“, надо разсказать одинъ эпизодъ, не лишенный характерности. На дворѣ реальнаго училища происходитъ репетиція. Щели заборовъ затянуты, чтобъ постороннiй глазъ не видѣлъ, что тамъ происходитъ. На верандѣ наблюдаютъ за ученьемъ „потѣшныхъ“ дѣлъ мастеръ А. Ф. Федоровъ (онъ же директоръ реальнаго училища) и его гость —губернаторъ П. К. Гранъ. Подаютъ визитную карточку сотрудника одной изъ мѣстныхъ газетъ. Хозяинъ любезно приглашаетъ пришедшаго къ себѣ на веранду, но только въ качествѣ гостя, а не репортера. Сотрудникъ остается лицезрѣть репетицію „потѣшныхъ“ въ избранномъ обществѣ. Репетиція кончилась, редакція ждетъ отчета очевидца, потому какъ ни какъ—событіе. „Не могу“, говоритъ сотрудникъ редактору на требованіе отчета, „далъ слово ничего не писать и даже никому ничего не говорить о томъ, что видѣлъ“. И слово сдержалъ.

За какимъ же, съ позволенія сказать, чортомъ болтался здѣсь сотрудникъ газеты, какъ говорится, уважающій себя? Чтобъ на склонѣ дней разсказать объ этомъ въ своихъ мемуарахъ для „Русской Старины“?

Получилась исторія не весьма „потѣшная“. Но поѣдемте, читатель, дальше, въ Иркутскъ.

„Потѣшные“, расквартированные въ глазковской желѣзнодорожной школѣ, были привезены въ Иркутскъ въ количествѣ шестидесяти трехъ человѣкъ, но трое отправлены обратно, вслѣдствіе недостаточности размѣровъ помѣщенія, 9-го іюля „потѣшнымъ“ назначенъ былъ на циклодромѣ общества велосипедистовъ-любителей смотръ, который происходилъ въ присутствіи генералъ-губернатора Л. М. Князева, командующаго войсками округа и начальника Забайкальской же-

лѣзной дороги Ѳ. Кнорринга, спеціально къ этому дню пріурочившаго свое возвращеніе изъ служебной поѣздки.

11 іюля состоялся отъѣздъ въ Петербургъ желѣзнодорожныхъ „потѣшныхъ". Сопровождать ихъ были назначены учителя Буренинъ и Пятидесятниковъ, но отъ этой чести оба отказались, чтобы не подчиняться во время командировки сопровождающему—офицеру. Но было бы болото, а черти найдутся,—на мѣсто отказавшихся назначили другихъ, болѣе покладистыхъ, и отправили.

Переберемтесь во Владивостокъ, гдѣ изъ-за „потѣшныхъ" поднята такая суета, гдѣ къ этому дѣлу были привлечены не только городъ, а и сельскія общества.

Изъ самаго Владивостока директоръ гимназіи снарядилъ 80 „потѣшныхъ" гимназистовъ. По подсчету расходъ по поѣздкѣ исчисленъ въ 12.000 руб. Директоръ гимназіи обратился за деньгами къ думскому кошельку, но дума въ деньгахъ отказала. Пришлось искать ихъ на сторонѣ и выкручивать разными неправдами, и все таки не хватаетъ $2^1/_2$ тысячъ рублей. Снова обращается къ думѣ уже военный губернаторъ съ требованіемъ недостающихъ денегъ.

Въ засѣданіи 27 іюня этотъ вопросъ опять разсматривался, вопреки городовому положенію, такъ какъ не стоялъ въ повѣсткѣ гласнымъ. Но по времени и закону примѣненіе бываетъ. Здѣсь, какъ и въ Омскѣ, поведеніе гласныхъ было тожественное — длительное молчаніе. Одинъ гласный рѣшился все-таки удостовѣрить, что въ городѣ слишкомъ еще недостаточно школъ и цѣлесообразнѣе употреблять деньги на этотъ предметъ. Но какъ и въ Омскѣ, нашелся и здѣсь свой Волковъ, въ лицѣ гласнаго Кохановскаго, среди думскаго безмолвія громко утверждавшій, что „для сколько-нибудь развитой молодежи поѣздка эта необходима" („Далекая Окраина"). Послѣ цѣлаго ряда закрытыхъ баллотировокъ дума ассигновала 1000 руб. на поѣздку „потѣшныхъ".

По распоряженію главнаго начальника края къ „потѣшному" дѣлу привлечены и сельскія школы — 40 учениковъ Янчихинской школы и 48 Новокіевской. На поѣздку ихъ Янчихинскимъ сельскимъ обществомъ ассигновано 1500 руб. и Новокіевскимъ 1000 руб. Для встрѣчи и сопровожденія во Владивостокъ потѣшной организаціи сельскихъ школъ выѣхалъ въ Посьетъ инспекторъ народныхъ училищъ.

Во Владивостокъ сельскіе потѣшные прибыли 30 іюня и отправлены въ лагери 12 Сибирскаго стрѣлковаго полка, гдѣ и жили до дня отправки въ С.-Петербургъ (8 іюля) въ приготовленныхъ для нихъ помѣщеніяхъ.

Управленіе Китайско-Восточной желѣзной дороги предоставило для проѣзда отъ Владивостока до Манчжуріи „потѣшныхъ“ изъ Уссурійскаго края въ числѣ 170 человѣкъ при 10 сопровождающихъ лицахъ пять вагоновъ 3 класса и одинъ товарный подъ кухню („Приамурская Жизнь“).

Сдѣлаемте, читатель, еще одну, послѣднюю экскурсію, въ Харбинъ, для полноты картины. 7 іюля здѣсь, во дворѣ коммерческихъ училищъ состоялся предварительный смотръ 53 учениковъ училища. На смотру присутствовали генералъ-лейтенанты Аѳанасьевъ и Мартыновъ, генералъ-маіоръ Доріанъ, помощникъ управляющаго дорогой князь Хилковъ, начальникъ службы эксплуатаціи дѣйствительный статскій совѣтникъ Гинце, директоръ училищъ г. Борзовъ и другія начальствующія лица.

Ученики, подъ военный оркестръ желѣзнодорожнаго батальона, нѣсколько разъ проходили церемоніальнымъ маршемъ и дѣлали различныя построенія, заслуживъ благодарность генералъ-лейтенанта Мартынова, разразившагося рѣчью, въ которой онъ указалъ на значеніе военной гимнастики для каждаго гражданина, обязаннаго быть готовымъ во всякое время стать на защиту отечества.

12 іюля отрядъ „потѣшныхъ“ выѣхалъ изъ Харбина въ Петербургъ. Управленіемъ Китайско-Восточной желѣзной дороги ему предоставлены 2 пульмановскихъ вагона 3 класса прямымъ сообщеніемъ до Петербурга“ („Харбинскій Вѣстникъ“).

Бѣда, коль пироги печи начнетъ сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ...

Западную половину Сибири въ минувшемъ году постигло великое бѣдствіе, въ видѣ полнаго неурожая хлѣба и травъ и не только вызвало матеріальное оскудѣніе, а стоило многихъ и многихъ жизней отъ голода, недоѣданія, болѣзней.

Повсемѣстно общество, въ составѣ организацій и отдѣльныхъ лицъ, отозвалось на это страшное общее бѣдствіе и

проявило свою готовность и энергію въ дѣлѣ помощи и облегченія страданій. Но явился „сапожникъ“ съ властнымъ окрикомъ: „не смѣть помогать, не смѣть собирать деньги, не смѣть образовывать кружки и собранія,—еще крамолу разведете—безъ васъ все будетъ сдѣлано, что надо“.

И „сапожникъ“ разогналъ сердобольныхъ людей, потушилъ пламя общественнаго подвига. Самъ сталъ распоряжаться казенными и общественными деньгами и развелъ такую канцелярщину, отъ которой и теперь стонетъ населеніе, накапунѣ новаго урожая.

Приведемъ иллюстрацію того, какъ „сапожникъ“ организовалъ продовольственную кампанію въ Тюменскомъ уѣздѣ. Она можетъ служить образцомъ того умѣнья и пониманія „сапожникомъ“ общественныхъ дѣлъ, какія имъ были проявлены и въ другихъ мѣстахъ.

Тюменскій уѣздъ Тобольской губ. относится къ числу наиболѣе жестоко пострадавшихъ и потому наиболѣе нуждавшихся въ хорошо организованной помощи. Въ Тюмени началъ дѣйствовать отдѣлъ Общества Краснаго Креста, руководимый представителемъ главнаго управленія этого учрежденія полковникомъ Барсовымъ. Отдѣлъ открылъ въ уѣздѣ болѣе ста столовыхъ, кормилъ тысячи голодающихъ.

23 іюня этотъ уполномоченный Краснаго Креста является въ Тюмень и отдаетъ отдѣлу приказъ закрыть всѣ столовыя въ уѣздѣ къ 1 іюля, ликвидировать все дѣло къ 15 іюля и не позднѣе 1 августа закончить всю отчетность. Какъ предсѣдатель ни доказывалъ этому „сапожнику“ всю никчемность и несостоятельность его требованія, какъ ни разжевывалъ ему, что отъ Краснаго Креста дальнѣйшихъ денежныхъ ассигнованій не потребуется, что всѣ столовыя обезпечены продуктами до 15 іюля и что продукты эти безплатно развезены по столовымъ самими крестьянами на далекія разстоянія, полковникъ настаивалъ на закрытіи столовыхъ 1 іюля и на продажѣ оставшихся въ столовыхъ продуктовъ.

Предсѣдатель созвалъ 25 іюня на засѣданіе членовъ Комитета для обсужденія создавшагося положенія. Изъ сообщеній врачей, мировыхъ судей и др. завѣдующихъ продовольственной помощью въ разныхъ районахъ выяснилось, что по всему Тюменскому уѣзду, въ виду ощущающейся

крайней нужды среди населенія, значительнаго количества больныхъ цынгой и постоянно возникающихъ на почвѣ недоѣданія желудочныхъ заболѣваній, необходимо продолжать питательную помощь, по крайней мѣрѣ, до 15 іюля, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каменской, Ѳоминской, Елашской и Великанской волостей, по крайней мѣрѣ, до 1 августа, такъ какъ населеніе этого района не могло принять участія въ общественныхъ работахъ за отдаленностью ихъ, за отсутствіемъ лошадей, за необходимостью разработки отведенныхъ участковъ подъ пашни, за непосѣвомъ озимыхъ и недосѣвомъ яровыхъ полей и крайней вообще бѣдностью населенія...

Сообразно съ выяснившимся положеніемъ Комитетъ и вынесъ постановленіе. Но полковникъ Барсовъ продолжалъ стоять на своемъ и телеграммой изъ Тобольска предсѣдателю отдѣла отдалъ распоряженіе „закрыть всѣ столовыя въ Тюменскомъ уѣздѣ къ 1 іюля". Предсѣдатель, въ свою очередь, отвѣтилъ ретивому полковнику по телеграфу же, что во многихъ селеніяхъ уѣзда продолжается острая нужда, держатся цынготныя заболѣванія, а потому большей части столовыхъ закрыть нельзя раньше 1 августа, о чемъ просятъ врачи, крестьянскіе начальники и само населеніе. Очевидно изъ этого, что и голодъ, и цынга со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями держатся до сихъ поръ въ уѣздѣ, и это удостовѣряютъ самыя компетентныя мѣстныя лица.

Уполномоченный Краснаго Креста окончательно распалился гнѣвомъ и вмѣшалъ въ это дѣло губернатора Станкевича, который телеграммой потребовалъ закрытія столовыхъ 10 іюля (только потому не съ перваго числа, что оно въ это время уже прошло!) и полной ликвидаціи дѣлъ Комитета къ 15 іюля.

Комитетъ, обсудивъ этотъ вопросъ, постановилъ послать предсѣдателю Тобольскаго Краснаго Креста, т. е. губернатору, слѣдующую телеграмму:

„Правленіе на засѣданіи 4 іюля постановило согласно предъявленному требованію всѣ столовыя закрыть къ десятому іюля и оставшееся незначительное количество продуктовъ раздать по 92 статьѣ. Въ виду выяснившейся крайней нужды населенія переселенческихъ поселковъ Толстаго, Средней Бухталь, Красный Яръ, Козьмодемьяновскаго, Михайловскаго, Покровскаго и Новоалександровскаго, гдѣ есть

больные цынгой и тифомъ, продолжить продовольствіе населенія до перваго августа на имѣющіеся у Комитета средства отъ „колоса ржи“ и частныя пожертвованія“ („Вѣстникъ Западной Сибири“).

Какую нужно имѣть энергію, выдержку и любовь къ дѣлу, чтобы независимо отъ огромнаго прямого отвѣтственнаго дѣла, вести еще вотъ такую борьбу съ „сапожниками“ продовольственной кампаніи, вести борьбу съ поставщиками припасовъ, никогда не стѣсняющимися урвать изъ суммы голоднаго ниццаго, что удастся.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ этой борьбы въ томъ же Тюменскомъ уѣздѣ. У хлѣботорговца В. Л. Жернакова мѣстнымъ комитетомъ Краснаго Креста было пріобрѣтено на нужды голодныхъ 1000 пудовъ ржаной муки и гречневой крупы, которые и были отправлены пароходомъ въ с.с. Іевлево и Тавду. Какъ мука, такъ и крупа оказались недоброкачественными, а именно: мука крупнаго помола и затхлая, а крупа затхлая, заплѣснѣвѣлая. Удостовѣрившіе это, мировой судья Неудачинъ и врачъ Раевскій также констатировали, что во многихъ мѣшкахъ былъ недовѣсъ.

Чтобы насъ не заподозрили въ черезчуръ большой односторонности и обобщеніи единичныхъ случаевъ дѣятельности „сапожниковъ“, приведемъ еще примѣръ изъ дѣятельности другого вѣдомства и въ другомъ районѣ.

Въ качествѣ кормового продукта для скота продовольственной организаціей переселенческаго управленія были закуплены жмыхи, по цѣнѣ отъ 85 коп. до 1 руб. 17 коп. на мѣстахъ. Съ накладными расходами по доставкѣ жмыхи обошлись приблизительно по 1 руб. 50 коп. за пудъ. Заготовка началась очень поздно—во второй половинѣ зимы. Доставка къ мѣсту назначенія, на желѣзнодорожныя станціи Акмолинской области и Тобольской губерніи, закончилась въ распутицу, когда населеніе лишено уже было возможности воспользоваться жмыхами вслѣдствіе испорченности пути, несмотря на крайнюю нужду въ нихъ.

Затѣмъ, вскорѣ же по стаяніи снѣга наступила теплая весна, и скотъ сталъ пользоваться сначала ветошью изъподъ снѣга, а затѣмъ перешелъ и на зелень. Жмыхи остались безъ употребленія, вмѣстѣ съ запоздавшимъ сѣномъ заготовки того же переселенческаго управленія.

Общее количество оставшихся жмыховъ—200.000 пуд. Всѣ ихъ продали коммерсантамъ по очень низкой цѣнѣ 53 коп. пудъ, а жмыховая ломь, которой набралась четвертая часть, продана и того дешевле—по 30 коп. за пудъ.

Такимъ образомъ, операція со жмыхами, благодаря несвоевременной заготовкѣ и доставкѣ, закончилась съ громаднѣйшимъ убыткомъ—болѣе 200.000 руб. („Омскій Вѣстн.").

Вотъ работа „сапожниковъ". Лучше бы они не совались не въ свое дѣло!

Столичныя газеты о Сибири.

Ротмистръ Трещенко, принятый, было, подъ крыло „Новымъ Временемъ", привлеченъ, наконецъ, къ отвѣтственности.

Этотъ послѣдній актъ ленской трагедіи являлся неизбѣжнымъ логическимъ заключеніемъ миссіи сенатора Манухина, но русская жизнь дала столько примѣровъ всевозможныхъ нелепостей, что кончись для г. Трещенки дѣло даже иначе,—пожалуй, мало бы кто удивился.

Съ чѣмъ, спрашивается, сообразно самое образованіе Ленскаго Товарищества въ видѣ „государства въ государствѣ". свободный захватъ имъ 40 тысячъ десятинъ земли, его безпримѣрная увѣренность въ своей безнаказанности, позволившая ему додуматься до предложенія—легализировать творившееся на пріискахъ, разрѣшивъ компаніи „собственную" каторжную тюрьму съ принудительнымъ трудомъ каторжанъ?

Эта увѣренность не покинула его и до сихъ поръ: какъ телеграфируютъ столичнымъ газетамъ, прибывшей 11 іюля въ Усть-Кутъ партіи ленскихъ рабочихъ коммиссіонеръ Товарищества заявилъ,—

что пріисковые рабочіе должны изъ Усткута слѣдовать на свой счетъ. Рабочіе предъявили приставу и коммиссіонеру объявленіе за подписью Бѣлозерова, по которому товарищество обязалось всѣхъ рабочихъ доставить въ Жигалово съ продовольствіемъ за счетъ товарищества. Посланы были телеграммы въ Бодайбо губернатору и къ товариществу о выясненіи неправильной отправки рабочихъ. 12-го іюля комиссіонеръ получилъ распоряженіе отправить и выдать кормовые за счетъ товарищества.

Да, рабочіе хорошо знали,—съ кѣмъ имѣютъ дѣло! Если

даже сейчасъ, когда за Усть-Кутами, Жигаловыми слѣдятъ во всѣ глаза, Товарищество пытается обмануть, то что же будетъ поздней осенью, въ тайгѣ, на пріискахъ? Къ чему сведется новый договоръ? Останется, какъ и прежній, на бумагѣ.

Коммиссіонеръ-то въ Усть-Кутѣ вѣдь дѣйствовалъ не собственной властью, а на основаніи телеграммы главноуправляющаго.

Покровительствуемый тѣмъ же „Новымъ Временемъ“ другой сибирскій „дѣятель“, владивостокскій С. Д. Меркуловъ, выступилъ въ Петербургѣ съ проектомъ особаго правительственнаго банка для поддержки на Дальнемъ Востокѣ частной иниціативы.

Банкъ,—по мысли г. Меркулова,—долженъ быть учрежденъ съ капиталомъ въ 10 милліоновъ рублей и находиться въ одномъ изъ городовъ Приамурья. Во главѣ банка стоитъ директоръ по назначенію генералъ-губернатора съ согласія совѣта министровъ и въ совѣтъ банка входятъ представители министерствъ, городскихъ самоуправленій Приамурья, биржевыхъ комитетовъ и обществъ взаимнаго кредита. Банку предоставляются широкія права по оказанію кредита даже безъ обезпеченія, лишь подъ соло-векселя мѣстнымъ промышленникамъ русскимъ подданнымъ. Процентъ не долженъ быть выше 8. Черезъ пять лѣтъ банкъ платитъ государственному банку 4% за непогашенный капиталъ. Весь капиталъ банка дѣлится на 20,000 акцій, по 5.000 рублей каждая, при чемъ онѣ могутъ быть покупаемы и перепродаваемы только русскимъ подданнымъ съ согласія совѣта банка.

Противъ облегченія условій кредита трудно что-либо возразить, но при широкихъ правахъ на „соло-кредитъ“ 10 милліоновъ хватитъ не надолго. Это совершенно ясно изъ предпосылки, сдѣланной вышеназванной газетой.

Причину переживаемаго Приамурьемъ денежнаго кризиса и цѣлаго ряда банкротствъ, „Новое Время“, а вмѣстѣ съ нимъ, надо думать, и г. Меркуловъ, видитъ въ „сокращеніи кредитовъ со стороны казны на строительство“.

Съ 1891 г. Приамурье получило за золото 900 милліоновъ рублей и въ видѣ дефицита осталось свыше 300 милліоновъ рублей, т. е. 1.200 милліоновъ извнѣ принесенныхъ въ край денегъ. И при такомъ огромномъ количествѣ денегъ не образовалось сколько-нибудь крупной промышленности. Уссурійская дорога, крѣпости и т. п. оцѣниваются всего около 500 милліоновъ рублей. А земледѣліе, каменноугольное дѣло, лѣсопромышленность и другіе экономическіе факторы, обогащающіе населеніе? И изъ Европейской Россіи вывезено товаровъ весьма немного. Куда

же дѣвались всѣ эти средства? Они ушли за границу: въ Европу, Китай, Японію и т. д.

Ну, а куда же уйдутъ 10 милліоновъ будущаго особаго банка?

Развѣ послѣ отмѣны г. Гондатти „желтаго труда“ что-нибудь измѣнилось? Появились въ достаточномъ числѣ русскія рабочія руки? Вообще стала возможна инпціатива? Появились пути и дороги, безъ которыхъ всѣ богатства остаются мертвыми?

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ сообщенія другихъ газетъ.

На второмъ консервномъ заводѣ „Бирича и Демби“, построенномъ близъ устья рѣки Камчатки, — телеграфируютъ изъ камчатскаго Петропавловска „Русскому Слову“,—

работаютъ до 500 японцевъ, 6 норвежцевъ и ни одного русскаго. Заводскій докторъ—также японецъ, который обслуживаетъ и первый заводъ, а также и все окрестное населеніе, лишенное русской медицинской помощи. На первомъ заводѣ рабочіе—корейцы, русско-подданные. Русскихъ всего около 70 человѣкъ. Около 40 рабочихъ, яко-бы бастовавшихъ, Биричемъ высланы черезъ Японію. На заводѣ находятся въ роли распорядителей: англичанинъ Баръ, датчанинъ Плаунъ, нѣмецъ Когенъ и братья-норвежцы Сигипи. Интересно, какую роль играютъ Биричъ и Демби, именующіе себя „русской фирмой“?

Послѣ портемутскаго договора, открывшаго японцамъ просторъ въ нашихъ водахъ, правительство, пишетъ „Рѣчь“

попыталось насадить національный промыселъ въ рѣкахъ, которыя всѣ изъяты отъ дѣйствія конвенціи. Чтобы привлечь русскаго предпринимателя, участки на рѣкахъ стали раздавать безъ торговъ за плату „5 коп. съ пуда приготовленныхъ продуктовъ“. При этихъ, казалось бы, льготныхъ условіяхъ, все же рыбопромышленниковъ не нашлось, т. е. нашлись, но что за подборъ! Контръ-адмиралъ въ отставкѣ, капитанъ 2 ранга, полковникъ-артиллеристъ, горный инженеръ, статскій совѣтникъ, фельдшеръ, приказчикъ виноторговли и т. п. Всѣ эти люди, за малымъ исключеніемъ, были знакомы съ рыбой, подаваемой къ обѣденному столу, а изъ рыболовныхъ орудій ясно представляли себѣ только удочку. Слабая сила для конкурированія со сплоченной массой японцевъ, природныхъ рыбаковъ, имѣющихъ кадры опытныхъ рабочихъ, рыболовный флотъ и богатый рынокъ!

Хотя газета и прибавляетъ, что, насаждая русскую промышленность, правительство въ то же время не заботилось ни о средствахъ перевозки ея продуктовъ, ни объ оказаніи кредита промышленникамъ, но все же мы не думаемъ, чтобы фельдшера и статскіе совѣтники могли превратиться въ

спеціалистовъ рыболововъ даже и съ помощью особыхъ банковъ.

Вѣдь безъ чужихъ рукъ имъ все равно не обойтись, а этими руками на Дальнемъ Востокѣ мы на столько не богаты, что ихъ не хватаетъ даже для наличныхъ промысловъ.

Да и могутъ ли онѣ явиться при „ленскомъ взглядѣ“ на рабочую силу? Добровольно въ каторгу никто вѣдь не пойдетъ, а попавши по незнанію,—сбѣжитъ.

Наконецъ, мы просто не умѣемъ удержаться на границѣ „возможнаго“: возможной халатности отношенія къ дѣлу, высоты ставокъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, и т. д., и т. д.

Былъ же у насъ особый банкъ для укрѣпленія русскаго вліянія въ Манчжуріи, и что осталось отъ того и другого? Банкъ на столько отрекся отъ прошлыхъ увлеченій, что даже переименовался, а русская промышленность въ Манчжуріи, какъ и въ Приамурьѣ, придавлена денежнымъ кризисомъ.

Китайско-Восточная дорога, говоритъ корреспондентъ „Рѣчи“, столь же плохо обслуживаетъ русскіе торговые интересы, что и раньше политическіе.

Пока онъ пишетъ и переписываетъ донесенія и отношенія, строитъ и перестраиваетъ пакгаузы, „грузы по-прежнему гніютъ, теряются, тарифы, какъ барометръ въ ясную погоду, интенсивно поднимаются“.

На единственный оставшійся доходный грузъ—бобы—управленіе дороги рѣшило „еще значительно повысить свои тарифныя ставки“, для никольскъ-уссурійскаго меда и воска назначило ихъ „въ размѣрѣ 4 руб. за пудъ, и этотъ грузъ, не родившись, умираетъ“, за дезинфекцію мерлушекъ, сдѣлавъ ее своей монополіей, дорога беретъ по 22 коп. за штуку, что вынудило экспортеровъ обратиться къ услугамъ Южно-Манчжурской желѣзной дороги.

И такъ у насъ поступаютъ во всемъ, забывая, что даже котлы, предназначенные для высокаго давленія, лопаются, если выйти изъ предѣловъ благоразумія.

Обозрѣніе русской жизни.

Жизнь въ столичныхъ канцеляріяхъ замерла,—безостановочно работаетъ среди лѣтняго затишья только „разъяс-

нительная машина". Кое-кто изъ вѣроятныхъ кандидатовъ въ четвертую Думу, какъ графъ Уваровъ, нижегородскіе депутаты А. А. Савельевъ и Г. Р. Кипевейнъ, старообрядческій дѣятель Мельниковъ, уже благополучно устранены. Столь же успѣшно разъясняются въ разныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе замѣтные выборщики, не говоря уже о цѣлыхъ группахъ избирателей,—напримѣръ, евреяхъ.

Между тѣмъ нашъ избирательный законъ и самъ по себѣ, благодаря туманности изложенія, даетъ широкій просторъ ограничительнымъ толкованіямъ.

Такъ, разъясненіе къ статьѣ 62 Положенія о выборахъ неизвѣстно — по какой логикѣ, — лишаетъ избирательныхъ правъ одну категорію лицъ, имѣющихъ въ дѣйствительности иногда даже двойной цензъ. Это—„лица, принадлежащія къ составу сельскихъ и волостныхъ обществъ". Если таковыя владѣютъ землей въ томъ же уѣздѣ, гдѣ приписаны къ волостному обществу, то не пользуются избирательнымъ правомъ ни какъ горожане, ни какъ землевладѣльцы, ибо они

не подлежатъ внесенію въ списки землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей по сему уѣзду, хотя бы и владѣли установленнымъ для того цензомъ, совершенно независимо отъ того, гдѣ они проживаютъ, и ведутъ ли лично хозяйство, или нѣтъ, а также владѣютъ ли они надѣльной землей и участвуютъ ли лично въ волостномъ избирательномъ сходѣ, или нѣтъ. Крестьяне же, владѣющіе цензомъ внѣ предѣловъ уѣзда, къ сельскому или волостному обществу коего они приписаны, подлежатъ внесенію въ списки избирателей по мѣсту владѣнія цензомъ на общемъ основаніи.

Такимъ образомъ, принадлежность къ своему уѣзду является какимъ-то опорачивающимъ обстоятельствомъ.

Избирательныя права горожанъ, не владѣющихъ торговыми предпріятіями или недвижимой собственностью, тоже зачастую висятъ на волоскѣ. Достаточно, напримѣръ, переѣхать на дачу, не оставивъ за собой квартиру, чтобы вы оказались не попавшими въ списки. Правда, если они къ вашему возвращенію въ городъ еще не будутъ опубликованы, то можно добиться, чтобы васъ включили въ нихъ. Но какихъ это стоитъ хлопотъ, да и, по милости нашей канцелярской волокиты, не всегда они увѣнчиваются успѣхомъ своевременно: пока право - то возвращаютъ, глядишь— и выборы кончились...

На фонѣ равнодушія однихъ и устраненія другихъ — не меркнущимъ пламенемъ рвенія горитъ духовенство.

Совѣтъ министровъ не нашелъ удобнымъ выступленіе синода съ особой выборной деклараціей. „Рѣчь“ объясняетъ это соображеніемъ, что „особыя заслуги требуютъ особой признательности“, а послѣдняя нарушила бы „принципъ равновѣсія, столь строго соблюдаемый въ бюрократическихъ сферахъ“.

Но синодъ слишкомъ далеко ушелъ,—по крайней мѣрѣ, въ своихъ мечтахъ,—отъ скромной роли, отводимой ему на жизненной аренѣ нашимъ законодательствомъ. Неуклонно стремясь къ намѣченной цѣли — найти свое мѣсто въ природѣ, онъ обошелся и безъ разрѣшенія кабинета: выпустилъ, вмѣсто „декларацiи“, „разъясненіе“, по которому выборы священниковъ въ члены Государственной Думы могутъ производиться лишь съ дозволенія епархіальнаго начальства, а епископовъ—съ согласія синода.

Это, конечно, противорѣчитъ пункту 7-му статьи 20-ой Положенія о выборахъ, гласящаго, что представители власти обязаны наблюдать, чтобы должностныя лица и учрежденія никоимъ образомъ не нарушали своимъ вмѣшательствомъ свободы выборовъ. Но синодъ, имѣя въ запасѣ такой аргументъ, какъ „врачу исцѣлися самъ“, предпочелъ называть это не посягательствомъ на свободу выборовъ и волю избирателей, а лишь соблюденіемъ „принципа церковной дисциплины и внутренняго распорядка церковной жизни“, ибо, „по каноническимъ правиламъ“, всякій священно-служитель, оставившій свою паству „безъ благословенной нужды“, даже можетъ быть „изверженъ изъ сана“.

Если церковная власть находитъ этотъ принципъ не каноничнымъ, то „почему же,—спрашиваетъ „Рѣчь“, —Св. синодъ молчалъ шесть лѣтъ и только передъ четвертой Думой вспомнилъ о канонахъ?“

Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости“, въ связи съ предстоящей выборной кампаніей предписало собрать свѣдѣнія относительно всѣхъ провинціальныхъ изданій,—главнымъ образомъ объ ихъ направленіи и сотрудникахъ.

Конечно, тутъ дѣло не въ одномъ желаніи опредѣлить возможный результатъ вліянія печати на ходъ выборовъ,

потому что въ такомъ случаѣ незачѣмъ бы интересоваться сотрудниками...

И выводы анкеты получились не изъ пріятныхъ: большинство газетъ, „по заключенію начальниковъ губерній, которые доставили эти свѣдѣнія, прогрессивнаго и лѣваго направленія". Незначительная же часть правыхъ органовъ „какъ по составу своихъ сотрудниковъ, такъ и благодаря незначительному числу подписчиковъ влачатъ жалкое существованіе".

Въ виду этого, по словамъ газеты, министерство рѣшило, съ одной стороны, придти на помощь существующимъ правымъ изданіямъ, съ другой—поспособствовать возникновенію новыхъ того же рода: въ Одессѣ, Екатеринославлѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ. Предположено также заняться окраинами, „посылавшими до сихъ поръ въ Государственную Думу оппозиціонныхъ депутатовъ", при чемъ средствомъ воздѣйствія будутъ служить наиболѣе дѣйствительные способы: разъясненія и созданіе новыхъ курій.

Послѣднее имѣется въ виду и по отношенію къ духовенству: какъ сообщаетъ та же газета, совѣтъ министровъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ образовать самостоятельныя духовныя куріи въ первой стадіи выборовъ „тамъ, гдѣ выяснится необходимость вліянія на общій составъ выборщиковъ".

Кому отъ неяснаго редактированія законовъ плохо, а правительство, несомнѣнно, не въ накладѣ. Но бываетъ иногда, что и ему кажется не совсѣмъ удобнымъ пользоваться растяжимыми статьями о „чрезвычайномъ порядкѣ".

Такъ случилось съ представленіемъ министра иностранныхъ дѣлъ относительно пріобрѣтенія, въ порядкѣ 17 статьи, земельнаго участка для тавризскаго консульства. Однако, отказавъ, въ виду возможности осуществить эту покупку путемъ запродажной сдѣлки, обезпеченной взаимными неустойками, совѣтъ министровъ прибавляетъ: если же ассигнованіе кредитовъ задержится, то „не встрѣтится, конечно, препятствій къ новому возбужденію вопроса объ отпускѣ нужной суммы въ чрезвычайномъ порядкѣ статьи 17-й смѣтныхъ правилъ".

Достаточно, значитъ, задержки, чтобы вообще статья 17-я пошла въ ходъ, а такъ какъ скоростью нашъ законодательный аппаратъ не похвалится, то возможно ожидать довольно широкаго ея примѣненія...

Разъяснительная дѣятельность, смотря по обстоятельствамъ,—то идетъ параллельно съ законодательною, то задерживается, задерживая одновременно и ходъ жизни.

Изъ „Систематическаго свода указовъ правительствующаго сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ", составленнаго за 1911 годъ П. П. Кузнецовымъ, видно, что сенатскія разъясненія поступаютъ иногда съ такимъ опозданіемъ, при которомъ для вызвавшаго ихъ случая они уже не имѣютъ практическаго значенія.

Въ 1907 года харьковская губернская земская управа обжаловала требованіе губернатора, чтобы на предполагавшемся съѣздѣ земскихъ страховыхъ агентовъ былъ допущенъ непремѣнный членъ губернскаго присутствія. Указъ же сената, признавшій это требованіе „лишеннымъ основаній", послѣдовалъ лишь четыре года спустя, въ концѣ марта 1911 года. Не лучше вышло и съ кассаціей мензелинскихъ выборовъ въ земство на трехлѣтіе 1910—1912 годовъ: они были кассированы имъ черезъ два слишкомъ года, когда уже истекали полномочія гласныхъ даннаго состава.

Всѣ постановленія земствъ, связанныя съ желаніемъ почтить память того или другого писателя, сенатомъ неизмѣнно отмѣняются, со ссылкою на неоднократныя указанія, что „ознаменованіе заслугъ общественныхъ дѣятелей, въ ихъ государственномъ значеніи", не можетъ относиться къ „мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ", удовлетворяемымъ за счетъ земскихъ сборовъ.

Однако, пишутъ „Русскія Вѣдомости", въ томъ же 1911 году многія „земскія собранія дѣлали ассигнованія изъ земскихъ средствъ на увѣковѣченіе памяти П. А. Столыпина, и, несмотря на „неоднократныя разъясненія", не послѣдовало ни протестовъ, ни отмѣны постановленій сенатомъ въ порядкѣ надзора".

Разъяснительное направленіе губернскихъ властей принимаетъ подчасъ даже нѣсколько юмористическій оттѣнокъ. Такъ понадобился спеціальный циркуляръ, что простая перепечатка отчетовъ Государственной Думы или от-

дѣльно думскихъ рѣчей не представляетъ сама по себѣ преступнаго дѣянія.

И все же, еще на дняхъ таврическій вице-губернаторъ не пропустилъ въ симферопольской газетѣ агентскую телеграмму, являвшуюся такой же перепечаткой изъ „Русскаго Инвалида".

Дважды цензурованное извѣстіе нашло, такимъ образомъ, свою кончину подъ перомъ третьяго цензора...

Но это—лишь своеобразное толкованіе закона.

А, вотъ, наказный атаманъ войска донского генералъ Мищенко рѣшилъ проще: прямо просить объ отмѣнѣ уже утвержденнаго и опубликованнаго закона относительно распространенія на г. Новочеркасскъ городового положенія 11 іюня 1892 г.

Новочеркассцы, разсказываетъ „Рѣчь", только что, было, ожили, зашевелились, какъ наказный атаманъ съ областнымъ правленіемъ постановили: въ виду того, что новый законъ уравниваетъ „иногородныхъ" въ правахъ съ казаками, предложить окружнымъ атаманамъ „передать этотъ вопросъ во всѣ станицы для обсужденія его на первыхъ же сборахъ, приговоры которыхъ представить войсковому наказному атаману въ возможно непродолжительномъ времени".

Но мѣстная черная сотня, прибавляетъ газета, пошла еще дальше: уже отправила ходатайство о невведеніи закона, съ прибавкою, что подписавшіе телеграмму иначе не ручаются „за спокойствіе Дона".

Неизвѣстно одно лишь: кто и когда поручалъ имъ охрану его?

Эти претензіи на спасеніе отчества давно, положимъ, вошли въ русскій бытъ. Государство, располагающее самымъ большимъ бюджетомъ, огромнѣйшей арміей, огромнѣйшимъ количествомъ чиновниковъ всѣхъ сортовъ, держится, якобы, только благодаря какому-нибудь десятку „патріотовъ" на городъ. Немножко комично, но вѣдь въ этотъ „десятокъ" вѣритъ само начальство.

Несмотря на предвыборное время, эти „десятки" спасителей отечества въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Казани, усохли до размѣровъ вмѣстимости письменнаго стола г Залѣсскаго или отлынивают отъ своего прямого

назначенія: одинъ такой казанскій отдѣлъ, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", занялся портновскими подрядами на семинаристовъ, другой—алкоголиковъ вытрезвляетъ.

Впрочемъ, тутъ, можетъ быть, сказывается лѣтнее затишье, а къ осени, когда запахнетъ въ воздухѣ „жаренымъ", вернется и былая энергія...

На людей и народы, воинственные по своей природѣ, лѣто, должно быть, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ кровавыхъ происшествій за лѣтніе мѣсяцы.

Дворянинъ Довлетшинъ, пишутъ „Русскому Слову" изъ Белебея, Уфимской губерніи, заподозрѣвъ пятнадцатилѣтняго пастуха въ похищеніи у него ягненка, отправился съ однимъ своимъ односельчаниномъ въ поле, поймалъ пастуха и, привязавъ его къ дереву, разстрѣлялъ.

А затѣмъ, чтобы скрыть слѣды, они разрубили трупъ на куски и зарыли ихъ въ разныхъ мѣстахъ.

Поручикъ Езеровскій, телеграфируютъ „Рѣчи" изъ Пятигорска, избилъ въ вагонѣ трамвая кондуктора, „осмѣлившагося сѣсть въ его присутствіи".

Въ Ессентукахъ войсковымъ старшиной 3-й кубанской казачьей бригады, подполковникомъ Чумаченко, убитъ ночной контролеръ казеннаго парка Барсукъ, сдѣлавшій замѣчаніе, что валяться на травѣ, да еще въ дамской компаніи, не полагается.

Полицейская хроника газетъ, положимъ, во всѣ времена года пестритъ происшествіями, обильно напитанными кровью, и дѣло, значитъ, не столько во вліяніи циклоновъ или антициклоновъ, сколько въ разнузданности нравовъ вообще, усердно поддерживаемой „монополькою". Но отмѣченные три случая характерны по своей необыкновенной „упрощенности": взялъ разстрѣлялъ и разрубилъ на куски изъ-за ягненка, потомъ нашедшагося; взялъ и „ударилъ въ морду" за то, что сѣлъ въ моемъ присутствіи; взялъ повалилъ на скамейку, какъ Чумаченко, и приткнулъ къ ней кинжаломъ, словно жука къ пробкѣ!

Ужасающе примитивный взглядъ на человѣческую личность и человѣческую жизнь... Не менѣе ужасно, что мы съ

нимъ свыклись и почти не замѣчаемъ его проявленія въ другихъ формахъ и областяхъ быта.

О чемъ говоритъ, напримѣръ, недавній циркуляръ г. Кассо относительно „волчьихъ паспортовъ“ для исключенныхъ изъ учебныхъ заведеній, какъ не о той же примитивности?

Неоффиціально „волчьи паспорта“ и раньше существовали, но „секретное оповѣщеніе“ все же разнится отъ опубликованнаго и, слѣдовательно, обязательнаго къ исполненію циркуляра.

Лишить исключенныхъ послѣдней возможности попасть даже въ частныя учебныя заведенія, хотя бы и не пользующіяся никакими правами, развѣ это не равносильно пришпиливанію живого человѣка? Да при томъ еще, таящаго въ себѣ, быть можетъ, всѣ данныя дать Россіи, если не міру, нисколько не менѣе, чѣмъ получитъ она отъ г. Кассо. Сказать про десятилѣтняго мальчика, что онъ уже отпѣтый туница или негодяй,—развѣ это не абсурдъ? Совершенно непростительный даже и для простого обывателя, не говоря уже о педагогахъ. И, однако, этотъ абсурдъ на-лицо.

Библіографія.

1. **Чѣмъ и какъ крестьянину бороться съ кобылкой для защиты посѣвовъ.** *К. Н. Россиковъ.* Краснoярскъ. 1912 г.

2. **Инструкція по борьбѣ съ кобылкою въ Енисейской губ. въ 1912 г.** Составилъ энтомологъ *К. Н. Россиковъ.* Красноярскъ. 1912 г.

3. **Инструкція по борьбѣ съ кобылкою натуральной повинностью въ Енисейской губ. въ 1912 г.** Красноярскъ. 1912 г.

Лѣтомъ этого года въ Енисейской губ. слѣдовало опасаться появленія кобылки. Этимъ, вѣроятно, вызвано было приглашеніе въ губернію изъ Петербурга состоящаго при главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія спеціалиста-энтомолога К. Н. Россикова.

Въ названныхъ трехъ брошюркахъ мы знакомимся съ организаціей борьбы съ кобылкою, и мѣрами этой борьбы, выработанными, очевидно, г. Россиковымъ.

Чтеніе этихъ брошюръ оставляетъ самое тяжелое впечатлѣніе. Совершенная неосвѣдомленность автора ихъ ни съ

мѣстными хозяйственными условіями, ни съ положеніемъ вопроса о борьбѣ съ кобылкой въ Сибири. Г. Россиковъ какъ будто бы съ неба свалился въ Енисейскую губернію и, не успѣвъ встать на ноги и осмотрѣться, началъ изрекать правила поведенія для крестьянъ-хозяевъ.

Въ самыхъ короткихъ словахъ вся организація борьбы сводится къ принудительнымъ мѣрамъ, проводимымъ натуральной повинностью и придуманнымъ внѣ времени и пространства.

Первая статья правилъ, утвержденныхъ енисейскимъ губернаторомъ 26 апрѣля 1912 года, гласитъ: „отбыванію повинности по уничтоженію кобылки подлежатъ лица сельскаго общества съ 10 до 60 лѣтъ".

А что за мѣры, которыми г. Россиковъ проектируетъ уничтожить кобылку?

На первомъ планѣ, это—*вылавливаніе ея сачками съ короткой и длинной ручкой.*

Въ инструкціяхъ дается трогательное по предупредительной подробности описаніе устройства этого сачка, поперечникъ кольца котораго долженъ быть не менѣе и не болѣе $^1/_2$ аршина, не принимая въ разсчетъ толщину стѣнокъ (?) круга кольца. Колпакъ сачка долженъ быть правильной конической формы, т. е. что бы въ вытянутомъ состояніи конецъ его приходился какъ разъ противъ средины круга.

При описаніи этого мало остроумнаго способа ловли кобылки невольно вспоминаются классическія „Письма изъ деревни" Энгельгардта, гдѣ онъ со свойственнымъ ему юморомъ оцѣниваетъ средство борьбы съ блохой, нападающей на ленъ, предложенное извѣстнымъ энтомологомъ К. Э. Линдеманомъ,—обсыпаніе полей сѣрнымъ цвѣтомъ. На предложеніе Энгельгардта своему полевому старостѣ купить въ городѣ сѣрнаго цвѣта онъ услышалъ отъ послѣдняго успокоительное завѣреніе, что въ аптекѣ на пятачекъ сѣрнаго цвѣта даютъ „порядочную бумажку".

Можно себѣ представить картину, какъ на необъятныхъ поляхъ въ Енисейской губерніи лица сельскихъ обществъ всѣхъ возрастовъ, отъ 10 до 60 лѣтъ, съ сачками гоняются за кобылкой!

Но г. Россиковъ рекомендуетъ и мѣры охранительныя: защита полей отъ кобылки достигается проведеніемъ лов-

чихъ или охранныхъ канавъ кругомъ полей, занятыхъ хлѣбами. Вотъ уже работа посерьезнѣе бѣганья съ сачками: извольте-ка окружить всѣ посѣвы канавами глубиной и шириной въ одинъ аршинъ, въ которыхъ на разстояніи сажени вырыты колодцы въ 5—6 вершковъ глубиной.

Но если и этого мало, г. Россиковъ уже совершенно можетъ нагнать ужасъ на населеніе, обязанное утвержденными губернаторомъ правилами натуральной повинности подчиняться его инструкціи: онъ приказываетъ принять мѣры, предупреждающія размноженіе кобылки, и впереди ихъ — уничтоженіе перепашкой всѣхъ необработанныхъ земель среди посѣвовъ: межниковъ, цѣлинныхъ полосъ, полосокъ залежей, дорогъ и пр.

Для сколько нибудь знакомыхъ съ сибирскимъ полевымъ хозяйствомъ этихъ трехъ мѣръ, рекомендуемыхъ г. Россиковымъ въ первую голову, совершенно достаточно, чтобы судить объ его пониманіи мѣстныхъ условій, и чтобы отнестись съ полнымъ недовѣріемъ къ организуемой имъ борьбѣ.

Мы не хотимъ касаться вопроса о компетентности г. Россикова какъ спеціалиста энтомолога. Полагаемъ, что онъ въ совершенствѣ можетъ изучить біологію кобылокъ, дать цѣнный матеріалъ для мѣстныхъ агрономовъ, обязанныхъ выработать мѣры борьбы съ вредителями. Но находимъ совершенно неправильнымъ на энтомолога, да еще пріѣзжаго изъ Петербурга, возлагать выполненіе и второй, практической задачи, проектированія и организаціи мѣръ борьбы съ кобылкою. Сильный въ своей научной спеціальности,—онъ дѣлается смѣшнымъ въ роли практическаго дѣятеля.

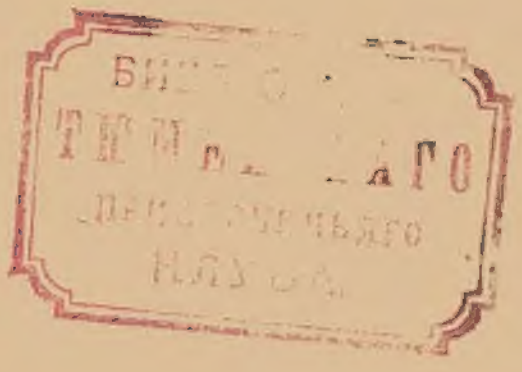
Ни въ одной изъ перечисленныхъ въ заголовкѣ брошюръ ни однимъ намекомъ не упомянуто о необходимости само населеніе ознакомить съ кобылкой, ея жизнью, врагами, возбудить его интересъ къ вопросу о борьбѣ съ кобылкой, вызвать его самодѣятельность.

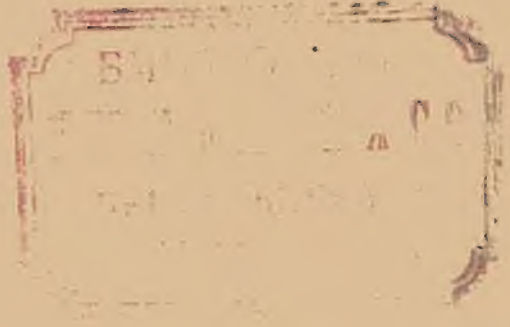
Отъ всѣхъ этихъ инструкцій и правилъ вѣетъ безнадежной шаблонностью и сухостью канцеляріи; это было бы, однако, еще полбѣды: мало ли какихъ циркуляровъ не издаютъ канцеляріи.

Но если вспомнить, что выполненіе правилъ постановле-

ніемъ губернатора дѣлается обязательнымъ, а участіе населенія въ работахъ принудительнымъ, то на ученаго энтомолога ложится уже и отвѣтственность за тотъ сумбуръ и безцѣльную суету, которую онъ вноситъ въ крестьянскую жизнь своими легкомысленными предложеніями.

Н. Скалозубовъ.





Издатель **В. П. Сукачевъ.** Редакторъ **А. И. Иванчинъ-Писаревъ.**

Съ половины іюля въ г. Якутскѣ выходитъ еженедѣльная прогрессивная внѣпартійная газета:

„Якутская Окраина“.

Въ программу газеты входятъ: телеграммы, руководящія статьи по вопросамъ политическимъ, общественнымъ и экономическимъ, мѣстная жизнь, областные вопросы, обозрѣніе россійской и сибирской жизни и пр.

Считая своей основной задачей разработку областныхъ и мѣстныхъ вопросовъ и стремясь, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать развитію культурныхъ и экономическихъ силъ Якутскаго края, наша газета удѣлитъ вниманіе и всестороннему освѣщенію какъ общероссійской, такъ сибирской и дѣйствительности. Стоя на точкѣ зрѣнія общественныхъ интересовъ, въ частности интересовъ труда, **„Якутская Окраина“** даннымъ направленіемъ и будетъ опредѣлять поставленныя себѣ задачи.

БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ

Условія подписки:

Подписная плата:

Для городскихъ подписчиковъ, на 1 мѣс. **50** к., на 3 м. **1** р. **30** к., на 6 м. **2** р. **50** к., на 12 м. **4** р. **50** к.

Для иногороднихъ, на 1 мѣс. **55** к., на 3 м. **1** р. **50** к. на 6 м. **2** р. **75** к., на 12 м. **5** р.

Отдѣльный номеръ 15 коп.

Такса объявленій: Впереди текста 20 к. и позади 15 к. строка петита. Годовыя объявленія по соглашенію. Для Европейской Россіи на 10 к. дороже.

Адресъ: Якутскъ, редакціи газеты „Якутская Окраина“.

Приглашаются корреспонденты.

Редакторъ-издатель **А. К. Новокрещеновъ.**

Инв 8148

Отъ конторы.

Для избѣжанія перерыва въ доставкѣ журнала, при перемѣнѣ адреса, г.г. подписчики благоволятъ **СООБЩАТЬ НЕМЕДЛЕННО СВОЙ НОВЫЙ АДРЕСЪ**, съ обозначеніемъ № печатнаго адреса, по которому получался журналъ, и съ приложеніемъ 40 коп. (почтовыми марками).

Отъ редакціи.

Редакція полагаетъ, что всѣ лица и общественныя учрежденія, кому дорого независимое слово въ борьбѣ за лучшее будущее Сибири, могутъ оказать журналу существенную поддержку, присылая статьи и корреспонденціи на темы, какія въ данный моментъ наиболѣе интересуютъ сибирское населеніе.

Съ просьбой о такомъ содѣйствіи редакція обращается ко всѣмъ сибирякамъ, кто хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями журнала своими мыслями о текущихъ вопросахъ, явленіяхъ и фактахъ сибирской жизни.

Всѣ статьи и корреспонденціи оплачиваются.